ОТЧЕТЪ

о

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1888.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. Глазунова въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.
И. Киммеля въ Ригѣ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1888 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9-я лин., № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Отчетъ о двадцать-девятомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1886 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи К. С. Веселовскимъ	1— 30
I. Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII вв. монографія П. Голубовскаго. Кіевъ. 1884 г. Рецензія составленная Академиками В. В. Радловымъ и А. А. Куникомъ	31— 36
II. Отзывъ о сочиненіи г. Петрова: «Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія, составленный професоромъ Н. П. Дашкевичемъ	37—301
III. Разборъ сочиненія Г. В. Латкина. Земскіе соборы древней Руси. Спб. 1885 г. Составленъ професоромъ В. И. Сергѣевичемъ	302—317
IV. Разборъ сочиненія Г. Загоровскаго о разводѣ по русскому праву. Харьковъ. 1884 г. Составленный професоромъ Н. С. Суворовымъ	318—375

ОТЧЕТЪ

о

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1886 года Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи К. С. Веселовскимъ.

Въ соисканіи наградъ гр. Уварова въ настоящемъ году участвовало девять историческихъ сочиненій. Для ихъ разсмотрѣнія и для постановленія о нихъ приговора Конференція Академіи, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, назначила комиссію, состоявшую, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ г.г. Академиковъ: Я. К. Грота, А. Ѳ. Бычкова, А. Н. Веселовскаго, И. В. Ягича, В. В. Радлова и А. А. Куника.

Ознакомившись съ переданными на ея судъ сочиненіями, комиссія, для ближайшаго разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ, избрала рецензентовъ частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ и пригласила ихъ доставить рецензіи на конкурсныя произведенія къ назначенному для того сроку.

По прочтеніи всѣхъ поступившихъ рецензій и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства конкурсныхъ сочиненій, комиссія положила слѣдующія четыре изъ нихъ удостоить меньшихъ Уваровскихъ наградъ (въ 500 руб. каждая).

I.

Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ. Кіевъ 1884 г. Соч. П. Голубовскаго.

Разсмотрѣніе этого сочиненія комисія поручала академикамъ В. В. Радлову и А. А. Куныку. Въ составленной ими рецензіи они замѣчаютъ, что русская исторія, въ теченіе древняго, средняго и новаго ея періодовъ, столь тѣсно связана съ судьбою различныхъ азіятскихъ народовъ, что для вѣрнаго ея пониманія, въ противуположность другимъ европейскимъ государствамъ, необходимо обстоятельно изучить бытъ различныхъ кочевниковъ Тюркскаго племени и выяснить какъ обстоятельства, обусловившія выселеніе ихъ изъ Азіи, такъ равно и тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ различныя орды, продержавшись нѣсколько столѣтій на рубежахъ Европы, частью исчезли, частью слились съ славянами.

Эта задача представляетъ, однако-же, значительныя трудности не только потому, что источники для исторіи многихъ азіятскихъ народовъ сравнительно скудны, но потому что народы эти въ племенномъ отношеніи весьма различаются другъ отъ друга.

Нельзя поэтому удивляться, если современнымъ историкамъ недостаетъ сколько нибудь яснаго представленія по данному вопросу, а какихъ либо полныхъ свѣдѣній у нихъ и искать нечего. Правда, уже болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, сознана мысль о необходимости обработки спеціальной исторіи Золотой Орды и тѣхъ ханствъ, которыя образовались на ея развалинахъ въ Казани, Крыму и Астрахани, но и понынѣ подобной исторіи, въ которой изслѣдователь могъ-бы найти нужныя ему данныя, не существуетъ, и еще менѣе прослѣжена связь Россіи съ тѣми ордами, которыя задолго до появленія Джингисовыхъ Татаръ кочевали въ степяхъ, прилегающихъ къ Волгѣ, Дону и Днѣпру, и то дружили, то враждовали съ Русью.

О племенномъ происхожденіи этихъ ордъ долгое время существовали самыя смутныя понятія, и какъ у насъ, такъ и заграницей въ ученой средѣ толковалось о финско-болгарскихъ кочевникахъ, о финскомъ происхожденіи Хазаръ и т. д.; но подобныя фантазіи въ настоящее время потеряли всякій вѣсъ, послѣ того какъ ближайшимъ изученіемъ тюркскихъ нарѣчій установлена болѣе естественная группировка тюркскихъ племенъ по главнымъ отдѣламъ или семействамъ, и значительно умножилось число историческихъ

памятниковъ о раннихъ алтайскихъ выходцахъ, нарѣчіе которыхъ, въ отличіе отъ нарѣчій позднѣйшихъ тюркскихъ ордъ, можно назвать гунно-тюркскимъ или прото-тюркскимъ.

Указавъ на общее значеніе избранной г. Голубовскимъ задачи, рецензенты обращаются къ детальному разсмотрѣнію монографіи.

Первая ея глава, озаглавленная «Степи до появленія Печенѣговъ» едва-ли въ цѣломъ можетъ быть названа удовлетворительною, такъ какъ авторъ здѣсь опустилъ, что предшественниками Печенѣговъ въ южно-русскихъ степяхъ были Гунны — главные представители, принадлежавшіе (что особенно важно) къ тому-же тюркскому племени. Роль, доставшаяся Гунно-Тюркамъ въ исторіи славянъ, съ V в. до появленія Печенѣговъ, въ интересѣ и поучительности отнюдь не уступаетъ значенію Печенѣговъ, Торковъ и Половцевъ, и надлежащая оцѣнка дѣятельности первыхъ существенно разъяснила-бы вопросъ, почему славянское племя съ самаго начала столкновеній съ тюркскими племенами не могло отстоять отъ нихъ политической своей независимости.

Несмотря на знакомство съ средневѣковыми источниками, касающимися черноморскихъ народовъ, г. Голубовскій въ своемъ трудѣ допустилъ однако-же указанный пробѣлъ; объясненіе этому рецензенты видятъ въ томъ обстоятельствѣ, что молодой ученый, по-видимому, не вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что историческая этнографія зиждется на началахъ лингвистическихъ.

Тотъ же недостатокъ сказывается и во II главѣ монографіи «Племенное родство и происхожденіе Печенѣговъ, Торковъ и Половцевъ»

Доказывая съ одной стороны, что Печенѣги и Половцы состояли въ близкомъ родствѣ съ Сельджуками, а слѣдовательно и съ Османами, а съ другой стороны, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, отождествляя Торковъ русскихъ лѣтописей съ Гузами, г. Голубовскій, къ сожалѣнію, упустилъ изъ вида многознаменательное свидѣтельство императора Льва о Торкахъ-Мадьярахъ.

Нисколько не отрицая, что выводы г. Голубовскаго о происхожденіи Торковъ существенно важны въ виду той видной роли, которую русскія лѣтописи отводятъ Торкамъ въ исторіи отношеній кочевниковъ къ русскимъ князьямъ, рецензенты замѣчаютъ, что при опредѣленіи того, къ какой именно группѣ Тюркскаго племени принадлежатъ Печенѣги, Торки и Половцы, отнюдь нельзя обойтись безъ результатовъ, добытыхъ современными изслѣдованіями

остатковъ прото-тюркскихъ или гунно-тюркскихъ нарѣчій, тѣмъ болѣе, что лишь этимъ путемъ установляется племенное родство прото-тюрковъ съ Аварами, Хазарами и языческими Болгарами, часть коихъ сливалась съ Славянами, обитавшими въ Мизіи и Ѳракіи, а другая часть (Болгары Камскіе) сливалась съ Татарами. Но, высказывая взглядъ этотъ, рецензенты, въ извиненіе г. Голубовскому, замѣчаютъ, что отъ не-спеціалиста нельзя, конечно, требовать близкаго знакомства съ сравнительной грамматикой тюркскихъ народовъ.

Третья глава монографіи «Русь и кочевники» обнаруживаетъ въ авторѣ большую начитанность въ лѣтописяхъ и умѣнье освѣщать лѣтописныя извѣстія съ разнообразныхъ сторонъ. Г. Голубовскій здѣсь даетъ весьма существенный матеріалъ для выясненія направленія нашествія кочевниковъ на русскія окраины и для опредѣленія исходныхъ пунктовъ походовъ русскихъ князей противъ степныхъ варваровъ; но при скудости источниковъ и вслѣдствіе раскинутости русскихъ границъ, автору не вездѣ удается точно опредѣлить мѣстности, указываемыя лѣтописями. Въ этой-же главѣ, изображая то наступательныя, то оборонительныя войны русскихъ князей противъ кочевниковъ, авторъ проявляетъ безпристрастіе въ оцѣнкѣ этой борьбы. Допуская, что покончить съ жестокими наѣзднивами было князьямъ не подъ силу и что вмѣшательство кочевниковъ въ дѣла русскихъ окраинъ неблагопріятно повліяло на Россію, ослабивъ ее, г. Голубовскій намѣчаетъ и тѣ причины, которыя мѣшали цѣлымъ поколѣніямъ князей съ надлежащимъ успѣхомъ отражать кочевниковъ; но тотъ, весьма существенный для объясненія военныхъ неудачъ русскихъ князей, фактъ, что Славяне, какъ народъ искони осѣдлый, предпочитали въ сраженіяхъ пѣшій строй, тогда какъ Тюрки, славясь за отличныхъ наѣзднивовъ, въ нечаянныхъ быстрыхъ конныхъ набѣгахъ на Русь полагали свою силу, — этотъ фактъ не достаточно подчеркнутъ молодымъ ученымъ.

IV глава, трактующая о судьбахъ окраинско-славянскаго населенія, опирается лишь на скудные источники и довольно слаба, особенно же когда авторъ вдается въ весьма сомнительныя соображенія о (мнимыхъ) древнихъ поселеніяхъ славянъ въ Тмутаракани и на устьяхъ Дона.

Въ V-й главѣ «Кочевники у себя дома» представленъ обзоръ политическаго устройства, образа жизни, военныхъ дѣйствій и религіи Печенѣговъ, Торковъ и Половцевъ; но, къ сожалѣнію, авторъ

недостаточно воспользовался здѣсь извѣстіями о древнемъ бытѣ другихъ тюркскихъ племенъ.

Наконецъ въ гл. VI «Нашествіе Татаръ и выселеніе Половцевъ» описывается, какъ послѣ нашествія Батыя половецкая земля была занята Татарами, преимущественно Ногайцами, а сами Половцы погибли частью отъ меча, частью отъ голода, и только жалкіе ихъ остатки нашли себѣ убѣжище въ сосѣднихъ земляхъ. При изложеніи этихъ событій было бы умѣстно свести во-едино то, что авторъ въ разныхъ мѣстахъ монографіи сообщаетъ о происхожденіи казачества.

Изъ всего вышеприведеннаго рецензенты заключаютъ, что монографія не во всѣхъ ея отдѣльныхъ главахъ обработана съ одинаковымъ успѣхомъ и полнотой; это объясняется недостаткомъ у автора строгаго историко-филологическаго метода въ примѣненіи его къ исторической этнографіи; но за всѣмъ тѣмъ, по мнѣнію рецензентовъ, г. Голубовскій, въ настоящей своей работѣ, весьма тщательно изслѣдовалъ важный въ своемъ родѣ предметъ и привелъ его во внутреннюю связь съ исторіей русскаго народа и государства, что дало автору возможность проявить не только полное свое знакомство съ русскими лѣтописями, но и умѣнье толковать разсѣянные и скудные матеріалы въ географическомъ, хронологическомъ и другихъ отношеніяхъ, группируя ихъ для надлежащихъ выводовъ.

Что-же касается той части монографіи, которая посвящена разсмотрѣнію вопроса о борьбѣ между кочевниками и князьями (гл. III), то она, безспорно, не останется безъ вліянія на будущихъ изслѣдователей и поведетъ его и другихъ къ дальнѣйшимъ плодотворнымъ соображеніямъ.

II.

Очерки исторіи Украинской литературы XIX вѣка. — Кіевъ 1884. Сочиненіе Н. И. Петрова.

Въ обширной рецензіи, составленной по приглашенію Академіи профессоромъ Кіевскаго университета Н. П. Дашкевичемъ, ученый критикъ подвергъ подробному разбору составъ и значеніе труда г. Петрова. Всѣ занимающіеся исторіею литературы съ интересомъ прочтутъ эту замѣчательную рецензію, въ приложеніи къ нашему отчету; въ ней обстоятельно развиты тѣ положенія, на которыхъ основана имъ, въ видѣ заключенія, общая оцѣнка труда

г. Петрова и заслугъ его въ изученіи и изслѣдованіи новой Украинской литературы.

«Подробное разсмотрѣніе книги г. Петрова показываетъ, что въ ней, при всемъ стремленіи автора къ научному изложенію фактовъ, нѣтъ стройной систематизаціи ихъ, которая вытекала-бы *естественно изъ самаго матеріала*. Главныя теченія украинской литературы выяснены не совсѣмъ удовлетворительно и безъ надлежащей полноты: такъ сказано мало о развитіи малорусской этнографіи, о польскомъ вліяніи; бо́льшую цѣну имѣютъ въ монографіи г. Петрова очерки жизни и дѣятельности писателей въ отдѣльности. Въ этихъ очеркахъ г. Петровъ накопилъ значительное количество матеріала, но, къ сожалѣнію, матеріалъ собранъ неполно и обработанъ безъ должной тщательности. Г. Петровъ мало знакомъ съ русскою журнальною литературою до 40-хъ годовъ и почти совсѣмъ незнакомъ съ матеріалами для исторіи украинской литературы, явившимися въ галицко-русской печати. Самъ г. Петровъ заявляетъ на второй страницѣ своего труда, что онъ «далекъ отъ претензіи на совершенную полноту историко-литературныхъ фактовъ». Какъ въ установленіи общей схемы, такъ и въ частныхъ біографическихъ очеркахъ и библіографическихъ обзорахъ, работа автора отличается нерѣдко компилятивностью».

«Слѣдовательно, собственныя розысканія автора въ общемъ не отличаются цѣнною оригинальностью и глубиною; г. Петровъ обогатилъ исторію украинской литературы преимущественно очерками дѣятельности нѣкоторыхъ писателей и детальными изслѣдованіями»

«При всѣхъ недостаткахъ монографіи г. Петрова нельзя не признать, что авторъ много потрудился надъ нею, разыскивалъ довольно тщательно печатные матеріалы, доставленные послѣднимъ сорокалѣтіемъ, обращался иногда къ рукописнымъ даннымъ и тщательно добывалъ еще не обнародованныя свѣдѣнія. Г. Петровъ попытался указать источники нѣкоторыхъ произведеній Украинской литературы въ народной словесности, причемъ значительную помощь оказало ему довольно хорошее знакомство съ этой послѣднею. Наконецъ авторъ тщательно слѣдилъ за отношеніемъ современныхъ русскихъ журналовъ и газетъ къ произведеніямъ Украинской литературы».

«До появленія труда г. Петрова не было такого обстоятельнаго свода данныхъ для исторіи новой Украинской литературы. Книга г. Петрова восполнила пробѣлъ, давно чувствуемый въ русской литературѣ и наукѣ».

«Уже давно сознана въ западной наукѣ плодотворность изученія областныхъ вкладовъ въ общую исторію народностей. У насъ Ѳ. И. Буслаевъ первый отчетливо указалъ на важность изученія областныхъ теченій въ исторіи русской литературы. Съ этой точки зрѣнія изученіе Украинской литературы получаетъ особое значеніе и въ общей исторіи русской литературы, болѣе или менѣе самостоятельно развивавшеюся частью которой является Украинская литература. Исторія русской литературы должна удѣлить Украинской словесности первое мѣсто въ ряду областныхъ вкладовъ въ общерусскую сокровищницу духа и слова. Поэзія, въ особенности поэзія, отличающаяся народностью въ такой мѣрѣ, какъ Украинская, заключаетъ наилучшія данныя для характеристики племеннаго типа. Г. Петровъ не далъ такой характеристики, но предложилъ читателю множество фактовъ. Онъ распредѣлилъ и освѣтилъ ихъ не совсѣмъ вѣрно, но все-таки надо принести благодарность г. Петрову за то, что онъ попытался соблюсти безпристрастіе и научную объективность, возвысившись надъ предразсудкомъ, по которому Украинская литература считается не заслуживающею серьезнаго вниманія.

«Г. Петровъ иного мнѣнія. Онъ издавна уже занимается южнорусскою литературою, открылъ нѣсколько памятниковъ южно-русской искусственной поэзіи, собиралъ чрезъ другихъ произведенія южно-русской народной словесности, и ему принадлежитъ, кромѣ разсматриваемаго изслѣдованія, довольно цѣнная монографія: «Очерки изъ исторіи Украинской литературы XVIII вѣка». Матеріалы, собранные г. Петровымъ въ «Очеркахъ Украинской литературы XIX столѣтія», будутъ весьма пригодны будущему изслѣдователю Въ качествѣ сборника довольно многочисленныхъ историко-литературныхъ указаній, книга г. Петрова, быть можетъ, послужитъ нѣсколько къ устраненію тѣхъ печальныхъ недоразумѣній, о которыхъ говоритъ г. Петровъ въ началѣ своего труда».

III.

Земскіе соборы Древней Руси. Спб. 1885 г. Юридическое изслѣдованіе Н. В. Латкина.

По приглашенію Академіи разборъ этого сочиненія составленъ профессоромъ В. И. Сергѣевичемъ, что и послужило комиссіи основаніемъ для ея приговора объ изслѣдованіи, которымъ г. Латкинъ обогатилъ нашу историческую литературу.

Въ предисловіи къ своему труду авторъ замѣчаетъ, что вопросъ о древне-русскомъ представительствѣ въ общественныхъ дѣлахъ не—новость въ отечественной литературѣ, такъ какъ ему посвященъ цѣлый рядъ изслѣдованій такихъ ученыхъ, каковы В. И. Сергѣевичъ, Н. П. Загоскинъ, И. И. Дитятинъ и др., но исторія земскихъ соборовъ до сихъ поръ еще не исчерпана. Цѣлью автора и было пополнить пробѣлы въ трудахъ предшественниковъ. По отзыву г. Сергѣевича, эта задача исполнена съ успѣхомъ: новое изслѣдованіе представляетъ прекрасную обработку источниковъ для исторіи Московскихъ соборовъ и для сравненія съ ними достаточное количество данныхъ по исторіи представительныхъ учрежденій на западѣ. Не говоря уже объ обширности самого предмета изслѣдованія и новости задачи сравнительнаго изученія, которое далеко еще не выработало своихъ пріемовъ окончательно, изслѣдователь исторіи русскихъ земскихъ соборовъ необходимо наталкивается на трудности, обусловливаемыя особенностями первоначальныхъ источниковъ: здѣсь приходится имѣть дѣло не съ Царскими указами, ясно опредѣляющими составъ соборовъ, ихъ дѣятельность и права, но съ практикою, почти всегда непостоянною, не законченною въ своихъ формахъ и дошедшею до насъ въ весьма скудныхъ извѣстіяхъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако-же, г. Латкинъ, по мнѣнію рецензента, изъ представляющихся трудностей выходитъ побѣдителемъ, но, конечно, и у него можно найти положенія, которыя нуждаются въ дальнѣйшей провѣркѣ или поправкѣ. Если читатель и не всегда присоединится къ выводамъ автора по темнымъ, а потому и спорнымъ вопросамъ, то въ подобныхъ случаяхъ въ книгѣ «Земскіе Соборы Древней Руси» найдется обстоятельный сводъ существующихъ въ наукѣ мнѣній и весьма полныя указанія источниковъ.

Изслѣдованію своему о соборахъ г. Латкинъ предпосылаетъ обширное введеніе, заключающее въ себѣ очеркъ народныхъ собраній у Славянъ и Германцевъ сначала въ первичной формѣ вѣча, и затѣмъ на переходной къ сословному представительству стадіи развитія. Сгруппировавъ данныя изъ спеціальныхъ сочиненій по исторіи Русскаго вѣча и изъ иностранныхъ трудовъ Вайтца, Гейера и Маурера о первичныхъ народныхъ собраніяхъ въ Западной Европѣ, авторъ соглашается съ Фримэномъ, что «развитіе политическаго строя во всѣхъ странахъ Европы отправляется отъ одного общаго основанія — племеннаго вѣча». Обращаясь къ условіямъ преобразованія представительства по общественнымъ дѣламъ

изъ первичной формы непосредственнаго участія въ нихъ всего народа, г. Латкинъ приходитъ къ заключенію, что переходною фазою этого развитія на западѣ были собранія нѣкоторыхъ выдающихся лицъ, каковыя собранія (Hof- и Ritter-Tage въ Германіи, Magna Consilia вассаловъ во Франціи и Витенагемотъ въ Англіи), замѣнивъ собранія всѣхъ свободныхъ людей, составили связующее звено между народными и сословно-представительными учрежденіями, тогда какъ на Руси, уже вслѣдствіе отсутствія сословности, а слѣдовательно и высшаго класса, который соотвѣтствовалъ бы Западно-Европейской феодальной аристократіи, такой неразрывной преемственности отъ древне-народнаго вѣча къ позднѣйшимъ государственнымъ установленіямъ не усматривается. — Прототипомъ Московскихъ представительныхъ собраній, по мнѣнію г. Латкина, вѣроятнѣе всего послужили Церковные Соборы, возникшіе со временъ Ярослава I; но рецензенту кажется, что вопросъ объ отношеніи первичныхъ собраній къ сословно-представительнымъ, равно какъ и вопросъ объ имѣющихъ здѣсь открыться сходствахъ и различіяхъ между древне-русскими и западно-европейскими порядками нуждается еще въ пересмотрѣ.

Собственно исторіи Московскихъ земскихъ соборовъ г. Латкинъ посвящаетъ пять главъ монографіи: въ I-й—описываются соборы при Іоаннѣ IV, во II-й — въ смутное время, въ III-й—при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ IV-й—при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и наконецъ въ V-й—послѣдніе соборы съ 1676 по 1698-й г.

Въ этой части своего труда г. Латкинъ изслѣдуетъ не только соборы, которые созывались государями для рѣшенія разнаго рода вопросовъ по внутренней и внѣшней политикѣ и по законодательству, но и соборы избирательные и всякія иныя обращенія Московскихъ государей къ народу.

Для автора исторіи соборовъ, конечно, было обязательно перечислить и описать всѣ соборы, которые созывались въ Москвѣ— г. Латкинъ это и исполнилъ, но трудъ этотъ нелегкій потому уже, что древніе наши памятники, скудные на подробности, слово «Соборъ» употребляютъ въ различныхъ значеніяхъ и въ примѣненіи къ собраніямъ, не имѣющимъ между собою ничего общаго; въ виду такого состоянія источниковъ нельзя удивляться, если критика найдетъ и нѣчто сомнительное въ этой части труда г. Латкина.

Для оцѣнки пріемовъ г. Латкина рецензентъ съ нѣкоторою подробностью обозначаетъ содержаніе первой главы. Г. Латкинъ

начинаетъ эту главу съ очерка положенія Московскаго государства наканунѣ собранія перваго собора Іоанномъ IV, затѣмъ установляетъ годъ перваго собора, разбираетъ происходившее на соборѣ въ связи съ обстоятельствами, предшествовавшими его созванію и, наконецъ, указываетъ возможное вліяніе этого собора на послѣдующую преобразовательную дѣятельность Грознаго царя. По каждому вопросу приведены первоначальные источники и высказанныя въ литературѣ мнѣнія и какъ тѣ, такъ и другія подвергнуты обстоятельной критикѣ.

Такая-же многосторонняя работа произведена изслѣдователемъ и по поводу собора 1566 г., гдѣ, независимо отъ подлинныхъ источниковъ, приведены и разобраны мнѣнія Соловьева, Аксакова, Чичерина и Загоскина. Въ концѣ главы авторъ приводитъ свидѣтельства источниковъ объ обращеніяхъ царя къ народу въ 1564 г., за коими и послѣдовало учрежденіе опричины, и въ 1579 г.—во время Ливонской войны, а равно провѣряетъ мнѣнія, высказанныя по поводу тѣхъ событій въ нашей исторической литературѣ.

Съ такою-же полнотою собираетъ авторъ и въ послѣдующихъ II по V главахъ всѣ сохранившіяся въ русскихъ и иностранныхъ источникахъ свѣдѣнія о позднѣйшихъ соборахъ до конца XVII вѣка и подвергаетъ ихъ всесторонней обработкѣ, постоянно приводя и провѣряя мнѣнія своихъ предшественниковъ.

Шестая глава отличается отъ предшествующихъ догматическимъ характеромъ—она посвящена обзору организаціи и компетенціи Московскихъ соборовъ. Здѣсь, между прочимъ, авторъ входитъ въ разбирательство вопроса о видахъ соборовъ и раздѣляетъ ихъ, *по различію назначенія*, на избирательные и не избирательные, а, *по различію состава*, на относительно полные и на абсолютно неполные или фиктивные; въ свою очередь соборы относительно полные г. Латкинъ подраздѣляетъ на общегосударственные и областные или мѣстные, собиравшіеся исключительно въ смутное время.

Останавливаясь на классификаціи соборовъ, предлагаемой г. Латкинымъ, рецензентъ замѣчаетъ, что, при опредѣленіи видовъ соборовъ, необходимо исходить изъ сущности сословнаго представительства — правительство обращается либо къ представительству всѣхъ сословій, либо только нѣкоторыхъ, смотря по тому, всѣ-ли сословія или только нѣкоторыя полезно, по его мнѣнію, привлечь къ обсужденію возбуждаемаго имъ вопроса. Въ первомъ

случаѣ, мы имѣемъ всесословные соборы, во второмъ-же соборы изъ чиновъ одного или нѣсколькихъ сословій. Терминъ «полный соборъ», отвергаемый г. Латкинымъ, заставляетъ доискиваться полноты состава, чего въ дѣйствительности никогда не бывало и къ чему Московское правительство особенно и не стремилось, довольствуясь тѣмъ, если призываемыя имъ сословія представлялись на собраніи хотя бы численно и далеко не полно. Но съ другой стороны, по существу дѣла, правильнѣе было бы, взамѣнъ предлагаемыхъ г. Латкинымъ терминовъ: «относительно полныхъ» и «фиктивныхъ» или «абсолютно неполныхъ» соборовъ, именовать ихъ соборами «всесословными» и соборами «нѣкоторыхъ только сословій»; такое дѣленіе было бы дѣйствительно дѣленіемъ по составу, а не по назначенію, ибо значеніе тѣхъ и другихъ соборовъ одинаковое.

Въ послѣдней, VII главѣ г. Латкинъ, пользуясь богатою Западно-Европейскою литературою, даетъ историческій очеркъ организаціи и компетенціи представительныхъ учрежденій въ Германіи, Франціи, Англіи, Испаніи, Швеціи и Венгріи, а въ небольшомъ заключеніи, слѣдующемъ за VII главою, дѣлаетъ, на основаніи всего предшествующаго изслѣдованія, сводъ главнѣйшимъ сходствамъ и различіямъ между Московскими соборами и Западно-Европейскими представительными учрежденіями.

По поводу сравненій между Русскими и Западно-Европейскими правовыми порядками, которымъ г. Латкинъ въ своемъ изслѣдованіи, вообще, и въ заключеніи, въ частности, отводитъ мѣсто весьма видное, рецензентъ говоритъ: «Не можетъ подлежать сомнѣнію, что Московскіе соборы принадлежатъ къ одному роду явленій съ англійскими парламентами, французскими генеральными штатами и иными сословно-представительными собраніями Западной Европы, ... но сравнительное изученіе явленій общественнаго быта такъ еще юно, пріемы его такъ еще мало установлены, что въ этой области каждому изслѣдователю приходится идти ощупью и самому прокладывать себѣ дорогу. При такомъ положеніи дѣла каждый новый шагъ по этому, едва намѣченному, пути возбуждаетъ споры и вызываетъ поправки. Не избѣгла этой участи и попытка г. Латкина.» — Г. Сергѣевичу кажется, что новый изслѣдователь не оцѣнилъ надлежащимъ образомъ то обстоятельство, что тогда, какъ на долю Западно-европейскихъ представительныхъ учрежденій выпала богатая исторія и они успѣли твердо закрѣпить за собою то положеніе, которымъ первоначально пользовались лишь по волѣ созывающихъ ихъ государей Московскимъ собо-

рамъ не пришлось выйти изъ зачаточнаго состоянія и пріобрѣсти признаніе за ними права широкаго участія въ законодательствѣ, въ обложеніи податями и т. д.; если бы авторъ обратилъ надлежащее вниманіе на эту особенность, онъ долженъ бы былъ сравненіе Московскихъ Соборовъ съ Западно-Европейскими представительными учрежденіями ограничить однимъ лишь моментомъ зародышнаго состоянія тѣхъ и другихъ, не касаясь вовсе того времени, когда нѣкоторыя изъ Западно-Европейскихъ представительныхъ собраній вступили въ обладаніе болѣе или менѣе широкими правами, признанными за ними обычаемъ и закономъ.

Таковы планъ и выполненіе задачи г. Латкина — богатые содержаніемъ, весьма полные и обнимающіе избранный предметъ изслѣдованія со всѣхъ сторонъ; если можно сдѣлать молодому ученому какой-либо упрекъ, то скорѣе въ томъ, что онъ иногда выходитъ за предѣлы своей задачи и трактуетъ предметы, которые могъ бы обойти молчаніемъ; такъ напр. говоря объ избирательномъ соборѣ 1613 г. г. Латкинъ цѣлыхъ 20 страницъ посвящаетъ изложенію обстоятельствъ избранія Михаила Ѳеодоровича на престолъ, или на прим. въ отдѣлѣ, посвященномъ собору 1648—9 г.г., онъ дѣлаетъ сводку всего высказаннаго въ русской литературѣ о томъ, въ какихъ именно статьяхъ Уложенія можно усматривать слѣды работъ чиновъ помянутаго собора и т. п.

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ проф. Сергѣевичъ заключаетъ, что разсмотрѣнное имъ сочиненіе Н. В. Латкина вполнѣ заслуживаетъ награды графа Уварова.

IV.

О разводѣ по русскому праву. Соч. А. Загоровскаго. Харьковъ 1884 г.

Разборъ этого сочиненія былъ составленъ, по приглашенію комиссіи, профессоромъ Демидовскаго Юридическаго Лицея Н. Суворовымъ.

Г. Загоровскій поставилъ себѣ задачею прослѣдить не исторію только законодательства о разводѣ, а «исторію русскаго правосознанія въ институтѣ развода». Такъ какъ народное правосознаніе выражается не въ одномъ только писанномъ правѣ, но также и въ народныхъ обычаяхъ, то изученію автора подлежало не только то, что постановлялось властью, но и то, что «бытовало», какъ онъ выражается. Мало того, и «бытованіе» авторъ различаетъ двоякое: *оффиціальное*, находившее для себя выраженіе въ судебной практикѣ, и *неоффиціальное*, выражавшееся въ явленіяхъ быта народнаго.

Важность и плодотворность спеціальной задачи, которою задался авторъ, а тѣмъ болѣе задачи, выполненной по столь многообѣщающей програмѣ, какая изложена въ предисловіи къ книгѣ г. Загоровскаго, для русской юридической науки не можетъ подлежать сомнѣнію.

Насколько, однако-же, удалось автору осуществить начертанную имъ трудную програму, видно изъ обстоятельной и подробной рецензіи г. Суворова.

Г. Загоровскій совершенно справедливо подъ разводомъ понимаетъ расторженіе брачнаго союза, существовавшаго не только de facto, но и de jure, т. е. такого брака, который до момента расторженія имѣлъ силу законнаго брака, такъ что, слѣдовательно, объявленіе недѣйствительности [annulatio] браковъ, заключенныхъ при такъ называемыхъ разрывающихъ препятствіяхъ [impedimenta matrimonii dirimentia], напр. въ близкомъ родствѣ, въ незрѣломъ возрастѣ и т. п. остается внѣ круга изслѣдованія.

Исторію бракоразводнаго института, въ этомъ смыслѣ понимаемаго, авторъ дѣлитъ на два періода: до Петра Великаго и послѣ Петра Великаго, причемъ первый періодъ начинаетъ изслѣдованіемъ бракоразводнаго права у русскихъ славянъ, въ дохристіанскія времена, а второй періодъ оканчиваетъ изложеніемъ бракоразводнаго права, дѣйствующаго нынѣ.

Въ 14 главахъ своей книги, обнимающихъ все пространство времени отъ начала исторической жизни русскихъ славянъ и до настоящей поры, авторъ, для каждаго изъ періодовъ въ отдѣльности, дѣлаетъ очерки бракоразводнаго права сначала матеріальнаго, затѣмъ процессуальнаго и наконецъ бытовыхъ явленій, поскольку въ этихъ послѣднихъ выразилось народное правосознаніе.

Въ порядкѣ этого основнаго дѣленія, а не по отдѣльнымъ главамъ, г. Суворовъ и представляетъ свои замѣчанія о разбираемой книгѣ.

Въ *матеріальномъ* бракоразводномъ правѣ главный интересъ естественно сосредоточивается на основаніяхъ развода или на поводахъ къ разводу. Г. Загоровскій прежде всего пытается воссоздать до-христіанское бракоразводное право русскихъ славянъ по тѣмъ немногимъ свѣдѣніямъ, которыя намъ оставилъ лѣтопи-

сецъ относительно способовъ заключенія брачныхъ союзовъ русскими славянами.

Представленіе лѣтописныхъ свѣдѣній о заключеніи брака у русскихъ славянъ для автора не было особенно трудно, послѣ того какъ Неволинъ мастерски сгруппировалъ ихъ въ своей исторіи Россійскихъ гражданскихъ законовъ; при изложеніи этихъ свѣдѣній г. Загоровскій, повидимому, находился подъ вліяніемъ Неволина въ болѣе сильной степени, чѣмъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ самого лѣтописца. По мнѣнію г. Загоровскаго, у русскихъ славянъ до принятія ими христіанства существовали три формы брака — умычка (добровольная, по предварительному соглашенію между похитителемъ и похищаемою, и насильственная), приведеніе невѣсты въ домъ жениха и купля.

Классификація эта, однако-же, по отзыву рецензента, грѣшитъ недостатками; во-первыхъ, способъ добыванія себѣ мужчиною жены г. Загоровскій сливаетъ съ формою заключенія брачнаго союза, а между тѣмъ имѣются основанія думать, что бракъ у русскихъ славянъ основывался отнюдь не фактомъ похищенія, но извѣстными, сопровождавшими оный, религіозными обрядами; съ другой стороны г. Загоровскій рѣзко разграничиваетъ приведеніе невѣсты въ домъ жениха отъ купли; здѣсь г. Загоровскій полагаетъ, будто самый вопросъ о существованіи купли жены въ древнеславянскомъ юридическомъ быту находится подъ сомнѣніемъ, а потому пускается въ усиленную аргументацію въ пользу существованія купли женъ, оставляя въ сторонѣ мнѣнія тѣхъ изслѣдователей, которые усматриваютъ тѣсную связь между обоими актами, т. е. между приведеніемъ невѣсты въ домъ жениха и куплею и думаютъ, что приведенію невѣсты въ домъ жениха предшествовало договорное соглашеніе, носившее характеръ купли-продажи.

Нельзя не пожалѣть и нельзя не выразить нѣкотораго даже удивленія, замѣчаетъ г. Суворовъ, что г. Загоровскій, подкрѣпляющій и поясняющій лѣтописныя свидѣтельства о бракахъ русскихъ славянъ аналогіями изъ быта разныхъ племенъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры (между прочимъ по Спенсеру и Лёббоку), не обратилъ должнаго вниманія на Германское бракозаключительное право, которое въ эпоху Leges Barbarorum представляло уже довольно твердыя и довольно развитыя нормы.

Историческія аналогіи и сравнительный методъ должны, разумѣется, имѣть свое законное мѣсто въ наукѣ, но не лишнее—обращать вниманіе и на сравниваемыя величины. Можно, конечно, привести рядъ не лишенныхъ интереса свѣдѣній о томъ, какъ заключаются браки у жителей Калифорніи, у негровъ, у океанійцевъ и пр., но, какъ бы ни былъ длиненъ и интересенъ этотъ рядъ, никогда онъ не наполнитъ пустаго пространства, оставляемаго въ книгѣ г. Загоровскаго отсутствіемъ свѣдѣній о Германскомъ бракозаключительномъ правѣ. Прежде всего и преимущественно плодотворно сравненіе народовъ Западной и народовъ Восточной Европы, Германскихъ и Славянскихъ племенъ, выдвинутыхъ всемірною исторіею на первый планъ. Для русской науки въ частности германское бракозаключительное право важно въ томъ смыслѣ, что это послѣднее развилось въ довольно стройную, органическую систему и хотя нѣтъ основанія переносить всю эту систему цѣликомъ на быть славянскихъ племенъ, точно также, какъ нѣтъ основанія усматривать въ сходныхъ чертахъ германскаго и славянскаго юридическаго быта заимствованія однимъ у другаго, тѣмъ не менѣе германская система можетъ послужить значительнымъ пособіемъ для русскаго изслѣдователя, при объясненіи и оцѣнкѣ тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній по русскому бракозаключительному праву, которыя находятся въ распоряженіи современной русской юридической науки.

Благодаря отсутствію свѣдѣній по германскому праву, въ обработкѣ г. Загоровскимъ русскаго бракоразводнаго и бракозаключительнаго правъ проявляется несовершенство научныхъ пріемовъ Такъ напр., по мнѣнію разбираемаго автора, при заключеніи браковъ путемъ купли, будто-бы, не можетъ быть и рѣчи о разводѣ ибо этотъ послѣдній предполагаетъ, въ бо̀льшей или въ меньшей степени, признаніе личности за обоими субъектами развода, тогда какъ невѣста *купленная* является, по существу, рабою, имуществомъ; въ дѣйствительности-же исторія говоритъ, что съ юридическимъ актомъ передачи невѣсты жениху связываются представленія не только о переходѣ власти, но и о переходѣ обязанности защищать невѣсту и держать ее какъ жену, хотя бы за нее и была женихомъ выплачена извѣстная денежная сумма; впрочемъ и самъ г. Загоровскій оговаривается, что обычаи, господствующіе нынѣ у народовъ, практикующихъ куплю женъ, показываютъ, что эта форма брака далеко не исключаетъ «правовыхъ» отношеній между супругами, основанныхъ на признаніи за женою личности и что при этой формѣ брака мужъ не остается безнаказаннымъ, если онъ по голому произволу удалитъ купленную жену; мало того за женою признается иногда даже право на разводъ, вслѣдствіе вины мужа.

Равнымъ образомъ не обратилъ г. Загоровскій должнаго вниманія на институтъ «обрученія», упоминая о немъ въ своемъ сочиненіи лишь случайно и мимоходомъ, а между тѣмъ обрученіе не только въ германскомъ, но и въ римскомъ, и въ каноническомъ правѣ почиталось актомъ столь важнымъ, что ему придавалась бракозаключительная сила; ясно, отсюда, что авторъ спеціальнаго изслѣдованія обязанъ былъ подвергнуть особому, внимательному разсмотрѣнію историческій ходъ заключенія и разторженія обрученія, тѣмъ болѣе, что самъ-же г. Загоровскій заявляетъ, что въ восточной церкви крѣпость обрученія приравнивалась къ крѣпости брачнаго союза.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію русскаго матеріальнаго бракоразводнаго права въ христіанскія времена, г. Загоровскій посвящаетъ обширную главу (около 60 стр.) своего изслѣдованія исторіи источниковъ русскаго бракоразводнаго права въ христіанскую эпоху. Исторію эту онъ начинаетъ не съ каноновъ и не съ императорскихъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Византіи въ моментъ принятія Русью христіанства, но съ вѣтхо-завѣтнаго брака. Стремленіе очертить слишкомъ продолжительный процессъ развитія бракоразводнаго права привело автора къ немаловажнымъ промахамъ и ошибкамъ. Рецензентъ указываетъ на неправильность основнаго взгляда автора относительно источниковъ права, каковыми въ дѣйствительности могутъ быть обычай, либо законодательство. Между тѣмъ г. Загоровскій относитъ къ источникамъ права «вѣнечныя памяти» — документы, выдававшіеся отъ каѳедральнаго духовенства приходскому священнику съ приказаніемъ обвѣнчать извѣстныхъ лицъ, предварительно справившись (обыскавъ), не имѣется ли къ браковѣнчанію законныхъ препятствій. Неустойчивость автора въ воззрѣніи на источники права сказывается и въ его сужденіи о такъ называемомъ *правѣ диспенсаціи*, которымъ не созидается новыхъ нормъ, а лишь допускается непримѣненіе существующей нормы къ отдѣльному случаю и къ отдѣльному лицу, не въ примѣръ прочимъ.

По замѣчанію рецензента, г. Загоровскій, изображая судьбу, которую имѣли византійскіе источники въ Россіи, распространяется безъ особенной нужды объ исторіи Кормчей Книги, а говоря о томъ значеніи, которое Кормчая сохранила для настоящаго времени, впадаетъ въ сбивчивыя сужденія.

Изложеніе матеріальнаго бракоразводнаго права г. Загоровскій начинаетъ съ указанія поводовъ къ разводу. Пріемъ автора

здѣсь состоитъ въ томъ, что имъ сначала исчисляются отдѣльные поводы къ разводу по византійскому праву, затѣмъ объясняется судьба каждаго основанія къ разводу въ русской юридической жизни, причемъ присоединяются нѣкоторые поводы къ разводу, которыхъ византійское право не знало.

Вообще говоря, эта весьма обширная часть сочиненія составлена тщательно, хотя нерѣдко замѣчаются бездоказательныя положенія и недостаточность въ аргументаціи.

Разсуждая напр. о потерѣ невѣстою невинности до брака, какъ о поводѣ къ разводу, г. Загоровскій говоритъ рѣшительнымъ тономъ о самыхъ проблематическихъ вещахъ. Въ Римскомъ правѣ за женихомъ, сдѣлавшимся мужемъ, признавалось право публичнаго обвиненія жены, нарушившей вѣрность въ отношеніи къ своему жениху до вступленія съ нимъ въ бракъ, однако не безусловно, а въ томъ лишь случаѣ, если невѣста обручалась посредствомъ формальной торжественной стипуляціи, въ каковомъ случаѣ, по общему правилу, мужъ, предъявившій обвиненіе противъ своей жены въ прелюбодѣяніи, не могъ удерживать ее у себя. Позднѣйшее византійское право показываетъ, что разводъ по указанной причинѣ былъ обставленъ такими ограничительными условіями, что становился фактически почти невозможнымъ и получалъ характеръ не развода собственно, а констатированіе того, что бракъ не состоялся.

Отправляясь отъ византійскаго права, г. Загоровскій тщетно ищетъ слѣдовъ его въ русской жизни и послѣ мало относящихся къ дѣлу разсужденій о томъ позорѣ, который навлекала несохранившая дѣвства невѣста на себя и на своихъ родителей, приходитъ въ результатѣ къ тому выводу, что, кромѣ навлеченія невѣстою позора на себя и на свой родъ, потеря ею невинности дальнѣйшихъ послѣдствій не вызывала. Между тѣмъ, начиная разсуждать о томъ-же предметѣ въ періодъ послѣ-петровскій, г. Загоровскій говоритъ: «потеря невѣстою невинности до брака и добрачная беременность не отъ жениха, составляли, какъ кажется, и въ настоящій періодъ поводъ къ разводу». Подобную-же забывчивость авторъ обнаруживаетъ и въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія. Разсуждая напр. о воспріятіи собственныхъ дѣтей отъ купели, какъ о поводѣ къ разводу, установленномъ византійскимъ правомъ, авторъ не усматриваетъ никакихъ слѣдовъ примѣненія этого повода у насъ, а при разсмотрѣніи послѣ-петровскаго періода неожиданно замѣчаетъ, что Императорскими указами XVIII в. предписано было не

признавать кумовство достаточнымъ поводомъ къ разводу, «хотя оно признавалось таковымъ, какъ мы видѣли, въ восточной церкви и у насъ до Петра».

Не останавливаясь, затѣмъ, на другихъ примѣрахъ аргументаціи въ подобномъ родѣ, г. Суворовъ дѣлаетъ два замѣчанія по поводу пріемовъ автора, при обработкѣ вопроса о поводахъ къ разводу.

Во-первыхъ, г. Загоровскій не оцѣниваетъ по достоинству всей важности основной классификаціи основаній развода, принятой даже и у Цишмана, которому г. Загоровскій во многихъ случаяхъ слѣдуетъ.

По мнѣнію рецензента, нужно было ясно разграничить: *разводы по взаимному соглашенію супруговъ*, — причемъ возможные мотивы соглашенія безразличны, ибо дѣло здѣсь не въ нихъ, а во взаимномъ согласіи супруговъ разорвать бракъ, — и *разводы по односторонней волѣ котораго либо изъ супруговъ*, въ виду того или инаго законнаго повода къ разводу.

Г. Загоровскій, какъ будто-бы и дѣлаетъ это различіе, но вниманіе читателя, главнымъ образомъ, останавливается на томъ обстоятельствѣ, что авторъ, ссылаясь на документы о полюбовномъ разводѣ изъ западно-русской жизни, хотя и высказываетъ совершенно правильный взглядъ, что въ разводахъ этихъ исключительно обоюдная воля рѣшала судьбу заключеннаго ими брака, и что всѣ возможные мотивы (раздоры, болѣзни и проч.), важные лично для супруговъ, какъ подвигнувшіе ихъ на рѣшимость расторгнуть бракъ, лишены значенія и несущественны для юридическаго момента прекращенія брака, тѣмъ не менѣе фактами этими пользуется для доказательства существованія тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ поводовъ къ разводу. Такимъ образомъ трактуются: физическая неспособность, безвѣстное отсутствіе, постриженіе въ монашество, несогласная жизнь супруговъ, и всѣ эти факты у г. Загоровскаго исполняютъ двоякую роль: въ одномъ случаѣ ими доказывается одно, а въ другомъ другое, смотря по тому, что требуется доказать.

Во-вторыхъ, пріемъ, которому слѣдуетъ г. Загоровскій при изложеніи поводовъ къ разводу, страдаетъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что авторъ, отправляясь отъ византійскаго права и стараясь, нерѣдко съ натяжками, а иногда и совсѣмъ напрасно, отыскать на Руси слѣды того или другаго повода къ разводу, допускавшагося византійскимъ правомъ, мало проливаетъ свѣта на дѣйствительное правосостояніе древне-русской жизни.

Вѣря въ непогрѣшимость своихъ пріемовъ, г. Загоровскій, какъ только ему приходится встрѣтиться съ чѣмъ либо, уклоняющимся отъ византійскихъ образцовъ, или отказывается отъ всякихъ объясненій, или обнаруживаетъ большой скептицизмъ.

Насколько, однако же, этотъ скептицизмъ несправедливъ, всего лучше доказывается весьма важнымъ документомъ, который остался автору совершенно неизвѣстнымъ. Св. Сунодъ, журналомъ отъ 12 октября 1744 г., постановилъ «о разводѣ отъ брачнаго союза за прелюбодѣйство по прошеніямъ разныхъ чиновъ мужей и женъ собрать мнѣнія, сочиненныя нѣкоторыми сунодальными членами и, выписавъ, предложить къ докладу немедленно». Вслѣдствіе этого распоряженія истребована была изъ Московской консисторіи выписка о производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ и къ выпискѣ приложены мнѣнія трехъ членовъ Сунода: Ѳеофана Прокоповича, Анастасія Кондоиди и архіепископа Московскаго Іосифа. Разногласіе названныхъ членовъ Сунода вертится на капитальномъ вопросѣ: слѣдуетъ-ли исключительно прелюбодѣяніе признавать поводомъ къ разводу или, кромѣ прелюбодѣянія, надлежитъ допускать и другіе поводы; разногласіе это, по мнѣнію г. Суворова, доказываетъ довольно свободное отношеніе къ Кормчей книгѣ и непослѣдовательность въ церковной практикѣ. Не менѣе важны высказанныя членами Сунода въ ихъ отзывахъ мнѣнія, въ смыслѣ историческаго объясненія тѣхъ нововведеній, которыя явились съ XVIII в. въ русскомъ бракоразводномъ правѣ, каковы: разлученіе супруговъ отъ супружескаго сожитія безъ разорванія самаго союза (Separatio quoad thorum et mensam), безвѣстное отсутствіе и ссылка, какъ основанія къ разводу, равноправность супруговъ въ разводѣ по прелюбодѣянію, и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ рецензентъ, что если-бы г. Загоровскому были извѣстны приложенныя къ запискѣ 1744 г. мнѣнія членовъ Сунода, то всѣ указанныя выше, новыя, сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, явленія въ юридической жизни Россіи XVIII в. не представлялись-бы автору изслѣдованія чѣмъ то случайнымъ и ex abrupto установившимся. А еще лучше было бы, если бы авторъ прослѣдилъ связь между русскимъ и протестантскимъ бракоразводнымъ правомъ того времени и, кромѣ того, обратилъ вниманіе на рѣзкую разницу въ правосознаніи Петровской эпохи и современниковъ Елизаветы.

Изложеніе процессуальныхъ постановленій о разводѣ г. Загоровскій начинаетъ съ ошибочнаго сужденія, будто съ принятіемъ рус-

скими христіанства судъ по брачнымъ, а въ томъ числѣ и по бракоразводнымъ дѣламъ долженъ былъ стать и дѣйствительно сталъ дѣломъ духовной власти, какъ потому что власть эта, во время принятія нашими предками новой религіи, вѣдала дѣла этого рода и въ Греціи, такъ и потому, что само распространеніе христіанства едвали могло идти успѣшно при оставленіи русской семьи внѣ опеки христіанской религіи.

Здѣсь двѣ ошибки. Во первыхъ и въ Греціи въ моментъ принятія русскими христіанства бракоразводныя дѣла не подлежали еще церковной юрисдикціи, а во вторыхъ нужно имѣть болѣе твердыя основанія, чѣмъ тѣ, коими располагаетъ наука нынѣ, дабы утверждать, что съ принятіемъ русскими христіанства судъ по дѣламъ брачнымъ долженъ былъ стать и дѣйствительно сталъ дѣломъ духовной власти.

Что касается подробностей судоустройства и судопроизводства, то г. Загоровскій старается, вообще говоря, возсоздать то и другое, на основаніи нѣкоторыхъ изслѣдованій, въ особенности Дмитріева и Роданова; но, при трудности задачи, здѣсь легко было впасть въ промахи и ошибки. Такъ напр. о судебныхъ инстанціяхъ въ до-Петровское время изъ книги г. Загоровскаго едва ли можно получить ясное представленіе: то онъ говоритъ, что постепенно являлись въ епархіяхъ намѣстники изъ архимандритовъ и игуменовъ, а также протопопы, старосты поповскіе и заказчики, которые, по уполномочью и съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, вѣдали дѣло управленія, суда и расправы, принадлежавшее епархіальной власти, то г. Загоровскій исключительно руководствуется Стоглавомъ, по которому судъ въ дѣлахъ духовныхъ предоставляется исключительно святителямъ и т. п.

Остается сказать нѣсколько словъ о той части сочиненія г. Загоровскаго, которая посвящена *изображенію народнаго быта*. Надобно отдать честь автору за тщательное и съ значительною эрудиціей составленное изображеніе бытовыхъ явленій и тѣхъ факторовъ—семейныхъ и соціальныхъ,— которые вліяли на бракъ и на институтъ развода. Такова въ особенности глава VI: «Связь между развитіемъ бракоразводнаго права, распространеніемъ христіанства и патріархальнымъ строемъ древне-русской семьи», гдѣ авторъ бросаетъ взглядъ на тѣ условія, среди которыхъ должно было примѣняться византійское бракоразводное право, причемъ, въ частности, говоритъ о медленномъ распространеніи христіанства, о власти отца семейства и о власти мужа надъ женою. Нѣкоторые

изъ бытовыхъ очерковъ, сами по себѣ взятые, носятъ компилятивный характеръ; такова въ особенности глава XI: «О бракѣ и разводѣ у раскольниковъ», составленная по изслѣдованію Нильскаго: «Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Спб. 1869 г.», но, въ общемъ, очерки эти весьма полезны и умѣстны. Главный-же недостатокъ разсматриваемой части сочиненія г. Загоровскаго состоитъ въ томъ, что, при изображеніи бытовыхъ явленій, онъ мало заботится о томъ, дѣйствительно-ли въ нихъ выражается, въ большей или меньшей степени, *правосознаніе* данной эпохи, или они не имѣютъ никакого отношенія къ «правосознанію», тогда какъ, судя по предисловію къ его книгѣ и по всему ея характеру, онъ «долженъ былъ отмѣчать *не всякія* явленія юридическаго быта, безъ разбора, а именно тѣ, въ которыхъ выражаются правовыя воззрѣнія народа». Трудно напр. искать выраженія правосознанія въ томъ что приходское духовенство вѣнчало браки пятые, шестые и т. д. до десятаго. Не все, что «бытовало», выражаясь языкомъ г. Загоровскаго, служило и выраженіемъ правосознанія.

На основаніи вышеизложеннаго, г. Суворовъ заключаетъ свою рецензію слѣдующими соображеніями. «Нельзя сказать, чтобы изслѣдованіемъ г. Загоровскаго разъяснено было очень многое относительно того направленія, въ которомъ должно идти будущее развитіе бракоразводнаго права. Нельзя упускать изъ вида и тѣхъ недостатковъ, немаловажныхъ, которые замѣчаются въ этой книгѣ. Но едва-ли бы возможно было, съ другой стороны, и требовать слишкомъ многаго отъ перваго спеціальнаго научнаго изслѣдованія объ институтѣ развода. Если авторъ и не выполнилъ своей трудной и сложной, имъ-же самимъ поставленной для себя задачи, то это, все-же, не мѣшаетъ цѣнить то, что сдѣлано имъ на пути къ ея выполненію. Авторъ посвятилъ много труда на изученіе и византійскаго, и русскаго бракоразводнаго права и сдѣлалъ первую серьезную научную попытку прослѣдить историческую судьбу института развода, начиная отъ первыхъ временъ существованія христіанской церкви и оканчивая дѣйствующимъ русскимъ законодательствомъ о разводѣ. Для нѣкоторыхъ эпохъ и для нѣкоторыхъ сторонъ бракоразводнаго права, онъ могъ воспользоваться, въ виду своихъ цѣлей, трудами другихъ ученыхъ; но въ общемъ изслѣдованіе его представляетъ самостоятельную работу. Нѣкоторые акты изъ западно-русской жизни собраны и изданы имъ самимъ въ первый разъ (см. стр. 188—190). Принимая-же во вниманіе, притомъ, что немалое число изъ указанныхъ выше недостатковъ объясняют-

ся, кромѣ трудности задачи, тѣмъ, что авторъ недостаточно широко воспользовался сравнительнымъ методомъ, который, самъ собою, долженъ былъ еще болѣе затруднить работу, или тѣмъ, что авторъ самъ затруднялъ и усложнялъ свою, и безъ того трудную и сложную работу, вдаваясь въ подробности, не необходимыя для изслѣдованія о разводѣ, причемъ весьма ясно могъ допустить неточности и промахи, я позволяю себѣ думать, что изслѣдованіе г. А. Загоровскаго «О разводѣ по русскому праву» не только свидѣтельствуетъ о трудѣ, для составленія его употребленномъ, но и восполняетъ замѣтный пробѣлъ въ отечественной наукѣ, и что авторъ его заслуживаетъ быть награжденнымъ отъ Императорской Академіи наукъ меньшей Уваровской награды».

Каждое изъ присужденій Уваровскихъ наградъ даетъ случай Академіи удостовѣриться, съ какою любезною готовностью отзываются наши заслуженнѣйшіе ученые въ Духовныхъ Академіяхъ и Университетахъ на ея приглашенія раздѣлить съ нею труды по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, и на этотъ разъ долгъ справедливости обязываетъ Академію выразить свою искреннѣйшую признательность всѣмъ тѣмъ, которые составленіемъ подробныхъ и обстоятельныхъ рецензій облегчили для Академической Комиссіи исполненіе обязанности — справедливой оцѣнки почтенныхъ ученыхъ трудовъ, явившихся на соисканіе. Во изъявленіе своей признательности за такое оказанное ей содѣйствіе Комисія положила препроводить по золотой Уваровской медали, для рецензентовъ установленной: Члену-корреспонденту Академіи Наукъ Нилу Александровичу Попову, профессору Варшавскаго Университета Александру Ивановичу Никитскому, профессору Университета св. Владиміра Николаю Павловичу Дашкевичу и профессору Демидовскаго Юридическаго Лицея въ Ярославлѣ Николаю Семеновичу Суворову.

Настоящій Отчетъ обязываетъ насъ заявить о положеніи, въ какомъ находится вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи наградъ, носящихъ имя графа Уварова.

Извѣстно, что графъ Алексѣй Сергіевичъ, учреждая эти награды въ память о его знаменитомъ родителѣ, бывшемъ Президентѣ Академіи Наукъ, хотя и желалъ придать имъ значеніе памятника на вѣчное время, не успѣлъ однако при жизни своей обезпечить ихъ прочность соотвѣтственнымъ формальнымъ актомъ. Существованіе ихъ поэтому основывалось лишь на томъ, что учредитель вносилъ въ Академію, согласно своему обѣщанію, ежегодно, въ день св. Сергія—25-го сентября, — по 3,000 руб., изъ которыхъ 2,500 руб. обращались на выдачу наградъ за историческія сочиненія на темы, избираемыя самими авторами, а 500 руб. назначались за рѣшеніе задачъ, предлагаемыхъ Академіею. Послѣ смерти графа Алексѣя Сергіевича означенные ежегодные взносы прекратились, и если Академія еще была въ состояніи на двухъ послѣднихъ конкурсахъ продолжать назначеніе Уваровскихъ наградъ, то потому лишь, что она имѣла для этого въ своемъ распоряженіи незначительный Уваровскій капиталъ — съ небольшимъ 10,000 руб., — образовавшійся въ теченіе времени отъ неприсужденія въ полномъ количествѣ наградъ. За послѣдовавшими выдачами этотъ капиталъ сократился на столько, что долѣе не можетъ служить источникомъ для выдачи Уваровскихъ наградъ въ размѣрахъ, указанныхъ Положеніемъ о нихъ, тѣмъ болѣе, что отъ Академіи были въ разное время объявлены для соисканія «поощрительной Уваровской награды» (въ 500 руб. каждая) задачи, по которымъ могутъ поступать отвѣтныя сочиненія, и, слѣдовательно, Академіи необходимо имѣть всегда въ готовности достаточную сумму для увѣнчанія тѣхъ изъ этихъ сочиненій, которыя были-бы признаны удовлетворительными. Поэтому остатокъ отъ Уваровскаго капитала положено отнынѣ хранить исключительно для выдачи изъ него поощрительныхъ наградъ за рѣшеніе предложенныхъ Академіею задачъ.

Въ настоящее время въ Академіи имѣется заявленіе наслѣдниковъ графа Алексѣя Сергѣевича, что они предполагаютъ, согласно волѣ покойнаго, ввести нѣкоторыя измѣненія въ Положеніе о сихъ наградахъ. Академіи однако-же неизвѣстно еще, въ чемъ заключаться будутъ эти измѣненія, а потому она не въ состояніи заявить нынѣ, будутъ-ли вообще принимаемы на соисканіе наградъ гр. Уварова сочиненія къ слѣдующему за нынѣшнимъ конкурсу, и если будутъ, то какого именно рода сочиненія. Отвѣтныя-же сочиненія на задачи, предложенныя Академіею, будутъ принимаемы въ сроки, указанные при задачахъ.

Задачи эти суть слѣдующія:

1) *Исторія древне-русскихъ княжествъ.*

Монографіи, касающіяся исторіи древне-русскихъ княжествъ, вообще не многочисленны и не всѣ удовлетворяютъ условіямъ современной науки. Принимая это во вниманіе, Академія приглашаетъ желающихъ заняться изслѣдованіями по этому предмету. Имѣя въ виду обширность предлагаемой задачи, Академія предоставляетъ конкурентамъ — самимъ избрать себѣ предметомъ то или другое княжество и дать своему сочиненію болѣе или менѣе обширный объемъ. Хотя наша историческая литература особенно нуждается въ хорошихъ сочиненіяхъ касательно исторіи княжествъ: Кіевскаго, Полоцкаго, Смоленскаго, Владимірскаго и пр., но помимо сочиненій объ этихъ достояніяхъ Рюриковой династіи, къ конкурсу, допускаются изслѣдованія и о литовско-русскихъ княжествахъ Гедиминовой династіи.

2) *Объ историческихъ отношеніяхъ Польскаго народа и государства къ Русскому племени.*

Предметъ этотъ уже самъ по себѣ столь богатъ важными эпизодами, что, предлагая соискателямъ Уваровской преміи заняться имъ, Академія предоставляетъ ихъ произволу избрать себѣ какой либо спеціальный предметъ по этой отрасли исторической науки. Не излишне однако замѣтить, что здѣсь подъ историческими отношеніями разумѣются не исключительно войны и дипломатическія сношенія Польши съ Россіей, но литературныя, юридическія и церковныя дѣла преимущественно Великаго Княжества Литовскаго, въ которыхъ отразилась борьба Польскаго и Русскаго элементовъ. Само собою разумѣется, что авторъ, разбирая эту борьбу, долженъ соблюдать строгое безпристрастіе въ оцѣнкѣ историческихъ личностей и событій.

3) *Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ русскими въ Съверо-и Юго-западномъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVII столѣтій.*

Сочиненія эти хотя и касаются, по большей части, богословскихъ предметовъ, заключаютъ въ себѣ въ то же время не мало характеристическихъ чертъ и указаній для исторіи политическихъ отношеній, нравовъ и просвѣщенія помянутой эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ сохранены свѣдѣнія о писателяхъ и дѣятеляхъ, въ настоящее время или забытыхъ или очень мало извѣстныхъ. Все это имѣетъ значеніе не только по отношенію къ исторіи русской литературы, но и для уразумѣнія духа и направленія умовъ въ тѣхъ краяхъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ изслѣдованіи нельзя пройти безъ вниманія польско-латинскія книги и брошюры, которыя или вызывали, или преслѣдовали полемическія сочиненія бѣлорусскія и малорусскія; но такъ какъ о первыхъ есть уже обстоятельныя описанія въ польской литературѣ (въ трудахъ Іохера, Вишневскаго, Мацѣевскаго и друг.), то о нихъ въ обозрѣніи можно уже говорить лишь на столько, на сколько эти книги и брошюры послужатъ матеріаломъ для разъясненія бѣлорусскихъ и малорусскихъ произведеній.

4) *Исторія мореплаванія у Славянскихъ народовъ до XIII вѣка.*

Между многочисленными пробѣлами, которые замѣчаются въ отечественной исторіи, особенно чувствителенъ недостатокъ исторіи русской торговли и связаннаго съ нею плаванія по рѣкамъ и морямъ до Петра Великаго. Восполнить этотъ пробѣлъ—становится одною изъ главныхъ задачъ для всѣхъ понимающихъ тѣсную связь, которая существуетъ между культурною жизнью древней Россіи и расширеніемъ ея торговыхъ сношеній.

Чтобы обратить вниманіе на этотъ предметъ, Академія предлагаетъ задачу объ исторіи мореплаванія у славянскихъ народовъ до XIII вѣка. Форма изложенія этой задачи совершенно предоставляется соискателямъ наградъ.

При разнообразіи, а частью при малой извѣстности источниковъ о началѣ славянскаго мореплаванія, точныя ссылки на лѣтописи и другіе документы необходимы.

Сравнительное изученіе мореплаванія славянскихъ народовъ не можетъ не быть плодотворнымъ, особенно при оцѣнкѣ перваго періода его. Вотъ почему не лишнимъ будетъ собраніе и разборъ древнихъ терминовъ, касающихся до морскаго дѣла, общихъ всѣмъ славянамъ или заимствованныхъ въ упомянутый періодъ отъ другихъ народовъ. Кромѣ того отъ составителя такой спеціальной исторіи нельзя не желать точнаго изложенія причинъ, по которымъ тотъ или другой славянскій народъ, хотя жившій по большой рѣкѣ или на берегу моря, не успѣлъ ознаменовать себя морскими предпріятіями какъ для военныхъ, такъ и для торговыхъ цѣлей.

Хотя морскіе набѣги и торговыя предпріятія на морѣ Македонскихъ, Далматинскихъ и Померанскихъ славянъ должны занять видное мѣсто въ исторіи славянскаго мореплаванія до XIII вѣка, тѣмъ не менѣе необходимо обратить особенное вниманіе на происхожденіе и первоначальное развитіе русскаго мореплаванія на Черномъ, Каспійскомъ и Балтійскомъ моряхъ, при чемъ слѣдуетъ ясно указать обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ, уже во время удѣльнаго періода нашей исторіи, мореходное дѣло приходило въ упадокъ еще до нашествія татаръ.

При малочисленности имѣющихся по предмету такого изслѣдованія матеріаловъ, настоящая задача не можетъ, кажется, представить особенныхъ затрудненій.

5) *Коментарій на договоры великихъ князей Кіевскихъ съ Византійской Имперіей.*

Давно уже сознано, что договоры 907, 911, 944 и 972 годовъ дошедшіе до насъ въ славяно-русскомъ переводѣ, и то только по сохранившимся позднимъ спискамъ, представляютъ для изслѣдователей много затрудненій и даже совершенно темныхъ мѣстъ. Одна изъ главныхъ тому причинъ, которыхъ, какъ извѣстно, не мало—та, что переводчики слишкомъ заботились о дословной передачѣ содержанія византійскаго подлинника.

Много уже сдѣлано для объясненія этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ русской старины. Но для полнаго пониманія и систематическаго изложенія содержанія ихъ предстоитъ еще предварительная обработка нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе темныхъ вопросовъ. Конечно, все это, при современномъ положеніи бытовой исторіи какъ Византіи, такъ и славянскаго племени, не по силамъ одному лицу. Академія же, считая своевременнымъ пригласить изслѣдователей къ критической оцѣнкѣ всего того, что до сихъ поръ уже сдѣлано по этому предмету, предлагаетъ задачу о составленіи филологическаго и историческаго коментарія на помянутые договоры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая стѣснять соискателей особою программою, Академія полагаетъ не лишнимъ указать на нѣкоторыя условія, которыя необходимо имѣть въ виду будущему коментатору договоровъ.

Прежде всего текстъ договоровъ долженъ быть возстановленъ по всѣмъ дошедшимъ до насъ спискамъ, заслуживающимъ вниманія, и раздѣленъ на статьи. Само собою разумѣется, что, при разбросанности трудовъ, касающихся языка и содержанія договоровъ, необходимо сколь возможно полное исчисленіе этихъ предварительныхъ разысканій, въ связи съ критическимъ разборомъ тѣхъ изъ нихъ, которыя способствовали къ научному пониманію договоровъ. Коментарій-же долженъ представить краткій сводъ всего того, что до сихъ поръ сдѣлано для объясненія заключающихся въ договорахъ статей или особенно важныхъ терминовъ. Это критическое сравненіе, безъ сомнѣнія, поведетъ коментатора къ новымъ соображеніямъ; но весьма желательно, чтобы онъ при этомъ не пренебрегалъ другими памятниками славяно-русской и византійской письменности, могущими служить новымъ подспорьемъ предмету, тѣмъ болѣе, что въ послѣднія двадцать лѣтъ число византійскихъ договорныхъ и другихъ грамотъ значительно увеличилось. Исчерпать этотъ запасъ источниковъ—дѣло времени, но приращеніе паралельныхъ мѣстъ въ договорахъ и подобныхъ памятникахъ значительно облегчитъ задачу будущихъ историковъ возпроизвести переводъ договоровъ на офиціально-литературномъ языкѣ, бывшемъ въ употребленіи въ Византіи.

Въ концѣ коментарія слѣдуетъ приложить алфавитный указатель словъ и именъ, заключающихся въ договорахъ, съ указаніемъ на мѣсто, гдѣ то или другое изъ нихъ объяснено.

Для отвѣта по вышеозначеннымъ пяти задачамъ, предложеннымъ Академіею въ прежнее время, опредѣленнаго срока не назначается, но рѣшенія задачъ этихъ, во всякомъ случаѣ, должны быть доставляемы въ Академію *не позже 25 сентября того года, который предшествуетъ тому или другому конкурсному году.*

Кромѣ того предлагаются къ разрѣшенію на *опредѣленный* срокъ слѣдующія задачи:

6) *Изслѣдованіе монетнаго дѣла въ Россіи съ XIV-го вѣка до Іоанна Грознаго.*

Доселѣ литература русской нумизматики, въ отношеніи къ удѣльнымъ княжествамъ, начиная отъ описанія русскихъ монетъ, сдѣланнаго кн. Щербатовымъ, и кончая каталогомъ, изданнымъ гр. Чапскимъ, довольствовалась или отрывочными описаніями монетъ, или каталогами цѣлыхъ собраній. При этомъ многія монеты возбудили различныя спорныя мнѣнія. Но мы не имѣемъ еще ни единаго изслѣдованія, въ которомъ были бы критически разсмотрѣны какъ разныя опредѣленія русскихъ монетъ, такъ и разнорѣчивыя о нихъ мнѣнія

ученыхъ, и въ которомъ, кромѣ того, монеты, какъ историческіе документы, примѣнены были бы къ самой исторіи. По этой причинѣ необходимо: во-первыхъ, собрать полную литературу всѣхъ описаній, свѣдѣній и изслѣдованій о русской нумизматикѣ; во вторыхъ, критически разобрать точность опредѣленія нашихъ монетъ удѣльнаго періода, и въ третьихъ, примѣнить эти нумизматическіе документы къ исторіи того времени.

Срокомъ для представленія отвѣтныхъ сочиненій на эту задачу назначается 25 сентября 1887 года.

7) *Сводъ комментаріевъ на записку Ибнъ-Фадлана о народѣ Русь въ 922 г.*

Съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря академику Френу, записки о хазарахъ, башкурдахъ, болгарахъ и руссахъ, составленныя Ибнъ-Фадланомъ (путешествовавшимъ въ 921 г. къ волжскимъ болгарамъ, въ качествѣ посланника Багдатскихъ калифовъ) стали извѣстны ученымъ [1]), ими пользовались не однократно; тѣмъ не менѣе въ послѣднее время составилось убѣжденіе, что эти записки должны еще быть подвергнуты строгому критическому изслѣдованію. Въ особенности чувствовалась настоятельная потребность установить опредѣленный взглядъ на свидѣтельства этого писателя о народѣ, который онъ обозначаетъ названіемъ «Русъ». Съ этою цѣлью, Академія предлагаетъ, въ видѣ задачи на поощрительную Уваровскую премію, составленіе свода существующихъ до сихъ поръ объясненій означенныхъ показаній, въ формѣ коментарія къ нимъ. Этому коментарію должна быть предпослана хотя бы и краткая, но мѣткая характеристика Ибнъ-Фадлана, какъ писателя и этнографа, причемъ должно быть обращено особенное вниманіе на употребляемую имъ и въ другихъ сочиненіяхъ этнографическую терминологію. Чрезъ это получится возможность опредѣлить, въ какомъ смыслѣ употреблены названія народовъ: въ обширномъ ли или тѣсномъ смыслѣ, въ смыслѣ ли національностей или же политическихъ единицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть сдѣлано строгое различіе того, о чемъ Ибнъ-Фадланъ говоритъ, какъ очевидецъ, отъ тѣхъ извѣстій, которыя онъ заимствуетъ отъ другихъ писателей или передаетъ только по слухамъ.

[1]) См. библіографическія указанія—въ Ученыхъ Запискихъ по I и III Отдѣленіямъ Академіи, т. III, 1885, стр. 435; русскій переводъ Ибнъ-Фадлана, по исправленному арабскому тексту, напечатанъ г. Гаркави въ Сказаніяхъ мусульманскихъ писателей о славянахъ и руссахъ. Спб. 1870, стр. 85—102.

Что касается собственно до коментарія, то составитель долженъ представить, по возможности, въ сжатомъ видѣ сводъ всѣхъ извѣстныхъ въ печати мнѣній объ отдѣльныхъ мѣстахъ въ запискѣ Ибнъ-Фадлана о руссахъ и указать на слабыя стороны, встрѣчающіяся у прежнихъ коментаторовъ. Вниманіе автора должно быть обращено также на сдѣланныя до сего времени попытки опредѣлить, изъ показаній арабскаго писателя, народныя черты торговыхъ людей изъ руссовъ, видѣнныхъ имъ на Волгѣ. Ихъ до сихъ поръ принимали то за настоящихъ норманновъ, то за потомковъ поселившихся въ Россіи варяго-руссовъ, то за славянъ и наконецъ даже за волжскую чудь. Авторъ самъ собою увидитъ необходимость разъяснить вопросъ о томъ, отчего происходитъ это крайнее разнообразіе взглядовъ: отъ самаго ли свойства извѣстій Ибнъ-Фадлана, какъ магометанина, или же отъ неудовлетворительности методовъ, принятыхъ коментаторами. Достиженіе этой цѣли онъ значительно облегчитъ себѣ, если: 1) соберетъ данныя о томъ, какое вліяніе имѣли другъ на друга различныя языческія племена на берегахъ Балтійскаго моря и къ востоку отъ онаго и 2) уяснитъ себѣ исторію балтійско-каспійской торговли въ IX, X и XI столѣтіяхъ, о которой свидѣтельствуютъ многочисленныя находки восточныхъ монетъ и предметовъ домашняго обихода не только вдоль русскихъ рѣкъ, но и по берегамъ и на островахъ Балтійскаго моря.

Желающихъ заняться рѣшеніемъ этой задачи, Академія проситъ доставить ей ихъ сочиненія не позже 25 сентября 1888 г...

Относительно вообще отвѣтныхъ сочиненій на означенныя предлагаемыя Академіею задачи, должно замѣтить, что на основаніи Положенія о наградахъ графа Уварова, автору подобнаго сочиненія предоставлено право не подписывать своего имени подъ рукописью сочиненія, а снабжать ее какимъ либо девизомъ, который долженъ также находиться на особомъ, приложенномъ къ рукописи запечатанномъ пакетѣ, содержащемъ въ себѣ означеніе имени и мѣста жительства автора. Въ случаѣ одобренія сочиненія, этотъ пакетъ распечатывается въ публичномъ собраніи Академіи для присужденія Уваровскихъ наградъ, 25 сентября; въ противномъ-же случаѣ, онъ сжигается не распечатаннымъ.

Рукописное сочиненіе, доставляемое для рѣшенія задачи, если

окажется хоть приблизительно удовлетворяющимъ требованіямъ програмы, можетъ быть сперва удостоено почетнаго отзыва, съ предоставленіемъ автору права вторично представить сочиненіе въ напечатанномъ видѣ на одинъ изъ двухъ слѣдующихъ Уваровскихъ конкурсовъ.

I.

ПЕЧЕНѢГИ, ТОРКИ И ПОЛОВЦЫ ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ. ИСТОРІЯ ЮЖНО-РУССКИХЪ СТЕПЕЙ IX — XIII ВВ.

Монографія П. Голубовскаго. Кіевъ. 1884 г.

Рецензія, составленная Академиками **В. В. Радловымъ** и **А. А. Куникомъ.**

Русская исторія, въ теченіе древняго, средняго и новаго ея періодовъ, столь тѣсно связана съ судьбою различныхъ азіятскихъ народовъ, что для вѣрнаго ея пониманія, въ противоположность исторіи другихъ европейскихъ народовъ, необходимо тщательно изучить бытъ этихъ народовъ и, по мѣрѣ возможности, прослѣдить развитіе этого быта въ теченіе вѣковъ. Задача эта, однако, представляетъ не мало трудностей и не столько потому, что источники для исторіи многихъ азіятскихъ народовъ, сравнительно, весьма скудны, сколько потому, что народы эти въ племенномъ отношеніи довольно различны.

Нельзя сказать, чтобы современные историки по данному вопросу пріобрѣли если не полное, то по крайней мѣрѣ сколько нибудь ясное представленіе. Правда, мысль о необходимости обработки одного спеціальнаго предмета — именно Исторіи Золотой орды у насъ сознана давно, но это только часть, хотя и весьма важная, въ исторіи татарскихъ народовъ. Однако что-же сдѣлано по этой даже части? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить, что у насъ до сихъ поръ еще нѣтъ исторіи Золотой Орды, въ которой историкъ-изслѣдователь могъ бы найдти болѣе или менѣе удовлетворительное объясненіе того, что ему нужно. Но связь русской исторіи съ татарской далеко не исчерпывается явленіемъ и кругомъ дѣйствія Золотой Орды и тѣхъ ханствъ, которыя обра-

зовались на ея развалинахъ въ Казани, Крыму и Астрахани. Задолго до появленія Джингисовыхъ татаръ Россія, въ теченіе вѣковъ, имѣла своимъ сосѣдомъ орды, кочевавшія въ степяхъ, прилегающихъ къ Волгѣ, Дону и Днѣпру, и состояла съ ними то въ дружественныхъ, то въ враждебныхъ отношеніяхъ. О племенномъ происхожденіи этихъ ордъ долгое время существовали самыя смутныя понятія. Довольно сказать, что даже знаменитые ученые — какъ у насъ, такъ и заграницею—толковали о финско-болгарскихъ кочевникахъ и о финскомъ происхожденіи хазаръ! Эти, ни на чемъ не основанныя фантазіи должны были быть сданы въ архивъ ученыхъ заблужденій, послѣ того какъ изученіе тюркскихъ нарѣчій сдѣлало возможнымъ болѣе естественное распредѣленіе тюркскихъ народовъ на нѣкоторыя главныя группы и послѣ того, какъ значительно умножилось число историческихъ источниковъ объ этихъ раннихъ алтайскихъ выходцахъ. Такъ какъ эти выходцы раньше другихъ проникли въ юго-восточныя страны Европы, то ихъ нарѣчіе, въ отличіе отъ нарѣчій позднѣйшихъ тюркскихъ ордъ, можно назвать гунно-тюркскимъ, или просто прототюркскимъ.

Уже давно настало время свести дошедшія до насъ извѣстія объ этихъ различныхъ кочевникахъ тюркскаго племени, въ видахъ выясненія обстоятельствъ, обусловившихъ выселеніе ихъ изъ Азіи, и причинъ, вслѣдствіе которыхъ они, продержавшись нѣсколько столѣтій на рубежахъ Европы, частью исчезли, частью слились съ славянами.

Молодой ученый, недавно окончившій курсъ въ Кіевскомъ университетѣ, поставилъ себѣ задачею обработать этотъ любопытный вопросъ исторической этнографіи, въ формѣ исторіи Печенѣговъ, Торковъ и Половцевъ, до нашествія Татаръ. Трудъ его былъ первоначально отпечатанъ на страницахъ Извѣстій Университета св. Владимира. Выборъ предмета, конечно, зависѣлъ отъ него, но на заглавномъ листѣ своей монографіи онъ прибавилъ еще другое заглавіе: «Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII вѣковъ». Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ возбудить большія ожиданія у всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ понятіе о трудности такой задачи.

Первая глава монографіи г. Голубовскаго, озаглавленная: «Степи до появленія Печенѣговъ», хотя содержитъ въ себѣ нѣсколько не лишенныхъ значенія замѣчаній, но въ цѣломъ едва-ли можетъ быть названа удовлетворительною. По словамъ самого автора, глава эта должна служить введеніемъ въ сочиненіе о Печенѣгахъ, Торкахъ и Половцахъ. Въ этомъ введеніи автору слѣдовало бы, хоть въ сжатомъ видѣ, выставить на видъ, что Печенѣги имѣли, со времени Гунновъ, въ южно-русскихъ степяхъ предшественниковъ и при томъ, что особенно важно, въ лицѣ ордъ тюркскаго происхожденія. Дѣятельность этихъ ордъ нельзя исключить изъ славянской исторіи, такъ какъ она помогаетъ намъ рѣшить вопросъ о томъ, почему славянское племя, съ самаго начала его встрѣчи съ тюркскими ордами, не могло отстоять отъ нихъ своей политической независимости. Странно, что г. Голубовскій, обнаруживши въ своемъ трудѣ знакомство съ средневѣковыми источниками, относящимися къ черноморскимъ народамъ, не выставилъ надлежащимъ образомъ ту роль, которую разыгрывали Тюрки въ исторіи Славянъ, съ V вѣка до появленія Печенѣговъ, тѣмъ болѣе, что роль эта нисколько не уступаетъ въ интересѣ и поучительности роли Печенѣговъ, Тюрковъ и Половцевъ. Если мы не ошибаемся, то этотъ пробѣлъ отчасти обусловленъ тѣмъ, что г. Голубовскій еще не вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что историческая этнографія должна основываться на лингвистическихъ началахъ. Недостатокъ такого убѣжденія замѣтенъ и во второй главѣ: *Племенное родство и происхожденіе Печенѣговъ, Торковъ и Половцевъ.* Конечно никто не станетъ требовать отъ автора близкаго знакомства съ сравнительной грамматикою тюркскихъ народовъ, но, при опредѣленіи, къ какой группѣ тюркскаго племени принадлежалъ каждый изъ трехъ выше упомянутыхъ народовъ, никакъ нельзя обойтись безъ результатовъ, добытыхъ изслѣдованіемъ остатковъ прототюркскихъ нарѣчій. Эти прототюрки составляли главную массу аваровъ, были господствующимъ племенемъ въ Хазаріи и, наконецъ, къ нимъ принадлежали языческіе болгары, часть конхъ сливалась съ славянами, обитавшими въ Мизіи и Ѳракіи, а другая — Камскіе болгары—съ татарами. Въ лингвистическомъ отношеніи всѣ эти Прототюрки сильно отличались отъ другихъ Тюрковъ, какъ это видно изъ остатковъ ихъ нарѣчій и изъ языка современныхъ Чувашей. И сколько трудовъ стоило готамъ, франкамъ, русско-варяжскимъ князьямъ и византійцамъ ослабить и уничтожить политическое могущество Болгаровъ, Аваровъ и Хазаровъ!

Авторъ нашей монографіи держится того мнѣнія, что Печенѣги и Половцы состояли въ близкомъ родствѣ съ сельджуками, слѣдовательно и съ османами. Что касается Торковъ русскихъ лѣтописей, то г. Голубовскій на основаніи нѣкоторыхъ, но чисто историческихъ свидѣтельствъ, отождествляетъ ихъ съ гузами. Послѣдній выводъ весьма важенъ, такъ какъ Торки, по нашимъ лѣтописямъ, играли

особую, не маловажную роль въ исторіи отношеній кочевниковъ къ русскимъ князьямъ. Къ сожалѣнію г. Голубовскій упустилъ, при этомъ, изъ виду многознаменательное свидѣтельство императора Льва о Торкахъ-Мадьярахъ, къ которому мы будемъ еще имѣть случай обратиться.

Третья глава *Русь и Кочевники*, самая обширная по объему, отличается вмѣстѣ съ тѣмъ богатствомъ содержанія. Здѣсь авторъ особенно обнаружилъ свою начитанность въ нашихъ лѣтописяхъ и свое умѣніе освѣтить лѣтописныя извѣстія съ разныхъ сторонъ. Не мало также потрудился онъ надъ вѣрнымъ обозначеніемъ направленія нашествія кочевниковъ на русскія окраины и надъ опредѣленіемъ исходныхъ пунктовъ походовъ русскихъ князей противъ степныхъ варваровъ. Само собою разумѣется, что, при относительной скудости источниковъ и при значительномъ протяженіи русскихъ границъ, автору не всегда удается опредѣлить съ точностью мѣстности, упоминаемыя въ лѣтописяхъ. Но положенное имъ въ этомъ отношеніи начало поведетъ его и другихъ къ дальнѣйшимъ соображеніямъ.

Нельзя не замѣтить въ авторѣ стремленія смотрѣть безпристрастно на борьбу русскихъ князей съ кочевниками. Изображая то наступательныя, то оборонительныя войны русскихъ князей, онъ тщательно избѣгаетъ тона патріотическаго панегириста. Онъ даже рѣшительно допускаетъ (стр. 179), что покончить съ жестокими наѣздниками было не подъ силу русскимъ князьямъ и что борьба съ ними и вмѣшательство ихъ въ дѣла русскихъ окраинъ существенно повліяли на «ослабленіе» Россіи вообще. Причины, помѣшавшія цѣлымъ поколѣніямъ князей съ надлежащимъ успѣхомъ отражать кочевниковъ, указаны г. Голубовскимъ въ разныхъ мѣстахъ его монографіи. При этомъ, однако, онъ недостаточно сильно подчеркнулъ тотъ фактъ, что славяне, будучи съ искони народомъ осѣдлымъ, предпочитали сражаться пѣшкомъ. Тюркскіе народы, наоборотъ, славились какъ отличные наѣздники и это давало имъ возможность терзать Русь нечаянными и быстрыми набѣгами. Даже первые варяго-русскіе князья, главная сила которыхъ состояла во флотѣ и въ пѣхотѣ, не въ силахъ были справиться съ тюркскими наѣздниками.

Для краткости мы не можемъ коснуться другихъ, весьма любопытныхъ замѣчаній и выводовъ автора, но вполнѣ убѣждены, что глава эта не останется безъ вліянія на труды будущихъ изслѣдователей и побудитъ ихъ къ болѣе серьезнымъ размышленіямъ надъ

жалкимъ состояніемъ военнаго и политическаго устройства въ тогдашней Россіи.

Въ IV главѣ авторъ разсматриваетъ *судьбы окраинскаго славянскаго населенія*. Указавъ на скудость источниковъ, авторъ старается восполнить этотъ недостатокъ соображеніями о (мнимыхъ) древнихъ поселеніяхъ славянъ въ Тмутаракани и на устьяхъ Дона. Но эти соображенія—такого рода, что мы воздерживаемся слѣдить за пріемами автора.

V глава озаглавлена: *Кочевники у себя*. Въ ней авторъ даетъ намъ краткій очеркъ образа жизни, политическаго устройства, военныхъ дѣйствій и религіи кочевниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Печенѣговъ, Торковъ и Половцевъ. Многимъ, безъ сомнѣнія, этотъ очеркъ покажется слишкомъ краткимъ. Конечно, нельзя сказать, чтобы онъ не могъ быть расширенъ съ помощью извѣстій о древнемъ бытѣ другихъ тюркскихъ племенъ. Мы только считаемъ умѣстнымъ обратить вниманіе автора и другихъ на главу въ стратегіи императора Льва, современника в. кн. Олега, въ которой довольно подробно изображенъ способъ веденія войны венгерцами подъ конецъ IX вѣка. Изъ этого описанія видно, что тюркскіе династы, стоявшіе на главѣ финско-венгерской орды, въ военномъ дѣлѣ придерживались военныхъ обычаевъ другихъ тюркскихъ народовъ. Императоръ, конечно, не безъ причины, называетъ Венгерцевъ просто Тюрками (Τοῦρκοι) и это извѣстіе должно было-бы получить объясненіе тамъ, гдѣ г. Голубовскій изложилъ свой взглядъ на «Торковъ» русскихъ лѣтописей въ X и XI вѣкѣ.

Глава VI. *Нашествіе Татаръ и выселеніе Половцевъ*. Послѣ нашествія Батыя половецкая земля была занята татарами, особенно ногайцами. Половцы погибли частью отъ меча, частью отъ голода и только жалкіе ихъ остатки нашли убѣжище въ сосѣднихъ земляхъ. При изложеніи этихъ событій было-бы весьма кстати, еслибъ авторъ свелъ въ одно то, что имъ сказано въ другихъ мѣстахъ (на прим. на стр. 196, 200 и 209) о происхожденіи казачества.

Еще въ недавнее время, предметъ, обработанный въ сочиненіи г. Голубовскаго, считался бы мелочнымъ, не стоющимъ монографическаго изслѣдованія. Такой взглядъ не можетъ уже имѣть мѣста въ наше время, когда дознано, что многія положенія древней русской исторіи оказались шаткими вслѣдствіе недостаточно осмотрительной оцѣнки лѣтописныхъ извѣстій, и когда сдѣлалось яснымъ, что областная исторія, составленная на основаніи источни-

ковъ, въ состояніи сообщить нашему историческому знанію болѣе твердое основаніе въ томъ или другомъ отношеніи.

Въ числѣ предметовъ, требующихъ болѣе тщательной обработки, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ тотъ, который мы называемъ «восточнымъ вопросомъ русской исторіи». Предметъ этотъ такъ обширенъ, что всесторонняя разработка его не по силамъ одному человѣку. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, вѣрный успѣхъ зависитъ отъ составленія хорошо обдуманныхъ и исполненныхъ монографій. Къ числу такихъ спеціальныхъ трудовъ, освѣщающихъ предметъ, по видимому, неблагодарный, принадлежитъ сочиненіе г. Голубовскаго. Этотъ молодой ученый не только обнаруживаетъ полное знакомство съ главными источниками, т. е. съ русскими лѣтописями до нашествія татаръ, но умѣетъ и интерпретировать разсѣянные матеріалы въ географическомъ, хронологическомъ и другихъ отношеніяхъ и группировать ихъ для выводовъ. Правда, не всѣ главы обработаны съ одинаковымъ успѣхомъ, что отчасти происходитъ отъ недостатка строгаго историко-филологическаго метода по части исторической этнографіи. Кромѣ того, второе заглавіе книги: «Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII вв.» не совсѣмъ оправдывается содержаніемъ и направленіемъ книги. Тѣмъ не менѣе было-бы несправедливостью съ нашей стороны, еслибъ мы не захотѣли признать, что авторъ первый вообще тщательно изслѣдовалъ важный въ своемъ родѣ предметъ и привелъ его во внутреннюю связь съ исторіею русскаго народа и государства. Поэтому сочиненіе его, восполняющее пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ, имѣетъ право на награду графа Уварова.

II.

ОТЗЫВЪ О СОЧИНЕНІИ г. ПЕТРОВА: «ОЧЕРКИ ИСТОРІИ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТОЛѢТІЯ»,

составленный профессоромъ **И. И. Дашкевичемъ.**

Довольно давно уже возникъ въ русской литературѣ вопросъ о правѣ на существованіе въ ней и при ней особой областной литературы — украинской. Вопросъ начался съ разсужденій объ языкѣ этой литературы. Павловскій, авторъ первой грамматики украинскаго нарѣчія, которое онъ признавалъ «почти настоящимъ языкомъ», писалъ въ 1818 г. въ послѣсловіи къ своей грамматикѣ: «Я слышалъ вопросъ: «къ чему пригодна можетъ быть предлагаемая мною грамматика малороссійскаго нарѣчія?» — Вопрошаютъ: «нужно ли сохранять различныя нарѣчія, которыхъ во всякомъ языкѣ находится не малое количество? или предать всѣ оныя забвенію?» Рѣшительно отвѣчаю: нужно сохранять всѣ нарѣчія, сколько бы ни нашлось, въ какомъ бы ни было, а тѣмъ болѣе въ нашемъ отечественномъ, языкѣ» [1]). Но, если уже тогда начинался споръ объ языкѣ украинской литературы, то еще не было нападковъ на тѣ немногія произведенія ея, которыя появились въ печати до выхода въ свѣтъ грамматики Павловскаго и вскорѣ послѣ нея. Энеида Котляревскаго, съ которой начинаютъ новѣйшую украинскую литературу, была встрѣчена весьма благосклонно повсюду, и ее читали не только въ Малороссіи, но и въ Великороссіи. Въ 1816 г. вел. кн. Николай Павловичъ, будущій императоръ, посѣтивъ Полтаву, «многихъ удостоилъ обѣщаній высокаго покровительства своего, — особливо извѣстнаго дарованіями своими автора Вирги-

[1]) Грамматика малороссійскаго нарѣчія и проч., Спб. 1818, стр. 112—114.

ліевой Энеиды на изнанку на малороссійскомъ языкѣ, капитана Котляревскаго — и изъявилъ желаніе имѣть у себя два экземпляра оной» [1]). Ясно, что произведенія на украинскомъ нарѣчіи не возбуждали и оффиціальныхъ опасеній. Тѣ, которымъ казалось страннымъ украинское стихотворство, ограничивались насмѣшкой, какъ, напр., князь А. А. Шаховской [2]). Но когда послѣ И. П. Котляревскаго выступилъ въ русскихъ журналахъ съ произведеніями на украинскомъ нарѣчіи Гулакъ-Артемовскій, явственно обозначилось разногласіе въ русскомъ обществѣ и литературѣ касательно возникавшей украинской литературы. «Слышно», писалъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1827 г. [3]) Каченовскій, редакторъ этого журнала и професоръ Московскаго университета, «что между благосклонными читателями стихотвореній малороссійскихъ есть и неблагосклонные къ сему нарѣчію — хранящемуся въ устахъ пяти милліоновъ соотчичей нашихъ и по многимъ отношеніямъ драгоцѣнному для славянскаго филолога». По мѣрѣ умноженія произведеній на малороссійскомъ нарѣчіи, въ русской литературѣ начали присматриваться внимательнѣе къ этому движенію. Въ 30-хъ годахъ украинская литература быстро шагнула впередъ, и къ этому новому движенію, вслѣдъ за Гулакомъ-Артемовскимъ, примкнули молодые представители науки, какъ И. И. Срезневскій, О. М. Бодянскій, А. Л. Метлинскій, а затѣмъ Н. И. Костомаровъ. Въ концѣ 30-хъ годовъ нѣкоторые изъ русскихъ литераторовъ начали открыто возвышать голосъ противъ стремленія создать украинскую литературу. Н. А. Полевой, напечатавшій въ «Телеграфѣ» язвительную эпиграмму на Гулака-Артемовскаго, отчетливо формулировалъ свое мнѣніе объ украинской литературѣ въ статьѣ, помѣщенной въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1838 г. и затѣмъ перепечатанной въ «Очеркахъ русской литературы». Здѣсь Полевой говоритъ: «Родная намъ по происхожденію, наша православная русская прежде, и теперь столько же русская по любви къ царю и къ славѣ отечества Малороссія отличается отъ настоящей, сѣверо-восточной

[1]) Украинскій Вѣстникъ 1816, іюль, 93. Вообще Котляревскій былъ почтенъ монаршими милостями не по рангу.

[2]) См. ниже. Еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ продолжались такія насмѣшки надъ малороссами.

[3]) № 20, стр. 286. Ранѣе относились иначе къ произведеніямъ Гулака-Артемовскаго. Въ своей «Пысулькѣ» и проч. онъ говоритъ: «мого Рябка въ Петербурзи, у Москви скризь такы гладылы не протывъ шерсти, прыймалы неначе кого й добраго». Кобзарь, 33.

Россіи нравами, обычаями, жилищами, одеждою, привычками и народною поэзіею. Это произошло отъ отдѣльнаго образованія Малороссіи и Россіи съ тринадцатаго по семнадцатый вѣкъ..... Пѣсня малороссійская до сихъ поръ не то, что наша русская пѣсня. — Обольщенные тѣмъ, что такая пѣсня находитъ еще сочувствіе въ самыхъ образованныхъ малороссіянахъ, нѣсколько умныхъ и грамотныхъ урожденцовъ Украйны подумали, будто можетъ еще существовать и народная малороссійская словесность.... какъ умную шалость, даже и мы, русскіе читали съ удовольствіемъ Энеиду Котляревскаго. Но подражатели и послѣдователи обличили потомъ ошибку мнимой малороссійской словесности, просто анахронизма въ нашемъ нынѣшнемъ быту... Послѣдователи Котляревскаго и Гоголя показали смѣшную сторону мысли объ искусственномъ созданіи самобытной малороссійской поэзіи, и о томъ, что Малороссія можетъ быть предметомъ драмы, эпопеи, лирики, романа, повѣсти самобытныхъ, такихъ, которые образовали бы отдѣльную словесность: все это составляетъ только частный элементъ для общей русской поэзіи и словесности. — Чѣмъ должны ограничиться и гдѣ поставить предѣлы поэзія и словесность племени, вошедшаго въ составъ государственный другаго народа? Они ограничиваются остатками первобытной поэзіи племени, повтореніемъ ея въ безъискусственой пѣснѣ простолюдина и наконецъ нѣсколькими частными явленіями, иногда блестящими. Такое явленіе былъ Шотландскій поэтъ Бурнсъ. Таковъ, можетъ статься, былъ Котляревскій — Бурнсъ Украинскій... И Бурнсъ и Котляревскій могутъ повториться еще нѣсколько разъ» [1]). Такимъ повтореніемъ Полевой призналъ автора драматическихъ сценъ, вышедшихъ въ Москвѣ въ 1837 г. подъ названіемъ «Чари», и весьма сочувственно отнесся къ нему. Полевой весьма подробно изложилъ содержаніе пьесы Кирилла Тополи, нашедши въ ней «настоящую поэзію», но заключилъ наставленіемъ: «ради Бога, не хитрите г. Тополи: не пускайтесь въ исторію, въ географію, въ древности, въ то, что вы можете узнать искусственно и по наслышкѣ! Списывайте, что видите, и не думайте о правилахъ.... ни слова о будущности малороссійскаго поэта. Кто знаетъ будущее? Оно такъ обманчиво!...» [2]) Мнѣніе Полеваго имѣло въ виду при-

[1]) Ср. мнѣніе, высказанное въ 1860 г. Добролюбовымъ по поводу Кобзаря Шевченка.

[2]) Оч. р. литт., ч. II. Спб. 1839, 488—490, 509—510.

миреніе разнорѣчивыхъ сужденій и признавало умѣстность нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній на украинскомъ нарѣчіи. Но были высказываемы и крайнія отрицательныя сужденія объ этихъ произведеніяхъ. Таковъ былъ, напр., отзывъ В. Г. Бѣлинскаго [1]). «Не пишите по малороссійски! Какъ это смѣшно! — только и читаешь въ журналахъ», писалъ въ 1841 г. Чужбинскій. — Съ 40-хъ годовъ вопросъ о малороссійской литературѣ вызывалъ сужденія многихъ изъ выдающихся дѣятелей нашей литературы и науки Въ разсмотрѣніи его принимали участіе: такіе критики и публицисты, какъ Добролюбовъ и И. С. Аксаковъ, не говоря о множествѣ другихъ, такіе ученые, какъ В. И. Ламанскій, Костомаровъ, А. Н. Пыпинъ, А. А. Котляревскій и А. С. Будиловичъ. Въ журналахъ и газетахъ послѣднихъ 30 лѣтъ споръ о малорусской литературѣ пріурочивали нерѣдко къ политическимъ тенденціямъ, и весьма часто велась и ведется полемика по вопросу объ украинской литературѣ.

За данными для рѣшенія этого вопроса обращались и обращаются, между прочимъ, къ исторіи западныхъ государствъ и литературъ. Тамъ, дѣйствительно, можно подыскать нѣсколько аналогій явленія, составляющаго предметъ спора у насъ. На западѣ вопросъ объ отношеніи провинціальнаго индивидуализма въ литературѣ и языкѣ къ единообразію, устанавливаемому государствомъ или иными національными связями, вопросъ объ языкѣ, преобладающемъ въ государствѣ или въ средѣ интеллигенціи, и о литературѣ областныхъ нарѣчій весьма старъ. Когда къ концу среднихъ вѣковъ въ Италіи началъ развиваться общеитальянскій литературный языкъ, тамъ поднялся вопросъ объ отношеніи его къ отдѣльнымъ нарѣчіямъ. Препирательства объ этомъ не прекращались во все продолженіе развитія итальянской литературы, начиная съ XIII в. и до послѣдняго времени [2]). Въ новѣйшее время обращаютъ на себя вниманіе литературное возрожденіе у нѣкоторыхъ небольшихъ народностей Запада и ихъ попытки создать собственныя литературы [1]). И противники малорусской литературы [2]), и ея защитники [3]) указывали на новѣйшую провансальскую литературу. И въ самомъ дѣлѣ та параллель, какую устанавливали между новѣйшей провансальской литературой и украинской, не лишена значенія, потому что обѣ эти литературы, возникши въ довольно отдаленное время, пришли затѣмъ въ упадокъ и возродились въ настоящемъ столѣтіи; обѣ принадлежатъ народностямъ, занимающимъ югъ государства, основаннаго или же возстановленнаго сѣверною вѣтвію націи; обѣ, наконецъ, занимаютъ своеобразное посредствующее положеніе между народнымъ и искусственнымъ творчествомъ [4]). Во Франціи также относились подозрительно къ возрожденію провансальской литературы [5]), которое сопровождалось иногда недруже-

[1]) Объ отношеніи Бѣлинскаго къ произведеніямъ Костомарова см. въ автобіографіи послѣдняго и въ примѣчаніяхъ къ ней: Р. Мысль 1885 г. май.— Объясненіе отношенія Бѣлинскаго къ украинской литературѣ см. въ ст. г. Пыпина въ «Вѣст. Европы» 1882 № 12, «Изученія русской народности», стр. 763.

[2]) См. ст. Caix—La Formazione degli idiomi letterarii in ispecie dell'italiano dopo le ultime ricerche — въ Nuova Antologia 1874 г. и его-же «Die Streitfrage über die italienische Sprache» въ сборникѣ Hillebrand'a: Italia, Bd. II. Ср. ст. В. И. Ламанскаго «Національности итальянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ»—въ «Отечеств. Зап.» 1864 г., т. CLVII. Въ заключеніи 1-й статьи г. Ламанскаго (стр. 188) читаемъ: «направленіе Пасквини напоминаетъ нападки нѣкоторыхъ великорусскихъ патріотовъ на всѣ литературныя попытки малорусскихъ писателей. Въ этомъ отношеніи они поступаютъ очень неблагоразумно и неосторожно, поддерживая ложную мысль о нашемъ литературномъ языкѣ, какъ будто онъ есть чисто великорусскій.... Мирное же свободное развитіе малорусскаго нарѣчія въ извѣстныхъ предѣлахъ (какъ провансальскаго во Франціи, сицилійскаго въ Италіи, платъ-дейча въ Германіи), можетъ и должно служить примѣромъ для словаковъ, словинцевъ, болгаръ и прочихъ племенъ славянскихъ, которыя могли бы подобно малорусскимъ, пользоваться въ одно и то же время и своими мѣстными нарѣчіями и литературнымъ русскимъ языкомъ. Изъ обще-русскаго онъ сдѣлается тогда языкомъ обще-славянскимъ. «Въ послѣднее время этого вопроса объ обще-славянскомъ значеніи русскаго языка касался лингвистъ Абель въ статьѣ «О возможности общеславянскаго литературнаго языка», переведенной въ «Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества» 1885 г. №№ 9 и 11—12.

[1]) См. лекцію Филарета Шаля: La musique, la poésie et les arts de la Provence moderne — въ Revue des cours littéraires, première année, № 20.

[2]) Милюковъ въ ст. «Вопросъ о малороссійской литературѣ» (Эпоха 1864»), перепечатанной въ его книгѣ: «Отголоски на литературныя и общественныя явленія». Спб 1875 г.

[3]) Драгомановъ въ ст.: Новокельтское и Провансальское движеніе во Франціи (Вѣсти. Европы 1875 г., Августъ и Сентябрь).

[4]) Объ отношеніи искусственной поэзіи къ народному творчеству на западѣ вообще см. въ книгѣ Körting'a: Die Anfänge der Renaissancelitteratur in Italien, Leipz. 1884, S. 170 ff. Ср. его-же Encyklopädie und Methodologie der romanischen Philologie, zw. Theil, Heilbronn 1884, 358—361.

[5]) Revue politique et littéraire, 2 serie, 6-e année num. 37 (10 mars 1877), вступит. лекція L. Clédat, читанная въЛіонѣ, подъ заглавіемъ: «Le vieux français», p. 867.

любнымъ настроеніемъ южанъ по отношенію къ сѣверянамъ [1]), и также ведутся споры между южанами и многочисленными критиками, которые видятъ въ употребленіи южанами роднаго нарѣчія въ литературѣ признакъ безсилія или—самое малое—капризъ и упрямство и желали бы, чтобы существовала исключительно литература на общемъ нарѣчіи высшихъ классовъ французской націи. Возраженія, выдвигаемыя защитниками патуа, напоминаютъ доводы, выставляемые у насъ въ защиту малорусской литературы [2]). Наконецъ, и нѣкоторые современные поэты романскаго юго-запада, въ томъ числѣ провансальскіе, подобно южно-русскимъ поэтамъ, склоняющимся къ панславизму, провозглашаютъ идею обще-латинской федераціи [3]). — Интересно, далѣе сопоставить украинскую литературу съ литературою на platt-deutsch, также издавна существовавшею [4]). На аллеманскія стихотворенія Гебеля указывалъ уже въ 20-хъ годахъ Каченовскій [5]).

Итакъ, указываютъ немало параллелей на Западѣ украинскому литературному движенію. Но первостепенное значеніе для рѣшенія вопроса объ этомъ движеніи имѣетъ не разъясненіе его посредствомъ аналогій, а изученіе генезиса вопроса во всей его широтѣ на русской почвѣ. Къ сожалѣнію, необходимость такого обстоятельнаго изученія упускали изъ виду нѣкоторые изъ вступавшихъ въ полемику объ украинской литературѣ. Они пускались въ раз-

[1]) Ibid.: «.. ce n'est un mystére pour personne, que le réveil recent de la littérature provençale a été accompagné d'un mouvement peu sympathique de certaines populations du Midi à l'égard de celles du Nord. Les poëtes de grand talent qui ont illustré cette renaissance de la langue du Midi n'ont pas résisté peut être autant qu'ils l'auraient dû a ces sentiments regrettables et que rien explique».

[2]) Вступительная лекція Chabaneau, La langue et la litterature provençales. 14—17.

[3]) A. Roque-Ferrier, De l'idée latine dans quelques poésies en langue d'oc, en espagnol et en catalan, Par. 1877 (Extrait de la *Revue des Langues romanes*).

[4]) См. общія замѣчанія о распаденіи нѣмецкаго языка на двѣ вѣтви въ превосходной книгѣ Scherer'a: Gesch. d. deutschen Litteratur (1-е изд., стр. 39—40). Отмѣтимъ брошюры: Dannehl'я—Ueber niederdeutsche Sprache u. Literatur (Samml. gemeinverständl. Vorträge, Heft 219 u. 220) и Eggers'a — Klaus Groth u. d. plattdeutsche Dichtung, Berl. 1885 (Deutsche Zeit- und Streit-Fragen Heft. 215) Огоновскій отвергаетъ это сравненіе и указываетъ на аналогію малорусской литературѣ въ литературахъ датской и голландской. Опроверженіе послѣдняго сопоставленія см. въ ст. Пыпина въ Вѣстн. Европы. 1886, № 4, стр. 774.

[5]) См. ниже.

сужденія объ этой литературѣ, не имѣя надлежащихъ историческихъ свѣдѣній. Отсутствіе надлежащаго знакомства съ предметомъ обнаружили и нѣкоторые литераторы, какъ напр. Милюковъ, и многіе публицисты.

Г. Петровъ, авторъ «Очерковъ украинской литературы XIX столѣтія», подлежащихъ разбору въ настоящей рецензіи, обратилъ вниманіе на постоянно встрѣчающіеся, самые противуположные и притомъ неустойчивые взгляды на исторію украинской литературы, затемняющіе сущность дѣла». По его мнѣнію, въ томъ и другомъ лагерѣ недостаетъ «спокойнаго изученія историко-литературныхъ фактовъ и даже надлежащей полноты этихъ фактовъ, необходимой для правильнаго уразумѣнія украинской литературы. Историческое изученіе украинской литературы нынѣшняго вѣка, и только оно одно, можетъ развязать гордіевъ узелъ запутанныхъ отношеній между обѣими отраслями русской литературы» (стр. 1).

Г. Петровъ преувеличилъ нѣсколько въ приведенныхъ словахъ разногласіе и шаткость мнѣній объ украинской литературѣ, а также рѣшающее значеніе историческаго изученія новѣйшаго періода украинской литературы.

Онъ не представилъ историческаго очерка спора объ этой литературѣ и не отмѣтилъ того, что въ русской литературѣ не было исключительнымъ враждебное отношеніе къ украинской литературѣ, но постоянно имѣло мѣсто и не прекращалось и сочувствіе къ ней. Котляревскій, начинатель новѣйшей украинской литературы, «въ 1822 г. былъ избранъ членомъ Санктпетербургскаго Общества любителей Русской Словесности, помѣстилъ нѣкоторые отрывки изъ послѣднихъ частей Энеиды въ издававшемся тогда журналѣ Соревнователь» [1]). До 30-хъ годовъ однимъ изъ періодическихъ изданій, относившихся благосклонно къ украинской литературѣ, былъ журналъ Московскаго профессора Каченовскаго «Вѣстникъ Европы». Каченовскій, получившій первоначальное образованіе въ Харьковскомъ коллегіумѣ, выразилъ въ своемъ журналѣ сочувствіе Украинскому Вѣстнику, а затѣмъ помѣщалъ на страницахъ «Вѣстника Европы» произведенія на украинскомъ нарѣчіи. Стихотворенію Гулака-Артемовскаго «Рыбалка» Каченовскій предпослалъ слѣдующее замѣчаніе: «Несговорчивыхъ мудрено переувѣрить; но для другихъ мы сошлемся на *Аллеманскія* стихотворенія покойнаго Гебеля, съ любопытствомъ и наслажденіемъ

[1]) Сѣверная Пчела 1839, № 146.

читаемыя во всѣхъ государствахъ Германіи, частію напечатанныя и у насъ, рядомъ съ нѣкоторыми изъ прекрасныхъ переводовъ В. А. Жуковскаго. Кажется позволено просить снисхожденія къ нарѣчію многочисленныхъ однородцевъ, соотечественниковъ и согражданъ *нашихъ*, снисхожденія, подобнаго тому, какое оказываютъ нѣмцы къ остаткамъ языка, уцѣлѣвшимъ въ одномъ уголкѣ Швабіи»[1]). Не станемъ перечислять другихъ журналовъ и альманаховъ, удѣлявшихъ мѣсто на своихъ страницахъ произведеніямъ украинской литературы. Отмѣтимъ лишь мнѣніе *Сѣверной Пчелы*. Рецензентъ ея назвалъ «Думки и пѣсни, та шче де шчо» Амвросія Могилы «трудомъ *благонамѣреннымъ* и слѣдовательно достойнымъ уваженія», отмѣчая въ тоже время излишній энтузіазмъ» Метлинскаго[2]), который, дѣйствительно, впалъ въ преувеличенія въ предисловіи къ этой книжкѣ. Въ другомъ мѣстѣ рецензентъ той же Сѣверной Пчелы говоритъ[3]), что онъ прочелъ Наталку Полтавку съ большимъ удовольствіемъ. — *Основатели* московскаго славянофильства смотрѣли благодушно на украинскую литературу, и въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 г. былъ помѣщенъ эпилогъ Кулиша къ «Черной Радѣ»: «Объ отношеніи малороссійской словесности къ общерусской», въ которомъ авторъ указывалъ на то, что въ ряду нашихъ ученыхъ — и именно историковъ и филологовъ — есть такіе, которые думаютъ играть роль русскихъ патріотовъ, унижая одно русское племя передъ другимъ». «Какими бы глазами ни смотрѣли на литературную дѣятельность южной Руси тѣ патріоты, которые ограничиваютъ полетъ русскаго духа предѣлами древняго государства московскаго; но сама она явно стремится къ сообщенію съ литературой сѣверно-русской. Она не чуждается того, что́ въ этой литературѣ есть чисто-славянскаго, одинаково родственнаго каждому племени; но, чувствуя въ ней односторонность развитія и недостаточность своенародныхъ чисто русскихъ формъ, усиливается выработать изъ своей нравственной почвы слово полное, сильное, истинно самобытное, способное выразить южно русскаго человѣка въ глубокихъ и тончайшихъ чертахъ его характера.... Намъ очень добродушно совѣтуютъ оставить разработку малороссійскаго языка посредствомъ художественныхъ созданій; но это совѣтуютъ люди, не имѣющіе понятія о томъ, какое вліяніе имѣетъ

[1]) Вѣстникъ Европы. Октябрь 1827, стр. 286—287.
[2]) Сѣв. Пчела 1839, № 110.
[3]) 1839, № 69.

высоко развитая сила и красота роднаго слова на нравственное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на вещественное благосостояніе цѣлаго племени»[1]). — Вспомнимъ, далѣе, мнѣніе покойнаго Гильфердинга объ «особенномъ призваніи малороссовъ» «въ средѣ Русскаго народа» къ «развитію между нами славянской идеи»[2]). — Въ послѣднее время отстаивали права украинской литературы на существованіе нѣкоторые журналы[3]) и высказывали вполнѣ благородный и просвѣщенный взглядъ на этотъ вопросъ и нѣкоторые представители славянофильства.

Итакъ, едвали можно согласиться съ утвержденіемъ, которымъ начинается книга г. Петрова; нельзя сказать, что украинская литература «періодически подвергалась враждебнымъ нападкамъ со стороны извѣстныхъ литературныхъ партій». Отношеніе западнической и славянофильской «партіи» къ украинской литературѣ не было постоянно одинаково, нападки на нее не повторялись періодически, но держались постоянно, а равно постоянно встрѣчала она и сочувственное отношеніе въ русской литературѣ.

Съ другой стороны, приверженцы украинской литературы далеко не всегда впадали въ ту крайность, какую приписываетъ имъ г. Петровъ. Чупрына (А. А. Котляревскій), Костомаровъ не были излишне снисходительны въ своихъ сужденіяхъ, не были способны впадать въ узкій провинціализмъ, и врядъ-ли можно сказать, что они, а равно и другіе просвѣщенные критики ставили украинскую литературу «несравненно выше сѣверно-русской искусственной литературы». Въ предѣлахъ Россіи украинская литература никогда не имѣла притязанія оттѣснять общерусскую. Защитники ея имѣли въ виду лишь существованіе ея при русской литературѣ[4]); вѣдь въ XVII в. и отчасти въ XVIII литературныя произведенія на

[1]) Русская Бесѣда 1857, III, 127, 141—142.
[2]) Полное собраніе сочиненій А. Гильфердинга, т. I, Спб. 1868. «Какъ относятся къ Кириллу и Меѳодію современные славяне», стр. 336—340.
[3]) Рядъ этихъ журналовъ открывается «Современникомъ». Укажемъ въ послѣднемъ на статью, помѣщенную въ т. LXXXV, стр. 66 и слѣд. Здѣсь, между проч., читаемъ: «теперь уже никто изъ насъ не можетъ отзываться о малорусской литературѣ безъ уваженія и сочувствія, если не хочетъ заслужить названія невѣжды». Эта увѣренность автора оказывается однако ошибочною.
[4]) Укажемъ на мнѣніе, неоднократно выраженное Костомаровымъ, о томъ, что «литература малорусская должна быть литературою простонародною, какъ по выбору предметовъ, такъ и по способу выраженія мыслей объ этихъ предметахъ» (Кіевск. Стар. 1883, № 2, стр. 222).

народномъ языкѣ могли появляться въ Украйнѣ при литературѣ на языкѣ, въ которомъ старались удержать связь съ языкомъ церковно-славянскимъ. Украинская литература была свободна отъ непріязни къ велико-руссамъ [1]), не искала первенства и не проповѣдывала розни. Украинская литература не могла не цѣнить общерусскаго просвѣщенія и его органа—общерусскаго литературнаго языка, не могла не знать, сколько обязана украинская литературная рѣчь общерусскому литературному языку выработанностью, замѣчаемою въ произведеніяхъ Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Шевченка, Стороженка. Если на что могли указывать и указывали сторонники существованія украинской литературы, то развѣ на неполное приближеніе русскаго литературнаго языка къ чисто народной рѣчи, но такую обособленность литературнаго языка отмѣчали и не украинцы, какъ напр., Добролюбовъ [2]), и съ другой стороны защитники украинской литературы признавали общерусскій литературный языкъ созданіемъ великоруссовъ и малороссовъ. Словомъ, украинская интеллигенція не могла не сказать вмѣстѣ съ новѣйшимъ украинскимъ поэтомъ:

Чому не йимешъ вірити, брате-москалю,
Невже ти лякаесся зради?
Зъ тобою недолі насъ кровью зъеднали —
Не буде міжъ нами розради;
Зъ тобою давно ми працюемъ на полі
Розросту науки и освіти,
Зъ тобою давно ми шукаемо долі —
Іі намъ зъ тобою ділити [3])!

---

[1]) Не было ея и у того поэта, у котораго болѣе всего указываютъ ея,— у Шевченка, который пострадалъ за нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній (См. автобіогр. Костомарова и ст. г. Гаршина въ № 1-мъ «Историч. Вѣстника» 1886). Укажемъ на отзывъ г. Петрова объ отношеніи Шевченка къ русскому языку (стр. 355) и о нецензурныхъ произведеніяхъ его (стр. 349).

[2]) «Вѣдь и у насъ языкъ литературы—собственно не русскій, и черезъ сто лѣтъ надъ нами, конечно, будутъ такъ же смѣяться, какъ мы теперь смѣемся надъ языкомъ *ассамблей* петровскаго времени». Сочин. Н. А. Добролюбова, изд. 3, т. III, 324.

[3]) Старицькій, Зъ давнёго зшитку, Кіевъ 1883. До славянъ, II. Ранѣе это стихотвореніе было напечатано въ Львовской «Правдѣ» 1872, ч. I.

Но въ тоже время защитники украинской литературы не могли забыть коренныхъ особенностей, которыми украинцы отличаются отъ великоруссовъ и которыя слагались въ теченіи многихъ вѣковъ.

Въ виду этого послѣдняго обстоятельства вопросъ объ украинской литературѣ рѣшается не только однимъ изученіемъ новѣйшаго періода ея, что утверждаетъ г. Петровъ. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько государство, охраняя общіе интересы, вправѣ, въ видахъ поддержанія исключительнаго значенія общелитературнаго языка, стѣснять развитіе литературъ на другихъ языкахъ и нарѣчіяхъ [1]); оставимъ въ сторонѣ и сужденія объ общей пользѣ, проистекающей изъ сохраненія единства въ разнообразіи, и о вредѣ обезличенія [2]); укажемъ на рядъ *научныхъ* вопросовъ, съ которыми ставился въ соотношеніе вопросъ объ украинской литературѣ. Его приводятъ въ связь: съ общей исторіей малорусской народности на всемъ протяженіи ея развитія, начиная съ момента яснаго выдѣленія этнографическаго типа [3]);— съ исторіей малорусскаго нарѣчія, явственные слѣды котораго, по документаль-

---

[1]) Нельзя не согласиться съ Абелемъ, который въ своей книгѣ Gross und kleinrussisch, Leipz. u. Berl. 1885, S. 36, говоритъ: «Wenn schon Blut- und Namens-Verwandtschaft die Menschen aneinander bindet, eint die Gemeinschaft geistigen Lebens sie nicht noch mehr?»

[2]) Таково было мнѣніе А. А. Котляревскаго. См. газ. «Трудъ» 1881, № 8. Въ послѣднее время А. Н. Пыпинъ не разъ, по его словамъ, «объяснялъ, что подобное (какъ въ малорусской литературѣ) развитіе мѣстныхъ элементовъ нетолько не ослабляетъ цѣлую народность, но усиливаетъ ее, раскрывая богатства ея внутренняго содержанія, давая исходъ разнообразію ея оттѣнковъ, поощряя проявленія народной и личной даровитости, расширяя объемъ литературы, обогащая языкъ. Относиться враждебно къ этимъ мѣстнымъ элементамъ, значитъ умалять внутреннее достоинство самой господствующей народности». В. Евр. 1885, № VIII, Обзоръ малорусской этнографіи, стр. 753. Напоминающая воззрѣніе современнаго философа Спенсера мысль о томъ, что «оригинальность части не вредитъ единству цѣлаго, ибо единство въ реальности предполагаетъ извѣстную степень разнообразія», была высказана у насъ уже въ 40-хъ годахъ Валеріаномъ Майковымъ, о которомъ см. ст. Арсеньева въ Вѣстн. Европы. 1886, № 4.

[3]) Время зарожденія малорусской народности и отношеніе ея къ великорусской еще не выяснены (см. въ ст. Д. И. Иловайскаго: «Еще о туранизмѣ въ славянской исторіи», Ж. М. Н. Пр. 1883, № 8, стр. 378; перепечатана эта статья въ книжкѣ Иловайскаго: «Дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гунскому», М. 1886), но особенности малорусской народности рано выступаютъ въ русской исторіи, на что указывалъ Костомаровъ и другіе, до него не столь отчетливо выражавшіе эту мысль.

нымъ даннымъ указаны новѣйшимъ авторитетнымъ изслѣдователемъ въ довольно отдаленное время [1]); — и съ исторіей всей письменности на этомъ нарѣчіи. Наконецъ принимаютъ во вниманіе современныя особенности малорусскаго народнаго типа [2]), проявляющіяся, между прочимъ, въ художественномъ творчествѣ, въ народной словесности, въ орнаментикѣ, въ архитектурѣ [3]).

Повторяемъ, объясненіе возникновенія украинской литературы заключается не только въ ея новѣйшемъ развитіи, и г. Петровъ преувеличилъ значеніе изслѣдованія, которое предпринялъ.

Но, конечно, и факты новѣйшей украинской литературы имѣютъ значеніе на ряду со всѣми другими, только что указанными. Эта литература можетъ съ гордостью указать на произведенія, получившія громкую извѣстность не только въ общерусской литературѣ, но и во всемъ славянскомъ мірѣ, именно на произведенія Шевченка. Этотъ кобзарь, чудно соединяющій старое украинское народное творчество съ новымъ — литературнымъ, остается доселѣ малорусскимъ поэтомъ, не превзойденнымъ ни въ силѣ таланта, ни въ широтѣ поэтическаго міросозерцанія. Его поэзія считается лучшимъ цвѣтомъ творчества малорусской народности на всемъ пространствѣ, занимаемомъ послѣднею. Въ Галичинѣ имя Шевченка какъ бы начертано на знамени народности. Тамъ существуетъ «Товарищество имени Шевченка», и ежегодно чтутъ годовщину смерти (роковины) славнаго поэта [1]). Высоко цѣнятъ поэзію Шевченка и французскіе [2]) и нѣмецкіе критики, писавшіе о немъ. Не станемъ гадать о томъ, выдвинетъ ли будущее столь-же крупные таланты, но позволимъ себѣ указать на то, что въ 30-хъ годахъ и раньше говорилось о совершенномъ упадкѣ малорусской рѣчи [3]), о малороссахъ отзывались съ презрѣніемъ [4]), Срезневскій однако, въ письмѣ къ Снегиреву [5]), выразилъ надежду на развитіе украинской литера-

[1]) См. А. И. Соболевскаго — Очерки изъ исторіи русскаго языка, ч. I. Исторія спора о малорусскомъ языкѣ изложена въ ст. г. Пыпина въ Вѣстникѣ Европы 1886, № 4.

[2]) Особенности этаго типа были отмѣчаемы въ русской литературѣ съ конца прошлаго столѣтія (см. перечень этнографическихъ замѣтокъ у Лазаревскаго: Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края, Спб. 1858, стр. 11 и слѣд.). Въ сентиментальномъ «Путешествіи въ полуденную Россію» Измайлова, о которомъ см. замѣтку г. Горленка въ Кіев. Стар.» 1885, № 3, стр. 581—592 почти нѣтъ топографическихъ данныхъ. См. также о сентиментальныхъ описаніяхъ путешествій у Галахова. Павловскій, авторъ первой «Грамматики малороссійскаго нарѣчія», «нѣсколько лѣтъ живучи въ Малой Россіи, довольно могъ примѣниться къ національному характеру ея жителей». «Я нашолъ въ нихъ, говоритъ Павловскій, что-то *пріятно-меланхолическое, отличающее* ихъ, можетъ быть, отъ всѣхъ другихъ обитателей земнаго шара. Они имѣютъ природную вникательность, остроту, наклонность къ музыкѣ» и проч. (Вмѣсто предисловія, стр. II). Укажемъ затѣмъ, какъ на видное явленіе въ малорусской этнографіи, на книгу Кулжинскаго «Малороссійская деревня», Москва 1827. Въ № 3 Московскаго Телеграфа была помѣщена рецензія на нее. Авторъ рецензіи Галуховскій, отмѣчаетъ «сліяніе трехъ періодовъ первоначальной жизни—наѣздничесой, пастушеской и земледѣльческой — составляющее особенную замѣчательность малороссіянъ въ отношеніи психическомъ». Съ этимъ согласился кн. Цертелевъ (В. Евр. 1827, № 12, стр. 278). Отмѣтимъ еще Украинскія мелодіи Н. Маркевича, М. 1831, въ которыхъ авторъ говоритъ съ восторгомъ о Малороссіи: «здѣсь все является въ блескѣ поэзіи» (стр. X) и Путевыя Записки Вадима * (Пассека), М. 1834, гдѣ много говорится объ «Украйнѣ» и «Малороссіи». Въ 1837 г. авторъ поднесъ эти записки И. П. Котляревскому, котораго посѣтилъ въ Полтавѣ (см. Москвитянинъ 1841, ч. II, № 4, стр. 567). О Пассекѣ см. въ ст. г. Пыпина «Изученія русской народности», В. Евр. 1882, ноябрь, 167—179.

[3]) Объ архитектурѣ малороссовъ см., между проч., въ Przegląd archeologiczny, zeszyt I z roku 1882, Lwów: «Odezwa» etc. и ст. Дѣдушицкаго.

[1]) Въ прошломъ году вышла книжечка, разъясняющая значеніе Шевченка для галицкихъ малороссовъ: «Чѣмъ есть для насъ Шевченко?» Критичное разсужденіе Ф. С. Свистуна, Львовъ 1885.

[2]) Укажемъ на статью E. Durand'a въ Rev. d. d. Mondes, 1876, t. XV: «Le poète national de la Petite-Russie».

[3]) См., напр., Думки и пѣсни та шче де-шчо Амвросія Могилы, Харьк. 1839; «Замѣтки относительно южнорусскаго языка»: «Южнорусскій языкъ со дня надень забывается и молкнетъ — и — придетъ время—забудется и смолкнетъ... Но можетъ быть и то, что въ эпоху пренебреженія южнорусскаго языка любовь къ нему проснется». Ободряло Метлинскаго въ этой надеждѣ «свѣтлое вниманіе правительства и просвѣщенныхъ мужей»; «и ни одна черта народности не изгладится» говоритъ онъ.

[4]) Метлинскій (тамъ-же, стр. 7) указываетъ на «ложное въ Великоруссіи понятіе о грубости Украинскаго или Галиційскаго выговора». Интересно также указаніе въ «автобіографіи Н. И. Костомарова» (Р. Мысль 1885, № 5, 203), относящееся къ 1838 году: «Мною овладѣла какая-то страсть ко всему малороссійскому; меня выводило изъ себя, что невѣжды, какихъ тогда было очень много, съ презрѣніемъ отзывались о хохлахъ, и всякое малороссійское слово возбуждало только смѣхъ».

[5]) См. Ученыя записки Имп. Моск. Универс., годъ второй, ч. VI (М. 1834)— ученыя извѣстія: «Взглядъ на памятники Украинской народной словесности. Письмо къ профессору И. М. Снегиреву». Здѣсь читаемъ въ началѣ: «Въ настоящее время, кажется уже не для кого и не для чего доказывать, что языкъ Украинскій (или какъ угодно называть другимъ: Малороссійскій) есть языкъ, а не нарѣчіе—Русскаго или Польскаго, какъ доказывали нѣкоторые; многіе увѣрены, что этотъ языкъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ языковъ славянскихъ... Но можетъ-ли, долженъ ли онъ въ настоящихъ обстоятельствахъ продолжать свое развитіе, и сдѣлаться языкомъ литературы, а потомъ и обще-

туры и его ожиданія сбылись съ появленіемъ произведеній Шевченка. Крупные поэтическіе таланты являются не часто. По словамъ Байрона,

. . . . . Каждый годъ
Толпа поэтовъ въ міръ идётъ,
Но геніевъ межъ ними мало;
Ихъ ждемъ мы цѣлые вѣка.

Дѣятельности геніальныхъ поэтовъ предшествуетъ работа многихъ мелкихъ, а иногда и ряда поколѣній. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ полнаго вниманія то направленіе и тѣ размѣры, какіе принимаетъ украинская литература въ настоящее время. Далеко не многія изъ довольно численныхъ произведеній ея цѣнны, но все-таки въ ряду ихъ есть обнаруживающія несомнѣнный талантъ, а остальныя интересны, поскольку въ нихъ выражаетъ себя большая вѣтвь русскаго племени. Этимъ не исчерпывается значеніе украинской литературы. Въ значительной мѣрѣ подъ ея вліяніемъ развилась въ настоящемъ столѣтіи народная литература отторгнутой направѣ отъ остальнаго русскаго міра и все еще отстаивающей свою народность галицкой вѣтви русскаго племени, и нынѣшняя украинская литература какъ бы дополняется галицко-русскою.

Ясно изъ всего сказаннаго, какой интересъ представляетъ исторія новѣйшей украинской литературы,—не только съ точки зрѣнія вопроса о правѣ ея на существованіе и публицистическихъ препирательствъ, но и съ точки зрѣнія болѣе широкой и научной — въ виду важности ея, какъ литературнаго самовыраженія значитель-

---

ства, какъ было отчасти прежде, или же его удѣлъ остаться навсегда языкомъ простаго народа, безпрерывно искажаться, мало по малу вянуть, глохнуть среди терній другихъ языковъ, и наконецъ исчезнуть съ лица земли, не оставивши по себѣ ни слѣда, ни воспоминанія? Нѣтъ! Какая бы участь ни ожидала его, чтобы ни дѣлало съ нимъ легкомысліе и случай, онъ не исчезнетъ, и еслибъ даже онъ не имѣлъ надежды на славу литературную, онъ оставитъ свои пѣсни и думы, и долго будетъ памятенъ подобно языку Труверовъ и Скальдовъ. Еслибъ онъ не имѣлъ надежды на славу литературную, сказалъ я;— но онъ имѣетъ и сію надежду, хотя и слабую, хотя еще и въ зародышѣ, но имѣетъ». Перечисливъ нѣсколькихъ украинскихъ писателей, Срезневскій замѣчаетъ: «почему должны они остаться одни въ досель дикой пустынѣ Украинской литературы»? По его мнѣнію, языкъ «великихъ людей Украйны долженъ передать потомству славу» ихъ. «Подъ щитомъ и покровомъ мудраго правительства, подъ призоромъ Монарховъ, покровителей отечественнаго просвѣщенія, онъ можетъ имѣть эту надежду... Будемъ радоваться надеждой — и не предадимъ забвенію того, чѣмъ уже можемъ гордиться». Стр. 134—136.

наго, по численности, русскаго племени, имѣвшаго великое значеніе въ созданіи общерусскаго государства и гражданственности, внесшаго много въ русскую литературу, начиная съ XVII в., и проявившаго даровитость и оригинальность. Нельзя не поблагодарить г. Петрова за то, что онъ обратилъ вниманіе на предметъ въ высокой степени важный для научнаго изслѣдованія и въ то-же время полный современнаго интереса. Насколько книга г. Петрова удовлетворяетъ запросу современной жизни и литературы, показываетъ значительное количество рецензій, вызванныхъ ею [1]).

Не вполнѣ благопріятное отношеніе нѣкоторыхъ рецензентовъ къ труду г. Петрова обусловлено отчасти тѣмъ положеніемъ, какое занялъ г. Петровъ, устанавливая генезисъ украинской литературы. Онъ затронулъ злобу дня, коснулся вопроса, не перестающаго возбуждать жгучіе споры, а въ такихъ вопросахъ весьма нелегко соблюсти надлежащую справедливость и безпристрастіе. Положеніе изслѣдователя затрудняется тѣмъ давленіемъ, которое могутъ оказывать на него современныя политическія воззрѣнія, тѣ притязанія, какія могутъ быть предъявляемы ему тою или другою стороною. Г. Петровъ желалъ стать внѣ этихъ препирательствъ. Онъ выступилъ «въ виду тенденціозности взглядовъ на украинскую литературу и важности объективнаго изученія ея» (стр. 2) и принялъ на себя не всегда благодарную роль научнаго посредника между крайними общественными мнѣніями, опирающимися не исключительно на научныхъ данныхъ. Авторъ желалъ соблюсти научную объективность, и нѣкоторые рецензенты задавали, повидимому, вопросъ, выполнено ли это намѣреніе. Что до чисто литературной оцѣнки произведеній украинской

---

[1]) Рецензіи на книгу г. Петрова имѣются въ слѣдующихъ изданіяхъ:

1) Въ журн. «Кіевская Старина» 1884 г. (апрѣль, статья В. Горленка).

2) Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за мартъ 1884 г. (Критика и библіографія).

3) Въ «Вѣстникѣ Европы» за мартъ (на обложкѣ) и за августъ 1884 г. (стр. 839—842. Статья А. Н.).

4) Въ Archiv für slavische Philologie.

5) Въ 1-й кн. «Русскаго Филологическаго Вѣстника» 1884 г.

6) Въ журн. «Дѣло» 1884, № 5.

7) Въ № 47 «Одесскаго Вѣстника» 1884 г. (Статья А. Маркевича).

8) Въ №№ 37 и 48 газеты «Заря» 1884 г... Статья М—на «Судьбы украинской литер.» и въ № 92 письмо Старицкаго въ редакцію по поводу приведеннаго г. Петровымъ отзыва Костомарова о драмѣ Старицкаго «Не судылось».

9) Въ № 43 газ. «Кіевлянинъ» 1884 (Статья И. Новицкаго).

10) Въ газ. «Недѣля» 1884, № 10: Новый опытъ обозрѣнія украинской литературы, К.

11) Въ галицкой газетѣ «Дѣло» 1884, №№ 43—46, 54, 55, 61 и 62 и сл...

словесности, то авторъ самъ (на стр. 2) указываетъ на то, что «спокойную объективность представленія историко-литературныхъ фактовъ можетъ нарушить, помимо воли и сознанія автора, инородное происхожденіе его».

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе того, не повліяли ли сколько-нибудь на обработку предмета, избраннаго г. Петровымъ для изслѣдованія, «апріорные взгляды», мы обратимъ вниманіе на чисто научное содержаніе книги г. Петрова. Въ вопросѣ о малорусской литературѣ насъ займетъ, вслѣдъ за авторомъ, сторона, поддающаяся чисто научному историко-литературному изученію, область литературнаго творчества, свободнаго отъ публицистической тенденціозности.

Разсматривая отношеніе г. Петрова къ этому творчеству, не можемъ не признать большой тщательности и внимательности съ его стороны, но не можемъ не отмѣтить и значительныхъ недостатковъ въ его трудѣ.

Они проистекаютъ изъ того, что авторъ приступилъ къ разсмотрѣнію украинской литературы не со всею нужною для того способностью воспріятія. Въ большинствѣ случаевъ онъ смотрѣлъ на живое цѣльное созданіе народнаго духа, говорящаго устами выдающихся представителей его, глазами археолога и анатома, обращалъ вниманіе при такомъ раздробленіи преимущественно на нѣкоторые изъ элементовъ, казавшихся ему прилаженными извнѣ. Менѣе вниманія обращалъ г. Петровъ на органическое развитіе украинской литературы.

Въ потвержденіе этого общаго замѣчанія о книгѣ г. Петрова мы остановимся подробнѣе на процессѣ его научнаго творчества, проанализируемъ, какъ г. Петровъ установилъ ту основную точку зрѣнія, согласно съ которою попытался нарисовать болѣе или менѣе цѣльную картину развитія украинской литературы. Мы разсмотримъ затѣмъ, какъ основная схема, принятая авторомъ, повлекла за собою не совсѣмъ вѣрное распредѣленіе и освѣщеніе матеріала съ одной стороны и неполное изслѣдованіе его съ другой. Наконецъ, приглядимся къ пріемамъ, какими характеризуется у г. Петрова изученіе писателей въ отдѣльности и критика ихъ произведеній. Въ заключеніе укажемъ на заслугу г. Петрова, состоящую въ томъ, что онъ представилъ первое подробное изслѣдованіе украинской литературы, основанное на детальномъ изученіи ея произведеній [1]).

[1]) Въ своей работѣ я воспользовался нѣкоторыми указаніями и пособіями, сообщенными мнѣ А. И. Соболевскимъ и В. Б. Антоновичемъ, и считаю пріятнымъ долгомъ выразить имъ мою искреннюю признательность.

I.

Общій взглядъ г. Петрова на ходъ развитія украинской литературы; анализъ произведеній И. П. Котляревскаго и выясненіе первоначалъ украинской литературы.

Г. Петровъ принялъ за пунктъ отправленія своего труда объ украинской литературѣ очеркъ обзоровъ и имѣющихся въ русской литературѣ [1]) общихъ взглядовъ на нее, «чтобы имѣть, по крайней мѣрѣ, исходную точку для установленія общаго взгляда на исторію новѣйшей украинской литературы и періоды ея развитія» (стр. 2).

Въ перечнѣ «частныхъ обзоровъ» находимъ «Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края», который слѣдовало-бы отнести къ «справочнымъ указателямъ». Неосновательно помѣщена въ ряду «цѣльныхъ обзоровъ украинской литературы нынѣшняго вѣка» статья Мастака, лишь слегка перечисляющая малорусскія прозаическія произведенія (на двухъ страничкахъ). Если упоминать о ней, то почему-бы не назвать также статьи Евецкаго «Малороссійская литература» въ «Денницѣ» 1842 г...

Распредѣленіе обозрѣвателей на три группы (на 5-й стр.) не отличается опредѣленностью: не видно изъ изложенія мнѣній, въ чемъ сказалось славянофильство второй группы обозрѣвателей, неясно общее названіе, данное третьей группѣ — «смѣшаннаго характера». Въ этотъ послѣдній разрядъ вошли, между проч., Костомаровъ и Пыпинъ, изъ которыхъ первый выступаетъ и ранѣе — въ группѣ «національно-романтической», а второй въ ряду обозрѣвателей «съ оттѣнкомъ украинскаго славянофильства». Изложеніе мнѣній не всегда точно. Такъ, о новѣйшемъ очеркѣ, помѣщенномъ Костомаровымъ въ изданіи Гербеля «Поэзія славянъ», утверждается, что въ немъ «всѣ писатели украинскіе весьма похожи одинъ на другаго и всѣ одинаково служатъ одной и той-же задачѣ развитія украинскихъ самобытныхъ началъ, безъ всякой почти исторической смѣны понятій и мыслей» (стр. 11). Для опроверженія этой характеристики достаточно указать на начало тирады о Шевченкѣ въ упомянутомъ очеркѣ (на стр. 160).

[1]) Изъ вышедшихъ за границею общихъ очерковъ украинской литературы г. Петровъ назвалъ только статью въ «Правдѣ» 1874 г.; другихъ онъ не видѣлъ.

Изъ перечня мнѣній, какъ онъ представленъ г. Петровымъ, видно, что на возникновеніе украинской литературы смотрѣли различно. Одни приводили ее въ связь съ «обращеніемъ къ народности» въ первой четверти XIX вѣка, съ пробужденіемъ у славянъ общаго стремленія къ самобытному развитію, со славянскимъ возрожденіемъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, со славянофильствомъ. Другіе возводили украинскую литературу къ вліянію польской литературы или къ противодѣйствію полонизму; сюда-же будто-бы примкнула въ позднѣйшее время «хлопоманія», развившаяся въ средѣ поляковъ народолюбцевъ. Украинскую литературу 40-хъ годовъ и послѣдующаго времени нѣкоторые ставили въ связь съ соціально-политическимъ или общественно-политическимъ движеніемъ, которое называютъ украинофильствомъ. Наконецъ, украинскую литературу послѣднихъ лѣтъ сближаютъ съ реально-соціальнымъ направленіемъ и съ русской реалистической школой.

Г. Петровъ, перечисливъ эти мнѣнія, не представилъ обстоятельной критики ихъ и общаго выясненія значенія указанныхъ условій въ развитіи украинской литературы. Онъ ограничился замѣчаніемъ, что «особенно важное значеніе имѣютъ обзоры Костомарова и Пыпина во второй редакціи, а также «Волынца» и «Украинца». Первые двое представляютъ всю новѣйшую украинскую литературу продуктомъ пробудившагося у славянъ стремленія къ самобытному развитію, а «Волынецъ» и «Украинецъ» ограничиваютъ эту мысль Костомарова и Пыпина воздѣйствіемъ на украинскую литературу сосѣднихъ литературъ польской и русской» (стр. 14). Г. Петровъ такъ сливаетъ затѣмъ эти мнѣнія, не сохранивъ полной точности: «нельзя не согласиться, что украинцы воспитали свои идеи и направленія въ духѣ славянскаго возрожденія подъ непосредственнымъ вліяніемъ литературъ польской и русской, отрицательнымъ-ли то, или положительнымъ» (тамъ-же). Признавая не только отрицательное, но и положительное польское воздѣйствіе на украинскую литературу, г. Петровъ считаетъ однако преобладающимъ русское. Затѣмъ вслѣдъ за «Украинцемъ» (Драгомановымъ [1]), не совсѣмъ вошедши въ мысли его, г. Петровъ принимаетъ отраженіе въ украинской литературѣ основныхъ направленій, господствовавшихъ въ общерусской литературѣ, сентиментализма, романтизма, національзма («отраженія темныхъ славянофильскихъ стремленій; ср. стр. 11, 15 и 16) и демократизма. Г. Петровъ распредѣляетъ произведенія украинской литературы по этимъ направленіямъ или «періодамъ», какъ онъ ихъ называетъ, и обозрѣваетъ каждый періодъ сначала въ общемъ очеркѣ, а затѣмъ подводитъ подъ него писателей въ отдѣльности, смотря по тому, какое направленіе преобладало въ дѣятельности извѣстнаго писателя. Общій взглядъ г. Петрова на развитіе разсматриваемой имъ литературы высказанъ имъ на стр. 16-й послѣ того, какъ онъ привелъ мнѣніе Костомарова объ «отношеніи южноруссовъ и ихъ литературы къ Россіи и Польшѣ». По мнѣнію г. Петрова, «точка зрѣнія на новѣйшую украинскую литературу должна обнимать двоякія отношенія ея къ Польшѣ и Россіи, и притомъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя, но подъ преобладающимъ вліяніемъ россійской литературы. Съ этой точки зрѣнія въ исторіи новѣйшей украинской литературы можно различать «шесть» моментовъ развитія».

Изъ этого видно, что г. Петровъ началъ съ самаго существеннаго вопроса въ исторіи украинской литературы, — вопроса о двигательныхъ началахъ ея и о происхожденіи ея, но, устанавливая эти начала, г. Петровъ *слилъ* нѣсколько общихъ взглядовъ, высказанныхъ другими, или, правильнѣе говоря, — послѣдовалъ преимущественно мнѣнію «Украинца», видоизмѣнивъ его въ смыслѣ признанія главнаго значенія за русскимъ «вліяніемъ».

Эта общая схема, принятая г. Петровымъ, не выдерживаетъ критики. Въ украинской литературѣ XIX в. нельзя видѣть только какъ-бы продолженіе двухъ теченій. господствовавшихъ въ ней въ прежніе вѣка. Въ XVII в. въ ней, дѣйствительно, встрѣчались и сталкивались два главныя начала: греческо-славянское и латинопольское. Въ XIX в. первое окончательно замѣнилось общерусскимъ литературнымъ воздѣйствіемъ, и продолжалось польское вліяніе, но, сверхъ того, украинская литература XIX в., въ отличіе отъ прежней, проявила значительную самобытность и художественность при народности содержанія. Поэтому, въ противовѣсъ тезису о существенномъ вліяніи на нее польской и общерусской литературъ, справедливость требуетъ указать также на мѣстныя начала украинской литературы и на общеевропейскія теченія, отражавшіяся въ ней чрезъ польскую и русскую литературы и помимо ихъ. Такимъ образомъ, въ своей общей схемѣ г. Петровъ оставилъ въ тѣни одно изъ самыхъ существенныхъ двигательныхъ началъ украинской литературы — стремленіе народности къ самовыраженію, хотя въ частныхъ очеркахъ ему неоднократно доводилось отмѣчать факты, указывающіе на это стремленіе. Г. Петровъ не обратилъ надлежащаго внима-

[1]) См. «По вопросу о малорусской литературѣ» М. Драгоманова, Вѣна 1876.

нія на то обстоятельство, что новѣйшая украинская литература, разцвѣтая въ тѣсномъ единеніи съ общерусскою, проявила въ тоже время значительную оригинальность. Г. Петрова занято взаимодѣйствіе посторонних вліяній или собственно воздѣйствіе одного изъ основныхъ, по мнѣнію автора, началъ ея — подражанія общерусской литературѣ и воспроизведенія ея мотивовъ; польское-же вліяніе, какъ увидимъ, г. Петровъ совершенно оставилъ въ сторонѣ.

Распредѣленіе матеріала, представляемаго украинскою литературою, лишь примѣнительно къ главнымъ теченіямъ, смѣнявшимся или сливавшимся въ общерусской литературѣ, лишило возможности уловить мѣстныя индивидуальныя черты и вѣрно опредѣлить характерныя особенности различныхъ періодовъ. Тѣ явленія, какія г. Петровъ выдвигаетъ, какъ существенные признаки отдѣльныхъ «періодовъ», имъ разграничиваемыхъ, встрѣчаются, какъ увидимъ, въ значительномъ количествѣ во всѣ эти «періоды». То, что г. Петровъ назвалъ (гл. I) «реакціей псевдоклассицизму», юмористическое изображеніе дѣйствительности, характеризуетъ значительную долю украинскаго литературнаго творчества во всѣ періоды его развитія: назовемъ Н. Гоголя, Квитку, Стороженка, Левицкаго, не говоря о многихъ другихъ [1]). Сентиментальность, какъ называетъ г. Петровъ украинскую чувствительность, отличающую будто-бы второй «періодъ» украинской литературы, выступаетъ вполнѣ ясно, какъ замѣтилъ самъ г. Петровъ, уже въ послѣднихъ произведеніяхъ начинателя «реакціи псевдо-классицизму», И. П. Котляревскаго, а эти произведенія явились почти одновременно съ первыми произведеніями продолжателя той же «реакціи» — Гулака-Артемовскаго; эта сентиментальность постоянно держалась и послѣ Квитки и встрѣчается въ изобиліи даже въ украинской поэзіи послѣднихъ 25 лѣтъ [2]). Интересъ къ исторіи Украйны и воспроизведеніе современнаго быта ея населенія, этнографическое изученіе замѣчаются издавна, а не только у тѣхъ писателей, которыхъ г. Петровъ свелъ въ группу «націоналистовъ» (гл. IV).

[1]) И такъ называемая *котляревщина*, т. е. комически-каррикатурное изображеніе народа, продолжалась еще въ 50-хъ годахъ (произведенія Карпенка, Ващенка-Захарченка и др.). См. также въ альманахѣ «Спинъ» сатирическую поэму «Вечерницi». въ которой видно вліяніе Котляревскаго; напр. на стр. 132:

Гей, Орфію, небораче!
Я не знаю, шо писать! *и проч.*

[2]) Ср., напр., Наталку-Полтавку съ Одаркою въ пьесѣ Кропивницкаго: «Дай серцю волю, заведе въ неволю» (стр. 418—419 книги г. Петрова).

Этнографическій элементъ не выходилъ изъ украинской поэзіи и постоянно составлялъ ея основу, начиная съ И. П. Котляревскаго. Собираніе произведеній народной поэзіи постоянно пробуждало интересъ къ малорусской старинѣ, которая воспѣвается въ украинскихъ пѣсняхъ. Увлеченіе ею прошло нѣсколько ступеней; теперь эта романтическая идеализація старины пала, но еще не исчезла вполнѣ. Авторъ не выяснилъ этихъ переливовъ и постепенности въ изученіи народности. Славянофильскія тенденціи не были главнымъ или исключительнымъ двигательнымъ началомъ дѣятельности Костомарова, Шевченка и Кулиша, которыхъ г. Петровъ выдѣлилъ какъ украинскихъ славянофиловъ (гл. V). То славянофильство, которому они положили начало, продолжается и въ позднѣйшей украинской поэзіи. Вообще воздѣйствіе славянскаго возрожденія на *возникновеніе* и *первоначальное развитіе* украинской литературы не было особенно значительно, и болѣе повліяло общеевропейское движеніе, проявившееся и въ славянскомъ возрожденіи и переходившее въ украинскую литературу чрезъ литературы русскую, польскую и чешскую [1]). Славянское возрожденіе отразилось на первыхъ порахъ въ развитіи украинской литературы лишь усиленіемъ интереса къ этнографическому изученію.

Итакъ, то указаніе двигательныхъ началъ украинской литературы, которое представилъ г. Петровъ, неудовлетворительно. Въ подтвержденіе несостоятельности общей схемы его книги попытаемся выяснить эти начала не «апріорно», какъ установилъ ихъ г. Петровъ, вопреки своему обѣщанію дать «менѣе всего апріорныхъ взглядовъ и поболѣе фактическихъ данныхъ» (стр. 2), а руководясь непосредственнымъ изученіемъ матеріала.

Въ этомъ отношеніи особый интересъ представляютъ произведенія И. П. Котляревскаго, котораго уже съ 30-хъ годовъ общій голосъ признаетъ начинателемъ новѣйшей украинской литературы [2]).

[1]) На незначительность вліянія славянскаго возрожденія на развитіе украинской литературы указалъ уже въ 1857 г. Кулишъ, котораго г. Петровъ считаетъ однимъ изъ главныхъ представителей украинскаго славянофильства. По словамъ г. Кулиша, «въ южно-русскомъ образованномъ обществѣ начала пробуждаться любовь къ родной поэзіи и родному языку, но отнюдь не вслѣдствіе общаго движенія Славянскихъ племенъ къ своенародности, какъ полагаютъ нѣкоторые, — движенія сравнительно очень недавняго». Р. Бесѣда, 1857, III, 128.

[2]) Теперь согласился съ этимъ и Кулишъ, который въ концѣ своей статьи объ И. П. Котляревскомъ, помѣщенной въ «Основѣ» 1861 г., говорилъ (стр. 104 отдѣльнаго оттиска): «письменная украинская словесность не можетъ ви-

Съ него мы и начнемъ нашъ анализъ тѣмъ болѣе, что съ Котляревскаго-же начинаетъ разсмотрѣніе жизни и произведеній украинскихъ писателей и г. Петровъ.

Изученіе произведеній И. П. Котляревскаго весьма важно для выясненія исходнаго пункта новѣйшей украинской литературы, а слѣдовательно и ея генезиса. Мы разберемъ ихъ въ связи съ этюдомъ о нихъ г. Петрова, такъ какъ это разсмотрѣніе ознакомитъ насъ отчасти съ пріемами изслѣдованія дѣятельности отдѣльныхъ писателей у г. Петрова.

Г. Петровъ излагаетъ, по обычаю, прежде всего біографію разсматриваемаго поэта. Онъ повторяетъ общеизвѣстныя свѣдѣнія и допускаетъ неточность. Такъ, онъ говоритъ, что родители Котляревскаго «принадлежали къ дворянскому роду». Мѣстный біографъ, заслуживающій полнаго вѣроятія, говоритъ, что отецъ Котляревскаго «служилъ въ Полтавскомъ городовомъ магистратѣ канцеляристомъ, дѣдъ былъ дьякономъ въ Полтавской соборной Успенской церкви» [1]). По словамъ г. Петрова, Котляревскій началъ свою службу «въ штатѣ бывшей новороссійской канцеляріи», но названный уже біографъ С. Стеблинъ-Каминскій прямо говоритъ, что первый (служебный) шагъ Котляревскаго — «была служба военная» [2]). Личность поэта не возстаетъ предъ читателемъ въ очертаніяхъ и съ нравственными качествами, которыя объясняли-бы характеръ его поэзіи. Мы не получаемъ свѣдѣній ни объ отмѣчаемыхъ хорошо знавшими Котляревскаго «самыхъ свѣтлыхъ убѣжденіяхъ и безукоризненности правилъ» послѣдняго, ни о замѣчательномъ талантѣ его, какъ собесѣдника, остряка, разсказчика анекдотовъ, ни о силѣ его «простаго Малороссійскаго слова». Г. Петровъ не указалъ также на нѣкоторыя интересныя подробности біографіи Котляревскаго, напр. на неудачу въ любви, повлекшей за собою поступленіе поэта въ военную службу. А между тѣмъ для характеристики Котляревскаго, какъ человѣка есть достаточно данныхъ. Видимо г. Петровъ ознакомился не со всѣми ими. Такъ, онъ не читалъ въ подлинникѣ «Воспоминаній объ И. П. Котляревскомъ» (изъ записокъ старожила). Излагая свѣдѣнія о жизни

дѣтъ въ немъ своего родоначальника (въ противность многимъ изъ его почитателей), потому что онъ былъ слишкомъ еще далекъ отъ уразумѣнія поэзіи обычаевъ народныхъ и поэзіи народныхъ преданій».

[1]) Сѣв. Пчела 1839, № 146. Повторено и въ предисловіи Катранова, которое г. Петровъ, повидимому прочелъ.

[2]) Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ, стр. 16.

Котляревскаго, г. Петровъ долженъ былъ остановиться внимательнѣе на нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ въ извѣстіяхъ, потому что многое существенное еще не выяснено, какъ слѣдуетъ, въ біографіи Котляревскаго и послѣдняя еще не возсоздана критически. Интересно было-бы знать что-нибудь о семинарской обстановкѣ, въ которой довелось провести юные годы нашему поэту. Данныя о ней могли-бы пролить нѣкоторый свѣтъ и на возникновеніе Энеиды. Заслуживаетъ вниманія свѣдѣніе, переданное Сементовскимъ, что «въ лѣта кипучей молодости Котляревскій писалъ *разныя вирши на малороссійскомъ* языкѣ, которыя или расходились по рукамъ его пріятелей и знакомыхъ, или оставались въ его портфейлѣ, но впослѣдствіи всѣ погибли» [1]). Г. же Петровъ просто сообщаетъ, что Котляревскій «на семинарской скамьѣ писалъ стихи» (какіе?). Г. Петровъ даже совсѣмъ не сказалъ намъ ничего о времени написанія первыхъ пѣсенъ Энеиды. Относительно этого времени, которое весьма важно было-бы опредѣлить хотя-бы приблизительно [2]), существуетъ разногласіе въ показаніяхъ біографовъ. Пассекъ упоминаетъ, что Котляревскій, «предавшись чтенію Виргиліевой Энеиды, еще *въ первой молодости* написалъ три части Энеиды на Малороссійскомъ языкѣ» [3]). По словамъ Сементовскаго, появленіе ихъ относится къ «годамъ военной службы». Наконецъ, разсказъ о неудачной любви Котляревскаго и поступленіи его затѣмъ въ военную службу показываетъ, что уже въ 1795 г. была написана часть Энеиды, которою поэтъ могъ заниматься и гораздо раньше, если примемъ во вниманіе медленную обработку этого сюжета Котляревскимъ впослѣдствіи и долгое нежеланіе отдавать въ печать обработанныя части.

Передавши кратко обстоятельства жизни Котляревскаго, г. Петровъ перечисляетъ его произведенія. Собственныхъ разысканій онъ не производилъ и ограничился повтореніемъ увѣренія біографовъ, что Котляревскій «занимался собираніемъ малороссійскихъ пѣсенъ и нѣкоторыя изъ нихъ помѣщалъ въ современныхъ ему періодическихъ изданіяхъ» (въ какихъ?).

[1]) Сѣверная Пчела 1846, № 82. Въ повѣсти Шевченка, напечатанной въ ноябрьской кн. «Кіевской Старины» 1886 г., есть указаніе на «Муху» Котляревскаго, которая будто-бы относится ко времени пребыванія Котляревскаго въ семинаріи.

[2]) См. ниже изложеніе состоянія вопроса о томъ, пользовался-ли Котляревскій «Енеидой, вывороченной на изнанку» Осиповымъ.

[3]) Москвитянинъ 1841, ч. II, стр. 563.

Затѣмъ г. Петровъ излагаетъ мнѣнія малорусскихъ критиковъ о произведеніяхъ Котляревскаго, высказанныя послѣ Шевченка, восторженно отозвавшагося о Котляревскомъ въ стихотвореніи «На вічну память Котляревскому». Указавъ на раздвоеніе мнѣній, г. Петровъ излагаетъ лишь сужденія Костомарова и гг. Кулиша и Катранова. Отзывы Костомарова отличаются трезвостью и умѣренностью. Перечисляя ихъ, г. Петровъ не упомянулъ о позднѣйшемъ замѣчаніи Костомарова въ статьѣ, помѣщенной въ № 2 «Кіевской Старины» 1883 г. (стр. 233). Приведенный г. Петровымъ отзывъ Кулиша, высказанный въ 1861 г. въ журналѣ «Основа», страдаетъ обычными у этого писателя преувеличеніями и предвзятостью и давно оцѣненъ съ этой стороны [1]). Г. Петровъ не сказалъ, какіе украинцы послѣдовали за Кулишемъ въ приговорѣ о Котляревскомъ [2]). Въ послѣднее время самъ г. Кулишъ какъ-бы считаетъ свое прежнее мнѣніе несостоятельнымъ. Г. Петровъ не обратилъ вниманія на то, что въ своей «Хуторной поэзіи» Кулишъ выразился такъ, минуя свое собственное мнѣніе, высказанное въ 1861 году: «*Нáшимъ отцямъ* здавалось поро́жнёю забавкою те, що написавъ Котляревськый». Г. Кулишъ признаетъ теперь Котляревскаго «соціальнымъ реформаторомъ» [3]). Рядомъ съ г. Кулишемъ г. Петровъ постановилъ г. Катранова. Сужденіе послѣдняго страдаетъ противоположною крайностью, панегиризмомъ [1]), могло бы быть опущено и во всякомъ случаѣ не принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ [2]). Намъ, кажется, что вмѣсто отзыва г. Катранова умѣстнѣе было-бы привести мнѣнія другихъ болѣе авторитетныхъ критиковъ, напр. Срезневскаго или Сементовскаго, а также Стеблина-Каминскаго, по замѣткамъ котораго составилъ свой очеркъ г. Катрановъ.

[1]) По мнѣнію г. Стеблина-Каминскаго, г. Кулишъ «въ критическомъ этюдѣ своемъ совершенно ложно истолковалъ личный характеръ Котляревскаго, исказивъ истину». Обстоятельно разобранъ взглядъ Кулиша въ ст. г-на Н. М. В.: «Иванъ Петровичъ Котляревскій», помѣщенной въ «Нови» 1885, т. II, №№ 4 и 5. Кратко передано было содержаніе этой статьи въ «Кіевской Старинѣ» 1885. № 3, стр. 599 и слѣд..

[2]) Такъ, Даниловскій выразился, что въ Энеидѣ Котляревскаго «для насъ заключается порядочная частица сметворности и воды».—Украинская старина, Харьк. 1866, 198. Тотъ-же г. Даниловскій въ другомъ мѣстѣ своей книги назвалъ Каразина, Квитку и Котляревскаго «первыми настоящими умственными *двигателями* малороссійскаго общества». Ср. Основа 1862, сент. 69—70. Г. Пискуновъ въ предисловіи къ «Кобзарю» П. П. Артемовскаго Гулака (Кіевъ 1877, стр. 4) выразился, что ямбовъ «накыдавъ багато Котляревськый въ свою чудасійну «Энеиду», що такъ довго потишало наше панство небувалыми украинськымы троянамы».

[3]) Хуторна поэзія, у вi Львóвi 1882, 123—124. Костомаровъ возражаетъ противъ послѣдняго мнѣнія г. Кулиша о Котляревскомъ, но не совсѣмъ основательно. Преподаваніе въ Харьковскомъ коллегіумѣ и духовныхъ семинаріяхъ распространяло знакомство съ псевдоклассицизмомъ въ образованномъ обществѣ Украйны, а г. Кулишъ имѣлъ въ виду обоготвореніе классическихъ героевъ именно «по великихъ містахъ» (Костомаровъ выпустилъ эти слова, цитуя Кулиша). Невѣрно въ замѣчаніи Костомарова и утвержденіе, будто «иного народа, говорящаго по малорусски, кромѣ простонародія, почти не было» въ Украйнѣ, когда Котляревскій писалъ свою Энеиду. Сошлемся хотя-бы на разсказъ о помѣщикѣ, у котораго жилъ въ 1795 г. Котляревскій, и на замѣчаніе г. Кулиша въ его первой статьѣ («Основа» 1861, янв., стр. 246; стр. 88 отд. оттиска»).

Приведши разнорѣчивыя сужденія о произведеніяхъ Котляревскаго, г. Петровъ старается «установить правильную точку зрѣнія» и для того обращаетъ вниманіе «на предшествовавшіе литературные элементы, служившіе пробнымъ камнемъ для поэтическаго таланта Котляревскаго, и на отношеніе его къ современной малорусской жизни» (стр. 29).

Г. Петровъ видитъ въ народированіи народной жизни у Котляревскаго продолженіе каррикатурнаго изображенія *простонародной* жизни, имѣвшаго мѣсто въ комическихъ интерлюдіяхъ. Котляревскій «сдѣлалъ смѣлую попытку соединить малорусскую рѣчь и содержаніе съ современными формами господствующей русской литературы и такимъ образомъ дать этой рѣчи и содержанію бо́льшую подвижность и возможность дальнѣйшаго развитія. Онъ удержалъ въ своихъ произведеніяхъ малорусскую рѣчь XVIII вѣка, но очистилъ ее отъ слишкомъ грубаго содержанія и макаронизмовъ и подчинилъ требованіямъ и формамъ современной русской литературы» (стр. 29).

Намъ кажется, что въ этой общей оцѣнкѣ дѣятельности Котляревскаго есть неточности и упущенія. Заслуга Котляревскаго состояла не только въ сближеніи украинской литературы съ современными формами русской литературы, но также въ весьма талантливомъ раскрытіи сокровищъ малорусскаго народнаго духа и слова.

[1]) Называя (стр. XIII) Котляревскаго поэтомъ-двигателемъ, г. Катрановъ повторилъ мысль, высказанную ранѣе, какъ мы говорили, г. Даниловскимъ и вѣрную, но въ другихъ сужденіяхъ г. Катрановъ переступаетъ мѣру. См., напр., на стр. XII сужденіе о «Наталкѣ-Полтавкѣ».

[2]) Въ предисловіи г. Катранова немало ошибокъ, показывающихъ слабое знакомство съ предметомъ. Ср. отзывъ объ его книгѣ въ ст. г. Горленка въ «Кіевской Старинѣ» 1883, № 5, стр. 154.

Что до очищенія содержанія украинской литературы, то «Энеида» этимъ еще не отличается: въ ней не мало еще грубости; равнымъ образомъ и «Москаль-Чарівникъ» примыкаетъ къ старому народному комизму. Очищеніемъ-же украинской литературной рѣчи Котляревскій не задавался сознательно, потому что она была искажена далеко не во всѣхъ произведеніяхъ на украинскомъ нарѣчіи, распространенныхъ въ Украйнѣ до Котляревскаго. Разсмотрѣніе языка произведеній Котляревскаго могло-бы привести къ нѣкоторымъ интереснымъ наблюденіямъ, но г. Петровъ совершенно не касается вопроса объ языкѣ украинскихъ писателей.

Мы не видимъ, почему «Энéиду» Котляревскаго слѣдуетъ сопоставлять непремѣнно со школьными интерлюдіями. Намъ неизвѣстны данныя, которыя заставляли бы усматривать генетическую связь «Энеиды» со школьной драмой въ ея вполнѣ развитомъ видѣ [1]). Но Котляревскій могъ быть знакомъ съ вертепомъ, въ которомъ были выполняемы сцены изъ народнаго быта [2]). Въ Украйнѣ во время Котляревскаго было въ ходу не мало произведеній, отрѣшенныхъ отъ схоластическихъ формъ. Павловскій, который жилъ въ слободско-украинской губерніи [3]) въ началѣ настоящаго столѣтія, отмѣтилъ «нѣсколько ему извѣстныхъ малороссійскихъ, большихъ или малыхъ, сочиненій. Онѣ суть: напечатанная, и публикою съ удовольствіемъ принятая, Перелицóванная Вергиліева Енеида; Діалоги рожествéнській и воскресéнській; Вірша, говóренная запорóзькому Гетьмáну на Велúкъ-день; Замыслъ на попа, и еще нѣкоторыя» [4]) Въ «Отрывкѣ изъ исторіи нѣкотораго Малороссіянина» того-же Павловскаго панотéць даетъ такой совѣтъ сыну, отправляющемуся въ Петембýрхъ: «тамъ десь є Кграиъ N. то ты ходы́ до іóго на Різдво *зъ віршою*, а на Велúкдень зъ ралцéмъ» [5]). О «Вѣршѣ или поздравительной рѣчи въ день свѣтлаго праздника Воскресенія

[1]) Г. Н. М. В. въ своей статьѣ о Котляревскомъ («Новь» 1885, т. II. № 5) считаетъ «Вознаго» въ «Наталкѣ» «вѣчнымъ типомъ подьячаго и дьяка, столь излюбленнаго въ малороссійскихъ интерлюдіяхъ 18 вѣка», но указываетъ также на пьесу Капниста.

[2]) Недавно открыты новые слѣды вертепа. См. газету «Новости» за мартъ 1886 г.

[3]) См. стр. 110 его Грамматики.

[4]) Тамъ-же стр. 111.

[5]) Стр. 97. Слово *ралец* Павловскій объясняетъ на стр. 55: «подарокъ, состоящій въ хлѣбѣ, винѣ, пряникахъ и проч., которой подчиненные приносятъ своимъ *начальникамъ* на *праздникъ* свѣтл. Христ. Воскресенія и въ новый годъ».

Христова, говоренной Кошевымъ запорожскихъ козаковъ свѣтлѣйшему князю таврическому Григорью Александровичу Потемкину, котораго запорожскіе казаки называли «Грицько Нечеса», упоминаетъ самъ г. Петровъ въ «Очеркахъ изъ исторіи Украинской литературы XVIII в.» [1]). Въ томъ-же трудѣ г. Петровъ говоритъ, что время открытій еще не миновало: литературныхъ произведеній, свидѣтельствующихъ «о живыхъ литературныхъ интересахъ южнорусскихъ школьниковъ XVIII в., сохранилось и не такъ мало: слѣдуетъ только тщательнѣе разыскивать ихъ и приводить въ извѣстность» [2]). Въ послѣднее время напечатано переложеніе въ стихахъ малорусскаго сказанія о «Маркѣ пекельномъ». По мнѣнію издателя, «стихотвореніе принадлежитъ несомнѣнно концу XVIII вѣка; это очевидно по его языку и пріемамъ, сильно напоминающимъ извѣстныя пасхальныя и рождественскія вирши того-же времени... Цѣль его дидактическая, а писалось оно для запорожцевъ и всего вѣроятнѣе въ самомъ-же Запорожьѣ»... «Стихотвореніе принадлежитъ времени, которое мы привыкли называть временемъ упадка и истощенія малорусской литературы, но которое, на самомъ дѣлѣ, есть только малоизвѣстное и мало обслѣдованное время. Побольше откроется такихъ произведеній, какъ печатаемое теперь и напечатанныя прежде, и мы должны будемъ значительно измѣнить взглядъ на происхожденіе новой украинской литературы» [3]). Въ отношеніи къ «Энеидѣ» Котляревскаго интересно, что въ концѣ XVIII в. «легенда о Маркѣ имѣла живое обращеніе въ устахъ народа», и появилось литературное изложеніе разсказа о нисхожденіи въ адъ. Слѣдовательно, одинъ изъ эпизодовъ Энеиды не былъ чуждъ и народному творчеству. Къ произведеніямъ въ родѣ перечисленныхъ и къ сопоставленію съ извѣстнымъ изъ другой литературы образцомъ пародированной Энеиды естественнѣе всего возводить идею Энеиды Котляревскаго.

[1]) Кіевъ 1880, стр. 23. Вірша эта напечатана въ № 7 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» 1877 г. Народъ и теперь поетъ объ Адамѣ и Евѣ, какъ доводилось намъ слышать, въ тонѣ, напоминающемъ заключеніе вірши Кошеваго. Вірши Різдву и Великодню, распѣваемые и теперь школярами, напечатаны въ іюньской кн. «Основы» 1862 г.: «Зъ народніхъ устъ», стр. 44—53. Эти вірши могутъ быть сближаемы съ комическими колядками, напр. съ колядкою о «старомъ Йосипѣ». Она была напечатана въ ряду другихъ, помнится, въ одной изъ статей г. Хойнацкаго въ «Трудахъ Кіевской Дух. Ак.».

[2]) Оч. изъ ист. Укр. лит. XVIII в., стр. 2.

[3]) Кіевская Старина 1885 г., августъ, 682—683.

Интересны нѣкоторыя данныя, находящіяся въ самой Энеидѣ и оставленныя безъ вниманія г. Петровымъ. Описывая пиръ, заданный Энеемъ, Котляревскій говоритъ во 2-й части:

У виконъ школяри спивалы,
Халяндры цыганкы скакалы,
Игралы въ кобзы и слиници.

Въ III-й части находимъ слѣдующее упоминаніе о томъ, какъ развлекали себя Троянцы во время плаванія по морю:

Гребци и весла положылы,
Та сыдя люлечки курылы
И кургыкалы писеньокъ:
Козацькыхъ, гарныхъ Запорожськыхъ,
А яки зналы, то Московськыхъ,
Выгадовалы брдиньокъ.
Про *Сагайдачного* спивалы,
Лыбонь спивалы и про *Сичь*,
Якъ въ пикинеры набиралы,
Якъ мандровавъ козакъ всю ничь;
Полтавську славылы Шведчыну,
Иненя якъ свою дытыну
Зъ двора провадыла въ походъ;
Якъ пидъ Бендерью воювалы,
Безъ галушокъ якъ помералы,
Колысь якъ бувъ голодный годъ.

Послѣдніе стихи указываютъ, вѣроятно, на казацкіе разсказы о невзгодахъ, какіе приходилось испытывать, сражаясь вмѣстѣ съ русскою арміею. Одинъ изъ этихъ разсказовъ слышалъ еще Куліша [1]). По его словамъ, «этотъ образчикъ юмора, отъ котораго хочется плакать, принадлежитъ словесности изустной, потѣшавшей вельможъ XVIII вѣка. Я говорю о такъ названной мною *Очаковской бѣдѣ*, пересказанной мнѣ въ полуразоренномъ Мотренинскомъ монастырѣ отставленнымъ и убогимъ его настоятелемъ, въ 1843 году, со словъ какого-то полковника Перепелицы» (См. *Зап. о Южн. Руси*, т. I, стр. 289) [2]).

[1]) См. разсказъ г. Куліша «Очаківська біда», Спб. 1861, не упомянутый въ перечнѣ г. Петрова.

[2]) Основа 1861, январь, стр. 242—243.

Общій характеръ перечисленныхъ произведеній состоялъ въ юморѣ: въ нихъ изображались юмористически не только повседневныя явленія, но также и нѣкоторыя событія народной исторіи; юмористическія черты входили даже въ разсказы о событіяхъ священной исторіи. Такого рода произведенія были въ ходу даже въ средѣ запорожцевъ. Котляревскій въ своей «Энеидѣ» примкнулъ къ этому направленію украинской словесности, характеризуемому народнымъ юморомъ и употребленіемъ народной рѣчи. Ему оставалось сообщить лишь нѣкоторую дальнѣйшую обработку этимъ готовымъ пріемамъ творчества. Въ предшествовавшей Котляревскому украинской словесности мы не видимъ яркаго эпическаго и драматическаго выраженія лишь той стороны народнаго характера, которая выступила со всею ясностью въ «Наталкѣ-Полтавкѣ».

Обращаемся къ разсмотрѣнію каждаго изъ произведеній Котляревскаго въ отдѣльности и тѣхъ элементовъ, которые вошли въ эти произведенія.

Для правильной оцѣнки «Энеиды» Котляревскаго важно было бы рѣшить вопросъ объ отношеніи ея къ «Виргиліевой Енеидѣ, вывороченной на изнанку Н. О» (т. е. Н. Осиповымъ) [1]), но г. Петровъ не остановился на этомъ вопросѣ и ограничился замѣчаніемъ, что «идея перелицованной «Энеиды» не принадлежитъ Котляревскому и заимствована у «Энеиды, вывороченной на изнанку», Осипова и Котельницкаго, 1791—1807 гг.» (стр. 30).

Отношеніе перелицовки Котляревскаго къ пародіи Осипова пытался выяснить уже въ 1856 году Скубентъ Чупрына (А. А. Котляревскій). Во 2-й своей статьѣ онъ отказался отъ своего первоначальнаго мнѣнія, по которому Котляревскій заимствовалъ идею перелицованной Энеиды у Осипова, и высказалъ мнѣніе, что малорусская Энеида была написана прежде передѣлки Осипова, но напечатана позднѣе. Въ послѣднее время г. Н. М. В. въ «Нови», 1886 г. «пришелъ къ неопровержимому выводу, что первенство по времени принадлежитъ поэмѣ Осипова, которому несомнѣнно подражаетъ Котляревскій» (стр. 708). Г. Н. М. В. ссылается на то, что «Энеида» Осипова явилась въ 1791 г., а поэма Котляревскаго была напечатана впервые въ 1798 г.

Что одинъ изъ перелагателей Энеиды пользовался произведеніемъ другаго, не можетъ подлежать сомнѣнію: это доказывается

[1]) Мы пользовались вторымъ изданіемъ: С.-Петербургъ 1801 г., 4 части.

сопоставленіемъ обѣихъ Энеидъ [1]). При сравненіи ихъ нельзя не отдать предпочтенія изложенію Котляревскаго, которое не столь растянуто, кратче [2]), но выразительнѣе, болѣе приспособлено къ русской жизни и не заключаетъ неинтересныхъ для русскаго читателя подробностей изъ классическихъ легендъ [3]). «Энеида» Котляревскаго передаетъ лишь общую схему оригинала. На это указываетъ отчасти самъ Котляревскій; приступая къ описанію ада, онъ говоритъ:

Я може що нибудь прыбавлю,
Переміню и що оставлю,
Пысну—якъ одъ старыхъ чувавъ [4]).

Вопросъ можетъ быть о томъ, читалъ-ли Котляревскій произведеніе Осипова, или же послѣдній приступилъ къ своей Энеидѣ, познакомившись съ рукописью начала поэмы Котляревскаго. Намъ кажется, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только послѣ обстоятельнаго сравненія Энеидъ Осипова и Котляревскаго и сопоставленія ихъ съ латинскимъ подлинникомъ и французскими и нѣмецкими передѣлками его. Такого сравненія мы еще не имѣемъ. Если за первенство Энеиды Осипова говоритъ болѣе раннее появленіе ея въ печати, то, съ другой стороны, въ пользу независимости Котляревскаго отъ Осипова въ идеѣ перелицовки говоритъ преданіе, по которому Котляревскій «еще въ семинаріи началъ перелицовывать Энеиду Виргилія на каррикатурно-украинскій языкъ» [1]). Котляревскій зналъ французскій языкъ и могъ читать Скаррона, не говоря уже о томъ, что онъ былъ хорошо знакомъ съ Виргиліевой Энеидой [2]). «По окончаніи курса наукъ въ семинаріи, Котляревскій нѣсколько времени занимался въ частныхъ помѣщичьихъ домахъ обученіемъ и воспитаніемъ дѣтей; бывалъ онъ на сходьбищахъ и играхъ народныхъ и самъ, переодѣтый, участвовалъ въ нихъ, прилежно вслушивался въ народный говоръ, записывалъ пѣсни и слова, изучалъ языкъ, нравы, обычаи, обряды, повѣрья, преданія украинцевъ, *какъ-бы подготовляя себя къ предстоящему труду*» [3]). Интересно, далѣе, что въ переводѣ Осипова встрѣчаются малорусскія слова и обороты [4]). Къ сожалѣнію, мы еще не имѣемъ вполнѣ научнаго и подробнаго указанія источниковъ, изъ которыхъ черпалъ Осиповъ [5]). Но и теперь несомнѣнно, что онъ пользовался не однимъ Блумауэромъ [6]).

---

[1]) Сравн.

у Осипова:	у Котляревскаго:
А ты! рекла она *Енею* Удалой доброй *молодецъ!* (ч. III, стр. 43).	*А ты!* мовляла ко *Енею*, Моторный, смилый *молодець*...
Потомъ имъ *Смерть* своей Косою Отбрякнула по свойски *честь*. (ч. III, стр. 46).	А *потимъ смерть* до артыкулу Имъ поздала косою *честь*.
Насупротивъ сихъ богомолокъ	*Насупротывъ сыхъ* оканиныць.

Иногда изъ тожественныхъ выраженій болѣе удачное принадлежитъ какъ-бы украинскому переложенію. Такъ, выраженію Осипова: «И лѣзла въ небо черна тѣнь» (ч. III, 36) соотвѣтствуетъ у Котляревскаго: «Изъ неба злізла чорна нічь».

[2]) Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одной строфѣ Осипова соотвѣтствуютъ двѣ Котляревскаго.

[3]) Такъ, Котляревскій въ описаніи ада опустилъ Кентавровъ, Грифовъ и проч., о которыхъ подробно говоритъ Осиповъ.

[4]) Эти стихи какъ-бы указываютъ на пользованіе Виргиліемъ.

[1]) Основа 1861, январь 245.

[2]) На русскомъ языкѣ существуетъ переводъ «Энеиды» подъ заглавіемъ: «Еней — Героическая поэма Публія Виргилія Марона. Перев. съ латинскаго Петровымъ», 8⁰, 2 ч.

[3]) Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ, 16. — Въ Сѣв. Пчелѣ 1839, № 146 подчеркнутымъ словамъ соотвѣтствуетъ слѣдующее замѣчаніе: «Время показало, что это было слѣдствіемъ поэтической дѣятельности, для удовлетворенія которой Котляревскій избралъ поэму Виргилія». Тамъ-же говорится: «По долгомъ, обдуманномъ приготовленіи, Котляревскій рѣшился пародировать Энеиду Виргилія на Малороссійскомъ языкѣ. Изъ собранныхъ нами свѣдѣній извѣстно, что первыя три части Энеиды написалъ онъ, едва вступивъ въ военную службу». Въ новѣйшей редакціи біографіи (стр. 16) говорится неправильно: «сколько намъ извѣстно, первыя три части Энеиды были написаны около 1803 года».

[4]) Ч. I, 39: *забобоны*. Ч. II, 43: *пильнуетъ*. Ч. III, 19: *завсегда*, зачнетъ тревожить; стр. 28: изъ *мяла*; стр. 30: трубилъ всегда *безъ перестатку*; стр. 40: *згодиться* (вмѣсто пригодиться) и др. выраженія.

[5]) Послѣдній издатель Блумауэра, Бобертагъ (Deutsche National-Litteratur, herausgeg. von I. Kürschner. 141 Band: G. Ch. Lichtenberg, Th. g. v. Hippel und Al. Blumauer, hrsg. von Felix Bobertag) говоритъ (S. 302): Ein Mittelding zwischen Uebersetzung und Nachahmung ist Ossipof's russische Bearbeitung (Petersburg, 1791—93. 8⁰), worin Aeneas als russischer Bauer, Dido als russische Bauerndirne erscheint». Подробныя свѣдѣнія о Блумауэрѣ можно найти въ предисловіи Гризебаха къ изданію Блумауэра, вышедшему въ коллекціи Брокгауза: Bibliothek der Deutschen Nationalliteratur des achtzehnten und neunzehnten Iahrhunderts, 35. Bd. Leipz. 1872.

[6]) Достаточно сравнить хотя-бы описаніе путешествія по аду у Осипова и у Блумауэра. У Осипова и Котляревскаго какъ и у Скаррона, Энея съ Сивиллою встрѣчаетъ Смерть, и слѣдующія затѣмъ у Осипова строфы (ч. III, стр. 47 и слѣд.) не имѣютъ соотвѣтствующихъ у Блумауэра.

Какъ бы то ни было, сравненіе пародіи Осипова съ передѣлкою Котляревскаго [1]) можетъ выяснить характеръ творчества Котляревскаго и содѣйствовать въ значительной степени и рѣшенію того вопроса, которымъ занялся г. Петровъ, — вопроса о томъ, которому изъ мнѣній о значеніи Энеиды Котляревскаго отдать предпочтеніе. Болѣе внимательное разсмотрѣніе содержанія Энеиды показало бы, какъ несправедливо замѣчаніе г. Петрова, что «*всѣ* нареканія на Котляревскаго имѣютъ свою долю основанія». Какъ мы видѣли, самъ Кулишъ отказался теперь отъ этихъ нареканій. Подрываетъ ихъ и самъ г. Петровъ, который опровергаетъ взглядъ Кулиша, повторяя замѣчаніе, сдѣланное самимъ Кулишемъ [2]). Слишкомъ ужь много сказано въ словахъ г. Петрова, что Котляревскій «чѣмъ дальше шелъ по новому пути, тѣмъ болѣе сближался съ народомъ и изучалъ его дѣйствительную жизнь» (стр. 39). Обстоятельное знакомство съ послѣднею видно во всѣхъ частяхъ Энеиды. Равнымъ образомъ во всѣхъ частяхъ ея Котляревскій изображалъ животную сторону жизни, преобладавшую въ современной ему Украйнѣ. Онъ не щадилъ никого и нарисовалъ довольно полную картину украинской жизни. Г-нъ Н. М. В. замѣчаетъ нѣсколько разъ въ своей статьѣ о Котляревскомъ, что нашъ поэтъ, «приступая къ своей поэтической дѣятельности, имѣлъ вначалѣ только одну сознательную цѣль: смѣшить образованную публику сценами изъ простонароднаго быта, написанными на Малорусскомъ языкѣ». Да, Котляревскій хотѣлъ посмѣшить, но не на счетъ одного только простаго народа; онъ желалъ выставить въ рамкахъ Энеиды вообще смѣшныя явленія жизни, и картина изначала была широко задумана; простому народу только удѣлено въ ней наиболѣе мѣста [3]). Всѣмъ достается у Котляревскаго. Онъ имѣлъ въ виду и пановъ, и представляетъ ихъ такими-же любителями попить и поѣсть, какими выставилъ ихъ потомъ Квитка въ «Панѣ Халявскомъ». Такъ, напр., во 2-й части Энеиды читаемъ:

Зибравшыся вси *паненята*
Изновъ кружаты началы,

[1]) Оно произведено удачно въ первой статьѣ г-на Н. М. В., отмѣчающаго достоинства передѣлки Котляревскаго по сравненію съ Энеидою Осипова.

[2]) См. стр. 247 статьи г. Кулиша въ январьской кн. «Основы» 1861 г..

[3]) Въ своей статьѣ 1861 года г. Кулишъ такъ выразился объ этомъ: Котляревскій, «только прикинувшись юродивымъ мужикомъ въ своей Энеидѣ, изрѣдка осмѣливается назвать пороки свѣтскихъ и духовныхъ людей, тяготѣвшіе надъ украинскимъ народомъ». Основа 1861, янв., стр. 258.

Пылы, якъ брагу поросята,
Горилку такъ воны тяглы.

Постоянно изображаемыя картины пьянства претятъ, но — нечего грѣха таить — то былъ старый общераспространенный порокъ. Потому-то у Котляревскаго горілкою упиваются и боги, а равно и Эней со спутниками запиваетъ ею и горе, и радость. Укажемъ далѣе на то, что говоритъ Сивилла Энею въ 3-й части о взяточничествѣ:

Ты знаешъ, — дурень не бере:
У насъ хоть трохы хто тямущій,
Уміе жыть по правди сущій,
То той хоть зъ батька, то здере.

Въ аду помѣщены «начальныки, пьявкы людскіе», и не дано пощады никому изъ утѣснителей народа:

Всимъ старшынамъ тутъ безъ розбору,
Панамъ, підпанкамъ и слугамъ,
Давалы въ пекли добру хльору,
Всимъ по заслузи, якъ котамъ.

Нельзя сказать, чтобъ авторъ Энеиды осмѣивалъ лишь малороссовъ. Онъ становится на народную точку зрѣнія и относительно «Москалей». Этотъ народный взглядъ на Москалей, составлявшій продолженіе исконныхъ племенныхъ пересудовъ и теперь уже значительно ослабѣвшій, выражался, между прочимъ, въ пословицахъ; нѣкоторыя изъ нихъ приведены въ письмѣ Срезневскаго къ Снегиреву (стр. 148). Мы уже указали на то мѣсто Энеиды, въ которомъ говорится о «Московськыхъ бриденькахъ». Въ другомъ мѣстѣ читаемъ:

Съ діявола швыдки, проворни,
Підпустятъ Москаля якъ разъ [1]).

Вообще Котляревскій съумѣлъ придать всему народный колоритъ и даже Сивиллу сдѣлалъ настоящею вѣдьмою. Малороссія встаетъ предъ читателемъ въ неприглядномъ видѣ, «но нечего пенять на зеркало, коли рожа крива», да и слишкомъ яркія картины нарисованы Котляревскимъ не только съ цѣлью осмѣянія и одной

[1]) Ср. что говорится о Москаляхъ въ Москалѣ-Чарівникѣ.

пустой забавы: благородное настроеніе автора постоянно проглядываетъ въ Енеидѣ [1]). Въ поэмѣ Котляревскаго господствуетъ крайній реализмъ, но за этимъ реализмомъ скрывается честность побужденій и горячая любовь къ народу и правдѣ. Комическое изображеніе украинскаго быта переходитъ иногда въ каррикатурное [2]), но по большей части оно выполнено въ духѣ *народнаго юмора*. Потому то, вѣроятно, Срезневскій назвалъ Котляревскаго «простодушнымъ» [3]). Народа не обмануть, а анекдотъ о встрѣчѣ Котляревскаго съ запорожцами у Дуная показываетъ, какъ сразу понравилась народу поэма Котляревскаго: очевидно, въ ней не видѣли насмѣшки надъ народомъ по преимуществу. Тѣ изъ народа, которые читали Энеиду, находили въ ней весьма много народнаго. Въ особенности это можно сказать объ языкѣ поэмы Котляревскаго: онъ энергиченъ, выразителенъ, въ высшей степени характеренъ и мѣткъ, хотя нерѣдко и грубоватъ. Литературная заслуга Котляревскаго въ Энеидѣ состояла именно въ томъ, что онъ выказалъ въ блестящемъ видѣ и богатство народнаго языка, и богатство юмора, таящееся въ душѣ народа; онъ съумѣлъ пріобрѣсти полное вниманіе и сочувствіе пановъ, которые до того времени не такъ сознательно питали любовь къ народному слову и народной словесности. Г. Петровъ не обратилъ вниманія на эти заслуги Котляревскаго. Въ примѣненіи къ Энеидѣ оказывается не совсѣмъ вѣрною та общая оцѣнка значенія литературной дѣятельности Котляревскаго, какую далъ г. Петровъ. По его словамъ, «чтобы поставить малорусскую рѣчь на высотѣ тогдашней литературы, для этого нужно было подчинить ее литературнымъ пріемамъ и формамъ господствующей русской литературы... Котляревскій подчинилъ украинскую словесность формамъ господствующей русской литературы... Содержаніе и рѣчь.. получили болѣе приличную форму и отдѣлку...» (стр. 20—21). Пародія однако не была господствующимъ видомъ творчества въ русской литературѣ; напротивъ, юмористическое изображеніе было весьма распространено въ украинской словесности. Тонъ передѣлки Осипова — площадной и кабацкій, и Котляревскій стоитъ выше Осипова, съ чѣмъ соглашается и г. Петровъ.

Поэма Котляревскаго оказывается въ подробностяхъ совершенно народною, написана весьма талантливо [1]) и получила значеніе самостоятельнаго произведенія. Это-то и было причиною чрезвычайнаго успѣха Энеиды Котляревскаго, въ которой видѣли не одно простое смѣхотворство, какъ, напр., въ пьесѣ Шаховскаго. Энеида была «принята публикою съ удовольствіемъ», по словамъ Павловскаго. «Всѣ сословія читали ее, говоритъ Пассекъ, отъ грамотнаго крестьянина до богатаго пана» [2]). Объ особомъ достоинствѣ ея, какъ народнаго произведенія, говоритъ то обстоятельство, что она пережила своихъ соперницъ [3]) и часто переиздается [4]).

Изъ сказаннаго видно, что въ Энеидѣ Котляревскаго украинская литература получила произведеніе съ широкимъ народнымъ направленіемъ. Этого не поняли тѣ критики, которые, имѣя въ виду ея чрезвычайное распространеніе, порицали ее, какъ виновницу насмѣшливаго отношенія къ малороссамъ. Такое отношеніе, дѣйствительно, было обычно до появленія повѣстей Гоголя [5]), но было порождено не одною поэмою Котляревскаго.

---

[1]) Это настроеніе характеризуется лучше всего описаніемъ грѣшниковъ, встрѣченныхъ Энеемъ въ аду. Укажемъ, напр., на слѣдующіе стихи:

Панивъ за те тамъ мордовалы,
И жарылы зо всихъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы,
И ставылы ихъ за скотивъ.

[2]) Это доказалъ г. Кулишъ въ концѣ своей статьи о Котляревскомъ въ «Основѣ» 1861 г..

[3]) Тоже выраженіе употребилъ и г. Н. М. В. на стр. 712 своей статьи о Котляревскомъ; на стр. 711 онъ называетъ насмѣшку Котляревскаго «добродушною».

[1]) См., напр., въ пятой части мастерскую картину посѣщенія Венерою Вулкана.

[2]) Москвитянинъ, ч. II, 563. — «Новое изданіе вашей Энеиды ожидаютъ съ жадностью въ Малороссіи», писалъ Мельгуновъ къ Котляревскому въ 1820 г.. «Кіевск. Стар.» 1883, № 5, стр. 151 (Замѣтка Горленка: «Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго»).

[3]) Послѣ Энеиды Осипова и Котельницкаго явилась еще одна пародія Энеиды въ русской литературѣ, именно «Энеида. Комическая поэма. Сочиненіе Николая Невѣдомскаго. С.-Петербургъ 1828». Ничтожество этого отзвука пародій XVIII в. раскрыто въ рецензіи «Московскаго Вѣстника» (1828, ч. IX, 304—308).

[4]) Въ 1886 г. вышло новое изданіе Энеиды Котляревскаго.

[5]) Въ «Эпилогѣ къ Черной Радѣ» г. Кулишъ говоритъ, что Гоголь открылъ для Великороссіянъ своехарактерный и поэтическій народъ, извѣстный имъ дотолѣ въ литературѣ только по каррикатурамъ... Со временъ Гоголя взглядъ Великороссовъ на натуру Малороссіянина перемѣнился: почуяли въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенныя, поразительныя; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ сильною жизнію, и, можетъ быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной

Итакъ, защищая Энеиду Котляревскаго отъ крайнихъ сужденій односторонней критики, г. Петровъ лишь развилъ намекъ, высказанный вскользь представителемъ той-же критики, Кулишемъ. Того, что заслуживало особаго вниманія, генезиса Энеиды, г. Петровъ коснулся поверхностно и не выяснилъ, какъ слѣдуетъ, связи этой поэмы съ современной ей украинской словесностью, хотя былъ на пути къ тому въ своей предшествовавшей работѣ. Значеніе Энеиды и заслуги ея автора поняты односторонне.

Обращаемся къ драматическимъ произведеніямъ Котляревскаго. Г. Петровъ признаетъ и въ нихъ формальное подражаніе русскимъ комедіямъ, считаетъ заимствованнымъ отчасти и общій тонъ и, съ другой стороны, замѣчаетъ самобытные элементы. Указанія г. Петрова не вполнѣ удачны въ частностяхъ, не исчерпываютъ главнаго матеріала и не выказываютъ внимательнаго изученія предмета.

Такъ г. Петровъ говоритъ совершенно голословно о вліяніи русскихъ образцовъ на пьесы Котляревскаго. Недостаточно сказать, что Котляревскій «написалъ комедію (?) «Москаль-Чарівникъ» по образцу такихъ-же (?) русскихъ комедій Фонъ-Визина (?), Капниста, Аблесимова, Крылова, кн. Шаховскаго и др.» (стр. 21). Желательно было-бы получить болѣе точныя указанія.

Также легковѣсно и сужденіе г. Петрова о «Наталкѣ-Полтавкѣ». Г. Петровъ повторилъ старое мнѣніе [1]), что въ Наталкѣ-Полтавкѣ простолюдинъ «изображенъ въ сентиментальномъ вкусѣ карамзинской школы», и не провѣрилъ этого сужденія. Мы не понимаемъ,

натуры сѣверно-русскаго человѣка». Р. Бесѣда 1857, III, 128, 130.—Эти слова Кулиша подтверждаются примѣромъ Костомарова. Онъ говоритъ въ своей автобіографіи о впечатлѣніи, какое произвело на него чтеніе произведеній Гоголя въ 1837 г.. «Въ это время мнѣ, уже прежде читавшему Гоголя, попались *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки* и *Тарасъ Бульба*. Это было чуть-ли не первое пробужденіе того чувства къ Малороссіи, которое дало совершенно новое направленіе моей дѣятельности. Я читалъ Гоголя съ увлеченіемъ, перечитывалъ и начитаться не могъ: «какъ это все такъ близко кругомъ меня, и я ничего этого не видѣлъ, не знаю!— думалось мнѣ. Нужно изучить это хорошенько!» Р. Мысль 1885, № 5, стр. 202.

[1]) Костомаровъ въ своемъ первомъ обзорѣ украинской литературы выразился, что содержаніе Наталки «отзывается устарѣлою сентиментальностью прошлаго вѣка». Намъ непонятенъ такой отзывъ въ виду того, что́ говоритъ далѣе Костомаровъ о «Марусѣ» Основьяненка (Ср. стр. 165 и 170 «Молодика» на 1844 годъ); да и самъ Костомаровъ замѣтилъ, что въ «Наталкѣ-Полтавкѣ»... «сочинитель хотѣлъ представить нѣжное сердце малороссійской дѣвушки». Послѣ Костомарова г. Кулишъ обвинялъ «Наталку-Полтавку» въ «аффектаціи и сентиментальности».

въ чемъ можно сближать чувствительность нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ «Наталки-Полтавки» съ сентиментальностью карамзинской школы, и сошлемся, чтобы долго не говорить, на статью о Котляревскомъ въ «Нови» 1885 г., т. II, № 5, стр. 129—130, гдѣ вѣрно на нашъ взглядъ сравнена «Наталка-Полтавка» съ «Бѣдною Лизою» и показано, что «между ложною сентиментальностью Карамзина и его послѣдователей, съ одной стороны, и чувствительностью у Котляревскаго, вытекающею изъ народнаго характера, съ другой, лежитъ цѣлая бездна». Эта бездна была-бы еще замѣтнѣе, если-бы сличить произведеніе Котляревскаго съ настоящею сентиментальною пьесою, напр. съ драмой Н. Ильина «Лиза или торжество благодарности» [1]). До указанной статьи г-на Н. М. В., подробно сравнившаго оперу Котляревскаго съ повѣстью Карамзина, не было такого обстоятельнаго сопоставленія, но все же было высказано въ литературѣ немало сужденій, хотя и кратко, но вѣрно отмѣчавшихъ прекрасное отраженіе народнаго характера въ «Наталкѣ-Полтавкѣ». Мы присоединяемся къ этимъ мнѣніямъ, оставленнымъ безъ вниманія у г. Петрова.

Жизненною правдою запечатлѣны не только «нѣкоторыя мѣста», какъ говоритъ г. Петровъ; ею проникнута вся пьеса. Въ доказательство этого опять сошлемся на статью Н. М. В. (стр. 130—131). Даже Наталка, которую столь обвиняли въ сентиментальности, «поступаетъ такъ, какъ на ея мѣстѣ поступили-бы тысячи деревенскихъ дѣвушекъ въ Малороссіи». Словомъ въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» удачно, хотя и не всесторонне, воспроизведена родная и столь любезная поэту Полтавщина—край, гдѣ

Ворскло ричка
Невелычка,
Тече здавна
Дуже славна
Не водою,
А войною,
Де Шведъ полигъ головою [2]).

[1]) Эта драма была посвящена имп. Александру I. 1-е ея изданіе—1803 г., 2-е—1808 г..

[2]) Въ Энеидѣ также упоминаются близкія къ Полтавѣ села и называются кое-гдѣ полтавцы, напр. Верныгора Мусій.

Этотъ край прославляетъ собою Наталка, какъ одинъ изъ перловъ Украйны. Сама Наталка поетъ о себѣ подъ конецъ пьесы скромно и въ то же время съ сознаніемъ своего достоинства:

Ой я дивчына Полтавка,
А зовутъ мене Наталка,—
Дивка проста, не красыва,
Зъ добрымъ серцемъ, не спесыва, *и проч.*

Другіе отзываются о ней съ восторгомъ. Такъ, Микола говоритъ о ней: «Ай, Наталка! ай Полтавка! Отъ дивка, що и на краю пропасты не тилько не здригнулась, а и другого поддержуе». Изъ простодушнаго сельскаго населенія выдѣляются и нарушаютъ идиллію, разрушаемую также бѣдностью, «Возный»—«юрыста завзятый и хапунъ такый, що и зъ рідного батька злупыть», и «Выборный Макогоненко»; послѣдній «чоловикъ и добрый бувъ бы, такъ бида,—хытрый, якъ лысыця, и на вси стороны мотастця: де не посіе, тамъ и уродытця. И уже де и чортъ не сможе, то пошлы Макогоненка, заразъ докаже». Но и эти зачерствѣвшія натуры поддаются доброму порыву сердца и оказываются настоящими полтавцами. «Оттакови-то наши Полтавци, говоритъ Мыкола. Колы дило пиде, щобъ добро зробыты, то одынъ передъ другымъ хапаютця». «Наталка—по всему Полтавка, говоритъ Выборный, Петро Полтавець, та й Возный, здаетця, не зъ другои губерныи». Словомъ, въ Наталкѣ-Полтавкѣ изображены «добрыи полтавци», «добрыи»—безъ излишней идеализаціи. Типы, выведенные въ этой комедіи, реальны, и неосновательно заподозривать жизненность ихъ: «свѣтъ не безъ добрыхъ людей». Въ героинѣ оперы—Наталкѣ раскрыта прекрасная душа малороссійской дівчины съ такою теплотою чувства, которая не можетъ не трогать читателя и зрителя и которой лишена сентиментальность. «Наталка-Полтавка» показываетъ лучше всего, какъ несправедливо мнѣніе о Котляревскомъ, какъ о писателѣ, далекомъ отъ народа. Котляревскій явился здѣсь предшественникомъ Квитки въ сочувственномъ и въ тоже время правдивомъ воспроизведеніи народной души [1]. Совершенно справедливо Евецкій назвалъ характеръ Наталки «образцово наивнымъ» [2], т. е. рѣзко отличнымъ (по Шиллеру) отъ характера сентиментальнаго. Искусственность Наталкиной чувстви-

[1]) Василь въ повѣсти Квитки «Марусѣ» нѣсколько напоминаетъ Петра въ «Наталкѣ-Полтавкѣ».

[2]) «Денница» 1842, стр. 86.

тельности опровергается лучше всего живучестью этой пьесы. Неужто и теперь еще поддаются ложной сентиментальности украинцы, цѣнящіе «Наталку-Полтавку»? Опера Котляревскаго доселѣ держится на мѣстной сценѣ не по отсутствію другихъ піесъ, а въ силу особой привлекательности. Наталка сохранила свое обаяніе и по выходѣ произведеній Квитки. Въ 1846 г. Сементовскій писалъ о ней слѣдующее: «Ни одна повѣсть, ни одно какое-либо сочиненіе до сихъ поръ не пришлось такъ по душѣ Малороссіянъ, какъ Наталка И. П. Котляревскаго: сотни списковъ ея ходятъ и теперь еще по всей Малороссіи; народъ усвоилъ себѣ пѣсни, написанныя Иваномъ Петровичемъ, и есть много такихъ лицъ, которыя знаютъ наизусть всю оперу» [1]. Наталка остается, по выраженію г. Горленка, «вѣчно юною».

Въ частности весьма цѣнятся и пѣсни «Наталки-Полтавки», какъ весьма удачныя поддѣлки подъ народныя пѣсни, и нельзя осуждать ихъ, какъ то сдѣлалъ Кулишъ, за то, что онѣ искуственныя. Важно то, что онѣ составлены въ духѣ народнаго творчества. Въ западной литературѣ такія удачныя пѣсни также высоко цѣнятся [2]. Г. Петровъ замѣтилъ, что пѣсни Наталки, Петра и Миколы, «несмотря на сентиментальный оттѣнокъ, повидимому представляютъ изъ себя передѣлку народныхъ малорусскихъ пѣсенъ или вольное подражаніе имъ» (стр. 32). Прибавленныя авторомъ къ этому общему замѣчанію указанія кажутся намъ неподходящими. Пѣсня Наталки: «Віютъ вітри» напоминаетъ г. Петрову чумацкую пѣсню «Забіліли сніги, заболіло тѣло». Мы укажемъ на пѣсню:

Шумытъ, шумытъ дубривонька
Тужытъ, тужытъ дівчинонька
и проч.

Слова этой пѣсни:

Ахъ якъ плачу, гды зобачу
Літа свои дармо трачу,

могутъ быть сопоставляемы со слѣдующими стихами пѣсни Котляревскаго:

Трачу літа въ лютомъ горі и кінця не бачу,
Тілько тоди и полегша, якъ нишкомъ заплачу.

[1]) Сѣв. Пчела 1846, № 82. Ср. подобное-же извѣстіе Срезневскаго, относящееся къ 1838 г..

[2]) См. Kleinpaul, V. d. Volkspoesie, 1870.

Пѣсня: «Гомôнъ, гомôнъ по диброві» вопреки г. Петрову — народная; она была напечатана Павловскимъ уже въ 1818 г.[1]).

Было-бы интересно выяснить отношеніе пѣсенъ, считающихся написанными самимъ Котляревскимъ, къ народнымъ. Оцѣнивая значеніе «Наталки-Полтавки» и дѣятельности Котляревскаго вообще, г. Петровъ не указалъ отчетливо на значеніе этого поэта въ исторіи южнорусской этнографіи, а между тѣмъ оно было отмѣчено уже въ 1838 г. Срезневскимъ — въ предисловіи къ «Наталкѣ-Полтавкѣ», изданной имъ въ Украинскомъ Сборникѣ, кн. I, Харьковъ 1838 г.. По мнѣнію Срезневскаго, «Наталка-Полтавка была не только однимъ изъ первыхъ книжно-народныхъ произведеній Украйны, но вмѣстѣ и первымъ сборникомъ памятниковъ Украинской народности, образцомъ для всѣхъ послѣдовавшихъ; она имѣла сильное вліяніе на изученіе Украинской народности и до сихъ поръ остается лучшимъ указателемъ почти на всѣ важнѣйшія стороны, съ которыхъ должно изучать Украинскую народность»[2]).

Скажемъ еще нѣсколько словъ о водевилѣ Котляревскаго «Москаль-Чарівникъ». Г. Петровъ сопоставляетъ содержаніе этой пѣсни съ разсказомъ одной чумацкой пѣсни, «записанной въ полтавской-же губерніи». Ранѣе Костомаровъ замѣтилъ, что сюжетъ «Москаля-Чарівника» заимствованъ изъ народной сказки[3]). Дѣйствительно фабула, положенная въ основу «Москаля-Чарівника» и «Простака» Гоголя-отца, — перехожая и весьма распространенная, а Котляревскій вдобавокъ былъ хорошо знакомъ съ народными сказками и анекдотами. Но необходимо принять во вниманіе имѣющееся въ запискахъ полтавскаго старожила указаніе, по которому «содержаніе Наталки и Москаль-Чарівныка взято авторомъ изъ мѣстныхъ преданій (Мазуровка горка и теперь есть въ Полтавѣ), а происшествіе съ Финтикомъ — дѣйствительное событіе, только нѣсколько

[1]) Стр. 89 — 90. Помѣщена она и въ сборникѣ Лисенка, вып. II. Срезневскій приводилъ эту пѣсню въ 1834 г. въ примѣръ того, какъ въ ряду «пѣсней и думъ, удостоенныхъ памяти народной, много истинно прекрасныхъ, проникнутыхъ глубокимъ, неподдѣльнымъ чувствомъ, оживленныхъ звуками трогающими *сердце*». Письмо къ Снегиреву въ Учен. Зап. И. Моск. Унив. 1834, ч. VI, стр. 138.

[2]) Мы передали содержаніе замѣчаній Срезневскаго словами рецензіи въ СѢв. Пчелѣ 1839, № 69. Ср. въ «Воспоминаніяхъ» Стеблина-Каминскаго стр. 28.

[3]) Гербель, Поэзія славянъ, стр. 159. Ранѣе, въ «СѢв. Пчелѣ» 1839, № 146, Стеблинъ-Каминскій утверждалъ, что «содержаніе Москаля-Чарівника взято изъ народнаго разсказа».

перенначенное авторомъ»[1]). Изъ того, что говоритъ г. Петровъ о «Москалѣ-Чарівникѣ», особую цѣну имѣетъ указаніе на источникъ романса «Не прельщай меня драгая» въ рукописи 1760 г..

Послѣ приведенныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о самостоятельности и народности содержанія піесъ Котляревскаго, можно судить, въ чемъ могло состоять вліяніе на него образцовъ русской драматической литературы. Котляревскій, бывавшій въ Петербургѣ, принимавшій живое участіе въ театральныхъ представленіяхъ въ Полтавѣ, былъ хорошо, конечно, знакомъ со всѣми выдающимися русскими комедіями конца прошлаго и начала настоящаго вѣка. Русскія комедіи и оперетки были во время Котляревскаго въ ходу на югѣ, и въ *Украинскомъ Вѣстникѣ* «любимѣйшею оперою изъ Русскихъ» названъ *Сбитенщикъ*[2]). Котляревскому долго, однако, не приходило на умъ подражать русскимъ піесамъ. Ближайшимъ побужденіемъ къ написанію въ 1819 г. двухъ піесъ изъ малороссійскаго быта Котляревскій былъ обязанъ невѣрному изображенію этого быта и характеровъ малороссовъ въ оперѣ-водевилѣ кн. Шаховскаго *Казакъ-Стихотворецъ* и критикѣ, какую вызвала эта піеса, будучи поставлена въ Полтавѣ и Харьковѣ. Мы вполнѣ согласны съ весьма удачною догадкою г. Петрова о томъ, что «*можетъ быть*, неуспѣхъ этой оперы, имѣвшей претензію на изображеніе украинскаго быта, (мы прибавили-бы еще: и блестящій успѣхъ въ столицѣ) и побудилъ Котляревскаго написать свою «Наталку-Полтавку» (стр. 23). Мы пойдемъ еще далѣе г. Петрова и укажемъ на *несомнѣнную прямую* связь «Наталки-Полтавки» и «*Москаля-чарівника*» съ театральною рецензіею, явившеюся въ декабрьской книжкѣ «Украинскаго Вѣстника» 1817 г.. Есть указаніе на эту связь въ самой «Наталкѣ-Полтавкѣ», но г. Петровъ не замѣтилъ этого соотношенія, хотя на него обратилъ вниманіе уже въ 1834 г. Мастакъ.

Опера-водевиль кн. Шаховскаго *Казакъ-стихотворецъ* была написана въ 1812 г. и напечатана въ первый разъ въ 1815 г.[3]). Она пользовалась большимъ успѣхомъ[4]), но его, кажется, слѣдуетъ при-

[1]) Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ, стр. 27.

[2]) Украинскій Вѣстникъ 1816, январь, стр. 121.

[3]) Слѣдовательно, ошибочно — утвержденіе г. Петрова (стр. 174), что это піеса впервые напечатана въ 1822 году; г. Петровъ повторилъ ошибку Комарова. Въ 1822 г. вышло уже 3-ье изданіе, а въ 1817 — 2-е. См. Роспись Смирдина № 7760.

[4]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между проч., и три изданія піесы. 13 сен-

писать не только удачному построенію пьесы, но и модному въ то время осмѣиванію малороссовъ. Въ пьесѣ Шаховскаго они выставлены каррикатурно въ личностяхъ «Прудіуса» и «Грыцка», а съ хорошей стороны малорусскій характеръ изображенъ въ «Климовскомъ». Въ оперѣ-водевилѣ Шаховскаго не было ничего реальнаго, потому что авторъ никогда не бывалъ въ Малороссіи. Исковерканъ даже малорусскій языкъ. Эти недостатки пьесы Шаховскаго были сразу замѣчены украинцами, въ томъ числѣ и Котляревскимъ. Пьесою Шаховскаго остались недовольны и въ Полтавѣ, и въ Харьковѣ. По мнѣнію Харьковскаго рецензента въ декабрьской книжкѣ Украинскаго Вѣстника 1817 г.[1]), кое-что могло смѣшить въ «Казакѣ-стихотворцѣ», но «какъ фарсъ, а не какъ острая и забавная выдумка». Рецензентъ удивлялся успѣху этого измышленія въ Петербургѣ. Приведемъ часть его замѣчаній.... «я воображалъ, говоритъ рецензентъ, увидѣть что-нибудь похожее на несравненную Малороссійскую Енеиду.... Я едва могъ дослушать конецъ. Что это за произведеніе? Бывъ Русскимъ, я вижу, что эта піеса—не Русская; живя въ Украйнѣ пять лѣтъ уже, не узнаю ни одного Малороссійскаго характера въ лицахъ дѣйствующихъ! На чемъ-же основана піеса сія? На жестокости къ человѣчеству и похищеніи Государственныхъ денегъ, на пословицѣ: *намъ добро ни кому зло, то козацкое житье.*» Рецензентъ считаетъ усвоеніе этихъ качествъ Малороссамъ «выдумкою, очень обидною для Малороссіянъ». На несправедливость піесы указало и письмо къ сочинителю «Казака-стихотворца», отмѣчавшее хлѣбосольство Малороссіянъ. *Если въ Прудіусѣ*, говоритъ рецензентъ, *изображенъ Мазепа, то вина его не падаетъ на всѣхъ.* «Напротивъ-же чаще случается: что, по простотѣ сердца, не подозрѣвающей никого въ обманѣ, скорѣе *обманываютъ Малороссіянъ*, нежели они кого-нибудь. Здѣсь *можно-бы привести множество*, въ подтвержденіе сего, національныхъ *анекдотовъ;* но и безъ нихъ всякій сколько-нибудь знающій сей край не усумнится въ справедливости мною сказаннаго. Мнѣ кажется Малороссіяне не должны были вынести и одного явленія»[2]). Замѣчательно совпаденіе нѣкоторыхъ подробностей этого отзыва съ сужденіемъ объ оперѣ-водевилѣ Шаховскаго въ «Наталкѣ-Полтавкѣ». Петро разсказываетъ о комедіи, видѣнной имъ въ Харьковѣ: «Тамъ була Маруся, бувъ Клымовскій, Продыусъ и Грыцько... (Воны) спивалы Московськи писни на нашъ голосъ; Клымовскій танцювавъ зъ москалемъ; а що говорылы, то трудно розибраты, бо сю штуку написавъ Москаль по-нашому, и дуже поперевертавъ слова». Возный отмѣчаетъ историческія неточности пьесы Шаховскаго, а по поводу того, что «тамъ Продыуса и пысаря его Грыцька дуже брыдко выставлено, що ниби царську казну затаплы», замѣчаетъ: «О се дило возможне и за се сердытьця не треба.... Два плуты въ сели и селу безчестя не роблятъ, а не тилько цилому краеви». Выборный заканчиваетъ разговоръ о «Казакѣ-стихотворцѣ» слѣдующими словами: «Отто тилько не чепурно, що Москаль взявся по нашому и про насъ пысаты, не бачывшы зъ роду края, и не знавшы звычаивъ и повирья нашего... Колы не пипъ».... При сравненіи этого разсужденія съ рецензіей Украинскаго вѣстника родство между ними не подлежитъ сомнѣнію. Не подъ вліяніемъ-ли рецензіи «Украинскаго Вѣстника» написалъ Котляревскій и своего «Москаля-Чарівника»? Въ этой пьесѣ хитрецомъ оказывается Москаль, а крестьянинъ-украинецъ—простакомъ, согласно указанію рецензента.

Ясно изъ сказаннаго, что пьеса Шаховскаго повліяла только отрицательно на драматическія произведенія Котляревскаго. Положительное вліяніе можно-бы видѣть лишь въ томъ, что Котляревскій ввелъ и въ свои пьесы малорусскія пѣсни, по примѣру Шаховскаго; Харьковскій рецензентъ одобрилъ болѣе всего въ пьесѣ Шаховскаго малорусскія пѣсни, назвавъ ихъ «въ самомъ

тября 1826 г. она была поставлена, по желанію Императора Николая, въ Москвѣ, на даровомъ спектаклѣ для солдатъ и офицеровъ: С. Аксаковъ, Разныя сочиненія М. 1858, стр. 133.

[1]) Стр. 366 — 369.

[2]) Того-же мнѣнія, что въ пьесѣ Шаховскаго нѣтъ ничего Малороссійскаго, были и петербургскіе критики (см. «Отрывки изъ моего журнала» въ

13 № Благонамѣреннаго на 1823 г.. Цитата заимствована нами изъ Историч. христоматіи Галахова, т. II, Спб. 1864, стр. 415). Снисходительнѣе сравнительно, чѣмъ критикъ «Украинскаго Вѣстника», отозвался о «Казакѣ-Стихотворцѣ» Мастакъ въ Учен. Зап. И. Моск. Унив., 1834, ч. VI, стр. 289, перечисляя произведенія украинской литературы въ прозѣ: «Мы не упоминаемъ здѣсь объ анекдотической Оперѣ-Водевилѣ: Казакъ-Стихотворецъ, писанной тоже прозою; ибо въ ней языкъ Малороссійскій изуродованъ, или какъ говоритъ Выборный въ оперѣ Наталка-Полтавка: наколочено гороху зъ капустою, хотя вымыслъ въ ней очень не дуренъ и дѣйствіе ведено искусною рукою, исключая нѣкоторыхъ анахронизмовъ, происшедшихъ отъ незнанія Малороссійской исторіи, мѣстности, характера, обычаевъ, и т. п.» — Кулишъ назвалъ оперу Шаховскаго «крайне нелѣпою» (въ ст. о Гулакѣ-Артемовскомъ—въ «Основѣ» 1861 г.).

дѣлѣ восхитительными по тону, по чувствамъ»[1]). Но народныя пѣсни въ нѣсколько передѣланномъ видѣ начали появляться въ нашихъ комедіяхъ и операхъ съ конца прошлаго вѣка, между прочимъ — въ тѣхъ, которыя ставились въ Полтавѣ.

Въ чемъ состояло подражаніе Котляревскаго комедіямъ Фон-Визина, Капниста, Крылова, на которыя указываетъ г. Петровъ, онъ не поясняетъ. Вліяніе Фон-Визина, Крылова и Капниста намъ кажется сомнительнымъ. Г. Петровъ могъ-бы указать только на то, что солдатъ въ «Москалѣ-Чарівникѣ» своей ворожбой напоминаетъ издалека «Мельника, колдуна, обманщика и свата» Аблесимова. Связи піесъ Котляревскаго съ пьесами Княжнина мы не видимъ ни въ чемъ, кромѣ того, что въ нѣкоторыхъ изъ произведеній Княжнина дѣйствіе совершается въ сельской обстановкѣ, какъ и

[1]) Ср. въ Ист. христ. Галахова, т. II, стр. 415: «водевиль Шаховскаго имѣлъ большой успѣхъ, благодаря сюжету и особенно мотивамъ малорусскихъ пѣсенъ, положеннымъ на музыку Кавосомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ долгое время были въ общемъ употребленіи и вошли въ пѣсенники, назначенные для средняго и низшаго класса грамотныхъ людей». — Г. Петровъ не упоминаетъ (см. стр. 174) о другомъ произведеніи Шаховскаго изъ малорусской исторіи, написанномъ, вѣроятно, вслѣдствіе успѣха «Казака-стихотворца», именно объ огромной повѣсти, «вполовину урѣзанной въ печати», «Маруся—Малороссійская Сафо» (помѣщена въ I-мъ т. сборника «Сто Русскихъ литераторовъ», Спб. 1839). Эта повѣсть примыкаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ «Казаку-стихотворцу»: она также заимствована будто-бы изъ малорусской исторіи (авторъ изображаетъ половину XVII вѣка), и героиней ея является поэтесса, какъ въ «Казакѣ-стихотворцѣ» поэтъ; «Маруся» также всецѣло вымышлена, также не заключаетъ «ни одного Малороссійскаго характера»; языкъ ея также представляетъ безобразную смѣсь полонизмовъ и словъ небывалыхъ. Лучшее и въ повѣсти Шаховскаго — пѣсни, но онѣ, по мѣстамъ, неудачно подправлены. Утомительные разговоры имѣютъ цѣлью соединить эти пѣсни. Канвой для автора какъ будто послужила народная пѣсня о Грыцѣ, давшая сюжетъ и другимъ композиціямъ на малорусскомъ языкѣ (между проч. — опереткѣ Александрова). Шаховской со свойственною ему спѣшностью на скоро состряпалъ свою повѣсть, воспользовавшись, между прочимъ, драматическими сценами Тополи «Чари». На это заимствованіе указалъ рецензентъ «Отечеств. Записокъ» (см. «О. З.» 1839, т. II, отд. VII, стр. 127), ошибочно назвавъ «Чари» повѣстью. Ср. также неблагопріятный отзывъ о «Марусѣ» въ «Воспоминаніи о Князѣ Александрѣ Александровичѣ Шаховскомъ» П. А. Смирнова въ «Пантеонѣ» 1847, стр. 122. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ уже требовали этнографической правды, и повѣсть, которую самъ Шаховской цѣнилъ очень высоко, не могла, въ силу отсутствія въ ней такой правды, встрѣтить успѣха, какой ранѣе снискалъ на сѣверѣ «Казакъ-стихотворецъ».

въ пьесахъ Котляревскаго; сближать Синехдохоса комедіи «Неудачный Примиритель» съ Финтикомъ и Вознымъ невозможно.

Вліяніе русскихъ образцовъ можно признать еще въ «Одѣ до князя Куракина». Въ русской литературѣ 2-й половины XVIII в. были въ ходу такія оды [1]). Замѣчательно однако, что Котляревскій не напечаталъ своей оды. Стеблинъ-Каминскій говоритъ о ней: «Ода эта, по замѣчанію современниковъ Котляревскаго, имѣла ироническій смыслъ и потому сочинитель не хотѣлъ выпускать въ свѣтъ ее» [2]). При подражаніи въ формѣ ода Котляревскаго все-таки отличается значительною своеобразностью и отступаетъ отъ шаблонныхъ пріемовъ.

Сдѣлаемъ выводы изъ всего сказаннаго о произведеніяхъ Котляревскаго и объ основныхъ началахъ новой украинской литературы.

Первое произведеніе новой украинской литературы явилось въ Полтавщинѣ, которая была самымъ цвѣтущимъ краемъ Малороссіи со второй половины XVIII в. Въ началѣ XIX в. тамъ же были поставлены на сцену и первые украинскіе опыты въ драматическомъ родѣ творчества, примѣненные къ распространеннымъ въ новѣйшей драмѣ формамъ оперы и водевиля.

Начинателя новѣйшей украинской литературы И. П. Котляревскаго главный обвинитель его, г. Кулишъ, осуждалъ за то, что Энеида его «носитъ въ себѣ признаки глубокаго упадка народнаго чувства самосознанія и самоуваженія»; здѣсь будто бы «собрано все, что только могли паны найти каррикатурнаго, смѣшного и нелѣпаго въ худшихъ образчикахъ простолюдина». Котляревскій будто-бы подвергъ тѣмъ самому опасному испытанію чувство украинской народности. Поэма Котляревскаго, «концентрировавъ въ себѣ тогдашнія понятія о простонародномъ бытѣ, заслонила передъ глазами современниковъ поэтическія и моральныя его стороны». Въ своихъ драматическихъ пьесахъ «Котляревскій шагнулъ далѣе, чѣмъ въ *Энеидѣ*, къ вѣрному изображенію украинскаго народа и обнаружилъ уваженіе къ его простымъ человѣческимъ чувствамъ.... Но, освободясь отъ легкомысленнаго смѣха надъ народомъ, Котляревскій впалъ тутъ въ другую крайность — въ аффектацію и сентиментальность, отъ которыхъ въ то время не

[1]) См., напр., въ собраніи сочиненій Кострова, изданномъ въ 1849 г. Смирдинымъ, стр. 168.

[2]) Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ, стр. 26.

былъ свободенъ ни одинъ русскій писатель» [1]). Г. Петровъ нѣсколько освободился отъ крайностей этого прежняго сужденія г. Кулиша, но все еще находится въ зависимости отъ него и считаетъ Котляревскаго однимъ изъ украинскихъ поэтовъ, примыкавшихъ въ весьма значительной степени къ образцамъ, имѣвшимся въ русской литературѣ.

Строго-научное безпристрастіе требуетъ умѣрить эти отзывы. Намъ кажется, что вполнѣ справедливо будетъ сказать слѣдующее о начинателѣ новой украинской литературы.

Не осталось безъ вліянія на его дѣятельность то обстоятельство, что Котляревскій родился въ Полтавщинѣ, гдѣ полвѣка спустя были записаны первыя старинныя украинскія думы, какія явились въ печати, гдѣ, слѣдовательно, держались еще во всей свѣжести славныя преданія Украины, поддерживавшія народное самосознаніе, и сохранялся въ чистотѣ народный украинскій типъ. Котляревскій съ дѣтства находился подъ впечатлѣніями украинской природы, жизни и народнаго творчества. Уже въ годы пребыванія въ духовной семинаріи Котляревскій испытывалъ влеченіе къ творчеству на родномъ языкѣ, образцы котораго были извѣстны ему, между проч., въ віршахъ. Слѣдовательно, Котляревскій началъ свою поэтическую дѣятельность, увлекаемый любовью къ народной рѣчи и поэзіи на родномъ языкѣ. Подъ вліяніемъ этой наклонности, переходившей постепенно въ любовь къ народности, можетъ быть вначалѣ не вполнѣ сознательную [2]), Котляревскій рано началъ тщательно изучать народную жизнь и народную словесность и пріобрѣлъ превосходное знакомство съ тою и другою. Въ своей послѣдующей литературной дѣятельности онъ руководился не только желаніемъ распотѣшить публику и не только примыкалъ къ образцамъ въ русской литературѣ, въ которыхъ съ конца прошлаго вѣка смутно пробивалось стремленіе къ изображенію народнаго быта (сюда относятся, между проч., и пародіи эпоса) и въ которые (въ оперетки) начали проскальзывать и народныя пѣсни: Котляревскій поддавался также старой украинской литературной традиціи и вліянію народной словесности и народнаго воззрѣнія на жизнь. Народный элементъ наполнилъ собою въ огромныхъ размѣрахъ схему Энеиды, взятую извнѣ (можетъ быть — независимо отъ Основа [1]), а въ драматическія произведенія Котляревскаго онъ вошелъ въ полной чистотѣ; такія лица, какъ Возный и Финтикъ, не измышлены, но взяты изъ украинской же дѣйствительности. Въ этихъ пьесахъ лишь форма въ самыхъ общихъ очертаніяхъ ея принадлежала не Котляревскому и была заимствована имъ изъ русской литературы. Въ то время, когда были написаны опера и водевиль Котляревскаго, онъ выработалъ въ себѣ вполнѣ способность къ оригинальному творчеству, находящему матеріалъ въ народной жизни и поэзіи. Изъ народнаго характера и народной поэзіи почерпнута та чувствительность, которую г. Петровъ вслѣдъ за нѣкоторыми другими назвалъ сентиментальностью въ произведеніяхъ Котляревскаго (и Квитки). Котляревскій раскрылъ въ своихъ произведеніяхъ сокровища народной души и народнаго слова и былъ въ тоже время однимъ изъ самыхъ раннихъ украинскихъ собирателей этихъ сокровищъ, однимъ изъ первыхъ по времени малорусскихъ этнографовъ. Онъ любилъ народъ и былъ оцѣненъ по достоинству всѣми сословіями народа: онъ сразу сталъ какъ бы общенароднымъ поэтомъ, возбудивъ интересъ къ своимъ произведеніямъ не только въ интеллигентномъ классѣ украинцевъ, но и въ простомъ народѣ.

Такимъ образомъ, Котляревскій обратился къ литературной дѣятельности подъ вліяніемъ безсознательнаго влеченія къ творчеству на родномъ языкѣ и не безъ воздѣйствія старой украинской традиціи. Онъ очистилъ свой литературный вкусъ, познакомившись съ формами русскихъ литературныхъ произведеній, но въ содержаніи «Энеиды», а въ особенности драматическихъ произведеній выказалъ полную оригинальность.

Итакъ, въ новой украинской литературѣ усматривается изначала вліяніе нѣсколькихъ элементовъ. Первое мѣсто въ ряду ихъ занимаетъ элементъ мѣстный, который вскорѣ былъ усиленъ романтическимъ увлеченіемъ народностью. Въ украинской литературѣ сразу проявилась характерная черта племеннаго типа: совмѣщеніе реализма, юмора и чувствительности. Русская литература оказывала съ самаго начала весьма благотворное вліяніе на очищеніе украинскаго языка, на возвышеніе его до ступени литературнаго выраженія и изощряла вкусъ къ изяществу формы, какъ то вѣрно замѣтилъ г. Петровъ.

Существеннымъ вопросомъ въ исторіи новой украинской литературы является вопросъ объ относительномъ значеніи этихъ эле-

[1]) Основа, 1861, январь, стр. 236, 244, 247—248.

[2]) Таково послѣднее мнѣніе г. Кулиша: «Сам Котляревскій не знав добре, що він творить. Він покорявсь недовідомому велінню народнёго духа». Хуторна поэзія, 123. Мнѣніе г. Кулиша о «безсознательномъ (въ началѣ) народничествѣ» Котляревскаго повторилъ г-нъ Н. М. В.

[1]) Интересно, что въ концѣ прошлаго столѣтія появилась и бѣлорусская Энеида.

ментовъ, о томъ, какое теченіе преобладало и какъ оно сливалось съ другими. Самъ г. Петровъ призналъ, что «историческое изученіе украинской литературы показало бы истинное происхожденіе ея и характеръ, изслѣдовало бы ту почву, на которой она произрастаетъ, и опредѣлило бы, насколько устойчива и питательна эта почва» (стр. 1).

Разсмотримъ подробнѣе, какъ выполнилъ г. Петровъ эту задачу, т. е. какъ онъ изслѣдовалъ генезисъ украинской литературы. При этомъ мы не будемъ придерживаться собственной схемы г. Петрова, которая кажется намъ неудовлетворительной. Наиболѣе важнымъ двигательнымъ началомъ украинской литературы согласно съ данными, извлеченными изъ произведеній Котляревскаго, слѣдуетъ считать любовь къ народности въ литературномъ самовыраженіи. Затѣмъ уже вліяло великое общеевропейское движеніе первой половины XIX в., съ которымъ согласовалось естественное, прирожденное стремленіе украинцевъ къ выраженію въ литературѣ на языкѣ, усвояемомъ съ момента перваго лепета. Въ концѣ 1-й четверти XIX в. въ Украинѣ начало обозначаться болѣе или менѣе сознательное стремленіе къ народности въ литературѣ и примкнуло къ вѣянію романтики. Однимъ изъ проявленій этого общеевропейскаго движенія было славянское возрожденіе. Изъ славянскихъ литературъ, охваченныхъ этимъ теченіемъ, польская литература вслѣдъ за русской въ особенности вліяла на изученіе народности и на первоначальное развитіе украинской литературы. Мало по малу въ Украинѣ возникло самостоятельно начавшееся славянофильское движеніе.

Нѣкоторымъ изъ этихъ теченій г. Петровъ отводитъ особое мѣсто въ своей книгѣ, а о другихъ въ ней можно найти лишь скудныя отрывочныя замѣчанія, разбросанныя въ разныхъ частяхъ изслѣдованія. Мы разсмотримъ собранныя г. Петровымъ данныя объ основныхъ началахъ новой украинской литературы въ указанномъ выше порядкѣ, начавъ съ вопроса объ отношеніи между украинскою и общерусскою литературою. Благодаря такому распорядку читатель ясно увидитъ, насколько состоятеленъ общій взглядъ г. Петрова на украинскую литературу, и правильно ли опредѣлено въ немъ значеніе каждаго изъ ея факторовъ.

Кое-гдѣ мы воспользуемся и нѣкоторыми новыми матеріалами и пособіями, явившимися въ печати по выходѣ въ свѣтъ книги г. Петрова. Мы примемъ ихъ во вниманіе лишь для подкрѣпленія тѣхъ выводовъ, какіе вытекаютъ изъ матеріала, бывшаго въ распоряженіи у г. Петрова.

II.

Отношеніе украинской литературы къ общерусской.

Вліяніе общерусской литературы на развитіе украинской не можетъ подлежать сомнѣнію. Совершенно справедливо замѣтилъ г. Пыпинъ о малорусскомъ племени, что его «наибольшая половина живетъ давно въ тѣсныхъ связяхъ съ великорусскимъ центромъ, съ которымъ едва-ли можетъ раздѣлиться въ своей умственной жизни; въ этой большей половинѣ литература на народномъ языкѣ давно стала провинціализмомъ» [1]). Но, признавая это, невозможно также отрицать значительную долю оригинальности въ генезисѣ, содержаніи и формахъ украинской литературы.

Г. Петровъ не соблюлъ справедливости и преувеличилъ значеніе общерусской литературы въ возникновеніи украинской. Любимая его мысль въ изслѣдованіяхъ объ украинской литературѣ — слабая оригинальность послѣдней. Уже въ своемъ «Очеркѣ изъ исторіи украинской литературы XVIII столѣтія» г. Петровъ выставляетъ на видъ «въ южно русскихъ писателяхъ XVIII вѣка нѣкоторое движеніе и смѣну понятій и мыслей, представляющія слабое отраженіе литературнаго движенія на сѣверѣ Россіи» [2]). Украинское литературное движеніе настоящаго вѣка «подновлено только воздѣйствіемъ на него идей, вкусовъ и пріемовъ сѣверно-русской литературы и потому, несмотря на мѣстный колоритъ, большею частію идетъ по слѣдамъ этой послѣдней литературы и съ ея словъ повторяетъ только зады. Въ этомъ отношеніи украинская литература нынѣшняго вѣка не есть какая-либо самостоятельная отрасль общерусской литературы, и потому, она должна быть разсматриваема не отдѣльно, сама по себѣ, а въ тѣсной связи съ общерусскою» [3]). Изъ этихъ словъ какъ-будто выходитъ, что южнорусская литература проявила мало оригинальности и украинскіе авторы повторяли то, что находили въ общерусской литературѣ. Ясно, что г. Петровъ приступилъ къ своему труду объ украинской литературѣ XIX вѣка съ предвзятою мыслью.

Невѣрность общаго взгляда г. Петрова выступаетъ въ самомъ этомъ тезисѣ: украинская литература едва-ли возникла бы и раз-

[1]) В. Европы, 1886, № 4, стр. 767.
[2]) Стр. 12.
[3]) Стр. 150.

вивалась, если бы была порождена преимущественно постороннимъ вліяніемъ и почерпала главное содержаніе въ общераспространенной и господствующей литературѣ. Очевидно, что среда, въ которой держалась и держится рядомъ съ общерусскою мѣстная литература, заключала въ себѣ задатки самобытнаго литературнаго творчества и оригинальной переработки того, что вносилось въ нее общерусскою литературою и извнѣ.

Степень оригинальности украинской литературы можетъ быть выяснена сопоставленіемъ произведеній ея въ цѣломъ съ соотвѣтственными произведеніями общерусской литературы. Г. Петровъ прибѣгаетъ неоднократно къ такому сравненію, но спрашивается, насколько научны эти сопоставленія.

Уже довольно давно начали отмѣчать важность взаимныхъ вліяній народностей въ развитіи литературъ [1]). Теперь въ исторіи литературъ обращаютъ особое вниманіе на выясненіе степени оригинальности тѣхъ или иныхъ литературныхъ произведеній, и изученіе такого рода стало моднымъ. Въ настоящее время въ немъ усматриваютъ «одну изъ важнѣйшихъ задачъ исторіи литературы» и отчетливо формулируютъ, какъ разрѣшается эта задача«посредствомъ разысканія источниковъ произведенія и сопоставленія его съ другими подобными произведеніями того же времени или времени предшествовавшаго» [2]). Рѣшеніе вопроса о степени оригинальности литературныхъ произведеній требуетъ большой осмотрительности въ сужденіяхъ. Необходимо устанавливать сходства и аналогіи съ отчетливостью и осторожностью, потому что въ противномъ случаѣ можно доходить до совершенно невѣрной оцѣнки. Слѣдуетъ далѣе имѣть въ виду, что въ художественныхъ произведеніяхъ важна не столько оригинальность фабулы, сколько ея обработка, то духовное содержаніе, которое влагается въ заимствованный сюжетъ. Дантъ, Боккаччіо, Аріостъ, Шекспиръ, Мольеръ, Гете не измышляли собственныхъ фабулъ, но почерпали ихъ изъ литературныхъ произведеній, которыя попадались имъ подъ руку, или же изъ народной словесности.

Съ этой точки зрѣнія въ отношеніи къ украинской литературѣ необходимо рѣшить, насколько были сильны въ ней постороннія

[1]) Ph. Chasles. Etudes sur l'antiquité précedées d'un essai sur les phases de l'histoire littéraire et sur les influences intellectuelles des races, Par. 1847, p. 3—136, Influences littéraires.

[2]) Körting, Encyclopaedie und Methodologie der romanischen Philologie zw. Theil, Heilb. 1885, 487.

вліянія, были ли они главною двигательною силою въ ея развитіи, подавляли ли ея самобытность, достигая исключительнаго преобладанія, или же вносили лишь нѣкоторыя общія идеи. Г. Петровъ долженъ былъ отчетливо прослѣдить, въ какой мѣрѣ украинская литература слѣдовала воззрѣніямъ и направленіямъ общерусской литературы и какъ видоизмѣнялись эти литературныя мнѣнія въ Украинѣ.

Г. Петровъ рѣшилъ этотъ вопросъ довольно односторонне, долго не вдумываясь: мы видѣли, что онъ пріурочилъ направленія украинской литературы къ главнымъ направленіямъ, господствовавшимъ въ общерусской.

Но сама русская литература того времени, когда возникала украинская литература, не отличалась полною народностью и самобытностью и примыкала къ иноземнымъ теченіямъ. Западное же вліяніе, которое было такъ сильно въ русской литературѣ даже въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ настоящаго вѣка, могло проникать въ украинскую литературу не только чрезъ общерусскую литературу, но и путемъ непосредственнаго усвоенія общеевропейскихъ направленій украинцами. Самъ г. Петровъ замѣтилъ на стр. 126, что украинская литература знакомилась съ ново-романтическимъ движеніемъ «или непосредственно изъ первыхъ рукъ, или же при посредствѣ польской и русской литературъ».

Въ общемъ ходѣ развитія европейскихъ литературъ начиная съ среднихъ вѣковъ можно усматривать смѣну нѣсколькихъ *общихъ теченій*. Своимъ могучимъ потокомъ эти массовыя движенія увлекаютъ литературы на обширныхъ пространствахъ и составляютъ *основныя направленія* извѣстнаго времени. Такими общими теченіями европейской образованности, преобладавшими въ новѣйшее время, обусловливалось и развитіе украинской литературы при участіи мѣстныхъ началъ.

Въ Украинѣ знакомились нерѣдко съ западною литературою въ оригиналѣ. Подтвержденіе этого находимъ въ «Сочиненіяхъ и переводахъ студентовъ императорскаго Харьковскаго университета» 1818—1822 гг. Здѣсь встрѣчаемъ переводы съ языковъ: нѣмецкаго, французскаго, польскаго. Одинъ изъ переводовъ посвященъ проф. Кронебергу, который былъ отличнымъ знатокомъ иностранныхъ литературъ, какъ то доказываютъ, между прочимъ, его этюды въ «Брошюркахъ». Переводы Гулака-Артемовскаго изъ иностранныхъ поэтовъ, помѣщенные въ «Украинскомъ Вѣстникѣ», примыкаютъ, вѣроятно, къ тому же Харьковскому умственному дви-

женію. Молодежь была поощряема къ переводамъ, вѣроятно, и примѣромъ професоровъ Гонорскаго, Филомаѳитскаго и Срезневскаго, помѣщавшихъ свои переложенія въ «Украинскомъ Вѣстникѣ». Вообще въ этомъ журналѣ печаталось много переводовъ съ древнихъ и новыхъ языковъ. Мы встрѣтили здѣсь и имя столь дѣятельнаго впослѣдствіи литератора Ореста Сомова — подъ переводомъ нѣсколькихъ стиховъ изъ Дантова Ада [1]).

Нѣкоторые украинскіе литераторы были знакомы съ западноевропейскими литературами и отчасти подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ, а отчасти въ силу оригинальныхъ наклонностей, хотя и не вполнѣ сознательно, упреждали въ нѣкоторыхъ видахъ творчества общерусское литературное теченіе. Карамзинъ, Озеровъ, Жуковскій подражали французамъ и нѣмцамъ, а въ украинскихъ произведеніяхъ Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго сразу водворился реализмъ и живая народная рѣчь.

Особаго вниманія заслуживаетъ въ украинскихъ *повѣстяхъ* сравнительно раннее вѣрное и въ тоже время весьма сочувственное изображеніе народнаго быта, въ чемъ она опередила-было на время общерусскую литературу. Какъ извѣстно, въ общерусской литературѣ уже со второй половины прошлаго столѣтія начали появляться оперы, изображавшія, между прочимъ, и бытъ народа, и передавались отдѣльныя черты народнаго быта. Съ той поры литература часто рисовала образы нашихъ крестьянъ, но въ большинствѣ случаевъ эти изображенія были лишены правды и напоминали западныхъ пейзановъ. Первая замѣчательная реальная русская повѣсть изъ быта простого народа — «Деревня» Григоровича, напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1846 года [2]). Лишь въ 40-хъ годахъ въ общерусской литературѣ началось болѣе глубокое изображеніе народнаго быта съ полнымъ сочувствіемъ и въ тоже время съ значительною реальностью. Тогда народная идея была провозглашена и въ лагерѣ западниковъ, не только въ лагерѣ славянофиловъ, которые были предшественники позднѣйшихъ «народниковъ». Но подкрашиваніе картинъ народнаго быта продолжалось еще и въ началѣ 50-хъ годовъ въ повѣстяхъ Григоровича, которыя написаны увлекательно, но вмѣстѣ и не совсѣмъ правдиво. Нѣкоторые находятъ, что даже у Тургенева не

[1]) Укр. Вѣстн. 1817, № 4, стр. 100.

[2]) Ср. Н. Воскресенскаго — Словесность — наука, Спб. 1887, стр. 100—107. Ср. въ статьѣ Бѣлинскаго о послѣдователяхъ Гоголя, написанной въ 1848 году.

видно настоящаго русскаго мужика, который будто бы впервые художественно-правдиво былъ воспроизведенъ въ русской литературѣ въ Ананіи, героѣ «Горькой судьбины». Какъ бы то ни было, только въ 40-хъ годахъ въ общерусской литературѣ появились «Записки Охотника» Тургенева и «Деревня» и «Антонъ-Горемыка» Григоровича. Мы позволимъ себѣ противопоставить этимъ произведеніямъ болѣе раннія украинскія повѣсти Квитки и не находимъ возможнымъ согласиться со взглядомъ г. Петрова на Квитку и другихъ болѣе раннихъ изобразителей жизни украинскаго народа, какъ на послѣдователей сентиментализма, господствовавшаго въ общерусской литературѣ.

Г. Петровъ какъ бы возводитъ изображеніе народнаго быта въ произведеніяхъ первыхъ украинскихъ писателей новѣйшаго времени къ гуманнымъ просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка [1]), вызвавшимъ въ русской литературѣ преимущественное развитіе комедіи и «пародированныя поэмы въ простонародномъ духѣ». Въ другомъ мѣстѣ [2]) онъ указываетъ на сентиментальныя повѣсти Карамзина и Жуковскаго. Эти повѣсти повліяли будто бы на Котляревскаго въ «Наталкѣ-Полтавкѣ». Полнѣе же выразилось сентиментальное направленіе (и романтизмъ Жуковскаго) въ нѣторыхъ повѣстяхъ и драматическихъ пьесахъ Квитки или Основьяненка».

Эти указанія кажутся намъ совсѣмъ не подходящими; не вполнѣ точенъ и общій взглядъ г. Петрова на сентиментальность. Народное направленіе литературы, выражавшееся въ формѣ комическаго изображенія и картинъ простонароднаго быта, не прекращалось въ украинской литературѣ съ начала XVII в. То, что г. Петровъ назвалъ реакціей псевдо-классицизму, было по существу, какъ мы видѣли, проявленіемъ сочувствія къ народу въ формѣ пародіи классическихъ литературныхъ формъ.

Сентиментальность того направленія которое отличаетъ украинскую литературу, скорѣе можно бы возводить къ любовно-идил-

[1]) Стр. 4: въ вѣкъ Екатерины II «въ самой общерусской литературѣ былъ такой пунктъ, который послужилъ потомъ точкою отправленія для новѣйшей украинской литературы. Это были гуманныя просвѣтительныя идеи XVIII в., подъ вліяніемъ которыхъ русскіе писатели мало по малу стали отвыкать отъ изображенія знаменитыхъ героевъ и знаменитыхъ подвиговъ и спускаться въ низменныя сферы человѣческой дѣятельности».

[2]) Стр. 86—87.

лической поэзіи, ведшей начало на западѣ съ весьма отдаленнаго времени.

Пастушеская поэзія имѣла мѣсто уже въ средневѣковой литературѣ, но достигла особеннаго процвѣтанія въ Италіи въ періодъ Возрожденія, а затѣмъ въ XVI вѣкѣ развилась въ Испаніи и Португаліи [1]), откуда въ XVII вѣкѣ была занесена во Францію. Издавна нашла мѣсто любовно-идиллическая поэзія и въ польской литературѣ. Во всей этой поэзіи пастушки и вообще поселяне выражали свои сердечныя страданія сентиментально, въ духѣ образованнаго общества, не такъ, какъ выражали бы ихъ въ дѣйствительности. Вотъ откуда ведетъ начало сентиментальность въ изображеніяхъ сельскаго быта.

Въ русской литературѣ не привился пастушескій романъ, но эклоги и идилліи были перенесены въ нашу литературу въ Екатерининское время. Идилліями Геснера увлекался и Александръ I [2]). Появились у насъ также сентиментальныя оперетки.

Въ нихъ-то и могутъ усматривать съ наибольшею вѣроятностью литературные образцы, вліяніе которыхъ могъ испытать Котляревскій, когда писалъ «Наталку-Полтавку». Она примыкаетъ къ сентиментальнымъ изображеніямъ сельскаго быта, порожденнымъ идиллическимъ влеченіемъ къ простотѣ сельской жизни въ ея противоположеніи городской жизни. Но, какъ мы видѣли, сентиментальность Котляревскаго является не столько подражательною, сколько естественною; она свободна отъ болѣзненности и неестественнаго преувеличенія и соединена съ здоровою положительностью. Мы видѣли также, насколько оригинально содержаніе оперетокъ Котляревскаго [3]). Въ чемъ состоитъ ближайшая связь произведеній Котляревскаго съ сентиментальными повѣстями Карамзина и Жуковскаго, мы не понимаемъ. Указывая на эти повѣсти, г. Петровъ упустилъ изъ виду, что Карамзинъ и Жуковскій не были единственными представителями сентиментальности въ нашей литературѣ и что они примкнули лишь къ широко распространенному направленію.

Если говорить о навѣянной извнѣ сентиментальности въ украинской литературѣ, то необходимо принять во вниманіе чрезвычайное господство этого направленія и возможность проникновенія его въ Украйну изъ первоисточниковъ въ оригиналахъ или въ переводахъ. Въ первыя десятилѣтія настоящаго вѣка «чувствительное сердце» высоко ставилось и въ Украйнѣ [1]). Августъ Лафонтенъ, Мармонтель, Жанлисъ были въ большомъ ходу въ русскихъ переводахъ. Въ библіотекѣ И. П. Котляревскаго имѣлись «переводные романы бывшихъ тогда въ ходу писателей: Августа Лафонтена, Дюкре-Дюмениля, Коттень, Жанлисъ [2]).

Г. Петровъ считаетъ Котляревскаго начинателемъ украинскаго сентиментализма, заимствованнаго изъ русской литературы изъ повѣстей Карамзина и Жуковскаго; въ духѣ этого сентиментализма дѣйствовала цѣлая школа украинской литературы, главнымъ представителемъ которой былъ будто бы Квитка.

Этимъ своимъ мнѣніемъ, г. Петровъ обязанъ не собственнымъ разысканіямъ, а утвержденію, высказанному ранѣе нѣкоторыми украинскими писателями. Вникнувъ тщательнѣе, г. Петровъ могъ бы убѣдиться въ невѣрности этого мнѣнія.

Первая повѣсть Квитки—«Харьковская Ганнуся»—была напечатана въ 1832 г.—много лѣтъ спустя по выходѣ въ свѣтъ повѣстей Карамзина и Жуковскаго. Въ то время въ русской литературѣ было не мало другихъ образцовъ сентиментальной повѣсти, и на Квитку могли повліять повѣсти Полевого, Марлинскаго и др., если только предположить, что Квитка не былъ вовсе знакомъ съ сентиментальными произведеніями иностранныхъ литературъ.

---

[1]) Schönherr, Jorge de Montemayor, 1885.

[2]) Надлеръ, Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, т. I. 1886, стр. 15.

[3]) Бродячій анекдотъ, положенный въ основу «Москаля-Чарівника», не лишаетъ эту пьесу оригинальности: какъ извѣстно, странствующія повѣсти составляютъ основу даже лучшихъ литературныхъ произведеній. Замѣтимъ здѣсь относительно общей схемы «Москаля-чарівника», что она встрѣчается и въ одной изъ пьесъ французскаго писатели Ляриве, у котораго колдунъ обманываетъ отца молодаго кутилы, веля ему стать на колѣни и не подымать глазъ: благодаря тому Урбанъ скрывается со своею возлюбленною.

[1]) Любовь Кричевская, подписка на сочиненія которой принималась въ 1817 г. у «Правителя дѣлъ Харьковскаго Общества благотворенія Григорія Ѳедоровича Квитки», въ обращеніи къ читателямъ говоритъ: «Чувствительныя сердца! подивитесь моей хитрости: я нашла способъ быть читаема вами» и пр. Укр. Вѣстн. 1817, апрѣль: 137. Еще въ 30-хъ годахъ въ Харьковѣ «будто-бы слишкомъ увлекались такими сочиненіями, какъ «Коварство и любовь» Шиллера, «Вертеръ» Гете и проч., вслѣдствіе чего случались самоубійства отъ любви и другія романическія происшествія. Кіевская старина 1883, май, ст. Барымова: «Харьковскій Вертеръ».

[2]) Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ, стр. 6.

Но намъ кажется, что повѣсти Квитки слѣдуетъ признать не столько подражательными, сколько оригинальными произведеніями. Мы можемъ привести въ подтвержденіе этого положенія прежде всего отзывы современниковъ Квитки объ его повѣстяхъ [1]). Укажемъ далѣе на то, что сентиментальность Квитки вытекала изъ его личнаго характера. Во всѣ вѣка бываютъ въ ряду поэтовъ, по выраженію Sainte-Beuve-а [2]), «нѣжныя души, которыя, благопріятствуетъ ли имъ окружающее или нѣтъ, будутъ отыскивать свой идеальный міръ».

Глубоко-чувствительнымъ сердцемъ обладалъ Котляревскій [3]), и еще въ большей степени отличался имъ Квитка [4]). Весьма характерна также проявленная имъ смолоду наклонность къ тихой и уединенной жизни среди сельской природы [5]). Сентиментальность

[1]) Въ «Молвѣ» 1835 г., ч. X, №№ 27—30, столб. 36, говорится о «Малороссійскихъ повѣстяхъ, разсказываемыхъ Грицкомъ Основьяненкомъ» (кн. 1, М. 1834), что онѣ «отличаются высокимъ литературнымъ достоинствомъ, происходящимъ отъ *оригинальности предмета и оригинальности таланта*». Въ предшествовавшемъ году, въ письмѣ къ Снегиреву, Срезневскій назвалъ Квитку «всегда игривымъ, всегда увлекательнымъ» (стр. 135). Такими сужденіями былъ встрѣченъ повѣсти Квитки въ русской литературѣ. А вотъ какъ выразился о Квиткѣ вскорѣ послѣ его смерти издатель Молодика: это «едва-ли не единственный писатель, который могъ, по своему несомнѣнному *самородному таланту, одинъ* поддержать самостоятельность малороссійской литературы». .. (Молодикъ на 1844 г., стр. 241).

[2]) Nouveaux lundis, t. VIII, Par. 1879, p. 84.

[3]) См. разсказъ о томъ, какъ онъ расплакался, когда пѣлъ пѣсню. Помѣщикъ, у котораго Котляревскій прожилъ нѣкоторое время въ 1795 г., въ первый же день попросилъ своего гостя спѣть чувствительную пѣсню «на счетъ якой-нибудь былиночки, сиротиночки,... або що». Въ 1829 г. Квитка спрашивалъ одного своего пріятеля: «А чи нема писенекъ, заунывныхъ или смѣшныхъ»?

[4]) См., напр., анекдотъ, переданный Данилевскимъ въ «Украин. Старинѣ» (Харьк. 1869) на стр. 205.

[5]) «Основу», любимое мѣстопребываніе Квитки, по имени которой онъ составилъ свой псевдонимъ, такъ описалъ другъ Квитки, извѣстный въ свое время Харьковскій литераторъ Вернетъ: «Пріятенъ видъ на городъ съ балкона домовъ гг. Ламакина и Сердюкова; но еще лучше въ Основѣ съ огромнаго дома достопочтеннаго губ. предводителя А. Ѳ. Квитки. Лѣсъ и вода придаютъ новую красу перспективѣ. Вообще нѣтъ пріятнѣйшаго уединенія, какъ въ сосѣдствѣ города по закону контрастовъ. Въ Основѣ сосновая роща во всякое время пріятна: мрачная зелень сосенъ съ бѣлизною песка или снѣга рождаетъ какую-то сладкую задумчивость....» Укр. Вѣстн. 1817, окт., стр. 190. Думами, выраженными въ этомъ письмѣ, помѣченомъ 1 іюля 1817 г., написанномъ въ Основѣ и посвященномъ Квиткѣ, авторъ дѣлился, вѣроятно, со своимъ другомъ.

Квитки не была вычурна, поддѣльна, искусственно усвоена. То была та самая чувствительность, которая покоится въ глубинѣ народной души. Въ Квиткѣ она предстала съ большею выразительностью, какъ въ лучшемъ представителѣ народной души, какимъ съ полнымъ правомъ можетъ назваться народный поэтъ. Скажемъ словами Костомарова: «Великорусскіе критики упрекали Квитку въ искусственной сентиментальности, которую онъ будто навязываетъ изображаемому народу; но именно у Квитки какъ этого, такъ и ничего навязываемаго народу — нѣтъ; незаслуженный упрекъ происходитъ оттого, что критики не знали народа, который изображалъ малороссійскій писатель» [1]). Совершенно справедливо замѣтилъ также авторъ статьи о Котляревскомъ въ «Нови», что чувствительность составляетъ черту народнаго характера украинцевъ. Она проявляется и въ народныхъ пѣсняхъ, и въ искусственной украинской лирикѣ, къ которой неодобрительно относился Костомаровъ, и въ произведеніяхъ новѣйшей украинской литературы [2]). Необходимо отличать ложную сентиментальность въ родѣ той, какая господствовала въ пастушеской поэзіи, отъ истинной чувствительности. У Квитки сентиментальность не устраняла вѣрности изображенія. Возьмите одну изъ самыхъ сентиментальныхъ повѣстей Квитки—«Марусю». Изображеніе въ ней украинки съ ея силою любви, глубокимъ чувствомъ и душевнымъ изяществомъ сохраняетъ значеніе и свѣжесть и до настоящаго времени, между тѣмъ какъ нельзя того сказать о «Бѣдной Лизѣ». Повѣсти Квитки вызывали слезы у читателей изъ всѣхъ классовъ общества, и это служитъ лучшимъ подтвержденіемъ правдивости произведеній Квитки: поддѣльная чувствительность не въ силахъ такъ дѣйствовать на всѣхъ читателей [3]). Чувствительность Квитки не

[1]) Гербель, Поэзія славянъ, Спб. 1866, стр. 160.

[2]) Нѣкоторые обвиняли въ сентиментальности и Марка-Вовчка См. также ст. К. Шрама: «Украинская деревня по произведеніямъ гг. Старицкаго и Кропивницкаго» въ альманахѣ «Степь, Херсонскый беллетристычный сбирныкъ», Спб. 1886, стр. 307—308.

[3]) Вотъ что писалъ къ Марлинскому его братъ Н. А. Бестужевъ въ 1835 г.: «Ты много писалъ о чувствованіяхъ, о страстяхъ, расцвѣчалъ ихъ блестящимъ твоимъ слогомъ, одѣвалъ ихъ во всѣ краски твоего воображенія— и мы оставались недвижимы, и почему?... Потому что ты эти чувствованія, эти страсти хотѣлъ только представить изумительными, а не заботился повѣрить ихъ ощущеніями собственнаго сердца — и вотъ ты самъ себѣ далъ вѣрный урокъ, ты напалъ на дорожку, которая и привела тебя и насъ къ собственному твоему сердцу (рѣчь идетъ о «Кавказскихъ очеркахъ»). Вѣрь, что

заключала въ себѣ неестественности и уравновѣшивалась въ его творчествѣ второю, крупною особенностью его таланта—юморомъ [1]). И въ этомъ сочетаніи Квитка явился представителемъ малороссійскаго народнаго характера. Въ народной малороссійской поэзіи грустные тоны смѣняются иногда прорывомъ юмора [2]). Въ совершенномъ соотвѣтствіи съ народнымъ характеромъ украинцевъ и Квитка совмѣщалъ въ себѣ глубоко чувствующее сердце съ добродушнымъ юморомъ. Наклонность къ нему Квитка проявлялъ задолго до написанія сентиментальныхъ повѣстей. Значительный самородный талантъ сатирика и юмориста проявлялся уже въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Квитки, въ его статьяхъ, печатавшихся въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» подъ псевдонимомъ Ѳалалея Повинухина [3]) и «производившихъ въ Харьковѣ фуроръ» [4]). Одно изъ юмористическихъ стихотвореній Квитки: «Люди добрые, винюся» было распѣваемо, а пѣсня: «Пріѣхавъ Грыць, зажурывсь», стала народною [5]). Подобно Котляревскому Квитка славился какъ замѣчательный разсказчикъ анекдотовъ на первыхъ литературныхъ вечерахъ въ Харьковѣ. Квитка выказывалъ также «игривое воображеніе и мѣткую юмористику» въ тѣхъ добавленіяхъ, какія позволялъ себѣ при импровизаціи стихотворенія Сковороды «Всякому городу нравъ и права», когда увлекался въ разговорѣ въ книжномъ магазинѣ разсказами о знакомствѣ своемъ со Сковородою. Квитка «любилъ разговаривать о немъ, о своеобразности его взглядовъ на жизнь, о подробностяхъ и особенностяхъ его жизни». «Гомерическая личность Сковороды и непреложное, во всей суровой простотѣ, достинство общежитейскихъ разсужденій этого загадочнаго мыслителя имѣло значительное вліяніе на умъ и направленіе способностей Григорія Ѳедоровича Квитки» [1]).

Соединяя въ своей поэзіи смѣхъ надъ житейской пошлостью и слезы, въ чемъ Квитка явился отчасти соревнователемъ Гоголя, украинскій писатель стремился также, какъ и Гоголь, къ правдивости изображенія. Квитка былъ недоволенъ безсодержательностью журнальной беллетристики и приступилъ вполнѣ сознательно къ воспроизведенію народной жизни *на народномъ языкѣ*. «Мнѣ было досадно, — писалъ Квитка, — *что всѣ летаютъ подъ небесами, изобрѣтаютъ страсти*, созидаютъ характеры; почему бы не обратиться направо, налѣво и не писать того, что попадается на глаза? Живя въ Украйнѣ, пріучась къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать публикѣ» [2]). Въ письмѣ къ Шевченку Квитка такъ отзывался о беллетристикѣ своего времени: «Сыдымо мы у двохъ зъ моею жинкою, та де объ чимъ базикаемо, ажъ ось и прымчалы намъ книжокъ, знаете — тыхъ, котрыми насъ дурныкивъ обдурюють,— грошыкы по переду злуплять, та й пышуть и друкують московську писенитыцю, якъ яка разляпушка вбывалася объ своему бахурови, або якъ якый живжикъ одуривъ джинджигласту панянку, що боялася и на людей дывытысь, а тутъ треба колыску дбаты... Отъ таке усе пышуть звисно москаль: винъ по своій вири такъ и пыше» [3]).

для писателя сердце есть неистощимый рудникъ сокровищъ. Расточай же намъ полными пригоршнями твое сердце...» Отеч. Зап. 1860, іюль, ст. Семевскаго: «Александръ Александровичъ Бестужевъ», стр. 92.

[1]) Г. Петровъ придаетъ мало значенія юмору Квитки и говоритъ (стр. 107; ср. стр. 90), что «все разнообразіе произведеній Квитки можетъ быть подведено подъ одно общее начало идилліи и сентиментальности, которое предполагаетъ собою противоположность между городскою изысканною и сельскою простою жизнью». Между тѣмъ уже, при первомъ появленіи повѣстей Квитки, Бодянскій замѣтилъ, что «Панъ Грыцько рѣшительнымъ талантомъ обладаетъ для повѣстей въ духѣ веселомъ, насмѣшливомъ, комическомъ» (Учен. Зап. И. Моск. Унив., годъ второй, ч. VI, стр. 302 — 303.

[2]) Укажемъ на лириковъ. По словамъ Тюменева, лирикъ, поющій хвалебные гимны, религіозно-покаянныя или аскетическія думы, иногда «становится представителемъ и народнаго юмора, заставляя хохотать чуть не до слезъ своихъ слушателей юмористическими созданіями народной поэзіи. Но эти проявленія простодушнаго веселья сравнительно довольно рѣдки; большею частью лирикъ сосредоточенно серьезенъ и пѣсня его либо проникнута религіозной торжественностью, либо щемящей сердце тоскою». Вѣстникъ Археологіи и исторіи 1885, кн. IV, стр. 38.

[3]) Письмо Ѳалалея Повинухина находимъ уже въ № 1-мъ Украинскаго Вѣстника 1816 г.

[4]) Даниловскій, Украинская старина, 201. Ср. «Неизданный разсказъ Квитки» въ формѣ писемъ, напечатанный въ № 1 «Кіевской Старины» 1887 стр. 91—98).

[5]) Даниловскій, 205—206.

---

[1]) Панъ Халявскій, изд. 4-е, Краткое воспоминаніе о Квиткѣ, Спб. 1879 стр. 3—4.

[2]) Во взглядѣ своемъ на умѣстность литературы на малорусскомъ нарѣчіи Квитка (см. его предисловіе къ повѣсти «Салдацькій патретъ», предпосланное подъ заглавіемъ «Суплика до пана издателя» во 2-й кн. Харьковскаго альманаха 1833 г. «Утренняя звѣзда») расходился съ Гоголемъ. Отзывъ Гоголя о Шевченкѣ см. въ ст. Г. П. Даниловскаго «Знакомство съ Гоголемъ» въ Ист. Вѣстн. 1886, № 12, стр. 479.

[3]) Болѣе подробностей о задачахъ малороссійскихъ повѣстей Квитки см. въ брошюрѣ А — ра: «Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко) 1778 — 1843, изд. 2, К. 1885», стр. 23—26.

Ясно отсюда, насколько основательны толки о томъ, что Квитка явился подражателемъ въ своихъ повѣстяхъ [1]) и комедіяхъ. Современные Квиткѣ критики и литераторы признавали оригинальность его произведеній и цѣнили ихъ за ихъ новизну. Въ альманахѣ Максимовича на 1831-й годъ, «Денницѣ», въ «Обозрѣніи Русской Словесности 1830 года», читаемъ: «Комедія сдѣлала нѣкоторое пріобрѣтеніе во 2-й части *Дворянскихъ выборовъ*, гдѣ представленъ *Выборъ исправника*». Болѣе значенія имѣли повѣсти Квитки, отличавшіяся вѣрнымъ изображеніемъ народнаго характера. Что до быта сельскаго люда, то онъ былъ представленъ у Квитки не во всестороннемъ освѣщеніи; Квитка не говоритъ о страданіяхъ этого люда, обусловленныхъ крѣпостничествомъ [2]). Равнымъ образомъ Квитка, по справедливому замѣчанію Костомарова, не раскрылъ всего того, что таилось въ глубинѣ народной души, не осмыслялъ, какъ Шевченко, смутныхъ чувствъ народа и его чаяній. Но взамѣнъ того Квитка озарилъ для насъ яркимъ свѣтомъ прекрасную душу крестьянина, глубину его чувства. Г. Кулишъ опредѣлилъ совершенно вѣрно достоинство одной изъ первыхъ повѣстей Квитки, «Маруси», которую Бодянскій справедливо осудилъ за растянутость — главный недостатокъ ея. По словамъ г. Кулиша, «Маруся» до сихъ поръ не оцѣнена по достоинству. Видѣли въ ней плѣнительную живопись простонародныхъ обычаевъ, теплое чувство и много сценъ истинно-патетическихъ; но упустили изъ виду, что еще ни въ одномъ литературномъ произведеніи простолюдинъ-малороссіянинъ, лишенный всякаго иного общенія съ людьми просвѣщеными, кромѣ слова Божія, не являлся въ столь величественной простотѣ нравовъ, какъ въ

[1]) Въ своей первой малорусской повѣсти «Салдацькій патретъ» Квитка приближается болѣе всего къ повѣстямъ Н. В. Гоголя и въ частности къ «Сорочинской ярмаркѣ», написанной во второй половинѣ 1829 г. Интересно совпаденіе подробности о дьячкѣ у Гоголя и у Квитки. Объ украинскихъ источникахъ повѣстей Гоголя см. въ кн. Шенрока: Ученическіе годы Гоголя, М. 1887, стр. 91 и слѣд. По мнѣнію г. Петрова (стр. 99; ср. стр. 107), «въ повѣсти «Салдацькій патретъ» еще замѣтны литературные пріемы П. П. Котляревскаго и П. П. Гулака-Артемовскаго».

[2]) Въ этомъ отношеніи украинскую *повѣсть* упредили нѣкоторыя произведенія общерусской беллетристики, каковы кромѣ «путешествія» Радищева: повѣсть Погодина «Нищій», «Дубровскій» и «Лѣтопись села Горохина» Пушкина и повѣсти Павлова, о которыхъ см. ст. акад. Сухомлинова: «Эпизодъ изъ литературы тридцатыхъ годовъ» (Древняя и Новая Россія 1875, т. I). О Н. Павловѣ см. еще этюдъ Franzos-a: «Nicolaj Pawlow» во 2-мъ т. «Aus Halb-Asien».

этой повѣсти... Никто не скажетъ чтобъ это была аффектація. Тогда бы Квиткинъ поселянинъ не возбуждалъ къ себѣ такого сочувствія; онъ не впечатлѣлся бы въ душѣ и не сдѣлался бы ея любимымъ пріобрѣтеніемъ. Сердца обмануть невозможно, и слезы, пролитыя въ Малороссіи надъ чтеніемъ «Маруси», составляютъ фактъ, которымъ не должна пренебречь эстетическая критика» [1]). Вотъ лучшій отвѣтъ на тѣ обвиненія въ сентиментальности, которыя повторялись неоднократно, когда заходила рѣчь о повѣстяхъ Квитки.

На основаніи сказаннаго мы позволимъ себѣ усматривать въ повѣстяхъ Квитки первыя произведенія русской беллетристики, изображавшія народный характеръ и бытъ сочувственно и въ тоже время талантливо, разносторонне и вѣрно. Едва ли кто изъ нашихъ беллетристовъ до Квитки относился съ такою горячею и искреннею любовью къ народу. Да и въ своихъ произведеніяхъ на русскомъ языкѣ Квитка является однимъ изъ провозвѣстниковъ натуральной школы. Вліяніе общерусской литературы на Квитку можно допустить лишь въ частностяхъ [2]), и совершенно несправедливо называть Квитку сентименталистомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Сентиментальность не отразилась у Квитки тѣми нелѣпостями, какія встрѣчаются у болѣе раннихъ сентименталистовъ, и соединялась съ натурализмомъ [3]). Что до «карикатурнаго изображенія малорусской жизни», на которое указываетъ г. Петровъ, то въ немъ можно обвинять и Гоголя, но спрашивается, насколько основательны такія обвиненія.

Такимъ образомъ, украинская литература рано и въ тоже время инстинктивно примкнула къ тому западноевропейскому теченію, которое обнаружилось плодотворными результатами и въ западноевропейской и въ русской литературѣ нѣсколько позже. Въ западноевропейской литературѣ повѣствованія изъ сельской жизни были выдвинуты въ противовѣсъ салонной новеллистикѣ и лживымъ изображеніемъ крестьянскаго быта. Проникаясь все болѣе и болѣе реалистическими тенденціями, начали интересоваться картинами дѣйствительныхъ отношеній и характеровъ деревни, воспроизводили то, что было свѣжаго въ ея жизни, но не скрывали и нѣко-

[1]) Русская Бесѣда, 1857, III, 134.

[2]) Такъ, напр., Василь въ повѣсти «Маруся» представляетъ отдаленное сходство съ «Чернецомъ» Козлова.

[3]) Незеленовъ отмѣчаетъ вліяніе сентиментальнаго натурализма и въ нѣкоторыхъ изъ первыхъ произведеній Тургенева.

торой грубоватости ея. Образецъ такихъ разсказовъ на западѣ представилъ Ауэрбахъ въ 1843 году въ своихъ «Dorfgeschichten» («Деревенскихъ разсказахъ») [1]), съ которыми сопоставляютъ «Записки охотника» Тургенева.

Сказаннымъ мы не отрицаемъ того, что иногда и общерусская литература обращала вниманіе украинцевъ на малорусскіе сюжеты, преданія и красоты природы. Такъ, въ 20-хъ годахъ очень нравилась русской публикѣ опера «Днѣпровская русалка», въ которой не было ничего мѣстно-реальнаго [2]). Общерусская литература знакомила также по временамъ украинцевъ съ произведеніями иностранныхъ литературъ. Такъ, «Рибалка», баллада Гулака-Артемовскаго, была написана, по нашему мнѣнію, подъ вліяніемъ перевода баллады Гете, сдѣланнаго Жуковскимъ и подвергшагося нападкамъ въ «Невскомъ Зрителѣ» 1821 г. Вліяніе перевода Жуковскаго изобличается началомъ баллады Гулака-Артемовскаго [3]).

Кромѣ такого вліянія, надо отмѣтить еще, что украинская литературѣ вдохновлялась не только мѣстными сюжетами, но и общерусскимъ патріотизмомъ. Напр., въ 1855 г. инспекторъ Лицея кн Безбородко, Морачевскій издалъ стихотвореніе «До чумака, або война Ягло-Хранцузо-Турецька, у 1853 и 1854 рокахъ» [4]) «въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ защитниковъ Севастополя». Въ томъ-же 1855 г., въ № 46 Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей Л. Глѣбовъ помѣстилъ «по поводу прохода дружинъ Московскаго, Нижегородскаго и Владимірскаго ополченій чрезъ городъ Нѣжинъ» стихотвореніе «Остапова правда», заканчивающееся словами:

Здіймайте шапкы, та молитеся Богу,
Щобъ Богъ йим помиг та иты противъ трьох!
Нехай розуміе и трусыться во́рог,
Бо з нами й за нас мылосердны наш Богъ!»

[1]) См. о нихъ Stern, Geschichte der neuern Litteratur, VII-ter Bd. (1885), S. 60 fgde.

[2]) Объ успѣхѣ ея, см. напр., стр. 129 *Украинскихъ мелодій* Н. Маркевича.

[3]) Переводъ Жуковскаго начинается такъ:

Бѣжитъ волна, шумитъ волна!
Задумчивъ, надъ рѣкой
Сидитъ рыбакъ; душа полна
Прохладной тишиной.

[4]) Кіевъ, 1855 (3 печ. листа).

Далѣе, и украинская литература одушевлялась великими общерусскими интересами.

Итакъ, нельзя сказать, что вліянію общерусской литературы принадлежитъ исключительное или главное значеніе въ возникновеніи и движеніи украинской литературы. Не это только вліяніе было исходнымъ пунктомъ въ развитіи украинской литературы и не изъ общерусской литературы было почерпаемо общее направленіе и содержаніе украинской. Не искусственная сентиментальность заправляла творчествомъ первыхъ украинскихъ писателей, а та чувствительность, которая присуща народу, и эта послѣдняя не препятствовала сохраненію реализма, постоянно державшагося въ украинской литературѣ. Мы видѣли, что произведенія Котляревскаго и Квитки исполнены не только сентиментальности, но и юмора и реализма Когда иноземное вліяніе должно было, наконецъ, уступить мѣсто народности въ общерусской литературѣ, въ Украинѣ оказалось достаточно собственнаго содержанія для наполненія мѣстной литературы, что́ доказываетъ, напр., поэзія Шевченка. Вмѣстѣ съ тѣмъ племенной геній Украины по прежнему участвовалъ въ развитіи общерусской литературы и вносилъ въ нее обильные вклады. Какъ извѣстно, въ лицѣ Гоголя украинское творчество рѣшительно направило общерусскую литературу на путь натурализма.

Въ послѣднее время г. Скабичевскій попытался умалить эту заслугу Гоголя. Онъ говоритъ: «Обыкновенно Гоголя считаютъ у насъ родоначальникомъ натурализма въ Россіи. Но это большое заблужденіе. Инициатива истиннаго натурализма, этого сѣвернаго типа поэзіи, безспорно принадлежитъ Пушкину. Гоголь же выступившій вполнѣ на поприще натурализма только въ половинѣ 30-хъ годовъ, съ изданія «Міргорода», — является уже не инициаторомъ, а послѣдователемъ Пушкина, его ученикомъ, воспитавшимся притомъ не надъ одними твореніями своего великаго учителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его личными, устными наставленіями. Пушкинъ, какъ извѣстно, внушилъ Гоголю всѣ лучшіе сюжеты его послѣдующихъ произведеній и «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ»; онъ же, конечно, и направилъ его на путь изображенія обыденной дѣйствительности. Однимъ словомъ въ лицѣ Пушкина сѣверный геній покорилъ своему неотразимо-энергическому мужскому вліянію блестяще-яркій, но женственно-мягкій южный геній, олицетвореніемъ котораго представляется Гоголь» [1]).

[1]) Сѣверный Вѣстникъ 1886, № 1, ст. «Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ», стр. 88.

Невозможно отрицать весьма благотворное вліяніе Пушкина на творчество Гоголя [1]). Но указаніе на тотъ или иной сюжетъ, которымъ Гоголь былъ обязанъ Пушкину, еще не доказываетъ, что Гоголь въ изображеніи дѣйствительности былъ всецѣло ученикомъ Пушкина, который былъ начинателемъ реализма въ русской литературѣ. Въ художественномъ творчествѣ важенъ не только замыселъ, но и выполненіе послѣдняго; выполненіе же идеи «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» было всецѣло дѣломъ таланта Гоголя и выдвинуло также особенности творчества, какихъ не встрѣчаемъ у Пушкина. Сверхъ того, помимо «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», у Гоголя есть такія реалистическія произведенія, какъ «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», которыя свидѣтельствуютъ о самобытности таланта Гоголя и его творчества. Эту оригинальность произведеній Гоголя призналъ самъ Пушкинъ; онъ писалъ по прочтеніи Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки: «они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, *какая чувствительность!* [2]) *Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ*, что я доселѣ не образумился...» Пушкинъ, по сообщенію самого Гоголя, такъ опредѣлилъ главное существо таланта послѣдняго: «Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость пошлаго человѣка...»

Говоря о Гоголѣ, г. Скабичевскій примкнулъ къ критикамъ, понижающимъ достоинство произведеній великаго украинскаго писателя. Г. Петровъ справедливо не раздѣляетъ такихъ крайнихъ воззрѣній и опровергаетъ отзывы Кулиша объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя, указывающіе въ этихъ повѣстяхъ постоянную этнографическую и историческую невѣрность. Г. Петровъ указываетъ довольно обстоятельно на связь украинскихъ повѣстей Гоголя съ народною словесностью и украинскою литературою и защищаетъ Гоголя отъ обвиненій въ незнаніи быта Украины и ея исторіи, иногда не вполнѣ удачно [3]).

[1]) См. воспоминанія Данилевскаго о Гоголѣ въ Историческомъ Вѣстникѣ 1886 № 12 и въ № 3 1887 замѣтку П. Л. В.: «Гоголь о Пушкинѣ».

[2]) Ср. то, что сказано выше о чувствительности украинцевъ.

[3]) На стр. 193 книги г. Петрова читаемъ: «Главную причину недружелюбнаго отношенія Кулиша къ украинскимъ повѣстямъ Гоголя мы видимъ въ томъ обстоятельствѣ, что Кулишъ разсматриваетъ ихъ относительно этнографической и исторической вѣрности, тогда какъ самъ Гоголь былъ поэтъ-художникъ, который дѣйствительную жизнь своевольно пересоздавалъ и преображалъ въ новое бытіе, художественно-образцовое».

Въ дополненіе къ замѣчаніямъ г. Петрова о повѣстяхъ Гоголя укажемъ на то, что Гоголь даже въ своихъ фантастическихъ и историческихъ повѣстяхъ изъ жизни Украины обнаружилъ стремленіе приблизиться къ дѣйствительному прошлому и вѣрно воспроизвести изображаемую эпоху. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и переписка Гоголя [1]). На западѣ образецъ вѣрнаго художественнаго воспроизведенія старины былъ данъ уже въ прошломъ столѣтіи Гете въ его «Гецѣ»; затѣмъ особое значеніе въ этомъ отношеніи имѣли романы Вальтеръ-Скотта. У насъ съ трудомъ привыкали къ вѣрному изображенію прошлаго въ историческомъ романѣ. Къ такому изображенію лишь въ 20-хъ годахъ начало пріучать вліяніе Вальтеръ-Скотта [2]). Въ виду этого несправедливо унижать повѣсти Гоголя, и отзывъ г. Скабичевскаго о «Тарасѣ Бульбѣ» (ср. мнѣніе Кулиша, изложенное г. Петровымъ на стр. 192) долженъ быть признанъ ненаучнымъ. Польскій критикъ и историкъ Грабовскій также отнесся неодобрительно къ исторической повѣсти Гоголя, которую призналъ «весьма слабою», принадлежащею «къ числу тѣхъ созданій, которыя — ни поэзія, ни исторія», но въ то же время критикъ замѣтилъ, что Гоголь, «взявши для сочиненія предметъ изъ историческаго минувшаго, *въ первый разъ создавалъ по воображенію рисунокъ и колоритъ, бился безъ дороги* и дѣлалъ погрѣшности на каждомъ шагу» [3]). Для насъ интересно въ особенности мнѣніе Костомарова. Въ предисловіи къ изданію «Тараса Бульбы» для народа Костомаровъ отмѣтилъ въ повѣсти Гоголя «вымышленное содержаніе» и «историческія невѣрности», но по его мнѣнію, «историческія невѣрности не лишаютъ достоинства произведеніе Гоголя, которое имѣетъ значеніе какъ плодъ его великаго дарованія по своему прекрасному художественному построенію» [4]). Гоголь не вполнѣ отрѣшился въ «Тарасѣ Бульбѣ» отъ пріемовъ

[1]) См. Шенрока стр. 85, 91 — 93, 128.

[2]) На такое значеніе произведеній Вальтеръ-Скотта указываетъ наша журнальная критика того времени. См. о ней въ книгѣ Весина: Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, Спб. 1881, стр. 61—63. Значеніе «Геца» было вѣрно разъяснено Шевыревымъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1828 г.

[3]) Современникъ, т. сорокъ первый (1846), «Письмо Грабовскаго о сочиненіяхъ Гоголя».

[4]) Спб. 1874, стр. VI.

прежнихъ писателей историческихъ романовъ и повѣстей. Подобно Нарѣжному героемъ своей повѣсти онъ избралъ вымышленное лицо, имя котораго неизвѣстно изъ исторіи [1]). Но, не обладая фактическимъ знаніемъ, Гоголь угадалъ и возстановилъ чутьемъ поэта вѣрный въ общемъ образъ прошлаго и настроеніе людей столь отдаленнаго отъ насъ времени. Если онъ не дошелъ до полнаго реализма въ воспроизведеніи изображеннаго имъ времени, то вина была не на его сторонѣ. Исторія Малороссіи была плохо извѣстна даже нѣсколько позже, — въ то время, когда писалъ Шевченко. И у Шевченка замѣчаются невѣрности въ частностяхъ, но въ общемъ поражаетъ инстинктивное прозрѣніе поэта, подобное тому, какое отмѣчено у Гоголя. Тѣмъ выше заслуга Гоголя въ «Тарасѣ Бульбѣ». Сравненіе этой повѣсти съ историческими повѣстями и поэмами Пушкина, выказывая преимущества произведеній послѣдняго, не должно приводить къ умаленію достоинствъ произведеній Гоголя. Изображая время Бориса Годунова, Екатерины II, Пушкинъ находился въ иномъ положеніи, чѣмъ Гоголь которому пришлось возстановлять въ поэзіи эпоху гораздо менѣе извѣстную. Что до «Полтавы», въ которой по словамъ Максимовича «Пушкинъ, по свойству своего генія былъ покорнѣе исторической дѣйствительности, чѣмъ Гоголь въ своемъ «Тарасѣ Бульбѣ», то и ея сюжетъ былъ сравнительно хорошо извѣстенъ и былъ обработанъ даже въ польской литературѣ [2]).

Представимъ на основаніи сказаннаго общее заключеніе о вліяніи общерусской литературы на развитіе украинской.

Послѣдняя разцвѣла только въ общеніи съ литературой всероссійской. Г. Петровъ совершенно основательно указалъ на то, что общерусская литература дѣйствовала весьма благотворно на очищеніе вкуса украинцевъ, на выработку болѣе или менѣе изящныхъ формъ въ ихъ литературѣ [3]). Чистота въ украинской литературной

[1]) Г. Скабичевскій указываетъ еще на ненатуральность рѣчей Андрея и панночки въ «Тарасѣ Бульбѣ», но лиризмъ этихъ рѣчей еще не доказываетъ ихъ неестественности.

[2]) Іезуитъ Muśnicki написалъ поэму «Pultava» до 1817 г. — О поэмѣ Пушкина «Полтава» въ историческомъ отношеніи см. «Атеней» 1829, ч. II, стр 501—515. — См. еще рѣчь г. Петрова «Значеніе Пушкина въ украинской литературѣ» — въ «Кіевлянинѣ» 1880, №№ 154 и 155. Отзывъ Грабовскаго о Полтавѣ см. въ его книгѣ: «Literatura i krytyka, Wilno, 1839, 35—37; онъ находитъ въ поэмѣ Пушкина мало украинскаго колорита.

[3]) Формальное вліяніе общерусской литературы на произведенія Котляревскаго не подлежитъ сомнѣнію и отзывается даже въ одѣ до князя Куракина.

рѣчи также явилась подъ вліяніемъ общерусской литературы [1]). Но послѣдняя не обусловливала содержанія украинской литературы, существенныхъ особенностей ея стиля и основныхъ направленій. Эти направленія были общи украинской литературѣ не только съ общерусскою литературою, но и съ другими славянскими, а также съ западноевропейскими литературами. Реализмъ [2]), юморъ и чувствительность постоянно характеризуютъ украинскую литературу какъ ея оригинальныя черты. Усилія г. Петрова поставить, кромѣ формы, и содержаніе украинской литературы въ постоянную зависимость отъ общерусской поселяютъ превратное мнѣніе въ читателѣ и оставляютъ въ сторонѣ главную двигательную силу украинской литературы, чистомѣстныя начала ея и условія почвы изъ которой, органически и стройно выростало творчество украинскаго племени. Изъ этихъ началъ первыми по времени и значенію были жизненная сила племени, любовь къ народности и пробужденіе самосознанія.

III.

Любовь къ народности и пробужденіе самосознанія, какъ первоисточники украинской литературы.

Исходнымъ пунктомъ въ развитіи украинской литературы была любовь къ своей народности, естественная, а не привнесенная извнѣ потребность самовыраженія на родномъ нарѣчіи, привязанность къ родному слову. Эти двигательныя начала постепенно усиливались по мѣрѣ развитія самопознанія и самосознанія.

Украинцы страстно любятъ свою родину, и тоже чувство постоянно одушевляетъ ихъ поэтовъ. Можно бы привести цѣлый рядъ свидѣтельствъ о любви къ родинѣ, какою были проникнуты украинскіе поэты. У нѣкоторыхъ изъ нихъ эта любовь доходила до особеннаго пристрастія къ родному уголку. Такъ, Котляревскій чрезвычайно любилъ свою поэтическую усадьбу, свой дѣдовскій домикъ, уцѣлѣвшій еще отъ времени Полтавской битвы. Пассекъ такъ описываетъ этотъ домикъ: «Кто не помнитъ въ Полтавѣ не-

[1]) Уже у Котляревскаго находимъ обороты общерусской литературной рѣчи. Вліяніе ея замѣтно у всѣхъ лучшихъ украинскихъ писателей, напр. у Шевченка и Стороженка. Ср. литературную рѣчь въ Галичинѣ.

[2]) Знаменитая реальная комедія русской литературы «Ябеда» была написана украинцемъ.

большаго, уединеннаго домика на высокой горѣ близъ крѣпостныхъ окоповъ. Кто, посѣтивши этотъ домикъ, не любовался окрестными видами: направо огромное зданіе института и садъ по взгорью; налѣво широкіе луга, и по нимъ, извиваясь, блеститъ р. Ворскла, воспѣтая въ народной пѣснѣ:

Тече ричка невеличка, Про ту ричку невеличку
Ворсклом прозываютъ: Старци й дити знаютъ.

Далѣе видны темные лѣса, синяя даль, и мѣстами бѣлѣются Малороссійскія слободы. Это былъ домъ Ивана Петровича Котляревскаго» [1]). Съ крылечка этого домика «открывался великолѣпный видъ на зарѣчную сторону; — здѣсь любилъ просиживать, цѣлые часы, Котляревскій съ зрительною трубою и наблюдать въѣзжавшихъ по сосѣдней пролегающей горѣ поселянъ. Весною его пріятели нарочито собирались къ нему полюбоваться разливомъ рѣки Ворсклы» [2]). Квитка не захотѣлъ оставить родину для Петербурга [3]). Шевченко тосковалъ по Украйнѣ, мечталъ о ней и просилъ, чтобы его похоронили

. . . . . на могыли, И Днипро, и кручи
Середъ степу широкого Булы выдни, було чуты,
На Вкраини мылій; Якъ реве ревучій [4]).
Щобъ ланы шырокополи

Гребенка, сидя въ Петербургѣ, мечталъ про «чудесную дѣву», «красавицу», «родную Украйну», и писалъ:

Какъ тяжкіе вздохи печали глубокой,
Какъ матери вопли надъ гробомъ дѣтей,
Мнѣ въ душу запали далеко, далеко
Украины пѣсни моей [5]).

[1]) Москвитянинъ 1841, ч. II, № 4, стр. 562.
[2]) Стеблинъ-Каменскій, Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ, 7.
[3]) Данилевскій, Украинская Старина, 212.
[4]) См. у Кулябки: Тар. Григ. Шевченко, К. 1884, стр. 65—68.
[5]) Стихотвореніе «Признаніе», напечатанное первоначально во II т. «Отеч. Зап.» 1839 г. Можно бы указать и на другія подобныя поэтическія воспоминанія объ Украйнѣ. См., напр., въ «Денницѣ на 1834 годъ» стихотвореніе «Малороссіянкѣ».

Метлинскій убѣждалъ хранить старые обычаи:

. . . . . не внось свого, гостю, звычаю...
Батько казавъ, шчо якъ свій отдамо,
Мы и дѣткй нашй пропадемо. [1]).

Въ «Думкѣ Червонорусця» Метлинскій выразилъ любовь къ родинѣ человѣка, заброшеннаго на чужбину и вспоминающаго родной край,

Де густй луги, садочки зелененькй батьки [2]).

А вотъ какъ говоритъ Метлинскій о «зрадникѣ», который «зневажае родину»:

Зрадникъ одъ людей ласки не знатиме;
Самъ винъ одъ себе въ пущй тйкатиме....
Его рйдне слово въ пѣснѣ не грѣтиме,
Ему пѣсня въ сердцѣ углемъ горѣтиме.... [3])

Любовь къ своей народности, выразившаяся у Метлинскаго и у другихъ украинскихъ поэтовъ [4]), была главною двигательною силою новѣйшей украинской литературы, какъ и многихъ другихъ литературъ XIX вѣка. Ранѣе она не выступала столь замѣтно въ литературѣ, но все же сказывалась. Она достигла-было особаго оживленія въ періодъ польскихъ утѣсненій, въ тяжелыя годины народныхъ несчастій и обнаружилась, между прочимъ, въ томъ литературномъ движеніи, которое началось въ Украинѣ въ концѣ XVI вѣка. Широкая народная идея, одушевлявшая украинскихъ патріотовъ конца XVI вѣка и начала XVII-го, проявилась въ дѣятельности братствъ, въ подъемѣ просвѣщенія, въ переводахъ книгъ св. Писанія на болѣе или менѣе народный языкъ [5])

[1]) Могила, Думки и пѣсни та-шче де-шчо, стр. 63.
[2]) Ibid., 80.
[3]) Ibid., 45. Таже идея высказывалась и въ новѣйшей украинской поэзіи. См., напр., въ альманахѣ «Рада».
[4]) См. въ особенности «Украинскія мелодіи» Маркевича.
[5]) О нихъ см. въ рѣчи г. Житецкаго: «Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ» (Кіевская Старина 1882, Ноябрь, 282—284). Недавно г. Левицкій открылъ въ актовой книгѣ Житомирскаго градскаго суда подъ 1635 г. стихотворное переложеніе 42-го псалма на южнорусскую рѣчь. См. Кіев. Стар. 1886, № 3. См. также въ описаніи старопечатныхъ книгъ Каратаева о малорусскомъ евангеліи 1580 г., но его сообщеніе требуетъ разъясненія.

въ воззваніяхъ Аѳонскаго монаха Іоанна Вишенскаго [1]) и въ обвиненіяхъ, которыя были выдвинуты имъ противъ аристократіи и высшаго духовенства. Эта идея сказывалась и въ языкѣ украинской литературы XVII вѣка [2]): языки церковно-славянскій и малорусскій предпочитали польскому и въ церковно-славянскую рѣчь вносили значительную примѣсь изъ языковъ малорусскаго, польскаго и латинскаго. Кромѣ переводовъ св. Писанія въ южной Руси являлись и другія произведенія на болѣе или менѣе народномъ языкѣ [3]) Языкъ этихъ произведеній не былъ вполнѣ народенъ, и въ чистомъ видѣ выступала народная рѣчь лишь въ разговорной рѣчи малороссовъ въ интерлюдіяхъ, которыя терялись въ общей массѣ произведеній на книжномъ, литературномъ языкѣ [4]). Но вѣдь въ то время и въ Великороссіи народная рѣчь не была господствующею въ литературныхъ произведеніяхъ, пробивалась только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и находила безпрепятственный доступъ въ акты.

Какъ извѣстно, общенародная идея, которою были проникнуты лучшіе люди Украины въ періодъ борьбы противъ польскаго утѣсненія, потомъ уступила мѣсто шляхетскимъ идеямъ, которымъ поддались и казацкая старшина, и монахи и книжники. Господство казацкой старшины надъ посполитыми оправдывалось ссылками на св. Писаніе. Выраженіе такихъ воззрѣній дошло до уродства у нѣкоего украинскаго стихотворца Климентія [5]). Соотвѣтственно складу общественной жизни въ Украйнѣ, и въ литературѣ послѣдней царила латино-польская схоластика и лже-классицизмъ. Привычка къ нимъ въ украинскомъ обществѣ была распространяема студентами

[1]) Напечатаны во II-мъ т. Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи (Спб. 1865).

[2]) Общая «характеристика южно-русской литературы XVII в.» предста в лена г. Сумцовымъ въ «Кіевской Старинѣ» 1885, № 1. Г. Сумцовъ различаетъ два періода въ этой литературѣ: «греко-славянскій — отъ восьмидесятыхъ годовъ XVI столѣтія до тридцатыхъ годовъ XVII столѣтія» и періодъ отъ тридцатыхъ годовъ до конца восьмидесятыхъ годовъ XVII столѣтія.

[3]) Нѣсколько сказаній, переведенныхъ и передѣланныхъ на южно-русское нарѣчіе въ концѣ XVI в., напечатаны Макушевымъ въ Ж. М. Н. Пр. 1881, № 9, подъ заглавіемъ: «Южно-русскія сказанія по рукописи библіотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ», и въ послѣднее время вновь появились въ печати заграницею подъ заглавіемъ: «Матеріалы до рускои литературы апокрифичнои. Зобравъ Д-ръ Ом. Калитовскій. Львовъ 1884 (библіотека «Зорѣ»)».

[4]) Изъ писавшихъ на этомъ послѣднемъ наибольшую близость къ народной рѣчи обнаружилъ Галятовскій.

[5]) О немъ см. ст. Кулиша въ «Основѣ» 1861.

Кіевской Академіи [1]). Народная украинская литература была подорвана присоединеніемъ Кіева къ Москвѣ, когда просвѣщенные украинцы начали достигать виднаго положенія въ сѣверо-восточной Руси, и въ Кіевѣ уже не было интересовъ, побуждавшихъ къ усиленной литературной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, полнаго перерыва въ развитіи народной украинской литературы не было. Драма въ Украинѣ носила народный характеръ и такимъ же характеромъ могли отличаться тѣ вирши, какія писали семинаристы. Правда, до конца XVIII в. украинская литература не могла достигнуть національно-художественныхъ формъ, потому что не было для того благопріятныхъ общественныхъ условій, но все же она обладала нѣкоторыми значительными достоинствами. Въ «Очеркахъ изъ исторіи украинской литературы XVIII в.» г. Петровъ призналъ «пятый періодъ южнорусской драмы XVIII в., съ царствованія Екатерины II», «періодомъ упадка ея и совершеннаго преобладанія сѣверно-русской литературы и ея формъ» [2]). Дѣйствительно въ то время замѣчается упадокъ въ искусственной драмѣ, а также въ тѣхъ видахъ литературы, которые находились въ связи съ процвѣтаніемъ казачества, не остававшагося безъ вліянія на старую украинскую поэзію. Но самъ г. Петровъ указалъ на то, что языкъ украинской литературы XVIII в. былъ «простой, деревенскій» [3]). Онъ приближался въ значительной степени къ разговорной рѣчи, и слѣдовательно, уже тогда былъ проложенъ путь къ общенародному пониманію и усвоенію украинской литературы. Важны были, далѣе, чисто народные элементы украинской литературы XVIII в. Г. Петровъ въ своемъ трудѣ объ этой литературѣ отмѣтилъ «въ южнорусскихъ произведеніяхъ XVIII вѣка удивительную амальгаму письменныхъ источниковъ всякаго рода съ произведеніями устной народной словесности» [4]). Въ народъ проникали даже произведенія такихъ книжниковъ, какъ Климовскій и Сковорода [5]).

[1]) О томъ, какъ студенты Кіевской Духовной Академіи «пѣвали разные канты», «говорили рѣчи, представляли діалоги, комедіи, трагедіи и проч.» въ Кіевѣ и въ губерніяхъ, см. у митр. Евгенія: Описаніе Кіевософ. собора, 1825, 215—216.

[2]) Стр. 27.

[3]) Оч. изъ ист. укр. лит. XVIII в. стр. 13. Ср. Головацкаго въ *Галичанинѣ*, III—IV, стр. 311, и И. Онишкевича, Русска библіотека, т. III, Львовъ 1884, стр. IX. Въ Почаевѣ въ 1794 г. была напечатана книга Ю. Добриловскаго «Науки парохіялныя зъ славено-рускаго на простый и посполитый языкъ»

[4]) Ib. 5.

[5]) О проникновеніи стихотвореній Сковороды въ народъ см. въ Украин-

Представленный краткій очеркъ развитія литературы въ Украинѣ до конца XVIII в. показываетъ, что эта литература не нова и издавна отличалась воспроизведеніемъ народной жизни и народной рѣчи. Не удивительно потому, что и новая украинская латература въ произведеніяхъ Котляревскаго сразу стала на народную почву.

Новая украинская литература развилась подобно старой благодаря подъему народнаго чувства, народнаго просвѣщенія и народнаго самосознанія. Въ просвѣщеніи разумномъ и живомъ чувствовалась давно настоятельная потребность [1]). На нее указывалъ Сковорода [2]), столь повліявшій на позднѣйшаго дѣятеля Слободской Украины, Квитку. Эта потребность была удовлетворена съ распространеніемъ новаго не семинарскаго образованія, съ появленіемъ гимназій и основаніемъ университета въ Харьковѣ [3]). Учрежденіе университета въ Харьковѣ повліяло въ сильнѣйшей степени на оживленіе литературнаго движенія въ Украинѣ. Нѣкоторые изъ профессоровъ этого университета начали издавать Украинскій Вѣстникъ, который былъ какъ бы полуоффиціальнымъ органомъ университета: въ этомъ журналѣ печатались свѣдѣнія о торжествахъ университета и разнаго рода отчеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ издатели желали «дать лучшее понятіе» объ Украинѣ. Они обѣщали «употребить всѣ способы къ убѣжденію здѣшнихъ писателей, дабы они сообщали свои сочиненія» [4]). Въ журналѣ нерѣдко пробивалось

скомъ Вѣстникѣ 1817, апр., 119, въ Украинской Старинѣ Даниленскаго, стр. 74—75; ср. «Памятную книжку Полтавской губерніи за 1865 г.», стр. 461. Мы сами слышали элегію Сковороды о смерти изъ устъ лирника въ Волынской губерніи. О пѣсняхъ Климовскаго и Добриловскаго см. И. Онишкевича Р. Библіот. III, 152 и 153. См. еще въ «Пантеонѣ Россійскихъ авторовъ» Карамзина, у котораго Шаховской заимствовалъ идею своего «казака-стихотворца».

[1]) Авторъ «Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ», изданныхъ Бодянскимъ (М. 1848), говоритъ въ своей запискѣ, которая, быть можетъ, была подана высшему начальству: «примѣчательный и безпристрастный наблюдатель найдетъ, что Малороссійская губернія въ добронравіи, въ просвѣщеніи, въ общежитіи, въ хозяйствѣ, въ торговлѣ, въ рукодѣліи и во всемъ благоустройствѣ отъ всѣхъ прочихъ губерній отстала и во всемъ ихъ хуже. Стр. 51.

[2]) Первую свою лекцію по благонравію Сковорода началъ въ Харьковскомъ училищѣ словами: «Весь міръ спитъ». Сковорода стоялъ за то, что «не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое, родное».

[3]) О Харьковскомъ коллегіумѣ, главномъ учебномъ заведеніи Слободской Украины до основанія Харьковскаго университета, см. ст. г. Амфіана Лебедева въ «Чтеніяхъ Императ. Общ. Ист. и древн. Россійскихъ» 1885.

[4]) Украинскій Вѣстникъ на 1816 г., ч. I, мѣсяцъ январь. Отъ издателей стр. 2.

увлеченіе роднымъ краемъ [1]). Пробужденіе мѣстнаго самосознанія начало сказываться затѣмъ въ возникновеніи новой литературы на украинскомъ нарѣчіи.

Эта литература развивалась въ связи съ главными теченіями европейской образованности XIX в. и въ то же время продолжала старыя, никогда не прерывавшіяся преданія мѣстнаго творчества.

Итакъ, новая украинская литература представляетъ продолженіе старой и связана съ послѣднею общею той и другой идеею народности. Непрерывность литературной традиціи въ Украинѣ признаетъ А. Н. Пыпинъ [2]) и не отрицаетъ ея и г. Петровъ.

Г. Петровъ совершенно основательно началъ исторію украинской литературы XIX вѣка съ указанія на то, что начало ея «коренится въ предшествующихъ столѣтіяхъ». Къ сожалѣнію, очеркъ связи новѣйшей украинской литературы съ предшествующимъ мѣстнымъ умственнымъ и литературнымъ движеніемъ вышелъ у г. Петрова весьма поверхностнымъ и неполнымъ, хотя авторъ могъ бы представить не мало интересныхъ наблюденій надъ этой связью, такъ какъ неоднократно указывалъ на нее въ своей предшествовавшей работѣ объ украинской литературѣ [3]).

[1]) Журналъ открывается «составленною по старинамъ рукописямъ» статьею «Гетманъ Хмѣльницкій». Эта статья начинается выпискою изъ одного иностраннаго писателя о козакахъ, ихъ добродѣтеляхъ, заслугахъ въ охраненіи «внутреннихъ провинцій» отъ бѣшеной ярости варваровъ. Здѣсь между прочимъ читаемъ о «гражданахъ» Украины и Малороссіи: «отцы ихъ передавали дѣтямъ гордость независимости и оставляли единственнымъ наслѣдіемъ саблю и слова: *побѣдить или умереть*» (стр. 7). Выпискѣ предшествуютъ слова: «Лѣтописи Украйны и Малороссіи столько же любопытны, какъ и исторія древнихъ республикъ». Описаніе университетскаго акта 25-го декабря 1815 г. заканчивается словами: «Кстати, здѣсь можно сказать, что многіе изъ здѣшнихъ молодыхъ людей отмѣнно занимаются музыкою и оправдываютъ названіе Украины — Италіею» (стр. 93). Въ концѣ замѣтки о Крещенской ярмаркѣ говорится, что, еслибы обратить побольше вниманія на благоустройство Харькова, «то право и безпристрастно по всѣмъ отношеніямъ здѣшній край можно было бы назвать Италіею, а Харьковъ, естьли ужъ не Флоренціею такъ по крайней мѣрѣ любымъ изъ городовъ средней Италіи» (стр. 108).

[2]) См., напр., ст. его въ Вѣстникѣ Европы 1885, авг. кн.

[3]) См., напр., Оч. изъ ист. укр. лит. XVIII в., стр. 19, гдѣ говорится, что южнорусскія элегическія стихотворенія XVIII в., «сдѣлавшись любимыми пѣсенками различныхъ слоевъ малорусскаго общества и даже простонародья, сильно окрасились мѣстнымъ южно-русскимъ колоритомъ, послужили предтечами новѣйшей южнорусской лирической поэзіи искусственной и даже доселѣ распѣваются въ Малороссіи». — Равнымъ образомъ и искусственныя южнорусскія пѣсни XVIII вѣка, представлявшія подражаніе народнымъ, «служатъ

Не будемъ говорить ни объ ошибкахъ, допущенныхъ г. Петровымъ въ перечнѣ памятниковъ старой украинской литературы [1]), ни о пропускахъ [2]), которые могутъ быть извиняемы тѣмъ, что г. Петровъ не имѣлъ притязанія на полноту въ этомъ очеркѣ. Укажемъ лишь на болѣе существенныя погрѣшности. Г. Петровъ приписываетъ возрожденіе украинской литературы, совсѣмъ почти не имѣвшей будущности въ вѣкъ Екатерины [3]), вліянію общерусской литературы, явившейся выразительницею «гуманныхъ просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка». Отъ «Ябеды» Капниста «уже недалекъ былъ переходъ къ изображенію малорусской дѣйствительности на малорусскомъ языкѣ». Но самъ же г. Петровъ говоритъ далѣе, что новѣйшая украинскмя литература лишь была «подчинена литературнымъ пріемамъ и формамъ господствующей русской литературы», а «*содержаніе* или, по крайней мѣрѣ, общій колоритъ (двухъ) произведеній Котляревскаго и рѣчь ихъ остались малорусскими, какъ и въ интерлюдіяхъ XVIII вѣка»; самъ г. Петровъ приводитъ слова Лобысевича о малорусскихъ интерлюдіяхъ Конисскаго или Танскаго: «Какъ во всякомъ покроѣ платьевъ, такъ и во всякомъ нарѣчіи языковъ есть своя красота; а къ тому, когда и дымъ отечества сладокъ, то сія воня благоуханія мыслей отечественныхъ есть напсладчайшая». Уже изъ приведенныхъ словъ самого г. Петрова и указанныхъ имъ фактовъ ясно, чѣмъ связывалась новѣйшая украинская литература съ болѣе раннею и какое мѣстное двигательное начало обусловливало ея развитіе помимо вліянія общерусской литературы. Въ единеніи съ великой Россіей южно-русское племя освободилось отъ неурядицъ въ строѣ своей жизни, отрѣшилось отъ вліянія польскаго гнета и схоластицизма и обрѣло чистоту литературнаго выраженія; любовь же къ своей народности была присуща искони южно-русскому племени, не умирала

немаловажнымъ посредствующимъ звѣномъ въ цѣпи историческаго развитія послѣдующей малорусской пѣсенной поэзіи» (стр. 20). На стр. 112 г. Петровъ говоритъ, что «интерлюдіи имѣютъ связь съ новѣйшею русскою литературою со временъ Гоголя».

[1]) Въ числѣ ихъ г. Петровъ назвалъ библію Скорины, «Четью» 1489 г., которой лишь оригиналъ могъ быть южнорусскаго письма.

[2]) Г. Петровъ не упоминаетъ, напр., о Сковородѣ.

[3]) Стр. 19: «Въ вѣкъ Екатерины II южнорусскія интерлюдіи стушевываются и почти забываются. Южнорусская литература совершенно подчиняется общерусской, въ которой господствовалъ тогда псевдоклассицизмъ, смягчаемый просвѣтительными идеями XVIII вѣка... Повидимому, южнорусская литература не имѣла уже будущности».

въ немъ и выражалась въ не прерывавшемся рядѣ произведеній чисто народнаго направленія. Новѣйшая украинская литература продолжала то комическое изображеніе заслуживавшей осмѣянія дѣйствительности, которымъ отличались и прежде народныя произведенія украинской литературы [1]). Г. Петровъ подводитъ первыя произведенія новой украинской литературы подъ категорію псевдоклассицизма и реакціи послѣднему. Но необходимо имѣть въ виду, что даже въ тѣхъ произведеніяхъ, форма которыхъ можетъ быть названа пародіею, существеннымъ началомъ является юморъ. По словамъ Костомарова, «этотъ народный, своеобразный юморъ оказался независимо отъ пародіи, слишкомъ свѣжимъ и освѣжающимъ элементомъ на литературномъ полѣ» [2]). То, что южнорусскій юморъ переходилъ по временамъ въ карикатуру у Котляревскаго, Квитки и др., не приводило къ слишкомъ вреднымъ послѣдствіямъ.

Итакъ, новѣйшая украинская литература началась юмористическими произведеніями. Сатира и юморъ были на западѣ союзниками реализма даже въ періодъ преобладанія фантастики и классицизма. Также точно и южнорусскій юморъ не былъ обусловленъ псевдоклассицизмомъ и реакціею ему, не былъ книжнымъ порожденіемъ и чѣмъ-то наноснымъ; онъ составлялъ видную черту народнаго характера. Онъ пробивался и пробивается и въ украинской народной словесности (изъ которой переходилъ въ драму уже въ XVII вѣкѣ [3]), и у позднѣйшихъ украинскихъ писателей, между прочимъ и у тѣхъ, на которыхъ г. Петровъ указываетъ, какъ на дѣятелей общерусской литературы [4]). Юморъ составляетъ принадлежность

[1]) Немногія произведенія украинской литературы, обращавшіяся въ читающей публикѣ, отличались, повидимому, тѣмъ же характеромъ, что и Энеида Котляревскаго и, по словамъ Павловскаго (стр. 119), «заключали въ себѣ истинныя изображенія характера Малороссійскаго народа». Изъ украинской литературы XVIII в., по словамъ Вагилевича, «на взмѣнку заслугуютъ діялоги». Я читалъ декоторы изъ нихъ, говоритъ Ваг., «Рыцарь и смерть, Соломонъ и зговоръ на попа; послѣдный подъ взглядомъ художества не лихо развитый, а що ся тычитъ языка, наветъ доброю рущиною написанный». Рус. библ. III, 153.

[2]) Поэзія славянъ, 158.

[3]) См. ст. Кузьмичевскаго: «Старѣйшія русскія драматическія сцены» въ Кіевск. Старинѣ 1885 г. Украинская драма XVIII в., а равно Котляревскій продолжали черпать изъ запаса народнаго юмора.

[4]) Разумѣемъ Богдановича, Капниста и въ особенности Гоголя, у котораго эта черта племеннаго характера достигла высшаго выраженія. Не чуждъ былъ юмора и Гнѣдичъ. См. брош. Тиханова Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Изд. втор. отд. И. А. Н., Спб. 1884, стр. 21.

даровитой народной натуры, не поддающейся житейскимъ невзгодамъ [1]) и житейской пошлости, и вполнѣ уживается съ горячей любовью къ народности. Онъ былъ весьма благотворенъ [2]) и помогъ украинцамъ отрѣшиться отъ уродливостей старины и быстро развить въ себѣ новый духъ. Соотвѣтственно тому и украинская литература одновременно съ юмористическимъ изображеніемъ жизни начала подниматься въ область идеала. Она начала раздѣлять вмѣстѣ съ общерусскою литературою увлеченіе нѣкоторыми общеевропейскими идеалистическими направленіями, но и тутъ не утрачивала своей народности [3]) и находилась въ связи съ народнымъ творчествомъ.

Ясны отсюда степень самобытности украинской литературы и значеніе въ ней народнаго начала. Очевидно, что историку ея необходимо имѣть въ виду постоянную связь ея съ народною украинскою словесностью.

Г. Петровъ отмѣчалъ неоднократно соприкосновеніе того или иного произведенія украинской литературы съ народною словесностью, но не выдѣлилъ увлеченія народностью, какъ одного изъ главныхъ двигательныхъ началъ украинской литературы. Мы попытаемся здѣсь восполнить этотъ пробѣлъ въ работѣ г. Петрова, чтобы тѣмъ замѣтнѣе были допущенные имъ промахи и пропуски въ выясненіи началъ украинской литературы.

Собираніе произведеній народной словесности началось въ Украи-

---

[1]) Замѣчательно, что, въ противоположность украинской литературѣ, польская литература XIX в. отличается незначительностью комизма, на что и обратилъ вниманіе Брандесъ въ своихъ лекціяхъ о польской литературѣ. См. однако, Zgliński, Humor w Panu Tadeuszu, Warsz. 1883.

[2]) Кн. Вяземскій въ разборѣ прозаическихъ сочиненій Жуковскаго («Телеграфъ» № 23) указалъ на то, какъ было бы полезно русской литературѣ, если бы первыми классическими произведеніями ея были не оды, а сатирическія произведенія. Вяземскому возражалъ Шевыревъ (Моск. Вѣстн. 1827, ч. I, № 3), ссылавшійся на то, что повсюду поэзія начинается съ эпоса и пѣсни, но мысль Вяземскаго заслуживаетъ вниманія.

[3]) Г. Петровъ такъ говоритъ объ украинской литературѣ положительнаго направленія: «какъ самъ И. П. Котляревскій, такъ и его ближайшіе преемники и послѣдователи не остановились на однѣхъ шутливыхъ пародіяхъ и смѣшливыхъ комедіяхъ и операхъ изъ простонароднаго быта, но, вслѣдъ за русской и отчасти польской литературой, пошли далѣе, къ изображенію положительныхъ свойствъ украинской жизни, внутреннихъ чувствъ украинца и его возвышенныхъ идеаловъ». Стр. 21.

нѣ почти въ то же время, какъ и въ остальной Руси [1]) и въ Германіи. Г. Петровъ указалъ на первый печатный памятникъ этого изученія — «Описаніе свадебныхъ украинскихъ и простонародныхъ обрядовъ, въ Малой Россіи и въ Слободской Украинской губерніи, такожъ и въ Великорусскихъ слободахъ, населенныхъ Малороссіянами, употребляемыхъ. Сочиненное Григорьемъ Калиновскимъ, Армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, состоящихъ въ Украинской Дивизіи, прапорщикомъ. Въ Санктпетербургѣ и пр., 1777» [2]).

Украинскія пѣсни, какъ справедливо замѣтилъ Добролюбовъ [3]), составляютъ «народную святыню, лучшее достояніе украинской жизни: въ нихъ горитъ любовь къ родинѣ, блещетъ слава прошедшихъ подвиговъ; въ нихъ дышетъ и чистое, нѣжное чувство женской любви, особенно любви материнской; въ нихъ же выражается и та тревожная оглядка на жизнь, которая заставляетъ казака, свободнаго отъ битвы, «искать свою долю». Весь кругъ жизненныхъ насущныхъ интересовъ охватывается въ пѣснѣ, сливается съ нею и безъ нея сама жизнь дѣлается невозможною. По словамъ Шевченка, —

Наша дума, наша пісня
Не вмре, не загине...
Отъ де, люде, наша слава,
Слава Украіни!

Богатая поэзія Украины дѣйствовала чарующе на всѣхъ, кто знакомился съ нею, на поляковъ [4]), чеховъ [5]) и даже нѣмцевъ [6]).

---

[1]) Въ Москвѣ у Новикова вышли въ 1780 г. «Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и проч.».

[2]) Посвящено: «Милостивой Государынѣ моей матушкѣ Харитинѣ Григорьевнѣ Калиновской, урожденной Рубановой, въ Кролевцѣ». Перепечатано это описаніе въ «Архивѣ историко-юридич. свѣд.» Калачова въ 1854 г. Замѣтку о немъ см. въ «Кіевской Стар.» 1884 г.

[3]) III, 329. Ср. отзывъ Гоголя.

[4]) Мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, что въ польской литературѣ существуетъ цѣлая школа поэтовъ, дарованіе которыхъ было взлелѣяно звуками украинскихъ пѣсенъ. Есть также и музыкальныя переложенія украинскихъ пѣсенъ, принадлежащія польскимъ композиторамъ.

[5]) См. Zap-a Cesty a prochàzky po Halické zemi (W Praze, 1863).

[6]) См., напр. «Южный Сборникъ», ученo-литер. журналъ, изд. Н. Максимовымъ, Одесса 1859, № 11, «Воспоминанія профессора Роммеля о своемъ времени, Харьковѣ и Харьковскомъ университетѣ». Роммель говоритъ о своей женѣ: «Маргарита и ея сестры знали всѣ малорусскія пѣсни, прелесть которыхъ состоитъ въ нѣжномъ языкѣ, вѣрно отражающемъ природу, въ оригинальной преимущественно элегической мелодіи и въ богатствѣ содержанія».

Влекла она къ себѣ великоруссовъ [1]) и тѣмъ болѣе самихъ украинцевъ.

Съ конца прошлаго вѣка общее настроеніе умовъ почти повсюду направляло къ изученію народности и сообщало увлеченіе ею. Въ Украинѣ оно было усилено мѣстными обстоятельствами. Повсюду, по объясненію г. Веселовскаго [2]), современное «направленіе фольклоризма» слѣдуетъ «быть можетъ поставить въ связи съ общею научною эволюціею, замѣчаемою, напримѣръ, и въ области сравнительнаго языкознанія», но «есть доля истины» и во взглядѣ г. Пыпина, связывающаго «внезапный и дружный наплывъ» фольклоризма «съ сознательнымъ и безсознательнымъ предчувствіемъ упадка народно-поэтической старины». Это послѣднее въ особенности можно сказать объ Украинѣ, гдѣ еще въ 30-хъ годахъ настоящаго вѣка опасались исчезновенія родного нарѣчія и родной поэзіи и тѣмъ съ большимъ рвеніемъ принялись за собираніе памятниковъ замиравшаго творчества. По словамъ Гейне, когда потеряютъ родину, начинаютъ воспѣвать ее и поэтически разрисовывать. Точно также въ поэтическомъ озареніи предстаютъ воображенію потомковъ минувшія эпохи славы. Элегическое созерцаніе прошлаго выступаетъ и въ нѣкоторыхъ украинскихъ пѣсняхъ [3]) и еще въ большей степени должно было сообщиться тѣмъ образованнымъ украинцамъ конца прошлаго вѣка и настоящаго столѣтія, которые знакомились съ украинской старипой по преданіямъ и памятникамъ народной словесности. Въ концѣ прошлаго столѣтія на-

[1]) Авторъ первой грамматики Малороссійскаго нарѣчія *великоруссъ* Павловскій восхищался мелодіей украинскихъ пѣсенъ. Онъ говоритъ: «Что можетъ быть разительнѣе, какъ слушать когда Малороссіяне по вечерамъ пріятныхъ лѣтнихъ дней, собравшись во множествѣ и сидя на пригоркѣ въ кружокъ, поютъ свои заунывныя пѣсни. Тогда эхо, въ окружности отдающееся, приноситъ съ полей и отъ лѣсовъ къ чувствительному сердцу самые трогательные тоны! Прельстившись чувствованіями» своими, авторъ «неоднократно желалъ проникнуть сущность ихъ нарѣчія»... Вм. предисл., III—IV.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1886, № 3, «Новыя книги по народной словесности», стр. 221. По мнѣнію Hertzberg-a, «haben unsere hoch civilisirten Zeiten eine besondere Zärtlichkeit für die sogenannte Volkspoesie. An dieser Vorliebe hat zwar einen nicht geringen Antheil theils Blasirtheit, die, aus Ueberreizung entsprungen, sich um jeden Preis der frischen Natur zuwendet, sollte sie auch Rochheit und Ungeschlachtheit mit in den Kauf nehmen müssen».

[3]) См. напр., запорожскую пѣсню «Летѣвъ орелъ» и пр., сообщенную Костомаровымъ въ Лѣтоп. р. литер. и древн. Тихонравова. т. III, стр. 89.

чалось собираніе украинскихъ думъ [1]). За нимъ должна была слѣдовать идеализація прошлаго, которая вызвала впослѣдствіи разцвѣтъ новаго творчества. Новая украинская поэзія явилась на извѣстной ступени развитія послѣднимъ откликомъ замиравшей старой поэзіи бандуристовъ и продолженіемъ народной повѣствовательной литературы въ изображеніи настоящаго. Такъ увлеченіе прошлымъ, изученіе родной старины и народной словесности стали съ конца прошлаго вѣка исходнымъ пунктомъ въ развитіи самосознанія украинцевъ. Возвратъ къ старымъ преданіямъ служитъ иногда признакомъ оскудѣнія творчества, а иногда является источникомъ обновленія. Въ Украинѣ собираніе произведеній народной словесности и творческая переработка ихъ и подражаніе имъ были не только послѣднею вспышкою старо-украинскаго патріотизма, но вмѣстѣ и началомъ новой жизни. Украинская литература съ конца прошлаго вѣка постоянно черпала изъ живаго источника *цілющей воды* народной словесности.

Мы видѣли, что Котляревскій примыкалъ въ своихъ произведеніяхъ въ весьма значительной мѣрѣ къ народному творчеству. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ быть названъ однимъ изъ первыхъ южно-русскихъ этнографовъ [3]).

Первыя 15 лѣтъ настоящаго вѣка не произвели въ украинской литературѣ ничего заслуживающаго вниманія; гремѣла лишь слава Энеиды Котляревскаго. Но съ 1816 г. начинается оживленное движеніе, которое должно было привести къ быстрому развитію украинской литературы. Мы упоминали, что въ этомъ году началъ выходить Украинскій Вѣстникъ. Въ 1818 г. авторъ первой грамматики малороссійскаго нарѣчія въ предисловіи къ своему труду

[1]) Мы видѣли у покойнаго проф. А. А. Котляревскаго сборникъ думъ, о которомъ упоминаетъ Костомаровъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Русской Мысли» 1880, № 1, стр. 10; по мнѣнію Костомарова, эти думы записаны, «какъ показываетъ почеркъ, въ концѣ прошлаго или въ началѣ текущаго столѣтія».

[2]) Наклонность къ ней замѣчается и у Котляревскаго.

[3]) «Онъ зналъ наизустъ бездну пословицъ, народныхъ поговорокъ, сказокъ, присказокъ украинскихъ и пѣсень: нѣкоторыя изъ послѣднихъ помѣщалъ въ періодическихъ современныхъ ему изданіяхъ». Стеблинъ-Каменскій, Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ, 11. — «Сохраненіемъ прекрасныхъ памятниковъ поэтической фантазіи южно-русскаго народа обязаны мы тому свѣтлому стремленію къ основательному изученію нравовъ и народнаго быта Украины, которое указалъ Котляревскій многочисленнымъ своимъ преемникамъ»: Ib., 28.

назвалъ это нарѣчіе «исчезающимъ» [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ въ малорусскихъ пѣсняхъ матеріалъ, пригодный для литературной обработки. По его словамъ, эти пѣсни, «всегда почти томны, но скрывающіеся въ нихъ, *особливо для стихотворцовъ интересные*, замыслы, не принужденное выраженіе мыслей, и блистающая всегда какая-то нѣжность и невинность — безподобны» [2]). Въ 1819 г. явилась «Наталка-Полтавка» Котляревскаго, вызванная развитіемъ украинскаго самосознанія, желаніемъ представить вѣрную картину украинскаго быта въ противовѣсъ карикатурному изображенію этого быта у Шаховскаго. Въ томъ же году вышелъ въ свѣтъ «Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней», кн. Цертелева. То былъ важный моментъ въ исторіи новѣйшей украинской литературы. Произведенія Котляревскаго [3]), труды Павловскаго, Цертелева опредѣляли и предуказывали дальнѣйшее направленіе украинской литературы и характеризуютъ побужденія, приводившія къ развитію этой литературы, а также первый источникъ ея — любовь къ родному слову и племени въ его прошлой исторіи и современномъ состояніи и обращеніе къ тщательному изученію народнаго быта и народной словесности. Котляревскій, Павловскій, Цертелевъ выдвинули на видъ тѣ задатки народнаго характера и творчества, которые дотолѣ таились отчасти въ глубинѣ народной души, а отчасти не были отчетливо сознаваемы, а между тѣмъ представляли богатые рудники поэзіи. Эти характерныя черты украинскаго племени, между прочимъ способность къ юмористическому созерцанію жизни и при этомъ глубина чувства, должны были сообщить особый оригинальный отпечатокъ украинскому творчеству.

Въ виду того остановимся подробнѣе на трудахъ Павловскаго и Цертелева.

Павловскій такъ охарактеризовалъ отличительныя свойства

[1]) 20 лѣтъ спустя такъ же думалъ объ украинскомъ нарѣчіи Метлинскій.

[2]) Вм. Предисл. III.

[3]) Оставляемъ въ сторонѣ другія произведенія, явившіяся около того времени на украинскомъ нарѣчіи. Нѣкоторыя изъ нихъ не проникли въ печать. Таковы, «нѣсколько псалмовъ и пѣсенъ на малороссійскомъ языкѣ», доставленныхъ Гнѣдичу Императорскою Россійскою Академіею «для разсмотрѣнія и пополненія оныхъ еще въ 1818 году». Тихановъ, Ник. Ив. Гнѣдичъ, стр. 32. Тамъ же упомянуто, что въ бумагахъ Гнѣдича былъ найденъ «Рукописный Словарь Малороссійскаго языка» и нѣсколько листовъ на буквы *А* и *Б* Словаря малороссійскаго языка, писанныхъ собственною рукою Н. И. Гнѣдича».

украинской поэзіи: «стихи Малороссіянина... отличаются отъ другихъ народовъ, можетъ быть, особенною легкостію, множествомъ и простотою вымысловъ... вымыслы, важнѣйшая часть стихотворенія, у Малороссіянъ занимаются отъ вещей большею частью извѣстныхъ, обыкновенныхъ, по видимому не важныхъ;... вымыслы сіи всегда бываютъ просты, не высоки, не бурны, обильны и для сердца пріятны. Можетъ быть сіе происходитъ отъ того, что *мягкительность*, растворенная съ *веселостью духа*, между характеромъ Малороссіянъ занимаетъ не послѣднее мѣсто» [1]). Въ этихъ словахъ Павловскій отмѣтилъ силу чувства, юморъ, простоту и реализмъ украинской поэзіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Павловскій оттѣнилъ преимущественно пригодность украинскаго нарѣчія для легкой поэзіи и изображенія народной грубости, но указывалъ рядомъ и на возможность иного употребленія этого нарѣчія. «Истину скажу, говоритъ Павловскій, что почти повѣрить не можно, сколь легко на Малороссійскомъ нарѣчіи изъяснять, особливо *простоту и невѣжество*, сколь естественно изображать страсти, и сколь пріятно, шутить». Затѣмъ тутъ-же Павловскій замѣчаетъ: «Нельзя сказать, чтобъ у Малороссіянъ не было сколько нибудь словъ и такихъ, которыми если бы не погнушалася самая Риторика наша, то онѣ, при случаѣ, могли бы придать ей немало важности, силы и хорошаго изображенія вещи» [2]). Павловскій указываетъ далѣе на отзывы «пристрастныхъ къ отчизнѣ своей сочинителей, что языкъ Малороссійскій есть нѣженъ», и приводитъ противоположные факты, указываетъ на «*бранныя* выраженія», которыя «означаютъ твердый характеръ сего народа»; они «ужасное понятіе представляютъ о его характерѣ». Павловскій признаетъ «нѣжность Малороссійскаго народа, но не языка». «Языкъ Малороссіянъ больше или меньше, нѣженъ, или грубъ, мѣстами» [3]). — Одновременно съ характеристикой украинской рѣчи Павловскій предложилъ и образцы литературнаго употребленія ея рядомъ съ историческою пѣснею казацкаго времени. Онъ помѣстилъ при своей грамматикѣ небольшой юмористическій разсказъ объ отъѣздѣ нѣкоего панича въ «Петембурхъ» и о впечатлѣніи, произведенномъ на юношу этимъ городомъ [4]), а также и юмористическое стихотвореніе «Вакула Чмыръ»

[1]) Стр. 23—24.

[2]) Стр. 107.

[3]) Стр. 108—110.

[4]) Подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ исторіи нѣкотораго Малороссіянина» стр. 90—93). Тотъ же мотивъ развитъ подробнѣе въ романѣ Квитки «Панъ

съ русскимъ переводомъ [1]). Это стихотвореніе заключаетъ слишкомъ уже каррикатурное изображеніе пьянаго Чмыра, возвращающагося изъ корчмы и потерявшаго «люльку, чубукъ, губку и тютюнъ зъ гамана». И стихотвореніе и разсказъ подходятъ подъ представленную Павловскимъ характеристику извѣстныхъ ему малороссійскихъ сочиненій: «Всѣ онѣ, кажется, заключаютъ одну шутку, и всѣ онѣ Малороссіянъ представляютъ народомъ грубымъ, ретивымъ, суевѣрнымъ, и слѣдственно незаслуживающимъ почтеннаго мѣста, въ бытоописаніяхъ: но ясно видѣть можно, что въ нихъ, вообще, описывается во всей своей простотѣ Малоросіянинъ такой, до котораго не долетѣлъ еще лучь ни малѣйшаго просвѣщенія, а какой же народъ не былъ грубъ, суевѣръ, варваръ, пока свѣтъ наукъ осіялъ его душу?» [2]). Послѣднее замѣчаніе какъ бы указываетъ на то, что Павловскій надѣялся на подъемъ просвѣщенія и въ средѣ Малороссіянъ. На слѣдующей страницѣ онъ прямо говоритъ: «Просвѣщеніе, до нашихъ временъ въ неподвижномъ почти состояніи въ Малороссіи бывшее, производитъ нынѣ удивительно успѣшныя дѣйствія. Вселенная скоро увидитъ ее членомъ, получившимъ бытіе свое въ одно и тоже мгновеніе вѣковъ со всѣми другими членами великаго тѣла Всероссійской Имперіи» [3]). Можно было ожидать, что получитъ болѣе достоинства и станетъ внушать болѣе уваженія и украинская поэзія, но Павловскій не былъ чуждъ сомнѣній касательно пріема, какой могли встрѣтить малорусскія произведенія [4]).

Въ одинъ годъ съ первой Грамматикой Малороссійскаго языка въ 45-й части «Сына Отечества» 1818 г. появилось разсужденіе «О старинныхъ Малороссійскихъ пѣсняхъ». Авторомъ его былъ одинъ изъ первыхъ нашихъ этнографовъ, занявшихся украинскою поэзіею, кн. Н. А. Цертелевъ. Онъ перепечаталъ свое разсужденіе въ слѣдующемъ году въ «Опытѣ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней». «Издавая произведенія малороссійскаго эпоса, Цертелевъ руководился, по словамъ г. Пыпина, двумя побужденіями — *своимъ мѣстнымъ патріотизмомъ* и первыми неяснными догадками о научной важности изслѣдованія народно-поэтическихъ памятниковъ этого рода» [1]). Эти побужденія выступаютъ вполнѣ ясно и въ эпиграфѣ книжечки Цертелева [2]) и въ «Разсужденіи о старинныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ». Изъ этого разсужденія видно, что издателя увлекало «любопытство касательно протекшаго». Не надѣясь найти другую Иліаду, онъ тѣмъ не менѣе «не сомнѣвался въ томъ, что пѣсни сохраняемыя столь долгое время народнымъ преданіемъ могутъ остановить на себѣ внимательный взоръ наблюдателя». Цертелеву нравилось отраженіе въ собираемыхъ имъ пѣсняхъ «піитическаго генія народа», «та чистая нравственность, которою всегда отличались Малороссіяне и которую тщательно сохраняютъ по сіе время, какъ единственное наслѣдіе предковъ своихъ, уцѣлѣвшее отъ жадности народовъ ихъ окружавшихъ»! Собирателя плѣняли «сила чувствованій и красота изображеній». Онъ заявлялъ, что «нарѣчіе Малороссійское, бывшее нѣкогда, такъ сказать, языкомъ *отдѣльнымъ* и господствующимъ въ южныхъ странахъ отечества нашего, не менѣе другихъ языковъ способно къ поэзіи... Вообще въ пѣсняхъ Малороссійскихъ все просто и благородно... Прекрасныя Оссіяновы описанія бури едвали заключаютъ въ себѣ болѣе живости и вѣрности... Малороссійская поэзія чувствами исполнена. Вообще проглядываетъ въ оной тихое уныніе, повсюду сопутствующее поэту... Сочинитель конечно не имѣлъ никакого понятія о правилахъ поэзіи; не зналъ ни Горація, ни Буало, ни Батте, ни Ешенбурга — но природа, щедрая къ любимцамъ своимъ, внушила ему сіи счастливыя выраженія... Какое чувство и живость воображенія. Читая мѣсто сіе невольно воспоминаю трогательную разлуку Гектора съ Андромахой. Малороссійскій сочинитель безъ сомнѣнія не читывалъ Иліады и не слыхалъ о Гомерѣ; но законы природы общи и неизмѣнны». Въ виду всѣхъ этихъ выраженій нельзя не согласиться съ Пыпинымъ [3]), что «на первый разъ вниманіе къ народной поэзіи было результатомъ простой любви къ своей мѣстной народности».

Халявскій»: нѣкоторую аналогію ему представляетъ и одинъ изъ разсказовъ Стороженка.

[1]) Стр. 93—106.

[2]) Стр. 111—112.

[3]) Стр. 113.

[4]) Въ примѣчаніи на стр. 111 Павловскій говоритъ: «Естьли бы я былъ увѣренъ, что Публика не сочтетъ мой трудъ излишнимъ; то я охотно бы рѣшился собрать сколько можно Малороссійскихъ сочиненій, и оныя напечатать».

[1]) Вѣстникъ Европы, августъ 1885, стр. 755.

[2]) Онъ заимствованъ изъ трагедіи «Пожарскій» и гласитъ:

И гробы праотцовъ, обычай ихъ простой,
И стѣны, камни, все, и даже самый дымъ
Жилищъ отеческихъ, я сердцу чту святымъ.

[3]) В. Евр. авг. 1885, стр. 756.

Цертелевъ началъ интересоваться народными украинскими пѣснями съ 1814 г.[1]). Записавъ на первый разъ шесть думъ, онъ присоединилъ къ нимъ потомъ еще четыре пѣсни. Онъ принялся углубляться въ изученіе народной поэзіи и тѣхъ вопросовъ, которые соприкасались съ занимавшими его пѣснями. Онъ помѣстилъ въ «Сынѣ Отечества» «Замѣчанія на вторую часть опыта г. Востокова о русскомъ стихосложеніи»[2]). И по напечатаніи своего сборника Цертелевъ продолжалъ заниматься старинною русскою поэзіею, и идеи его среди этихъ занятій и болѣе широкаго изученія достигали все большей и большей зрѣлости.

Повидимому Цертелевъ написалъ рецензію на грамматику Павловскаго, отвѣтная брошюра котораго вышла въ 1822 г.[3]). Въ томъ же «Сынѣ Отечества», въ которомъ была помѣщена рецензія на «Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней»[4]). Цертелевъ напечаталъ статьи: «Взглядъ на старинныя русскія сказки и пѣсни»[5]), «О произведеніяхъ древней русской поэзіи»[6]), «О стихосложеніи старинныхъ русскихъ пѣсенъ»[7]).

Мало по малу Цертелевъ примкнулъ къ общему движенію славянскаго возрожденія. Онъ обратилъ вниманіе на изданія древнихъ памятниковъ словесности и народныхъ пѣсенъ славянскихъ народностей, начавшія выходить съ 1815 г. (годъ появленія собранія сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича). Въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1824 г.[8]) Цертелевъ помѣстилъ замѣтку о «Slavanské národní písne», изданныхъ въ Прагѣ Челяковскимъ. Цертелевъ перепечаталъ текстъ восьми пѣсенъ на различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и приложилъ къ тексту русскій переводъ; по поводу же малорусскихъ пѣсенъ, вошедшихъ въ чешскій сборникъ, рецензентъ замѣтилъ: «Странно, что отдѣленіе сіе столь бѣдно тогда, когда оно могло быть однимъ изъ богатѣйшихъ, ибо ни одно можетъ быть изъ нарѣчій языка Славянскаго не имѣетъ столько разнообразныхъ прелестныхъ стихотвореній, какъ нарѣчіе Малороссійское». — Заключилъ свою статейку Цертелевъ слѣдующимъ увѣщаніемъ: «Весьма желательно, чтобы сей примѣръ нашелъ себѣ послѣдователей между нашими соотечественниками. Намъ Русскимъ, старшимъ потомкамъ Славянъ, стыдно уступить въ любви къ народной славѣ Сербамъ и Богемцамъ, стыдно не заботиться о памятникахъ слова дѣдовъ нашихъ и имѣя еще возможность передать внукамъ и правнукамъ своимъ духъ народной поэзіи, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе умирающій, совершенно не радѣть о томъ».

Эти позднѣйшіе взгляды Цертелева изложены весьма отчетливо въ письмѣ его къ Максимовичу, помѣщенномъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1827 г.[1]). Здѣсь Цертелевъ также указываетъ на отсталость Россіи въ изученіи произведеній народной поэзіи («одни мы изъ просвѣщенныхъ европейцевъ остаемся равнодушны къ сему предмету»), жалуется на пристрастіе къ «заморскимъ сказкамъ» и невниманіе къ «роднымъ пѣснямъ и преданіямъ». Особаго вниманія заслуживаетъ упоминаніе о важномъ значеніи народной поэзіи для литературы: «знаете ли, что сію безъискусственную поэзію предпочитаю я большей части нашихъ романовъ, балладъ и (слушайте! слушайте!) даже многимъ романтическимъ нашимъ поэмамъ... Скажу смѣло, что тотъ, кто хочетъ быть хорошимъ отечественнымъ писателемъ и въ особенности отечественнымъ поэтомъ; кто хочетъ дать, если можно такъ выразиться, народный колоритъ своимъ произведеніямъ, тотъ не долженъ считать бездѣлкою отечественныя преданія и пѣсни, но обязанъ вслушиваться въ нихъ сколько можно болѣе; ибо сіи бѣдные памятники... сохраняютъ еще многія черты той оригинальности, которая отличаетъ поэзію одного народа отъ поэзіи другаго». Затѣмъ Цертелевъ говоритъ о томъ же, о чемъ говорилось и въ польской литературѣ того времени, о необходимости народности въ отечественной литературѣ. Народность эта возможна и при воспи-

[1]) Вѣстникъ Европы 1827, № 12, стр. 275. «Малороссіяне охотливы до пѣсень. Кто изъ живущихъ въ Украйнѣ не знаетъ ихъ веснянокъ, щедровокъ, колядовокъ и проч.; кто не слыхалъ ихъ серенадъ, извѣстныхъ подъ названіемъ улицъ? Они имѣютъ даже своихъ рапсодовъ, большею частью несчастныхъ, лишенныхъ зрѣнія. Въ 1814-мъ году слышалъ я двухъ таковыхъ слѣпцовъ, и одинъ изъ нихъ удивилъ меня». Затѣмъ Цертелевъ разсказываетъ объ удачной импровизаціи этимъ слѣпымъ «хвалы одному почтенному вельможѣ». Ср. «Опытъ» стр. 1: «Года за четыре предъ симъ, находясь долгое время въ Полтавской Губерніи, здѣлалъ я небольшой опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней».

[2]) Ч. 49 (1818).

[3]) Она извѣстна намъ изъ ст. г. Пыпина въ апр. кн. Вѣстн. Евр. 1886 стр. 746.

[4]) 1820, ч. 60. Зам. Е. Т—ія.

[5]) 1820, ч. 59 и 60.

[6]) 1820, ч. 63.

[7]) Письмо къ Остолопову. 1820, ч. 63.

[8]) № 2, Смѣсь, стр. 102—112.

[1]) Іюнь, № 12, стр. 270—277.

щеніи иноземными произведеніями; «но зачѣмъ быть рабами ихъ? Не лучше ли учиться по тѣмъ книгамъ, по которымъ они сами учились: а етѣ книги имѣетъ каждой: ето Природа, сердце писателя и его отечество». Важно было слѣдующее замѣчаніе Цертелева: «не только отечественные нравы и обычаи, не только характеры и происшествія, но самая мѣстность, даже языкъ и особенности его, сильно дѣйствуютъ на душу читателя.»

Изложенная статья Цертелева показываетъ, что онъ проникался все болѣе и болѣе воздѣйствіемъ романтическаго движенія и примыкалъ къ сознательно выработанной программѣ народности. Во имя народности Цертелевъ требовалъ вниманія литераторовъ къ народной поэзіи, изученія родной природы, нравовъ и характеровъ своего народа и его языка. Этому призыву и подобнымъ и послѣдовали украинскіе литераторы съ конца двадцатыхъ годовъ настоящаго вѣка. Съ того времени украинскіе литераторы стали этнографами подобно Котляревскому и примыкали къ романтическому увлеченію народностью. Въ такомъ направленіи трудились Квитка и выдающіеся дѣятели молодаго поколѣнія Бодянскій, Срезневскій и выступившіе нѣсколько позже Могила (Метлинскій) и Галка (Костомаровъ). Ближайшимъ преемникомъ Цертелева на поприщѣ украинской этнографіи явился Максимовичъ[1]).

Итакъ любовь къ народности вызвала первые опыты украинской этнографіи и она же, сливаясь постепенно съ романтическимъ движеніемъ и почерпая нѣкоторое вдохновеніе въ идеяхъ славянскаго возрожденія, привела къ развитію украинской литературы въ новѣйшее время. Эта литература явилась однимъ изъ яркихъ выраженій стремленія къ народности, охватившаго всѣ славянскія и другія племена Европы и вдохнувшаго новую жизнь въ старое украинское творчество.

Любви къ народности принадлежало первостепенное значеніе въ исторіи украинской литературы какъ стараго, такъ и новаго времени. На сколько можетъ оказаться производительной при первой возможности эта жизненная сила, таящаяся въ самомъ народѣ, показываетъ галицкое литературное возрожденіе 30-хъ и 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Наблюденія надъ исторіей этого возрожденія могутъ привести къ весьма интереснымъ соображеніямъ

[1]) Уже въ «Московскомъ Вѣстникѣ» были помѣщены нѣкоторыя изъ малороссійскихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ: см. ч. 2, № 8, стр. 315 и примѣч. на стр. 419; ч. 3, № 12, стр. 316.

при рѣшеніи занимающаго насъ здѣсь вопроса и уясняютъ до извѣстной степени развитіе новѣйшей украинской литературы. Потому мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько на обстоятельствахъ возникновенія новѣйшей галицко-русской литературы.

Появленіе и постепенное разростаніе этой литературы заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что нить литературнаго развитія въ томъ краѣ была почти совершенно прервана съ довольно давняго времени. Галичина была оторвана отъ остальныхъ русскихъ земель уже въ половинѣ XIV в. Въ XVI в. она дала нѣсколькихъ славныхъ дѣятелей польской литературѣ, именно Рея и Орѣховскаго, матери которыхъ были русскія. Города Червонной Руси въ XVI в. и въ первой половинѣ XVII в. были мѣстомъ оживленнаго умственнаго и литературнаго движенія, между тѣмъ какъ въ Малой Польшѣ въ то время являлись лишь второстепенные дѣятели. Прекрасная природа и дѣятельная жизнь Червонной Руси благотворно вліяли на развитіе талантовъ людей, прибывавшихъ туда изъ другихъ мѣстностей. Одновременно началась во Львовѣ и оживленная дѣятельность русскихъ патріотовъ; видныхъ проявленіемъ ея были труды тамошняго Ставропигійскаго братства.

Со времени окончательнаго водворенія уніи въ Галичинѣ это братство не могло уже противодѣйствовать ополяченію края.

Какъ извѣстно, раздѣлъ Польши привелъ къ переходу Галичины подъ власть Австріи. Отношеніе австрійскаго правительства къ русской народности Галичины измѣнялось примѣнительно къ тому или иному пониманію интересовъ австрійской власти въ томъ краѣ. Весьма долго оно не благопріятствовало развитію русскаго просвѣщенія и литературы. Въ началѣ XIX в. русскій языкъ былъ вытѣсненъ изъ университета, и австрійское правительство игнорировало русскую народность въ Галичинѣ. При учрежденіи школъ въ 1817 г. преподаваніе русскаго языка не было включено въ ихъ программу и языкомъ преподаванія въ правительственныхъ школахъ былъ признанъ въ 1818 году польскій языкъ. Отъ 1796 до 1808 г. въ Галичинѣ не вышло ни одной русской книги. Польскій языкъ былъ въ ходу даже въ средѣ галицко-русскаго духовенства, которое долго было единственнымъ защитникомъ идеи русской народности. Лучшіе представители духовенства не отрѣшались отъ заботъ о просвѣщеніи своего народа[1]), но, стараясь распростра-

[1]) Въ 1816 г. въ Перемышлѣ было основано духовенствомъ товарищество «для выдаванія катехитичныхъ и гомелитичныхъ *книгъ для народа*, для обра-

нить знакомство съ церковно-славянскимъ языкомъ, они не заботились о развитіи литературы на народномъ языкѣ. Проповѣди говорились на польскомъ языкѣ [1]), книги печатались на церковно-славянскомъ языкѣ, а книги, напечатанныя въ Россіи, были крайне рѣдки въ Галичинѣ. Народность, пребывавшая въ утѣсненіи много вѣковъ, обнаруживала лишь слабые признаки жизни. Даже въ началѣ 40-хъ годовъ, говоритъ Я. Ѳ. Головацкій, «было преступленіемъ заниматись славянскою литературою и читати славянскія книги. Наша литературная дѣятельность была въ глазахъ полиціи преступною. Директоръ полиціи Пайманъ сказалъ прямо по поводу изданія «Русалки»: Wir haben mit den Polen vollauf zu schaffen, und diese Tollköpfe wollen noch die todtbegrabene ruthenische Nationalität aufwecken» [2]).

Но уже въ 20-хъ годахъ и въ Галичинѣ начало проноситься вѣяніе, увлекавшее все болѣе и болѣе къ изученію родной народности и къ поднятію ея. При этомъ увлеченіе роднымъ языкомъ

зованія обычаевъ и ширенія правдъ вѣры христіанской». Въ 1818 г. былъ учрежденъ «Институтъ для дяковъ и учителовъ для школъ народныхъ». Были издаваемы книги для народныхъ школъ.

[1]) Н. Л. Устіяновичъ говоритъ въ своей автобіографіи: «Моя юность совпадала со временами тихой, безропотной, но на диволядъ успѣшной полонизаціи не только всей интелигенціи изъ коренно-русского роду, но и всего, что на себе сюртукъ навлекало. Почти нигдѣ не слышалось русское слово въ домахъ нашего священства, и почти нигдѣ церковной науки въ народномъ языцѣ. Около 1830 г. дошло то направленіе своей кульминаціонной точки». Литературный сборникъ, издаваемый галицко-русскою матицею подъ ред. Б. Дѣдицкаго, 1885, вып. I, стр. 42. По словамъ Я. Ѳ. Головацкаго, ни его «отецъ, ни дякъ не умѣли писати русскою скорописью». «Въ то время почти никто изъ священниковъ не зналъ русской скорописи». Ib., вып. II и III, 134 и 132. О священникахъ, начавшихъ произносить проповѣди на русскомъ языкѣ, см. въ Лит. сборн. 1886, стр. 114.

[2]) Лит. сбор., изд. гал.-русск. матицею, вып. I, 37. — О состояніи просвѣщенія русской народности въ Галичинѣ подъ владычествомъ Австріи до 20-хъ годовъ настоящаго вѣка см. у Головацкаго — «Первое движеніе Русиновъ»; Jan Lewicki, Ruch Rusinow w Galicji w pierwszej polowie wieku panowania Austrji (1772—1820), We Lw. 1879; И. Онишкевича Руска бібліотека. Томъ третій, выданый «Академичнымъ Братствомъ». У Львовѣ, 1884. Здѣсь важно «введенье», написанное Коцовскимъ. См. еще О. Огоновскаго Исторія литературы рускои, періодъ новый — въ «Зорѣ» 1887, № 1 и слѣд. и въ отдѣльномъ оттискѣ. Ср. ст. М. Т—ова: «Русскіе въ Галиціи» — въ «Вѣсти. Евр.» 1873, янв. Въ статьяхъ Огоновскаго и Коцовскаго представленъ также обстоятельный очеркъ возникновенія народной галицко-русской литературы съ 20-хъ годовъ.

и русскою народною словесностью являлось однимъ изъ первыхъ двигательныхъ началъ возрожденія русской народности. Оно сообщалось отчасти извнѣ и находило весьма воспріимчивую почву въ молодежи, бросавшейся съ энтузіазмомъ на встрѣчу свѣжему вѣянію обновленія. Начали появляться въ печати народныя русскія пѣсни [1]), которыя были и помимо того въ уваженіи въ образованныхъ русскихъ и польскихъ семействахъ [2]). Пылкіе и болѣе даровитые юноши выносили изъ родныхъ деревень горячую любовь къ народной пѣснѣ. Объ этомъ сохранился цѣлый рядъ весьма интересныхъ свидѣтельствъ. Не останавливаясь на данныхъ этого рода въ біографіи Качковскаго [3]), на котораго повліялъ въ этомъ отношеніи и сборникъ Максимовича [4]), мы приведемъ воспоминанія другихъ выдающихся дѣятелей галицко-русскаго возрожденія. Іосифъ Лозинскій, «пріѣзжая изъ школъ до дому на праздникъ пасхи и приглядаясь забавамъ сельской молодежи на гаилкахъ, полюбилъ игры и пѣсни людовыи, а по укончепыхъ студіяхъ пребывая при родичахъ, почалъ ихъ списывати, которыи потомъ въ книзѣ «Зоря Галицкая, яко Альбумъ на г. 1860» печатаны были». «Пѣсни рускіи о *Гришю*, о *Козаку и Дзюбѣ*, печатаныи въ мѣсяцословѣ: Pielgrzym lwowski г. 1831, а позднѣйшіи Pieśnie polskie i ruskie Wacława z Oleska изъ г. 1833 разбудили во мнѣ охоту собирати пѣсни руско-народныи...» «Я собиралъ дома отъ невѣстъ, которыи гдѣ-якіи чины весѣльныи въ селѣ часто занимали, обряды и пѣсни весѣльныи, а корыстаючи до того изъ нѣкоторыхъ дѣлъ польскихъ, списалъ я *Русское весьлье* и подалъ оное разомъ и съ моею грамматикою до цензуры.... Тогда по русски еще никто ничого не написалъ, и лишь Іос. Левицкій нѣкоторыи стихи началъ складати. А понеже русскіи пѣсни, въ польскихъ книгахъ и часописохъ печатаныи (Pielgrzym lwowski, Rozmaitosci, Lud polski 1830, Pieśni polskie i ruskie), дуже Русинамъ подобались и любовь своего языка розбудили; понеже Вацлавъ изъ Олеска въ реченныхъ пѣсняхъ а Копитарь въ журналѣ «Oesterreichischer Beobachter» совѣтовали, дабы Русины буквами латинскими писали: то почалъ я надъ

---

[1]) О нихъ см. ниже и въ слѣдующей главѣ.

[2]) Руска библ., т. III, стр. XVII. Ср. въ автобіографіи Я. Ѳ. Головацкаго: «Въ то время и поляки говорили иногда по русски и не чуждались пѣти русскіи пѣсни, даже московскіи». Лит. сборн. 1885, 132.

[3]) Дѣдицкій, Михаилъ Качковскій и современная галицко-русская литература. Ч. 1, Львъ. 1876, стр. 28, 30, 58; см. еще на стр. 57 объ Ильницкомъ.

[4]) Ib., 59.

тѣмъ застановлятися, чи бы не корыстнѣйше для насъ было того совѣта послухати?» Статья Лозинскаго, доказывавшая необходимость введенія латинскаго алфавита въ галицко-русскую письменность, возбудила полемику «и по той статьи Русины якъ-бы изъ сна обудились и до своего самосознанія приходили... И я видя, что критики не опровергли достаточно моихъ доказательствъ, напечаталъ «Русское весѣлье» буквами латинскими въ Перемышли 1834 г. которого то года и Іос. Левицкій свою граматику выдалъ» [1]).

Вагилевичъ писалъ въ 1843 г. къ Погодину: «быть можетъ, что величественная, древняя поэзія колядъ со своимъ особенчымъ чудеснымъ міромъ, разсвѣтивъ мое изображеніе, пробудила мою душу изъ просонковъ. Даже быть можетъ, что она мнѣ дала перо въ руки. Прежде всѣхъ я собралъ для своей любопытности въ Ясенѣ (стрыйск. окр.), мѣстѣ моего рожденія, 15 колядныхъ пѣсень, которыя мнѣ пѣлъ поселянинъ Гаврило Флёка. Было это 1834 г.— мои друзья приняли пѣсни эти колядныя съ наибольшимъ восторгомъ. Нѣсколько изъ нихъ печатано въ Русалцѣ днѣстровой, въ Будимѣ 1837 г... 1838 г. я имѣлъ счастіе возбудить моихъ знакомцевъ, большей частью сполуучевниковъ, до собранія колядныхъ пѣсень... Я послалъ нѣсколько десятковъ колядныхъ пѣсень гг. П. І. Шафарику, П. В. Кирѣевскому и П. А. Лукашевичу; а отъ мене г. Я. Ѳ. Головацкій г. В. А. Мацѣёвскому. И всѣ эти ученые согласились, что колядныя пѣсни неоцѣненны. Тогда также я имѣлъ счастіе, какъ послушатель послѣдняго года с. богословія, назвать г. И. П. Бѣрецкаго своимъ другомъ, ибо онъ пламенной душой объялъ все, что есть славянское, особенно страну поэтическую, гордился изъ имени быть южноруссомъ, и самъ имѣлъ значительный сборникъ народныхъ пѣсень». Приведенное сообщеніе Вагилевича о собираніи имъ колядокъ показываетъ, какъ увлекался народною поэзіею и этотъ видный дѣятель галицко-русскаго возрожденія, одинъ изъ «русской тройцы», положившей начало новѣйшей галицко-русской литературѣ.

Наиболѣе увлеченія народною галицко-русскою поэзіею выказалъ и наиболѣе потрудился въ собираніи произведеній ея второй членъ этой троицы Я. Ѳ. Головацкій. Составленныя имъ воспоминанія о первыхъ годахъ его дѣятельности представляютъ весьма цѣнный и интересный матеріалъ для исторіи галицко-русскаго возрожденія. Мы извлечемъ здѣсь изъ записокъ г. Головацкаго то,

[1]) Литер. сборн. 1885, стр. 114, 116—117.

что относится къ увлеченію и занятіямъ народною поэзіею въ Галичинѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія.— Г. Головацкій съ самаго дѣтства знакомился съ колыбельными и другими пѣснями, со сказками и байками. «Въ навечеріе Богоявленія дѣвки пѣли подъ окнами щедрóвки, говоритъ онъ. То было для мене чѣмъ-то очаровательнымъ, когда по очереди начали щедровку для мене. На радости я требовалъ, чтобы мнѣ еще повторили: *Нашъ паниченько перебрниченько, коники перебирае, Ой дзвóнъ дзвонитъ, мѣсяцъ сходитъ, Нашъ паниченько на конику грае*, и пр. [1]). «Пѣсни приходилось слушать и въ гостяхъ. Г. Головацкій вспоминаетъ о поѣздкѣ съ отцомъ «на крестины къ лѣсничему Лабенцкому, также Русину. Собраніе гостей было большое, были всѣ ляхи (помѣщичьи управляющіи, писари, экономы), знакомыи и незнакомыи. Подчивали гостей порядочно. Послѣ всѣ начали пѣти хоромъ; между польскими пѣснями: «Pojedziemy na łów» etc., пѣли и по русски: *«Дай намъ, Боже, добрый часъ; Посьявъ человѣкъ ячмень, Съмъ день молотила.* Въ то время и поляки говорили иногда по русски и не чуждались пѣти русскіи пѣсни, даже московскіи. Я запамяталъ всѣ пѣсни и повторялъ ихъ напизустъ» [2]). Во Львовѣ г. Головацкій, когда ему не было еще 10 лѣтъ (до 1825 г.), заслушивался, какъ пѣли народныя пѣсни жившіе съ нимъ въ одной квартирѣ «сыны священника, четыре братья Децыкевичи, и селянскій сынъ Бонцкій. Они имѣли хорошіе голосы и любили пѣти хоромъ.... Большею частью пѣли народныя пѣсни: *Дай намъ, Боже, добрый часъ; Станьмо, братья въ коло; Не ходи, Грицю; Ой погнала дѣвчинонька янятонька въ поле* и др. Я запамяталъ текстъ и мотивъ и записалъ себѣ десятокъ пѣсень въ тетрадку, конечно, польскими буквами. То былъ мой *первый сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень*» [3]). Поступивъ въ высшіе классы гимназіи, Головацкій заинтересовался разсказами мазуровъ, *гораловъ* изъ-подъ Татровъ объ ихъ родинѣ, а также о славянскихъ народностяхъ Венгріи. Эти разсказы возбудили въ юношѣ «желаніе познакомитись съ славянскими нарѣчіями и бытомъ Славянъ. Ученики и студенты того времени любили пѣть пѣсни. И такъ между Мазурами я узналъ мелодіи и пѣсни: Мазуровъ, Гораловъ, даже словацкіи и чешскіи пѣсни, а съ своими Русинами мы составили подобранный пѣвческій хоръ....

[1]) Литер. сборн. 1885, 131.
[2]) Ib., 132.
[3]) Ib., 134—135.

У себе дома и на загородныхъ гуляньяхъ мы пѣли исключительно галицко-русскія пѣсни, иногда московскія, такъ якъ мы чувствовали себе Русинами, которымъ не слѣдуетъ пѣти ляцкія или нѣмецкія пѣсни» [1]). Интересно также что уже въ этотъ періодъ своей жизни Головацкій, если только память не измѣнила ему, началъ чувствовать инстинктивную любовь ко всей русской землѣ. «Изъ-подъ Зборовскаго лѣса, говоритъ онъ, открывался великолѣпный видъ на волнующіяся житомъ или бѣлѣющія гречкою поля, а далѣе виднѣлись вершины Подкаменецкой горы, а за нею дальше макушка Почаевской лавры. То граница Галицкой Руси, а тамъ неизмѣримый пространства за-кордонной Руси. Съ раннихъ лѣтъ стремились туда мои завѣтныя думы, и духъ располагался къ мечтательности, душа стремилась куда-то въ дальнюю даль, можетъ быти, предчувствуя свою судьбу» [2]). Учась въ гимназіи, Головацкій началъ знакомиться съ нѣкоторыми русскими книгами и произведеніями украинской литературы: на деньги, которыя онъ получалъ въ подарокъ отъ *дѣдуня*, онъ «покупалъ себѣ книжки, съ начала польскія и нѣмецкія, а потомъ Котляревскаго, Державина, Основяненка и др. У дѣда Якимовича, говоритъ онъ, я найшолъ *Павѣсонъ* Карамзина, который кто-то изъ квартировавшихъ въ 1809 г. русскихъ офицеровъ оставилъ ему на память. Онъ подарилъ мнѣ тую книгу; я читалъ ею прилѣжно, хотя не все могъ понять.—Первая русская книга досталась мнѣ еще раньше отъ дьяка Домбровскаго, *русскій букварь* (безъ заглавія и безъ конца), въ которомъ находились молитвы и короткая ариѳметика» [3]). Окончивъ курсъ гимназіи въ 1831—2 году и поступивъ въ Львовскій университетъ, Головацкій «читалъ книги, посѣщалъ библіотеки, но читалъ уже съ большимъ разборомъ книги, касающіяся исторіи и языкознанія, преимущественно русскаго и славянскаго. Не легко, говоритъ г. Головацкій, давалась мнѣ та наука русского языка, безъ руководителя. По собственному влеченію я дѣлалъ себѣ выписки и извлеченія изъ всякихъ книгъ и изучалъ единственную находящуюся въ университетской библіотецѣ нѣмецко-русскую грамматику Гейма и переписалъ весь «Сборникъ Малороссійскихъ пѣсень» Максимовича (съ 1827 г.), нѣкоторыи пѣсни Кирши Даниловича (изд. 1818 г.) изъ имѣвшихся въ

[1]) Ib., 138—139.

[2]) Ibid , 128—129.

[3]) Ibid., 137. Упоминаніе объ Основьяненкѣ возбуждаетъ сомнѣніе въ виду того, что до 30-хъ годовъ повѣсти Квитки не появлялись. Ср. стр. 11 Литер. Сборн. того-же года.

библіотецѣ Оссолинскихъ ексемпляровъ, прежде въ черновую тетрадку, а потомъ дома переписывалъ на чисто. Между тѣмъ мой сборникъ русско-народныхъ пѣсень постоянно увеличивался» [1]).

Въ Львовскомъ университетѣ въ началѣ 30-хъ годовъ познакомились другъ съ другомъ и сблизились начинатели галицко-русскаго литературнаго возрожденія, «осмѣлившіися сдѣлати проломъ въ Метерниховской системѣ правленія, подавляющей и самое святѣйшее, но новое и небывалое движеніе въ «подданствѣ изъ Божей воли», а вмѣстѣ проломъ въ извѣстномъ консерватизмѣ Галичанъ русскихъ, находящихся на стокахъ въ направленіи прямомъ до народной погибели» [2]). Эти начинатели составили знаменитую «русскую тройцу». Два члена ея—Вагилевичъ и г. Головацкій—уже названы. Остается сказать о третьемъ — Маркіанѣ Шашкевичѣ, котораго г. Головацкій называетъ «зорничкою розсвѣту» и о которомъ восторженно отзываются всѣ близко знавшіе его. Современные галичане вспоминаютъ имя его съ глубокою благодарностью [3]). По всему видно, своими трудами, обаяніемъ своей личности и своимъ воодушевленіемъ, онъ выдавался изъ ряда молодежи, проникшейся горячею любовью къ родному народу и стремившейся поднять просвѣщеніе его и самосознаніе. Вотъ какъ г. Головацкій вспоминаетъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Шашкевичемъ. «Слушатель II года философіи (физики) Маркіанъ Шашкевичъ, который въ свою очередь занимался языкомъ и исторіею Руси, замѣтилъ, въ якомъ направленіи я читаю книги и дѣлаю эксцерпты; онъ сблизился со мною, прямодушно открылъ свои думы, сказавъ, что онъ Русинъ, и заявилъ рѣшительно, что намъ молодымъ Русинамъ нужно соединитись въ кружокъ, упражнятись въ славянскомъ и русскомъ языкахъ, вводити въ русскихъ кругахъ разговорный русскій языкъ, подняти духъ народный, образовати народъ и, противуборствуя полонизму, воскресити русскую письменность въ Галичинѣ. Я пришолъ въ восторгъ отъ такого предложенія, о которомъ я позволялъ себѣ только грустно желати» [4]).

[1]) Литерат. Сборн. 1885, стр. 10—11.

[2]) Ibid. 43.

[3]) О Маркіанѣ Шашкевичѣ см. брошюры: В. Коцовскаго — Жите и значене Маркіана Шашкевича и въ додатку матеріалы и замѣтки до генезы русско-народнаго одрожденя въ Галичинѣ, Льв. 1886; О. Огоновскаго — Маркіянъ Шашкевичъ. Про его жите и письма. Читанка для селянъ и мѣщанъ. У Львовѣ. Накладомъ Товариства Просвѣты. 1886.

[4]) Литер. Сборн. 1885, стр. 11.

Справедливо замѣтилъ г. Пыпинъ, что «въ изученіи и реставраціи народнаго типа заключается главнѣйшее основаніе для галицко-русскаго возрожденія, и этимъ объясняются достигнутые доселѣ успѣхи» [1]). Девизомъ молодежи, во главѣ которой стоялъ М. Шашкевичъ, было какъ бы изреченіе: «познай себе, полюби свое» [2]). Глубокимъ откликомъ въ сердцахъ долженъ былъ быть встрѣченъ призывъ Шашкевича:

Руська мати насъ родила,
Руська мати насъ повила,
Руська мати насъ любила:
Чомужь мова ей не мила?
Чомъ ся невъ стыдати маемъ?
Чомъ чужую полюбляемъ?

М. Шашкевичъ былъ душою кружка молодежи, обратившейся къ изученію родной рѣчи, родной словесности и исторіи. Онъ не только внушалъ патріотическій энтузіазмъ, но и подавалъ примѣръ. Онъ достигъ основательнаго образованія, хорошо ознакомился со славянскими литературами и исполнился широкаго интереса ко всему славянству. Онъ слѣдилъ со вниманіемъ за развитіемъ украинской литературы, съ восторгомъ привѣтствовалъ альманахъ Гребенки *Ластовку* [3]) и восхищался произведеніями Квитки [4]). Подобно другимъ дѣятелямъ галицко-русскаго возрожденія и Шашкевичъ увлекался украинскими и галицко-русскими пѣснями [5]). Въ старинѣ онъ

[1]) Вѣстн. Европы 1886, № 2, «Малорусско-польскія отношенія», стр. 742.

[2]) Дѣдицкій, Мих. Качковскій, стр. 57. Девизомъ подъ которымъ Я. Ѳ. Головацкій вписалъ свое имя въ «Русскую Зорю», было изреченіе: Γνῶθι σεαυτόν, пѳзнай себе, буде зъ тебе».

[3]) Руска библіотека III, 61.

[4]) Ib. 62. Шашкевичъ ознакомился также съ грамматикой Павловскаго, пѣснями Максимовича и Энеидой Котляревскаго.

[5]) Дума «Побратимови — посылаючи ему пѣсни украински» начинается словами:

Отъ такъ, Николаю, вкрански ѳрлята
И веселятъ душу и серце загрѣваютъ;
Отъ такъ, Николаю, руски соколята
То въ голосъ, то съ тиха матери спѣваютъ.
Ажь мило згадати, якъ то серце вьетъ ся,
Коли зъ Украины руская пѣсенька
Такъ мило, солодко вколо серца вьетъ ся....

видѣлъ «незвядаему красоту передвѣчну». Для неизданнаго альманаха «Зоря» Шашкевичъ приготовлялъ біографію Богдана Хмѣльницкаго и, повидимому, интересовался исторіею козачества.

Свою дѣятельность въ сферѣ поэзіи Шашкевичъ началъ стихотвореніями на польскомъ языкѣ [1]), но вскорѣ началъ писать на языкѣ своего народа. Въ 1835 г. онъ напечаталъ стихотвореніе на этомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Голосъ Галичанъ», которое произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на читателей красотою и народностью рѣчи; по словамъ Устіяновича, этотъ стишокъ «здѣлавъ совершенну перемѣну на земли Галича, онъ-казавъ-бымь збудивъ Русь ѳдъ глубокого сну». Стихотворенія Шашкевича обнаруживаютъ вліяніе Могилы [2]), Падурры [3]), искусственныхъ украинскихъ пѣсенъ [4]) и народныхъ мотивовъ [5]). Шашкевичъ перевелъ также отрывокъ изъ «Каневскаго замка» и изъ Краледворской рукописи.

Не будемъ останавливаться на дѣятельности кружка Шашкевича, Головацкаго и Вагилевича, на ихъ желаніи «имѣти національный сборникъ въ родѣ Максимовича», на ихъ мысли «издати русскій альманахъ подъ названіемъ «Зоря», въ которомъ были бы помѣщены народныя пѣсни, сочиненія стихами и прозою, памятники прежней народной поэзіи и переводы» [6]). Не станемъ касаться выполненія рѣшенія «идти между народъ, изслѣдовати на мѣстѣ, собрати изъ его собственныхъ устъ пѣсни, которыхъ народъ хранитъ въ памяти тысячи, записывати его пословицы и поговорки,

Русск. Библіот. III, 3. Ср. въ стихотв. «Moje niebo» (ib., 31—32) и въ письмѣ къ Васылевскому: «czasem mimowolnie zahomoniły usta moje nutę dziko—płaczącą, najczęściej strojem dumki ruskiej, bo ja ją tak lubię, jak ziélka rosę» (ib. 63).

[1]) Русск. Библ. III, 180.

[2]) Оно замѣтно въ особенности въ «Думѣ» (ib. стр. 3; ср. стр. 61):

..... буйный вѣтеръ повине,
Гостинець вже ишшій, отъ вже думку несе.
Несе й каже: сю нѳчь степами гулявъ я,
Нагулявшись до воли, по могилахъ лягавъ я,
Буцѣмъ то спочити — а то пѳслухати,
Якъ то стара бувальщина буде размовляти....

[3]) Подражаніе Падуррѣ находимъ въ «Болеславѣ Кривоустомъ» (ib. 26).

[4]) Ср. стихотв. «До милою» (ib. 21) съ пѣсней: «Повій, вітре, на Вкраину».

[5]) См. напр., стихотв. «Погоня» (ib. 11—14) или «Думка» (ib. 17—18); ср. посл. съ народной пѣсней «Ой ты, місяць—місяченьку, и ты, зора ясна».

[6]) Литер. сборн. 1885, стр. 12.

его повѣсти и преданія»[1]). Не будемъ говорить также и о значеніи разработки родной исторіи въ Галичинѣ для развитія русскаго самосознанія[2]), а также о сношеніяхъ галицко-русскихъ ученыхъ съ нашими[3]).

Перейдемъ прямо къ выводу изъ только что изложенныхъ фактовъ, къ общему указанію главныхъ двигательныхъ началъ галицко-русскаго возрожденія и галицко-русской литературы. Несмотря на то утѣсненіе, какому подпалъ русскій народъ въ Галичинѣ подъ австрійскимъ владычествомъ, эта литература была вызвана: 1) пробужденіемъ идеи народности, увлеченіемъ народною поэзіею и обращеніемъ къ этнографическому изученію народности; 2) знакомствомъ съ украинскою литературою, развившеюся также подъ вліяніемъ любви къ народности; 3) знакомствомъ съ общерусскою литературою, преимущественно научною; 4) распространеніемъ идей славянскаго возрожденія[4]) и 5) воздѣйствіемъ польско-украинской поэзіи. И въ Галичинѣ умственное движеніе, породившее литературу на народномъ языкѣ, находилось въ связи съ народничествомъ[5]). Полнаго развитія достигло національное чувство галицкихъ русскихъ съ 1848 г. — подъ вліяніемъ политическихъ событій.

Если сопоставимъ генезисъ галицко-русской литературы съ начальными моментами исторіи новѣйшей украинской, то найдемъ значительное совпаденіе въ ходѣ развитія той и другой. Таже, что въ Украинѣ, жизненная сила народности въ соединеніи съ животворными общеевропейскими и русскими воздѣйствіями привела и въ Галичинѣ въ настоящемъ столѣтіи къ созданію народной рус-

---

[1]) Ibid. 22.

[2]) Вагилевичъ и Головацкій, открывая старые документы Галицкой Руси, «въ своемъ воображеніи представляли себѣ могущественную державу на всемъ погоріи Карпатовъ, простирающуюся отъ источниковъ Нѣмна до устья Дуная и Чернаго моря». Ib, 19.—Качковскій достигъ полнаго сознанія народности по прочтеніи «Kronika miasta Lwowa» Зубрицкаго. Дѣдицкій, 88.

[3]) О трудностяхъ выписки книгъ изъ Россіи въ то время см. Литер. Сборн. 1885, стр. 23. Вагилевичъ сносился съ Погодинымъ и просилъ о высылкѣ русскихъ книгъ по филологіи и этнографіи, а также южно-русскихъ книгъ. Онъ состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ сношеніяхъ съ Шафарикомъ и Мацѣевскимъ, не говоря о другихъ польскихъ литераторахъ.

[4]) Коцовскій, Жите и значене Маркіяна Шашкевича, 2 и 5; Русск. Библ. III, XVI—XVII.

[5]) Коцовскій, 20.

ской литературы. Исторія этой литературы можетъ представить интересныя данныя и для историка украинской литературы и разъяснятъ многое въ основныхъ направленіяхъ послѣдней.

Потому-то не были неправы тѣ изъ рецензентовъ, разбиравшихъ книгу г. Петрова, которые поставили въ вину автору «Очерковъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія» невниманіе къ литературному движенію, начавшемуся въ средѣ русскихъ галичанъ съ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія.

Разсмотрѣніе новѣйшей украинской литературы въ связи съ галицко-русскою разъяснило бы многое въ судьбахъ той и другой и въ послѣднія десятилѣтія. Украинская литература не только дѣйствовала животворно на возникновеніе галицко-русской въ 30-хъ и 40-хъ годахъ; она питала послѣднюю и потомъ: произведенія украинскихъ литераторовъ перепечатывались въ Галичинѣ, и сверхъ того въ Галичинѣ появлялись въ печати тѣ произведенія украинской словесности, которыя не могли выйти въ свѣтъ на родинѣ; таковы нѣкоторыя изъ повѣстей Левицкаго (Нечуя) и др. Связь украинской литературы съ галицко-русскою получила особое значеніе съ 60-хъ годовъ, когда у насъ начали обращать болѣе тщательное вниманіе на Галицкую Русь и когда вопросъ объ украинской литературѣ начали рѣшать, принимая во вниманіе малорусскую народность въ полномъ ея составѣ.

Должно, впрочемъ, сказать, что безъ непосредственнаго знакомства съ галицкимъ литературнымъ движеніемъ и изученія его на мѣстѣ невозможно прослѣдить во всей полнотѣ связи новѣйшей украинской литературы съ галицко-русскою, и въ виду того пробѣлъ въ монографіи г. Петрова, обусловленный невниманіемъ къ этимъ связямъ, можетъ быть извиняемъ автору. Менѣе извинительно въ книгѣ г. Петрова отсутствіе отчетливаго выясненія тѣхъ началъ, которыя явственно обозначились съ выходомъ въ 1818 и 1819 гг. грамматики Павловскаго, «Опыта собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней» кн. Цертелева, «Наталки-Полтавки» и «Москаля-Чарівника» Котляревскаго, и которыя являлись съ того времени главными двигательными силами украинской литературы. Этими началами оказались: болѣе или менѣе сознанная идея народности и романтическое увлеченіе народностью.

Къ исторіи этого важнаго движенія въ Украинѣ съ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія мы и обратимся теперь. Мы разсмотримъ взглядъ г. Петрова на это движеніе и попытаемся воспол-

нить тѣ существенные недосмотры, какіе допущены г. Петровымъ въ выясненіи романтическаго разукрашенія и идеализаціи украинской старины.

IV. Идея народности, романтическое увлеченіе народностью и идеализація старины въ украинской литературѣ; польско-украинскіе поэты и ихъ вліяніе на украинскую поэзію.

Романтика въ поэзіи тѣхъ странъ, изъ которыхъ проникала къ намъ, поддерживала связь съ народнымъ творчествомъ и обращала къ народной старинѣ. На стр. 171 своего труда г. Петровъ привелъ мнѣніе Шевырева, по которому «возрожденіе нѣмецкаго *романтизма*» содѣйствовало «развитію у насъ народнаго самосознанія». Тѣмъ не менѣе, г. Петровъ разсматриваетъ почему-то раздѣльно «романтико-художественную литературу», «украинскій націонализмъ» и «украинское славянофильство». На стр. 11 г. Петровъ отожествляетъ націонализмъ со славянофильствомъ, а въ началѣ главы о націонализмѣ опредѣляетъ послѣдній какъ руссофильство, отличаетъ славянофильство, какъ особую стадію его (стр. 173), и сводитъ къ этому руссофильству «цѣлый рядъ изданій памятниковъ письменной и устной народной словесности украинской, имѣвшихъ важное значеніе и для литературы», а также изученіе украинской исторіи.

Остановимся обстоятельнѣе на разсужденіяхъ г. Петрова объ украинскомъ націонализмѣ въ виду того, что этотъ націонализмъ имѣлъ важное значеніе въ исторіи украинской литературы.

По словамъ г. Петрова, «націонализмомъ въ русской литературѣ обыкновенно называютъ то направленіе ея, которое, опираясь на историческое и этнографическое изученіе народа, идеализируетъ прошлую или современную жизнь его, удовлетворяется и услаждается ею и свысока, пренебрежительно смотритъ на чуждыя вліянія, отражавшіяся на русской жизни. Это направленіе обязано своимъ происхожденіемъ многоразличнымъ причинамъ и источникамъ, и въ томъ числѣ чужеземнымъ вліяніямъ, отъ которыхъ оно открещивается. Сюда, прежде всего, принадлежитъ возбужденіе интереса къ устной народной словесности». Затѣмъ г. Петровъ говоритъ неполно и поверхностно о развитіи изученія народности. Онъ приводитъ изъ предисловія къ сборнику: «Народни українскі пісні

зъ голосомъ» запутанное разсужденіе А. Гулака-Артемовскаго о томъ, что на важное значеніе произведеній народнаго творчества обратили вниманіе подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей XVIII в., а затѣмъ говоритъ словами того-же Гулака-Артемовскаго о «болѣе сильномъ вліяніи» нѣмцевъ «на возбужденіе у славянъ народнаго сознанія». «Отъ чеховъ эта sui generis манія перешла и на другіе славянскіе народы. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка ученые чехи посѣтили Москву и, безъ сомнѣнія, содѣйствовали возбужденію среди русскихъ ученыхъ любви къ изученію старинныхъ письменныхъ памятниковъ и устной народной поэзіи». Вслѣдъ за нѣмцами и русскіе начали искать самобытныхъ началъ народной жизни. Такими началами были признаны: самодержавіе, православіе и народность, составившія оффиціальную основу общественнаго образованія. «Правительственныя мѣропріятія и взгляды налагали свою казенную печать и на науку и литературу и сообщили имъ общій колоритъ и тонъ такъ называемаго руссофильства». Подъ вліяніемъ націонализма «украинскіе ученые и писатели 30-хъ годовъ и послѣдующаго времени избирали для себя мѣстное, удѣльное содержаніе, но разсматривали его, какъ необходимую часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа, и часто писали даже на общемъ литературномъ языкѣ русскомъ. Называя русскаго царя роднымъ своимъ батькомъ, они ставили рядомъ съ нимъ свою родную мать — Украину и идеализировали ея прошедшую исторію и современную жизнь». Въ научной области украинскій націонализмъ вызвалъ рядъ изданій памятниковъ народной словесности, а въ области литературы — «цѣлый рядъ историческихъ романовъ и драматическихъ сочиненій изъ жизни Малороссіи, преимущественно на русскомъ языкѣ».

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ г. Петрова выяснены не совсѣмъ точно побужденія, которыми были создаваемы труды по украинской этнографіи: украинскій націонализмъ, собираніе памятниковъ украинской словесности и идеализація Украины въ ея прошломъ и настоящемъ должны быть выводимы не отъ одного руссофильства съ его оффиціальной программой, окончательно выработанной въ Николаевское время.

Правда, нѣкоторые изъ украинскихъ литераторовъ ссылались на эту оффиціальную программу. Метлинскій не разъ печатно пріурочивалъ свою дѣятельность къ «общему стремленію просвѣщенныхъ писателей, повременныхъ изданій и покровительствуемыхъ правительствомъ ученыхъ обществъ къ познанію отечествен-

ной русской народности и распространенію объ ней свѣдѣній» [1]). Метлинскій, на котораго г. Петровъ не указываетъ въ разсматриваемой главѣ, повторялъ даже въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ нѣкоторыя изъ идей оффиціальной программы русской народности. Срезневскій также говорилъ о русской народности согласно съ оффиціальнымъ опредѣленіемъ ея. Но такія указанія на оффиціальную теорію народности не исчерпываютъ сущности украинскаго націонализма и не объясняютъ признаваемыхъ г. Петровымъ «нѣкоторыхъ отличій его отъ сѣверно-русскаго руссофильства». Что это послѣднее не совпадало съ украинскимъ націонализмомъ, доказываютъ хотя бы взгляды Н. В. Гоголя, котораго г. Петровъ называетъ (стр. 175) «лучшимъ выразителемъ національнаго направленія украинской литературы въ обще-русскомъ духѣ». Гоголь относился не вполнѣ одобрительно къ поэзіи Шевченка. Онъ находилъ въ ней «дегтю много» и говорилъ Бодянскому: «Намъ надо писать по русски, надо стремиться къ поддержкѣ и упроченію одного, владычнаго языка для всѣхъ, родныхъ намъ, племенъ. Доминантой для русскихъ, чеховъ, украинцевъ и сербовъ должна быть единая святыня — языкъ Пушкина, какою является евангеліе для всѣхъ христіанъ, католиковъ, лютеранъ и геригутеровъ. А вы хотите провансальскаго поэта Жасмена поставить въ уровень съ Мольеромъ и Шатобріаномъ!... Намъ, малороссамъ и русскимъ, нужна одна поэзія, спокойная и сильная, нетлѣнная поэзія правды, добра и красоты»... Не признавая, такимъ образомъ умѣстности отдѣльной украинской литературы, Гоголь не могъ раздѣлять съ другой стороны и высокомѣрнаго отношенія къ малороссамъ, которое столь часто слышалось въ его время [2]). Вслѣдъ

[1]) Южный русскій зборникъ, Харьк. 1848, предисловіе. Упомянувъ, что много статей, замѣчательныхъ въ отношеніи къ изученію русской народности, явилось въ журналахъ, много сдѣлано для этого изученія Археографическою Коммиссіею, Академіею Наукъ, Императорскимъ Обществомъ Исторіи и древностей россійскихъ, Метлинскій приводитъ выдержку изъ разосланнаго по Россіи циркуляра Географическаго Общества, «учрежденнаго *по Высочайшей Волѣ* подъ предсѣдательствомъ Е. И. В. Государя В. Ки. Константина Николаевича». Затѣмъ Метлинскій говоритъ: «Послѣ этого стало понятно всѣмъ, что ничтожны толки о самобытности и народности безъ изученія ея частностей и подробностей» (стр. 5—7).

[2]) Ср. выше—во введеніи. Можно бы указать еще и на другія свидѣтельства кромѣ приведенныхъ тамъ. Такъ, въ письмѣ Квитки къ издателю Харьковскаго альманаха «Утренняя Звѣзда» 1833 г. читаемъ: «...я чувъ, буцимъто хочешъ ты тутъ-же прытулыты де-що и *по нашому* писаного. За сію выгодку ажъ трычи тоби дякую. Нехай-же знаютъ и нашихъ! Бо е таки люде на свити, що зъ насъ кепкуютъ и говорютъ, та й пышутъ буцимъ-то зъ нашихъ нихто невтне, щобъ було, якъ воны кажуть, и звычайне, и нижненьке, и розумне, и полезне; и що, стало-быть, по нашому, опричъ лайкы та глузованьня надъ дурнемъ, билшъ ничого неможно й напысаты».

за приведенными только что словами Гоголь сказалъ: «Русскій и малороссъ — это души близнецовъ, пополняющія одна другую, родныя и *одинаково сильныя. Отдавать предпочтеніе одной, въ ущербъ другой, невозможно*» [1]). Изъ этихъ словъ видно, что и Гоголь горячо любилъ и высоко цѣнилъ свою народность, уравнивая ее въ достоинствахъ и значеніи съ великорусской, находя въ первой то, чего недостаетъ другой. Понять такъ народный характеръ украинцевъ онъ могъ только потому, что съ дѣтства живо воспринималъ впечатлѣнія отъ украинской природы и жизни и проникался любовью къ украинской старинѣ, съ дѣтства поддавался идеализаціи этой старины и вдыхалъ въ себя ароматъ ея чудной поэзіи, которую очень любилъ до конца жизни.

Таково же было и вообще происхожденіе существенныхъ отмѣнъ украинскаго націонализма по сравненію съ сѣверорусскимъ.

Остановимся на общемъ выясненіи этихъ отмѣнъ: оно важно не только для уразумѣнія дѣятельности тѣхъ писателей, которыхъ г. Петровъ выдѣлилъ въ особую группу украинскихъ націоналистовъ, но также для пониманія общаго направленія многихъ другихъ произведеній украинской литературы. Что до частныхъ очерковъ дѣятельности писателей «національной школы въ украинской литературѣ», то мы не станемъ вдаваться въ провѣрку этихъ очерковъ, потому что тогда размѣры нашего разбора значительно увеличились бы; скажемъ только, что и въ этой части своего труда г. Петровъ не избѣжалъ ошибокъ [2]).

[1]) Историч. Вѣстн. 1886, № 12, стр. 479. Ср. слова Гоголя въ извѣстномъ письмѣ его къ А. О. Смирновой, на которое указываетъ и г. Петровъ на стр. 175: «никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы щедро одарены Богомъ, и какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой». Такимъ взглядомъ на характеръ обѣихъ великихъ русскихъ народностей Гоголь возвышался надъ узкими племенными пристрастіями, которыя были присущи какъ нѣкоторымъ великоруссамъ, такъ и нѣкоторымъ украинцамъ.

[2]) Такъ, г. Петровъ утверждаетъ, что Свидницкій «писалъ исключительно на русскомъ языкѣ»; между тѣмъ отъ Свидницкаго осталась большая «семейна хроніка» на украинскомъ нарѣчіи подъ заглавіемъ: «Люборадскій». Львовъ. Накладомъ Евгенія Олесницкаго. 1885 (Передрукъ зъ «Зорѣ»). Эта

Украинскій національнзмъ слагается не только изъ общерусской народной идеи, но и изъ чувства народности, любви къ южнорусской народности и признанія достоинствъ ея духовной организаціи, переходившаго по временамъ въ идеализацію прошлой исторіи этой народности.

Эти черты украинскаго національнзма обозначились задолго до развитія новѣйшей украинской литературы и, слѣдовательно, выяснились ранѣе опредѣленнаго ученія о народности, къ которому г. Петровъ возводитъ украинскій національнзмъ, выражаясь, впрочемъ, по своему обыкновенію, довольно неопредѣленно [1]).

Нельзя не видѣть и безъ особаго разъясненія, какъ старо тяготѣніе южной Руси къ единенію съ великой Русью. Идеализація минувшей исторіи Украины также началась весьма давно — еще въ народной словесности, которая, какъ извѣстно, любитъ окружать ореоломъ поэтичности воспѣваемыхъ ею героевъ родной исторіи. Въ Украинѣ существовало богатое историческое преданіе о козацкомъ періодѣ ея жизни; нѣкоторыя изъ историческихъ пѣсенъ того періода были въ ходу даже на окраинахъ юго-западной Руси, напр. пѣсни о Саввѣ Чаломъ. Это вѣковое преданіе въ пѣсенной и прозаической формѣ, постоянно внушавшее украинцамъ самый живой интересъ, должно было рано или поздно вызвать откликъ и въ мѣстной литературѣ, и мы видѣли, что исходнымъ пунктомъ развитія этой литературы была исконная любовь украинцевъ къ народности, неразлучная съ любовью къ родному слову и поэзіи.

Съ момента, до котораго мы довели очеркъ исторіи украинской литературы, съ конца 20-хъ и съ 30-хъ годовъ настоящаго вѣка

книжка составила 15—17 вып. «Руско-украинской библіотеки». По словамъ издателя, изъ произведеній Свидницкаго на украинскомъ нарѣчіи «дойшли до насъ ще три поезіѣ, зъ котрыхъ двѣ мовь иронією долѣ—стали майже народными пѣснями. Се звѣстни у насъ въ Галичинѣ: «Вже больше лѣтъ двѣстѣ» и «Въ полѣ доля стояла». Ср. «Зоря» 1886, № 6 и др. — На стр. 219 по поводу поэмы А. П. Стороженка «Марко проклятий» г. Петровъ замѣчаетъ, что «малорусская пословица «товчецця якъ Марко по пеклу», по сознанію многихъ папистовъ, принесена была въ Польшу съ флорентинскаго собора и составлена для осмѣянія Марка Ефесскаго... Если же такъ, то едва ли не напрасны были тридцатилѣтніе поиски А. П. Стороженка за народными сказаніями о похожденіяхъ Марка проклятаго». См. однако брошюру *G. Paris* Le Juif Errant, Paris 1880; Romania X (1881), pp. 212—216 и ст. А. Н. Веселовскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1880, № 7, 85—90; ср. Ж. М. Н. П. 1886, № 8, стр. 68—69.

[1]) Стр. 173: «Этотъ-то національнзмъ или руссофильство отразились *отчасти* и на украинской литературѣ....».

помимо живаго воздѣйствія естественнаго чувства народности и богатой народной поэзіи, на возбужденіе любви къ южнорусской народности, усиленіе изученія ея и расширеніе самовыраженія чувства народности въ украинской литературѣ начало вліять опредѣленно выработанное ученіе о народности вообще [1]) и выдвинутая наукой программа изученія народности, но ученіе о народности и стремленіе къ болѣе или менѣе научному уясненію ея прошлаго и настоящаго проникали въ Украину и ея литературу не только изъ того общеевропейскаго умственнаго движенія, къ которому примкнулъ и общерусскій національнзмъ. Въ частности на украинскій національнзмъ, на собираніе памятниковъ южнорусскаго народнаго творчества и на своеобразныя представленія объ украинской старинѣ не осталось безъ значительнаго вліянія умственное и литературное движеніе въ средѣ поляковъ, какъ входившихъ въ предѣлы русскаго государства, такъ и оставшихся за этими предѣлами. Сверхъ того дѣйствовали на выработку украинскаго національнзма и чисто мѣстныя начала. Оттуда *значительная* самобытность въ этомъ національнзмѣ.

Разсмотримъ обстоятельнѣе происхожденіе перечисленныхъ элементовъ новѣйшаго украинскаго національнзма, т. е. 1) новѣйшаго ученія о народности, какъ оно выражалось въ украинской литературѣ, 2) изученія украинской народной словесности и 3) идеализаціи украинской старины и народности. Четвертый изъ элементовъ украинскаго національнзма, общерусскій патріотизмъ, мы оставимъ

[1]) Укажемъ на слова Бодянскаго въ его критической оцѣнкѣ Малороссійскихъ повѣстей Основъяненка: «*При теперешнемъ всеобщемъ направленіи и стремленіи къ народности*, Малороссіяне съ похвальною ревностію принялись за собраніе и приведеніе въ извѣстность своихъ сказаній». Уч. Зап. И. Моск. Унив. 1834, № V, стр. 289. На значеніе идеи народности въ созданіи новѣйшей украинской литературы отчетливо указалъ въ 40-хъ годахъ Костомаровъ. Въ его «Обзорѣ сочиненій, писанныхъ на малорусскомъ языкѣ», читаемъ (Молодикъ на 1844 годъ, Харьк. 1843, стр. 161): «И такъ, идея народности, подчинувшая впередъ русскую литературу, произвела въ ней особенный отдѣлъ—литературу малороссійскую, которая, по направленію своему, есть чисто русская, своенародная. Многіе изъ современныхъ рецензентовъ называютъ это стремленіе писать по малороссійски непонятною прихотью, но думаютъ неосновательно: оно есть потребность времени, потому что исходитъ изъ того начала, которое оживляетъ настоящее общество». Къ той же идеѣ возвелъ украинскую литературу Костомаровъ и въ своемъ позднѣйшемъ обзорѣ ея: Поэзія славянъ, 158.

въ сторонѣ, какъ фактъ совершенно ясный и не требующій особаго разъясненія.

Г. Петровъ считаетъ «возбужденіе интереса къ устной народной словесности» однимъ изъ первоисточниковъ національнаго и говоритъ объ «изданіяхъ памятниковъ письменной и устной народной словесности украинской» въ главѣ о національнаго, отдѣливъ, такимъ образомъ, исторію ученія о народности и вліянія его на литературу отъ исторіи романтическаго движенія, которое разсматриваетъ ранѣе. Ученіе о народности и интересъ къ народной словесности на Руси г. Петровъ выводитъ изъ «просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка» и вліянія нѣмцевъ (Гердера) чрезъ чеховъ и непосредственнаго.

На нашъ взглядъ, г. Петровъ допустилъ немало неточностей въ этомъ общемъ выясненіи происхожденія ученія о народности и интереса къ народной поэзіи.

Замѣтимъ прежде всего, что собираніе и записываніе произведеній народной словесности началось на Руси (въ частности и въ Украинѣ) помимо западноевропейскаго вліянія. Таковы старинныя записи былинъ, привлекавшихъ вниманіе вслѣдствіе немногочисленности свѣтскихъ произведеній, обращавшихся въ нашей старинной литературѣ [1]). Равнымъ образомъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду доставить интересный матеріалъ любителямъ поучительнаго чтенія издатель «Стихотвореній, распѣваемыхъ на торжищахъ» [2]). Со второй половины прошлаго вѣка неоднократно печатались сборники пѣсенъ, въ которые входили и малорусскія пѣсни, но и эти изданія не были вызываемы научными побужденіями и принадлежали къ разряду пѣсенниковъ, какіе часто печатаются и теперь въ числѣ народныхъ книгъ. Не вполнѣ сознательную любовь къ народной пѣснѣ обнаружилъ даже Мерзляковъ въ своихъ пѣсняхъ.

Серьезный научный интересъ къ произведеніямъ народной словесности проявился у насъ лишь въ концѣ первой четверти настоящаго столѣтія, но тогда дѣйствовали уже не «просвѣтительныя идеи XVIII в.», а идеи XIX в. Ученіе о народности и примѣръ изученія народной словесности проникали къ намъ не отъ нѣмцевъ только и чеховъ, но и отъ сербовъ и отъ другихъ народовъ и вообще благодаря общеевропейскому воздѣйствію. Изданія народныхъ

[1]) См. ст. Л. Н. Майкова въ Ж. М. Н. Пр. 1881, «Богатырское слово», изданное Е. Барсовымъ, и сборникъ Кирши Данилова.

[2]) Напечатаны они въ Москвѣ въ концѣ прошлаго вѣка.

пѣсенъ у чеховъ, моравянъ и словаковъ появились не ранѣе 1822 г., а *Мала простонародна славено-сербска пјеснарица* Вука Стефановича вышла уже въ 1814 и 1815 гг. [1]). Мы видѣли, что Н. А. Чертелевъ, говоря о нашей отсталости въ изученіи народной словесности и указывая на собираніе произведеній ея у другихъ славянъ, ссылался не только на сборникъ Челяковскаго, но и на пѣсни Караджича [2]). Караджичъ же обратилъ вниманіе на народныя пѣсни по предложенію Копитара и подъ вліяніемъ «одного большого русского пѣсенника». «Читая изъ него различныя пѣсни, говоритъ Вукъ, я хотѣлъ узнать: одни лишь Русскіе имѣютъ такую и при томъ столь большую книгу пѣсенъ? Или и другіе народы также имѣютъ, и лишь мы Сербы не имѣемъ? А когда я нашелъ нѣмецкіе пѣсенники, тогда я убѣдился, что и другіе народы имѣютъ пѣсни» [3]). Ясно, какъ скрещивались различныя вліянія въ починѣ изданія народныхъ пѣсенъ; первенство принадлежало не исключительно нѣмцамъ. Гердеръ содѣйствовалъ въ значительной степени развитію интереса къ народнымъ пѣснямъ, но справедливость требуетъ указывать также на вліяніе юго-славянской народной пѣсни съ одной стороны и на громадное впечатлѣніе, произведенное на весь читающій европейскій міръ съ другой стороны изданіями и передѣлками англійскихъ и шотландскихъ народныхъ пѣсенъ. Съ юго-славянскими народными пѣснями, на которыя въ настоящемъ столѣтіи обратили вниманіе Я. Гриммъ и Гете, уже въ прошломъ вѣкѣ читающая западно-европейская публика нѣсколько

[1]) См. хотя бы ст. Шафарика «Библіографическое обозрѣніе сборниковъ славянскихъ народныхъ пѣсень» въ «Денницѣ» 1842, № 23, а также въ книжкѣ В. Иваценича: Собираніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ славянъ, Спб. 1883; Singer, Beiträge zur Literatur der kroatischen Volkspoesie, Agram. 1882.

[2]) См. предыдущую главу.

[3]) Ранѣе, въ 1807 г., архимандритъ Лукіанъ Мушицкій говорилъ своимъ ученикамъ въ Карловцахъ, въ томъ числѣ и Вуку, чтобы они записали для него извѣстныя имъ пѣсни. Вукъ счелъ тогда это предложеніе насмѣшкой. Но, нашедши потомъ случайно въ Сербіи собраніе пѣсенъ Качича, Вукъ началъ иначе думать о предложеніи Мушицкаго, заинтересовался народными пѣснями и добылъ русскій пѣсенникъ. П. А. Кулаковскій, Вукъ Караджичъ, М. 1882, стр. 55—56; ср. стр. 180. Говоря о посѣщеніи «учеными чехами» Москвы въ 20-хъ годахъ нынѣшняго вѣка, г. Петровъ долженъ былъ упомянуть и о поѣздкѣ Вука въ Россію въ 1819 г., о знакомствѣ Вука съ Карамзинымъ, Румянцевымъ и мн. др., объ избраніи Караджича въ члены «Московскаго общества любителей русской словесности» и о присужденіи медали Вуку Россійскою Академіею Наукъ.

ознакомилась отчасти благодаря Качичу Міошичу [1]), но въ особенности благодаря книгѣ итальянскаго аббата и естествовѣда Fortis-a: Viaggio in Dalmazia, Ven. 1774 г. [2]). Эта послѣдняя была переведена на языки нѣмецкій и французскій, и помѣщенный въ ней переводъ «морлакской пѣсни» «Žalostna pjesanca plemenite Asanagiнice» привлекъ вниманіе Гете, передавшаго трогательную пѣсню въ прекрасной нѣмецкой передѣлкѣ. Переводъ Гете вошелъ затѣмъ въ собраніе пѣсенъ Гердера 1777 г. [3]). Весьма вѣроятно предположеніе Миклошича, что Фортисъ заинтересовался славянскою пѣснею подъ вліяніемъ Оссіана. Это послѣднее приводитъ насъ къ настоящему источнику того интереса къ народной поэзіи, который началъ проявляться на западѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка передался отъ англичанъ къ нѣмцамъ и посредственно и непосредственно — къ славянамъ, въ томъ числѣ и къ намъ.

Переходя къ исторіи этого общаго западноевропейскаго движенія, превратившагося мало по малу въ широкое требованіе народности отъ литературы, мы, согласно сказанному, считаемъ невѣрнымъ представленіе г. Петрова о генезисѣ ученія о народности и полагаемъ, что источники этого движенія и пути его распространенія были не тѣ, какіе указаны г. Петровымъ, а иные.

Не «просвѣтительныя идеи XVIII в.» [4]) положили начало сознательному обращенію къ народности, а идеи, выдвинутыя въ противовѣсъ просвѣщенію XVIII в., и не исключительно Германіи должно усвоять первоисточникъ движенія къ народности, но также Англіи и отчасти Франціи, хотя послѣдняя позже другихъ передовыхъ странъ запада занялась изученіемъ народной поэзіи [5]). Гердеръ, собиравшій матеріалы для изданія пѣсенъ уже въ

[1]) *Razgovor ugodni naroda slovinskoga.* 1-е изд. вышло въ Пештѣ, 2-е въ Венеціи въ 1756 г.; латинскій переводъ Павича — въ Пештѣ въ 1764 г.

[2]) См. ст. А. Н. Пыпина въ Вѣстн. Евр. 1876 г., № 12.

[3]) Miklosich, Ueber Goethe's «Klaggesang von der edlen Frauen des Asan Aga», Wien 1883. — Goethe-Jahrbuch, zw. Band, 1881, 125 fgde.

[4]) Изъ нихъ въ развитіи понятія о народности нѣкоторое значеніе имѣла лишь идея о правахъ человѣка.

[5]) «Франція можетъ быть послѣдняя страна, обратившаяся къ изученію и обнародованію произведеній народной поэзіи, говоритъ G. Paris (Revue critique 1866, 22 мая. Mélusine 1877, № 1). Долгое время мы увлекались народно-поэтическими произведеніями другихъ странъ, греческими и бретанскими пѣснями въ изданіяхъ Форіэля и Вильмарке, и говорили съ презрѣніемъ о томъ, что въ томъ же родѣ находилось у насъ самихъ». Ср. Scheffler, Die französische Volksdichtung.

1764 г. [1]), подпалъ вліянію произведшихъ тогда огромное впечатлѣніе на весь западъ произведеній народной англійской поэзіи.

Уже во 2-й половинѣ XVII в., въ годы крайней распущенности знатнаго общества въ Англіи, одна изъ романистокъ этого общества, позволявшихъ себѣ наболѣе вольностей въ своихъ произведеніяхъ, Mrs. Behn, задолго до Руссо и Бернардена де Сенъ-Пьеръ, въ романѣ *Oroonoko* восторженно говорила о состояніи первобытной невинности въ дикихъ странахъ, о томъ, что простая природа — самый лучшій, самый мудрый и самый добродѣтельный изъ всѣхъ наставниковъ [2]). Въ 1724 и 1725 гг. Allan Ramsay въ своихъ *Featable Miscellany* и *Evergreen* сдѣлалъ первыя робкія попытки привлечь вкусъ образованнаго англійскаго общества къ произведеніямъ народнаго творчества [3]). Въ половинѣ XVIII в. въ Англіи началъ падать авторитетъ классической школы поэзіи, и изъ Англіи это движеніе начало распространяться въ другихъ странахъ. Извѣстны недостатки поэзіи классической школы, процвѣтавшей во Франціи и Англіи. Классичность часто переносила читателя въ особый міръ дѣйствительности не живой, но условной. Поэзія дошла до крайней искусственности и отощанія. Въ ней господствовали напыщенныя поэмы, представлявшія странную смѣсь античнаго съ новымъ, — эклоги, въ которыхъ выступали въ сущности лица знатныхъ круговъ, — изящное, но пустое стихотворство въ шуточной формѣ, — холодныя и угрюмыя сатиры, — иногда личныя, наконецъ дидактическія поэмы, въ которыхъ было много модной философіи, но совсѣмъ не было поэзіи. Литература классическаго направленія окончила матеріализмомъ, прозаическою разсудочностью и подавленіемъ свободы и сердечности творчества. Въ противовѣсъ этой литературѣ были выдвинуты романы сердца и чувства, которымъ доставилъ огромный успѣхъ Ричардсонъ, и произведенія старой англійской поэзіи въ сборникѣ балладъ Перси, также обратившія на себя общее вниманіе [4]); въ то же самое время Макферсонъ изданіемъ

[1]) Zeitschrift für deutsche Philologie, III Bd., S. 466. Обширною монографіею Haym-а о Гердерѣ мы не могли, къ сожалѣнію, воспользоваться.

[2]) Jusserand, Le roman anglais, Par. 1886, p. 31.

[3]) См. Jahrbuch für romanische und englische Sprache und Literatur, VI Bd., ст. Лемке, 1—2.

[4]) О громадномъ значеніи сборника Percy см. ib. 3—4 и у Геттнера, въ исторіи англійской литературы XVIII в. (стр. 376 русскаго перевода).

Оссіана пробудилъ нѣжную любовь къ чистой природѣ. Въ наукѣ возникъ интересъ къ широкому изученію старины; стали восходить къ началамъ обществъ. Началось исканіе новыхъ началъ и во Франціи; и тамъ былъ провозглашенъ возвратъ къ природѣ и повседневнымъ человѣческимъ чувствованіямъ. Извѣстно, какъ краснорѣчиво призывалъ къ тому Руссо, читавшій въ дѣтствѣ d'Urfé, подпавшій вліянію Ричардсона и выступившій противъ просвѣщенія XVIII в.

Въ Германіи интересъ къ родной старинѣ проявляли уже гуманисты. Въ XVII столѣтіи изрѣдка раздавались голоса, напоминавшіе о средневѣковой народной поэзіи. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ обществахъ XVII в. засѣдали предшественники если не Гриммовъ, то почтенныхъ Zeune. Въ XVIII в. Готтшедъ, хотя былъ чтителемъ ложноклассической поэзіи, обратилъ вниманіе на забытыя народныя книги и издавалъ первый журналъ, посвященный нѣмецкой филологіи. Противникъ его Бодмеръ, расходившійся съ Готтшедомъ въ общемъ взглядѣ на поэзію, также разыскивалъ старинныя произведенія и издалъ въ 1756 г. *Мести Кримгильды и Плачъ*; Бодмеръ, будучи врагомъ французско-классическаго направленія поэзіи и поборникомъ поэзіи болѣе живой, былъ проводникомъ англійскаго вліянія [1]). Вслѣдъ за Бодмеромъ и Брейтингеръ приблизился къ болѣе свободному, по сравненію со взглядами Готтшеда, пониманію поэзіи, и такимъ образомъ и это пониманіе, которое какъ бы предуказывало уже дальнѣйшее развитіе историческаго пониманія поэзіи у Гердера, было обязано своимъ происхожденіемъ англійскому вліянію. Къ тому же вліянію слѣдуетъ возводить и дѣятельность Гердера [2]), во взглядахъ котораго были зародыши новѣйшихъ взглядовъ на народную поэзію и многихъ отраслей современной этнографіи и сравнительно-историческаго изученія литературъ. Въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка на умственное и литературное движеніе въ Германіи начали вліять

[1]) Raumer, Geschichte der germanischen Philologie, München 1870.—Beilage zur Allgemein. Zeitung 1880, № 304: «Wege und Ziele der deutschen Literaturgeschichte». Статья эта появилась теперь въ отдѣльномъ изданіи этюдовъ автора: Er. Schmidt, Charakteristiken, Berl. 1887. — Русск. Вѣстникъ 1874, № 7, ст. А. И. Кирпичникова: «Готтшедъ и Бодмеръ». Ж. М. Н. Пр. 1869, № 10, ст. И. П. Хрущова: «Изученіе отечественной литературы въ Германіи.

[2]) Впрочемъ, Гердеръ указалъ также и на заслугу Бодмера и говоритъ, что нѣмцы «обязаны вѣчною благодарностью» Бодмеру за обнародованіе памятниковъ старины.

въ сильной степени произведенія Шекспира, баллады, изданныя Перси, и Оссіанъ въ передачѣ Макферсона. Сборникомъ Перси вдохновлялся и Гете. Въ первой обработкѣ «Klaudine von Villa Bella» говорится, что составленіе и распѣваніе пѣсенъ, подобныхъ изданнымъ Перси, составляютъ самоновѣйшую моду. «Теперь ревностно разыскиваются и переводятся со всѣхъ языковъ баллады, романсы и площадныя пѣсни». Въ такихъ произведеніяхъ видѣли возвращеніе къ природѣ. Сборникъ Перси вдохновлялъ геттингенскій Hainbund и доставилъ матеріалъ для лучшихъ балладъ Бюргера. Вліяніе Оссіана было не столь продолжительно и глубоко въ Германіи, какъ вліяніе балладъ Перси, но все же было значительно. Переводъ Оссіана, сдѣланный Мих. Денисомъ, былъ въ большомъ ходу въ Германіи. Знакомство съ пѣснями стараго барда, котораго считали германскимъ, возбудило въ Германіи интересъ къ собственной древности, и изъ этого неяснаго вначалѣ восхищенія поэзіей Оссіана возникло постепенно движеніе, приведшее къ созданію германской филологіи. Бардическая поэзія, навѣянная Оссіаномъ, держалась недолго, но отголоски воздѣйствія Оссіана замѣчаются у большинства поэтовъ Sturm- und Drangperiode. Гердеръ также увлекался Оссіаномъ и рекомендовалъ переводчикамъ свободный размѣръ вмѣсто однообразнаго гекзаметра. Онъ уже въ Ригѣ началъ переводить Оссіана такимъ размѣромъ. Любовь свою къ Оссіану Гердеръ передалъ и Гете, заслуги котораго въ оцѣнкѣ народной пѣсни велики [1]).

Такимъ образомъ, въ самой Германіи уже на первыхъ порахъ не одинъ Гердеръ содѣйствовалъ обращенію къ народной поэзіи и введенію ея освѣжительныхъ струй въ область искусственнаго творчества. Возвращеніе къ правдѣ, естественности, простотѣ и народности творчества было обусловлено многими теченіями и въ большей или меньшей степени имѣло мѣсто повсюду во второй половинѣ XVIII в.; Гердеръ былъ лишь однимъ изъ лучшихъ теоретиковъ этого движенія. Дальнѣйшее развитіе послѣдняго создало новѣйшую романтику. О заслугахъ ея въ изученіи родной старины и народной словесности нечего много распространяться: онѣ извѣстны [2]) и станутъ сразу понятны при воспоминаніи о братьяхъ

[1]) M. Koch, Ueber die Beziehungen der englischen Literatur zur deutschen im achtzehnten Jahrhundert, Leipz. 1883, S. 37—38; Minor und Sauer, Studien zur Goethe-Philologie, Wien 1880, S. 89—91. Von Biedermann, Goethe-Forschungen, Neue Folge, Leipz. 1886, S. 303—357.

[2]) Romantik und Germanische Philologie, Vortr. von Fr. Pfaff. Heidelberg 1886.

Гриммахъ, которые вначалѣ были вполнѣ романтиками, пока не пошли своею собственной дорогой — чисто научною. Одинъ изъ нихъ, Яковъ, продолжилъ дѣло Гердера и создалъ науку о народности. Нѣтъ надобности много говорить и о томъ благотворномъ воздѣйствіи, какое принадлежало романтикѣ въ утвержденіи идеи о народности въ литературѣ. Совершенно справедливо было замѣчено, что отличительная черта романтики — смѣшеніе универсализма съ національнымъ ограниченіемъ [1]). Романтика, дававшая просторъ всѣмъ стремленіямъ индивидуальнаго духа, возстановляла права индивидуализма въ литературѣ, а вмѣстѣ и реальности въ этомъ смыслѣ. Она пролагала дорогу полному и живому выраженію всей индивидуальности и старалась уловить выраженіе индивидуальности народа въ его прошломъ. Романтики начали выдвигать мысли и чувства, которыя жили вѣка въ народѣ, и воспроизводить индивидуальность народа и его быта. Романтика соединялась, такимъ образомъ, съ народностью въ литературѣ и явилась первою *внѣшнею* формою народной литературы [2]). Каждая изъ оживавшихъ народностей стремилась къ созданію собственной поэзіи, какъ лучшаго выраженія индивидуальности, и старалась выискать черты этой индивидуальности и постигнуть ихъ въ жизни народа и его поэзіи.

Это стремленіе, возбуждаемое романтикою, было усилено событіями политической исторіи начала XIX вѣка, преимущественно потрясеніями, какія производилъ Наполеонъ I. Съ начала настоящаго столѣтія почти повсюду въ Европѣ началось пробужденіе чувства народности и идеи національности. Литература явилась однимъ изъ самыхъ яркихъ выраженій стремленія къ народности; въ литературныхъ произведеніяхъ начали цѣнить выраженіе народности, и народность стала теперь однимъ изъ главныхъ источниковъ вдохновенія. Извѣстный польскій историкъ, беллетристъ и критикъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, Михаилъ Грабовскій (сотрудникъ *Tygodnika Petersburskiego*), выясняя особенности поэзіи XIX в., заявилъ, что «zadaniem literatury naszego wieku jest utworzenie Poezyi narodowéj, albo raczéj poezyi narodowych» [3]). Главною чертою новѣйшей поэзіи онъ призналъ повсемѣстную наклонность къ усвоенію

[1]) Herbst, Das class. Alterthum., 1852, S. 96.

[2]) Справедливо указано на то въ Literatura i krytika, t. I, Wilno 1837, str. 106.

[3]) Ib., 9 и 80.

возможно болѣе выразительныхъ чертъ племенныхъ совмѣстно съ чертами дѣйствительной исторіи и вниканіе въ историческое прошлое.

Вотъ изъ какихъ разнородныхъ началъ слагалось на западѣ то великое движеніе XIX стол., которое выдвинуло повсюду идею народности и въ частности у насъ сообщило полное осмысленіе и развитіе предрасположеніямъ въ этомъ направленіи, проявлявшимся издавна (въ особенности во второй половинѣ XVIII в.) независимо отъ западно-европейскаго вліянія.

Тѣ различныя начала, которыя вызвали на западѣ культъ народности, вліяли въ полномъ своемъ составѣ на развитіе этого культа и у насъ, и дѣйствіе этихъ началъ увеличивалось по мѣрѣ расширенія нашего знакомства съ главными западно-европейскими литературами и съ литературами славянскими. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала сила началъ чисто мѣстныхъ, постоянно поддерживавшихъ интересъ и любовь къ родной старинѣ и народности.

Изъ западно-европейскихъ воздѣйствій, вводившихъ народность въ нашу литературу, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего то, которое восходило не къ просвѣтительнымъ идеямъ XVIII в., а къ старому псевдо-классицизму; мы разумѣемъ кромѣ комедій [1]) шутливыя поэмы, изображавшія въ комическомъ видѣ бытъ низшаго народа [2]). Въ нашей литературѣ извѣстна такая поэма В. И. Майкова: «Елисей или Раздраженный Вакхъ» [3]). Даже законодатель псевдо-классицизма Боало написалъ комическую поэму («Lutrin»). Равнымъ образомъ псевдо-классицизмъ положилъ начало и «народнымъ» операмъ, въ которыхъ современникамъ бросалась въ глаза прежде всего забавность содержанія [4]).

[1]) Уже Лукинъ чувствовалъ необходимость обращенія къ народности. См. ст. А. Н. Пыпина о немъ въ Отеч. Зап. 1853, № 9, стр. 15 и слѣд.

[2]) Не перечисляя шутливыхъ поэмъ французской и англійской литературъ, укажемъ лишь на то, что въ нѣмецкихъ геронкомическихъ поэмахъ прошлаго вѣка, по словамъ M. Koch-a (S. 30), — «vollendete Kulturbilder, den Genrebildern holländischer Maler zu vergleichen, sind geschaffen».

[3]) Новѣйшее изданіе — въ коллекціи Глазунова: «Русскіе писатели: Сочиненія и переводы В. И. Майкова. Со статьею о Майковѣ и примѣчаніями Л. Н. Майкова. Спб. 1867». Богдановичъ въ своей «Душенькѣ» воспользовался нѣкоторыми чертами русскихъ сказокъ.

[4]) Въ «Разсужденіи о лирической поэзіи» Державина читаемъ: «Комическій операстъ заимствуетъ содержанія свои изъ романовъ, изъ общежитія, шутитъ благородно, болѣе мыслями нежели словами, избѣгая площадныхъ, а паче перековерканія ихъ по выговору иностранцевъ. Италіанцы обильны и тѣми и

Но, на ряду съ мало серьезнымъ вниманіемъ къ быту народа и его поэзіи, находившимъ мѣсто въ произведеніяхъ людей, примыкавшихъ къ направленію, господствовавшему въ легкой литературѣ, т. е. къ псевдо-классическому, въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка началъ пробиваться въ нашей литературѣ и болѣе значительный интересъ къ народной словесности, и вмѣстѣ съ тѣмъ произведенія этой словесности доставляли матеріалъ для литературныхъ переработокъ, цѣнившихся въ силу народности содержанія ихъ и стиля. Нѣкоторые изъ литературныхъ дѣятелей этого направленія руководились одновременно и чувствомъ народности, и непосредственною любовью къ поэзіи и старинѣ своего народа, и внушеніями полу-научнаго и полу-литературнаго интереса, развивавшагося подъ вліяніемъ *нѣкотораго* знакомства съ научно-литературнымъ движеніемъ запада. Въ предисловіи къ своимъ «Русскимъ сказкамъ, содержащимъ древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія» (1780) Чулковъ ссылался на то, что на западѣ уже начали издавать подобныя произведенія: «въ новѣйшія времена, у просвѣщеннѣйшихъ народовъ, почтили оныхъ собраніемъ и изданіемъ въ печать» [1]). Изъ русскихъ литераторовъ Екатерининскаго времени, предчувствовавшихъ серьезное значеніе народной поэзіи, особаго вниманія заслуживаетъ другъ Державина Н. А. Львовъ (1751 — 1803) [2]).

другими (т. е. и важными, и комическими операми), а Французы болѣе комическими операми, особливо маленькими, называемыми у нихъ оперетками. У насъ важныхъ оперъ, сколько я знаю, только двѣ, сочиненныя Сумароковымъ: *Цефалъ и Прокрисъ*, *Пирамъ и Тизбе*. Есть переведенныя изъ Метастазія и другихъ иностранныхъ; но онѣ играны на тѣхъ языкахъ, а не на русскомъ. Находится нѣсколько *забавныхъ* сочиненія гг. двухъ Княжниныхъ, Хераскова, князя Горчакова, князя Шаховскаго, Попова и прочихъ; но всѣмъ предпочитается г. Аблесимова *Мельникъ*, по естественному его плану, завязкѣ и языку простому». Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота, изд. Имп. Ак. Н., Т. VII, стр. 604. — Уже въ нѣкоторыхъ изъ старыхъ пастушескихъ драмъ находимъ яркія очертанія простонародья. См. напр., испанскія и португальскія пьесы Хуана де ля Энцина и Хиля Висенте (нач. XVI в.).

[1]) Подробности см. въ ст. Пыпина въ «Вѣстн. Евр.» 1881, № 11, стр. 341—342. Статьи А. Н. Пыпина «Изученія русской народности» (Вѣстн. Евр. 1881, №№ 8, 9, 11 и 1882, № 4) представляютъ обстоятельный очеркъ этихъ изученій.

[2]) О Львовѣ см. въ примѣчаніяхъ Я. К. Грота къ I-му и II-му тт. академическаго изданія сочиненій Державина и въ т. VIII, стр. 279—281.

Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ выдѣлялся изъ ряда современниковъ стремленіемъ къ народности. По словамъ Державина [1]), Львовъ «любилъ русское природное стихотворство, самъ писалъ стихи, а особенно въ простонародномъ вкусѣ былъ неподражаемъ». Онъ написалъ старинным размѣромъ 1-ю главу богатырской поэмы «Добрыня», напечатанную въ 1804 г. Въ особенности важно было изданіе Львовымъ въ 1790 г. собранныхъ *имъ же* народныхъ пѣсенъ, которыя были положены на ноты придворнымъ капельмейстеромъ Прачемъ [2]). Въ предисловіи, предпосланномъ этому собранію, Львовъ говорилъ «о характерѣ, мелодіи и сходствѣ русскихъ пѣсенъ съ древними греческими» [3]) и о томъ, что изученіе нашихъ пѣсенъ можетъ быть полезно въ отношеніяхъ музыкальномъ и философскомъ. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и г. Пыпинъ [4]), приписываютъ собраніе пѣсенъ 1790 г. Прачу, но, по словамъ Державина, Прачъ «совсѣмъ не зналъ русскаго языка, и не могъ разумѣть ни характера, ни красотъ тѣхъ пѣсенъ, а клалъ только слова на ноты по объявленію Львова» [5]). Львовъ проявилъ такое вниманіе къ народной словесности подъ вліяніемъ чувства народности, любви къ народу [6]) и родной старинѣ [7]). Къ легкой поэзіи напра-

---

[1]) Соч. Державина, II, 462.

[2]) «Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку Иваномъ Прачемъ, Спб. 1790».

[3]) Львовъ не былъ знакомъ съ греческими произведеніями въ подлинникѣ. Мнѣніе Львова о томъ, что «народныя наши пѣсни подражательны древнимъ греческимъ», повторилъ и Державинъ (соч. VII, 596).

[4]) В. Евр. 1881, № 11, стр. 345.

[5]) Соч. Державина VII, 605, примѣч.

[6]) Въ отвѣтѣ на одно стихотвореніе Державина Львовъ такъ говорилъ о своемъ житьѣ въ деревнѣ:

Въ совѣтѣ съ правыми душами
Жить
Пришлося какъ-то мнѣ по нраву...
...здѣсь межъ мужиками,
Не знаю, отъ чего, я какъ-то сталъ уменъ,
Спокоенъ мыслями и нравомъ сталъ равенъ.

Соч. Державина I, 519—520.

[7]) Въ стихотвореніи «Память другу» (Соч. II, 461—462) Державинъ писалъ:

Встань духъ поэзьи русской древней,
Съ кѣмъ, вторя, онъ Добрыню пѣлъ....
Вѣщай, тверди: тутъ Львова прахъ.

вляли Львова и французскіе образцы; возможно также, что до него доносились и отзвуки возникавшаго въ то время на западѣ увлеченія народною поэзіею. Львовъ былъ человѣкъ образованный, былъ знакомъ съ западными литературами и посѣщалъ нѣсколько разъ западную Европу. Подъ вліяніемъ Львова и Державинъ проникался благосклонностью къ народнымъ пѣснямъ [1]), отзываясь въ то же время неблагопріятно о былинахъ [2]).

Мало по малу съ конца прошлаго вѣка вліяніе западныхъ литературъ на пробужденіе въ нашихъ литераторахъ любви къ родной старинѣ и народности усиливалось. Уже не второстепенные, но передовые дѣятели нашей литературы, увлекавшіеся и Гердеромъ [3]), и Оссіаномъ [4]), занимались поэтическою переработкою народныхъ

---

[1]) Въ статьѣ о пѣснѣ Державинъ говоритъ о пѣсняхъ, изданныхъ Львовымъ: «Нельзя сказать, чтобъ въ нихъ и поэзіи не было, хотя не во всѣхъ. Находятся такія, въ которыхъ видно не только живое воображеніе дикой природы, точное означеніе времени, трогательныя, нѣжныя чувства, но и философическое познаніе сердца человѣческаго.... не недостаетъ и такихъ, въ которыхъ показывается сравненіями нѣжнѣйшая въ своемъ родѣ высокость мыслей, проницающая душу; также и такихъ, которыя мрачными картинами и мужествомъ во вкусѣ Оссіяна возбуждаютъ къ геропзму» (Соч. Держ., VII, 605—606.

[2]) Въ «Разсужденіи о лирической поэзіи» (1811) Державинъ (Соч. VII, 548 и 551) въ числѣ выдержекъ приводитъ и отрывки изъ «Древнихъ русскихъ стихотвореній», изданныхъ въ 1804 г. Якубовичемъ, но говоритъ, что въ этихъ древнихъ пѣсняхъ «нѣтъ почти поэзіи, ни разнообразія въ картинахъ, ни въ стопосложеніи, кромѣ весьма немногихъ. Онѣ одноцвѣтны и однотонны. Въ нихъ только господствуетъ гигантескъ, или богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольствѣ, такъ и въ сраженіяхъ, безъ всякаго вкуса. Выпиваютъ однимъ духомъ по ушату вина, побиваютъ тысячи бусурмановъ трупомъ одного схваченнаго за ноги, и тому подобная нелѣпица, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изъявляющая» (ib., 607).

[3]) Въ письмѣ изъ Веймара, отъ 21 іюля, Карамзинъ говоритъ о Гердерѣ: «Пріятно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ; котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались».—О вліяніи Гердера на Радищева см. въ книгѣ г. Алексѣя Весловскаго «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ», М. 1883, стр. 91.—Державинъ въ «Разсужденіи о лирической поэзіи» (соч. VII, 596), говоритъ, *ссылаясь на* Гердера, что «славяно-россійскій языкъ, по свидѣтельству самихъ иностранныхъ эстетиковъ, не уступаетъ ни въ мужествѣ латинскому, ни въ плавности греческому, превосходя всѣ европейскіе»...

[4]) О вліяніи Оссіана, которому подпали весьма многіе наши писатели, нечего много говорить: оно извѣстно. Первый русскій переводъ пѣсенъ Оссіана

сказаній о старинѣ, но на первыхъ порахъ не чужды были подкрашиванія въ духѣ западныхъ образцовъ. Такъ, Карамзинъ, который въ занятіяхъ русскою старпною представлялъ уже параллель дѣятельности нѣмецкихъ романтиковъ, въ своемъ «Ильѣ Муромцѣ» (1794) обращается къ читателямъ, находившимъ удовольствіе

> Въ русскихъ басняхъ, въ русскихъ повѣстяхъ,
> Въ смѣси былей съ небылицами,
> Въ сихъ *игрушкахъ* мирной *праздности*,
> Въ сихъ мечтахъ воображенія.
> Ахъ! не все намъ горькой истиной
> Мучить *томныя сердца* свои!
> Ахъ! не все намъ рѣки слезныя
> Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ!
> На минуту *позабудемся*
> *Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ.*

Соотвѣтственно этому призыву и другому подобному [1]) Карамзинъ дѣйствительно допустилъ не мало вымысловъ въ напечатанномъ имъ началѣ «богатырской сказки». Илья называется у него рыцаремъ и совершенно напоминаетъ западнаго рыцаря «душею чувствительною», тонкимъ вниманіемъ къ красотамъ природы [2]), рѣшимостью слѣдовать «богатырскимъ предписаніямъ», которыя соотвѣтствуютъ какъ бы требованіямъ рыцарскаго ко-

---

былъ сдѣланъ съ французскаго въ 1788 г. («Поэмы древнихъ бардовъ»). Извѣстны слова Карамзина въ письмѣ съ «Рѣки Соны»: «Оссіанъ! ты живо чувствовалъ... плачевную судьбу всего подлуннаго, и для того потрясаешь мое сердце унылыми своими пѣснями!»

[1]) *Ложь, неправда,* призракъ истины!
Будь теперь моей богинею,
И цвѣтами луга Русскаго
Убери героя древности...

[2]) Витязь Геснера не читывалъ;
Но имѣя сердце нѣжное,
Любовался красотою дня...

декса, наконецъ преклоненіемъ предъ женскою красотою [1]). Этотъ отрывокъ былъ какъ бы предвѣстіемъ «Руслана и Людмилы» [2]).

О вліяніи романтики на расширеніе у насъ изученія народности и на обогащеніе нашей поэзіи народнымъ содержаніемъ мы не станемъ распространяться, а равно считаемъ излишнимъ долго останавливаться на оживленіи нашего національнаго чувства въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Скажемъ только, что послѣ Наполеоновскихъ войнъ толки о народности въ литературѣ стали общими и у насъ. Нѣкоторые доходили даже до предпочтенія размѣровъ старинныхъ нашихъ пѣсенъ гекзаметру въ переводѣ Гомеровскаго эпоса. Такъ, Капнистъ пытался «вводить въ высокую поэзію простонародныхъ русскихъ пѣсенъ метры». Онъ печатно заявлялъ въ письмѣ къ С. С. Уварову, что ободренный примѣромъ творцовъ Бахаріяны (Хераскова) и Ильи Муромца, онъ «желалъ бы побудить любителей словесности нашей къ изысканію въ размѣрѣ народныхъ нашихъ пѣсней, метрическаго, свойственнаго языку нашему стихосложенія.... Весьма давно—*ревнуя поревновахъ* — по славѣ природнаго слова и рѣшился сдѣлать помѣрный сиамъ опытъ русскихъ стиховъ, переложа отчасти размѣромъ простонародныхъ пѣсней, одну небольшую поэму Оссіана.... Мы открываемъ въ народныхъ пѣсняхъ нашихъ множество различныхъ, пріятныхъ и къ изображенію всякаго рода чувствъ и картинъ способныхъ стихослагательныхъ мѣръ... стоитъ только раскрыть презираемый поднесь

[1]) Илья Муромецъ просидѣлъ цѣлую недѣлю надъ спящею красавицей, забывъ пищу и сонъ. Авторъ предвидѣлъ возраженіе и говоритъ:

Здѣсь, любезные читатели,
должно будетъ изъясниться намъ,
уничтожить возраженія
строгихъ, блѣднолицыхъ критиковъ:
«Какъ Илья, хоть и Муромецъ,
Хоть и витязь Руси древнія,
могъ сидѣть недѣлю цѣлую,
не вставая на одномъ мѣстѣ;
могъ ни маковыя росинки
въ ротъ не брать, дремы не чувство.
вать»?..
О друзья мои любезные!
естьлибъ знали вы, что женщины
могутъ дѣлать съ нами бѣдными!...

[2]) Уже въ сказкѣ Карамзина встрѣчаемъ Черномора. — Къ сожалѣнію мы не могли ознакомиться съ содержаніемъ поэмы «Бова» Радищева, напечатанной въ 1806 г., а равно съ поэмою его сына, Николая Радищева: «Альоша Поповичъ и Чурила Пленковичъ, богатырское пѣснотвореніе», 2 части, М. 1801. Какъ извѣстно, и Пушкинъ началъ-было переложеніе въ стихахъ сказки о Бовѣ. Батюшковъ также затѣвалъ поэму съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ русскихъ сказокъ. Л. Н. Майковъ, Батюшковъ, его жизнь и сочиненія, Спб. 1887, стр. 240 и 258.

ковчегъ отечественнаго сокровища, и мы найдемъ въ ономъ множество образцовъ, красотою греческимъ не уступающихъ. Я надѣюсь, что наконецъ почувствуемъ мы достоинство собственности нашей и... постараемся искать стихослагательныхъ драгоцѣнностей въ отечественной словесности; и сравнивая оныя съ чужеземными, предпочтемъ тѣ, которыя нашему языку болѣе свойственны» [1]). Одновременно съ Капнистомъ разсужденіями о стихосложеніи и «русскомъ складѣ» занимались Радищевъ и А. Х. Востоковъ. Они же представили и образцы поэмъ, написанныхъ «русскимъ складомъ». Гнѣдичъ переводилъ тѣмъ же размѣромъ Оссіана, полагая вслѣдъ за Капнистомъ, что «къ пѣснямъ Оссіана никакая гармонія такъ не подходитъ, какъ гармонія стиховъ русскихъ». Увлекся этой модою и Батюшковъ [2]).

Въ концѣ втораго десятилѣтія настоящаго вѣка у насъ начинаетъ подготовляться научный взглядъ на произведенія народной словесности и достигаетъ бо́льшаго развитія мысль о чисто литературномъ значеніи ихъ. Въ 1818 г. Калайдовичъ перепечаталъ сборникъ Кирши Данилова, опустивъ лишь восемь пѣсенъ, признанныхъ имъ неблагопристойными, и стихъ о Голубиной книгѣ, «неприличный по смѣшенію духовныхъ вещей съ простонароднымъ разсказомъ». Въ пѣсняхъ, вошедшихъ въ изданіе Калайдовича, были означены точками мѣста, показывающія, «что тутъ Пѣвецъ нашъ, пресыщенный дарами Бахуса и мечтаніями о сладострастныхъ Вакханкахъ, терялъ совершенно уваженіе къ стыдливости»... [3]) Но рядомъ съ этимъ Калайдовичъ заявилъ, что хотя въ его изданіи исправлена орографія и раздѣлены стихи, сдѣланы «небольшія поправки при явныхъ ошибкахъ писца», но «сверхъ означенныхъ выше поправокъ, ничего нами не прибавлено и не опущено, какъ у перваго издателя, дѣлавшаго произвольныя въ стихахъ прибавленія и сокращенія» [4]). Калайдовичъ не выяснилъ себѣ, какъ слѣдуетъ, происхожденія изданныхъ имъ «стихотвореній», не имѣлъ вѣрнаго понятія о народномъ эпосѣ, относился къ былинамъ съ

[1]) См. сочиненія Капниста, изд. А. Смирдина, 1849, стр. 612 и 614; ср. ib. 596—599 и соч. Державина VI, 279.

[2]) Майковъ, Батюшковъ, его жизнь и соч., стр. 40—42.

[3]) Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, изд. 3, М. 1878, стр. XVI.

[4]) Ib., XX.

точки зрѣнія старинной эстетики [1]), но все-таки призналъ «древнія, или лучше сказать старинныя, Россійскія стихотворенія» принадлежащими къ числу любопытныхъ произведеній нашей словесности [2]): «начало сихъ стихотвореній скрывается во временахъ отдаленныхъ» [3]). «Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ», были изданы Калайдовичемъ по «приказанію» «знаменитаго саномъ, а еще болѣе любовію своею къ Русскимъ Древностямъ, Государственнаго Канцлера графа Николая Петровича Румянцева». Тому же Румянцеву посвятилъ въ 1823 г. Караджичъ вторую книгу второго своего изданія сербскихъ народныхъ пѣсенъ, «у којој су пјесме јуначке најстарије». Мы уже говорили, что ранѣе Караджичъ посѣтилъ Россію и свелъ знакомство съ русскими учеными и литераторами. Своими изданіями онъ первый обратилъ серьезное вниманіе нашей науки и литературы на народныя пѣсни родственныхъ намъ славянскихъ племенъ, и по его же примѣру занялись собираніемъ своихъ пѣсенъ чехи и словаки. Въ первомъ томѣ сборника Челяковскаго «Slovanské národní písně», вышедшемъ въ 1822 г., были помѣщены между прочимъ русскія пѣсни (25) и малорусскія думки (5). Въ 1823 г. вышелъ 1-й выпускъ сборника словацкихъ пѣсенъ Коллара: «Písně světské lidu slovenského v Uhřích». Изданные незадолго до того «Краледворская рукопись» и «Судъ Любуши» также привлекли вниманіе нашихъ ученыхъ и литераторовъ. Въ 1825 г. вышли «Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ, съ подлинникомъ, изд. и перевед. въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія ихъ съ простонародными пѣснями русскими и примѣч. Н. Гнѣдичемъ». По поводу этихъ пѣсенъ А. С. Пушкинъ писалъ Гнѣдичу: «Пѣсни греческія прелесть и tour de force. Объ остроумномъ предисловіи можно бы потолковать? Сходство пѣсенной поэзіи обоихъ народовъ явно — но причины?» [4]). Все это расширяло научный интересъ къ произведеніямъ народной словесности. Съ другой стороны, талантливая обработка народныхъ сказаній, каковою была, напр., поэма Пушкина

[1]) Стр. XV: «Права Данилова на красоты слога самыя ограниченныя»; стр. XVI: «Даниловъ писалъ болѣе для людей необразованныхъ — потому у него много фарсовъ; пѣлъ не для безсмертія, а для удовольствія своихъ слишкомъ веселыхъ слушателей»...

[2]) Стр. I.

[3]) Стр. V.

[4]) Соврем. Обозрѣніе 1868, № 1, стр. 144.

«Русланъ и Людмила», доставляла авторитетъ произведеніямъ, содержаніе которыхъ было заимствуемо изъ родной словесности.

Но время полнаго признанія за произведеніями народной поэзіи значенія «лучшихъ, чистѣйшихъ, вѣрнѣйшихъ источниковъ для нашей словесности» [1]) еще не настало въ 20-хъ годахъ. Это доказываютъ, между прочимъ, тѣ критическія сужденія, какія были вызваны «Русланомъ и Людмилой» [2]). «Житель Бутырской слободы» въ «Письмѣ къ Редактору» «Вѣстника Европы» [3]) заявлялъ: «Если мы бережемъ старинныя монеты даже самыя безобразныя, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія! Мы любимъ воспоминать все относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая-нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинной забавой и составляла все богатство познаній? Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія Русскихъ сказокъ и пѣсень [4]); но когда узналъ я, что наши словесники приняли старинныя пѣсни совсѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величіи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсень, начали переводить ихъ на нѣмецкій языкъ, и наконецъ такъ влюбились въ *сказки* и *пѣсни*, что въ стихотвореніяхъ XIX-го вѣка заблистали *Еруслановы* и *Бовы* на новый манеръ; то я вамъ слуга покорный! Чего добраго ждать отъ повторенія болѣе жалкихъ нежели смѣшныхъ лепетаній?... чего ждать, когда наши поэты начинаютъ народировать Киршу Данилова?... Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительна, а ни мало не смѣшна и не забавна». Критикъ, столь негодовавшій «на новое явленіе въ нашей литературѣ, на явленіе, которое угрожаетъ намъ громадою сочиненій во вкусѣ Еруслана Лазаревича», принадлежалъ, очевидно, къ противникамъ романтики, обильно черпавшей изъ народныхъ вымысловъ; онъ прямо заявилъ въ своемъ отвѣтѣ автору письма въ *Сынѣ Отечества*, осмѣивавшему Бутырскаго старца, что онъ «не одинъ баллады имѣлъ въ виду, но вообще уклоненіе многихъ поэтовъ отъ истиннаго пути, ведущаго къ совершенству; безмѣр-

[1]) Такъ смотрѣли на «вѣру праотцевъ, нравы отечественные, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя» ярые поборники народности въ нашей поэзіи.

[2]) Эти критическія статьи собраны теперь въ книгѣ В. Зелинскаго: Русская критическая литература о Пушкинѣ, ч. I, М. 1887.

[3]) Вѣстн. Европы 1820, № 11; въ сборникѣ Зелинскаго стр. 1—5.

[4]) Эти слова критика заслуживаютъ вниманія.

ное подражаніе не безсмертнымъ красотамъ классиковъ, которыя у насъ вовсе забыты, но блестящимъ, нерѣдко ложнымъ прелестямъ *романтизма*, если не ошибаюсь, *Германическаго*» [1]). Одинъ изъ критиковъ назвалъ даже нѣкоторыя риомы поэмы Пушкина «мужицкими».

Мы довели нашъ очеркъ развитія въ русской наукѣ и литературѣ интереса къ родной старинѣ и народной поэзіи и вліянія этого интереса на оживленіе русской поэзіи народнымъ содержаніемъ до начала 20-хъ годовъ настоящаго вѣка, до времени, когда изученіе народности у насъ быстро расширилось, и начало слагаться опредѣленное ученіе о народности. Мы дошли, слѣдовательно, до конца того періода, въ который украинская этнографія, руководившаяся дотолѣ преимущественно чувствомъ народности, была лишена еще надлежащей научной сознательности и представляла себѣ болѣе или менѣе смутно свои научныя и литературныя задачи. Указанные нами факты достаточно, думаемъ, показали неполноту и невѣрность тѣхъ общихъ соображеній, которыми открывается у г. Петрова глава объ украинскомъ національномъ: мы видѣли, сколько разнообразныхъ теченій сливалось въ общемъ направленіи русской науки и литературы къ изученію и воспроизведенію народности, и какое видное значеніе въ этомъ движеніи принадлежало чисто мѣстнымъ, русскимъ началамъ и обстоятельствамъ русской жизни на ряду съ западноевропейскими воздѣйствіями. Сопоставляя собранные нами факты движенія къ народности въ общерусской литературѣ съ разсмотрѣннымъ ранѣе аналогическимъ движеніемъ въ Украинѣ, нельзя не признать нѣкоторыхъ совпаденій, но эти совпаденія объясняются лишь отчасти вліяніемъ общерусскаго литературнаго движенія на украинскихъ этнографовъ [2]); главное же начало, сближающее оба движенія, любовь къ своей народности, не могло быть привнесено въ украинскую литературу изъ общерусской, потому что издавна было присуще украинцамъ; равнымъ образомъ не нуждалось оно и въ особенномъ просвѣтленіи со стороны общерусскаго

[1]) В. Евр. 1820, № 16; Зелинскій, стр 10.

[2]) Кн. Цертелевъ въ своемъ разсужденіи «о старинныхъ Малороссійскихъ пѣсняхъ» ссылается на «романсы трубадуровъ и пѣсни древнихъ скальдовъ» и сопоставляетъ частности изданныхъ имъ пѣсенъ съ картинами у Оссіана и Гомера; въ этомъ, а также и въ занятіяхъ Цертелева старинною русскою поэзіею слѣдуетъ, быть можетъ, усматривать вліяніе указанныхъ нами начинаній въ общерусской литературѣ. Но обратимъ вниманіе съ другой стороны на то, что сборникъ Цертелева посвященъ Трощинскому, который «отдыхалъ въ сельскомъ уединеніи посреди близкихъ своихъ домашнихъ и земляковъ», былъ «въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ» съ В. А. Гоголемъ и устроилъ домашній театръ для малороссійскихъ пьесъ. Собственная ли это его была затѣя, говоритъ г. Кулишъ, или отецъ Гоголя придумалъ для своего патрона новую забаву — не знаемъ, только старикъ-Гоголь былъ дирижёромъ такого театра и главнымъ его актёромъ. Этого мало: онъ ставилъ на сцену пьесы собственнаго сочиненія, на малороссійскомъ языкѣ». Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко, изд. 2-е, Спб. 1881, стр. 361. Цертелевъ возымѣлъ первую мысль о занятіяхъ украинскою и вообще русскою народною поэзіею, вращаясь въ кружкѣ Трощинскаго и благодаря «случаю», о чемъ самъ заявляетъ; вѣроятно, въ домѣ Трощинскаго или же въ Обуховкѣ, у Каннпста (См. Я. К. Грота соч. Державина, т. VIII, 952), Цертелевъ слышалъ того слѣпца, о которомъ см. выше.

[1]) Разумѣемъ малороссійскія пѣсни въ общерусскихъ пѣсенникахъ.

[2]) Шевыревъ провозглашалъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» то же, чего ранѣе требовалъ кн. Цертелевъ: «Пусть поэты своимъ искусствомъ освѣтятъ для насъ преданія родной старины, пусть въ ихъ звукахъ услышимъ мы наконецъ звуки родные, еще въ дѣтствѣ плѣнявшіе насъ и позабытые нами». Объ отношеніи Пушкина къ вопросу о народности см. въ рѣчи И. Н. Ждановa, помѣщенной въ сборникѣ рѣчей «Въ память А. С. Пушкина», изданномъ Имп. Александровскимъ лицеемъ, Спб. 1887. Цертелевъ былъ сотруд-

стремленія къ народности, потому что не уступало послѣднему въ силѣ, а напротивъ еще само подкрѣпляло общерусскія изданія, содѣйствовавшія поддержанію не вполнѣ сознательной любви къ народной поэзіи[1]), и выразилось въ украинской литературѣ превосходными, по своей народности, произведеніями Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго.

Съ 20-хъ годовъ настоящаго вѣка украинская литература и этнографія начали развиваться быстрѣе, по сравненію съ предшествовавшимъ временемъ. Это объясняется не только особымъ развитіемъ изученій народности и стремленія къ ея выраженію въ общерусской литературѣ съ 20-хъ годовъ, но также и непосредственнымъ сильнѣйшимъ вліяніемъ общеевропейскаго и въ частности общеславянскаго умственнаго и литературнаго движенія, ознаменовавшаго собою первыя десятилѣтія нашего вѣка. Украинское научное и литературное движеніе 20-хъ, 30-хъ, 40-хъ и начала 50-хъ годовъ, совпадая съ общерусскимъ въ основномъ стремленіи къ изученію и художественному воспроизведенію народности, тѣмъ не менѣе во многомъ отличалось отъ соотвѣтственнаго общерусскаго теченія. Оно не только примыкало къ общеевропейскому и въ частности къ общерусскому движенію по направленію къ народности [2]), не только находилось въ связи съ обще-

европейской романтикою [1]), но имѣло и свои собственные исходные пункты.

Не касаясь старинныхъ рукописныхъ сборниковъ пѣсенъ, — сборниковъ, которые существовали въ южной Руси, какъ и въ сѣверной, еще съ XVII вѣка [2]), укажемъ на то, что въ Украинѣ сильное воздѣйствіе на романтическое обращеніе къ старинѣ оказали опыты этнографическаго изученія южнорусской народности, появлявшіеся въ польской и галицко-русской литературѣ.

Говоря о появленіи въ печати записей произведеній малорусской народной словесности, г. Петровъ не упомянулъ объ интересѣ къ малорусскимъ народнымъ повѣстямъ, преданіямъ, пѣснямъ и обычаямъ, какой проявлялся въ польской литературѣ уже съ начала XIX в., по почину Коллонтая. Въ «Pamiętnik Warszawski» 1805 г. была помѣщена статья: «Swactwa, wesela i urodziny u ludu ruskiego na Rusi Czerwonej». Въ 1811 г. вышла книга Игнатія Червинскаго, содержащая описаніе обычаевъ люда «okolicy za-Dniestrskiéj między Stryjem i Lomnica» [3]). Во второмъ десятилѣтіи

никомъ «Сына Отечества», ратовавшаго за романтизмъ; Максимовичъ помѣщалъ свои статьи въ «Московскомъ Телеграфѣ». Предисловіе къ сборнику Малороссійскихъ пѣсенъ, изданному Максимовичемъ въ 1827 г., открывается словами: «Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну *народности;* начинаетъ уже сбываться желаніе, да создастся поэзія истинно русская!»

[1]) Въ украинской литературѣ отзывалась романтика нѣмецкая и англійская. Польско-украинскіе поэты были страстными почитателями поэзіи Байрона; то же можно сказать и о нѣкоторыхъ малорусскихъ поэтахъ. Такъ, въ стихотвореніи Л. Боровиковскаго «Козакъ (подражаніе *народной пѣсни*)» находимъ Байроновскій мотивъ на риду съ отзвуками изъ пѣсни «За Немань иду»:

Чужый мини край свій, чужый мини свитъ,
За мною симья не заные —
Хиба тилько песъ мій, оставшысь въ воритъ,
Голодный, якъ ридный, завые.

Украинскій альманахъ, Харьк. 1831, стр. 63.

[2]) См. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1886, № 11, ст. Я. Ѳ. Головацкаго «Замѣтки и дополненія къ статьѣ г. Пыпина «Обзоръ малорусской этнографіи», стр. 338 и 345—347, гдѣ сообщены свѣдѣнія о нѣсколькихъ рукописныхъ сборникахъ XVII и XVIII вв. и высказано предположеніе, что въ *кантичкахъ* можно «напасть на слѣдъ важныхъ историческихъ пѣсенъ и думъ, которыя вытѣснены изъ памяти народа».

[3]) Czerwiński, Okolica Zadniestrska, Lw. 1811.

настоящаго вѣка въ польскихъ журналахъ явилось нѣсколько статей, заключающихъ описаніе народныхъ бѣлорусскихъ и червонорусскихъ обычаевъ и нѣкоторыя пѣсни. Тогда же началъ пріобрѣтать широкую извѣстность Ходаковскій, котораго А. Н. Пыпинъ называетъ «однимъ изъ первыхъ восторженныхъ проповѣдниковъ изученія народности для цѣлей исторіи и народнаго достоинства». Ходаковскій началъ страстно заниматься народною археологіею около 1814 г., какъ предполагаетъ г. Пыпинъ. Въ 1818 или въ 1819 г. Lach Szyrma напечаталъ въ одномъ повременномъ изданіи двѣ украинскія думы съ польскимъ переводомъ. Въ 1821 г. профессоръ Львовскаго университета Hüttner напечаталъ въ альманахѣ съ календаремъ, вышедшемъ подъ заглавіемъ «Pielgrzym lwowski», статью: «Volkslieder. Mit Bemerkungen begleitet vom Herausgeber». Въ этой статьѣ говорилось о значеніи пѣсенъ народа для характеристики его мышленія и чувствованій о возникновеніи народныхъ пѣсенъ и историческомъ значеніи ихъ, было высказано желаніе, чтобы было обращено вниманіе на эти пѣсни, а затѣмъ были приведены нѣсколько краковяковъ, одна мазурская пѣсня, одна «русняцкая» («Не ходи, Грицю, на вечерниці») и одна «Казацкая» (украинская: «Козакъ коня напувавъ»), съ весьма удачнымъ нѣмецкимъ переводомъ. Неизвѣстно, какое участіе принималъ въ напечатаніи этихъ пѣсенъ будущій историкъ Галичины, Зубрицкій, но несомнѣнно, что онъ былъ сотрудникомъ Hüttner-а по изданію альманаха. Въ томъ же первомъ выпускѣ «Pielgrzym lwowski» были напечатаны пересказы двухъ галицкихъ сагъ. Со смертію Гиттнера въ Мартѣ 1822 г. редакцію Pielgrzym-а принялъ на себя другой профессоръ Львовскаго университета Mauss. Въ изданномъ имъ выпускѣ альманаха была помѣщена замѣтка Зубрицкаго «О галицкихъ народныхъ пѣсняхъ», которая была написана, вѣроятно, на польскомъ языкѣ. Авторъ статьи, не будучи знакомъ съ первыми польскими этнографическими этюдами, ссылался лишь на статью о народныхъ пѣсняхъ въ предшествующемъ выпускѣ альманаха, которая была съ удовольствіемъ встрѣчена людьми, любящими свою родину. По словамъ автора, въ Галичинѣ, да, вѣроятно, и въ Польшѣ никто ранѣе покойнаго редактора Львовскаго альманаха не обращалъ вниманія на данныя, заключающіяся въ народныхъ пѣсняхъ [1]), между тѣмъ какъ въ

[1]) «...die Ehre, diese Sache bei uns zuerst zur Sprache gebracht zu haben, gebührt *einzig* dem verstorbenen Redakteur des Pilgers von Lemberg...»

Германіи изданы цѣлыя собранія народныхъ пѣсенъ учеными перваго ранга, каковы: Гердеръ, Görres, Büsching, Bothe, Ziska, Schottky, да и сербскія пѣсни изданы въ двухъ томахъ Вукомъ Стефановичемъ. Зубрицкій говорилъ затѣмъ объ обилін польскихъ и въ особенности русскихъ (малорусскихъ) пѣсенъ и о томъ, что любящій отчизну не будетъ чуждаться пѣсенъ простаго народа [1]).

Вліяли ли непосредственно эти этюды и статьи, явившіеся на польскомъ языкѣ, на украинскихъ этнографовъ на ряду съ новѣйшимъ всеобщимъ пѣсенникомъ Калатилина (1810) [2]), собраніемъ россійскихъ пѣсенъ съ музыкою Прача и т. п., мы не можемъ сказать, но весьма вѣроятно, что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ, а также изъ неназванныхъ еще нами работъ на польскомъ языкѣ могли быть извѣстны украинскимъ этнографамъ, если не въ подлинникахъ, то въ переводахъ [3]). Русскіе почитатели Ходаковскаго предполагали издать, по сообщенію Лелевеля, малорусскія пѣсни, собранныя Ходаковскимъ. Максимовичу, продолжавшему дѣло кн. Цертелева и издавшему первыя значительныя собранія малороссійскихъ пѣсенъ, были извѣстны не только предшествовавшія изданія этихъ пѣсенъ [4]), но и матеріалы, находившіеся въ рукописяхъ Цертелева [1]) и Ходаковскаго (Адама Черноцкаго) [2]), а также статья Бродзинскаго о народныхъ пѣсняхъ славянъ, на русскій переводъ которой [3]) Максимовичъ указываетъ въ предисловіи къ пѣснямъ, изданнымъ имъ въ 1827 г. Здѣсь онъ упоминаетъ, что можетъ сравнивать Малороссійскія пѣсни «въ особенности только съ русскими, ибо пѣсни прочихъ племенъ славянскихъ мнѣ не столько извѣстны», говоритъ онъ, но, тѣмъ не менѣе, сопоставляетъ по мѣстамъ малороссійскія пѣсни съ польскими. Многими замѣчаніями о русскихъ народныхъ пѣсняхъ Максимовичъ, по его собственнымъ словамъ (предисл. 1834 г.), былъ обязанъ П. В. Кирѣевскому, но несомнѣнно, что особенно глубокое впечатлѣніе на русскихъ современниковъ произвелъ своимъ страстнымъ влеченіемъ къ изученію народности, а также своими статьями, помѣщенными въ русскихъ журналахъ, Ходаковскій, звавшій ученыхъ изслѣдователей «подъ сельскую кровлю», «въ черныя хижины», гдѣ можно найти много откровеній.

Пѣсни, изданныя Максимовичемъ въ 1827 г., произвели глубокое впечатлѣніе на читателей [4]). Г. Петровъ говоритъ объ этомъ

---

[1]) Подробнѣе объ указанныхъ выпускахъ Pielgrzym-а можно прочесть у Коцовскаго: Житіе и значеніе Маркіяна Шашкевича, стр. 78—85.

[2]) Въ этомъ сборникѣ, какъ и въ сборникѣ Львова, были помѣщены нѣкоторыя малороссійскія пѣсни.

[3]) Въ «Вѣстникѣ Европы» 1827, № 11, былъ помѣщенъ переводъ статьи Зубрицкаго «Изъ календаря Львовскаго (Pielgrzym) на 1823 г.» «О простонародныхъ пѣсняхъ» (стр. 191—198), и была приведена переводчикомъ К. (не Каченовскимъ, который присоединилъ свои примѣчанія, подписавъ: Редакторъ) выдержка изъ статьи Львовскаго календаря на 1822 г. (стр. 198—201). Въ концѣ книжки была приложена музыка пѣсни «Не ходи Грицю». Въ Моск. Вѣстникѣ 1828, ч. 2, сказано по поводу помѣщенной тамъ Снегиревымъ программы труда о русскихъ народныхъ праздникахъ, порученнаго ему «Обществомъ Исторіи и Древностей»: «Варшавское историческое общество предложило также подобную задачу: описать народные праздники и суевѣрія въ Польшѣ и опредѣлило сочинителя наградить золотою медалью. Вѣроятно, такой подвигъ заслужитъ и у насъ всеобщее вниманіе».

[4]) Въ предисловіи къ изданію «Малороссійскихъ пѣсенъ» 1827 г. Максимовичъ говоритъ: «Изъ великаго множества въ народѣ обращающихся пѣсенъ, нѣкоторыя были помѣщаемы болѣе или менѣе исправно въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; въ пѣсенникахъ весьма нерѣдко искаженныя, наболѣе же противъ языка». Каченовскій также писалъ въ Вѣстн. Европы 1827, № 6, стр. 120: «вошло въ сборники наши нѣсколько Малороссійскихъ пѣсенъ, по обыкновенію весьма неисправно печатаемыхъ издателями — торговцами, между тѣмъ какъ большая часть оныхъ остается въ неизвѣстности, а южные Русины вообще отмѣнно богаты пѣснями». Нѣкоторыя пѣсни были напечатаны въ журналахъ И. П. Котляревскимъ, но въ какихъ именно, еще не указано.

[1]) Цертелевъ сообщилъ Максимовичу 32 пѣсни. В. Евр. 1827, № 12, стр. 270. См. также предисловія къ изданію пѣсенъ 1827 и 1834 гг., перепечатанныя въ Собр. соч. М. А. Максимовича, т. II, К. 1877.

[2]) О Ходаковскомъ см. обстоятельную ст. А. Н. Пыпина: «Зоріанъ Доленга-Ходаковскій» въ «Вѣстн. Евр.» 1886, № 11. Въ предисловіи къ своему изданію пѣсенъ 1827 г. Максимовичъ говоритъ, что «покойный Зоріанъ Ходаковскій, послѣ коего остался знатный запасъ для изданія «Малороссійскихъ пѣсенъ», показывалъ ему образцы пѣсенъ заклинательныхъ. Потомъ Максимовичъ «пріобрѣлъ Собраніе народныхъ пѣсенъ покойнаго З. Я. Ходаковскаго, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными» (Предисл. къ «Украинскимъ народнымъ пѣснямъ» 1834 г.). Въ предисловіи къ «Сборнику Украинскихъ пѣсенъ» 1849 г. Максимовичъ также сообщаетъ «о собраніи Русскихъ пѣсенъ, преимущественно Волынскихъ, оставшемся послѣ покойнаго З. Я. Ходаковскаго». «Оно куплено мною у его вдовы, и понынѣ находится у меня, какъ въ собственноручномъ подлинникѣ, такъ и въ копіи, переписанной въ Москвѣ, вскорѣ послѣ смерти собирателя». Въ сборникѣ Ходаковскаго были также, вѣроятно, галицкія и полтавскія пѣсни. См. ниже.

[3]) В. Евр. 1826, № 13.

[4]) Въ предисловіи къ «Украинскимъ народнымъ пѣснямъ» 1834 г. самъ Максимовичъ говоритъ о «полномъ успѣхѣ» изданія 1827 г.

впечатлѣніи, но — неполно. Со времени выхода въ свѣтъ сборника Максимовича началось воздѣйствіе украинской этнографіи на галицко-русскую, при чемъ имѣло мѣсто и обратное вліяніе.

То значеніе, какое у насъ принадлежало сборнику Максимовича, въ Галичинѣ утвердилось надолго за сборникомъ Вацлава изъ Олеска (Залескаго). Первая идея собиранія народныхъ пѣсенъ явилась у Залескаго самостоятельно. Родившись въ галицко-русской деревнѣ и проводя смолоду немало времени среди сельскаго люда, онъ полюбилъ пѣсни, которыя убаюкивали его въ годы дѣтства. Онѣ рано запечатлѣлись въ его памяти, какъ pierwsze pobudki rozwijającego się uczucia. Онъ просилъ уже школьныхъ своихъ пріятелей пособлять ему въ собираніи пѣсенъ [1]). Въ «Pielgrzym lwowski» 1823 г. Залескій (Zalewski) помѣстилъ свою запись разсказа одного умершаго священника о пещерѣ въ Яновѣ Львовскаго округа. Залескій тщательно слѣдилъ съ того времени за трудами по этнографіи, являвшимися въ различныхъ славянскихъ литературахъ и въ особенности въ польской литературѣ [2]), и, повидимому, немало повліяли на него труды русскихъ (южно-русскихъ, въ частности галицкихъ) этнографовъ [1]). Быть можетъ, русскіе пѣсенники навели и Залескаго на мысль о собираніи и изданіи малорусскихъ пѣсенъ [2]), какъ они же могли внушить подобную мысль Ходаковскому [3]). Въ предисловіи къ своему сборнику Залескій по-

[1]) Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego, Zebrał i wydał Wacław z Oleska, we Lwowie 1833, IV.

[2]) Въ своей «Rozprawa wstępna» Залескій цитуетъ изъ польскихъ поэтовъ, перерабатывавшихъ произведенія народной словесности: Бродзиньскаго, Мицкевича, Богдана Залескаго (стр. VII, ср. XI). Изъ польскихъ трудовъ по этнографіи Залескій называетъ прежде всего письмо Бродзиньскаго 1826 г въ «Dziennik Warsawski», изъ котораго Залескій выбралъ и эпиграфъ къ своей книгѣ. Онъ говоритъ о Бродзиньскомъ (стр. VIII): «gdy się Brodziński — szanowny Brodziński, którego już sama powaga powinna była zasłonić od wszelkiego zarzutu-ośmielił wydać w dzienniku Warszawskim niektóre pieśni gminne Sławiańskich ludów, z jakąż to czynił nieśmiałością?... a jednak dał on wtedy tylko niektóre pieśni żeńskie, bardzo gładko obrobione, i do tak zwanego wyższego smaku zastosowane». Кромѣ письма Бродзиньскаго въ статьѣ Залескаго упомянуты: ст. Hüttner-a въ «Pielgrzym Lwowski na rok 1821» и статья въ слѣдующемъ выпускѣ Львовскаго альманаха. Въ особенности произвели впечатлѣніе на Залескаго слухи о дѣятельности Ходаковскаго: «Zorian Chodakowski, говоритъ Залескій (X—XI), znany mi tylko z ćwiczeń naukowych w Krzemieńcu drukowanych, prawdziwą czcią mię ku sobie napełnił... Słyszałem o sposobie jego zbiérania pieśni go ludu... To jest jedyny i prawdziwy sposób zbierania pieśni ludu... Na takę wiadomość radośnie zbiór mój znowu zamknąłem...» Но потомъ пришла вѣсть о смерти Ходаковскаго; между тѣмъ народныя пѣсни, напечатанныя Бродзиньскимъ, встрѣтили благосклонный пріемъ; въ журналахъ польскихъ и заграничныхъ начали говорить о необходимости собиранія народныхъ польскихъ пѣсенъ. «Tém wszystkiém zachęcony zacząłem się porządnie krzątać około zbioru mego, gdy tym czasem pojawił się we Lwowie *pątnik narodowy*, który podług prospektu miał wyjść we 12. tomikach. Tomik piérwszy wyszedł w saméj rzeczy z druku w roku 1827. Umieszczona w nim rozprawa *o pieśniach ludu polskiego i ruskiego* jest jakoby przedmowa do już gotowego zbioru pieśni...» Залескому опять оставалось прекратить свою работу, но послѣ I-го т. «Pątnik-a» слѣдующіе не появлялись, и Залескій принялся въ третій разъ за редактированіе своего сборника. Тѣмъ временемъ вышли въ свѣтъ: статья Жуковскаго «w Meliteli na rok 1830» (о народныхъ пѣсняхъ), трудъ Gołębiowskiego: Lud polski, jego zwyczaje, zabobony etc., Warsz. 1830; замѣтки «w *Haliczaninie* wydanym we Lwowie 1830. roku staraniem Walentego Chledowskiego». Сверхъ того, Залескій упомянулъ еще въ своемъ предисловіи о статьѣ *Woronicza o pieśniach narodowych*» (въ «*Roczniki* towar. warsz. przyj. nauk». t. 6).

[1]) Залескій говоритъ (стр. IX): «U pobratymczych Sławian pokazały się zbiory pieśni ludu. *Najliczniejsze* u *Rossian*» (слѣдуетъ перечень). Не совсѣмъ точно то, что говоритъ г. Головацкій въ *Р. Вѣстн.* 1886, № 11, стр. 331: «Мы можемъ удостовѣрить, что до присылки книгъ Погодинымъ, Бодянскимъ, Срезневскимъ и др. во всемъ Львовѣ не было ни одной книги по русской этнографіи за исключеніемъ Древнихъ Стихотвореній, изд. Калайдовича 1818 г., и двухъ томовъ Прача, находившихся въ библіотекѣ Оссолинскихъ. Это случилось намъ слышать отъ самого В. Залескаго, которому мы одолжали и *Narodnie Zpiewanky* Коллара. Мы обратили его вниманіе на *Сборникъ* Максимовича (Москва 1827 г.), о которомъ онъ вовсе не зналъ, а то навѣрно упомянулъ бы въ предисловіи о томъ, что Максимовичъ въ прибавленіи напечаталъ нѣсколько пѣсенъ, которыя «поются около Теребовля въ Галиціи». Онъ не замѣтилъ, что и у Прача напечатано нѣсколько Малороссійскихъ пѣсенъ. Заглавія остальныхъ сборниковъ русскихъ пѣсенъ В. Залескій выписалъ изъ Шафарика (Geschichte der slawischen Literatur) 1826 г. и Челаковскаго (Slovánske narodné pisne 1822 г.)» Залескій упоминаетъ только, что въ моментъ написанія введенія къ пѣснямъ не имѣлъ подъ руками сборника Прача (sic), но ранѣе Залескій, повидимому, былъ знакомъ съ этимъ сборникомъ, а равно и съ пѣсенникомъ Калатилина (см. стр. XXX). Касательно пѣсенъ Максимовича ср. стр. 332 ст. г. Головацкаго въ Р. Вѣстн.», а также стр. 10—11 его воспоминаній въ «Литер. Сборн., изд. гал.-р. матицею», 1885 г., вып. I., гдѣ читаемъ, что въ бытность свою во Львовскомъ университетѣ Головацкій переписалъ весь «Сборникъ Малороссійскихъ пѣсенъ» Максимовича (1827), нѣкоторыя пѣсни Кирши Данилова (изд. 1818) *изъ имѣвшихся въ библіотекѣ Оссолинскихъ экземпляровъ*, прежде въ черновую тетрадку, а потомъ переписывалъ дома начисто».

[2]) Перечисляя славянскіе сборники народныхъ пѣсенъ, Залескій показываетъ первыми въ ряду ихъ русскіе.

[3]) Въ своей статьѣ 1818 г., помѣщенной во II-мъ т. «Ćwiczenia naukowe», выходившихъ въ Кременцѣ, Ходаковскій упоминаетъ о томъ, что въ рус-

вторилъ нѣкоторыя мысли, высказанныя Зубрицкимъ въ Pielgrzym 1823 г. и Максимовичемъ въ 1827 г. Южнорусскія пѣсни онъ ставилъ выше польскихъ. Въ статьѣ своей «O pieśniach ludu Galicyjskiego», которая была помѣщена первоначально въ Львовскихъ Rozmaitości 1833 г., Залескій, по словамъ Я. Ѳ. Головацкаго [1]), «первый и единственный изъ поляковъ оцѣнилъ народныя пѣсни русскихъ галичанъ и призналъ ихъ въ поэтическомъ отношеніи выше пѣсенъ польскаго народа» [2]). Статья эта была перепечатана въ пѣсняхъ Вацлава изъ Олеска, «однако же съ нѣкоторыми пропусками».

Галицкія изданія становились вскорѣ извѣстными украинскимъ этнографамъ. Максимовичъ въ предисловіи къ «Украинскимъ народнымъ пѣснямъ», изд. 1834 г., упоминаетъ, что «въ № 3 Журнала минист. нар. просвѣщенія (1834) извѣщено объ изданіи двухъ Малороссійскихъ грамматикъ гг. Левицкимъ и Лозинскимъ, 1833. Въ Лембергѣ издано Вацлавомъ зъ Олеска собраніе Галицкихъ пѣсенъ» [3]).

Въ томъ же предисловіи къ пѣснямъ, изданнымъ въ 1834 г., Максимовичъ называетъ цѣлый рядъ лицъ, отъ которыхъ достались ему матеріалы; въ числѣ этихъ лицъ, кромѣ Цертелева и Ходаковскаго, находимъ Н. В. Гоголя, И. И. Срезневскаго, А. Г. Шпигоцкаго, И. В. Крамаренка, О. М. Бодянскаго «и нѣкоторыхъ

скихъ мѣстностяхъ сохранилось больше старыхъ пѣсенъ, чѣмъ въ польскихъ, — что въ первыхъ издавна имѣло мѣсто болѣе любовное отношеніе къ пѣснямъ и продолжаетъ (передаемъ словами перевода г. Пыпина — см. стр. 346 названной его статьи о Ходаковскомъ): «Въ сѣверной Россіи въ концѣ восемнадцатаго вѣка, собирали и печатали пѣсни; издатель хвалитъ ихъ широкое однообразіе по всѣмъ областямъ, но отдаетъ поэтическое превосходство пѣснямъ малороссійскимъ, т. е. южной Руси. Я соглашаюсь съ этимъ, по собственному убѣжденію, когда заглянулъ отчасти за Днѣпръ, въ полтавскій край. Надо сказать, однако, правду, что *въ томъ сборникѣ въ двѣнадцать книгъ* не видать ясной цѣли». Когда Ходаковскій собиралъ малороссійскія пѣсни, ему, по его собственнымъ словамъ, еще не были извѣстны пѣсни «силезскія, чешскія, моравскія и венгерско-славянскія». — Замѣтимъ, что статья Ходаковскаго «О Славянщинѣ передъ христіанствомъ», напечатанная въ 1818 г., была извѣстна В. Залескому (стр. X его вступ. статьи).

[1]) Р. Вѣстн. 1886, № 11, стр. 325.

[2]) К. Туровскій въ своей брошюрѣ «Uwagi nad niektórémi pieśniami poetów ludu», Lwów 1835, приглашая просвѣщенныхъ поэтовъ учиться у поэтовъ народныхъ и характеризуя пріемы послѣднихъ, приводитъ примѣры преимущественно изъ малорусскихъ пѣсенъ.

[3]) Труды Вацлава изъ Олеска, Лозинскаго и Левицкаго цитуются и въ статьѣ Мастака (Бодянскаго) 1834 г. (стр. 289).

другихъ». Очевидно, выраженное Максимовичемъ въ 1827 г. желаніе, «чтобы кто-нибудь изъ земляковъ его», «въ Полтавской губерніи или близъ Кіева живущихъ, поспѣшилъ сохранить для словесности» народныя пѣсни, исполнилось. Въ 30-хъ годахъ южно-русская этнографія подвинулась значительно впередъ. Въ 1833 г. начала выходить «Запорожская Старина» И. И. Срезневскаго. Издатель собиралъ преданія частію «самъ отъ бандуристовъ и простаго народа, также отъ оставшихся въ живыхъ запорожцевъ; частію получалъ отъ другихъ» [1]). Срезневскій занялся собираніемъ козацкихъ пѣсенъ и преданій, повидимому, съ 1826 г. [2]). Онъ напечаталъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ уже въ «Украинскомъ альманахѣ» 1831 г. Теперь въ Украинѣ возникъ энтузіазмъ къ ея старинной поэзіи. Срезневскій чрезвычайно увлекался и малорусскимъ нарѣчіемъ, которое назвалъ въ письмѣ къ Снегиреву «поэтическимъ, музыкальнымъ и живописнымъ», и народною поэзіею Украины. Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ: «Едва ли ошибемся если скажемъ, что мало народовъ, кои были бы богаче украинцевъ пѣснопѣніями, и чтобы сіи пѣснопѣнія были столь изящны въ отношеніи поэтическомъ, столь разнообразны по содержанію, и вмѣстѣ столь музыкальны» [3]). Такого же увлеченія исполнились вскорѣ Костомаровъ и Кулишъ [4]). Украинскія пѣсни произвели весьма сильное впечатлѣніе даже на польскихъ литераторовъ. Пѣсни, изданныя Максимовичемъ въ 1834 г., вызвали статью Михаила Грабовскаго, въ которомъ онѣ «najżywsze i najgruntowniejsze zostawiły wrażenie» [5]). Въ Украинѣ повторилось то же, что имѣло мѣсто и въ другихъ странахъ Европы около того времени, между прочимъ,

[1]) Запорожская старина, ч. I, II, 11. Ср. въ ст. г. Пыпина о малорусской этнографіи въ Вѣстн. Евр. 1885, № 12, стр. 815—817. — Свѣдѣнія о дѣятельности Срезневскаго въ Харьковѣ см. въ предисловіи Сокальскаго къ изданному имъ въ Харьковѣ въ 1833 г. «Историческому обозрѣнію гражданскаго устроенія Слободской Украйны».

[2]) Въ предисловіи къ 1-й части «Запорожской Старины», подписанномъ 2 апрѣля 1833 г., Срезневскій упоминаетъ, что онъ 7 лѣтъ собиралъ думы, къ печатанію которыхъ приступилъ (стр. 17).

[3]) Стр. 137.

[4]) Въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ г. Кулишемъ въ «Нови» (май 1885), разсказывается, что Костомаровъ полюбилъ украинскую словесность, познакомившись съ пѣснями, изданными Максимовичемъ въ 1827 г., а Кулишъ — со сборникомъ 1834 г. Извѣстіе касательно Костомарова подтверждается словами его автобіографіи: Р. Мысль 1885, май, 202.

[5]) Lit. i kryt. I, 118.

въ Литвѣ [1]),—поддѣлка народныхъ пѣсенъ. Уже названный польскій критикъ Грабовскій, знакомя читателей съ пѣснями, изданными Максимовичемъ въ 1834 г., заподозрилъ народное происхожденіе нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ, именно пѣсенъ о разбитіи Наливайкомъ Жолкѣвскаго въ 1596 г., о Самкѣ Мушкетѣ и Полторакожухѣ [2]). Новѣйшая критика также признала подложность нѣкоторыхъ изъ напечатанныхъ въ 30-хъ годахъ украинскихъ пѣсенъ. Позже была поддѣлана «Сказка про Бога Посвыстача», напечатанная Шишацкимъ-Иллічемъ въ № 16 Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1855 г. Авторъ этой поддѣлки хотѣлъ, очевидно, дать пѣсню, которая указывала бы «на происшествія, случившіяся съ кіевскими князьями въ періодъ ихъ язычества» [3]).

Общерусская литература относилась двояко къ развитію украинской этнографіи. Съ одной стороны, въ этой литературѣ начали все чаще и чаще толковать объ Украинѣ и ея поэзіи. Съ другой стороны, украинскимъ изслѣдователямъ приходилось иногда выслушивать осужденіе за особое вниманіе къ народной поэзіи. Извѣстно, что Бѣлинскій, расхваливший въ Отеч. Запискахъ 1839 г. (кн. II) драматическія сцены Костомарова подъ заглавіемъ: *Савва Чалый* и не одобрившій лишь тяжелаго языка въ этомъ произведеніи, съ презрѣніемъ отозвался о диссертаціи того же писателя, написанной на тему: *Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи* [4]). Не хотѣлъ признать этой диссертаціи и ученый ареопагъ харьковскихъ профессоровъ, и въ числѣ ихъ Артемовскій-Гулакъ, «хорошо знавшій по-малорусски» и долженствовавшій, казалось бы, по предшествовавшей его литературной дѣятельности, быть народникомъ [5]).

[1]) Въ 30-хъ годахъ Нарбуттъ поддѣлалъ нѣкоторыя литовскія пѣсенки. Arch. f. slav. Philol., IX, 14.

[2]) Liter. i krytika, t. I, część dr. 42—43, 47—48.

[3]) О поддѣлкѣ думы о Посвистачѣ см. въ Отеч. Зап. 1857, № 6, и въ рецензіи А. А. Котляревскаго на 1-й т. соч. Аѳанасьева: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу (Отчетъ о десятомъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб. 1868, 80). О Шишацкомъ-Ильичѣ см. краткую замѣтку Конисскаго въ альманахѣ «Ватра», Стрый 1887, стр. 112. Рецензентъ пѣсенъ, изданныхъ Метлинскимъ, въ Отеч. Зап. 1855, № 1, отд. IV, выразилъ сомнѣніе въ подлинности нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ, и его сомнѣнія не лишены основанія.

[4]) Отзывъ Бѣлинскаго см. въ IX-мъ т. его сочиненій. Объ отношеніи Бѣлинскаго къ народной поэзіи имѣется этюдъ С. Бураковскаго: Русская народная поэзія и Бѣлинскій, Спб. 1871. См. еще ст. О. Ѳ. Миллера: «Западники и славянофилы въ ихъ отношеніяхъ къ малорусской народности» въ № 10 «Извѣстій С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества» 1884 г.

[5]) «Послѣ защищенія (диссертаціи: *Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи*), состоявшагося 12 января 1844 г., нѣкоторые изъ членовъ университета желали дать Костомарову каѳедру, но другіе воспротивились этому: Костомарову повредило здѣсь его увлеченіе этнографіей. Въ видахъ ближайшаго изученія народа, онъ бродилъ по слободамъ и шинкамъ, а въ то время это казалось до того необычнымъ и страннымъ, что нѣкоторые ученые и степенные люди считали его какимъ-то «блаженненькимъ». Это побудило его оставить Харьковъ и перебраться въ Кіевъ». Автобіографическая записка Костомарова въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Имп. унив. св. Владиміра, Кіевъ 1884, стр. 285.

[1]) Мы уже упоминали о комической оперѣ *Днѣпровская русалка*, о *Казакѣ-стихотворцѣ* кн. Шаховскаго; къ этимъ произведеніямъ можно бы прибавить романъ Нарѣжнаго *Бурсакъ*, повѣсти Байскаго и др.

[2]) Однимъ изъ первыхъ украинскихъ этнографовъ считалъ И. П. Котляревскаго Стеблинъ-Каминскій уже въ 1839 г. (Сѣв. Пчела, № 146). 7 лѣтъ ранѣе почти тѣми же словами отозвался о Котляревскомъ И. И. Срезневскій, указавшій на то, что Наталка Полтавка имѣла сильное вліяніе на изученіе украинской народности.

[3]) Стихотвореніе Павловскаго «Вакула Чмырь» написано подъ вліяніемъ народной пѣсни:

Струже вітеръ дуже,
Козакъ на морози...
Скажи, пане брате,
Чи не бачивъ люльки на дорози? *и проч.*

Мы слышали эту пѣсню на Волыни. Есть даже прямые слѣды этой пѣсни въ стихотвореніи Павловскаго, именно въ стихахъ (на стр. 95):

И зла заверýха
Въ вічы струже
Прытьмомъ дуже,

и далѣе (на стр. 99):

Пытáть Чмыръ ставъ:
«Чы не выдáвъ
«Люльки на дорóзі»?

Такъ ново было въ русской литературѣ и наукѣ занятіе народною поэзіею!

Въ украинской литературѣ развитіе этнографіи ознаменовалось весьма важными послѣдствіями. Если общерусская литература обращалась повременамъ съ начала настоящаго вѣка къ украинскимъ сюжетамъ [1]), то тѣмъ болѣе должна была почерпать содержанія изъ родныхъ сказаній и пѣсенъ украинская литература. Развитіе этой послѣдней постоянно шло обокъ съ расширеніемъ этнографическаго изученія Украины и вниманія къ народу, его быту и словесности. Большинство украинскихъ поэтовъ и повѣствователей, начиная съ перваго по времени И. П. Котляревскаго [2]), а также съ автора первой грамматики украинскаго нарѣчія — Павловскаго [3]),

и оканчивая мизерными стихотворцами новѣйшаго времени, были хорошо знакомы съ народною поэзіею, благодаря непосредственному соприкосновенію съ народомъ, а иногда и собирали произведенія ея. До 60-хъ годовъ включительно украинскіе этнографы руководились мыслью, вдохновлявшею нѣкогда Ходаковскаго, мыслью о великомъ значеніи этнографическаго изученія. По ихъ мнѣнію, это изученіе раскрываетъ духъ народа и разъясняетъ многое въ его исторической судьбѣ [1])».

Г. Петровъ, не остановившійся на дѣятельности Ходаковскаго [2]) и лишь слегка очертившій послѣдующее развитіе украинской этнографіи [3]), сказалъ объ этомъ развитіи не въ надлежащемъ мѣстѣ. Равнымъ образомъ, устанавливая общій взглядъ на украинскую литературу, г. Петровъ не принялъ во вниманіе этого вліянія на нее народной словесности, не выдѣлилъ въ цѣльномъ очеркѣ заимствованій украинской литературы изъ народной поэзіи и только по частямъ, при обзорѣ дѣятельности отдѣльныхъ писателей, отмѣтилъ такія заимствованія. Указанія г. Петрова на источники нѣкоторыхъ произведеній украинской литературы, заключающіеся въ народной словесности, составляютъ одну изъ главныхъ заслугъ его книги, но, къ сожалѣнію, не всегда точны, не полны и не сведены въ общую характеристику.

Не имѣя притязанія на таковую, мы укажемъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ на значеніе народной поэзіи въ дѣятельности украинскихъ литераторовъ послѣ Котляревскаго.

Извѣстно, какъ страстно любилъ Н. В. Гоголь украинскія пѣсни и какой матеріалъ доставили ему украинскія преданія и сюжеты для первыхъ его произведеній [4]). Квитка переработывалъ нѣко-

[1]) Это читаемъ, между прочимъ, въ «Słowo wstępne» къ «Sioło, pismo zbiorowe, poświęcone rzęczom ludowym ukraińsko-ruskim», — журналу, который издавался во Львовѣ въ 1866 г.: «Wielu nie wie o skarbach, które lud nagromadził, nie znają pięknych stron jego duszy»... и т. п.

[2]) Между прочимъ, онъ не упомянулъ о статьяхъ Ходаковскаго въ Украинскомъ Вѣстникѣ, о которыхъ не говоритъ и г. Пыпинъ.

[3]) Мы не разъ уже въ настоящемъ трудѣ упоминали о статьяхъ г. Пыпина, представившаго обстоятельный очеркъ украинской этнографіи.

[4]) Кромѣ воспоминаній Г. П. Данилевскаго, напечатанныхъ въ Историческомъ Вѣстникѣ 1886 г., см. еще предисловіе того же Данилевскаго къ его «Степнымъ сказкамъ», Спб. 1852, стр. 12—13: «Покойный Гоголь до конца своей жизни глубоко цѣнилъ Малороссійскія пѣсни. Онъ собралъ подъ Кіевомъ и подъ Полтавой около тридцати степныхъ пѣсенъ съ музыкою, коекакъ записанною, и приходилъ въ восторгъ, слушая какъ его ученицы распѣвали пѣсни чернобровыхъ казачекъ. Автору этой книги суждено было, за три мѣсяца до кончины Гоголя, въ Москвѣ, въ семействѣ, которое видѣло Гоголя въ своей средѣ почти ежедневно, быть свидѣтелемъ одного изъ такихъ, устраиваемыхъ Гоголемъ музыкальныхъ вечеровъ».

торые народные анекдоты и повѣрья и вставилъ народныя пѣсни въ повѣсть «Маруся». Бодянскій издалъ въ 1835 г. «Наськы Украинськы казкы» и посвятилъ ихъ «Матери ридненькій, неньцѣ старенькій, коханій, любій Украинѣ» [1]). Главные дѣятели украинской литературы конца 30-хъ и 40-хъ годовъ чрезвычайно увлекались народною украинскою словесностью, которая снискала даже пламенную любовь такихъ великороссовъ, какъ И. И. Срезневскій и Н. И. Костомаровъ. А. Метлинскій былъ, какъ извѣстно, собирателемъ и издателемъ народныхъ пѣсенъ [2]) и въ своихъ стихотвореніяхъ воспроизводилъ нѣкоторые мотивы этихъ пѣсенъ и народныхъ преданій [3]). Заслуги Кулиша въ украинской этнографіи хорошо извѣстны. Шевченко, котораго называютъ послѣднимъ кобзаремъ, былъ страстнымъ любителемъ и превосходнымъ пѣвцомъ украинскихъ пѣсенъ и записывалъ ихъ во время своихъ странствованій [4]). Его баллады [5]), поэмы и лирическія произведенія

[1]) Это были первыя украинскія сказки, явившіяся въ печати. Почти одновременно Максимовичъ напечаталъ двѣ сказки въ литературномъ приложеніи (въ «Денницѣ» 1834 г.). Бодянскій, какъ видно изъ словъ его въ сочиненіи: «О народной поэзіи Славянскихъ племенъ», началъ собирать пѣсни въ Полтавской губерніи уже около 1830 г., и въ 1837 г. въ этомъ собраніи было «уже слишкомъ за 8,000 пѣсенъ!»

[2]) Лучшая рецензія его сборника принадлежитъ В. И. Ламанскому; она помѣщена въ Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества 1854 г., кн. V, отд. IV, стр. 13—40.

[3]) Таково, напримѣръ, стихотвореніе, основанное на народномъ повѣрьи о «перекотиполе». Объ этомъ повѣрьи см. замѣтку Линника въ «Филологическихъ Запискахъ» 1885 г.

[4]) Кіевская Старина 1886, февраль, 405—406.

[5]) По мнѣнію г. Петрова, «Тополя» Шевченка, какъ и другія баллады послѣдняго, относящіяся къ первому періоду его поэтической дѣятельности, написана «въ романтическомъ вкусѣ Козлова и Жуковскаго» (стр. 333; ср. стр. 126). На слѣдующей страницѣ г. Петровъ говоритъ, что «Тополя», представляющая «прекрасный образъ малорусскихъ повѣрій», «основана на народной сказкѣ», а затѣмъ усматриваетъ въ этой балладѣ откликъ тоски самаго Шевченка «по родинѣ и чернобровыхъ украинскихъ дивчатахъ». По всей вѣроятности, «Тополя» есть передѣлка какой-нибудь пѣсенной баллады въ родѣ слѣдующей, записанной нами въ Волынской губерніи:

Оженила маты сына по неволі,
А взяла невістку а не до любови,
А не до любовы, а не до розмовы,

блещутъ одновременно и красотами искусственной художественной техники, и простою красой народной поэзіи. Вообще повѣствовательныя произведенія украинской литературы, со времени Квитки,

---

А ни біле личко, а ни чорны бровы.
Послала сына въ велику дорогу,
А свою невістку браты въ поле лёну:
«Не выберешь лёну, то не йды до дому,
Стань, перекинься въ полі тополею».
Брала лёнъ, брала, да не добрала,
Въ чистому полі тополею стала.
Пріизджае сынъ съ великой дороги,
Пытаецця: «що то, маты, за тополя
Коло нашего поля?
Вітеръ не ніе, ей голле гнецци,
Сонце не гріе, вона червоніе,
А дощикъ не йде, зъ ей роса лятця,
За білее личко голлемъ хватаецця».
— Возьми, сынку, нагостры сокирку,
Да зрубай тополю при своему полю.
— «Цюкнувъ я разъ, кора облетіла;
Цюкнувъ я вдруге, ажъ кровь выступыла;
Цюкнувъ я втрете, вона промовыла:
«Не рубай же мене, бо я твоя мила,
Такъ мыні твоя маты вчинила».
Бодай тобі, маты,
Такъ важко сконаты,
Ой якъ мині важко тополю рубаты».

Другія малорусскія пѣсни о превращеніи въ дерево указаны, между прочимъ, въ примѣчаніи къ «Степнымъ сказкамъ» г. Даниленскаго на стр. 126. Польскую пѣсню о превращеніи несчастной жены въ тополь см. у Gloger-a: Starodawne dumy i pieśni, Warsz. 1877, № 7.

Вообще, иногда могутъ быть подысканы въ народной поэзіи болѣе подходящія параллели украинскихъ литературныхъ произведеній, чѣмъ тѣ, которыя отмѣтилъ г. Петровъ. Укажемъ на параллель къ стихотворенію Шевченка: «Ой не пьютця пыва — меды» (стр. 357—358). Кромѣ приведенной г. Петровымъ чумацкой пѣсни со стихотвореніемъ Шевченка можетъ быть сближенъ еще слѣдующій варіантъ, который такъ записанъ нами:

Ходивъ чумакъ сѣмъ лiтъ по Дону,
Та не було пригодоньки николи ёму.
Стала пригода — восьмого года:
Та заслабъ чумакъ, пôдъ возомъ лежыть,
Нихто ёго не спытае, що ёму болыть.
Прыйшовъ до ёго — отаманъ ёго,

надолго получили характеръ этнографическо-описательныхъ очерковъ или же пересказовъ народныхъ повѣстей и преданій, а въ украинской лирикѣ прорвалось съ большою силою то стремленіе къ сближенію съ народною пѣснью, которое оказалось столь плодотворнымъ въ новѣйшей нѣмецкой поэзіи [1]).

Итакъ, съ двадцатыхъ и до начала шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія украинская поэзія являлась дѣтищемъ того новѣйшаго направленія литературъ, которое искало самой живой и непосредственной связи съ народностью. Лишь слабый успѣхъ «Основы» въ высшемъ обществѣ Малороссіи указалъ, по словамъ Костомарова [2]), на то, «что для малорусской письменности нуженъ иной путь. Изобразительно-этнографическое направленіе исчерпывалось; въ эпоху, когда все мыслящее думало о прогрессѣ, о движеніи впередъ, о расширеніи просвѣщенія, свободы и благосостоянія, оно оказывалось слишкомъ узкимъ, простонародная жизнь, представлявшаяся прежде обладающею несмѣтнымъ богатствомъ для литературы, съ этой точки зрѣнія, являлась, напротивъ, очень скудною.. »

Мы видѣли, что увлеченіе народностью и казацкою стариною, культъ этой старины и ревностное собираніе отголосковъ ея въ народной словесности развивались въ Украинѣ самостоятельно, а затѣмъ были усилены романтическо-народническимъ движеніемъ.

Бере его за рученьку, жалуе ёго.
Отамане мôй, рôдный батьку мôй,
Не жалуй мене, поховай мене.
Продай волы половыи,
Да возьмы грошы на половыну,
Та выкопай дôлъ глибокій
За часъ — годыну».
Зôйшлысь чумаки
На ту долыну,
Та выкопалы дôлъ глибокій
За часъ — годыну.
Волы йдуть, ярмамы трасуть
Що свого хазяина до гробу везуть...

[1]) Лучшія пѣсни новѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ: Гёте, Уланда, Гейне и др., отличаются прелестью народной поэзіи. См. Kleinpaul, Ueb. d. Volkspoesie; цитов. выше статью v. Biedermann-a: «Goethe und das Volkslied»; Otto, Das deutsche Volkslied und seine Bedeutung für die neuhochdeutsche Kunstdichtung; Goerth, Einführung in das Studium der Dichtkunst. I. Leipzig u. Wien. 1883.

[2]) Поэзія славянъ, 162.

Въ періодъ съ 20-хъ годовъ до начала 60-хъ включительно сама народная украинская словесность доставляла богатый своеобразный матеріалъ украинскимъ поэтамъ. Въ старыхъ сказаніяхъ и историческихъ преданіяхъ было много романтическаго, да и новѣйшія преданія получали романтическій колоритъ [1]). При общей наклонности къ романтикѣ и народности, украинскія пѣсни и преданія не могли не повліять и на польскихъ поэтовъ, родившихся въ Украинѣ, а эти въ свою очередь должны были воздѣйствовать на чисто украинскихъ поэтовъ. Такимъ образомъ, кромѣ увлеченія народными историческими пѣснями, значительное вліяніе на романтическую идеализацію козацкой старины оказала еще и одна вѣтвь польской романтической школы. На ряду съ другими чисто мѣстными причинами поэтическое воспроизведеніе старины и народности въ Украинѣ подготовляла польско-украинская литература 20-хъ, 30-хъ и отчасти 40-хъ годовъ. Направленіе этой литературы, непосредственно соприкасавшееся съ историческими воспоминаніями украинцевъ, не могло не отражаться въ литературѣ послѣднихъ. До конца 50-хъ годовъ польская интеллигенція пользовалась весьма виднымъ значеніемъ въ западной Украинѣ и вообще въ Юго-Западномъ краѣ. Даже духовенство должно было считаться съ польскою культурою не только въ Галичинѣ, но и во всемъ юго-западномъ краѣ до Днѣпра и вынуждено было считать языкомъ интеллигенціи польскую рѣчь почти наравнѣ съ русскою. Вообще польское вліяніе было сильно на правомъ берегу Днѣпра. Въ первыя десятилѣтія настоящаго вѣка оно проникало даже въ Слободскую Украину чрезъ Харьковскій университетъ, который долго оставался единственнымъ южнорусскимъ университетомъ. Отголоски польской литературы замѣчались даже въ общерусской литературѣ 20-хъ годовъ [2]). Въ новѣйшей русской

[1]) Таково преданіе о Гаркушѣ.

[2]) Какъ извѣстно, Julian Ursyn Niemcewicz въ своихъ «Śpiewach historycznych» старался поэтически увѣковѣчить память знаменитыхъ своихъ сотечественниковъ. Первыя изъ «Śpiewow historycznych» относятся къ 1794 г., когда Нѣмцевичъ напечаталъ «Dumy Polskie» о Жолкѣвскомъ и Стефанѣ Потоцкомъ. Въ этихъ пѣсняхъ прославлены отчасти герои той же борьбы, какую приходилось вести и южнорусскому козачеству. Дума о Жолкѣвскомъ начиналась словами: «Za szumnym Dniestrem, na Cecorskiém błoniu». К. Ѳ. Рылѣевъ, изучившій польскій языкъ, повидимому, уже во время пребыванія въ корпусѣ (Сочиненія и переписка Кондратія Ѳедоровича Рылѣева, изд. второе, подъ ред. П. А. Ефремова, Спб. 1874, стр. IX), подражалъ въ своихъ «думахъ» «Историческимъ пѣснямъ» Нѣмцевича и былъ знакомъ, кажется, съ нѣкоторыми польскими народными пѣснями; такъ, баллада Рылѣева объ убіеніи женою мужа (стр. 186—188), сохранившаяся въ черновомъ наброскѣ, напоминаетъ подобную польскую пѣсню: «A w Kijowie nowina [2], Pani pana zabiła»... переработанную Мицкевичемъ. Но еще въ большей степени повліяли на Рылѣева историческія украинскія пѣсни. Въ предисловіи къ своимъ «Думамъ» 1825 г., Рылѣевъ писалъ: «Дума — старинное *наслѣдіе отъ южныхъ братьевъ нашихъ*, наше русское, родное изобрѣтеніе. Поляки заняли ее отъ насъ. Еще до сихъ поръ украинцы поютъ думы о герояхъ своихъ...» Рылѣевъ любилъ украинскія степи, въ которыя рвалась его душа (стр. 211; ср. однако стр. 163). Тамъ доводилось ему встрѣчаться съ людьми, передававшими воспоминанія «о прошлой старинѣ, | о сѣчи своевольной; | о мирѣ, о войнѣ....» (стр. 174). Тамъ же, вѣроятно, Рылѣевъ слышалъ пѣсни кобзарей и вообще украинскія пѣсни. Прямую выдержку изъ думы находимъ на стран. 138; пользованіе картинами думъ находимъ въ стихахъ (стр. 150):

И волкъ уже во мракѣ ночи
Терзаетъ трупъ среди травы,
И изъ казацкой головы
Орелъ выклевываетъ очи...

Въ стихахъ же (стр. 110):

Все было тихо ... лишь могила
Уныло съ вѣтромъ говорила,

находимъ пользованіе стихами малорусской пѣсни: «Ой у полі могила | зъ вітромъ говорила». Въ сыновьяхъ Украины Рылѣевъ прославлялъ тоже, что выдвигалъ въ другихъ герояхъ русской исторіи. Наливайко говоритъ въ своей исповѣди (стр. 145):

Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?

Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословлю!»

Въ послѣдніе годы своей жизни Рылѣевъ обратилъ, повидимому, особое вниманіе на украинскіе сюжеты. Въ Войнаровскомъ онъ воспѣлъ героя, который «былъ готовъ всѣ жертвы принести странѣ родной» (стр. 112), и предъ нимъ нѣкогда открылъ свой замыселъ Мазепа, сказавъ Войнаровскому:

«Я зрю въ тебѣ Украйны сына!
Давно прямаго гражданина
Я въ Войнаровскомъ угадалъ...» (стр. 113).

Вмѣстѣ съ Мазепой онъ погребъ «свободу родины своей» (стр. 122), былъ схваченъ и провелъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири, гдѣ

...объ Украйнѣ незабвенной,
Какъ сынъ Украйны, онъ мечталъ.» (стр. 129).

среди поляковъ, а также со статьи кн. Вяземскаго въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 г. [1]). Тѣмъ болѣе романтическое движеніе польской литературы долженствовало воздѣйствовать на возрожденіе малорусской литературы въ Галичинѣ и въ Украинѣ.

Г. Петровъ говоритъ о польскомъ вліяніи на украинскую литературу лишь вскользь и мимоходомъ [2]), хотя самъ же заявилъ въ началѣ своей книги, что «точка зрѣнія на новѣйшую украинскую литературу должна обнимать двоякія *отношенія* ея *къ Польшѣ* и Россіи, и притомъ *какъ положительныя, такъ и отрицательныя*, но подъ преобладающимъ вліяніемъ россійской литературы». Намъ кажется, что г. Петрову слѣдовало бы обстоятельнѣе остановиться на связяхъ украинской литературы съ польскою и вообще на малорусско-польскихъ отношеніяхъ въ юго-западномъ краѣ. Не намѣреваясь вдаваться въ полное изслѣдованіе этихъ связей и отношеній, мы ограничимся указаніемъ лишь нѣкоторыхъ пробѣловъ, до-

---

Войнаровскому не уступала въ томъ его жена, о которой онъ говоритъ:

Съ какою страстію она,
Высокихъ помысловъ полна,
Свое отечество любила!
Съ какою живостью объ немъ
Въ своемъ изгнаньи роковомъ
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль,
Ее тягча, снѣдала тайно;
Ея тоски не зрѣлъ москаль;
Она ни разу, и случайно,
Врага страны своей родной
Порадовать не захотѣла
Ни тихимъ взоромъ, ни слезой.
Она могла, она умѣла
Гражданкой и супругой быть...
(стр. 127).

Въ томъ же родѣ Рылѣевъ началъ-было Наливайку и составлялъ планъ для Хмѣльницкаго (стр. 206), интересовался исторіею Малороссіи и находился въ перепискѣ съ извѣстнымъ О. М. Сомовымъ (стр. 309). Незадолго до 14-го декабря 1825 г. поэма «Наливайко» много подвинулась впередъ. Должно, впрочемъ, замѣтить, что и эти произведенія Рылѣева, какъ и другія стихотворенія его, также нѣсколько подходятъ подъ отзывъ Пушкина, находившаго, что стихотворенія Рылѣева «слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ; всѣ на одинъ покрой... Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего кромѣ именъ». Точно также и Śpiewy historyczne Нѣмцевича лишены чертъ народныхъ и историческихъ. Мы остановились на стихотвореніяхъ Рылѣева потому, что они не остались безъ вліянія на романтическое разукрашеніе украинской старины и представляли въ этомъ отношеніи характерное явленіе въ общерусской литературѣ.

[1]) Ранѣе Гулакъ-Артемовскій напечаталъ въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1819 г. вступительную лекцію о польскомъ языкѣ.

[2]) Стр. 108; 127—128; ср. 14—15. Къ указаніямъ г. Петрова на мелкія вліянія слѣдуетъ, можетъ быть, прибавить нѣкоторое отраженіе *Мышеиды* Красицкаго.

пущенныхъ г. Петровымъ при выясненіи генезиса новѣйшей украинской поэзіи. Для большей ясности мы начнемъ съ очерка польской романтической поэзіи настоящаго вѣка и въ частности польско-украинской поэзіи.

Лже-классицизмъ на французскій ладъ держался въ польской литературѣ почти до той же поры, до которой царилъ и во французской литературѣ, — до втораго десятилѣтія настоящаго вѣка. Пьесы Шекспира, Лессинга, Шиллера ставились на польской сценѣ уже съ конца прошлаго вѣка, а съ начала настоящаго столѣтія на ней давались и пьесы нѣмецкихъ романтиковъ, но расширеніе театральнаго репертуара не могло имѣть вліянія на измѣненіе литературнаго вкуса. Вообще до 1815 года въ польской литературѣ было мало свѣдѣній о романтическомъ движеніи, имѣвшемъ мѣсто на Западѣ [1]).

Великія политическія потрясенія, произведенныя войной 1812 г., вызвали поворотъ въ направленіи умовъ въ Польшѣ, какъ и на Руси, содѣйствовали новому размѣщенію понятій, пробудили новыя чувства и сообщили новую жизнь воображенію. Начался новый разцвѣтъ польской поэзіи, бывшій результатомъ подъема общаго воодушевленія. Онъ происходилъ одновременно съ возникновеніемъ новыхъ литературныхъ идей.

Въ произведеніяхъ Сталь, обратившихъ на себя вниманіе всей Европы, было указано на вредъ усвоенія народомъ чужеземной культуры безъ выработки собственнаго и прирожденнаго характера; здѣсь же было высказано порицаніе различнымъ народностямъ Европы, за исключеніемъ нѣмецкой, подражавшимъ французамъ. Во второмъ десятилѣтіи настоящаго вѣка даже въ польской литературѣ, отставшей отъ другихъ литературъ Запада и все еще тяготѣвшей къ французскимъ классическимъ образцамъ, а изъ другихъ литературныхъ направленій новаго времени усвоившей только сентиментальность, начали появляться нападки на французскую классическую литературу. Въ 20-хъ годахъ стало не рѣдкимъ порицаніе всего предшествовавшаго развитія польской литературы. Въ этомъ развитіи не находили теперь подъема творческихъ талантовъ на высоту, которой они достигали у другихъ народовъ (Боровскій).

---

[1]) Bełcikowski, Ze studyów nad literaturą polską, Warsz. 1886, Romantyczność przed Mickiewiczem, 410—411. Впервые въ «Pamiętnik Warszawski» 1816 и 1817 гг. появились переводныя статьи объ англійскихъ и нѣмецкихъ романтическихъ поэтахъ и стихотвореніе романтической формы (tryotet). Ibid. 411—412.

О необходимости народности въ литературѣ говорили въ концѣ второго десятилѣтія XIX в. и въ 20-хъ годахъ не только литераторы, рѣшительно склонявшіеся къ романтикѣ, но и тѣ, которые хотѣли занять нейтральное положеніе между романтикою и классицизмомъ [1]); требовали выраженія въ литературѣ народнаго духа и способа мышленія. Крупнымъ недостаткомъ прежнихъ польскихъ поэтовъ признали отсутствіе чертъ народности. Польская поэзія, говорили поборники новаго направленія, развилась не изъ народнаго духа и не могла быть усвоена народнымъ духомъ; она была чужда народной массѣ. Только слова въ ней были польскія, а мысли и чувства были римскія, французскія и иныя, только не польскія [2]).

Одновременно съ новыми теоретическими воззрѣніями являлись образцы новой поэзіи. Въ арміи княжества Варшавскаго и въ легіонахъ Наполеона служили нѣкоторое время Бродзинскій и Мальчевскій, которые первые сознательно примкнули къ новому литературному движенію. Въ тѣхъ же войскахъ рядомъ съ ними служили другіе поэты, отличавшіеся отъ рутины классическаго направленія естественностью, правдивостью и горячностью вдохновенія. Произведенія этихъ поэтовъ не остались, вѣроятно, безъ вліянія на Бродзинскаго.

Бродзинскій [3]), родившійся подъ Карпатами, получилъ образованіе въ школахъ Галиціи, въ которыхъ господствовалъ въ то время нѣмецкій языкъ. Благодаря тому, Бродзинскій рано познакомился съ произведеніями нѣмецкой литературы. Онъ читалъ съ особымъ вниманіемъ Шиллера и нѣмецкихъ философовъ, положившихъ начало новой эстетикѣ. Онъ первый изъ польскихъ литераторовъ почуялъ близость предстоявшей перемѣны въ направленіи родной литературы и усмотрѣлъ неизбѣжность вторженія романтики въ польскую литературу изъ литературы нѣмецкой. Въ «Pamiętnik Warszawski» 1818 г. Бродзинскій помѣстилъ статью «O klasycznosci i romantyczności, tudzież uwagi nad duchem poezyi polskiéj», въ которой употребилъ названіе «romantyczność» для обозначенія

[1]) Такъ, подобно Бродзинскому, мнѣніе котораго изложимъ ниже, два другихъ автора въ «Pamiętnik Warszawski» 1819 г. провозгласили необходимость narodowośc-i въ литературѣ.

[2]) См., напр., Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego, изд. Вацлава съ Олеска, стр. V—VII. Нѣсколько ранѣе тоже говорилъ Мицкевичъ.

[3]) О Бродзинскомъ см. Chmielowski, Studya i szkice z dziejów literatury polskiej, serya II- ga, Krak. 1886; Bełcikowski, 427—445; Duchińska, Kazimierz Brodziński, Par. 1885.

средневѣковой поэзіи романскихъ и германскихъ народностей и новѣйшей нѣмецкой. Бродзинскій задался въ этой статьѣ рѣшеніемъ вопроса о томъ, къ какому изъ двухъ направленій должна примкнуть польская поэзія, къ классическому ли, или же къ романтическому. Скромно и несмѣло онъ выступилъ противъ французскаго классицизма во имя *правдиваго* классицизма и удѣлялъ также мѣсто романтикѣ, но только желалъ, чтобы въ польской литературѣ получила мѣсто своя собственная, *народная* романтика. По мнѣнію Бродзинскаго, поляки, подобно нѣмцамъ, должны были выискать *у себя* эту романтику, обратившись къ собственной природѣ, жизни и исторіи. Нѣмецкому идеализму и мистицизму можетъ соотвѣтствовать у поляковъ скорбь, не лишенная надежды, «tęsknota», какую долженъ испытывать польскій поэтъ, созерцая прошлое съ точки зрѣнія современности, въ виду утраты отчизны и независимости. Польская литература должна соединять духъ классицизма съ народностью; иностранные классицизмъ и романтика неумѣстны въ ней. Такимъ образомъ, Бродзинскій не могъ удовлетворить ни классиковъ, ни рьяныхъ романтиковъ, и занялъ одинокое положеніе въ польской литературѣ.

За классицизмъ противъ Бродзинскаго выступилъ въ «Pamiętnik Wileński» въ началѣ 1819 г. Jan Śniadecki, математикъ и натуралистъ, врагъ философіи Канта и Шеллинга, а противъ Снядецкаго ополчился въ томъ же году анонимный авторъ въ «Pamiętnik Warszawski». Такъ началась борьба классиковъ съ романтиками въ польской литературѣ, длившаяся 12 лѣтъ.

Свои теоретическія мысли Бродзинскій примѣнилъ на практикѣ въ поэмѣ «Wiesław», написанной подъ вліяніемъ «Германа и Доротеи» Гёте и напечатанной въ 1820 г. Это было первое въ польской литературѣ изображеніе крестьянъ, выполненное не по шаблону идиллій, а согласно съ дѣйствительными понятіями и обычаями простонародья [1]), хотя и Бродзинскій не избѣжалъ нѣкоторой идеализаціи. Бродзинскій былъ способенъ къ правдивой обрисовкѣ народнаго быта, потому что родился и провелъ дѣтство среди сельскаго люда. Оттуда постоянная любовь Бродзинскаго къ простотѣ и естественности.

[1]) Предшественникомъ Бродзинскаго въ такомъ изображеніи былъ Богуславскій, написавшій комедію-оперу «Cud czyli Krakowiaki i Górale». Эта опера была предвѣстіемъ сердечнаго отношенія къ народу. Ее играли уже въ 1794 г. Съ большою правдивостью изобразилъ карпатскихъ горцевъ Коржинёвскій въ настоящемъ столѣтіи.

До 1815 г. движеніе польской литературы сосредоточивалось въ Варшавѣ, и если въ немъ принимали участіе другія мѣстности, то все-таки тяготѣли къ Варшавѣ. Теперь выдвинулся новый литературный центръ — Вильна, въ которой въ періодъ отъ 1815 до 1823 г. сосредоточилось оживленное умственное и литературное движеніе. Сверхъ того, получилъ видное значеніе Кременецъ.

Въ Вильнѣ воспитывалось поколѣніе, исполненное «сентиментальной романтичности» [1]), какъ бы въ соотвѣтствіи съ поворотомъ къ поэзіи, обнаруживавшимся въ тѣ годы повсюду въ польскомъ обществѣ [2]). Въ средѣ университетской молодежи особымъ авторитетомъ пользовались Занъ и Чечотъ. Въ нихъ, въ особенности въ Занѣ возникъ первоисточникъ того направленія, которое развилъ потомъ въ польской поэзіи Адамъ Мицкевичъ, и которое получило названіе *Romantyczności* [3]). Въ Вильнѣ же вышло и 1-е изданіе стихотвореній Мицкевича, составившихъ эпоху въ польской поэзіи и рѣшительно направившихъ ее на новую дорогу [4]). Изъ Кременецкаго лицея вышли Мальчевскій, Францишекъ Ковальскій, Маврицій Гославскій [5]), Józef Korzeniowski [6]) и Tymon Zaborowski, авторъ «Dum Podolskich». Органомъ Кременецкихъ воспитанниковъ было изданіе «Ćwiczenia naukowe», въ которомъ была напечатана и монографія Ходаковскаго [7]).

Въ польской литературѣ начались толки о классицизмѣ, романтикѣ, нѣмецкой литературѣ и народности. Она начала выходить изъ отсталости и оживилась на нѣкоторое время, пока вновь не затихла послѣ 1830 г.

Бродзинскій, Боровскій, Мицкевичъ выступили противъ французской литературы и ея вліянія. Это послѣднее смѣнилось иными: Мицкевичъ и другіе молодые польскіе романтики подпали

[1]) Odyniec, Wspomnienia z przeszłości, Warsz. 1884, str. 102; ср. 82.

[2]) Ibid., 126—127.

[3]) Ibid., 105.

[4]) 1-й томъ вышелъ въ 1822 г., а 2-й — въ 1823 г.

[5]) О немъ см. этюдъ d-ra Antoni J. въ сборникѣ статей послѣдняго подъ заглавіемъ: Opowiadania, serya IV, t. II.

[6]) Библіографическія указанія о немъ см. въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Имп. университ. св. Владиміра, стр. 279—282. См. еще Bełcikowski, 566—586.

[7]) Здѣсь печаталъ свои эстетическіе этюды и Корженевскій. Уже въ 1819 г. Корженевскій помѣстилъ въ «Pamiętnik naukowy» статью объ идеѣ и чувствѣ безконечнаго.

вліянію англійской и нѣмецкой поэзіи, преимущественно Байрона, Шиллера и Гёте [1]). Англійскую поэзію начиная съ Шекспира сочли вполнѣ народною и англичанъ признали народомъ, упредившимъ другихъ во вниманіи къ народнымъ пѣснямъ. Вслѣдъ за ними обратились къ народной поэзіи. Народность литературы начали усматривать прежде всего въ сближеніи ея съ простонародною поэзіею. На народныя пѣсни начали указывать какъ на средство оживленія народнымъ духомъ. Къ собиранію ихъ обратились вскорѣ и литераторы и изслѣдователи старины. Мицкевичъ и Чечотъ «искали въ народныхъ пѣсняхъ указаній на народныя чувства, идеи и обычаи; тогдашняя книжная поэзія совершенно устраняла все это» [2]). Бродзинскій, который, какъ мы видѣли, былъ одинъ изъ первыхъ представителей стремленія къ народности въ польской литературѣ, въ предисловіи къ переводу славянскихъ пѣсенъ возсталъ противъ байронизма вслѣдъ за Шафарикомъ, собравшимъ и издавшимъ пѣсни словаковъ, и совѣтовалъ вникать въ пѣсни славянскихъ народовъ, отличающіяся простотою, глубокимъ чувствомъ и въ то же время изящнымъ, не бурнымъ изложеніемъ. Потомъ Вацлавъ изъ Олеска указывалъ на пользу, какую могло принести поэзіи знакомство съ народными пѣснями, наилучше характеризующими народность [3]). Вкусъ къ народной поэзіи распространялся болѣе и болѣе, хотя продолжали раздаваться и порицанія.

Съ 20-хъ годовъ передовое движеніе польской литературы сосредоточилось въ двухъ группахъ поэтовъ: литовской и украинской.

Главный поэтъ эпохи польской романтики и времени перелива послѣдней въ поэзію вполнѣ національную, Мицкевичъ [4]) выдвинулъ въ своей поэзіи противъ лже-классицизма права духа и сердца. Въ стихотвореніи Romantyczność Мицкевичъ далъ такой завѣтъ какъ лучшее средство проникновенія въ тайны жизни:

Miéj serce i patrzaj w serce.

Отъ историческихъ данныхъ, которыми пользовался Нѣмцевичъ, Мицкевичъ смѣло перешагнулъ къ народнымъ преданіямъ

[1]) Въ своей корреспонденціи Мицкевичъ прямо указываетъ на это двоякое вліяніе на его поэзію.

[2]) Odyniec, Wspomnienia, 108.

[3]) Str. VIII.

[4]) О немъ лучшую монографію представилъ P. Chmielowski: Adam Mickiewicz. Zarys biograficzno-literacki. 2 t. Krak. i Warsz. 1886.

и пѣснямъ. Баллады и романсы Мицкевича вводили въ міръ вѣрованій, который не можетъ быть постигнутъ однимъ разумомъ. Въ порывѣ своего патріотизма Мицкевичъ идеализовалъ также старую Литву, въ центрѣ русскихъ земель которой онъ родился (около Новгородка).

Но рядомъ съ этими должны были выступить въ польской поэзіи и иные сюжеты въ пору процвѣтанія историческихъ «думокъ» и романтики, когда направились въ среду народности, полюбили народныя пѣсни, усиленно занялись собираніемъ и переработкою ихъ и постоянно вели рѣчь объ обращеніи къ прошлому. Уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ стихотвореній Бродзинскій такъ приглашалъ польскихъ поэтовъ изображать родную землю и родной народъ:

Na jakiéj ziemi, z jakim ludem żyjesz razem,
Takiego twoje pienia niech będą obrazem....
Ty, ceniąc wszędzie piękność, własną śpiewaj ziemię,
Wspólne w czuciu, w przygodach i zwyczajach plemię;
Zagrodę, gdzie młodości przekwitły ci lata....
Ruiny, smutne świadki dawnéj duchów chwały,
Mogiły, co z ojczyzną synów pogrzebały.
Śledź zgasłych ojców czyny; łańcuchem niezłomnym
Sprzążdawną miłość kraju z plemieniem potomném,
W ziomkach ucz się znać ludzi, z nich czerpaj natchnienie
Ich uczuciem wzbudzone im poświecaj pienie.

Въ статьѣ своей «O klasyczności i romantyczności», вышедшей въ одномъ году со статьей Ходаковскаго, помѣщенной въ «Cwiczenia naukowe», Бродзинскій писалъ: «Romantycznością naszą są nasze niegdyś miasta, których obwody już czarna rola przykryła; smutne grody, w których nasi królowie przemieszkiwali, a do których murów teraz wiesniacy strzechy swoje przytykają... mogiły przodków, które po niwach naszych wszędzie napotykamy» [1]). Этотъ призывъ былъ выполненъ преимущественно учениками Бродзинскаго, молодыми поэтами, родившимися въ Украинѣ.

[1]) Мицкевичъ въ Валленродѣ также писалъ о пѣснѣ:

Ucieka w stepy, *do mogił* przylega
I ztamtąd dawne opowiada czasy.

До 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія Украина почти не привлекала вниманія польскихъ поэтовъ [1]). Романтика, озарявшая поэтичностью вѣка рыцарства, должна была направить польскихъ поэтовъ, уроженцевъ Украины, къ возвеличенію послѣдней и къ малорусской старинѣ и поэзіи, потому что въ той, другой и третьей было много пищи, пригодной для романтики.

Богатая природа Украины [2]), и въ старое время наравнѣ съ Подольемъ казавшейся полякамъ обѣтованною землею, внушала полякамъ, какъ и кореннымъ обитателямъ, любовь къ родной землѣ, которую ничто не могло изгладить. Земля эта облекалась чудною прелестью въ представленіи ея сыновъ, и самаго живаго энтузіазма при воспоминаніи о ней не могли ослабить даже чарующія мѣстности европейскаго юга. Какимъ восторгомъ дышатъ постоянно обращенія къ Украинѣ тѣхъ родившихся въ ней поляковъ, которымъ довелось проводить на чужбинѣ остатокъ своихъ дней [3])! Равнымъ

[1]) Только въ Zofijówka Трембецкаго находимъ звучную тираду объ Украинѣ; Karpiński воспользовался украинскою пѣсней: «У сусѣда хата бѣла»...

[2]) Одинъ нѣмецкій писатель говоритъ, что поэзія степи «unheimlich ist und doch wieder von ergreifender Romantik. Auch der Dniepr ist ein Strom für Poeten, so gut wie Rhein und Donau, und wer aus dem weichen Rhythmus melancholischer Kosakenlieder die Sprache menschlichen Urempfindens herauszuhören vermag, der spürt auch in dem seltsam grandiosen Einerlei der Steppe den Flügelschlag erlösender Poesie. Aber die Stimmung der Landschaft, welche die Wellen des Dniepr benetzen, ist weltverschieden von jener, welche der Anblick des Rheins in der Seele weckt. Denn nicht das rastlos drängende Gewirr thaten froher Lebenslust, noch die ehrwürdigen Spuren einer ereignissreichen Vergangenheit sind es, welche das schilfreiche Bett des Dniepr umsäumen». W. Goldbaum, Entlegene Culturen, Berlin 1877, 29.

[3]) Не говоря о Залескомъ и Яворскомъ (о послѣднемъ см. въ ст. г. Пыпина «Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ» въ Вѣстн. Евр. 1886, № 3, стр. 304—316), укажемъ на иные примѣры патетическаго отношенія польскихъ эмигрантовъ къ Украинѣ. Неизвѣстный намъ по имени авторъ, полякъ изъ Украины, живя въ Римѣ, издалъ въ 1861 г. «Dwa sceniczne obrazy na tle zycia w Ukrainie. Hapka w utrapieniu. Napisał** Serja obrazów I-sza. Rzym 1861». Здѣсь находимъ двуязычную пьесу (на малорусскомъ нарѣчіи, но по мѣстамъ вставлена и польская рѣчь), напечатанную латинскимъ шрифтомъ съ примѣчаніями (между проч.—на латинскомъ языкѣ), въ которыхъ авторъ хотѣлъ выказать свою ученость. Дѣйствіе происходитъ на Украинѣ, между проч. въ Кіевѣ; въ числѣ дѣйствующихъ лицъ находимъ двухъ студентовъ университета и одного профессора. Интересно предисловіе, въ которомъ читаемъ: «Słysząc lud mówiący na Ukrajnie swojem pięknem, bogatem narzeczem, patrząc z dzieciństwa na jego twarz codzień, my Polacy większe może pół życia swojego, od najpierwszej młodości spędzamy wiek wśród brzmień

образомъ и въ галицко-русской литературѣ находимъ поэтическое возвеличеніе Украины [1]).

Украина казалась полякамъ, жившимъ въ ней, второю родиною, которой они не отличали отъ коренной Польши. Въ племени, съ которымъ полякамъ пришлось совмѣстно прожить на южно-русской территоріи почти три вѣка безъ искренняго единенія, польскіе поэты желали видѣть теперь ближайшаго родича и пріятеля поляковъ. Польскіе историки и публицисты отрозняли малороссовъ отъ остальныхъ русскихъ и даже готовы были лишить великоруссовъ права на названіе славянъ [2]). Польскіе поэты, напрашиваясь вслѣдъ за публицистами на ближайшее родство съ Днѣпровскими «Полянами», братались съ послѣдними въ поэзіи.

Оттуда же стремленіе польско-украинскихъ писателей къ выясненію польско-украинскихъ отношеній въ прошломъ и настоящемъ и особое вниманіе къ исторіи южно-русской народности, ея быту и поэзіи.

Когда польскіе романтики начали увлекаться народностью въ поэзіи, они могли найти у своего народа лишь нѣсколько поэтическихъ преданій и почти совсѣмъ не имѣли передъ собой историческихъ пѣсенъ. Бродзинскій объяснилъ отсутствіе этихъ пѣсенъ у поляковъ угнетеніемъ сельскаго населенія шляхтою, и съ его объясненіемъ согласились позднѣйшіе собиратели народныхъ поль-

---

Ukraińskiej mowy, a około codziennych zabiegów życia w domowem starciu się i sami najczęściej dobywamy z piersi naszych także Ukraińskie dźwięki, wśród poczciwych niianiek piastunek, opowiadających nam cuda, baśnie, lub spiewających u kolebki przeciągła, smętną nutą długotonne... cienkie ... czarowne jakieś a od razu usypiające pieśnie». — Разсказъ «Na Wkraini», написанный, какъ видно изъ помѣтки, въ 1866 г. въ Лондонѣ, начинается словами: «Czàriwnyj kraj totà Podnipriàńszczyna»! и т. п. Sioło. Pismo zbiorowe, poświęcone rzeczom ludowym ukraińsko-ruskim. Zesz. I. Lwów 1866. Стр. 37 и слѣд. Чайковскій и въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній писалъ: «Piękna to kraina, ta Boża Ukraina» и проч. Ср. въ началѣ повѣсти о Вернигорѣ: «Wszystko tu czarowne» и проч. Находясь въ Римѣ, Чайковскій «изъ всего Рима понималъ лишь прелесть луговъ Кампаньи, какъ родственную степи», вспоминалъ событія козацкой исторіи, мечталъ о торжественномъ въѣздѣ польскаго короля въ Кіевъ.

[1]) Такъ, шлетъ привѣтъ Украинѣ Федьковичъ. Его «Украина» переведена Гербелемъ. Стихотв. Гербеля, II, 248—250.

[2]) Извѣстна теорія Духинскаго. О ней—Baudoin *de* Courtenay, Z powodu jubileuszu profesora Duchińskiego. 1886.

скихъ пѣсенъ [1]). Поляки были лишены собственной *національно*-народной поэзіи, какъ не имѣли и *общенародной* исторіи. Теперь, въ пору преобладающаго значенія народности въ политикѣ и литературѣ, обнаружились послѣдствія исключительнаго господства шляхты въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Ища въ народной поэзіи выраженія духовной сущности своей народности и стараясь сблизиться съ этою словесностью, польскіе поэты должны были обратиться за подмогою къ той народности, которую причисляли къ своей; имъ оставалось устремить особое вниманіе на поэзію бѣлорусскаго и малорусскаго племени. И польскіе романтики пошли по этому пути съ самаго начала своей дѣятельности.

Въ Вильнѣ Янъ Чечотъ былъ ревностнымъ собирателемъ народныхъ пѣсенъ и писалъ подлаженныя подъ нихъ тонъ собственныя пѣсни [2]). Уже въ 1819 г. онъ пѣлъ въ Виленскомъ кружкѣ «Филаретовъ и Филоматовъ» пѣсенку, составленную на бѣлорусскомъ нарѣчіи въ подражаніе бѣлорусскимъ пѣснямъ. Въ 1824 г. на вечеринкѣ передъ разлукою съ пріятелями по случаю выѣзда въ Оренбургъ онъ пропѣлъ такую же пѣсню.

Но въ особенности богатымъ источникомъ вдохновенія должна была стать для польскихъ поэтовъ малорусская поэзія. Поэтическія натуры, проведшія дѣтство и юность на Украинѣ, Волыни и Подоліи, вдохновлявшіяся украинскою природою, наслушавшіяся чарующихъ пѣсенъ, не могли не полюбить ихъ со всею страстью и пыломъ молодости. Къ чисто поэтическимъ порывамъ присоединился энтузіазмъ польскаго патріотизма. Польская шляхта, оправившись, собравшись съ силами и впавши окончательно въ праздность, гордо подняла голову и мечтала о прежнемъ блескѣ панства, о старинѣ. Увлекаясь этими думами, польско-украинскіе поэты сливали воспоминанія Украины о козацкой славѣ съ польскимъ патріотизмомъ. Фантазія панства останавливалась не столько на многочисленныхъ историческихъ фактахъ вѣковой борьбы съ южно-русскимъ народомъ, вызванной насиліемъ со стороны поляковъ, сколько

---

[1]) См. предисловіе Вацлава изъ Олеска, стр. XXXIV—XXXV; ср. XXXVIII. Изложеніе взгляда Козловскаго на польскую народную поэзію можно прочесть въ книжкѣ г. Ивацевича.

[2]) Odyniec, Wspomn., 108, называетъ Чечота «gorliwym zbieraczem i naśladowcą piosnek gminnych». Чечотъ «trudnił się przedewszystkiém zbieraniem i tłómaczeniem rusińskich piosnek ludowych, sam oryginalnie pisał tylko piosnki.—Naśladowcą jego, jako zbieracz i tłómacz piosnek litewsko-żmudzkich, był Emeryk Staniewicz». Ib. 151—152. О пѣсняхъ мужа Марили—ib., 257.

на эффектныхъ моментахъ совмѣстныхъ предпріятій съ козачествомъ. Время заживило раны въ сердцѣ польско-украинскаго панства, причиненныя козачествомъ, и нѣкоторые изъ польско-украинскихъ поэтовъ любовно вспоминали о тѣхъ козакахъ, которые, какъ братья поляковъ, будто бы дѣлили нѣкогда съ послѣдними и радость и горе. Глядя на покорность и мнимую приверженность дворовыхъ козаковъ, строили фантастическіе политическіе планы.

Такъ выдвинулся цѣлый рядъ польско-украинскихъ и польско-волынскихъ поэтовъ, которыхъ сводятъ въ особую группу подъ названіемъ польско-украинской школы.

Остановимся на важнѣйшихъ представителяхъ этой школы и общемъ направленіи ихъ произведеній.

Наше вниманіе должны привлечь прежде всего поэты, собравшіеся въ началѣ 20-хъ годовъ въ Варшавѣ и бывшіе начинателями украинской школы. — Уже въ 1820 г., когда въ этомъ центрѣ классицизма была еще въ силѣ старая поэзія и еще не думали о литературной революціи, нѣсколько юныхъ поэтовъ, пока не пріобрѣвшихъ извѣстности, но полныхъ юношескаго пыла и мечтательности, грезили уже объ иной поэзіи. Они смутно жаждали чего-то новаго взамѣнъ классицизма. По словамъ Мих. Грабовскаго [1]), ихъ школьнаго товарища, они дошли до мысли о реформѣ не путемъ теоріи, не вслѣдствіе знакомства съ литературною реформою, совершавшеюся за границей; нѣтъ, они руководились только впечатлѣніями дѣтскихъ лѣтъ. Въ стѣнахъ Варшавы, среди столичной тѣсноты они мечтали о просторныхъ поляхъ Украины, которая была ихъ родиной и которую они недавно покинули. Потомъ въ пору бо́льшей зрѣлости они убѣдились, что ихъ мнѣнія и вкусъ согласовались съ направленіемъ молодаго поколѣнія на западѣ. Этотъ-то небольшой кружокъ юныхъ поэтовъ первый въ Варшавѣ откликнулся съ сочувствіемъ на призывъ, раздавшійся въ 1821 г. изъ Литвы и встрѣченный съ насмѣшкою Варшавскими классиками и беллетристами. Выдающимися поэтами этого молодаго кружка были Богданъ Залескій и Северинъ Гощинскій. — Это были не мѣстные уроженцы. Они прибыли въ Варшаву, какъ и ихъ товарищъ — Мих. Грабовскій, въ 1820 г. Всѣ трое родились на Украинѣ, были прежде товарищами по Уманской базиліанской школѣ, а теперь — по Варшавскому Университету. Базильянская школа содѣйствовала, вѣроятно, укорененію въ питомцахъ-поля-

[1]) Liter. i krytyka, t. I., cz. dr., 103—105.

кахъ горячей любви къ родинѣ и симпатіи къ землякамъ-украинцамъ, въ силу которой Б. Залескій и назвалъ свое сердце «польско-русскимъ». Залескій началъ печатать свои произведенія уже въ 1819 г., когда былъ еще на школьной скамьѣ [1]). Подъ думкой «Nieszczęśliwa rodzina», напечатанной въ 1822 г. и переработанной потомъ въ «Wzgórek pożegnania», поставленъ 1820 г. Въ 1822 г. въ «Pamiętnik Warszawski», однимъ изъ редакторовъ котораго былъ Бродзинскій, явились еще стихотворенія Залескаго:« Ludmiła' *duma z piesni ukraińskiéj*», «Lubor, *ballada z powieści ludu*», «Arab u mogiły konia», «Pieśń staroczeska z rękopisu Królodworskiego» и «Triolety do Malwiny». Такимъ образомъ, Залескій выступилъ на литературное поприще одновременно съ Мицкевичемъ и независимо отъ него [2]). Характерно также, что и онъ, подобно другимъ реформаторамъ польской литературы, Бродзинскому и Мицкевичу, провелъ дѣтство въ деревнѣ. Все это подтверждаетъ сообщеніе Грабовскаго, что романтика польско-*украинскихъ* поэтовъ развилась, въ отличіе отъ романтики Мицкевича, не подъ вліяніемъ нѣмецкой и англійской поэзіи [3]), но болѣе или менѣе самостоятельно [4]), почерпнула жизнь изъ живаго источника народной

[1]) Ateneum 1886, № 5, ст.: «Józef Bohdan Zaleski (Wspomnienie pośmiertne)», str. 198.

[2]) Г. Петровъ ошибочно утверждаетъ (стр. 125), будто Мицкевичъ *«образовалъ»* цѣлую школу польско-украинскихъ поэтовъ, къ которой, между прочимъ, принадлежали Мальчевскій, Богданъ Залѣсскій, Одынецъ, Северинъ Гощинскій, Занъ и др.».

[3]) Одынецъ утверждаетъ (Wspomn., 108), что и виленская романтика развилась самостоятельно.

[4]) Само собою разумѣется, что о *полной* оригинальности и независимости польско-украинскихъ поэтовъ не можетъ быть рѣчи, потому что она вообще немыслима ни для какого поэта. Стихотворенія Залескаго, помѣщенныя въ «Dziennik Wileński», написаны въ духѣ господствовавшей тогда поэзіи. Въ первыхъ Варшавскихъ произведеніяхъ Залескаго отмѣчаютъ нѣкоторое вліяніе западной романтики и сходство съ произведеніями старшей генераціи польскихъ поэтовъ (Bełcikowski, 426—427; Ateneum, 199; Zathey, Młodość Bohdana Zaleskiego (Sprawozdanie trzecie dyrekcyi C. K. III Gimnazyum w Krakowie za rok szkolny 1886), 17—18). Стихотвореніе «Śpiew poety» (1823) напоминаетъ стихотвореніе Гёте: Ich singe, wie der Vogel singt». Дума о Стефанѣ Чернецкомъ, напечатанная прежде всего Гощинскимъ, написана по образцу историческихъ пѣсенъ Нѣмцевича и Горецкаго. Сверхъ того юные поэты, прибывшіе въ Варшаву изъ Украины, встрѣтили поощреніе и расположеніе со стороны двухъ авторитетныхъ профессоровъ университета, именно Лелевеля, который былъ въ своихъ лекціяхъ «вдохновеннымъ поэтомъ», и Бродзинскаго. Бродзинскій производилъ глубокое впечатлѣніе на небольшой,

поэзіи; вмѣстѣ съ тѣмъ она была порожденіемъ общаго вѣянія, носившагося надъ всей Европой и заносившаго во всѣ уголки сѣмена новой поэзіи, иной разъ — Богъ вѣсть какимъ путемъ. Потомъ романтики украинской школы сознательно примкнули къ модному поэту запада — Байрону — и стали пламенными почитателями его.

Уже въ силу такой самобытности польско-украинскихъ поэтовъ послѣдніе заслуживаютъ особаго вниманія въ исторіи украинской литературы. Если польскіе поэты могли извлечь много питательныхъ соковъ изъ той почвы, на которой выросла чисто-украинская поэзія, то тѣмъ болѣе понятно появленіе и расцвѣтъ послѣдней.

Но есть въ исторіи польско-украинской группы поэтовъ и другія стороны, весьма интересныя и важныя для историка украинской литературы, но оставленныя безъ вниманія г. Петровымъ. Таково поэтическое воззданіе старой Украины. Въ польской литературѣ, какъ и въ другихъ, романтика способствовала болѣе или менѣе правдивому представленію прошлаго. Впервые у польскихъ поэтовъ украинской группы выдвинулось болѣе или менѣе вѣрное изображеніе старой Украины, при чемъ у каждаго изъ первыхъ трехъ поэтовъ польско-украинской школы (Мальчевскаго, Залескаго, Гощинскаго) это изображеніе отличалось сосредоточеніемъ вниманія на одной какой нибудь сторонѣ жизни старой Украины. Впервые также у польско-украинскихъ поэтовъ находимъ литературно-романтическое возвеличеніе украинскаго козачества.

Наименѣе интереса представляетъ для насъ старшій лѣтами изъ этихъ поэтовъ, который былъ мало извѣстенъ при жизни — Мальчевскій, другъ Залескаго. Проведши дѣтство и позднѣйшіе годы своей жизни на Волыни, въ области, въ которой издавна было особенно много знатныхъ пановъ, Мальчевскій лишь мимоходомъ нарисовалъ образъ вольнолюбиваго украинца [1]). Украина Мальчевскаго — страна шляхетская, въ которой козаки являются лишь сподвижниками польскихъ магнатовъ въ борьбѣ съ татарами. Обширныя степи этого малолюднаго края подвиговъ составляютъ фонъ картины, наводящей грусть. Тишину нарушаетъ лишь стукъ копытъ, и въ меланхолію погружаютъ *могилы*, въ которыхъ сокрыта слава старой Украины:

Ani wesołej szlachty, ni rycerstwa głosy,
Tylko wiatr szumi smutne uginaiąc kłosy,
Tylko z mogił wetchnienia, i tych jęk z pod trawy,
Co spią na zwiędłych wieńcach swojej starej sławy.
Dzika muzyka—dziksze jeszcze do niej słowa,
Które duch dawnej Polski potomności chowa—
A gdy cały ich zaszczyt krzaczek polnej róży,
Ach! czyjeż serce, czyje, w żalu się nie nuży?

Поэма Мальчевскаго проникнута грустью отъ начала до конца. Пѣсня о печальной участи Маріи сливается въ гармоніи съ размышленіями о томъ

.....na co dobroć się tu przyda
Gdzię co czułe, szlachetne, tylko chwilę świeci,
Gdzie zgon starych rodziców korzyścia ich dzieci,
Gdzie chlubna miłość bliźnich w udanej tkliwości
Cieszy się ich niedolą lub szczęścia zazdrosci...

Болѣе полно, но не менѣе романтично изображеніе Украины и у того изъ польско-украинскихъ поэтовъ, котораго называли отцомъ

но избранный кружокъ даровитой молодежи, полюбившей его. Мы видѣли, что Бродзинскій, выросши подъ сельской стрѣхой и засыпая въ дѣтствѣ подъ звуки пѣсенъ жницъ, любилъ народныя пѣсни и обратилъ вниманіе на нихъ. Въ своихъ университетскихъ лекціяхъ (съ 1822 г.) Бродзинскій проводилъ новый взглядъ на поэзію и, вѣроятно, укрѣпилъ юныхъ поэтовъ-украинцевъ въ намѣреніи слѣдовать по особому пути. Онъ началъ относиться неодобрительно къ новой поэзіи гораздо позже. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ эти вліянія нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Белциковскаго, сошедшагося въ этомъ случаѣ съ Грабовскимъ, что уже въ первыхъ стихотвореніяхъ Залескаго «otworzył się nowy świat poetyczny dla czytelników.... Przedewszystkiém zaś musiał zwracać uwagę ich charahter ludowy, narodowy i pochwycony z natury. Ze wspomnień miejsc rodzinnych, z pieśni i opowiadań, które zasłyszał w ukraińskich chatach, dokąd w swéj młodości tak często zaglądał, utworzył je poeta».

[1]) Prosty jego był ukłon, krótkie pozdrowienie;
Iednak różnym się zdaje od służalców grona,
Poddany — lecz swobodę z ojca powział łona,
I gdy dumnie pojrzawszy do pana iść żąda,
Środ wiodącej go zgrai, jak władca wygląda;
Zwinne jego obroty, kroki jego letsze,
Bo swoje członki wędził na stepowym wietrze...

Ср. обращеніе къ козаку въ самомъ началѣ поэмы:

Ei ty na szybkim koniu gdzie pędzisz kozacze?
Czyś zaoczył zająca, co na stepie skacze?
Czy rozigrawszy myśli, chcesz użyć svobody
I z wiatrem ukraińskim puścić się w zawody?

польско-украинской школы, «Украинскимъ Бояномъ», «Słowiczk-омъ», «Казацкимъ поэтомъ», а иногда просто «Казакомъ» [1]), и который самъ себя также называлъ сыномъ «Matki» Украины [2]), похожимъ на нее, «какъ двѣ капли воды». По словамъ Богдана Залескаго, украинскія русалки вспоили его «mlekiem dum i mleczem kwiecia». Слѣдовательно, Залескій былъ какъ будто однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которые всосали съ молокомъ матери любовь къ Украинѣ, ея природѣ, ея пѣснямъ и историческимъ преданіямъ и которые, казалось бы, должны были вполнѣ понимать ея прошлую жизнь и настоящую. Онъ былъ съ дѣтства взлелѣянъ мелодіями украинскихъ пѣсенъ, наслушался старцевъ-бандуристовъ и сохранилъ любовь къ этимъ пѣснямъ до конца своей жизни. И въ позднѣйшіе годы онъ отдавалъ предпочтеніе украинскимъ пѣснямъ передъ пѣснями другихъ славянскихъ народовъ. Въ старости еще Залескому слышались звуки пѣсенъ, которыя онъ пѣлъ съ товарищами на Украинѣ во дни своей юности [3]), живо вставали предъ нимъ видѣнные имъ образы, и онъ не переставалъ тосковать по Украинѣ, перенося читателя въ украинскія степи, въ Днѣпровскіе пороги, во времена подвиговъ стараго казачества и борьбы его съ поляками. Но Залескій оставилъ Украину въ ранней молодости:

Z torbanem i taki młodziutki
Żegnałem się z tobą na wieki,

говоритъ онъ въ одномъ стихотворномъ обращеніи къ ней. Простившись съ родиной и отправившись въ далекія страны, поэтъ не могъ освѣжать и провѣрять своихъ юношескихъ впечатлѣній, виталъ въ области поэтическихъ грезъ, къ которымъ прибавились еще грезы политическія. Онъ увлекалъ своихъ читателей въ годы своей молодости музыкальностью стиха, чуднымъ колоритомъ, а главное — мужественностью лиризма, почерпнутаго изъ украинскихъ

---

[1]) Такъ называлъ Залескаго въ Парижѣ Мицкевичъ. Ранѣе Мальчевскій въ Варшавѣ, когда замѣчалъ слезы на глазахъ Залескаго, говорилъ ему: «Ej tyś tu tabun przypędził, kozacze, i tęsknisz nazad w step zasumowany»! — Новѣйшее изданіе стихотвореній Залескаго: Pisma Józefa Bohdana Zaleskiego. Wydanie zbiorowe przejrzane przez autora w 4 tomach. Lwów. Nakładem księgarni Gubrynowicza i Schmidta, 1877.

[2]) См. письмо Залескаго въ «Sioło», zesz. 1, str. 178—179.

[3]) Такъ онъ вспоминаетъ пѣсню: Сойка, сойка гей летила, | Тай звинула крила...

думъ, рыцарскимъ пыломъ молодости и стремительностью своихъ героевъ, столь приходившеюся по вкусу поколѣнію, произведшему возстаніе 1831 г. [1]). Но сами же польскіе критики вынуждены нынѣ признать нѣкоторую фантастичность и поэтическую мглу, а иногда подкрашенность въ очертаніяхъ и изображеніяхъ Украины у Залескаго. Русскіе критики относятся еще строже къ Залескому [2]), и нельзя не признать, что они правы. Залескій переработывалъ иногда украинскія пѣсни, но при этомъ сообщалъ ложное освѣщеніе. Образы гетмановъ, казаковъ и дивчатъ украинскихъ лишены правды, выполнены безъ тонкаго вниканія. Поэту нравилась Украина призрачная, а не дѣйствительная, нравилась та Украина (XVI в. и начала XVII-го), которая не смѣла порывать связи съ Польшей. Того же хотѣлъ Залескій отъ Украины и въ будущемъ и первый выдвинулъ въ польской поэзіи козакофильство, какъ средство возстановленія Польши. Пробнымъ камнемъ отношенія Залескаго къ Украинѣ является время Хмельницкаго. Залескій называетъ Хмельницкаго łotr-омъ:

Bracio moja, jeżeli łotra imię wziałem,
To dla tego, ażebym przed cnotą bił czołem [3]).

Мазепа уже при дворѣ польскаго короля обуреваемъ ненавистью къ польской знати и замышляетъ дать себя знать ей «ogniem i mieczem»; онъ характеризуетъ собою гордость казацкихъ вождей, ихъ необузданное честолюбіе, эгоизмъ и наклонность къ анархіи. Даже исходъ возстанія 1863 г. не образумилъ Залескаго, и онъ готовъ былъ считать Украину польскою страною, а ея пѣвцовъ дѣйствующими

---

[1]) Думка Залескаго о Косинскомъ доставила въ началѣ 1824 г. много утѣхи Виленскимъ поэтамъ, сидѣвшимъ въ заключеніи: «Wpływ jéj na mnie, говоритъ Odyniec (Wspomn., 194), był czarodziejski. Zapomniałem o celi i o klauzurze, i jakbym wskoczył na koń po za siodłem Hetmana, cwałowałem z nim zda się po stepie. Nauczywszy się więc dumki na pamięć, posłałem ją wnet Adamowi, a potém i do innych konwentów, gdzie wszędzie również ożywcze wywołała wrażenie».

[2]) См. ст. Ив. Франка: «Іосифъ Богданъ Залескій» въ №№ 7 и 8 львовской «Зорі» 1886. Ср. ст. Филевича: «І. Б. Залескій» въ № 1 «Извѣстій С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества».

[3]) Шевченко относилъ начало разрыва украинцевъ съ поляками ко времени Уніи, а Залескій — къ 1648 г.:

Bodaj ziemia raz połknęła te Zółte tam Wody,
Co *dwóch braci* wyuczyły pogánskiéj niezgody!

въ руку польской справѣ. Залескій утверждалъ, что «pieśni ukraińskie obok nuty przeciągłéj, maią tło i nastrój czysto polańskie i polskie, a nawet wyrażenia i wyrazy biorą żywcem z polszczyzny. Od końca XVII wieku wszystko naokoło i dobrowolnie polszczało na Rusi». Еще въ позднѣйшіе годы своей жизни Залескій вспоминалъ о вѣщемъ запорожцѣ Наумѣ, о которомъ слышалъ отъ лириковъ и запорожскихъ старцевъ, и который, по мнѣнію поэта, «jako Bojan polański, stanie się kiedyś mitycznym piewcą Ukrainy». Залескій такъ воспроизводитъ пѣснію этого сѣдаго старца, склонявшаго къ единенію съ поляками:

Leci orzeł — ponad morzem-ku niebu on krzyczy
Biadać, biada kozakowi bez maci-bez Siczy!
Szlocha mać-step ojciec łaje-a śmieją się ługi,
Poszedł wolny Zaporożec carzycy w posługi!...
Bieda jeździ na dwóch koniach, Panowie hromada!
Iak się jeden już wyhasa, wtórego dosiada,
Iak i wtóry się potyka, piezwszego kulbaczy;
Owoż koni—jeden laszy, a drugi kozaczy.

И себя и Шевченка Залескій зачисляетъ въ преемники Наума [1]):

Piastunką nam była jego duma,
Nim serca zabrzmiały w swojej nucie.
Czem ziemia nasiąkła lat koleją,—
Rodzimych powieści woń i krasa,
Zarówno zwierciedłą się i wieją
Wskróś dumy mojej i Tarasa.

Такъ мало зналъ Залескій старую и новѣйшую Украину. Не ему слѣдовало ставить себя рядомъ съ Шевченкомъ. Болѣе права имѣлъ на то третій изъ первыхъ польско-украинскихъ поэтовъ, авторъ «Каневскаго замка» — Гощинскій, хорошо замѣтившій недостатки, которыми страдало изображеніе козачества у Залескаго. Уже первыя произведенія Гощинскаго показываютъ, что авторъ стоялъ въ сторонѣ отъ господствовавшей поэзіи, выросъ въ средѣ, въ которой импонировали ея собственныя историческія воспомина-

[1]) См. стихотвореніе «Mogiła Tarasa». Тарасъ, по словамъ Залескаго — «naśledni wnuk Nauma» и вмѣстѣ «współpiewca kozaczy» Залескаго. Въ примѣчаніи къ этому стихотворенію Залескій высказывается неодобрительно объ образѣ жизни Шевченка и гайдамацкихъ заблужденіяхъ его.

нія. Гощинскій поддался этимъ воспоминаніямъ въ ихъ чистой, неискаженной правдѣ. Поэма «Каневскій замокъ» навѣяна, по собственному признанію Гощинскаго, «Дѣвой озера» Вальтеръ-Скотта, но, не смотря на то, Гощинскій соблюлъ удивительную вѣрность колорита и явился довольно безпристрастнымъ живописцемъ времени польскаго утѣсненія Украины. Въ поэмѣ его слышится живое народное преданіе о гайдамацкой рѣзнѣ, сохранявшее еще всю свою свѣжесть въ 20-хъ годахъ. Ужасная дѣйствительность предстаетъ передъ читателемъ почти безъ искаженія въ ту или другую сторону, и понятно, что эта печальная картина не могла быть пріятна полякамъ [1]). Но постороннему читателю поэма Гощинскаго кажется привлекательной благодаря талантливому и проникнутому глубокимъ чувствомъ изображенію того, что̀ испытывало «burzliwe serce syna Ukrainy», благодаря высокому подъему вдохновенія и драматизма, богатству фантазіи и тонкому чувству природы [2]).

Мы видѣли, что въ пѣснѣ Мальчевскаго и Гощинскаго о старой Украинѣ господствуютъ грустныя ноты, но нѣтъ умышленнаго искаженія правды. Стихотворенія Залескаго, написанныя до возстанія 1830 и 1831 г., были фантастичны и романтичны, но еще не были столь тенденціозны, какъ позднѣйшія.

Вторую группу польско-украинскихъ поэтовъ составляютъ тѣ, у которыхъ рѣзко выдвигается тенденціозность, стремленіе представить Украину захваченною вопреки горячей приверженности лучшихъ козаковъ къ Польшѣ и вопреки крайней антипатіи козачества къ «москалямъ». Къ этой группѣ относятся Падурра и Чайковскій.

Падурра [3]) писалъ на малорусскомъ нарѣчіи. Г. Петровъ на-

[1]) «Cała powieść, pomimo wielkich piękności, staje się dziwnie niemiła. Z drugiéj jednak strony trzeba wyznać,że jakkolwiek to malowidło jest szorstkie, jest to malowidło wierne. W szeregu obrazów mających przedstawiać Ukrainę trzeba pomieścić *Zamek Kaniowski*; bez niego nie będzie to jeszcze Ukraina prawdziwa». Grabowski, Liter. i Kryt., 106—107.

[2]) Это достоинство признаютъ за Гощинскимъ и иностранные читатели. *Goldbaum*, Entleg. Culturen, 246, говоритъ: Ich weiss mir nur wenige Poeten hinter welche Goszczynski an Natursinn und Intuition zurückzutreten braucht; in seinem «Schloss von Kaniow» rauschen die Wipfel und flüstern die Halme eine wundersame Sprache. Bäche und Hügel sind von geheimnissvoller Beredsamkeit, und das Gemüth des Volkes liegt offen wie ein Spiegel.

[3]) Мы пользовались новѣйшимъ львовскимъ изданіемъ его стихотвореній: Pyśma Tymka Padurry. Wydanie posmertne z awtografiw. Lwiw. Nakładom kniharni K. Wylda. 1874. См. еще Prawdziwy Życiorys T. Padurry. Poznań u Żu-

прасно оставилъ этого поэта безъ вниманія, удѣливъ въ то же время мѣсто въ своей книгѣ писателямъ менѣе значительнымъ. Г. Петровъ привелъ лишь презрительный отзывъ о Падуррѣ (стр. 380). Отзывъ этотъ не лишенъ основанія. Совершенно справедливо обвиняли Падурру въ ненадлежащемъ умѣніи владѣть малорусскою рѣчью, которая нерѣдко страждетъ у него искусственностью, темными или же вычурными оборотами, а иногда и грубыми ошибками. Падурра создавалъ небывалыя слова (напр., «исущи», «поисущи»), вводилъ полонизмы, иной разъ смѣшные при употребленіи въ малорусской рѣчи [1]). Вообще, въ ряду произведеній Падурры есть немного такихъ, которыя могли бы быть признаны удовлетворительными по языку. Но все-таки отзывы нѣкоторыхъ критиковъ 40-хъ годовъ, утверждавшихъ, что Падурра не зналъ украинскаго нарѣчія и не могъ назваться поэтомъ, слишкомъ строги: Падурра рисовалъ небывалое козачество, но не безъ всякаго таланта, и поэзія его не прошла безслѣдно; ею увлекались на Украинѣ и въ Галичинѣ [2]). Личность Падурры представляетъ оригинальный типъ поляка-украинца, страстнаго почитателя старины, грезившаго о возстановленіи шляхетско-козацкой Украины. Это былъ одинъ изъ первыхъ украинскихъ шляхтичей-козаколюбовъ, старавшихся мирить польскій патріотизмъ съ преданіями страны, въ которой они родились, и вѣрившихъ въ возможность такого примиренія. Біографія Падурры показываетъ также, какъ самобытно и естественно зарождалась на богатой историческими преданіями почвѣ Украины литературная поэзія на ея нарѣчіи [3]).

---

pańskiego 1875. Недавно явился въ русской литературѣ этюдъ о Падуррѣ — въ ст. г. Пыпина въ «Вѣсти. Евр.» 1886, № 2.

[1]) Напр., на стр. 73: «Де мій птаху *душный*».

[2]) Ее цѣнили и такіе польско-украинскіе писатели, какъ Б. Залескій и Чайковскій. Богданъ Залескій восхищался, по словамъ Мих. Грабовскаго, украинкою, которая начинается словами: «*Zakotysesia misiac w chmary*». Liter. i kryt. I. cz. dr., 116. Въ новѣйшей польской критикѣ существовало разногласіе относительно Падурры: нѣкоторые превозносили его, а другіе называютъ вполнѣ бездарнымъ риѳмоплетомъ.

[3]) Можетъ быть, впрочемъ, на Падурру нѣсколько повліялъ Б. Залескій. Такъ, повидимому, Падурра былъ знакомъ со стихотвореніемъ Залескаго *Czajki*, въ которомъ читаемъ полную воодушевленія пѣсню въ честь гетмана Конашевича; ее поютъ запорожцы, плывущіе въ чайкахъ по лиману. Здѣсь находимъ возгласъ: «Urra-ho, urra-ho, urra!», который повторяется и у Падурры.

Происходившій изъ ходачковой шляхты Падурра уже во время пребыванія въ Винницкой школѣ распѣвалъ украинскія мелодіи, говорилъ только по-украински и увлекался думами, которыя слышалъ отъ лирниковъ. Въ Кременцѣ продолжались встрѣчи съ народными пѣвцами [1]); кромѣ того, Падурра получалъ записи преданій и думъ отъ Ходаковскаго и самъ прислушивался къ преданіямъ. Глубоко запали въ душу молодаго Падурры слова одного лирника, выразившагося о мальчикѣ: «се буде душа запорозьска», и Падурра никогда не могъ забыть этого лирника [2]). Падурра сохранилъ на всю жизнь любовь къ Запорожскому козачеству, которое отрозналъ отъ Низоваго, и вмѣстѣ къ *польской* Украинѣ.

Первое свое стихотвореніе «Лирникъ» (1824 г. [3]) Падурра посвятилъ тѣни Мазепы, котораго считалъ величайшимъ, хотя и несчастнымъ героемъ Украины. Отъ великаго прошлаго остались «pieśni, mohyły i prach». Вѣтеръ, который «колыхалъ нѣкогда наши бунчуки», поднимаетъ прахъ съ могилъ свободныхъ дѣдовъ и прадѣдовъ и ту пыль, которая летѣла изъ-подъ копытъ ихъ коней; этотъ вѣтеръ будитъ внуковъ, по словамъ Падурры [4]). У Падурры почти въ одно время съ Рылѣевымъ возникла мысль воспѣть героевъ украинской исторіи [5]). Падурра идеализовалъ эту исторію съ польской точки зрѣнія. Онъ думалъ, что козачество въ единеніи съ поляками наслаждалось наибольшею славою и благоденствіемъ:

Jidna maty, jidny chaty,
Razom w poli stawaw kisz:

---

[1]) Лирники, «проходя по Кременцу съ пѣснями о дѣяніяхъ праотцевъ, szczepili w sercach słuchaczów miłość narodowości i chwały».

[2]) Падурра вспоминалъ о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «czarodziejską nutą umilałeś sny mojego dzieciństwa, napełnił życie urokiem tęsknoty i przelał w duszę młodą tę lubą rzewność za ubiegłą przeszłością, jaką było przepełnione twoje stygnące już prawie lecz szlachetne serce».

[3]) Въ 1825 г. Падурра написалъ стихотвореніе «Ruchawka», а въ 1828 г. еще нѣсколько.

[4]) См. стр. 47 изд. 1874 г. Ср. въ украинкѣ «Czajka» (стр. 79):

Szcze czas ni pył në ster z mohył
Wëlykich diiw kolyś!...
Szcze z tuhy dum w lubyj chwyl szum
Hlaj czy pustyś!...

[5]) Падурра затѣялъ это во время пребыванія въ Кременцѣ. Можетъ быть, и Рылѣевъ возымѣлъ идею своихъ думъ при ближайшемъ соприкосновеніи съ поляками. Русскіе заговорщики, къ которымъ принадлежалъ Рылѣевъ, совѣщались съ польскими, въ число которыхъ вошелъ Падурра.

Z Lachom byłoś, z Lachom żyłoś,
W jidnym horszku priw kulisz» [1]).

Падурра страстно тосковалъ по прошломъ времени козачества и Украины, когда козакъ «z wieków nie znał pana», когда

Z wika wilny i swawilni
Në puskały szabel z ruki...
Myżto carstwa, hospodarstwa
Roskydały z pid kopyt [2]).

Въ стихотвореніяхъ Падурры пробивалась какъ бы антигосударственная тенденція и отрицаніе власти [3]). Демагогически настроенный поэтъ питалъ вражду къ русскому господству въ Украинѣ и помышлялъ о возрожденіи украинскаго козачества. Въ молодые годы онъ мечталъ о томъ, что ему суждено быть миссіонеромъ этой идеи. Какъ славянскій Чайльдъ-Гарольдъ, какимъ мнилъ себя [4]), Падурра обошелъ въ одеждѣ лирника много малорусскихъ областей, проникъ даже къ черноморскимъ козакамъ — на берега далекой Кубани, старался повсюду возбудить энтузіазмъ, которымъ пылалъ самъ, вѣря въ воскресеніе прошлаго, и пытался склонить къ совмѣстному дѣйствованію съ поляками противъ русскаго правительства. Мечтатель вѣрилъ въ осуществленіе такихъ химерныхъ плановъ и заключилъ свою украинку «Чорноморець» стихами:

Wolnych wnuki złuczim ruky,
A syła wse zmoże!
I werne włast, i sławu daśt'
Wilne Zaporoże [5]).
.....
Czas ożyty! czas zbudyty
Naszych diiw twerdyj son! [6])

[1]) Стр. 53. [2]) Стр. 55.

[3]) Такою тенденціею отличается стихотвореніе на польскомъ яз. «Czapka» и нѣкоторыя малорусскія, напр., начинающееся стихами:

Bez chmar zora wschodyt z mora,
A ty spysz Sicz!... (стр. 77).

[4]) «Byron zerwał Grekom kajdany, ja stworze Słowianom pieśnią hetmany» писалъ Падурра.:

Wieszcze dobyli z kajdan pół Europy—
Drugą mnie zdali połowę!

[5]) Стр. 67. [6]) Стр. 57.

Ясно изъ всего изложеннаго, что Падурра, при всемъ своемъ козакофильствѣ, оставался также вполнѣ польскимъ необузданнымъ патріотомъ и не могъ подняться на чисто народную украинскую или — что тоже — общерусскую точку зрѣнія; старое козачество рисовалось ему въ превратномъ видѣ, да и вообще въ стихотвореніяхъ Падурры мало народнаго колорита.

Фантазированіе, образецъ котораго находимъ у Падурры, было немало повинно во взрывѣ 1830 и 1831 гг. [1]).

Послѣ неудачнаго исхода этого взрыва корифеи польской литературы, пріобрѣвшіе извѣстность къ тому времени, въ томъ числѣ и польско-украинскіе поэты, Залескій, Гощинскій, Гославскій, эмигрировали за границу. Неудача возстанія не образумила бѣглецовъ и лишь тяжело отозвалась на ихъ вдохновеніи. Творчество отправлялось теперь отъ печальныхъ для поляковъ событій ближайшаго прошлаго и создавало различныя теоріи возстановленія независимости отчизны. Созерцаніе прошлаго пользовалось прежнимъ значеніемъ, но стало нѣсколько трезвѣе у нѣкоторыхъ изъ писателей, оставшихся въ Россіи; у эмигрантовъ же оно оставалось въ большей степени апотеозой старой Польши. Соотвѣтственно тому козакофильство и поэтическое изображеніе украинской старины, которое мы встрѣтили въ произведеніяхъ польско-украинскихъ поэтовъ до 1831 г., не исчезло въ польской литературѣ, но продолжалось и получило двоякое направленіе. Приспособленіе къ новымъ условіямъ, бывшимъ послѣдствіями событій 1831 г., отсутствіе центральнаго и общенароднаго единенія и ограниченіе поэзіи болѣе тѣсными провинціальными кругами могли благопріятствовать развитію мѣстныхъ школъ. У Богдана Залескаго сразу оказались послѣдователи; изъ его сверстниковъ явилось немало дилетантовъ украинской поэзіи, и уже въ 1829 г. Мохнацкій жаловался на этихъ подражателей [2]). Мицкевичъ, столь любившій и превозносившій Залескаго, писалъ въ 1838 г. одному изъ своихъ пріятелей слѣдующее о подражателяхъ Залескаго: «Czytałem różne wyjątki nowych poetów w *Tygodniku Petersburskim*, nie zachwyciły mnie. Ukraińcy jak wsiedli na Bohdana, tak też jadą, pokrzykując: hop, hop, cup, cup, aż mnie w końcu rozgniewali. Coż u djabła, żeby im też nic nowego do głowy nie przyszło? Przyszła mi na myśl mania ballad niegdyś panująca... Warto, żeby ktoś

[1]) Чайковскій говоритъ о волынскихъ повстанцахъ 1831 г.: «Była to młodzież rozpoetyzowana poezją i czytaniem spisów rewolucyjnych».

[2]) Къ числу этихъ подражателей, не отличавшихся особою оригинальностью въ украинской школѣ, относится Гославскій.

napisał coś o hop, hop. żeby tych pysarków z konia ukraińskiego zsadzić». Мицкевичъ былъ не совсѣмъ правъ въ этомъ отзывѣ: писатели польско-украинской группы послѣ 1830 г. не повторяли только Залескаго, но проявляли своеобразіе и распадались на нѣсколько категорій.

Политическое польское козакофильство, представителями котораго въ поэзіи были до 1830 г. Б. Залескій и Падурра, послѣ 1831 г. получило новаго представителя въ польской литературѣ, но уже не въ русскихъ предѣлахъ, а за границей — Михаила Чайковскаго; Падурра же, слывшій «козацкимъ поэтомъ» [1]), замолкъ послѣ 1831 г.

Въ Чайковскомъ [2]) польское козакофильство дошло до своего апогея и одновременно до крайности и абсурда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ теченіе своей продолжительной и полной приключеній жизни Чайковскій узналъ на практикѣ неосуществимость грезъ о возстановленіи Польши и украинскаго козачества.

Мысль о единеніи поляковъ съ козаками Чайковскій унаслѣдовалъ отъ своей матери и дѣда по матери, маршалка Овручскаго, Михала Глэмбоцкаго. По идеѣ Глэмбоцкаго, козачество должно было возстановить Польшу и возвратить ей мѣсто въ ряду великихъ, первостепенныхъ державъ; само оно должно было «ополячиваться» всѣмъ, что есть хорошаго у поляковъ, за исключеніемъ анархіи и іезуитизма [3]). Съ дѣтства Чайковскій мечталъ о томъ, чтобы «рыцарскимъ молодечествомъ козаковъ поставить на ноги Польшу и братскимъ отношеніемъ поляковъ ополячить козаковъ» [4]).

[1]) Такъ называлъ его Чайковскій.

[2]) Новѣйшее изданіе сочиненій Чайковскаго вышло въ Лейпцигѣ у Брокгауза. Pisma Michała Czajkowskiego, t. I—XII, Lipsk 1868—1885 (Biblioteka pisarzy polskich, tt. 13—20, 32, 64—65, 79). Этюдъ на русскомъ языкѣ о Чайковскомъ см. въ Изв. С.-Петерб. слав. благотв. общ. 1886, № 11.

[3]) Pisma Mich. Czajkowskiego, I, Wernyhora, 1868, стр. V—VI, VIII. Чайковскій въ «Вернигорѣ» (стр. 96) такъ изображаетъ отношеніе своего дѣда къ «хлопамъ». «Chłopi Pana Wojskiego o buncie nic myślą, bo Pan Wojski z gromadą po ludzku się obchodzi; choć połaje a czasem każe nawet ukarać, to sprawiedliwie, żałującego wysłucha, potrzebnym zapomogi nie odmawia. Żydów z karczmy powypędzał a propinację dworskę ustanowił; raz na zawsze oczkowe szarwarki i połowe danin darował; z popami żył w dobrem zachowaniu; choć Rzymski Katolik, co niedziela do cerkwi chodził... ztąd i kozacy jego byli wierni, gotowi skoczyć wogień na rozkaz Pana, a nawet uderzyć na samego djabła» Предковъ этого Глэмбоцкаго Чайковскій выводитъ въ «козацкихъ повѣстяхъ» въ роли предводителей дружины «Kozackiego Polesia, z po nad brzegów Teterowa».

[4]) Pisma, I, V.

Становясь въ маѣ 1831 г. въ ряды повстанцевъ, Чайковскій воображалъ, что мечты эти осуществились. Себя и товарищей своихъ онъ представлялъ рыцарями, возобновившими подвиги стараго козачества: «Карлъ Ружицкій былъ мой Конашевичъ-Сагайдачный; въ товарищахъ я видѣлъ новыхъ Мазепъ, Выговскихъ, Бруховецкихъ, Нечаевъ, Могилъ и всю давнюю старшину славной козаччины». Но вскорѣ «надежда и вѣра были подавлены; остались только козацкое молодечество и козацкій строй». Пришлось отправиться въ чужіе края. «Досадно и тяжело мнѣ было на чужбинѣ, говоритъ Чайковскій. Я вложилъ въ ножны саблю праотцевъ и началъ снова мечтать о предметѣ монхъ думъ-козачествѣ; я началъ писать козацкія повѣсти и Вернигору». Это было въ то самое время, когда другіе «козацкіе писатели измѣнились какъ хамелеоны, какъ будто стыдясь своихъ прежнихъ великихъ твореній», когда «этимъ офранцуженнымъ и онѣмеченнымъ писателямъ казалось смертнымъ грѣхомъ и политическимъ сумбуромъ думать о будущности козачества». «Моя мечта преображалась въ теорію, въ систему»... [1]) Уже въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, въ «Козацкихъ повѣстяхъ», Чайковскій излагаетъ опредѣленную литературную теорію, которой придерживался и впредь. Онъ принялъ тотъ взглядъ на польскую литературу, который былъ высказанъ незадолго до выхода «Козацкихъ повѣстей» Вацлавомъ изъ Олеска и другими поборниками народности въ литературѣ и который изложенъ нами выше. По словамъ Чайковскаго, польская литература до вѣка Станислава-Августа включительно не была литературою народною. Нѣмцевичъ направилъ польскую литературу на путь народности и указалъ молодымъ талантамъ, гдѣ надлежало искать сокровищъ для родной литературы. Послѣ того въ польской землѣ появились наконецъ, три могучіе мыслителя, Мицкевичъ, Бродзинскій и Богданъ Залескій. Они обратились къ народнымъ преданіямъ и пѣснямъ, и за ними пошли Мальчевскій, Гощинскій и др. Польша пріобрѣла народную литературу. Польская литература обязана своею народностью преданіямъ и пѣснямъ люда; они доставили ей мѣсто рядомъ съ литературами нѣмецкою, англійскою и итальянскою [2]). Имѣя въ виду такое значеніе народной поэзіи въ литературѣ, Чайковскій черпалъ матеріалъ для своихъ повѣстей изъ народныхъ

[1]) Ibid., VI—VII.

[2]) Powieści kozackie, примѣч. 1-е къ пов. «Mogiła». Цитуемъ эти повѣсти по 1-му изданію (Wydanie A. Jełowickiego i spółki, Par. 1837).

преданій [1]), нѣсенъ [2]), поговорокъ [3]), народныхъ обычаевъ [4]), воспоминаній стариковъ [5]); сверхъ того онъ заимствовалъ нѣкоторыя подробности изъ разсказовъ донцевъ [6]), старинныхъ рукописей [7]) и записокъ очевидцевъ [8]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Чайковскій пользовался печатною литературою о козачествѣ, между прочимъ статьями въ русскихъ журналахъ и сочиненіемъ Бантышъ-Каменскаго [9]).

Знакомство съ народными нѣснями и преданіями и изученіе исторіи козачества не предохранило Чайковскаго отъ измышленія небывалыхъ отношеній козачества къ полякамъ и односторонняго представленія о козакахъ. Чайковскій воображалъ козачество постоянно братавшимся со шляхтою, совмѣстно сражавшимся съ нею и заботившимся о поддержаніи Речи Посполитой. Во времена Баторія король совѣтовался съ атаманомъ, «какъ братъ съ братомъ бесѣдовалъ, а Ляхи съ козаками пребывали въ такой любви, какъ будто выросли подъ одной крышей, питались грудью одной матери» [10]). Гетману Скалозубу, попавшему въ турецкую неволю, мерещились «военные клики и музыка по селамъ, бесѣды ляховъ съ козаками за столомъ, сватовство молодца къ красной ляшкѣ

[1]) Pow. koz., 26, 105.

[2]) Чайковскій ссылается на сборникъ Максимовича и Запорожскую Старину (Pow. koz. 326, 230; ср. Wernyh. IX).

[3]) Pow. koz., 286.

[4]) Колдовство цыганки описано по личному наблюденію и разсказамъ «starych ludzi i bab» (Pow. koz., 324).

[5]) См. въ Pow. koz., 49, ссылку на священника Павла Немоловскаго, который, сначала уніатъ, былъ въ 1774 г. священникомъ у запорожцевъ, а по разрушеніи Запорожья принялъ православіе и получилъ мѣсто въ с. Гальчинцѣ (вблизи Бердичева). «Była to kronika chodząca dziejów Kozackich, podań i pieśni ludu Ukraińskiego. Miał pamiętniki własną ręką pisane ogromnego szacunku — i xiążkę cerkiewnym charakterem wydrukowaną pod tytułem *Czorne More* — tam były wszelkie wyprawy Kozaków Zaporozkich i życia Atamanów Koszowych. Cnoty tego starca i wiadomoście zostały głęboko wyryty w méj pamięci». Этотъ-то Немоловскій будто бы благословилъ въ 1831 г. Чайковскаго и его козаковъ, когда они выходили изъ Гальчинца въ Коровинцы для соединенія съ остальною шляхтою околицъ Бердичева (Wernyh., V). Въ Pow. koz. (стр. 193) находимъ еще слѣдующую ссылку на «Czorne More»: «Budowa czajek, żegluga Dnieprem i przerwanie łańcuchów tamujących wynijście na morze czarne, osnowałem podług podania znachodzącego się w Xiążce maloruskiéj pod tytułem: «*Czorne More*».

[6]) Pow. koz., 26.

[7]) Pow. koz., 194.

[8]) Wernyh., 258.

[9]) Pow. koz. 229.

[10]) Ibid., 16—17.

въ одномъ мѣстѣ и бракосочетаніе столбоваго шляхтича съ чернобровой украинкой въ другомъ; въ костелахъ и въ церквахъ совершаются литургіи попеременно; митрополитъ Кіевскій и архіерей Каневскій занимаютъ сенаторскія кресла рядомъ съ ляшскими бискупами; король Сигизмундъ совѣщается о войсковыхъ дѣлахъ съ атаманомъ и гетманами польскимъ и литовскимъ; всюду возглашаютъ: Niech żyje Polska»!...[1]) При Конашевичѣ-Сагайдачномъ, котораго Чайковскій называетъ величайшимъ мужемъ козачества [2]) и имя котораго является лозунгомъ запорожцевъ [3]), «Польша была цѣла и велика, козачество достигло широкой славы, и къ прежнимъ связямъ побратимства съ ляхами прибавилась новая». Девизомъ Конашевича — инока были слова: «будемъ молиться, держаться съ ляхами, убивать измѣнниковъ и бить враговъ нашей земли» [4]). Замыселъ и вѣроломство Хмельницкаго нанесли смертельные удары одновременно Польшѣ и козачеству [5]), но не разрушили ихъ связей. И во времена Хмельницкаго козацкій полковникъ (Богунъ) желаетъ породниться съ однимъ панскимъ семействомъ и говоритъ: «панове ляхи, мы желаемъ не ссориться съ вами, но жить по братски. Да здравствуютъ Польша и козачество!» [6]) «Разнузданное своеволіе привилегированныхъ пановъ и замыселъ нѣсколькихъ атамановъ не успѣли разорвать окончательно побратимство козаковъ съ Польшей; хотя оно на время расторгалось, но козачество возвращалось тотчасъ къ матери отчизнѣ подобно дочери, которая по наущенію обольстителя оставляетъ родительскій домъ, но вскорѣ приходитъ въ себя, сознаетъ заблужденіе и возвращается къ сердцамъ, всегда для нея открытымъ. Когда произошло раздѣленіе козачества, лѣвобережные козаки «насупили брови. При воспоминаніи о братьяхъ ляхахъ сердце обливалось болѣзненно кровью»...[7]) Даже въ моментъ гайдамацкаго возстанія 1768 г., запорожцы бросали въ воздухъ шапки и кричали: «Niech żyje Polska! niech żyją Lachy»!

[1]) Ibid., 222.

[2]) Ib., 143, 192. На стр. 126 Конашевичъ представленъ однако слишкомъ стремительнымъ человѣкомъ.

[3]) Wernyh., 230.

[4]) Pow. koz., 140—141.

[5]) Pow. koz., 74. Ср. Wernyh., 184: «Kiedyś pomiotą ludzie pamięcią *obłudnika* Atamana, ślady twierdzy zapłyną ziemią, zielem i murawą się pokryją, a dumkę o wolności marzyć i nucić będą najpóźniejsze wnuki Zaporozkiego plemienia».

[6]) Pow. koz., 71.

[7]) Ib., 232—233.

Непривлекательными на нашъ взглядъ чертами обрисовывается козачество у Чайковскаго, какъ и у Б. Залескаго. «Нѣтъ на свѣтѣ преграды козацкой силѣ и мужеству» [1]). «Нѣтъ конца козацкимъ подвигамъ, какъ нѣтъ предѣла облакамъ; поле козацкихъ прогулокъ — весь свѣтъ» [2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ козачество неугомонно: «кто разъ испилъ изъ чаши военной славы, тому надо пить изъ нея постоянно, иначе онъ умеръ бы отъ тоски и кручины» [3]). «Вольный сынъ степи» [4]), при случаѣ не щадящій даже отцовской крови, тѣмъ болѣе не пощадитъ крови враговъ. Онъ любитъ войну ради нея самой и добычи [5]). Брызги днѣпровскихъ пороговъ нашептываютъ козаку: «крови! добычи!» [6]) и что-то адское слышится въ крикѣ козаковъ [7]). Въ мирное время казаки буйствуютъ, пьянствуютъ, занимаются амурными похожденіями, между прочимъ,—и съ прекрасными ляшками. И тѣмъ не менѣе Чайковскій любилъ такое козачество подъ условіемъ, чтобы оно бралось со шляхтой и совмѣстно дралось. Понятно, что въ излюбленное имъ козачество могли войти и лисовчики [8]), которые также назывались въ свое время козаками

Такое же козачество восхвалялъ и Падурра, котораго высоко ставилъ Чайковскій [9]) и котораго пѣсни были въ ходу у повстанцевъ 1831 г. [10]). Единомышленники Чайковскаго ставили его произведенія рядомъ со стихотвореніями Падурры [11]).

Чайковскаго сближаетъ съ Падуррою введеніе политической тенденціи въ литературныя произведенія, разукрашеніе отношеній историческаго козачества къ Польшѣ [12]), ненависть къ русскому государству и «москалямъ» [13]), постоянное настаиваніе на мысли, что и Польша и козачество были счастливы, пока пребывали въ союзѣ, и что единеніе ихъ необходимо для ихъ взаимной пользы, при чемъ козачество должно поддерживать старую Польшу [14]). Чайковскій склонялся къ демагогіи подобно Падуррѣ: онъ не раздѣлялъ шляхетскихъ воззрѣній на родовитость [1]), не долюбливалъ шляхетскаго своеволія [2]), видѣлъ спасеніе Польши въ побратимствѣ шляхты и хлоповъ [3]).

Ясно изъ сказаннаго, что Чайковскій питалъ не украинскія, но козацкія симпатіи, или — правильнѣе сказать — козацко-польскія. Конечную цѣль союза козаковъ съ поляками Чайковскій полагалъ въ возстановленіи старой Польши съ устраненіемъ изъ нея анархіи [4]) и іезуитовъ, которыхъ онъ не любилъ также какъ и монаховъ вообще [5]), не отказываясь въ то же время отъ іезуитской политики [6]). Чайковскій оставался въ душѣ полякомъ. Онъ

---

[1]) Ib., 163. [2]) Ib., 242—243. [3]) Ib., 188.
[4]) Ib., 160, 223. [5]) Ib., 319—320. [6]) Ib., 159.
[7]) Ib., 241. [8]) Ib., 145. [9]) Ib., 47.
[10]) Wernyh., VI. [11]) Wernyh. IX.

[12]) Чайковскій доходилъ даже до того, что считалъ запорожцевъ поляками: «....Zaporożce nie byli czem innem tylko Polakami». Wernyh., 261.

[13]) Этою ненавистью пылаютъ излюбленные герои-козаки Чайковскаго, а также запорожское духовенство. Такъ, священникъ Чорба «zawsze radził starszyznie: wiążmy się z bracią Lachami, a kiedy nie można, to stokroć lepiej szukać opieki Sułtana, Hana krymskiego, jak Carów moskiewskich». Wernyh, 171.

[14]) Эту мысль постоянно высказываетъ Вернигора, — воплощеніе идей и надеждъ самого Чайковскаго. Вернигора любилъ козацкую свободу, но братался съ ляшскою шляхтою и говорилъ: «Nieraz ja mówiłem: Panowie

Lachy i Panowie Młodce, kochajmy się, bośmy dzieci jednej matki» (стр. 27). «Daleki ten czas, ale przyjdzie kiedyś, że synowie i wnukowie naczych synów podadzą sobie bratnie dłonie, a silni jednością, silni zapałem, na wieki wieków wyprą z swoich ziem i moskiewskie i niemieckie zajazdy!» (стр. 220). На смертномъ одрѣ Вернигора пророчествовалъ, что полякамъ придется долго страдать подъ гнетомъ чужеземцевъ, возстаніе окончится неудачею, но наконецъ «Dniepr całkiem krwią się zfarbuje, potaszczy o porohy roztrącać trupy wrogówi a od Czarnego morza do Baltickiego, od Karpatów po Nizowe stepy, nie będzie ani Niemca ani Moskala na polskiej ziemi: i Polska będzie wielka, potężna po wiek, wieków!» (стр. 254). Тѣ же надежды высказаны отъ лица самого автора на стр. 134 и 184.

[1]) Pow. koz., 105: «Szlachta Polska.... spodziewam się niewezmie za satyrę przeciwko niéj wymierzoną, kilku słów o śmiésznościach hérbów, genealogii i rodowitości».

[2]) Къ разсказу о панѣ Чесникѣ, что онъ имѣлъ обыкновеніе «schłostać łozami chłopa, zagrabić ostatni dobytek» и проч., находимъ слѣд. примѣчаніе: «Są to nieładne figle uprzywilejowanych Panów nietylko Polski ale całego świata. Nie leżą one w sercu Szlachty, ale snują początek z zastarzałego nałogu; wszystko się przeistacza, wiele złych rzeczy usunięto, a trzeba mieć nadzieję że uderzywszy się w piersi poprawimy się całkowicie». Pow. koz., 106.

[3]) Wernyh., 81: «po długich latach znajdą się ludzie, co chłopa i szlachcica zwiążą węzłem nierozerwanego pobratymstwa; poruszą do broni wszystkich synów polskiej ziemi. A wtenczas Polska będzie wielką, i możną jak jeszcze nigdy nie była».

[4]) Ibid., 45, 232.

[5]) Wernyh., 136, 152, 252; Pow. koz. 147, 267. Жида и іезуита Чайковскій ставилъ рядомъ (Pow. koz., 208).

[6]) Вернигора говоритъ своему питомцу (стр. 70): «Stara przypowiastka mówi: gdzie nie można przeskoczyć, tam trzeba przeleźć». У Б. Залескаго таже пословица влагается въ уста Мазепѣ (Dumka Mazepy). Въ другой разъ Вернигора помыслилъ: «bieda to, że człowiek co chce robić, nie zawsze powinien być poczciwym, nieskazitelnym; często należy mu stłumić głos serca, cnotę sumienia na ofiarę rzeczy której służy». И это говорилъ и думалъ тотъ человѣкъ, который былъ окруженъ особымъ ореоломъ (см. напр., 220: «Wernyhory oko

не скрывалъ утѣсненія панами крестьянъ [1]), зналъ, что «козацкій людъ не любитъ ярма», признавалъ украинскій народъ «гордымъ и богатырскимъ» [2]), но въ то же время усматривалъ главную причину возстаній украинцевъ противъ поляковъ лишь въ опасеніяхъ навязыванія католичества [3]) и въ подстрекательствахъ со стороны москалей и православнаго духовенства, которые были до крайности ненавистны польскому козакофилу [4]). Въ описаніи столкновенія 1768 г. Чайковскій становится вполнѣ на сторонѣ поляковъ [5]) и не щадитъ эпитетовъ, когда идетъ рѣчь о жестокостяхъ хлоповъ [6]).

До поздней старости Чайковскій бредилъ наяву [7]). Фантазія этого Донъ-Кихота козачества совершала удивительные скачки, когда заходила рѣчь объ его любимыхъ герояхъ [8]).

Мечты Чайковскаго были, казалось, близки къ осуществленію, когда во время восточной войны 1853—55 годовъ онъ сталъ благодаря султанскому фирману козацкимъ атаманомъ Чайкой, но вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что теперь не вѣкъ казацкаго рыцарства [9]). Мало по малу Чайковскій замѣтилъ наконецъ, что, въ то

zabłyszczało, twarz się rozjaśniła jakby na nią spadł odblask słonecznej korony»; стр. 253: «Nad jego głową wystrzeliła jasność podobna do korony błogosławionych nieba») и который сравнивается (стр. 57) съ пророкомъ Давидомъ!

[1]) Pow. koz., 147; Wernyh., 24; ср. ib. 3, 55.

[2]) Pow. koz., 73, 109.

[3]) Wernyh., I, 257.

[4]) Москалей Чайковскій изображаетъ грубыми, лживыми, вѣроломными, продажными, лишенными самолюбія и преклоняющимися лишь предъ силой: «Moskal od kolebky nauczony płaszczyć się przed siłą; wtenczas tylko hardy, kiedy ma do czynienia ze słabszym; obelgę zniesie z pokorą, a zdradą się zemści. Tak podły robak wtenczas z jadem się ciska na szlachetnego zwierza, kiedy ten śpi albo się go nie spodziewa». Православное духовенство изображено въ «Вернигорѣ» въ комическомъ или отвратительномъ видѣ.

[5]) Wernyh., 43: Iednej matki dzieci, jednego Boga chwalą a obłuda i podstęp szalbierząc imieniem Boga, imieniem wolności, dłonie braci przeciw braciom uzbroiły, i w ich serca wlały napòi nienawiści i zemsty».

[6]) Wernyh., 40: «...miedzy ludem taka wrzawa, taki krzyk, jak między psami wypuszczonemi z psiarni przy odgłosie trąb myśliwskich i klaskaniu z harapów»; 55: «jak rozjuszeni wilcy, kiedy śród zimowej nocy dostaną w szpony ciało podróżnego» и. т. п.

[7]) См. напр., Wernyh. I, XIII—XIV.

[8]) Ibid., XIV: «....i kto wie, może Wernyhora mógł wieść ród od Macedończyków z Edessy» и. т. п.

[9]) Pisma Mich. Czajkowskiego, t. XII, Legendy, Lipsk 1885, str. 300: «...A był to czas jarmarkowy: pełno szlachty na ulicach, a gwarna rozmowa... Co tam gadać

время какъ іезуиты или цивилизація запада толкали шляхту польской Рѣчи посполитой въ авангардъ противъ славянства и православія и эта шляхта мирилась съ такимъ назначеніемъ, Малая Русь со своимъ козацкимъ рыцарствомъ оставалась при славянствѣ, при православіи, при Бѣломъ Царѣ, Славянскомъ Божьемъ Помазанникѣ [1]). Уже въ годы молодости Чайковскій хорошо понялъ причину упадка Польши [2]), заключавшуюся, между прочимъ, въ отсутствіи крѣпкой центральной власти. Подъ конецъ своей жизни онъ призналъ, что русскій царь — христіанскій и славянскій государь, правду сказать — нашъ законный и единственный монархъ; онъ по совѣсти употребляетъ власть, данную ему отъ Бога, въ его государствѣ порядокъ, есть и право Божье и право царское, онъ правитъ и людъ у него управляется — но это не по вкусу ни панамъ ляхамъ, ни панамъ молодцамъ.... [3]) Такая перемѣна въ воззрѣніяхъ Чайковскаго столь же интересна и поучительна, какъ и переломъ въ убѣжденіяхъ бывшаго рьянаго украинскаго козакофила — г. Кулиша.

Въ то время, какъ за-границей одни изъ польско-украинскихъ поэтовъ проникались все болѣе и болѣе общими стремленіями и настроеніемъ польской эмиграціи, а Чайковскій доводилъ до крайнихъ предѣловъ польское козакофильство въ своихъ повѣстяхъ, польско-украинскіе писатели, пребывавшіе въ границахъ русскаго государства, вступили на путь, могшій привести къ болѣе прочнымъ результатамъ и къ большей трезвости въ силу объективности, къ которой направлялъ.

Теоретическія воззрѣнія этой группы писателей были отчетливо выражены М. Грабовскимъ, который пробовалъ свои силы также и на поприщѣ беллетристики, и въ своихъ повѣстяхъ изображалъ ближайшее *польское* прошлое Украины, — время Коліивщины, привлекшее вниманіе и нѣкоторыхъ другихъ польско-украинскихъ писателей.

Грабовскій не считалъ маловажною дѣятельность польско-украинской «школы». Изображаемую ею «козаччину» Грабовскій

o rycerstwie, o sławie o poświęceniu się; to czcze dymy, a dym ulatuje i nïc po sobie nie zostawia»...

[1]) Leg., 64.

[2]) Wernyh, 237: Tak to bywa, kiedy są ludzie w narodzie, a nie masz człowieka: naród zmitrężeje się, zaprzepadnie i przeminie. Polska wielką i groźną była pod Batorym, po jego śmierci byli ludzie szabli, ludzie rozumu, ale nie było człowieka, któryby u steru stanął i nadał wszystkiemu kierunek.

[3]) Legendy, 281.

считалъ общественнымъ строемъ, въ которомъ пребывала Украина въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Этотъ строй сохранялъ постоянно черты дикости. Всѣ козаки начиная съ простыхъ и оканчивая гетманомъ отличались сельскими нравами, простотою и грубостью; то была козацкая *народность*. Козачество было новымъ видоизмѣненіемъ военнаго и наѣзднического быта, какой господствовалъ нѣкогда въ полчищахъ Аттилы. И доселѣ украинцы удерживаютъ черты народности, завѣщанныя весьма отдаленнымъ временемъ и поэтичныя, потому что онѣ возникли у народа богатой фантазіи и глубокаго чувства [1]). «Когда дѣло идетъ о поэзіи,—искусствѣ, зависящемъ гораздо болѣе отъ фантазіи и чувства, нежели отъ критическаго разума, то эпохи, въ которыя господствуютъ фантазія и чувство, получаютъ особое значеніе», а слѣдовательно и народная поэзія, которая является «сокровищницею такихъ эпохъ и никогда не угасающимъ очагомъ ихъ жизни». Украинская народная поэзія занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду народныхъ литературъ всего міра [2]). Въ виду того Грабовскій одобрялъ, что цѣлая школа въ польской литературѣ черпала матеріалъ изъ украинской поэзіи, изъ духа роднаго и понятнаго всѣмъ славянскимъ племенамъ и, можетъ быть, наиболѣе изобилующаго готовою поэзіею и самыми свѣжими эпическими образами. Еще болѣе одобрялъ Грабовскій то, что *новѣйшіе* поэты этой школы приняли на себя изображеніе поэтичности и обычаевъ этого люда не отдаленныхъ, но современныхъ и тѣмъ не менѣе восходящихъ къ отдаленной древности. Поэты украинской школы подаютъ въ этомъ случаѣ руку дѣятелямъ великой работы, начатой во всей славянщинѣ, работы выясненія славянскихъ древностей, сокрытыхъ мглою [3]). Такъ заохочивалъ Грабовскій польскихъ поэтовъ къ вычерпыванію украинской поэтичности. Онъ думалъ, что Украина могла доставить весьма обильный поэтическій матеріалъ, что ея поэтичность не можетъ быть скоро истощена, что въ ней есть много сторонъ, не тронутыхъ и послѣ произведеній Залескаго, Мальчевскаго, Гощинскаго. — И такъ, Грабовскій расширялъ козачество въ бытъ всей массы

[1]) Liter i kryt., t. II, cz. 1, str. 53—57.

[2]) Lit. i kryt. t. I, cz. dr., 100. — Въ другихъ мѣстахъ того же этюда читаемъ: «poezya gminna ukraińska, jedno z najżywszych źródlisk poezyi całego świata...» (стр. 112); «spiéwy te, tak ważne dla historyi tego kraju, są niemniéj zajmujące, jako jedna z najważniejszych latorośli wielkiego szczepu poezyi gminnych» (стр. 33—34).

[3]) Ibid., t. II, cz. I, str. 57—58.

украинскаго народа и находилъ въ немъ интересъ для польской поэзіи не съ политической точки зрѣнія, а съ болѣе объективной-научной и эстетической, съ точки зрѣнія поэтичности вообще, утверждая, напр., что и «предразсудки нашего люда прекрасны, потому что они созданія нашей богатой славянской фантазіи» [1]). Грабовскій отчасти приближался такимъ образомъ къ воззрѣніямъ Ходаковскаго, какъ они выразились въ статьѣ 1818 г. и послѣдующихъ трудахъ этого энтузіаста народности. — Такое представленіе о козачествѣ и изображеніе его рѣзко отличалось отъ козакофильства Чайковскаго, и послѣдній отозвался о немъ не сочувственно [2]).

Мы не станемъ подробно останавливаться на произведеніяхъ польской поэзіи, воспроизводившихъ современный бытъ малороссовъ. Мы упомянемъ здѣсь лишь о произведеніяхъ Олизаровскаго и Крашевскаго. Олизаровскаго Грабовскій призналъ талантливымъ представителемъ польско-украинской школы, подвинувшимъ ее впередъ [3]) благодаря тому, что онъ искалъ поэтичности въ современной жизни и обратился къ изображенію современнаго украинскаго народа въ его различныхъ представителяхъ, къ воспроизведенію его духа, моральныхъ наклонностей и обычаевъ простыхъ,

[1]) Ibid., 98. На поэтичность малорусской народности указывали и позднѣйшіе польскіе писатели, напр. Свенцицкій, а равно украинскіе, какъ Н. Маркевичъ.

[2]) Legendy, 63. По поводу замѣчаній одной Варшавской газеты, что «cały repertoar teatralny małoruski składa się ze scen ludowych, czyli chłopskich, z karczmy, z szynku, z targu i z ulicy, jednem słowem z obyczajów i poczuć czerni» и что въ «w całej przeszłości kozaczej Małorusi czyli Rusi, niemasz innych tematów do sztuk dramatycznych, czyli jej utworów», Чайковскій говоритъ: «Jest to dawno, systematycznie ułożone omowienie przez Michała Grabowskiego, Henryka Rzewuskiego i ich naśladowców, którzy nie przez gorący polonizm bo tego nigdy, ani w myśli, ani w czynie, nie żywili, ale przez przesadzony i źle zrozumiany katolicyzm. W swoich, wyznać trzeba, mistrzowskich pismach stroili to biedne kozactwo małoruskie, czyli ruskie, jako prawosławne, w dziegieć, w smołę, w sadło, w lój i rozmaite robactwo, a oblewali wódką, niedogonem i brahą, na wstręt, na poniewierką. Ieden tylko Bohdan Zaleski w swoich dumkach o Lachu Serdecznym, o Kosińskim Hetmanie i innych, podniósł kozactwo małoruskie do prawdy historycznej, a otrząsał z chlewoty.... Zapomnieli o tem, że Ruś, ta kozaczyzna małoruska, miała Wiszniowieckich, Różyńskich, Ostrogskich, Zbaraźskich, Koreckich, Sanguszków, Czartoryskich, Konaszewiczów, Wyhowskich i innych, którzy po połączeniu Polski z Litwą i Rusią, szablami swojemi wykuli sławę i potęgę wojenną Polski, a ładem litowskim potęgę państwową tejże Polski. Nie byli to ludzie karczmy i szynku, ale ludzie pańskich zamków i dworów, a nawet monarszych pałaców».

[3]) Lit. i kryt., t. II, cz. 1, str. 85.

но поэтическихъ. Дѣйствительно, у Олизаровскаго есть не мало мѣстнаго колорита, но съ другой стороны и у него весьма значителенъ элементъ фантастики и романтической эксцентричности. Козакъ, по желанію владычицы его сердца, предпринимаетъ безуспѣшную погоню за тучей, чтобы добыть кусокъ этой тучи; вся утварь и всѣ части дома Руцяны ведутъ между собою разговоръ въ предчувствіи бѣды, которая должна обрушиться на мужа Руцяны и на нее самоё. Интересно также, что въ началѣ поэмы Олизаровскаго есть лирическое сѣтованіе объ угасаніи нѣсни и давняго поэтическаго быта Украины. — Крашевскій возставалъ противъ украиноманіи въ польской поэзіи [1]), но, живя въ деревнѣ отъ 1840 до 1860 г., онъ присматривался къ народному житью на Волыни и Полѣсьѣ и прислушивался къ народнымъ разсказамъ. Въ результатѣ этого наблюденія и изученія явился рядъ повѣстей изъ народнаго быта [2]), авторъ которыхъ былъ свободенъ отъ прикрашиванія этого быта и выказалъ гуманное отношеніе къ крестьянству.

Оставляя въ сторонѣ другихъ менѣе значительныхъ польско-украинскихъ писателей 40-хъ и 50-хъ годовъ, мы не будемъ также распространяться о позднѣйшей формаціи польскаго козакофильсвта и украинофильства, или т. наз. хлопоманіи. Совершенно справедливо замѣтилъ г. Пыпинъ [3]), что начала хлопоманіи относятся еще ко времени до 60-хъ годовъ, когда она рѣзко выступила въ Кіевѣ, а также во Львовѣ [4]). Хлопоманія возникала среди польской шляхты уже въ 30-хъ годахъ [5]). Затѣмъ это движеніе было усилено демократическими доктринами, выдвинувшимися во Франціи [6]). Оно отозвалось въ польской литературѣ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ рядомъ переводовъ произведеній Шевченка, изданіемъ

[1]) «Ukrainomania» — въ «Tygodnik petersburski» 1839.

[2]) Онѣ собраны въ изданіи: «J. I. Kraszewski, Wybór pism, oddział I. Powieści sielskie poprzedzone wstępem krytycznym Kaz. Kaszewskiego, Warsz. 1884». — О повѣстяхъ Крашевскаго, а равно Чайковскаго и Генр. Ржевускаго см. въ моногр. Хмѣлевскаго: «Nasi powieściopisarze, Krak. 1887». Перечень и краткую характеристику произведеній Крашевскаго, относящихся къ южной Руси, см. въ замѣткѣ, помѣщенной въ апр. кн. «Кіевской Старины» 1887.

[3]) В. Евр. 1886, № 3, ст.: «Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ».

[4]) О Свенцицкомъ, издававшемъ журналъ Siolo во Львовѣ, см. въ той же статьѣ.

[5]) Legendy 121. Еще ранѣе провозвѣстникомъ этого направленія былъ какъ бы Ходаковскій, ходившій въ народъ.

[6]) Czajkowski, Legendy, 135.

журнала «Sioło» и т. п., но не оказало существеннаго положительнаго вліянія на украинскую литературу, такъ какъ украинофилы не имѣли ничего общаго съ польскими патріотическими тенденціями хлопомановъ.

Мы прослѣдили исторію зарожденія польской романтики и одного изъ самыхъ видныхъ развѣтвленій ея — польско-украинской поэзіи, и теперь будетъ яснѣе воздѣйствіе польской романтики на развитіе украинской литературы.

Разсмотрѣніе этого воздѣйствія начнемъ съ выясненія вліянія Мицкевича.

Этотъ поэтъ создалъ въ польской литературѣ направленіе, во многомъ подобное тому, какое у насъ было основано Пушкинымъ. Во время пребыванія въ Москвѣ и Петербургѣ Мицкевичъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе тамошнихъ литераторовъ и образованныхъ кружковъ, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ [1]) и встрѣтилъ сочувственные отзывы въ русской журналистикѣ. Тѣмъ не менѣе вліяніе его на общерусскую литературу было незначительно [2]). Гораздо значительнѣе сказалось оно въ украинской литературѣ [3]). Мицкевичъ почти вовсе не коснулся украинскихъ сюжетовъ [4]), но все-таки въ немъ нашлось не мало родственнаго украинскимъ поэтамъ, и они не только прямо переводили его произведенія, но и творчески вдохновлялись ими къ болѣе или менѣе оригинальнымъ произведеніямъ. Г. Петровъ почти не говоритъ объ этомъ послѣднемъ воздѣйствіи Мицкевича [5]), и мы попытаемся восполнить нѣсколько этотъ пробѣлъ, не имѣя притязанія въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, на полноту изслѣдованія, обязательную лишь для спеціалиста.

Мицкевичъ оказывался близкимъ украинскимъ поэтамъ между прочимъ потому, что почерпалъ сюжеты своихъ балладъ и романсовъ изъ народныхъ нѣсенъ и преданій. Уже у Мицкевича вид-

[1]) О взаимныхъ отношеніяхъ ихъ см. въ ст. г. Спасовича, помѣщенной въ «Вѣстн. Евр.» 1887, апр.: «Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Вел.»

[2]) Объ этомъ вліяніи см. въ ст. г. Полонскаго: «Mickiewicz w literaturze Rosyjskiej» въ газетѣ «Kraj» 1884, № 46.

[3]) См. въ той же газетѣ ст. Франка: «Adam Mickiewicz w rusińskiej literaturze». Замѣтку объ этой статьѣ можно прочесть въ дек. кн. «Кіевской Старины» 1886 г., гдѣ статья г. Франка раскритикована.

[4]) Исключеніе составляетъ «Czaty-ballada ukraińska».

[5]) Лишь на стр. 277—278 г. Петровъ приводитъ выдержку изъ Кулиша, свидѣтельствующую о такомъ воздѣйствіи.

нымъ дѣйствующимъ лицомъ одной изъ балладъ (Dudarz) является старецъ, играющій на лирѣ [1]).

Во 2-й балладѣ о «Тукаѣ», гдѣ умирающій старецъ входитъ въ договоръ съ дьяволомъ, Мицкевичъ впадаетъ въ легкій и даже забавный тонъ и «тѣмъ открываетъ, по замѣчанію г. Хмѣлёвскаго, новый способъ обработки народныхъ преданій» [2]). Такое же отношеніе къ этимъ преданіямъ находимъ и въ балладѣ «Pani Twardowska» [3]), и потому-то, вѣроятно, пришлась она по вкусу Гулаку-Артемовскому. Г. Франко справедливо замѣчаетъ, что баллада Гулака Артемовскаго — весьма свободная переработка; авторъ заботился о томъ, чтобы по возможности придать польской балладѣ украинскій колоритъ, оживить ее украинскимъ юморомъ, что́ удалось ему вполнѣ». Въ чемъ г. Петровъ усматриваетъ «нѣкотораго рода балагурство(?) и пародію, хотя послѣдняя и является болѣе внѣшнимъ образомъ, какъ форма», мы не понимаемъ.

Прямые слѣды воздѣйствія Мицкевича на А. Метлинскаго [4]) можно признать въ употребленіи Метлинскимъ звукоподражательныхъ словъ [5]). Въ балладѣ Мицкевича «Lilie» употреблены выраженія *traf*, *traf*, *skrzyp*, *skrzyp*, причемъ Мицкевичъ подражалъ Бюргеру [6]). У Метлинскаго эта особенность доводится иногда до

---

[1]) Въ балладахъ Шевченка подобная роль усвояется кобзарямъ. Въ общерусской литературѣ Шевченко не могъ найти подобный образецъ.

[2]) Chmielowski, Adam Mickiewicz, I, 244.

[3]) Г. Петровъ на стр. 67 вслѣдъ за Костомаровымъ ошибочно именуетъ балладу Мицкевича «Панъ Твардовскій».

[4]) Метлинскій перевелъ изъ Мицкевича всего одну пьесу: «Морлакъ въ Венеціи» (Думки и пѣсни та шче де-шчо, стр. 155—157), которую помѣстилъ въ числѣ переводовъ съ польскаго, не поясняя, изъ какого автора она взята.

[5]) Затѣмъ, впрочемъ, что одинъ изъ харьковскихъ профессоровъ, Гонорскій, за 24 года до выхода «Думокъ» Метлинскаго напечаталъ «опытъ» «О подражательной гармоніи слова» (Харьк. 1815). Затѣмъ Гонорскій помѣщалъ статьи о томъ же въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1816 и 1817 г.г.

[6]) Chmielowski, Ad. Mickiewicz, I, 242. Равнымъ образомъ и Одынецъ въ переводѣ «Охотника» Бюргера, напечатанный въ «Dziennik Wileński» 1822 г., ввелъ стихи:

I hop, hop, hop! rumak skory
Leci, hasa wsród trąb wrzawy.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ стиховъ Залескій, какъ самъ разсказалъ Одыньцу, написалъ думку о Коснискомъ, которая начинается восклицаніемъ:

Hop, hop, cwałem konie wrony!

«Но—hop» находимъ и въ «Zamek Kaniowski».

смѣшнаго, какъ, напр., въ стихахъ:

И ручницѝ и лукъ — пукъ, пукъ, пукъ, пукъ!
И то ворогъ, то кѝнь — гепъ, гупъ, гепъ, гупъ! [1]).

Въ значительной степени повліялъ Мицкевичъ на величайшаго изъ украинскихъ поэтовъ — Шевченка. Г. Петровъ говоритъ (стр. 303), что Шевченко «читалъ въ подлинникѣ Мицкевича», а въ другомъ мѣстѣ (стр. 366) онъ замѣчаетъ о неудачныхъ переводахъ Шевченка изъ Мицкевича: «во всякомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ о близкомъ знакомствѣ переводчика съ поэзіей Мицкевича, который могъ поэтому раздѣлить съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ извѣстную долю вліянія на украинскаго поэта». Точнѣе г. Петровъ не опредѣляетъ, въ чемъ Шевченко послѣдовалъ за Мицкевичемъ. Намъ кажется, что Шевченко рано ознакомился съ произведеніями Мицкевича. Вспомнимъ, что онъ изучилъ польскій языкъ уже во время пребыванія въ Варшавѣ, когда нашему поэту было 16 лѣтъ [2]). Чисто народная западно-русская фантастика балладъ Мицкевича могла сразу остановить вниманіе Шевченка, и аналогію этой фантастикѣ можно признать въ балладахъ Шевченка: «Прычынна», «Утоплена», «Русалка», «Лилея». Между тѣмъ, по мнѣнію анонимнаго критика и г. Петрова, повторяющаго его сужденіе, баллады Шевченка написаны «въ романтическомъ вкусѣ Козлова и Жуковскаго». Далѣе, въ произведеніяхъ Мицкевича были фабулы, которыя могли въ особенности прійтись по сердцу поэту, вышедшему изъ крестьянства и испытавшему на собственномъ опытѣ тягости крѣпостнаго права. Въ балладѣ «Rybka» изображена бѣдная сельская дѣвушка Крыся, обольщенная паномъ; она оставила дитя въ лѣсу, а сама утопилась и обратилась въ Свитезянку; потомъ она отомстила пану и его женѣ, и съ той поры уже не кормила своего дитяти, а рѣка высохла. Въ «Dziady» Мицкевича въ образѣ упыря представленъ жестокій панъ, моривший голодомъ своихъ слугъ и велѣвшій въ сочельникъ вытолкать на морозъ бѣдную умиравшую крестьянку съ дитятею. Интересно здѣсь отношеніе Мицкевича къ панству. Вслѣдъ за Мицкевичемъ и Шевченко выступилъ противъ жестокосердія крѣпостниковъ [3]). Политическія стихотворенія Мицке-

---

[1]) Думки, стр. 92.

[2]) Чалый, Жизнь и произведенія Тараса Шевченка, К. 1882, 20—21.

[3]) Передовые писатели и послѣ Мицкевича затрогивали иногда несправедливости, какія претерпѣвала крестьянка отъ произвола пана. Въ 1842 г.

вича также повліяли на Шевченка. Въ «Ustępie» Мицкевича слышенъ отголосокъ впечатлѣнія, произведеннаго на него огромнымъ Петербургомъ, который напоминалъ поэту Вавилонъ. Это стихотвореніе, а равно стихотвореніе «Petersburg» представляютъ сходство съ стихотвореніямъ Шевченка «Сонъ».

Для краткости ограничивая этимъ замѣчанія о значеніи поэзіи Мицкевича въ исторіи украинской литературы, переходимъ къ тѣмъ польскимъ поэтамъ, которые обращали читателей къ украинской старинѣ въ то время, какъ Мицкевичъ писалъ Гражину и Валленрода. Польско-украинская поэзія достигла въ свое время значительнаго распространенія. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ не было мѣстности въ Украинѣ, гдѣ бы кто-либо изъ польской шляхты или изъ обитателей польскихъ панскихъ дворовъ не писалъ пѣсенъ и думъ и не пускалъ ихъ въ обращеніе [1]). «Думки» Богдана Залескаго пользовались огромнымъ успѣхомъ и были распѣваемы

была написана, а въ началѣ 1843 г. явилась въ печати «Полѣсская повѣсть» Крашевскаго «Ulana», въ которой изложена весьма трогательная исторія молодой замужней крестьянки, увлеченной паномъ и полюбившей его со всѣмъ пыломъ дѣвственной души, предавшейся ему до самозабвенія и покинувшей ради него свою семью. Мужъ Уляны пытался отомстить пану поджогомъ, былъ схваченъ, судимъ и отравился въ тюрьмѣ. Вскорѣ послѣ того, по совѣту своего пріятеля, панъ женился на барышнѣ, а несчастная Уляна повѣсилась. Эта повѣсть производитъ глубокое впечатлѣніе на читателя и внушаетъ презрѣніе къ черствости пана, для котораго любовь крестьянки была забавой. Въ этой повѣсти была разсказана дѣйствительная судьба одной несчастной деревенской красавицы. Самъ Крашевскій заявилъ въ позднѣйшемъ предисловіи къ этой повѣсти: «historya Ulany jest prawdziwą, i ów pasek nawet czerwony, który ją kończy. Bohaterem był pan B., młody człowiek, podobny do pana Tadeusza, którego historyę opowiadano mi głuchą nocą na noclegu wśród lasów poleskich». О томъ, что подобныя происшествія случались нерѣдко въ жизни, замѣтилъ по поводу «Уляны» и ксендзъ Холоневскій, находившійся въ перепискѣ съ Крашевскимъ. См. брошюру Józef Ignacy Kraszewski i ksiądz Stanisław Chołoniewski przez Dr. Antoniego I., Lwów, 1878, Przedruk z «Przewodnika naukowego i literackiego», стр. 37. Ясно, что обличительнымъ произведеніямъ Шевченка предшествовали подобныя произведенія въ польской литературѣ. Шевченко выступилъ лишь со всею силою свойственнаго ему мощнаго лиризма и производилъ поразительное впечатлѣніе, какъ поэтъ, глубоко чувствовавшій скорби украинскаго народа, человѣческія права котораго были попираемы. Изъ болѣе раннихъ польскихъ повѣстей, касавшихся сельскаго быта, отмѣтимъ повѣсть Ходзька «Poddany», помѣщенную въ альманахѣ Одынца *Melitele* 1829 г.

[1]) Grabowski, Liter. i kryt., I, cz. dr. 102 — 103.

благодаря ихъ ритмичности [1]). Стихотворенія Падурры были разносимы по шляхетскимъ дворамъ и проникали въ простой народъ [2]).

Спрашивается, насколько повліяли польско-украинскіе поэты на чисто украинскихъ поэтовъ?

Польскіе писатели приписываютъ весьма важное значеніе польско-украинскимъ поэтамъ, полагая, что эти поэты произвели умиротвореніе и скрѣпили духовную связь Польши съ Украиной [3]). Мы не можемъ согласиться съ такою оцѣнкою дѣятельности польско-украинскихъ поэтовъ. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ нихъ старались сблизить украинцевъ съ поляками, но задача, взятая ими на себя, была уже анахронизмомъ: они пытались оживить старую козаччину и фантастическимъ разукрашеніемъ ея воспламенить почитателей козаччины къ возстановленію Рѣчи Посполитой. Самые видные изъ польско-украинскихъ поэтовъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и бойцами польской справы [4]). Понятно, что такая поэзія не

[1]) См. предисл. Рачинскаго къ изд. стихотвореній Залескаго въ 1841 г.

[2]) См. напр., Pyśma T. Padurry, Lw. 1874, str. XXIV, XLVIII. Ср. однако Lit. i Kryt., t. II, cz. 1, str. 86, гдѣ читаемъ, что собственно украинскій народъ вовсе не знаетъ стихотвореній Падурры. Потому надо думать, что преувеличилъ извѣстность Падурры Олизаровскій, вложившій слѣдующее упоминаніе о немъ въ уста козака Вернигоры:

Ta to cała Ukraina
Dziś dumkami brzmi Padurry,
Na podolskie już tam góry
Po pod same lizą chmury
Dumki nasze.

[3]) Dębicki написалъ въ «Czas» о Богданѣ Залескомъ: «Bohdan na dnieprowych porohach i kurhanach stepowych naznaczał granice. Obok Litwy najpoetyczniejszą stała się nam Ukraina, a ten czar, co nas tam wabi, to przeważnie zaklęci a bojanowéj lutni pod ręką Bohdana... Był to odwet duchowy za Chmielnickiego i hajdamaczyznę estetyczna aneksya, która zatwierdziła literacką i poetyczną integralność krainy, stepów i limanów. Bohdan Zaleski jest ryczerzem w tym sporze granicznym, poetycznym Mohortem na kresach. Może być pokonany przez poezyą małoruską, nigdy przez rosyjską». — Въ «Ateneum» 1886, № 5, говорится о Залескомъ: «Żeniąc nutę ukraińską z polskiem uczuciem, dokonał tego, czego rzeczywistość dziejowa dokonać nie zdołała.... Choćbyśmy wpływ poezyi najnizéj nawet ocenili, zawsze jeszcze - wierzmy - dosyć go pozostanie, by serca zwaśnione i rozjątrzone ulagodzić i spokojniejszemi natchnąć uczuciami».

[4]) Б. Залескій принималъ участіе въ возстаніи и эмиграціи 1831 г. и оплакалъ неудачу возстанія 1863 г. Стихотвореніе Падурры: «Ruchawka, pieśn kozacza» было распѣваемо польскими повстанцами на Украинѣ въ 1831 г. О

могла имѣть авторитета у южноруссовъ, замѣчавшихъ всю лживость польскихъ представленій о козачествѣ, помнившихъ уроки исторіи и дорожившихъ возсоединеніемъ Руси. Она не примиряла украинцевъ съ поляками, а лишь внушала польско-украинскимъ панамъ болѣе человѣчности въ отношеніи къ хлопамъ и доставляла нѣкоторый выходъ изъ труднаго положенія полякамъ, чувствовавшимъ себя пришельцами на землѣ чужой: она скрашивала прошлое фантастическими картинами и облекала поэтичностью козачество. Козачество стало модньшъ въ польскихъ салонахъ и домахъ провинціальной шляхты [1]). Такъ польско-украинскіе поэты положили начало своеобразному явленію въ польскомъ обществѣ и создали группу личностей, представлявшихъ удивительную амальгаму шляхетскихъ тенденцій и любви къ той русской землѣ, въ которой эти люди родились. Вообще разсмотрѣніе произведеній польско-украинской «школы» можетъ объяснить многое въ новѣйшихъ отношеніяхъ поляковъ къ малороссамъ.

Но, умѣряя такъ польскую оцѣнку значенія украинской «школы» поэтовъ, невозможно съ другой стороны согласиться и со взглядами тѣхъ украинскихъ критиковъ, которые сводятъ къ совершенному минимуму дѣятельность этихъ поэтовъ, видятъ въ ней пустую панскую забаву [2]) и ограничиваютъ ея воздѣйствіе отрицательнымъ вліяніемъ [3]). Украинскимъ критикамъ и вождямъ украинскаго литературнаго движенія издавна и до послѣдняго времени не нравились произведенія польско-украинской школы вслѣдствіе невѣрности представленій ея о козачествѣ и задней мысли, проникающей

Чайковскомъ см. выше. Даже Мицкевичъ увлекся бреднями о козачествѣ во время войны 1853 — 55 гг. и вѣрилъ въ осуществленіе этихъ бредней.

[1]) Grabowski, Lit. i kryt., t. II, cz. 1, str. 86 — 87: «nasza znamienita szkoła ukraińska stworzyła w publiczności pewną massę osób które w niéj wyłącznie sobie upodobają i zachwycają się stepami i kozakami. Powiadam że to ukraińska szkola stworzyła tę publiczność, bo istotnie nigdy jéj przed rozpowszechnieniem dzieł Zaleskiego, Malczeskiego, Goszczyńskiego nie było».

[2]) Мнѣніе г. Кулиша. Нѣкоторые польскіе критики также относились пренебрежительно къ козакофильству и признавали его безцѣльнымъ.

[3]) Мнѣніе г. Франка («Зоря» 1886, № 8): «украинська школа въ польской литературѣ по своимъ провôдным думкамъ була и осталась бôльше чужою украинському народови, нѣжь и пр. школа литовска. Литературный, посередный вплывъ ея на интелигенцію въ деякихъ зглядахъ бувъ значнѣйшій, але й то бôльш негативно, нѣжь позитивно: примѣръ поетôвъ польскихъ тои школы бôльше вказувавъ на те, якъ не треба писати для украинського народа, нѣжь якъ треба».

эти произведенія. Однако при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи самой украинской литературы романтическаго періода въ ней оказываются совпаденія съ польско-украинскою романтическою литературою, указывающія на родство той и другой, другими словами — на прямое — положительное — воздѣйствіе польско-украинской поэзіи на украинскую. Это сходство и соприкосновеніе украинской романтики съ польскою составляетъ одно изъ отличій романтической украинской литературы отъ общерусской [1]).

Мы видѣли, что польско-украинская школа была довольно численна и впервые у ея поэтовъ выступили *въ литературѣ* образы старцевъ-бандуристовъ; начался культъ могилъ [2]), скрывшихъ въ нѣдрахъ своихъ, по представленію того времени, героевъ козачества; впервые польско-украинскіе поэты одновременно съ Рылѣевымъ окружили вслѣдъ за народными пѣвцами прошлое Украины ореоломъ славы и вносили много чувства въ изображеніе его. Энтузіазмъ польско-украинскихъ поэтовъ и романтическое увлеченіе козацкою стариною не могли не передаться природнымъ украинцамъ — тѣмъ болѣе, что тѣ и другіе сближались въ любви къ народнымъ пѣснямъ, въ которыхъ сохранены, между прочимъ, живыя воспоминанія о козачествѣ. И украинскихъ поляковъ и украинцевъ почти въ равной мѣрѣ увлекалъ общій процессъ идеализаціи прошлаго Украины. Полная гибель стараго строя закрывала его недостатки, и, благодаря отдаленности, многое въ немъ, какъ то часто бываетъ, представлялось въ привлекательномъ видѣ. Въ этомъ отношеніи, романтика польско-украинская и украинская напоминаетъ нѣмецкую. Чрезмѣрною экзальтаціею, доходившею иногда до слезливаго и болѣзненнаго отношенія къ старинѣ, погрѣшали въ особенности украинскіе поэты, между тѣмъ какъ польскіе козакофилы, не понимая вполнѣ задушевнѣйшихъ стремленій козачества, были

---

[1]) Въ этой послѣдней вовсе не находимъ слѣдовъ знакомства съ польско-украинскими поэтами въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

[2]) Винцентъ Поль въ рѣчи, произнесенной во Львовѣ 12 октября 1863 г., опредѣляя «te żywioły, które naród pracą ducha i bez przykładnych poświęceń z siebie wydobył» въ литературѣ XIX в., сказалъ: «Czwartym żywiołem literatury polskiej XIX wieku jest łaska grobów. W natchnieniu poetycznem sformułował Seweryn Goszczyński to pojęcie i od owego to czasu staje się łaska grobów pojęciem utartym dla tych, co żyli w sferach ducha polskiego.... Jest to ukochanie przeszłości tak wielkie, że na zaklęcie tej miłości muszą powstać żywo z grobów postacie umarłych i przemówic żywem słowem i żywym czynem do umarłych w duchu». Biblioteka Ossolińskich, poczet nowy, t. VII, Lwów 1865, str. 382.

не прочь представлять козаковъ по одному шаблону-людьми, любившими лишь разгуливать по степямъ и по морю, жечь, рубить, грабить, а въ мирное время вышивать и думать о прекрасныхъ ляшкахъ [1]).

Въ первыхъ романтическихъ пѣсняхъ объ украинской старинѣ, явившихся на русскомъ языкѣ, именно въ «Украинскихъ мелодіяхъ» Н. Маркевича [2]), еще не замѣтно прямаго польскаго вліянія и слѣдовъ знакомства съ польско-украинскими поэтами [3]). Форма ду-

[1]) Въ стихотвореніи Падурры «Козакъ» (напечатано на стр. 41—47 послѣдняго Львовскаго изданія, а въ первоначальной редакціи на стр. 347—350) находимъ характеристику отваги и удальства, не совсѣмъ лестную для козаковъ. Такъ, на стр. 348 читаемъ:

Joho śloza në spëniaje,
Win në lubyt lestnych słow;
Szczo tam w nebi.... te në znaje.
A na zëmli znaje — krow.
Sam, jak dykyj syn pryrody,
De pokaże mstywy twar,
Krasiat zëmlu, krasiat wody
Krowi riczki i pożar.

Заключается это стихотвореніе прославленіемъ украинской дівчины и ея чудной пѣсни:

O! szczasływyj chto zrodywsia
Na pustyni kozakom,
Nəjszczasływszyj chto wlubyw sia
W diwczynońci nad Dniprom!

И это стихотвореніе — еще одно изъ самыхъ удачныхъ по легкости стиха и сравнительно небольшому количеству погрѣшностей въ языкѣ. Оно проникло даже въ восточную Галичину, гдѣ и теперь распѣваетъ его молодежь (str. X). — О козакахъ у Б. Залескаго см. въ цит. ст. г. Филевича стр. 39—40. О характерѣ козаковъ у Чайковскаго см. выше.

[2]) Разрѣшеніе цензора помѣчено 27 іюня 1830 г. Ранѣе нѣкоторыя изъ мелодій были напечатаны въ журналахъ.

[3]) Изъ польскихъ поэтовъ Маркевичъ упоминаетъ объ одномъ — Мицкевичѣ (см. стр. 123 «Украинскихъ Мелодій»). Авторъ «Укр. Мел.» возымѣлъ «первую мысль приложить слова Русскія къ прелестной музыкѣ пѣсенъ Малороссійскихъ» подъ вліяніемъ Ирландскихъ и Еврейскихъ мелодій Томаса Мура и лорда Байрона (предисл. I), которыхъ онъ переводилъ ранѣе. Затѣмъ мысль эту довели до вполнѣ ясной выработки: Утопленникъ, Ал. Пушкина; Дзяды, Мицкевича; Erlkonig u. Fischer, Гёте; Свѣтлана, Жуковскаго; Иллирическія пѣсни, Ипполита Мигалановича» (стр. IV). *). Матеріалъ для

*) Эту послѣднюю ссылку г. Петровъ опустилъ на стр. 126.

мокъ, въ которую отливаются нѣкоторыя историческія воспоминанія у Маркевича [1]), могла быть заимствована имъ у Рылѣева.

описанія «преданій, обычаевъ, обрядовъ, историческихъ происшествій, повѣрій и красотъ видовъ Малороссіи въ мелкихъ отрывочныхъ пьесахъ» доставило автору непосредственное знакомство съ Украиной и ея народомъ: «любя невинныя занятія нашихъ украинскихъ поселянъ, говоритъ Маркевичъ (стр. 125), я часто слушаю черезъ рѣку ихъ пѣсни, а иногда и раздѣляю ихъ увеселенія incognito; такимъ-то образомъ успѣлъ узнать я обычаи, сельскій бытъ, преданія и повѣрья малороссійскія; тамъ я выучилъ и напѣвы, столь стройные, столь необыкновенно мелодическіе». «Малороссійскую пѣсню, и сто, а можетъ быть и болѣе, напѣвовъ народныхъ» Маркевичъ обѣщалъ приложить къ 4-й книгѣ Мелодій. Маркевичъ ссылается еще на малор. пѣсни, изд. Максимовичемъ въ 1827 г., на «Русалку» Байскаго, помѣщенную въ альманахѣ «Поденѣжникъ» 1829 г., на И. П. Котляревскаго, Подолинскаго. Изъ историческихъ пособій цитуются: псевдо-Конисскій, Шереръ (Annales de la Pet. Rus.), бантышъ-Каменскій. Нѣкоторыя мѣста Мелодій составляютъ буквальное переложеніе народныхъ пѣсенъ (см. стр. 118—119). Усматривается нѣкоторое вліяніе Пушкина и Рылѣева (см. XXVII и 119—120). Въ Мелодіяхъ Маркевича мы находимъ элегическія воспоминанія о козачествѣ въ родѣ слѣдующихъ:

Въ Украинѣ святой Войнаровскій рожденъ,
Украйной Палій, Наливайко вскормленъ....
Тамъ Гетьманы съ козаками
Издѣвались надъ врагами,
Грабили Стамбулъ.
Кто козаковъ не боялся?...
Не уже-ли намъ остался
Только славы гулъ! — (стр. 40).

Стихотв. «Гетьманство» начинается строфою (стр. 41):

Булава, бунчуки
Не воскреснутъ для насъ!
Лишь поютъ старики,
Какъ Хмельницкій погасъ:
Ужь не будетъ, не будетъ въ Украинѣ Гетьмана!
По лѣсамъ бунчуковъ, на конѣ, съ булавой,
Не скакать ужь ему предъ козачей толпой:
Схоронили Украйну мы въ гробѣ Богдана! *И т. п.*

Шевченко въ стихотвореніи Н. Маркевичу назвалъ этого поэта «бандурыстомъ, орломъ сизымъ», и такимъ образомъ Маркевичъ, надѣявшійся «получить одобреніе за кѣль свою отъ своихъ соотечественниковъ» (стр. 137), достигъ того.

[1]) Таковы стихотв. «Ѳедоръ Богданъ» и «Мѣдный Быкъ». — Маркевичъ намѣревался современемъ «написать еще нѣсколько мелодій въ честь нашихъ героевъ, прославить праотцовъ и мѣста ихъ присутствіемъ освященныя» (стр. 137).

Вліяніе польско-украинской школы на ряду съ «Украинскими мелодіями» Маркевича [1]) сказалось замѣтно, по нашему мнѣнію, впервые въ стихотвореніяхъ Амвросія Л. Метлинскаго, представлявшихъ весьма замѣтное явленіе въ свое время и бывшихъ виднымъ продуктомъ украинской романтики до выхода въ свѣтъ стихотвореній Шевченка. Г. Петровъ, давъ характеристику взглядовъ и поэтическихъ произведеній Метлинскаго, упомянулъ о заимствованіи изъ народной поэзіи темъ нѣкоторыхъ стихотвореній его и о переводахъ изъ польскихъ поэтовъ, но не сказалъ ни слова о литературныхъ образцахъ и направленіяхъ, къ которымъ примыкалъ Метлинскій, и не упомянулъ даже о томъ русскомъ стихотвореніи, съ которымъ можетъ быть сближаемъ «Старецъ» Метлинскаго. Мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ поэтѣ, потому что произведенія его могутъ прекрасно охарактеризовать украинскую романтику и отношеніе ея къ польской. Мы увидимъ, что Метлинскій приближался къ польскимъ романтикамъ украинской школы въ общемъ элегическомъ созерцаніи Украины, но вмѣстѣ съ тѣмъ трезво признавалъ новыя условія жизни Украины и воодушевлялся общерусскимъ патріотизмомъ, подобно Максимовичу и другимъ писателямъ, сведеннымъ г. Петровымъ въ группу націоналистовъ. Онъ пришелъ безъ блужданій къ тому же, къ чему въ наше время пришли послѣ многихъ лѣтъ шатаній Кулишъ и Чайковскій.

Мы упоминали уже о томъ, что Бродзинскій, Мицкевичъ, Мальчевскій, Залескій, Гроза указывали на степи, могилы и на старую славу, сокрытую въ нихъ. Въ сборникѣ пѣсенъ, изданныхъ Максимовичемъ въ 1834 г., была уже напечатана пѣсня, начинающаяся стихами о могилѣ, составляющей характерную особенность украинскаго ландшафта [2]), но до 1839 г. въ украинской литературѣ еще не прорывалось грустное созерцаніе степей и могилъ Украины въ такой мѣрѣ, въ какой находимъ его у Метлинскаго [3]). Въ думкѣ Метлинскаго «Степь» отецъ плачетъ при видѣ

[1]) Ср., напр., стихотв. Метлинскаго «Кладовище» съ стихотв. Маркевича «Платки на козачьихъ крестахъ».

[2]) Извѣстная пѣсня: «Ой въ полі могила» и пр. Изъ нея взятъ Метлинскимъ эпиграфъ къ его «Думкамъ и пѣснямъ», и сверхъ того она упоминается еще у него на стр. 70. Мы видѣли, что начальные стихи ея повторилъ и Рылѣевъ въ одномъ изъ своихъ произведеній.

[3]) Ранѣе вовсе не упоминались могилы. Такъ, въ статьѣ о Хмельницкомъ, которою открывается Украинскій Вѣстникъ, просто говорилось: «Поля, на которыхъ подвизались древніе обитатели сихъ мѣстъ, суть нѣмые свидѣтели ихъ побѣдъ и обилія» (стр. 10).

могилъ, возлѣ которыхъ выли волки, и вспоминаетъ такъ о прошломъ Украины:

Колись, мій сынку, мы тіи могилы
Трупомъ та трупомъ начиняли;
Колись, мій сынку, мы въ тіи могилы
Злыхъ ворогівъ, було, спати клали....

И нѣкоторыя другія «думки» Метлинскаго навѣяны стихотвореніями польско-украинскихъ поэтовъ, хотя Метлинскій не напечаталъ ни одного перевода изъ нихъ, между тѣмъ какъ перевелъ по одному стихотворенію изъ другихъ польскихъ романтиковъ. Нѣкоторыя изъ стихотвореній Метлинскаго напоминаютъ произведенія Б. Залескаго [1]), но въ особенности близокъ Могила къ Падуррѣ.

Совпаденія въ поэзіи того и другого могутъ быть объясняемы непосредственнымъ знакомствомъ Метлинскаго съ произведеніями Падурры. Эти послѣднія обращались въ рукописяхъ на Волыни, Подольѣ и въ Украинѣ уже съ 1824 г., въ особенности — стихотвореніе «Козакъ», написанное въ Кременцѣ въ 1825 г. Самъ Падурра распространялъ свои пѣсни по малорусскимъ землямъ, странствуя въ одеждѣ кобзаря. Напечатана была прежде всего украинка «Złota Broda», помѣщенная въ «Dziennik Warszawski» 1829 г., а затѣмъ все чаще и чаще являлись въ польской литературѣ и произведенія Падурры, и упоминанія о нихъ. Нѣкоторые изъ читателей и слушателей готовы были считать произведенія Падурры чисто народными стихотвореніями [2]). Ихъ цѣнили и въ Галичинѣ и въ Украинѣ [3]).

Исходнымъ пунктомъ вдохновенія Метлинскаго были какъ бы скорбныя пѣсни бандуристовъ. Мы видѣли, съ какимъ почтеніемъ говорятъ о старыхъ кобзаряхъ — своихъ первыхъ наставникахъ въ

[1]) Б. Залескій передаетъ въ одномъ стихотвореніи воспоминанія о своемъ дѣтствѣ, проведенномъ на Украинѣ, среди пѣсенъ; у Метлинскаго находимъ подобное воспоминаніе въ прозаической статьѣ «Бабусенька».

[2]) Личность его могли считать миѳомъ: Zathey, 10—11.

[3]) Вагилевичъ писалъ: «Т. Падурра знакомитый поэта. Поэзіи его выйшли подъ написомъ Украинки (Варш. 1844). Суть то очаровательны воспоминанья изъ старого быту Украины, съ гомономъ всѣхъ чутій молодецтва и дѣвоцтва; досыть будетъ набылити: Вѣсляръ и Гандзя зъ Самары». Р. библ. III, 154. Срезневскій предполагалъ помѣстить въ своемъ Украинскомъ Сборникѣ, между прочимъ, избранныя стихотворенія Падурры.

поэтическомъ искусствѣ — Залескій [1]) и Падурра [2]). Первое изъ стихотвореній Могилы, озаглавленное «Бандура» и посвященное Іереміи Галцѣ (Костомарову), заключаетъ воспоминаніе о «старомъ козакѣ-спѣвакѣ», грустныя и мрачныя пѣсни котораго «про гетьмана, чи про гайдамаку» подъ аккомпаниманъ бандуры обладали удивительною силою, внушали жалость «дитинѣ и бурлаку», вызывали слезы и нытье въ сердцѣ; заканчивается стихотвореніе призывомъ:

Де-жъ ты дѣвався, та старый спѣваче?
Ой, заспѣвай намъ про житьтя козаче!

И у Метлинскаго преобладающій тонъ поэзіи — тоска по козацкой старинѣ, при чемъ его пѣсня особенно грустна. Украина Могилы внушаетъ скорбь, подобно Украинѣ Мальчевскаго, который заключилъ свою поэму словами:

I pusto, smutno, tęskno — w bujnej Ukrainie [3]).

И у Метлинскаго вѣтеръ, проносящійся со свистомъ по украинскимъ степямъ,

Плаче, оплакуе козакивъ — своихъ бративъ!...
Кости по степахъ въ пискахъ ховае,
Пѣсню поминалную спѣвае ... [4])
Одже-й не весело, якъ-то й не шумно....
Слухайте, братцы, якъ тихо и сумно [5]).

Особенно много грустныхъ воспоминаній сопряжено съ Кіевомъ и Днѣпромъ:

У Кіевѣ всёму, всёму зачало:
Та и старый, старый же винъ козакъ!
Того шче-й не було, те пидростало, —
Давно, давно вже Кіевъ панувавъ:
Ёго церкви ажъ хмары зачипали,

---

[1]) См. выше о знахарѣ Наумѣ, котораго Залескій изображаетъ такъ:

Na mogile bielusieńki dziad stoi samiutki —
A jak wiatry mszystym dębem, szamocą nim smutki.

[2]) У Маркевича также есть стихотвореніе «Бандуристъ».

[3]) 1-я пѣснь Маріи также оканчивается стихомъ:

I pusto, smutno, tęskno, jak gdy szczęście minie.

[4]) Стр. 89 «Думокъ и пѣсенъ».

[5]) Стр. 93.

И шапку хочъ бы хто ёму здиймавъ, —
Такъ далѣ славы вже ёму не стало!
Та на Днѣпрѣ-жъ таки була и Сѣчъ....
Такъ знонинать не дуже-бъ-то пристало [1]).

Поэту чудились люди далекаго прошлаго, которые не сочувствуютъ настоящему. Онъ выводитъ козаковъ изъ могилъ на кладбищѣ въ «великодную» (пасхальную) ночь, и дивятся они онѣмеченію края и отреченію своихъ потомковъ отъ старинной чуприны, которою «колись зъ Украины нечисть змитали, тильки шчо изъ головою їи виддавали» [2]). Въ думкѣ «Гетьманъ» изображенъ гетманъ, стоящій высоко на замкѣ въ темную ночь, когда мѣсяцъ скрылся за тучи, падалъ дождь и Днѣпръ шумѣлъ:

Винъ голову сиву схиливъ якъ былину,
И пильно орломъ позиравъ на Вкраину!

Напрасно онъ прислушивался: было тихо *отъ моря до моря* [3]).

Чи орелъ безъ крылъ, безъ перъ?
Чи козакъ и кинь умеръ?

спрашиваетъ себя гетманъ.

Прислухався, глянувъ шче разъ на Вкраину,
Схиливсь якъ былина и самъ въ домовину....

Потомъ гетманъ уже не выходилъ изъ могилы, и слезы его не капали въ рѣченьку; только «Днѣпръ гомонѣвъ якъ гетьманъ» [4]).

О старинѣ напоминали поэту и «гострый списъ», который уже «не сие», и чарка, уцѣлѣвшая отъ козацкаго времени. Поэтъ присматривался къ этимъ остаткамъ старины, разспрашивалъ о ней и хотѣлъ

.....на бандурѣ розиграться,
Въ старинѣ-бувалщинѣ покохаться.

---

[1]) Ср. слова Чайковскаго о Кіевѣ, которыя будутъ приведены въ слѣдующей главѣ.

[2]) Ср. Вернигору Чайковскаго.

[3]) Ср. извѣстное польское выраженіе о томъ, что Рѣчь Посполитая простиралась отъ «morza do morza».

[4]) Ср. прологъ къ поэмѣ Гребенки «Богданъ» (сочин. Е. П. Гребенки, т. V, Спб. 1862, стр. 14 и слѣд.), гдѣ также тѣни гетмановъ говорятъ надъ Днѣпромъ.

Но при такой любви къ старинѣ у Метлинскаго уже не было вѣры въ возрожденіе стараго козачества, которая вдохновляла Падурру (до возстанія 1831 г.) и Чайковскаго: у Метлинскаго историческое пониманіе и пониманіе современности было шире, чѣмъ у польскихъ козакофиловъ. Онъ хорошо зналъ, что́ претерпѣла Украина отъ ляховъ, и то, что навсегда миновали прежнія времена:

Намъ, братця, намъ, братця, вже намъ не ходити
Та до панівъ, до панівъ-тыхъ великихъ у гости [1]).

Старый гетманъ недаромъ не выходилъ изъ могилы: окинувъ взоромъ пространство отъ моря до моря, онъ сказалъ:

Вже край втихомирився....
Все, чую, вже тихо одъ моря до моря..... [2])

Предъ козаками явилась отличная отъ прежней, новая задача — служба царю [3]), отыскиваніе славы въ губленіи враговъ русскаго царства.

Царство Бѣлого Царя широко розлеглося,
Одъ восходу до заходу сонця простяглося:
Е тамъ чимало мѣсця для силы,
Мѣсця чимало и для могилы (*разумѣется* — вражьей).... [4])

Признавая новыя условія жизни ю. Руси, Метлинскій сравнивалъ «самотнихъ співцовъ», т. е. пѣвцовъ, пребывающихъ въ обособленіи, удалившихся изъ общаго отечества [5]), съ одинокимъ вязомъ, выросшимъ на камнѣ среди моря, и съ рыбалкою, помѣстившею своихъ дѣточекъ на этомъ вязѣ: буря расшатываетъ камень, и вязъ опускается вмѣстѣ съ нимъ на дно; не находящая пристанища и утомленная рыбалочка также погружается въ воду и не возвращается оттуда:

Хай же я вамъ нагадаю [6]),
Гей, вы самотни співци!

[1]) Стр. 42. [2]) Стр. 82. [3]) Стр. 43. [4]) Стр. 101.

[5]) По мнѣнію г. Петрова, это стихотвореніе обращено къ поэтамъ отдѣльныхъ отъ Россіи славянскихъ народностей (стр. 133); но изъ всѣхъ подробностей стихотворенія, въ которомъ рѣчь идетъ о русскомъ царствѣ, о вѣрѣ этого царства, явствуетъ, что имѣются въ виду лишь поэты русскаго царства, удалившіеся на чужбину буквально или въ переносномъ смыслѣ. Не разумѣлъ ли авторъ въ данномъ случаѣ польскихъ поэтовъ-эмигрантовъ?

[6]) Г. Петровъ опускаетъ этотъ стихъ и приводитъ лишь три слѣдующіе, вслѣдствіе чего смыслъ не совсѣмъ ясенъ.

Шчо нікчемніи для краю
Всѣ самотніи пѣсні!...
Е въ насъ Вѣра, Царь и Мова,
И чимало насъ Словенъ,
Все свое въ насъ.... ну, чого вамъ
Шче шукати въ бусурменъ?

Поэтъ приглашаетъ пѣвцовъ возвратиться, чтобы громче была пѣсня:

Край не малый въ насъ, великій въ насъ Царь:
Шчобъ була-жъ и пѣсня голосная!

Пусть пѣвцы составятъ крѣпкій оплотъ, уйдутъ корнями въ родную землю, какъ лѣсъ, какъ стѣна изъ скалъ, и тогда русская пѣсня заглушитъ чужую ложь, и оплотъ изъ пѣвцовъ не пропуститъ въ нашъ край «нечисти», раждающейся въ чужой землѣ.

Такъ Метлинскій, при страстной любви къ Украинѣ, оставался вѣренъ и общерусскому патріотизму и былъ свободенъ отъ увлеченія польскими бреднями и отъ вражды къ русскому государству, которою дышали нѣкоторые изъ польско-украинскихъ писателей. Безъ малѣйшей злобы и лишь съ грустью опасался онъ за судьбу «дѣдивськой мовы», которой уже «не чувати въ паньськихъ хоромахъ» [1]). Интересно въ этомъ отношеніи, что собраніе оригинальныхъ стихотвореній Метлинскаго, открывающееся воспоминаніемъ о старомъ бандуристѣ, заканчивается описаніемъ смерти стараго козака-бандуриста въ волнахъ Днѣпра во время бури. Передъ смертью бандуристъ, сознавшій, что настали иныя времена, поетъ:

«Грімъ напусти на насъ Боже, знали насъ въ пожарѣ:
Бо и въ менѣ, и въ бандурѣ вже гласъ замірає!
Вже не гремѣтиме, вже не горѣтиме якъ въ хмарѣ
Пѣсня въ народѣ, бо вже наша мова конає!»

Въ концѣ однако бандуристъ выразилъ такую надежду:

«Може и пѣсня зъ вѣтромъ ходитиме,
Дійде до сердця, сердце палитиме;
Може й бандуру шче хто учуе,
Й сердце заные и затоскуе....

[1]) Ср. сѣтованіе Олизаровскаго, о которомъ выше.

И бандуру и мене,
Козаченько знемьяне».

Стихотвореніе это должно быть признано знаменательнымъ. Скорбная поэзія бандуристовъ, дѣйствительно, должна была вскорѣ навсегда замолкнуть въ украинской литературѣ, прозвучавъ въ послѣдній разъ въ чудныхъ пѣсняхъ Шевченка. Метлинскій и Шевченко исчерпали всю романтику украинскихъ бандуристовъ. Съ другой стороны историкъ украинской литературы долженъ «вспоминать» А. Метлинскаго и отвести ему видное мѣсто, какъ поэту-бандуристу, прямому предшественнику Шевченка. Г. Петровъ говоритъ лишь въ общихъ выраженіяхъ объ этомъ значеніи А. Метлинскаго въ исторіи украинской литературы, замѣчая, что Метлинскій «былъ въ нѣкоторомъ родѣ предтечею» Шевченка и «однимъ изъ первыхъ представителей украинскаго славянофильства». Г. Петровъ касается «народнаго украинскаго элемента» стихотвореній Метлинскаго, но обращаетъ при этомъ вниманіе преимущественно на содержаніе ихъ и не отмѣчаетъ близости пѣсенъ М. къ пѣснямъ кобзарей даже въ стилистическомъ отношеніи. Далѣе, Метлинскій намѣтилъ какъ бы и другой путь, по которому направился Шевченко — въ нѣкоторыхъ изъ стихотвореній онъ подошелъ въ балладной формѣ къ изображенію современнаго народнаго быта въ тонѣ Квитки, которому посвятилъ одну пьесу, и современныхъ стремленій украинской народности. Шевченко попытался затѣмъ глубже вникнуть въ исторію, современное положеніе, идеалы и стремленія народа [1]). Что до «славянофильства» Метлинскаго, то его нельзя считать «украинскимъ», потому что оно не шло далѣе оффиціальной программы, начертанной правительствомъ, и отличалось отъ чисто украинскаго славянофильства, о которомъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Мы проанализировали романтическую идеализацію украинской старины у Метлинскаго и отношеніе ея къ польско-украинской романтикѣ и полагаемъ, что этого очерка достаточно для того,

[1]) Г. Петровъ (стр. 362), говоря объ отношеніи Шевченка къ предшествовавшимъ украинскимъ поэтамъ, не касается соприкосновенія стихотвореній Шевченка съ поэзіей Метлинскаго, между тѣмъ какъ связь эта несомнѣнна и обнаруживается даже повтореніемъ у Шевченка выраженій, употребленныхъ Метлинскимъ. См., напр., Думки Могилы, стр. 47 и стихотв. Шевченка «Бувае, въ неволи» . . .

чтобы видѣть весь интересъ, какой могутъ представить подобныя разысканія. Сколь ни важна дальнѣйшая исторія этого процесса идеализаціи по воздѣйствію его на украинскую литературу, мы не станемъ вдаваться въ нее. Мы замѣтимъ только, что этотъ процессъ не окончился съ водвореніемъ вновь реализма въ украинской литературѣ. Долго еще слышались отголоски романтическаго возвеличенія украинской старины: по мнѣнію «украинца», еще въ «Основѣ» происходило оплакиваніе малорусской старины, которую такъ часто вспоминалъ Шевченко [1]). Прошлое Украины и ея поэзія давали богатую пищу романтическому настроенію.

Такимъ образомъ, украинскіе романтики имѣли возможность достигнуть сразу значительной оригинальности, черпая матеріалъ изъ своего народнаго прошлаго. Въ этомъ состояло отличіе украинской романтики отъ той, которая господствовала въ общерусской литературѣ. Г. Петровъ въ общемъ очеркѣ украинской романтики (стр. 126—128) не выдвинулъ указаннаго отличія на подобающее мѣсто, какъ не выдѣлилъ опредѣленно и воздѣйствія украинско-польской романтики на украинскую. Обращеніемъ къ весьма тщательному изученію старины преимущественно по памятникамъ народнаго творчества и постояннымъ воспроизведеніемъ мотивовъ послѣдняго украинскаго романтика сближается съ польско-украинскою школою.

Мы видѣли, что малорусскіе романтики обращались къ украинкой старинѣ, народной поэзіи и быту одновременно съ поляками и иногда *вслѣдъ* за ними. Литературы южнорусская и польская шли параллельно въ этомъ направленіи и не перестаютъ доселѣ соприкасаться въ воспроизведеніи народнаго быта. Наблюденіе этого параллелизма и взаимодѣйствія можетъ доставить много интерес-

[1]) И теперь еще находятся отдѣльныя личности, мечтающія о козаччинѣ (см., напр., стихотвор. «Паша надія» въ галицкомъ журналѣ «Правда» 1867, ч. 2), но элементы романтической идеализаціи теперь уже отжили свой вѣкъ, о чемъ заявляетъ и авторъ брошюры «По вопросу о малорусской литературѣ», стр. IX: «Совершенно естественная и весьма интереснымъ образомъ проявившаяся лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ идеализація козачества и гетманщины и стремленіе дать «державно-правный», историческій характеръ естественному малорусскому патріотизму, — памятникомъ чего служатъ Исторія Руссовъ Псевдоконисскаго и нѣкоторыя, хотя вовсе неосновныя, пьесы Шевченка, — теперь вещь, окончательно пережитая всѣми образованными малороссами. Возвращеніе ея сдѣлано невозможнымъ научною критикою и анализомъ, направленнымъ на прошлое, именно со стороны малорусскихъ дѣятелей». Извѣстно, какъ развѣнчалъ въ послѣднее время южнорусское козачество г. Кулишъ.

ныхъ данныхъ для исторіи всего южнорусскаго края и должно составить весьма интересную главу въ будущей исторіи украинской литературы.

Кромѣ разсмотрѣннаго общаго вліянія польско-украинской литературы на украинскую поэзію первая сообщала иногда и отдѣльные сюжеты украинскимъ поэтамъ, другими словами, побуждала ихъ творческую мысль къ самостоятельной обработкѣ тѣхъ же самыхъ темъ, какія были затронуты ранѣе въ польской литературѣ.

Представимъ примѣръ.

Нѣкоторыя пьесы Шевченка изъ козацкой исторіи были, повидимому, вызваны чтеніемъ повѣстей Чайковскаго [1]). Особенный интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи поэма «Гайдамаки». О связи ея съ «Вернигорой» Чайковскаго имѣется прямое свидѣтельство, но, не взирая на него, г. Петровъ (стр. 345) ссылается на предисловіе Шевченка къ «Гайдамакамъ» въ подтвержденіе того, что Шевченко основалъ свое произведеніе лишь на разсказахъ стариковъ объ уманской рѣзнѣ 1768 г. Что на Украинѣ еще существовали въ 30-хъ годахъ живыя преданія о гайдамацкомъ возстаніи 1768 г. [2]) и что они были извѣстны Шевченку, не подлежитъ сомнѣнію, но, тѣмъ не менѣе, слова Шевченка, что онъ «нічого не читалъ напечатаннаго и критикованнаго про то, что дѣлалось на Украинѣ», надо истолковывать лишь въ томъ смыслѣ, что поэтъ не видѣлъ чисто историческихъ монографій объ этой эпохѣ [3]). Что до польскихъ поэтическихъ произведеній, изображавшихъ бунтъ 1768 г., то Шевченко былъ несомнѣнно знакомъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, если не со всѣми [4]).

[1]) Ср., напр., стихотв. Шевченка «Хустына» съ повѣстью Чайковскаго «Swatanie Zaporożca»; стихотв. «Гамалія» напоминаетъ общимъ колоритомъ повѣсти Чайковскаго «Wyprawa na Carogród» и «Skalozub w zamku siedmiu wież»; само собою разумѣется, что есть въ этомъ стихотвореніи и отклики козацкихъ «думъ», а также историческихъ произведеній, которыя были извѣстны Шевченку.

[2]) Grabowski, Lit i kryt., t. II, cz. 1, str. 130.

[3]) Съ «Исторіей Малороссіи» Н. Маркевича онъ, однако, долженъ былъ быть знакомъ; здѣсь объ Уманской рѣзнѣ говорится во II-мъ т. (М. 1842).

[4]) Кромѣ Чайковскаго и Гощинскаго событія 1768 г. избралъ сюжетомъ поэмы Гроза (*Pan Starosta;* здѣсь разсказана печальная исторія несчастной дѣвушки, понравившейся развратному старостѣ Каневскому, о которомъ доселѣ поется пѣсня въ народѣ; см. «Степъ», 27—32), а Грабовскій затронулъ ихъ въ пов. «Коліевщина и степи» (См. Москвитянинъ 1842, № 4). У Олизаровскаго также есть воспоминаніе о томъ времени, и выступаетъ Вернигора.

Въ одномъ изъ примѣчаній къ «Гайдамакамъ» Шевченко ссылается на записки Младановича въ подтвержденіе разсказа объ убіеніи Гонтою дѣтей, но самъ же замѣчаетъ, что эти воспоминанія не напечатаны. Онъ могъ узнать о нихъ лишь изъ «Вернигоры» Чайковскаго [1]). Кромѣ этого весьма вѣскаго доказательства знакомства Шевченка съ повѣстью польскаго писателя, имѣются еще и другія, именно совпаденія въ подробностяхъ разсказа [2]) и — что особенно важно — въ томъ общемъ разсужденіи о событіяхъ 1768 г., которое Шевченко ввелъ и въ самоё поэму, и въ предисловіе къ ней [3]). Такимъ образомъ, первую мысль описать гайдамацкое возстаніе 1768 г. Шевченко почерпнулъ изъ польской литературы; оттуда же онъ заимствовалъ нѣкоторыя подробности и общій выводъ касательно этого событія, и лишь въ изображеніи гайдамаковъ и оцѣнкѣ ихъ дѣянія разошелся существенно съ Чайковскимъ. Намъ уже извѣстно отношеніе Чайковскаго къ гайдамакамъ. Шевченко, повидимому, хотѣлъ выставить въ иномъ — болѣе благопріятномъ и правдивомъ, чисто народномъ — освѣщеніи героевъ возстанія 1768 г. и указать на настоящихъ виновниковъ бунта — польскихъ пановъ, утѣснявшихъ народъ [4]). Должно сказать, впрочемъ, что и эта послѣдняя идея была художественно выражена ранѣе Шевченка въ другой знаменитой польской поэмѣ о

[1]) См. Wernyh., 117, 258. Въ примѣчаніи на послѣдней страницѣ находимъ заявленіе, повторенное Шевченкомъ, о томъ, что «historja tej rzezi nie była przez nikogo wydrukowana ze szszegółami». Рукопись Младановича, «syna gubernatora Humańskiego, a syna chrzestnego Gonty», Чайковскій читалъ, когда находился въ «Midzyrzeczu Koreckim w szkołach księży Pyarów», гдѣ пребывалъ и Младановичъ. Записки Младановича были изданы въ Познани въ 1842 г. въ сборникѣ Эдв. Рачиньскаго (Obraz Polaków i Polski w XVIII wieku, t. XV). Если бы г. Петровъ прочелъ «Вернигору», то не выставилъ бы разбираемаго нами утвержденія.

[2]) И у Шевченка, какъ у Чайковскаго, благочинный Чигиринскій игралъ важную роль въ возбужденіи возстанія. Подробность о «свяченыхъ» ножахъ встрѣчается и у Гощинскаго и у Чайковскаго, но Шевченку она могла быть извѣстна и изъ преданія «старыхъ людей» (см. его 10-е примѣчаніе).

[3]) Ср. съ напечатанной выше выдержкою изъ Чайковскаго о розни между братьями одной матери слова Шевченка въ предисловіи къ «Гайдамакамъ»: «все-такы скажешъ: «слава Богу, що мынуло!» А надто якъ загадаешъ, що мы одной матери диты, що вси мы славяне».

[4]) Потому-то онъ относится къ конфедератамъ совершенно иначе, чѣмъ Чайковскій. Взглядъ Шевченка на гайдамаковъ см. въ концѣ стихотв. «Холодный яръ» — въ Пражскомъ изд. Кобзаря — т. II, стр. 63.

времени гайдамачества, именно въ «Замкѣ Каневскомъ», а Шевченко несомнѣнно былъ знакомъ и съ этимъ произведеніемъ. Оно было въ особенности близко къ замыслу украинскаго поэта, потому что авторъ его, по справедливому замѣчанію польскаго критика, сумѣлъ перенестись въ тотъ вѣкъ, который изображалъ, и въ думы и чувства украинскаго люда[1]). И у Гощинскаго, какъ у Шевченка, слышимъ вопль угнетеннаго народа, проникающій до глубины нашего сердца[2]). Не смотря на то, что романтическая манера творчества наложила сильный отпечатокъ на польскую поэму[3]), въ ней выступаетъ съ значительною силою драматизмъ изображаемаго поэтомъ времени, предстаетъ также и народная правда, хотя не съ такою яркостію, какъ у Шевченка. Потому-то «Замокъ Каневскій» могъ нравиться такому русскому патріоту, какъ М. Шашкевичъ[4]). Глубокое впечатлѣніе должна была произвести эта поэма и на Шевченка. Отзвуки этого впечатлѣнія находимъ не только въ томъ, что и украинскій поэтъ изобразилъ подобно Гощинскому на ряду съ общенародною личную месть изъ-за жестокой обиды, нанесенной панскою распущенностію любящему сердцу украинца, но и въ совпаденіи элегическихъ картинъ, которыми заканчиваются поэмы Гощинскаго и Шевченка[5]).

---

[1]) Grabowski, Lit. i. kryt., II, cz. I, str. 133.

[2]) Вспомнимъ рѣчь Небабы въ 9-й главѣ II-й части «Замка Каневскаго».

[3]) См. «Гайдамаки. Поэма Тараса Шевченка. Студіумъ д-ра Омеляна *Огоновського*, Львъ. 1879». Здѣсь на стр. 5, 11—12, 31—33 и 39 находимъ сопоставленіе «Гайдамаковъ» съ поэмою Гощинскаго, причемъ отдается постоянно предпочтеніе поэмѣ украинскаго кобзаря. Замѣчанія г. Огоновскаго, относящіяся къ этому сравненію, не лишены справедливости, но нельзя также не сказать, что г. Огоновскій слишкомъ принижаетъ «Zamek Kaniowski», находя вообще, что Гощинскій изобразилъ гайдамачину «въ найогиднійшимъ виду».

[4]) Шашкевичъ перевелъ отрывокъ изъ поэмы Гощинскаго («Р. библ. III, 27—30). Онъ писалъ объ этомъ переводѣ: «jąłem się nagle powstałej we mnie myśli — *ducha ruskiego, wionącego w tem dziele,* ująć w naczynie ruskie (ib. 63).

[5]) Ср. стихи Шевченка:

Съ того часу въ Украини
Жыто зеленіе;
Не чуть плачу, ни гарматы,
Тилько витеръ віе,

Нагынае вербы въ гаи,
А тырсу на поли.
Все замолкло. Нехай мовчыть:
Така Божа воля,

Поэма Шевченка «Гайдамаки» можетъ послужить промѣромъ отношенія украинской литературы къ польскимъ извращеніямъ украинской старины и характеризуетъ ту службу, какую могла сослужить украинская поэзія русскому самосознанію въ югозападномъ краѣ. Украинскіе поэты и литераторы могли откликаться безъ злобы на призывы польско-украинскихъ поэтовъ къ примиренію, могли даже протягивать дружески руку полякамъ, какъ Шевченко[1]), но,

---

съ заключительной строфой «Замка Каневскаго»:

Mijają lata, z latami zdarzenia....
Swietnie przejrzały nieba Ukrainy,
Zabrzmiała śmiało cicha pieśń dziewczyny,
Czas lasem okrył ostatki ruiny.
Gdzie bojowiska czaszkami bielały,
Ulewna burza brózdy tam zorywa,
W skwarny dzień lata złocą się tam żniwa,
Kwiat się tam z wiosną wykluwa nieśmały.
Złomki szubienic świecą próchnem z ziemi.
Nad zwycięzcami, nad zwyciężonemi,
Trawą usłana mogiła zapada:
Tam błędny żebrak do snu pacierz gada.
Piekła za wojną zatrzaśnięto bramę.
Znów ten że pokój, i zbrodnie też same!

Ср. еще въ главѣ «Трети пивни»: «Гомонила Украина, Довго гомонила» и проч.

[1]) Въ «передмовѣ» къ «Гайдамакамъ» Шевченко писалъ: «Сердце болыть, а росказувать треба: нехай бачять сыны и внукы, що батькы ихъ помылялысь, нехай братаються знову зъ своимы ворогамы, нехай жытомъ-пшеныцею, якъ золотомъ покрыта, нерозмижованою останеться на вики одъ моря и до моря славянская земля». Изъ этихъ словъ видно, что Шевченко былъ противъ шляхетской польской идеи о возстановленіи Польши и стоялъ за братство на иныхъ основаніяхъ. Ср. приведенные выше стихи Могилы: «Все, чую, вже тихо одъ моря до моря....» Объ отношеніи Шевченка къ полякамъ см. замѣчаніе въ цит. брошюрѣ Огоновскаго (стр. 8 и 38), направленное противъ книжки: «Taras Szewczenko, studium przez Leonarda Sowińskiego z dołączeniem przekładu Hajdamaków. Wilno 1861». Въ стихотвореніи «Ляхамъ» (1858), посвященномъ Брониславу Залескому, повторена та же идея о веселомъ житьѣ козаковъ съ поляками до уніи и о разрушеніи ихъ мира ксендзами, какая была высказана въ примѣчаніи 13-мъ къ «Гайдамакамъ» и въ стихотв. «Не знаю, якъ теперъ ляхы жывуть» (1848). Ср. въ «Исповѣди Наливайки» Рылѣева (стр. 144):

Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда, объятый низкимъ страхомъ,

тѣмъ не менѣе, не жертвовали историческою правдой, требовали чтобы поляки отреклись отъ своей неправды, и отстаивали самобытность своей народности отъ польскихъ покушеній. Даже и въ томъ случаѣ, когда они сходились съ поляками въ неодобреніи суроваго отношенія къ южнорусской литературѣ, они, оставаясь все-таки южноруссами, не могли работать въ пользу польской интриги, потому что никогда не могли отказаться отъ своей народности и искренно сойтись съ поляками [1]), и въ концѣ концовъ не могли

Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;
Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.

Несостоятельность этого взгляда выясняется при изученіи русско-польскихъ столкновеній съ древнѣйшаго времени и въ особенности съ XIV в. — Теперь найдены въ Краковѣ въ бумагахъ Крашевскаго подлинники писемъ Шевченка къ Бронславу Залескому. — Г. Петровъ коснулся лишь вскользь отношенія Шевченка къ полякамъ (стр. 331), хотя это отношеніе имѣло существенное значеніе въ поэтической дѣятельности Шевченка.

[1]) См. ст. г. Кулиша: «Полякамъ объ украинцахъ (отвѣтъ на безыменное письмо)» въ февр. кн. «Основы» 1862 г., стр. 75: «Просвѣщенные представители той и другой народности способны сходиться дружески во имя общечеловѣческихъ идей и изъ любви къ поэтичности взаимныхъ историческихъ преданій, но лишь только они дѣлаются представителями своихъ народовъ и отъ отвлеченныхъ бесѣдъ переходятъ къ дѣлу жизни, каждый изъ нихъ по неволѣ долженъ уйти въ свой лагерь и раздѣлываться другъ съ другомъ оружіемъ, которому не блистать подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Это дѣло не ихъ произвольныхъ теорій, это дѣло исторіи того и другого народа». Какъ извѣстно, въ послѣднее время г. Кулишъ началъ-было призывать южноруссовъ къ единенію съ поляками, но этотъ призывъ прозвучалъ втуне и не встрѣтилъ общаго сочувственнаго отклика ни въ Украинѣ, ни въ Галичинѣ (случаи эфемернаго и неискренняго примиренія поляковъ и южноруссовъ оставляемъ въ сторонѣ) по тѣмъ самымъ причинамъ, какія были указаны г. Кулишемъ въ 1862 г. Поляки не желаютъ и теперь еще отказываться отъ завѣтовъ своей исторіи, отъ «системы хитраго, а часто и насильственнаго соединенія разнородныхъ религій и противоположныхъ народностей» (слова Кулиша ib., 73); въ Галичинѣ русскіе хорошо знаютъ то на основаніи ближайшаго опыта и потому остались глухи къ увѣщаніямъ г. Кулиша (Ср. «За крашанку — писанка П. Ол. Кулішеви. Написавъ Д. Слѣпченко-Мордовецьъ», Спб. 1882, стр. 37, гдѣ повторены факты, указанные самимъ Кулишемъ). Такимъ образомъ, г. Кулишъ извѣдалъ какъ нельзя лучше неосуществимость союза, который проповѣдывалъ въ 1882 г., и подтвердилъ собственнымъ опытомъ то, что писалъ въ 1862 г. — Объ отсутствіи связи между литературною самостоятельностью малорусскаго нарѣчія и польскимъ вопросомъ см. еще въ ст. Костомарова: «Украинофильство» въ «Р. Старинѣ» 1881 г. № 2. Въ послѣднее время въ Галичинѣ устроился союзъ малорусской партіи съ поляками, но прочность его сомнительна.

не признавать, что въ крѣпкомъ единеніи всей Руси заключается лучшій залогъ преуспѣянія ея частей, лучшее средство охраненія южнорусской народности въ предѣлахъ развитія общерусскаго просвѣщенія, не переступающихъ интересовъ всего великаго русскаго народа [1]).

Мы разсмотрѣли отношеніе украинской литературы къ польской въ настоящемъ столѣтіи и вправѣ, кажется, на основаніи приведенныхъ фактовъ выставить положеніе, что вліяніе послѣдней на первую было не только отрицательное, но и положительное. Польско-украинскіе писатели участвовали наравнѣ съ чисто украинскими въ возрожденіи любви къ украинской старинѣ и поэзіи и имѣли долю участія въ развитіи романтическаго культа Украины. Нѣкоторые изъ польскихъ писателей могли пробуждать въ иныхъ украинскихъ анти-«московское» настроеніе, но, тѣмъ не менѣе, совершенно неосновательно нѣкоторые публицисты ставили украинофиловъ рядомъ съ поляками, бредившими о возстановленіи Рѣчи-Посполитой Напротивъ, писатели, стоявшіе во главѣ украинофильства, каковы Костомаровъ и Кулишъ (въ періодъ до 70-хъ годовъ), разрушали иллюзіи, внушаемыя поляками, и представляли спасительное противодѣйствіе польской интригѣ въ юго-западномъ краѣ. Въ статьяхъ «Основы» польскіе читатели усматривали «желаніе вооружить противъ шляхты украинское простонародье», а равно шляхта юго-западнаго края въ началѣ 60-хъ годовъ относилась враждебно къ распространенію въ народѣ воспитательныхъ книгъ на украинскомъ нарѣчіи.

Если бы даже значительно ограничить прямое воздѣйствіе польско-украинскихъ писателей на развитіе украинской литера-

---

[1]) Г. Кулишъ (Хуторна поэзія, 40) высказываетъ предположеніе, что не будь печальнаго перерыва въ дѣятельности Шевченка, поэтъ, «дорогою науки, зъединався бъ изъ Пушкинымъ (бо правда одна, нема двохъ правдъ), и те руське единство, котрого доневняюція и такі розумні люде, якъ Петро съ Катериною, — *се спасенне для нашої будущини руське единство* покрепилось би Шевченкомъ ище більшъ, ніжъ самимъ Пушкинымъ». Къ этому замѣчанію г. Петровъ прибавилъ (стр. 349), что «на тенденціозныя нецензурныя произведенія Шевченка можно смотрѣть такъ же, какъ и на нецензурныя стихотворенія Пушкина, котораго однако нельзя назвать сепаратистомъ въ какомъ либо смыслѣ».

туры, или даже свести его вслѣдъ за г. Кулишемъ [1]) къ нулю, все-таки нельзя не сказать, что польско-украинская «школа» представляетъ значительный интересъ для исторіи украинской поэзіи въ силу аналогіи, открывающейся при сопоставленіи этой школы съ украинскимъ литературнымъ движеніемъ. Вполнѣ независимое

[1]) Основа, 1862, № 2, стр. 14: «Ни Мальчевскій, ни Богданъ Залѣскій, ни Гроза и никто изъ поляковъ, писавшихъ поэмы и думы въ мнимо-украинскомъ духѣ, не пользуются никакою популярностію не только въ нашемъ простомъ народѣ, но и между людьми, хорошо знакомыми съ польской литературою.... Пѣсни Падурры распространены по Днѣстру и Бугу между надворными панскими козаками и чиншовою шляхтою, посредствомъ раутовъ въ жидовскихъ корчмахъ и подъ вліяніемъ разгульныхъ пановъ-холостяковъ.... Все-таки и этотъ родъ сочувствія нашей народности не встрѣтилъ въ украинцахъ дружескаго привѣта. Пожимая плечами, они сторонятся отъ шляхетскихъ забавъ, выражающихъ готовность поляковъ быть съ ними за панибрата». Въ то время, когда писалъ эти строки г. Кулишъ, онъ еще не отрѣшился отъ того представленія, которое господствовало въ его дѣятельности въ первый ея періодъ: онъ отожествлялъ козачество съ націею и сходился въ этомъ случаѣ съ Грабовскимъ, не оставшимся безъ вліянія на выработку историческихъ воззрѣній г. Кулиша (г. Петровъ не выясняетъ этого вліянія; см. стр. 265). — Въ послѣднее время самъ г. Кулишъ доказалъ, что фикціи польско-украинской школы не прошли безслѣдно и для него. Какъ извѣстно, г. Кулишъ, не раздѣляя козакофильства польско-украинской школы, повторяетъ все таки мнѣнія ея о томъ, что украинцамъ хорошо жилось подъ польскимъ владычествомъ, что польскіе магнаты были «культурники и колонизаторы Украіни», что лучшіе герои Украины, какъ Конашевичъ и Сагайдачный жили, въ мирѣ съ поляками, но «дві гáрні, найгарнійші в світі славянські народності» были «нацьковані одна противъ одніеі лукавими або слiпими вождями» (православными попами и католическими ксендзами), «украінське гультайство знюхалось из Запорозьцями». Кулишъ склонился также ко взгляду польско-украинскихъ поэтовъ на гайдамачество и Уманскую рѣзню, и признаетъ эти событія позоромъ для украинскаго народа, а равно считаетъ постыднымъ то, что украинская муза (Шевченко) воспѣла ихъ. См. Кулиша «Крашанка русинам и полякам на велик день 1882 року, видана типом другим з додаткомъ пословъя. У ві Львові 1882». Г. Петровъ говоритъ объ этой перемѣнѣ въ воззрѣніяхъ Кулиша на стр. 292—296. Г. Петровъ выражается не совсѣмъ точно, говоря, что Кулишъ «въ цѣломъ рядѣ историческихъ, публицистическихъ и поэтическихъ произведеній сталъ проповѣдывать взгляды и идеи *прямо противоположные* прежнимъ своимъ убѣжденіямъ». Намъ кажется, что такое категорическое утвержденіе не совсѣмъ справедливо. Исходный пунктъ дѣятельности Кулиша, горячая любовь къ родному племени и слову, къ «незліченнимъ пісням, що дивують этнографа своею красою и силою» (Хут. поэзія, 118) остался тотъ-же; уцѣлѣло въ Кулишѣ и прежнее народничество, а равно остался неизмѣннымъ взглядъ на задачи украинской литературы (ср. напр. «Основа» 1862, № 2, стр. 70—71, 78 и Хуторна поэзія,

происхожденіе и развитіе польско-украинской поэзіи дѣлаетъ эту аналогію особенно замѣчательною. Въ чемъ состоитъ отмѣчаемая нами аналогія, можно видѣть изъ предыдущаго изложенія. Во 1-хъ, основа произведеній какъ польско-украинскихъ поэтовъ, такъ и украинскихъ романтиковъ одна и таже: народная поэзія и исторія Украины козацкаго періода [1]); поляки, родившіеся и жившіе въ Украинѣ, не остались глухи къ славѣ ея козачества и увлекались ея поэзіею. Далѣе, у польско-украинскихъ писателей, какъ и у чисто украинскихъ, литературное тьорчество шло обокъ съ изученіемъ этнографическимъ и историческимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ литературное движеніе связывалось съ углубленіемъ общественнаго самосознанія и общественнымъ движеніемъ: польская хлопоманія, начавшаяся въ 30-хъ годахъ [2]), представляла параллель украинскому народничеству. Совпаденіе усматривается даже во второстепенныхъ чертахъ: польско-украинскіе поэты были такими же чтителями Байрона [3]), какъ и чисто украинскіе; и тѣ и другіе подвергались обвиненіямъ въ провинціализмѣ. Возникновеніе польско-украинской школы дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ развитіе параллельной ей поэзіи украинской.

132—137); измѣнился лишь взглядъ на отношенія племенъ польскаго и южнорусскаго, на казачество и на его пѣсни и лѣтописи. Стремленія, неизмѣнно одушевлявшія Кулиша во всю его жизнь, хорошо характеризуются однимъ изъ послѣднихъ его стихотвореній («Чумаки-ночлѣжане» въ альман. «Ватра», стр. 60—61):

Скóлько разъ нóчлѣгувавъ я
Зъ чумаками въ полѣ!
Було въ насъ пѣсень веселыхъ
И сумныхъ доволѣ.
И втьшалось мое серце
Словомъ благодатнимъ,
Що снаслось водъ зрады нанства
Зановѣтомъ хатнимъ.
Не сполячилось насуне,
Анъ змоскалыо;
Натхнене давнезнымъ предкамъ,
До насъ долетѣло.

О колонизаціи Украины см. ст. М. Ф. Владимирскаго-Буданова въ предисловіи къ Арх. Юго-Западной Россіи, ч. VIII, т. I, Кіевъ 1886, и рецензію на эту статью въ Ж. М. Н. Пр. 1887.

[1]) Объ отношеніи Б. Залескаго къ народной поэзіи мы говорили выше. Падурра прислушивался къ народнымъ пѣснямъ и *преданіямъ* и воспроизводилъ эти послѣднія, употребляя кое-гдѣ обороты народныхъ пѣсенъ. Срвн. обращеніе Падурры «Do Zëmlakiw», написанное въ 1851 г.: «Z diiw, kazok, pisoй snuwałaś struna. . . .» (str. 91).

[2]) Г. Петровъ (стр. 368) возводитъ ее неосновательно лишь къ воздѣйствію поэзіи Шевченка.

[3]) Между проч., Падурра перевелъ на украинское нарѣчіе прощальную пѣснь Чайльдъ-Гарольда.

V.

Украинофильскій панславизмъ въ соединеніи съ народничествомъ.

Съ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія во главѣ украинской литературы становятся дѣятели, какихъ она еще не имѣла до того времени, — люди широкихъ воззрѣній и побужденій, страстно отдавшіеся великой по ихъ мнѣнію задачѣ просвѣтленія самосознанія украинцевъ какъ народности, посвятившіе тому всю свою жизнь, соединявшіе увлеченіе поэзіей народномъ наръчіи съ вниманіемъ къ общерусскимъ и общеславянскимъ отношеніямъ и успѣвшіе достигнуть значительнаго авторитета въ общерусской литературѣ и значительной извѣстности въ польской. Эти люди были долго соединены узами тѣсной дружбы, сходились въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ, и потому г. Петровъ справедливо соединилъ ихъ въ одну группу.

Г. Петровъ наименовалъ ихъ представителями «украинскаго славянофильства». Названіе это не вполнѣ удачно, такъ какъ славянофильство не исчерпываетъ преобладающаго содержанія произведеній Костомарова, Кулиша и Шевченка. Самъ г. Петровъ, опредѣляя «основное міровоззрѣніе Шевченка», говоритъ (стр. 333), что оно «было панславистское; но въ этомъ міросозерцаніи замѣтна была значительная примѣсь соціальнаго оттѣнка» [1]). Намъ кажется, что украинофильское народничество было главнымъ элементомъ поэзіи Шевченка [2]). Точно также и въ *произведеніяхъ* Костомарова и Кулиша элементы славянофильства не занимаютъ первенствующаго положенія за исключеніемъ усиленнаго отстаиванія народности, за которую стояли и другіе украинскіе писатели, не принадлежавшіе къ славянофиламъ.

Костомарова, Кулиша и Шевченка можно сближать со славянофилами въ двухъ отношеніяхъ.

Во 1-хъ, они являлись славянофилами, или — правильнѣе — панславистами, въ тѣ годы, когда принадлежали прямо или косвенно къ

[1]) Ср. стр. 367: «Въ русской литературѣ Шевченко былъ однимъ изъ передовыхъ борцовъ за человѣческія права порабощеннаго крѣпостничествомъ простаго народа»...

[2]) Ср. ниже мнѣніе Коваченича о существенномъ содержаніи произведеній Шевченка.

небольшому кружку молодежи въ Кіевѣ, мечтавшей о расширеніи общеславянскаго единенія и объ улучшеніи положенія украинскаго народа путемъ просвѣщенія [1]). Идеи этого кружка получили литературное выраженіе лишь въ немногихъ произведеніяхъ Шевченка средины 40-хъ годовъ [2]) и въ нѣкоторыхъ научныхъ произведеніяхъ Костомарова [3]); прорываются онѣ, какъ замѣтилъ г. Пет-

[1]) Самъ Костомаровъ въ нѣсколькихъ статьяхъ ознакомилъ насъ съ задачами того кружка, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ. Кружокъ этотъ желалъ образованія ученаго общества, которое содѣйствовало бы осуществленію цѣлей политическихъ (освобожденія угнетенныхъ славянъ и соединенія славянскихъ самобытныхъ политическихъ организмовъ въ федерацію) и соціально-общественной реформы (упраздненія сословныхъ привилегій, водворенія религіозной свободы и вѣротерпимости, свободы мысли и печати). Культурная связь между славянами должна была поддерживаться употребленіемъ единаго славянскаго языка въ церковномъ богослуженіи всѣхъ славянъ и преподаваніемъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянъ. Г. Петровъ употребляетъ названіе «Кирилло-Меѳодіевское общество» вопреки заявленію Костомарова въ Кіевской Старинѣ 1883, № 2, стр. 226 и 230. Ср. однако воспоминаніе В. Г. Шевченко, приведенное г. Петровымъ на стр. 313, и Хут. поэзія 27—29. Въ виду этихъ свидѣтельствъ слѣдуетъ, кажется, признать, что Костомаровъ въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ о Кирилло-Меѳодіевскомъ кружкѣ старался нѣсколько сгладить рѣзкій соціально-политическій характеръ этого кружка.

[2]) Эти идеи отзывались, повидимому, еще въ бесѣдахъ того кружка литераторовъ и художниковъ, въ которомъ бывалъ Шевченко въ Петербургѣ по возвращеніи изъ ссылки (въ 1859 и 1860 гг.). Въ воспоминаніяхъ Костомарова читаемъ, что въ ноябрѣ 1857 г. онъ въ Петербургѣ у Бѣлозерскаго познакомился съ кружкомъ издателей польской газеты *Слово*. Это были большей частью люди очень образованные и порядочные, въ особенности Желиговскій». Русская Мысль 1885, № 6, стр. 32. Малецкій такъ передаетъ воспоминаніе о бесѣдахъ, которыя велись въ этомъ кружкѣ. «Шевченко часто любилъ говорить про кривды, якѣ мужикъ поносить вѣдъ шляхты польскои, котру ненавидѣвъ, а бючись при тѣмъ рукою въ груди повторявъ заедно: «отсе на менѣ живый прикладъ масте». Члены того кружка переняпись були идеями либеральнаго федеративнаго панславізму, а передовсѣмъ федералізму Русинѣвъ, Полякѣвъ и Москалѣвъ». *Ватра*, 207. Ср. приведенныя выше слова въ «Передмовѣ» къ «Гайдамакамъ» («... скажемъ: «слава Богу, що мынуло»! А надто якъ загадаешъ, що мы одной матери диты, що *вси мы славяне*») и въ самомъ текстѣ поэмы:

Болыть сердце, якъ згадаешъ:
Старыхъ славянъ диты
Впылысь кровью, а хто выненъ?
Ксёндзы, ісуиты.

[3]) Костомаровъ еще въ 1860 г. оцѣнивалъ Люблинскую унію съ точки зрѣнія панславизма: Р. Слово 1860, № 5, 7—8. И дѣйствительно, въ XV и XVI вв.

ровъ (стр. 264) еще въ стихотвореніи, которымъ Навроцкій привѣтствовалъ освобожденіе крестьянъ; но всѣ эти произведенія составляютъ въ суммѣ незначительное количество въ ряду всего написаннаго Шевченкомъ и Костомаровымъ.

Въ 2-хъ, начинатели новѣйшаго украинофильства примыкали къ славянофиламъ въ дальнѣйшей своей дѣятельности, по общимъ своимъ понятіямъ о народности. Костомаровъ, Кулишъ и Шевченко примѣняли эти общіе взгляды къ малорусской народности и старались раскрыть отличительныя черты ея въ ея исторіи и современномъ характерѣ. Шевченко прибѣгалъ для того къ поэтической формѣ, Кулишъ же и Костомаровъ разрабатывали по преимуществу научно исторію и этнографію южной Руси. То же дѣлали отчасти и другіе украинскіе писатели, но они не просвѣтляли въ такой мѣрѣ сознанія украинцевъ. Сверхъ того Кулишъ и Костомаровъ выступали по временамъ на поприще литературной критики и публицистики и выясняли основанія, сущность и задачи украинофильства.

Такимъ образомъ, при изученіи дѣятельности Костомарова, Кулиша и Шевченка особый интересъ могло бы представить выясненіе происхожденія: 1) панславистскихъ стремленій Кирилло-Меѳодіевскаго кружка; 2) общественно-политическихъ идеаловъ и 3) мнѣній Костомарова, Шевченка и Кулиша объ украинской народности. Въ сущности всѣ эти три задачи сводятся къ исторіи южнорусскихъ взглядовъ на славянскій, правильнѣе — на русско-польскій, вопросъ и опыта теоретическаго рѣшенія его въ произведеніяхъ Костомарова, Кулиша и Шевченка: вопросъ объ украинской литературѣ и южнорусской народности рѣшается у этихъ писателей въ связи съ общей постановкою славянскаго вопроса. Исторія возникновенія общихъ взглядовъ начинателей новѣйшаго украинофильства тѣмъ интереснѣе, что научные труды Костомарова и Кулиша имѣли важное значеніе въ выясненіи

Польша могла стать во главѣ славянства, если бы полякамъ былъ присущъ братскій духъ. Въ указанныхъ словахъ Костомарова заключается удовлетворительное рѣшеніе польско-русскаго вопроса. Поляки не сумѣли разумно воспользоваться удобнымъ для нихъ историческимъ моментомъ, вина падаетъ исключительно на нихъ, и, по закону исторической справедливости, они должны уступить тому государству, которое взяло на себя выполненіе задачи, оказавшейся не по силамъ Польшѣ. Какъ увидимъ, поляки оказались лишенными братскаго духа даже въ настоящемъ столѣтіи, что подтверждается, между прочимъ, отношеніемъ ихъ къ ученію славянофиловъ.

отношенія обѣихъ русскихъ народностей и въ исторіи общерусскаго самосознанія; кромѣ того, славянофильскихъ воззрѣній Кирилло-Меѳодіевскаго кружка придерживаются и теперь нѣкоторые украинскіе писатели [1]), а равно и обвинители украинской литературы продолжаютъ указывать на «Кирилло-Меѳодіевское общество», какъ на доказательство «сепаратическихъ тенденцій» и «соціально-политической подкладки украинофильства со времени перенесенія центра его дѣйствій изъ Харькова въ Кіевъ».

Г. Петровъ касается нѣсколько разъ происхожденія общихъ воззрѣній Костомарова, Кулиша и Шевченка, но во всѣхъ этихъ мѣстахъ своей книги онъ не выказалъ ясности и единства своего взгляда на украинское славянофильство. На стр. 233 онъ говоритъ, что славянофильство «одинаково (?) появилось и на сѣверѣ и на югѣ Россіи.... Существенное отличіе украинскаго славянофильства или панславизма отъ московскаго состоитъ въ томъ частномъ пунктѣ, что украинофилы считали малороссовъ особымъ племенемъ среди другихъ племенъ славянскаго міра, со своимъ особымъ языкомъ и культурой, имѣющими право на дальнѣйшее развитіе, чего не допускало большинство московскихъ славянофиловъ». Дальнѣйшее изложеніе г. Петрова показываетъ однако, что были и другія существенныя различія между украинскимъ и московскимъ славянофильствомъ. Такъ, изъ характеристики словами г. Пыпина программы «Кирило-Меѳодіевскаго братства» на слѣдующей страницѣ оказывается, что это «братство задавалось соціально политическимъ планомъ, и мечты его напоминаютъ западно-европейскія ученія, «тѣ мечты, которыя нашли тогда энтузіастическихъ проповѣдниковъ въ Ламенне, Гверацци и проч.» Далѣе, «идеаломъ политическимъ (этого «братства») было не централизованное государство, а феде-

[1]) Одинъ изъ новѣйшихъ украинскихъ поэтовъ обращается съ такимъ призывомъ ко всѣмъ славянамъ:

Подаймо-жъ ми руки на вічнье кохання
І крикнімъ на бенкети згоди:
«Ми цілому світу бажаемъ братання,
Порад и, освіти й свободи».

Старицькій, Зъ давнёго зшитку, Кіевъ 1883, До славъянъ, IV. Первоначально это стихотвореніе было напечатано въ «Правдѣ», рікъ V, ч. 1 (Львівъ 1872, 15 Цвѣтня) подъ псевдонимомъ «Гетьманець». — Червонороссы относятся съ сочувствіемъ къ программѣ славянскаго единенія, поэтически выраженной Шевченкомъ. См. напр., брошюру Корн. Устіановича: «М. Ѳ. Раевскій и россійскій панславизмъ», Львъ. 1884.

рація подъ протекторствомъ русскаго императора»; славянскія народности, освобожденныя изъ-подъ власти иноплеменниковъ, должны были быть организованы въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной связи ихъ между собою». На стр. 331 г. Петровъ говоритъ, что Шевченко «подошелъ къ идеямъ славянофильства, только безъ исключительности московскихъ славянофиловъ». — Въ виду такихъ неточностей и противорѣчій въ изложеніи г. Петрова, остается обратиться за разъясненіемъ къ книгѣ г. Пыпина, изъ которой г. Петровъ почерпнулъ общую характеристику идей Кіевскаго кружка панславистовъ, предпославъ ей приведенныя нами выше слова о томъ, что «славянофильство одинаково появилось и на сѣверѣ и на югѣ Россіи». У г. Пыпина мы прочтемъ слѣдующее общее заключеніе о «Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ»: «Въ русской литературной жизни вообще «братство» было заявленіемъ *панславизма*, очень непохожаго на тотъ, который начинался въ это же время въ московскомъ кружкѣ — панславизма, основаннаго не на господствѣ одного племени надъ другими, а на равноправности и на внутренней свободѣ. Въ этомъ характерѣ той и другой постановки вопроса отразилась и разница исходныхъ теоретическихъ пунктовъ, и разница государственнаго положенія народностей; одной — подчиненной, другой — оффиціальной и господствующей».... «Въ трудахъ людей этого круга и ихъ ближайшихъ преемниковъ сказывался иной, противъ московскаго, взглядъ на развитіе народныхъ литературъ и на между-славянскія отношенія, взглядъ, въ которомъ было много исторически вѣрнаго и человѣчески справедливаго» [1]).

Не выяснивъ точно отличій Кіевскаго панславизма отъ Московскаго славянофильства, г. Петровъ не внесъ также обстоятельно въ исторію возникновенія Кіевскаго кружка и его идей.

Г. Петровъ приводитъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги выдержки изъ воспоминаній Костомарова и Кулиша о Кіевскихъ панславистахъ-народникахъ 40-хъ годовъ, а также слова Пыпина о нихъ, но не согласуетъ критически этихъ свидѣтельствъ и не возсоздаетъ цѣльной исторіи Кирилло-Меѳодіевскаго кружка. На стр. 234 г. Петровъ повторяетъ слова Пыпина, что во главѣ Кирилло-Меѳодіевскаго общества стояли Гулакъ, Н. И. Костомаровъ, Т. Г. Шевченко, а между тѣмъ г. Петрову слѣдовало принять къ свѣдѣнію заявленіе Костомарова, который говоритъ:

[1]) Ист. слав. литературъ Пыпина и Спасовича, т. I., Спб. 1879, стр. 377.

«Кулишъ и Шевченка наказали независимо отъ насъ: участія въ составленіи славянскаго общества за ними не признали, но поставили имъ въ вину ихъ малорусскія сочиненія». «Кулишъ и Шевченко не были участниками разговоровъ, происходившихъ въ генварѣ 1846 года; Кулишъ находился тогда въ Петербургѣ, а съ Шевченкомъ я еще не былъ лично знакомъ» [1]). На стр 312—313 г. Петровъ приводитъ изъ «Хуторной поэзіи» Кулиша свѣдѣніе о томъ, что «въ Кіевѣ, года за три-за четыре до 1847 года кіевская молодежь, проникнувшись евангельскимъ ученіемъ, задумала проповѣдывать среди просвѣщенныхъ пановъ украинскихъ освобожденіе народа отъ крѣпостничества путемъ просвѣщенія, вмѣстѣ и христіанскимъ и научнымъ. Во главѣ этой молодежи стоялъ Шевченко. Къ ней принадлежалъ и Кулишъ». Если примемъ во вниманіе еще заявленіе Костомарова относительно мотивовъ сближенія его съ Шевченкомъ [2]), то должны будемъ признать, что въ идеяхъ кіевскаго кружка панславистовъ произошло сліяніе двухъ теченій: 1) харьковскаго славянофильства, перенесеннаго въ Кіевъ Костомаровымъ, и 2) анти-крѣпостническаго народничества и славянофильства, развившагося въ Кіевѣ еще до прибытія въ послѣдній Костомарова [3]). Душой украинскаго народничества былъ Шевченко, и проектъ о народномъ образованіи былъ выработанъ уже до 26-го сентября 1845 г. [4]).

Разсмотримъ, какія данныя собралъ для исторіи этихъ идей

[1]) Кіевская Стар. 1883, № 2, ст. Костомарева: «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность», стр. 229—230. Въ воспоминаніяхъ Костомарова о Шевченкѣ, напечатанныхъ при Пражскомъ изданіи Кобзаря, говорится (стр. VI), что знакомство обоихъ писателей началось въ маѣ 1846 г. См. еще ниже сообщеніе Костомарова о спорахъ его съ Шевченкомъ.

[2]) Оно приведено г. Петровымъ на стр. 237: «Въ то время *всю мою душу занимала идея славянской взаимности*, общенія духовнаго народовъ славянскаго племени, и когда я повелъ разговоръ съ нимъ на этотъ вопросъ, то услыхалъ отъ него самое восторженное сочувствіе, и *это больше всего сблизило меня* съ Тарасомъ Григорьевичемъ».

[3]) Мѣсто учителя 1-й Кіевской гимназіи Костомаровъ получилъ въ 1845 г., а не въ 1846 г., какъ утверждаетъ г. Петровъ (стр. 237).

[4]) См. стр. 313 книги г. Петрова. Въ воспоминаніяхъ Я. П. Полонскаго при I-мъ т. Пражскаго изд. Кобзаря читаемъ: «Крѣпостное право это ненавидѣлъ Шевченко всѣми силами души своей, и въ этомъ случаѣ какъ бы вторилъ всѣмъ лучшимъ настроеніямъ какъ нашего общества, такъ и лучшихъ представителей тогдашней нашей литературы». Сохранились и другія подобныя свидѣтельства.

г. Петровъ, говоря о дѣятельности Костомарова, Шевченка и Кулиша.

По мнѣнію г. Петрова (стр. 240—241), Костомаровъ проникся славянофильскими стремленіями въ Харьковѣ, быть можетъ подъ вліяніемъ А. Метлинскаго и А. Корсуна, «съ которыми Н. И. Костомаровъ былъ хорошо знакомъ во время харьковской своей жизни». Въ особенности «проповѣдь Измаила Иваночича Срезневскаго о славянскомъ братствѣ и единеніи произвела сильное дѣйствіе» на него. Въ Саратовѣ Костомаровъ, «удаленный изъ Малороссіи, имѣлъ возможность познакомиться съ воззрѣніями московскихъ славянофиловъ и умѣрить ими прежніе свои взгляды, ограничивъ ихъ предѣлами взаимныхъ отношеній между сосѣдними славянскими племенами — поляками, русскими и малороссами». Въ общихъ идеяхъ своихъ позднѣйшихъ историческихъ трудовъ Костомаровъ слѣдовалъ воззрѣніямъ московскихъ славянофиловъ (К. Аксакова и Хомякова), но исправилъ допущенныя ими ошибки и отвелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ видное мѣсто Украинѣ и Польшѣ.

Шевченко «увлекся идеею о славянскомъ общеніи и единеніи въ духѣ мира и любви», когда познакомился съ Костомаровымъ (стр. 316). Послѣдній, какъ мы видѣли, относитъ это знакомство къ 1846 г. Спрашивается, какъ объяснить, что «Посланіе славному П. І. Шафарикові (при поемі «Иванъ Гусъ», або «Еретикъ»)» было написано ранѣе этого знакомства, именно въ Переяславѣ 22-го ноября 1845 г. (стр. 314)? Г. Петровъ не обратилъ вниманія на это обстоятельство, а между тѣмъ оно имѣетъ важное значеніе, указывая на то, что и до знакомства съ Костомаровымъ Шевченко проникся славянофильскими стремленіями. Кто развилъ ихъ въ Шевченкѣ, г. Петровъ не разъяснилъ. На стр. 330 и 331 г. Петровъ выводитъ славянофильскія воззрѣнія Шевченка преимущественно изъ процесса мысли самого этого поэта. «Скоро Шевченко начинаетъ останавливаться на томъ горѣ, которое связано съ соціальными привиллегіями и гнетомъ класса надъ классомъ («Катерина»). Поэтъ долженъ былъ обратиться къ козацкому періоду исторіи своей родины, такъ какъ въ этомъ періодѣ все-таки видно стремленіе устроить *равную правду для всѣхъ*, видна была горячая борьба за эту правду, или хоть месть за нарушеніе ея [1]). ....Задумавшись глубже надъ настоящимъ и прошлымъ своей родины, надъ тѣмъ, кто виноватъ въ пролитой крови и текущихъ

[1]) Толки о правдѣ не напоминаютъ ли ученія славянофиловъ?

слезахъ, поэтъ нашелъ виновныхъ между чужими и своими.... Поэтъ перешелъ въ новую фазу своего развитія. Одною своей стороною онъ приближается къ идеямъ тогдашнихъ передовыхъ столичныхъ западниковъ (Бѣлинскаго и его друзей), обличая, часто смѣлѣе ихъ, недостатки общерусской дореформенной системы. А южнорусское происхожденіе и обязательная необходимость думать и о польскомъ вопросѣ заставила украинскаго поэта подойти и къ идеямъ славянофильства, только безъ исключительности московскихъ славянофиловъ». На стр. 312—313 находимъ еще приведенное выше указаніе, основанное на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ г. Кулишемъ въ «Хуторной поэзіи», о принадлежности Шевченка къ кружку Кіевской молодежи, составившемуся въ 1843—44 гг.

Болѣе подробныхъ свѣдѣній касательно генезиса первоначальныхъ воззрѣній г. Кулиша г. Петровъ не сообщаетъ. Въ представленномъ имъ очеркѣ біографіи г. Кулиша есть однако нѣкоторыя данныя, могущія навести на соображенія о тѣхъ вліяніяхъ, какимъ подпадалъ Кулишъ въ годы своей молодости. Такъ г. Петровъ сообщаетъ (стр. 265), что, «бывши въ университетѣ, Кулишъ познакомился съ профессоромъ русской словесности, извѣстнымъ Максимовичемъ.... [1]). Въ альманахѣ Максимовича «Кіевлянинъ» (1840—1841 гг.) явились первые труды Кулиша, разсказы изъ народныхъ преданій. Около того же времени Кулишъ познакомился съ извѣстнымъ польскимъ писателемъ Михаломъ Грабовскимъ, библіоманомъ Свидзинскимъ, содѣйствіе которыхъ много помогло его изученіямъ украинской старины.... Въ 1845 году Кулишъ познакомился въ Кіевѣ съ кружкомъ молодыхъ украинскихъ патріотовъ, которые были одушевлены тѣмъ же стремленіемъ работать для своей родины, — Шевченкомъ, В. Бѣлозерскимъ».

Вотъ все, что даетъ намъ изслѣдованіе г. Петрова въ объясненіе такого весьма важнаго и интереснаго явленія, какъ украинофильскій панславизмъ и народничество. Мы видимъ, что г. Петровъ не свелъ, какъ слѣдуетъ, собранныхъ имъ матеріаловъ и не углубился въ бывшія предъ нимъ интересныя свѣдѣнія. Мало того: онъ воспользовался не всѣми тѣми печатными данными, которыя могли быть въ его распоряженіи.

Въ подтвержденіе недостаточности представленнаго г. Петро-

[1]) Намъ передавали, что Кулишъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Максимовичемъ во время пребыванія въ Кіевѣ въ 40-хъ годахъ.

вымъ очерка генезиса украинофильскаго панславизма, мы позволимъ себѣ кратко указать на тѣ элементы, изъ которыхъ составилось ученіе украинскихъ славянофиловъ 40-хъ годовъ.

Мы видѣли, что въ этомъ ученіи произошло слияніе тѣхъ умственныхъ движеній, которыя имѣли мѣсто въ началѣ 40-хъ годовъ въ Харьковѣ и Кіевѣ. Исходные пункты того и другого движенія были не во всемъ одни и тѣже, и потому мы выдѣлимъ сначала общіе элементы Харьковскаго и Кіевскаго движенія, а затѣмъ отмѣтимъ мѣстныя особенности.

Въ ряду общихъ источниковъ первое мѣсто занимаетъ то увлеченіе идеею народности, которое съ начала настоящаго столѣтія явилось великою двигательною силою и европейскаго, въ частности общеславянскаго, просвѣщенія, и политическихъ событій. Это увлеченіе, проникая въ Украину, находило опору какъ въ общемъ движеніи славянскаго возрожденія, такъ и въ чисто русской теоретической формулировкѣ ученія о народности — въ произведеніяхъ т. наз. славянофиловъ, которые долго были у насъ самыми видными представителями и защитниками великой идеи національной и славянской самобытности. Московское славянофильство было однимъ изъ порожденій общеславянскаго возрожденія. Оттуда совпаденіе нѣкоторыхъ его мыслей и предрасположеній съ нѣкоторыми взглядами польскихъ славянофиловъ 20-хъ и 30-хъ годовъ [1]);

[1]) Ходаковскій уже въ 1818 г. «питалъ, по выраженію г. Пыпина (стр. 346—347 цит. статьи), идеи и сочувствія общеславянскія». Бродзинскій, возвращаясь въ 1826 г. изъ Италіи, писалъ въ одной Швейцарской деревнѣ, что онъ съ радостью разстался съ «Гесперійскими садами»:

Wszędzie piękność, wesołość, natura i sztuka,
Lecz niema, czego serce Słowianina szuka:
Niema błogiéj szczerości i głębszego czucia,
Pełno zewnątrz obrazy, a *wewnątrz zepsucia*!

Крашевскій въ статьѣ *Asmodeus w roku 1837*, помѣщенной въ Tygodn. Petersb. 1838, № 79, также отнесся отрицательно къ современной цивилизаціи Запада, представилъ ее гнилью, но не указывалъ средствъ исцѣленія, которыя были проповѣдываемы славянофилами. Лишь въ одной статьѣ 1837 г., говоря о программѣ «сравнительно-исторической грамматики славянскихъ языковъ», Крашевскій предсказывалъ сближеніе славянъ въ будущемъ: «cywilizacya łączy ludy tysiącem stosunków i potrzeb wzajemnych, ustanawia handel płodów umysłowych; wpływy częstsze, terminologie wspólne-powoli nieznacznemi ogniwami łączą najrozmaitsze języki; czemużby *bratnich* kiedyś nie związała wspólność ukształcenia i losów, jak je rozłączyły wypadky różne i odmienne koleje. Jest to daleko podobniejszém od projektu pasigrafii Leibnitza: co czas rozłączył, czas

оттуда же совмѣщеніе вліяній общеславянскаго, въ частности польскаго, и московскаго въ развитіи украинскаго славянофильства. — Что представители украинофильскаго народничества и славянофильства примыкали къ тому стремленію, которое одушевляло дѣятелей славянскаго возрожденія и этнографическаго изученія, напр. Ходаковскаго, и направляло къ изученію народной души, народнаго характера и поэзіи, это не можетъ подлежать сомнѣнію и безъ пространныхъ доказательствъ [1]). Не столь ясна связь украинскихъ панславистовъ съ московскими. У г. Петрова приведены нѣкоторые факты, какъ бы указывающіе на эту связь. Такъ, г. Петровъ упоминаетъ (стр. 255) о «мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ» Костомарова, «въ которыхъ авторъ возстаетъ противъ увлеченія западными доктринами, мѣшающими славянамъ познать самихъ

złączyć może, co rozdział odróżnił, połączenie zjednoczyć». Четыре года спустя Крашевскій вновь повторилъ эту мысль, но также—мимоходомъ. Chmielowski, Nasi powieściopisarze, 83—85.

[1]) Самъ Костомаровъ заявляетъ въ своей автобіографіи, что онъ съ любовью занимался этнографіей. Біограф. слов., 285. Въ болѣе полной автобіографіи Костомаровъ разсказываетъ, что въ 1836 г. онъ «вздумалъ учиться польскому и нѣмецкому языкамъ и нашелъ себѣ учителей ... въ три мѣсяца сдѣлалъ большіе успѣхи и, въ то же время, усиленно занимался исторіей и литературой». Р. Мысль 1885. № 5, стр. 201. Объ осени 1837 г. онъ сообщаетъ: «Въ это время мнѣ, уже прежде читавшему Гоголя, попались *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки и Тарасъ Бульба*. Это было чуть ли не первое пробужденіе того чувства къ Малороссіи, которое дало совершенно новое направленіе моей дѣятельности. Я читалъ Гоголя съ увлеченіемъ, перечитывалъ и начитаться не могъ ... Затѣмъ я взялъ небольшое изданіе пѣсенъ малорусскихъ Максимовича 1827 года, сталъ читать потомъ *Думы*, изданныя тѣмъ же Максимовичемъ, и совершенно увлекся ими. *Идея народности*, уже существовавшая въ то время, *стала сильно занимать меня*; я прочелъ Сахарова, иностранныя книги о народной поэзіи, какія только могъ достать, прочелъ диссертацію Боданскаго о славянскихъ пѣсняхъ, началъ учиться по чешски и сербски». Въ Москвѣ К-въ *«съ большимъ удовольствіемъ слушалъ Шевырева»*. Въ 1838 г. К-мъ «овладѣла какая-то страсть ко всему малороссійскому». «Я вздумалъ, говоритъ онъ, писать по-малорусски, но какъ писать? Нужно учиться у народа, сблизиться съ нимъ. И вотъ я сталъ заговаривать съ хохлами, ходилъ на вечеринцы, сталъ собирать пѣсни ... и сталъ дѣлать экскурсіи одна за другою». Р. Мысль, ib., 202—203. Ср. замѣчаніе г. Петрова на стр. 255.—Г. Кулишъ говоритъ о кіевскомъ кружкѣ: «Українська пісня и неписана словесність народу Українського натхнули молоді уми в Києві спасенною думою — видвигнути свою націю с темряви, котора не давала духовним силам ії підняться из запечаду, а тим самим нівечила и ії добробут». Хут. поэзія 7. Славянофильскія идеи повѣстей г. Кулиша указаны г. Петровымъ, но не полно приняты во вниманіе «Воспоминанія дѣтства Николая М.»

себя, и грозитъ гибелью надменному западу». Стихотворенія эти показываютъ, что Костомаровъ подпалъ вліянію московскихъ славянофиловъ ранѣе 50-хъ годовъ, когда, по мнѣнію г. Петрова, Костомаровъ познакомился съ воззрѣніями этихъ славянофиловъ. Онъ сроднился съ нѣкоторыми ихъ взглядами такъ, что не могъ отстать отъ нихъ даже въ петербургскій періодъ своей дѣятельности вопреки своимъ позднѣйшимъ друзьямъ [1]). — Пріятель Костомарова, А. А. Навроцкій, по сообщенію г. Петрова (стр. 258), перевелъ три стихотворенія Хомякова въ 1856 г.—Позднѣйшія связи украинофиловъ съ московскими славянофилами, дававшими въ «Р. Бесѣдѣ» мѣсто и стихотвореніямъ Шевченка, оставляемъ въ сторонѣ. Желательно было бы обстоятельное выясненіе отношеній украинскаго славянофильства къ московскому и къ вопросу о народности вообще. Въ 40-хъ годахъ въ нашей литературѣ велись оживленные споры о народности, о значеніи особенностей ея въ народной жизни и въ исторіи человѣчества, объ отношеніи народнаго къ общечеловѣческому. Къ сожалѣнію, г. Петровъ не говоритъ отчетливо о томъ, какъ отражались эти споры о народности въ вопросѣ о малорусской народности, и читателю приходится самому извлекать

[1]) Въ своей автобіографіи Костомаровъ говоритъ, что познакомился съ Конст. Аксаковымъ въ мартѣ 1856 г. въ Москвѣ у Кулиша; Аксаковъ очень понравился К—ву «своей прямодушной, увлекающейся натурой. Онъ съ увлеченіемъ толковалъ о славянскихъ идеяхъ»... «Въ февралѣ мнѣ было назначено читать рѣчь для акта. Я написалъ о Константинѣ Аксаковѣ. Рѣчь эта возстановила противъ меня Стасюлевича, Пыпина, Б. Утина, которые видѣли въ ней переходъ къ славянофильству. Кавелинъ былъ на ихъ сторонѣ и видѣлъ въ ней уклоненіе отъ прямаго пути». Р. Мысль, іюнь 1885, стр. 30 и 35.—Съ другой стороны, сѣверные славянофилы также относились не сочувственно къ Костомарову, какъ то доказываетъ полемика, которая велась противъ Костомарова въ «Днѣ», затѣмъ Гильфердингомъ.—Г. Петровъ не упоминаетъ объ этой полемикѣ. Ср. ст. О. Ѳ. Миллера «Даръ пятидесятницы и наши первоучители» (Кіевская Старина 1885, № 9). По мнѣнію г. Миллера, Костомаровъ «оставался вполнѣ вѣрнымъ себѣ», «со своими южнорусскими единомышленниками» «понималъ *русское* единство подъ условіемъ сохраненія всѣхъ входящихъ въ него разновидностей», и вслѣдствіе этого «должно было явиться все болѣе и болѣе недоразумѣній между бывшими основателями Кіевскаго Кирилло-Меѳодіевскаго общества» и тѣми, «кто считалъ себя преемниками умершихъ славянофиловъ», людьми, отступившими отъ ученія послѣднихъ «подмѣномъ внутренняго единства внѣшнимъ». Вслѣдствіе недоразумѣній южнымъ славянолюбцамъ приходилось вступать въ сдѣлки съ западниками, но Костомаровъ не вполнѣ соглашался съ направленіемъ западническихъ органовъ, въ которыхъ участвовалъ» (стр. 44—46).

для уясненія того факты, разсѣянные въ книгѣ г. Петрова отрывочно. Этихъ фактовъ немного. Мы узнаемъ лишь, что Кирилло-Меѳодіевскій кружокъ не ставилъ православія однимъ изъ необходимыхъ условій единенія славянъ и ограничивался лишь требованіемъ употребленія славянскаго языка въ богослуженіи всѣхъ славянъ. Относительно Шевченка г. Петровъ сообщаетъ (стр. 332), что, «обращаясь съ поученіемъ къ землякамъ, Ш-ко звалъ ихъ не назадъ, а впередъ: «роскуйтеся, братайтеся! обнимите найменьшого брата, учитеся своему и чужому» — вотъ что онъ внушалъ имъ (посланіе «до живыхъ и мертвыхъ и не нарожденныхъ земляківъ моихъ»). Главнымъ образомъ надѣялся поэтъ на «слово разума святого», которое поставлено на стражѣ около людей» [1]). Изъ этихъ фактовъ вытекаетъ какъ будто, что украинскіе славянофилы считали не всѣ народныя особенности, отмѣчаемыя славянофилами, чѣмъ-то непреложнымъ и неизмѣннымъ. Если такъ, то уже въ 40-хъ годахъ украинскіе славянофилы примыкали къ западникамъ въ мысли о томъ, что *новое* содержаніе можетъ становиться національнымъ достояніемъ, что утверждалъ Бѣлинскій.

Слабо намѣтивъ связь украинскаго славянофильства съ общеевропейскою идеею народности, съ общеславянскимъ возрожденіемъ, этнографическимъ изученіемъ и московскимъ славянофильствомъ, г. Петровъ точно также недостаточно ярко освѣтилъ мѣстныя условія, содѣйствовавшія развитію славянофильства въ Харьковѣ и Кіевѣ.

Приведенныя нами выдержки изъ автобіографіи Костомарова показываютъ, что уже въ Харьковѣ К—въ соединялъ живой интересъ къ языкамъ и литературамъ разныхъ славянскихъ народностей съ особой любовью къ малорусской народности. То же подтверждаютъ научныя и литературныя произведенія Костомарова, относящіяся къ Харьковскому періоду его дѣятельности. Изъ нихъ видно также, что уже въ Харьковѣ Костомаровъ выработалъ мнѣніе о малороссахъ, какъ объ особой народности русскаго племени [2]). Эти воззрѣнія Костомарова и направленіе его дѣятель-

[1]) Г. Кулишъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своихъ воспоминаній о Шевченкѣ въ половинѣ 40-хъ годовъ: «Раз по́ раз, у сій розмо́ві поривáв наш Кобзáрь óчі за ту мéжу, що відмежóвує Импéрію од народíв западных». Хут. поэзія 21.

[2]) Уже въ 1842 г. Костомаровъ высказалъ ту мысль, которая легла въ основу его статьи о двухъ русскихъ народностяхъ: «народность Малороссіи есть особенная, отличная отъ народности Великороссійской; Малороссіяне вовсе

ности въ Харьковѣ характеризуютъ уже до извѣстной степени ту среду, въ которой возникло Харьковское славянофильство. Въ Харьковѣ уже съ 1816 г. пріобрѣло силу мѣстное литературное движеніе, ставшее въ началѣ 40-хъ годовъ вполнѣ сознательнымъ [1]). Кромѣ Квитки видными представителями его были нѣкоторые изъ лицъ, получившихъ образованіе въ Харьковскомъ университетѣ и не порывавшихъ связей съ нимъ. Эти послѣднія, въ особенности Срезневскій, Метлинскій и Костомаровъ, обращали усиленное вниманіе на славянское возрожденіе, занялись этнографическимъ изученіемъ украинской народности и благодаря тому постепенно пришли къ горячему убѣжденію въ полномъ правѣ на существованіе украинской литературы. Въ то время горячіе приверженцы славянской идеи должны были всѣми силами стараться о поднятіи сознанія угнетенныхъ и подавленныхъ славянскихъ племенъ и о развитіи для того мѣстныхъ литературъ. Необходимость при этомъ постоянно имѣть въ виду и общую литературную связь всѣхъ славянъ и заботиться о возможномъ сближеніи мелкихъ славянскихъ литературъ въ тѣснѣйшемъ единеніи съ богатѣйшею изъ славянскихъ литературъ—русскою—въ 30-хъ и 40-хъ годахъ не могла еще выступать такъ ясно, какъ была формулована позже В. И. Ламанскимъ, заявившимъ въ 1864 г., что «только прекращеніе литературной автономіи всѣхъ славянскихъ нарѣчій и племенъ признаніемъ гегемоніи одного изъ нарѣчій славянскихъ можетъ положить конецъ ихъ нынѣшнему служебному положенію и духовному рабству» [1]). Увлеченіе всѣмъ народнымъ и любовное отношеніе къ индивидуальнымъ особенностямъ славянскихъ народностей оправдывали то значеніе, какое было придаваемо украинской словесности ея пламенными ревнителями. Въ этомъ отношеніи Срезневскій, который былъ панславистомъ и романтикомъ въ Харьковскій періодъ своей дѣятельности, долженъ былъ произвести особое впечатлѣніе на Костомарова. Въ теоретическихъ воззрѣніяхъ Срезневскаго [2]) заключалось какъ нельзя лучшее оправданіе сліянія украинофильства съ двигательными началами славянскаго возрожденія. Въ приведенномъ г. Петровымъ воспоминаніи Де-Пуле о лекціяхъ Срезневскаго, эта сторона ученія молодаго слависта, снискавшаго громадный

или не должны были касаться литературы, или же усвоить себѣ народность Великороссійскую. Несправедливость того и другаго мнѣнія, если бы кто имѣлъ несчастье защищать ихъ, очевидна сама собою». Молодикъ на 1844 годъ, стр. 160.

[1]) «Украинскій Вѣстникъ» началъ собою рядъ повременныхъ изданій, выходившихъ въ Харьковѣ. Они были заключены Молодикомъ Бецкаго, который былъ «исключительно посвященъ южному краю». Въ этомъ сборникѣ «главными, по внутренней цѣли изданія», были мѣстныя статьи, относящіяся къ исторіи и статистикѣ Украины, матеріалы, памятники старины, біографіи замѣчательныхъ людей, лучшія произведенія изящной словесности на малороссійскомъ языкѣ, и пр. и пр.». «Я желалъ бы, говоритъ издатель въ концѣ выпуска 1844 года, чтобъ Молодикъ со временемъ принялъ совершенно мѣстный характеръ, оправдывающій его названіе; чтобъ самыя произведенія изящной словесности, въ немъ помѣщаемыя, представляли въ художественной формѣ изящный міръ Украйны, ея Исторію, однимъ словомъ, чтобъ все изданіе (предпринятое вначалѣ съ этою единственною цѣлію) отличалось русскою народностію, блескомъ украинскаго колорита, носило бы въ себѣ не одни внѣшніе признаки мѣстности, но и внутренніе» .... «Самая цѣль изданія ... заставляетъ меня надѣяться на богатую жатву съ дѣвственныхъ еще полей украинской литературы». Молодикъ на 1844 г., стр. 242—244.

[1]) Отеч. Зап. 1864 г., т. CLVII, стр. 182. См. выше, во введеніи, слова г. Ламанскаго, разъясняющія эту мысль и заслуживающія глубокаго вниманія.

[2]) Въ періодъ до перехода въ Петербургскій университетъ Срезневскій выказывалъ «преувеличенное увлеченіе всѣмъ народнымъ, стремленіе найти въ немъ разгадку исторіи и уясненіе національнаго характера». Ганка въ письмѣ къ министру Уварову назвалъ Срезневскаго «этнографомъ» по преимуществу. См. *А. Ѳ. Бычкова* «Отчетъ о дѣятельности втораго отдѣленія Импер. Академіи Наукъ за 1880 годъ» (Сборн. отд. р. яз. и слов. И. Ак. Н., т. XXII № 6), стр. 76. До путешествія своего за границу Срезневскій интересовался малорусскою народною стариною болѣе нежели всякою другою, но и въ этотъ періодъ онъ издалъ записанныя имъ со словъ дротарей «Словацкія пѣсни» и выдвигалъ въ предисловіяхъ къ разнымъ выпускамъ «Запорожской Старины» указаніе на общенаучный интересъ памятниковъ, выходившихъ въ этомъ изданіи. Очевидно, уже тогда у Срезневскаго слагался тотъ взглядъ, который былъ высказанъ отчетливо потомъ, когда Срезневскому пришлось говорить объ «изученіи топографическомъ славянскихъ народовъ, ихъ нарѣчій и памятниковъ ихъ народной словесности». По мнѣнію Срезневскаго, «каждый живой народъ, каждое живое нарѣчіе, каждая живая народная словесность представляетъ этнологу, историку, филологу хотя нѣчто такое, что на перекоръ судьбѣ пережило долгіе вѣка и сохранилось только въ немъ, что каждый славянскій народъ выражаетъ въ особенной формѣ, будучи необходимымъ звеномъ въ общемъ развитіи славянства, и можетъ дать отвѣты на тѣ или другіе изъ общеславянскихъ вопросовъ». Срезневскій «отдавалъ предпочтеніе маленькимъ народнымъ литературамъ, уважающимъ свое родное, предъ большими развитыми, занимающимися отвлеченными вопросами и потому далекими отъ народа». Бычковъ, ibid., стр. 21—39.—Указаніе на тѣсную дружбу Костомарова со Срезневскимъ во время пребыванія ихъ въ Харьковѣ имѣется и въ автобіографіи Костомарова: Р. Мысль 1885, № 5, стр. 204. Въ «Збірникѣ творінъ Іеремії Галки» есть стихотвореніе «И. И. Срезневскому. При одъізді ёго на чужину».

успѣхъ въ Харьковѣ, не выдвинута съ надлежащею отчетливостью. Представленная А. Ѳ. Бычковымъ характеристика взглядовъ Срезневскаго въ Харьковскій періодъ дѣятельности послѣдняго выясняетъ значительную долю самобытности въ Харьковскомъ славянофильствѣ, котораго Срезневскій былъ весьма виднымъ представителемъ. Оказывается, что панславистскія идеи проникали въ Украину не только изъ общерусской литературы, но также благодаря непосредственному изученію славянскихъ литературъ и народностей. Главнымъ образомъ это изученіе внесло въ содержаніе украинской литературы новую, невѣдомую ей дотолѣ, струю—панславизмъ.

Итакъ, начало украинофильскому панславизму было положено въ Харьковѣ. Въ Кіевѣ произошло осложненіе этого панславизма элементомъ новымъ, доктриной соціально-политической. Самъ Костомаровъ сообщаетъ въ своей автобіографіи, что лишь на Волыни онъ началъ вникать въ тягостное положеніе народа [1]). Тѣ юноши, съ которыми сошелся потомъ Костомаровъ въ Кіевѣ, относились еще сердечнѣе къ этому положенію, а болѣе всего принималъ къ сердцу народное горе тотъ украинскій поэтъ, который съ трудомъ высвободился изъ путъ крѣпостнаго права и, прибывши въ Украину, сталъ однимъ изъ вдохновеннѣйшихъ защитниковъ человѣческихъ правъ крестьянства, т. е. Шевченко. Какъ извѣстно, и московскіе славянофилы весьма интересовались рѣшеніемъ крѣпостнаго вопроса. Въ Кіевѣ, повидимому, вполнѣ самостоятельно отдались этому вопросу со всѣмъ вниманіемъ, какого онъ заслуживалъ. Г. Кулишъ возводитъ появленіе такихъ стремленій какъ бы ко вліянію Св. Писанія на ряду съ народною поэзію [2]), но уже въ его собственныхъ словахъ встрѣчаемъ любопытное выраженіе, которое указываетъ какъ бы и на иной источникъ Кіевской доктрины [1]). Мы видѣли, что г. Пыпинъ, слова котораго повторены г. Петровымъ, сближаетъ мечты малорусскихъ патріотовъ съ «мечтами, которыя нашли тогда энтузіастическихъ проповѣдниковъ въ Ламенне, Гверацци и проч.» Иные указываютъ на болѣе близкій источникъ, на то движеніе, которое выступало въ то время въ польской литературѣ [2]), и это послѣднее указаніе заслуживаетъ на нашъ взглядъ также нѣкотораго вниманія. Вспомнимъ идеи поэмъ Красинскаго [3]), ученіе Товянскаго [4]) и мессіанизмъ Мицкевича [5]), сопоставимъ ихъ съ ученіемъ

[1]) «Въ Ровно я сталъ непріязненно относиться къ полякамъ помѣщикамъ и жидамъ: бесѣдуя постоянно съ народомъ, я имѣлъ много случаевъ убѣдиться, какъ страшно бѣденъ и забитъ народъ на Волыни. По выѣздѣ оттуда, русскіе помѣщики, по сравненію съ польскими, показались мнѣ почти гуманными людьми и самый народъ, по мѣрѣ приближенія къ Великороссіи, казался мнѣ болѣе живымъ и крѣпкимъ». P. Мысль 1885, май, 209.

[2]) Г. Кулишъ говоритъ, что кіевская молодежь «була́ гли́боко просвічена свято́мъ письмо́мъ». Хут. поэзія, 8. «Учителемъ киевської ку́пки послідува́телів проповідника глаго́лів живота́ вічного був сам він. Усі бо вони були́ рівні між себе... Тіло на Шевченка взира́ло незвязане нічи́м, опріч дружби, братте, як на якийся небе́сний світи́льник»... Считали себя вдохновеными свыше. Задумали «ви́двигнути рідну на́цію з духо́вного зане́паду, а українського крепака́ з неволі духо́вної и соціяльної». Ibid. 9. Замѣтимъ, что то изреченіе Св. Писанія, которое пользовалось особымъ вниманіемъ въ средѣ

кіевскихъ панславистовъ: «Духа не угашайте» составило предметъ особой брошюры, изданной подъ этимъ заглавіемъ въ 1819 г. въ С.-Петербургѣ.

[1]) Ibid. Исповѣдывала эту доктрину «*коммуна* не більша жме́ни ши́рих душ», не захотѣвшихъ оставить Спасителя.

[2]) См. ст. V. Kovačević-a: «Književni preporod Malorusa» въ «*Zvonimir*, almanak hrvatske omladine za godinu 1886. Izdalo ga hrvat. akadem. družtvo «Zvonimir» u Beču. U Zagrebu 1886», стр. 199—200: «Osim toga bijaše taj panslavizam više kopija onoga panzlavizmą, koji je u to doba našao odziva te propovjednike svoje, posrednictvom Poljaka - emigranta, u Franczezkoj, te je tražio, perhorescirajuć Rusiju i panslavizam ruski, sjedniti sve Slovjene, medju njimi i Maloruse, proti Rusom, s kojimi se ne mogoše složiti poionofilski ondašnji Francuzi. Malorusi steniahu u ono doba još odviše pod moralnim pritiskom Poljaka, koji se u samoj Ukrajini kao kod kuće baniše, te se ne mogahu tako lako njihovu uplivu oteti. Da, činilo se je dapače, kano da su Malorusi ne jedan put bili pripravni prije se sljubiti s istimi Poljaci ne sa sjevernimi suplemenici svojim».

[3]) Белицкій такъ излагаетъ идею, выступающую въ Niedokończonym poemacie Красинскаго: «Swiat dotąd składa się z ciemiężców i ciemiężonych; chodzi o to, ażeby wszyscy przemienili się w ludzi wolnych i szczęśliwych....» Послѣ вѣковъ столкновеній народовъ и сословій міръ можетъ достигнуть счастія и свободы путемъ евангельской любви. Въ «Nieboska komedya» Pankracy умираетъ, «przyznając falsz swoich zasad i dązności, a prawdę» tym, którzy w miłości widzieli jedynie zbawienie świata». Bełcikowski, 400. Въ «Irydyon» развита мысль, что политическое примиреніе можетъ произойти только въ духѣ любви: «wybawienie narodów ma być dziełem nie zemsty, nie wojny i mordów, ale dziełem miłości zapowiedzianéj przez słowo boże, kiedy ta przejdzie w ducha ludzkości i z martwéj litery, jak dotąd, stanie się czynem». Ibid. 401. О «Nieboska komedya» говорилъ съ университетской каѳедры въ Кіевѣ даже профессоръ русской словесности А. И. Селинъ еще въ 50-хъ годахъ; упоминалъ онъ о ней съ большимъ уваженіемъ даже въ лекціяхъ конца 60-хъ годовъ, которыя мы слушали.

[4]) См. о немъ въ ст. Макушева въ «Славянскомъ Ежегодникѣ» 1884.

[5]) Мессіанизмъ также имѣлъ въ виду братство народовъ и ихъ общее благо. О немъ см. во II-мъ т. монографіи Хмѣлёвскаго о Мицкевичѣ. См. также замѣтку Токарженича: «Adam Mickiewicz w Collège de France» въ № 46 газ. «Kraj» 1885 г.

кіевскихъ панславистовъ и мы должны будемъ признать нѣкоторую близость идей послѣднихъ къ мечтамъ перечисленныхъ польскихъ писателей. Далѣе, въ польской украинской литературѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ говорилось по временамъ о всеславянскомъ значеніи Кіева [1]), и мечты о всеславянскомъ призваніи Польши страннымъ образомъ сливались съ идеей о великомъ призваніи Кіева. Въ самомъ Кіевѣ были поляки, интересовавшіеся всѣмъ славянствомъ и не питавшіе нетерпимости къ русскимъ [2]); они были въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ такими вожаками украинофильскаго движенія, какъ Костомаровъ и Кулишъ. Намъ кажется, что соприкосновеніе украинцевъ съ этими представителями польской интеллигенціи и знакомство съ польско-украинскою литературою должны были оставить немалый слѣдъ въ мысли кіевскихъ славянофиловъ, ко-

[1]) Въ Powieści kozackie, 142, читаемъ: «Kijów jest prawdziwą kolebką Sławiańszczyzny-tamtędy przepływały ludy Sławiańskie rozlewając się po Europie ... Jest ćos dziwnego w położeniu, w powietrzu, w budowie miasta, że każdy Sławianin czy to z nadbrzegów Dunaju, czy Wisły — czy z gór Karpackich lub Czeskich, z po nad Morza Adrijatyckiego czy Baltyckiego wjechawszy doń-przenikniony jest uczuciem poszanowania dla téj kolebki swego rodu. Nieraz mi się zdarzyło mówić z Sławianami różnych krajów, każdy na to się godził, ze Kijów jest Arcy Sławiańskiém miastem». Въ одномъ изъ послѣднихъ сочиненій Чайковскаго не разъ повторяется мысль, что Кіевъ — всеславянская столица. См. Legendy, 297, 302, 304, 305, 307. Недаромъ въ свои послѣдніе годы Чайковскій искалъ новой жизни именно въ Кіевѣ, какъ и одинъ изъ его героевъ (Legendy, 311). Но, называя Кіевъ всеславянскою столицей, Чайковскій мечталъ прежде о торжественномъ въѣздѣ польскаго короля въ Кіевъ, о томъ, что въ Кіевѣ будетъ господствовать ляшская рѣчь и надъ городомъ будетъ развѣваться знамя съ бѣлымъ орломъ. Слѣдовательно, славянофильство Чайковскаго было тоже, что и Б. Залескаго. Послѣдній до 1830 г. совсѣмъ даже не упоминаетъ о «славянствѣ»; это слово встрѣчается довольно часто въ стихотвореніяхъ» Залескаго лишь послѣ 1830 г., но польскій поэтъ, говоря о славянскомъ братствѣ, желалъ при этомъ, чтобы во главѣ славянства стала Польша:

Nie chcę oklasków słowiańskiéj rzeczy,
Bo bez méj Polski nic mnie nie cieszy.

Такія желанія питало большинство польскихъ писателей, исполненныхъ будто бы сочувствія ко всему славянству: къ Россіи они относились враждебно и не сочувствовали русскому панславизму. Оттуда-то отношеніе Крашевскаго къ Грабовскому, которое составитъ предметъ слѣдующаго примѣчанія. Wincenty Pol, въ своей рѣчи, произнесенной въ Институтѣ Оссолинскихъ 12 октября 1863 г., ставитъ даже въ заслугу Польшѣ то, что ея литература боролась съ кабинетной теоріей русскаго панславизма: «walczył z nią duch literatury polskiej XIX wieku, i walczył z nią z takim skutkiem, że dziś przejrzały ludy sąsiednie słowiańskiej i germanskiej rzeszy, bo Słowianie pragną zaiąć tylko stanowisko narodowe». Bibl. Ossolińskich, t. VII, str. 386.

[2]) Въ автобіографіи Костомарова читаемъ подъ 1846 г.: «Всего чаще посѣщалъ меня тогда Гулакъ и одинъ старикъ-полякъ, химикъ, который не разъ развивалъ передо мною и Шевченко какую-то своеобразную теорію электричества и магнетизма, а мы подсмѣивались надъ нимъ. Было этому поляку лѣтъ подъ девяносто. Передъ третьимъ раздѣломъ Польши онъ былъ отправленъ Екатериной II, въ качествѣ агента, въ Турцію волновать турецкихъ славянъ. По убѣжденіямъ онъ былъ панславистъ и республиканецъ, мечталъ о соединеніи славянъ и всеславянской республикѣ». Р. Мысль 1885, май, 211. Изъ ряда поляковъ, жившихъ въ Кіевѣ въ 40-хъ годахъ, выдавался названный уже много разъ нами Мих. Грабовскій, съ которымъ, какъ мы видѣли, былъ хорошо знакомъ Кулишъ. Уже въ 30-хъ годахъ Грабовскій высказалъ достопримѣчательный взглядъ на «людъ украинскій», какъ на рѣзко отдѣляющуюся вѣтвь русскаго народа, сохранившую въ довольно чистомъ видѣ исконныя племенныя черты. «Lud ukraiński, писалъ Грабовскій, jak wszystkie inne gałęzie słowiańskiego szczepu, zachował dużo przyrodniéj narodowości i szczętów w najodleglejszych czasach wykształconego uobyczajenia, które niech co chcą mówią *), jest dziś dla nas szczérą poezyą U Ukraińców dochowały się one jeszcze całkowiciéj jak u wielu innych i z charakterycznicjszą właściwością. Sama (dziś powszechnie przyznana) wysoka wartość ich poezyi gminnéj świadczy że wywinąć się musiała śród szczególnych obyczajów, wielkiém czuciem i żywą fantazyą obdarzonego płomienia. Tak jest w rzeczy saméj. Przytém kilkowiekowy byt polityczny tego ludu namnożył pamiątek i zwyczajów kozackich, któremi różni się Ukraina od reszty pokrewnéj sobie Rusi słowiańskiej». Lit. i Krit. 1839, str. 54. Ср. то, что говоритъ Грабовскій въ t. I, cz. dr., str. 96: есть такіе народы, которые дошли do *cywilizacyi*, to jest do pojmowania siebie, natury i Boga, inną drogą = wykształceniem serca j uczucia.... Uosabia Göthe taką cywilizacya w swojéj Ifigenii, kiedy ta mówy: *Ja nie myślę, ja czuję*». Отголоски такого воззрѣнія встрѣчаются даже въ позднѣйшихъ статьяхъ Костомарова (1861 г.). Костомаровъ также признавалъ «глубокую древность южнорусской народности, какъ одного изъ типовъ славянскаго міра» и «форму козачества» считалъ «зародившеюся собственно въ древности». Въ отношеніи къ идеямъ Кирилло-Меѳодіевскаго кружка не безынтересно, что въ 1842 г. Грабовскій отозвался весьма сочувственно о Варшавской «Денницѣ» (Jutrzenka) (см. Tygodnik Petersburski» 1842, № 46) (ср. Денницу 1842, № 13), а въ 1843 г. вздумалъ-было стать апостоломъ славянскаго единенія. Онъ хотѣлъ выпускать въ Кіевѣ повременное панславянское изданіе, подъ названіемъ *Słowiánin*, и представилъ Писареву, начальнику канцеляріи генералъ-губернатора, программу этого изданія, въ которой обѣщалъ, повидимому, очень много въ пользу правительственной власти. Рукопись программы сдѣлалась извѣстной обществу, и польскіе кружки подняли вопль. Грабовскій написалъ тогда новое изложеніе своихъ взглядовъ и послалъ его адъютанту Струтинскому, который распространилъ ранѣе молву о представленной Грабовскимъ про-

*) Zarzucano że mniemana *Cywilizacya uczuciowa* jest wymysłem nowych *Słowiánofilów*.

торые, само собою разумѣется, проникались и панславянскими стремленіями русской литературы [1]) и въ нихъ находили исправленіе

граммѣ будущаго панславянскаго изданія. Въ запискѣ къ Струтинскому Грабовскій провозгласилъ неизбѣжность и необходимость соединенія и сліянія польской вѣтви славянства съ побѣдившею ее націею. Копія этого письма распространилась повсюду въ польскихъ кружкахъ и вызвала новыя опасенія польскихъ патріотовъ касательно возможности политическаго раскола въ средѣ поляковъ. Холоневскій и Крашевскій стали на стражѣ полной польской особности и самобытности въ мысли и не допускали никакихъ уступокъ. Грабовскій остался въ одиночествѣ: прежніе его друзья, Залескій, Гощинскій, Крашевскій, отшатнулись отъ него. Грабовскій поселился въ Кіевѣ, сблизился съ малорусскими литераторами, между прочимъ и съ Кулишемъ. Подъ конецъ своей жизни Грабовскій началъ усматривать «непреодолимыя препятствія и преграды на пути, который всегда признавалъ труднымъ». *Dr. Antoni J. J. I. Kraszewski i ksiądz A. Chołoniewski*, 40—44.

[1]) Слова Шевченка въ «Посланіи славному П. І. Шафарикові»:

І потекли въ одно море
Славянськиї ріки!

а равно стихи:

Слава жъ тобі, Шафарику,
Во віки і віки,
Що звів-еси въ одно море
Славянськиї ріки!

напоминаютъ стихъ Пушкина (въ стихотвореніи «Клеветникамъ Россіи»):

Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?

У Шевченка находимъ оригинальное примѣненіе идеи, высказанной Пушкинымъ: «русское море» превращено въ общеславянское. При этомъ Шевченко высказывалъ желаніе,

Щобъ усі Славяне стали
Добрими братами,
И сынами сонця правди
І еретиками
Отакими, якъ Константинський
Єретикъ великий!

Извѣстны стихотворенія Хомякова, заключавшія такой же призывъ, напримѣръ стихи:

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ
Златоверхая Москва!
Вспомнимъ: мы — родные братья,
Дѣти матери одной:
Братьямъ — братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

того вѣковаго заблужденія въ отношеніи русской народности, отъ котораго, какъ и отъ соединенной съ нимъ нетерпимости, не могло отрѣшиться большинство польской интеллигенціи. Польской идеѣ о расширеніи Польши до Днѣпра, о политическомъ мессіанизмѣ и главенствѣ Польши въ славянскомъ мірѣ была противопоставлена въ Украинѣ идея болѣе широкая и могучая. Украинская мысль претворяла въ Кіевѣ болѣе или менѣе оригинально идею всеславянскаго единенія и вырабатывала частности и подробности программы этого единенія, руководясь ближайшимъ соприкосновеніемъ съ тою частію славянства, съ которою Русь пребывала въ вѣковой борьбѣ; украинская мысль находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ мѣстныхъ условій жизни и старалась примирить общее съ частнымъ. При этомъ не обходилось и безъ чрезмѣрнаго увлеченія своими мѣстными преданіями [1]).

Такъ слагались до осени 1845 г. [2]) взгляды нѣсколькихъ просвѣщенныхъ украинцевъ, жившихъ въ Кіевѣ и увлекшихся пан-

Стихотворенія Хомякова воспламеняли и нашихъ заграничныхъ братьевъ. К. Устіяновичъ говоритъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ: «подозвавъ ся до мене зъ поезій Хомякова (котри я дôставъ водъ Расвского) такій патріотичный огняный духъ всеславянскій, кипѣла въ нѣмъ такъ горяча любовь до всѣхъ народôвъ Славы — не выключаючи и Полякôвъ, — вѣяло зъ нихъ такимъ теплымъ вѣтромъ надѣѣ, а будучнôсть Славянъ сіяла зъ нихъ такимъ чарôвнымъ блескомъ, що они сталисъ вôдъ разу моимъ евангеліемъ, а Хомяковъ идеаломъ патріота, пророка всеславянства». «Однакъ пôзнѣйше, коли стававъ спокôйнѣйшимъ, находивъ я часто неодно, що побуджува до критики. Менѣ не сподобалось, що Хомяковъ написавъ:

Арыí славянскіе взлетаютъ
Шірôкімъ, дерзостнымъ крілôмъ,
Но мôщную главу склоняютъ
Предъ старшімъ сѣвернымъ арлôмъ.

Hier zeigte der Engel den Pferdefuss».... М. Ѳ. Расвскій и россійскій панславизмъ, 16—17. Потомъ, прибывъ въ Россію, Устіяновичъ услышалъ отъ «одного дуже честного москаля»: «Хиба-жь вы думаете, що въ Россіи хтонебудь читае Хомякова? Хиба-жь вы вѣрите, що вôнъ тутъ для кого пророкомъ? Вôнъ-апостолъ Славянъ, а не русскихъ! Мы-жь за багато маемо самолюбія....» Ibid., 28.

[1]) Предисловіе «До земляковъ» въ книжкѣ Кулиша «Украíна» (К. 1843) начинается словами: «Не було въ свѣтѣ люду одважнѣйшого й славнѣйшого надъ Грекôвъ и Козакôвъ: нема жъ нí въ кого й пѣсень луччихъ, якъ у Грекôвъ да въ Козакôвъ».

[2]) «Такъ провáдили ми нáше дiлó, въ благодáтній тíхості, до рóку 1845. В осенí 1845 рóку, я розлучивсь не кúевськими апóстолами народнéї свобóди и переíхав на службу в столúцю». Хут. поэзіи, 10.

славянскою идеею, съ которою они соединили стремленіе къ поднятію просвѣщенія на Украинѣ и улучшенію положенія крестьянства [1]).

Костомаровъ, поселившійся въ Кіевѣ въ 1845 г., подружился съ ними и сообщилъ новое движеніе ихъ мыслямъ, обративъ особенное вниманіе своихъ друзей на общеславянскіе вопросы. Эти послѣдніе вызывали много споровъ [3]), и мысль собесѣдниковъ вызрѣвала, пока, наконецъ, кружокъ, составившійся уже до прибытія Костомарова въ Кіевъ, не преобразился подъ вліяніемъ Костомарова [2]) въ товарищество панславянской и украинофильской пропаганды, задавшееся самыми широкими затѣями [4]) и слившее мечты панславизма съ народничествомъ.

Невзгода, постигшая членовъ Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, болѣе внимательное изученіе современной жизни и исторіи русскаго народа, бо́льшая зрѣлость мысли привели со временемъ бывшихъ кіевскихъ мечтателей къ измѣненію прежнихъ взглядовъ и къ нѣкоторымъ новымъ воззрѣніямъ. Г. Петровъ отмѣчаетъ вслѣдъ за Пыпинымъ, что «дѣятели братства, получившіе амнистію въ началѣ минувшаго царствованія, впослѣдствіи далеко не остались вѣрны своимъ старымъ идеямъ, и между ними особенно Кулишъ» (стр. 235), но, къ сожалѣнію, не разъяснилъ обстоятельно (см. стр. 332, 349, 355),

---

[1]) «Ма́ли ми на ду́мці не одно́ те, щоб тільки ви́рвати крепака́ у пана з рук. Сёго з нас було́ ма́ло, або лучче сказати, се в нас було́ діло оста́нне. Прокля́тою *на́шою* освобожденія крепаків служи́ли слова́ Избави́теля: «И уразумѣете и́стину, и и́стина свободи́т вы́»..... Ми зна́ли, що в Англії не право и не декре́т, а культура зни́щила крепа́цтво». Ibid. 13.

[2]) Въ своей автобіографіи Костомаровъ говоритъ: «Когда я сообщилъ Шевченко о существованіи общества, онъ тотчасъ же изъявилъ готовность пристать къ нему; но отнесся къ его идеямъ съ большимъ задоромъ и крайнею нетерпимостью, что послужило поводомъ ко многимъ спорамъ между мною и Шевченко». Р. Мысль, май 1885, 211.

[3]) Костомаровъ написалъ въ своей автобіографіи (ibid.): «Идеи *основанную мною* общества»..... Мысль о созданіи этого общества явилась въ январѣ 1846 г. среди разговоровъ Костомарова съ Н. И. Гулакомъ и В. М. Бѣлозерскимъ.

[4]) Въ «Хут. поэзіи» читаемъ: «я..... догадавсь не корреспонде́нції, що моє́ киевське бра́тте щось компонуе собі инше, ши́рше и небеспечнійше од нашої *первохристиянської коммуни*» (стр. 11). «Самъ Шевченко зробився не тим, яки́м я́го поки́нувъ, ідучи з Украіни. Се вже був не кобзарь, а національний пророк..... Кіевська интеликгенція, лучче сказати плодюща ії части́на, обгорта́ла украінського барда глибоким почитанием» (стр. 15). Ср. о Шевченкѣ еще отрывокъ изъ воспоминаній Кулиша въ № 6 газ. «Трудъ» 1881 г.

въ чемъ состояла перемѣна во взглядахъ Костомарова и Шевченка. Нельзя не признать этотъ пропускъ весьма существеннымъ въ виду того интереса, какой представляютъ, напр., послѣднія статьи Костомарова по вопросу объ украинской литературѣ.

Вслѣдъ за г. Петровымъ не станемъ и мы вдаваться въ разсмотрѣніе позднѣйшихъ взглядовъ Костомарова и сопоставленіе ихъ съ прежними, а равно оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, отступилъ ли въ чемъ-нибудь Шевченко подъ конецъ своей жизни отъ взглядовъ своей молодости. Мы замѣтимъ лишь относительно г. Кулиша, что его колебанія между Польшей и всероссійскимъ, крѣпко сплоченнымъ, *государствомъ* составляютъ весьма характерное явленіе, обусловленное не личными только качествами г. Кулиша, къ которымъ сводятъ его превращенія Костомаровъ [1]) и Мордовцевъ; колебанія г. Кулиша — повтореніе вѣковой коллизіи, которую не разъ испытывали западно-русскіе болѣе или менѣе интеллигентные люди, начиная съ XV в., люди, горячо любившіе свою родину, но не возвышавшіеся достодолжнымъ образомъ надъ своимъ мѣстнымъ патріотизмомъ во имя высшей любви ко всей русской землѣ [2]). Того же узкаго мѣстнаго патріотизма исполнены и тѣ наши заграничные собратья, которые повторяютъ тривіальныя выходки противъ «москалей», столь обычныя у поляковъ, а также въ нецензурныхъ стихотвореніяхъ Шевченка. Галичане,

---

[1]) Г. Петровъ (стр. 293) приводитъ слова Костомарова, соглашаясь, очевидно, съ ними.

[2]) Проф. Коялович отмѣчаетъ политическія колебанія западно-русскихъ земель уже въ XV стол. По его мнѣнію, эти колебанія начались уже при Витовтѣ (не будетъ ли вѣрнѣе сказать, что они начались съ 1386 г.?). «Витовтъ знаменитъ и силенъ тѣмъ, что онъ, если смотрѣть на него, какъ на выразителя внутренняго склада жизни Литвы, точно и теперь живетъ въ западной Россіи и выхваченъ изъ живой западно-русской среды. Тамъ и теперь много Витовтовъ, конечно въ миньятюрѣ.... Дѣла Витовта живутъ до сихъ поръ...» Церк. Вѣстникъ 1886, № 12. — Въ этомъ отношеніи одной изъ характерныхъ личностей южно-русской исторіи является Байда. Одинъ критикъ драмы Кулиша, героемъ которой является Байда, провелъ интересную параллель между Байдою и самимъ авторомъ ея. По словамъ этого критика, не избѣжавшаго преувеличенія, «созданный г. Кулишемъ Байда безъ опредѣленнаго идеала и съ смутными порывами къ чему-то неизвѣстному, постоянно мѣняющій свою преданность, предающій сегодня то, чему вчера поклонялся, а завтра измѣнникъ и передъ тѣмъ, во имя чего онъ сегодня предалъ вчерашняго идола, такой Байда и вся эта «драма» г. Кулиша пріобрѣтаетъ несомнѣнный интересъ въ смыслѣ матеріала для объясненія, если не эпохи, ею изображенной, то литературной физіономіи самого автора («Сѣв. Вѣстн.» 1886, № 1).

считающіе безусловно непогрѣшимыми идеи послѣдняго, забываютъ печальныя обстоятельства, при которыхъ создавала свои пѣсни негодующая муза украинскаго кобзаря, напр. господство крѣпостнаго права, а также односторонность и постепенное созрѣваніе воззрѣній Шевченка [1]), и изъ-за временныхъ невзгодъ малорусской народности упускаютъ изъ виду великое будущее русскаго народа, обусловленное единеніемъ его племенъ [2]).

[1]) Укажемъ хотя бы на воспоминанія Я. П. Полонскаго при I-мъ т. Пражскаго изданія Кобзаря. Полонскій (стр. XII) говоритъ, что политическія убѣжденія Шевченка «были на столько же непрактичны, на сколько благородны. Разъ на вечерѣ у Бѣлозерскаго, редактора журнала «Основы», я помню, Шевченко подтвердилъ мнѣніе одного заѣзжаго славянина—Галичанина, что всякая политика безнравственна, что ради политическихъ соображеній совершались и совершаются всѣ неправды и изъ нихъ проистекаютъ всѣ злосчастія племенъ и народовъ, почему для государства самое лучше—не имѣть никакой политики. Помню также, что на Екатерину II Шевченко смотрѣлъ только какъ на виновницу крѣпостнаго права въ Малороссіи,—и знать ничего больше уже не хотѣлъ, ни видѣть, ни слышать».

[2]) См., напр., указанныя уже нами весьма интересныя но, къ сожалѣнію, написанныя съ односторонней точки зрѣнія воспоминанія К. Устіяновича. Г. Устіяновичъ противополагаетъ «россійскому панславизму» «народную малорусскую идею» и «славянскій федерализмъ, (стр. 17 и 21). Онъ вѣритъ «въ разумъ людской» (стр. 79), вѣритъ въ силу народности, которой «не спольщили 500 лѣтъ Польщѣ, не змосковщили 200 лѣтъ Москвы», убѣжденъ въ томъ, что «даремній и нынѣшній змагання нашихъ полономановъ, марна работа нашихъ москвомановъ, безумній надѣ ультрамонтановъ» (стр. 58), и все-таки прислушивается лишь къ неразумнымъ толкамъ и застращиваніямъ и игнорируетъ вѣковое направленіе исторіи русскаго народа, приводящее тяжкими испытаніями къ спасительному сознанію необходимости единенія и къ великому по своимъ послѣдствіямъ единенію его племенъ. Г. Устіяновичъ обращаетъ вниманіе лишь на пренебреженіе къ малорусской народности, которое вызывало, какъ мы видѣли, негодованіе въ лучшихъ людяхъ Украины уже въ 30-хъ годахъ, и не помышляетъ о томъ, что въ силу признаваемаго имъ торжества разумности въ человѣческой исторіи онъ долженъ былъ принять во вниманіе преимущественно мнѣнія тѣхъ людей, о которыхъ вспоминаетъ такъ (стр. 32): «На вечеркахъ у Ламанскаго, профессора университету, збиралися люде свѣтлій, благородній, любителѣ Славянъ, якъ дѣйствительный штатскій совѣтникъ Гильфердингъ, слѣпець Ширяевъ и щирій покровителѣ Галичанъ. И я хоть и якъ брыдивъ ся товариствомъ россійскимъ Царства Польскаго, не могъ не почути глубоко поважаня и привязаня до тыхъ передовыхъ людей Россіи». Не считаетъ Устіяновичъ сепаратистами и своихъ украинскихъ пріятелей: «Они-жь черезъ мене переказували, щобъ Галичане занехали нерозумнои лайки на Россію. Они-жь всѣ горѣли для славы и чести Россіи. Они-жь були всѣ за единстею державною народовъ Россіи. Они только бажали свободы для свого рѣдного слова... И якій-жь они сепаратисты»? (стр. 47).

Здѣсь не мѣсто входить въ полную оцѣнку украинофильскаго панславизма, но, съ другой стороны, нельзя пройти молчаніемъ тѣ сужденія о Кирилло-Меѳодіевскомъ кружкѣ, которыя вскользь прорываются въ книгѣ г. Петрова. Г. Петровъ считаетъ, повидимому, непрактичною программу Кирилло-Меѳодіевскаго кружка [1]). Иначе смотрѣлъ на эту программу Костомаровъ даже въ послѣднее время. По его словамъ, «нѣкоторыя desiderata кіевскаго кружка были приведены въ исполненіе, другія намѣчены и частію совершены императоромъ Александромъ II». Высоко цѣнятъ идеи Кирилло-Меѳодіевскаго кружка и другіе представители нашей науки. О. Ѳ. Миллеръ видитъ въ программѣ Костомарова ту же «великую идею единства въ разнообразіи», которой встарину слѣдовало славянство, не взирая на латинянъ и грековъ, защищавшихъ треязычную ересь. Первоучители славянъ были проникнуты любовью ко всему человѣчеству; общество, задуманное въ Кіевѣ Костомаровымъ, «основывалось на началѣ широкой терпимости». Г. Миллеръ думаетъ, что первые московскіе славянофилы (Кирѣевскіе, Хомяковъ, К. Аксаковъ и Самаринъ) согласились бы съ этой программой, если бы она дошла въ подлинномъ видѣ до Москвы. «Но согласятся ли съ нею славянофилы теперешніе? —Будемъ надѣяться». Программа Костомарова «выражала идею единства въ разнообра-

[1]) На стр. 235 читаемъ: «Сами западные славяне, къ которымъ Кирилло-Меѳодіевское братство простирало свои объятія, вовсе не имѣли желанія идти въ эти объятія.... прежде, чѣмъ заботиться о соединеніи всѣхъ славянъ въ одну федерацію, подъ главенствомъ Россіи, — нужно было болѣе всего позаботиться объ улучшеніи внутреннихъ отношеній Россіи, что собственно и сдѣлалось задачей русской и украинской литературъ съ 60-хъ годовъ нынѣшняго вѣка». Мы не понимаемъ послѣдняго замѣчанія г. Петрова въ виду того, что самъ же онъ упомянулъ ранѣе о стремленіи Кирилло-Меѳодіевскаго кружка къ распространенію идей о необходимости улучшенія внутреннихъ отношеній въ Россіи. Въ этомъ улучшеніи проф. В. И. Ламанскій усматриваетъ одно изъ необходимыхъ условій «благопріятнаго для Россіи теченія и развитія восточнаго славянскаго вопроса». По его словамъ, «борьба съ латинствомъ и германствомъ, на защиту всего своего будущаго, своей духовной и внѣшней самостоятельности... требуетъ самаго глубокаго сосредоточенія, самаго высшаго напряженія силъ, разнообразнаго раскрытія нашихъ дарованій, усерднѣйшей разработки нашихъ богатствъ, елико возможнаго усилія и умноженія средствъ къ просвѣщенію и образованію, къ развитію личной и общественной энергіи». —На стр. 369 г. Петровъ говоритъ: «Новое украинофильство, начавшееся въ Россіи съ прошлаго царствованія, имѣетъ близкія и тѣсныя связи съ прежнимъ украинофильствомъ, *отличаясь* отъ него лишь *большею практичностью и примѣнимостью к дѣйствительной жизни*».

зіи». «Свобода жизни» «сказывается въ разнообразіи». Единство при такой свободѣ будетъ «чисто духовною, ненасильственною связью, *какую и можетъ лишь допускать* краеугольная въ настоящемъ славянофильствѣ правда внутренняя». Въ ученіе объ этой правдѣ внутренней «со смертію основныхъ, первоначальныхъ славянофиловъ стали проникать кое-какія позаимствованія у «правды внѣшней», со свойственнымъ ей принудительнымъ началомъ единства, уже не щадящаго жизненныхъ разновидностей» [1]). — По мнѣнію г. Пыпина, взгляду Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, «въ болѣе широкой постановкѣ, предстоитъ больше и больше пріобрѣтать распространенія и вліянія на ходъ «славянской идеи» въ Россіи» [2]). – И дѣйствительно, въ современномъ движеніи славянскихъ племенъ къ тѣснѣйшему культурному единенію [3]) повторяются нѣкоторыя идеи Кирилло-Меѳодіевскаго кружка. Лишь одна изъ этихъ идей — можно сказать съ полною вѣроятностію — не имѣетъ будущности — мысль о томъ, что малорусское племя можетъ занять отдѣльное мѣсто въ національно-культурной федераціи славянскихъ племенъ: теперь, когда повсюду среди славянъ обнаруживается признаніе верховенства русскаго языка и величія его литературы, болѣе чѣмъ когда-либо немыслимо и неумѣстно созданіе вполнѣ самобытной обширной литературы на малорусскомъ нарѣчіи, которое не составляетъ отдѣльнаго языка [4]); малорусское племя врядъ ли создастъ значительную отдѣльную славянскую литературу даже за предѣлами русскаго государства.

Признаніе малорусскаго нарѣчія за отдѣльный языкъ, которое могло имѣть мѣсто среди украинскихъ панславистовъ, могло и не обусловливать политическаго сепаратизма. Въ тѣ годы, когда существовалъ Кирилло-Меѳодіевскій кружокъ, Кулишъ писалъ свой романъ «Черную Раду». По словамъ эпилога къ этому роману, авторъ «желалъ выразить во всей выразительности олицетворенной исторіи

[1]) Кіевск. Стар. 1885, № 9, ст. «Дарь. Пятьдесятницы и наши первоучители»

[2]) Ист. слав. литер., 377.

[3]) См. ст. Т. Д. Флоринскаго: «Славяне и Россія» въ «Кіевскомъ Словѣ» 21 и 22 августа 1887 г.; имѣемъ далѣе въ виду рѣшеніе сходки, состоявшейся 25 августа въ Моравѣ, о приглашеніи славянъ къ принятію русскаго алфавита для письма, и движеніе у австрійскихъ славянъ къ возстановленію Кирилло-Меѳодіевскаго богослуженія.

[4]) См. Лекціи по исторіи русскаго языка, А. И. Соболевскаго, 1888, введеніе. Это признаютъ и не предубѣжденные иностранные славяне; см., напр. стр. 220 статьи Ковачевича.

причины политическаго ничтожества Малороссіи и доказать каждому колеблющемуся уму не диссертаціей, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость сліянія въ одно государство южнаго племени съ сѣвернымъ. А это соединеніе уже было шагомъ къ потерѣ своей индивидуальности». — Отрицать соціальную подкладку Кирилло-Меѳодіевскаго кружка невозможно, но составитель программы этого кружка устраняетъ антигосударственную интригу и затѣи сепаратизма [1]). Во всякомъ случаѣ, въ идеяхъ Кирилло-Меѳодіевскаго кружка было много благородства и были выдвигаемы на видъ такіе важные вопросы, какъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, о народномъ образованіи, о славянской взаимности. Вопросъ объ этой послѣдней ставился примѣнительно къ великому значенію русскаго государства въ рѣшеніи славянскаго вопроса и широко, безъ той односторонности и крайности, въ какія впадали поляки, а также лица, составившія резо-

[1]) По разсказу Костомарова, въ разговорѣ 25 декабря 1846 г. «высказывались надежды будущаго соединенія славянскихъ народовъ въ одну федерацію *подъ скипетромъ Всероссійскаго Императора*». Ср. «Хут. поэзія», 28. Ср. еще мнѣніе М. И. Сухомлинова въ ст. «И. С. Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ» (Историч. Вѣстн. 1888, № 2, стр. 325): «къ числу даровитѣйшихъ ученыхъ и писателей, тогда еще молодыхъ», заговорившихъ о сочувствіи къ славянамъ, принадлежали И. С. Аксаковъ и Ник. Ив. Костомаровъ. Они сходились между собою въ томъ, что признавали необходимымъ изученіе славянства, но въ развитіи своей основной мысли не всегда руководствовались одними и тѣми же началами. Аксаковъ говорилъ о славянахъ какъ русскій писатель, принимавшій горячее участіе во всемъ, что совершалось въ нашей общественной и политической жизни; Костомаровъ имѣлъ въ виду преимущественно бытовую сторону: этнографія интересовала его гораздо болѣе политики .... Костомаровъ въ повѣсти своей *Панычъ Наталичъ* юмористически изобразилъ мечтателя, доведшаго идеи панславизма «до смѣшнаго». Мы воздерживаемся отъ общаго полнаго заключенія о стремленіяхъ Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, потому что еще не извѣстны данныя, собранныя слѣдствіемъ и др., а печатные матеріалы, въ томъ числѣ и воспоминанія Костомарова, не лишены противорѣчій. Замѣтимъ только, что даже Кулишъ, который выступилъ въ «Хуторной поэзіи» врагомъ «Москаля», мечталъ о «сонцѣ духовної свободы» и призывалъ лишь «выставить національное знамя на высотахъ науки и литературы», дѣйствовать «перомъ та лагодою», какъ подобаетъ людямъ, просвѣщеннымъ наукою, не потрясая «високіх стольців, не зневажая и великих заслуг давніх государників. Нехай старий завіт потерпі стоіть передъ нами в своій повазі» (стр. 132—134). См. еще ст. Костомарова «Украинофильство» въ Русской Старинѣ 1881, т. XXX.

люцію Пражскаго съѣзда 1848 г.[1]); кіевскій кружокъ занялъ посредствующее положеніе между крайностями въ рѣшеніи славянскаго вопроса и представлялъ противодѣйствіе польскимъ мечтамъ о расширеніи Польши по Днѣпръ, о главенствѣ въ славянскомъ мірѣ, о политическомъ мессіанизмѣ. Близость къ сосѣднимъ славянскимъ племенамъ и другія обстоятельства сообщали особое направленіе кіевскому мышленію по славянскому вопросу. Недаромъ возлагали большія надежды на рѣшеніе славянскаго вопроса въ Кіевѣ такіе поборники славянской взаимности какъ Гильфердингъ[2]) и Хомяковъ[3]), и поэтъ Тютчевъ, который сказалъ о Россіи и Польшѣ:

А примирятся эти двѣ
Не въ Петербургѣ и Москвѣ,
А въ Кіевѣ и Цареградѣ.

VI.

Украинская литература съ начала прошлаго царствованія и общее заключеніе объ украинской литературѣ.

Украинская литература трехъ послѣднихъ десятилѣтій составляетъ прямое продолженіе украинофильской литературы сороковыхъ годовъ[4]). Между тѣмъ г. Петровъ обособляетъ «періодъ

[1]) См. объ этомъ съѣздѣ въ ст. П. Стороженка объ А. Я. Стороженкѣ въ «Кіевской Старинѣ» 1886 г.

[2]) Мнѣніе Гильфердинга извѣстно. Оно приведено, между проч., и въ Ист. слав. литер. Пыпина.

[3]) См. слова Хомякова о сборникѣ Максимовича «Кіевлянинъ»: «пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнью. Я увѣренъ, что слово и жизнь лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ, а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями» (стр. 180 книги Петрова).

[4]) Г. Кулишъ такъ опредѣлялъ въ «Основѣ» (1862, № 2, стр. 70—71) задачи новѣйшаго украинофильства: «Главное наше дѣло — пользоваться достойнымъ образомъ настоящими условіями нашего положенія. Главная наша цѣль — узнать самихъ себя, ознакомиться другъ съ другомъ, научиться всему хорошему, всему жизненному другъ отъ друга, утвердиться въ основныхъ своихъ понятіяхъ о народѣ и его потребностяхъ. Мы никуда не рвемся безъ оглядки; мы терпѣливо сносимъ неудобства настоящаго нашего положенія, изъ любви къ тому великому дѣлу, которымъ мы заняты. Мы твердо убѣждены, что, употребляя въ свою пользу настоящее, мы каждый день творимъ свое невѣдомое будущее. Оно придетъ, оно не можетъ не придти; но блага грядущей судьбы народа обусловливаются его внутренними достоинствами... Мы убѣждены, что только наша внутренняя дѣятельность, только внутреннія наши достоинства спасутъ насъ отъ ничтожества, которымъ долженъ томиться каждый, чувствующій способности стать выше..... Если нѣтъ въ насъ силы стать выше нынѣшняго нашего положенія, то мы и недостойны лучшей участи; а сила эта должна, по нашему убѣжденію, быть не механическая; все, въ жизни народовъ, зависитъ отъ развитія внутренней, нравственной силы... другихъ усилій (кромѣ усилій — познать себя) мы не намѣрены дѣлать». — То же повторялъ г. Кулишъ и въ послѣднее время (см. выше). Намъ кажется, что въ приведенныхъ словахъ передана вѣрно мысль, которою руководятся также новѣйшіе украинофилы подобно прежнимъ. Ср. идеи того Кіевскаго кружка 40-хъ годовъ, къ которому принадлежалъ г. Кулишъ.

новѣйшаго украинофильства, съ 60-хъ годовъ и до позднѣйшаго времени». Говоря о моментахъ развитія украинской литературы XIX в., г. Петровъ такъ характеризуетъ послѣдній изъ этихъ моментовъ: «Среди разнообразія мотивовъ и направленій этого періода, въ немъ мало по малу пробивается демократическое направленіе, которое встало въ оппозицію польскому шляхетству и имѣло связи съ русской реалистической школой» (стр. 17). Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Петровъ отмѣчаетъ другія существенныя черты послѣдняго періода украинской литературы, и прежде всего—ея «соціально-общественное направленіе» (стр. 429). «Нужно было болѣе всего позаботиться объ улучшеніи внутреннихъ отношеній Россіи, что собственно и сдѣлалось задачей русской и украинской литературъ съ 60-хъ годовъ нынѣшняго вѣка» (стр. 235). Новое украинофильство отличается отъ прежняго «лишь большею практичностью и примѣнимостью къ дѣйствительной жизни» (стр. 369). «Стремленіемъ изучить простой народъ, сблизиться съ нимъ и просвѣтить его опредѣлилась и изящная украинская литература первыхъ лѣтъ прошлаго царствованія» (стр. 371).—Мы видѣли, что демократическое направленіе и оппозиція польскому шляхетству занимали видное мѣсто также въ украинской литературѣ 40-хъ годовъ, и уже тогда обозначились въ этой литературѣ соціально-общественное направленіе и стремленіе къ изученію простаго народа, къ сближенію съ нимъ и просвѣщенію его. Что до реализма, который будто бы былъ заимствованъ украинскими писателями изъ общерусской литературы, то онъ издавна имѣлъ мѣсто въ украинской литературѣ. Связь украинскихъ писателей съ общерусскими въ общей идеѣ, равно вдохновлявшей всѣхъ лучшихъ писателей времени нашего пробужденія въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, несомнѣнна, но въ частностяхъ

были различія. Г. Петровъ готовъ признать (стр. 369) эти различія, но точнѣе не указываетъ ихъ. Такимъ образомъ въ изложеніи г. Петрова ярко не оттѣнены существенно новыя черты, которыми отличалась бы литература новѣйшаго украинофильства отъ прежней, лучшимъ представителемъ которой былъ Шевченко.

Мы не станемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе частныхъ этюдовъ г. Петрова о новѣйшихъ украинскихъ писателяхъ и остановимся лишь на его общей оцѣнкѣ украинской литературы, вошедшей въ этотъ отдѣлъ разсматриваемаго труда.

Оцѣнка эта довольно скудна. Согласно своему первоначальному намѣренію—«сдѣлать опытъ такого изложенія украинской литературы нынѣшняго вѣка, въ которомъ *менѣе всего было бы апріорныхъ взглядовъ* и поболѣе фактическихъ данныхъ» (стр. 2), г. Петровъ старался воздерживаться отъ общихъ выводовъ о разсмотрѣнной имъ литературѣ. Выводы эти однако напрашивались сами собою, и г. Петровъ высказалъ ихъ мимоходомъ на стр. 372 и 373 своего труда. При этомъ г. Петровъ не избѣжалъ «апріорныхъ взглядовъ».

Въ общей оцѣнкѣ украинской литературы замѣчаются неполнота и односторонность, обусловленныя тѣмъ, что г. Петровъ почти не обращалъ вниманія на вліяніе разсматриваемыхъ имъ произведеній и на успѣхъ ихъ, на ихъ мѣстное значеніе. Въ этомъ сказался общій недостатокъ книги г. Петрова: въ ней, помимо далеко не вездѣ пригодной мысли о постоянномъ и преобладающемъ вліяніи русской литературы на содержаніе украинской, чувствуется отсутствіе мысли, которая органически проникала бы всю работу г. Петрова и сообщала бы ей внутреннее единство.

По словамъ г. Петрова, «въ направленіи своемъ, по преимуществу простонародномъ украинскомъ, новѣйшая украинская литература, по отзывамъ знатоковъ, имѣетъ полное право на существованіе и дальнѣйшее развитіе, удовлетворяя немногосложнымъ потребностямъ духовной жизни простаго народа и знакомя съ нимъ интеллигентные классы общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, заключенная въ узкія рамки простонародности, украинская литература не могла бы выдерживать сравненія съ другими славянскими литературами, получившими уже значительное развитіе. Поэтому понятнымъ становится стремленіе малорусскихъ патріотовъ обогатить свою родную, скудную литературу переводами образцовыхъ произведеній изъ другихъ литературъ и подражаніями имъ.—Такимъ образомъ, въ новѣйшей украинской литературѣ можно замѣчать два

существенные элемента, или два направленія: одно изъ нихъ идетъ вглубь народнаго міровоззрѣнія и сознанія и ищетъ въ немъ питательныхъ корней для себя; другое идетъ вширь, старается раздвинуть такую сферу народнаго міросозерцанія и обогатить его заимствованіями изъ другихъ литературъ и подражаніями имъ. Но оба эти направленія не регулируются одно другимъ, расходятся въ противоположныя стороны и доходятъ до крайностей: первое не имѣетъ широты дѣйствія, а второе—надлежащей жизненности. Въ этомъ заключаются существенные недостатки современной малорусской литературы, не смотря на выдающіяся достоинства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ писателей».

Такова общая оцѣнка новѣйшей украинской литературы у г. Петрова. Изъ нея видно, что автору, дѣйствительно, не удалось говоря его словами—«развязать гордіевъ узелъ запутанныхъ отношеній», а между тѣмъ въ виду того обстоятельнаго историческаго изученія, которому посвящена книга г. Петрова, отъ него можно было бы ожидать болѣе вѣскаго слова; онъ могъ бы сказать это слово о предметѣ, подлежавшемъ его изслѣдованію, не какъ публицистъ, а какъ ученый—оставаясь въ предѣлахъ научнаго наблюденія.

Съ положеніемъ г. Петрова, что переводная украинская литература не имѣетъ «надлежащей жизненности», можно согласиться, если не имѣть въ виду Галичины, для которой литература эта не лишена значенія; но что до тезиса о томъ, что оригинальная украинская литература «не имѣетъ широты дѣйствія», то онъ требуетъ болѣе обстоятельнаго раскрытія, и невозможно удовлетвориться тѣмъ неяснымъ замѣчаніемъ, какое находимъ у г. Петрова.

Конечно, малорусской литературѣ въ силу историческихъ обстоятельствъ не довелось и врядъ ли удастся подняться до произведеній универсальнаго значенія, каковы произведенія Тургенева и Л. Толстого. Нерѣдко она наполнялась сентиментальными воздыханіями, лиризмомъ, не имѣющимъ особой цѣны, или же замыкалась въ тѣсный кругъ провинціальнаго быта. Нельзя отрицать и того, что въ украинской литературѣ выдвинулось болѣе посредственныхъ, а иногда бездарныхъ писателей, чѣмъ крупныхъ дарованій. Доселѣ она имѣла лишь одного поэта, котораго знаетъ все образованное славянство. Даже этотъ поэтъ не ограничивался творчествомъ на родномъ нарѣчіи и писалъ также на общерусскомъ языкѣ; онъ успѣлъ такъ выработать свою украинскую литературную рѣчь, что его читаютъ и довольно хорошо понимаютъ образованные люди

всего русскаго государства. Другіе талантливые малороссы либо совсѣмъ отдавали свою дѣятельность общерусской литературѣ, какъ Гоголь, либо дѣлали столько же кладовъ въ нее, сколько и въ украинскую литературу (Квитка, Кулишъ), либо посвящали большую часть своихъ силъ общерусской литературѣ (Костомаровъ, Марко Вовчокъ, Мордовцевъ). Уже изъ этого видно, что значеніе украинской литературы—ограниченное и не можетъ поравняться съ тѣмъ значеніемъ, какое принадлежитъ малорусской литературѣ въ современной Галичинѣ благодаря особымъ условіямъ жизни послѣдней и отрѣшенію ея отъ политической связи съ остальною русскою землею; потому то и галицко-русская литература превосходитъ въ настоящее время украинскую, о чемъ печатно заявилъ недавно г. Мордовцевъ. Характерно однако, далѣе, что и въ Галичинѣ, не смотря на ненависть, какую питаютъ къ общерусскому литературному языку и общерусскому государству поборники полной исключительности мѣстной литературы [1]), не возобладалъ всецѣло узкій мѣстный патріотизмъ, и не у всѣхъ утратилось живое воспоминаніе о томъ времени, когда «того старого Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ».

Украинской литературѣ не быть литературою общенародною и даже въ земляхъ, заселенныхъ исключительно или преимущественно малорусскою народностью, не занять первенствующаго мѣста, подобающаго литературѣ на томъ языкѣ, который сталъ въ силу вѣковаго теченія исторіи общерусскимъ. Потому даже мѣстное значеніе украинской литературы должно признать весьма ограниченнымъ. Но, при всемъ томъ, найдется мѣсто для малорусской литературы даже въ случаѣ все большаго и большаго распространенія общерусской грамотности. Справедливо ли было бы заграждать уста поэту, который, вдохновляясь природою роднаго юга и жизнью и поэзіею южнорусскаго народа, тѣмъ языкомъ, на которомъ «.... мати спѣвала, якъ малого сповивала, зъ малымъ розмовляла», заговоритъ рѣчью Шевченка, будетъ «думать, читать и чужому научаться й свого не цураться»? Такого рода поэзія не будетъ вступать въ конкуренцію съ общерусскою и не будетъ вытѣсняема послѣднею, потому что у нея есть своя частная сфера вдохновенія и вліянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлы ея тѣже, что и у всякой другой поэзіи. Въ этомъ смыслѣ тезисъ объ отсутствіи «широты дѣйствія» у украинской

[1]) См., напр., *Огоновскаго* Исторія литературы русской, ч. I, Львовъ 1887, Вступ.

литературы подлежитъ ограниченію, и врядъ ли можно согласиться съ мнѣніемъ, усвояющимъ украинской литературѣ роль литературы преимущественно простонародной. Противъ этого мнѣнія говоритъ не только украинская литература послѣднихъ лѣтъ, но и весь ходъ развитія новой украинской литературы.

Разсмотрѣніе этого развитія даетъ намъ, кажется, право на слѣдующее общее заключеніе объ украинской литературѣ, не вполнѣ согласное съ мнѣніемъ г. Петрова.

Въ общемъ эта литература должна быть признана не искусственнымъ, а естественнымъ продуктомъ мѣстнаго развитія. Содержаніе украинской литературы было изначала при высшей художественности творчества народное. Народная тенденція была сильна даже у такихъ поэтовъ, которыхъ, какъ Котляревскаго, заподазривали въ подслуживаніи. Изученіе народности и преимущественно народная поэзія были живымъ источникомъ украинскаго литературнаго творчества. Вслѣдствіе того украинская литература отличалась нерѣдко оригинальнымъ содержаніемъ и оригинальнымъ стилемъ и была запечатлѣна оригинальнымъ колоритомъ уже начиная съ произведеній Котляревскаго. Она начала развиваться сравнительно быстро съ 1816 г. подъ вліяніемъ углубленія самопознанія и самосознанія въ Украинѣ. Съ 30-хъ годовъ русло ея теченія значительно расширилось и количество составныхъ элементовъ ея увеличилось. Подражанія и заимствованія не могли не имѣть мѣста въ украинской литературѣ, какъ и во всякой другой, но въ общемъ эта литература подражательна настолько, насколько подражательна всякая другая новѣйшая истинно народная литература: заимствованія не устраняли народности. Послѣдняя была главнымъ двигательнымъ началомъ; различныя вліянія претворялись самостоятельно. Была, конечно, и доля искусственности въ украинской литературѣ, напр.—въ идеализаціи казачества, но исходный пунктъ этой идеализаціи заключался въ народной поэзіи, и романтическія грезы о козачествѣ выразились прежде всего въ польско-украинской поэзіи и въ общерусской (у Рылѣева и Н. Маркевича). Въ возвеличеніи прошлаго Украины въ украинской литературѣ было много чрезмѣрнаго романтическаго увлеченія (напр., въ произведеніяхъ г. Кулиша, который потомъ отрекся отъ крайностей, въ которыя впалъ), но и эта идеалистическая романтика въ Украинѣ искала постоянно связи съ реальной исторіей. Уже въ поэзіи Шевченка, начавшаго писать подъ вліяніемъ романтики, эта идеализація не была преобладающимъ мотивомъ; новѣйшіе же украинскіе

писатели значительно отрѣшились отъ романтической идеализаціи. По временамъ старались расширить искуственно содержаніе украинской литературы посредствомъ переводовъ, и въ этихъ случаяхъ иногда, дѣйствительно, проявлялось стремленіе къ рѣзкому обособленію украинской литературы не смотря на то, что прошлое Руси и славянскаго міра могло достаточно доказать вредъ разобщенія; но несправедливо объяснять всю переводную дѣятельность украинскихъ литераторовъ только стремленіемъ вывести украинскую литературу изъ рамокъ простонародности [1]). Нерѣдко дѣйствовало искреннее и безпритязательное увлеченіе поэтическимъ творче-

[1]) Въ переводахъ, какъ и оригинальныхъ произведеніяхъ, украинцы могли естественно руководиться народною гордостью въ виду тѣхъ презрительныхъ отзывовъ о «хохлахъ», которые были такъ обычны въ настоящемъ столѣтіи вплоть до 40-хъ годовъ. Къ приведеннымъ выше фактамъ такого отношенія великороссовъ къ малороссамъ можно бы прибавить рядъ другихъ. Еще въ концѣ 30-хъ годовъ, по словамъ автобіографіи Костомарова, «всякое малороссійское слово возбуждало только смѣхъ». Въ той же автобіографіи читаемъ подъ 1845 г.: «....я остановился гдѣ-то подъ Курскомъ у одного великороса, который съ какимъ то особеннымъ презрѣніемъ отзывался о хохлахъ: «Что это за народъ, — говорилъ онъ, — ни понятія, ни чувствія. Нехай! Хиба»! Р. Мысль 1885, май, 210. Въ связи съ этимъ получаетъ полное значеніе слѣдующее замѣчаніе того-же Костомарова въ «Молодикѣ на 1844 годъ» (стр. 166): «Стихотворенія Артемовскаго-Гулака. пріобрѣтшія такую извѣстность, написаны, исключая перевода Гетева Рыбака, въ пародическомъ духѣ, подобно Энеидѣ Котляревскаго.... Впрочемъ, для многихъ не столько было забавно содержаніе сочиненій Котляревскаго и Артемовскаго, сколько слова, выговоръ, обороты малороссійскаго языка. Но пришла наконецъ пора получить вѣрнѣйшее понятіе о славянской филологіи. Гребенка первый*) отошелъ отъ прежняго пародическаго направленія: этотъ даровитый писатель, сознавая, что слово, которымъ потѣшали публику Котляревскій и Артемовскій, вовсе не искаженное нарѣчіе русскаго языка, а языкъ данный судьбою въ удѣлъ 12 мил. народа, хотѣлъ въ своихъ сочиненіяхъ показать способность его къ развитію и богатство. Перевесть Полтаву Пушкина на малороссійскій языкъ — идея смѣлая, приносящая честь тому, кто первый счелъ языкъ способнымъ къ этому». — Въ примѣчаніи *) читаемъ: «Кажется не Гребенка, а Боровиковскій въ своихъ балладахъ. *Примѣчаніе корректора*». И дѣйствительно, отрывокъ изъ перевода Полтавы явился въ 1831 г. (Моск. Тел. ч. 41, 1831, № 17; др. переводъ отрывка изъ Пушкинской Полтавы см. въ Харьковскомъ Украинскомъ Альманахѣ 1831, стр. 52—54), а переводъ Свѣтланы на малорусское нарѣчіе подъ названіемъ «Маруся», принадлежавшій Л. Боровиковскому (въ журналѣ онъ подписанъ буквой В), былъ напечатанъ уже въ Вѣстн. Европы 1829, № 6 (у г. Петрова, стр. 140, сказано неточно: «въ третьей книжкѣ»). Ранѣе явилось стихотвореніе N-аго «Молодыця» (Вѣст. Европы 1828, № 9).

ствомъ иноземныхъ и русскихъ поэтовъ. Далѣе, безъ сомнѣнія такіе переѣоды, какъ переводы произведеній Гоголя, имѣютъ мало смысла помимо тенденціозности: мы считаемъ преувеличеніемъ толки о томъ, что украинскій народъ нуждается въ подобныхъ переложеніяхъ, такъ какъ де усвоеніе русскаго литературнаго языка представляетъ для него значительныя трудности; на нашъ взглядъ, въ школѣ и учебной литературѣ почти нѣтъ мѣста малорусскому нарѣчію, и народъ самъ, становясь грамотнымъ, чувствуетъ инстинктивное влеченіе къ усвоенію общерусскаго литературнаго языка и нерѣдко интересуется болѣе произведеніями на послѣднемъ, чѣмъ малорусскими книжками, но, съ другой стороны, нѣкоторые переводы, какъ, напр., переложенія басенъ, могутъ быть вполнѣ оправдываемы [1]). — Нельзя не указать, наконецъ, вмѣстѣ съ Костомаровымъ на то, что, «въ желаніи поднять малорусскій языкъ къ уровню образованныхъ литературныхъ языковъ было много искусственнаго» [2]). Въ послѣднее время эта искуственность выступила съ особою яркостью въ произведеніяхъ Старицкаго. Но, помимо искуственной культивировки и подогрѣванія украинской литературы, и содержаніе и языкъ ея постоянно отличались жизненностью. Ли-

[1]) Говорятъ, что уже Котляревскій переводилъ басни Лафонтена. Затѣмъ писалъ «Басни на малорусскомъ нарѣчіи Л. Боровиковскій. Укажемъ далѣе, на «Басни Крылова, переложенныя на малороссійское нарѣчіе О. Мазюкевичемъ» (Кіевъ, 1853) и на басни Бѣлецкаго-Носенка. Въ «Москвитянинѣ» 1855, т. II, № 8, апр., кн. 2, въ извѣст. отрудахъ Бѣлецкаго-Носенка сообщается, что басни его передѣланы «на Малороссійскій языкъ съ лучшихъ французскихъ (почти весь Ла-Фонтенъ и Флоріанъ), нѣмецкихъ и россійскихъ (Крыловъ и Дмитріевъ) баснописцевъ». Болѣе другихъ цѣнятся басни Гребенки, которыя вышли въ 1836 г. вторымъ изданіемъ. О *Приказкахъ* Гребенки Костомаровъ писалъ въ Молодикѣ на 1844 г.» (стр. 166 — 167), что онѣ «всегда прочтутся съ наслажденіемъ: авторъ явился въ нихъ не пародистомъ, не насмѣшникомъ надъ малороссійскою народностію и словомъ, но малороссійскимъ баснописцемъ и превосходно показалъ способность малороссійскаго языка къ апологическимъ сочиненіямъ». Очень цѣнитъ Приказки Гребенки и Пискуновъ въ «Прыкмета» («Пырятынська ластивка», изд. Корчакъ-Новицкаго, Кіевъ 1878, стр. 107—108): «Байкы Гребинчыни найкраща его праця... не суть (за невелыкымъ вымыкомъ) переробкы зъ Крылова и Лафонтена, або Федора и Эзопа (якъ то робылы Пп. Мазюкевычъ, Билецькый-Носенко, Л. Глибовъ, Р. Витавськый, а пизнише—п. Старицькый), а самостойни утворы вповни украинськаго пошыбу и кошту.... Его байкы... таки коштовни утворы, що имъ позавыдувалы бъ не тильки абы-хто, а и самъ Крыловъ, або Лафонтенъ». — Г. Петровъ, къ сожалѣнію, не остановился достаточно на развитіи украинской басни.

[2]) Поэзія славянъ 162.

тература эта несмотря на общедоступность изначала не была только простонародною, а въ послѣднее время въ ней дѣлается особенно много попытокъ расширить ея содержаніе, но въ общемъ это содержаніе надо признать мѣстнымъ, провинціальнымъ, а тенденцію— демократическою [1]). Украинская литература находила читателей по преимуществу въ среднихъ слояхъ общества, простой же народъ былъ причастенъ ея развитію, поскольку былъ грамотенъ и подпадалъ вліянію литературы. Что до авторовъ литературныхъ произведеній на малорусскомъ нарѣчіи, то они выходили изъ всѣхъ сословій и были въ большинствѣ случаевъ люди достаточно или весьма образованные.

Представимъ въ заключеніе общей характеристики украинской литературы оцѣнку послѣдней. — Какъ литература не общенародная, а по преимуществу провинціальная, украинская литература не часто блещетъ оригинальными мыслями, которыя выдавались бы величіемъ и возвышенностію. Но въ предѣлахъ своей болѣе скромной задачи эта литература совершила немало и принесла много пользы, поддерживая и укрѣпляя любовь къ народу, выясняя народные идеалы, воспроизводя народный бытъ. Нечего таить— бывали и крайности, которыхъ нельзя было бы оправдать, если бы онѣ внушали рознь, въ тенденціяхъ нѣкоторыхъ украинскихъ писателей [2]), но эти крайности не говорятъ противъ литературы вообще, основная тенденція которой не политическая, а чисто литературная, и которой исходный пунктъ — любовь къ родному слову и поэтическимъ произведеніямъ на родномъ нарѣчіи. Въ политическомъ отношеніи украинская литература также дѣйствовала благотворно, поскольку проясняла русское самосознаніе южноруссовъ и противопоставляла изображеніе дѣйствительныхъ польско-украинскихъ, старыхъ и новыхъ отношеній призрачнымъ и невѣрнымъ картинамъ, которыя рисовала польско-украинская школа. Не говоримъ о той общей заслугѣ, которая можетъ

[1]) На демократизмъ украинской литературы, на то, что ей мѣсто не у панов, указывалъ уже Метлинскій (Думки и пѣсни, «До васъ»).

[2]) Какъ извѣстно, тенденціозные политическіе выводы изъ романтической идеализаціи украинской старины или возгласы о послѣдней встрѣчаются и у нѣкоторыхъ второстепенныхъ украинскихъ писателей (напр., у Бодянскаго — см. въ «Молодикѣ» эпитафію его къ могилѣ Разумовскаго, или у Падурры), а выступаютъ съ особою яркостью въ поэзіи Шевченка; но нецензурныя стихотворенія послѣдняго должны быть принимаемы во вниманіе при общей оцѣнкѣ его поэзіи въ такой же мѣрѣ, въ какой могутъ вліять на оцѣнку поэзіи Пушкина нецензурныя стихотворенія послѣдняго.

быть усвояема украинской литературѣ, поскольку послѣдняя выполняла общее призваніе всякой литературы: поднимала народъ духовно, возводила его на высшую ступень человѣчности и развивала, так. образомъ, его внутреннія силы. Украинская литература не осталась безъ вліянія также на общерусскую литературу, и въ настоящемъ столѣтіи продолжалось взаимодѣйствіе обѣихъ русскихъ народностей, начавшееся въ XVII в. Такъ, украинскій юморъ далъ русской литературѣ и развилъ талантъ Гоголя, составившій весьма цѣнное пріобрѣтеніе русской литературы. Украинское народничество выдвинуло рядъ повѣстей изъ народнаго быта, какихъ не много было въ то время въ русской литературѣ и другихъ [1]). Поэзія Шевченка не прошла безслѣдно и для общерусской литературы. И т. п. Развитіе украинской литературы въ настоящемъ столѣтіи нисколько не ослабляло общерусской литературы, потому что дѣятелями украинской литературы являлись лица, которыя оказывались не столь талантливыми или даже довольно безцвѣтными писателями, какъ скоро принимались за произведенія на общерусскомъ языкѣ [2]), либо такія, которыя, удѣливъ долю своего таланта украинской литературѣ, посвящали свою дѣятельность преимущественно обще-русской литературѣ [3]), либо, наконецъ, такіе поэты, которые вовсе не выказали склонности писать на языкѣ общерусскомъ. Съ другой стороны, украинская литература, помимо произведеній болѣе крупныхъ, выдвинула рядъ мелкихъ произведеній, которыя, отличаясь художественными достоинствами, изображаютъ со всею правдивостью край и народъ, не привлекающіе и не могущіе привлекать полнаго вниманія общерусской поэзіи. Такимъ образомъ, согласуется съ интересами цѣлой русской литературы развитіе украинской отрасли ея подъ условіемъ памятованія объ единствѣ въ разнообразіи. Въ украинской литературѣ находила и находитъ полное и оригинальное художественное выраженіе даровитая народная индивидуальность, которая заявила себя въ теченіе многихъ вѣковъ стойкою защитою своихъ правъ на существованіе, находясь среди самыхъ

[1]) См. Jul. Schmidt - a Neue Bilder aus dem Geistigen Leben unserer Zeit, IV-ter B. Leipz. 1875, S. 64 fgde (статья объ Ауэрбахѣ).

[2]) Квитка, А. П. Стороженко, Шевченко. Произведенія послѣдняго на обще-русскомъ языкѣ печатались въ послѣдніе годы на страницахъ «Кіевской старины» и теперь вышли отдѣльною книгою (к. 1888). О нихъ см. ст. Пыпина въ мартовской кн. «Вѣстн. Евр.» 1888.

[3]) Марко-Вовчокъ, Мордовцевъ

тяжелыхъ обстоятельствъ, подъ владычествомъ иноземцевъ. «Привязанность къ отчизнѣ не могли искоренить даже многовѣковыя бури непосѣдной козацкой жизни: подвергаемое многочисленнымъ искушеніямъ святое чувство это только крѣпло, мужало: оно и теперь залегло основнымъ камнемъ народнаго малорусскаго характера» [1]). Самое лучшее подтвержденіе устойчивости южнорусскаго народнаго типа находимъ въ Галичинѣ: вѣковое польское угнетеніе не подавило тамъ русской народности. Теченіе исторіи и тяжкія невзгоды обособили сѣверную и южно-русскую вѣтви русскаго народа въ своеобразные типы, но разумный ходъ исторіи началъ приводить потомъ обѣ народности къ тѣснѣйшему сближенію и единенію. По мѣрѣ неизбѣжнаго сглаживанія рѣзкихъ отличій въ характерѣ обѣихъ русскихъ народностей, по мѣрѣ сближенія ихъ въ общемъ національномъ образованіи и житейскомъ общеніи, значеніе украинской литературы будетъ становиться все меньше и меньше. Но пока южно-русская народность будетъ существовать какъ обособленный типъ не только въ крестьянствѣ, но и въ среднихъ слояхъ общества, пока будетъ жива богатая мѣстная народная поэзія, пока будетъ существовать южно-русскій говоръ въ рѣзкой обособленности, до той поры можетъ внушать интересъ и находить общественную поддержку и литература на малорусскомъ нарѣчіи; до той же поры она будетъ имѣть и смыслъ. Въ «Молодикѣ на 1844 годъ» Галка (Костомаровъ) писалъ о сочиненіяхъ Квитки: «Литература, считающая въ себѣ такія творенія, не можетъ быть ничтожною: при маломъ количествѣ своихъ произведеній она счастлива, если можетъ похвалиться такими, въ которыхъ видно не какое-нибудь подражаніе чужому, не иностранныя чуждыя идеи, одѣтыя въ искаженную форму, не жалкая всеобщность, мысли всѣмъ извѣстныя, выраженныя образами всѣмъ извѣстными, но истинное изображеніе своего роднаго, со всѣмъ отпечаткомъ національнаго характера»! Мы присоединяемся къ этой оцѣнкѣ украинской литературы тѣмъ охотнѣе, что нѣкоторые изъ лучшихъ представителей этой литературы и въ томъ числѣ авторъ приведенныхъ словъ не ограничивались узкимъ кругомъ провинціальной поэзіи, не погрязали въ тинѣ узкаго провинціализма и не замыкались китайскою стѣною. Впослѣдствіи Костомаровъ зашелъ даже такъ далеко въ отрѣшеніи отъ областныхъ предрасположеній, что призналъ несостоятельною мысль «подни-

[1]) Слова А. А. Котляревскаго въ «Основѣ» 1862 г., № X.

мать малороссійскій языкъ до уровня образованнаго, литературнаго въ высшемъ смыслѣ, пригоднаго для всѣхъ отраслей знанія и для описанія человѣческихъ обществъ въ высшемъ развитіи» [1]).

VII.

Группировка украинскихъ писателей и дѣленіе на періоды въ книгѣ г. Петрова.

Предыдущее изложеніе показало, думаемъ, достаточно, какъ неудачна попытка г. Петрова выяснить общій ходъ развитія украинской литературы и тѣ основныя теченія, которыя обусловливали это развитіе, какъ односторонне г. Петровъ старался приурочить эти основныя теченія къ главнымъ направленіямъ общерусской литературы. Онъ не поднялся до широкаго созерцанія всего литературнаго движенія XIX в. и обыкновенно отводилъ мѣсто произведеніямъ украинской литературы вслѣдъ за общими теченіями русской литературы, мало обращая вниманіе на мѣстныя условія и постороннія вліянія. Теперь мы покажемъ, какъ вслѣдствіе невѣрнаго общаго представленія о ходѣ развитія украинской литературы и по причинѣ неосновательности принятой г. Петровымъ классификаціи оказались не вполнѣ вѣрными и отчетливыми разграниченія и общія опредѣленія и характеристики періодовъ, на которые г. Петровъ раздѣлилъ исторію украинской литературы, и какъ не всегда вѣрно г. Петровъ распредѣлялъ украинскихъ писателей по составленнымъ имъ группамъ. Эти писатели, благодаря разнообразію ихъ произведеній, весьма часто не подходятъ подъ тѣ ярлыки, какими надѣляетъ ихъ г. Петровъ, заимствовавшій готовыя рубрики изъ исторіи общерусской литературы. Вслѣдствіе того данные г. Петровымъ отдѣльные очерки жизни и литературной дѣятельности украинскихъ писателей подрываютъ иногда классификацію, положенную въ основу книги г. Петрова.

Развивъ разсужденія г. Кулиша о такъ наз. Котляревщинѣ, о подражаніяхъ Котляревскому, г. Петровъ помѣстилъ этого поэта и рядъ писателей, отнесенныхъ въ число подражателей ему, въ первый періодъ XIX в. Названіе, данное этому періоду: «Псевдоклассическая украинская литература нынѣшняго вѣка и реакція псевдоклассицизму», мало соотвѣтствуетъ большинству произведе-

[1]) Поэзія славянъ, 162.

ній тѣхъ писателей, которые зачислены въ этотъ отдѣлъ. Было основательно замѣчено, что псевдоклассицизмъ, который имѣлъ довольно силы въ литературѣ XVIII в., былъ весьма слабъ въ литературѣ XIX в. Въ частности въ украинской литературѣ онъ совсѣмъ не имѣлъ силы. Мы не знаемъ, кто изъ украинскихъ поэтовъ XIX в. можетъ назваться приверженцемъ псевдоклассицизма. Писаніе басенъ, передѣлка немногихъ античныхъ сюжетовъ на совершенно новый и народный ладъ не даютъ права на пріуроченіе къ псевдоклассическому направленію. Мы видѣли, что Котляревскимъ была написана одна ода, но она отличается отъ другихъ одъ [1]) и вполнѣ народна по содержанію, если не по формѣ. Такимъ образомъ, изъ заглавія, даннаго г. Петровымъ украинской литературѣ перваго періода, можно удержать лишь вторую часть его: «реакція псевдоклассицизму», но и это послѣднее заглавіе можно принять лишь въ самомъ широкомъ смыслѣ и тогда оно не охарактеризуетъ надлежаще тѣхъ писателей, которые будутъ соединены подъ этой рубрикой. Сементовскій совершенно справедливо назвалъ Котляревскаго въ 1846 г. «народнымъ поэтомъ». Самъ г. Петровъ замѣтилъ на стр. 86: «у И. П. Котляревскаго въ его оперѣ «Наталка-Полтавка» замѣчается значительное присутствіе сентиментальнаго элемента, роднящаго ее съ сентиментальными повѣстями Карамзина и Жуковскаго». Ясно изъ этихъ словъ, что если Котляревскаго отчислять за «Энеиду» къ фалангѣ реакціи псевдоклассицизму, то за Наталку-Полтавку его надо помѣстить въ ряду сентименталистовъ; всецѣло нельзя причислить его ни къ одному изъ этихъ разрядовъ, а между тѣмъ г. Петровъ помѣстилъ Котляревскаго въ главу о псевдоклассицизмѣ и реакціи послѣднему. Авторъ считаетъ, повидимому, и оперетки произведеніями того литературнаго направленія, которое назвалъ реакціею псевдоклассицизму [2]). Потому-то вѣроятно г. Петровъ отнесъ къ первой, самой ранней, группѣ украинскихъ писателей не только Гоголя-отца, но и Кухаренка. Г. Петровъ находитъ, что и оперетта Кухаренка «Черноморській побитъ» написана по подражанію оперѣ Котляревскаго «Наталка-Полтавка» (стр. 85). Намъ кажется, что пьеса Кухаренка не столь близка къ

[1]) См. «Новь» 1885, т. II, № 5, стр. 127 — 128. Въ этой одѣ на ряду съ отстаиваніемъ народныхъ интересовъ находимъ юморъ; она полна реальности и добродушія.

[2]) Наше мнѣніе объ операхъ изъ народнаго быта см. выше въ гл. II и III.

оперетѣ Котляревскаго, какъ утверждаетъ г. Петровъ; она представляетъ рядъ картинъ мѣстнаго быта, какъ то показываетъ самое названіе ея. Во всякомъ случаѣ Гоголь-отецъ и Кухаренко совершенно не подходятъ подъ общее опредѣленіе, подъ какое подведены г. Петровымъ. Равнымъ образомъ лишь въ отдаленномъ литературномъ родствѣ съ Котляревскимъ состоитъ Гулакъ-Артемовскій. Онъ противополагалъ себя автору Энеиды и избралъ самостоятельный путь, какъ самъ заявилъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1827 г. Гулака-Артемовскаго слѣдуетъ сближать не только съ Котляревскимъ, но и съ Квиткою, съ которымъ Гулакъ-Артемовскій былъ въ дружескихъ отношеніяхъ [1]). Литературная дѣятельность Гулака-Артемовскаго точно также не можетъ быть подведена въ тѣсномъ смыслѣ подъ рубрику «псевдоклассическая литература нынѣшняго вѣка и реакція псевдоклассицизму», какъ и дѣятельность Котляревскаго. Самъ г. Петровъ замѣтилъ: «Артемовскій имѣетъ значеніе въ исторіи украинской литературы не только какъ комическій и сатирическій писатель въ классическомъ стилѣ, но и какъ одинъ изъ первыхъ представителей украинскаго романтизма (стр. 66)... Теперь мы можемъ указать стихотворенія Гулака-Артемовскаго, въ которыхъ менѣе всего заключаются насмѣшки и пародіи... (стр. 69). Въ произведеніяхъ послѣдняго рода Гулакъ-Артемовскій является передовымъ дѣятелемъ украинской литературы и прокладываетъ въ ней путь новому романтическому направленію» (стр. 71). О Думитрашковѣ г. Петровъ замѣтилъ, что онъ «подаетъ руку романтическому направленію въ украинской литературѣ» (стр. 77), поскольку заимствовалъ содержаніе своихъ легендъ и балладъ изъ быта и вѣрованій простаго народа.

О неосновательности выдѣленія изъ ряда украинскихъ писателей особой группы сентименталистовъ съ Квиткою во главѣ мы говорили выше. Отрѣшеніе сентиментальнаго направленія *въ украинской литературѣ* отъ романтическаго лишено основанія. Самъ г. Петровъ говоритъ, что во время появленія «Наталки-Полтавки» «въ русской литературѣ сентиментализмъ дошелъ уже до своихъ крайностей и замѣтно переходилъ въ новое направленіе романтическое» (стр. 86 — 87). Собственно говоря оба направленія изна-

[1]) Ср. у г. Петрова на стр. 70 и 99. Ср. ниже — въ VIII-й главѣ настоящей рецензіи.

чала были тѣсно связаны одно съ другимъ въ дѣятельности Карамзина и Жуковскаго. Во время спора романтиковъ съ классиками въ началѣ настоящаго столѣтія нѣкоторые опредѣляли романтизмъ, какъ «сантиментальный идеализмъ». — О томъ, какъ смотрѣть на писателя, котораго г. Петровъ поставилъ во главѣ украинскихъ сентименталистовъ, — на Квитку — у насъ была рѣчь выше. Не касаясь другихъ сентименталистовъ, замѣтимъ лишь, что Кириллъ Тополи съ такимъ же правомъ могъ бы назваться у г. Петрова романтикомъ какъ и сентиментальнымъ писателемъ.

Слѣдующія двѣ группы произведеній украинской литературы носятъ у г. Петрова названія: «Романтико-художественная украинская литература» и «Украинскій націонализмъ или національная школа въ украинской литературѣ». Смыслъ этого раздѣленія намъ не вполнѣ ясенъ. Мы говорили ранѣе, что такое разграниченіе врядъ ли правильно. Такъ, напримѣръ, А. Л. Метлинскій причисленъ г. Петровымъ къ романтикамъ, но съ не меньшимъ основаніемъ его можно было бы помѣстить въ группу націоналистовъ, а также отнести къ панславистамъ. Вѣдь нельзя же сказать, что только тѣ писатели, которые получили у г. Петрова кличку «націоналистовъ», «обозрѣвали Малороссію только какъ часть единой нераздѣльной Россіи» (стр. 231). Г. Петровъ не указалъ, съ другой стороны, какъ повліялъ націонализмъ на малорусскія произведенія писателей, руководившихся послѣднимъ, напр. А. П. Стороженка. Произведенія Стороженка г. Петровъ сближаетъ съ произведеніями Н. В. Гоголя, но замѣчаетъ также соприкосновеніе ихъ съ произведеніями нѣкоторыхъ чисто украинскихъ писателей. Г. Петровъ говоритъ (стр. 218): «всѣ разсказы и повѣсти Стороженка съ этнографическимъ и бытовымъ содержаніемъ отличаются веселымъ комизмомъ и служатъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ прежней каррикатурной и комической литературной дѣятельности Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго и др., но съ тою существенною разницею, что тэмы для своихъ комическихъ разсказовъ Стороженко заимствовалъ изъ устной народной словесности и иногда пользовался мотивами народныхъ сказаній». Не было ли бы удобнѣе выдѣлить нѣкоторыхъ писателей, напр. Н. В. Гоголя, Стороженка, Раевскаго, Свидницкаго, въ особую группу украинскихъ беллетристовъ-изобразителей народнаго быта и воспроизводителей народныхъ преданій и повѣрій?

Оставляя въ сторонѣ тѣхъ писателей, которыхъ г. Петровъ назвалъ не совсѣмъ удачно украинскими славянофилами (см. о нихъ выше—въ V-й главѣ настоящей рецензіи, гдѣ мы указали на то, что славянофильское ученіе не составляло главнаго содержанія произведеній Костомарова, Кулиша и Шевченка), мы перейдемъ къ той украинской литературѣ, которую г. Петровъ разсматриваетъ въ концѣ своего очерка, какъ «новѣйшую». Г. Петровъ не далъ болѣе опредѣленнаго обозначенія этому періоду. Это объясняется тѣмъ, что онъ не выдѣлилъ отчетливо характерныхъ чертъ «новѣйшей украинской литературы», какъ и не установилъ удовлетворительно начальную грань этого періода (начинать его съ 60-хъ годовъ не основательно хотя бы уже потому, что Марко-Вовчокъ начала писать въ концѣ 50-хъ годовъ). Г. Петровъ указалъ въ «новѣйшей украинской литературѣ» такія особенности, которыя замѣчаются и у писателей предыдущаго періода. По мнѣнію г. Петрова, «первою насущною потребностію новѣйшей украинской литературы, вмѣстѣ съ русскою литературою, стало—доказывать и защищать человѣческое достоинство и человѣческія права простаго народа».... Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости «явилась особенная нужда въ ознакомленіи и сближеніи привиллегированныхъ классовъ съ народомъ, для чего потребовалось съ одной стороны изучить бытъ народа въ многоразличныхъ его отношеніяхъ, съ другой стороны — возвысить его умственно и нравственно путемъ образованія» (стр. 369). Началось изданіе «учебныхъ пособій украинскихъ для народнаго обученія» и «популярныхъ малорусскихъ книжекъ для народнаго употребленія» (стр. 370). Съ И. С. Левицкаго «уже начинается нѣкоторый поворотъ въ простонародномъ направленіи украинской литературы, которая теперь, послѣ фактическаго уничтоженія крѣпостнаго рабства, занимается изображеніемъ другихъ неблагопріятныхъ соціально общественныхъ условій крестьянскаго и вообще простонароднаго быта» (стр. 371).— Если приглядимся къ украинской литературѣ Николаевскаго времени, то замѣтимъ уже тамъ начало всего того, что г. Петровъ усвояетъ новѣйшей литературѣ. Въ общерусской литературѣ «тѣ писатели, которыхъ хотятъ теперь заносить въ спеціальную группу народничества, приписывать имъ какъ бы *новое* литературное *направленіе*, въ дѣйствительности бывали достойными продолжателями ранѣе начатаго дѣла» [1]). То же должно сказать и

[1]) Вѣстникъ Европы 1884, авг., ст. Пыпина: «Беллетристъ-народникъ шестидесятыхъ годовъ», стр. 653. О беллетристахъ—народникахъ русской

объ украинскомъ народничествѣ. То, что г. Петровъ отмѣчаетъ въ новѣйшей украинской литературѣ какъ стремленіе къ народному благу, было присуще и дѣятелямъ прежняго времени. Начать должно со Сковороды, старавшагося дѣйствовать не только сочиненіями, но и живою рѣчью и своею жизнію и со всею смѣлостью протестовавшаго противъ злоупотребленій. Одно изъ изреченій Сковороды гласило: «Рыба отъ головы начинаетъ портиться». Не касаясь малорусскихъ книгъ, предназначавшихся для народа въ прошломъ столѣтіи [1]), укажемъ на популярныя книжки Максимовича и Квитки [2]). «Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ» Максимовича была замѣчательнымъ явленіемъ въ свое время, первымъ опытомъ разумной и вмѣстѣ занимательной книги для народнаго чтенія. «*Сельское чтеніе*, первая книжка, составленная изъ трудовъ: Ѳ. Вельтмана, И. С. Волкова, И. И. Даля, Н. М. Загоскина, К. Ѳ. Энгельке, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ», книжка, пользовавшаяся значительнымъ успѣхомъ [3]), явилось 10 лѣтъ спустя по выходѣ въ свѣтъ книжки Максимовича. Что до «Листовъ» Квитки, то они не очень цѣнились [1]), но помимо того важно отношеніе Квитки къ народу [2]). Итакъ, стремленія, указанныя г. Петровымъ, какъ отличительныя черты новѣйшихъ украинскихъ дѣятелей, возникли ранѣе и не были прежде менѣе практичны. Въ послѣднія десятилѣтія они только сообщились бо́льшему количеству личностей. Новѣйшую украинскую литературу отличаютъ отъ прежней появленіе соціальной повѣсти и романа [3]), изображеніе не только малорусскаго простонародья, но и среднихъ классовъ южнорусскаго населенія, и нерѣдка проявляющіяся попытки характеризовать представителей и представительницъ южнорусской интеллигенціи [4]). Слѣдовательно, украинская литература расширилась въ послѣднее время. — Въ распредѣленіи украинскихъ писателей послѣднихъ десятилѣтій по періодамъ замѣчаемъ такъ же невыдержанность, какъ и въ отношеніи къ писателямъ первыхъ десятилѣтій настоящаго вѣка. Относительно Щоголева самъ г. Петровъ замѣтилъ, что этотъ писатель [5]) является представителямъ новѣйшей украинской литературы, занимающейся, «послѣ фактическаго уничтоженія крѣпостнаго рабства, изображеніемъ другихъ неблагопріятныхъ соціально-общественныхъ условій крестьянскаго и вообще простонароднаго быта», – лишь «отчасти въ позднѣйшей своей поэтической дѣятельности» (стр. 371) [6]). Приводя это замѣчаніе г. Петрова, мы имѣемъ

литературы недавно явилась монографія А. Скабичевскаго: «Беллетристы-народники (Рѣшетниковъ, Левитовъ, Гл. Успенскій, Златовратскій и пр.)» С.-Пб. 1887.

[1]) Интересно, что во второй половинѣ прошлаго вѣка была напечатана «Книжица для господарства», предназначенная не для пановъ, а для «посполства Волынскаго, Кіевскаго, Подольскаго и Брацлавскаго воеводствъ». Въ польскомъ предисловіи къ ней прямо указывается, что книга эта была составлена для простаго народа и потому изложена на его языкѣ и напечатана славянскимъ шрифтомъ, «какъ знакомымъ большей части народа». Преподается совѣтъ «владѣльцамъ городовъ и селъ, чтобы они заставляли своихъ подданныхъ смолоду упражняться въ русскомъ чтеніи, чтобы давались имъ для чтенія такія книги, въ которыхъ изложены хозяйственные совѣты, какъ напр. настоящая о поданіи помощи больнымъ животнымъ». Авторъ обращается и къ настоятелямъ греческаго обряда, говоритъ, что они «должны стараться о преуспѣяніи блага отечества», говоритъ о просвѣщеніи простаго и бѣднаго люда». Языкъ этой книжки—малорусскій, но въ немъ встрѣчаются по мѣстамъ полонизмы (преимущественно въ техническихъ обозначеніяхъ). Авторомъ книги могъ быть подольскій полякъ послѣдняго времени Рѣчи-Посполитой. См. «Кіевскую Старину» 1884 г., іюльскую кн., замѣтку Неймана: «Любопытная книжица XVIII столѣтія».

[2]) См. объ этихъ книжкахъ въ брошюрахъ г. Сумцова: «Новѣйшая поэзія, какъ образовательное средство для крестьянъ», Харьк. 1884, стр. 3; «Князь В. Ѳ. Одоевскій», Харьк. 1884, стр. 21 — 22.

[3]) Въ 1848 г. 1-я книга «Сельскаго чтенія» вышла седьмымъ изданіемъ.

[1]) См. неблагопріятное сужденіе о «Листахъ» въ «Современникѣ», т. LXXXV, 76.

[2]) Вотъ какъ выразился Срезневскій о Квиткѣ въ рѣчи при погребеніи его: «Подумаемъ ли о народѣ, о томъ, какъ важно для блага общаго распространеніе въ немъ истинъ Вѣры и Науки, правилъ мысли и жизни, — и вспомнимъ, что онъ одинъ изъ первыхъ въ Украинѣ сталъ думать объ этомъ, старался всѣми силами содѣйствовать этому, участвовалъ и въ открытіи народныхъ училищъ, жертвовалъ и трудомъ и имуществомъ для заведенія народной библіотеки, самъ брался за перо и писалъ для народа живымъ народнымъ языкомъ, такъ что заставлялъ и глубоко чувствовать, и глубоко задумываться самаго простаго селянина, дотолѣ не понимавшаго силы слова».

[3]) Лишь въ очеркѣ дѣятельности Левицкаго г. Петровъ отмѣтилъ, что этотъ писатель «положилъ начало романамъ соціальнымъ» (стр. 394).

[4]) Костомаровъ, какъ извѣстно, находитъ, что спеціально южнорусской интеллигенціи нѣтъ вовсе.

[5]) Онъ началъ свою литературную дѣятельность уже въ 40-хъ годахъ, писалъ для «Ластовки» Гребенки, «Молодика» Бецкаго и др.

[6]) Ср. на стр. 429: «Тогда какъ первыя его стихотворенія отчисляются къ школѣ украинскаго художественнаго романтизма,—послѣднія его произведенія относятся къ новѣйшему направленію украинской литературы съ соціально-общественнымъ направленіемъ и характеромъ».

въ виду показать словами самого автора неудобства принятаго имъ распорядка. Укажемъ и другой примѣръ. Глѣбовъ, печатавшій свои произведенія въ 40-хъ и 50-хъ годахъ [1]), врядъ ли можетъ быть причисляемъ къ представителямъ новѣйшей украинской литературы. Съ другой стороны, желая соблюсти вѣрность принятой схемѣ, г. Петровъ помѣстилъ въ отдѣленіе націоналистовъ Петра Раевскаго, принадлежащаго новѣйшему періоду. А между тѣмъ Раевскій, по словамъ г. Петрова (стр. 229), «въ своихъ украинскихъ эпизодахъ, сценахъ и разсказахъ является въ значительной мѣрѣ реалистомъ, послѣдователемъ того направленія въ нашей литературѣ, которое начато Гоголемъ и въ настоящее время имѣетъ своимъ представителемъ Глѣба Успенскаго».

Итакъ, г. Петровъ, попытавшись распредѣлить матеріалъ, который былъ въ его распоряженіи, принялъ отчасти то дѣленіе на періоды, которое встрѣчается и въ курсахъ исторіи русской литературы, а отчасти дополнилъ его тѣмъ, какое нашелъ у предшествовавшихъ ему обозрѣвателей украинской литературы. Добытая такъ схема оказывается непригодною. Пріуроченіе авторовъ къ искусственно установленнымъ періодамъ лишило классификацію хронологической послѣдовательности, а распорядокъ, установленный по внутреннимъ признакамъ, не сообщаетъ надлежащаго понятія о главныхъ двигательныхъ началахъ украинской литературы.

Неудовлетворительность размѣщенія писателей по группамъ у г. Петрова зависѣла также отчасти отъ того, что авторъ не выяснилъ себѣ отчетливо существенныхъ признаковъ тѣхъ категорій, подъ которыя подводилъ дѣятелей украинской литературы. У г. Петрова оказываются по мѣстамъ сбивчивыми общія характеристики литературныхъ направленій.

Такъ, г. Петровъ не отграничилъ ясно сущность и особенности того направленія, которое называютъ романтическимъ. Г. Петровъ представилъ опредѣленіе этого направленія въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги, но ни въ одномъ изъ его замѣчаній не находимъ отчетливой и вѣрной характеристики романтизма, и по прочтеніи указанныхъ страницъ труда г. Петрова можно сказать то же, что сказалъ онъ самъ, приступая къ выясненію сущности романтики: «романтизмъ — слово довольно неопредѣленное».

[1]) Укажемъ здѣсь кстати, что приведенное г. Петровымъ въ переводѣ Гербеля стихотвореніе Щоголева нѣсколько напоминаетъ «украинскую пѣсню» «Кіевскій козакъ», помѣщенную въ «Вѣсти. Европы» 1827, № 8.

На стр. 66 читаемъ по поводу романтическихъ стихотвореній Гулака-Артемовскаго: «Въ западной Европѣ романтизмъ или новоромантизмъ имѣлъ важнѣйшими представителями своими Гёте, Шиллера и Байрона и отразился у насъ въ Россіи въ поэзіи Пушкина и Лермонтова, а у поляковъ—въ поэзіи Мицкевича. Этотъ-то романтизмъ, затрогивающій лучшія стороны человѣческаго бытія, но безъ опредѣленныхъ очертаній, нашелъ себѣ долю сочувствія въ сердцѣ Гулака-Артемовскаго»... Въ этихъ строкахъ, во 1-хъ, находимъ неточность въ указаніи на главныхъ представителей западно-европейской романтики (Гёте и Шиллеръ не могутъ быть названы таковыми—см. ниже) и, во 2-хъ, опредѣленіе романтизма не заключаетъ—употребимъ выраженіе самого г. Петрова — «опредѣленныхъ очертаній».

Опуская сказанное г. Петровымъ на стр. 87, гдѣ идетъ рѣчь преимущественно о Жуковскомъ, переходимъ къ главнымъ замѣчаніямъ г. Петрова о романтизмѣ,—на стр. 123—126. Въ этихъ замѣчаніяхъ г. Петровъ не обнаружилъ полной самостоятельности. Онъ призналъ за лучшее обратиться за разъясненіемъ сущности «новоромантизма» къ одному изъ представителей послѣдняго.

Пріемъ этотъ неудаченъ. Начинатели извѣстнаго литературнаго движенія обыкновенно чувствуютъ инстинктивно потребность новизны, но не могутъ ясно опредѣлить сущность этого новаго движенія. Потому-то и рискованно опредѣлять какое-нибудь литературное движеніе, вызрѣвающее постепенно и вполнѣ опредѣляющееся лишь въ моментъ апогея, словами одного изъ его вожаковъ въ началѣ дѣятельности.

Въ отношеніи къ новой романтикѣ такой способъ опредѣленія долженъ быть признанъ въ особенности несостоятельнымъ: романтика представляла собою весьма сложное явленіе, которое подлежитъ уясненію лишь подъ условіемъ наблюденія на значительномъ протяженіи.

Какъ извѣстно, въ русской литературѣ въ 20-хъ и отчасти въ 30-хъ годахъ велись самые ожесточенные споры по вопросу о классицизмѣ, романтизмѣ и народности [1]). Они отзывались даже

[1]) И на западѣ среди споровъ, возбужденныхъ романтическимъ движеніемъ, поднималась рѣчь о народности. Такъ, въ анонимномъ разсужденіи: «Essai sur la littérature romantique», Paris (1825) говорится о средневѣковой французской литературѣ: «Dénuée sans doute de ce genre de variété et de profondeur que donnent seule l'abondance des lumières et l'habitude de la réflexion elle étoit du moins en parfaite harmonie avec le génie de la nation».

на страницахъ оффиціальныхъ журналовъ [1]), а также дѣлались достояніемъ сатирической литературы [2]).

Въ польской литературѣ появленіе романтики ознаменовалось такимъ же хаотическимъ столкновеніемъ мнѣній по вопросу о классицизмѣ и романтизмѣ. Особенности романтики, какъ онѣ сказывались въ нѣмецкой литературѣ, были указаны довольно отчетливо уже за нѣсколько лѣтъ до появленія знаменитой статьи Мицкевича «O poezyi romantycznej», — Бродзинскимъ въ статьѣ «O klasyczności i romantyczności» (1818) [3]). Точно также ранѣе Мицкевича Бродзинскій формулировалъ знаменитый призывъ Мицкевича «Miej serce i patrzaj w serce!». Въ своемъ стихотвореніи «O poezyi» Бродзинскій указывалъ на значеніе сердца и чувства въ поэзіи:

Niech na wieki kraine poetów zaniecha,
Kto nie zna krain prawdy, komu obce serce.

Къ 1825 г. относится статья Лелевеля «O romantyczności. Z powodu drugiego Numeru Dziennika Warszawskiego» [4]), отличающаяся трезвостію сужденій. Разсужденіе Мицкевича въ обращеніи къ Варшавскимъ критикамъ [5]) напоминаетъ мнѣніе Мохнацкаго о классицизмѣ, выраженное три года ранѣе.

Г. Петровъ, желая опредѣлить сущность новой романтики, не обращался къ этой статьѣ Мицкевича, предпосланной въ 1829 г. Петербургскому изданію его стихотвореній, и лишь принялъ во вниманіе предисловіе Мицкевича къ первому (Виленскому) изданію стихотвореній Мицкевича (1822) [6]). Почему г. Петровъ

[1]) См., напр., ст. «О народности въ литературѣ» въ Ж. М. Н. Пр. 1834 г.

[2]) См., напр., Д. Сигова — Умственная революція, или война романтизма съ классицизмомъ, М. 1831.

[3]) См. Хмѣлёвскаго Ad. Mickiewicz, I, 147.—Въ своей статьѣ 1818 г. Бродзинскій возставалъ противъ мнѣнія, по которому романтическая поэзія имѣла мѣсто лишь въ средніе вѣка: Бродзинскій указывалъ на то, что первобытная поэзія всякаго народа также можетъ быть причисляема къ романтической. Ср мнѣніе о романтизмѣ Deschanel-я, автора монографіи «Le romantisme des classiques».

[4]) Статья эта была напечатана въ Bibl. Polska 1825 г.; перепечатана въ Polska dzieje i rzeczy jéj rozpatrywane przez Joachima Lelewela. T. XVIII, Pozn. 1865, str. 137—152.

[5]) Подробно о нападеніи Мицкевича на классиковъ говорится въ ст. Бигелейзена въ «Przegląd Tygodniomy» 1885.

[6]) Оба разсужденія Мицкевича перепечатаны и въ недавно вышедшемъ Варшавскомъ изданіи «Poezye Adama Mickiewicza» (Nowe uzupełnione wydanie ułożone przez P. Chmielowskiego), t. I, 1886, str. 37—73.

взялъ за исходный пунктъ своего опредѣленія романтики разсужденіе, которымъ Мицкевичъ оправдывалъ въ годы юности свое выступленіе въ качествѣ романтика, намъ непонятно въ виду указаннаго нами отношенія разсужденія Мицкевича къ статьямъ другихъ польскихъ критиковъ, а также въ виду того, что опредѣленіе романтики, къ которому Мицкевичъ старался подойти исторически, не было основано на такомъ обстоятельномъ и отчетливомъ изученіи исторіи поэзіи, какъ нѣмецкія опредѣленія (Шлегеля, Бутервека, Эбергарда), на которыя ссылался польскій поэтъ, и не отличалось особыми достоинствами. Въ разсужденіи Мицкевича немало недомолвокъ и неточностей, которыя могутъ ввести въ заблужденіе читателей. Такъ, нельзя сказать, что средневѣковая романтика была совершенно подавлена французскимъ псевдоклассицизмомъ. Эта романтика не умирала въ новыхъ литературахъ и имѣла мѣсто въ періодъ псевдоклассицизма даже въ самой Франціи; достаточно указать на элементы романтики у Корнеля,—на то, что Мольера совершенно ошибочно причисляли къ классикамъ чистой воды, наконецъ—на то, что въ вѣкъ Людовика XIV происходила ожесточенная борьба такъ наз. anciens et modernes. Сверхъ того г. Петровъ передалъ не совсѣмъ отчетливо содержаніе «Przemow»-ы Мицкевича; онъ не извлекъ изъ этого предисловія замѣчаній, которыя наилучше характеризуютъ романтику. Такъ, не указано, что Мицкевичъ строго отнесся къ латинской поэзіи и не призналъ ея народною; не приведены ясно основанія, по которымъ Мицкевичъ осуждалъ французскую псевдоклассическую поэзію: Мицкевичъ примкнулъ ко взгляду, по которому поэзія должна занимать воображеніе и трогать сердце, и не одобрялъ французской поэзіи за подавленіе въ ней воображенія, за дидактичность, за неудачныя описанія, отличающіяся разсудочностію и холодностію, за придавленность чувства, за прозаичность, напыщенность, условность. — Какъ скоро г. Петровъ удѣлилъ особое вниманіе взгляду Мицкевича на романтику, онъ долженъ былъ также имѣть въ виду стихотвореніе Мицкевича «Romantyczność», напечатанное въ томъ собраніи стихотвореній, которому предшествовало разсужденіе «O poezyi romantycznej». Въ «Romantyczność» выдвигаются «czucie i wiara»; Мицкевичъ говоритъ:

Dziewczyna czuje — odpowiadam skromnie —
A gawiedź wierzy głęboko;
Czucie i wiara silniej mówi do mnie,

Niż mędrca szkiełko i oko.
Martwe znasz prawdy, nieznane dla ludu,
Widzisz świat w proszku, w każdej gwiazd iskierce;
Nie znasz prawd żywych, nie obaczysz cudu!
Miej serce i patrzaj w serce.

Такимъ образомъ, Мицкевичъ возстановлялъ права присущаго человѣческой душѣ влеченія къ чудесному, таинственному, требовалъ равновѣсія въ поэзіи, ставилъ чувство и вѣру рядомъ съ разумомъ, выдвигалъ права фантазіи рядомъ съ правами разсудка, стоялъ за право общенароднаго творчества; важно было, что Мицкевичъ опирался въ своихъ балладахъ на народныя пѣсни и преданія. Все это не отмѣчено достодолжнымъ образомъ у г. Петрова.

Изложивъ мнѣніе Мицкевича о сущности новаго романтизма, г. Петровъ говоритъ затѣмъ: «Сущность этого новоромантизма, смѣшаннаго съ другими направленіями литературы и поэзіи(?), нѣкоторые новѣйшіе писатели(?) понимаютъ какъ гармоническое сочетаніе въ новѣйшемъ художественномъ идеалѣ романтической глубокой жизни души и классической красоты формы. Поэтому, новоромантизмъ вѣрнѣе слѣдуетъ назвать художественнымъ романтизмомъ». Это новое опредѣленіе должно быть признано неудачнымъ вслѣдствіе неопредѣленности и растяжимости его. Подъ него подойдутъ и такія произведенія какъ «Сидъ» Корнеля и «Мизантропъ» Мольера. Сверхъ того авторъ упустилъ изъ виду борьбу многихъ романтиковъ противъ господства классической формы; вѣроятно, по причинѣ такой борьбы Пушкинъ со свойственною ему мѣткостію назвалъ романтизмъ «парнасскимъ аѳеизмомъ» (Посланіе Арк. Гавр. Родзянко. 1826). О сочетаніи романтическаго содержанія съ классическою формою говорили преимущественно не прямые поборники романтики, а лишь люди средней партіи, мирившіеся съ «классическимъ романтизмомъ». Такого рода примиреніе провозглашалось и въ польской литературѣ 20-хъ годовъ [1]) и въ нашей.

Намъ кажется, далѣе, неосновательнымъ и то, что г. Петровъ говоритъ въ концѣ своего общаго опредѣленія «новоромантизма»: «Нѣкоторые представители его вели борьбу противъ французскаго псевдоклассицизма, чтобы возстановить дѣйствительное классическое образованіе, какъ оно было въ Греціи. Греческая поэзія, греческая философія въ дѣлѣ новоромантическаго движенія нерѣдко были руководительными началами». Романтики, дѣйствительно, увлекались Гомеромъ, но — въ такой же мѣрѣ, въ какой увлекались Оссіаномъ; послѣдній привлекалъ иногда ихъ вниманіе ранѣе Гомера. Мицкевичъ отзывался съ энтузіазмомъ о греческой поэзіи и искусствѣ, потому что находилъ въ нихъ гармоническое выраженіе всѣхъ душевныхъ силъ, и однакоже не произведенія античнаго искусства послужили ему руководительнымъ началомъ. Желательно было бы знать, какихъ *романтиковъ* въ полномъ смыслѣ этого слова разумѣлъ г. Петровъ, когда утверждалъ, что «греческая поэзія, греческая философія въ дѣлѣ новоромантическаго движенія были руководительными началами». Если судить по предыдущему и послѣдующему изложенію, г. Петровъ имѣлъ въ виду въ приведенныхъ словахъ Гёте и Шиллера, которыхъ считаетъ настоящими романтиками. Но Гёте и Шиллеръ склонялись къ романтическимъ началамъ лишь въ непродолжительные моменты своей дѣятельности, и истинно романтическіе писатели, воспользовавшіеся этими начатками въ творчествѣ Гёте и Шиллера, разошлись затѣмъ съ этими корифеями нѣмецкаго Возрожденія конца XVIII в. и пошли инымъ путемъ. Гёте потомъ призналъ здоровымъ направленіе классическое, а романтическое объявилъ болѣзненнымъ [1]). Что до Шиллера, то онъ любилъ изъ классическихъ писателей въ особенности Виргилія [2]), и вообще воздѣйствіе классическихъ писателей на него весьма умѣрялось вліяніемъ новыхъ, между проч.— французскихъ. Въ періодъ дружества Гёте и Шиллера и въ послѣдующее время авторъ «Фауста» не выказывалъ въ своей поэзіи особаго вниманія къ интересамъ ближайшей современности, и потому намъ непонятно замѣчаніе г. Петрова: «Въ Германіи новоромантика, въ лицѣ Гёте и Шиллера, опиралась на классическую древность и тоже имѣла въ виду насущныя потребности настоящаго времени».

[1]) J. F. Królikowski въ Познанской Mrówce указывалъ на то, что не всякая романтичность противоположна классицизму.

[1]) См. хотя бы ст. Waetzoldt-a: «Goethe und die Romantik» въ 1 Heft IV-го т. «Berichte des Freien Deutschen Hochstifts» и въ отдѣльномъ оттискѣ въ брошюрѣ: Zwei Goethevorträge, Berl. 1888; здѣсь показано, какъ Гете возвышался надъ романтикою.

[2]) См. въ особенности ст. Hauff-a: «Schiller und Vergil» въ «Zeitschr. für Vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur», N. F., I Bd. 1-tes Heft; здѣсь указаны и другія статьи объ отношеніи Шиллера къ Виргилію.

Итакъ, мы находимъ у г. Петрова блѣдную и довольно неопредѣленную характеристику романтики. Въ извиненіе г. Петрова можно сказать, что слово «романтическій» принадлежитъ къ числу терминовъ, употребляемыхъ въ большинствѣ случаевъ безъ яснаго представленія. Смыслъ этого названія доселѣ не ясенъ для многихъ. Лучшее средство для устраненія этой сбивчивости—выясненіе послѣдовательнаго употребленія слова «романтическій». Опыты такого выясненія уже имѣются, но они не достигли еще широкой извѣстности.

Представивъ общее опредѣленіе новоромантическаго литературнаго движенія, г. Петровъ кратко характеризуетъ затѣмъ своеобразные оттѣнки «гармоническаго сочетанія романтическаго содержанія съ классическою формою» въ разныхъ литературахъ. Онъ говоритъ словами Ю. Шмидта о романтикѣ англійской и нѣмецкой и обращается потомъ къ новоромантизму въ литературахъ польской и русской.

Въ немногихъ замѣчаніяхъ, удѣленныхъ польскому романтизму, г. Петровъ допустилъ нѣсколько неточностей. Онъ назвалъ Мицкевича «романтикомъ отчасти регрессивнымъ» потому, что «Мицкевичъ въ изданіи своихъ стихотвореній 1829 года, въ предисловіи «къ читателю о критикахъ и рецензентахъ варшавскихъ», указывая на представителей новоромантизма Гёте, Мура, Байрона и др., ссылается также на Шлегелей, Тика, Гизо, Вильмена и др., т. е. на авторитеты реакціоннаго романтизма, обращеннаго на давнопрошедшую жизнь». Но такое замѣчаніе не имѣетъ полнаго значенія хотя бы въ виду того, что въ польской романтикѣ[1]) былъ и элементъ революціонный; сверхъ того въ указанномъ предисловіи Мицкевичъ вспоминаетъ еще «wysokie o sztuce myśli Lessynga, Homa, Hotczesona, Borka, Smita». Основываясь лишь на статьѣ Мицкевича «O krytykach i recenzentach Warszawskich», г. Петровъ утверждаетъ, что въ Варшавѣ господствовалъ псевдоклассицизмъ, но это не совсѣмъ точно. Въ 1819 г. противъ романтики выступилъ Виленскій ученый Снядецкій, а защита романтичности была помѣщена въ «Pamiętnik Warszawski». Варшавскіе литераторы перепечатали-было нѣкоторыя баллады I-го т. стихотвореній Мицкевича. Произведенія послѣдняго цѣнились также и въ

[1]) См. опытъ выясненія элементовъ польской романтики въ лекціяхъ Брандеса о польской литературѣ XIX в., читанныхъ въ Варшавѣ въ 1886 г. Онѣ были напечатаны въ польскомъ переводѣ въ «Gazeta Polska» 1886, а въ 1887 г. вышли отдѣльнымъ изданіемъ.

Варшавѣ, гдѣ существовала партія романтиковъ и выходилъ органъ романтиковъ [1]). Наконецъ, г. Петровъ преувеличилъ значеніе Мицкевича, какъ образователя «цѣлой школы польско-украинскихъ поэтовъ».

Перечисляя русскихъ романтиковъ, г. Петровъ, слѣдуя установившемуся обычаю, называетъ прежде всего Жуковскаго. Намъ кажется, что, говоря о возникновеніи русской романтики, неосновательно забываютъ Карамзина. Послѣдній соотвѣтствовалъ до извѣстной степени швейцарцамъ нѣмецкой литературы XVIII в.: онъ также началъ съ противодѣйствія французскому классицизму и сентиментализма и обратился къ русской старинѣ. Литературная дѣятельность Карамзина совпала съ началомъ романтическаго движенія въ Германіи. Карамзинъ склонялся къ романтикамъ, хотя переносилъ къ намъ романтизмъ не вполнѣ.

Перешедши къ украинскому романтизму, г. Петровъ ограничился замѣчаніемъ, что и украинская литература «не чужда была этого новоромантическаго движенія и знакомилась съ нимъ или непосредственно изъ первыхъ рукъ, или же при посредствѣ польской и русской литературъ». Слѣдуетъ перечень тѣхъ романтиковъ, черезъ которыхъ «малороссы знакомились съ новоромантизмомъ». Въ чемъ состояли общія мѣстныя особенности украинскаго романтизма, читателю остается неясно.

Сказанное достаточно, думаемъ, показываетъ, какъ неглубоко вникнулъ г. Петровъ въ сущность романтики и сколь неяснымъ чертами она рисуется въ разсматриваемой книгѣ.

Столь же неясны въ ней и другія опредѣленія основныхъ направленій европейскихъ литературъ XVIII и XIX вв. Оттуда-то несостоятельность распредѣленія матеріала, какое находимъ въ книгѣ г. Петрова.

Благодаря невѣрному дѣленію украинской литературы на періоды, принятому г. Петровымъ, литературный матеріалъ получилъ невѣрное освѣщеніе. Развитіе украинской литературы не укладывается въ тѣ рамки, въ которыя попытался втиснуть его г. Петровъ, подраздѣляя на періоды. Это чувствовалъ какъ будто и самъ авторъ, подрывая по мѣстамъ предложенное имъ подраздѣленіе. На стр. 17 онъ говоритъ: «намѣчая эти періоды въ развитіи украинской литературы, мы должны оговориться, что по нимъ нельзя строго

[1]) См. въ книгѣ Chmielowski-aro: Ad. Mickiewicz, I, въ особенности стр. 427

распредѣлить всѣхъ украинскихъ писателей. При быстрой смѣнѣ литературныхъ понятій и вкусовъ, объясняемой подражательностію украинской литературы, часто одинъ и тотъ же украинскій писатель пробовалъ себя въ разныхъ родахъ и направленіяхъ литературы, такъ что его дѣятельность можетъ быть раздроблена между нѣсколькими періодами». Отчисленіе того или инаго писателя «къ извѣстному періоду по преобладающему характеру его произведеній» часто оказывается совершенно неудачнымъ у г. Петрова. Такъ, поставивъ И. П. Котляревскаго во главѣ періода псевдоклассицизма и реакціи послѣднему, г. Петровъ въ началѣ слѣдующей главы — объ украинскомъ сентиментализмѣ — отмѣчаетъ въ оперѣ «Наталка-Полтавка» «значительное присутствіе сентиментальнаго элемента» (стр. 86), а между тѣмъ опера эта, по значенію въ ряду произведеній Котляревскаго и украинской литературы вообще, немногимъ ниже «Энеиды». На стр. 107 г. Петровъ отмѣчаетъ двойственность произведеній Квитки и т. п.

На нашъ взглядъ не можетъ быть рѣчи о многихъ періодахъ въ исторіи украинской литературы XIX в. Возможно говорить лишь о нѣсколькихъ теченіяхъ или основныхъ направленіяхъ, которыя могли сливаться въ дѣятельности нѣкоторыхъ писателей. Направленія эти могутъ быть различаемы примѣнительно къ характеру творчества и преобладающимъ тенденціямъ въ содержаніи литературныхъ произведеній. Мы предложили бы пріурочить произведенія украинской литературы XIX в. къ тремъ главнымъ теченіямъ, которыя переходили часто одно въ другое. Эти теченія слѣдующія. Во-первыхъ, юмористическое (а не каррикатурное по преимуществу) изображеніе украинской дѣйствительности при постоянномъ сочувствіи къ положенію украинской народности и любви къ ней (произведенія Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, большая часть произведеній Квитки [1]); сюда примыкаютъ также произведенія Павловскаго и Василія Гоголя). Во-вторыхъ, направленіе романтическое, начавшееся съ появленіемъ сборниковъ Цертелева и Максимовича и соединявшееся съ этнографическимъ и историческимъ изученіемъ южнорусскаго племени. Это направленіе открылось произведеніями Боровиковскаго, Бодянскаго, Тополи, Метлинскаго; сюда же относятся и нѣкоторыя произведенія Квитки. Отголоски этого направленія слышатся въ

[1]) Здѣсь и ниже называемъ самыхъ раннихъ представителей каждаго литературнаго направленія.

произведеніяхъ позднѣйшихъ этнографовъ изобразителей [1]). Послѣднее изъ основныхъ направленій украинской литературы — украинофильское народничество, начатое Шевченкомъ и Костомаровымъ, продолженное сотрудниками «Основы» и возродившееся съ новою силою въ украинской литературѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Въ благихъ начинаніяхъ прошлаго царствованія, въ особенности въ крестьянской реформѣ, украинское народничество получило опору, какой не имѣло до той поры, и если г. Петровъ хотѣлъ выдѣлить новѣйшее украинофильство, то ему слѣдовало начать не съ 60-хъ годовъ, а съ самаго начала прошлаго царствованія.

Тѣ основныя направленія, которыя г. Петровъ различаетъ въ украинской литературѣ XIX в., либо не могутъ быть признаны таковыми, либо должны быть признаны существовавшими во всѣ періоды развитія украинской литературы XIX в., и слѣдовательно невозможно установить подраздѣленіе на періоды примѣнительно къ этимъ особенностямъ творчества.

Въ украинской литературѣ постоянно господствовалъ реализмъ, и самый романтизмъ здѣсь склонялся къ реализму въ смыслѣ весьма внимательнаго изученія старины и народности. Этотъ реализмъ въ большинствѣ случаевъ не переходилъ въ ультра-реализмъ и отличался художественностію. Къ нему можетъ быть примѣнено то, что сказалъ Крашевскій о своихъ повѣстяхъ изъ народнаго быта: «Sztuka wymaga wyboru razem i prawdy. Fotografia jéj nigdy nie zastąpi ani realizm bezmyślny»... Украинскую литературу послѣднихъ десятилѣтій связываютъ съ прежнею любовь къ народности и отличительныя черты, постоянно присущія украинскому творчеству. Любовь къ родинѣ и народу, внимательное изученіе его либо въ прошломъ, либо въ настоящемъ, тѣсная связь съ народною поэзіею, особый юморъ и рядомъ съ нимъ нѣжное и глубокое чувство, грусть и тонкое чувство природы, проникающія народную пѣсню, составляютъ общія черты произведеній всѣхъ трехъ основныхъ

[1]) Еще въ «Основѣ» продолжалось то «изобразительно-этнографическое направленіе», которое, по словамъ Костомарова (Поэзія славянъ, 162), «исчерпывалось, оказывалось слишкомъ узкимъ. Буйные вѣтры, степовыя могилы, козаки, чумаки, чернобриви дивчата, зозули, соловейки, барвинковые вивочки и прочія принадлежности малорусской поэзіи становились избитыми, типическими призраками». Ясно, что съ развитіемъ новѣйшаго направленія украинской литературы, предвозвѣщеннаго Шевченкомъ, не изсякло прежнее; не умерло оно и теперь.

направленій, указанныхъ нами въ украинской литературѣ XIX в. Сочувственное воспоминаніе о временахъ подъема народнаго духа, когда украинцы отстаивали свою народность противъ поляковъ, татаръ и турокъ, встрѣчаются не только у романтиковъ, но и у новѣйшихъ писателей. Такъ, въ произведеніяхъ г. Левицкаго, котораго г. Петровъ считаетъ начинателемъ поворота въ новѣйшей украинской литературѣ, находимъ и юморъ (въ разсказахъ о бабахъ Параскѣ и Палажкѣ), и любовь къ «идиллическимъ картинкамъ малорусской жизни», и тонкое чувство природы; отъ соціальнаго романа и повѣсти изъ недавней и современной жизни Левицкій переходилъ по временамъ къ фантастическому возвеличенію прошлаго Украины («Запорозьці»; см. еще оперету «Маруся Богуславка»). У Кропивницкаго рядомъ съ украинскимъ юморомъ встрѣчается сентиментальность; и этотъ изобразитель современной дѣйствительности драматически обработалъ, подобно Левицкому, эпизодъ изъ казацкаго періода Украины («Невольникъ»).

Итакъ, не смотря на кажущуюся систематичность, книга г. Петрова не заключаетъ удовлетворительной характеристики различныхъ направленій украинской литературы, и генезисъ этой литературы выясненъ недостаточно. У г. Петрова не находимъ правдиваго и полнаго анализа условій, вліявшихъ на развитіе украинской литературы, не усматриваемъ внутренней связи явленій. Такимъ образомъ, г. Петровъ не выполнилъ той довольно сложной задачи, которая, по его мнѣнію (стр. 1—2), предлежитъ историческому изученію украинской литературы. Г. Петровъ не поднялся въ своей книгѣ до уровня того воззрѣнія, которое начало утверждаться въ новѣйшей наукѣ и по которому литература есть выраженіе и развитіе народнаго духа.

Впрочемъ, какъ мы видѣли, г. Петровъ старался быть подальше отъ «апріорныхъ взглядовъ»; онъ желалъ дать только «поболѣе фактическихъ данныхъ». Посмотримъ же, каковы эти послѣднія.

VIII.

Очерки жизни и произведеній украинскихъ писателей въ отдѣльности, данные въ книгѣ г. Петрова.

Послѣ общаго обзора каждаго «періода» украинской литературы г. Петровъ представляетъ очерки жизни и дѣятельности выдающихся изъ тѣхъ писателей, которые отнесены имъ къ тому періоду. Онъ сообщаетъ біографіи писателей, излагаетъ содержаніе ихъ произведеній и подвергаетъ критикѣ эти произведенія.

Изученіе жизни и произведеній писателей въ отдѣльности, положенное въ основу этихъ частныхъ очерковъ, отличается нѣкоторыми достоинствами, но не лишено также и крупныхъ недостатковъ.

Правда, г. Петровъ воспользовался неизвѣстными доселѣ въ печати матеріалами [1]) и отвелъ имъ сравнительно немало мѣста въ своей книгѣ. Кромѣ того, онъ обратилъ вниманіе читателей на нѣкоторыхъ полузабытыхъ украинскихъ писателей, каковы, напр., Белецкій-Носенко и Думитрашковъ. Такое извлеченіе изъ бездны забвенія полузабытыхъ или совсѣмъ мало извѣстныхъ писателей приноситъ долю пользы, въ особенности когда имѣется въ виду выясненіе широкаго литературнаго движенія во всей его полнотѣ. Но, съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на то, что, по указанію компетентной критики, г. Петровъ умолчалъ о другихъ такихъ же второстепенныхъ писателяхъ [2]). Выдвигая иной разъ не въ мѣру менѣе важныхъ поэтовъ, напр. Думиштрашкова [3]), г. Петровъ говоритъ о другихъ, заслуживавшихъ большаго вниманія, всего въ нѣсколькихъ словахъ, именно о Мордовцевѣ [4]), Чубинскомъ, А. Конисскомъ [5]). О Кулишѣ г. Петровъ только упоминаетъ, а между тѣмъ его ставятъ выше Щоголева [6]). Мало сказано у г. Петрова и о Глѣбовѣ, Ганнѣ Барвинокъ и Свидницкомъ [7]). Слѣдовало бы также отвести болѣе мѣста Максимовичу [8]). Такимъ образомъ, степень вниманія, удѣ-

---

[1]) См., напр., стр. 36, 154, 159, 181, 257, 427, 443 книги г. Петрова. Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія г. Петровъ добывалъ непосредственно отъ самихъ писателей.

[2]) Таковы Ге, Мова, Огіевскій и др., о которыхъ см. въ «Дѣлѣ» 1884, № 45.

[3]) Главная литературная заслуга Думитрашкова состояла лишь въ гекзаметрахъ его *Жабомышодракіяки*, которые признаются удачными. См. о Думитрашковѣ замѣтку въ «Кіевской Старинѣ» 1886, № 5.

[4]) «Оповидания Мордовцева» разсмотрѣны г. Франкомъ въ «Ватрѣ», стр. 147—153. Ср. «Московскія Вѣдомости» 1885 г. 30 апрѣля.

[5]) См. «Дѣло» 1884, ч. 45.

[6]) «Дѣло» 1884, ч. 55.

[7]) О немъ см. въ «Ватрѣ».

[8]) Г. Петровъ не говоритъ о полемикѣ Максимовича съ Погодинымъ и о значеніи Максимовича въ исторіи вопроса о малорусскомъ нарѣчіи.

леннаго г. Петровымъ различнымъ украинскимъ писателямъ, не всегда соотвѣтствуетъ ихъ значенію, и мѣсто, отведенное имъ, не пропорціонально ихъ важности. Группы второстепенныхъ писателей слѣдовало бы охарактеризовать хотя въ общихъ чертахъ со стороны содержанія и стиля ихъ произведеній. Тѣ общія характеристики, которыя г. Петровъ предпосылаетъ разсмотрѣнію писателей каждаго періода въ отдѣльности, оказываются недостаточными.

Кое-гдѣ г. Петровъ не вполнѣ точно выяснилъ себѣ предѣлы своего изслѣдованія. Онъ говоритъ довольно подробно о повѣстяхъ на русскомъ языкѣ Гоголя и Гребенки, но опускаетъ многія другія произведенія русской беллетристики, относящіяся къ Украинѣ, и ограничивается перечисленіемъ лишь нѣкоторыхъ заглавій (на стр. 174—175). Почему совсѣмъ не названы г. Петровымъ иныя повѣсти, содержаніе которыхъ заимствовано изъ украинской жизни [1]), не ясно.

Біографическія данныя объ украинскихъ писателяхъ собраны г. Петровымъ не всегда съ возможною полнотою и не провѣрены критически. По мѣстамъ біографическіе очерки представляютъ компиляціи либо дословныя выписки изъ довольно доступныхъ, книгъ и заимствованіе цѣлыхъ тирадъ безъ указанія источника [2]), что объясняется, быть можетъ, недосмотромъ и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ трудъ автора разростался постепенно вокругъ сдѣланныхъ первоначально выписокъ. Изученіе и оцѣнка литературныхъ произведеній у г. Петрова часто не отличаются ни полнотою, ни тщательностью, ни глубиною.

Ограничимся лишь немногими примѣрами для подтвержденія

---

[1]) Такъ, въ перечнѣ повѣствователей объ украинской старинѣ не названъ Кукольникъ, написавшій «Запорожцевъ»; въ числѣ произведеній Кузьмича не названа повѣсть «Послѣдніе потомки гайдамака: Украинское преданіе» (обработка думы о побѣгѣ трехъ братьевъ); перечень сочиненій Кулжинскаго см. въ кн. «Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородко», стр. 273.

[2]) Сравн., напр., стр. 303 книги г. Петрова съ 21-ю стр. книги Чалаго, «Жизнь и произведенія Тараса Шевченка»; стр. 311—312 книги Петрова со стр. 38—41 книги Чалаго; стр. 315—316 книги Петрова со стр. 54—55 книги Чалаго; стр. 202—205 книги г. Петрова со стр. 170—171 книги Гербеля: «Поэзія славянъ». По нѣскольку строкъ изъ книги Гербеля внесено г. Петровымъ въ біографію Метлинскаго на стр. 129, 131 и 134 (Гербеля стр. 193 и слѣд.). Ср. еще стр. 78 книги г. Петрова со статьею о Гоголѣ—отцѣ въ сборникѣ «Нѣжинскій лицей», стр. 361; стр. 265—266 книги г. Петрова и стр. 373 и 374 «Исторіи славянскихъ литературъ» Пыпина.

этого замѣчанія, такъ какъ разсмотрѣніе всѣхъ очерковъ г. Петрова и указаніе всѣхъ промаховъ, допущенныхъ имъ, увеличили бы нашу рецензію до значительныхъ размѣровъ; сверхъ того нѣкоторые примѣры поверхностнаго изученія предмета у г. Петрова приведены въ предыдущемъ изложеніи.

Мы разсмотрѣли въ первой главѣ настоящей рецензіи этюдъ г. Петрова объ И. П. Котляревскомъ. Возьмемъ теперь очеркъ, слѣдующій за тѣмъ этюдомъ, біографію и перечень произведеній Гулака-Артемовскаго.

Въ началѣ біографіи Гулака-Артемовскаго у г. Петрова находимъ почти буквальное повтореніе словъ біографическаго очерка, находящагося въ книгѣ Гербеля «Поэзія славянъ» [1]). Г. Петровъ воспроизвелъ и тѣ неточности, какія допустилъ Гербель. Гулакъ-Артемовскій поступилъ въ Харьковскій университетъ не въ 1817 г., какъ утверждаетъ г. Петровъ, а въ 1816—17 академическомъ году, какъ значится въ отчетѣ Харьковскаго университета, читанномъ 30 августа 1817 г., и въ томъ же году былъ уволенъ отъ должности попечителя графъ Потоцкій [2]). Въ то время въ Харьковѣ было развито стихотворство, какъ то доказываетъ, между проч., «Украинскій Вѣстникъ», и не удивительно, что принялся писать стихи и Гулакъ-Артемовскій. Онъ сошелся весьма скоро съ Квиткою [3]), и произведенія послѣдняго въ шутливомъ тонѣ могли повліять на молодаго поэта [4]). Г. Петровъ не изслѣдовалъ обстоятельно и исторіи произведеній Гулака-Артемовскаго. Напр., о баснѣ Гулака-Артемовскаго «Панъ та собака» г. Петровъ говоритъ на стр. 64: «Зная первоисточникъ этой басни Артемовскаго, мы, къ сожалѣнію, должны умень-

---

[1]) Ср. стр. 56 книги Петрова и 168-ю книги Гербеля.

[2]) Укр. Вѣстникъ 1817, окт., 68 и 63.

[3]) Г. Петровъ говоритъ на стр. 89, что Квитка «черезъ отношенія къ институту тѣсно сблизился съ талантливымъ украинскимъ писателемъ П. П. Гулакъ-Артемовскимъ, который....съ 1818 г. былъ преподавателемъ института. Но Гулакъ-Артемовскій сблизился съ Квиткою, повидимому, не въ 1818 г., а тотчасъ же по прибытіи въ Харьковъ, потому что стихотвореніе Гулака-Артемовскаго «Справжня добрість» (до Грицка Основьяненка) помѣчено 17 сентября 1817 г.

[4]) Въ бумагахъ Квитки сохранилось неизданное стихотвореніе на русскомъ языкѣ «Посвященіе альбома» (переводъ изъ Горація) въ шутливомъ тонѣ. Оно помѣчено 5 января 1816 г., слѣдовательно написано до прибытія Гулака-Артемовскаго въ Харьковъ. Гулакъ-Артемовскій могъ ознакомиться съ этимъ произведеніемъ.

шить нѣсколько ея значеніе и смотрѣть на нее только какъ на вольный переводъ или передѣлку польскаго оригинала». Г. Петровъ предварительно привлекъ для сравненія сатиру Красицкаго «Pan niewart sługi», заявляя, что онъ досталъ только сатиры Красицкаго въ изданіи 1779 г. и не нашелъ стиха, послужившаго эпилогомъ къ баснѣ Гулака-Артемовскаго». Справившись съ полнымъ изданіемъ басенъ Красицкаго [1]), г. Петровъ увидѣлъ бы, что басня «Pan i pies» состоитъ всего изъ четырехъ стиховъ, и что, слѣдовательно, процессъ творчества Гулака-Артемовскаго въ данномъ случаѣ состоялъ въ самостоятельномъ претвореніи двухъ произведеній Красицкаго въ одно. Насколько обща мысль, положенная въ основу стихотворенія Гулака-Артемовскаго, видно хотя бы изъ того, что и въ «Королѣ Лирѣ» шутъ говоритъ: «правда всегда что дворная собака,—бей ее хлыстомъ, сколько хочешь». Говоря о появленіи произведеній Гулака-Артемовскаго въ печати, г. Петровъ не упомянулъ о томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ были помѣщены въ «Вѣстникѣ Европы» [2]).

Посмотримъ теперь, какова критика литературныхъ произведеній у г. Петрова.

Приступая къ разбору тѣхъ или иныхъ произведеній, г. Петровъ выдвигаетъ на первый планъ сужденія объ этихъ произведеніяхъ, высказанныя въ современной литературѣ, какъ бы не вполнѣ довѣряя собственному мнѣнію въ виду своего «иноплеменнаго происхожденія», на которое указываетъ (стр. 2). Сводъ критическихъ отзывовъ, нерѣдко противорѣчивыхъ, имѣлъ бы полную цѣну, если бы былъ достаточно полонъ и если бы сопровождался всюду провѣркою согласно общему взгляду автора и принципамъ, которыхъ онъ придерживается. Исторія взглядовъ на литературныя произведенія освѣтила бы всесторонніе ихъ значеніе, а общія заключительныя оцѣнки со стороны автора цѣльнаго очерка исторіи украинской литературы представили бы особый интересъ для читателя, потому что исходили бы отъ лица, стоящаго внѣ исключительно малорусской точки зрѣнія и въ то же время хорошо знакомаго съ украинскою литературою. Сужденія г. Петрова были бы

[1]) См., напр., Bayki i przypowiesci. Tudzież bayki nowe Ignacego Krasickiego, W Warsz. 1813, str. 35—36.

[2]) «Твардовскій, Малороссійская баллада» явилась въ № 6 «Вѣстн. Европы» 1827 г.; «Рыбакъ, Малороссійская баллада»—ib, № 20; «Батько да сынъ, казка», «Рыбочка, казка», «Двѣ оды Горацієвы»—въ № 22.

тѣмъ цѣннѣе, что произведенія украинской литературы вызывали немного вѣскихъ и хорошихъ критикъ.

Г. Петровъ старался довольно усердно собрать критическіе отзывы о произведеніяхъ украинской литературы, но ограничивался при этомъ изложеніемъ такихъ мнѣній, которыя были высказаны въ довольно доступныхъ книгахъ и повременныхъ изданіяхъ. Въ нашу старую журналистику г. Петровъ почти не заглядывалъ и потому не привелъ отзывовъ журнальной и газетной критики 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ, а между тѣмъ разсмотрѣніе литературныхъ произведеній въ связи съ современною имъ критикою въ значительной степени углубляетъ пониманіе ихъ значенія. Ту же неполноту въ сборѣ данныхъ г. Петровъ допустилъ и относительно нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей и писательницъ. Такъ, онъ не излагаетъ отчетливо спора, поднявшагося въ русской литературѣ по поводу повѣстей Марка-Вовчка [1]). Равнымъ образомъ, немаловажный пробѣлъ составило опущеніе критическихъ статей объ украинской литературѣ, являвшихся въ галицко-русской журналистикѣ, а между тѣмъ эти послѣдніе разборы также не лишены интереса, потому что въ нихъ г. Петровъ могъ бы найти иногда оцѣнку съ чисто малорусской точки зрѣнія. Г. Петровъ привелъ даже не всѣ важнѣйшія замѣчанія русской журнальной критики, вошедшія потомъ въ отдѣльныя книги. Напр., собраны не всѣ отзывы Бѣлинскаго, заслуживавшіе вниманія. Жаль также, что г. Петровъ не изложилъ взгляда Полеваго на «Чары» Тополи и лишь упоминаетъ вскользь о статьѣ Полеваго (стр. 121). А между тѣмъ эта статья, помѣщенная первоначально въ «Библіотекѣ для чтенія» 1837 г. (т. XXV—безъ подписи автора) и перепечатанная въ «Очеркахъ русской литературы», заслуживаетъ пересказа. Полевой высказалъ взглядъ на украинскую литературу, который принялъ, повидимому, и врагъ его Гулакъ-Артемовскій. Полевой обнаружилъ болѣе основательности въ сужденіи, чѣмъ нѣкоторые другіе критики, напр. авторъ рецензіи на книгу г. Петрова въ «Кіевской Старинѣ», выразившійся, что «Чары» Тополи слишкомъ отрывочное и безформенное произведеніе [2]).

[1]) Не приведены, напр., отзывы Дружинина и А. А. Котляревскаго. Статья послѣдняго, подъ псевдонимомъ Эк. С-ъ, по компетентному отзыву,—одна изъ самыхъ живыхъ его статей и обѣщала въ немъ замѣчательнаго литературнаго критика.

[2]) Кіевск. Стар. 1884, апрѣль, 668. Намъ кажется болѣе вѣрнымъ отзывъ Г. Данилевскаго, по мнѣнію котораго Кириллъ Тополи послѣ автора «Думъ»,

Къ перечню мнѣній разныхъ критиковъ о произведеніяхъ украинской литературы, составлявшихъ предметъ разбора въ книгѣ г. Петрова, послѣдній присоединялъ провѣрку этихъ мнѣній, но—не всегда. Сводя несходныя сужденія, г. Петровъ «приводилъ къ одному знаменателю» «важнѣйшіе критическіе отзывы объ этихъ сочиненіяхъ, иногда совершенно противоположные между собою» (стр. 2), но по мѣстамъ самостоятельный взглядъ автора не выступаетъ.

Остановимся на литературномъ анализѣ въ книгѣ г. Петрова и для характеристики этого анализа возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ разбираемаго труда.

Разсмотримъ прежде всего взглядъ г. Петрова на отношеніе поэзіи Шевченка къ народной украинской словесности и общерусской поэзіи. Въ народной словесности Шевченко уже занялъ мѣсто какъ «характерникъ» и народный герой, стоявшій за «сермяжный людъ» и его «волю»[1]). Г. Петровъ признаетъ (стр. 356) значительную долю правды за мнѣніемъ Кулиша, по которому «Шевченко менѣе всего былъ копіистомъ и воспроизводителемъ устной народной украинской поэзіи, и только въ болѣе слабыхъ своихъ произведеніяхъ онъ ближе подходитъ къ украинскимъ народнымъ пѣснямъ и думамъ. Мнѣніе это, хотя и высказанное г. Кулишемъ голословно, имѣетъ однако значительную долю правды на своей сторонѣ. Въ большихъ, лучшихъ произведеніяхъ Шевченка на малорусскомъ языкѣ, народное преданіе служитъ для него только тэмою, или же даетъ ему основной мотивъ, а иногда и нѣкоторыя детали, но мелкія, сравнительно слабыя стихотворенія Шевченка нерѣдко представляютъ изъ себя только незначительную передѣлку украинскихъ пѣсенъ и преданій». Выясняя затѣмъ въ частностяхъ

рано сошедшаго съ литературнаго поприща, едва-ли не болѣе многихъ украинскихъ поэтовъ говоритъ сердцу». Укр. Стар., 200. Ср. отзывъ Вагилевича о «Чарахъ»: «есть то здраматизованая пригода зъ думы: Не ходи Грицю на вечерницю, въ которой представилъ великій образъ изъ житья мирского, наветь отчасти съ талантомъ» (Р. Библ. III, 155).—То, что сообщаетъ г. Петровъ о Тополи, можно бы дополнить. К. Тополи (такъ писалъ самъ этотъ авторъ свою фамилію) родился въ Украйнѣ и, хотя полякъ, былъ проникнутъ демократическою тенденціею, которая выражается въ «примѣчаніи» къ Чуръ-Чепухѣ: «Паны-шляхта ничѣмъ не различаются отъ черни . . . Про дѣтей шляхты сказать можно, что они не будучи воспитаны, часто разбойничали, или буянили надъ жидами, нечисты на руку были, чтобъ было чѣмъ угостить панинъ на гулянкахъ».

[1]) Кіевск. Стар. 1882, августъ, 371—373.

отношенія Шевченка къ народной поэзіи, г. Петровъ указываетъ лишь на совпаденіе нѣкоторыхъ мотивовъ и фабулъ; болѣе тонкаго анализа не находимъ. А между тѣмъ къ такому анализу могли побудить сужденія нѣкоторыхъ критиковъ, напр. Добролюбова, который говоритъ: Шевченко—«поэтъ совершенно народный, такой, какого мы не можемъ указать у себя. Даже Кольцовъ нейдетъ съ нимъ въ сравненіе[1]), потому что складомъ своихъ мыслей и даже своими стремленіями иногда отдаляется отъ народа. У Шевченка, напротивъ, весь кругъ его думъ и сочувствій находится въ совершенномъ соотвѣтствіи со смысломъ и строемъ народной жизни»[2]) Поэзія Шевченка сближается съ народною поэзіею хотя бы инстинктивнымъ возсозданіемъ исторической правды и воспроизведеніемъ ея въ общихъ типическихъ очертаніяхъ, съ чѣмъ согласовалось также умѣніе Шевченка угадывать истинный обликъ прошлаго. На это указалъ В. Б. Антоновичъ въ рѣчи, содержаніе которой было изложено въ газетѣ «Трудъ». На стр. 344—345 и 347—348 книги г. Петрова читаемъ почти буквальныя заимствованія изъ этого пересказа. Эта рѣчь не процитована точно г. Петровымъ — можетъ быть по недосмотру — даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ приведена выдержка изъ нея въ кавычкахъ съ поясненіемъ, что то—слова г. Антоновича (см. 347—348).

Г. Петровъ постоянно говоритъ о вліяніи общерусскихъ поэтовъ на украинскихъ, но ощутительныхъ признаковъ *значительнаго* вліянія первыхъ и *подражанія* со стороны послѣднихъ часто не указываетъ. Такъ, со словъ Кулиша г. Петровъ трижды (стр. 127, 304, 362; ср. стр. 356) говоритъ о томъ, что Шевченко «Пушкина зналъ напзусть, даромъ, что писалъ не его рѣчью, не его складомъ». Но тѣ факты вліянія Пушкина «на развитіе Шевченка», какіе приведены на стр. 363 и слѣд., довольно скудны. Г. Петровъ указываетъ, между проч., на то, что сюжетъ поэмы Шевченка «Наймичка» «еще раньше разработанъ былъ А. С. Пушкинымъ въ его романѣ «Подъ вечеръ осенью ненастной...» Но не слѣдуетъ упускать изъ виду народныхъ пѣсенъ о дѣвушкѣ, ставшей матерью внѣ законнаго брака и разставшейся со своимъ ребенкомъ. Самъ г. Петровъ замѣтилъ (стр. 357), что «въ поэмѣ

[1]) Григорьевъ высказалъ подобное же мнѣніе. См. стр. 366—367 книги г. Петрова.

[2]) III, 324. См. еще на стр. 322 указаніе на «спокойную грусть», составляющую постоянный элементъ стихотвореній Шевченка.

Наймичка» почти буквально приводится народная украинская пѣсня «о молодой вдовѣ, родившей двухъ сыновей и пустившей ихъ на Дунай». Существуютъ и другія подобныя пѣсни, которыхъ мы не приводимъ, за недостаткомъ мѣста [1]). Но, конечно, схема фабулы «Наймичка» можетъ быть указана и въ нѣкоторыхъ весьма извѣстныхъ произведеніяхъ западной литературы прошлаго вѣка. Приведенное г. Петровымъ свидѣтельство Кулиша подлежитъ ограниченію согласно тому, что читаемъ въ воспоминаніяхъ Полонскаго, приложенныхъ къ I-му т. Пражскаго изданія Кобзаря (стр. XI): «Сидя въ гостяхъ у Шевченка, я узналъ изъ рѣчей его, что онъ не любитъ нашего поэта Пушкина и не потому, чтобъ онъ считалъ его дурнымъ поэтомъ, а просто потому, что Пушкинъ—авторъ поэмы «Полтава».—Если бы слѣдовать методу г. Петрова, то надо бы отыскивать въ поэзіи Шевченка и *значительное* вліяніе Шекспира, такъ какъ Кулишъ рядомъ съ приведеннымъ выше свѣдѣніемъ о томъ, что Шевченко зналъ Пушкина наизусть, сообщаетъ еще, что Шевченко «Шекспира возилъ съ собою, куда бы ни ѣхалъ».

Г. Петровъ совершенно основательно и въ духѣ новѣйшаго научнаго метода придавалъ большое значеніе указанію источниковъ фабулъ тѣхъ литературныхъ произведеній, которыя подлежали его разсмотрѣнію, но иногда указывалъ не подходящіе источники. Напр., онъ говоритъ (стр. 247): «что касается сказки о хитрой дѣвкѣ и панѣ, то мотивы ея суть не что иное, какъ отраженіе судовъ Соломоновыхъ восточнаго происхожденія, перешедшихъ къ славянамъ уже въ историческія времена». См. однако Romania XIV, 150. Можно бы подыскать также въ новѣйшей русской литературѣ не указанныя г. Петровымъ параллели къ произведеніямъ украинской литературы. Такъ, стихотвореніе С. Л. Метлинскаго «Пидъ небомъ литае хмаронька высоко» напоминаетъ одно изъ стихотвореній В. И. Красова. Пѣсню Глѣбова: «Мчится голубь въ поднебесьи» (стр. 440—441 книги г. Петрова) слѣдуетъ сравнить со стихотвореніемъ Макарова: «Кіевскій козакъ» (В. Евр. 1827, № 8). Интересно бы, далѣе, указать на отношеніе повѣстей Марка-Вовчка къ разсказамъ Даля.

[1]) Одна изъ этихъ пѣсенъ начинается такъ:

Ой за гайкомъ, за Дунайкомъ,
Тамъ Иваніо сіно косить и *проч.*

Другая: Ой идуть, идуть рыболовушки
Рыбушки ловить и *проч.*

О томъ какими критеріями руководился г. Петровъ при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, можно видѣть изъ отзыва г. Петрова о драмѣ Костомарова «Сава Чалий», которая была такъ прославлена въ свое время Бѣлинскимъ (отзывъ Бѣлинскаго обойденъ г. Петровымъ). По словамъ г. Петрова, эта трагедія «служитъ развитіемъ козацкой думы о Савѣ Чаломъ, доселѣ очень распространенной въ Малороссіи, и вслѣдъ за Из. Ив. Срезневскимъ, относитъ ее къ 1639 году.... Но козацкая дума о Савѣ Чаломъ относится не къ 1639 году, а ко временамъ гетмана Даніила Апостола, позже на цѣлое столѣтіе.... Разумѣется, ошибочно перенесши думу изъ одного вѣка въ другой, Н. И. Костомаровъ не могъ быть вѣренъ дѣйствительности» (стр. 247—249). Пріемъ критики, который примѣненъ въ данномъ случаѣ, не можетъ быть признанъ удачнымъ. Во первыхъ, какъ заявилъ самъ Костомаровъ, содержаніе пьесы, а слѣдоват. и хронологическое пріуроченіе, заимствовано изъ *пѣсни* [1]). Во-вторыхъ, вопросъ объ отношеніи трагедіи къ исторіи — вопросъ трудный, и Лессингъ трижды возвращался къ нему въ своей Драматургіи [2]).

Какова критика, приложенная г. Петровымъ къ произведеніямъ новѣйшей украинской литературы, можно видѣть изъ разбора пьесъ Кропивницкаго, которыхъ достоинства и недостатки выступили вполнѣ замѣтно при сценической постановкѣ и слѣдовательно могли оставить живое впечатлѣніе.—По мнѣнію г. Петрова, въ пьесѣ «Дай серцю волю, заведе въ неволю» изображена «одна изъ важнѣйшихъ язвъ народной жизни въ послѣднее время»; такую язву составляютъ «кулаки-міроѣды, захватившіе въ свои руки всѣ пружины деревенской жизни и высасывающіе изъ нея послѣдніе соки». Г. Петровъ не совсѣмъ вѣрно выразилъ въ этихъ словахъ основную идею пьесы. Никита, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ

[1]) См. 1-е (Харьковское) изданіе (1838 г.). Тамъ на листкѣ, слѣдующемъ за заглавнымъ листкомъ, Костомаровъ ссылается на сборникъ Максимовича, на Запорожскую старину и на пѣсни Вацлава изъ Олеска. И дѣйствительно, у Срезневскаго былъ варіантъ пѣсни о Савѣ Чаломъ, сообщавшій что Чалый бился съ Сагайдачнымъ и какимъ-то Юрой. См. Запор. Стар., часть I, III, 122 и слѣд.

[2]) См. монографію Lambeck-a: Lessings Ansichten über das Verhältniss der Tragödie zur Geschichte въ «Programm der Ober-Realschule zu Koblenz» 1885. Многое отдѣляетъ фабулу драмы въ ея развитіи отъ чисто историческаго событія, которое могло составить ея основу. По мнѣнію Лессинга, поэтъ долженъ соблюдать вѣрность исторіи только въ характерахъ, а во всемъ остальномъ можетъ отступать отъ исторической правды сколько угодно.

лицъ разсматриваемой пьесы Кропивницкаго,—богатый паробокъ и сынъ старосты, избалованъ, какъ единственный сынъ, желаетъ играть видную роль, не можетъ примириться съ неудачею въ любви и хочетъ отомстить сопернику; вотъ это-то неумѣнье обуздать себя въ личномъ чувствѣ и въ порывахъ сердца—главное, что хотѣлъ выдвинуть въ этой личности авторъ пьесы, какъ показываетъ самое заглавіе ея. То, что Никита—сынъ «кулака-*міроѣда*», не вліяетъ особенно на ходъ пьесы. Возмнить такъ о себѣ, какъ Никита, могъ бы не только сынъ старосты, но и всякій избалованный сынъ богатыхъ родителей; такіе характеры существовали и будутъ существовать не только въ «современной южнорусской народной жизни, какъ она сложилась или складывается послѣ уничтоженія крѣпостничества и введенія важнѣйшихъ реформъ прошлаго царствованія». Нѣкоторую натяжку въ своемъ выясненіи основной идеи пьесы замѣтилъ какъ будто самъ г. Петровъ, который говоритъ, что въ пьесѣ «Дай серцю волю, заведе въ неволю» «главныя пружины дѣйствія, находящіяся въ рукахъ сельскаго старшины (?), заслоняются отъ читателя второстепенными лицами и бытовыми картинами, хотя, тѣмъ не менѣе, чувствуются, такъ сказать, инстинктивно» (стр. 418). Г. Петровъ характеризуетъ недостатки этой пьесы словами двухъ газетныхъ рецензентовъ, но упустилъ изъ виду главный промахъ въ ней—отсутствіе цѣльности, вслѣдствіе чего въ драмѣ нѣтъ главнаго лица, около котораго сосредоточивался бы ходъ дѣйствія, нѣтъ настоящаго трагическаго конфликта.—Этотъ недостатокъ находятъ и въ другой пьесѣ Кропивницкаго—«Невольникъ». Г. Петровъ отзывается о ней такъ (стр. 418): «вся пьеса, при всѣхъ своихъ внутреннихъ достоинствахъ, не дѣйствуетъ на слушателя возбуждающимъ образомъ, потому что содержаніе ея относится къ безвозвратно минувшему времени, отъ насъ отдаленному». Врядъ ли можно согласиться съ общимъ положеніемъ, котораго придерживается въ этихъ словахъ г. Петровъ.

Нельзя не признать, что г. Петровъ выказалъ много научнаго безпристрастія въ частныхъ очеркахъ дѣятельности украинскихъ писателей, что́ служитъ къ его чести. Но иногда проскальзываютъ не совсѣмъ справедливыя замѣчанія. Такъ, на стр. 255 г. Петровъ говоритъ о повѣсти Костомарова «Черниговка»: «что касается изображенія быта и жизни Москвы и московскихъ людей того времени, то на него наложены авторомъ уже слишкомъ густыя, темныя краски, производящія отталкивающее впечатлѣніе»; но вѣдь

неприглядными чертами изображены и малороссы второй половины XVII в. [1]).

Укажемъ еще на одно общее упущеніе.

При цѣльномъ очеркѣ всего состава извѣстной литературы важно выясненіе того, что́ называютъ народностью, важно выясненіе типическкхъ чертъ народности и основнаго характера ея литературнаго развитія. Въ литературѣ столь народной, какъ украинская, даже и въ мелкихъ произведеніяхъ могутъ выступить черты народности и ея идеаловъ, заслуживающія вниманія въ силу того великаго значенія, какое принадлежало южнорусской народности въ исторіи общерусскаго государства, русской литературы и просвѣщенія. Украинская литература создана *оригинальнымъ* геніемъ южнорусскаго племени, и черты его обнаружились съ достаточною яркостію у писателей XIX в. Г. Петровъ, отъ котораго мы въ правѣ были бы ожидать выясненія этихъ чертъ, не обратилъ вниманія на нихъ и не указалъ своеобразныхъ стилистическихъ и внутреннихъ особенностей украинской поэзіи: онъ слѣдилъ преимущественно за взаимодѣйствіемъ постороннихъ вліяній въ украинской литературѣ.

Не выполнилъ онъ надлежащимъ образомъ и той части своей задачи, которая состояла въ указаніи «украинскаго элемента въ русскихъ писателяхъ» (стр. 376).

Скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о библіографическихъ данныхъ въ трудѣ г. Петрова. — Г. Петровъ видимо придавалъ большое значеніе такимъ указаніямъ, и его собственные библіографическіе перечни иногда нѣсколько расширяютъ данныя, заключающіяся въ «Покажчикѣ нової украінської литературы» М. Комарова [2]), но въ большинствѣ случаевъ г. Петровъ мало исправлялъ ошибки «Покажчика» и восполнялъ его пробѣлы, а между тѣмъ послѣдній весьма неполонъ и вообще не вполнѣ удовлетворителенъ [3]). И г. Петровъ и г. Комаровъ не пользовались многими старыми журналами. Оттого у г. Петрова встрѣчаются значительные промахи въ библіографіи. Возьмемъ хотя бы перечень

---

[1]) Ср. рецензію въ журналѣ «Міръ» 1881, № 10.

[2]) См., напр., перечень произведеній г. Кулиша; г. Петровъ раскрылъ псевдонимы этого писателя при помощи Бѣлозерскаго.

[3]) Въ послѣднее время г. Комаровъ перепечаталъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ списокъ литературы, относящейся къ Шевченку, въ «Кіевской Старинѣ» 1886, №№ 3 и 4.

статей объ И. П. Котляревскомъ и изданій его произведеній. Въ главныхъ библіографическихъ трудахъ замѣчается нѣкоторое разногласіе относительно перваго изданія Энеиды Котляревскаго. Ср. Геннади съ указателемъ Комарова. Новѣйшая библіографія въ статьѣ Н. М. В. представила нѣкоторыя исправленія. Г. Петровъ пересмотрѣлъ не всѣ изданія, о которыхъ говоритъ. Такъ, онъ сообщаетъ, что изданіе Энеиды 1808 г. вышло въ *четырехъ* частяхъ, но это изданіе, по заявленію Котляревскаго въ «увѣдомленіи» при изданіи 1809 г., было напечатано «безъ вѣдома и согласія автора» *въ трехъ частяхъ*. И Комарову и Петрову осталось неизвѣстно, что отрывки изъ послѣднихъ частей Энеиды печатались въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. У Комарова не указана біографія Котляревскаго въ Иллюстраціи (ч. II 1846) въ ст. Сементовскаго «Полтава», стр. 309—310. И у Комарова и у г. Петрова не отмѣчена брошюра Стеблина-Каминскаго «Воспоминаніе о Котляревскомъ (изъ записокъ старожила). Полтава 1871» [1]). Въ сообщеніи «Кіевской Старины» (1885, № 3, стр. 606) о статьѣ Н. М. В. указана еще статья о Котляревскомъ, помѣщенная въ галицко-русскомъ журналѣ «Світъ» 1881 г. Вслѣдствіе неточности указаній библіографовъ повтореніе этихъ указаній безъ провѣрки можетъ приводить къ повторенію ошибокъ. Такъ, г. Комаровъ и авторъ статьи въ «Нови» повторили неточныя указанія относительно статей о Котляревскомъ, находящіяся у Межова [2]).

Иной разъ точныя библіографическія указанія не лишены значенія для исторіи литературной дѣятельности того или иного писателя. Въ составленномъ Данилевскимъ перечнѣ сочиненій Квитки не названы статьи Квитки въ «Вѣстникѣ Европы» 1812 г., именно «Письма изъ Харькова», помѣщенныя въ ч. 61, №№ 1 и 2 [3]). Въ виду этихъ «Писемъ» начало литературной дѣятельности Квитки надо относить уже къ 1812 г., а не къ болѣе позднему времени [1]).

Можно бы отмѣтить и другіе библіографическіе промахи въ трудѣ г. Петрова.

[1]) Рецензія на эту брошюру была помѣщена въ Р. Старинѣ № 8. Ср. у Межова: Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно, № 20523. Мы пользовались брошюрою подъ тѣмъ же заглавіемъ, изданною въ 1869 г. со ссылкою: «Перепечатана изъ №№ 45, 46 и 47 Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1866 года».

[2]) Въ №№ 83 и 84 «Сѣв. Пчелы» 1846 г. и въ № 17 «Полтавскихъ Еп. Вѣдомостей» 1869 мы не нашли ничего о Котляревскомъ.

[3]) Полуденскій, Указатель къ «Вѣстнику Европы» 1802—1830, М. 1861, стр. 105.

IX.

Заключеніе.

Представимъ въ заключеніе общую оцѣнку труда г. Петрова и отмѣтимъ заслуги его въ изученіи и изслѣдованіи новой украинской литературы.

Подробное разсмотрѣніе книги г. Петрова показываетъ, что въ ней, при всемъ стремленіи автора къ научному изложенію фактовъ, нѣтъ стройной систематизаціи ихъ, которая вытекала бы *естественно изъ самаго матеріала*. Главныя теченія украинской литературы выяснены не совсѣмъ удовлетворительно и безъ надлежащей полноты: такъ, сказано мало о развитіи малорусской этнографіи, о польскомъ вліяніи. Бо́льшую цѣну имѣютъ въ монографіи г. Петрова очерки жизни и дѣятельности писателей въ отдѣльности. Въ этихъ очеркахъ г. Петровъ накопилъ значительное количество матеріала, но, къ сожалѣнію, матеріалъ собранъ неполно и обработанъ безъ должной тщательности. Г. Петровъ мало знакомъ съ русскою журнальною литературою до 40-хъ годовъ и почти совсѣмъ незнакомъ съ матеріалами для исторіи украинской литературы, явившимися въ галицко-русской печати. Самъ г. Петровъ заявляетъ на 2-й стр. своего труда, что онъ «далекъ отъ претензіи на совершенную полноту историко-литературныхъ фактовъ». Какъ въ установленіи общей схемы, такъ и въ частныхъ біографическихъ очеркахъ и библіографическихъ обзорахъ работа автора отличается нерѣдко компилятивностью. Слѣдовательно, собственныя разысканія автора въ общемъ не отличаются цѣнною оригинальностью и глубиною; г. Петровъ обогатилъ исторію

[1]) Геннади, Справ. словарь, говоритъ (стр. 126), что Квитка «началъ печатать въ Украинскомъ Вѣстникѣ» 1816 г. и въ «Вѣстникѣ Европы» 1820 г. То же повторилъ и г. Науменко въ очеркѣ дѣятельности Квитки. Укажемъ кстати на замѣченные нами пропуски въ библіографическихъ указателяхъ о Квиткѣ; въ эти указатели надо внести ст. Основъяненка «Исторія Харьковскаго театра отъ старинныхъ временъ» («Литерат. Газета» 1841, №№ 114, 115) и «Планъ романа о Мировичѣ» (Р. Арх. 1863, 2, 160).

украинской литературы преимущественно отдѣльными очерками дѣятельности нѣкоторыхъ писателей и детальными изслѣдованіями.

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ монографіи г. Петрова нельзя не признать, что авторъ много потрудился надъ нею, разыскивая довольно тщательно печатные матеріалы, доставленные послѣднимъ сорокалѣтіемъ, обращаясь иногда къ рукописнымъ даннымъ и тщательно добывая еще не обнародованныя свѣдѣнія. Г. Петровъ попытался указать источники нѣкоторыхъ произведеній украинской литературы въ народной словесности, при чемъ значительную помощь оказало ему довольно хорошее знакомство съ этою послѣднею. Наконецъ, авторъ тщательно слѣдилъ за отношеніемъ современныхъ русскихъ журналовъ и газетъ къ произведеніямъ украинской литературы.

До появленія труда г. Петрова не было такого обстоятельнаго свода данныхъ для исторіи новой украинской литературы. Книга г. Петрова восполнила пробѣлъ, давно чувствуемый въ русской литературѣ и наукѣ.

Уже давно сознана въ западной наукѣ плодотворность изученія областныхъ вкладовъ въ общую исторію народностей. У насъ Ѳ. И. Буслаевъ отчетливо указалъ на важность изученія областныхъ теченій въ исторіи русской литературы. Съ этой точки зрѣнія изученіе украинской литературы получаетъ особое значеніе и въ общей исторіи русской литературы, болѣе или менѣе самостоятельно развивавшеюся частью которой является украинская литература. Исторія русской литературы должна удѣлить украинской словесности первое мѣсто въ ряду областныхъ вкладовъ въ общерусскую сокровищницу духа и слова. Поэзія, въ особенности поэзія, отличающаяся народностью въ такой мѣрѣ, какъ украинская, заключаетъ наилучшія данныя для характеристики племеннаго типа. Г. Петровъ не далъ такой характеристики, но предложилъ читателю множество фактовъ. Онъ распредѣлилъ и освѣтилъ ихъ не совсѣмъ вѣрно, но все-таки надо принести благодарность г. Петрову за то, что онъ попытался соблюсти безпристрастіе и научную объективность, возвысившись надъ предразсудкомъ, по которому украинская литература не заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Г. Петровъ иного мнѣнія объ этой литературѣ. Онъ издавна уже занимается южнорусскою литературою, открылъ нѣсколько памятниковъ южнорусской искусственной поэзіи, собиралъ черезъ другихъ произведенія южнорусской народной словесности, и ему принадлежитъ кромѣ разсматриваемаго изслѣдованія довольно цѣнная монографія: «Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка». Матеріалы, собранные г. Петровымъ въ «Очеркахъ украинской литературы XIX столѣтія», будутъ весьма пригодны будущему изслѣдователю. Въ качествѣ сборника довольно численныхъ историко-литературныхъ указаній книга г. Петрова, быть можетъ, послужитъ нѣсколько къ устраненію тѣхъ печальныхъ недоразумѣній, о которыхъ говоритъ г. Петровъ въ началѣ своего труда.

III.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ Г. В. ЛАТКИНА ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ. СПБ. 1885.

Составленъ профессоромъ В. И. Сергѣевичемъ.

Изслѣдованію своему о земскихъ соборахъ древней Руси г. Латкинъ предпосылаетъ введеніе, состоящее изъ двухъ главъ. Первая глава введенія (1—16) посвящена краткому очерку народныхъ собраній у Славянъ и Германцевъ въ ихъ первичной формѣ вѣча. Сгруппировавъ данныя изъ спеціальныхъ сочиненій по исторіи русскаго вѣча и изъ иностранныхъ трудовъ Вайца, Гейера, Маурера о первичныхъ народныхъ собраніяхъ въ Западной Европѣ, доказывающихъ общераспространенность этой формы, авторъ заключаетъ свой обзоръ слѣдующими словами Фримана, представляющими общій выводъ изъ всего предшествующаго изложенія. «Развитіе политическаго строя во всѣхъ странахъ Европы отправляется отъ одного общаго основанія, племеннаго вѣча. Изъ этого пункта исходили всѣ политическія собранія міра, по крайней мѣрѣ, той части міра, которую мы имѣемъ въ виду, и демократическая система есть болѣе древняя и болѣе чистая».

Во второй главѣ введенія (16—64) г. Латкинъ разрѣшаетъ вопросъ объ условіяхъ образованія представительства изъ этой первичной формы непосредственнаго участія народа въ общественныхъ дѣлахъ.

По его мнѣнію, переходной ступенью къ представительству были собранія *нѣкоторыхъ*, болѣе выдающихся по своему положенію, богатству, знатности и могуществу лицъ, которыя и замѣнили собранія всѣхъ свободныхъ людей (16 и сл., 403). Такую переходную ступень для Германіи видитъ онъ въ дворцовыхъ (Hoftage) и рыцарскихъ (Rittertage) собраніяхъ (37 и сл.), для Франціи въ совѣтѣ

вассаловъ (magnum consilium, 46), для Англіи въ Витенагетотѣ (49) и т. д.

Въ Западной Европѣ авторъ усматриваетъ, такимъ образомъ, непрерывную и непосредственную связь между первичными демократическими народными собраніями и позднѣйшимъ представительствомъ сословій. На стр. 44 читаемъ: «сословныя собранія (Landstände) непосредственно образовались изъ тѣхъ placita или провинціальныхъ собраній Франкской монархіи, которыя, въ свою очередь, были продолженіемъ народныхъ собраній древнихъ Германцевъ. Процессъ образованія сословныхъ собраній изъ placita прошелъ чрезъ извѣстныя стадіи, находясь на которыхъ собранія видоизмѣняли болѣе свою форму, чѣмъ сущность. Placita мало-по-малу приняли форму гофтаговъ, затѣмъ послѣдніе преобразовались въ риттертаги и, наконецъ, въ сословныя собранія. Очевидно, придерживаясь такого воззрѣнія, мы не можемъ видѣть въ феодализмѣ источника собраній земскихъ чиновъ; послѣднія существовали до него и феодализмъ не создалъ ихъ, а только измѣнилъ ихъ форму». Въ подтвержденіе своего мнѣнія авторъ цитуетъ далѣе Неймана и Гирке.

Въ древней Руси такой непрерывности развитія г. Латкинъ не видитъ. Прототипами нашихъ представительныхъ собраній, говоритъ онъ, служили, по всей вѣроятности, церковные соборы, имѣвшіе мѣсто въ Россіи со временъ Ярослава I. Посредствующаго звена между вѣчемъ и соборомъ мы не замѣчаемъ, такъ что неправильно думать, подобно К. Аксакову, будто соборъ образовался изъ вѣча. Подобное явленіе дѣйствительно имѣло мѣсто у другихъ Славянъ на Западѣ... Но у насъ переходной формы не было, хотя впрочемъ, и существовали особыя собранія, неправильно называемыя нѣкоторыми учеными земскими соборами. Подобныя собранія были ничѣмъ инымъ, какъ вѣчами, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ» (23). Причина такого различія заключается, по мнѣнію автора, въ томъ, что у насъ не было высшаго класса, который соотвѣтствовалъ бы западно европейской феодальной аристократіи [1])

[1]) Стр. 402 и сл. На стр. 404 авторъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свою мысль: «Такимъ образомъ, благодаря отсутствію сословности, а слѣдовательно и отсутствію высшаго класса общества, состоявшаго изъ разныхъ optimates, proceres, magnates и т. п., съ одной стороны, и децентрализаціи собраній вкупѣ съ отсутствіемъ разграниченія ихъ компетенціи, съ другой, древняя Русь не знала рыцарскихъ сеймовъ и не имѣла этой переходной формы отъ примитивныхъ собраній къ собраніямъ представительнымъ».

Условія возникновенія московскихъ соборовъ объясняются г. Латкинымъ слѣдующимъ образомъ: «наши соборы были учрежденіемъ сравнительно новымъ и вызваннымъ къ жизни московскими государями. Но изъ того, что соборы появляются какъ бы вдругъ и по мановенію ока, а не развиваются постепенно, изъ этого еще не слѣдуетъ, что они были явленіемъ не жизненнымъ и учрежденіемъ, построеннымъ на пескѣ. Напротивъ, возникновеніе древне-русскихъ представительныхъ учрежденій обусловливалось всею тогдашнею жизнью, такъ какъ принципъ народной автономіи, выражаясь въ различныхъ формахъ, продолжалъ жить въ народѣ; высшіе же классы не только не были ему враждебны, но вполнѣ сознавали необходимость такого государственнаго устройства, при которомъ голосъ «всенародныхъ человѣкъ» игралъ бы не послѣднюю роль въ дѣлѣ «строенія земли» (25, срав. 19 и сл., гдѣ авторъ приводитъ факты изъ правительственной дѣятельности древней русской общины).

Выяснивъ вопросъ объ условіяхъ возникновенія представительства, авторъ переходитъ къ исторіи московскихъ соборовъ и посвящаетъ ей пять главъ своего сочиненія: въ I-й онъ описываетъ соборы при Иванѣ IV, во II-й — въ смутное время, въ III-й — при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, въ IV-й — при Алексѣѣ Михайловичѣ, и, наконецъ, въ V-й — послѣдніе соборы съ 1676 г. по 1698 (64—256).

Въ этой части своего труда г. Латкинъ подробно изслѣдуетъ не только соборы, которые созывались государями для рѣшенія разнаго рода вопросовъ по внутренней и внѣшней политикѣ и по законодательству, но и соборы избирательные и всякія иныя обращенія московскихъ государей къ народу, которыя, хотя и не подходятъ подъ понятіе собора въ строгомъ и тѣсномъ значеніи слова, но отнесены имъ къ тому же роду явленій, разсматриваемыхъ въ широкомъ смыслѣ, на томъ основаніи, что и они являютъ актъ непосредственныхъ сношеній царя съ народомъ.

Для характеристики труда г. Латкина, обозначимъ съ нѣкоторою подробностью содержаніе I-й главы.

Онъ начинаетъ съ характеристики положенія Московскаго государства наканунѣ созванія перваго собора Иваномъ IV, затѣмъ установляетъ годъ перваго собора, разбираетъ происходившее на соборѣ въ связи съ обстоятельствами, предшествовавшими его созванію, и, наконецъ, указываетъ возможное вліяніе этого собора на послѣдующую преобразовательную дѣятельность Ивана Грознаго. По каждому вопросу приведены первоначальные источники и высказанныя уже въ литературѣ мнѣнія и подвергнуты обстоятельной критикѣ. Такая же многосторонняя работа произведена и по поводу собора 1566 г.; авторомъ кромѣ подлинныхъ источниковъ, приведены и разобраны здѣсь мнѣнія Соловьева, Аксакова, Чичерина и Загоскина. Въ концѣ главы онъ приводитъ свидѣтельства источниковъ объ обращеніяхъ царя къ народу въ 1564 г., за которымъ послѣдовало учрежденіе опричины, и въ 1579 г., во время Ливонской войны, а также провѣряетъ мнѣнія, высказанныя по поводу этихъ событій въ нашей исторической литературѣ.

Въ послѣдующихъ главахъ авторъ съ тою же полнотою собираетъ всѣ сохранившіяся въ русскихъ и иностранныхъ источникахъ свѣдѣнія о позднѣйшихъ соборахъ, до конца XVII в., и подвергаетъ ихъ всесторонней обработкѣ, постоянно приводя и провѣряя мнѣнія своихъ предшественниковъ.

Г. Латкина можно упрекнуть скорѣе въ томъ, что онъ иногда выходитъ за предѣлы своей задачи и говоритъ о предметахъ, которые могъ бы обойти молчаніемъ, чѣмъ въ неполнотѣ. Такъ, говоря объ избирательномъ соборѣ 1613 г., онъ цѣлыя 20 стр. посвящаетъ изложенію обстоятельствъ избранія Михаила Ѳедоровича на престолъ. Приводимыя имъ подробности не относятся къ исторіи соборовъ; но онъ такъ искусно соединилъ ихъ со свѣдѣніями о дѣятельности собора, что онѣ, нисколько не утомляя и не развлекая вниманіе читателя, послужили лишь къ увеличенію интереса книги. Въ отдѣлѣ, посвященномъ собору 1648—9 г., онъ дѣлаетъ обстоятельную сводку всего, высказаннаго въ нашей литературѣ о томъ, въ какихъ именно статьяхъ Уложенія можно видѣть слѣды работы чиновъ этого собора. Это, конечно, чрезвычайно важный вопросъ исторіи составленія Уложенія и хотя касается дѣятельности уложеннаго собора, но спеціальная его разработка не обязательна для автора «исторіи соборовъ въ древней Руси».

Шестая глава отличается отъ пяти ей предшествующихъ своимъ догматическимъ характеромъ: она посвящена обзору организаціи и компетенціи московскихъ соборовъ (256—291). Первый вопросъ, на которомъ останавливается здѣсь авторъ, есть вопросъ о видахъ соборовъ. Онъ раздѣляетъ ихъ, по различію назначенія соборовъ, на избирательные и неизбирательные и, по различію состава, на относительно полные и на абсолютно неполные, или фиктивные. Относительно полные въ свою очередь подраздѣляются на общегосударственные и областные или мѣстные, собиравшіеся исключительно въ смутное время. Разбирая прежде высказанное по тому же

поводу мнѣніе, авторъ говоритъ: «г. Загоскинъ дѣлитъ соборы на полные, неполные и фиктивные. Первые, по его мнѣнію, заключаютъ въ себѣ дѣйствительное представительство всего населенія Московскаго государства, вторые же лишь представительство болѣе или менѣе значительной части его. По нашему мнѣнію, такое дѣленіе не имѣетъ никакого основанія, вслѣдствіе отсутствія какого бы то ни было критерія для различенія понятія «полнаго» собора отъ понятія «неполнаго». Почему соборъ 1649 г. можетъ быть названъ полнымъ соборомъ (какъ полагаетъ г. Загоскинъ), когда на немъ не было представителей отъ крестьянъ и нѣкоторыхъ городовъ, а соборъ 1642 г. неполнымъ, когда на немъ также не было представителей отъ крестьянъ и нѣкоторыхъ городовъ? Очевидно, подобное дѣленіе не выдерживаетъ критики, и гораздо удобнѣе дѣлить всѣ соборы не на три категоріи, а на двѣ; къ первой можно отнести соборы относительно полные, ко второй же соборы абсолютно неполные, иначе фиктивные, гдѣ населеніе всего Московскаго государства отожествляется съ жителями города Москвы».

Установивъ виды соборовъ, г. Латкинъ разсматриваетъ: поводы ихъ созванія, составъ, порядокъ выборовъ, порядокъ занятій и, наконецъ, компетенцію. Рѣшеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ, какъ напр., о порядкѣ выборовъ, значительно подвинуто впередъ изданнымъ авторомъ приложеніемъ къ его изслѣдованію (Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія, С.-ПБ. 1884 г. стр. 1—288), въ которомъ напечатаны нѣкоторые новые матеріалы, извлеченные имъ изъ московскихъ архивовъ Мин. юстиціи и иностранныхъ дѣлъ.

Въ послѣдней главѣ (VII, 291—401) авторъ, пользуясь богатой западно-европейской литературой, даетъ историческій очеркъ организаціи и компетенціи представительныхъ учрежденій въ Германіи, Франціи, Англіи, Испаніи, Швеціи и Венгріи.

Въ небольшомъ заключеніи, слѣдующемъ за VII гл. (401—413), находимъ сводъ главнѣйшихъ сходствъ и различій между московскими соборами и западно-европейскими представительными учрежденіями; матеріалъ для этого свода дается всѣмъ предшествующимъ изслѣдованіемъ.

Таковъ планъ богатой содержаніемъ книги г. Латкина. Въ нашей литературѣ существуетъ уже нѣсколько изслѣдованій по исторіи и организаціи московскихъ соборовъ; но полнаго историческаго описанія всѣхъ соборовъ мы до сихъ поръ не имѣли. Этотъ пробѣлъ съ успѣхомъ восполненъ сочиненіемъ г. Латкина. Въ

книгѣ его читатель найдетъ прекрасную обработку источниковъ по исторіи московскихъ соборовъ и, для сравненія съ ними, достаточное количество данныхъ по исторіи представительныхъ учрежденій на Западѣ.

Но избранный г. Латкинымъ предметъ изслѣдованія представляетъ значительныя трудности. Онѣ заключаются не только въ его обширности и новости задачи сравнительнаго изученія, которое далеко еще не выработало окончательно своихъ пріемовъ, но и въ особенностяхъ нашихъ первоначальныхъ источниковъ. Изслѣдователь имѣетъ здѣсь дѣло не съ царскими указами, ясно опредѣляющими составъ соборовъ, ихъ дѣятельность и права, а съ практикой почти всегда непостоянной въ своихъ формахъ, незаконченной и притомъ дошедшей до насъ далеко не цѣликомъ, а въ очень скудныхъ отрывкахъ. Въ большинствѣ случаевъ авторъ выходитъ успѣшно изъ представляющихся ему трудностей. Но и у него можно найдти положенія и выводы, которые еще нуждаются въ дальнѣйшей провѣркѣ. Въ интересѣ дѣла мы представимъ нѣсколько соображеній по поводу нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ книгой г. Латкина.

Авторъ ставитъ чрезвычайно любопытный вопросъ объ отношеніи первичной формы народныхъ собраній къ представительству и рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что въ западной Европѣ была переходная форма, которую онъ называетъ «второй фазой развитія народныхъ собраній»; въ Москвѣ же такой переходной формы онъ не усматриваетъ.

«Вторая фаза развитія народныхъ собраній» въ томъ видѣ, какъ они описаны г. Латкинымъ, отличается отъ первой не принципіально, а фактически. Это признаетъ онъ и самъ. На стр. 17 читаемъ: «Что было возможно въ небольшихъ германскихъ государствахъ временъ Тацита, то сдѣлалось невозможнымъ во Франкской монархіи. Все свободное населеніе большаго государства не могло появляться на народныхъ собраніяхъ, вслѣдствіе дальности разстоянія и пр. Отсюда вытекало ослабленіе интереса къ народнымъ собраніямъ... На нихъ стали являться только высшіе слои общества... Народъ имѣлъ право посѣщать ихъ, но не могъ. Путь къ этому былъ пресѣченъ не юридически, а фактически» (17). Одно фактическое различіе, кажется намъ, еще не можетъ создать особой «фазы развитія». Фактическія различія въ составѣ народныхъ собраній могли имѣть мѣсто и въ періодъ полнаго процвѣтанія первичной формы. Люди богатые и сильные, конечно, всегда посѣщали на-

родныя собранія болѣе усердно, чѣмъ люди мелкіе, и играли на нихъ болѣе дѣятельную роль, давая дѣламъ направленіе, соотвѣтствующее ихъ личнымъ интересамъ.

Наши отечественные источники также сохранили нѣкоторыя указанія на случаи преобладающей дѣятельности лучшихъ людей, бояръ, въ періодъ первичныхъ народныхъ собраній. Въ концѣ XII в., въ знаменитой борьбѣ старыхъ и новыхъ городовъ Ростовской волости, очень замѣтно рѣшающее вліяніе на дѣла боярской партіи старыхъ городовъ, Ростова и Суздаля. Преобладающею волею бояръ этихъ городовъ надо объяснять призваніе, по смерти Андрея Боголюбскаго, Ростиславичей (Мстислава и Ярополка), о которыхъ лѣтописецъ говоритъ, что они слушались бояръ, а бояре учили ихъ на многое иманіе. Эти лучшіе люди, надо думать, сходились на совѣщанія и безъ народа. Прямое на это указаніе можно видѣть въ обращеніи суздальцевъ (простаго народа) къ князю Михалкѣ, призванному владимірцами: «мы, княже, говорятъ они, на полку томъ съ Мстиславомъ (Ростиславичемъ, сражавшимся противъ Михалки) не были, но были съ нимъ бояре, а на насъ лиха сердца не держи, но поѣди къ намъ» (лѣт. Пер. сузд. 86 и сл.). Одни бояре, слѣдовательно, оказываютъ поддержку съ оружіемъ въ рукахъ любимцу своему, Мстиславу. Они одни, по всей вѣроятности, и рѣшеніе объ этомъ постановили на боярской сходкѣ; а если на этой сходкѣ присутствовалъ и народъ, то роль его, во всякомъ случаѣ, была второстепенная. Народъ выступаетъ съ своимъ мнѣніемъ только послѣ того, какъ боярская партія потерпѣла пораженіе отъ владимірцевъ.

Переходную фазу авторъ видитъ въ риттертагахъ и имъ подобныхъ учрежденіяхъ. Но риттертаги не фактически только отличаются отъ народныхъ собраній въ первичной формѣ, а принципіально. Рыцарскія собранія посѣщаются рыцарями не въ качествѣ членовъ народа, а въ качествѣ вассаловъ своего сюзерена. Они зиждутся на иной основѣ, чѣмъ народныя собранія.

Авторъ совершенно правъ, утверждая, что у насъ не было феодальной системы; но и у насъ были служилые люди, княжіе бояре, получавшіе отъ князя разнаго рода награды за свою службу и, между прочимъ, право суда и управленія въ предѣлахъ своихъ владѣній. Эти княжіе бояре не одно и то же съ рыцарями западной Европы; но родство между ними есть, и они, также какъ и рыцари, созываются князьями на особыя совѣщанія, на которыхъ народъ не присутствуетъ. Совѣщанія князей съ служилыми

людьми проходятъ чрезъ всю нашу исторію, и если авторъ говоритъ о дворцовыхъ собраніяхъ и собраніяхъ рыцарей, ему слѣдовало обратить вниманіе и на соотвѣтствующія имъ собранія княжескихъ служилыхъ людей. Отъ конца XIV в. сохранилось чрезвычайно любопытное свидѣтельство о «соборѣ» во дворцѣ тверскаго князя. Въ 1390 г. Михаилъ Александровичъ Тверской пригласилъ къ себѣ митрополита Кипріана. Три дня продолжался пріемный пиръ въ честь почетнаго гостя. На четвертый велик. князь собралъ въ своихъ палатахъ соборъ. Вотъ какъ описываетъ составъ его лѣтописецъ: «А на четвертый день собрашася архимандриты и игумены и презвитеры, діаконы и весь священническій и иноческій чинъ къ велик. князю; онъ же созва бояре свои и совокупи обои въ едино мѣсто, и священный соборъ и мирскихъ соборъ, и посла къ Кипріану митрополиту всея Руси» (Рус. лѣт. IV, 195 и сл.). «Соборъ мірскихъ» не есть соборъ въ позднѣйшемъ смыслѣ, такъ какъ на немъ не было выборныхъ людей, это соборъ служилыхъ людей князя по поименному приглашенію. Въ соединеніи же съ освященнымъ соборомъ онъ можетъ быть причисленъ къ одному роду явленій съ нѣмецкими дворцовыми собраніями. Они созывались, между прочимъ, и для суда. Для суда надъ Тверскимъ епископомъ Евфиміемъ былъ созванъ и соборъ 1390 г.

Думаемъ, поэтому, что вопросъ объ отношеніи первичныхъ собраній къ представительнымъ и объ имѣющихъ открыться сдѣсь сходствахъ и различіяхъ между древними русскими порядками и западно-европейскими нуждается еще въ пересмотрѣ. Мы не отрицаемъ глубокаго различія между феодальной Европой и незнавшей феодализма Россіей; но полагаемъ, что между Западомъ и нашимъ отечествомъ есть нѣкоторыя точки соприкосновенія, которыя до сихъ поръ еще не были оцѣнены по достоинству. Наша ученая литература болѣе занимается различіями, чѣмъ сходствами. Первыя уже по тому одному выступаютъ въ преувеличенномъ видѣ, что послѣднія совсѣмъ опускаются изъ вниманія.

Автору исторіи соборовъ надо было перечислить и описать всѣ соборы, которые созывались въ Москвѣ. Г. Латкинъ это дѣлаетъ. Но это трудъ не легкій въ виду того, что наши древніе памятники слово «соборъ» употребляютъ въ очень разнообразныхъ смыслахъ и въ примѣненіи къ собраніямъ, часто не имѣющимъ между собой ничего общаго. Въ виду такого состоянія источниковъ нельзя удивляться, если критика найдетъ что нибудь сомнительное въ этой части труда г. Латкина

Авторъ относитъ къ соборамъ собраніе людей разныхъ чиновъ, состоявшееся подъ Москвой, въ 1611 г., въ станѣ Ляпунова, князя Трубецкаго и Заруцкаго, и обращеніе людей разныхъ чиновъ къ Михаилу Ѳедоровичу, въ 1619 г., съ просьбой о возведеніи митрополита Филарета на патріаршую каѳедру. О первомъ собраніи онъ самъ говоритъ, что оно было составлено изъ всякаго сброда, болѣе годнаго для грабежа, чѣмъ для правильной войны. Къ соборамъ же онъ относитъ это ополченіе потому, что оно избрако изъ своей среды правительство, считавшее себя правительствомъ всей Россіи, и нѣкоторое время дѣйствовало вмѣстѣ съ нимъ. Ополченіе въ данномъ случаѣ захватило власть въ свои руки и только. Чтобы быть соборомъ, лица, входившія въ его составъ, должны были быть избраны съ этою цѣлію сословіями, чего не было. По той же причинѣ нельзя считать соборомъ и собраніе челобитчиковъ 1619 г. Ни отъ куда не видно, что это были выборные люди. Изъ выраженій источниковъ можно скорѣе заключить, что это было всенародное челобитье московскихъ людей, составившихъ нѣчто въ родѣ вѣча. Кто хотѣлъ, тотъ и пошелъ бить челомъ. Для устроителей этой манифестаціи было выгодно, чтобы народу собралось много.

На стр. 147—151 авторъ присоединяется къ высказанному проф. Загоскинымъ мнѣнію о томъ, что избирательный соборъ 1613 г. продолжалъ дѣйствовать и послѣ вступленія на престолъ Михаила Ѳедоровича и былъ распущенъ лишь въ концѣ 1615 г. Не будемъ отрицать возможности такого факта; думаемъ только, что и послѣ изслѣдованія г. Латкина онъ остается по прежнему предположеніемъ.

Въ доказательство продолжающейся дѣятельности избирательнаго собора 1631 года приводится грамота отъ 1615 года объ уплатѣ Строгановыми въ царскую казну 13.810 р. (А. Э. III. № 68), ссылающаяся на приговоръ всей земли о сборѣ со всякихъ людей служилымъ чинамъ на жалованье. Предполагаютъ, что грамота эта ссылается на приговоръ избирательнаго собора, состоявшійся въ 1615 г.

Есть гораздо болѣе основаній думать, что грамота Строгановымъ имѣетъ въ виду не засѣданіе избирательнаго собора въ 1615 г., а засѣданіе его въ апрѣлѣ 1613 г. Утверждаемъ это на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, находящихся въ I т. Дворцовыхъ разрядовъ и приложеній къ нимъ. Отказываясь отъ московскаго престола, Михаилъ Ѳедоровичъ и мать его, инокиня Марѳа, между

прочимъ ссылались на то, что царская казна пуста и служилыхъ людей жаловать нечѣмъ (ст. 57). Позднѣе, по изъявленіи уже согласія на избраніе, Михаилъ Ѳедоровичъ послалъ въ Москву изъ Ярославля, отъ 8-го апрѣля, грамоту, въ которой, повторяя прежнія жалобы на конечное разореніе государства, предлагалъ собору учинить приговоръ о томъ, чѣмъ ему дворянъ, дѣтей боярскихъ и прочихъ служилыхъ людей жаловать, поить и кормить и свои обиходы полнить, и отписать ему о томъ вскорѣ (№ 21). Эта царская грамота получена соборомъ 14-го апрѣля, а 2-го мая государь пріѣхалъ въ Москву (№ 67). Соборный приговоръ о сборѣ всякой казны состоялся, конечно, немедленно вслѣдъ за полученіемъ царской грамоты. Чины собора очень настаивали на скоромъ пріѣздѣ новоизбраннаго царя въ Москву и потому должны были поспѣшить исполненіемъ его требованія. Въ силу этого-то приговора, состоявшагося во второй половинѣ апрѣля 1613 г., въ томъ же году со Строгановыхъ взяли 3 т. р., а въ 1615 г. дополнительныхъ къ этому платежу, по таможеннымъ книгамъ, съ нихъ довелось взять еще 13,810 р.

На основаніи исполнительныхъ грамотъ, ссылающихся на приговоръ всей земли, къ числу которыхъ относится и грамота 1615 г. Строгановымъ, нельзя еще дѣлать заключенія о томъ, что соборъ происходилъ въ томъ году, какимъ помѣчена грамота. Грамоты разныхъ лѣтъ могутъ быть написаны во исполненіе одного и того же соборнаго приговора. Грамоты отъ 14 и 15-го апрѣля 1614 г. также, по всей вѣроятности, имѣютъ въ виду вышеупомянутый апрѣльскій приговоръ 1613 г., а не новый, состоявшійся въ 1614 г., какъ думаетъ г. Латкинъ.

До сихъ поръ еще не открыто достовѣрныхъ указаній на дѣятельность избирательнаго собора 1613 г., послѣ пріѣзда царя въ Москву. Дворцовые разряды этого года (I, 100) называютъ соборомъ совѣщаніе царя съ духовенствомъ и боярами, а не съ выборными людьми.

1-го сентября 1614 года въ Москвѣ происходило засѣданіе собора, но составъ его неизвѣстенъ; а потому и нельзя сказать, кто принималъ въ немъ участіе, выборные люди избирательнаго собора 1613 г., или новые.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о числѣ соборовъ стоитъ вопросъ о видахъ соборовъ, или ихъ классификаціи. Мы привели выше поправку къ мнѣнію проф. Загоскина, которую предлагаетъ г. Латкинъ. Онъ удерживаетъ въ своей классификаціи «фиктив-

ные соборы» г. Загоскина, а два первые его вида, полные и неполные, сливаетъ въ одинъ «относительно полныхъ». Но «фиктивные соборы» суть народныя собранія въ первичной формѣ вѣча, а не соборы въ смыслѣ сословнаго представительства. Это признаетъ и самъ авторъ поправки. За исключеніемъ фиктивныхъ у него остается только одинъ видъ «относительно полныхъ». Нельзя, однако, утверждать, что всѣ «относительно полные» соборы были одинаковы по своему составу. При опредѣленіи видовъ соборовъ нельзя отправляться отъ случайнаго ихъ состава въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ. Съ этой точки зрѣнія г. Латкинъ совершенно правъ, утверждая, что въ дѣйствительности нѣтъ соборовъ полныхъ и неполныхъ, а есть только относительно полные. Но фактическій составъ не рѣшаетъ еще вопроса о видахъ соборовъ. При опредѣленіи видовъ надо исходить изъ сути сословнаго представительства. Правительство обращается или къ представителямъ всѣхъ сословій, или только нѣкоторыхъ, смотря по тому, всѣ сословія или только нѣкоторыя полезно, по его мнѣнію, привлечь къ обсужденію возбуждаемаго имъ вопроса. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ всесословные соборы, во второмъ — соборы изъ чиновъ одного или нѣсколькихъ сословій. Это естественное различіе соборовъ по составу и подало поводъ нашимъ историкамъ дѣлить ихъ на полные и неполные. Мы согласимся съ г. Латкинымъ, что названіе «полные и неполные» было избрано не удачно. Терминъ «полный соборъ» заставляетъ допискиваться полноты состава, чего въ дѣйствительности никогда не было и къ чему московское правительство даже и не особенно стремилось. Оно было уже довольно, если всѣ призываемыя имъ сословія были представлены, хотя бы численно и далеко не полно. Но по существу старое дѣленіе надо удержать, только вмѣсто полныхъ и неполныхъ правильнѣе говорить: соборы всесословные и соборы нѣкоторыхъ только сословій. Это будетъ дѣленіе по составу, а не по значенію. Значеніе же тѣхъ и другихъ соборовъ одинаково. Это и понятно. Правительство, собирая нѣкоторыя только сословія, обращается къ тѣмъ изъ нихъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ разрѣшить возбуждаемый имъ вопросъ. Призваніе посадскихъ людей на соборъ объ отмѣнѣ мѣстничества, напримѣръ, ничего существеннаго къ дѣлу не прибавило бы, такъ какъ служба дворянъ и ея порядки посадскимъ людямъ «не за обычай». Тоже надо сказать и о призывѣ служилыхъ чиновъ на соборъ по вопросамъ торговли. Мнѣніе, высказанное К. Аксаковымъ въ извѣстной полемикѣ его съ Соловьевымъ, о томъ, что обращеніе царей къ неполнымъ соборамъ не представляетъ доказательства упадка соборной жизни, и въ настоящее время должно быть признано справедливымъ.

На стр. 281 авторъ, подводя итоги общаго числа соборовъ, нѣсколько исправляетъ крайность своего прежняго заключенія и перечисляетъ не только соборы относительно полные, но и неполные.

Мы выше замѣтили, что вопросъ объ участіи чиновъ собора 1648—9 г. въ составленіи отдѣльныхъ статей Уложенія могъ быть обойденъ авторомъ безъ всякаго ущерба для полноты его изслѣдованія. Но онъ не обошелъ его, а представилъ основательно составленный сводъ всего сказаннаго по этому предмету. Послѣдуетъ и мы за нимъ въ эту интересную область.

Вопросъ объ участіи чиновъ 1648—9 годовъ въ составленіи Уложенія въ послѣднее время привлекаетъ къ себѣ вниманіе многихъ нашихъ ученыхъ.

Въ общемъ онъ поставленъ правильно, но въ частностяхъ многое еще нуждается въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

Г. Латкинъ присоединяется къ результатамъ изысканій проф. Загоскина, предлагая къ нимъ нѣкоторыя поправки на основаніи трудовъ г.г. Мейчика и Платонова.

Что чины собора 1648—9 г. были созваны для составленія Уложенія, это не подлежитъ сомнѣнію; что они приняли, вольно или невольно, все Уложеніе, это слѣдуетъ заключить изъ ихъ рукоприкладства подъ Уложеніемъ. Но за этимъ принципіальнымъ рѣшеніемъ вопроса возникаетъ цѣлая масса частныхъ вопросовъ о мѣрѣ участія чиновъ собора въ составленіи Уложенія. Обо всѣхъ ли статьяхъ Уложенія разсуждали на соборѣ, или только о нѣкоторыхъ? Челобитье выборныхъ людей, доложенное царю, передавалось ли на обсужденіе освященнаго собора и думы, или заносилось прямо въ списокъ Уложенія по царскому указу? Не вошли ли въ составъ Уложенія и такія статьи, которыя были прочитаны чинамъ собора только для свѣдѣнія, потому, напр., что государь, царь и вел. князь Алексѣй Михайловичъ, по докладу князя Одоевскаго съ товарищами, приказалъ написать ихъ въ Уложеніе безъ всякаго обсужденія на соборѣ?

Надо думать, что отношеніе чиновъ собора къ разнымъ статьямъ Уложенія было различное, а отъ сюда и возникаетъ вопросъ, надъ какими же статьями дѣйствительно трудились чины собора?

Нѣкоторыя изъ такихъ статей были давно уже указаны. Проф. Загоскинъ въ своей рѣчи объ Уложеніи значительно увеличиваетъ ихъ число: съ 19 онъ доводитъ ихъ до 82. Чрезвычайно интересное изслѣдованіе его по этому предмету нуждается, однако, въ провѣркѣ и болѣе всесторонней чѣмъ та, которая произведена г. Латкинымъ.

Не всѣ пріемы, которыми онъ пользуется для открытія статей, въ составленіи которыхъ участвовали чины собора, одинаково вѣрны. Онъ считаетъ составленными соборомъ всѣ тѣ 17 статей, противъ которыхъ въ рукописи Уложенія отмѣчено, что онѣ новыя. Что нѣкоторыя новыя статьи были приняты съ общаго совѣта, это надо допустить на томъ основаніи, что такой порядокъ для новыхъ статей прямо предписанъ указомъ 16-го іюля 1648 г. Но практика XVII в. никогда не держалась строго указовъ. Изъ самаго Уложенія видно, что предписаніе объ общемъ совѣтѣ не всегда примѣнялось къ новымъ статьямъ. Статья объ учрежденіи монастырскаго приказа—новая; но въ Уложеніи объ учрежденіи его сказано, что государь, царь и вел. князь Алексѣй Михайловичъ указалъ быть монастырскому приказу по челобитью стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и городовыхъ и посадскихъ людей. Объ участіи же въ этомъ нововведеніи бояръ и духовенства—ни слова. Отмѣна урочныхъ лѣтъ называется «соборнымъ Уложеніемъ», но послѣдовала она по челобитью духовенства, думныхъ людей и служилыхъ чиновъ (А. И. IV, № 30); торговые люди и посадскіе въ этомъ дѣлѣ не участвовали. Можно было, значитъ, и новую статью написать безъ общаго совѣта. Вотъ почему мы думаемъ, что отмѣтки въ рукописи Уложенія не рѣшаютъ еще вопроса о происхожденіи статьи. Да онѣ и сами нуждаются въ провѣркѣ. Статья, отмѣченная новой, можетъ оказаться старой. На это было уже указано г. Мейчикомъ.

Но изъ того, что «общимъ совѣтомъ» предписано составлять только новыя статьи, а старыя, по которымъ есть указы, приказано было только собрать, — еще не слѣдуетъ, что члены собора вовсе не вмѣшивались въ редакцію старыхъ статей. Запрещенія тяглымъ людямъ отчуждать бѣломѣстцамъ свои тяглые участки дѣлались задолго до Уложенія. Такіе указы сохранились отъ 1642, 1634, 1627, 1621 и болѣе раннихъ годовъ; а между тѣмъ статьи о томъ же предметѣ Уложенія (XIX, 15 и 16) такъ близко формулированы къ тексту челобитныхъ чиновъ 1648 г., доложенныхъ царю княземъ Одоевскимъ съ товарищами, что

есть полное основаніе думать о непосредственномъ вліяніи этихъ челобитныхъ на текстъ подлежащихъ статей Уложенія. Чины собора не ждали, слѣдовательно, когда князь Одоевскій съ товарищами извлекутъ изъ старыхъ указовъ то, что имъ нужно, а упреждали эту работу.

Единственно вѣрное основаніе для опредѣленія статей, надъ составленіемъ которыхъ трудились чины собора, если это не указано въ текстѣ Уложенія, составляютъ ихъ челобитныя. Этимъ средствомъ превосходно воспользовался проф. Загоскинъ. Но онъ приписываетъ дѣятельности собора не только статьи, которыя прямо вытекаютъ изъ челобитныхъ, но и многія другія на томъ основаніи, что онѣ составляютъ «ихъ дальнѣйшее развитіе».

Этотъ пріемъ кажется намъ нѣсколько шаткимъ. Если даже и допустить, что извѣстный рядъ статей есть дальнѣйшее развитіе предшествующихъ, все же остается неизвѣстнымъ, кому принадлежитъ это развитіе: челобитчикамъ, князю Одоевскому съ товарищами, или царской думѣ. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно еще спорить, составляютъ-ли послѣдующія статьи дальнѣйшее развитіе предшествующихъ, или имъ противорѣчатъ.

Уже было указано, что 17 статей XIX главы почти буквально воспроизводятъ челобитья членовъ собора отъ 30-го октября и 25-го ноября 1648 г. Н. П. Загоскинъ считаетъ и послѣдующія статьи: 19-ю и съ 28-й по 34-ю дальнѣйшимъ развитіемъ челобитья 25-го ноября. Это едва-ли такъ. Челобитчики 25-го ноября просили, чтобы «на Москвѣ и въ городахъ, на посадахъ и около, и въ слободахъ — торговыхъ людей, крестьянъ и бобылей и закладчиковъ и откупщиковъ, опричь его государевыхъ торговыхъ людей, нигдѣ ничьихъ не было». Мы не видимъ никакой связи съ этимъ челобитьемъ въ статьѣ 19-й, которая предоставляетъ посадскимъ людямъ жить въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ они ожились; или въ статьѣ 21-й, которая разрѣшаетъ не брать вольныхъ людей по ихъ женамъ въ черныя слободы.

То же надо сказать и о шести (со 2-й по 7-ю) статьяхъ XIII главы, которыя авторъ разсматриваетъ, какъ дальнѣйшее развитіе челобитья объ учрежденіи монастырскаго приказа.

Статьи 1-ю и 2-ю главы IX г. Загоскинъ приписываетъ челобитью дворянъ и всѣхъ городовыхъ служилыхъ людей, поданному въ 1648 г. и доложенному царю кн. Одоевскимъ съ товарищами. Это надо принять. Но нельзя согласиться, что послѣдующія (всего около двѣнадцати) представляютъ дальнѣйшее развитіе этого че-

лобитья. Въ ихъ числѣ есть двѣ (5-я и 8-я), составленныя съ очевиднымъ желаніемъ обратить въ ничто предоставленное 2-ю статьею дворянамъ право искать безъ срока бѣглыхъ крестьянъ, записанныхъ въ писцовыхъ книгахъ 1626 г. Челобитья не всегда послѣдовательно развивались, иногда они тормазились.

Не будемъ подводить итога статьямъ, составленнымъ при участіи членовъ собора. Для этого необходимо детальная провѣрка выводовъ проф. Загоскина. Ограничимся указаніемъ одной новой статьи, которою этотъ будущій итогъ можетъ быть пополненъ: мы разумѣемъ 22-ю ст. XI гл., установляющую пытку для бѣглыхъ крестьянъ, которые, не желая возвратиться къ прежнимъ владѣльцамъ, станутъ отрекаться отъ своихъ отцовъ и матерей. Именно объ этомъ просили въ 1648 г. дворяне московскіе и городовые и служилые люди разныхъ городовъ (А. Э. IV, № 30).

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе о сравненіяхъ, которымъ г. Латкинъ отводитъ весьма видное мѣсто въ своемъ изслѣдованіи. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что московскіе соборы принадлежатъ къ одному роду явленій съ англійскими парламентами, французскими генеральными штатами и другими подобными имъ сословнопредставительными собраніями западной Европы: Такой полный трудъ по исторіи соборовъ, какимъ представляется книга г. Латкина, не могъ обойти вопроса объ отношеніи нашихъ соборовъ къ западно-европейскимъ представительнымъ учрежденіямъ. Авторъ дастъ весьма богатый матеріалъ для изученія сходствъ и различій сравниваемыхъ имъ учрежденій. Но сравнительное изученіе явленій общественнаго быта такъ еще юно, пріемы его такъ еще мало установились, что въ этой области каждому изслѣдователю приходится идти ощупью и самому прокладывать себѣ дорогу. При такомъ положеніи дѣла неудивительно, что каждый новый шагъ по этому едва намѣченному пути возбуждаетъ споры и вызываетъ поправки. Не избѣгла этой участи и попытка г. Латкина. Намъ кажется, что онъ не оцѣнилъ надлежащимъ образомъ то обстоятельство, что представительныя учрежденія далеко не имѣли вездѣ одинаковую судьбу. Въ однихъ государствахъ на долю ихъ выпала богатая исторія и они успѣли твердо закрѣпить за собою то положеніе, которымъ первоначально пользовались лишь благодаря доброй волѣ созывавшихъ изъ государей; въ другихъ они пережили только моментъ зародышнаго состоянія, изъ котораго имъ такъ и не удалось выдти на болѣе широкое поприще законнаго признанія за ними права участія въ законодательствѣ,

въ обложеніи податями и т. д. Къ представительнымъ учрежденіямъ этого послѣдняго рода относятся и московскіе соборы, а потому автору слѣдовало обратить особое вниманіе на эту ихъ особенность и ограничить сравненіе ихъ съ западно-европейскими представительными учрежденіями только моментомъ зародышнаго состоянія тѣхъ и другихъ, не переходя къ тому времени, когда нѣкоторыя изъ западно-европейскихъ представительныхъ собраній достигли уже законнаго признанія своихъ правъ.

Если читатель и не всегда, быть можетъ, присоединится къ г. Латкину въ рѣшеніи имъ темныхъ, а потому и очень спорныхъ вопросовъ, за то по всѣмъ этимъ вопросамъ онъ найдетъ въ его книгѣ чрезвычайно обстоятельный сводъ всѣхъ существующихъ мнѣній и весьма полное указаніе источниковъ.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ я полагаю, что сочиненіе г. Латкина вполнѣ заслуживаетъ награды графа Уварова.

IV.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ Г. ЗАГОРОВСКАГО О РАЗВОДѢ ПО РУССКОМУ ПРАВУ. ХАРЬКОВЪ, 1884.

Составленный профессоромъ Н. С. Суворовымъ.

Авторъ этого сочиненія, какъ выражено въ предисловіи къ нему, поставилъ себѣ цѣлью прослѣдить не исторію только законодательства о разводѣ, а «исторію русскаго правосознанія въ институтѣ развода». Такъ какъ правосознаніе народное выражается не въ однѣхъ только законныхъ книгахъ, и вообще не въ однихъ законодательныхъ актахъ, но также и въ юридическихъ дѣйствіяхъ самого народа, то г. Загоровскій старался изучить взятый имъ вопросъ съ этихъ двухъ сторонъ: оффиціальнаго и неоффиціальнаго народнаго правосознанія. Другими словами, изученію г. Загоровскаго подлежало не только то, что постановлялось властію, но и то, что «бытовало», какъ онъ обыкновенно выражается. Мало того, изъ книги самой видно (стр. 327), что даже и «бытованіе» авторъ различаетъ двоякое: оффиціальное, находившее себѣ выраженіе въ практикѣ судебной, и неоффиціальное, выражавшееся въ явленіяхъ быта. Важность и плодотворность задачи, которою задается авторъ, для русской юридической науки, не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ «Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ» Неволина можно найдти массу свѣдѣній и фактовъ по бракоразводному праву, какъ римско-византійскому, такъ и русскому; точно также многое можно найдти по бракоразводному праву у другихъ изслѣдователей напр. въ сочиненіи С. М. Шпилевскаго: «Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ.», въ «Курсѣ гражданскаго права» К. П. Побѣдоносцева, въ «Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права» В. И. Сергѣевича, въ сочиненіи М. И. Горчакова: «О тайнѣ супружества», наконецъ въ сочиненіяхъ бытописателей, изображающихъ бытъ русскаго народа, напр. у Терещенки, Смирнова и проч. Но спеціальной ученой монографіи о разводѣ до сихъ поръ не было въ русской литературѣ, кромѣ небольшаго сочиненія А. Способина: «О разводѣ въ Россіи. Москва, 1881», составленнаго не профессіональнымъ ученымъ и безъ всякихъ претензій на научную разработку вопроса. Спеціальное ученое изслѣдованіе о разводѣ, составленное притомъ по такой широкой, многообѣщающей, программѣ, какая изложена въ предисловіи къ книгѣ г. Загоровскаго, было бы несомнѣнно такою книгою, каторая восполнила бы весьма замѣтный пробѣлъ въ отечественной наукѣ. Немаловажную бы цѣну должно было имѣть изслѣдованіе о разводѣ по русскому праву, если бы даже авторъ ограничился только законодательною, такъ сказать, исторіею этого, въ высшей степени важнаго въ юридической, общественной и государственной жизни, института. И еще большую цѣну оно должно бы было имѣть, если бы изслѣдователь — юристъ, не ограничиваясь этою стороною института изобразилъ еще кромѣ того движеніе народнаго правосознанія въ области бракоразводнаго права. Юристъ лучше, чѣмъ кто либо другой, могъ бы избѣжать довольно обыкновенной у бытописателей ошибки, состоящей въ томъ, что всѣ вообще явленія жизни безъ разбора принимаются за выраженіе правосознанія народнаго причемъ забывается, что во многихъ явленіяхъ можетъ выражаться не правосознаніе, а разнузданность произвола и разгулъ страстей, эксцессъ, не имѣющій себѣ никакого юридическаго оправданія. Если во всякую вообще историческую эпоху возможны подобные эксцессы, то тѣмъ болѣе они возможны у народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры, такъ что, слѣдовательно, при изображеніи древняго быта, тѣмъ болѣе необходимымъ оказывалось бы установленіе болѣе или менѣе твердаго критеріума для распознанія того, въ чемъ слѣдуетъ и въ чемъ нельзя искать выраженіе народнаго правосознанія. Насколько выполнилъ г. Загоровскій свою трудную программу, видно будетъ изъ нижеслѣдующаго.

Авторъ изслѣдованія о разводѣ по русскому праву совершенно справедливо понимаетъ подъ разводомъ расторженіе брачнаго союза, существовавшаго не только de facto, но и de jure, т. е. такого брака, который до момента расторженія имѣлъ силу законнаго брака, такъ что слѣдовательно объявленіе недѣйствительнымъ (annullatio) браковъ, заключенныхъ при такъ называемыхъ разрывающихъ препятствіяхъ (impedimenta matrimonii dirimentia),

напр. въ близкомъ родствѣ, въ незрѣломъ возрастѣ и т. п., остается внѣ круга разсмотрѣнія г. Загоровскаго. Исторію бракоразводнаго института, въ этомъ смыслѣ понимаемаго, авторъ дѣлитъ на два періода: до Петра Великаго и послѣ Петра Великаго, причемъ первый періодъ начинаетъ изслѣдованіемъ бракоразводнаго права у русскихъ славянъ въ дохристіанскія времена, а второй періодъ оканчиваетъ изложеніемъ дѣйствующаго бракоразводнаго права. Въ 14-ти главахъ своего изслѣдованія, обнимающихъ все пространство времени отъ начала исторической жизни русскихъ славянъ и до настоящей поры, авторъ, для каждаго изъ періодовъ въ отдѣльности, дѣлаетъ очеркъ матеріальнаго бракоразводнаго права, процессуальнаго бракоразводнаго права и бытовыхъ явленій, поскольку въ этихъ послѣднихъ выразилось правосознаніе народное. Въ порядкѣ этого основнаго дѣленія, а не по отдѣльнымъ главамъ, будутъ представлены и тѣ замѣчанія, которыя можно сдѣлать по поводу книги г. Загоровскаго.

Въ *матеріальномъ* бракоразводномъ правѣ главный интересъ естественно сосредоточивается на основаніяхъ развода, или поводахъ къ разводу. Авторъ прежде всего старается возсоздать дохристіанское бракоразводное право русскихъ славянъ, на основаніи тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя оставилъ намъ лѣтописецъ, относительно способовъ заключенія брачныхъ союзовъ русскими славянами, причемъ авторомъ высказываются его собственныя соображенія о той роли, которую могъ играть тотъ или другой способъ заключенія брачнаго союза въ расторженіи этого союза. Представленіе лѣтописныхъ свѣдѣній о заключеніи браковъ у русскихъ славянъ не было особенно труднымъ для г. Загоровскаго, послѣ того какъ Неволинъ, мастерски сгруппировалъ ихъ въ своей «Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ» [1]), и, какъ кажется, г. Загоровскій, при изложеніи этихъ свѣдѣній, находился подъ вліяніемъ Неволина въ болѣе сильной степени, чѣмъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ самого лѣтописца. Такъ, напр., вкравшіяся у Неволина опечатки съ буквальною точностію воспроизводятся и у г. Загоровскаго: у Неволина ошибочно вмѣсто имени Святослава стоитъ имя Святополка [2]), эта же ошибка

[1]) Ист. росс. гражд. зак. т. I, Спб. 1851, §§ 48—52.

[2]) Примѣч. 415: «у *Святополка*, кромѣ той его жены, отъ которой родились ему Ярополкъ и Олегъ, была еще женой или наложницей Малуша, ключница Ольгина, съ которой онъ прижилъ Владиміра».

перешла и въ разбираемое сочиненіе [1]). Иногда впрочемъ г. Загоровскій не соглашается съ Неволинымъ, напр. относительно смысла словъ лѣтописца: «вдасть за вѣно» [2]), и въ этомъ случаѣ опирается на изслѣдованіе Шпилевскаго «о семейныхъ властяхъ» [3]). На основаніи лѣтописныхъ свѣдѣній, г. Загоровскій полагаетъ, что у русскихъ славянъ, до принятія ими христіанства, существовали три формы брака: умычка (въ двухъ видахъ: добровольная, т. е. по предварительному соглашенію между похитителемъ и похищаемою, и насильственная), приведеніе невѣсты въ домъ жениха и купля. Эта класификація грѣшитъ двумя недостатками: вопервыхъ, способъ добытія себѣ мущиною жены сливается съ формою заключенія брачнаго союза; вовторыхъ, рѣзко разграничиваются приведеніе невѣсты въ домъ жениха и купля, какъ особыя формы заключенія брачнаго союза. Фактъ похищенія, самъ по себѣ, можетъ и не основывать брачнаго союза, напр. въ Сербіи, похитители считаютъ нужнымъ обвѣнчаться съ похищенными [4]), а о русскихъ славянахъ самъ же г. Загоровскій говоритъ [5]), что даже у древлянъ, самаго некультурнаго, по отзыву лѣтописца, племени, обрядъ «у воды» замѣнялъ церковное вѣнчаніе, что древлянскіе браки были такимъ образомъ браками съ религіознымъ освященіемъ, слѣдовательно основывались не фактомъ похищенія, а извѣстными религіозными обрядами. Разграничивая рѣзко приведеніе невѣсты въ домъ жениха и куплю женихомъ невѣсты, и полагая даже, что самый вопросъ о существованіи купли женъ въ древне-славянскомъ юридическомъ быту находится подъ сомнѣніемъ, вслѣдствіе чего вызываетъ со стороны автора усиленную аргументацію въ пользу существованія купли женъ, г. Загоровскій игнорируетъ мнѣнія тѣхъ изслѣдователей, которые усматриваютъ тѣсную связь между

[1]) Стр. 25, прим. 1.

[2]) «Вдасть же (Володиміръ) за вѣно грекомъ Корсунь опять царицы дѣля». П. С. Р. Л. I, стр. 50 подъ 6496 г. «Въ си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людій 8 сотъ еже бѣ полониль Болеславъ, побѣдивъ Ярослава». Ibid. стр. 67 подъ 6551 г. Неволинъ видитъ здѣсь указаніе на вознагражденіе со стороны жениха, взамѣнъ того приданаго, которое принесла съ собой невѣста, а не на плату женихомъ за невѣсту.

[3]) Шпилевскій (стр. 32—33), вмѣстѣ съ Соловьевымъ, подъ «вѣномъ» понимаетъ плату жениха за невѣсту роднымъ послѣдней.

[4]) Шпилевскій, Семейныя власти, стр. 22.

[5]) Стр. 10.

обоими актами: приведеніемъ невѣсты въ домъ жениха и куплею [1]). Правда, лѣтописецъ, говоря о брачныхъ обычаяхъ наиболѣе культурнаго и пользующагося наибольшими его симпатіями племени полянъ, не упоминаетъ о куплѣ, а говоритъ только: «не хожаше зять (*alias* женихъ) по невѣсту, но приводяху вечеръ, и завътра приношаху по ней, что вдадуче» [2]). Но неупоминаніе о куплѣ скорѣе говоритъ въ пользу того предположенія, что она именно, по общему правилу, предшествовала приведенію невѣсты въ домъ жениха. Мнѣніе Неволина [3]), который видитъ въ словахъ Нестора указаніе на то, что у полянъ предложеніе о бракѣ дѣлалось со стороны женщины, а не со стороны мущины, не подтверждающееся и позднѣйшими, извѣстными наукѣ, бытовыми данными, не согласуется съ тѣмъ «нравомъ кроткимъ и тихимъ» и съ тѣмъ «стыдѣньемъ», которыя отличали, по словамъ лѣтописца, это славянское племя. Напротивъ, естественно думать, что приведенію невѣсты въ домъ жениха предшествовало договорное соглашеніе [4]), носившее характеръ купли-продажи. Нельзя не пожалѣть и нельзя не выразить даже нѣкотораго удивленія по поводу того, что г. Загоровскій, подкрѣпляющій и илюстрирующій лѣтописныя свидѣтельства о бракахъ русскихъ славянъ аналогіями изъ быта разныхъ племенъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры, между прочимъ по Спенсеру и Лёббоку, не обратилъ должнаго вниманія на бракозаключительное право германцевъ. Онъ не только не познакомился съ превосходнымъ разъясненіемъ этого вопроса въ капитальныхъ работахъ Фридберга, Зома и Лёнинга [5]), но не воспользовался даже и тѣми краткими свѣдѣніями по этому предмету, которыя можно найдти у Шпилевскаго [6]) и у Сергѣевича [7]). Историческія аналогіи и сравнительный методъ должны имѣть свое законное мѣсто въ

[1]) Напр. Сергѣевичъ (Лекціи и изслѣдованія, стр. 493) объясняетъ слова лѣтописца: «не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ и завътра приношаху по ней что вдадуче» въ томъ смыслѣ, что женихъ на другой день приносилъ родителямъ плату за невѣсту.

[2]) П. С. Р. Л. I, стр. 6.

[3]) Примѣч. 396 на стр. 132.

[4]) Какъ думаетъ, впрочемъ и самъ г. Загоровскій, стр. 13.

[5]) Friedberg, Das Recht der Eheschliessung in seiner historischen Entwickelung, Leipzig, 1865. Sohm, Das Recht der Eheschliessung aus dem deutschen und kanonischen Recht geschichtlich entwickelt, Weimar, 1875. Löning, Geschichte des deutschen Kirchenrechts, II, Strassburg, 1878, S. 569—606.

[6]) Стр. 39 и слѣд.

[7]) Стр. 495

наукѣ; но не лишне обращать вниманіе и на сравниваемыя величины. Можно привести рядъ не лишенныхъ интереса свѣдѣній о томъ, какъ заключаются браки у жителей Калифорніи, у негровъ, у океаніійцевъ и проч.; но какъ бы ни былъ длиненъ и интересенъ этотъ рядъ, онъ никогда не наполнитъ пустаго пространства, оставляемаго въ наукѣ отсутствіемъ свѣдѣній о германскомъ бракозаключительномъ правѣ. Сравненію подлежатъ прежде всего и преимущественно народы западной и народы восточной Европы, германскія племена и славянскія племена, выдвинутыя всемірною исторіей на первый планъ. Германское бракозаключительное право важно для русской науки въ томъ отношеніи, что оно развилось въ довольно стройную органическую систему, и хотя нѣтъ никакого основанія и никакой возможности переносить всю эту систему цѣликомъ на бытъ славянскихъ племенъ, точно также какъ нѣтъ основанія усматривать въ сходныхъ чертахъ германскаго и славянскаго юридическаго быта заимствованія однимъ у другаго, — но германская система можетъ послужить значительнымъ пособіемъ для русскаго изслѣдователя при объясненіи и оцѣнкѣ тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній по русскому бракозаключительному праву, которыя находятся въ распоряженіи современной русской юридической науки.

По германскому праву, дочь находилась въ собственности отца или опекуна, точно также какъ жена въ собственности мужа. Бракъ заключался переходомъ дочери изъ собственности отца въ собственность мужа; мужъ покупалъ собственность въ дочери уплатою цѣны ея отцу. Съ развитіемъ культуры, право собственности надъ женщиною измѣнилось въ отеческую или мужнюю власть надъ ней; но эта власть все еще продолжала имѣть имущественно-правовую цѣнность, ее нужно было купить. Договоръ же купли, въ сообразность чувственному міровоззрѣнію даннаго періода культуры и въ силу недостаточной способности народа къ абстракціи, былъ реальнымъ контрактомъ въ собственномъ смыслѣ слова: пріобрѣтатель передаетъ покупную цѣну съ тѣмъ, чтобы вступить во владѣніе женщиною, какъ это бываетъ при обыкновенной куплѣ вещи. Съ возникновеніемъ и развитіемъ нравственной идеи брака должны были, однако, наступить важныя измѣненія въ юридической природѣ заключенія брака. Мужъ не только пріобрѣталъ супружескую власть надъ женою, но и обязывался держать ее какъ жену, въ сообразность объективному праву, и исполнять по отношенію къ ней обязанности мужа. Выступаетъ на первый планъ

нравственная идея власти отца и мужа (manus, mundium) [1]). Въ право проникаетъ убѣжденіе, что мужняя власть имѣетъ не имущественную, а нравственную цѣну, что она содержитъ въ себѣ не только права, но и обязанности прежде всего; поэтому позднѣе отецъ уже не можетъ отчуждать дочь мужу безъ ея согласія. Договоръ купли все еще держится, но онъ облагораживается: puellae pretium есть цѣна неоцѣнимаго объекта, и цѣна эта опредѣляется не договорнымъ соглашеніемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а объективной юридической нормой. Pretium puellae (герм. Witthum) есть законная цѣна дѣвицы; она, подобно вирѣ (Wergeld), опредѣляется, смотря по состоянію отца, secundum genealogiam suam; цѣна должна быть выплачена именно въ законномъ размѣрѣ, для удовлетворенія сословной чести дѣвицы. Pretium puellae есть аналогія композиціи, которая, по германскимъ воззрѣніямъ, есть не наказаніе преступника, а вознагражденіе, возмѣщеніе невознаградимыхъ благъ (тѣла и жизни, свободы и чести). Поэтому, въ отношеніи какъ къ композиціямъ, такъ и къ цѣнѣ mundium'a, вездѣ встрѣчаемъ точныя цифры, и нельзя смотрѣть, какъ на случайное явленіе, на то обстоятельство, что высота Witthum'a находится въ точномъ соотношеніи съ цифрой пени (Busse), которая должна быть уплачена въ случаѣ нарушенія mundium'a [2]). Первоначально у германцевъ передача невѣсты и уплата за нее покупной цѣны слѣдовали непосредственно другъ за другомъ: изъявленіе воли и приведеніе ея въ исполненіе совпадали. Однако, большая утонченность нравственнаго чувства и осложненіе хозяйственныхъ отношеній приводятъ къ установленію промежуточнаго времени между изъявленіемъ воли и заключеніемъ брака. Этой цѣли служитъ обрученіе. Обрученіе есть договоръ, въ которомъ женихъ обязуется, уплативъ покупную цѣну, ввести невѣсту въ домъ и держать ее, какъ жену, а отецъ или опекунъ обязуется передать невѣсту и власть надъ нею (mundium) жениху. Уплата покупной цѣны необходима для юридической дѣйствительности договора, такъ какъ, по германскому праву, согласнаго изъявленія воли для этого недостаточно, но только лишь исполненіе обязательства одною стороною образуетъ юридическое основаніе къ требованію таковаго же исполненія и отъ другой стороны. Съ уплатою покупной цѣны, обрученіе

[1]) На этой точкѣ зрѣнія стоятъ уже leges barbarorum. Friedberg, Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts. Leipzig 1879, S. 256.

[2]) Löning назв. соч. стр. 578 и сл. Sohm, назв. соч. стр. 23.

получаетъ свою обязывающую силу. Властодержатель юридически обязанъ передать невѣсту мужу, а мужъ юридически обязанъ ввести невѣсту въ домъ. Однако уже рано уплата покупной цѣны въ германскомъ правѣ замѣняется уплатою символической покупной цѣны (Handgeld), чѣмъ, впрочемъ, не устранялась обязанность уплатить дѣйствительную покупную цѣну, а только лишь давалась возможность заключить въ юридическихъ формахъ обязательный договоръ, безъ необходимости немедленнаго исполненія. Отсюда слѣдуетъ, что обрученіе было, по германскому праву, необходимымъ требованіемъ для юридически-дѣйствительнаго брака. Обрученіе было тѣмъ юридическимъ основаніемъ, изъ котораго слѣдовала юридическая дѣйствительность брака. Только послѣ обрученія могла послѣдовать передача (traditio, Trauung) невѣсты властодержателемъ мужу [1]), съ соблюденіемъ при этомъ разныхъ обрядностей. Въ XI в. выступаетъ на сцену такъ называемый orator, Fürsprecher, какъ руководитель при передачѣ, подсказывающій и властодержателю, и жениху ихъ слова и дѣйствія: такъ какъ формальности передачи стали ускользать изъ народной памяти, то потребовались особые мастера своего дѣла, чтобы помогать воспоминанію. Рѣшающее значеніе для исторіи передачи имѣло паденіе родовой опеки: съ наступленіемъ личной самостоятельности женщины, вмѣсто обрученія чрезъ властодержателя явилось самообрученіе и вмѣсто передачи черезъ властодержателя явилась самопередача, — невѣста сама себя стала ввѣрять, передавать жениху, для отведенія въ домъ его. Но передавалась ли невѣста жениху властодержателемъ, или сама,—объектомъ передачи была невѣста. Поэтому еще въ XIII в. слово: «Trauung», которое въ настоящее время означаетъ сочетаніе обоихъ брачущихся и ихъ взаимную самопередачу, употреблялось только въ отношеніи къ невѣстѣ, а не въ отношеніи къ обоимъ брачущимся, можно было говорить лишь о Trauung невѣсты, потому что именно она ввѣрялась, передавалась жениху [2]). Какъ особенная форма самопередачи, явилась Trauung черезъ третье лицо, свободно выбранное невѣстой, или, какъ это объясняется самою внутреннею природою бракозаключительнаго акта, обоими брачущимися, будетъ ли это отецъ, опекунъ невѣсты, или посторонній человѣкъ. Самопередача есть единственная форма передачи, извѣстная вто-

[1]) Löning, 580—581. Зомъ даже видитъ въ обрученіи самый актъ заключенія брачнаго союза, противъ чего см. Ленингъ, стр. 583.

[2]) Sohm, стр. 61.

рой половинѣ среднихъ вѣковъ, и благодаря ей именно сдѣлалась возможною церковная передача черезъ духовное лицо, слѣдовательно сдѣлалось возможнымъ органически включить церковное участіе въ бракозаключительномъ актѣ въ дѣйствующее право [1]). Церковное благословеніе браковъ было изстарины церковнымъ обычаемъ и не въ XIII в. проникло въ народное сознаніе, но оно не входило, какъ pars integra, въ юридическій актъ заключенія брачнаго союза. Какъ скоро же самопередача невѣсты сдѣлала возможною передачу ея черезъ духовное лицо, церковь съ особою ревностію стала стремиться къ тому, чтобы третьимъ лицомъ былъ всегда и исключительно священникъ, чтобы невѣста, или оба брачущіеся, не выбирали себѣ какого либо мірянина для акта передачи, «ne laici sua auctoritate sine sacerdote aliquos matrimonialiter audeant conjungere »[2]).

Представленный мною краткій очеркъ выясненнаго германской наукой германскаго бракозаключительнаго права показываетъ, насколько несовершенны научные пріемы г. Загоровскаго при обработкѣ русскаго бракозаключительнаго и бракоразводнаго права. Онъ во-первыхъ не обратилъ должнаго вниманія на обрученіе: не только въ германскомъ, но и въ римскомъ правѣ, и въ церковныхъ канонахъ [3]) обрученію придавалось слишкомъ важное значеніе, для того чтобы не подвергнуть его особому, нарочитому разсмотрѣнію. Это важное значеніе, доходившее до признанія за обрученіемъ бракозаключительной силы, обязывало автора спеціальнаго изслѣдованія о разводѣ особо же прослѣдить и исторію расторженія обрученія, тогда какъ г. Загоровскій во всемъ своемъ сочиненіи говоритъ объ этомъ предметѣ лишь случайно и мимоходомъ. Это тѣмъ болѣе странно, что и самъ онъ заявилъ въ одномъ мѣстѣ

[1]) Friedberg, Kirchenrecht, стр. 257. Sohm, стр. 70. Въ одномъ французскомъ ритуалѣ изъ XIV в. слѣдующимъ образомъ рисуется роль священника при церковномъ вѣнчальномъ актѣ: «tunc (послѣ вопроса о взаимномъ согласіи на бракъ и утвердительнаго отвѣта брачущихся) sacerdos det eam viro dicens verbis latinis: et ego conjungo vos in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti». Sohm, стр. 166.

[2]) Sohm, стр. 70. Зомъ опровергаетъ при этомъ мнѣніе Фридберга, будто такъ называемыя «Laiencopulationen» (передача черезъ мірянина) произошли изъ института Фюршпрехеровъ: Фюршпрехеръ никогда не былъ, по мнѣнію Зома, дѣйствующимъ лицомъ, представителемъ чьимъ либо, а всегда лишь помощникомъ дѣйствующихъ лицъ. Стр. 71.

[3]) Zhishman, Das Eherecht der orientalischen Kirche. Wien, 1864, стр. 388—391. Löning, назв. соч., стр. 569—574.

своего сочиненія [1]), что въ восточной церкви «крѣпость обрученія приравнивалась къ крѣпости брачнаго союза». Во-вторыхъ г. Загоровскій не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки разъяснить то важное значеніе, которое должна была имѣть упоминаемая лѣтописцемъ передача невѣсты, или приведеніе ея въ домъ жениха. Сказавъ о томъ, что поляне имѣли *брачные обычаи* (состоявшіе въ приведеніи невѣсты въ домъ жениха, натурально послѣ предварительнаго договора, т. е. обрученія [2]), лѣтописецъ говоритъ напротивъ о древлянахъ, радимичахъ, вятичахъ и сѣверѣ, что *браковъ у нихъ не бывало*, хотя супружескіе союзы и у нихъ составлялись, по словамъ лѣтописца же. Въ словахъ лѣтописца важны не только историческія свѣдѣнія о полянскихъ, древлянскихъ и проч. бракахъ, но и его собственныя воззрѣнія на то, какъ долженъ составляться супружескій союзъ, чтобы быть бракомъ: не безпорядочно и случайно должны соединяться супружескія четы, а истово и правильнымъ порядкомъ, путемъ передачи невѣсты съ рукъ на руки, послѣ предварительнаго обручальнаго договора. Если древляне и другія наименѣе культурныя славянскія племена должны были сдѣлать ко

[1]) Стр 101.

[2]) Ср. Сергѣевичъ, стр. 496: «сговоръ, какъ гражданскій актъ, надо думать, былъ извѣстенъ и до принятія христіанства. Поляне приводили своихъ дочерей въ домъ будущаго мужа, конечно, въ силу предварительнаго соглашенія». И на стр. 495: «въ обрядъ заключенія дохристіанскаго брака входилъ и взносъ платы за невѣсту». Эта плата за невѣсту и должна была, вѣроятно, служить главнымъ предметомъ сговора. Не иначе, какъ отголоскомъ дохристіанскаго обычая обрученія можетъ служить одна статья въ Уставѣ Ярослава, если принять то объясненіе, которое даетъ ей Голубинскій (Истор. рус. церкви, Т. I, 1-я полов. Москва, 1880, стр. 542): «аще кто имѣть красти свадебное и сговорное,—все митрополиту. А оже про дѣвку сыръ кранъ булетъ, за сыръ гривну, а за срамъ ей 3 гривны, а что потеряно, то ей заплатити, а митрополиту шесть гривенъ, а князь казнитъ», то есть здѣсь различается очень ясно «свадебное» отъ «сговорнаго», и затѣмъ опредѣляются тѣ невыгодныя послѣдствія, которыя влечетъ за собой отказъ жениха отъ невѣсты, послѣ того, какъ сдѣланы будутъ «сговоры» (съ жертвоприношеніемъ сыра). Изъ старинныхъ церковныхъ чинопослѣдованій обрученія и вѣнчанія видно, что отдѣленіе обрученія отъ вѣнчанія болѣе или менѣе продолжительнымъ промежуткомъ времени было обычнымъ явленіемъ: «аще убо обрученія токмо бываютъ, творить священникъ отпускъ и исходять изъ церкви; аще ли же абіе хотятъ и вѣнчаніе творити, мало отпустивъ ихъ святитель къ двереміъ церковнымъ, и паки возвращаются» и т. д. (у Горчакова, О тайнѣ супружества. Спб. 1880, въ прилож. стр. 9). Трудно представить себѣ, чтобы церковь въ состояніи была не только провести въ жизнь требованіе церковнаго благословенія обрученія, но и создать самое обрученіе.

временамъ лѣтописца нѣсколько шаговъ впередъ въ своемъ культурномъ развитіи, то и способъ заключенія ими супружескихъ союзовъ долженъ былъ усовершиться по полянскому образцу, вполнѣ одобряемому лѣтописцемъ.

Христіанская церковь на Руси, точно также какъ и на западѣ, должна была искать какого нибудь пункта въ бракозаключительныхъ обычаяхъ славянскихъ племенъ, съ которымъ она могла бы слить органически требуемое ею церковное вѣнчаніе брачущихся. Такимъ пунктомъ не могли служить сборища «у воды», или на «игрищахъ», если даже предположить, что эти сборища носили религіозный характеръ, были составною частію языческаго славянскаго культа. Съ отправленіями языческаго культа церковь не могла имѣть ничего общаго, какъ съ дѣломъ бѣсовскимъ, особенно съ такими отправленіями, которыми прикрывалась и съ которыми соединялась половая разнузданность. Напротивъ, передача невѣсты съ приведеніемъ ея въ домъ жениха могла послужить для церкви твердымъ опорнымъ пунктомъ въ ея стремленіи сдѣлать бракъ церковнымъ институтомъ: какъ и на западѣ, церковь начала съ того, что старалась включить церковное вѣнчаніе органически въ бракозаключительные обряды, прежде чѣмъ исключительно за вѣнчаніемъ признать бракозаключительную силу. Ясное указаніе на это находимъ въ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Котошихинымъ о заключеніи браковъ въ московскомъ государствѣ. Въ описаніи царской женитьбы говорится: «послѣ обрученія, изъ за третьіе ѣствы *протопопъ*, вставъ изъ за стола, учнетъ говорити по обѣдѣ молитву, и потомъ дружки у отца и у матери учнутъ благословлятися царю съ царевною и съ поѣздомъ идти къ вѣнчанью, и они ихъ благословляютъ; и потомъ отецъ и мать царя и новобрачную благословляютъ образами окладными... и *потомъ отецъ и мать дочь свою, взявъ за руку, отдаютъ царю въ руки* и прощаются; а какъ пойдутъ въ церковь, и въ то время въ палатѣ *протопопъ* благословляетъ коровайниковъ и свѣшниковъ и свадебныхъ людей, и царя и царевну крестомъ». Затѣмъ, послѣ описанія входа въ церковь и церковнаго вѣнчанія, говорится слѣдующее: «и потомъ протопопъ поучаетъ ихъ, какъ имъ жити.... а *соверша протопопъ поученіе, царицу возметъ за руку и вдаетъ ю мужеви, и велитъ имъ межъ себя учинити цѣлованіе*, и по цѣлованіи царицу покроютъ, и потомъ протопопъ и свадебной чинъ царя и царицу поздравляютъ вѣнчався. А по поздравленіи, протопопъ, розвлачась идетъ изъ церкви вонъ, и весь свадебной чинъ, и царь, и царица, и въ сѣняхъ у дверей

протопопъ противъ прежняго же начнетъ всѣхъ благословляти крестомъ и идутъ въ царскія палаты»[1]). Отецъ и мать передаютъ дочь жениху, только въ данномъ случаѣ, при наличности исключительныхъ обстоятельствъ; такъ какъ женихъ — царь, передача совершается не въ домѣ родителей невѣсты для послѣдующаго затѣмъ отведенія ея въ домъ жениха, а въ царскихъ палатахъ. Протопопъ притомъ, помимо его функціи бракovѣнчателя, является необходимымъ членомъ «свадебнаго чина»: онъ благословляетъ входъ и выходъ не только жениха и невѣсты, но и всѣхъ участниковъ свадебнаго торжества[2]), а послѣ вѣнчанія передаетъ невѣсту жениху, какъ жену мужу.

Затѣмъ, въ «описаніи житія бояръ и иныхъ чиновъ людей», Котошихинъ разсказываетъ: «И того дни въ которой быть свадбѣ, изготовятъ у жениха и невѣсты столы, и по вѣсти, что ужь жениху пора ѣхать по невѣсту, и они поѣдутъ по чину: напередъ несутъ коровайники, хлѣбъ на носилкахъ, потомъ ѣдутъ лѣтомъ на лошадяхъ верхами, а зимой въ саняхъ, *попъ съ крестомъ*, потомъ бояре, и тысяцкой, и женихъ; а пріѣхавъ къ невѣстѣ во дворъ, идутъ въ хоромы по чину.... А какъ будетъ время, что имъ ѣхать къ вѣнчанію, и дружки у отца и у матери невѣстиной спрашиваются, чтобъ они новобрачнаго и новобрачную благословили ѣхать къ вѣнчанію; и они благословляютъ ихъ словомъ, и на отпускѣ отецъ и мать жениха и невѣсту благословляютъ образами, а *потомъ взявъ дочь свою за руку, отдаютъ жениху въ руки*. И потомъ *свадебной чинъ, и попъ, и женихъ съ невѣстою вмѣстѣ, взявъ ея за руку*, пойдутъ изъ хоромъ вонъ» и т. д. Ниже добавляется: «такимъ же обычаемъ свадебные зговоры, и свадба, и чинъ, у столниковъ, у стряпчихъ, и у дворянъ, и у иныхъ чиновъ людей бываетъ противъ того жь... также и межь торговыхъ людей и крестьянъ свадебные зговоры и чинъ бываетъ противъ такого жь обычая, во всемъ; но толко въ поступкахъ ихъ и въ платьѣ зъ дворянскимъ чиномъ розницца, сколко кого станетъ»[3]). Сравнительно съ брач-

[1]) Котошихинъ, о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Спб. 1859, гл. 1, стр. 8.

[2]) Ср. Стоглавъ, гл. 41, вопр. 16 объ участіи священника въ свадебномъ поѣздѣ.

[3]) Гл. XIII, стр. 126 и 128. А по словамъ иностранца (Корба), посѣтившаго Россію въ 1698 г., согласіе, даваемое жениху, скрѣплялось такимъ образомъ: отецъ невѣсты бралъ въ руки новую плетку, билъ ею слегка невѣсту и говорилъ: «мои послѣдніе удары да напоминаютъ тебѣ, милая дочь, о *родительской власти*, подъ которою ты до сихъ поръ находилась; *власть эта теперь перехо-*

ными обычаями полянъ, брачные обычаи московскаго государства представляли ту особенность, что здѣсь женихъ «ходилъ за невѣстой» и самъ приводилъ ее къ себѣ изъ родительскаго дома; но существенное осталось,—это именно передача, съ которою церковь и связала участіе священника. И въ настоящее время, по мѣткому выраженію Смирнова [1]), отправленіе жениха съ невѣстой, въ сопровожденіи поѣзжанъ, изъ дому невѣсты къ вѣнцу, а оттуда въ свой домъ, есть то же самое приведеніе невѣсты въ домъ жениха, о которомъ говоритъ лѣтописецъ. Доминирующее значеніе передачи въ дѣлѣ заключенія брачнаго союза сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и по настоящее время. Такъ, напр., въ Енисейской губерніи, когда пріѣзжіе, кромѣ дружки, сядутъ за столъ около невѣсты, дружко говоритъ невѣстинымъ отцу и матери: «умѣли вскормить вспоить ваше дитятко, умѣйте же отдать князю новобрачному». Передачею невѣсты, по народному выраженію, «изъ рукъ въ руки», власть отъ родителей невѣсты переходитъ къ ея будущему мужу. Или, напр., у раскольниковъ Архангельской губерніи невѣсту, съ накинутымъ черезъ голову платкомъ на лицо, выводятъ къ жениху и передаютъ ему изъ полы въ полу конецъ накинутаго ей на голову платка. Женихъ сажаетъ ее рядомъ съ собою за столъ. Немного посидѣвши, встаютъ. Отецъ невѣсты спрашиваетъ жениха: «будешь ли кормить-поить, одѣвать, обувать и женой почитать?» Послѣ утвердительнаго отвѣта совершается обрядъ бракосочетанія по старымъ книгамъ и старымъ обычаямъ [2]). Было бы слишкомъ смѣло, на основаніи приведенныхъ фактовъ, заключать о существованіи у нашихъ предковъ развитаго мундіума, подобно германскому; но изъ этихъ фактовъ, подкрѣпляемыхъ аналогіею германскаго права, можно во всякомъ случаѣ заключить о недостаточной обоснованности сужденія г. Загоровскаго о томъ вліяніи, которое могла имѣть купля женъ, какъ способъ заключенія брачнаго союза, на разводъ. При заключеніи браковъ этимъ способомъ, говоритъ г. Загоровскій, не могло быть рѣчи о разводѣ: разводъ предполагаетъ въ большей или въ меньшей степени признаніе личности въ обоихъ субъектахъ развода; но ку-

дитъ въ другія руки; если ты не станешь слушаться своего мужа, то вмѣсто меня онъ станетъ наказывать тебя этой плеткой». Затѣмъ плеть передавалась жениху, который затыкалъ ее за кушакъ. Смирновъ, Обычаи и обряды русской народной свадьбы. Юридич. Вѣстн. 1878, іюль, стр. 994.

[1]) Смирновъ, ibid. стр. 997.

[2]) Ibidem, стр. 994—995.

пленная невѣста есть раба, имущество. Исторія говоритъ, однако, что съ юридическимъ актомъ передачи невѣсты жениху могутъ связываться представленія не только о переходѣ власти, но и о переходѣ обязанности защищать невѣсту и держать ее какъ жену, хотя бы была выплачена за нее женихомъ извѣстная денежная сумма. Впрочемъ, и самъ г. Загоровскій оговаривается, что обычаи, господствующіе нынѣ у народовъ, практикующихъ куплю женъ, показываютъ, что эта форма брака далеко не исключаетъ «правныхъ» отношеній между супругами, основанныхъ на признаніи за женою личности, что, и при этой формѣ брака, мужъ не остается вполнѣ безнаказаннымъ, если онъ совершенно произвольно удаляетъ купленную имъ жену; мало того, даже за женой признается иногда право на разводъ вслѣдствіе вины мужа [1]). Знакомство съ германскимъ правомъ могло бы значительно подкрѣпить неувѣренныя сужденія г. Загоровскаго, такъ какъ у германцевъ, уже въ эпоху legum barbarorum, существовали довольно твердыя и довольно развитыя бракоразводныя нормы, не смотря на практиковавшуюся у нихъ систему купли женъ [2]). Къ этому предмету, впрочемъ, придется еще вернуться ниже.

Прежде чѣмъ перейдти къ изложенію русскаго матеріальнаго бракоразводнаго права въ христіанскія времена, авторъ посвящаетъ цѣлую главу, и очень обширную, своего изслѣдованія (26 – 87 стр.) исторіи «источниковъ русскаго бракоразводнаго права въ христіанскую эпоху». Исторію эту онъ начинаетъ издалека, не съ каноновъ и императорскихъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Византіи въ моментъ принятія русскими христіанства, и даже не съ ученія Спасителя о разводѣ, а съ ветхозавѣтнаго брака. Для полноты и цѣльности пониманія той судьбы, которую имѣлъ разводъ въ христіанской церкви, конечно, не лишнее было начать и съ ветхозавѣтнаго брака; но съ другой стороны стремленіе очертить слишкомъ продолжительный процесъ развитія бракоразводнаго права могло легко повести автора къ немаловажнымъ ошибкамъ и промахамъ. Это послѣднее и случилось съ г. Загоровскимъ. Не останавливаясь на неточностяхъ, въ родѣ, напр., такихъ выраженій, что «Основатель христіанской религіи и церкви завѣщалъ намъ

[1]) Стр. 21.

[2]) См. Löning, II, 606—624; Hinschius, Das Ehescheidungsrecht nach den angelsächsischen und fränkischen Bussordnungen (Zeitschrift f. deutsches Recht und deutsche Rechtswissenschaft, herausg. v. Beseler, Reyscher und Stobbe, B. XX).

свое великое наслѣдство устами своихъ учениковъ, а эти послѣдніе сохранили его міру въ своихъ твореніяхъ, т. е. въ Евангеліи», тогда какъ самъ же авторъ приводитъ потомъ весьма важное въ вопросѣ о разводѣ ученіе апостола Павла, не помѣщенное въ Евангеліи, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на изложеніе г. Загоровскимъ ученія Спасителя о разводѣ. Какъ извѣстно, ученіе Спасителя о разводѣ разно передается евангелистами: евангелисты Маркъ и Лука передаютъ это ученіе въ смыслѣ безусловнаго, безъ всякихъ исключеній, воспрещенія развода, тогда какъ у евангелиста Матѳея на случай прелюбодѣянія жены дѣлается исключеніе, т. е. дозволяется разводъ. Разнорѣчіе это, по мнѣнію г. Загоровскаго, можетъ быть объясняемо однимъ изъ двухъ способовъ: или неточнымъ изложеніемъ рѣчи Спасителя, вслѣдствіе изустной передачи ея, или же дѣйствительною двойственностію самаго ученія Христа. Авторъ принимаетъ второй изъ этихъ способовъ и развиваетъ свою мысль такимъ образомъ, что основнымъ и неизмѣннымъ Спаситель считалъ законъ безусловной нерасторжимости брака, но что, въ виду жестокосердія іудеевъ, привычки и склонности ихъ къ разводамъ, оказалъ имъ снисхожденіе, въ которомъ должна была миновать надобность впослѣдствіи, когда ученіе Христово должно было вполнѣ обновить ветхихъ духомъ іудеевъ (стр. 37—39). Но этотъ безусловный законъ Христа о нерасторжимости брачнаго союза, доканчиваетъ свои объясненія г. Загоровскій, былъ лишь закономъ религіозно-нравственнымъ, а не юридическимъ, и поэтому восточная церковь гораздо вѣрнѣе поняла основную мысль ученія Христа, допустивъ для «немогущихъ вмѣстить» безусловный нравственный законъ во всемъ его объемѣ цѣлый рядъ законныхъ поводовъ къ разводу и кромѣ прелюбодѣянія. Ничего не имѣя возразить противъ взгляда на ученіе Христа, какъ на религіозно-нравственное, а не юридическое, съ трудомъ однако можно согласиться на принятіе толкованія г. Загоровскаго, что Христосъ въ одно и то же время и безусловно воспретилъ разводъ, и не воспретилъ его безусловно, допустивъ на время разводъ по причинѣ прелюбодѣянія, пока іудеи не проникнутся вполнѣ ученіемъ Христа, тогда какъ изъ дальнѣйшей исторіи оказывается, что не для іудеевъ только, а и для всѣхъ христіанъ восточной церкви потребовался даже «цѣлый рядъ законныхъ поводовъ къ разводу», помимо прелюбодѣянія. Автору, устанавливающему свое собственное толкованіе, остался, какъ видно, совершенно неизвѣстнымъ взглядъ римско-католической церкви и римско-католической богословской науки [1]). По этому взгляду Христосъ говоритъ въ данномъ случаѣ не о прелюбодѣяніи (μοιχεία), какъ нарушеніи женою супружеской вѣрности въ отношеніи къ мужу, а о любодѣяніи или блудѣ (πορνεία), причемъ имѣетъ въ виду строго каравшійся въ моисеевомъ правѣ случай потери дѣвства до вступленія въ бракъ, въ каковомъ случаѣ бракъ съ такою, потерявшею дѣвство дѣвицею считался несостоявшимся, а слѣдовательно не могло быть рѣчи и о расторженіи брака, какъ законно существовавшаго. Римско-католической церкви можно поставить въ вину, что она религіозно-нравственное ученіе Христа обратила въ юридическій законъ; но принципіальное примиреніе разнорѣчащихъ мѣстъ Евангелія по этому предмету гораздо лучше достигается толкованіемъ римско-католической церкви, опирающимся на буквальный смыслъ словъ: μοιχεία и πορνεία и имѣющимъ за собою 1000-лѣтнюю давность, чѣмъ тѣмъ толкованіемъ, которое придумалъ г. Загоровскій. Если же и среди католическихъ ученыхъ есть несогласные съ этимъ господствующимъ взглядомъ, то, во всякомъ случаѣ, можетъ считаться общепринятымъ то положеніе, что Христосъ говоритъ только о фактическомъ прекращеніи супружескаго сожитія, безъ разорванія юридической связи между супругами и слѣдовательно безъ права вступленія въ новый бракъ даже для невиннаго супруга [2]).

Изображая затѣмъ развитіе церковныхъ воззрѣній и канонической законодательства, а также законодательства императорскаго по вопросу о разводѣ (т. е. о расторженіи существующаго брака, безъ права вступить въ новый бракъ — объ этомъ правѣ говорится ниже особо), г. Загоровскій слѣдуетъ извѣстному

[1]) См. Döllinger, Christenthum und Kirche in der Zeit der Grundlegung. Regensburg, 1868, S. 393 sqq. Walter, Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen. Bonn, 1871, § 319, Anm. 2.

[2]) V. Moy, Das Eherecht der Christen in der morgenländischen und abendländischen Kirche bis zur Zeit Karls des Grossen. Regensburg, 1833, S. 11. Къ этому взгляду присоединяются и новѣйшіе протестантскіе ученые. См. напр. Löning, II, 607: «Nur in einem einzigen Falle, wenn die Frau sich des Ehebruchs schuldig gemacht, hatte Christus die Scheidung der Ehe für zulässig erklärt und auch für diesen Fall die Wiederverheirathung des unschuldigen Theiles nicht, wenigstens nicht mit ausdrücklichen Worten erlaubt... Es findet sich aus den ersten drei Jahrhunderten kein Zeugniss dafür, dass die Kirche die Wiederverheirathung eines geschiedenen Ehegatten bei Lebzeiten des andern Theils für schriftgemäss gehalten hätte». Церковно-историческія свидѣтельства по этому предмету изъ первыхъ трехъ вѣковъ сполна приводятся въ 1-й главѣ вышеназваннаго сочиненія v. Moy'я.

сочиненію Чижмана: «Das Eherecht der orientalischen Kirche» [1]), причемъ допускаетъ неточности и ошибки. Законъ Константина Великаго 331 г., по мнѣнію автора, установилъ опредѣленные поводы къ разводу, и то въ небольшомъ числѣ, а остальные разводы признавалъ наказуемыми. Но Константинъ въ своемъ законѣ имѣетъ въ виду собственно только разводы односторонніе, т. е. посылку разводнаго письма, или заявленія о разводѣ, мужемъ женѣ и женою мужу, и, напротивъ, ни изъ чего не видно, чтобы закономъ воспрещались разводы по взаимному, обоюдному соглашенію супруговъ, весьма распространенные между римлянами. Исчисляя затѣмъ поводы къ разводу, допущенные закономъ Константина, г. Загоровскій говоритъ, что для жены разводъ дозволенъ былъ въ трехъ случаяхъ: если мужъ обвинялся въ убійствѣ, *отравленіи* и *колдовствѣ (по мнѣнію нѣкоторыхъ въ разрываніи могилъ)*, для мужа также въ трехъ случаяхъ: если жена оказывалась виновною въ прелюбодѣяніи, *отравленіи* и сводничествѣ [2]). Внимательное прочтеніе текста закона [3]) могло бы способствовать болѣе точной передачѣ его содержанія. Подъ medicamentarii разумѣются не отравители, а составители (по профессіи) вредныхъ снадобьевъ [4]), а подъ sepulchrorum dissolutores не по мнѣнію только нѣкоторыхъ, а по общему и единственно возможному мнѣнію, разумѣются разрушители надгробныхъ памятниковъ и нарушители неприкосновенности могилъ, а никакъ не колдуны [5]). Воспрещеніе же только односторонніхъ разводовъ, по взаимному соглашенію супруговъ, содержится и въ законодательствѣ императора Ѳеодосія II [6]), который колебается относительно сокращенія

[1]) Страницы 57—70 сочиненія г. Загоровскаго соотвѣтствуютъ страницамъ 100—117 сочиненія Чижмана.

[2]) Стр. 59 соч. Загоровскаго.

[3]) Const. 1. Cod. Theod. de justis repudii causis, deque injusti poenis (3, 16): «Placet mulieri non licere propter suas pravas cupiditates marito repudium mittere, exquisita causa, velut ebrioso, aut aleatori, aut mulierculario: nec vero maritis per quascunque occasiones uxores suas dimittere. Sed in repudio mittendo a femina haec sola crimina inquiri, si homicidam, vel medicamentarium, vel sepulchrorum dissolutorem maritum suum esse probaverit... In masculis etiam, si repudium mittant, haec tria crimina inquiri conveniet, si moecham, vel medicamentariam, vel conciliatricem repudiare voluerit...»

[4]) См. Sothofredus ad h. l.

[5]) Суворовъ, Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Ярославль, 1884, стр. 206—207.

[6]) Законодательство Ѳеодосія II изложено г. Загоровскимъ не полно, именно опущенъ законъ 439 г., о которомъ упоминаетъ и Чижманъ. Законъ

или расширенія законныхъ поводовъ къ одностороннему разводу, о разводахъ же по взаимному соглашенію умалчиваетъ, и значеніе этого молчанія вполнѣ разъясняется позднѣйшимъ закономъ императора Анастасія [1]) который опредѣлилъ, что если бракъ расторгается communi consensu (а не по законнымъ поводамъ, указаннымъ въ ѳеодосіевскомъ законодательствѣ), то жена черезъ годъ можетъ вступить въ новый бракъ, и даже однимъ изъ раннихъ законовъ самого Юстиніана [2]), который позднѣе воспретилъ разводы по взаимному соглашенію, за исключеніемъ случая постриженія въ монашество.

Перечисляя тѣ основанія, въ виду которыхъ между восточными канонистами сложился взглядъ о допустимости разныхъ поводовъ къ разводу, кромѣ указываемаго въ Евангеліи прелюбодѣянія, г. Загоровскій ссылается между прочимъ на 102 пр. карѳаг. соб., какъ на одно изъ такихъ основаній. Притомъ авторъ слѣдуетъ Чижману [3]) и столь же натянуто истолковываетъ этотъ канонъ, какъ и Чижманъ, опираясь на не менѣе натянутое мотивированіе такого толкованія преосв. Іоанномъ. Канонъ говоритъ: «постановлено, да по евангельскому и апостольскому ученію, ни оставленный женою, ни отпущенная мужемъ не сочетаваются съ другимъ лицомъ, но или тако да пребываютъ, или да примирятся между собою; аще пренебрегутъ сіе, да будутъ побуждены къ покаянію,—потребно есть просити, да будетъ изданъ о семъ дѣлѣ царскій законъ» [4]). Если бы, разсуждаетъ Чижманъ, а вслѣдъ за нимъ и г. Загоровскій [5]), рѣчь шла лишь о томъ поводѣ, который признается Евангеліемъ, тогда не настояло бы надобности въ подобномъ декретѣ, потому что поводъ этотъ достаточно

этотъ читается такъ: «consensu licita matrimonia posse contrahi, contracta non nisi misso repudio dissolvi praecipimus. Solutionem et enim matrimonii difficiliorem debere esse, favor imperat liberorum. Sed in repudio mittendo culpaque divortii perquirenda durum est veterum legum moderamen excedere. Ideo constitutionibus abrogatis, quae nunc maritum, nunc mulierem, matrimonio soluto, praecipiunt poenis gravissimis coërceri, hac constitutione repudia, culparumque coërtiones ad veteres leges responsaque prudentium revocari censemus». Nov. Theod. II, tit. XII, въ прибавленіяхъ ѳеодосіевскому кодексу изданія Генеля.

[1]) L. 9 Cod. Iust. de repudiis(5, 17).

[2]) Nov. XXII, cap. 3: «in iis quae ab hominibus fiunt, quod ligatum est etiam dissolvi potest».

[3]) Назв. соч. стр. 108.

[4]) По книгѣ правилъ 115 кан. карѳаг.

[5]) Ср. 108 стр. Чижмана и 65 стр. Загоровскаго.

опредѣленъ какъ Евангеліемъ, такъ и существовавшимъ уже *свѣтскимъ* законодательствомъ [1]). И по мнѣнію отечественнаго канониста Іоанна [2]), продолжаетъ авторъ, соборъ карѳагенскій, не опредѣляя позволительныхъ случаевъ развода, или степеней виновности мужа и жены, при оставленіи другъ друга, желаетъ только, чтобы объ этомъ предметѣ были изданы положительныя узаконенія гражданскія, на основаніи ученія Христова и апостольскаго, такъ какъ дѣла этого рода касаются порядка жизни общественной. Между тѣмъ смыслъ канона какъ нельзя болѣе ясенъ: соборъ постановляетъ, что развода, съ правомъ для разведенныхъ вступить въ новые браки, не должно быть безусловно, въ сообразность евангельскому и апостольскому ученію, тогда какъ въ дѣйствительной жизни новые браки разошедшихся и оставившихъ другъ друга супруговъ были заурядным явленіемъ. Въ виду именно этой заурядности, общераспространенности осуждаемаго церковью явленія, соборъ не могъ не сознавать, что церковнымъ запрещеніемъ однимъ нельзя устранить этотъ противорѣчащій Евангелію порядокъ жизни, и поэтому рѣшилъ просить императора объ изданіи закона, который бы поддержалъ церковное требованіе [3]). О допустимости многихъ законныхъ поводовъ къ разводу, съ правомъ притомъ вступленія въ новые браки лицъ разведенныхъ, соборъ карѳагенскій не говоритъ ни одного слова: предположеніе такой допустимости даже рѣзко противорѣчило бы ясно выразившейся тенденціи соборнаго канона — не допускать безусловно вступленія въ новые браки лицъ разведенныхъ, не исключая и случая прелюбодѣянія жены, о которомъ говорится въ Евангеліи. Къ характеристикѣ церковныхъ взглядовъ V и VI столѣтій скорѣе служитъ то обстоятельство, мѣтко указанное v. Моу'емъ, что въ Collectio 87 capitulorum Іоанна Схоластика не были включены юстиніановскіе законы о разводѣ, за исключеніемъ новеллы 123 гл. 38 о расторженіи брака вступленіемъ въ монастырь, что, затѣмъ, въ Collectio XXV capitulorum также не вошли законы о разводѣ, какъ

[1]) Здѣсь г. Загоровскій прибавилъ уже отъ себя замѣчаніе о *свѣтскомъ законодательствѣ*. Чижманъ указываетъ только на 9-й кан. Васил. Вел., и по очень понятной причинѣ. Свѣтскаго законодательства, которымъ бы поддерживалось церковное требованіе о невступленіи разведенныхъ въ новые браки, не только не существовало ко времени карѳаг. собора, но и послѣ не появлялось долго.

[2]) Опытъ курса церков. законовѣдѣнія, II. Спб. 1851, стр. 223.

[3]) Ср. Löning, II, 611.

не вошли наконецъ и въ Collectio constitutionum ecclesiasticarum, а равнымъ образомъ и въ номоканонъ изъ 50 титуловъ, приписанный Іоанну Схоластику [1]), включены были только опредѣленія 14 главы 22-й новеллы и 12 главы 134-й новеллы о бракахъ солдатскихъ женъ, мужья которыхъ находились въ безвѣстномъ отсутствіи втеченіе 10 лѣтъ. Такъ какъ сборники императорскихъ законовъ для спеціальнаго церковнаго употребленія имѣли цѣлью обнять императорское законодательство, согласовавшееся съ канонами или подтверждавшее ихъ, то не совсѣмъ неправдоподобнымъ представляется предположеніе v. Моу'я, что непомѣщеніе въ церковные сборники бракоразводнаго законодательства 22-й и 117 новеллъ Юстиніана означало, что церковь не вдругъ признала это законодательство за согласующееся съ канонами [2]). Въ номоканонъ изъ 14 титуловъ включено уже все юстиніановское бракоразводное законодательство.

Изображая судьбу, которую имѣли византійскіе источники въ Россіи, г. Загоровскій, безъ особенной нужды, распространяется объ исторіи Кормчей книги, напр. объ образованіи двухъ фамилій Кормчихъ—софійской и рязанской, о томъ, какія прибавленія [3]) были сдѣланы къ печатной кормчей, при изданіи ея патріархомъ Никономъ и т. п., причемъ иногда впадаетъ въ явное самопротиворѣчіе: такъ объ эклогѣ императоровъ Льва Исаврянина и Константина Копронима на стр. 77—78 сочиненія г. Загоровскаго говорится, что она вошла въ кормчую въ XVII в., а на стр. 84 о той же эклогѣ говорится, что она стала употребляться у насъ весьма рано, еще до сербской кормчей, т. е. до полученія митрополитомъ Кирилломъ II въ 1262 г. изъ Болгаріи списка съ кормчей сербскаго перевода. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ довольно странный взглядъ г. Загоровскаго на источники права, именно что касается самой теоретической конструкціи ученія объ источникахъ. На стр. 80, въ ряду источниковъ права онъ помѣщаетъ, между прочимъ, вѣнечныя памяти. Для современной

[1]) По мнѣнію г. Загоровскаго (стр 72), «номоканонъ патріарха Іоанна Схоластика» заключалъ въ себѣ только *каноны*—апостольскіе, соборовъ и отцовъ,—о другой части номоканона, приписаннаго Іоанну Схоластику, т. е. объ юстиніановскихъ законахъ, авторъ, повидимому не знаетъ.

[2]) v. Моу, стр. 134—135.

[3]) Прибавленія эти не имѣютъ никакого отношенія къ бракоразводному праву, напр. о происхожденіи патріаршества въ Россіи, о дареніи Константина и проч. Стр. 79 соч. Загоровскаго.

науки и вѣчныя памяти могутъ служить *источникомъ познанія права*, такъ какъ указываютъ на нѣкоторыя, дѣйствовавшія въ древнія времена, нормы брачнаго права. Считать же вѣчныя памяти *источникомъ происхожденія права*, т. е. такимъ источникомъ, изъ котораго, для своего времени, возникали юридическія нормы, было бы юридическимъ заблужденіемъ. Оффиціальный документъ, носившій названіе вѣчной памяти, заключалъ въ себѣ приказъ—и даже не архіерея обыкновенно, а поповскаго старосты, закащика или соборянъ, т. е. каѳедральнаго соборнаго духовенства—тому или другому приходскому священнику обвѣнчать извѣстныхъ лицъ, справившись предварительно («обыскавъ»), нѣтъ ли законныхъ препятствій къ этому браковѣнчанію. Г. Загоровскій, вѣроятно, причисляетъ къ источникамъ права и такіе напримѣръ документы, какъ приставная память, выдававшаяся судьей приставу съ тѣмъ, чтобы онъ отправился въ мѣсто жительства отвѣтчика и принялъ мѣры къ явкѣ его на судъ, по предъявленному противъ него иску. Теоретическая конструкція ученія объ источникахъ права такова, что источникомъ права можетъ быть или обычай, или законодательство: неизвѣстно, къ которому изъ нихъ относитъ г. Загоровскій вѣчныя памяти. Административныя распоряженія и судебныя рѣшенія не создаютъ новыхъ нормъ правовыхъ, а представляютъ собою выраженіе и примѣненіе существующихъ нормъ. Судебныя рѣшенія высшей инстанціи могутъ еще пожалуй получать руководственное для низшихъ инстанцій значеніе, предполагая, что высшая инстанція дѣйствуетъ послѣдовательно и съ выдержкой извѣстныхъ юридическихъ принциповъ, такъ что можетъ возникнуть единообразный судебный обычай; но и въ этомъ случаѣ дѣло идетъ не объ установленіи новыхъ нормъ, а объ единообразномъ толкованіи существующихъ нормъ. Между тѣмъ, г. Загоровскій, разсуждая объ источникахъ бракоразводнаго права со времени Петра Великаго [1]), и судебныя рѣшенія также помѣщаетъ въ числѣ источниковъ права. Неустойчивость автора въ воззрѣніи на источники права очень ясно высказывается также въ его сужденіяхъ о такъ называемомъ правѣ диспенсаціи (jus dispensationis). Право диспенсаціи, по мнѣнію г. Загоровскаго, состоитъ въ томъ, чтобы «давать разрѣшенія по дѣламъ, поступающимъ (въ высшую инстанцію) съ этою цѣлью», и, въ этомъ смыслѣ понимаемое, право диспенсаціи

[1]) Стр. 299—300.

будто бы само имѣетъ значеніе особаго источника права. На самомъ же дѣлѣ, право диспенсаціи находится въ тѣснѣйшей связи съ правомъ законодательства, съ законодательною властію. Власть устанавливаетъ общія нормы, съ которыми должны сообразоваться дѣйствія членовъ общенія; но въ виду того, что отношенія мѣста и времени, а также индивидуальныя обстоятельства, представляютъ величайшее разнообразіе, нерѣдко оказывается необходимымъ допускать непримѣненіе этихъ общеобязательныхъ нормъ къ отдѣльнымъ лицамъ и отдѣльнымъ случаямъ. Притомъ, само собою разумѣется, что право диспенсаціи въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ права допускать для отдѣльнаго случая и для отдѣльнаго лица исключеніе изъ общаго правила, можетъ принадлежать лишь той-же самой власти, которою установлено и самое правило; особаго источника права оно не можетъ составлять, вопервыхъ потому, что является лишь однимъ изъ видовъ проявленія одной и той же законодательной власти, и вовторыхъ потому, что правомъ диспенсаціи не новая норма создается, а допускается непримѣненіе существующей нормы къ отдѣльному случаю и къ отдѣльному лицу, *не въ примѣръ прочимъ*. Диспенсація въ объясненномъ смыслѣ есть не каноническое только понятіе [1]), а понятіе публичнаго права [2]). Если бы это понятіе было ясно для г. Загоровскаго, то онъ едва ли бы усмотрѣлъ «вмѣшательство» въ церковныя дѣла въ томъ участіи, которое русскіе монархи стали принимать съ XVIII в. въ разводахъ и расторженіяхъ браковъ лицъ высшихъ класовъ. Конструируя юридически это «вмѣшательство», нельзя не видѣть въ немъ ни-

[1]) Ученіе о диспенсаціи можно найдти въ любомъ учебникѣ церковнаго права. По католическому церковному праву, диспенсація имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ разнымъ impedimenta matrimonii, которыя, по общему праву, препятствуютъ заключенію брачнаго союза. Нѣкоторымъ именно лицамъ дозволяется вступленіе въ бракъ и при существованіи препятствій, въ виду особенныхъ обстоятельствъ, каковы: angustia loci (когда мѣстная община такъ невелика, что дѣвица не легко могла бы найдти другаго жениха), incompetentia dotis (недостаточность приданаго), aetas oratricis annum vigesimum quartum excedens (возрастъ просительницы свыше 24 лѣтъ), pro inimicitia sedanda (для умиротворенія враждующихъ семей, напр. въ видахъ улаженія долголѣтнихъ судебныхъ процесовъ) и т. п. Отъ диспенсаціи вообще различается disp. s. sanatio matrimonii in radice, когда браки недѣйствительные объявляются за дѣйствительные.

[2]) См. напр. Herrmann Schulze, Das preussische Staatsrecht, Leipzig, 1877, Bd. II, S. 259: «Unter Dispensationsrecht verstehen wir die Befugniss der Staatsgewalt für einen einzelnen Fall, welcher seinem Thatbestande nach unter die Regel eines Gesetzes fallen würde, die Anwendung dieses Gesetzes zu hemmen».

чего иного, кромѣ права диспенсаціи. Впрочемъ, г. Загоровскій и вообще держится такого взгляда на положеніе императора относительно церковнаго управленія съ XVIII столѣтія, который не можетъ быть оправданъ юридически. По мнѣнію автора, въ XVIII в. положено начало *секуляризаціи* брака, вопервыхъ учрежденіемъ Синода, черезъ который стала дѣйствовать верховная власть въ дѣлахъ церковнаго управленія [1]) (такъ что, стало быть, и синодъ представляется автору секуляризованнымъ церковно-правительственнымъ органомъ), и вовторыхъ тѣмъ, что свѣтское законодательство, и помимо высочайшихъ указовъ, стало составлять одинъ изъ источниковъ бракоразводнаго права [2]). Что касается учрежденія Синода, то измѣненія въ организаціи церковной никогда не могутъ означать секуляризаціи церковнаго управленія: церковный органъ продолжаетъ функціонировать, хотя бы его строй и подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Вліяніе монарховъ на ходъ церковнаго управленія, съ XVIII в. выразившееся въ изданіи церковныхъ законовъ, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что до XVIII в. все то, что заключалось въ кормчей книгѣ, признавалось богоустановленною нормою, не допускавшею ни прибавленія, ни умаленія, ни исключенія, хотя дѣйствительная жизнь могла быть очень далека отъ этихъ идеальныхъ воззрѣній на кормчую, тогда какъ въ XVIII в. русскіе монархи становятся на ту точку зрѣнія, что верховная законодательная власть принадлежитъ имъ и въ церкви, точно также какъ въ государствѣ. Отсюда и болѣе свободное, сравнительно съ предшествующимъ временемъ, отношеніе къ Кормчей книгѣ; отсюда и законы по дѣламъ церковнымъ, вызванные потребностями жизни, которымъ кормчая книга не удовлетворяла; но отсюда отнюдь не вытекаетъ, чтобы церковное устройство и церковное управленіе секуляризовались. Не желаніемъ секуляризаціи, а сознаніемъ своей высшей власти и въ то же время сознаніемъ своей обязанности передъ Богомъ взять эту высшую власть въ свои руки, мотивировалъ Петръ Великій учрежденіе Синода [3]). На этой же точкѣ зрѣнія стояла и Елизавета Петровна, издавшая замѣчательные указы по брачному праву и внушавшая членамъ Синода рѣшать бракоразводныя дѣла не изъ собственной головы, а на основаніи Св. Писанія и каноновъ [4]). Любопытно, что при

[1]) Стр. 289 и сл.

[2]) Стр. 297.

[3]) См. манифестъ объ учрежденіи духовной коллегіи 25 января 1721 г.

[4]) П. С. З. № 10028.

Петрѣ было задумано и при Елизаветѣ кончено печатаніе исправленной Библіи [1]). Что касается до вліянія вообще свѣтскаго законодательства (помимо высочайшихъ указовъ) на церковныя дѣла и на бракоразводное право въ особенности (напр. весь бракоразводный процесъ былъ цѣликомъ построенъ на свѣтскомъ законодательствѣ), то и это обстоятельство совсѣмъ не служитъ доказательствомъ секуляризаціи брака, и указываетъ лишь на то, что особыхъ церковныхъ нормъ не было выработано, и, за отсутствіемъ или недостаточностію ихъ, всего естественнѣе было обратиться къ готовому законодательству, какъ это было и въ Византіи, и даже въ московскомъ государствѣ, гдѣ напр. церковный процесъ былъ копіей съ свѣтскаго судебнаго процеса. Въ виду всего этого, болѣе правильнымъ представляется сужденіе Способина въ его небольшой книжкѣ о разводѣ, чѣмъ сужденіе г. Загоровскаго. Способинъ говоритъ слѣдующее: «Петръ вноситъ въ нашъ бракъ элементъ нравственно-религіозный, даетъ новое воззрѣніе на сущность брака, установляетъ организацію его въ строгомъ соотвѣтствіи съ высокими воззрѣніями христіанской религіи. Установивъ бракъ на исключительно религіозныхъ началахъ, Петръ I. гарантируетъ эту постановку гражданскими постановленіями въ помощь каноническимъ. Съ его законами, бракъ является учрежденіемъ религіозно-нравственнымъ по преимуществу [2])» и т. д. Впрочемъ, и самъ г. Загоровскій довольно неожиданно высказалъ такое положеніе: «взаимодѣйствіе свѣтской и церковной власти съ цѣлью уничтоженія принудительныхъ браковъ, способствуя укрѣпленію взгляда на бракъ, какъ на актъ воли супруговъ, рядомъ съ этимъ способствовало, *благодаря преобладанію церкви въ вопросахъ брачныхъ, выработкѣ взгляда на бракъ, какъ на актъ, по существу своему религіозный* [3])».

И дѣйствительно, Петръ Великій исключилъ изъ вѣдомства церковнаго суда многія брачныя дѣла; но за то остальныя, признанныя за дѣла духовныя, со всею энергіей государственной власти отвелъ въ исключительное завѣдываніе духовнаго суда, въ томъ числѣ и дѣла бракоразводныя, которыя до Петра далеко не по общему правилу вѣдались въ духовныхъ судахъ [4]).

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, XXIII, 143.

[2]) О разводѣ въ Россіи, стр. 52—53.

[3]) Стр. 289.

[4]) Ср. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданскаго права, II. Спб. 1871, стр. 75: «Супруги оставляли другъ друга, не стѣсняясь постановленi

Говоря объ источникахъ брачнаго и бракоразводнаго права, нельзя не остановиться также на довольно сбивчивыхъ сужденіяхъ автора о томъ значеніи, которое имѣетъ кормчая книга для настоящаго времени. Вина въ этихъ сбивчивыхъ сужденіяхъ падаетъ, впрочемъ, не столько на г. Загоровскаго, сколько на неразработанность науки церковнаго права. На стр. 425 разбираемаго сочиненія говорится: «нашъ печатный номоканонъ, бывшій до сихъ поръ не фигурально только, а въ дѣйствительности, кормчимъ для нашего духовнаго правительства, съ 1836 г. не издается болѣе. Мѣсто его съ 1839 г. заняла такъ называемая «Книга правилъ св. апостоловъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. отецъ. Этимъ самымъ 2-я часть кормчей книги, т. е. канонизованное византійское право, отошла въ исторію». Это устраненіе изъ практики «юстиніановскихъ свитковъ», говоритъ далѣе г. Загоровскій, едва ли можно считать благодѣтельнымъ, при нынѣшнемъ состояніи законодательства русской церкви, такъ какъ съ однимъ канономъ этой церкви нельзя ни управляться, ни творить судъ. Такимъ образомъ, для автора не существуетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, въ правѣ ли Синодъ отмѣнить вторую часть кормчей. Вопросъ этотъ, однако, далеко не такъ ясенъ, какимъ онъ представляется г. Загоровскому. Слѣдовало бы прежде всего задаться вопросомъ: на чемъ утверждался авторитетъ кормчей книги? Отвѣтомъ духовныхъ писателей на означенный вопросъ юристъ едва ли можетъ удовлетвориться. Митрополитъ московскій Филаретъ, наприм., разсуждая о значеніи 50-й главы кормчей книги, выразился, что такъ какъ содержаніе этой главы большею частію заимствовано изъ гражданскихъ законовъ, то правила въ ней изложенныя не имѣютъ полной силы закона церковнаго [1]). Профессоръ Горчаковъ, разсуждая о томъ же предметѣ, именно о третьей части главы 50-й, выразился, что она самымъ составомъ своимъ не допускаетъ мысли, чтобы составленіе ея можно было приписать такому органу законодательной власти, который бы имѣлъ канонической автори-

церковнаго закона, тѣмъ болѣе, что и самый этотъ законъ не имѣлъ совершенной ясности и опредѣлительности для церковныхъ судей, такъ какъ законы о разводѣ, помѣщенные въ нашихъ кормчихъ книгахъ, не были вполнѣ согласны ни между собою, ни съ каноническими постановленіями... Со времени Петра В., государственная власть стремится установить на твердомъ основаніи вѣдомство дѣлъ о разводахъ и опредѣлить законныя причины къ расторженію брака въ законѣ гражданскомъ».

[1]) Горчаковъ, О тайнѣ супружества, стр. 238.

тетъ въ какой бы то ни было помѣстной церкви, — вся она представляетъ изъ себя нестройную компиляцію извлеченій, выбранныхъ изъ памятниковъ византійскаго государственнаго законодательства и изъ сочиненій извѣстныхъ и неизвѣстныхъ канонистовъ [1]). Онъ же, въ другомъ мѣстѣ, разсуждаетъ такимъ образомъ: «Кормчая книга есть не болѣе какъ сборникъ памятниковъ законодательства и церковнаго права. Каноническое достоинство статей и памятниковъ, въ ней помѣщенныхъ, вслѣдствіе того, что она издана патріархомъ съ соборомъ іерарховъ или св. синодомъ, нисколько не измѣнилось отъ того, какое они имѣютъ по своему происхожденію. Такъ въ кормчей книгѣ помѣщены сборники государственнаго византійскаго законодательства, составленные офиціальными властями и частными лицами, каковы: «Отъ свитка заповѣдей Іустиніана», «Законъ судный», «Градскій законъ», «Главизны царя Леона» и др.; никто не можетъ и едва ли кто рѣшится утверждать, что упомянутые сейчасъ сборники, черезъ изданіе ихъ въ печатной кормчей, возведены патріархомъ и соборомъ русскихъ іерарховъ въ достоинство каноническихъ правилъ русской церкви; памятники эти, и послѣ изданія ихъ въ печатной кормчей, имѣютъ то же значеніе въ ряду источниковъ русскаго церковнаго права, какое можно и должно приписывать имъ по историческому ихъ происхожденію» [2]). Въ самомъ концѣ своего изслѣдованія, проф. Горчаковъ съ рѣшительностію утверждаетъ, что правительственною властію русской церкви можетъ быть произнесенъ окончательный судъ о степени каноническаго достоинства 50-й главы кормчей книги, и вся 50 глава можетъ быть замѣнена изданіемъ самостоятельнаго законодательнаго памятника, или руководственнаго наставленія [3]). Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ очень много неяснаго. Авторитетъ кормчей книги утверждался не на авторитетѣ авторовъ отдѣльныхъ статей, не на авторитетѣ даже патріарха и собора іерарховъ, а на авторитетѣ царя, именемъ котораго издавались и богослужебныя книги, и кормчая книга. Если напр. въ Полное Собраніе законовъ россійской имперіи включены постановленія нѣсколькихъ московскихъ соборовъ второй половины XVII в., то включены они не потому, что ихъ установилъ соборъ іерарховъ, а потому, что въ нихъ участвовалъ и ихъ авто-

[1]) Ibidem, стр. 376.
[2]) Стр. 380.
[3]) Стр. 384.

ризировалъ царь. Напротивъ, напр. изданная синодомъ инструкція благочиннымъ, касающаяся довольно важнаго вопроса — объ относительной несообразности лѣтъ жениха и невѣсты, какъ препятствіи къ заключенію брачнаго союза, — не получившая высочайшаго утвержденія и не внесенная въ Полное Собраніе законовъ, не имѣетъ и силы закона. «Правительственная власть русской церкви», если понимать подъ ней синодъ, не въ правѣ ни отмѣнить сама собою того, что было авторизировано царемъ, ни издать «новаго законодательнаго памятника», ибо, по ясному смыслу 51 ст. основн. закон., «никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ, само собою, установить новаго закона, и никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія верховной власти». Законы, говоритъ юридическая наука [1]), до тѣхъ поръ остаются въ силѣ, пока они не отмѣнены или не измѣнены новою законною нормою. Lex semper loqui praesumitur. Конечно, и безъ явственной отмѣны, законъ можетъ утратить свою примѣнимость, выйдти, такъ сказать, изъ примѣненія (obsolet werden), вслѣдствіе совершеннаго измѣненія его фактическихъ предположеній. Отсюда слѣдуетъ, что, если, въ общемъ, кормчая книга вышла изъ примѣненія, «вслѣдствіе совершеннаго измѣненія ея фактическихъ предположеній,» или, правильнѣе говоря, едва ли даже могла и претендовать когда либо, въ полномъ своемъ составѣ, на практическое примѣненіе, по причинѣ слишкомъ разнороднаго матеріала, въ ней заключеннаго, но если, съ другой стороны, въ ней и до сихъ поръ можно находить нѣчто, имѣющее жизненную силу и не замѣняемое какими либо другими нормами, то дѣло юриста не въ томъ должно состоять, чтобы изливать скорбь по поводу «сдачи въ архивъ юстиніановскихъ свитковъ», а въ томъ, чтобы разъяснить, что юстиніановскіе свитки далеко не такъ легко сдать въ архивъ, какъ можетъ показаться на первый взглядъ.

Изложеніе матеріальнаго бракоразводнаго права г. Загоровскій начинаетъ съ указанія поводовъ къ разводу. Пріемъ автора состоитъ въ томъ, что исчисляются отдѣльные поводы къ разводу по византійскому праву, затѣмъ объясняется судьба каждаго изъ нихъ въ русской юридической жизни, причемъ присоединяются нѣкоторые поводы, которыхъ византійское право не знало. Вообще говоря, эта весьма обширная часть сочиненія составлена тщательно, хотя нерѣдко замѣчаются бездоказательныя положенія

[1]) Herm. Schulze, Das preussische Staatsrecht, II, 259—260.

и нѣкоторая неразборчивость въ аргументаціи. Разсуждая напр. на стр. 94 о тѣхъ условіяхъ, при наличности которыхъ прелюбодѣяніе составляло поводъ къ разводу по византійскому праву, г. Загоровскій говоритъ, что требовалось доказать опредѣленнымъ способомъ, какъ несомнѣнный, фактъ половой связи одного изъ супруговъ съ лицомъ постороннимъ; доказательство этого факта не можетъ быть замѣнено никакими другими средствами доказательствъ, какъ напр. указаніемъ на подозрительное обращеніе обвиняемаго супруга съ лицомъ, подозрѣваемымъ въ прелюбодѣяніи; мало того, даже покушеніе на прелюбодѣяніе признавалось недостаточнымъ, чтобы стать мотивомъ развода. Сравнивая это разсужденіе съ приводимыми у самого г. Загоровскаго постановленіями византійскаго права, въ силу которыхъ къ прелюбодѣянію приравнивались обстоятельства, болѣе или менѣе аналогичныя съ нимъ (пированіе, противъ воли мужа, съ постороннимъ мущинами, или мытье съ ними въ банѣ, посѣщеніе цирка, театра, или амфитеатра, безъ вѣдома и безъ согласія мужа, проведеніе одной ночи внѣ дома, противъ воли мужа), нельзя не придти въ недоумѣніе: какимъ образомъ требовалось безусловное доказательство факта прелюбодѣянія для развода, и въ то же время судъ могъ удовольствоваться обстоятельствами, аналогичными съ прелюбодѣяніемъ? Загадка разрѣшается довольно просто. Чижманъ, котораго г. Загоровскій цитируетъ въ данномъ мѣстѣ, говоритъ [1]) о прелюбодѣяніи, не какъ о поводѣ къ разводу, а какъ о брачномъ препятствіи, какъ объ обстоятельствѣ, исключающемъ возможность заключенія брака между прелюбодѣями, т. е. между нарушившимъ супружескую вѣрность супругомъ и между постороннимъ лицомъ соучастникомъ въ этомъ прелюбодѣяніи, въ случаѣ ли расторженія брака по этой причинѣ, или въ случаѣ смерти обманутаго супруга. Само собою разумѣется, что для противопоставленія этого препятствія предположенному между прелюбодѣями браку требовалось ясно и точно доказать фактъ прелюбодѣянія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, могла бы быть стѣсняема, по самымъ неосновательнымъ подозрѣніямъ, личная свобода, выражающаяся во взаимной склонности двухъ лицъ вступить между собою въ бракъ. Иное дѣло прелюбодѣяніе, какъ поводъ къ разводу, и хотя г. Загоровскій не самъ собою впалъ въ ошибку, а вовлеченъ былъ въ нее

[1]) Zhishmann, Das Eherecht, 587 и сл.

Чижманомъ, который въ другомъ мѣстѣ [1]) дѣйствительно говоритъ, что изложенные имъ принципы относительно прелюбодѣянія, какъ брачнаго препятствія, распространяются и на прелюбодѣяніе, какъ основаніе къ расторженію брака), но неправильность этого распространенія доказывается какъ выше представленнымъ соображеніемъ, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣла о прелюбодѣяніи, какъ о брачномъ препятствіи, не могли избѣжать суда (ибо тотъ, кто желалъ помѣшать преступному браку, натурально долженъ былъ обратиться въ судъ), тогда какъ бракъ, по причинѣ прелюбодѣянія, расторгнутъ быть могъ и безъ обращенія къ суду [2]).

Разсуждая о потерѣ невѣстою невинности до брака, какъ о поводѣ къ разводу, г. Загоровскій, опять увлекаясь Чижманомъ, говоритъ самымъ рѣшительнымъ тономъ о самыхъ проблематическихъ вещахъ. Въ римскомъ правѣ дѣйствительно за женихомъ, сдѣлавшимся мужемъ, признавалось право публичнаго обвиненія своей жены, нарушившей вѣрность въ отношеніи къ своему жениху, до вступленія съ нимъ въ бракъ, однако не безусловно, а въ томъ лишь случаѣ, если невѣста была его sponsa, т. е. была обручена съ нимъ посредствомъ формальной торжественной стипуляціи [3]), въ какомъ случаѣ уже по общему правилу, мужъ, предъявившій обвиненіе противъ своей жены въ прелюбодѣяніи, не могъ удерживать ее у себя. Изъ позднѣйшаго византійскаго права видно однако, что разводъ по указанной причинѣ былъ обставленъ такими ограничительными условіями, что становился почти невозможнымъ фактически и получалъ характеръ не развода собственно, а констатированія того, что бракъ не состоялся. Въ сборникѣ судебныхъ рѣшеній Евстаѳія, патриція римскаго (изъ XI в.), извѣстномъ подъ названіемъ Πεῖρα [4]), читается, между прочимъ, слѣдующе судебное дѣло: Нѣкто заявилъ суду искъ о разводѣ на томъ основаніи, что нашелъ жену свою въ день свадьбы лишенною дѣвства. Жена отрицала это. Патрицій рѣшилъ: если бы мужъ въ самую ту ночь всталъ съ постели и, созвавъ домашнихъ и родственниковъ жены, заявилъ имъ, что жена лишилась дѣвства до брака, тогда было бы другое дѣло. А въ данномъ случаѣ этого не было сдѣлано, — мужъ промолчалъ, а поэтому не имѣетъ права и выгонять ее; если же осмѣлится сдѣлать это, то подлежитъ тому наказанію, какое опредѣлено за недоказанное обвиненіе мужемъ жены въ прелюбодѣяніи. Напротивъ, если бы мужъ, указаннымъ выше способомъ, доказалъ потерю дѣвства женою до брака, то бракъ необходимо было бы расторгнуть, причемъ, однако, жена не подвергалась бы наказанію за прелюбодѣяніе, какъ совершившая грѣхъ еще до брака. Составитель сборника добавляетъ отъ себя, что онъ тутъ же спросилъ патриція Евстаѳія: «да бывало ли такъ когда нибудь, и расторгался ли когда либо такимъ способомъ бракъ?» На этотъ вопросъ патрицій отвѣтилъ: «не станутъ судиться и въ судъ не пойдутъ съ такимъ дѣломъ; но если бы это случилось, то судить нужно бы было именно такимъ образомъ [1])». Затѣмъ, чтобы церковью были усвоены приведенныя положенія римскаго права, на это нѣтъ никакихъ доказательствъ. Правда, въ канонахъ обрученіе приравнивается къ браку, обрученная невѣста разсматривается какъ жена; правда и то, что въ приводимыхъ у г. Загоровскаго повеллахъ Алексѣя Комнена, обрученіе представляется «во всемъ равнымъ бракосочетанію». Но и въ канонахъ [2]), и въ новеллахъ приравненіе обрученія къ бракосочетанію понимается далеко не въ безусловномъ смыслѣ, а въ томъ лишь отношеніи, что обрученіемъ должна была завязываться столь же нерасторжимая связь, какъ и бракосочетаніемъ, и нарушеніе вѣрности невѣстою жениху столь же строго осуждалось церковью, какъ и нарушеніе женою вѣрности мужу. Заключать отсюда о приравненіи обрученія къ бракосочетанію во всѣхъ другихъ отношеніяхъ было бы совершенно неосновательно, такъ какъ напр. клирикъ, обручившійся съ одною и, послѣ несостоявшагося обрученія, женившійся на другой, едва ли всѣми и безусловно разсматривался какъ двоеженецъ и исключался отъ посвященія въ высшія іерархическія степени; еще менѣе можно допустить, чтобы міряниномъ, послѣ обрученія съ одною, послѣдовательно вступавшій въ

[1]) Стр. 735.

[2]) Суворовъ, Объемъ дисциплин. суда, стр. 360—362.

[3]) l. 13, § 3 D. ad legem Iuliam de adulter. (48, 5): «Divi Severus et Antoninus rescripserunt, etiam in sponsa hoc idem vindicandum, quia neque matrimonium qualecunque, nec spem matrimonii violare permittitur.» C. 7, Cod. Iust. ad legem Iuliam de adulter. (9, 9): «Propter violatam virginem adultam, qui postea maritus esse coepit, accusator justus non est, et ideo jure mariti crimen exercere non potest, nisi puella violata sponsa ejus fuerit.»

[4]) Zachariae, Ius graeco-romanum, P. I, Lipsiae, 1856.

[1]) Τιτλ. μθ' κεφ. ε': «ἠρώτησα· εἰ γέγονέ ποτε τοιοῦτον, καὶ ἐλύθη ὁ γάμος; καὶ εἶπε· μὴ κριθῆναι ἢ εἰς δίκην ἐλθεῖν τὸ τοιοῦτον πρᾶγμα, τέως δὲ ἀνάγκη οὕτω κρίνεσθαι.»

[2]) Анкир. 11; Вас. Вел. 22; трул. 98.

два брака, разсматривался какъ троеженецъ, и исключался отъ вступленія въ новый бракъ, послѣ того какъ число дозволенныхъ послѣдовательныхъ браковъ ограничено было тремя. Отправляясь отъ византійскаго права, г. Загоровскій тщетно ищетъ слѣдовъ его въ русской юридической жизни, и послѣ мало относящихся къ дѣлу разсужденій о томъ позорѣ, который навлекала не сохранившая дѣвства невѣста на себя и на своихъ родителей (причемъ однако не обращается должнаго вниманія на свидѣтельство Котошихина [1]), приходитъ въ результатѣ къ тому выводу, что, кромѣ навлеченія невѣстою позора на себя и на свой родъ, дальнѣйшихъ послѣдствій потеря невинности не имѣла [2]). Между тѣмъ, начиная разсуждать о томъ же предметѣ, при разсмотрѣніи періода послѣ-петровскаго, г. Загоровскій говоритъ: «потеря невѣстою невинности до брака и добрачная беременность не отъ жениха, какъ кажется, *составляла и въ настоящій періодъ поводъ къ разводу*» [3]). Подобную забывчивость авторъ обнаруживаетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ своего сочиненія. Разсуждая напр. о воспріятіи отъ купели собственныхъ дѣтей, какъ поводѣ къ разводу, установленномъ византійскимъ правомъ, авторъ не нашелъ никакихъ слѣдовъ примѣненія этого повода къ разводу у насъ [4]), а при разсмотрѣніи послѣ-петровскаго періода неожиданно замѣчаетъ, что императорскими указами XVIII в. предписано было не признавать кумовства достаточнымъ поводомъ къ разводу, «хотя оно признавалось таковымъ, *какъ мы видѣли*, въ восточной церкви и у насъ до Петра» [5]). Это неожиданное замѣчаніе повторяется и еще разъ [6]): «возникновеніе духовнаго родства между мужемъ и женою, вслѣдствіе воспріятія отъ купели дитяти, *было тоже поводомъ къ разводу, какъ и прежде*». Между тѣмъ, единственнымъ базисомъ, на которомъ

[1]) «А на утрѣе женихъ и невѣста ходятъ въ особые бани. А потомъ ѣздитъ женихъ съ дружкою созывать къ себѣ гостей къ обѣду, своихъ и невѣстиныхъ. А пріѣхавъ къ невѣстину отцу и матерѣ, бьетъ челомъ имъ за то, что они дочь свою вскормили и вспоили и замужъ выдали въ цѣлости въ добромъ здоровьѣ, и созывая гостей, поѣдетъ къ себѣ домовь; а будетъ невѣста пришла за него замужъ дѣвства не сохранила, и онъ имъ отцу и матерѣ за то пеняетъ, потиху». Гл. XIII, стр. 127.

[2]) Стр. 111.

[3]) Стр. 319.

[4]) Стр. 132.

[5]) Стр. 296.

[6]) Стр. 343.

авторъ строитъ свои положенія относительно обоихъ періодовъ, является указъ императрицы Елизаветы 1752 г. [1]), которымъ, по поводу *двухъ случаевъ* расторженія браковъ епархіальными архіереями въ XVIII в., по причинѣ возникновенія духовнаго родства, *предписано впредь такихъ разводовъ отнюдь не чинить*.

Въ примѣръ неудачной аргументаціи можно указать и на то, что говорится у г. Загоровскаго о проказѣ, какъ поводѣ къ разводу. Проказа, по его мнѣнію, составляла у насъ поводъ къ разводу, и притомъ въ равной мѣрѣ для обоихъ супруговъ: о такомъ значеніи проказы говорятъ законъ судный царя Константина и эклога,—то же доказывается и 17-мъ правиломъ анкирскаго собора: «скотоложникамъ и прокаженнымъ, или опроказившимъ, святый соборъ повелѣваетъ молитися съ обуреваемыми», т. е. съ людьми, стоящими внѣ храма подъ открытымъ небомъ и въ холодъ, и въ бурю [2]). Эта аргументація страдаетъ тремя недостатками. Вопервыхъ, нельзя доказывать практической силы византійскихъ источниковъ въ русской юридической жизни византійскими же источниками. Вовторыхъ, взглядъ анкирскаго собора на прокаженныхъ совсѣмъ не относился бы къ дѣлу, такъ какъ вопросъ о мѣстѣ нахожденія прокаженныхъ, во время ихъ болѣзни, не стоитъ ни въ какой связи съ вопросомъ о разводѣ. Въ третьихъ, византійскіе канонисты Зонара, Вальсамонъ и Аристинъ понимаютъ подъ прокаженными, о которыхъ говорится въ анкирскомъ канонѣ, тѣхъ же скотоложниковъ, о которыхъ идетъ рѣчь и въ этомъ, и въ предыдущемъ канонахъ, какъ о людяхъ, осквернившихъ и себя, и животныхъ, совокупленіемъ съ животными [3]), и понимаютъ, какъ надо полагать, вѣрнѣе, чѣмъ понимаетъ это выраженіе г. Загоровскій. Прокаженныхъ въ собственномъ смыслѣ, какъ людей, страдающихъ заразительною для другихъ болѣзнію анкирскій соборъ не помѣстилъ бы даже и въ числѣ обуреваемыхъ. Людей, хотя бы и проходящихъ покаяніе за грѣхи, соборъ не могъ бы подвергать опасности зараженія.

Не останавливаясь затѣмъ на другихъ примѣрахъ аргументаціи въ подобномъ родѣ, необходимо сдѣлать два замѣчанія по поводу самыхъ пріемовъ автора при обработкѣ вопроса о поводахъ къ разводу. *Вопервыхъ*, онъ не оцѣнилъ достаточно всей важности

[1]) П. С. З. № 10,050.

[2]) Стр. 151.

[3]) См. толков къ 17 анкирск.

основной класификаціи основаній развода, принятой и у Чижмана, стало быть не безъизвѣстной и г. Загоровскому. Нужно было ясно различить разводы по взаимному соглашенію супруговъ—причемъ возможные мотивы такого соглашенія не имѣютъ важности, такъ какъ дѣло не въ нихъ, а во взаимномъ согласіи супруговъ разорвать бракъ, — и разводы по односторонней волѣ котораго либо изъ супруговъ, въ виду того или другаго законнаго повода къ разводу. Г. Загоровскій дѣйствительно какъ будто и дѣлаетъ это различіе; заключая обзоръ отдѣльныхъ поводовъ къ разводу, онъ говоритъ, что до-петровская Русь знала и признавала разводы и «безъ всякихъ поводовъ», по одному лишь обоюдному соглашенію супруговъ, и что этотъ видъ развода надо считать самымъ исконнымъ, какъ болѣе всего соотвѣтствующій древнерусскому воззрѣнію на бракъ, какъ на договоръ [1]). Хотя это положеніе, относительно древнѣйшаго времени, доказывается весьма неудачно [2]), но сомнѣваться въ широкой распространенности разводовъ по взаимному соглашенію въ древней Руси едвали возможно [3]). Но вниманіе читателя главнымъ образомъ обращаетъ

[1]) Стр. 192.

[2]) Авторъ ссылается на статью устава Ярослава: «аже *мужъ* съ женою *по своей волѣ* роспуститься, епископу 12 гривенъ, а буде не вѣнчался, епископу 6 гривенъ», и поясняетъ, что уставъ именно и говоритъ о разводахъ по взаимному соглашенію, не воспрещая ихъ, а лишь облагая штрафомъ. Но буквальный смыслъ стат. скорѣе гласитъ объ одностороннемъ, произвольномъ и неосновательномъ, разводѣ мужа съ женою. И если эта статья можетъ служить подтвержденіемъ существованія разводовъ по взаимному соглашенію, то лишь давая возможность argumenti a contrario: самовольный односторонній разводъ воспрещался и наказывался, о разводѣ же обоюдномъ, по взаимному соглашенію, не говорится ничего, стало быть онъ не воспрещался и не наказывался. Слова изъ вопросовъ Кирика, на которыя далѣе ссылается г. Загоровскій, также не могутъ быть относимы къ разводамъ по взаимному соглашенію. «А иже-то роспустилася малжена, и передъ тобою, владыко, тягавшася, что тѣмъ опитемья?—Не дай, рече, причащенія тому, который его роспускается, а со инѣмъ съвокупляется, али онъ умирати начнетъ, тоже дай». Не зачѣмъ было бы «тягаться передъ владыкой» при разводахъ по взаимному соглашенію; суровость епитиміи (пожизненное лишеніе причащенія за исключеніемъ опасности смерти) указываетъ, повидимому, на неосновательный, произвольный, односторонній разводъ, состоявшійся притомъ послѣ признанія повода къ нему неосновательнымъ на судѣ владыки. Рус. Истор. Библ. VI, 48.

[3]) По германскому праву, взаимное соглашеніе супруговъ было однимъ изъ главныхъ основаній къ разводу (Löning, II, 617). Въ англосаксонскихъ и франкскихъ пенитенціалахъ это правило выражалось съ совершенною

тутъ на себя то обстоятельство, что авторъ, ссылаясь на многочисленные документы о полюбовномъ разводѣ изъ западно-русской жизни и высказывая совершенно правильный взглядъ [1]), что «въ разводахъ этихъ исключительно обоюдная воля супруговъ рѣшала судьбу заключеннаго ими брака, и что всѣ возможные мотивы—семейные раздоры, болѣзнь и проч., важные лично для супруговъ, какъ обстоятельства, подвинувшія ихъ рѣшимость расторгнуть бракъ, лишены значенія и совсѣмъ несущественны для юридическаго момента прекращенія брака», между тѣмъ самъ же пользуется этими фактами, для доказательства существованія тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ поводозъ къ разводу. Такъ на стр. 142 фактъ изъ западно-русской жизни приводится въ доказательство того, что *бы-*

ность, хотя на пенитенціалахъ должно уже было отразиться вліяніе церкви: «legitimum conjugium non licet separari sine consensu amborum» Hinsshius, Das Ehescheidungsrecht, nach den angelsächsischen und fränkischen Bussordnungen, въ Zeitschrift für deutsches Recht, B. XX. стр. 68 и 79). Напротивъ, односторонній разводъ всегда подвергался болѣе или менѣе значительнымъ ограниченіямъ, а что касается жены, то первоначально за нею вовсе не признавалось право односторонняго развода съ мужемъ. Но уже въ нѣкоторыхъ изъ leges barbarorum, подъ вліяніемъ римскаго права, предоставлявшаго и женѣ право развода, и воззрѣній церкви, одинаково смотрѣвшей на нарушеніе мужемъ супружеской вѣрности, какъ и на прелюбодѣяніе жены, признано за женою право развода, въ случаѣ если мужъ виновенъ въ содоміи, или отдалъ жену на прелюбодѣяніе, торгуя ея честью (вестгот.), въ случаѣ покушенія на жизнь жены, неосновательнаго обвиненія ея въ уголовномъ преступленіи, отдачи на прелюбодѣяніе (лонгобард.). Болѣзнь, импотенція и отказъ въ исполненіи брачной обязанности не давали женѣ права на разводъ (Löning, 623). Мужу предоставлялось право развода съ женой въ случаѣ прелюбодѣянія, покушенія на жизнь, отказа послѣдовать за мужемъ (ibid. 621). По пенитенціаламъ точно также устанавливаются опредѣленные поводы къ одностороннему разводу (Hinschius, н. с.). У насъ митрополиты, очень часто вооружавшіеся противъ «нойманія женъ» безъ благословенія далеко не часто вооружаются противъ развода. Послѣ митрополита Іоанна (1080—1089) осуждавшаго разводъ, черезъ слишкомъ длинный промежутокъ времени именно не ранѣе, какъ въ XV в., митр. Фотій высказался въ смыслѣ явнаго осужденія развода «безъ всякаго розсуженія святительскаго правильнаго», но, какъ средство борьбы съ этимъ явленіемъ, могъ рекомендовать духовенству лишь отлученіе отъ церкви, непринятіе приношеній въ церковь и недопущеніе старостить въ церквахъ (Р. И. Б. т. VI, №№ 51, 56, 60).

[1]) Этотъ взглядъ, впрочемъ, былъ высказанъ еще раньше г. Загоровскаго проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ его рецензіи VII и VIII выпусковъ «Историко-юридическихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской» (Кіевск. Универс. Извѣстія, 1878, апрѣль, стр. 94—111).

зическая неспособность признавалась законнымъ поводомъ къ разводу; на стр. 150 то же самое заключеніе и на томъ же самомъ основаніи дѣлается о *безвѣстномъ отсутствіи*; на стр. 161 — о *постриженіи въ монашество*; на стр. 188 — о *несогласной жизни супруговъ*. Одни и тѣ же факты исполняютъ у г. Загоровскаго двойную роль: въ одномъ случаѣ доказывается ими одно, а въ другомъ другое, смотря по тому, что требуется доказать. Кромѣ того г. Загоровскій, считая разводъ по взаимному соглашенію самымъ исконнымъ русскимъ юридическимъ учрежденіемъ — съ чѣмъ не согласиться трудно, — впадаетъ въ большую крайность, когда западно-русскіе разводы XVI и XVII вв. со всею ихъ публичною обстановкою, съ предъявленіемъ актовъ о разводѣ магистратамъ и съ внесеніемъ ихъ въ городскія книги, объясняетъ исключительно тѣмъ, что «въ этой части Россіи дольше и больше сохранялись вообще особенности древнерусской жизни, чѣмъ въ сѣверовосточной ея половинѣ» [1]), или, какъ говорится въ другомъ мѣстѣ разбираемаго сочиненія, «что такъ какъ общественная жизнь въ XVI и XVII вв., сравнительно съ временами ранняго періода, сдѣлала успѣхи, то самовольныя расторженія были закрѣплены юридически, облечены въ извѣстныя формы, которыя бы утверждали ихъ, какъ для самихъ разлучавшихся, такъ и для другихъ лицъ, заинтересованныхъ въ расторгаемыхъ супружествахъ» [2]). И въ московской Руси съ XVII столѣтія замѣчается стремленіе къ оформленію разводовъ, посредствомъ разводныхъ или роспустныхъ писемъ, писавшихся священно и церковнослужителями. Уже въ XVIII столѣтіи, въ 1730 г. [3]) потребовался запретительный указъ о неписаніи священно и церковнослужителяли, подъ опасеніемъ суда и лишенія сана, разводныхъ писемъ кому бы то ни было и подъ какимъ бы то ни было видомъ. Мало того, даже въ указѣ второй половины прошлаго столѣтія [4]) говорится, что «въ епархіяхъ обыватели многіе отъ живыхъ женъ, а жены отъ живыхъ мужей въ бракъ вступаютъ и что роспустныя письма, въ противность закона Божія и правилъ Св. отецъ, священно и церковнослужители имъ пишутъ». Но дальше этихъ роспустныхъ писемъ стремленіе къ оформленію разводовъ въ сѣверовосточной Руси и

[1]) Стр. 197.
[2]) Стр. 254.
[3]) П. С. З. № 5655.
[4]) Указъ 1767 г. П. С. З. № 12,935.

не пошло. Поэтому, западно-русскую публичную форму разводовъ трудно объяснить однѣми особенностями древнерусской жизни, лучше сохранившимися на югозападѣ, чѣмъ на сѣверовостокѣ, а необходимо прибѣгнуть къ другому сильному фактору въ западно-русскомъ строѣ жизни—къ магдебургскому праву. Напр. нѣкая Оришка Федоровичовна даетъ мужу разводный листъ о томъ, что, вслѣдствіе невозможности ужиться, испросивъ разрѣшеніе родственниковъ, они, по обоюдному согласію, рѣшились разойтись, причемъ жена разрѣшаетъ мужу вступить во второй бракъ, и этотъ разводный листъ предъявленъ былъ въ трибуналъ, для внесенія въ «гродскую книгу» [1]). Магдебургское право имѣло тенденцію устранить мѣстныя права и обычаи, не согласовавшіеся съ нимъ. Поэтому администраціи города, получавшаго магдебургское право, подтверждалось, что право это должно соблюдаться во всѣхъ пунктахъ [2]). И что касается въ особенности оформленія актовъ, составляемыхъ частными лицами, то напр. относительно духовныхъ завѣщаній узнаемъ слѣдующее: король Сигизмундъ, въ грамотѣ 1543 г. виленскимъ мѣщанамъ, находитъ, что составленіе домашнихъ завѣщаній въ присутствіи однихъ только частныхъ лицъ, несогласно съ магдебургскимъ правомъ, и предписываетъ, чтобы на будущее время всѣ завѣщанія составлялись передъ городскимъ судомъ, составляемыя же покутно, т. е. въ частныхъ домахъ, частнымъ образомъ, не будутъ имѣть никакого значенія [3]). Въ магдебургскомъ же правѣ нужно бы было искать источникъ и публичнаго оформленія разводовъ по взаимному соглашенію.

[1]) «Которы же то листъ розводны, за поданемъ и прозбою вышъ мяновання особы, а за принятіемъ моимъ урядовымъ, увесь, слово въ слово, до книгъ нинешнихъ, гродскихъ овручъскихъ есть вписаны». Архивъ Югозап. Россіи, т. I, ч. IV, 44.

[2]) При дарованіи городамъ права магдебургскаго говорилось: «Removentes ibidem omnia ara polonicalia, modos et consuetudines universas, quae plerumque ipsum jus theutonicum consueverunt perturbare»... Фогту и присяжнымъ (advocati et scultetis) предоставлялась при этомъ «plena facultas judicandi, sententiandi, puniendi, corrigendi, plectendi et condemnandi, prout hoc ipsum jus theutonicum in omnibus suis punctis, sententiis, conditionibus, articulis et clausulis postulat et requirit». Cod. diplomatic. Poloniae, tom. II, pars II. Warsowiae, 1852, № CCCLXXXVI, pag. 479.

[3]) Сборникъ палеографическ. снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ, издан. виленск. археограф. коммиссіи, вып. 1. Вильна, 1884, № 27. Ср. также т. VII Актовъ виленск. археографич. коммиссіи, Вильна, 1874, № 12 (привилегія королевы Боны городу Городнѣ).

Вовторыхъ, пріемъ, которому слѣдуетъ г. Загоровскій при изложеніи поводовъ къ разводу, страдаетъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что авторъ, отправляясь отъ византійскаго права и стараясь, нерѣдко съ величайшими натяжками, а иногда и совсѣмъ напрасно, отыскать слѣды того или другаго повода къ разводу, допускавшагося византійскимъ правомъ, мало проливаетъ свѣта на дѣйствительное правосостояніе древнерусской жизни. Конечно, пока еще не время и нѣтъ достаточнаго основанія требовать отъ ученаго изслѣдованія по вопросу мало разработанному, чтобы оно дало возможность живо представить себѣ древнерусскій бракоразводный порядокъ и прослѣдить послѣдовательныя стадіи сближенія русскаго національнаго права съ византійскими церковными требованіями, каковое сближеніе, конечно, должно было совершаться не вдругъ, а постепенно. Но и современная наука уже располагаетъ нѣкоторыми данными для разъясненія темнаго вопроса, на которыя г. Загоровскій не обратилъ должнаго вниманія. Такъ напр. изъ описанія состава древнѣйшаго славянскаго номоканона въ 14 титуловъ, которое сдѣлано професоромъ Павловымъ, видно [1]), что номоканонъ этотъ соединялся съ сборникомъ изъ 87 главъ Іоанна Схоластика, т. е. съ тѣмъ, что составляетъ въ печатной Кормчей не 44-ю главу, а 42-ю. Въ сборникѣ же изъ 87 главъ, или, что то же, въ 42-й главѣ печатной Кормчей, говорится только о разводахъ съ цѣлью постриженія въ монашество; ни о какихъ другихъ поводахъ къ разводу, регламентированныхъ законодательствомъ императора Юстиніана и читающихся въ 44 гл. печатной Кормчей, въ 42-й главѣ не упоминается. Этотъ фактъ могъ бы нѣсколько умѣрить стремленіе автора отыскивать слѣды примѣненія каждаго отдѣльнаго повода въ русской юридической жизни, начиная съ самаго момента принятія русскими христіанства. Затѣмъ, не лишенъ также значенія и интереса тотъ фактъ, что къ одному изъ списковъ устава Ярослава о церковныхъ судахъ приписаны шесть статей о разводѣ [2]). Въ этихъ статьяхъ

[1]) Первоначальный славянорусскій номоканонъ. Казань, 1869, стр. 51.

[2]) «А се роспусты изъ намаканона Ярославли отъ правилъ. А се 1-я вина. Аще услышитъ жена отъ иныхъ людей, что думаютъ на царя или на князя, а того мужу своему не скажетъ, а послѣ обличиться, за тое разлучити ихъ. А се вина 2-я. Аще мужь застанетъ свою жену съ любодѣемъ, или учинитъ на то добрыми послуху исправу: разлучити я. А се 3-я вина. Аще подумаетъ жена на своего мужа зеліемъ или иными людми, а она имѣть вѣдати, что мужа ея хотять убити или уморити, а мужу своему не скажетъ, а напослѣ-

обращаютъ на себя наше вниманіе три немаловажныя обстоятельства. Во первыхъ, изъ регламентированныхъ византійскимъ законодательствомъ поводовъ къ разводу приписаны къ русскому уставу только нѣкоторые поводы, а далеко не всѣ. Во вторыхъ, замѣчается отступленіе отъ редакціи византійскихъ законовъ и приспособленіе ея къ русскому быту (напр. кромѣ умысла противъ царя упоминается объ умыслѣ противъ князя, вмѣсто театровъ и ипподромовъ говорится объ игрищахъ). Въ третьихъ, рядъ византійскихъ статей заканчивается статьей, не имѣющей никакихъ аналогій въ византійскомъ законодательствѣ. Если бы въ этихъ приписныхъ къ уставу Ярослава статьяхъ выразилось лишь личное «правосознаніе» писца или переписчика, то и въ такомъ случаѣ этотъ фактъ не лишенъ бы былъ интереса. Онъ, по меньшей мѣрѣ, свидѣтельствовалъ бы о томъ, что предки наши, при всемъ ихъ идеальномъ почтеніи къ Кормчей книгѣ, не считали абсолютною для себя обязанностію примѣнять буквально византійское законодательство, а напротивъ многое выпускали и нѣчто отъ себя прибавляли. Г. Загоровскій, вѣруя въ непогрѣшимость своего пріема, какъ только приходится ему встрѣтиться съ чѣмъ нибудь уклоняющимся отъ византійскаго образца, или отказывается отъ всякихъ объясненій [1]), или обнаруживаетъ величайшій скептицизмъ [2]). Насколько, однако, этотъ скептицизмъ несправедливъ, всего лучше доказывается однимъ, чрезвычайно важнымъ документомъ, который остался неизвѣстнымъ автору. Св. Синодъ, журналомъ 1744 г.

докъ объявится: разлучити ихъ. А се 4-я вина. Аще жена безъ мужня слова иметь съ чужими людми ходити или пити или ясти или опроче дому своего спати, а потомъ увѣдаетъ мужъ: разлучити ихъ. А се 5-я вина. Аще жена иметь. опрочѣ мужа своего волѣ, ходити по игрищамъ или во дни или въ нощи, а мужь иметь съчивати, а она не послушаетъ, разлучити ю. А се 6-я вина. Аще жена на мужа своего наведетъ тати, велитъ покрасти мужа своего домъ, или сама покрадетъ, или товаръ или церковь покрадетъ, а нѣмъ подаетъ, про то ихъ разлучити». Голубинскій, Истор. рус. ц. I, 1, 544.

[1]) По поводу послѣдней изъ приписанныхъ къ уст. Яросл. статей, г. Загоровскій на стр. 184, прим. 1 говоритъ: «мы не беремся объяснить это постановленіе; во всякомъ случаѣ оно стоитъ совершенно одиноко, чтобы признать за нимъ жизненную силу».

[2]) Такъ авторъ на стр. 187 не вѣритъ Котошихину, по словамъ котораго, побои могли повести къ разводу въ московскомъ государствѣ, если мужъ, просидѣвъ извѣстный срокъ въ монастырскомъ смиреніи, не исправитъ своего обращенія съ женой; а на стр. 213 прямо отказывается объяснить добавляемыя къ этому Котошихинымъ слова, что, послѣ развода, обоимъ супругамъ дозволялось вступить въ бракъ, не ранѣе какъ по истеченіи 7 лѣтъ.

12 октября, постановилъ: «о разводѣ отъ брачнаго союза за прелюбодѣйство по прошеніямъ разныхъ чиновъ мужей и женъ, собрать мнѣнія, сочиненныя, нѣкоторыхъ синодальныхъ членовъ, и, выписавъ, предложить къ докладу немедленно» [1]). Вслѣдствіе этого распоряженія, потребована изъ московской консисторіи выписка о производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ, и къ выпискѣ приложены мнѣнія двухъ членовъ синода—современниковъ Петра, кромѣ того рѣзко расходящееся съ двумя предыдущими, мнѣніе Іосифа, архіепископа московскаго, современника Елизаветы. Въ выпискѣ сообщаются свѣдѣнія: 1) о процессѣ бракоразводномъ при патріархахъ, 2) о поводахъ къ разводу и 3) о процессѣ со времени учрежденія синода; за этою выпискою, какъ сказано, слѣдуютъ мнѣнія членовъ синода. Что касается поводовъ къ разводу, консисторія московская представила синоду въ своей выпискѣ слѣдующее: «О порядкѣ въ производствѣ тѣхъ дѣлъ, каковые особливо патріаршіе или правившаго патріаршимъ престоломъ, преосв. Стефана, митроп. рязанскаго, узаконенія былиль, того не отыскано, точію въ отысканномъ, произвоженномъ въ 718 г., во время правившаго патріаршимъ престоломъ, преосвящ. Стефана, митроп. рязан., таковомъ же о прелюбодѣйной мужней жены винѣ дѣлѣ, выписанъ *указъ св. Адріана, патріарха*, въ которомъ написано тако: 205 году (1697) февраля въ 28 день, святѣйш. Адріанъ, патріархъ московскій и всея Россіи указалъ свой, св. патріарха, именной указъ записать въ своемъ патріаршѣ разрядѣ въ указную книгу: буде мужья бьютъ челомъ какихъ чиновъ на женъ своихъ объ разводѣ, за немощію ихъ, или за отравами будто къ смерти, и болѣзньми сердечными, или за иными какими причинами, кромѣ прелюбодѣянія и на животъ совѣщанія, чтобы женъ ихъ постричь, такожде и жены ихъ станутъ сказывать за собою болѣзни какія и иныя причины противъ мужня челобитья, чтобы ихъ, за тѣми болѣзньми, постричь и кромѣ прелюбодѣйныхъ винъ и жены такъ отъ мужей скажутъ, что постричься хотятъ, и св. патріархъ, по именному своему указу, такихъ челобѣтчиковъ челобитья принимать и допросовъ чинить и разводить съ женами ихъ, *кромѣ прелюбодѣйныя вины и на животъ смертнаго совѣщанія*, отнюдь ни по какому образу не указалъ». Очевидно, что въ московскомъ государствѣ въ разныя времена могли господствовать разныя, такъ сказать, теченія въ воззрѣніяхъ на поводы къ разводу. Чрезвычайно любопытны также и тѣ мнѣнія, которыя приложены къ запискѣ, особенно мнѣніе Ѳеофана Прокоповича. Ѳеофанъ прежде всего ясно различаетъ разводъ несовершенный, когда «супруги разлучаются ложемъ и сожитіемъ точію, но не союзомъ, или не закономъ союза супружескаго» (о таковомъ разводѣ говоритъ апостолъ Павелъ въ 7 гл. посл. къ Коринѳ.), и разводъ совершенный, «когда супруги не отъ ложа точію, но и отъ закона союза супружескаго разлучаютъ, и можетъ мужъ иную жену поятиь или жена за иного мужа понти» (о таковомъ разводѣ говорится въ 5 и 19 гл. Еванг. Мато.). Отсюда выводится, что разводъ совершенный долженъ имѣть мѣсто въ случаѣ вины прелюбодѣянія. Полемизируя далѣе съ латынянами, которые приводятъ Христово изреченіе, просто безъ изъятія написанное у Марка въ гл. 10 и у Луки въ гл. 16, Ѳеофанъ разсуждаетъ: «но что се намъ вредитъ? на иныхъ мѣстахъ написано безъ изъятія, да на другихъ съ изъятіемъ. Убо изъятіе сильно, хотя бы на единомъ мѣстѣ воспомянулося, и мѣста безъ изъятія, яко темнѣйшая, подобаетъ толковать черезъ мѣста съ изъятіемъ, яко яснѣйшая отъ оныхъ» Далѣе подробно трактуется вопросъ о равноправности мужа и жены въ разводѣ по прелюбодѣянію. Противъ тѣхъ, которые «неравенство держатъ и точію мужеви даютъ власть отпустити жену за ея прелюбодѣяніе», Ѳеофанъ выставляетъ цѣлый рядъ аргументовъ въ пользу равноправности: 1) по апостолу, какъ жена своимъ тѣломъ не владѣетъ, но мужъ, такъ и мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, но жена, стало быть и прелюбодѣющая жена, и прелюбодѣющій мужъ одинаково крадутъ у законныхъ супруговъ свое тѣло; 2) въ бракѣ, какъ и во всѣхъ контрактахъ, дѣло разоряется, когда та или другая сторона не исполняетъ договорныхъ артикуловъ; 3) Богъ сочеталъ мужа и жену въ одну плоть, и нѣтъ никакой разницы въ томъ, который изъ супруговъ прелюбодѣяніемъ растерзываетъ этотъ союзъ; 4) въ кормчей какъ мужу позволяется отпускать жену, такъ и женѣ оставлять мужа за прелюбодѣяніе и иныя вины, тамъ упомянутыя. Если же бы кто нибудь сказалъ, что законъ гражданскій не имѣетъ права устанавливать противное ученію Христа, отвѣтить нужно слѣдующее: Разводъ совершенный имѣетъ мѣсто по двумъ причинамъ: первая—смерть тѣлесная, вторая прелюбодѣяніе. Законъ же гражданскій устанавливаетъ такіе поводы къ разводу, которые или «смерть

[1]) Отчетъ коммиссіи, высоч. учрежден. при Св. Прав. Синодѣ, для разбора дѣлъ, хранящихся въ его архивѣ за 1867 г. (въ приложеніяхъ). Этотъ отчетъ, обращающійся и въ видѣ отдѣльной брошюры, помѣщенъ былъ въ №№ 37, 39 и 42 «Духов. Бесѣды» за 1868 г.

являютъ», или «прелюбодѣяніе обличаютъ» (напр. умыселъ на царя и на царство есть вина смертная, безвѣстное пятилѣтнее отсутствіе есть обстоятельство, или указывающее на смерть, или заставляющее предполагать о прелюбодѣяніи). Опровергнувъ затѣмъ доводы противнаго мнѣнія, опирающіеся на канонъ Василія Великаго 9-й, въ которомъ право на разводъ признается лишь за мужемъ (по обычаю лишь, а не по Господню словеси) и на то соображеніе, что жена прелюбодѣющая большую обиду творитъ мужу, нежели прелюбодѣющій мужъ женѣ, ибо жена вноситъ чужое сѣмя въ семью и порождаетъ сомнѣнія относительно законности наслѣдниковъ, тѣмъ соображеніемъ, что «превосходство грѣха жены прелюбодѣющей наказанія точію большаго достойно есть, а неравенства власти къ разводу не говоритъ», Ѳеофанъ переходитъ къ разсмотрѣнію весьма важнаго вопроса о возможности вступленія въ новый бракъ лицу виноватому въ прелюбодѣяніи, и разрѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно. По его мнѣнію, «и виноватому лицу, хотя нескоро и съ трудностью, однакожь мощно попустить свободу къ новому браку», по слѣдующимъ причинамъ:

1) «и виноватое лицо, по разводѣ совершенномъ, не есть никому долгомъ супружества привязанное... понеже убо и виноватое лицо, по разводѣ стало ничье, то для чего ему не попускать свободы къ новому браку?»

2) «аще который мужъ не гнушается за себе понять простую любодѣйницу или блудницу, не возброняютъ оной ити за мужъ: то для чего бы возбранять и прелюбодѣйницѣ, но уже отъ перваго мужа отрѣшенной, ити за мужа, который не гнушается понять оную за себе? Ибо прелюбодѣйница прежнему точію мужевѣ прелюбодѣйница была, а новому не виновата и обѣщается быти женою вѣрною.»

3) «не попуская свободы лицу винному къ новому сочетанію, понудимъ оное разжизатися и непрестанно быти въ бѣдствіи грѣха блуднаго... Аще речетъ кто, что, вмѣсто достойной казни, виновному лицу отнять подобаетъ свободу къ новому браку, отвѣтствуемъ ему, что человѣкъ казнить за грѣхъ человѣка явнымъ грѣха бѣдствіемъ не можетъ.»

Для предупрежденія же «безстрашія прелюбодѣйства», Ѳеофанъ рекомендуетъ разныя мѣры, какъ-то наказаніе виновнаго или виновной гражданскимъ судомъ и епитиміей, испрошеніе прощенія у невиннаго супруга, разрѣшеніе виновному вступать въ новый бракъ не прежде, какъ лицо невинное бракомъ сочетается новымъ,

торжественное заявленіе передъ честными лицами со стороны того, кто пожелаетъ вступить въ бракъ съ опороченною особою, что онъ знаетъ ее за таковую и не гнушается вступить съ нею въ бракъ.

Далѣе слѣдуетъ мнѣніе Іосифа, архіеп. московскаго. Іосифъ высказалъ въ своемъ мнѣніи, что «совершенное распущеніе супружества», съ правомъ вступленія въ новый бракъ, можетъ имѣть мѣсто только по винѣ прелюбодѣянія, такъ что, если челобитчики будутъ просить въ духовномъ судѣ о распущеніи брака по другимъ причинамъ, кромѣ вины прелюбодѣйства, развода совершеннаго супругамъ отнюдь не слѣдуетъ чинить, а можно только отъ сожитія ихъ разлучать. Точно также утверждается полная равноправность супруговъ въ разводѣ по прелюбодѣянію; но, съ другой стороны, и разводъ по прелюбодѣянію обставляется разными стѣсненіями: въ духовномъ судѣ слѣдуетъ привести челобитчика къ присягѣ на двухъ пунктахъ: 1) что онъ самъ не нарушилъ вѣрности супружескому союзу, и 2) что онъ не далъ другому супругу повода къ прелюбодѣянію какимъ нибудь коварствомъ и подступомъ. Въ случаѣ отказа присягнуть, оба супруга «да пребываютъ безбрачны, или да смиряются съ собою», по слову апостола. Но и по состоявшемся разводѣ, челобитчику не должно быть дозволяемо жениться на другой женѣ, до тѣхъ поръ пока не будетъ постриженa прелюбодѣйца: «монашество бо есть ей вмѣсто смерти, ею же союзъ брачный совершенно разрушается. Въ заключеніе говорится, что «къ слѣдствію о разводѣ надлежитъ всячески взыскивать и прелюбодѣя, на томъ единомъ не утверждаясь, что жена винится; ибо и въ томъ можетъ быти коварство, ежели съ мужемъ не хощетъ весьма жити и сама на себе скажетъ неправду».

Третье, и послѣднее изъ приложенныхъ къ запискѣ мнѣній принадлежитъ ассессору Анастасію Кондоиди, который опять-таки распространяется о равноправности супруговъ въ разводѣ по прелюбодѣянію, ссылается на византійскіе законы о разныхъ поводахъ къ разводу, но, повидимому, желаетъ этою ссылкою доказать только то, что, кромѣ прелюбодѣянія, разводъ можетъ имѣть мѣсто «за біеніе», т. е. по причинѣ жестокаго обращенія и побоевъ со стороны мужа по отношенію къ женѣ.

Вышеприведенныя мнѣнія трехъ членовъ синода по тому уже одному имѣютъ немалую важность, что вопросъ о бракоразводномъ правѣ поставленъ былъ прямо, какъ требующій разъясненія и разрѣшенія для практики, и слѣдовательно если вообще сужденія правительственныхъ лицъ могутъ служить нѣкоторымъ пока-

зателемъ «правосознанія» въ данный моментъ, то тѣмъ большимъ показателемъ могутъ служить мнѣнія, поданныя при обстоятельствахъ, подобныхъ вышеизложеннымъ. И дѣйствительно, этими мнѣніями бросается довольно яркій свѣтъ на явленія практики XVIII столѣтія. Разногласіе членовъ синода по такому капитальному вопросу, слѣдуетъ ли исключительно прелюбодѣяніе признавать поводомъ къ разводу, или, кромѣ прелюбодѣянія, слѣдуетъ допускать и другіе поводы, указывая, какъ само собою разумѣется, на довольно свободное отношеніе къ Кормчей книгѣ, отражалось и на непослѣдовательности церковной практики [1]). Но особенно важны эти мнѣнія для историческаго объясненія тѣхъ нововведеній, которыя явились съ XVIII в. въ русскомъ бракоразводномъ правѣ, каковы: разлученіе супруговъ отъ супружескаго сожитія, безъ разорванія самого союза, (separatio quoad thorum et mensam), безвѣстное отсутствіе и ссылка, какъ основанія къ разводу, равноправность супруговъ въ разводѣ по прелюбодѣянію. Нельзя представлять себѣ, что мнѣнія, приложенныя къ запискѣ 1744 года, могли оказать вліяніе лишь на послѣдующую практику. Ѳеофанъ былъ человѣкъ не 40-хъ и не 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а сподвижникъ Петра Великаго, и не предъ концомъ жизни († 1736) онъ выработалъ свой взглядъ относительно развода, изложенный въ его мнѣніи съ теоретически-научною полнотою и систематичностію. Человѣкъ западнаго образованія, онъ знакомъ былъ и съ католическимъ институтомъ разлученія отъ ложа и стола, и съ протестантскимъ бракоразводнымъ правомъ. Могъ, впрочемъ, и самъ императоръ Петръ непосредственно познакомиться съ тѣмъ и другимъ, во время своихъ путешествій за границу. Безвѣстное отсутствіе [2]) и злостное оставленіе однимъ супругомъ другаго

[1]) Напр. синодъ, допускавшій обыкновенно разные поводы къ расторженію брака, въ одномъ изъ своихъ рѣшеній отказалъ мужу, просившему развода, вслѣдствіе офиціально констатированной, неизлѣчимой венерической болѣзни жены, а въ мотивахъ къ этому своему рѣшенію сказалъ и еще болѣе а именно, что «бракъ разрушается токмо за прелюбодѣяніе», и что неспособность къ сожитію не можетъ быть признана за достаточную причину къ разводу. Загоровскій, стр. 327. Или напр. рядомъ съ рѣшеніями, обоснованными на собственномъ признаніи обвиняемаго, встрѣчаются такія: «не сыскавъ прелюбодѣя, на ея (прелюбодѣйки) повинкѣ утвердиться не можно (ср. вышеприв. мнѣн. Іосифа). Стр. 375.

[2]) Г. Загоровскій нисколько не сомнѣвается въ томъ, что безвѣстное отсутствіе и до Петра въ русскомъ правосознаніи представлялось законнымъ поводомъ къ разводу. Однако, приводимыя имъ доказательства (на стр. 147—148) могутъ только породить сомнѣніе, а не убѣдить въ справедливости даннаго положенія. Акты изъ западно-русской жизни, гдѣ, какъ выше сказано, при разводѣ все дѣло было въ обоюдной волѣ супруговъ, а не въ томъ или другомъ поводѣ къ разводу, и соборныя статьи 1667 г., въ которыхъ говорится «о рабахъ и рабыняхъ, бѣжавшихъ отъ господъ и женившихся или замужъ вышедшихъ и живущихъ въ бѣгахъ *беззаконно*», нисколько не доказываютъ того, чтобы безвѣстное отсутствіе признавалось у насъ до Петра поводомъ къ разводу.

(malitiosa desertio) еще со времени Лютера, считалось, наравнѣ съ прелюбодѣяніемъ, поводомъ къ разводу; могли быть высказываемы протестантскими богословами и юристами разные взгляды на большее или меньшее количество законныхъ поводовъ къ разводу [1]), но въ отношеніи къ безвѣстному отсутствію и къ malitiosa desertio не было никакихъ сомнѣній. Затѣмъ съ XVIII в. начинаетъ практиковаться разводъ, по причинѣ вѣчнаго изгнанія изъ страны. Пока мечъ расторгалъ бракъ преступника (т. е. пока тяжкія преступленія карались смертною казнію), для церкви не было никакого основанія и повода признавать наприм. покушеніе на жизнь невиннаго супруга общимъ поводомъ къ разводу; но когда смертная казнь во многихъ случаяхъ замѣнена была вѣчнымъ изгнаніемъ изъ страны, явилось представленіе, что въ этихъ случаяхъ невинный супругъ въ правѣ требовать развода, а когда затѣмъ оказалось неудобнымъ и массовое примѣненіе вѣчнаго изгнанія изъ страны, и мѣсто его заступило долголѣтнее заключеніе въ Zuchthaus'ѣ, къ этому послѣднему также примѣнена была указанная точка зрѣнія [2]). Не даромъ и Ѳеофанъ сводитъ всѣ основанія для развода къ смерти и къ прелюбодѣянію, примѣняя аналогически понятіе смерти и прелюбодѣянія къ разнымъ другимъ обстоятельствамъ. Ссылка, какъ смерть политическая, должна была повлечь за собою расторженіе брака, и любопытно, что на первыхъ порахъ это расторженіе было принудительнымъ, т. е. не поставлено было въ зависимость отъ воли невиннаго супруга: желалъ или не желалъ онъ разорвать свой союзъ съ преступнымъ супругомъ, брачный союзъ долженъ былъ разорваться. Архіепископъ Іосифъ и на монашество смотритъ, какъ на аналогію смерти, и послѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, требуетъ, чтобы до постриженія виновной въ прелюбодѣяніи жены въ монашество не-

[1]) Очень хорошій очеркъ протестантскаго бракоразводнаго права см. въ Herzog's Real-Enzyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, B. XIII, Gotha, 1860, Artic. «Scheidungsrecht.»

[2]) Назван. очеркъ, стр. 491.

винный супругъ не имѣлъ права вступить въ новый бракъ [1]) Наконецъ,—повторяя слова самого г. Загоровскаго,—«въ практикѣ (XVIII в.) примѣняется какъ твердое правило, что и прелюбодѣяніе мужа въ такой же мѣрѣ признается поводомъ къ разводу, какъ и прелюбодѣяніе жены, и въ первый разъ встрѣчается дѣло о та-

[1]) Можетъ быть, отсюда объясняется тотъ пунктъ въ «резолюціяхъ» св. синода 22 марта 1722 г. (Полн. собр. пост. по вѣд. прав. испов. т. III, 1044), въ силу котораго предписывалось «женъ, отрѣшенныхъ отъ мужей за правильныя вины, въ монашество не постригать, но *по винамъ ихъ, которыя явятся повинны наказанію или ссылкѣ, на прядильный дворъ отсылать*». Изъ дѣлъ первой половины прошлаго столѣтія видно, что прядильный дворъ не всегда замѣнялъ монастырь, т. е. что иногда виновныя отправляемы были въ *монастырскіе труды*, еще чаще *посылались въ Сибирь* (Розановъ, Исторія московскаго епархіальнаго управленія, ч. I, примѣч. 308 №№ 1 и 2; ч. II,—кн. 1 прим. 327, № 1). Г. Загоровскій, и по отношенію къ постриженію виновныхъ въ прелюбодѣяніи женъ, пользуется тою, мало убѣдительною, аргументаціею, къ которой онъ вообще нерѣдко прибѣгаетъ: позднѣйшій запретительный указъ XVIII столѣтія служитъ для него яснымъ доказательствомъ того, что до XVIII в., въ московскомъ государствѣ, существовалъ именно тотъ порядокъ, который подвергнутъ былъ запрету въ XVIII в. Если въ указѣ 1723 г. сказано, что жены, отправленныя отъ мужей за правильныя вины, не должны быть постригаемы, а должны быть отсылаемы на прядильный дворъ, то отсюда авторъ заключаетъ, что въ періодъ допетровскій ихъ постригали въ монашество, (стр. 213). Между тѣмъ, постриженіе въ монашество, въ видѣ общаго правила, могло установиться въ XVIII же столѣтіи, за нѣсколько лѣтъ до изданія указа 1723 г.; не безъ вліянія притомъ идеи гражданской смерти, соединявшейся съ монашествомъ. Весь строй монастырской жизни въ допетровской Руси былъ мало приспособленъ къ принятію кого либо въ монашество въ видѣ наказанія по суду. Монастыри принимали вкладчиковъ,—лицъ, болѣе или менѣе обезпечивавшихъ своими вкладами издержки своего содержанія въ монастырѣ, принимали охотно женъ состоятельныхъ людей, хотя бы и насильственно препровождавшихся туда мужьями, между прочимъ и за вину прелюбодѣянія; но общаго правила о постриженіи въ монашество женъ, обвиненныхъ и осужденныхъ за прелюбодѣяніе, не могло быть. Такъ напр. изъ челобитной заплечнаго мастера Васьки Кычкина, поданной боярскому сыну сибирскаго митрополита въ 1683 г., видно, что жена Кычкина, Анница, приведена въ приказную избу съ казакомъ Ѳеонькою Антоновымъ въ блудномъ дѣлѣ, за что и биты они были оба кнутомъ, а въ данный разъ челобитчикъ просилъ отпустить ее на волю: «а я де впередъ ей не мужъ, и она де мнѣ не жена». Отвѣтчица при допросѣ, сказала, «что-де и я съ нимъ, съ мужемъ, впередъ жить не хочу, боясь отъ него убойства», послѣ чего отпущена была на волю для прокормленія, впредь до святительскаго указу. Ни изъ чего не видно, чтобы обманутый мужъ и прелюбодѣйка жена смотрѣли на постриженіе, какъ на единственный законный выходъ изъ того положенія, въ которомъ они находились (Акт. относ. до юрид. быта, II, № 220). Ни откуда не видно также, чтобы приведенный фактъ былъ чрезкомъ разводѣ подъ 1746 г.» [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что если бы г. Загоровскому были извѣстны приложенныя къ запискѣ 1744 г. мнѣнія членовъ синода, то всѣ, указанныя выше, новыя, сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, явленія въ юридической жизни Россіи не представлялись бы чѣмъ-то случайнымъ и ex abrupto установившимся. А еще лучше бы было, если бы авторъ прослѣдилъ связь между русскимъ и протестантскимъ бракоразводнымъ правомъ того времени, и, кромѣ того, обратилъ вниманіе на рѣзкую разницу въ «правосознаніи» современниковъ Петра и современниковъ Елизаветы.

Переходя отъ поводовъ къ разводу къ послѣдствіямъ развода, г. Загоровскій съ особенною подробностію останавливается на брачной правоспособности разведенныхъ, т. е. на правѣ ихъ вступать въ новые браки послѣ развода. Слѣдя за исторіею этого вопроса, авторъ, какъ видно, изучалъ даже постановленія западныхъ церковныхъ соборовъ; но онъ же и представилъ собою поучительный примѣръ того, насколько недостаточно одно лишь непосредственное ознакомленіе съ соборными канонами, безъ предварительнаго знакомства съ литературною постановкою даннаго вопроса. Читая сочиненіе г. Загоровскаго, выносишь такое впечатлѣніе. что западные соборы колебались нѣсколько столѣтій, а потомъ перестали колебаться и остановились твердо на томъ, что вступленіе въ новый бракъ для разведенныхъ абсолютно исключается, т. е. допущено только separatio quoad thorum et mensam. Смыслъ этого колебанія остается чрезвычайно неяснымъ безъ указанія на то, противъ кого и противъ чего реагировала церковь, съ кѣмъ и съ чѣмъ она сближалась, къ чему приноравливалась, благодаря кому она восторжествовала. Не познакомившись съ германскимъ правомъ, авторъ въ довольно безпорядочномъ смѣшеніи представляетъ и реакцію церкви противъ римскаго бракоразводнаго права (напр. въ канонахъ эльвирскаго и арелатскаго соборовъ), и реакцію ея противъ германскаго права (въ канонахъ цѣлаго ряда другихъ соборовъ), причемъ постановленія компьенскаго собора при Пипинѣ,—собора смѣшаннаго, составившагося изъ духовныхъ и свѣтскихъ бароновъ франкскаго государства, — облекшіяся въ

вычайнымъ и исключительнымъ; напротивъ, къ этому же документу сдѣлана слѣдующая приписка: «Анюткѣ Васькиной женѣ Кычкина отпускная память дана таковажь, слово въ слово, какова отпускная память дана вдовѣ Семеновской женѣ Ѳедорова Овдотьицѣ Герасимовой.»

[1]) Стран. 305.

форму такъ называемаго «Capitulare Compendiense» [1]), превращаются у г. Загоровскаго въ «правила англійскаго кампьенскаго собора» [2]), а знаменитый вормскій капитуляръ 829 г. [3]), которымъ поддержаны были церковные взгляды на расторженіе браковъ, совсѣмъ не упоминается.

Говоря о брачной правоспособности виновныхъ въ прелюбодѣяніи и разведенныхъ, по этой причинѣ, супруговъ, г. Загоровскій замѣчаетъ, что правило о воспрещеніи навсегда брака виновному супругу возникло не ранѣе, какъ съ уставомъ духовныхъ консисторій. Выше приведено было мнѣніе Ѳеофана Прокоповича по этому предмету. Мнѣніе это, очевидно, не получило силы въ бракоразводной практикѣ. Но едва ли и правило устава духовныхъ консисторій [4]) не нуждается въ болѣе подробной интерпретаціи. Въ 1 ч. X т. св. зак. гражд., появившейся позднѣе устава дух. конс., говорится о недѣйствительности брачныхъ сопряженій лицъ, которымъ, по расторженіи брака, возбранено вступать въ новый [5]), указываются далѣе лица, которымъ именно возбраняется вступленіе въ новый бракъ—двоебрачники и виновные въ оставленіи другаго супруга [6]), о воспрещеніи же лицамъ, разведеннымъ по причинѣ прелюбодѣянія, вступать въ браки не говорится. Если позднѣйшій законъ сполна опредѣляетъ тѣ же самыя отношенія, которыя опредѣлены были болѣе раннимъ закономъ, то неупоминаніе въ позднѣйшемъ законѣ о чемъ либо такомъ, что содержалось въ предшествовавшемъ законѣ, можетъ быть истолковываемо только въ смыслѣ отмѣны этого опредѣленія предшествовавшаго закона. Новое офиціальное изданіе устава духовныхъ консисторій въ 1883 г., по опредѣленію св. правит. синода, едва ли могло измѣнить положеніе этого вопроса, ибо хотя относительно введенія въ дѣйствіе

[1]) Ст. Pertz, Monumenta Germaniae historica. Legum tom. I, Hannoverae, MDCCCXXXV, pag. 27 sqq.

[2]) Загоровскій, стр. 208 въ прим.

[3]) Capitular. Vormatiens. de his quae populo annuntianda sunt, c. 20: «quod nisi causa fornicationis ut Dominus ait, non sit uxor dimittenda, sed potius sustinenda, et quod hi, qui causa fornicationis, dimissis uxoribus alias ducunt, Domini sententia adulteri esse notentur». Pertz, Monumenta, ibid. p. 345.

[4]) Ст. 253 по изд. 1883 г.: «если будетъ доказано о нарушеніи святости брака прелюбодѣяніемъ, то бракъ расторгается, и истцу, бывшему въ первомъ или второмъ бракѣ, предоставляется право вступить въ новый бракъ, а лицо отвѣтствовавшее осуждается на всегдашнее безбрачіе.»

[5]) Ст. 37 п. 4.

[6]) Ст. 40—42. Ср. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражд. пр. II, 77.

этого новаго изданія устава состоялось высочайшее повеленіе, но оно все таки не получило высочайшаго утвержденія, которое требуется для изданія всякаго новаго закона, не произвело никакихъ измѣненій въ отношеніяхъ между уставомъ духовныхъ консисторій 27 марта 1841 г. и 1-ю частью X тома свода законовъ. Первый есть все таки lex prior, послѣдняя—lex posterior.

Въ большую ошибку впадаетъ г. Загоровскій, ведя рѣчь объ имущественныхъ послѣдствіяхъ развода. Въ 44 гл. Кормчей книги, гр. 13 гл., 4 онъ прочиталъ слѣдующее: «аще жена се сотворитъ (т. е. разведется съ мужемъ по какому либо поводу сверхъ указанныхъ въ законѣ), погубитъ вѣно, къ симъ же и въ монастырь предана будетъ пребывати въ немъ вся дни живота ея, имѣніе же ея раздѣлится: дѣти убо вземлютъ *осмую часть*, монастырь же *четвертую часть*; аще же не будетъ дѣтей, и то родители ея, аще не будутъ совѣщали съ нею родители ея о распущеніи, и тѣ убо вземлютъ *четвертую часть*, монастырь же *осьмую*; аще же будутъ совѣщали съ нею родители ея о распущеніи, все имѣніе ея монастырь вземлетъ.» Наша Кормчая, замѣчаетъ г. Загоровскій, позаимствовала указанный законъ изъ новелъ Юстиніана, но намъ остаются непонятными обозначенныя въ ней доли; не плодъ ли это ошибки переводчика? [1]) Недоумѣніе легко могло бы разрѣшиться, если бы авторъ обратился къ подлиннику 44-й главы, т. е. къ соотвѣтствующему κείμενον номоканона въ 14 титуловъ, откуда можно бы было увидѣть, что вмѣсто: «четвертая часть» нужно читать: «четыре части» (изъ 12-ти, какъ цѣлаго, т. е. $^1/_3$), а вмѣсто: «осьмую часть» нужно читать: «восемь частей (т. е. $^2/_3$) [2]). Впрочемъ, даже и не обращаясь къ номоканону, авторъ могъ бы почерпнуть это объясненіе изъ той самой новелы, на которую онъ здѣсь ссылается [3]).

[1]) Стр. 232 въ примѣч.

[2]) Εἰ δὲ γυνὴ στείλη ἄλογον ῥεπούδιον, ἀπόλλει τὴν προῖκα, καὶ πρὸς τούτοις μοναστηρίῳ ἐμβάλλεται πᾶσαν τὴν ξωὴν αὐτῆς, καὶ τὰ πράγματα αὐτῆς διαιρεῖται· καὶ οἱ μὲν παῖδες λσμβάνουσιν οὐγγίας η', τὸ δὲ μοναστήριον οὐγγίας δ'. κ. τ. λ. Pitra, Ecclesiae juris graecorum historia et monumenta, II, p. 614.

[3]) Именно въ гл. 11 новеллы 134 части обозначаются прямо: «tertia pars», «duae partes». А въ предыдущей главѣ и прямое обозначеніе частей, и опредѣленіе частей унціями идутъ совмѣстно. О женѣ, постриженной и подвергнутой пожизненному заключенію въ монастырѣ говорится здѣсь: «et si quidem descendentes habeat, *duas* illi *partes* substantiae ejus accipiant secundum ordinem legum dividendas, *tertia* vero *pars* monasterio, in quod conjicitur, detur. Si autem descendentes non adsint, sed ascendentes inveniantur, qui au-

Изложеніе *процесуальныхъ* постановленій о разводѣ г. Загоровскій начинаетъ съ ошибочнаго сужденія, что, съ принятіемъ русскими христіанства, судъ по брачнымъ, а въ томъ числѣ и по бракоразводнымъ дѣламъ, долженъ былъ стать и дѣйствительно сталъ дѣломъ духовной власти, какъ потому, что эта власть, во время принятія нашими предками новой религіи, вѣдала дѣла этого рода и въ Греціи, такъ и потому, что само распространеніе христіанства едва ли могло идти успѣшно, при оставленіи русской семьи внѣ опеки христіанской религіи [1]). Здѣсь двѣ ошибки. Во-первыхъ, и въ Греціи, въ моментъ принятія русскими христіанства, бракоразводныя дѣла не подлежали еще церковной юрисдикціи [2]); авторъ, опирающійся на одно лишь изслѣдованіе Чижмана о брачномъ правѣ восточной церкви, въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, повторяетъ ошибку Чижмана. Во-вторыхъ, нужно имѣть болѣе твердыя основанія, чѣмъ тѣ, которыми располагаетъ наука въ настоящее время, чтобы сказать, что, съ принятіемъ русскими христіанства, судъ по дѣламъ брачнымъ долженъ былъ стать и дѣйствительно сталъ дѣломъ духовной власти. Изъ церковныхъ уставовъ князей Владиміра и Ярослава, и изъ уставной грамоты Ростислава Мстиславича смоленской епископіи трудно выводить что либо кромѣ того, что, въ случаѣ произвольнаго одностороняго «роспуста», заинтересованная сторона, чувствующая себя обиженною, могла обратиться къ суду епископскому съ жалобою на другую сторону, неправомѣрно поступившую, и съ этой другой стороны въ такомъ случаѣ взыскивалась денежная пеня. Но чтобы самое расторженіе брака стало продуктомъ судебнаго рѣшенія, даже чтобы князья высказали гдѣ либо явственно свою волю и свое желаніе поставить актъ развода въ зависимость отъ судебнаго рѣшенія,—на это нѣтъ никакихъ доказательствъ. Въ нашей древней исторіи не видно чего либо подобнаго, напр., вышеприведенному вормскому капитуляру 829 г., въ силу чего церковныя воззрѣнія и требованія были бы поддержаны государственною властію. Іерархи, натурально, стремились къ тому же, что составляло предметъ постоянныхъ стремленій для греческой церковной іерархіи на

xiliati non sunt in facinore ejusmodi faciendo (т. е. въ прелюбодѣяніи), *quatuor* illi *uncias* secundum legum ordinem dividendas accipiant, *octo* vero *unciae* monasterio dentur, in quo mulier illa includitur.»

[1]) Стр. 240.

[2]) Подробно объ этомъ: Суворовъ, Объемъ дисциплинарн. суда и юрисдикціи церкви, стр. 352—362.

востокѣ—поставить какъ заключеніе, такъ и расторженіе браковъ въ зависимость отъ церкви. Поэтому, уже въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго каноническаго права, составленномъ первоначально на греческомъ языкѣ митрополитомъ, современникомъ императора Алексѣя Комнена, издавшаго законъ о подсудности церковной всѣхъ духовныхъ дѣлъ (ψυχικά), въ томъ числѣ и брачныхъ [1]), говорится объ увѣщаніи и отлученіи отъ церкви тѣхъ, которые «безъ благословенія счетаются и жены отметаются и своя жены пущаютъ и прилѣпляются инѣмъ» [2]), объ епитиміи «мужьямъ и женамъ, оставляющимъ свое подружіе» [3]). Но, какъ уже выше замѣчено было, втеченіе трехъ слишкомъ столѣтій послѣ митрополита Іоанна II, кіевскіе митрополиты ни въ чемъ не проявили своего стремленія поставить расторженіе браковъ въ зависимость отъ церкви, хотя напр. митрополиты Кириллъ II [4]) и Максимъ [5]) вооружаются противъ заключенія браковъ безъ благословенія церковнаго, слѣдовательно, по близкой связи одного предмета съ другимъ, могли бы упомянуть и о незаконныхъ разводахъ, помимо церкви совершающихся. Правда, церковные взгляды и въ это время не могли быть благопріятны для самочинныхъ разводовъ, какъ это засвидѣтельствовано очень древнимъ документомъ [6]), и церковь не упускала тѣхъ случаевъ, когда можно было провести эти взгляды, напр. отказывая въ вѣнчаньѣ лицамъ, по расторженіи брака желавшимъ вступить въ новый бракъ. Но изъ позднѣйшихъ грамотъ митрополитовъ Фотія и Іоны видно, что многіе вступали въ браки и безъ вѣнчанья, стало быть отнимали у церкви возможность воздѣйствія на нихъ даже и въ этомъ случаѣ, а главное, — что приходское духовенство вѣнчало безъ разбора всѣхъ желавшихъ, благодаря чему разводы окончательно ускользали отъ какого бы то ни было вліянія на нихъ церковнаго суда [7]).

[1]) Zachariae, Jus graeco-romanum, III, coll. IV, novel. 27.

[2]) Канонич. Отв. митроп. Іоанна II, п. 15.

[3]) Тамъ-же, п. 21.

[4]) Опред. владим. соб. 1274 г. (Рус. Историч. Библ. VI. стр. 99)

[5]) Правило митр. Максима (Тамъ-же, стр. 142).

[6]) Святительск. поученіе новопоставл. іерею, конца XIII в., въ Руск. Ист. Библ. VI, стр. 104: «на бракъ не ходи, иже мужъ жену пуститъ, или жена мужа безъ вины, или въ племени поймутся.»

[7]) Рус. Истор. Библ. стр. 432: «а что мя пишете, что который человѣкъ, первую жену отославъ, или вторую, да поиметъ третью, а попове ихъ благословляютъ...» Стр. 595: «яко же слышимъ, како тамошніи ваши духовніи дѣти незаконно живутъ, поймающе женъ до пяти, до шти, до седьми, и вы

Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, затруднительно сказать, что, со времени принятія христіанства, у насъ не только долженъ былъ установиться, но и дѣйствительно установился судъ церкви по бракоразводнымъ дѣламъ.

Что касается подробностей судоустройства и судопроизводства, то г. Загоровскій старается, вообще говоря, возсоздать и то и другое, на основаніи извѣстныхъ наукѣ данныхъ и на основаніи нѣкоторыхъ изслѣдованій, въ особенности Дмитріева [1]) и Розанова [2]). При нелегкости задачи, не трудно было допустить разные промахи и ошибки. Такъ напр. въ законѣ судномъ, или судебникѣ царя Константина, — одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ славянской письменности, — г. Загоровскій прочиталъ, будто свидѣтели, число которыхъ опредѣлено точно этимъ закономъ (11-ть въ большой тяжбѣ, въ малой отъ 7 до 3-хъ), должны быть людьми свободными и заслуживающими довѣрія, и сверхъ того *очевидцами*. Изъ ссылки, которыя дѣлаются при этомъ на «Лекціи и изслѣдованія» проф. Сергѣевича, можно заключить, что г. Загоровскому не безызвѣстно различіе между свидѣтелями-видоками (очевидцами факта) и послухами-свидѣтелями доброй славы, и, по видимому, авторъ не случайно, а съ намѣреніемъ выразился, что свидѣтель по закону судному долженъ быть очевидцемъ, и что свидѣтельствованіе по слуху воспрещается [3]). Однако, ни законъ судный, ни проф. Сергѣевичъ не могли подать г. Загоровскому основательнаго повода къ подобному увѣренію. Въ законѣ судномъ именно есть статья, въ которой говорится о свидѣтеляхъ-послухахъ, а не о свидѣтеляхъ-очевидцахъ: послухи должны быть «истинные, боящіеся Бога, нарочитые и не имущіе вражды никоея же, ни лукавства, ни мерзости, ни тяжи, ни при, на него же глаголетъ, но страха ради Божія и правды его»; по требованію того, противъ котораго говорятъ послухи, судья можетъ потребовать отъ нихъ присяги, поставить имъ на видъ продажу или ту же казнь (т. е. денежную пеню или тальонъ), въ случаѣ если свидѣтельство ихъ окажется несправедливымъ; тѣ изъ нихъ, которые уличены въ лжи, или преступаютъ законъ Божій, или житіе скотское имѣютъ, не должны быть принимаемы ни во едину прю [1]). Всѣ эти черты, равно какъ и точно опредѣленное, при томъ очень большое число послуховъ, указываютъ не на свидѣтелей очевидцевъ, а скорѣе могли бы указывать на свидѣтелей доброй славы, соотвѣтствующихъ германскимъ conjuratores, Eideshelfer, удостовѣряющихъ не то, что они собственными глазами видѣли извѣстный фактъ, а то, что истецъ или отвѣтчикъ — человѣкъ добрый, словамъ котораго можно вѣрить. Существованіе въ древней Руси свидѣтелей-послуховъ въ этомъ смыслѣ предполагаетъ, хотя и не по поводу закона суднаго, и професоръ Сергѣевичъ [2]), на котораго страннымъ образомъ ссылается г. Загоровскій. Впрочемъ, еще вѣроятнѣе, что въ законѣ судномъ имѣется въ виду нѣчто подобное институту т. н. testes synodales въ западныхъ зендгерихтахъ, но все таки не одиннацать или не семь свидѣтелей-очевидцевъ.

О судебныхъ инстанціяхъ въ допетровской Руси довольно трудно получить болѣе или менѣе ясное представленіе изъ книги г. Загоровскаго. То онъ говоритъ, что постепенно появлялись въ епархіяхъ намѣстники изъ архимандритовъ и игуменовъ, которые, съ разрѣшенія и по уполномочію епархіальнаго архіерея, вѣдали дѣла управленія и суда, принадлежавшія епархіальной власти [3]), то исключительно руководствуется Стоглавомъ, по которому судъ въ дѣлахъ духовныхъ предоставляется исключительно святителямъ [4]), и затѣмъ самъ же цитируетъ постановленія собора 1675 г., въ силу которыхъ предписано какъ въ *городахъ* патріаршей епархіи, такъ равно въ *городахъ* и *десятинахъ* прочихъ епархій *вѣдать судомъ и расправой* всякія духовныя дѣла и духовныхъ лицъ во всякихъ дѣлахъ архимандритамъ, игуменамъ, протопопамъ, старостамъ поповскимъ или закащикамъ [5]). Съ другой стороны г. За-

их благословляете», стр. 605: «се слышаніе мое, сынове, что... многіе деи христіане въ невѣнчаніи живутъ, а иніи деи вѣнчаются, но незаконно, четвертымъ и пятымъ съ въкупленіемъ, а иные шестымъ и седьмымъ, одинъ и до десятаго, а духовніи ихъ отцы, игумени и попы, божественныхъ писаній неискусни суще, божественныхъ и свящ. правилъ не вѣдуще, тѣми богомерзкими незаконными браки ихъ совокупляютъ.»

[1]) Исторія судебн. инстанцій. Москва, 1859.

[2]) Исторія московск. епарх. управленія. Впрочемъ, этотъ трудъ представляетъ собою не изслѣдованіе, а сводъ фактовъ изъ епарх. жизни подъ извѣстными рубриками.

[3]) Стр. 243.

[1]) Гл. 46 печати. Кормч. гл. 2.

[2]) Лекціи и изслѣдованія, стр. 570 и сл.

[3]) Стр. 242.

[4]) Стр. 245.

[5]) Стр. 250. Этотъ порядокъ, кажется, и былъ господствующимъ. Ср. А. А. Э. IV, № 188 1672 г.: поповскому старостѣ важской десятины велѣно духовныхъ и всякихъ чиновъ людей во *всякихъ духовныхъ дѣлахъ вѣдать, и судить, и расправу чинить*.

горовскій не дѣлаетъ даже и попытки разъяснить, существовали ли какія нибудь отношенія между епархіальнымъ архіереемъ, какъ судебною инстанціею, и между митрополитомъ или патріархомъ, какъ высшею судебною инстанціею. Остался почему-то неизвѣстнымъ г. Загоровскому и въ высшей степени любопытный указъ св. синода отъ 4 сентября 1722 г.[3]), «объ инстанціяхъ духовнаго суда и о дѣлахъ духовнаго вѣдомства». Синодъ затруднялся разсмотрѣніемъ массы челобитныхъ и доношеній и, — принимая во вниманіе, что въ духовномъ правленіи онъ долженъ имѣть такую же власть и силу, какъ правит. Сенатъ въ свѣтскомъ, что въ сенатъ прямо воспрещено бить челомъ, не бивъ челомъ въ нижнихъ судахъ, — рѣшилъ, что высшее духовное правительство слѣдуетъ разсматривать, какъ крайнюю духовныхъ дѣлъ управу, куда слѣдуетъ обращаться только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ архіерейскихъ судахъ правдивой управы не будетъ получено, или судомъ ихъ кто не доволенъ будетъ, или на какую знатную отъ духовныхъ персону суда нидѣ сыскать не возможетъ. Поэтому синодъ указалъ держаться слѣдующаго правила:

I. Всякому о какомъ либо духовнаго правленія надлежащемъ дѣлѣ бить челомъ или доносить, и сперва въ городѣхъ, опредѣленнымъ къ тому духовныхъ дѣлъ управителямъ.

Дѣла же къ духовному правленію надлежатъ слѣдующія: 1) богохульныя, 2) еретическія, 3) раскольныя, 4) волшебныя, 5) недоумѣнные браки и росписаніе совокупляющихся отъ сродства, *вины разводовъ брачныхъ*, а именно: α) причины прелюбодѣйства и 6) челобитье о томъ брачныхъ другъ на друга, β) разсужденіе о побѣгахъ ихъ и самовольныхъ другъ отъ друга отлучкахъ, γ) о посягнувшихъ женахъ, въ отсутствіе мужей, за другихъ и о возвращеніи ихъ прежнимъ мужьямъ, δ) такожде и о мужьяхъ въ подобныхъ тому винахъ являющихся, 7) о принужденныхъ бракахъ, 8) о насильномъ постриженіи, 9) о похищеніи церковнаго имѣнія, 10) дѣла по обвиненіямъ духовныхъ лицъ въ брани, въ бою, въ кражѣ и въ другихъ обидахъ и безчестіяхъ и въ прочихъ искахъ.

II. На архіерейскихъ и монастырскихъ служителей и на вотчинныхъ ихъ, также и на церковныхъ крестьянъ, въ такихъ же дѣлахъ бить челомъ учиненнымъ надъ ними командирамъ, а гдѣ такіе командиры весьма отдалены, бить челомъ духовнымъ же управителямъ.

[3]) П. С. З. № 4081.

III. Ежели въ тѣхъ обоихъ судахъ, по челобитью, или по доношенію о показанныхъ дѣлахъ, рѣшеніе учинятъ неправое, или сатисфакціи кто не получитъ, или и получитъ, но не доволенъ будетъ, бить челомъ о томъ или доносить тѣхъ епархій (въ которыхъ тѣ города) архіереямъ.

IV. А ежели который самъ уже архіерей, а не подчиненные его, правдиваго рѣшенія не учинитъ, или противно св. правиламъ и государственнымъ правамъ въ чемъ поступитъ, или резолюціей удовольствовать кого не возможетъ, бить челомъ въ синодѣ.

V. Также ежели кто принужденъ будетъ бить челомъ о чемъ или сатисфакціи требовать на кого изъ синодальныхъ членовъ, или на самихъ архіереевъ, или на протопиквизитора и на содержащихся въ синодѣ служителей, которые до иныхъ приказовъ, кромѣ синода, не надлежатъ, бить челомъ на таковыхъ въ синодѣ же.

Достаточно бѣглаго ознакомленія съ содержаніемъ этого указа, чтобы видѣть, насколько опрометчиво сужденіе г. Загоровскаго на стр. 365: «какое отношеніе было низшей инстанціи (духовныхъ дѣлъ управителей) къ средней въ бракоразводныхъ процессахъ— *законодательные акты не даютъ отвѣта*, но, повидимому, обязанность духовныхъ управителей заключалось въ подготовленіи дѣла къ разсмотрѣнію въ консисторіи». Весьма вѣроятно, что указъ 4-го сентября 1722 г. не имѣлъ значительнаго вліянія на позднѣйшую практику, но для своего времени онъ служитъ довольно характернымъ показателемъ «правосознанія.»

Говоря объ обвинительномъ процесѣ, введенномъ указомъ 5-го ноября 1723 г. «о формѣ суда» для свѣтскихъ судовъ и съ 1724 г. сдѣлавшимся обязательнымъ для духовныхъ судовъ, г. Загоровскій утверждаетъ, что процесъ этотъ не привился къ тогдашней судебной практикѣ и *скоро* былъ вытѣсненъ старымъ слѣдственнымъ письменнымъ процесомъ[1]). Понятіе «скорости» есть понятіе, пожалуй, условное; что одному кажется скорымъ, то другому можетъ представиться продолжительнымъ. Находящіяся въ распоряженіи науки данныя дѣлаютъ возможнымъ болѣе точное обозначеніе продолжительности дѣйствія «суда по формѣ». Въ вышеуказанной выпискѣ изъ дѣлъ московской консисторіи, которая была представлена въ синодъ въ силу его постановленія, состоявшагося въ журналѣ 1744 г. 12 октября, и къ которой приложены были мнѣнія двухъ членовъ синода—современниковъ Петра — и мнѣніе

[1]) Стран. 368.

Іосифа, архіепископа московскаго, дѣлается отвѣтъ на четыре вопроса: 1) какимъ образомъ производились бракоразводныя дѣла при свят. патріархахъ и послѣ, до учрежденія синода, слѣдствіемъ, или судомъ, и самолично ли представлялись супругами отвѣты, доказательства и оправданія, или черезъ повѣренныхъ? 2) не было ли какихъ либо особливыхъ узаконеній по этому предмету отъ патріарховъ или отъ Стефана Яворскаго? 3) какъ производились эти дѣла со времени учрежденія синода по 1723 г. (годъ изданія указа «о формѣ суда»? 4) вполнѣ ли сообразно съ указомъ о формѣ суда производились эти дѣла съ 1724 г., или съ уклоненіями?

Консисторія отвѣчаетъ:

1. Относительно производства бракоразводныхъ дѣлъ при патріархахъ, *извѣстій* и *подлинныхъ дѣлъ не отыскано*, а при Стефанѣ дѣла эти производились допросами, самолично, а не судомъ, и повѣренныхъ представляемо не было.

2. (Отвѣтъ на этотъ вопросъ приведенъ былъ выше).

3. По 1723 г. дѣла производились допросами же, самолично, а чтобы повѣренные допускались, такихъ дѣлъ не значится.

4. Съ 1723 г. *и понынѣ*, помянутыя дѣла производятся таковымъ порядкомъ, какъ утвержденною того года о судѣ формою повелѣвается, а повѣренные въ тѣ суды не допускаются, понеже, по силѣ полученнаго изъ св. прав. синода 729 г. ноября 6 дня указу, по имѣющемуся въ дикастеріи капитана Ѳедора Хвощинскаго жены Евдокеи съ нимъ мужемъ ее въ беззаконномъ ево отъ нея, на другой женѣ, супружествѣ и въ прочеемъ челобитью ему, Хвощинскому, быть противъ того челобитья въ отвѣтѣ, а ей, истицѣ— при доказательствѣ, а повѣренныхъ за нихъ въ тотъ судъ не допускать, да и *впредь* въ подобныхъ тому причинахъ, по случающимся какъ отъ мужа на жену, такъ и отъ жены на мужа прошеніямъ *производить судъ противъ онаго указа* черезъ самоличное ихъ другъ на друга показаніе, а постороннихъ за нихъ въ тотъ судъ отнюдь не допускать.

Изъ отвѣта консисторіи на послѣдній вопросъ видно, что, за исключеніемъ пункта о повѣренныхъ, которые допускались указомъ «о формѣ суда», процесъ въ бракоразводныхъ дѣлахъ во всемъ остальномъ сообразовался съ означеннымъ указомъ.

Есть свидѣтельства и относительно позднѣйшаго времени, что процесъ бракоразводный продолжалъ сообразоваться съ «формою суда». Такъ напр. въ синодальномъ журналѣ 26-го іюля 1751 г.

записано: «разсуждено было, что понеже по дѣламъ, по причинѣ прелюбодѣянія и разводу мужей съ женами касающимся, *дѣлопроизводство чинится, какъ форма о судѣ повелѣваетъ*, а понеже оныя, также и прочія, между духовными случающіяся и точно до архипастырскаго разсмотрѣнія касающіяся, дѣла, таковымъ по формѣ судомъ противъ другихъ въ партикулярныхъ своихъ искахъ тяжущихся порядкомъ производить, для случающихся къ единоличному между ними разбирательству трудностей, не можно: того ради изъ правилъ св. отецъ и изъ состоявшихся о производствѣ таковыхъ дѣлъ указовъ учиня выписку, предложить къ докладу» [1]).

Состоялась ли предполагавшаяся къ докладу выписка и какое она вліяніе имѣла на послѣдующую практику, неизвѣстно; но извѣстно, что при императрицѣ Екатеринѣ II бракоразводный процесъ все еще сообразовался съ «формою суда» [2]), даже и въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ ей вѣренъ оставался [3]).

Остается сказать нѣсколько словъ о той части сочиненія г. Загоровскаго, которая посвящена изображенію быта. Надобно отдать честь автору за тщательное и съ значительною эрудиціей составленное изображеніе бытовыхъ явленій и тѣхъ факторовъ, семейныхъ и соціальныхъ, которые вліяли на бракъ и на институтъ развода. Такова въ особенности глава VI: «Связь между развитіемъ бракоразводнаго права, распространеніемъ христіанства и патріархальнымъ строемъ древне-русской семьи», гдѣ авторъ бросаетъ взглядъ на тѣ условія, среди которыхъ должно было примѣняться византійское бракоразводное право, причемъ, въ частности, говоритъ о медленномъ распространеніи христіанства, о власти отца семейства и о власти мужа надъ женой. Нѣкоторые изъ бытовыхъ очерковъ, сами по себѣ взятые, носятъ компилятивный характеръ, или даже характеръ реферата,—такова въ особенности глава XI: «о бракѣ и разводѣ у раскольниковъ», составленная по изслѣдованію Нильскаго: «Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Спб. 1869 г.»; но въ общемъ они небезполезны.

Главный же недостатокъ разсматриваемой части сочиненія г. Загоровскаго состоитъ въ томъ, что, при изображеніи бытовыхъ явленій, онъ мало заботится о томъ, выражается ли въ нихъ, въ большей или меньшей степени, «правосознаніе» данной

---

[1]) Горчаковъ, О тайнѣ супружества, стр. 264—265.
[2]) Розановъ, ч. II. кн. II. стр. 301.
[3]) Тамъ же, ч. III, кн. 1, стр. 81; ч. III. кн. II, стр. 165.

эпохи, или они не имѣютъ никакого отношенія къ «правосознанію», тогда какъ, судя по предисловію къ его книгѣ и по всему ея характеру, онъ долженъ былъ отмѣчать не *всякія* явленія юридическаго быта, безъ разбора, а именно тѣ, въ которыхъ выражаются «правныя воззрѣнія народа». Напр. трудно было бы искать выраженія правосознанія въ томъ, что приходское духовенство вѣнчало браки пятые, шестые и т. д. до десятаго. Не все, что «бытовало», выражаясь языкомъ г. Загоровскаго, служило и выроженіемъ правосознанія. Напр. изъ одной или нѣсколькихъ грамотъ митрополита узнаемъ, что въ данный моментъ «бытовала» содомія. Или если не подлежитъ никокому сомнѣнію, что убійство всегда «бытовало»: то отсюда никто не будетъ выводить правомѣрности этихъ явленій въ сознаніи людей даннаго времени.

Свое изслѣдованіе г. Загоровскій заключаетъ указаніемъ на ненормальное положеніе современнаго законодательства о разводѣ и высказываетъ слѣдующее сужденіе: «если о близости реформы можно судить по степени настоятельности ея, то намъ въ самомъ недалекомъ будущемъ придется быть свидѣтелями преобразованія нашего бракоразводнаго права». Нельзя сказать, чтобы изслѣдованіемъ г. Загоровскаго разъяснено было очень многое относительно того направленія, въ которомъ должно идти будущее развитіе бракоразводнаго права.

Нельзя упускать изъ вида и тѣхъ недостатковъ, немаловажныхъ, которые замѣчаются въ этой книгѣ. Но едва ли бы возможно было, съ другой стороны, и требовать слишкомъ многаго отъ перваго спеціальнаго научнаго изслѣдованія объ институтѣ развода. Если авторъ и не выполнилъ своей трудной и сложной, имъ же самимъ поставленной для себя, задачи, то это, все же, не мѣшаетъ цѣнить то, что сдѣлано имъ на пути къ ея выполненію. Авторъ посвятилъ много труда на изученіе и византійскаго, и русскаго бракоразводнаго права и сдѣлалъ первую серьезную научную попытку прослѣдить историческую судьбу института развода, начиная отъ первыхъ временъ существованія христіанской церкви и оканчивая дѣйствующимъ русскимъ законодательствомъ о разводѣ. Для нѣкоторыхъ эпохъ и для нѣкоторыхъ сторонъ бракоразводнаго права, онъ могъ воспользоваться, въ виду своихъ цѣлей, трудами другихъ ученыхъ; но въ общемъ, изслѣдованіе его представляетъ самостоятельную работу. Нѣкоторые акты изъ западно-русской жизни собраны и изданы имъ самимъ въ первый разъ (см. стр. 188—190). Принимая же во вниманіе, притомъ,

что немалое число изъ указанныхъ выше недостатковъ объясняется,—кромѣ трудности задачи,—тѣмъ, что авторъ недостаточно широко воспользовался сравнительнымъ методомъ, который, само собою, долженъ былъ еще болѣе затруднить работу, или тѣмъ, что авторъ самъ затруднялъ и усложнялъ себѣ свою, и безъ того трудную и сложную, работу, вдаваясь въ подробности, не необходимыя для изслѣдованія о разводѣ, причемъ весьма легко могъ допустить неточности и промахи, я позволяю себѣ думать, что изслѣдованіе г. А. Загоровскаго: «О разводѣ по русскому праву» не только свидѣтельствуетъ о трудѣ, для составленія его употребленномъ, но и восполняетъ замѣтный пробѣлъ въ отечественной наукѣ, и что авторъ его заслуживаетъ быть награжденнымъ отъ Императорской Академіи Наукъ меньшею уваровскою наградою.

Томъ XV	кн. 1.. 1 р. 50 к. » 2.. 1 » 10 »	2 р. 60 к.
» XVI	» 1.. 1 » 75 » » 2.. 2 » 30 »	4 » 5 »
» XVII	» 1.. 2 » 50 » » 2.. 2 » 40 »	4 » 90 »
» XVIII	» 1.. 2 » — » » 2.. — » 80 »	2 » 80 »
» XIX	» 1.. 1 » 30 » » 2.. 2 » 20 »	3 » 50 »
» XX	» 1.. 1 » 60 » » 2.. 1 » 70 »	3 » 30 »
» XXI	» 1.. 1 » 95 » » 2.. 1 » 5 »	3 » — »
» XXII	» 1.. 1 » 30 » » 2.. 1 » 45 »	2 » 75 »
» XXIII	» 1.. 1 » 35 » » 2.. 3 » 40 »	4 » 75 »
» XXIV	» 1.. 2 » 45 » » 2.. 1 » 35 »	3 » 80 »
» XXV	» 1.. — » 90 » » 2.. 1 » 95 »	2 » 85 »
» XXVI	» 1.. 3 » 65 » » 2.. — » 45 »	4 » 10 »
» XXVII	» 1.. 2 » 70 » » 2.. 1 » 30 »	4 » — »
» XXVIII	» 1.. 1 » 75 » » 2.. 1 » 50 »	3 » 25 »
» XXIX	» 1.. 1 » 70 » » 2.. 2 » — »	3 » 70 »
» XXX	» 1.. 1 » 75 » » 2.. 1 » 75 »	3 » 50 »
» XXXI	» 1.. 1 » 90 » » 2.. 1 » 90 »	3 » 80 »
» XXXII	» 1.. 2 » 20 » » 2.. — » 85 »	3 » 5 »
» XXXIII	»	3 » 35 »
» XXXIV	» 1.. — » 95 » » 2.. 1 » 15 »	2 » 10 »
» XXXV	» 1.. 3 » 20 » » 2.. — » 90 »	4 » 10 »
Томъ XXXVI	кн. 1.. 3 р. 25 к. » 2.. 1 » 70 »	4 р. 95 к.
» XXXVII	» 1.. 2 » 55 » » 2.. 1 » 95 »	4 » 50 »
» XXXVIII	» 1.. 2 » 75 » » 2.. — » 70 »	3 » 45 »
» XXXIX	» 1.. 1 » 70 » » 2.. 2 » — »	3 » 70 »
» XL	» 1.. 1 » 65 » » 2.. 2 » 10 »	3 » 75 »
» XLI	» 1.. 2 » 30 » » 2.. 2 » 5 »	4 » 35 »
» XLII	.....	2 » 75 »
» XLIII	.....	2 » 85 »
» XLIV	.....	3 » 10 »
» XLV	.....	3 » 25 »
» XLVI	.....	4 » 20 »
» XLVII	кн. 1.. 1 р. 60 к. » 2.. 1 » 35 »	2 » 95 »
» XLVIII	» 1.. 1 » 85 » » 2.. 1 » 45 »	3 » 30 »
» XLIX	.....	4 » 20 »
» L	кн. 1.. 1 р. 5 к. » 2.. 2 » 80 »	3 » 85 »
» LI	» 1.. 1 » 20 » » 2.. 2 » 10 »	3 » 30 »
» LII	» 1.. 1 » 25 » » 2.. 2 » 5 »	3 » 30 »
» LIII	» 1.. 2 » 5 » » 2.. 1 » 60 »	3 » 65 »
» LIV	.....	4 » 20 »
» LV	кн. 1.. 1 р. 55 к. » 2.. 1 » 70 »	3 » 25 »
» LVI	» 1.. 2 » 20 » » 2.. 2 » 10 »	4 » 30 »
» LVII	.....	4 » 40 »
» LVIII	.....	5 » 10 »
» LIX	кн. 1.. 3 р.	

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

СИБИРСКАГО ПОЧТОВАГО ТРАКТА

ОТЪ ОЗЕРА БАЙКАЛА ДО ВОСТОЧНАГО СКЛОНА ХР. УРАЛЬСКАГО,

А ТАКЖЕ ПУТЕЙ,

ВЕДУЩИХЪ КЪ ПАДУНСКОМУ ПОРОГУ НА Р. АНГАРѢ И ВЪ ГОРОДЪ МИНУСИНСКЪ.

И. Д. ЧЕРСКАГО.

(съ геологическою картою и профилью.)

Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 8-го Декабря 1887 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1888.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. Глазунова въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.,** въ С. П. Б.
И. Киммеля въ Ригѣ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1888 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Лѣтомъ 1885 года, на средства И. Р. Академіи Наукъ, я имѣлъ возможность произвести геологическое изслѣдованіе по всей длинѣ Сибирскаго почтоваго тракта, отъ г. Иркутска до восточнаго склона хребта Уральскаго, причемъ, въ предѣлахъ Восточной Сибири, я дѣлалъ еще довольно отдаленныя экскурсіи въ сторону отъ тракта, какъ напр. по теченію рр. Иіи и Оки, до Падунскаго порога на р. Ангарѣ, по Кану и Енисею, около г. Красноярска, а также отъ г. Ачинска до г. Минусинска.

Большая часть большихъ дорогъ, какъ извѣстно, страдаетъ отсутствіемъ выходовъ коренныхъ породъ и потому представляетъ значительныя неудобства для изслѣдованія. Въ нашемъ случаѣ, однако, какъ показалъ опытъ, условія эти оказались гораздо лучшими. Во первыхъ, по всей дорогѣ, въ особенности отъ Иркутска до р. Оби, время отъ времени попадаются естественныя обнаженія, мѣстами даже весьма удовлетворительныя; кромѣ того геогностическій матеріалъ собирался еще путемъ осмотра довольно многочисленныхъ искусственныхъ разрѣзовъ и ямъ, производимыхъ съ цѣлью добычи матеріала для исправленія дороги, а также тщательнымъ осмотромъ почвы, выбрасываемой изъ дорожныхъ канавъ и ямъ для ремонта телеграфныхъ столбовъ; въ крайнихъ-же случаяхъ я пользовался нерѣдко даже помощью нѣкоторыхъ животныхъ, какъ напр. сусликовъ и кротовъ, въ особенности въ низменностяхъ Западной Сибири, гдѣ они давали мнѣ часто весьма полезныя указанія; что-же касается

экскурсій въ сторону отъ тракта, то нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности въ Минусинскомъ округѣ, даютъ весьма удовлетворительные разрѣзы мѣстности.

Такимъ образомъ, въ результатѣ оказалось, что на моемъ пути нѣтъ почти ни одного промежутка между двумя почтовыми или обывательскими станціями, на протяженіи котораго не было бы данныхъ для сужденія о геогностическомъ строеніи мѣстности, а съ одинадцати пунктовъ имѣются даже ископаемые остатки, какъ растительные, такъ и животные, не считая костей млекопитающихъ и остатковъ, собранныхъ другими личностями. Въ трехъ мѣстахъ, правда, по невозможности разсчитать скорость ѣзды, я проѣзжалъ по нѣсколько верстъ въ темнотѣ, но, по счастію, строеніе мѣстности было настолько однообразное, что на мѣстѣ ночлега или за нимъ я встрѣтилъ тѣ-же породы, которыя сопровождали меня и днемъ.

Къ числу условій, всего болѣе затруднявшихъ работу, я долженъ отнести во первыхъ, постигшую меня болѣзнь и слабость, не позволявшую дѣлать пѣшія экскурсіи въ гористыхъ мѣстахъ и по болѣе крутымъ склонамъ; въ этомъ выручала меня нерѣдко моя жена, помогавшая мнѣ съ успѣхомъ и при поискахъ ископаемыхъ остатковъ; затѣмъ, очень важное неудобство причинило ненастье, сопутствовавшее намъ главнымъ образомъ по западной Сибири, въ особенности начиная съ Омска, откуда оно не прекращалось до самаго Урала.

Во всякомъ случаѣ собранныхъ данныхъ оказалось достаточно для прилагаемыхъ при настоящемъ отчетѣ геологической карты и профили, о которыхъ считаю нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ въ видѣ поясненія.

Геологическая карта мѣстности, прилежащей къ Сибирскому почтовому тракту отъ озера Байкала до рѣки Оби вмѣстѣ съ дорогами, ведущими къ Падунскому порогу на р. Ангарѣ и къ г. Минусинску, включая въ то и другія мои экскурсіи въ сторону отъ тракта. Карта составлена въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ, на основаніи прежнихъ картографическихъ матеріаловъ, и обнимаетъ собою всю часть моего маршрута въ предѣлахъ болѣе сложнаго геогностическаго строенія Сибири. Что-же касается промежутка между р. Обью и Ураломъ, т. е. всей западно-сибирской низменности, то однообразный составъ ея позволяетъ ограничиться описаніемъ и профилью, вслѣдствіе чего изданіе карты этой мѣстности, впредь до детальной геологической съемки, я счелъ въ настоящее время излишнимъ.

Геологическая профиль Сибирскаго почтоваго тракта отъ озера Байкала до г. Омска, т. е. на протяженіи 2,484 верстъ, въ масштабѣ 200 верстъ въ дюймѣ для горизонтальныхъ разстояній и 200 саженей въ дюймѣ для вертикальныхъ. Разрѣзъ этотъ я составилъ воспользовавшись таблицею высотъ, опредѣленныхъ Сибирскою нивеллировкою 1875—76 годовъ [1]), маршрутъ которой отъ г. Омска склоняется къ югу, придерживаясь линіи Оренбургскаго тракта.

Въ орографическомъ отношеніи изслѣдованная мѣстность представляетъ два типа: отъ Байкала до р. Оби, т. е. въ предѣлахъ всей Восточной и части Западной Сибири, маршруты мои пересѣкали *плоскую возвышенность*, тогда какъ, начиная съ лѣваго берега Оби, путешественникъ вступаетъ уже въ типическую западно-сибирскую *низменность*, продолжающуюся до Восточнаго склона Урала.

Ближайшее изученіе гипсометрическихъ данныхъ привело меня къ убѣжденію, что *плоская возвышенность представляетъ три ясно выраженныя терассы* (высшую, среднюю и низшую), которыми она склоняется къ упомянутой выше низменности, причемъ длина каждой изъ нихъ измѣряется сотнями верстъ.

Высшая терасса простирается по тракту отъ озера Байкала (122° 50′ восточ. долготы) до р. Бирюсы (115° 20′ восточ. долготы), т. е. на протяженіи 700 верстъ, причемъ отрѣзокъ ея

---

[1]) Записки И. Р. Географическаго Общества по общей географіи, Т. XV, № 1. Спб. 1885 года, стр. 32—44.

отъ р. Уды до Бирюсы, длиною около 160 верстъ, является въ видѣ склона къ сосѣдней, болѣе низкой терассѣ. На нашемъ пути, начиная съ Иркутска, высшая терасса занята системою лѣвыхъ притоковъ р. Ангары, изъ которыхъ главными слѣдуетъ считать: Китой, Бѣлую, Оку, лѣвый притокъ ея Ию, далѣе слѣдуетъ Уда и наконецъ Бирюса, образующая уже Восточную границу средней террассы и принадлежащая этой послѣдней.

Средняя высота высшей террассы равняется 250,05 саженямъ, т. е. 1,750,3 футамъ надъ уровнемъ океана; высшія точки ея не превосходятъ 289,8 саженей (2,028,6 футовъ) абсолютной высоты; что же касается долинъ, то изъ нихъ, на протяженіи профили, только двѣ углубляются болѣе значительно, именно, до 197,9 саженей (р. Бѣлая) и 187,9 саженей (р. Уда), между тѣмъ какъ уровень дна остальныхъ долинъ не опускается ниже 202,3 саженей (1,415,1 фута), а поверхность Байкала располагается на высотѣ 223 саженей, т. е. 1,561′.

Всего менѣе расчлененную и потому самую типическую часть этой террассы профиль пересѣкаетъ въ промежуткѣ между рр. Окою и Удою, гдѣ, между Шебартинскою и Худоеланскою почтовыми станціями, располагается и высшій пунктъ мѣстности (289,8 саженей). Нѣсколько болѣе дифференцировки замѣчается уже между рр. Окою и Бѣлою, благодаря долинамъ рѣчекъ Залари и Унги. Крайній сѣверо-западный отрѣзокъ тракта въ предѣлахъ той же террассы (между Удою и Бирюсою), высшія точки котораго понижаются къ Бирюсѣ въ прогрессіи 259,5—213,5—210,0 и 180,6 саженей, весьма вѣрно изображалъ бы сѣверо-западный склонъ этаго уступа, если бы не то обстоятельство, что, вслѣдъ за Уковскою горою, дорога спускается въ параллельную ей долину рч. Топорокъ[1]) и слѣдуетъ внизъ по ней на протяженіи болѣе 45 верстъ, чѣмъ и нарушается правильность очер-

1) О томъ, что Топорокъ протекаетъ въ діаметрально противоположную сторону и впадаетъ не въ Уду, какъ показано на картѣ Шварца, а въ Бирюсу, я писалъ еще въ 1875 году. Извѣстія Сиб. Отдѣла И. Р. Географическаго Общества, Т. VII, № 2 и 3.

танія этого склона, расчлененнаго къ тому-же и нѣкоторыми другими долинами.

Наконецъ, что касается промежутка между Байкаломъ и р. Бѣлою, то дорога пролегаетъ здѣсь сначала по правому (до Иркутска), а затѣмъ по склону лѣваго берега р. Ангары, обусловливая пониженіе этой части профили (отъ 201,6 до 234,8), тогда какъ въ дѣйствительности, ближе къ Байкалу, берега Ангары возвышаются отъ 277 до 354 саженей (1,939—2,478′) надъ уровнемъ океана, — цифры, изъ которыхъ послѣдняя относится уже къ понизившемуся здѣсь Приморскому хребту. Изъ предѣловъ той-же террассы не выходилъ и маршрутъ моей экскурсіи къ Падунскому порогу (почти $4\frac{1}{2}$ градуса на сѣверъ отъ Байкала).

Средняя терасса простирается отъ р. Бирюсы (115° 20′ восточ. долготы) до р. Чулыма (притокъ р. Оби) около г. Ачинска (108° 10′ восточ. долготы), т. е. на протяженіи 515 верстъ по тракту, изъ которыхъ только первыя 90 верстъ заняты рѣчками системы Ангары, послѣ чего слѣдуютъ непосредственные притоки Енисея и самъ Енисей, тогда какъ послѣднія 34 версты орошаются уже правыми притоками р. Чулыма.

Средняя высота этой террассы равняется 156,39 сажени, т. е. 1,094,7 фута; высшій пунктъ ея (около праваго берега долины Енисея, къ тому-же въ предѣлахъ подножія расположенныхъ тамъ горъ) не превосходитъ 215,7 саженей, слѣдовательно не достигаетъ уровня Байкала (223,0 саженей), самыя-же глубокія долины (Енисей) опускаются до 64,3 саженей, т. е. 450,1 футовъ надъ океаномъ, хотя и уровень р. Канъ располагается всего лишь на высотѣ 94,8, а р. Чулымъ на высотѣ 89,8 саженей. Если не обращать вниманія на довольно глубокія долины рр. Рѣшетки, Тина, Поймы, Иланки, Кана, Уры, Енисея и еще нѣкоторыхъ небольшихъ рѣчекъ, то терасса эта обнаруживаетъ характеръ плоской возвышенности съ вполнѣ достаточною наглядностью. Наконецъ,

Низшая терасса плоской возвышенности, не менѣе типическая, какъ и описанныя выше, располагается между Чулымомъ

(108° 10′ восточн. долготы) и р. Обью (100° 50′ восточ. долготы), на протяженіи 576 верстъ профили, орошаясь системою р. Оби, изъ которой болѣе глубокими являются долины рр. Кіи, Яи, Титата (лѣвые притоки Чулыма) и р. Томи (правый притокъ Оби).

Средняя высота терассы равняется 107,5 сажени, т. е. 752,5′ надъ океаномъ. Высшая точка ея (144,3 сажени 1,010,1 фута), расположенная къ тому-же ближе къ Чулыму, ниже самыхъ глубокихъ долинъ высшей терассы, тогда какъ уровень главныхъ рѣкъ колеблется между 32,4 (Томь) и 55,1 сажени (р. Кія). Значительное пониженіе мѣстности, замѣчаемое между г. Томскомъ и станціею Болотною, на протяженіи болѣе 90 верстъ, обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что трактъ пролегаетъ здѣсь сначала вверхъ по долинѣ р. Томи, а затѣмъ вблизи отъ рч. Лебяжьей.

Съ лѣваго берега р. Оки, какъ сказано выше, начинается уже *Западно-Сибирская низменность*, простирающаяся до восточнаго склона хребта Уральскаго, даже нѣсколько за предѣлы моихъ изслѣдованій (почти до 80° восточ. долготы). Восточная часть этой низменности, до Иртыша, лѣваго притока Оби, извѣстна подъ названіемъ Барабинской степи или просто Барабы. Не считая самостоятельныхъ небольшихъ рѣчекъ, впадающихъ въ нѣкоторыя изъ многочисленныхъ, разсѣянныхъ по ней озеръ, Западно-Сибирская низменность орошается системою Иртыша. Главныя рѣки, пересѣкаемыя здѣсь Сибирскимъ трактомъ, суть: Омь (правый притокъ Иртыша), Иртышъ, Ишимъ и Тоболъ (лѣвые притоки Иртыша), и наконецъ р. Пышма, правый притокъ Туры, впадающей въ Тоболъ съ лѣвой стороны.

Средняя высота восточной, т. е. *Барабинской части низменности*, къ которой только и относится моя профиль, равняется 56,4 сажени, т. е. 394,8 фута, слѣдовательно, ниже самыхъ глубокихъ долинъ средней терассы; высшая точка достигаетъ 79,4 сажени (555,8′), между тѣмъ какъ уровень ея рѣкъ понижается до 32,0 саженей (224,0′: р. Иртышъ около Омска). Что-же касается западной части, столь-же образцово-развитой и ровной, какъ Барабинская, то, хотя между гг. Омскомъ и Тюменью (на протяженіи 632 верстъ) не имѣется точныхъ гипсометрическихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе результаты нивеллировки по линіи Екатеринбургско-Тюменской желѣзной дороги и составленная профиль, которою я могъ пользоваться, благодаря любезности г. директора геологическаго комитета А. П. Карпинскаго и консерватора музея горнаго института А. А. Лёша, приводитъ къ убѣжденію, что часть низменности *между Иртышомъ и Тюменью* должна отличаться значительно болѣе низкимъ уровнемъ, нежели Бараба.

И дѣйствительно, не взирая на то, что, не доѣзжая еще съ 30 верстъ до праваго берега Тобола, ближе къ Заводо-Уковской почтовой станціи, начинается замѣтное повышеніе мѣстности весьма ясно выраженными терассами[1]), оказывается, что абсолютная высота г. Тюмени равняется всего лишь 30,5 сажени и высота всей мѣстности отъ Тюмени до станціи Аксарихи (первая на востокъ отъ г. Камышлова) колеблется между 30,4 и 49,8 сажени, не достигая, слѣдовательно, цифры средней высоты Барабы (56,4 сажени). Затѣмъ, отъ Аксарихи, черезъ Камышловъ, до станціи Оверины, высшія точки достигаютъ уже 73,5 саженей надъ уровнемъ океана, приближаясь къ такимъ-же Барабинскимъ, наконецъ, между Оверины и Екатеринбургомъ, линія проходитъ по мѣстности, средняя высота которой соотвѣтствуетъ почти съ точностью знакомой уже намъ, низшей терассѣ плоской возвышенности, колебаясь между 88 и 124,8 саженями и проникая уже въ глубь Урала.

При нижеслѣдующемъ описаніи *геогностическаго строенія мѣстности* я буду придерживаться только что указанныхъ ея орографическихъ частей и начну съ плоской возвышенности, ссылаясь въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ и на труды предшественниковъ.

---

[1]) Вмѣстѣ съ пескомъ этихъ терассъ, появляются и первыя сосны, исчезнувшія со вступленіемъ въ Барабу.

Въ предѣлахъ высшей терассы, слѣдовательно, отъ Байкала до р. Бирюсы, кромѣ отрывочныхъ указаній прежнихъ путешественниковъ имѣются и болѣе правильныя изслѣдованія.

Отрѣзокъ пути между Байкаломъ и Иркутскомъ отличается, можно сказать, самою обширною литературою[1]); затѣмъ, геологическая карта Чекановскаго захватываетъ также и трактъ отъ Иркутска до р. Оки, хотя нѣкоторыя мѣста этой карты требуютъ уже исправленій; что-же касается остальной, большей части длины высшей терассы, то, кромѣ довольно отрывочныхъ наблюденій, собранныхъ экспедиціею Гофмана (loco cit.), имѣется еще и подробное ея изслѣдованіе, совершенное мною въ 1875 году по порученію Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества[2]). Поэтому въ настоящую мою поѣздку мнѣ предстояло только по возможности пополнить нѣкоторые пробѣлы прежнихъ изслѣдованій и расширить ихъ, причемъ экскурсія къ Падунскому порогу на р. Ангарѣ имѣла цѣлью, кромѣ ознакомленія съ дорогою отъ села Тулуновскаго до Братскаго острога, собрать по возможности данныя относительно строенія показываемаго тамъ на картахъ хребта.

Результаты всѣхъ собранныхъ такимъ образомъ свѣдѣній обнаруживаютъ слѣдующее *геогностическое строеніе высшей терассы плоской возвышенности* по пересѣкающему ее тракту.

Древнѣйшимъ стратиграфическимъ горизонтомъ являются *члены верхняго яруса архейской системы породъ*, образующіе прибайкальскія горы (часть Приморскаго хребта) и отрѣзокъ дна р. Ангары, на протяженіи 4 верстъ отъ ея выхода изъ Байкала, послѣ чего породы эти скрываются подъ юрою, не выступая уже

[1]) Палласъ, Гессъ, Эрманъ. Гофманъ, Beiträge zur Kenntniss d. Russ. Reiches von Baer und Helmersen. В. XII. Меглицкій. Verhandlungen d. mineralog. Gesell. zu St. Petersb. 1850—51 u. 56. Горн. Журн. 1855, № 4. Макеровскій, Горн. Журн. 1844 г. ч. II, № 4. Чекановскій, Записки Сиб. отдѣла Т. XI. Черскій, Извѣстія Сиб. отдѣла, Т. IX, № 5—6. Записки И. Р. Географич. Общ. Т. XV.

[2]) Извѣстія Сиб. Отдѣла Географическаго Общества, Т. VII, № 2 и 3.

болѣе на дневную поверхность въ предѣлахъ этой терассы. Данныя, на основаніи которыхъ я относилъ эту перемежаемость полевошпатовыхъ породъ съ кристаллическимъ известнякомъ къ лаврентьевской системѣ, изложены мною въ отчетахъ объ изслѣдованіи озера Байкала[1]) (см. также ниже), причемъ стратиграфическія условія и отношеніе ихъ къ другимъ осадкамъ показаны также и на моей геологической картѣ этого озера, въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ[2]).

Второй по возрасту толщей, входящей въ составъ описываемой терассы, является сѣроватый, иногда сѣрый, плотный известнякъ, нерѣдко горькоземистый и мергелевый. Въ упомянутыхъ выше отчетахъ моихъ о Байкалѣ приведены соображенія и стратиграфическія условія, на основаніи которыхъ известнякъ этотъ (*«верхній известнякъ»* Онотскаго хребта), залегающій, какъ мы увидимъ и ниже, подъ девонскими осадками, я склонился отнести къ *силурійскому возрасту*, причемъ, весьма быть можетъ, что со временемъ онъ окажется эквивалентомъ Вилюйскаго известняка, въ которомъ найдены Р. К. Маакомъ верхнесилурійскія окаменѣлости; поэтому, какъ на картѣ, такъ и на профили я означилъ эту породу знакомъ S_2, принятымъ для верхняго силура. Въ границахъ интересующей насъ терассы известнякъ этотъ встрѣчается по тракту лишь въ промежуткѣ между рр. Бѣлою и Окою, обнажаясь впервые на правомъ берегу р. Бѣлой въ видѣ горизонтальныхъ пластовъ. Отъ уровня этой рѣки (1,385,3′), гдѣ известнякъ образуетъ и ея дно, до высоты 1,946,0′ не доѣзжая съ 10 верстъ до станціи Черемховой, гдѣ онъ покрывается на нѣкоторомъ протяженіи юрою, — порода эта (т. е. известнякъ) образуетъ подпочву покрывающимъ ее наносамъ, достигая не менѣе 560′ мощности, если допустить горизонтальное ея положеніе неизмѣнившимся. За Черемховой известнякъ вы-

[1]) Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества, Т. IX, №№ 1, 2, 5 и 6; Т. XI, № 1 и 2; Т. XII, № 2 и 3.

[2]) О результатахъ изслѣдованія озера Байкала, съ геологическою картою. Спб. 1886 года.

ступаетъ изъ-подъ юры уже на высотѣ 1,833,3′, на высшей террассѣ праваго берега рч. Нотъ (183,4′ надъ дномъ долины), углубившейся въ этой породѣ до 1,656,9′ надъ океаномъ, и сопровождаетъ дорогу на протяженіи около 13 верстъ. Далѣе путешественникъ опять встрѣчаетъ его на днѣ долины р. Залары, а по увѣренію Гофмана и Унги (см. ниже), гдѣ, на высотѣ отъ 1,610′ (Унга) до 1,493,3′ (Залара) онъ образуетъ лежачій бокъ покрывающихъ его позднѣйшихъ отложеній. Наконецъ, на спускѣ съ Тыретской горы въ долину р. Оки, та-же порода (по Чекановскому), выступая въ послѣдній разъ, образуетъ склонъ, начиная съ высоты болѣе 1,862′ и до уровня рѣки, т. е. до 1,508,5′ надъ океаномъ. Отсюда известнякъ этого возраста скрывается подъ мощными толщами другихъ осадковъ такъ, что даже столь глубоко врѣзавшіяся рѣки, какъ Уда (1,315,3′) и Бирюса (812′ надъ уровнемъ моря), не обнажаютъ его въ своихъ долинахъ. Здѣсь-же считаю не лишнимъ замѣтить, что приведенныя выше цифры высотъ обнаруживаютъ желобовидное въ разрѣзѣ углубленіе поверхности известняка въ промежуткѣ между окрестностями станціи Черемховской (1,946′) и возвышенностями праваго берега р. Оки (1,862′). Самая глубокая точка дна этого углубленія, выполненнаго позднѣйшими осадками (девонскими, см. ниже), располагается на уровнѣ дна долины Залары, т. е. на высотѣ 1,493,3′, причемъ, основываясь на наблюденіи Гофмана у подножія Унгинской горы (см. ниже loco cit. pag. 43—44), углубленіе это не связано съ соотвѣтственными тектоническими условіями, такъ какъ положеніе пластовъ оказалось и здѣсь горизонтальнымъ. Въ сторонѣ отъ тракта, по теченію р. Ангары замѣчаются мѣстами уклоненія отъ горизонтальнаго положенія пластовъ этой толщи, но уклоненія эти вездѣ незначительны. Въ южныхъ окрестностяхъ г. Балаганска я наблюдалъ ихъ въ связи съ позднѣйшими провалами, зависящими отъ выщелачиванія какъ самаго известняка, такъ и заключающагося въ немъ въ этихъ мѣстностяхъ гипса; точно также въ двухъ верстахъ ниже Усольскаго солеваренаго завода на Ангарѣ (см. карту), пласты известняка, по

наблюденіямъ Гофмана и Макеровскаго, обнаруживаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наклонъ на SW 7^h, подъ угломъ отъ 8° до 10°.

На западъ отъ лѣваго берега р. Оки известнякъ этотъ, въ предѣлахъ описываемой террассы, не выходитъ уже изъ-подъ покрывающихъ его другихъ осадковъ и потому я перейду къ слѣдующимъ по возрасту отложеніямъ.

Красный, рухляковый песчаникъ съ подчиненными ему красными, зелеными и пестрыми рухляками и глинами (мѣстами съ гипсомъ), а иногда и сѣрыми, даже темно-сѣрыми песчаниками, имѣетъ, какъ извѣстно изъ трудовъ предшественниковъ[1]), обширное развитіе въ Балаганскомъ округѣ на р. Ангарѣ, откуда онъ переходитъ на р. Лену, внизъ по которой толща эта тянется непрерывно до г. Киренска, распространяясь также и на верхнюю часть теченія р. Нижней Тунгуски, гдѣ именно пласты эти мѣстами богаты ископаемыми остатками, обнаружившими *девонскій ихъ возрастъ*. Система пластовъ этихъ служила, какъ извѣстно, предметомъ многихъ недоразумѣній и разногласій, какъ относительно ея древности, такъ и стратиграфическаго уровня до того, что въ началѣ семидесятыхъ лѣтъ она причислялась даже къ юрской формаціи.

Въ предѣлахъ описываемой террассы до г. Нижнеудинска (вѣрнѣе до высотъ лѣваго берега р. Уды), откуда начинается склонъ ея къ слѣдующему уступу, девонскіе осадки эти можно видѣть лишь въ двухъ, незначительныхъ по размѣрамъ и близкихъ другъ отъ друга мѣстахъ.

Сначала они появляются на спускѣ въ долину рч. Унги (лѣвый притокъ Ангары, см. карту), въ окрестностяхъ *Тыретской* почтовой станціи. Это — обнаженіе, по которому мнѣ въ первый разъ удалось доказать залеганіе интересующей насъ красноцвѣтной толщи подъ юрою[2]), какъ это видно и на соотвѣтственной

---

[1]) Чекановскій loco cit.

[2]) Извѣстія Сибирск. Отдѣла Геогр. Общества, Т. VI, № 5—6 и Т. VII, № 2—3.

части профили. Девонскіе осадки вдаются въ эту долину въ видѣ продолженія балаганской области ихъ развитія, исчезая подъ юрою за Тыретскою станціею и отклоняясь отъ почтоваго тракта къ правому берегу р. Оки, теченіе которой они сопровождаютъ, должно быть, непрерывно до самаго устья этой рѣки въ Ангару, какъ это мы увидимъ ниже, на пути въ дер. Барлукъ и къ Братскому острогу. Гофманъ, какъ извѣстно (loco cit. pag. 43—44), проѣзжая долину р. Унги и подымаясь на гору ея праваго берега, не видѣлъ этихъ красноцвѣтныхъ пластовъ и потому упоминаетъ только о залегающемъ подъ ними известнякѣ и о покрывающей ихъ юрѣ, относимой въ то время къ каменноугольному возрасту; далѣе-же, по направленію къ Иркутску, гдѣ девонскіе пласты *вовсе исчезаютъ*[1]), этотъ въ высшей степени точный наблюдатель упоминаетъ только о юрѣ и известнякѣ, говоря между прочимъ, что и между Заларинскою и Кутулицкою станціею (южнѣе отъ Тыретской) встрѣченъ имъ только желтый и бурый песчаникъ, какъ на Унгинской горѣ, причемъ онъ содержитъ здѣсь еще пластъ жирной черной глины съ тонкими пропластками листоватаго угля (pag. 44). Тѣмъ оригинальнѣе является поэтому столь разительное разногласіе между показаніемъ названнаго ученаго и спутника его Макеровскаго, въ отчетѣ котораго (loco cit. стр. 4), во первыхъ, Унгинская гора вовсе не упоминается, о промежуткѣ-же «между Заларинскою и Кутулицкою станціею», откуда и по его мнѣнію «начинается каменноугольная почва», читаемъ слѣдующее: «Обнаженіе представляетъ горизонтальные пласты разноцвѣтнаго песчаника. Нижній пластъ сѣраго цвѣта, на немъ покоится пластъ краснаго песчаника, потомъ зеленаго и снова краснаго. Сѣрый песчаникъ плотенъ, зеленый-же и красный разсыпчаты. Между зеленымъ и верхнимъ краснымъ пластомъ находится пропластокъ черной глины съ прослойками каменнаго угля». Какъ понимать это наблюденіе и къ какому мѣсту оно относится, — остается только недоумѣвать. Съ своей стороны, могу сказать утвердительно только то, что *красный и зеленый песчаникъ между названными станціями не обнажается вовсе*. Такъ какъ однако приведенное описаніе вполнѣ убѣждаетъ въ томъ, что Макеровскій дѣйствительно встрѣтился съ красноцвѣтными породами, поэтому я склоненъ предположить, что въ то время, когда Гофманъ увлекся описанными имъ обнаженіями Унгинской (неправильно «Идинской») горы, Макеровскій, *путешествовавшій съ нимъ въ одномъ тарантасѣ*, могъ обратить вниманіе на поросшій растительностью высокій склонъ, сопровождающій нижнюю часть подъема на эту гору съ лѣвой стороны отъ дороги (если ѣхать къ Иркутску), гдѣ, изъ-подъ травы, дѣйствительно выдаются плитки сѣрыхъ, красныхъ и зеленыхъ породъ девонской системы, не замѣченныя ни Гофманомъ, ни Чекановскимъ. Въ такомъ случаѣ, однако, необходимо допустить, что наблюденіе Макеровскаго относится отчасти къ промежутку между Тыретскою и Заларинскою станціями (относительно красноцвѣтныхъ породъ въ не упоминаемой имъ вовсе Унгинской горѣ), отчасти же между Заларинскою и Кутулицкою, причемъ правдоподобно, что эта часть дневника писана имъ не на мѣстѣ производившихся наблюденій, а можетъ быть уже въ Иркутскѣ, вслѣдствіе чего и уголь могъ оказаться залегающимъ не средп желтыхъ и бурыхъ песчаниковъ (какъ у Гофмана, Чекановскаго и Черскаго loco cit.), а подъ краснымъ.

Что-же касается втораго выхода красноцвѣтныхъ породъ по тракту, то онъ замѣчается около станціи Кимильтейской, по лѣвому берегу рч. Кимильтейки (лѣвый притокъ Оки). Обнаженіе это, въ свою очередь описанное мною въ 1875 году (loco cit. стр. 81—82), располагается нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги (см. ниже, экскурсія въ село Барлукъ); входящія въ составъ его породы нанесены мною на соотвѣтственную часть профили предположительно, такъ какъ по линіи тракта онѣ покрыты здѣсь наноснымъ отложеніемъ. Замѣтивъ, что уровень висячаго бока этой

[1]) Сравни также изслѣдованія Чекановскаго (loco cit.) и Черскаго 1875 года. Извѣстія В.-Сиб. Отдѣла, Т. VI, № 5—6.

толщи, въ предѣлахъ почтоваго тракта, не превышаетъ 1,750′ надъ поверхностью океана, тогда какъ высота плоскости залеганія этихъ породъ на известнякѣ должна колебаться между 1,519′ (на р. Унгѣ) и ниже 1,400′ надъ океаномъ (около Кимильтейской), перейду къ позднѣйшимъ по возрасту осадкамъ.

Юрскія отложенія Иркутской губерніи принадлежатъ большому прѣсноводному бассейну, имѣвшему непосредственную связь съ Байкаломъ [1]) и распространявшемуся вдоль сѣверо-восточнаго подножія Саяна почти на всю длину описываемой терассы по линіи почтоваго тракта, вслѣдствіе чего система породъ этихъ, состоящая главнымъ образомъ изъ грязно-желтыхъ, бурыхъ и сѣровато-желтыхъ песчанковъ, конгломерата, а мѣстами глинистаго сланца съ бурымъ углемъ, почти непрерывно сопровождаетъ путешественника отъ ближайшихъ окрестностей истока р. Ангары до высотъ лѣваго берега р. Уды. Возрастъ этихъ осадковъ, считавшихся прежде каменноугольными, опредѣленъ, какъ извѣстно, по растительнымъ остаткамъ изъ окрестностей Иркутска и около деревни Усть-Балей [2]) по Ангарѣ (см. карту).

Уже изъ весьма обстоятельныхъ изслѣдованій академика Гесса [3]) извѣстно, что на пути отъ г. Иркутска до Байкала развитъ «мягкій мелкозернистый песчаникъ съ простираніемъ отъ востока къ западу и паденіемъ на сѣверъ; подъ нимъ, на югъ отъ Иркутска, залегаетъ конгломератъ.... скрѣпленный мелкимъ песчаникомъ, имѣющимъ одинаковое съ верхнимъ песчаникомъ напластованіе». Наблюденія эти, къ которымъ слѣдуетъ прибавить, что уголъ паденія пластовъ является весьма незначительнымъ, а ближе къ Иркутску низводится вообще къ нулю, подтверждены впослѣдствіи Макеровскимъ и Гофманомъ (loco cit.), указавшими, что конгломератъ выступаетъ изъ-подъ

[1]) См. мои отчеты о Байкалѣ и геологическую карту.

[2]) Траутшольдъ въ Neues Iahrbuch f. Mineralogie etc. 1870 pag. 589 и Освальдъ Геэръ, Mémoires de l'Académie Imp. d. Sciences de St. Pétersbourg.

[3]) Leonhard's Zeitschrift für Mineralogie 1827. Th. II, p. 321—348. Горн. Журналъ 1828 года, Ч. III.

песчаника около Тальцынской фабрики. Чекановскій, на картѣ котораго, какъ равно и на моей, показаны и выходы каменнаго угля на этомъ протяженіи (loco cit.), пытался, правда, утверждать, что конгломератъ, какъ это и дѣйствительно имѣетъ мѣсто на сѣверо-востокъ отъ Иркутска (система р. Куды), слѣдуетъ считать однимъ изъ членовъ висячаго бока юрскихъ осадковъ, указывая на примѣръ залеганія его поверхъ песчаника и ближе къ Байкалу, по рч. Большой, правому притоку Ангары (см. карту). Имѣя въ виду однако провѣренную мною точность всѣхъ прежнихъ указаній [1]), а также данныя, собранныя мною во время изслѣдованія прибайкальскихъ горъ (loco cit.), я пришелъ къ убѣжденію, что по мѣрѣ приближенія къ Байкалу, юрскій песчаникъ перемежается съ конгломератомъ, а затѣмъ почти совершенно вытѣсняется этою породою, какъ типическою для прибрежныхъ отложеній и весьма хорошо обнаженною въ древнемъ каналѣ, соединявшемъ Иркутскій юрскій бассейнъ съ Байкаломъ. Съ этимъ согласуются также и наблюденія самого Чекановскаго по лѣвому берегу р. Ангары, на широтѣ ст. Тальцинской (loco cit. стр. 179): «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ этотъ авторъ, что въ верхней части этого пространства они (т. е. пласты юры) не лежатъ горизонтально. Достаточно взять во вниманіе, что конгломераты, залегающіе въ Острой Сопкѣ и далѣе на рч. Большой, примѣтно выше уровня р. Ангары, визъ-же по этой рѣкѣ находятся на ея уровнѣ. Около Тальцинской фабрики, на противуположномъ берегу Ангары, близъ пади Холодной, выступаютъ оба выше названные яруса: ниже Холодной — желтоватый глинистый песчаникъ, содержащій уголь между песчанисто-глинистыми сланцами, съ погребенными въ нихъ растительными остатками, но тотчасъ выше Холодной [2]), въ уровнѣ рѣки выступаетъ конгломератъ, а за нимъ вверхъ по рѣкѣ, снова песчаникъ съ углемъ въ уровнѣ рѣки».

Если исключить затѣмъ тѣ мѣста и долины (р. Бѣлой и про-

[1]) См. также Мегацкій, Горн. Журналъ 1855 года, № 4.

[2]) Слѣдовательно, стратиграфически *ниже* песчаника.

межутка между нею и рч. Нотъ, рр. Залари, Унги, Оки и Кимильтейки), которыя врѣзались до описанныхъ выше болѣе древнихъ породъ, то юрскій песчаникъ, иногда содержащій прослойки бураго угля, образуетъ собою и всю остальную часть мѣстности, пересѣкаемой почтовымъ трактомъ до высотъ лѣваго берега р. Уды, т. е. отъ 122° до 116° 30′ восточн. долготы, причемъ, между Кимильтейкою и Удою онъ даже вовсе не прерывается выходами другихъ породъ, за исключеніемъ наносовъ. На протяженіи этомъ, не считая наблюденій Чекановскаго въ предѣлахъ его карты, песчаникъ, очевидно юрскаго возраста, встрѣчался мною въ шестьнадцати мѣстахъ, описанныхъ еще въ 1875 году (loco cit.), причемъ, въ обнаженіи около г. Нижнеудинска, къ которому мы еще возвратимся, пласты песчаника обнаруживаютъ незначительное впрочемъ паденіе (8—10°) на NNO.

Въ то же время мнѣ удалось встрѣтиться въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ *изверженною зеленокаменною породою*, ускользнувшею отъ вниманія предшественниковъ; впредь до ближайшаго опредѣленія петрографическаго вида я называлъ ее траппомъ. Въ нынѣшнюю мою поѣздку я имѣлъ случай пополнить и расширить свѣдѣнія, какъ о распространеніи этой породы, такъ и о образѣ ея залеганія.

Въ промежуткѣ между теченіями рр. Оби и ея лѣваго притока Иіи, въ сторонѣ отъ почтоваго тракта, въ 10 или 12 верстахъ къ сѣверу отъ *Тулинской станціи*, я описалъ первое обнаженіе этого траппа (loco cit. стр. 83, фиг. 1), добываемаго здѣсь, какъ матеріалъ для исправленія дороги. Порода эта обнажается здѣсь въ поросшемъ лѣсомъ холмѣ (на высотѣ приблизительно до 1,800′ надъ океаномъ), имѣющемъ, по всей вѣроятности, связь съ возвышенностью, извѣстною подъ названіемъ *Нюринскаго хребта*. Оригинальная отдѣльность траппа изображена мною на цитированной фигурѣ; отношеніе его къ юрскому песчанику не обнажено въ этомъ мѣстѣ [1]).

[1]) Мѣсто нахожденія изверженныхъ породъ въ сторонѣ отъ тракта означены на профили красными колечками около соотвѣтственныхъ названій мѣстностей.

Далѣе, на правомъ берегу *р. Иіи*, около перевоза, я видѣлъ нѣсколько большихъ, остроребернымъ глыбъ траппа, причемъ я узналъ отъ мѣстныхъ жителей, что какъ къ сѣверу отъ ст. *Тулуновской*, такъ и къ югу отъ ней, по лѣвому берегу названной рѣки, находятся коренные выходы этой породы, продукты разрушенія которой (дресва отъ тонкой скорлуповатой отдѣльности) добываются ими для исправленія дороги. Выступъ того же траппа, значительно маскированный наносомъ, наблюдается также и на спускѣ къ слѣдующей затѣмъ станціи *Курзанской*, всего лучше замѣтный, если спускаться въ долину сопменной рѣчки по такъ называемой старой дорогѣ, не представляя впрочемъ ничего поучительнаго относительно образа его залеганія. Та-же изверженная порода добывается еще въ 4 верстахъ за деревней *Хингуй* или Хингуль, въ сторонѣ отъ почтоваго тракта (къ югу); она же встрѣчена мною и на 2-й верстѣ за станціею *Кирилтуйскою*, въ плохихъ выступахъ по правой (сѣверной) сторонѣ тракта; на высотѣ около 1,750 футовъ (горизонтально слоистый юрскій песчаникъ, отчасти перегорѣлый и потому красный, наблюдался около Хингульской деревни на высотѣ до 1,715′); наконецъ, около самаго г. *Нижнеудинска* (нѣсколько выше его, см. карту), на правомъ берегу р. Уды, находится обнаженіе, которое, въ связи съ другими, о которыхъ я скажу при описаніи лѣваго берега той-же рѣки, и также нѣкоторыхъ утесовъ на р. Бирюсѣ, даетъ, какъ мнѣ кажется, вполнѣ удовлетворительное понятіе объ относительномъ возрастѣ интересующей насъ изверженной породы.

Такъ какъ послѣ извѣстнаго Иркутскаго пожара, нумеръ изданія, въ которомъ помѣщено мое описаніе этой мѣстности (1875 года), сдѣлался уже библіографическою рѣдкостью, поэтому, имѣя въ виду также важность вопроса о древности интересующей насъ эруптивной породы (см. ниже), я передамъ здѣсь, слово въ слово, описаніе обнаженія юго-западной оконечности гористаго мыса, подступающаго къ правому берегу р. Уды, сейчасъ же выше города (loco cit. стр. 84—85), и раздѣляющаго

расширеніе долины въ этомъ мѣстѣ на двѣ части, причемъ, на прилагаемой картѣ, читатель найдетъ и рисунокъ этого утеса (фиг. 4).

«И дѣйствительно, нижняя треть утеса (по его высотѣ) образуется выходами пластовъ свѣтлаго, сѣровато-желтаго, неравномѣрно-зернистаго и неравномѣрно-слоистаго песчаника съ блестками бѣлой слюды, мѣстами (въ прослойкахъ) съ діагональною слоистостью, внизу довольно рыхлаго и съ охристыми прослойками, выше болѣе плотнаго, мѣстами, при мелкозернистости, почти занозистаго. Къ верху слои песчаника утолщаются и получаютъ прослойки съ мелкою галькою и цвѣтъ измѣняется отъ бѣловато-желтаго до буро-желтаго, причемъ появляются пятнышки и очень тонкіе прослойки желѣзистые, темнаго, почти чернаго цвѣта. Пласты породы видимо наклонены подъ угломъ до 8° на С зо В. Средняя треть утеса осыпана и представляетъ смѣсь песчаниковыхъ и преобладающихъ трапповыхъ глыбъ; между ними я находилъ плитки того-же, но покраснѣвшаго песчаника (обгорѣлый?) и куски, одна часть которыхъ приняла красный цвѣтъ, другая же сохранила свой прежній. Наконецъ, въ высшей части утеса обнажается трапъ, растрескавшій главнымъ образомъ на призматическіе столбы, между которыми замѣчаются иногда и ясныя цилиндрическія формы; сферическая же отдѣльность и скорлуповатость здѣсь не замѣчена; осмотръ же мѣстности съ высоты этого утеса убѣждаетъ наблюдателя въ томъ, что трапповая толща должна покрывать собою песчаникъ по всей длинѣ видимаго праваго берега Уды, на что указываетъ одинаковый характеръ береговаго склона: сверху отвѣснаго (трапъ), а наклоннаго въ нижней своей части (осыпь и песчаникъ) такъ же, какъ и на фиг. 4-й.»

Къ описанію этому прибавлю нынѣ, что и юго-восточный склонъ описаннаго утеса, обращенный къ ограниченному имъ заливному лугу, вверхъ по рѣкѣ, хотя и не представляетъ столь же хорошаго обнаженія, какъ со стороны рѣки, тѣмъ не менѣе позволяетъ убѣдиться въ томъ, что основная часть горы этой состоитъ изъ песчаника, а верхняя изъ траппа.

Въ той-же статьѣ я указалъ уже на то, что въ противуположность мнѣнію гг. Гофмана и Макеровскаго, песчаникъ, развитый на лѣвомъ берегу р. Уды, ни стратиграфически (онъ составляетъ продолженіе Нижнеудинскаго песчаника, разобщенное только долиною р. Уды), ни петрографически не отличается отъ юрскаго (loco cit. стр. 92). Въ такомъ видѣ порода эта обнажается въ долинѣ рч. Каменки (см. карту и профиль), гдѣ она является повидимому вполнѣ горизонтальною; затѣмъ песчаникъ этотъ выступаетъ, какъ въ самой долинѣ *рч. Мары* (1,400′ высоты), такъ и на подъёмѣ съ этой рѣчки на высшую терассу Уковской горы, но вслѣдъ за нимъ, на высотѣ 1,645′, дорога пролегаетъ по тому-же трапу, съ которымъ мы ознакомились въ Нижнеудинскѣ и который видѣлся еще въ сторонѣ отъ долины Мары въ видѣ крутаго утеса, возвышающагося надъ площадью, покрытою наносомъ. Условія выходовъ траппа и песчаника являются поэтому вполнѣ тождественными и на лѣвомъ берегу р. Уды, хотя, благодаря пологому и длинному подъёму, по которому проложенъ почтовый трактъ, отношеніе этихъ породъ не на столько наглядно, какъ въ описанномъ выше утесѣ праваго берега рѣки.

Начиная съ этой терассы, трапъ покрываетъ собою всю высшую часть *Уковской горы,* на протяженіи почти 15 верстъ; на этой породѣ располагается станція того-же имени, — въ ней же проложена и долина рч. Укъ, низвергающейся въ р. Уду красивымъ водопадомъ съ отвѣсной трапповой стѣнѣ, и только на спускѣ съ высшей точки названной горы (1816,5′), на 11-й верстѣ за Уковскою станціею, на высотѣ 1750′, трапъ смѣняется осадочными породами, въ этомъ случаѣ дѣйствительно отличными отъ юрскихъ. Приведенныя стратиграфическія подробности относительно залеганія траппа поверхъ юрскихъ осадковъ (см. также ниже) имѣютъ въ настоящее время еще большее значеніе потому, что микроскопическое изслѣдованіе этой изверженной породы, произведенное по собраннымъ мною образцамъ Я. А. Макеровымъ, обнаружило, что она принадле-

жить такъ называемому *оливиновому діабазу;* между тѣмъ, какъ извѣстно, діабазъ этотъ до сихъ поръ не встрѣчался еще пересѣкающимъ юрскіе осадки. Впрочемъ, по замѣчанію профессора Иностранцева [1]) діабазъ этотъ представляетъ переходную форму къ плагіоклазовымъ долеритамъ. Плагіоклазъ его и весьма свѣжій оливинъ носятъ характеръ типичный для долерита, тогда какъ авгитъ, по своимъ свойствамъ, близокъ къ авгиту діабазовъ; основной стекловатой массы или вовсе не наблюдается, или она встрѣчается небольшими хлоритизированными участками.

Съ высшей точки Уковской горы, начинается и *склонъ высшей терассы плоской возвышенности, продолжающійся до р. Бирюсы.*

Вопросъ относительно возраста и стратиграфическаго уровня породъ, развитыхъ на этомъ протяженіи, я оставилъ открытымъ въ первую мою поѣздку до Бирюсы, такъ какъ въ то время я не ознакомился еще со всѣми петрографическими видоизмѣненіями песчаниковъ и другихъ породъ, входящихъ въ составъ нашей, преимущественно красноцвѣтной, девонской толщи, къ тому же, по недостаточности осмотрѣнныхъ въ то время обнаженій, я не могъ выяснить себѣ отношеніе развитыхъ здѣсь бѣлыхъ песчаниковъ къ попадавшимся мнѣ на томъ же протяженіи краснымъ породамъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія, напр. въ Лавинскомъ утесѣ на Бирюсѣ, занимали видимо низшій горизонтъ, сравнительно съ бѣлыми. Въ настоящее время, всѣ эти породы я склоняюсь отнести къ членамъ девонской формаціи, съ петрографическими видоизмѣненіями которой, тождественными съ выступающими въ интересующей насъ мѣстности, мы будемъ имѣть случай неоднократно ознакомиться ниже.

На 11-й верстѣ *за Уковскою станціею*, на склонѣ сѣверной горы, вслѣдъ за описаннымъ выше траппомъ, занимающимъ высшую часть этой горы,—появляются плитки и куски бѣлаго, сѣровато-бѣлаго и желтоватаго песчаника, какъ глинистаго, такъ и рухляковаго, а также продукты разрушенія этой породы

[1]) Геологія, Т. II. 1887 г. стр. 290—291.

въ видѣ бѣлыхъ или почти бѣлыхъ песковъ. Песчаникъ этотъ весьма мелкозернистый, состоитъ изъ зеренъ преимущественно сѣроватаго, почти безцвѣтнаго кварца (въ нѣкоторыхъ кускахъ породы всѣ зерна эти великолѣпно обточены) съ рѣдкою примѣсью зернышекъ чернаго и краснаго цвѣта (роговикъ или сердоликъ). На 14-й верстѣ мнѣ попадались плитки бѣлаго рухляка (образцы потеряны), но гипсометрически еще ниже опять появляется бѣлый песчаникъ, впрочемъ только въ кускахъ, наконецъ, на спускѣ въ самую *Камышетскую долину* (1377,6′) появляется красный оттѣнокъ въ наносѣ, указывающій, повидимому, на близость породъ такого-же цвѣта.

Такой-же наносъ замѣченъ былъ мною еще въ 1875 г. на 2-й и 10-й верстахъ за станціей *Камышетской*. Здѣсь, въ то время, я находилъ также куски бѣлаго известковистаго песчаника, о которомъ въ означенной статьѣ моей сказано, что онъ «не похожъ на Уковскій» потому, что я былъ знакомъ тогда съ одною лишь очень мелкозернистою разностью этой породы, отличающеюся весьма совершенно обточеннымъ и округленнымъ зерномъ. Въ настоящую поѣздку, на той-же 10-й верстѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ тракта, въ разрѣзѣ, изъ котораго добываютъ дресву для исправленія дороги, я видѣлъ горизонтальные слои желтовато-бѣлаго и бѣлаго, почти рыхлаго песчаника съ прослойками зеленовато-сѣраго песчанника и глинистопесчанаго сланца, богатаго слюдою, съ красными полосками и пятнами, а также съ пропластками красной сланцеватой глины, продукты разрушенія которой и придаютъ красноватый оттѣнокъ наносу.

Далѣе, на пути отъ южныхъ окрестностей *Замзорской деревни* до станціи *Алзамайской*, гдѣ въ первую поѣздку я видѣлъ только наносную почву долины *рч. Топорокъ*, мнѣ удалось нынѣ узнать, что песчаникъ, совершенно похожій на юрскій, добываютъ на фундаменты вверхъ по рч. Замзоръ (лѣв. притокъ Топорка); оттуда же крестьяне привозятъ *«огнеупорные камни»* для своихъ бань, въ которыхъ не трудно было узнать діабазъ,

вполнѣ тождественный съ Уковскимъ и встрѣченный мною въ кускахъ около дороги еще за Замзорскою деревнею, на 19-й верстѣ отъ ст. *Камышетской*. Нахожденіе упомянутаго песчаника заставляетъ предполагать, что въ сосѣднихъ возвышенностяхъ развита быть можетъ юра, краскою которой я покрылъ предположительно пространство до Алзамайской станціи, откуда отложеніе это, въ сторонѣ отъ тракта, быть можетъ, переходитъ на Бирюсу (см. ниже).

Между тѣмъ въ возвышенности (до 1494,5′ абс. высоты), отдѣляющей долину Топорка отъ р. Бирюсы, опять выступаютъ члены породъ, относимыхъ мною къ девонской системѣ. Такимъ образомъ, на спускѣ къ *Никольской долинѣ* попадаются куски того-же бѣлаго песчаника, какъ между Уковскою и Камышетскою станціями, иногда со сростками зеленовато-бѣлой глины, причемъ въ самой долинѣ наносъ принимаетъ красный оттѣнокъ, позволяя подозрѣвать здѣсь гдѣ-либо присутствіе красноцвѣтныхъ прослойковъ; далѣе, на 12-й верстѣ отъ Алзамайской станціи, на перевалѣ изъ Никольской долины въ *Моховую*, замѣтны глыбы бѣлаго известковистаго песчаника съ красными сердоликовидными прожилками и гнѣздами; то-же наблюдается и на высшихъ пунктахъ за *Разгонною* станціею, гдѣ, на 10-й верстѣ, попадаются также и глыбы сѣраго известняка съ такими-же образованіями краснаго аморфнаго кварца. Объ эти породы встрѣчаются въ видѣ глыбъ и на спускѣ съ горы къ станціи *Баероновской* («Багеровской» у Гофмана), причемъ песчаникъ, вскипающій отъ кислоты, вполнѣ сходенъ съ Уковскимъ, обнаруживаетъ въ составѣ ту-же примѣсь черныхъ и красныхъ зернышекъ, отличаясь однимъ лишь присутствіемъ сердоликовидныхъ прожилковъ; здѣсь-же попадаются куски весьма оригинальнаго краснобураго кварцита, съ лоснящеюся поверхностью излома, происшедшаго очевидно путемъ замѣщенія известковаго цемента того-же песчаника красною аморфною кварцевою массою: въ породѣ этой замѣчается даже примѣсь черныхъ зернышекъ, свойственныхъ бѣлому песчанику. Что-же касается описаннаго

здѣсь Гофманомъ обнаженія тѣхъ-же породъ, то его нѣтъ и слѣда въ настоящее время. Наконецъ, пространство между станціями Баероновскою и *Бирюсинскою* (21 верста), играющее роль высшей терассовидной площади праваго берега долины р. Бирюсы, покрыто наноснымъ отложеніемъ, скрывающимъ входящую въ составъ мѣстности коренную породу.

Прежде нежели приступить къ описанію моихъ экскурсій въ сторону отъ тракта въ предѣлахъ интересующей насъ терассы плоской возвышенности, замѣчу еще, что изслѣдованія мои въ 1875 г. по правому берегу *р. Бирюсы*, на протяженіи около 30 или 40 верстъ вверхъ по теченію, до такъ называемой *Заимки Кочергина*, обнаружили слѣдующее геогностическое строеніе мѣстности.

Сначала, около протоки, извѣстной подъ названіемъ *Карагасихи*, и далѣе, на прямомъ пути оттуда къ Кочергиной, какъ склонъ возвышенности, такъ и ея верхняя поверхность (судя какъ по обнаженіямъ, такъ и по глыбамъ и плитамъ, выдающимся изъ подъ травы) представляютъ грязно-желтый и буро-желтый глинистый песчаникъ отъ мелко- до средне-зернистаго сложенія, вполнѣ похожій на юрскій и покрытый или переходящій къ верху въ конгломератъ съ гальками мелкозернистаго сѣраго кварцита и кварца, «*а на спускѣ въ долину Бирюсы* (около заимки Кочергина) *выступаетъ также и знакомый уже намъ трапъ, залегающій ниже на томъ-же горизонтальномъ песчаникѣ, причемъ, смотря съ праваго берега, насупротивъ заимки Кочергина, вверхъ по рѣкѣ, вездѣ замѣчаются характеристическіе уступы берегового склона* (берегъ въ верхней части отвѣсный, а въ нижней наклонный), *обусловленные залеганіемъ траппа поверхъ песчаника* (loco cit. стр. 96), точно такъ же, какъ это мы видѣли и по берегамъ рѣки Уды, около г. Нижнеудинска; «а судя по верхнему очертанію такихъ гористыхъ мысовъ, подступающихъ къ правому берегу Бирюсы и видимыхъ на далекомъ разстояніи, эта возвышенная мѣстность должна быть вообще плоскою и ровною, гдѣ трапъ не подвергся размыву» (тамъ же).

Первою изъ *экскурсій, сдѣланныхъ мною въ сторону отъ почтоваго тракта*, на протяженіи высшей терассы плоской возвышенности, была поѣздка отъ станціи Кимильтейской (см. карту, между 119 и 120° восточ. долготы) на р. Оку, въ село Уянъ, оттуда въ с. Барлукъ, а затѣмъ обратно на трактъ, но по дорогѣ ведущей прямо изъ Барлука на станцію Куйтунскую.

Въ конфигураціи мѣстности, пересѣкаемой дорогою *отъ ст. Кимильтейской къ с. Уянъ*, обличаются всѣ особенности той-же плоской возвышенности, представляющей здѣсь въ общемъ наклонъ къ Уяну и пересѣченной долинами: Кулутъ, Зугнукъ и Лиственичный логъ, причемъ высшихъ гипсометрическихъ уровней достигаютъ лишь пространства между Кимильтейскою и Кулутомъ, а затѣмъ между Лиственичнымъ логомъ и Окою, т. е. Уяномъ.

Изъ села Кимильтейскаго дорога подымается сначала на крутой склонъ лѣваго берега рч. Кимильтейки, въ которомъ, со стороны долины, обнажаются горизонтальные пласты красныхъ рухляковъ и рухляковистыхъ сланцеватыхъ глинъ съ прослойками какъ краснаго, такъ и зеленаго ила, причемъ породы эти, въ особенности въ верхней части утеса, перемежаются съ красными, зелеными и сѣровато-зелеными песчаниками съ обильнымъ содержаніемъ углекислой извести въ цементѣ и съ многими блестками серебристой слюды на плоскостяхъ наслоенія.

На высотѣ около 152′ надъ долиною, породы эти покрываются толстымъ слоемъ наноса съ мелкою и крупною галькою рѣчнаго характера (см. ниже), замѣтною еще на высотѣ 214′, послѣ чего растительный покровъ скрываетъ отъ глазъ путешественника подробности строенія мѣстности и только красноцвѣтные утесы праваго берега р. Оки, видѣнные еще съ почтоваго тракта, указываютъ на развитіе здѣсь девонскихъ отложеній.

На присутствіе тѣхъ же породъ указываетъ далѣе и яркокрасная наносная почва, появляющаяся на склонѣ долины *Зугнукъ*, за такъ называемыми Занмками, а также и куски песчаника, найденные мною на подъёмѣ съ *Лиственичнаго лога*. Это кварцевый песчаникъ съ рухляковымъ цементомъ, сѣрый со сростками зеленоватаго ила, вообще мелко-, но неравномѣрно-зернистаго сложенія; порода содержитъ въ составѣ не мало зеренъ краснаго, сердоликовиднаго роговика, замѣтнаго также и въ видѣ кусочковъ въ нѣсколько миллиметровъ въ діаметрѣ. Наконецъ, на спускѣ къ селу *Уянскому*, склонъ лѣваго берега долины р. Оки представляетъ осыпанные впрочемъ выходы тонкослоистаго рухляковаго песчаника краснаго цвѣта, обнажающагося и въ утесахъ праваго берега долины, гдѣ пласты его представляютъ хотя и пологій, но видимый наклонъ вообще внизъ по теченію рѣки.

Дорога изъ Уяна въ с. Барлукъ, лежащее на лѣвомъ же берегу Оки (въ разстояніи всего лишь около 20 верстъ), ведетъ по мѣстности поросшей травою и покрытой пашнями; на спускѣ къ Барлуку выступаютъ однако продукты разрушенія и осыпи тѣхъ же красноцвѣтныхъ породъ и въ нѣсколькихъ верстахъ ниже села, въ склонѣ лѣваго берега долины Оки, находятся и утесы, осматривавшіеся еще въ 1810 г. бергешвореномъ Яковлевымъ, ѣздившимъ между прочимъ въ Уянъ и Барлукъ для поисковъ золота [1]). О строеніи мѣстности между Кимильтеемъ и Уяномъ онъ говоритъ, что горы «слоятся до горизонта воды изъ сѣроватаго, краснобураго и известковаго рухляка», тогда какъ около Барлука «основаніе ихъ есть первозданный известковый камень, а самая верхняя часть горъ состоитъ изъ зеленаго, можетъ быть, первозданнаго камня.»

Съ своей стороны замѣчу, что нижняя серія породъ, выступающихъ въ упомянутыхъ выше утесахъ окрестностей с. Барлука (около 13′ мощности), образуется грязнобѣлымъ, мѣстами желтоватымъ, мелкозернистымъ и толстослоистымъ песчаникомъ съ известковымъ или рухляковымъ цементомъ и съ примѣсью красныхъ роговиковыхъ зернышекъ, причемъ, среди этого песчаника, замѣчается гнѣздовидная залежъ (?) сѣраго извест-

[1]) Записки Сибирск. Отдѣла И. Р. Географич. Общества, Т. XI, стр. 19—20.

няка, состоящаго изъ концентрически скорлуповатыхъ сростковъ до 50 миллим. въ діаметрѣ; поверхъ этого песчаника залегаетъ красный рухляковый песчаникъ, сланцеватый и перемѣжающійся съ зеленоватыми его видоизмѣненіями, плохо обнаженный изъ подъ склона горъ, густо поросшаго растительностью. Наклонъ пластовъ отъ W до W 15 S, до 20°. Наконецъ, возвратившись въ деревню, около одного дома я увидѣлъ кучу остроребернымъ кусковъ того-же діабаза, съ которымъ мы встрѣчались по тракту, и на вопросъ откуда возятъ эту породу, мнѣ отвѣчали, что ее можно находить почти на всѣхъ высшихъ точкахъ окрестныхъ горъ (внизъ по р. Окѣ), между тѣмъ какъ на низшихъ гипсометрическихъ уровняхъ она неизвѣстна. Къ породѣ этой, такимъ образомъ, относится, по всей вѣроятности, упомянутое выше изрѣченіе бергешворена Яковлева, пріурочивающее этотъ *«зеленый, быть можетъ первозданный камень»* къ *«самой верхней части горъ»*,—явленіе, съ которымъ мы встрѣтимся еще ниже [1]).

Дорога, ведущая *изъ Барлука черезъ дер. Хайхту, на станцію Куйтунскую*, еще бѣднѣе обнаженіями коренныхъ породъ, такъ какъ сначала она пролегаетъ по длинному и пологому (до 9 верстъ) подъему, покрытому пашнями, затѣмъ подымается на отрѣзокъ болѣе типической плоской возвышенности, извѣстной подъ названіемъ горы *Заханоръ*, на склонѣ котораго къ долинѣ *Хайхты* находится первый и послѣдній на этомъ пути разрѣзъ, обнаруживающій горизонтальные пласты желтобѣлаго, довольно рыхлаго, глинистаго песчаника съ охристобурыми и желтыми прослойками, какъ это характерно для лежачаго бока юрскихъ осадковъ въ Иркутской губерніи, найденныхъ мною также и около *Куйтунской* станціи, по тракту.

Вторая, затѣмъ, и самая значительная изъ экскурсій въ сторону отъ тракта, *отъ Тулуновской почтовой станціи (около 118°15′ вост. долготы) до Падунскаго порога на р. Ангарѣ*, даетъ разрѣзъ мѣстности недалеко отъ лѣваго берега р. Иіи, сначала почти параллельный теченію р. Оки, затѣмъ поворачивающій на востокъ, къ названной рѣки (т. е. Окѣ), внизъ по которой маршрутъ мой почти въ меридіанальномъ направленіи достигаетъ р. Ангары и села Падунскаго.

[1]) Для слѣдованія отъ Барлука внизъ по р. Окѣ до устья р. Иіи, имѣется лишь верховая дорога. Съ окрестностей деревни Кады привозятъ бурovato-сѣрый известковистый песчаникъ для выдѣлки жерновныхъ камней, петрографически сходный съ девонскими.

Отъ ст. Тулуновской (Тулунъ), откуда путь этотъ удаляется отъ лѣваго берега р. Иіи, *черезъ дер. Ключи, до дер. Илирской*, гдѣ дорога опять приближается къ этой рѣкѣ, мѣстность значительно повышается по направленію къ Ключамъ, сохраняя все-таки характеръ плоской возвышенности.

Около *Тулуна* ломаютъ юрскій песчаникъ, какъ строительный матеріалъ; плитки и куски этой породы выдаются нерѣдко изъ-подъ травы около дорогъ по окрестностямъ этого села, а въ сторонѣ отъ нашей дороги (къ западу), на первой терассовидной возвышенности, къ сѣверу отъ Тулуна, мѣстные жители добываютъ трапъ, очевидно разрушенный такъ же, какъ около Тулинской станціи (см. мой отчетъ за 1875 г. loco cit.), и возятъ образовавшуюся изъ него дресву на дорогу. Терасса эта покрывается также глинисто-песчанымъ наносомъ съ галькою и слоистымъ пескомъ, не представляющимъ впрочемъ хорошихъ обнаженій. Далѣе, на правомъ берегу долины ручья *Кукучей*, обнажаются горизонтальные слои породы, вполнѣ похожей на низшую серію пластовъ юры. Это желтовато- и буровато-бѣлый, глинистый песчаникъ, мѣстами, отъ преобладанія цемента, переходящій въ глинисто-песчаный сланецъ съ прослойками и желваками, густо окрашенными водною окисью желѣза. Та же порода выступаетъ затѣмъ на подъемѣ къ дер. *Ключи*, а въ болѣе крупнозернистомъ видѣ и на 17-й верстѣ, между Ключами и Илиромъ, гдѣ замѣчается также и наносъ съ галькою. Далѣе, на склонѣ къ довольно глубокой долинѣ съ неизвѣстнымъ мнѣ названіемъ, сначала появляется замѣтно красноватый оттѣнокъ въ цвѣтѣ наносной почвы, а еще ниже, около дороги, наблю-

даются и плохіе выходы красноцвѣтныхъ породъ, повидимому въ горизонтальныхъ пластахъ: здѣсь замѣчаются тонкіе прослойки зеленовато-сѣраго рухляковаго песчаника, перемежавшіеся очевидно съ выщелоченнымъ и разрушеннымъ краснымъ рухлякомъ, причемъ попадаются видоизмѣненія песчаника, похожія по цвѣту на юрскій. Отсюда красноцвѣтный наносъ замѣчается время отъ времени до самой *Илирской деревни*, въ окрестностяхъ которой, какъ мнѣ разсказывали, одна раскопка обнаружила очень понравившуюся мѣстнымъ жителямъ, перемежаемость яркокрасныхъ пластовъ съ бѣловатыми, впрочемъ въ мѣстности, относительно положенія которой разсказчикъ не могъ мнѣ передать точныхъ свѣдѣній.

Хотя пространство *отъ Илира до Тангуя* закрашено на моей картѣ (въ сторонѣ отъ дороги) краскою девонскихъ осадковъ, тѣмъ не менѣе на это слѣдуетъ смотрѣть не болѣе какъ на предположеніе, основанное на наблюденіяхъ въ двухъ конечныхъ точкахъ названнаго района, такъ какъ петрографическій характеръ песчаника, встрѣченнаго мною на 8-й верстѣ за Илиромъ, въ плохомъ обнаженіи (яма) около моста черезъ ключъ *Бесьда*, не позволяетъ судить съ достовѣрностью о принадлежности его какой либо изъ двухъ, развитыхъ на пути отъ Тулуна системъ (юра и девонская); остальная-же часть дороги къ Тангую знакомитъ насъ только съ терассами и образующимъ ихъ мощнымъ (не менѣе 42 фута), но осыпаннымъ, слоистымъ песчанымъ наносомъ лѣваго берега р. Иіи, покрытымъ сверху осыпаннымъ же лессовиднымъ суглинкомъ (см. ниже), и только глыбы знакомаго намъ уже оливиноваго діабаза, обильно разбросанныя по руслу низовьевъ рѣчки *Тэмь*, доказываютъ, что эта изверженная порода входитъ въ составъ возвышенности, изъ которой вытекаетъ система названной рѣчки.

За рч. Тангуй, въ терассѣ лѣваго берега Иіи, обнажается красноцвѣтный рухляковый песчаникъ, совмѣстно съ его желтосѣрымъ видоизмѣненіемъ, похожимъ на юрскій, но съ глинистыми сростками, покрываясь краснымъ же наноснымъ отложеніемъ съ галькою. Далѣе слѣдуетъ желтый сыпучій песокъ, матеріалъ для котораго заимствованъ вѣроятно отъ значительно развитыхъ здѣсь желтыхъ и буро-желтыхъ членовъ красноцвѣтной толщи породъ, обнажающихся въ склонѣ терассы около самой дороги, до 8-й версты за Тангуемъ, причемъ пласты этого рухляковаго песчаника лежатъ повидимому вполнѣ горизонтально. Затѣмъ, часть дороги до деревни *Бады* обнаруживаетъ слоистое песчаное отложеніе желтаго цвѣта и такой-же повидимому мощности какъ выше, въ особенности хорошо развитое и обнаженное на 17-й верстѣ, считая отъ Тангуя. Наконецъ, начиная съ 23-й версты, появляется красный наносъ, а на ключикѣ *Ендотъ* выступаетъ и красный рухляковый песчаникъ. Такая красная почва сопровождаетъ путешественника и до спуска въ долину Иіи (на 31-й верстѣ отъ Илира), гдѣ располагается *деревня Кобинская*.

Отъ Кобинской до деревни Булáкъ или Акбулáкъ мѣстность представляетъ уже болѣе выходовъ коренныхъ породъ. Въ руслѣ *рч. Кобь*, на которой построена названная деревня, можно видѣть много глыбъ того-же діабаза, лежащихъ и на берегу р. Иіи, въ которую Кобь здѣсь впадаетъ. Далѣе наблюдаются выступы красноцвѣтныхъ породъ и связанныхъ съ ними красныхъ наносовъ, въ которыхъ, на 6-й верстѣ за Кобью, заключаются и куски оливиноваго діабаза, развитаго очевидно въ возвышенностяхъ лѣваго берега долины р. Иіи, послѣ чего опять выступаютъ красные рухляки и песчаники. На 9-й верстѣ слѣдуетъ спускъ въ долину рч. *Ербъ*, на лѣвомъ берегу которой, въ небольшой выработкѣ, можно видѣть зеленые и сѣрые члены красныхъ песчаниковъ, причемъ одно видоизмѣненіе является въ видѣ отчасти глинистаго, отчасти рухляковаго зеленовато-сѣраго, довольно темнаго цвѣта песчаника, похожаго на обнаженный на островѣ Интэй, около Падунскаго порога (см. ниже).

Далѣе (на 18-й верстѣ), въ долинѣ рч. *Силдъ*, замѣчаются многочисленныя большія глыбы діабаза, ближайшій осмотръ которыхъ склоняетъ считать ихъ образовавшимися на мѣстѣ

кореннаго залеганія этой изверженной породы. Затѣмъ слѣдуетъ красная наносная почва, сопутствующая обыкновенно девонскія отложенія, а наконецъ, на 19-й верстѣ, въ глыбахъ около дороги появляется сѣрый и буро-желтый, мелкозернистый песчаникъ, похожій на видоизмѣненія красноцвѣтной толщи породъ (недоѣзжая 5 верстъ до Булака).

На 2-й верстѣ *за Булакомъ* наблюдаются выходы сѣрыхъ и зеленыхъ членовъ тѣхъ-же породъ, а за ними красный наносъ; на 8-й верстѣ рч. *Атупь* а въ ямахъ зеленоватый глинисто-песчаный наносъ, вѣрнѣе детритусъ, съ примѣсью плитокъ зеленоватаго песчаника, давшаго матеріалъ для образованія этого атмосфернаго детритуса. Затѣмъ, на 11-й верстѣ начинается спускъ въ долину *р. Оки*, продолжающійся почти три версты, но не дающій никакихъ обнаженій.

Широкая долина Оки, по лѣвому берегу которой проложена дорога, является глубоко врѣзанною въ плоскую возвышенность, на высотѣ которой, на правомъ берегу рѣки, возвышаются двѣ, повидимому округленныя, вершины (не состоятъ-ли онѣ изъ оливиноваго діабаза?); на склонахъ лѣваго берега виднѣются мѣстами терассы. На одну изъ нихъ, гдѣ построены кирпичные сараи, дорога подымается на 18-й верстѣ, считая отъ Булака; другая, болѣе высокая, покрыта краснымъ наносомъ; наконецъ, ближе къ деревнѣ *Большая Када,* отъ высотъ лѣваго берега отдѣляется отрогъ, нѣсколько съуживающій долину съ лѣвой стороны, обнаруживая бурый наносъ на вообще поросшемъ склонѣ;—цвѣтъ этого наноса поминаетъ продукты разрушенія діабаза.

На такой составъ горъ лѣваго берега долины Оки указываетъ еще діабазовая галька, обильная въ руслѣ рѣчки Большая *Када* [1]), гдѣ найдены мною также и плитки краснаго рухляковаго песчаника; затѣмъ, спустя желтые слоистые пески, образующіе терассу на 2-й верстѣ за деревнею, въ слѣдующемъ расширеніи долины (на 14-й верстѣ) опять замѣчаются глыбы діабаза, происшедшія быть можетъ изъ склона ближайшей возвышенности, послѣ чего, около деревни *Больше-Окинской* и ниже по рѣкѣ, во всѣхъ ярахъ и береговыхъ склонахъ виднѣются яркокрасные выходы песчаниковъ и рухляковъ, повидимому въ горизонтальномъ положеніи, продолжающихся въ такомъ видѣ до станціи *Долоновской* (22 версты отъ дер. Кады).

[1]) Тотъ-же трапъ, какъ говорятъ, образуетъ и порогъ на р. Окѣ.

Отъ ст. Долоновской я обслѣдовалъ какъ *путь, ведущій къ селу Братскій-Острогъ,* расположенному на лѣвомъ берегу рѣки Ангары, около устья въ нее р. Оки, такъ и *дорогу къ Николаевскому желѣзному заводу,* лежащему въ 12 верстахъ на сѣверо-западъ отъ ст. Долоновской, въ верхнемъ теченіи сопменной рѣчки. Господствующею породою по обоимъ маршрутамъ являются яркокрасные рухляки и такіе-же песчаники, появляющіеся неоднократно въ видѣ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ выходовъ изъ- подъ красной наносной почвы (напр. сейчасъ за Долоновскою, затѣмъ на 6-й, 11-й, 15-й, 18-й и 19-й верстахъ, на пути къ Братскому-Острогу), обнаруживая горизонтальное положеніе пластовъ. Кромѣ того, появляется также и діабазъ, а именно, на 15-й верстѣ, въ видѣ отдѣльныхъ кусковъ и сферъ; далѣе, на 19-й верстѣ, въ видѣ хребтовидной возвышенности (до 40′ высоты), сопровождающей дорогу въ Братскій Острогъ съ правой стороны, а наконецъ, на 21-й верстѣ, въ видѣ столовой горы на той-же сторонѣ, причемъ діабазовыя горы эти располагаются на поверхности пересѣкаемой дорогою плоской возвышенности, состоящей изъ красноцвѣтныхъ породъ, и образуютъ высшія точки мѣстности. Что-же касается выходовъ оливиноваго діабаза *около Николаевскаго завода* и въ его окрестностяхъ, то, въ противуположность только-что описаннымъ, они поучительны въ томъ смыслѣ, что обнаруживаютъ стратиграфическое отношеніе ихъ къ девонской толщѣ породъ, въ особенности ясно выраженное около заводскаго пруда.

И дѣйствительно, обнаженіе на сѣверо-восточномъ берегу пруда (см. разрѣзъ фиг. 1-я) показываетъ, что діабазъ со сфери-

ческою и концентрически-скорлуповатою отдѣльностью залегаетъ непосредственно на размытыхъ отчасти, красноцвѣтныхъ породахъ (перемежаемость краснаго и зеленаго рухляка вообще съ горизонтальнымъ, лишь нѣсколько перемѣщеннымъ положеніемъ пластовъ), причемъ ближайшее изслѣдованіе плитокъ, плотнаго, зеленовато-сѣраго глинистаго сланца, находимыхъ въ осыпи около самой плоскости залеганія траппа, покажетъ въ нихъ быть можетъ результаты контактнаго измѣненія рухляковъ. На этой-же сторонѣ пруда діабазъ видимо опускается уже подъ уровень послѣдняго а продолженіе разрѣза на SW показываетъ, что юго-западный (или правый) береговой склонъ пруда состоитъ исключительно изъ этой изверженной породы, на поверхности которой образовались и обѣ терассы, замѣчаемыя на склонахъ долины по линіи того-же разрѣза.

Довольно поучительнымъ является также *путь отъ Николаевскаго завода* (*на NNW*) *къ Долоновскому руднику*, расположенному всего лишь въ 4-хъ верстахъ отъ завода, на вершинѣ горы, по пологому склону которой, представляющему ясные терассовидные уступы, и упирающемуся въ долину рч. Долоновки, проложена интересующая насъ дорога. Экскурсія эта показываетъ во первыхъ, что большая часть этой горы, считая въ вертикальномъ направленіи, состоитъ изъ горизонтальныхъ пластовъ красноцвѣтныхъ породъ, преимущественно рухляковыхъ сланцевъ и сланцеватыхъ глинъ, красивая перемежаемость которыхъ съ блѣдно-зелеными ихъ видоизмѣненіями хорошо обнажена въ значительномъ искусственномъ разрѣзѣ, въ верхней половинѣ высоты горы. Обстоятельство это доказываетъ уже, что, въ противуположность прибрежію заводскаго пруда, гдѣ плоскость залеганія траппа на рухлякахъ располагается всего лишь на высотѣ нѣсколькихъ футовъ (около 10) надъ уровнемъ воды, красноцвѣтныя породы эти достигаютъ въ рудничной горѣ несравненно большаго гипсометрическаго уровня, не взирая на горизонтальное положеніе ихъ пластовъ. Кромѣ того, экскурсія эта убѣдила меня, что руда залегаетъ здѣсь не

въ «*сѣромъ песчаникѣ*», какъ это проникло въ литературу [1]), но въ значительно разложенномъ оливиновомъ діабазѣ, очевидно на счетъ желѣзныхъ солей, входящихъ въ составъ этой изверженной породы. И дѣйствительно, оказывается, что вершина рудничной горы состоитъ изъ того-же діабаза, который опускается южнѣе и до уровня заводскаго пруда. Онъ вполнѣ сохранилъ здѣсь сферическую и концентрически-скорлуповатую отдѣльность, весьма хорошо замѣтную въ стѣнахъ выработки, но является до того разложеннымъ, что большая часть его массы разсыпается отъ удара молоткомъ, а мѣстами даже растирается пальцами, уподобляясь по наружности песчанику. Въ щеляхъ, между группами сферондовъ діабаза, отложились желѣзныя руды (преимущественно магнитный желѣзнякъ) въ видѣ жилъ, по большей части отвѣсныхъ, съ сопровождающими ихъ побочными образованіями. Мѣсторожденіе это въ настоящее время значительно уже выработано и потому главное количество руды доставляется на заводъ съ другаго, не посѣщеннаго мною рудника, расположеннаго на правомъ берегу р. Оки, въ 25 верстахъ отъ завода (*Ермаковскій рудникъ*) [2]). Вблизи отъ Долоновскаго рудника возвышается еще небольшая коническая вершинка съ построенною на ней сторожевою будкою; на склонахъ этого возвышенія замѣчается розсыпь породы зеленовато-сѣраго цвѣта, похожей на глинистый сланецъ, ближайшее изслѣдованіе которой покажетъ быть можетъ результаты дѣйствія на него траппа. Здѣсь-же необходимо замѣтить, что Долоновскій рудникъ расположенъ, какъ извѣстно, уже въ предѣлахъ хребта, означеннаго на орографической картѣ Кропоткина [3]) между рр. Удою и Илимомъ, въ сѣверо-восточномъ направленіи, и

[1]) Труды Сибирской экспедиціи И. Р. Географич. Общества. Математическій отдѣлъ. Спб. 1864 г. стр. 59.

[2]) Въ глыбахъ краснаго песчаника, привозимыхъ въ заводъ съ Ермаковскаго рудника, въ болѣе глинистыхъ прослойкахъ я находилъ много поврежденныхъ впрочемъ раковинъ, рода Lingula — обстоятельство, указывающее на необходимость тщательныхъ поисковъ въ этой мѣстности.

[3]) Записки И. Р. Географич. Общества, Т. V.

пересѣкающаго р. Ангару ниже Братскаго Острога. Осмотръ мѣстности съ высоты рудничной горы обнаруживаетъ однако, что «хребетъ» этотъ, по крайней мѣрѣ въ его юго-западной части, насколько видно также и съ долинъ рр. Иіи и Оки, едва-ли составляетъ что либо объособленное въ орографическомъ отношеніи: онъ, повидимому, сливается самымъ постепеннымъ образомъ съ плоскою возвышенностью, отличаясь, въ свою очередь, такимиже, почти горизонтальными и прямолинейными контурами, переходящими лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ въ очертанія вообще пологихъ склоновъ вершинъ въ мѣстахъ, болѣе расчлененныхъ долинами, какъ напр. на западъ и юго-западъ отъ Долоновскаго рудника. Что-же касается геогностической и стратиграфической стороны этого вопроса, то «хребетъ» этотъ располагается въ предѣлахъ горизонтальныхъ или почти горизонтальныхъ красноцвѣтныхъ породъ, покрытыхъ трапповымъ покровомъ, расчлененнымъ впослѣдствіи долинами размыва. Точно такое-же впечатлѣніе производитъ на путешественника и часть того-же хребта, около лѣваго берега р. Ангары, пересѣкаемая на пути *отъ Братскаго Острога до села Падунскаго*. Мѣстность является здѣсь еще болѣе рѣзко выраженною плоскою возвышенностью, такъ какъ она расчленяется только незначительными долинками, какъ-то: Сухая падь, между Братскимъ Острогомъ и дер. Пьяновскою, и ручьи: Пихтарный и Березовый между Пьяновскою и Падунскимъ селеніемъ, до котораго, отъ Братскаго, считается около 30 верстъ.

Чекановскій, бывшій продолжительное время въ селѣ Падунскомъ, успѣлъ ознакомиться съ геогностическимъ строеніемъ ближайшихъ его окрестностей, а проѣздомъ изъ Иркутска въ Братскій Острогъ осмотрѣлъ и прибрежныя обнаженія по Ангарѣ на этомъ ея протяженіи, хотя поѣздка эта была слишкомъ поспѣшная для того, чтобы возможно было подробно изслѣдовать эту часть теченія рѣки. Свѣдѣнія, переданныя имъ объ этой мѣстности [1]), въ виду важности связанныхъ нынѣ съ

[1]) Извѣстія Сибирск. Отдѣла Географич. Общества, Т. II, № 5.

нею вопросовъ, страдаютъ поэтому отсутствіемъ желательныхъ подробностей, долженствующихъ служить подтвержденіемъ нѣкоторыхъ выводовъ. Недостатокъ этотъ, какъ мы увидимъ ниже, не пополняется къ сожалѣнію и переданною мнѣ самимъ Чекановскимъ, его рукописною геологическою картою теченія р. Ангары отъ Братскаго Острога до Падунскаго порога (4 версты въ дюймѣ), съ поперечнымъ разрѣзомъ этой долины на широтѣ южныхъ окрестностей села Падунскаго, причемъ, въ легендѣ профили, находится подробный перечень послѣдовательно обнажающихся здѣсь породъ и пластовъ.

Карту эту, вмѣстѣ съ разрѣзомъ, я передалъ нынѣ въ распоряженіе Имп. Академіи Наукъ, здѣсь-же сообщу все то, что находится въ нихъ относящагося къ геогностическимъ и стратиграфическимъ условіямъ строенія этой мѣстности, предпославъ свѣдѣніямъ этимъ и кое-что объ орографическихъ особенностяхъ долины р. Ангары на этомъ протяженіи.

Начиная съ устья р. Оки, гдѣ располагается и Братскій Острогъ, *долина Ангары*, значительно съуживаясь, поворачиваетъ сначала на NW, а затѣмъ на W къ Пьяновскому расширенію, вытянутому въ меридіональномъ направленіи и достигающему болѣе 4-хъ верстъ въ длину и болѣе 3-хъ въ ширину. Въ съуженіи между Братскимъ Острогомъ и Пьяновскимъ расширеніемъ, на поворотѣ рѣки на W, располагается *первый порогъ*, называемый *Похмѣльнымъ*. Въ Пьяновскомъ расширеніи, на лѣвомъ берегу рѣки, построена сопменная деревня, а въ слѣдующемъ затѣмъ съуженіи, гдѣ Ангара поворачиваетъ на NO, располагается *второй порогъ*, — *Пьяный*. Отсюда долина рѣки опять принимаетъ въ общемъ меридіанальное направленіе, образуя два расширенія: южное, до 4-хъ верстъ въ ширину и почти столько же въ длину, а затѣмъ, спустя небольшой *порогъ* — *Быкъ*, путешественникъ вступаетъ въ сѣверное, Падунское расширеніе до 9 верстъ въ длину и не менѣе 5 верстъ ширины. Въ сѣверозападномъ углу этого расширенія располагается *село Падунское*, а въ сѣверо-восточномъ, гдѣ Ангара входитъ въ слѣдующее

съуженіе, находится самый большой *порогъ*, *Падунскій*. Въ каждомъ изъ названныхъ расширеній на рѣкѣ появляются болѣе или менѣе обширные *острова*, изъ которыхъ самые большіе и высокіе находятся въ Падунскомъ расширеніи, какъ напр. островъ *Интей*, до 7 верстъ въ длину и около трехъ верстъ ширины, съ гористою восточною частью.

Описываемая часть долины Ангары проложена въ членахъ той-же красноцвѣтной толщи породъ, съ которою мы встрѣчались и на пути къ Братскому Острогу, причемъ нижняя серія ихъ отличается болѣе темнымъ, зеленовато-сѣрымъ и отчасти желтоватымъ и бурымъ цвѣтомъ. Тѣ же породы развиты въ упомянутой выше, гористой части острова Интей; изъ нихъ же состоитъ и параллельный ему, самый восточный островъ того же расширенія.

Вся свита пластовъ, обнаженныхъ по лѣвому берегу Падунскаго расширенія, а отчасти и на Интеѣ, обнаруживаетъ, согласно Чекановскому, слѣдующій составъ, считая снизу вверхъ:

1) «Песчаникъ желтоватый и буроватый; — окаменѣлости, жернова и точильные камни.

2) «Сланцеватые песчаники, сѣроватозеленые и красноватые; остатки ракообразныхъ и руконогихъ.

3) «Сѣроватая глина, отчасти сланцеватая; — водоросли.

4) «Песчанковый сланецъ.

5) «Тонкосланцеватыя пестрыя глины и глинистые сланцы.

6) «Красный песчаникъ, мелкозернистый».

Кромѣ того, какъ на высшій стратиграфическій горизонтъ отложенія, Чекановскій указываетъ еще на «крупнозернистый песокъ и песчаникъ», относительно одновременности котораго съ указанными выше онъ сомнѣвался и потому, около нумера (7-й), которымъ означено это крупнозернистое отложеніе, поставленъ имъ знакъ вопросительный.

Кромѣ названныхъ породъ, относившихся въ то время къ силурійской системѣ (см. ниже), на картѣ Чекановскаго находится еще краска, означающая «кристаллическія породы». Этою

краскою покрыты: а) узкая полоса на лѣвомъ берегу Ангары, на мѣстѣ ея поворота къ Пьяновскому расширенію, полоса, въ предѣлахъ которой располагается порогъ Похмѣльный; б) болѣе широкая и значительно болѣе длинная полоса на противоположномъ (правомъ) берегу того же поворота, образующая весь правый берегъ Ангары отъ Похмѣльнаго, черезъ Пьяновское расширеніе, до Пьянаго порога, гдѣ она переходитъ и на лѣвый берегъ рѣки, окаймляя его въ предѣлахъ съуженія въ видѣ узкой полоски; в) далѣе, кристаллическія породы эти показаны на обоихъ мысовидныхъ выступахъ береговъ рѣки, образующихъ съуженіе съ порогомъ Быкъ, а наконецъ, г) онѣ образуютъ собою съуженіе Падунскаго порога, причемъ на правомъ берегу онѣ появляются начиная съ широты начала сѣверной четверти длины острова Интея, слѣдовательно значительно южнѣе села Падунскаго, тогда какъ на лѣвомъ, породы эти выступаютъ въ видѣ береговыхъ утесовъ лишь нѣсколько сѣвернѣе названнаго села.

Относительно петрографическаго состава этихъ кристаллическихъ породъ Чекановскій замѣчаетъ только, что это вовсе не граниты, какими считалъ ихъ Козицкій[1]), начавшій свои изслѣдованія съ Падунскаго порога. Что-же касается стратиграфическаго отношенія ихъ къ описаннымъ выше осадочнымъ породамъ, то упомянутый уже поперечный разрѣзъ Падунскаго расширенія показываетъ, что песчаникъ, образующій низшій изъ упоминаемыхъ Чекановскимъ пластовъ палеозойской толщи, залегаетъ непосредственно на кристаллической породѣ праваго берега Ангары, гдѣ онъ добывается мѣстными жителями для выдѣлки точильныхъ и жерновныхъ камней, покрываясь къ тому же сланцеватымъ песчаникомъ (№ 2). На островѣ Интеѣ разрѣзъ этотъ обнаруживаетъ тѣ же два пласта песчаниковъ (№ 1 и 2), изъ которыхъ нижній почти совершенно скрывается уже подъ уровень рѣки на ея лѣвомъ берегу, обнажающемъ осталь-

[1]) Verhandlungen d. Russ. Kaiserl. Mineralogisch. Gesellschaft zu St.-Petersburg. Jahr. 1847, pag. 23—65.

ные изъ упомянутыхъ членовъ осадочной толщи (отъ № 2 до № 7).

Что же касается упомянутаго выше текста, то въ немъ, на стр. 32-й говорится, что «утесы состоятъ изъ кристаллическихъ породъ; поверхъ нихъ, изгибаясь волной, переходятъ осадочные пласты изъ одного расширенія долины въ другое», а на стр. 33-й читаемъ, что нижній пластъ осадочныхъ палеозойскихъ породъ, на протяженіи отъ Братскаго Острога до села Падунскаго, «вскрытъ во многихъ мѣстахъ; онъ налегаетъ непосредственно на кристаллическія породы. Отъ сихъ послѣднихъ онъ отличается своимъ желтоватымъ цвѣтомъ и его отношеніе къ нимъ можетъ быть посему изучено даже на вершинѣ недоступныхъ береговыхъ утесовъ, какъ напр. выше Похмѣльнаго порога, на лѣвомъ берегу Ангары, близъ Пьянаго порога, на обоихъ берегахъ Ангары близъ Падуна; но здѣсь, прибавляетъ Чекановскій, вездѣ видны только явленія налеганія и не замѣчено ни одного факта, который бы оправдывалъ мнѣніе о изверженномъ характерѣ этихъ кристаллическихъ породъ».

Изъ собственныхъ моихъ наблюденій, относящихся главнымъ образомъ къ дорогѣ отъ Братскаго Острога къ селу Падунскому и къ острову Интей, сообщу слѣдующее, замѣтивъ предварительно, что дорога эта проложена въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, сначала черезъ возвышенность, отдѣляющую Братскій Острогъ отъ деревни Пьяной, расположенной на наносномъ лугу сопменнаго расширенія, а затѣмъ, опять по горамъ до Падунскаго.

Подъемъ на первую изъ названныхъ возвышенностей обнаруживаетъ одинъ лишь красноцвѣтный наносъ, стоящій въ безсомнѣнной связи съ соотвѣтственнаго цвѣта песчаниками и рухляками, тогда какъ на высшихъ точкахъ мѣстности, въ кускахъ и глыбахъ наблюдался такой-же оливиновый діабазъ, какъ встрѣчавшійся южнѣе Братскаго Острога, а далѣе вмѣстѣ съ этою породою, попадались и куски песчаника, принимающаго здѣсь темно-сѣрый, мѣстами темно-бурый цвѣтъ, напоминающій перекаленныя видоизмѣненія подобныхъ породъ.

Затѣмъ, на ближайшихъ высотахъ за дер. Пьяновскою, около дороги, прилегающей здѣсь постоянно по мѣстности густо поросшей лѣсомъ, попадаются нерѣдко глыбы и куски крупнозернистаго, вѣрнѣе, неравномѣрно-зернистаго песчаника желтоватаго и красноватаго цвѣта, переходящаго въ конгломератъ; это очевидно верхній изъ перечисленныхъ Чекановскимъ членовъ осадочной толщи, «*крупнозернистый песокъ и песчаникъ*», отнести который къ палеозойскому возрасту онъ не рѣшился. Между гальками этого конгломерата, состоящими преимущественно изъ кремнистыхъ породъ, можно видѣть обточенные кусочки діабаза, а также породы, весьма похожей на развитый около Падуна сѣрый песчаникъ низшихъ стратиграфическихъ уровней (напр. на островѣ Интей). Наконецъ, спустя большой промежутокъ, совмѣщающій высшіе пункты мѣстности, но покрытый однимъ лишь наноснымъ отложеніемъ и растительнымъ слоемъ, на спускѣ къ долинѣ Ангары, недалеко отъ Падунскаго села, опять замѣчаются слѣды и плохіе выступы красноцвѣтнаго палеозойскаго песчаника, послѣ чего наносная почва сопровождаетъ путешественника до самаго Падунскаго порога[1]). Среди этой почвы, на заливномъ лугу лѣваго берега Ангары, наблюдается такое количество глыбъ того-же діабаза, что породу эту необходимо считать залегающею здѣсь на ея коренномъ мѣсторожденіи, на которомъ именно образовались и разсѣянныя глыбы. Полоса этихъ глыбъ пересѣкаетъ собою и всю Ангару, образуя названный выше порогъ, тогда какъ на правомъ берегу рѣки, діабазъ возвышается уже въ видѣ береговыхъ утесовъ, мѣстами непосредственно омываемыхъ водою, что равнымъ образомъ имѣетъ мѣсто и на лѣвомъ берегу, нѣсколько ниже порога. Діабазъ этотъ измѣняется здѣсь въ сложеніи отъ очень мелко зернистаго, мѣстами для невооруженнаго глаза почти криптокристаллическаго, до состоянія почти переходнаго къ среднезернистому, чѣмъ только (а

[1]) Описаніе этого порога читатель найдетъ въ Трудахъ Сибирской экспедиціи И. Р. Географич. Общ. Математич. Отдѣлъ; затѣмъ Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Географич. Общ. Т. II, № 5, статья Ровинскаго.

не петрографическимъ составомъ) онъ и отличается отъ описанныхъ выходовъ его въ предѣлахъ посѣщенныхъ мною мѣстъ высшей террасы плоской возвышенности.

Страдая сильнымъ біеніемъ сердца и слабостью, я не могъ предпринять экскурсію на правый берегъ рѣки съ цѣлью восхожденія на высоту упомянутаго выше залеганія песчаника поверхъ отвѣснаго трапповаго утеса, вслѣдствіе чего важнѣйшій изъ интересовавшихъ меня вопросовъ, именно, подробности отношенія діабаза къ этому песчанику, остался мнѣ неизвѣстнымъ. Я долженъ ограничиться поэтому лишь приложеніемъ рисунка этого утеса въ томъ видѣ, въ какомъ онъ мнѣ казался съ отдаленія (см. фиг. 3), предоставляя будущимъ изслѣдователямъ рѣшеніе этой весьма важной и интересной задачи.

Такимъ образомъ, довольно длинный маршрутъ мой, располагавшій читателя считать оливиновый діабазъ продуктомъ послѣюрскихъ или послѣдевонскихъ изверженій и представившій тому (по моему мнѣнію) достаточно вѣскія доказательства, даже въ столь близкомъ разстояніи отъ Братскаго Острога (окрестности Николаевскаго завода), приводитъ наконецъ къ мѣстности, гдѣ обнаруживается, повидимому, несомнѣнное залеганіе палеозойскихъ пластовъ на петрографически томъ же діабазѣ (около Падунскаго порога) и гдѣ порода эта разсматривалась даже не какъ изверженная, но какъ древняя подпочва палеозойскихъ осадковъ (Чекановскій) и относилась даже къ видоизмѣненіямъ гранита (Казицкій loco cit.).

Хотя, какъ сказано выше, я не имѣлъ возможности подвергнуть эту мѣстность весьма желательному переизслѣдованію, и потому далекъ отъ того, чтобы безусловно отвергать возможную болѣе глубокую древность Падунскаго діабаза, въ сравненіи съ Николаевскимъ, Нижнеудинскимъ, Бирюсинскимъ и т. п., тѣмъ не менѣе, вникая въ степень доказательности наличныхъ литературныхъ источниковъ объ этой мѣстности, я нахожу, что въ нихъ не видно данныхъ, вполнѣ устраняющихъ напр. предположеніе, что упомянутые выше ангарскіе пороги (преимущественно

Падунскій) располагаются на бывшемъ мѣстѣ изліянія этой кристаллической породы, а въ такомъ случаѣ, понятно, что діабазъ могъ бы здѣсь наблюдаться и подъ прерванными имъ палеозойскими пластами, не взирая на его позднѣйшій возрастъ.

И дѣйствительно, уже Козицкій (loco cit. pag 51—53), называя Падунскій діабазъ гранитомъ и различая ниже по теченію р. Ангары еще и «грюнштейны», свидѣтельствуетъ, что какъ его «черные граниты», такъ и «грюнштейны» залегаютъ мѣстами подъ осадочными породами, мѣстами-же покрываютъ ихъ собою въ роли изверженныхъ покрововъ. Что-же касается вышеприведенныхъ воззрѣній Чекановскаго, то они требовали бы, мнѣ кажется, гораздо болѣе детальныхъ наблюденій для того, чтобы перейти на степень строгихъ выводовъ изъ достаточнаго количества фактовъ. Такъ напр. волнообразный переходъ палеозойскихъ пластовъ (черезъ выходы діабаза) изъ однаго расширенія долины Ангары въ другое, при «*недоступности утесовъ*», могъ бы быть доказаннымъ лишь тогда, если-бы хотя одно изъ крыльевъ волны было достаточно обнаженнымъ или-же положеніе пластовъ въ отдѣльныхъ утесахъ позволяло бы возстановлять эти волны съ помощью горнаго компаса; но такихъ обнаженій я не видѣлъ. Вслѣдъ за утесомъ, въ которомъ наблюдается залеганіе палеозойскихъ пластовъ поверхъ діабаза Падунскаго порога, склоны долины до того поросли растительностью, что нѣтъ возможности отличить даже плоскость соприкосновенія обѣихъ породъ, да и геогностическое строеніе такихъ мѣстъ обнаруживается лишь съ трудомъ или-же вовсе маскируется. Не въ лучшемъ видѣ являлись и выступы породъ выше Похмѣльнаго порога, въ доступной для осмотра съ дороги, южной его части. Во вторыхъ, разсматриваніе явленій, обнаруживаемыхъ «недоступными» утесами, возможно, понятно, лишь съ извѣстнаго разстоянія, — въ нашемъ случаѣ, только съ уровня р. Ангары; на сколько же такое наблюденіе неудовлетворительно для нашей цѣли, понятно каждому геологу, въ особенности, что между окраскою низшаго члена палеозойскихъ отложеній и верхняго члена

всей развитой здѣсь осадочной толщи, существуетъ лишь незначительное различіе. А между тѣмъ, относительно возраста этого верхняго крупнозернистаго песчаника, переходящаго въ конгломератъ, самъ Чекановскій высказалъ сомнѣніе (см. разрѣзъ Падунскаго расширенія). Куски этой породы, принявшіе красноватый оттѣнокъ повидимому отъ бывшихъ здѣсь лѣсныхъ пожаровъ, встрѣчены были мною и со стороны Пьяновскаго расширенія, на склонѣ его сѣверныхъ горъ; все отложеніе это, судя по упомянутымъ выше галькамъ, должно относиться къ періоду размыва діабазовыхъ преградъ древней Ангары, быть можетъ къ третичной эпохѣ, тогда какъ въ палеозойскихъ осадкахъ по этой рѣкѣ, даже въ Падунѣ, никто еще не находилъ ни діабазовыхъ галекъ ни конгломератовъ.

Во всякомъ случаѣ отрѣзокъ Ангары между Братскимъ Острогомъ и Падунскимъ порогомъ, благодаря указаннымъ выше вопросамъ, долженъ дать весьма интересный матеріалъ для будущихъ изслѣдователей, и, если въ распоряженіи ихъ будетъ здоровье, вмѣстѣ съ достаточнымъ количествомъ времени и любви къ дѣлу, то кажущуюся недоступность утесовъ они безъ сомнѣнія успѣютъ преодолѣть. Въ настоящее-же время явленіе кажущагося *«волнообразнаго перехода»* осадочныхъ породъ изъ одного расширенія Ангары въ другое, «поверхъ разобщающей ихъ кристаллической породы», я склоняюсь отнести только къ описанному выше крупнозернистому песчанику съ конгломератомъ, возрастъ котораго, какъ сказано выше, долженъ быть гораздо моложе девонскаго.

Если современемъ окажется, что обнаруженное Чекановскимъ залеганіе палеозойскаго песчаника поверхъ діабаза объусловлено лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что Падунскій порогъ, или вообще его окрестности, являются мѣстомъ изверженія этой породы, излившейся по трещинѣ въ названномъ песчаникѣ, то, разумѣется съ такимъ воззрѣніемъ будетъ согласоваться весь итогъ остальныхъ наличныхъ данныхъ, собранныхъ отъ р. Бирюсы, черезъ Нижнеудинскъ, Николаевскій заводъ и до области упомянутыхъ

выше изслѣдованій горнаго инженера Козицкаго. Маршруты Козицкаго («черные граниты и грюнштейны») связываютъ повидимому діабазъ р. Ангары (черезъ Илимъ и Среднюю Тунгуску) съ изверженною породою р. Нижней Тунгуски (*«траппъ плотный и зернистый»*, по Чекановскому, вообще такой-же наружности какъ Ангарскій, но еще неизслѣдованный микроскопически); что-же касается стратиграфическихъ условій послѣдней, то, какъ извѣстно, траппъ этотъ проникаетъ въ видѣ жилъ сквозь угленосные (прѣсноводные) осадки, возрастъ которыхъ относится отчасти къ каменноугольной формаціи [1]), отчасти-же къ юрской [2]).

Въ заключеніе свѣдѣній, переданныхъ мною о геогностическомъ строеніи высшей террассы плоской возвышенности, я укажу здѣсь еще на *маршрутъ отъ г. Нижнеудинска, вверхъ по р. Удь, до Нижнеудинской пещеры*, совершенный мною въ 1875 г. и описанный въ упоминавшемся уже выше отчетѣ (loco cit. стр. 85—90), причемъ считаю не лишнимъ войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности строенія этой мѣстности потому, что съ тѣхъ поръ, послѣ данныхъ, собранныхъ во время изслѣдованія прибайкалія, взглядъ мой на возрастъ породъ, развитыхъ на склонѣ прилежащей части Саяна (Пещерный утесъ), долженъ былъ соотвѣтственно измѣниться.

Начну съ Нижнеудинска, южнѣе котораго, и до устья рч. Ангѝлъ (см. карту), путешественникъ встрѣчаетъ одни лишь наносныя отложенія, послѣ чего, на возвысившемся лѣвомъ берегу рѣки, начинается цѣлый рядъ обнаженій.

Такимъ образомъ, между Ангиломъ и деревнею *Абалаковскою* (иначе Идыкэ̀нъ), большая часть высоты береговаго яра состоитъ изъ блѣднаго, сѣровато-зеленаго рухляковаго песчаника, вообще довольно рыхлаго, принимающаго зеленовато-желтый, красноватый и красный цвѣтъ, а мѣстами красныя пятна. Въ породѣ этой, вполнѣ похожей на знакомые уже намъ *члены красноцвѣтной*

[1]) Zeitschrift d. Deutsch. Geolog. Gesellschaft. 1876. B. XXVIII, pag. 416—417.

[2]) Mémoires de l'Académie Imp. d. Sc. de St. Pétersb. VII Ser. T. XXV. № 6.

толщи (девонской), замѣчается не малая примѣсь серебристой слюды, особенно обильной въ нѣкоторыхъ, болѣе глинистыхъ прослойкахъ, причемъ въ нихъ попадаются мѣстами и сростки зеленоватой глины. Проѣзжая эту мѣстность и сухимъ путемъ, изъ Нижнеудинска въ Абалакову, на спускѣ къ послѣдней можно видѣть выступъ интенсивно красной рухляково-песчанистой, тонкослоистой породы, перемежающейся съ зеленовато-бѣлыми прослойками и обнаруживающей здѣсь легкій наклонъ пластовъ повидимому на NO. Что-же касается верхней части береговаго яра Уды, то въ ней замѣчается довольно рыхлый желтовато-бѣлый песчаникъ съ охристыми прослойками, вполнѣ похожій на *члены лежачаго бока здѣшнихъ юрскихъ осадковъ* и, въ свою очередь, покрытый бурымъ конгломератомъ, пропшедшимъ впрочемъ отъ цементированія постпліоценоваго рѣчнаго отложенія водною окисью желѣза. Далѣе, вслѣдъ за Абалаковскимъ наноснымъ лугомъ, около котораго Уда образуетъ дугообразный изгибъ, весь яръ, подступившій къ лѣвому берегу рѣки, состоитъ уже исключительно изъ желтовато-бѣлаго песчаника съ бурыми и охристыми прослойками и пятнами и покрывающаго его, цементированнаго наноса. Пласты этого песчаника, нѣсколько изогнутые около *рч. Шелотый* (у русскихъ: «Чалотый», лѣв. притокъ, ближе къ Абалаковой), являются почти вполнѣ горизонтальными до самой деревни Солонцы, гдѣ они исчезаютъ, такъ какъ возвышенный береговой склонъ отступаетъ здѣсь къ SW. Отсюда до деревни *Порогъ* (инородческая управа) плоскіе берега Уды обнажаютъ одно лишь наносное отложеніе, изъ-подъ котораго, только въ одномъ мѣстѣ, выше устья *рч. Киреи*, на лѣвомъ берегу, виднѣется небольшой, уцѣлѣвшій отъ размыва, остатокъ желтовато-бѣлаго песчаника съ охристыми прослойками, къ тому же въ полуобточенныхъ глыбахъ, на берегу рѣки, попадается и хорошо знакомый намъ уже діабазъ, указывая на близость выходовъ его гдѣ либо по Удѣ.

И дѣйствительно, *порогъ* на рѣкѣ (около деревни Порогъ) образуется уже розсыпью этой породы, лежащею безъ сомнѣнія на

мѣстѣ ея кореннаго мѣсторожденія, тогда какъ въ видѣ неоспоримо коренной породы, діабазъ обнажается выше *Порога*, въ склонѣ плоскаго возвышенія праваго берега Уды, продолжаясь такимъ образомъ почти на 8 верстъ, до устья *рч. Утъ* (правый притокъ Уды), составляющей южную границу извѣстнаго распространенія оливиноваго діабаза по Удѣ.

Немногимъ выше названной рѣчки, именно, выше такъ называемой *Тунгурукской шиверы*, начинаются выходы породъ, слагающихъ склонъ горъ, изъ которыхъ выходитъ здѣсь Уда на примыкающую къ нимъ плоскую возвышенность. Отсылая читателей, желающихъ ознакомиться съ подробностями строенія этой мѣстности, къ упомянутому выше описанію, я передамъ здѣсь только общую характеристику этихъ породъ и стратиграфическую ихъ послѣдовательность въ томъ видѣ, въ какомъ то и другое представляется въ образцовомъ обнаженіи *Пещернаго утеса* и его ближайшихъ окрестностяхъ вверхъ по теченію Уды.

Низшимъ изъ осмотрѣнныхъ мною членовъ этой толщи является очень плотный и очень мелкозернистый метаморфическій *песчаникъ и преобладающій рухляковоглинистый сланецъ* различныхъ оттѣнковъ краснаго цвѣта, перемежающійся съ сѣрозелеными и зеленовато-сѣрыми *глинистыми сланцами* и покрытый тонкослоистымъ и очень мелкозернистымъ, почти плотнымъ *кварцитовиднымъ песчаникомъ* блѣднаго красновато-сѣраго и сѣраго цвѣта. Этотъ послѣдній перемежается мѣстами съ прослойками сѣровато-зеленаго глинистаго сланца и переходитъ кверху въ кварцитовидный-же, мелкозернистый *кварцевый песчаникъ* сѣровато-бѣлаго цвѣта, мѣстами съ буроватымъ оттѣнкомъ, причемъ неясно-слоистая порода эта, ниже по рѣкѣ, принимаетъ красный оттѣнокъ и повидимому переходитъ въ такіе-же сланцы, какъ лежащіе подъ нею. Поверхъ песчаника залегаетъ *темно-сѣрый сланецъ*, совершенно похожій на «сѣровакковые» сланцы Онотскаго хребта около Байкала («шальштейновые сланцы» Чекановскаго), перемежающійся съ пропластками неравномѣрно-зернистаго сѣраго и буравато-сѣраго метаморфическаго песчаника, и

переходящій кверху въ темный *глинистый сланецъ*, приближающійся къ аспидному, а еще выше, въ мало измѣненный глинистый сланецъ блѣднаго, сѣровато-желтаго и грязно-оливковаго цвѣта. Сланцы эти образуютъ собою постель пласту *вонючаго известняка* темно-сѣраго цвѣта, отъ мелкокристаллическаго до плотнаго сложенія, въ общемъ неслоистаго и сравнительно менѣе мощно развитаго (развѣ немногимъ болѣе 40′ толщины). Известнякъ въ свою очередь покрытъ такимъ же, мало измѣненнымъ *глинистымъ сланцемъ*, какъ залегающій непосредственно подъ нимъ. Сланецъ этотъ переходитъ кверху въ такой-же темно-сѣрый сланецъ, какъ Онотскій, наконецъ, въ качествѣ верхняго члена всей толщи является мелкозернистый и тонкослоистый песчаникъ и глинистый сланецъ краснаго цвѣта, въ плохо обнаженномъ состояніи.

Общая мощность всей этой толщи должа превосходить 1000′, что-же касается положенія слагающихъ её пластовъ, то въ посѣщенной части склона горъ пласты эти образуютъ въ общемъ изгибъ, который всего нагляднѣе можно было бы назвать *терассовиднымъ*, такъ какъ вначалѣ, появляясь изъ-подъ уровня воды и плоской возвышенности, они образуютъ выдимый наклонъ (до 30°), далѣе являются почти совершенно горизонтальными (Пещерный утесъ), а вслѣдъ за тѣмъ опять подымаются кверху съ еще болѣе крутымъ наклономъ (до 55°); господствующее простираніе пластовъ NW, паденіе NO и только въ началѣ выходовъ этихъ породъ замѣчается паденіе на ONO и противуположное. Что-же касается стратиграфическаго отношенія этихъ породъ къ развитымъ на плоской возвышенности и вообще къ извѣстнымъ въ изслѣдованныхъ частяхъ Иркутской губерніи, то еще въ 1875 г. я ставилъ ихъ въ параллель съ прибайкальскими (Онотскими), но, не будучи лично знакомымъ съ послѣдними, я сравнивалъ ихъ, пользуясь только описаніемъ и коллекціями Чекановскаго, вслѣдствіе чего и параллель эту я могъ провести лишь въ смыслѣ воззрѣній названнаго изслѣдователя, составившаго себѣ далеко неполное понятіе какъ о составѣ, такъ и о стратиграфической послѣдовательности пластовъ, слагающихъ Онотскій хребетъ. Въ настоящее-же время, послѣ возможно тщательнаго ознакомленія съ прибрежными хребтами Байкала, я полагаю, что, впредь до нахожденія ископаемыхъ остатковъ въ этихъ пластахъ, *верхній красный песчаникъ* Пещернаго утеса укладывается всего лучше въ горизонтъ мотскаго краснаго песчаника (по Иркуту) и его продолженія въ Онотскомъ хребтѣ[1]); залегающій подъ нимъ *сланецъ* будетъ соотвѣтствовать въ такомъ случаѣ «верхнему глинистому сланцу», а известнякъ—«среднему известняку» Онотскаго хребта, подъ которымъ уже располагается серія «средняго глинистаго сланца» и т. п., съ тѣмъ лишь отличіемъ, что красный цвѣтъ въ прибайкальскихъ древнѣйшихъ сланцахъ, лежащихъ подъ среднимъ известнякомъ, является весьма рѣдко, въ видѣ исключеній (напр. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Голоустенскаго перерыва).

Верхніе члены этой толщи уцѣлѣли отъ размыва только въ окрестностяхъ Пещернаго утеса; известнякъ не встрѣченъ, какъ извѣстно, и по линіи маршрута Гофмана, пролегающей западнѣе меридіана пещеры, по рч. Рубахиной (см. карту), гдѣ, какъ видно изъ описанія названнаго геолога (loco cit. pag. 107 и слѣд.), тѣ-же сланцы выдвигаются гораздо болѣе къ сѣверу, нежели по теченію р. Уды, обнаруживая тоже, NO, паденіе пластовъ, переходящее въ SW лишь нѣсколько южнѣе. Поэтому, если со временемъ окажется, что сѣрый известнякъ, обнаженный въ WSW окрестностяхъ г. Нижнеудинска, *по рч. Курятъ* (см. мой отчетъ 1875 г. loco cit. стр. 92), составляетъ нѣсколько измѣненное (менѣе плотное и не такъ густо окрашенное) продолженіе известняка пещернаго утеса, то сѣверная граница распространенія Саянскихъ породъ по, лѣвому берегу Уды, подвинется верстъ на слишкомъ 40 болѣе къ сѣверу, нежели по самой рѣкѣ и по ея правому берегу, гдѣ, послѣ постигшаго ихъ размыва, успѣли отложиться какъ девонская красноцвѣтная толща, такъ и осадки,

[1]) См. Извѣстія Сибирск. Отдѣла Географич. Общ. Т. XI, № 1 и 2; см. также О результатахъ изслѣдованія Байкала, Спб. 1886, стр. 20—21.

относимые мною къ юрѣ. Выжидая отъ будущихъ изслѣдователей рѣшенія всѣхъ затронутыхъ здѣсь мною вопросовъ и болѣе прочной постановки слабыхъ сторонъ моихъ положеній и предположеній, перехожу къ *описанію наблюденій по тракту, въ предѣлахъ средней террассы плоской возвышенности, т. е. отъ р. Бирюсы до р. Чулыма около г. Ачинска.*

На лѣвомъ берегу *р. Бирюсы*[1]), сейчасъ же ниже расположенныхъ тамъ *деревень: Конторской и Лавинской*, виднѣется въ сторонѣ отъ тракта утесистый берегъ, осмотрѣнный проф. Гофманомъ въ 1843 г. (loco cit. стр. 42—43) и составлявшій крайній пунктъ моихъ изслѣдованій 1875 г. (loco cit. стр. 94).

Гофманъ описываетъ здѣсь песчаникъ желтовато-бѣлаго цвѣта съ сердоликовидными прожилками и съ пропласткомъ известняка красноватаго цвѣта, содержащаго многочисленныя мелкія зерна кварца, причемъ породу эту онъ склоняется причислить къ одному возрасту съ красноцвѣтными породами около г. Красноярска. Съ своей стороны я указалъ, что песчаникъ этотъ слѣдуетъ считать частью рухляковымъ, отчасти-же известковымъ (мѣстами съ друзами известковаго шпата), переходящимъ даже въ песчанистый известнякъ, служащій мѣстнымъ жителямъ для обжиганія извести, причемъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ толщи, песчаникъ этотъ вполнѣ похожъ на Уковскій, не знакомый Гофману, проѣзжавшему черезъ Уковскую станцію должно быть ночью. Къ тому же, на правомъ берегу ключика *(«Ключъ между камнемъ»)*, промывшаго себѣ узкую долинку въ этомъ (Лавинскомъ) утесѣ, я видѣлъ согласное залеганіе описаннаго песчаника на красномъ рухлякѣ, тонкіе и горизонтальные слои котораго перемежаются съ рухляковыми-же прослойками желтовато-бѣлаго цвѣта. Въ настоящее время, послѣ знакомства съ такими-же песчаниками и песчанистыми известнякамъ, залегающими въ окрестностяхъ с. Барлукъ (см. выше) подъ слоемъ красныхъ рухляковъ и песчаниковъ, какъ равно и послѣ нахожденія переслоемости съ красными сланцами ближе къ лежачему боку Уковскихъ песчаниковъ, я могу, очевидно, лишь согласиться съ указаннымъ выше воззрѣніемъ Гофмана на принадлежность и Лавинскихъ породъ къ красноцвѣтной толщѣ, съ которою ученый этотъ могъ ознакомиться главнымъ образомъ лишь въ окрестностяхъ города Красноярска (см. ниже).

[1]) Съ лѣваго берега этой рѣки начинается уже Енисейская губернія.

Отъ Бирюсинской до *Половино-Черемховской станціи*, путь пролегаетъ сначала по наносной почвѣ въ области лѣваго берега долины Бирюсы, и только ближе къ *дер. Еловой*, къ дорогѣ подходятъ поросшія впрочемъ возвышенности, причемъ изъ окрестностей названной деревни возятъ на эту часть дороги желтый и желтовато-бѣлый рухляковый песчаникъ, вполнѣ похожій на Лавинскій. Въ томъ, что породы этой системы развиты еще далѣе, убѣждаютъ насъ глыбы сѣраго, плотнаго, иногда и сахаровиднаго известняка съ прожилками и гнѣздами краснаго аморфнаго кварца (какъ на пути къ Бирюсѣ), выдающіеся изъ-подъ наносной почвы на 3-й верстѣ за Половино-Черемховскою станціею; въ кускахъ, наблюдается здѣсь также бѣлый и желтый рухляковые песчаники, какъ Уковскій и Лавинскій. Матеріалъ этотъ, замѣчаемый и около Черемшанской деревни, употребляется здѣсь и для исправленія тракта, но ближе къ *Ключевской станціи*, составъ почвы маскируется ярко-красною дресвою, добываемою изъ ямы около дороги, на 4-й верстѣ за Ключевскою, уже на склонѣ къ долинѣ рч. *Рышетки*. Осмотръ этой ямы показалъ, что подъ тонкимъ слоемъ атмосфернаго суглинистаго наноса здѣсь залегаетъ глинистый сланецъ яркаго, кирпично-краснаго цвѣта, особенности котораго заставляютъ считать эту породу перегорѣлою, по всей вѣроятности отъ бывшаго горѣнія подчиненныхъ ей гдѣ-либо угольныхъ флецовъ, напоминая нерѣдко встрѣчамые продукты подземныхъ пожаровъ въ недавно покинутой нами Иркутской юрѣ. Гипсометрически ниже этихъ сланцевъ, на 5-й верстѣ, въ правомъ склонѣ долины Рѣшетки, около дороги дѣйствительно появляется отчасти сдвинутый выступъ песчаника, хотя и вскипающаго отъ кислоты, но весьма похожаго на юрскій; цвѣтъ его

измѣняется отъ желто-сѣраго до блѣдно-сѣраго; онъ содержитъ не малый процентъ серебристой слюды и отпечатки объугленныхъ стволовъ растеній; пласты повидимому горизонтальны, но, какъ сказано выше, отчасти сдвинуты. Далѣе, на второй половинѣ разстоянія между Ключевскою и Тинскою станціею, въ кускахъ около тракта замѣчаются уковскія и лавинскія (девонскія) породы, въ лицѣ, преимущественно, желтовато-бѣлаго известковистаго песчаника, но на послѣднихъ 6-ти верстахъ, до *Тинской деревни*, въ дресвѣ замѣчаются только куски песчаника, похожаго на юрскій, причемъ порода эта, которая, какъ мы увидимъ ниже, содержитъ и растительные остатки, указывающіе на принадлежность ея юрской системѣ, сопровождаетъ путешественника отсюда на протяженіи не менѣе 237 верстъ, черезъ г. Канскъ, до Кускунской долины съ сомненною станціею[1]), къ тому же, настолько непрерывно, что только на днѣ нѣкоторыхъ долинъ (р. Кана, Большой Ури, Плехановой, Балайской, Тертежа и Кускуна) можно видѣть выходы залегающихъ подъ этими осадками, болѣе древнихъ породъ.

И дѣйствительно, породы, относимыя мною къ прѣсноводной юрѣ, встрѣчались въ слѣдующихъ мѣстахъ на указанномъ выше протяженіи тракта:

1) На 5-й верстѣ за *Тинскою станціею*, въ видѣ плитокъ сѣраго песчаника и въ началѣ двадцатыхъ верстъ, именно:

2) За *деревнею Пойма*, гдѣ изъ ямъ, около дороги, добываютъ красный, перегорѣлый, глинистый сланецъ, а по рч. Поймѣ (Большая Пойма) добываютъ сѣрый песчаникъ на фундаменты.

3) На 24-й верстѣ, за *ст. Нижнеингашетской*, гдѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, въ ямахъ, обнажается сѣровато-бѣлый рыхлый песчаникъ, вскипающій отъ кислоты, съ серебристою слюдою, неравномѣрно-зернистый, съ мелкою, а мѣстами и болѣе крупною галькою, состоящею отчасти изъ кварца, а отчасти изъ кремня, заимствованнаго изъ пластовъ известняка,

[1]) Недоѣзжая двѣ станціи до г. Красноярска.

который залегаетъ подъ этимъ отложеніемъ (см. ниже); пласты повидимому горизонтальны.

4) Верстъ съ 10 въ сторонѣ отъ *станціи Иланской* добываютъ на фундаменты песчаникъ, совершенно похожій на описанный выше, рыхлый.

5) На 16-й верстѣ за Иланскою, около дороги, можно видѣть глыбы брекчіи и конгломерата изъ обломковъ и галекъ роговика и аморфныхъ кварцевъ.

6) На 23-й верстѣ за тою-же станціею, на спускѣ къ г. Канску, въ ямахъ около дороги обнажается такой-же сѣровато-бѣлый песчаникъ, какъ № 3-й.

7) Такая-же порода вырыта изъ-подъ наноса въ ямѣ для телеграфнаго столба на 8-й верстѣ за г. *Канскомъ*.

8) Недоѣзжая нѣсколько болѣе 3-хъ верстъ до *станціи Большеуринской*, на спускѣ въ долину ключа, на южной сторонѣ дороги, обнажается желтовато-бѣлый и сѣрый песчаникъ съ охристыми прослойками, залегающій здѣсь очевидно на известнякѣ (см. ниже).

9) На спускѣ къ Большеуринской станціи, въ свою очередь попадаются плитки сѣраго и желтовато-сѣраго, мелкозернистаго песчаника.

10) Сѣрый и буровато-сѣрый, какъ неравномѣрно-зернистый, такъ и мелкозернистый, песчаники, а также сѣровато-бѣлый глинистый сланецъ возятъ на дорогу съ промежутковъ между Большеуринскою, *Ключевскою* и *Бородинскою станціями*, тогда какъ

11) между Бородинскою и *Рыбною* станціями почва всего тракта является ярко-красною отъ дресвы и кусковъ перегорѣлаго глинистаго сланца, на которомъ можно находить недурные отпечатки юрскихъ растеній, преимущественно Asplenium withbyense. Красный, нерѣдко ошлакованный и темно-стально-сѣрый сланецъ этотъ добывается изъ ямъ около деревни Рыбной, на высотахъ праваго берега долины сомненной рѣчки, нѣсколько въ сторонѣ отъ тракта (ниже по теченію рѣки); онъ покрывается здѣсь тонкимъ слоемъ мелкозернистаго сѣровато-бѣлаго песча-

ника и глинистаго сланца съ плохими отпечатками растеній; лучшіе-же найдены только въ перегорѣлыхъ сланцахъ и состоятъ главнымъ образомъ изъ упомянутаго выше Asplenium, причемъ найдены еще (по опредѣленіи Н. А. Соколова) Dicksonia и Phoenicopsis. Пласты повидимому горизонтальны. На спускѣ съ той-же горы, но по тракту, въ глыбахъ около дороги замѣчается очень плотный, кварцитовидный песчаникъ сѣраго цвѣта, залегающій повидимому уже подъ перегорѣлымъ сланцемъ.

12) За Рыбною, на спускѣ къ долинѣ Косой логъ, недоѣзжая $7\frac{1}{2}$ верстъ до *Уярской станціи*, попадаются куски сѣровато-бѣлаго и охристо-бураго песчаника, точно также какъ и

13) на спускѣ къ самой Уярской станціи, гдѣ, гипсометрически ниже, появляются глыбы очень мелкозернистаго, сѣраго, известковистаго песчаника съ плохими отпечатками растеній.

14) Сѣровато-бѣлый песчаникъ съ охристыми прослойками наблюдается далѣе въ ямѣ, около тракта, на 8-й верстѣ за Уярскою, *на пути къ Балайской станціи*, а

15) на 22-й верстѣ той-же дороги и на спускѣ къ Балайской, въ видѣ довольно большихъ глыбъ, выдающихся изъ-подъ растительнаго слоя, замѣчается неравномѣрно-зернистое, иногда крупнозернистое видоизмѣненіе песчаника съ крупными, нерѣдко угловатыми зернами темно-сѣраго и дымчатаго кварца и сѣровато-бѣлыми или блѣдно-сѣрыми прослойками очень мелкозернистой массы, мѣстами-же съ коалиновымъ цементомъ, — видоизмѣненіе, стоящее очевидно въ связи съ близкимъ выходомъ кристаллическихъ, полевошпатовыхъ породъ по рч. Балай (см. ниже).

16) Далѣе, по направленію къ *станціи Тертежъ*, на 4-й и 7-й верстѣ за Балайскою станціею, въ ямахъ около тракта, а на 14-й верстѣ (на спускѣ къ деревнѣ Станицѣ) въ видѣ глыбъ, наблюдается бурый и темнобурый желѣзистый песчаникъ, мѣстами съ плохими отпечатками растеній (около Станицы), залегающій около Тертежа на красноцвѣтныхъ породахъ (см. ниже), наконецъ,

17) на промежутокъ между Тертежомъ и *Кускунскою почтовою станціею* возятъ дресву (добываемую, по словамъ ямщика, гдѣ-то недалеко отъ дороги), въ которой изобилуютъ плитки бураго желѣзистаго песчаника, а также сѣраго, неравномѣрнозернистаго, какъ около Балайской станціи, тогда какъ въ Кускунской долинѣ обнажаются уже члены красноцвѣтной толщи.

Что же касается упоминавшихся на этомъ промежуткѣ (отъ Тинской до Кускунской станціи) *болѣе древнихъ породъ, на которыхъ залегаетъ описанное юрское отложеніе*, то онѣ, какъ сказано выше, начинаютъ появляться лишь съ *долины р. Кана*, вверхъ по которой (см. карту) я сдѣлалъ экскурсію *черезъ деревни: Бражную, Аманашевскую, Хомутову и Ирбейскую*; откуда, оставивъ долину Кана, я выѣхалъ прямымъ путемъ на трактъ, черезъ дер. *Малоуринскую, на станцію Рыбную*, гдѣ, какъ сказано выше, я нашелъ отпечатки юрскихъ растеній, причемъ, какъ видно и на прилагаемой картѣ, весь маршрутъ этотъ, располагаясь южнѣе тракта и до с. Ирбейскаго включительно на болѣе низкомъ гипсометрическомъ уровнѣ, направляется отчасти болѣе или менѣе параллельно почтовой дорогѣ. До Бражной дорога слѣдуетъ по обширнымъ лугамъ лѣваго берега широкой долины р. Кана, не встрѣчая никакихъ обнаженій и только сейчасъ выше названной деревни, въ крутомъ склонѣ береговой террассы, обнажается известнякъ, обжигаемый мѣстными жителями на известку [1]). Далѣе, на пути *Аманашевской*, на спускѣ въ долину *рч. Манашъ* (лѣв. притокъ р. Кана) и въ самой ея долинѣ, выступаетъ тотъ же известнякъ, желтоватый, плотный, съ мелко-кристаллическими прожилками и гнѣздами, а также съ прослойками сѣраго и буровато-сѣраго роговика. Въ обнаженіи, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, на лѣвомъ берегу Манаша, известнякъ этотъ перемежается съ тонкими пропластками краснаго рухляка, не взирая на то, что въ остальномъ онъ не похожъ на встрѣчавшихся до

[1]) Обнаженіе это я видѣлъ лишь съ высоты террассы, намѣреваясь осмотрѣть его ближе на обратномъ пути, между тѣмъ впослѣдствіи я выѣхалъ на Рыбную и трактомъ возвратился въ Канскъ, откуда поѣхалъ обратно, черезъ Рыбную къ Красноярскъ.

сихъ поръ членовъ красноцвѣтной толщи, а напротивъ, живо напоминаетъ видоизмѣненія болѣе древняго Иркутскаго известняка, принимающаго мѣстами такіе-же, роговиковые, сѣрые и буровато-сѣрые, (но не красные, сердоликовидные) прослойки и гнѣзда, точно также, какъ это замѣчается въ немъ и на р. Нижней Тунгузкѣ, гдѣ въ силурійскомъ возрастѣ его почти нельзя уже сомнѣваться. Пласты повидимому горизонтальны.

Поросшій склонъ, ведущій въ долину Кана, около д. Аманàшевской, представляетъ розсыпь того же известняка, но безъ красныхъ пропластковъ; то же замѣчается и сейчасъ-же за названною деревнею, на пути къ *Хомутовой*, и ближе къ послѣдней, причемъ известнякъ и здѣсь столь-же богатъ кремнемъ, давшимъ матеріалъ описаннымъ выше, какъ мелкимъ, такъ и болѣе крупнымъ элементамъ юрскаго песчаника. Далѣе, на дорогѣ въ село Ирбейское, какъ на спускѣ къ ключу *Кангýлъ*, такъ и въ долину *Березоваго ключа*, выступаетъ тотъ-же известнякъ, но въ долинѣ ключа *Юдина* замѣчается уже плохо обнаженный сѣровато-бѣлый глинистый сланецъ, причемъ попадаются и плитки бураго, желѣзистаго сланца, вскипающаго отъ кислоты. Наконецъ, вслѣдъ за селомъ *Ирбейскимъ*, дорога постепенно подымается на водораздѣлъ между долинами рр. Кана и Рыбной, изображенный на орографической картѣ Кропоткина въ видѣ хребта, продолжающагося на сѣверо-востокъ за меридіанъ Большеуринской станціи (первая на западъ отъ Канска), а къ юго-западу, черезъ Енисей въ юго-западную часть Минусинскаго округа (см. ниже)[1]). Переѣздъ черезъ этотъ водораздѣлъ, какъ равно и осмотръ всей видимой съ него части мѣтности, убѣдили меня въ томъ, во первыхъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло никакъ не съ хребтомъ, а съ отрѣзкомъ той-же, въ высшей степени типичной плоской возвышенности, продолжающейся и на правый берегъ верхняго теченія Кана, гдѣ лишь вдали синѣютъ части Саянскаго хребта, а во вторыхъ, что наносная почва поверхности этой плоской возвышенности располагается на юрскихъ осадкахъ, покрывающихъ известнякъ, обнаженный до высоты террассъ долины р. Кана.

[1]) Записки И. Р. Географич. Общества по Общей Географіи, Т. V. 1875, см. орографич. карту и гипсометрическую карту Минусинскаго округа.

И дѣйствительно, въ склонѣ долины ключа *Ирбейчикъ*, на пути отъ с. Ирбейскаго къ деревнѣ Малоуринской, обнажается уже конгломератъ съ кремневою галькою и прослойками желтоватаго песчаника — порода, которую трудно не считать продолженіемъ обнаженныхъ по рч. Рыбной.

Возвращаясь за тѣмъ опять къ почтовому тракту, мы видимъ, что известнякъ, опускающійся въ долинѣ р. Кана до уровня не превышающаго 658′ надъ океаномъ, выступаетъ по направленію къ WSW сравнительно уже на болѣе значительныхъ высотахъ. Такъ, на пути *изъ Канска къ Больше-Уринской станціи*, на днѣ долины ключа, недоѣзжая 3 верстъ до названной станціи, на высотѣ 931,7′, замѣчается остроребериая, крупная розсыпь сѣраго и буровато-сѣраго роговика, обличающаго близкій выходъ известняка изъ подъ господствующей здѣсь юры, а въ самой Большеуринской долинѣ (811,3′) ломаютъ уже известнякъ вблизи отъ деревни. Порода эта является здѣсь желтовато-бѣлаго и сѣровато-бѣлаго цвѣта, плотнаго сложенія и съ многочисленными прослойками роговика темнаго, сѣраго и оливково-желтаго цвѣта. Наконецъ, слѣдующее затѣмъ, и послѣднее на пути къ Красноярску, мѣсто выхода того же известняка находится уже за Рыбною, недоѣзжая $4^1/_2$ версты до *Уярской станціи*, въ долинѣ *Плехановой*, на высотѣ болѣе 1,162′. Выступъ этотъ находится около самаго тракта; известнякъ въ немъ желтовато-бѣлый съ многочисленными дендритообразными пятнышками; сложеніе его отъ плотнаго до сахаровиднаго, слоистость повидимому горизонтальная, но недостаточно ясная. Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо замѣтить, что упомянутый известковистый песчаникъ, найденный на спускѣ къ Уярской станціи, указываетъ повидимому на близкій выходъ известняка. Известнякъ наблюдался еще Гофманомъ *около ст. Балайской*; нижній пластъ его представлялъ собою

родъ конгломерата съ округленною галькою изъ различныхъ кремнистыхъ породъ, а верхній въ видѣ плотнаго сѣраго известняка съ красными сердоликовидными прожилками, какъ около Красноярска (девонскій); пласты лежатъ здѣсь горизонтально. Но я узналъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ на сѣверъ отъ Балайской почтовой станціи, въ долинѣ *рч. Балай*, мѣстные жители ломаютъ еще и гнейсъ, употребляя его на камни къ банямъ; осмотрѣнные мною экземпляры этой породы являлись весьма богатою слюдою разновидностью гнейса, преимущественно съ краснымъ полевымъ шпатомъ, расположеніе скопленій котораго указываетъ на возможность нахожденія тамъ такого-же очковаго гнейса, какъ на Байкалѣ. Далѣе, въ долинѣ *рч. Тертежъ* выступаютъ члены красноцвѣтной толщи въ видѣ красныхъ рухляковыхъ сланцевъ, перемежающихся съ зеленовато-бѣлыми прослойками, впрочемъ въ осыпномъ состояніи. Затѣмъ, въ правомъ склонѣ долины *рч. Кускунъ*, на которой расположена сопменная почтовая станція, обнажаются члены той-же красноцвѣтной толщи, но уже въ видѣ сѣраго, плотнаго известняка (какъ Бароновскій и т. п.) съ гнѣздами и прожилками краснаго, сердоликовиднаго, аморфнаго кварца[1]). Наконецъ, какъ о изверженной породѣ, я долженъ упомянуть еще объ оливиновомъ діабазѣ, глыбы и сферы котораго выступаютъ около дороги изъ подъ песчанаго наноса, на спускѣ съ высотъ праваго берега р. Кана въ его долину, на 21-й верстѣ между Иланскою станціею и г. Канскомъ. Этотъ пунктъ является крайнимъ западнымъ предѣломъ извѣстнаго до сихъ поръ распространенія этой породы по сибирскому тракту.

[1]) Златковскій нашелъ угленосные пласты около (южнѣе) села Кускунскаго, причисляемые имъ къ юрѣ, причемъ на его картѣ пласты эти связываются съ такими-же Ботойскими (см. ниже) узкою полосою, пересѣкающею даже почтовый трактъ на пути отъ Кускуна къ Ботою (см. ниже), чему однако (т. е. такому пересѣченію юрою тракта) въ текстѣ не представлены доказательства. Вообще слѣдуетъ сожалѣть, что результаты своихъ изслѣдованій авторъ не излагаетъ въ той послѣдовательности, въ какой онъ встрѣчался съ разрѣзами во время совершавшихся экскурсій. Весьма интересная статья его пріобрѣла бы отъ этого еще большую цѣнность.

Отъ Кускунской почтовой станціи до г. Красноярска остается лишь два перѣзда. Бурый цвѣтъ наноса, сопровождающій путешественника отъ лѣваго берега долины Кускуна до рч. Есауловки, заставляетъ уже подозрѣвать какое-либо измѣненіе въ составѣ подпочвы, каменистость которой обнаруживается мѣстами уже соотвѣтственнымъ звукомъ колесъ проѣзжающихъ экипажей. И дѣйствительно, на спускѣ въ долину *Есауловки*, около тракта, появляется обнаженіе, осмотръ котораго убѣждаетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ порфиритомъ темно-сѣраго и краснаго цвѣта, ближайшее описаніе котораго принялъ на себя Я. А. Макеровъ. Куски и обломки этой породы, обличающіе непосредственную близость кореннаго мѣсторожденія, замѣчаются и на подъемѣ на противуположный берегъ этой долины, подымаясь высоко на ея склонъ (до 1,328′), но далѣе и еще выше (здѣсь дорога пересѣкаетъ отрогъ сѣвернаго склона горъ окрестностей Красноярска до 1,509,9′ высоты) порфиръ исчезаетъ, характеръ наноса измѣняется и на 15-й верстѣ (считая отъ Кускунской станціи), въ ямахъ около дороги, можно видѣть опять члены красноцвѣтной толщи. Они являются здѣсь отчасти въ видѣ красноцвѣтнаго же конгломерата, какъ на лѣвомъ берегу Енисея (рч. Кача, см. ниже), а далѣе и въ видѣ кусковъ красноцвѣтнаго песчаника, замѣчаемыхъ около дороги, которая затѣмъ покрывается непроницаемымъ покровомъ наносныхъ отложеній до самой долины рч. Ботой, гдѣ расположена сопменная почтовая станція.

В. Г. Златковскій, какъ видно изъ цитированной выше статьи (loco cit. стр. 12—14), экскурсировалъ вверхъ *по рч. Ботой*, дающей разрѣзъ болѣе или менѣе параллельный правому берегу р. Енисея, сѣвернѣе Красноярска. Около версты выше села, на правомъ берегу долины, въ такъ называемомъ Зыряновомъ мысу (по дорогѣ въ деревню Лопатину) онъ встрѣтилъ зеленый слюдистый песчаникъ съ простираніемъ съ ЗСЗ на ВЮВ и паденіемъ на ССВ подъ угломъ въ 35°, причемъ на склонѣ этого гористаго мыса имъ встрѣчены въ осыпи «куски желтоватаго

песчаника въ видѣ ядеръ, стволовъ, кнорріи и лепидодендровъ, отпечатковъ коры лепидодендровъ и др.», происходящихъ по всей вѣроятности изъ толщи тѣхъ-же песчаниковъ, относимыхъ г. Златковскимъ къ Ursa-Stufe. Нѣсколько выше по теченію рѣчки, слѣдовательно подъ песчаниками, появляются уже очевидные члены красноцвѣтной рухляковой толщи съ паденіемъ пластовъ, повидимому сходнымъ съ наклономъ описаннаго выше песчаника, а еще далѣе къ юго-западу, какъ мы увидимъ ниже, изъ подъ красноцвѣтной толщи этой выступаетъ известнякъ, примыкающій къ древнѣйшимъ изъ развитыхъ здѣсь осадочныхъ породъ, описаннымъ еще со временъ Эрмана и Гофмана (сѣровакковые и глинистые сланцы, см. ниже).

Что же касается низовьевъ Ботоя (ниже села), около устья его въ Есауловку, то, по изслѣдованіямъ Златковскаго, тамъ обнажается желтоватый рыхлый песчаникъ съ обугленными, неясными растительными остатками. Пласты эти онъ относитъ къ юрской формаціи (см. еще ниже), подозрѣвая присутствіе тѣхъже осадковъ и около самаго Ботойскаго села (даже немного выше его, на лѣв. берегу), скрытое подъ наносными отложеніями; предположеніе это онъ основываетъ на черномъ цвѣтѣ нѣкоторыхъ песчаныхъ слоевъ, на выходѣ ключей, связанныхъ обыкновенно съ выходами глинъ, сопровождающихъ по Енисею буроугольные флецы и т. п. Я, въ свою очередь, при содѣйствіи мѣстнаго учителя А. И. Вукалова посѣтилъ упомянутое мѣстонахожденіе лепидодендроновъ на Ботоѣ и набралъ немалую коллекцію этихъ и другихъ ископаемыхъ растеній, къ которымъ присоединилась еще пожертвованная тѣмъ-же А. И. Вукаловымъ коллекція ихъ съ той-же мѣстности. Вполнѣ соглашаясь съ стратиграфическими данными, собранными здѣсь В. Г. Златковскимъ (паденіе этого мелкозернистаго глинистаго песчаника я опредѣлилъ въ 25° на N10O до NNO, цвѣтъ его я нашелъ измѣняющимся отъ зеленовато-сѣраго до буро-желтаго съ красноватымъ оттѣнкомъ, мѣстами со сростками зеленаго ила), и исходя изъ высокаго гипсометрическаго уровня красноцвѣтнаго конгломерата, обнаженнаго въ ямахъ на пути отъ Кускуна въ Ботой, считаю даже возможнымъ, что болѣе подробныя изслѣдованія этой мѣстности могутъ доказать со временемъ залеганіе Ботойскаго песчаника съ лепидодендронами[1]), среди красноцвѣтныхъ породъ, въ видѣ болѣе или менѣе мощнаго пропластка, — явленіе, съ которымъ мы встрѣтимся и въ Минусинскомъ округѣ. Что же касается переѣзда *изъ с. Ботойскаго къ г. Красноярску*, то дорога, поднявшись на высоты лѣваго берега долины Ботоя, слѣдуетъ въ настоящее время не на с. Березовское, какъ это было во время составленія карты астронома Шварца, а поворачиваетъ вообще на WNW, черезъ деревню Злобину, къ перевозу, устроенному уже на меридіанѣ самаго города. Большая часть тракта пролегаетъ по мощнымъ наноснымъ отложеніямъ (см. ниже) и только около деревни *Злобиной* можно убѣдиться, что въ роли коренной породы является здѣсь красноцвѣтная рухляковая толща, скрывающаяся подъ песками склоновъ праваго берега широкой долины Енисея. Поросшее состояніе этихъ склоновъ не даетъ возможности ознакомиться съ полною геогностическою профилью вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ не менѣе, какъ это показали уже прежніе изслѣдователи (Эрманъ, Гофманъ и наконецъ Златковскій) и въ чемъ я убѣдился личными *экскурсіями изъ Красноярска*, послѣдовательность развитыхъ тамъ породъ является въ слѣдующемъ видѣ.

Начиная съ упомянутыхъ выше *угленосныхъ отложеній* устья Ботоя (Златковскій) и спустя лепидодендроновый песчаникъ и *красноцвѣтную толщу* какъ Ботоя, такъ и Злобиной, мы встрѣчаемъ *известнякъ* деревни Торгошиной и ея окрестностей (Эрманъ, Гофманъ, Златковскій). Порода эта, осмотрѣнная мною

---

[1]) Моя коллекція этихъ остатковъ не подверглась еще подробному опредѣленію, но несомнѣнно, что въ ней найдутся представители флоры Ursa-Stufe, описанной Шмальгаузеномъ. Тѣмъ неменѣе, будущимъ изслѣдователямъ этихъ мѣстностей (см. также ниже) необходимо имѣть вопросъ: не найдутся ли въ южныхъ частяхъ Сибири тѣ-же растенія и въ пластахъ болѣе глубокой древности, напр. въ девонскихъ?

выше названной деревни (считая по теченію рѣки), является сѣровато-бѣлою, крипто-кристаллическою и неслоистою, причемъ мѣстами въ ней замѣчаются и сердоликовидные, красные прожилки аморфнаго кварца, хотя и не обильные, къ тому же очень тонкіе, замѣченные мною лишь при ближайшемъ разсматриваніи взятыхъ штуфовъ. Далѣе, на высотахъ лѣваго берега той-же сухой и широкой ложбины, въ выступахъ того-же известняка Златковскій нашелъ не малое число индивидуумовъ новыхъ видовъ трилобитовъ (Proetus и Cyphaspis), близкихъ къ представителямъ фауны Герцинскаго яруса девонской системы[1]). Слоистость не наблюдалась въ этой породѣ ни Гофманомъ, ни Златковскимъ и потому, когда Эрманъ говоритъ (loco cit. B. II, pag. 40—41), что по рч. Базанхѣ, слѣдовательно еще выше по теченію Енисея, пласты чернобураго, тонкосланцеватаго, волнчаго известняка, изрѣзаннаго мѣстами жилами бѣлаго известковаго шпата, падаютъ круто на ССЗ, то подъ этимъ известнякомъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ понимать не Торгошинскій съ трилобитами, а тѣ «не толстые» пласты тонкослоистаго песчанистаго известняка, съ которыми, по наблюденіямъ Златковскаго, не пріуроченнымъ впрочемъ къ строго опредѣленной мѣстности, нерѣдко переслаивается сѣровакковый песчаникъ (см. ниже). Песчаникъ этотъ, согласно тому-же изслѣдователю (loco cit. стр. 6 и 7), содержитъ кромѣ того и жилы «чернаго, крупно-кристаллическаго, пахучаго, углекислаго минерала» и другія, состоящія изъ бѣлаго кварца, образующаго зальбанды и известковаго шпата, изъ котораго состоитъ центральная (осевая) часть такихъ жилъ. И дѣйствительно, въ склонахъ долины Базанхи выступаетъ не известнякъ, а преобладающею породою, упоминавшеюся и другими изслѣдователями этой долины[2]), являются еще болѣе низкіе стра-

[1]) Видъ этотъ описанъ академикомъ Ф. Б. Шмидтомъ, см. Bullet. de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Pétersb. T. XII.

[2]) См. напр. Гофманъ и Чихачевъ, согласно которому по Базанхѣ «la rive droite est bordée de grès foncé et rougeâtre, dont les couches s'inclinent fortement vers le torrent» слѣдовательно вообще къ югу, pag. 213.

тиграфическіе члены описываемаго разрѣза, именно такъ называемый *сѣровакковый песчаникъ и глинистый сланецъ*, совершенно сходные съ развитыми въ Онотскомъ хребтѣ около Байкала; породы эти обнажены и нѣсколько далѣе вверхъ по рѣкѣ и переходятъ на ея лѣвый берегъ (см. ниже). Перемежаясь между собою и повидимому переходя другъ въ друга, названные сланцы отличаются вообще очень крутымъ паденіемъ, нерѣдко даже отвѣснымъ положеніемъ пластовъ, при нѣсколько измѣнчивомъ простираніи, которое, впрочемъ, до сихъ поръ, не подлежало еще подробному изслѣдованію, допускающему возможность выдѣлить общее отъ мѣстнаго и такъ сказать коренное отъ сдвиговъ и т. п. Если отнести къ членамъ этой толщи упомянутое выше опредѣленіе Эрмана, т. е. крутое паденіе на ССЗ (простираніе, слѣдовательно: ONO), то указанное Гофманомъ по той-же Базанхѣ паденіе «сѣрой вакки» на SSO («SO 8^h») съ наклономъ въ 30°, является только антиклинальнымъ къ Эрмановскому; съ этимъ совпадаетъ и мое наблюденіе, сдѣланное въ предѣлахъ сланцевъ Базанхи выше мельницы: я получилъ тамъ паденіе S10O съ наклономъ близкимъ къ отвѣсному; простираніе слѣдовательно O10N. Нѣсколько выше по теченію Енисея, въ долинѣ рч. Лялейкина (у Чихачева: Лялетина, у Златковскаго: Ляликина), отвѣсные пласты той-же сѣрой вакки простираются, по наблюденіямъ Гофмана, съ W на O (сравни ниже, наблюденія на лѣвомъ берегу Енисея). Наконецъ, на той-же Лялейкиной, какъ равно и на лѣвомъ берегу рч. Базанхи, начиная съ ея лѣваго притока, извѣстнаго подъ названіемъ Моховой (Чихачевъ, Златковскій, а по Лялейкиной и Гофманъ), система сѣровакковаго песчаника и глинистаго сланца смѣняется *гранитомъ, переходящимъ въ сіенитъ* и образующимъ собою утесы называемые столбами (по Лялейкиной) и Токмакъ (по Моховой).

Порода эта прослѣжена Чихачевымъ отъ Лялейкиной до Моховой, гдѣ, нѣсколько выше устья послѣдней въ Базаиху, гранитъ, по словамъ этого путешественника, мгновенно смѣняется «par un calcaire quarzeux extrêmement compact et so-

lide, de teinte mate foncée, à cassure conchoïde et texture homogène» (pag. 215), къ чему съ своей стороны прибавлю, что еще ниже по Моховой я видѣлъ уже обломки сѣроватковой толщи, которой, очевидно, сподчиненъ «кварцевый известнякъ» Чихачева (сравни упомянутое выше наблюденіе Златковскаго о переслаиваніи сѣрой вакки съ песчанистымъ известнякомъ). Гофманъ считаетъ гранитъ этотъ изверженнымъ; хотя онъ, въ своей экскурсіи по Лялейкиной, не встрѣтилъ еще никакихъ абсолютныхъ (стратиграфическихъ и другихъ) признаковъ эруптивности этой породы, тѣмъ не менѣе онъ находилъ мѣстами въ гранитѣ «обломки» темной, мелкозернистой породы, порфировидной отъ выдѣлившихся въ ней отдѣльныхъ кристалловъ полеваго шпата, и подозрѣваетъ, что образованія эти представляютъ собою соотвѣтственно измѣненныя включенія сѣрой вакки (pag. 36). — Воззрѣніе это я считаю еще преждевременнымъ, такъ какъ въ области прибайкальскихъ гранитовъ (точно также въ гнейсахъ и даже въ кристаллическихъ известнякахъ) я ознакомился съ многочисленными ложными включеніями, происшедшими отъ разрыва и перемѣщенія прослойковъ другихъ породъ, съ которыми они перемежались, и потому въ случаяхъ, гдѣ такому разрыву подверглись весьма тонкіе пропластки, генезисъ этого явленія дѣлается весьма понятнымъ, такъ какъ прежнее ихъ направленіе и положеніе выражается еще ясно, какъ бы пунктирною линіею, въ которой роль черточекъ играютъ разорванныя части прослойка (въ родѣ разорванныхъ белемнитовъ въ швейцарскихъ альпахъ); между тѣмъ, гдѣ подобному-же процессу подверглись болѣе мощные пропластки, растрескавшіеся на многочисленные куски даже по линіи ихъ толщины, тамъ, въ особенности при нѣкоторой недостаточности обнаженія, предстоитъ уже невозможность отличить ихъ отъ дѣйствительныхъ включеній. Между тѣмъ, съ этой точки зрѣнія никто еще не разсматривалъ явленія, описанныя Гофманомъ по рч. Лялейкиной, а въ статьѣ г. Златковскаго о нихъ даже не упоминается. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду еще то обстоятельство, что,

благодаря изслѣдованіямъ Златковскаго и другихъ геологовъ, полевошпатовыя породы Красноярска являются уже не столь обособленнымъ явленіемъ, какимъ онѣ могли разсматриваться во времена Гофмана.

Принимая во вниманіе выступы гнейсовъ (а отчасти хлоритовыхъ сланцевъ), переходящихъ въ граниты, извѣстные нынѣ по рр. Есауловкѣ, Балаѣ, по Кану и Енисею ниже Красноярска (см. ниже), не говоря уже о неотдаленныхъ выходахъ тѣхъ же породъ выше по Енисею, въ системѣ Чулыма и вообще въ Минусинскомъ округѣ (см. ниже) слѣдуетъ полагать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ выходами обширной площади развитія этихъ породъ, образующихъ собою постель всѣмъ остальнымъ изъ описанныхъ системъ и принадлежащихъ тому-же, древнѣйшему уровню (Архейскому), къ которому я отношу гнейсы, граниты, роговообманковые сланцы и перемежающіеся съ этими породами кристаллическіе известняки прибайкалія и высокаго плоскогорія вообще. Златковскій не затрогиваетъ вопросъ о возрастѣ и генезисѣ интересующаго насъ гранита, но, описывая вмѣстѣ съ гнейсами и хлоритовымъ сланцемъ, онъ ставитъ его на первое мѣсто въ возрастной послѣдовательности, какъ въ текстѣ, такъ и въ легендѣ къ картѣ, въ порядкѣ отъ болѣе древнихъ къ позднѣйшимъ отложеніямъ.

Разрѣзъ *по лѣвому берегу Енисея* значительно дополняетъ свѣдѣнія наши о геогностическихъ и стратиграфическихъ условіяхъ строенія этой мѣстности, описаніе которой я начну въ обратномъ порядкѣ, т. е. сверху внизъ по теченію Енисея и отъ болѣе древнихъ породъ къ высшимъ стратиграфическимъ уровнямъ.

Сначала, выше города, береговые утесы образуются продолженіемъ пластовъ *сѣроватковой толщи*, съ которою мы ознакомились на Базанхѣ. Тотъ-же «сѣроватковый», метаморфическій песчаникъ темнаго зеленовато-сѣраго цвѣта, вскипающій отъ кислоты и съ блестками серебристой слюды измѣняющійся отъ сланцеватаго до неясно и перепутанно-слюдистаго, перемежается

здѣсь съ такимъ же глинистымъ сланцемъ, причемъ, гдѣ слоистость хорошо различается, тамъ обнаруживается, что пласты образуютъ и здѣсь антиклинальный, сжатый перегибъ съ преобладающимъ простираніемъ на O 10—20 N и весьма крутымъ паденіемъ; кромѣ того замѣчается мѣстами и почти экваторіальное простираніе (съ O на W). Далѣе, вслѣдъ за сѣвернымъ паденіемъ этихъ сланцевъ, замѣчается розсыпь ихъ, все болѣе и болѣе маскируемая наноснымъ отложеніемъ, такъ какъ отступающія здѣсь горы образуютъ лишь довольно пологій склонъ къ низменности, занятой г. Красноярскомъ. Склонъ этотъ направляется къ правому берегу долины рч. Качи, нося названіе Афонтовой горы. Прерывающая его низменность и покрывающіе его наносы (см. ниже) маскируютъ выходы Торгошинскаго *известняка*, который долженъ былъ бы появиться какъ разъ въ этомъ мѣстѣ и извѣстенъ къ тому же въ своемъ западномъ продолженіи, какъ напр. по рч. Малой Качѣ (Златковскій loco cit., стр. 9) и около Черной Сопки (Эрманъ). Если затѣмъ, перейдя низменность города, приблизиться къ высокому яру, образующему лѣвый берегъ низовьевъ рч. Качи, то оказывается, что основаніе яра образуется блѣдно-сѣрымъ известнякомъ съ сердоликовидными гнѣздами и прожилками. Пластъ этотъ, въ которомъ заложена нынѣ каменоломня [1]), обнаженъ только на нѣсколько (до 6-ти) футовъ въ толщину, остальною-же частью онъ скрывается подъ уровень наносной почвы долины; а сверху онъ покрытъ давно извѣстною уже здѣсь *красноцвѣтною толщею*, названною Гофманомъ «качинскими пластами». Толща эта, какъ извѣстно изъ подробнаго описанія названнаго геолога, состоитъ изъ перемежающихся, вообще не толстыхъ пластовъ: известняка (такого-же, какъ обнаженный въ основаніи яра), рухляковаго песчаника краснаго цвѣта съ зелеными и бѣлыми полосками, красной песчанистой глины, а также конгломератовыхъ и брекчіевидныхъ пластовъ,

[1]) Во времена Гофмана пластъ этотъ скрывался подъ описанною имъ красною наносною глиною (стр. 37—38).

въ галькѣ которыхъ участвуютъ, между прочимъ, порфиръ и обломки тѣхъ-же известковыхъ пропластковъ, которыхъ я насчиталъ три, кромѣ известняка, образующаго основаніе яра [1]). Пласты эти, въ противуположность крутому паденію сѣроваккової толщи, весьма слабо наклонены (до 10°) вообще на N.

Такого рода стратиграфическое отношеніе известняка къ красноцвѣтнымъ породамъ, при петрографическомъ сходствѣ его съ Торгошинскимъ, не позволяетъ мнѣ согласиться съ мнѣніемъ предшественниковъ, которые причисляли, какъ извѣстно, известнякъ праваго берега Енисея къ одному возрасту съ сѣрою ваккою и сподчиненнымъ послѣдней глинистымъ сланцемъ, не представляя тому, впрочемъ, никакихъ, достаточно вѣскихъ доказательствъ, такъ какъ развѣ одно лишь упомянутое выше, опредѣленное Эрманомъ, паденіе «известняка на Базаихѣ» могло служить основаніемъ подобному воззрѣнію; между тѣмъ какъ ни у Гофмана, ни у Златковскаго, мы не находимъ ничего, говорящаго въ пользу предполагаемаго единства возраста названныхъ осадковъ.

Считая съ своей стороны известнякъ, обнаженный въ основаніи Качинскаго яра, висячимъ бокомъ скрытаго подъ наносомъ продолженія Торгошинскаго известняка, этотъ послѣдній вполнѣ укладывается въ красноцвѣтную толщу и даже перемежается съ нею. Съ этимъ воззрѣніемъ, и *только съ нимъ*, согласуется и значеніе найденнаго В. К. Златковскимъ трилобита, указывающаго не на силурійскій, а на девонскій возрастъ Торгошинскаго известняка (Герцинскій ярусъ въ смыслѣ Кейзера), — возрастъ, къ которому (т. е. девонскому), какъ мы увидимъ и ниже, дѣйствительно относятся эти красноцвѣтныя породы и къ которому относитъ ихъ и г. Златковскій, причисляя однако известнякъ окрестностей Торгошино къ силурійской эпохѣ.

[2]) На плоскости соприкосновенія известняка съ красными рухляками, на Черной сопкѣ (8—9 верстъ на WNW отъ Красноярска) Эрманъ нашелъ бурый, яшмовидный роговикъ.

Въ разстояніи около 7 верстъ ниже города, какъ видно изъ изслѣдованій г. Златковскаго, въ оврагахъ и обрывахъ высотъ лѣваго берега Енисея начинаются уже выходы *угленосной формаціи*, вытѣсняющей красноцвѣтную толщу породъ и продолжающейся съ нѣкоторыми мѣстными перерывами до крайнихъ предѣловъ экскурсій этого геолога (около 100 верстъ сѣвернѣе Красноярска). Лично я могъ ознакомиться съ этими осадками во время *поѣздки къ селу Атамановскому*, сначала по Енисейскому тракту до станціи Таскиной (вторая отъ Красноярска), а затѣмъ черезъ деревни Татарскую и Карымскую.

Начиная съ возвышенности лѣваго берега рч. Качи, гдѣ обнажаются описанные выше красноцвѣтные пласты, на пути къ Таскиной нѣтъ никакого выхода коренныхъ породъ, не взирая на то, что вслѣдъ за постепенно понизившеюся поверхностью плоской возвышенности, на 11-й верстѣ за Красноярскомъ дорога подымается на довольно крутой уступъ, продолжающійся до самаго Енисея.

Сейчасъ-же *за Таскиной*, въ искуственномъ обнаженіи, подъ слоемъ наносной почвы залегаетъ желтовато-сѣрый, діагонально-слоистый песокъ, переходящій мѣстами въ довольно рыхлый песчаникъ; тутъ-же попадаются и отдѣльные куски этой породы. Затѣмъ въ долинѣ *рѣчки Менжулъ*, на которой располагается *деревня Татарская*, находятся выступы сѣраго, мелкозернистаго и тонкослоистаго песчаника, вскипающаго отъ кислоты, съ прослойками бураго цвѣта и плохими растительными отпечатками, а далѣе, на правомъ берегу той-же рѣчки, около *с. Карымскаго* обнажается сѣровато-бѣлая песчанистая, отвердѣлая глина съ плохими отпечатками растеній и такой-же рыхлый песчаникъ (положеніе слоевъ неопредѣлимо). Около села *Атамановскаго*, на обоихъ берегахъ Енисея обнажается однако гнейсъ, сѣрый отъ мелко до среднезернистаго сложенія, переходящій мѣстами въ очковый и содержащій прослойки крупнозернистаго мясно-краснаго ортоклаза; въ немъ попадаются и жилы крупнозернистаго краснаго гранита съ серебристою слюдою, не обнаруживающаго

свойствъ и особенностей изверженной породы. Простираніе пластовъ гнейса, опредѣлявшееся мною на лѣвомъ берегу Енисея, выше названнаго села, оказалось W3oN, паденіе S3oW до 70 и 80°, слѣдовательно вполнѣ совпадающее съ саянскимъ простираніемъ гнейсовъ [1]).

Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Атамановской, Златковскій встрѣчалъ опять угленосные осадки до села Кекурскаго, около котораго имъ найденъ выходъ гранита; что-же касается южной границы Атамановскаго гнейса, то порода эта смѣняется сѣрымъ песчаникомъ и сѣрою, песчанистою, сланцеватою глиною съ плохими растительными отпечатками, уже около *деревни Шиверской*, т. е. верстъ съ 10 вверхъ по Енисею, причемъ, судя по гипсометрическимъ условіямъ залеганія этихъ породъ, можно даже полагать, что Атамановскій выступъ гнейса могъ совершенно покрываться водами, отложившими угленосные осадки.

Затѣмъ, на обратномъ пути къ Красноярску, ведущемъ проселочною дорогою вверхъ около лѣваго берега Енисея, я проѣзжалъ около *д. Частоостровской*, на которую Златковскій указываетъ какъ на одно изъ мѣстъ выхода тѣхъ-же угленосныхъ породъ (на пути отъ Частоостровской къ Кубековой, въ склонѣ террассы, около дороги и я могъ видѣть выходы буровато-сѣраго, мелко-зернистаго песчаника съ плохими отпечатками растеній). Та-же порода обнажается и на спускѣ къ *дер. Кубековой* (20 верстъ ниже Красноярска), около которой, въ синей глинѣ г. Златковскимъ найдены были «плохіе остатки папоротника, сходнаго съ Asplenium Whietbiense Brng.» (loco cit., стр. 16—17) и гдѣ кромѣ того находятся плохіе, покрытые осыпью, выходы бураго угля. Нѣсколько ниже этой деревни (до 4 верстъ), въ утесистомъ лѣвомъ берегу Енисея (экскурсія возможна лишь въ лодкѣ), Златковскій описываетъ такую послѣдовательность пластовъ, слагающихъ эту толщу (стр. 18), считая снизу вверхъ: 1) синяя глина съ неяснымъ растительными отпечатками; 2) бу-

[1]) См. мою карту Байкала loco cit.

рый уголь болѣе 2 арш. мощности; 3) желтый песокъ съ прослойками синей глины съ растительными остатками и тонкими пропластками угля съ оруденѣлыми древесными стволами; 4) сѣровато-желтый песчаникъ въ видѣ толстаго пласта, «распадающагося на закругленныя глыбы» (я наблюдалъ здѣсь весьма ясное стремленіе къ развитію сферической отдѣльности) и переходящаго въ тонко-слоистое видоизмѣненіе съ многочисленными объугленными остатками растеній на плоскостяхъ наслоенія; 5) желтый песокъ, и наконецъ, 6) углистый, рыхлый глинистый сланецъ, иногда съ углемъ. Выше угля, по всей вѣроятности въ слоѣ, описанномъ Златковскимъ подъ № 3-мъ, я нашелъ пропластокъ блѣдно-сѣраго и желтоватаго глинистаго сланца, содержащаго великолѣпные отпечатки нѣкоторыхъ растеній, но къ сожалѣнію, сланецъ этотъ растрескивается на мельчайшіе неправильные кусочки, вслѣдствіе чего собираніе отпечатковъ дѣлается почти невозможнымъ. Почти двухъ-часовые поиски наши увѣнчались только 26 кусочками сланца, пригодными для изученія сохранившихся на нихъ остатковъ, обнаружившихъ впрочемъ юрскій характеръ [1]); кромѣ того въ темно-буромъ, оруденѣломъ сланцѣ моей женѣ удалось найти здѣсь несмѣтное количество недурныхъ отпечатковъ, состоящихъ впрочемъ изъ одного лишь вида неопредѣленнаго еще растенія. Песчаникъ той-же толщи породъ можно видѣть еще и въ склонѣ террассы *выше с. Коркинскаго*. Замѣтивъ, наконецъ, что окрестности упомянутой выше дер. Кубековой являются мѣстомъ нахожденія открытыхъ Р. К. Маакомъ чешуекъ рыбъ, перейду къ свѣдѣніямъ, имѣющимся *о изверженныхъ породахъ около Красноярска* [2]).

Кромѣ порфирита, упомянутаго мною по рч. Есауловкѣ, древность котораго, судя по такимъ-же галькамъ, заключеннымъ въ красноцвѣтной толщѣ по рч. Качѣ, слѣдуетъ считать до-девонскою, лично мнѣ удалось встрѣтить еще выходы зеленокаменной породы по правому берегу р. Енисея, именно, по рч. Базанхѣ. Первый выступъ ея располагается на лѣвомъ берегу рѣчки, въ бугрѣ, недоѣзжая такъ называемой казенной мельницы; нѣсколько выше этой мельницы замѣчается другой выступъ той-же породы, обнажающейся въ низкой террассѣ; затѣмъ грюнштейнъ, переходя отчасти въ змѣевикъ, образуетъ и правый берегъ долины, выше мельницы, но сейчасъ-же за нимъ обнажается сѣроватковый песчаникъ съ глинистымъ сланцемъ, падая на S 10 O. Наконецъ, куски грюнштейна попадались мнѣ и въ долинѣ рч. Моховой, на пути къ упомянутому выше гранитy. По опредѣленію Я. А. Макерова, зеленокаменныя породы эти оказались преимущественно діабазомъ и діабазовымъ порфиритомъ, причемъ нашелся выступъ и полевошпатоваго амфиболита, связаннаго съ упомянутымъ выше змѣевикомъ. Здѣсь-же замѣчу, что на томъ-же берегу Енисея, на его низменной части, недалеко отъ устья Базанхи, на сѣверной, болѣе низкой части бывшаго острова, гдѣ И. Т. Савенко открыта неолитическая стоянка (см. ниже), располагаются большія глыбы такого-же грюнштейна, выдающіяся изъ подъ наноса; глыбы эти я считаю образовавшимися на коренномъ мѣсторожденіи этой зеленокаменной породы, по всей вѣроятности на продолженіи одной Базайской линіи ея изверженія, а въ томъ, что коренныя породы находятся здѣсь не глубоко подъ наносомъ, убѣждаетъ и выходъ глинисто-слюдянаго сланца на той-же стоянкѣ въ видѣ головъ пластовъ, обнаруживающихъ здѣсь очевидно сдвинутое простираніе (N 30 W). Зеленокаменная порода располагается здѣсь среди сѣроватковой толщи, въ этомъ не можетъ быть никакаго сомнѣнія по относительному залеганію этихъ породъ другъ къ другу; но вопросъ: которая изъ нихъ древнѣе и какъ относятся онѣ къ красноцвѣтной толщѣ, остается, съ стратиграфической точки зрѣнія, покамѣстъ открытымъ, вслѣдствіе неудовлетворительности обнаженій на мѣстахъ ихъ соприкосновенія. Говоря какъ о порфирахъ, такъ и зеленока-

[1]) По опредѣленію Н. А. Соколова.

[2]) Рыбы эти указываютъ, повидимому, на мѣстный и уединенный выходъ болѣе древней толщи породъ, скрывающейся здѣсь подъ юрскими прѣсноводными осадками.

менныхъ породахъ, Златковскій выражается, что они «прорвали осадочныя породы.... силурійской формаціи», подразумѣвая подъ этимъ именемъ сѣровакковую толщу и известнякъ, соотвѣтствующій Торгошинскому, но замѣчались-ли эти изверженныя образованія въ видѣ жилъ среди пластовъ, причисляемыхъ къ названной системѣ, и гдѣ именно, — къ тому же, наблюдалось ли гдѣ-либо хорошо обнаженное мѣсто соприкосновенія ихъ, мы не находимъ этихъ свѣдѣній въ статьѣ упомянутаго автора, трактующаго этотъ вопросъ съ болѣе общей точки зрѣнія. Въ трудѣ этомъ, какъ равно на приложенной къ нему геологической карточкѣ, читатель найдетъ данныя относительно распространенія этихъ породъ какъ къ юго-западу (вверхъ по Енисею), такъ и къ западу отъ г. Красноярска; что-же касается предполагавшагося вліянія зеленокаменныхъ породъ и порфировъ на положеніе пластовъ сѣровакковой толщи, то ни характеръ стратиграфическихъ условій мѣстности, ни, наконецъ, все, что мы знаемъ о роли такихъ породъ въ измѣненіи положенія пластовъ вообще, не можетъ говорить въ пользу такого воззрѣнія, вполнѣ отжившаго уже свое время, и потому, не входя въ подробности по этому вопросу, перейду къ описанію пути *отъ г. Красноярска до г. Ачинска*, т. е. до конца средней террассы плоской возвышенности.

Отъ Красноярска трактъ подымается на продолженіе Афонтовской террассы, по правому берегу долины рч. Качи, обнажающей, какъ сказано выше, красноцвѣтные пласты. Такого-же цвѣта наносная почва сопровождаетъ путешественника до ограды («поскотины») деревни *Дрокинской*, около которой въ склонахъ горъ вездѣ обнажены тѣ-же породы, но повидимому безъ перемѣжаемости съ пропластками известняка; эти послѣдніе, судя по гипсометрическимъ условіямъ мѣстности, принадлежатъ нѣсколько болѣе низкому стратиграфическому уровню красноцвѣтной толщи, исчезающей на послѣднихъ 5-ти верстахъ переѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и соотвѣтственная окраска наносной почвы, а, по свидѣтельству жителей *Установской станціи* (тамъ-же и

деревня Заледѣева), изъ склоновъ долины рч. Качи добывается сѣрый и желтоватый песчаникъ, причемъ въ руслѣ находятъ и плитки угля, что подтверждается и изслѣдованіями г. Златковскаго, продолжавшимися до верховьевъ этой рѣчки. Наносная почва, покрывающая эти осадки, тянется до *Суховской станціи*, за которою трактъ пересѣкаетъ верхнее теченіе р. Качи [1]), но на спускѣ къ слѣдующей станціи, въ долину *Малаго Кемчуга*, въ оврагѣ около тракта обнажается почти рыхлый бурый, желѣзистый песчаникъ съ желваками бураго желѣзняка.

Та-же порода въ горизонтальныхъ пластахъ выступаетъ на 7-й верстѣ за М. Кемчугомъ и далѣе, на спускѣ къ станціи *Ибрюльской*, а затѣмъ на 2-й и 4-й верстахъ на пути къ *Большому Кемчугу*, около котораго, въ глыбахъ, появляется и буроватое, очень мелкозернистое и пористое видоизмѣненіе его (?). Въ обыкновенномъ-же, прежнемъ его видѣ, иногда и буро-желтаго цвѣта (до бѣловатаго), песчаникъ этотъ можно видѣть далѣе: около *Козульской станціи* (иначе Косульская) и въ концѣ 10-й версты за нею; ближе къ *Черной рѣчкѣ* встрѣчаются куски бѣлаго и буроватаго коалиноваго сланца, должно быть подчиненнаго песчанику, въ которомъ, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей, добывали прежде желѣзную руду. Но въ сторонѣ отъ тракта (верстъ съ 6 выше Чернорѣчинской станціи), въ берегахъ долины, выступаетъ гранититъ среднезернистаго сложенія, состоящій изъ мяснокраснаго полеваго шпата, сѣраго и зеленоватаго плагіоклаза, сѣраго кварца и черной или бурочерной слюды; породу эту возятъ въ видѣ дресвы для исправленія дороги. Отсюда до *Тарутинской станціи*, около дороги замѣчается одна лишь наносная почва и только въ окрестностяхъ этого села, съ долины рч. Улуй, добываютъ зеленокаменную породу [2]), употребляемую мѣстными жителями въ видѣ щебня.

[1]) Въ нѣсколькихъ верстахъ выше этого пересѣченія, Кача, по свидѣтельству Златковскаго, протекаетъ между зеленокаменными породами и порфирами, а также и среди известковой толщи («силурійской»), которую, предположительно, я считаю продолженіемъ Торгошинской.

[2]) По опредѣленію К. К. Фохта, порода эта оказалась сіенитомъ.

Та-же наносная почва, принимающая далѣе болѣе блѣдный желтоватый цвѣтъ, маскируетъ составъ мѣстности и на протяженіи послѣдняго переѣзда *къ г. Ачинску* и только правый берегъ долины р. Чулыма около города обнажаетъ мѣстами сѣровато-бѣлый или желтовато-бѣлый, горизонтально-слоистый песокъ, переходящій въ рыхлый песчаникъ. Отложеніе это весьма значительной мощности и слагаетъ собою всю высоту этого берега долины, вслѣдствіе чего слѣдуетъ полагать, что по крайней мѣрѣ часть переѣзда между Ачинскомъ и упомянутою выше Тарутинскою станціею образуется этими осадками (на профили и картѣ я нанесъ ихъ уже вполнѣ произвольно и гадательно, такъ какъ возможно точное нанесеніе границъ этихъ пластовъ требовало бы изслѣдованія теченія рч. Улуй). Что-же касается возраста этихъ слабо-цементированныхъ песковъ, то поѣздка моя вниз по Чулыму даетъ не маловажныя указанія по этому вопросу.

И дѣйствительно, *экскурсія изъ Ачинска въ деревню Симонову*, расположенную на правомъ-же берегу Чулыма, въ 30 верстахъ ниже (сѣвернѣе) Ачинска, дѣлаетъ почти несомнѣнною непрерывную связь этихъ осадковъ съ пластами, въ которыхъ И. А. Лопатинымъ открыта третичная флора, описанная Освальдомъ Геромъ [3]). Путь къ названной деревнѣ (см. карту) ведетъ по той-же высотѣ праваго берега Чулыма, въ которой около города обнажаются упомянутые пески. Высокіе яры бѣлѣются также въ склонахъ долины и ниже Ачинска; дорога, хотя пролегаетъ по мѣстности, покрытой наносомъ, тѣмъ не менѣе, на склонахъ пересѣкающихъ ее небольшихъ притоковъ Чулыма, замѣчается мѣстами детритусъ, весьма похожій на результаты осыпей тѣхъ-же песковъ, къ тому-же и на высотахъ плоской возвышенности можно видѣть гальку, въ которой попадаются кусочки конгломерата, сподчиненнаго мѣстами той-же толщѣ. Наконецъ, около самой Симоновой какъ ниже, такъ и

[2]) Mémoires de l'Académie Imp.

выше деревни, третичные пласты обнажены въ береговыхъ ярахъ, мѣстами около 30′ высоты. Въ нихъ замѣчается перемежаемость бѣлаго и желтаго слабо-цементированнаго песчаника (почти рыхлаго) съ сѣровато-бѣлымъ мергельнымъ сланцемъ и сѣрой глиной съ рѣдкими растительными отпечатками, тогда какъ въ обнаженіи нѣсколько выше деревни, въ основаніи этихъ породъ выступаетъ сѣрый и желтоватый, очень плотный песчаникъ, а надъ нимъ слой (до 0,5 метра мощности) сѣраго плотнаго-же мергеля, весьма богатаго отпечатками растеній міоценовой эпохи. Изъ этого слоя добыты какъ коллекція г. Лопатина, такъ и моя, тогда какъ въ залегающемъ ниже песчаникѣ попадаются преимущественно лишь отпечатки древесныхъ стволовъ. Пласты лежатъ вездѣ горизонтально.

Изъ г. Ачинска я сдѣлалъ большую экскурсію къ югу, для *изслѣдованія по почтовой дорогѣ, ведущей въ г. Минусинскъ* (см. карту).

Чулымъ, южнѣе г. Ачинска, дѣлаетъ, какъ извѣстно, громадную излучину на WSW, огибая узкое (отъ 8 до 28 или 30 верстъ), хребтовидное возвышеніе мѣстности, въ ONO части котораго располагаются верховья рч. Улуй (праваго притока Чулыма); эта послѣдняя протекаетъ далѣе почти въ меридіанальномъ направленіи, гдѣ, на описанной уже части тракта, на ней лежитъ Тарутинская почтовая станція. Минусинская почтовая дорога пересѣкаетъ упомянутое хребтовидное возвышеніе въ самомъ широкомъ его мѣстѣ, черезъ станцію Мало-Улуйскую до Назаровской, лежащей уже на лѣвомъ берегу Чулыма, въ южной вѣтви его излучины.

Спустя наносный лугъ праваго берега этой рѣки около Ачинска, на 6-й верстѣ за городомъ дорога подымается уже сначала на терассовидную площадь, а затѣмъ и на слѣдующую за нею возвышенность, причемъ около дороги появляются какъ куски, такъ и плохіе выходы зеленокаменной породы, которая, по микроскопическому изслѣдованію К. К. Фохта, оказалась сіенитомъ. Такъ продолжается до высшаго пункта (на 9-й вер-

стѣ), особенности котораго, какъ равно и опредѣленная мною высота (1172′ надъ океаномъ, т. е. 479′ надъ г. Ачинскомъ), заставляютъ разсматривать возвышенность эту не какъ хребетъ, а скорѣе, какъ отрѣзокъ средней терассы плоской возвышенности, внѣдряющійся въ излучину и расчлененный отчасти верховьями Улуя. Спускъ въ долину *рч. Каменки* обнаруживаетъ тотъ-же составъ мѣстности (на 13-й верстѣ); та-же зеленокаменная порода выступаетъ и на 15-й верстѣ, въ другой долинкѣ; — её можно видѣть затѣмъ въ кускахъ и въ котловинообразномъ углубленіи *Мало-Улуйской почтовой станціи*, гдѣ подмѣшиваются еще куски порфировидной породы, признанной Фохтомъ трахитомъ. Наконецъ, избѣгая повтореній, скажу, что и на 7-ми верстахъ слѣдующаго переѣзда, гдѣ дорога, поднявшись до той-же высоты какъ и передъ Улуйскою станціею, спускается затѣмъ по глубокой долинѣ къ равнинѣ Чулыма, точно также развита зеленокаменная порода, образцы которой, взятые съ высшаго пункта, оказались по опредѣленію того-же петрографа, долеритъ-базальтомъ. Всю возвышенность, огибаемую Чулымскою излучиною рѣки, можно считать поэтому состоящею изъ однихъ лишь кристаллическихъ породъ. Поворотъ дороги въ упомянутую глубокую долину ведетъ въ область песчанаго, послѣтретичнаго наноса, покрывающаго высшую терассовидную площадь, которая примыкаетъ къ южному склону возвышенности; въ уступѣ этой терассы, обращенномъ къ равнинѣ праваго берега Чулыма, можно еще видѣть выходъ цементированнаго отчасти, того-же наноса или быть можетъ буроватаго, рыхлаго песчаника болѣе древняго возраста, послѣ чего наносный лугъ ведетъ путешественника какъ къ переправѣ черезъ названную рѣку, такъ и къ станціи *Назаровской*.

Дорога до слѣдующей затѣмъ станціи, *Ильинской* (иначе: Пеньки или Усть-Тычульская), пролегаетъ по низкому водораздѣлу между Чулымомъ и его лѣвымъ притокомъ, носящимъ названіе Сережъ, на правомъ берегу котораго и расположена названная деревня. Весь переѣздъ этотъ покрытъ наноснымъ

отложеніемъ и только нѣсколько плитокъ краснаго рухляковаго песчаника, найденныхъ мною около дороги, на спускѣ къ *рч. Сережъ*, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на возможный составъ почвы; — воззрѣніе это, подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что далѣе, на слѣдующемъ переѣздѣ (къ ст. Изынжульской), на спускѣ въ долину *Березовки*[1]), на правой сторонѣ дороги, дорожными работами вскрытъ детритусъ зеленовато-бѣлыхъ членовъ повидимому красноцвѣтной толщи, которая, наконецъ еще далѣе, около деревни *Сереуль*, выступаетъ уже и въ нѣкоторыхъ ярахъ (на 12-й верстѣ за Ильинскою), хотя, по словамъ мѣстныхъ жителей, въ сторонѣ отъ дороги развита также и угленосная толща съ залежами бураго угля. Далѣе, гдѣ мѣстность возвышается до уровня описаннаго выше зеленокаменнаго пояса, почва покрыта непроницаемымъ наносомъ и составъ ея можно видѣть только вблизи *Изынжульской станціи* (иначе Николаевская или Медвѣдская), гдѣ съ восточной стороны дороги бѣлѣется высокое обнаженіе нѣсколько другаго характера, нежели встрѣчавшіяся до сихъ поръ.

Весь утесъ состоитъ изъ тонко-слоистаго, вѣрнѣе сланцеватаго мергеля сѣровато, буровато и желтовато-бѣлаго цвѣта, мѣстами сѣраго; пласты этой породы обнаруживаетъ слабое (до 10°) и не вездѣ опредѣлимое паденіе вообще на NNW. Два часа поисковъ, совмѣстно съ женою, увѣнчались нахожденіемъ лишь одного неопредѣлимаго отпечатка растенія; тѣмъ не менѣе И. А. Лопатину удалось найти въ верхней части этого утеса прослоекъ, богатый отпечатками рыбъ. Рыбы эти, по свидѣтельству академика Ф. Б. Шмидта, принадлежатъ роду, распространенному въ девонской системѣ породъ, но видъ ихъ, по всей вѣроятности новый. Впредъ до предпринятаго нынѣ, ближайшаго изслѣдованія этихъ остатковъ, описанный выше мер-

[1]) Въ долинѣ этой рѣчки я нашелъ часть небольшаго валуна, состоящаго изъ среднезернистаго, буровато-желтаго сіенита, порфировидное строеніе котораго зависитъ отъ таблицеобразныхъ кристалловъ полеваго шпата и черной или зеленовато-черной роговой обманки.

гель означенъ на моей картѣ особою краскою и буквою D съ вопросительнымъ знакомъ. Какъ мы увидимъ ниже, порода эта, представляетъ собою особый, стратиграфическій горизонтъ, залегая поверхъ красноцвѣтныхъ песчанниковъ.

Слѣдующій переѣздъ, до Ключевской станціи (Ключи), на большей части протяженія занятъ тѣмъ-же мергельнымъ сланцемъ. Такимъ образомъ на 8-й верстѣ за Изынжульскою, въ долины *рч. Тарханки*, впадающей съ правой стороны въ рч. Сережъ, около 10 верстъ на западъ отъ дороги (см. обратный путь), сланецъ этотъ обнажается здѣсь около самаго уровня Тарханки, обнаруживая замѣтное паденіе на N 10 W. Въ долинѣ той-же рѣчки добываютъ кромѣ того плиты краснаго рухляковаго песчаника, который, какъ мы увидимъ ниже, обнажается ближе къ устью Тарханки; къ тому-же, въ этой долинѣ попадаются еще куски сѣраго известняка, похожаго на Качинскій и, что еще интереснѣе, не малыя глыбы макрокристаллическаго сіенита, указывающія на развитіе этой породы къ востоку, т. е. на водораздѣлѣ между Сережемъ и Чулымомъ (см. карту).

Тотъ-же сланецъ продолжается и далѣе за Тарханкою, причемъ, начиная съ 10-й версты (счетъ отъ Изынжуля), дорога постепенно подымается на хребтовидное возвышеніе почвы (сѣверо-восточное продолженіе такъ называемаго Солгонскаго хребта). Высота его (1505′ н. ок.) нѣсколько превосходитъ уровень возвышенія, которое мы пересѣкли въ излучинѣ Чулыма, хотя, очевидно, вполнѣ укладывается въ предѣлы колебанія высотъ средней терассы. Плитки того-же мергеля и куски съ щетками известковаго шпата выступаютъ также на подъёмѣ, на 14-й верстѣ, въ видѣ осыпанныхъ выходовъ, причемъ попадаются и куски Качинскаго известняка, какъ на Тарханкѣ.

Послѣдняя изъ названныхъ породъ на 19-й верстѣ образуетъ уже мѣстами, хотя и едва замѣтные изъ подъ наноса, но несомнѣнные, выходы нѣсколько въ сторонѣ отъ главной дороги (по объѣзднымъ дорогамъ), а около самой *Ключевской станціи*, въ ямѣ на западной сторонѣ дороги, известнякъ этотъ наблюдается достаточно ясно, представляя здѣсь весьма интересное, но къ сожалѣнію плохо обнаженное явленіе. Дѣло въ томъ, что, совмѣстно съ известнякомъ, въ ямѣ выступаетъ также и зеленокаменная порода, но отношенія ихъ другъ къ другу настолько неясно, что судить объ относительномъ возрастѣ грюнштейна по стратиграфическимъ даннымъ нѣтъ никакой возможности. Петрографическій анализъ, произведенный К. К. Фохтомъ, показалъ впрочемъ что порода эта есть базальтъ въ разрушенномъ видѣ, чѣмъ въ извѣстной степени опредѣляется и относительная древность его. Грюнштейновая (базальтовая) дресва служитъ здѣсь для исправленія дороги и потому куски этой породы попадались мнѣ уже начиная съ 15-й версты за Изынжульскою станціею, но они, какъ привезенные изъ Ключей, не упоминались въ соотвѣтственномъ мѣстѣ описанія этой дороги.

Какъ въ кускахъ, такъ и въ плохихъ выступахъ, базальтъ, очевидно вытѣснившій остальныя породы, попадается почти непрерывно до спуска на противуположный склонъ хребтовидной возвышенности, гдѣ, на 6-й верстѣ за Ключевскою, въ видѣ глыбъ началъ появляться красноватый и красный песчаникъ, вслѣдъ за которымъ, на 8-й верстѣ, въ ямѣ около дороги, опять выступаетъ желтоватый и буроватый мергельный сланецъ (Изынжульскій) повидимому въ горизонтальныхъ пластахъ и мѣстность въ свою очередь приняла видъ плоской возвышенности. Такой-же выходъ мергеля замѣчается и далѣе около дороги, послѣ чего, и вслѣдъ за спускомъ на болѣе низкую площадь (на 12-й верстѣ), наносная почва сопровождаетъ путешественника до *станціи Рыбалки*.

Въ долинѣ Рыбалки, слѣдующей на югъ къ лѣвому берегу Чулыма (см. карту), около деревни попадаются плитки зеленоватаго рухляка, а въ сторонѣ отъ дороги, вверхъ по этой долинѣ, добываютъ красный песчаникъ на жерновные камни; но ниже по долинѣ, въ склонѣ лѣваго берега бѣлѣются мѣстами небольшія обнаженія или осыпи, изъ которыхъ возятъ на дорогу мергельный сланецъ (Изынжульскій). Выходы той-же породы появля-

ются время отъ времени (на 10-й, 12-й, 14-й верстахъ) на всемъ протяженіи переѣзда до заливнаго луга р. Чулыма; она обнажается даже и на правомъ берегу этой рѣки, около перевоза, гдѣ располагается *Корелинская станція* (иначе Корелка), опускаясь здѣсь, повидимому въ горизонтальномъ положеніи, до самаго уровня рѣки; тѣмъ не менѣе, смотря отсюда на склонъ лѣваго берега долины Чулыма, видно, что восточнѣе устья Рыбалки, склонъ этотъ, внизъ по теченію рѣки, обнажаетъ уже красноцвѣтные пласты, выступающіе очевидно изъ подъ мергеля средней и нижней части Рыбалки.

На протяженіи слѣдующаго переѣзда (32 версты), дорога слѣдуетъ сначала по террассѣ праваго берега р. Чулыма на О и OSO, а затѣмъ поворачиваетъ вообще къ югу на водораздѣльную возвышенность («хребетъ») между Чулымомъ и Енисеемъ, на лѣвомъ берегу котораго располагается Аёшинская почтовая станція (иначе Аёшки). Хребтикъ этотъ слѣдуетъ вообще сѣверо-восточному направленію, расчлененъ здѣсь нѣкоторыми болѣе или менѣе продольными долинами, пріобрѣтаетъ мѣстами слегка угловатыя и зазубренныя очертанія, причемъ южные склоны его гребней отличаются всегда бо́льшею крутизною и скалистостью, въ противуположность сѣвернымъ, а въ концѣ 27-й версты (счетъ отъ Корелинской) дорога пересѣкаетъ высшій пунктъ, извѣстный подъ названіемъ Черной сопки (около 1550′ абс. высоты), откуда слѣдуетъ крутой спускъ къ долинѣ Енисея.

Хотя первая, значительная часть переѣзда покрыта наносною почвою, тѣмъ не менѣе, какъ видъ обнаженій лѣваго берега Чулыма, такъ мѣстами и цвѣтъ суглинковъ указываетъ на развитіе здѣсь красноцвѣтной толщи породъ, выступающей въ обнаженіяхъ около дороги, лишь начиная съ конца 17-й версты. Пласты ея падаютъ на NNW, причемъ отдѣльность почти отвѣсная къ плоскости наслоенія, но съ простираніемъ, совпадающимъ съ простираніемъ слоевъ, обусловливаетъ упомянутую выше крутизну южныхъ склоновъ гребней. На 27-й верстѣ, уже на подъемѣ на *Черную Сопку*, средп краснаго рухляковаго

песчаника, залегаетъ пластъ темно-сѣраго известняка; высшій пунктъ этотъ образуется однимъ лишь, довольно мощно развитымъ, наноснымъ отложеніемъ (лёссъ, см. ниже), цвѣтъ котораго никакъ не оправдываетъ названіе этой горы. Наконецъ, на спускѣ съ сопки и до самаго Енисея, наблюдается перемежаемость пластовъ различныхъ оттѣнковъ (отъ краснаго и темно-бураго до болѣе блѣдныхъ), принадлежащихъ той-же красноцвѣтной группѣ породъ съ тѣмъ-же паденіемъ, причемъ уголъ наклона, не превосходившій сначата 30 или 35°, увеличивается ближе къ Енисею и около него почти до отвѣснаго. Среди пластовъ этихъ попадается между прочимъ крупнозернистый красный песчаникъ (напр. въ долинѣ около вытекающаго въ неё ключа, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги), переходящій въ конгломератъ.

Тѣ-же пласты развиты и далѣе къ югу, по обоимъ берегамъ Енисея, между *Аёшинскою станціею* и Батеневскою (29 верстъ); плитами краснаго песчаника обставлены и древніе курганы, которыми, можно сказать, усѣяны здѣсь нѣкоторыя части дороги. Пласты пріобрѣтаютъ опять пологій наклонъ (паденіе въ ту-же сторону, т. е. NNW), мѣстами почти горизонтальны, но на 13-й верстѣ замѣчается измѣненіе въ паденіи, именно: отъ W, WSW и SW до совершенно противуположнаго прежнему, съ незначительнымъ (10—20°) впрочемъ наклономъ, причемъ, на той-же 13-й верстѣ, можно видѣть и пластъ известковаго сланца, залегающій между краснымъ и бурымъ песчаниками. Между *Батеневскою станціею* (иначе Батенй) и Усть-Ербинскою, дорога опять пересѣкаетъ хребтовидное возвышеніе почвы вообще съ сѣверо-восточнымъ направленіемъ. На правомъ берегу Енисея, какъ видно изъ изслѣдованій Чихачева, а также по цвѣту высокихъ утесовъ и по распросамъ у мѣстныхъ жителей, еще нѣсколько сѣвернѣе Батеней выступаетъ уже зеленокаменная порода, переходящая сейчасъ-же выше станціи и на окраину лѣваго берега съуженнаго здѣсь Енисея (см. карту); но по дорогѣ, уклоняющейся болѣе къ западу отъ рѣки, на протя-

женіи 13 верстъ выступаетъ все еще красный песчаникъ, падающій на NNW и залегающій на пластѣ подчиненнаго ему известняка. Тѣмъ не менѣе, по бокамъ тракта, на болѣе высокихъ пунктахъ, породы эти уже на 9-й верстѣ смѣняются кристаллическими, совершенно вытѣсняющими ихъ, лишь начиная съ 14-й версты. Взятые мною образцы, по опредѣленію К. К. Фохта, оказались трахитомъ, а одинъ изъ штуфовъ признанъ долеритомъ. Отсюда зеленокаменная порода (долеритъ) образуетъ собою весь хребтикъ до подножія его около низовьевъ рч. Ербы, по которой развиты уже члены красноцвѣтной толщи.

Подъѣзжая къ *Усть-Ербинской станціи* можно видѣть, что перемежаемость красноцвѣтныхъ породъ съ сѣровато-желтыми образуетъ собою всю высоту горъ праваго берега р. Енисея, выдвигаясь тамъ сравнительно болѣе къ сѣверу, нежели на лѣвомъ; тамъ-же весьма ясно замѣтно, что пласты этихъ породъ наклонены уже вверхъ по теченію Енисея. Обстоятельство это доказано еще Чихачевымъ, наблюдавшимъ тамъ SSO паденіе, тогда какъ нѣсколько южнѣе, около праваго берега рч. Сыдъ, имъ обнаруженъ и противуположный наклонъ слоевъ тѣхъ-же породъ, именно NNW (loco cit.), такъ, что теченіе рч. Ербы соотвѣтствуетъ поэтому синклинальному изгибу красноцвѣтной толщи, продолжающемуся и далѣе на западъ (см. карту), въ чемъ я убѣдился на обратномъ пути изъ Минусинска.

Дорога изъ Усть-Ербы къ слѣдующей, Абаканской станціи ведетъ хотя по мѣстности, покрытой наносною почвою, тѣмъ не менѣе, въ сторонѣ, время отъ времени виднѣются все красноцвѣтныя породы, изъ которыхъ состоятъ и плиты многочисленныхъ здѣсь древнихъ кургановъ, а на 17-й верстѣ можно видѣть утесъ на правомъ берегу Енисея, въ которомъ пласты тѣхъ-же породъ ясно падаютъ внизъ по теченію рѣки, подъ угломъ до 45°, должно быть на NW или NNW; наконецъ, въ концѣ 23-й версты, около перевоза къ *Абаканскому селу*, въ утесахъ лѣваго берега рѣки, давно извѣстныхъ въ литературѣ

по сохранившимся на нихъ надписямъ и рисункамъ древнихъ аборигеновъ, пласты краснаго рухляковаго песчаника падаютъ точно также внизъ по теченію, именно, на NW, сначала подъ угломъ до 12°, а выше по рѣкѣ до 20 и 30°.

Отсюда дорога слѣдуетъ уже вверхъ по правому берегу Енисея, сначала вдали отъ коренныхъ выступовъ породъ; за то, по утесамъ, видимымъ на лѣвомъ берегу рѣки, оказывается, что сѣверо-западный наклонъ рухляковыхъ песчаниковъ, начиная съ 5-й версты за с. Абаканскимъ, переходитъ въ антиклинальное прежнему паденіе. Явленіе это наблюдается еще яснѣе на 13-й верстѣ, а на 14-й появляется утесъ сѣраго рухляка, пласты котораго падаютъ на SSO съ наклономъ въ 30°, покрываясь далѣе краснымъ песчаникомъ. Затѣмъ, уже на 25-й верстѣ, недалеко отъ *Туранской станціи*, въ утесистомъ лѣвомъ берегу Енисея, можно видѣть весьма ясный, синклинальный перегибъ пластовъ красноцвѣтной толщи, падающей далѣе вверхъ по рѣкѣ на NNW, какъ это видно и въ нѣсколькихъ верстахъ за названною станціею. Дорога удаляется здѣсь вообще къ юго-востоку, по направленію къ переправѣ черезъ р. Тубу, многоводный правый притокъ Енисея. На лѣвомъ берегу Тубы располагается *станція Городокъ*, послѣдняя передъ г. Минусинскомъ.

Въ утесахъ по берегамъ *р. Тубы* обнажается все та-же группа породъ съ тѣмъ-же сѣвернымъ паденіемъ пластовъ, но выше по рѣкѣ, не смотря на отдаленіе, ясно выраженъ уже противуположный наклонъ пластовъ, отношеніе котораго къ видимому здѣсь сѣверному паденію можетъ быть окончательно выясненнымъ лишь тогда, когда явленія эти будутъ нанесены на точную съемку р. Тубы. Тогда вырѣшится и вопросъ: размываетъ-ли здѣсь рѣка синклинальную складку или-же антиклинальную. Первое повидимому правдоподобное, судя по относительному положенію обоихъ паденій: южное располагается, кажется, нѣсколько сѣвернѣе мѣста, въ которомъ наблюдается сѣверный наклонъ, и потому оно (т. е. южное паденіе по р. Тубѣ) можетъ быть антиклинальнымъ къ замѣченному около Туранской станціи.

Очень пологій подъемъ ведетъ отъ Городка на плоскую возвышенность, отдѣляющую его отъ Минусинска. Мѣстность покрыта наноснымъ отложеніемъ, маскирующимъ составъ почвы, и только на 23-й верстѣ, въ долинкѣ пересѣкающей дорогу, наблюдаются выходы плотнаго сѣраго рухляка, похожаго на сподчиненный красноцвѣтной толщѣ, послѣ чего опять замѣчаются одни лишь наносы.

Экскурсія изъ г. Минусинска къ горамъ около праваго берега Енисея, внизъ по его теченію, подтверждаетъ это воззрѣніе, доказывая, что здѣсь дѣйствительно развита та-же толща породъ, о чемъ впрочемъ извѣстно уже изъ изслѣдованій Чихачева. Обнаженіе около *рч. Минусинки* состоитъ изъ рухляка, почти совершенно тождественнаго съ упомянутымъ выше и занимающаго очевидно болѣе низкій стратиграфическій уровень этой системы пластовъ, съ едва замѣтнымъ наклономъ, кажется, на NO (должно быть сдвигъ).

Затѣмъ, переваливъ на низменное прибрежіе Енисея, на которомъ располагается *деревня Быстрая*, и взглянувъ на сѣверо-востокъ, гдѣ прибрежіе это постепенно возвышается къ окружающимъ его склонамъ горъ, пласты, обнажающіеся въ этихъ склонахъ, образуютъ повидимому антиклинальный перегибъ; на кажущейся оси послѣдняго располагается долинка, по которой дорога подымается на перевалъ къ Майдашинской долинѣ. Дѣйствительность южнаго крыла этого перегиба осталась непровѣренною, что-же касается сѣвернаго, то оно подтверждается и горнымъ компасомъ и состоитъ изъ перемежаемости слѣдующихъ пластовъ (считая снизу вверхъ), падающихъ на NW, съ наклономъ въ 15°.

а) Красный песчаникъ;

б) Сѣрый и буро-желтый песчаникъ; въ немъ найденъ отпечатокъ лепидодендрона и нѣкоторыхъ другихъ растеній. Продолженіе этого пласта образуетъ вершину болѣе низкой части отрога, направляющейся къ Енисею и извѣстной подъ названіемъ *Майдашинской горы*. Осмотръ мѣстности склоняетъ меня къ

убѣжденію, что въ западномъ продолженіи того-же пласта, ближе къ Енисею, добыта И. А. Лопатинымъ флора, которую Шмальгаузенъ причислилъ къ Ursa-Stufe.

в) Красный песчаникъ и рухлякъ; головы ихъ на восточной сторонѣ дороги позволяютъ опредѣлить упомянутый выше наклонъ пластовъ на NW; въ нихъ найдены лишь неясные отпечатки водорослей.

г) Зеленый сланцеватый и тонко-слоистый рухляковый песчаникъ; хорошо обнаженный уже на лѣвомъ склонѣ Майдашинской долинки и переходящій также на ея правый берегъ; въ немъ, около самой долинки, въ свою очередь найдены мною отпечатки той-же флоры и водорослей. Наконецъ,

д) Опять буро-желтый и сѣроватый песчаникъ, залегающій на лѣвомъ склонѣ Майдашинской долинки поверхъ зеленаго пласта, въ видѣ части уцѣлѣвшей отъ размыва.

Здѣсь Н. М. Мартьяновымъ открыты отпечатки такой-же флоры; мои поиски, въ сопровожденіи Н. М., показавшаго мнѣ это мѣстонахожденіе, въ свою очередь увѣнчались успѣхомъ.

Непосредственное залеганіе послѣднихъ двухъ пластовъ на красномъ песчаникѣ (в) юго-восточнаго склона и вершины горы не обнажено, а указанный мною ихъ стратиграфическій уровень предположенъ лишь на основаніи мѣсторасположенія выходовъ этихъ пластовъ относительно того-же краснаго песчаника, падающаго на NW. Тѣмъ не менѣе спускъ по лѣвому берегу Майдашинской долинки къ Енисею обнаруживаетъ, что гипсометрически ниже зеленаго сланца, кажущагося здѣсь почти совершенно горизонтальнымъ (долинка даетъ разрѣзъ почти съ точностью по простиранію породъ), обнаруживается осыпь красныхъ рухляковъ, долженствующихъ залегать, такимъ образомъ, подъ зеленымъ пластомъ.

Во всякомъ случаѣ, изъ сказаннаго очевидно, что флора, характеризующая Ursa-Stufe, встрѣчается здѣсь не въ какихъ либо отложеніяхъ, покрывающихъ красные рухляки и песчаники (или вообще красноцвѣтную толщу), а напротивъ, въ пластахъ, пе-

ремежающихся съ системою этихъ породъ, причемъ, если перемежаемость рухляковъ и песчаниковъ съ известнякомъ относить къ низшему стратиграфическому уровню системы, на что указываютъ повидимому окрестности г. Красноярска (см. также ниже) то представители девонско-каменноугольной флоры встрѣчаются здѣсь очевидно лишь ближе къ висячему боку толщи, вѣрнѣе, въ верхнихъ ея частяхъ. Если прибавить къ тому-же, что на юго-западѣ отъ г. Минусинска, около села Бейскаго (рч. Бея, правый притокъ р. Абакана), въ сѣромъ известнякѣ, выступающемъ вполнѣ согласно изъ подъ красноцвѣтной толщи, Н. М. Мартьяновымъ открыты ископаемые остатки, коллекція которыхъ, собранная впослѣдствіи И. А. Лопатинымъ, послужила проф. Штукенбергу для опредѣленія несомнѣнно девонскаго возраста заключающаго ихъ известняка [1]), то очевидно, что возрастъ этотъ распространяется и на всю красноцвѣтную толщу, вопросъ, о подробностяхъ котораго будетъ еще сказано ниже, при обзорѣ этой системы во всей области ея извѣстнаго до сихъ поръ распространенія.

Въ настоящее время замѣчу здѣсь еще, что начатыя въ юго-западныхъ и южныхъ частяхъ Минусинскаго округа геологическія изслѣдованія Д. А. Клеменсомъ, должны пролить еще болѣе свѣта какъ на составъ красноцвѣтной толщи, такъ и на ея возрастъ. Изъ разговоровъ съ этимъ молодымъ геологомъ я узналъ, что сѣрый известнякъ находится и тамъ въ такихъ стратиграфическихъ условіяхъ, которыя заставляютъ смотрѣть на него не иначе какъ на одинъ изъ членовъ интересующей насъ системы, къ тому-же по рр. Камыштѣ и Таштыбѣ (лѣвые притоки Абакана) имъ въ свою очередь найдены ископаемые остатки (я видѣлъ и получилъ по одному штуфу съ кораллами), требующіе ближайшаго опредѣленія.

Не желая возвращаться изъ Минусинска тѣмъ-же путемъ, къ тому-же желая по возможности соображаться съ бывшими у

[1]) Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg.

меня средствами, я сдѣлалъ два уклоненія отъ почтовой дороги, именно: по совѣту Н. М. Мартьянова, изъ Минусинска я поѣхалъ по лѣвому берегу Енисея, черезъ Абаканскую инородческую управу (Дума), затѣмъ черезъ соляное озеро Ушкуль, деревни: Биджу, Бородинò, Тесь и Знаменку, откуда выѣхалъ на знакомую уже намъ Батеневскую станцію (см. карту); второе-же отклоненіе отъ прежняго моего маршрута я сдѣлалъ переѣхавъ Чулымъ около Корелинской станціи, — повернулъ на сѣверо-западъ, черезъ Кузурбу въ с. Ужурское, а затѣмъ опять на сѣверо-востокъ, черезъ деревни Изыкджуль, Солгонъ и Тарханку, откуда уже выѣхалъ на почтовую дорогу, къ станціи Изыжульской (см. выше).

Отъ г. Минусинска дорога слѣдуетъ на юго-западъ, черезъ обширный *Тагарскій островъ*, обнаруживающій въ большей части своей поверхности одни лишь наносныя образованія; тѣмъ не менѣе, западная, болѣе высокая часть его состоитъ изъ красныхъ и зеленыхъ членовъ знакомой намъ уже толщи. Главное русло Енисея переплывается около такъ называемаго *Подсиняго улуса*, гдѣ въ свою очередь выступаютъ зеленый и красный мергельные сланцы, падающіе на SW или SO (паденіе трудно опредѣлимое, вообще на S). Далѣе, около устья *р. Абакана*, красный песчаникъ падаетъ уже на NO, тогда какъ около *Усть-Абаканской управы* (Дума) зеленый и красный песчаники и мергеля наклоняются на SW, образуя очевидно продолженіе крыла складки, осмотрѣннаго около Подсиняго улуса. Въ пластахъ этихъ, около самой рѣки, находятся многочисленные, но неясные отпечатки водорослей.

Изъ Управы я направился на сѣверо-западъ на Ушкульскій солеваренный заводъ, расположенный собственно не на озерѣ Ушкулѣ, а на Кызыль-кулѣ (Кызыль-кюль), лежащемъ южнѣе дѣйствительнаго Ушкюля (см. карту). Длинный переѣздъ (около 40 верстъ) ведетъ по степной, безлѣсной мѣстности, совершенно покрытой наносомъ и поросшей травою, среди которой, послѣ подъема на болѣе значительную высоту, наблюдается

много весьма мелкой гальки, происшедшей очевидно отъ разрушенія конгломератовыхъ прослойковъ, встрѣчающихся, какъ мы увидимъ ниже, среди пластовъ той-же системы. Въ послѣдній часъ ѣзды насъ захватили сумерки, а затѣмъ и темнота, во время которой мы спустились въ долину *солевареннаго завода*, гдѣ только и показались скалистые склоны и обнаженія.

Долина Кызыль-кюля, на которомъ именно и построенъ (вѣрнѣе, строится еще) заводъ, отличается вообще почти меридіанальнымъ направленіемъ (N 20 O) и довольно значительно углублена въ окружающую её мѣстность. Ложбина этого высыхающаго озера (при мнѣ оно было совершенно сухимъ) имѣетъ до нѣкоторой степени эллиптическое очертаніе при вообще небольшихъ размѣрахъ. Коренная порода выступаетъ здѣсь какъ по довольно крутымъ берегамъ долины, такъ въ прибрежной террассѣ, а мѣстами и на самомъ днѣ озера. Какъ видно по обнаженіямъ западнаго склона и самаго дна долины, почва состоитъ здѣсь изъ перемежаемости тонкихъ пластовъ известняка, содержащаго гнѣзда и прожилки роговика, съ красными и зелеными сланцеватыми мергелями; зеленые мергели имѣютъ значительное развитіе, залегая здѣсь и подъ известнякомъ, два пласта котораго виднѣются въ склонѣ западнаго берега. Замѣчательно, что простираніе этихъ породъ является здѣсь близкимъ къ меридіанальному, измѣняясь въ предѣлахъ этой долины отъ N 30 W до N 25 O, съ паденіемъ какъ западнымъ, такъ и антиклинальнымъ, что доказывается выходомъ головъ зеленаго сланца на днѣ южной части озера, гдѣ они, залегая здѣсь очевидно подъ горизонтомъ известняка, падаютъ весьма правильно какъ на W 25 N, такъ и на O 25 S, при наклонѣ, не превышающемъ 25°. На этой именно антиклинальной линіи, благодаря указаніямъ и помощи технолога Венцковскаго, мы добыли коллекцію чешуй вымершихъ рыбъ, большое количество которыхъ въ смѣси съ обломками костей погребена въ зеленыхъ сланцахъ дна озера.

Другое мѣстонахожденіе этихъ остатковъ открыто г. Венцковскимъ нѣсколько сѣвернѣе, ближе къ заводскимъ построй-

камъ; къ сожалѣнію, однако, никому изъ насъ не удалось найти болѣе или менѣе цѣльныхъ экземпляровъ рыбъ, которымъ принадлежали эти разрозненныя чешуи, — обстоятельство, значительно затрудняющее опредѣленіе ихъ. Кромѣ указанныхъ выше породъ, встрѣчаются еще пропластки конгломерата съ мелкою галькою; изъ минераловъ, въ пластахъ этихъ попадаются еще ангидритъ и гипсъ. Болѣе подробное описаніе орографическаго и геогностическаго строенія этой мѣстности слѣдуетъ выжидать отъ г. Венцковскаго, тщательно занимающагося ея изученіемъ.

Изъ завода путь мой направился вообще на NNO, къ деревнѣ Биджѣ. Въ промежуткѣ между Кызыль-кюлемъ и дѣйствительнымъ *Ушъ-кюлемъ*, лежащимъ сѣвернѣе перваго (Кызыль = красный, а Ушъ = бѣлый), и въ противуположность ему, покрытымъ не красною глиною, а какимъ-то бѣловатымъ наносомъ (быть можетъ солончаковою корою, — я видѣлъ его лишь съ отдаленія), замѣчаются низкіе гребневидные выходы известковыхъ пластовъ съ роговикомъ, простирающіеся на N 30 O, а около Ушкуля, на восточной сторонѣ его долины, порода эта покрыта зеленовато-желтымъ сланцемъ, падающимъ на W 30 N, и содержащимъ растительные отпечатки, похожіе на лепидодендроны медвѣжьяго яруса, причемъ слѣдуетъ прибавить, что залеганіе этого сланца на известнякѣ, является вполнѣ согласнымъ [1]).

Далѣе, проѣхавъ степью около ключа, извѣстнаго подъ названіемъ Карасу̀къ, опять выдается гребневидный выходъ того-же известняка, направляющійся съ SO на NW, но не представляющій необходимыхъ условій для того, чтобы направленіе это считать совпадающимъ съ простираніемъ пласта, а ближе къ Биджѣ, на плоской поверхности мѣстности, наблюдаются многочисленныя плитки красноватаго мергеля и куски известняка. Горизонтъ закрывается здѣсь невысокимъ хребтомъ, но-

[1]) Такое положеніе пластовъ требовало-бы, разумѣется, повернуть къ NW и продолжать изученіе мѣстности въ этомъ направленіи, но путь мой, какъ на зло, пролегалъ на NNO, а отклоненіе отъ намѣченнаго маршрута требовало бы какъ соотвѣтственнаго времени, такъ и издержекъ.

сящимъ названіе *Азыръ-тáлъ* и направляющимся съ WSW на ONO; около него расположена *деревня Биджи,* изъ него вытекаетъ и рѣчка того-же имени, а затѣмъ Кокса и можетъ быть верховья рр. Тесь и Ербы. Хребетъ этотъ является вѣтвью Кузнецкаго Алатау, слѣдующею между верховьями Бѣлаго Юса (правое верховье р. Чулыма) и лѣвыхъ притоковъ р. Абакана, причемъ, въ своемъ сѣверо-восточномъ направленіи, онъ пересѣкаетъ теченіе Енисея, переходя въ предѣлы такихъ его притоковъ, какъ рр. Убей, Сиспмъ и Мана (см. Гипсометрическая карта Минусинскаго и сосѣднихъ ему округовъ П. Краснотки на, loco cit.), хотя, какъ мы видѣли выше, при описаніи экскурсіи по р. Кану, онъ не продолжается такъ далеко къ востоку, какъ показано на той-же картѣ г. Краноткина.

Маршрутъ мой *отъ деревни Биджи, черезъ Толчею и Бородино, на рч. Тесь* (см. мою карту) пересѣкаетъ самую интересную, южную изъ двухъ лопастей этого хребта, которыми онъ приближается къ лѣвому берегу Енисея. Вѣтвь эта не бѣдна даже обнаженіями; тѣмъ не менѣе для изученія стратиграфическихъ условій выступающихъ здѣсь породъ путь этотъ оказался недостаточнымъ и требовалъ бы значительныхъ экскурсій въ сторону, несовмѣстныхъ ни съ временемъ, которымъ я могъ располагать, ни со средствами, ни, наконецъ, съ наличнымъ итогомъ моихъ физическихъ силъ. Вотъ почему свѣдѣнія, которыя я въ состояніи передать объ этомъ хребтѣ въ настоящее время, указываютъ лишь на довольно сложное и небезъинтересное строеніе его и еще слишкомъ далеки отъ того, чтобы разрѣшить тѣ вопросы, которые порождаются осмотромъ этой дороги.

Уже въ руслѣ *рч. Биджи,* въ предѣлахъ деревни, гдѣ она выходитъ изъ хребта, можно видѣть остроребериые куски сѣраго и аспидно-сѣраго, плотнаго или мелко-кристаллическаго известняка, иногда съ прожилками какъ краснаго, такъ и сѣраго роговика; известнякъ этотъ обжигается мѣстными жителями. Затѣмъ, по дорогѣ къ Бородину, слѣдующей сначала около подножія хребта на ONO, можно видѣть выступы известковистаго

песчаника сѣраго цвѣта, падающаго на SO, а въ розсыпи попадается и известнякъ, тогда какъ въ плитахъ, которыми обставлены древніе курганы около дороги, являются какъ красный песчаникъ и известнякъ, такъ и красный гранито-сіенитъ. Среди обломковъ известняка попадается еще красное, брекчіевидное его видоизмѣненіе.

Далѣе дорога поворачиваетъ на NNO и даетъ такимъ образомъ поперечный разрѣзъ хребта.

Вслѣдъ за высокими известковыми утесами, образующими юго-восточный склонъ, дорога вступаетъ на почву, состоящую изъ породы, которая, по опредѣленію К. К. Фохта, оказалась діабазовымъ порфиритомъ; въ немъ проложено и русло перваго изъ пересѣкаемыхъ ключей системы *рч. Коксы* (см. карту). Затѣмъ слѣдуетъ подъемъ на высокій отрогъ, состоящій опять изъ известняка какъ сѣраго, такъ и темно-сѣраго, плотнаго, съ жилками бѣлаго известковаго шпата; паденіе пластовъ его, по видимому SO, но не на столько ясное, чтобы счесть это несомнѣннымъ положеніемъ слоевъ, отношеніе которыхъ къ порфириту, въ свою очередь, неясно, и, судя по гипсометрическимъ особенностямъ выходовъ, позволяютъ даже предполагать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пластами, совершенно покрывавшими собою эту массивную породу, обнажившуюся лишь впослѣдствіи, благодаря размыву.

За известнякомъ, въ долинѣ *рч. Толчеи,* путешественникъ встрѣчаетъ полосу зелено-каменной породы (діабазъ, согласно К. К. Фохту), входящую въ составъ и высокихъ горъ, какъ видно на восточной сторонѣ дороги, причемъ, взглянувъ отсюда на юго-востокъ, замѣчается весьма отчетливо, что съ этой стороны, вслѣдъ за грюнштейномъ, въ склонѣ слѣдующихъ, менѣе значительныхъ высотъ обнажаются уже члены красноцвѣтной толщи, прерывающей здѣсь, очевидно, хребетъ съ его своеобразными породами, и подступающей къ нему со стороны Енисея. Лѣвый берегъ долины Толчеи опять обнажаетъ известнякъ, но не на долго, такъ какъ за нимъ вскорѣ появляется

тотъ-же грюнштейнъ, образуя собою и высшія точки склона долины *Коксы*, въ которой расположена и *деревня Бородино*. Около деревни, однако, и далѣе въ долинѣ, замѣчаются куски известняка въ видѣ розсыпи изъ подъ наноса, а въ плитахъ, которыми обставлены многочисленные курганы въ долинѣ Коксы, замѣчаются: красный песчаникъ съ такимъ-же конгломератомъ, порфиритъ, блѣдно-красный гранитъ и трахитъ (по К. К. Фохту).

Обстоятельство это указываетъ очевидно на близкіе выходы этихъ породъ въ ихъ коренномъ мѣсторожденіи. Изъ нихъ всего интереснѣе былъ для меня конгломератъ, подчиненный красному известковистому (рухляковому) песчанику, такъ какъ въ образующей его галькѣ я нашелъ кусокъ сѣраго известняка, похожаго на обнаженный въ пересѣкаемомъ хребтѣ. Фактъ этотъ, очевидно, важенъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на относительную древность (до-девонскую) известняка, входящаго въ составъ описываемаго хребта.

Далѣе, на лѣвомъ берегу *рч. Коксы*, около самой дороги, опять выступаетъ зелено-каменная порода, продолжающаяся съ нѣкоторыми видоизмѣненіями до длиннаго и пологаго склона къ широкой луговой долинѣ *рч. Тесь*. На этомъ протяженіи дороги, еще въ предѣлахъ развитія грюнштейна, на NO отъ пути, замѣчаются уже въ нѣкоторомъ отдаленіи склоны обнаженныхъ красноцвѣтныхъ породъ, подступающихъ къ хребту со стороны Енисея, а на упомянутомъ склонѣ къ долинѣ *рч. Тесь*, около самой дороги наблюдаются плохіе впрочемъ выступы весьма оригинальнаго конгломерата, похожаго на разрушающійся гранитъ.

Еще ниже и ближе къ луговой части долины, изъ-подъ растительнаго слоя выдается длинный гребневидный выступъ краснаго мергеля, простирающійся полосою съ W на O, а на лѣвомъ берегу долины Теси наблюдаются уже хорошія обнаженія красноцвѣтной толщи, пласты которой падаютъ здѣсь на NW. Отсюда плоскій и низкій водораздѣлъ ведетъ къ *р. Ербь*, на которой расположена *деревня Знаменка*, отстоящая отъ знакомой

намъ уже Усть-Ербинской станціи верстъ съ 20 къ WSW. Изъ Знаменки я проѣхалъ въ *Батеневскую станцію* черезъ возвышенность, состоящую изъ того-же грюнштейна, съ которымъ мы ознакомились уже на почтовой дорогѣ.

Проѣхавъ прежнею дорогою до станціи Корелинской на р. Чулымѣ, я сдѣлалъ *второй отворотъ* отъ тракта, какъ сказано выше, черезъ село Ужурское и около склона праваго берега долины верховьевъ рч. Сережъ, къ станціи Изынжульской.

Отъ лѣваго берега Чулыма, за Корелкою, начинается постепенный и пологій подъемъ на плоскую возвышенность, безъ никакихъ выходовъ коренныхъ породъ и только на 6-й или 7-й верстѣ камни около кургана свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь, гдѣ либо, встрѣчается сѣрый песчаникъ, вскипающій отъ кислоты и содержащій неясные отпечатки растеній, вслѣдствіе чего онъ уподобляется встрѣчавшимся по тракту юрскимъ отложеніямъ. Спустившись съ небольшаго уступа на площадь, по которой протекаетъ *ручей Чернавка*, въ сѣверной терассѣ, около деревни того-же имени, виднѣются повидимому горизонтальные пласты красноцвѣтной толщи, поверхъ которой замѣчается бѣлая осыпь, безъ сомнѣнія того-же мергельнаго сланца, съ которымъ мы постоянно встрѣчались, пересѣкая ту-же возвышенность нѣсколько восточнѣе, на пути изъ Рыбалки въ Корелинскую (см. также ниже), а далѣе, около деревни *Кузурбы* (23 версты отъ Корелинской), гдѣ мѣстность выше, добываютъ довольно рыхлый, крупнозернистый песчаникъ сѣраго цвѣта, переходящій даже почти въ конгломератъ; порода эта, не похожая на нормальные члены красноцвѣтной толщи, залегаетъ должно быть гипсометрически выше ея. Здѣсь-же слѣдуетъ замѣтить, что на пути между Чернавкою и Кузурбою, на западъ отъ дороги, виднѣется хребтовидная возвышенность, слѣдующая меридіанальному направленію, съ юга, по всей вѣроятности съ верховьевъ Чулыма, къ сѣверу, гдѣ она постепенно понижается (см. ниже).

Куски такого-же сѣраго песчаника, какъ выше, встрѣчены

около дороги и проѣхавъ Кузурбу, гдѣ путь постепенно поднимается на высшую площадь возвышенности, проходя мимо двухъ холмовидныхъ, уединенныхъ возвышеній, вытянутыхъ на NNW, причемъ около холмовъ наносная почва принимаетъ красный оттѣнокъ. Съ площади этой видно, что она ограничивается съ сѣверной стороны понизившеюся юго-западною вѣтвью Солгонскаго хребта, пересѣченнаго мною между Изынжулемъ и Рыбалкою (см. выше), а съ южной стороны хребтовиднымъ возвышеніемъ, слѣдующимъ очевидно по лѣвому берегу Чулыма, западнѣе Корелки, съ O на W, на встрѣчу упомянутымъ выше меридіанальнымъ горамъ, съ которыми оно повидимому и сливается, отдѣляя отъ себя передъ тѣмъ низкій отрогъ, слѣдующій на NNW. Отрогъ этотъ ограничиваетъ описываемую площадь съ запада и теряется въ ней такъ, что между нимъ и юго-западною оконечностью вѣтви Солгонскаго хребта, площадь наша является отчасти открытою въ сторону Ужурской долины, къ которой она всетаки еще возвышается. На этомъ протяженіи, около дороги, стали появляться куски сѣраго мергельнаго сланца, переходящаго отчасти въ сѣрый-же песчаникъ; затѣмъ, на спускѣ въ ложбину, показались плиты и куски краснаго, а отчасти и сѣраго песчаниковъ; — на слѣдующемъ возвышеніи выступаетъ опять мергельный сланецъ, а наконецъ, на спускѣ въ долину Ужура, въ которой располагается *село Ужурское,* сланецъ смѣняется еще разъ красноцвѣтною толщею, видимо залегающею подъ нимъ. Предположеніе это вполнѣ подтверждается и подъемомъ на правый берегъ долины, гдѣ сначала выступаютъ члены красноцвѣтной формаціи, а выше, хотя и въ осыпи, обнаруживается всетаки одинъ лишь мергелевый сланецъ, похожій на Изынжульскій.

Порода эта слагаетъ собою всю высокую терассовидную площадь, въ которой теряется названная вѣтвь Солгонскаго хребта и которая переходитъ и на сѣверо-западный склонъ его, со стороны долины рч. Сережъ, постепенно понижаясь и съуживаясь, а наконецъ и исчезая на этомъ склонѣ. Желтовато-

бѣлая осыпь убѣждаетъ въ томъ, что и самъ хребетъ въ этой его части образуется тою-же породою. Необходимо замѣтить однако, что плиты, которыми обставлены древніе курганы, встрѣченные на склонѣ съузившейся уже терассы, со стороны долины Сережъ, указываютъ, что въ этой мѣстности кроется гдѣ либо и порфировидный хлоритовый сланецъ.

Вскорѣ, около дороги, придерживающейся сѣверо-западнаго подножія этого хребта, кромѣ плитокъ и кусковъ мергельнаго сланца желтовато-бѣлаго и сѣроватаго цвѣта, появляются куски зеленокаменной породы, вытѣсняющей собою мергель на спускѣ къ ключу *Саразакову*, хотя лишь на короткое время, такъ какъ онъ опять появляется въ плиткахъ, проѣхавъ ключъ, не вытѣсняя впрочемъ попадающіеся здѣсь и куски грюнштейна[1]). Затѣмъ все покрывается наносомъ до самой *Изыкджульской деревни,* расположенной на сопменномъ ключѣ, который вытекаетъ изъ склона хребта и впадаетъ въ рч. Сережъ. Мѣстность эта поучительна въ томъ отношеніи, что на правомъ берегу названнаго ключа, отчасти еще въ предѣлахъ деревни, возвышается острововидный холмъ (см. фиг. 7-я) не далеко отъ подножія хребта; въ склонѣ-же этого холма наблюдается хорошее обнаженіе краснаго рухляковаго песчаника, перемежающагося съ рухлякомъ такого-же цвѣта, и покрытаго желтовато-бѣлымъ и желтымъ мергелевымъ сланцемъ, въ лежачемъ боку котораго, слѣдовательно на плоскости залеганія поверхъ красноцвѣтной толщи, располагается желто-бурый и сѣрый песчаникъ съ зеленоватою сланцеватою глиною. Паденіе пластовъ согласное, на NNW до NW подъ угломъ до 20°. Вверхъ по долинѣ ключа, на мѣстѣ выхода его изъ склона хребта на наносную площадь, отдѣляющую холмъ отъ склона горъ, виднѣются въ основаніи выступы и обнаженія красныхъ пластовъ, покрывающихся наносомъ въ части, гдѣ на нихъ должны залегать желтоватые мергели.

Отъ Изыкджуля дорога, придерживаясь вообще сѣверо-во-

[1]) По опредѣленію К. К. Фохта, это діабазъ.

сточнаго направленія, пролегаетъ по наносной площади широкой долины Сережа, до *деревни Яги*, вслѣдъ за которою, на пути къ *деревни Солгонъ*, она пересѣкаетъ подступающій здѣсь отъ хребта плоскій, терассовидный отрогъ, вѣрнѣе, неразмытую часть плоской возвышенности, ограниченную долинами Яги, Солгона и Сережа. Въ составѣ ея наблюдается тотъ-же мергельный сланецъ, хотя мысъ этотъ густо покрывается растительностью (травою). Далѣе, начиная съ праваго берега долины *рч. Солгонъ*, терассовидный склонъ плоской возвышенности дугообразно поворачиваетъ къ сѣверу и ближе къ *деревнѣ Тарханкѣ*, лежащей около устья сопменной рѣчки въ Сережъ (рч. Тарханку я пересѣкалъ по почтовой дорогѣ, восточнѣе этого пункта, см. выше), обнажаетъ типическіе члены красноцвѣтной толщи, добываемые здѣсь, какъ сказано выше, и для различныхъ практическихъ цѣлей; что-же касается подъема на правый берегъ долины Тарханки, то онъ доказываетъ, что верхняя часть плоской возвышенности состоитъ изъ сѣроватаго, желтовато-бѣлаго и сѣраго мергельнаго сланца, залегающаго поверхъ красныхъ породъ и продолжающагося до знакомой намъ уже *Изынжулской почтовой станціи*, откуда, до г. Ачинска, я возвращался уже описаннымъ выше путемъ.

Такимъ образомъ, дорога черезъ с. Ужурское, огибая такъ называемый Солгонскій хребетъ, склоняетъ къ мнѣнію, что полоса грюнштейна, образующая его высшія точки на меридіанѣ Ключевской станціи, скрывается подъ толщами осадочныхъ породъ въ своемъ юго-западномъ продолженіи и даетъ здѣсь знать о своемъ существованіи лишь незначительными выступами этой изверженной породы, замѣчаемыми у основанія хребта, склоны котораго обнаруживаютъ описанныя выше слоистыя отложенія.

Съ лѣваго берега р. Чулыма, около Ачинска, какъ сказано выше, начинается *низшая терасса плоской возвышенности*, продолжающаяся до р. Оби. Почтовый *трактъ отъ г. Ачинска почти до самой Тяжинской станціи*, по направленію къ г. Томску, т. е. на протяженіи слишкомъ 120 верстъ, отличается однообразнымъ, а относительно возраста и стратиграфическаго уровня породы, развитой на этомъ пространствѣ, довольно загадочнымъ строеніемъ. Дѣло въ томъ, что, спустя наносныя отложенія, маскирующія составъ подпочвы на протяженіи первыхъ двухъ переѣздовъ и половины третьяго[1]), около тракта попадается детритусъ или плохіе выступы сѣровато-бѣлаго, сѣраго и буровато-бѣлаго, довольно рыхлаго песчаника, похожаго на Чулымское третичное отложеніе (около Ачинска и около дер. Симоновой); песчаникъ этотъ возятъ на дорогу, напр. съ рч. *Боготойской* и *Итатской*, куда, въ сопменное село, привозятъ еще перегорѣлый и потому красный песчаникъ, добываемый южнѣе тракта съ рч. Урюпъ, притока юго-западной оконечности большой Чулымской излучины, гдѣ по всей вѣроятности развиты угленосные пласты (см. карту). Не говоря уже о недостаточности и малочисленности выходовъ сѣровато-бѣлаго песчаника, причисленнаго мною предположительно къ третичному возрасту[2]), изученію стратиграфическаго уровня породъ, при такихъ условіяхъ, мѣшаетъ еще и то обстоятельство, что напр. даже Симоновскій, несомнѣнно третичный песчаникъ, въ болѣе цементированномъ состояніи представляетъ уже такое петрографическое сходство, напр., съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, встрѣчавшимися на пути юрскихъ отложеній, что, не располагая ископаемыми остатками, небыло бы возможности отличить штуфы тѣхъ и другихъ образованій. Между тѣмъ, на пути отъ Ачинска къ г. Томску, сходятся и соприкасаются именно осадки, петрографически похожіе другъ на друга, не взирая на возрастное ихъ различіе: съ востока сюда подходятъ третичныя отложенія Чулыма, а съ

[1]) О большой глыбѣ краснаго песчаника съ конгломератомъ, лежащей на границѣ между Восточною и Западною Сибирью, въ промежуткѣ между *Бѣлоярскою и Краснорѣчинскою станціями*, мнѣ говорили, что она привезена изъза сотни верстъ, съ р. Чулыма.

[2]) Само собою разумѣется, что если бы я могъ искрестить эту мѣстность нѣсколькими, поперечными тракту, маршрутами и изслѣдовать теченіе многочисленныхъ здѣсь рѣчекъ, обнаженія нашлись бы и вопросъ могъ бы стоять на болѣе твердой почвѣ.

запада и юго-запада осадки Кузнецкаго угленоснаго бассейна, часть которыхъ, по крайней мѣрѣ, относятъ нынѣ къ юрскому возрасту. Вотъ почему на распространеніе и границы этихъ породъ, показанныя на моей профили, слѣдуетъ смотрѣть какъ на весьма проблематическій опытъ выраженія дѣйствительныхъ отношеній интересующихъ насъ двухъ толщъ.

И дѣйствительно, на спускѣ къ ст. *Тяжинской* замѣчается наносное отложеніе, похожее на продуктъ разрушенія бураго песчаника; около станціи *Сусловой* (первая за Тяжинскою) наблюдаются куски сѣровато-бѣлаго и буроватаго песчаника, а по *р. Кіи*, въ 6 верстахъ выше *г. Марінска*, ломаютъ такой-же сѣровато-бѣлый песчаникъ, на столько твердый, что его употребляютъ здѣсь какъ строительный матеріалъ. Бѣлый песокъ, происшедшій изъ рыхлаго песчаника, возятъ также на дорогу между станціями *Подъельничною* и *Бирекульскою*, за которою, на 10-й верстѣ, въ ямахъ около тракта, обнажается перемежаемость рыхлыхъ пластовъ бѣлаго песчаника съ бурымъ, содержащимъ гальку и переходящимъ въ конгломератъ, точно также, какъ бѣлый песокъ (рыхлый песчаникъ) съ мелкою галькою возятся на дорогу и между *Почитанскою* и *Кольюнскою* станціями. Далѣе, около *р. Яи*, на которой располагается станція *Яшимская*, изъ розсыпи, отчасти покрытой наносомъ, я взялъ два образца, затерявшіеся впослѣдствіи.

Далѣе, до *Турунтаевской* станціи, почва покрыта наносомъ, указывающимъ мѣстами на близкое залеганіе подъ нимъ бѣлаго песчаника; но затѣмъ, около деревни *Подломской*, жители ломаютъ известнякъ, обжигая его на известку, о чемъ я узналъ уже лишь въ г. Томскѣ, между тѣмъ какъ по дорогѣ я встрѣчалъ только наносъ. Почва эта принимаетъ бѣловатый цвѣтъ на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, а на спускѣ къ станціи *Халдѣевой* наблюдаются уже осыпанные впрочемъ выходы болѣе древней толщи, именно, тальково-глинистаго сланца, связаннаго очевидно съ развитымъ сейчасъ-же далѣе глинистымъ сланцемъ, который продолжается непрерывно до г. Томска.

Куски синевато-сѣраго, аспидно-сѣраго и почти чернаго глинистаго сланца начинаютъ появляться около дороги уже съ 5-й версты за Халдѣевскою станціею, а въ долинѣ *рч. Каменки*, въ началѣ *д. Семилужской* (почтовая станція), можно видѣть и обнаженіе этой породы, почти отвѣсные (быть можетъ даже сдвинутые) пласты которой падаютъ здѣсь на OSO. Куски того-же сланца замѣчаются и на послѣднемъ переѣздѣ (изъ Семилужской) къ *г. Томску*, ближе къ которому, хотя порода эта и скрывается подъ мощнымъ наноснымъ отложеніемъ, но обнаженія какъ въ предѣлахъ города, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ (вверхъ по правому берегу р. Томи) доказываютъ, что глинистый сланецъ образуетъ здѣсь главную коренную породу, слагающую почти всю высоту праваго берега р. Томи, на терассахъ которой располагается живописный Томскъ. Обнаженія этой породы можно видѣть уже въ предѣлахъ города, именно на рч. Ушайкѣ (см. фиг. 8), гдѣ сланецъ этотъ, съ прожилками кварца, отличается неправильнымъ положеніемъ пластовъ, отъ почти горизонтальнаго до падающаго на WSW и даже W. Интересно здѣсь еще то обстоятельство, что съ южной стороны утеса къ глинистому сланцу прилегаетъ діабазъ (по опредѣленію Я. А. Макерова), мѣстами съ сферическою отдѣльностью, но къ крайнему сожалѣнію, несмотря на непосредственное соприкосновеніе обѣихъ породъ, прямое рѣшеніе вопроса объ относительной ихъ древности оказалось невозможнымъ при данномъ состояніи обнаженія, невзирая даже на то, что сланецъ, несодержащій здѣсь грюнштейновой гальки, кажется мѣстами какъ-бы выполняющимъ неровности на поверхности изверженной породы и какъ-бы покрывающимъ её. Лучшія обнаженія глинистаго сланца находятся однако внѣ города и выше его, вверхъ по правому берегу р. Томи, начиная съ мѣста, гдѣ устроенъ перевозъ черезъ названную рѣку; тамъ же можно ознакомиться и съ господствующимъ простираніемъ пластовъ. Сланецъ этотъ, какъ извѣстно, прослѣженъ Гофманомъ (loco cit. pag. 28) на довольно значительномъ протяженіи, на пути *изъ г. Барнаула къ*

Томску, а такъ какъ маршрутъ этотъ, дающій разрѣзъ мѣстности съ SSW на NNO, является для насъ весьма поучительнымъ, бросая даже свѣтъ на стратиграфическую послѣдовательность и возрастъ породъ, пересѣченныхъ нами по тракту, отъ Тяжинской станціи до Томска, поэтому считаю необходимымъ напомнить читателю въ краткихъ словахъ о главныхъ результатахъ наблюденій этого заслуженнаго геогноста.

Въ 130 верстахъ отъ г. Барнаула, около станціи *Медвѣдской*, Гофманъ встрѣтилъ «сѣровакковый песчаникъ», заключающій въ себѣ обломки порфира и глинистаго сланца; тонкіе слои породы падаютъ на SW 5h. 35°. Песчаникъ этотъ, судя по современному уровню нашихъ свѣдѣній о Кузнецкомъ угленосномъ бассейнѣ, можно, по моему мнѣнію, отнести, не колеблясь, къ его членамъ, а слѣдовательно, правдоподобно къ прѣсноводнымъ отложеніямъ юрскаго періода. Далѣе, около ближайшей станціи *Изылинской,* на правомъ берегу *р. Ини,* появляется неслоистый известнякъ сѣраго цвѣта съ красными жилками. Найденные Гофманомъ ископаемые остатки въ этой породѣ, указываютъ, по опредѣленію гр. Кейзерлинга, на девонскій ихъ возрастъ. Наконецъ, около слѣдующей станціи *Осиновки,* обнажаются уже отвѣсные пласты глинистаго сланца, сопровождавшаго путешественника уже до самаго г. Томска. Около Осиновки, простираніе пластовъ ихъ оказалось SW 5h., около слѣдующей затѣмъ станціи, называемой *Поперечный Искитимъ* — SW 3h., мѣстами съ паденіемъ на NW и наклономъ въ 50° (Макеровскій loco cit.), а около *Томска* простираніе отвѣсныхъ пластовъ той-же породы оказалось SW 2h.; — вообще, слѣдовательно, господствующимъ простираніемъ глинистыхъ сланцевъ слѣдуетъ считать здѣсь SW—NO. Какъ Гофманъ, такъ и Макеровскій, считаютъ толщу эту древнѣйшимъ изъ встрѣченныхъ на пути образованій, относятъ её къ «*переходной почвѣ*» и считаютъ одновременною съ сланцами, развитыми около Красноярска, въ Енисейскомъ золотоносномъ округѣ и на сѣверномъ склонѣ Саяна (по системѣ р. Бирюсы), — параллель, съ которою можно

лишь согласиться, присоединяя къ ней еще и прибайкальскіе сланцы (хребта Онотскаго).

Прибавивъ къ этимъ наблюденіямъ, съ своей стороны, еще: 1) что вообще отвѣсные пласты глинистаго сланца около перевоза черезъ *р. Томь* падаютъ мѣстами круто на NW; 2) что на головахъ ихъ залегаетъ сѣрый песчаникъ, содержащій мѣстами обломки глинистаго сланца и перемежающійся съ бѣлымъ песчаникомъ и желтою сланцеватою глиною; песчаникъ этотъ я склоненъ считать продолженіемъ пластовъ Кузнецкаго угленоснаго бассейна, а въ томъ, что онъ переходитъ и на восточныя окрестности г. Томска, южнѣе почтовой дороги, убѣждаютъ насъ каменоломни по упомянутой выше рч. Ушайкѣ, около деревни *Заварзиной,* гдѣ добываютъ тотъ-же песчаникъ какъ строительный матеріалъ, причемъ тамъ-же должны быть также и выходы грюнштейна, куски и сферы котораго привозятся вмѣстѣ съ песчаникомъ; присовокупивъ наконецъ, 3) что среди того-же глинистаго сланца, около перевоза, я нашелъ выступъ діабазоваго порфирита (согласно Я. А. Макерову), недостаточно ясно обнаженный для того, чтобы судить объ отношеніи его къ другимъ развитымъ здѣсь породамъ, — не могу не замѣтить, что приведенный выше маршрутъ Гофмана и Макеровскаго пересѣкаетъ, можно сказать, вполнѣ тѣ-же породы на SSW отъ Томска, которыя я пересѣкъ, подвигаясь къ тому-же центру вообще съ востока. Ближайшіе къ городу (по сибирскому тракту) песчаники, связанные, быть можетъ (черезъ посредство обгорѣлыхъ его разностей съ рч. Урюпъ, см. выше) съ угленосными Чулымскими, соотвѣтствуютъ найденнымъ Гофманомъ около ст. Медвѣдской; известнякъ, обжигаемый жителями деревни Подломской, — известняку съ р. Ини съ девонскими окаменѣлостями, наконецъ, въ центрѣ, общемъ для этихъ двухъ радіусовъ, мы вступили въ область болѣе древнихъ глинистыхъ сланцевъ, продолжающихся, какъ мы увидимъ ниже, до лѣваго берега р. Оби.

Соображенія эти послужили основаніемъ тому, что породы, описанныя мною по тракту, на протяженіи приблизительно отъ

ст. Тяжинской до Томска, я означилъ на профили красками, соотвѣтствующими: юрской, девонской и силурійской или гуронской системамъ.

Маршрутъ *отъ г. Томска до ближайшихъ окрестностей праваго берега р. Оби* обнаруживаетъ почти исключительно одну лишь наносную почву, во первыхъ потому, что дорога пролегаетъ сначала по долинѣ р. Томи, слѣдуя вверхъ по теченію рѣки на SSW, затѣмъ около долины лѣваго ея притока, извѣстнаго подъ названіемъ рч. Лебяжьей, послѣ чего уже, покинувъ эти низменныя мѣста (отъ 226,8′— уровень р. Томи, до 452,9′— станція Болотная, см. профиль) и постепенно поворачивая на SW и WSW, путь пересѣкаетъ водораздѣлъ между Лебяжьею и Обью, возвышающійся только на 741,3′ надъ уровнемъ океана и точно также покрытый наносомъ. Тѣмъ не менѣе, не говоря уже о близости р. Томи, по правому берегу которой Гофманъ описалъ обнаженія глинистаго сланца, можно полагать, что толща этой породы продолжается и до р. Оби. И дѣйствительно, тотъ-же сланецъ возятъ на трактъ съ верхней части теченія *рч. Лебяжьей*, между станціями *Проскоковой* и *Болотною*, причемъ замѣчу еще, что съ р. Томи, около станціи *Варюхиной*, добываютъ значительныя глыбы грюнштейна, который, по опредѣленію Я. А. Макерова, оказался діабазомъ. Далѣе, на противуположномъ склонѣ томско-обскаго водораздѣла, на спускѣ къ *рч. Ояшъ*, гдѣ расположена *Ояшинская почтовая станція*, замѣчается весьма неудовлетворительный, смѣшанный съ наносомъ выходъ породы, напоминающій отчасти детритусъ глинисто-тальковаго сланца, встрѣченнаго восточнѣе г. Томска; здѣсь появляется желтоватая и бѣлая глина, мѣстами съ красными пятнами, а въ ней не мало вообще мелкихъ обломковъ сланца буро-желтаго цвѣта. Наконецъ, темный глинистый сланецъ составляетъ коренную породу въ долинѣ низовьевъ *рч. Ташары*, впадающей въ Обь, недалеко отъ *Ташаринской станціи*, а послѣдній переѣздъ къ перевозу черезъ р. Обь, т. е. къ *станціи Дубровиной*, обнаруживаетъ, что порода эта смѣняется далѣе чле-

нами еще болѣе древней системы. Хотя вся мѣстность, до берега Оби, покрыта здѣсь наносомъ, возвышающимся до 337,4′ надъ Обью при высотѣ въ 613,9′ надъ уровнемъ моря, тѣмъ не менѣе, уже въ наносѣ этомъ, кромѣ кусковъ сланца и кварца, появляются и куски гнейса, а на прибрежіи *р. Оби*, около Дубровиной выступаютъ и головы гнейса, переходящаго въ гранитъ и перемежающаго съ нимъ. Гранитъ добывается также на постройки и съ одного изъ острововъ Оби, лежащаго нѣсколько ниже Дубровиной. Простираніе пластовъ гнейса я опредѣлилъ: WNW до W, а паденіе на SSW до S съ наклономъ въ 30°, рѣзко несовпадающее, слѣдовательно, съ простираніемъ глинистыхъ сланцевъ (NO).

Гранитъ переходитъ и на возвышенность лѣваго берега р. Оби, достигаемую трактомъ, впрочемъ, лишь около г. *Колывани*, т. е. въ 40 верстахъ отъ Дубровиной, такъ какъ на этомъ протяженіи дорога проложена по заливному лугу Оби, поверхность которой около Дубровиной располагается на высотѣ 276,5′ н. ок. Въ Колывани, гранитъ этотъ, покрытый мощнымъ наносомъ, слагаетъ возвышенность до 202,3′ надъ уровнемъ Оби и добывается для фундаментовъ.

Колывань располагается уже въ предѣлахъ *Западно-Сибирской низменности*, начинающейся здѣсь, какъ сказано выше, съ лѣваго берега Оби; вмѣстѣ съ тѣмъ, колыванскій гранитъ представляетъ собою послѣдній западный выходъ древнихъ породъ, смѣняясь отложеніями *Барабинской степи*, жители центральной части которой, по вполнѣ справедливому замѣчанію академика Миддендорфа[1]), не могутъ уже составить себѣ точнаго понятія о камнѣ. И дѣйствительно: желто-бурый лессовидный суглинокъ, такая-же глина и лёссъ,— слоистый, иногда сыпучій песокъ, пластическая глина бураго и темно-бураго цвѣта, наконецъ, сподчиненный этой (пластической) глинѣ, сѣровато-бѣлый и сѣрый

---

[1]) Бараба А. Ѳ. Миддендорфа. Приложеніе къ XIX-му т. Записокъ Имп. Академіи Наукъ, № 2. 1871 г.

суглинокъ, обыкновенно весьма песчанистый и отличающійся мельчайшимъ, почти пылевиднымъ состояніемъ слагающихъ его песчаныхъ зеренъ, — вотъ все, что путешественникъ можетъ встрѣтить на пути отъ Колывани почти до восточнаго склона хребта Уральскаго, т. е. на протяженіи болѣе 18-ти градусовъ долготы (отъ 100°,16′ до 82° в. д.).

Такимъ-же однообразіемъ отличается и орографическая наружность мѣстности, столь прекрасно описанной въ цитированномъ сочиненіи Миддендорфа; на сколько-же низменность эта является ровною, всего нагляднѣе обнаруживается прилагаемою профилью, гдѣ, невзирая на масштабъ, превращающій даже пологія горы въ альпійскіе пики, Бараба сохранила всетаки свою столовидную, монотонно-ровную и плоскую поверхность.

Такая поверхность, усѣянная громаднымъ количествомъ соленыхъ и горько-соленыхъ озеръ, болотъ и солончаковъ, окаймленная къ тому-же съ юга и запада дюнами и песчаными терассами, не могла не обратить на себя вниманіе всѣхъ, проѣзжавшихъ по ней путешественниковъ, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ, причемъ, пытавшіеся объяснить генезисъ этого явленія, видѣли въ немъ бывшее дно морскаго бассейна, приписавъ послѣднему роль соединительнаго звена между древнимъ Арало-Каспійскимъ бассейномъ и Ледовитымъ океаномъ. Воззрѣніе это, впрочемъ, не имѣло за собою никакихъ палеонтологическихъ данныхъ; рисунокъ ископаемой раковины, приложенный къ сочиненію Палласа, изображалъ собою въ сущности прѣсноводнаго моллюска (Cyrena), а о нахожденіи морскихъ, именно устрицъ, упомянулъ одинъ лишь Котта въ 1871 году (loco cit. pag. 48, 56—57), не прилагая ни рисунковъ, ни подробнаго описанія этихъ остатковъ («Austernspecies»), найденныхъ имъ на берегу р. Ишимъ, около г. Петропавловка; между тѣмъ, коллекція раковинъ, собранная П. П. Семеновымъ, включала, по опредѣленію Мартенса[1]), только прѣсноводную фауну, именно: Paludina, Cyclas, Pisidium и Cyrena.

[1]) Zeitschrift der Deutsch. Geolog. Gesellschaft. Berlin. B. XVI, 1864, pag. 345.

Ближайшее изслѣдованіе этихъ осадковъ, въ окрестностяхъ г. Омска, еще въ 1869—70 годахъ[1]) привели меня къ убѣжденію, что стратиграфически ихъ слѣдуетъ отнести къ двумъ различнымъ группамъ, напластованнымъ хотя и горизонтально, но *несогласно* въ томъ отношеніи, что нижняя изъ нихъ, состоящая изъ пластической глины, перемѣжающейся съ сѣровато-бѣлымъ суглинкомъ (см. выше), размыта широкими и глубокими долинами, въ которыхъ располагаются осадки верхней группы этихъ отложеній, какъ-то: лёссъ, буро-желтый суглинокъ, глина и слоистый песокъ, содержащій въ видѣ гальки мергельныя конкреціи, вымытыя изъ пластовъ пластической глины, причемъ породы эти не только выполняютъ собою такія долины, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко покрываютъ и расчлененныя ими (т. е. долинами) части осадковъ нижней группы. Во время этихъ экскурсій мнѣ удалось найдти немалую коллекцію ископаемыхъ остатковъ, преимущественно моллюсковъ, опредѣленіе которыхъ проф. Мартенсомъ[2]) обнаружило исключительно прѣсноводную фауну, какъ въ верхней, такъ и въ нижней группѣ осадковъ, уніоны которой оказались близкими къ представителямъ міоценоваго періода.

Основываясь на опредѣленіи названнаго конхиліолога, въ статьѣ, помѣщенной въ изданіяхъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества за 1875 годъ[3]), я передалъ всѣ, имѣвшіяся у меня въ то время подробности относительно распредѣленія ископаемыхъ остатковъ въ каждой изъ названныхъ двухъ группъ этихъ отложеній.

Въ *верхней группѣ* я находилъ тогда слѣдующіе виды: 1) Planorbis marginatus, Drap. 2) Limnaeus palustris, Müll. var. minor. 3) Lithogliphus constrictus, Mart. 4) Valvata piscinalis, Müll. 5) Melania amurensis, Gerstf. 6) Cyrena flumi-

[1]) Извѣстія Сибирск. Отдѣла Геогр. Общества, 1872 г. Т. III, № 2.

[2]) Zeitschrift der Deutsch. Geolog. Gesellschaft. Berlin. B. XXVI. 1874, pag. 741.

[3]) Извѣстія, Т. VI, № 1—2.

nalis, Müll. (всего обильнѣе и повсемѣстно въ пескѣ); 7) Cyclas asiatica, Mart. 8) Pisidium antiquum ? 9) Succinea sp. ? 10) Paludina tenuisculpta, Mart. (весьма рѣдкая), 11) Unio Pallasi, Mart. (только около станицы Захламинской). 12) Unio spec. ? (очень рѣдкій, найденъ въ одномъ только экземплярѣ); 13) Pupa spec. ? (въ лёссѣ). 14) Myospalax (Siphneus) Laxmanni. 15) Elephas primigenius. 16) Equus caballus. 17) Bos priscus и 18) Antilope saiga [1]). Между тѣмъ, *нижняя группа пластовъ* (пластическія глины, см. выше) оказалась вообще очень бѣдною ископаемыми остатками и только въ одномъ мѣстѣ, именно, около Новой станицы, на Иртышѣ, я нашелъ въ ней тонкій пропластокъ, состоящій исключительно изъ раковинъ, цементированныхъ смѣсью пластической глины съ обломками раздавленныхъ экземпляровъ и створокъ. Въ пропласткѣ этомъ, вѣрнѣе въ части его, съ которою я успѣлъ ознакомиться въ то время, найдены: 1) Paludina tenuisculpta, Mart. въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, образуя нерѣдко всю толщину пропластка; 2) Unio pronus, Mart. въ изобиліи; 3) Unio bituberculosus, Mart. только въ 7 или 8 поврежденныхъ экземплярахъ, — раздавленныхъ, какъ и большая часть двустворчатыхъ раковинъ; кромѣ того нашлись еще 4) нѣсколько индивидуумовъ малой одностворчатой раковины (Valvata или Lithoglyphus), а въ бѣломъ суглинкѣ я розыскалъ еще отпечатки повидимому 5) Succinea spec. ?, чѣмъ и ограничивается перечень фауны этихъ болѣе древнихъ осадковъ, если не считать еще маленькій и абсолютно неопредѣлимый осколокъ трубчатой кости, найденный въ одной изъ многочисленныхъ конкрецій, образовавшихся въ пластической глинѣ.

На основаніи этихъ данныхъ, я отнесъ верхнюю группу описанныхъ пластовъ къ постміоцену, а нижнюю причислилъ, предположительно, къ міоценовому возрасту, причемъ рѣдкость нахожденія въ осадкахъ верхней группы палюдины (P. tenuisculpta Mart.) я объяснялъ тѣмъ обстоятельствомъ, что она, а быть можетъ и Unio Pallasi, находятся уже на вторичномъ мѣстѣ нахожденія, т. е. вымыты изъ міоценовыхъ отложеній и вторично погребены въ постміоценѣ [1]).

[1]) См. Извѣстія Сибирск. Отдѣла Геогр. Общества, Т. VII, № 4—5.

Факты эти очевиднѣйшимъ образомъ противурѣчили предполагавшемуся морскому происхожденію осадковъ западно-сибирской низменности, обнаруживая прѣсноводный характеръ даже отложеній, болѣе древнихъ, нежели постміоценовыя, а обстоятельство, что обломки толстыхъ створокъ бугорчатаго уніона (Unio bituberculosus) напоминаютъ собою такія-же части устричныхъ раковинъ, порождало во мнѣ вопросъ: не они-ли найдены были на берегу Ишима, около Петропавловска (см. Cotta loco cit.)? Затѣмъ въ 1873 г. Томасъ-Бельтъ [2]), прослѣдилъ отложенія съ Cyrena fluminalis по Иртышу до Павлодара, гдѣ изъ подъ нихъ выступаетъ уже горькоземистый известнякъ, причемъ геологъ этотъ не только отказался отъ предполагавшагося покрытія этихъ мѣстностей послѣтретичнымъ моремъ, но предложилъ, въ замѣнъ этого воззрѣнія, нѣсколько искуственную впрочемъ гипотезу запруженія льдами устьевъ р. Оби со стороны Ледовитаго океана, вслѣдствіе чего интересующія насъ части западной Сибири покрылись громаднымъ прѣсноводнымъ бассейномъ, — озеромъ, изъ котораго отложились всѣ эти осадки.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще и о краткой впрочемъ замѣткѣ г. Милашевича [3]) по поводу привезенныхъ ему изъ Омска раковинъ. Изъ этой замѣтки показывается, что «къ верхней группѣ пластовъ» слѣдуетъ отнести еще три новыхъ вида уніоновъ американскаго типа («trois nouvelles espéces d'Unio du type américain»). Коллекція эта «привезена» изъ Омска извѣстнымъ путешественникомъ Г. Н. Потаниномъ, но кѣмъ собрана она, а

[1]) См. также F. v. Czerski (lies J. v. Tschersky): Zur Frage über das Alter der in den Umgebungen von Omsk vorkommenden Schichten. въ Zeitschrift der Deutschen geologischen Gesellschaft, B. XXVIII 1876, pag. 217, Hierzu Tafel V.

[2]) Quarterly Journal of the Geological Society, Vol. XXX, p. 490.

[3]) Bulletin de la Société de natur. de Moscou 1877. № 2. Extrait des protocoles, pag. 27.

главное, *какъ* собиралась, объ этомъ ничего не сказано въ замѣткѣ, а между тѣмъ, въ перечнѣ ея находятся и «des dents de requins» и кости Гиппотеріума, которыхъ я не находилъ въ окрестностяхъ Омска, несмотря на *нѣсколькольтніе, почти ежедневные мои поиски*. Нѣкоторые молодые люди показывали и мнѣ въ то время зубы акуловидныхъ рыбъ, фигурировавшіе у нихъ какъ найденные около Омска, тогда какъ ближайшіе расиросы обнаружили, что зубы эти доставлены кѣмъ-то изъ Туринска, если не ошибаюсь, или вообще изъ мѣстности въ предѣлахъ восточнаго склона Уральскаго хребта, гдѣ такія находки никого уже не удивляютъ, но относятся къ горизонту, гораздо болѣе древнему, нежели даже нижняя группа барабинскихъ пластовъ; найденныя-же въ верхней группѣ Омскихъ отложеній, онѣ, вмѣстѣ съ костями Гиппотеріума, могли бы еще болѣе свидѣтельствовать о томъ, что многое попадается тамъ на вторичномъ мѣстѣ нахожденія, въ родѣ напр. бронзовыхъ издѣлій, находимыхъ въ Минусинскомъ округѣ (по Узунжулу) вмѣстѣ съ костями носорога и мамонта (см. ниже).

Вопросъ о распространеніи названныхъ прѣсноводныхъ группъ отложеній западно-сибирской низменности выжидаетъ еще детальныхъ изслѣдованій этихъ степей, направляемыхъ главнымъ образомъ по теченіямъ рѣчекъ, гдѣ только и можно встрѣчать болѣе или менѣе удовлетворительные естественные разрѣзы, такъ какъ сама степь съ ея растительнымъ покровомъ, прерывающимся или рѣдѣющимъ лишь около озеръ, болотъ солончаковъ или-же въ мѣстахъ скопленія сыпучаго песка, представляетъ весьма неблагодарную почву въ этомъ отношеніи, — почву, осмыслить которую гораздо легче будетъ уже послѣ знакомства съ обнаженіями пересѣкающихъ её долинъ. Вотъ почему мой маршрутъ, не взирая на длину его, какъ пересѣкающаго всю эту низменность до ближайшаго склона Урала, представляетъ еще много гадательнаго въ этомъ отношеніи, и если онъ успѣлъ тѣмъ не менѣе значительно расширить имѣвшіеся до сихъ поръ свѣдѣнія, то этому не мало способствовало предварительное

знакомство мое съ хорошими обнаженіями въ окрестностяхъ г. Омска, позволившими мнѣ дѣлать нѣкоторыя заключенія, мѣстами основываясь на одномъ лишь петрографическомъ характерѣ встрѣченныхъ породъ. Изъ нихъ, разумѣется, необходимо было по возможности тщательно отмѣчать и отличать распространеніе пластической глины и сѣровато-бѣлаго суглинка съ одной стороны, — какъ представителей нижней группы пластовъ, а буроватыхъ глинъ и суглинковъ, вмѣстѣ съ песчаными пластами, съ другой стороны, какъ породы, свойственныя верхней группѣ описываемыхъ осадковъ.

Такимъ образомъ, *отъ р. Оби*, вѣрнѣе сказать, даже отъ г. Томска, до ближайшихъ восточныхъ окрестностей *станціи Сектинской*, развиты весьма типичные въ петрографическомъ отношеніи, члены постпліоценовой толщи, хорошо обнаженные на рр. Томи и Оби (какъ напр. на подъемѣ къ ст. Колывани): на слюстомъ пескѣ, заключающемъ мѣстами примѣсь гальки, залегаетъ тамъ лёссовидный суглинокъ (въ Томскѣ мѣстами слюстый), переходящій кверху въ лёссъ до 1,5 метра толщины, и, если не обращать вниманіе на плохіе выходы пластической глины около глинисто-песчанаго берега р. Оёшь, около *ст. Тырышкиной*, то непрерывность лёссовиднаго суглинка нарушается лишь около *Сектинской* появленіемъ сѣровато-бѣлаго наноса, хотя и позднѣйшаго происхожденія, но живо напоминающаго детритусъ такого-же суглинка, связаннаго съ глиною нижней группы пластовъ окрестностей Омска.

И дѣйствительно, за Сектинскою, на протяженіи почти трехъ градусовъ долготы, появляется бурая и буро-желтая пластическая глина, залегая непосредственно подъ черноземомъ, хотя сѣровато-бѣлый наносъ является всетаки только въ видѣ детритуса, смытаго и отлагающагося дождевыми водами даже въ канавахъ, а всего обильнѣе около болотъ и озеръ. Солончаковыхъ осадковъ этихъ послѣднихъ мнѣ не удавалось собрать по причинѣ частыхъ въ то время дождей, растворяющихъ эти соли. Мѣстами однако пластическая глина эта является въ свою очередь позднѣйшимъ

отложеніемъ, покрывая песчанистую глину въ видѣ пласта до 2′ мощности, какъ напр. между станціями *Убинскою* и *Осиновыми колками* [1]), причемъ слѣдуетъ замѣтить, что песчанистая глина сопровождаетъ собою обыкновенно и берега рѣчекъ, пересѣкающихъ эту часть мѣстности, какъ это наблюдается и за Осиновыми колками, гдѣ трактъ приближается къ теченію р. Оми. На 12-й верстѣ за названною станціею, въ ямахъ для новыхъ телеграфныхъ столбовъ добывалась буро-желтая глина съ многочисленными въ ней мергельными сростками, а далѣе, оврагъ лѣваго берега *р. Оми* обнажаетъ во всю свою высоту (около 40′) ту-же глину, переходящую книзу въ песчанистую, можетъ быть и въ глинистый песокъ, но къ сажалѣнію яръ этотъ значительно осыпанъ, а дождь дѣлалъ такія осыпи почти недоступными по причинѣ ихъ вязкости.

Берега той-же р. Оми въ г. *Каинскѣ*, гдѣ дорога переходитъ на правую сторону рѣки, являются вообще осыпанными и поросшими; только мѣстами видѣется сѣрая глина въ роли повидимому новѣйшаго отложенія, но далѣе, на пути къ *ст. Булатовой*, черезъ *Антошкино, Покровскую* и до *ст. Турумовой*, почва состоитъ изъ пластической буро-желтой глины, причемъ нерѣдко появляется и сѣровато-бѣлый или пепельно-сѣрый наносъ въ видѣ такаго-же позднѣйшаго отложенія какъ и выше.

Отъ Турумовой, на протяженіи почти двухъ градусовъ долготы, до ближайшихъ окрестностей ст. Хомутинской, развиты представители одной лишь верхней группы пластовъ. Лёссовидный суглинокъ и буро-желтая песчанистая глина, переходящая книзу почти въ глинистый песокъ, замѣчаются какъ въ ямахъ и овражкахъ, такъ въ матеріалѣ, выбрасываемомъ роющими животными; тѣ-же породы образуютъ яръ праваго берега р. Оми, къ которой трактъ приближается около ст. *Новоназаровской*, и только въ окрестностяхъ *ст. Камышевской* появляется мѣстами пластическая глина и сѣровато-бѣлый наносъ, какъ выше, указывающіе быть можетъ на выходы болѣе древней свиты пластовъ. На этомъ пространствѣ, слѣдуетъ замѣтить, именно: между станціями *Турмовскою* и *Спасскою*, между послѣднею и *Вознесенскою*, а также между *Новоназаровскою* и *Еланскою*, около дороги наблюдается мѣстами не мало кургановъ (до 2,5 метр. высоты и до 14 м. въ діаметрѣ), а жители дер. Турумовской говорили, что на пашняхъ они находятъ иногда «громовыя стрѣлы», т. е. издѣлія каменнаго періода, которыя однако мнѣ не удалось видѣть.

[1]) Колками мѣстные жители называютъ небольшія рощи

Въ оврагахъ около *ст. Хомутинской* обнажается буро-желтая и оливково-желтая пластическая глина, вскрытая до значительной глубины и потому устраняющая мысль о томъ, что быть можетъ и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ болѣе или менѣе тонкимъ пластомъ ея, покрывающимъ суглинокъ постміоценоваго возраста; замѣтная въ ней книзу слоистость и мергельные конкреціи еще болѣе сближаютъ её съ развитою въ окрестностяхъ г. Омска, а обстоятельство, что отсюда породу эту можно прослѣдить почти до самой Сыропятской станціи, слѣдовательно, почти до восточныхъ предѣловъ моихъ прежнихъ изслѣдованій, производившихся по теченію р. Оми, съ ея великолѣпными разрѣзами,—заставляетъ полагать, что съ станціи Хомутинской начинаются первые дѣйствительные выходы породъ, относимыхъ мною къ міоценовой системѣ. И въ самомъ дѣлѣ, на пути къ ст. *Нижне-Омской*, въ оврагѣ ключа *Верхняя Чайрка* (на 13 верстѣ), можно видѣть ту-же пластическую глину, перемежающеюся съ пластами сѣрой и охристо-бурой, съ такими же мергельными конкреціями; то-же наблюдается и въ небольшихъ ямахъ для телеграфныхъ столбовъ и на половинѣ дороги къ *ст. Кобырлинской* (иначе Кобурлинская), какъ равно между нею и *Юрьевскою*, а также и на пути къ *Сыропятской*, около которой въ оврагахъ и въ берегахъ р. Оми обнажается уже песчанистая и лёссовидная глина, мѣстами съ мергельными сростками и остатками раковинъ Cyclas или Pisidium.

Наконецъ, изъ Сыропятской къ г. Омску, трактъ проле-

гаетъ въ весьма близкомъ разстояніи отъ лѣваго берега той части р. Оми, которая изслѣдовалась мною еще въ концѣ шестидесятыхъ лѣтъ и изображена на составленной въ то время картѣ [1]). Острововидные (вѣрнѣе, должно-быть, *отроговидные*, въ смыслѣ отроговъ, разобщающихъ долины) выходы пластовъ нижней группы окружаются или покрываются здѣсь разобщающими ихъ постміоценовыми отложеніями, повидимому преобладающими по линіи тракта, гдѣ только на половинѣ этого переѣзда можно видѣть выходъ пластической глины, тогда какъ ближе къ городу появляется сыпучій песокъ.

Семнадцатаго августа я былъ уже въ городѣ *Омскѣ*. Относительно подробностей стратиграфіи и геогностическаго строенія его окрестностей отсылаю интересующихся читателей къ указаннымъ уже выше, прежнимъ моимъ описаніямъ; въ настоящее время меня интересовали главнымъ образомъ палеонтологическіе вопросы, оставшіеся нетронутыми еще съ тѣхъ поръ, когда, покинувъ Омскъ, я переѣхалъ въ Иркутскъ, слѣдовательно съ 1871 года.

Поиски въ слоистомъ пескѣ около устья р. Оми и внизъ по правому берегу Иртыша дали лишь фауну свойственную здѣшнему *постміоцену*, къ тому же только въ лицѣ формъ, самыхъ обильныхъ (Cyrena fluminalis) или часто встрѣчающихся (Cyclas, Pisidium, Planorbis, Limnaeus, Succinea), тогда какъ рѣдкія изъ нихъ (напр. Paludina tenuisculpta Mart.), попадавшіяся мнѣ прежде лишь потому, что ежедневно я разрывалъ иногда по нѣсколько кубическихъ метровъ песчанаго наноса, въ этотъ разъ мнѣ не попались вовсе: я не розыскалъ даже ни одного Уніона (U. Pallasi), которыхъ въ то время удалось набрать не болѣе десятка. Къ крайнему сожалѣнію, на другой день, съ ночи, началось сильное ненастье, сопровождавшее насъ съ ничтожными перерывами (часовыми, а не суточными) до самаго Урала, а между тѣмъ я не успѣлъ еще побывать въ *Новой Станицѣ*, въ этомъ

[1]) Zeitschrift d. Deutsch. Geolog. Gesell. XXVIII. 1876. Taf. V.

единственномъ до сихъ поръ мѣстонахожденіи ископаемыхъ остатковъ среди пластовъ нижней группы, относимыхъ мною къ третичному возрасту, предположительно къ *міоцену*. Не надѣясь выждать хорошую погоду, 20-го августа, въ страшный штормъ, сопровождавшійся дождемъ и холодомъ, я долженъ былъ отправиться въ Новую станицу, чтобы осмотрѣть яръ, лежащій нѣсколько выше по теченію Иртыша и извѣстный подъ названіемъ «*Мысъ Ракушки*».

Разрѣзъ этотъ, описанный мною уже въ прежнихъ статьяхъ и изображенный на фиг. 10-й прилагаемыхъ нынѣ рисунковъ, достигаетъ около 60′ высоты надъ уровнемъ Иртыша, къ которому онъ опускается крутымъ, частью обнаженнымъ, частью же осыпаннымъ склономъ, расчлененнымъ неглубокими, параллельными и столь-же крутыми ложбинками, означенными и на моемъ рисункѣ. Яръ этотъ состоитъ изъ перемежающихся пластовъ пластической глины съ сѣровато-бѣлымъ, иногда почти бѣлымъ и маркимъ суглинкомъ съ охристыми пятнами. На высотѣ до 35′ надъ уровнемъ рѣки, между пластами глины, располагается прослоекъ, достигающій мѣстами отъ 1 до 3′ толщины и состоящій изъ однѣхъ лишь раковинъ, цементированныхъ глиною, смѣшанною съ обломками створокъ тѣхъ-же моллюсковъ. Пропластокъ этотъ (*a*—*a* на фиг. 10), расчлененный упомянутыми выше ложбинками, можно прослѣдить на протяженіи около 11 саженей по длинѣ яра, получившаго отъ его раковинъ и свое названіе;— онъ, именно, былъ цѣлью моей поѣздки, имѣвшей въ виду болѣе подробно ознакомиться съ составляющею его фауною, изъ которой прежде мнѣ были извѣстны только: *Paludina tenuisculpta*, *Unio pronus*, нѣсколько экземпляровъ *Unio bituberculosus* и двѣ или три раковинки изъ рода *Valvata* или *Lithoglyphus*.

Не взирая на крайне неблагопріятныя условія настоящей поѣздки (покрытіе выходовъ раковиннаго пласта слоемъ разжиженной отъ дождя глины и трудность удержаться около этихъ выходовъ вслѣдствіе скользкой и вязкой грязи на днѣ крутыхъ ложбинокъ, не говоря уже о дождѣ и штормѣ), поиски мои увѣн-

чались все-таки кое-какими успѣхами, бросающими гораздо болѣе свѣта какъ на составъ фауны, такъ и на отличія ея отъ фауны верхней, т. е. постпліоценовой группы пластовъ, что собственно и составляетъ главный результатъ поѣздки.

Оказалось, что нѣкоторыя части раковиннаго слоя состоятъ исключительно изъ экземпляровъ Paludinae tenuisculptae, въ другихъ-же преобладаютъ уніоны, въ числѣ которыхъ Unio bituberculosus столь-же обиленъ, какъ и створки отъ Unio pronus. Наконецъ, найдены мѣста, въ которыхъ названные моллюски перемѣшаны съ громаднымъ количествомъ мелкихъ видовъ, свойственныхъ и постпліоценовымъ осадкамъ.

Всего важнѣе однако то обстоятельство, что среди всей этой массы раковинъ и милліардовъ ихъ обломковъ я не нашелъ ни одного кусочка цырены, неотъемлемой спутницы постпліоценовыхъ песковъ; — она не нашлась также и въ составѣ тѣхъ, цѣлыхъ глыбъ раковиннаго прослойка, которыя я укупорилъ въ ящикъ и отослалъ въ Академическій Музей, точно также, какъ Unio bituberculosus и U. pronus не найдены до сихъ поръ въ пластахъ послѣтретичнаго песка. Вотъ почему раковины эти, *при настоящемъ уровнѣ нашихъ свѣдѣній* о фаунѣ осадковъ западносибирской низменности, слѣдуетъ считать безспорно руководящими: *Cyrena* (Corbicula) *fluminalis* для постпліоцена, а *Unio bituberculosus* и *U. pronus* для пластовъ, относимыхъ мною къ третичной системѣ. Что-же касается уніоновъ, найденныхъ прежде въ слоистомъ пескѣ праваго берега Иртыша, около станицы Захламинской, то относительно ихъ, какъ равно и небольшаго количества (десятка съ два) Paludinae tenuisculptae, попавшагося въ тѣхъ-же пескахъ, я не нахожу данныхъ, заставляющихъ отвергнуть прежнюю мою гипотезу, состоящую въ томъ, что раковины эти вымыты изъ пластической глины во время ея расчлененія послѣтретичными долинами и погребены затѣмъ въ постпліоценовомъ пескѣ, выполнившемъ эти долины.

И дѣйствительно, стратиграфическія отношенія послѣтретичныхъ осадковъ къ пластической глинѣ по теченію р. Оми, гдѣ

породы эти обнажены всего поучительнѣе, указываютъ уже на то (см. стр. 115—116 Извѣстій 1872 г. Т. III. № 2), что долины, выполненныя постпліоценомъ, вообще похожи на рѣчныя и даже придерживались съ большею или меньшею точностью направленія современныхъ долинъ, причемъ залеганіе этихъ осадковъ и поверхъ частей нижней группы пластовъ, разобщавшихъ эти долины, заставляютъ допустить такое повышеніе уровня послѣтретичныхъ водъ, при которомъ онѣ должны были образовать впослѣдствіи глубокіе озеровидные бассейны.

Съ этимъ согласуются и результаты моего настоящаго путешествія. Встрѣчая, во первыхъ, породы, соотвѣтствующія верхней группѣ пластовъ названныхъ отложеній, преимущественно вблизи современныхъ рѣчныхъ долинъ, обнаруживъ затѣмъ полосу пластической глины, слѣдующую къ Иртышу въ промежуткѣ между г. Омскомъ и станціею *Кулачинскою* (слѣдовательно и въ сторону Захламинской станицы, гдѣ именно найдены въ пескахъ уніоны), найдя, наконецъ, разрѣзъ за Кулачинскою станціею, въ которомъ послѣтретичное отложеніе утолщается *по направленію къ правому берегу Иртыша* до того, что сейчасъ же вполнѣ вытѣсняетъ собою покрывавшуюся имъ пластическую глину съ характерными для ней конкреціями (см. рисунокъ, фиг. 11 на прилагаемой картѣ), маршрутъ мой 1885 года не только не противурѣчитъ такому взгляду на характеръ постпліоценовыхъ осадковъ, но прямо подтверждаетъ его; характеръ же этотъ, въ свою очередь, дѣлаетъ весьма правдоподобною возможность нахожденія въ этихъ пластахъ остатковъ, вымытыхъ изъ пластическихъ глинъ, изъ которыхъ послѣтретичный наносъ, какъ извѣстно (loco cit.), заимствовалъ и всю свою гальку, въ видѣ слабо-обтертыхъ или вовсе не округленныхъ кусковъ, свойственныхъ третичнымъ глинамъ конкрецій [1]). Замѣтивъ, что раз-

[1]) Во время печатанія настоящаго отчета отысканъ новый и весьма интересный для Сибири фактъ, говорящій въ пользу третичнаго возраста яруса пластическихъ глинъ и связанныхъ съ ними породъ: это зубы *мастодонта*, которые я отношу къ *Mastodon tapiroides* (см. ниже). Они найдены И. Я. Слов-

рѣзъ этихъ глинъ въ *Новой Станицѣ* слѣдуетъ считать самымъ полнымъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ обнаженій этой группы пластовъ, тогда какъ всѣ остальные значительно размыты съ поверхности[1]), затѣмъ, что онъ покрывается еще постпліоценовымъ наносомъ, о чемъ я сообщалъ уже и въ 1872 г., наконецъ, что на поверхности степи около этой станицы наблюдаются слѣды нѣсколькихъ древнихъ кургановъ, перейду къ описанію остальной части тракта *отъ г. Омска до восточнаго склона Уральскаго хребта.*/

Обѣ крайнія трети переѣзда отъ Омска до Кулачинской станціи обнаруживаютъ постпліоценовые осадки въ видѣ песчанаго и суглинистаго наноса, тогда какъ въ средней трети наблюдается пластическая глина, о которой я упомянулъ уже выше; весьма возможно, что полоса этой третичной породы связана къ сѣверо-востоку съ большою площадью выхода тѣхъ же осадковъ, съ которою я ознакомился въ концѣ шестидесятыхъ лѣтъ въ окрестностяхъ заимки гг. Павловыхъ и Корбута, тогда какъ къ юго-западу полоса эта направляется въ сторону Иртыша; изъ ней, быть можетъ, заимствованы уніоны *дер. Захламинской*, къ которой она очевидно можетъ подходить близко, скрываясь подъ послѣтретичными наносами. Я говорилъ также и о пластической глинѣ, выступающей на 3-й верстѣ *за Кулачинскою* (см. фиг. 11); полоса эта смѣняется и вытѣсняется со стороны Иртыша постпліоценомъ; она стѣсняетъ и ограничиваетъ собою эти отложенія съ правой стороны современной долины рѣки.

Переѣхавъ Иртышъ около *ст. Красноярской* и спустя 6 верстъ дороги на сѣверо-западъ отъ лѣваго берега рѣки,

---

цовымъ по р. Иртышу, около деревни Лежанки, въ 26 верстахъ ниже упоминавшейся уже Кулачинской станціи. Наконецъ-то, нашелся и *мастодонтъ въ Сибири*!

[1]) См. Извѣстія (loco cit.), Т. III, № 2, гдѣ описаны уцѣлѣвшіе клочки бѣлаго суглинка на поверхности пластическихъ глинъ, въ областяхъ самаго значительнаго развитія послѣднихъ, напр. на заимкѣ гг. Павловыхъ. Обстоятельство это опять указываетъ на возможность, даже необходимость смыва и раковинъ, погребенныхъ въ этихъ отложеніяхъ.

гдѣ продолжаются тѣ-же послѣтретичныя породы, въ ямахъ для телеграфныхъ столбовъ опять выступаетъ пластическая глина; въ этомъ случаѣ она ограничиваетъ собою постпліоценъ съ сѣверо-запада и такимъ образомъ преобразовываетъ область его распространенія въ полосу, которая придерживается современнаго направленія рѣки (въ этомъ мѣстѣ на сѣверо-востокъ).

Пластическая глина, а мѣстами и связанный съ нею сѣровато-бѣлый суглинокъ, какъ равно сопровождающіе ихъ здѣсь солончаки, тянутся отсюда черезъ станціи *Суховскую*, *Бекишеву* и *Андронкину* почти до самаго города *Тюкалинска* (иначе *Тюкалд*), около котораго, въ оврагахъ и ямахъ замѣчается уже постпліоценъ въ видѣ лёссовидной глины. Порода эта образуетъ здѣсь полосу верстъ до 15 ширины, пересѣкаемую трактомъ и стоящую какъ бы въ связи съ теченіемъ рч. Тюкалы, такъ какъ на 15 верстѣ за Тюкалою, въ ямѣ для телеграфнаго столба, опять выступаетъ пластическая глина. Такая-же глина, мѣстами съ мергельными конкреціями и съ сѣровато-бѣлымъ суглинкомъ, какъ видно по ямамъ и выброскамъ изъ норъ роющихъ животныхъ, образуетъ собою и весь водораздѣлъ между Тюкалою и правымъ берегомъ долины *р. Ишима*, т. е. на протяженіи болѣе 100 верстъ, гдѣ, на спускѣ въ долину названной рѣки, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи *Абатской*, можно видѣть уже весьма хорошее обнаженіе (слишкомъ 60′ мощности), въ которомъ, подъ пластомъ лёсса около 5′ толщины, залегаетъ слоистый песокъ бѣлаго и желтоватаго цвѣта съ раковинами, между которыми я находилъ нѣсколько мелкихъ представителей постпліоцена, но ни одного экземпляра столь характерной для него около Омска цырены.

Отсюда, на протяженіи около 130 верстъ, дорога придерживается сначала лѣваго берега широкой долины р. Ишима, слѣдуя вверхъ по теченію рѣки, а затѣмъ, начиная съ *города Ишима*, пролегаетъ около долины *рч. Карасуль*, (лѣв. притока Ишима). Въ почвѣ обнаруживаются вездѣ породы, свойственныя здѣш-

нимъ послѣтретичнымъ отложеніямъ, за исключеніемъ лишь двухъ небольшихъ островковъ, или полосокъ, лежащихъ къ востоку и къ западу отъ станціи *Тушнолобовой*, гдѣ появляется сѣровато-бѣлый суглинокъ, повидимому третичный, такъ, что и здѣсь мы видимъ указанную выше связь постпліоценовыхъ осадковъ съ болѣе или менѣе близкимъ сосѣдствомъ и направленіемъ современныхъ долинъ [1]).

Наконецъ, недоѣзжая верстъ съ 12 до станціи *Голышмановской*, около деревни, извѣстной подъ названіемъ *Рѣчки*, начинается послѣдній (крайній западный) участокъ прѣсноводныхъ третичныхъ отложеній, пересѣкаемый трактомъ на протяженіи до 80 верстъ. Около дороги, въ оврагѣ до 14 и болѣе футовъ глубины, здѣсь обнажается бурая пластическая глина, перемежающаяся съ сѣрою, вполнѣ тождественная съ новостаничною и другими, причемъ, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, въ оврагѣ этомъ былъ прежде подземный пожаръ (по всей вѣроятности торфа); но спуститься на самое дно этого оврага и исходить его не было никакой возможности по причинѣ разбухшей отъ продолжительныхъ дождей, пластической глины. Такая почва обнаруживается въ ямахъ до самой *Омутинской* станціи, хотя, на нѣкоторыхъ, болѣе высокихъ мѣстахъ послѣдняго переѣзда (между Устьламинскою и Омутинскою), сплошная грязь, покрывавшая дорогу, казалась обыкновенно отчасти песчанистою, указывая быть можетъ на клочки постпліоценоваго наноса. Этотъ послѣдній дѣйствительно появляется около названной станціи и за нею, распространяясь повидимому до слѣдующей, извѣстной подъ названіемъ *Вагайскаго зимовья*, въ видѣ глинисто-песчанаго наноса, покрытаго лёссовидною глиною, хотя за Вагайскимъ опять появляется сѣровато-бѣлый суглинокъ, впрочемъ на протяженіи всего лишь около 10 верстъ, и то уже въ видѣ послѣдняго изъ открытыхъ мною выходовъ пластовъ этой группы.

[1]) Между ст. Абатскою и Тушнолобовою и на пути отъ послѣдней къ Боровской замѣчаются курганы.

За нимъ, по направленію къ *ст. Новозаимской*, развиты уже только породы, петрографически тождественныя съ постпліоценомъ. Онѣ продолжаются до предѣловъ моихъ изслѣдованій, т. е. до города Камышлова, причемъ, начиная съ 82° вост. долготы, осадки эти должны покрывать собою уже морскія третичныя отложенія, какъ это показали изслѣдованія восточнаго склона Урала [1]).

Сейчасъ же за Новозаимскою, въ берегахъ долины рѣчки, изъ подъ лёссовидной глины выступаетъ глинисто-песчанное отложеніе; то-же замѣчается и на *рч. Благодатной*, гдѣ построена мельница. Далѣе, за деревнею *Падунъ* (на 20-й верстѣ за Новозаимскою) трактъ подымается на терассовидное возвышеніе мѣстности, обнажающее слоистый песокъ, на которомъ впервые появляется сосна, отсутствовавшая на всемъ протяженіи западно-сибирской низменности. Песокъ продолжается до *ст. Заводоуковской*, за которою, въ долинѣ рч. Тобола, замѣчается глинистая почва и новѣйшій наносъ, состоящій изъ сѣрой глины и слоистаго песчанаго отложенія. Болѣе древній (постпліоценовый) песокъ появляется лишь ближе къ *г. Ялуторовску* и за нимъ, гдѣ мѣстность опять замѣтно повышается; около дороги здѣсь можно видѣть курганы. За ст. *Романовскою* песокъ покрывается суглинкомъ, обнажаясь опять лишь ближе къ ст. *Богандинской*, а также и за нею, спустя новѣйшія отложенія долины р. Пышмы. Впрочемъ, по направленію къ городу *Тюмени*, наносъ этотъ опять скрывается подъ суглинистымъ пластомъ, причемъ, какъ видно по осыпанному, впрочемъ, обнаженію въ берегахъ р. Туры въ Тюмени, около Монастыря (около 60′ мощности), подъ пескомъ этимъ залегаетъ еще пластъ сѣрой глины. Точно также на протяженіи каждаго изъ переѣздовъ между *Тюменью* и г. *Камышловомъ* можно видѣть слоистый песокъ залегающимъ подъ бурою песчанистою глиною, причемъ однако изъ окрестностей станціи

[1]) См. Геологическую карту восточнаго склона Уральскаго хребта. А. П. Карпинскаго, а также Горн. Журналъ.

Пылаевой, съ *р. Пышмы*, возятъ уже на дорогу нижнетретичный песчаникъ морскаго происхожденія, а около ст. *Черемышской* (послѣдняя передъ Камышловомъ), съ той-же р. Пышмы добываютъ для дресвы и глинистый сланецъ того-же возраста.

Проѣзжая отъ 4-хъ до 6-ти верстъ въ часъ по страшной грязи, упавъ къ тому же съ моста въ канаву, вмѣстѣ съ тарантасомъ и лошадьми, я въѣхалъ въ Камышловъ уже въ темнотѣ и потому ближайшія его окрестности не осмотрѣны мною лично. Но съ мѣстностью этою можно ознакомиться уже по даннымъ, собраннымъ геологами, работавшими на Уралѣ (см. выше).

Окончивъ описаніе частностей, обнаруженныхъ настоящимъ изслѣдованіемъ, считаю необходимымъ сдѣлать

Общій обзоръ геогностическаго строенія Сибири по линіи почтоваго тракта, дополняя его и тѣми подробностями, которыя не вошли въ предшествующую часть отчета, причемъ обзоръ этотъ я распредѣлю по относительному возрасту породъ, начиная съ древнѣйшихъ.

1) *Архейская система* (Лаврентьевская). Связь прибайкальскихъ и саянскихъ гнейсовъ, гранитовъ и сподчиненныхъ имъ другихъ кристаллическихъ породъ съ такими-же породами Монголіи и Китая можно считать въ настоящее время настолько прямою, а стратиграфическое отношеніе ихъ къ другимъ системамъ пластовъ настолько близкимъ, даже почти тождественнымъ, что причисленіе этой кристаллической толщи къ лаврентьевской системѣ я не могу не считать *самымъ вѣроятнымъ изъ возможныхъ предположеній* относительно ихъ возраста[1]). То же воззрѣ-

[1]) Область моихъ изслѣдованій въ предѣлахъ распространенія этихъ породъ въ прибайкаліи и Саянѣ, до монгольской границы (Кяхта), связывается маршрутомъ Pumpelly (Geological Researches in China, Mongolia and Japan 1866) непосредственно съ архейскими образованіями Китая, лаврентьевскій возрастъ которыхъ доказывается извѣстными трудами Рихтгофена (China 1882) на основаніи отношенія ихъ къ толщамъ, сохранившимъ характерные ископаемые остатки (примордіальная фауна). Къ той-же саянской и прибайкальской

ніе я распространяю и на кристаллическія полевошпатовыя породы (гнейсы и связанные съ ними граниты и т. п.), встрѣченныя на протяженіи сибирскаго почтоваго тракта, на томъ основаніи, что онѣ являются и здѣсь въ такомъ же стратиграфическомъ отношеніи къ древнѣйшимъ палеозойскимъ глинистымъ и сѣровакковымъ сланцамъ (быть можетъ отчасти даже гуронскимъ), какъ около Байкала и почти вездѣ сопутствуются ими (какъ напр. по Енисею и Оби). Къ тому же ничто не говоритъ до сихъ поръ въ пользу какого-либо другаго ихъ происхожденія, такъ какъ предполагавшаяся эруптивность нѣкоторыхъ изъ этихъ выходовъ является недоказанною и невполнѣ правдоподобною, какъ напр. около Красноярска, гдѣ гранитовидныя породы находятся всего вѣроятнѣе въ связи съ гнейсами, столь хорошо обнаженными вблизи деревни Атамановой, отдѣляясь отъ нихъ долинами и углубленными площадями, въ которыхъ отложились осадки послѣдовавшихъ затѣмъ періодовъ. Сказанное не относится однако къ сіениту окрестностей г. Ачинска, гдѣ вопросъ о его генезисѣ требуетъ еще ближайшаго изслѣдованія.

Съ этой точки зрѣнія, встрѣченные на протяженіи сибирскаго почтоваго тракта выходы гнейсовъ и гранитовидныхъ породъ являются нынѣ высшими точками древнѣйшей поверхности зем-

площади архейскихъ породъ сходятся маршруты Потанина и Пржевальскаго, изъ отчетовъ которыхъ и привезенныхъ коллекцій можно видѣть, что тождественныя породы распространяются еще далеко къ юго-западу и югу (см. также коллекціи Фритше и Пѣвцова. Геологія А. А. Иностранцева, Т. II, 1887 г., стр. 27). Что-же касается петрографическаго сходства этой системы съ соотвѣтственными образованіями Финляндіи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, то о немъ можно судить по цитированнымъ выше моимъ отчетамъ въ которыхъ мощную толщу эту я подраздѣляю на два яруса (*верхній*, характеризуется перемежаемостью кристаллическаго известняка или доломита съ плагіоклазовымъ роговообманковымъ гнейсомъ, роговообманковымъ сланцемъ и т. п., тогда какъ *нижній* состоитъ преимущественно изъ гнейсовъ, нерѣдко очковыхъ, переходящихъ въ граниты и гранититъ, весьма похожій на рапакиви, — «байкальскій гнейсъ» Чекановскаго). Относительно стратиграфическихъ отношеній см. тамъ-же, а также прилагаемую профиль, гдѣ, впрочемъ, прижатое и опрокинутое состояніе складокъ породъ хребта Онотскаго и численность ихъ немогли быть выраженными, вслѣдствіе малаго масштаба.

ной коры, выдающимися изъ-подъ облекающихъ её позднѣйшихъ осадковъ, причемъ географическое распредѣленіе этихъ выходовъ, вмѣстѣ съ гипсометрическимъ отношеніемъ ихъ къ уровню залеганія пластовъ другихъ, развитыхъ здѣсь системъ, позволяетъ судить приблизительно о конфигураціи этой древнѣйшей почвы по линіи разрѣза и сравнить её съ современною геопластикою мѣстности.

Такимъ образомъ, послѣ того какъ *прибайкальскіе гнейсы* на высотѣ около 1549′ надъ уровнемъ океана скрываются на р. Ангарѣ подъ юрскимъ песчаникомъ, ближайшій къ нимъ выходъ гнейсовъ по тракту мы встрѣчаемъ лишь въ разстояніи около 960 верстъ, въ системѣ лѣвыхъ притоковъ р. Кана, на рч. Балаѣ (*Балайскій выходъ*), на высотѣ 1048′ надъ моремъ, слѣдовательно на 501′ ниже прибайкальскаго [1]). Балайскій гнейсъ ограничиваетъ собою поэтому мульдовидное въ разрѣзѣ углубленіе древнѣйшей подпочвы, означенные на прилагаемой профили пунктиромъ. О положеніи дна этой впадины можно судить уже по тому, что самыя глубокія долины рѣкъ въ ея предѣлахъ обнажаютъ лишь пласты палеозойскихъ осадковъ, какъ напр. рѣка Канъ, уровень которой располагается на высотѣ 661,6′ надъ океаномъ, слѣдовательно почти на 888′ ниже прибайкальскихъ и на 387′ ниже балайскаго выступа гнейсовъ, не взирая на то, что рѣка эта пересѣкается трактомъ всего лишь въ разстояніи 120 верстъ отъ Балая. Мульда эта, которую, для краткости, я назову *Иркутско-Канскою*, представляетъ еще ту особенность, что, тогда какъ въ сѣверо-западной ея трети, въ самой глубокой долинѣ (р. Канъ 661,6′ надъ ок.) обнажаются лишь девонскіе осадки или залегающіе подъ ними известняки, —

[1]) Выходъ этотъ стоитъ очевидно въ связи съ площадью архейскихъ породъ, открытыхъ г. Златковскимъ (loco cit.) въ нижней половинѣ теченія р. Кана и даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ почтовой дороги, по рч. Есауловкѣ; къ ней-же относятся должно быть и выходы гранитовъ и другихъ, связанныхъ съ ними породъ около Красноярска и южнѣе его, по Енисею, а также и сѣвернѣе, около дер. Атамановой (см. выше).

въ долинѣ р. Уды, недалеко отъ г. Нижнеудинска, на высотѣ немногимъ болѣе 1316′ надъ ок., выступаютъ уже члены древнѣйшихъ глинистыхъ и сѣроватковыхъ сланцевъ, заставляя подозрѣвать, что глубина средней части углубленія можетъ быть гораздо меньше, съ чѣмъ, какъ мы увидимъ ниже, согласуется также и уровень залеганія известняка, считаемаго мною силурійскимъ.

Въ разстояніи 210 верстъ на WNW отъ Балайскаго выступа гнейса располагается слѣдующій за нимъ, *Чернорѣчинскій выходъ* породъ вообще той-же категоріи, около сопменной почтовой станціи, уже въ системѣ р. Чулыма, на высотѣ не менѣе 862′ надъ океаномъ, ограничивая собою второе углубленіе древнѣйшей подпочвы мѣстности (см. профиль). Въ восточную часть этой впадины, названной мною *Енисейскою*, русло сопменной рѣки врѣзалось до глубины соотвѣтствующей 450,1′ надъ океаномъ, слѣдовательно на 211,5′ ниже долины р. Кана, обнажая однако только девонскіе пласты и толщу глинистыхъ и сѣроватковыхъ сланцевъ.

Затѣмъ, проѣхавъ до 610 верстъ на ЗЮЗ, почти подъ 101° вост. долготы, на высотѣ предположительно около 613′ н. ок., мы встрѣчаемъ гранитъ и гнейсъ праваго берега р. Оби, — выступъ, которымъ оканчивается третья мульда — *Чулымско-Обская*. Рѣка Томь, уровень которой (226,8′ абс. высоты) располагается на 223,3′ ниже Енисея, врѣзалась въ древнѣйшіе глинистые сланцы, указывая на то, что архейскія породы, слагающія дно впадины, должны лежать еще ниже этого горизонта. Наконецъ, на западъ отъ Обскаго гнейса, къ которому принадлежитъ очевидно и гранитъ г. Колывани (лѣвый берегъ Оби), располагается четвертая, самая большая, *Западно-Сибирская впадина* древнѣйшей подпочвы, простирающаяся на слишкомъ 20° долготы, до Уральскаго хребта, въ которомъ именно и слѣдуетъ искать выходовъ древнѣйшихъ породъ, ограничивающихъ это вдавленіе. Гипсометрически низшія точки низменности (менѣе 210′ н. ок.), располагаясь въ западной ея части, обнажаютъ

лишь постпліоценовыя или третичныя отложенія, не позволяя судить о глубинѣ, на которой здѣсь могутъ располагаться архейскія породы.

Сравнивая реставрированную такимъ образомъ конфигурацію древнѣйшей подпочвы съ современными орографическими особенностями мѣстности, нельзя не замѣтить нѣкотораго, довольно тѣснаго отношенія между ними. Не говоря уже о томъ, что не только число названныхъ впадинъ, но и ступеньчатое ихъ положеніе, постепенно повышающееся по направленію отъ ЗСЗ къ ВЮВ, видимо соотвѣтствуетъ числу терассовидныхъ площадей, обнаруженныхъ нивеллировкою почтоваго тракта, мы видимъ еще, что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ вдавленій, какъ своими размѣрами, такъ и географическимъ положеніемъ вполнѣ совпадаютъ съ этими площадями. Такъ напр. западно-сибирская низменность помѣщается всецѣло въ соименной впадинѣ; точно также Чулымско-Обская мульда настолько соотвѣтствуетъ низшей терассѣ плоской возвышенности въ указанныхъ выше границахъ, что только высшій пунктъ Чернорѣчинскаго выступа архейскихъ породъ заходитъ нѣсколько (на 33 версты) въ предѣлы сосѣдняго уступа (средней терассы). Отсюда впрочемъ начинается уже несовпаденіе, такъ какъ Енисейская впадина занимаетъ лишь первую половину средней терассы, вторая часть которой, какъ равно и вся высшая терасса плоской возвышенности, располагается уже въ предѣлахъ Иркутско-Канской мульды.

Въ томъ, что образованіе названныхъ выступовъ архейскихъ породъ, какъ болѣе или менѣе объособленныхъ возвышеній, принадлежитъ весьма отдаленному времени, убѣждаетъ насъ отношеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ выходовъ къ древнѣйшимъ изъ прилегающихъ къ нимъ системъ пластовъ. Такъ напр. изслѣдованіе прибайкальскихъ горъ показало, что сѣверо-западный склонъ области развитія архейскихъ породъ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы его видимъ въ настоящее время, образовался въ періодъ, предшествовавшій отложенію древнѣйшихъ глинистыхъ и сѣровакковыхъ сланцевъ; въ свою очередь Енисейская мульда выполнена почти горизонтальными пластами девонскихъ осадковъ; что же касается Обскаго выхода гнейса, пласты котораго, какъ сказано выше, простираются на WNW, то отношеніе его къ сосѣднимъ глинистымъ сланцамъ, хотя и не обнаруживается прямымъ наблюденіемъ, зато сѣверо-восточное простираніе послѣднихъ около Томска, совпадающее съ направленіемъ *(но не съ простираніемъ)* архейской полосы на Оби (Колывань-Дубровина), позволяетъ задать вопросъ: не ставила-ли эта полоса препятствіе прижимавшимся къ ней съ юго-востока и изгибавшимся въ складки, древнимъ глинистымъ сланцамъ, — условіе, при которомъ Обскій выходъ гнейсовъ былъ бы древнѣйшимъ возвышеніемъ почвы, предшествовавшимъ отложенію сланцевъ.

Понятно однако, что, не взирая на возможную глубокую древность даже всѣхъ этихъ возвышеній лаврентьевской почвы, относительный гипсометрическій уровень ихъ могъ быть въ различныя времена неодинаковымъ. Возможно удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса требуетъ еще гораздо болѣе обширныхъ изслѣдованій мѣстности; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя указанія на существованіе сдвиговъ и намёки на время ихъ образованія даетъ уже ближайшее разсмотрѣніе особенностей и условій залеганія остальныхъ палеозойскихъ осадковъ, какъ это мы увидимъ ниже.

2) *Глинистые и сѣровакковые сланцы*, послѣ архейскихъ породъ, являются безспорно древнѣйшимъ членомъ развитыхъ въ изслѣдованныхъ частяхъ Сибири осадковъ и признавались таковыми всѣми, видѣвшими ихъ путешественниками, а цѣлый рядъ описанныхъ мною несогласныхъ напластованій этихъ сланцевъ на лаврентьевскихъ породахъ прибайкалія, стратиграфически рѣзко отдѣляетъ ихъ отъ древнѣйшей подпочвы мѣстности. О недостаточно точномъ опредѣленіи возраста этой толщи сказано было выше и потому названію *нижнесилурійской*, употреблявшемуся мною неоднократно, я не придаю особеннаго значенія, такъ какъ сланцы эти, напр. прибайкальскіе, могутъ оказаться современемъ отчасти даже *гуронскими*. Петрографическая тож-

дественность вмѣстѣ съ похожими стратиграфическими условіями склонили меня причислить къ одному возрасту всѣ встрѣченные по тракту выходы этихъ сланцевъ, указывающіе на бывшее значительное распространеніе водъ, отлагавшихъ эту систему пластовъ, тогда какъ крутое или отвѣсное положеніе ихъ обличаетъ соотвѣтственное напряженіе горообразовательной силы, вызвавшей такого рода перемѣщенія. Въ противуположность архейскимъ породамъ, слои которыхъ сохраняютъ на всемъ нашемъ пути простираніе WNW, въ толщѣ интересующихъ насъ сланцевъ такое простираніе замѣчается только на востокѣ отъ р. Кана (окрестности Нижнеудинска), тогда какъ на западъ отъ этой рѣки (Енисей, Томь) оно измѣняется въ ONO, — явленіе, стоящее въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что южнѣе тракта, приблизительно на 113° восточной долготы и около 54° сѣв. широты, располагается переходъ восточнаго Саяна (съ простираніемъ WNW) въ западный (съ простираніемъ WSW до SW), связанный съ Алтаемъ [1]). Приподнятое положеніе этихъ пластовъ, какъ равно и большее однообразіе ихъ состава въ сравненіи съ прибайкальскими, въ которыхъ отличается нѣсколько петрографически различныхъ членовъ (напр. кварцитъ, известнякъ и т. п.), не даютъ данныхъ для сужденія о перемѣщеніяхъ, которыя могли имѣть мѣсто послѣ образованія складокъ пластовъ этой системы.

3) Въ томъ, что *известковая толща*, развитая на высшей терассѣ плоской возвышенности, составляетъ непосредственное продолженіе ленской и прибайкальской, гдѣ она, въ противуположность покрывающимъ её, почти горизонтальнымъ красноцвѣтнымъ песчаникамъ (девонскимъ), участвуетъ въ образованіи сѣверо-западнаго склона хребта Онотскаго,—въ этомъ въ настоящее время трудно сомнѣваться, имѣя въ виду результаты изслѣдованій Чекановскаго, и мои маршруты, пересѣкающіе названный хребетъ какъ восточнѣе, такъ въ особенности западнѣе р. Ангары (Извѣстія loco cit.). Выступая время отъ времени изъ-подъ девонскихъ осадковъ, известнякъ этотъ позволяетъ себя прослѣдить далеко внизъ по р. Ленѣ и по Нижней Тунгускѣ, въ низовьяхъ которой, въ известнякѣ найдены Чекановскимъ силурійскія ископаемыя. Вблизи отъ названныхъ рѣкъ, какъ извѣстно, располагается и система Вилюя, на которую переходятъ девонскія (красноцвѣтныя) породы, покрывающія интересующій насъ известнякъ. На Вилюѣ же и въ известнякѣ, Р. К. Маакъ собралъ остатки силурійской фауны, описанные академикомъ Шмидтомъ, хотя слѣдуетъ замѣтить, что въ мѣстахъ означенныхъ палеонтологическихъ находокъ известнякъ, къ сожалѣнію, обнажается не совмѣстно съ девонскими пластами. Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ и въ виду отсутствія ископаемыхъ въ предѣлахъ моихъ изслѣдованій, я склонился отнести интересующій насъ известнякъ предположительно къ силурійской системѣ, считая его верхнимъ ярусомъ осадковъ этой толщи. Не могу не указать здѣсь еще и на то обстоятельство, что ярусъ этотъ входитъ въ составъ *только сѣверо-западнаго крыла* самой передней складки Онотскаго хребта, залегая тамъ вполнѣ согласно на глинистыхъ и другихъ сланцахъ, но не участвуетъ въ образованіи болѣе отдаленныхъ (юго-восточныхъ) складокъ тойже толщи и потому нигдѣ не достигаетъ до лаврентьевскихъ породъ Приморскаго хребта (см. мою карту Байкала), причемъ здѣсь нигдѣ еще не наблюдались стратиграфическія условія юго-восточной *линіи исчезновенія* этого известняка, лежащей на поросшемъ и плохо обнаженномъ гребнѣ складки. Петрографически вполнѣ сходнымъ съ нимъ является и известнякъ, встрѣченный среди породъ средней терассы плоской возвышенности, именно, между г. Канскомъ и Уярскою почтовою станціею, а также по осмотрѣнной мною части теченія р. Кана, гдѣ онъ залегаетъ непосредственно подъ юрою. Сходство это оказывается до того полнымъ, что даже окраска встрѣчающихся въ немъ кремне-

[1]) Смотри мой краткій текстъ къ геологической картѣ озера Байкала. Записки И. Р. Географич. Общества по Общ. Географіи Т. XV, стр. 15—16, а также статью мою «О дислокаціяхъ на сѣверной окраинѣ средней Азіи» въ Трудахъ Общества Естествоиспытателей при Спб. Университетѣ Т. XVII.

выхъ гнѣздъ, прожилковъ и прослоекъ всегда отличается сѣрымъ или желтовато-сѣрымъ цвѣтомъ, тогда какъ въ известнякѣ, видимо подчиненномъ красноцвѣтной толщѣ, какъ къ востоку, такъ и къ западу отъ Канско-Уярской области этой породы, гнѣзда эти и прожилки являются всегда красными, сердоликовидными, на что обратилъ уже вниманіе и Гофманъ (loco cit.). Будучи крайне далекимъ преувеличивать діагностическое значеніе такихъ гнѣздъ, я могъ бы указать еще на то обстоятельство, что если интересующій насъ известнякъ (Канско-Уярскій) приравнивать подчиненному красноцвѣтной толщѣ и потому считать его моложе известняка, развитаго на высшей терассѣ плоской возвышенности (т. е. Иркутскаго и Онотскаго), то въ такомъ случаѣ можно его ставить въ параллель лишь низшему уровню этой системы, т. е. Торгошинскому известняку, такъ какъ только на этомъ горизонтѣ здѣшній девонскій известнякъ достигаетъ значительной мощности (слишкомъ 560′, если принять различіе между уровнемъ Кана и выходомъ известняка на спускѣ съ г. Плехановой), между тѣмъ какъ стратиграфически выше, онъ является въ видѣ тонкихъ пластовъ, перемежающихся съ красными мергелями, песчаникомъ и т. п.

Златковскій относитъ Канско-Уярскую область известняка къ девонской эпохѣ, не сообщая впрочемъ подробностей соображеній и данныхъ, приведшихъ его къ такому заключенію, и не сравнивая его съ прибайкальскими; что же касается меня, то знакомство съ известнякомъ высшей терассы склонило бы меня скорѣе къ объединенію этихъ породъ и только описанное выше обнаженіе на рч. Манашъ (лѣв. притокъ Кана), гдѣ въ известнякѣ замѣчаются тонкія впрочемъ прослойки красноватаго рухляка, заставляетъ меня считать этотъ вопросъ требующимъ еще болѣе подробныхъ и обширныхъ изслѣдованій мѣстности и болѣе цѣлесообразныхъ обнаженій, вслѣдствіе чего около краски канско-уярскаго известняка поставленъ знакъ вопросительный, хотя перемежаемость съ пропластками рухляка встрѣчена Чекановскимъ и въ одномъ изъ выходовъ прибайкальскаго известняка,

именно на рч. Ушаковкѣ, гдѣ известнякъ этотъ древнѣе красноцвѣтныхъ пластовъ.

Ограничиваясь только Байкальско-Канскою мульдою, а можетъ быть и одною лишь юго-восточною, повидимому болѣе высокою ея частью (на О отъ Нижнеудинска), сохраняя къ тому-же горизонтальное положеніе пластовъ, известковая толща на высшей терассѣ располагается такимъ образомъ, что висячій бокъ ея достигаетъ высоты 1960′ надъ океаномъ, тогда какъ лежачій исчезаетъ подъ уровнемъ р. Бѣлой (1379′), такъ, что по этимъ только даннымъ, мощность толщи оказывается уже превосходящею 580′. Сравнивая такое гипсометрическое положеніе съ уровнемъ, занимаемымъ областью Канско-Уярскаго известняка, очевидно, что висячій бокъ послѣдняго (Плеханова гора) располагается уже на 735′ ниже, указывая на возможность сдвига, разобщившаго обѣ области современнаго распространенія этой породы; если-же Канско-Уярскій известнякъ отнести къ девонской системѣ, допуская присутствіе подъ нимъ и силурійскаго известняка или-же, предполагая условія, при которыхъ верхнесилурійскія воды не могли распространяться на современную среднюю терассу, бывшую въ то время сушею, въ такомъ случаѣ вертикальные размѣры сдвига, должны очевидно значительно увеличиться.

4) *Красноцвѣтная толща*, въ смыслѣ системы пластовъ съ указанными выше стратиграфическими условіями, имѣетъ громадное распространеніе въ Восточной Сибири. Начиная съ описанныхъ мною мѣстъ по р. Чулыму въ Минусинскомъ и Ачинскомъ округахъ, она тянется къ востоку черезъ Енисей, Канъ, Бирюсу, Уду, Оку, Ангару, Нижнюю-Тунгуску, Лену, Вилюй, систему р. Алданъ и наконецъ, черезъ путь Эрмана, къ г. Охотску, слѣдовательно, почти отъ 108° до 163° восточной долготы, не считая известнякъ восточныхъ окрестностей г. Томска (103°30′ в. долготы), о весьма правдоподобной принадлежности котораго девонской системѣ сказано уже выше. Поэтому представители этой толщи встрѣчаются во всѣхъ упомянутыхъ выше углубленіяхъ

древнѣйшей подпочвы въ особенности, что девонскіе пласты извѣстны и на восточномъ склонѣ Урала. Если не обращать вниманіе на пласты бѣлыхъ или желтовато-бѣлыхъ рухляковыхъ или глинистыхъ песчаниковъ, а также пропластки и слои сѣраго известняка, появляющіеся вообще въ подчиненномъ видѣ въ западной части области распространенія этой толщи (на западъ отъ р. Уды), или-же на болѣе или менѣе значительное мѣстное развитіе какого-либо изъ ея членовъ (напр. зеленыхъ песчаниковъ въ Минусинскомъ округѣ), то петрографическій составъ интересующей насъ системы можно назвать весьма однообразнымъ (преимущественно красные: песчаники, рухляки и глины).

Столь-же однообразными являются и стратиграфическія условія залеганія этой толщи: вездѣ, гдѣ только встрѣчаются цѣлесообразные разрѣзы, оказывается, что пласты эти покрываютъ собою известнякъ, подъ которымъ залегаетъ уже свита древнѣйшихъ глинистыхъ и сѣровакковыхъ сланцевъ. Такое отношеніе къ известняку наблюдалось даже на крайнихъ восточныхъ пунктахъ извѣстнаго распространенія красныхъ песчаниковъ (Миддендорфъ и Эрманъ), причемъ около сѣверо-западнаго подножія прибайкальскихъ горъ, а отчасти повидимому и въ верхнемъ теченіи р. Нижней-Тунгуски (см. цитированный выше отчетъ мой о поѣздкѣ въ село Преображенское), они прилегаютъ къ склону приподнятыхъ пластовъ известняка, какъ напр. въ хребтѣ Онотскомъ, сохраняя свойственное имъ вездѣ горизонтальное или слабо волнистое положеніе слоевъ.

Гипсометрическій уровень залеганія красноцвѣтной толщи въ различныхъ мѣстахъ ея развитія по сибирскому тракту оказывается настолько неодинаковымъ, что въ свою очередь даетъ указанія на участіе сдвиговъ въ образованіи терассовиднаго пониженія восточной Сибири къ западной. И дѣйствительно, въ то время, когда на высшей терассѣ плоской возвышенности (долина рч. Унги) лежачій бокъ этихъ осадковъ располагается на высотѣ слишкомъ 1500′ надъ уровнемъ океана, а висячій, внизъ по теченію Унги, достигаетъ по всей вѣроятности болѣе 2000′ высоты

(разумѣется, имѣя въ виду горизонтальное положеніе пластовъ),— низшій изъ пластовъ красноцвѣтной толщи на Енисеѣ скрывается подъ уровень рѣки на высотѣ всего лишь 450′, располагаясь слѣдовательно болѣе чѣмъ на 1000′ ниже. Необходимость допустить перемѣщеніе почвы дѣлается еще настоятельнѣе, если имѣть въ виду наличный итогъ палеонтологическихъ данныхъ, которыя, не взирая на недостаточность ихъ для подробнаго подраздѣленія всей этой толщи на ярусы, располагаютъ все-таки считать сравнительно менѣе древнимъ этажомъ не Унгинскую часть этихъ породъ, а напротивъ, Енисейскую, не смотря на указанное выше, болѣе низкое положеніе ея надъ океаномъ.

На р. Нижней-Тунгускѣ и Ленѣ, какъ извѣстно, найдена фауна, смѣшивавшаяся прежде съ верхнесилурійскою и только впослѣдствіи признанная нижнедевонскою, хотя, къ сожалѣнію, ископаемыя эти до сихъ поръ еще окончательно не обработаны; около Падунскаго порога, куда красноцвѣтная толща переходитъ съ Нижней-Тунгуски черезъ р. Илимъ, въ низшихъ пластахъ системы нашелся даже представитель рода Eurypterus[1]), между тѣмъ какъ въ Минусинскомъ округѣ, извѣстный знатокъ девонской фауны Россіи, Ѳ. Н. Чернышевъ, относитъ Бейскія раковины[2]), къ горизонту со Spirifer Anossofi, слѣдовательно къ *верхнему ярусу средняго девона*[3]). Если принять во вниманіе еще то обстоятельство, что на западъ отъ высшей терассы плоской возвышенности, нижне-девонскія отложенія можно считать еще ненайденными, быть можетъ даже отсуствовавшими[4]), то условіями этими еще осложняется вопросъ о бывшихъ здѣсь перемѣщеніяхъ почвы: нынѣшняя средняя терасса или вообще западная часть

---

[1]) Шмидтъ, loco cit.

[2]) Stuckenberg loco cit.

[3]) Чернышевъ Труды Геологическаго Комитета Т. III. № 3. 1887 г., стр 137.

[4]) Торгошинскій известнякъ является покамѣстъ эквивалентомъ Бейскаго, и потому найденный въ немъ новый видъ рода Proetus, хотя и близкій къ представителямъ Герцинскаго яруса, въ смыслѣ Кейзера, не можетъ еще пользоваться рѣшающимъ голосомъ.

области распространенія интересующихъ насъ осадковъ была, быть можетъ, сушею въ періодъ отложенія нижнедевонскихъ пластовъ въ системѣ Ангары и далѣе къ востоку; — не съ этимъ ли связано здѣсь и отсутствіе верхнесилурійскихъ образованій? На всѣ эти вопросы слѣдуетъ смотрѣть однако не иначе, какъ на подготовленіе почвы для будущихъ, болѣе обширныхъ изслѣдованій, отъ которыхъ слѣдуетъ выжидать, и болѣе многочисленнаго палеонтологическаго матеріала.

5) Вмѣстѣ съ девонскимъ періодомъ оканчиваются морскія отложенія на линіи моего маршрута въ политическихъ границахъ Сибири (см. ниже). Осадки, причислявшіеся къ *каменноугольной системѣ*, такъ сказать, съ каждымъ шагомъ болѣе подробнаго изслѣдованія стали относиться къ юрѣ, — участь, постигшая наконецъ и такъ называемый Кузнецкій или Томскій каменноугольный бассейнъ, такъ что несомнѣнно къ карбоновой эпохѣ относятся нынѣ лишь угленосные пласты по р. Абакану, недалеко отъ г. Минусинска, въ горѣ Изыхъ [1]), тогда какъ по линіи сибирскаго тракта они, повидимому, вовсе отсутствуютъ.

Я говорилъ уже выше, что по линіи моихъ маршрутовъ внѣ главнаго тракта, въ трехъ мѣстахъ, въ системѣ Енисея, я встрѣчался съ пластами, содержащими растительные остатки, характерные для такъ называемаго медвѣжьяго яруса (Ursa-Stufe), а именно: около станціи Ботойской (стр. 57—60), между озерами Ушкюль и Кизыль-кюль Минусинскаго округа (Lepidodendron Veltheimianum, стр. 87) и въ Майдашинской горѣ около Минусинска (Lep. Wiikianum и друг., стр. 82—84). Кромѣ того, въ сторонѣ отъ Минусинской дороги, около деревни Огуръ на Енисеѣ, такіе остатки описаны были г. Шмальгаузеномъ (loco cit.) по коллекціямъ И. А. Лопатина. Относительно Ботойскихъ и Огурскихъ пластовъ, петрографически довольно сходныхъ, я не могу еще относиться вполнѣ скептически потому, что стратиграфическія условія Ботойскихъ пластовъ (съ Огурскими я не

[1]) Шмальгаузенъ, loco cit.

знакомъ лично) допускаютъ еще возможность отдѣлить ихъ отъ красноцвѣтныхъ отложеній девона. Что же касается Ушкюльскихъ, а въ особенности Майдашинскихъ пластовъ (стр. 82—84). то они требуютъ еще самаго детальнаго изученія отношенія ихъ къ красноцвѣтнымъ, — изученія, невозможнаго при болѣе поспѣшномъ, маршрутномъ изслѣдованіи мѣстности. Зеленые слои эти являются здѣсь, повидимому, въ роли вполнѣ согласной перемежаемости съ красными девонскими отложеніями, вслѣдствіе чего, впредь до детальнѣйшаго изученія складокъ всей этой толщи, или-же до болѣе вѣскихъ палеонтологическихъ находокъ, я счелъ умѣстнымъ поставить вопросъ: не находятся-ли здѣсь поименованныя растенія въ пластахъ девонскихъ а не каменноугольныхъ?

6) *Юрскіе осадки* достигаютъ здѣсь замѣчательныхъ размѣровъ въ горизонтальномъ направленіи, указывая на бывшій въ эту эпоху настоящій озерный періодъ плоской возвышенности.

И дѣйствительно, вся высшая терасса (по тракту) до Уковской горы, за г. Нижнеудинскомъ, т. е. до 55° сѣв. шир., покрыта сплошнымъ юрскимъ осадкомъ, расчлененнымъ мѣстами только рѣчными долинами, обнажившими болѣе древнія породы, какъ это всего лучше замѣтно на прилагаемой картѣ. При такихъ условіяхъ, однихъ уже извѣстныхъ Усть-Балейскихъ растительныхъ остатковъ вполнѣ достаточно, чтобы считать пласты эти осадками одного, весьма длиннаго, юрскаго озера, восточная оконечность котораго (вѣрнѣе юго-восточная) у подножія Онотскаго хребта достигала 123° вост. долготы [1]), а сѣверо-западная почти 116° в. д.; имѣющіяся до сихъ поръ свѣдѣнія о распространеніи этихъ осадковъ на сѣверо-востокъ отъ тракта указываютъ на сравнительно малую ширину озера, такъ какъ съ юго-запада оно ограничивалось склономъ горъ. Прѣсноводный бассейнъ этотъ, названный мною *Иркутскимъ*, соединялся съ Байкаломъ

[1]) См. мой отчетъ о поѣздкѣ на Нижнюю-Тунгуску, Извѣстія Восточн. Сибирск. Отдѣла Географич. Общества 1886 г. Т. XVI № 1—3.

посредствомъ пролива, описаннаго мною въ отчетахъ о Байкалѣ и изображеннаго на геологической картѣ этого озера (loco cit.).

То же мы видимъ и почти на всемъ протяженіи средней террассы плоской возвышенности, такъ какъ на основаніи растительныхъ остатковъ съ рр. Рыбной и Енисея (около Кубековой), сѣрые, желтовато-сѣрые и бурые песчаники съ флецами бураго угля, развитые столь-же непрерывно начиная съ 115° и почти до 108° восточ. долготы, слагаются въ осадки одного, громаднаго, юрскаго озера, занимавшаго названную террассу (см. карту). Озеро это, какъ занимавшее почти всю ширину Енисейской губерніи по линіи сибирскаго почтоваго тракта, я называю *Енисейскимъ* юрскимъ бассейномъ.

Наконецъ, на низшей террассѣ плоской возвышенности, начиная съ 106°15′ и до 103°30′ вост. долг., сибирскій трактъ опять пересѣкаетъ непрерывную полосу такихъ-же песчаниковъ, угленосность которыхъ, а повидимому и связь съ Чулымскими (Ачинскими, въ сторонѣ отъ Минусинскаго тракта) доказывается перегорѣлыми сланцами, привозимыми съ рч Урюнъ (около излучины Чулыма), съ другой-же стороны, связь ихъ съ Кузнецкимъ угленоснымъ бассейномъ черезъ посредство песчаниковъ по рч. Ушайкѣ, около г. Томска, является столь-же вѣроятною. Эту область песчаниковъ я точно также обозначилъ краскою юры со знакомъ вопросительнымъ, впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса о ихъ возрастѣ.

Такимъ образомъ, почти вдоль подножія окраинныхъ горъ средней Азіи, на верхней и средней, а правдоподобно и на нижней террассѣ плоской возвышенности, располагались три громадныя юрскія озера: Иркутское, Енисейское и Томское; изъ нихъ верхнее (т. е. Иркутское) соединялось съ Байкаломъ. Подробности очертанія этихъ бассейновъ, отношеніе ихъ другъ къ другу, расположеніе и направленіе ихъ истоковъ и отношеніе послѣднихъ къ морскимъ бассейнамъ того-же періода, — все это предстоитъ еще рѣшить будущимъ изслѣдователямъ. Собранный матеріалъ по этимъ вопросамъ долженъ дать въ результатѣ

весьма интересный монографическій трудъ; онъ можетъ выяснить также насколько подвинулась къ этому періоду работа по образованію трехъ террассъ плоской возвышенности. Наличный итогъ стратиграфическихъ данныхъ въ этомъ отношеніи крайне недостаточный; онъ не противорѣчитъ впрочемъ предположенію, что, въ общемъ, по крайней мѣрѣ, террассы эти уже существовали или могли быть намѣченными.

6) *Морскіе третичные осадки*, какъ-то: эоценовые и олигоценовые, извѣстны только около восточнаго склона Урала, не переходя по тракту на востокъ отъ 82° в. долготы. Пострадавшіе отъ позднѣйшихъ размывовъ, осадки эти имѣютъ для насъ фрагментарный характеръ въ томъ смыслѣ, что, при настоящемъ уровнѣ нашихъ свѣдѣній, не даютъ возможности судить о восточной границѣ водъ, отложившихъ эти пласты и затоплявшихъ, быть можетъ, значительную часть западно-сибирской низменности, которая, очевидно, занимала въ то время уже низшій гипсометрическій уровень.

7) *Пръсноводный міоценъ* впервые встрѣченъ на р. Чулымѣ около г. Ачинска (около 108° в. д.). Это южная часть міоценоваго озера, выполнявшаго углубленіе въ юрскихъ песчаникахъ; западная граница его еще гадательна, о сѣверной до сихъ поръ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ она теряется въ мѣстностяхъ, о которыхъ мы еще ничего не знаемъ. Вотъ почему, между прочимъ, слѣдуетъ крайне сожалѣть, что при работахъ на Обь-Енисейскомъ каналѣ не производились геологическія изслѣдованія.

Къ міоценовому-же періоду, какъ сказано выше, я отношу предположительно пластическую глину и связанный съ нею суглинокъ Барабинской и вообще западно-сибирской низменности, залегающіе несогласно подъ постміоценомъ.

И. Я. Словцову, какъ сказано выше, принадлежитъ честь открытія въ этой мѣстности *остатковъ мастодонта* (*Mastodon*), до сихъ поръ вовсе неизвѣстнаго еще въ Сибири. Остатки эти состоятъ изъ двухъ зубовъ различныхъ индивидуумовъ, найденныхъ въ 1885 г. по р. Иртышу, около деревни *Лежанки*. Эта

послѣдняя располагается въ 60 верстахъ ниже г. Омска и всего лишь въ 26 верстахъ отъ Кулачинской почтовой станціи, около которой развиты пласты, относимые мною къ третичнымъ осадкамъ (фиг. 11 на картѣ). Правда, что зубы эти найдены уже въ вырытомъ состояніи, причемъ и подробности геогностическаго строенія окрестностей Лежанки намъ еще неизвѣстны; тѣмъ не менѣе, въ углубленіяхъ однаго зуба сохранилась порода, тождественная съ сѣрымъ суглинкомъ, связаннымъ съ пластическою глиною, а корни другаго зуба покрыты инкрустаціями гипса, въ которомъ заключены частички и зерна сѣрой пластической глины, изъ чего можно заключить, что зубы эти погребены были именно въ пластахъ, причисляемыхъ къ третичнымъ отложеніямъ. Одинъ изъ остатковъ принадлежитъ нынѣ Музею Имп. Академіи Наукъ (№ 3395 по каталогу). Это передняя часть перваго зуба лѣвой стороны нижней челюсти, но настолько стертая и неполная, что по ней можно было заключить навѣрное только то, что мастодонтъ этотъ принадлежалъ къ группѣ *Zygolophodontes*. Чтоже касается втораго остатка, составляющаго собственность музея Тюменской гимназіи и присланнаго мнѣ только для опредѣленія, то онъ представляетъ собою великолѣпно сохранившійся *передній зубъ правой стороны нижней челюсти* съ едва замѣтными слѣдами начавшагося стиранія. Онъ обнаруживаетъ главнѣйшіе признаки типа *Mastodon tapiroides Cuv*[1]), причемъ и относительные размѣры его совпадаютъ съ замѣчательною точностью съ типическими для этого вида. Продольный діаметръ коронки равняется 108 мил., при наибольшей ширинѣ ея въ 72 мил., что составляетъ на 100 длины, 66,7 ширины, а слѣдовательно какъ 3:2, тогда какъ у *Mast. Borsoni Hays.*, у котораго зубы нѣсколько ближе къ квадратнымъ, отношеніе это должно быть какъ 4:3, т. е. на 100 длины, 75 ширины. Тѣмъ не менѣе, ребра и возвышенныя линіи, нисходящія съ вершинъ зубцовъ развиты значительно слабѣе нежели на зубахъ верхней челюсти имѣющагося въ Академіи остатка M. tapiroides, а нисходящія съ вершинъ внутреннихъ зубцовъ («posttriten») направляются болѣе отвѣсно внизъ, напоминая этимъ скульптуру зубовъ *M. Borsoni* Результаты подробнаго сравненія остатковъ съ приложеніемъ рисунковъ я намѣренъ изложить въ особой статьѣ, теперь же замѣчу, что зубы эти говорятъ только въ пользу міоценоваго возраста описанныхъ отложеній, такъ какъ въ осадкахъ именно этого отдѣла третичной системы *Mastodon tapiroides* встрѣчается въ Европѣ, совмѣстно съ *M. angustidens*.

[1]) M. Vacek. Abhandlungen d. K. K. Geolog. Reichsanstalt. Wien. 1877 B. VII. Heft 4. pag. 5—6.

Распространяясь отъ 99° до 85° восточ. долготы и прерываясь лишь врѣзавшимися въ нихъ послѣтретичными долинами, описываемые осадки располагаютъ допустить существованіе громаднаго прѣсноводнаго бассейна, съ фауною котораго ознакомила насъ цитированная выше статья Мартенса, а отчасти и Милашевича, вмѣстѣ съ моими замѣтками о распространеніи этихъ раковинъ. О границахъ этого бассейна, точно также какъ и образѣ его происхожденія, трудно сказать что либо при настоящемъ состояніи нашихъ познаній о строеніи всей низменности; по этому вопросу нельзя даже пользоваться и маршрутами предшественниковъ, такъ какъ легко быть можетъ, что выходы пластическихъ глинъ, тамъ, гдѣ онѣ не содержатъ въ себѣ ископаемыхъ остатковъ или не представляютъ столь рѣзко выраженнаго стратиграфическаго отношенія къ постміоцену, какъ въ окрестностяхъ г. Омска, — могли смѣшиваться съ послѣтретичными осадками; къ тому-же, въ этихъ мѣстностяхъ мы еще не имѣемъ даже настолько подробныхъ геогностическихъ маршрутовъ, по которымъ можно было бы дѣлать догадки, основываясь на одномъ лишь петрографическомъ строеніи встрѣченныхъ отложеній[1]). Небезъинтереснымъ является фактъ нахожденія прѣсноводнаго міоцена на

[1]) Описаніе весьма оригинальныхъ мергельныхъ, членистыхъ конкрецій, свойственныхъ этимъ глинамъ, составитъ предметъ особой статьи. Я намекалъ уже выше о томъ, что крупнозернистый песчаникъ въ окрестностяхъ Падунскаго порога принадлежитъ, быть можетъ, третичному возрасту.

восточномъ склонѣ сѣвернаго Урала, гдѣ осадки эти открыты въ послѣднее время горн. инженер. Федоровымъ, собравшимъ и флору этихъ отложеній. Прѣсноводный-же міоценъ открытъ Н. А. Соколовымъ въ Алтаѣ.

8) *Послѣтретичные наносы*, развитые по всей длинѣ Сибирскаго тракта, требовали бы гораздо болѣе свободнаго времени и нѣсколько другихъ условій путешествія для того, чтобы ознакомиться съ ними поближе; поэтому считаю возможнымъ передать о нихъ только болѣе общія свѣдѣнія, не вникая въ желательныя подробности. По относительной древности, они раздѣляются на постпліоценовые и новѣйшіе.

Постпліоценовые наносы отличаются значительнымъ развитіемъ по всей линіи моего маршрута. Низшимъ стратиграфическимъ уровнемъ ихъ является *слоистый песокъ*, мѣстами съ прослойками болѣе или менѣе крупной гальки; по всей длинѣ моего маршрута отложеніе это замѣняетъ собою ледниковыя валунныя образованія, съ которыми путешественникъ встрѣчается только на почвѣ европейской Россіи [1]). Наносъ этотъ, т. е. слоистый песокъ, достигаетъ обыкновенно значительной высоты надъ уровнемъ современныхъ рѣкъ, въ особенности въ Восточной Сибири, и принимаетъ характеръ озерныхъ отложеній, — обстоятельство, связанное обыкновенно съ расширеніями долинъ, какъ напр. по рр. Ангарѣ, Окѣ, Иѣ, Удѣ, Бирюсѣ, по Кану, Енисею, Чулыму, Томи, Оби и по Иртышу. При этомъ необходимо имѣть въ виду то обстоятельство, что русла названныхъ восточно-сибирскихъ рѣкъ во многихъ мѣстахъ преграждались потоками такихъ изверженныхъ породъ, какъ послѣюрскій оливиновый діабазъ и еще позднѣйшіе трахиты и базальты, превращавшими соотвѣтственные отрѣзки этихъ рѣкъ въ озера, окончательный спускъ которыхъ долженъ былъ послѣдовать уже послѣ отложенія слоистыхъ песковъ. Съ этимъ явленіемъ стоятъ, должно быть, въ связи и

[1]) См. мое сообщеніе: О послѣтретичныхъ образованіяхъ Сибири. Труды С.-Петерб. Общ. Естествоиспытателей 1887 г. Т. XVIII, стр. 1.

столь-же высокія терассы, замѣчаемыя по склонамъ названныхъ рѣкъ, — вопросъ, которому, со временемъ, я намѣренъ посвятить особую статью, въ особенности, что обработка подробностей имѣющихся гипсометрическихъ данныхъ потребуетъ еще не мало времени. Галька иногда совершенно вытѣсняетъ собою песокъ, какъ напр. по р. Ангарѣ, выше г. Иркутска, слѣдовательно ближе къ Байкалу, въ предѣлахъ долины котораго пласты гальки съ характеромъ наноса горныхъ потоковъ, образуютъ древнѣйшее изъ постпліоценовыхъ отложеній, вполнѣ независимое отъ слоистаго песка, выполняющаго мѣстами неровности и долины въ толщѣ галекъ.

О томъ, что слоистые пески Западно-Сибирской низменности съ ихъ озерною и озерно-рѣчною фауною залегаютъ въ долинахъ, размытыхъ въ третичныхъ глинахъ, и что долины эти обнаруживаютъ весьма явную связь съ долинами современныхъ рѣкъ, было сказано уже выше. Во всякомъ случаѣ теорію образованія этихъ осадковъ, предложенную Бельтомъ (loco cit.), нельзя считать результатомъ фактическихъ данныхъ и потому вопросъ этотъ требуетъ еще подробныхъ изслѣдованій всей громадной области интересующей насъ низменности для того, чтобы получить достаточный матеріалъ для объясненія генезиса такого явленія.

Слоистый песокъ переходитъ кверху, нерѣдко весьма постепенно, въ болѣе или менѣе песчанистую, иногда кирпичную, даже весьма жирную *глину* или въ *суглинокъ*, переходящіе мѣстами, въ свою очередь, столь-же постепенно и въ *лёссъ*. Въ числѣ такихъ переходныхъ формъ можно видѣть лессовидные суглинки, обнаруживающіе какъ пористость отъ проникающихъ ихъ канальцевъ, такъ мѣстами и наземную фауну (Pupa), но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняющіе еще болѣе или менѣе ясную слоистость, какъ напр. на лѣвомъ берегу р. Ангары въ Иркутскѣ, въ оврагѣ около дачи называемой «Звѣздочка», или въ предѣлахъ г. Томска, около университетскаго зданія, гдѣ слоистость обязана впрочемъ лишь параллельнымъ охристобурымъ полоскамъ. Въ кирпичной глинѣ

лѣваго берега р. Оми, хотя и весьма рѣдко, но попадается все-таки Cyrena (Corbicula) fluminalis, тогда какъ сливающемуся съ нею лёссу свойственны только сухопутныя раковины. Очевидно по этому, что глины эти и лессовидные суглинки являются частью рѣчными, частью озерными осадками и могутъ быть поставлены въ параллель *нижнему лёссу* Страсбургскихъ геологовъ[1]). Что же касается *собственно лёсса*, то образованіе это, на протяженіи моего маршрута, развито всего лучше въ окрестностяхъ г. Иркутска, напр. по рч. Ушаковкѣ; затѣмъ, по р. Енисею, напр. около Красноярска (разрѣзы кирпичныхъ заводовъ и овраги въ Афонтовой горѣ) и мѣстами въ западно-сибирской низменности, напр. около г. Омска. Неслоистому отложенію этому свойственны, во-первыхъ, пористость, благодаря цѣлой сѣти пронизывающихъ его канальцевъ, какъ тончайшихъ, такъ и болѣе толстыхъ, со стѣнками, нерѣдко побѣлѣвшими отъ покрывающей ихъ углекислой извести и съ характеромъ пустотъ отъ разложившихся корней травянистыхъ растеній; во-вторыхъ, мергельные сростки, нерѣдко впрочемъ отсутствующіе на большихъ протяженіяхъ разрѣзовъ; затѣмъ, наземные моллюски, тоже неравномѣрно разсѣянные, какъ-то: *Pupa*, раковинками которой мѣстами переполняются нѣкоторыя части лесса какъ въ Иркутскѣ, такъ въ Красноярскѣ, такъ и въ Омскѣ, затѣмъ *Helix* и *Succinea;* кромѣ того, кости вымершихъ млекопитающихъ животныхъ, рѣже пресмыкающихся (Lacerta), земноводныхъ (Rana) и птицъ; наконецъ, залеганіе не только на склонахъ долинъ, но и на водораздѣльныхъ частяхъ плоской возвышенности. Порода эта безъ сомнѣнія соотвѣтствуетъ типическому или *верхнему лёссу*, въ сравненіи однако съ Германскимъ и другими образцовыми мѣстностями его развитія, она отличается здѣсь, во-первыхъ, сравнительно небольшою, даже незначительною мощностью (21—7′), къ тому-же всего чаще болѣе густымъ, буроватымъ или бурымъ цвѣтомъ и

[1]) См. С. Никитинъ. Извѣстія геологич. Комитета, т. V, 1886. № 3—4. Любезности этого автора я обязанъ и возможностью сравненія съ образцами европейскихъ лёссовъ.

мѣстами, повидимому бо̀льшихъ содержаніемъ глинистыхъ частицъ, чѣмъ онъ уподобляется лёссу около Тюбингена (по рч. Аммеръ); поэтому, какъ на болѣе близкій къ самымъ типическимъ германскимъ отложеніямъ этого рода, я могу указать нынѣ на лёссъ окрестностей Красноярска, воздерживаясь однако отъ дальнѣйшихъ подробностей и отлагая ихъ до болѣе подробной обработки всѣхъ собранныхъ мною образцовъ послѣтретичныхъ наносовъ. Что-же касается образа происхожденія видѣннаго мною лёсса, то, склоняясь къ эолійной теоріи съ участіемъ смыва детритуса атмосферными водами тамъ, гдѣ тому способствовали соотвѣтствующія условія, я не могу его все-таки ставить въ какую либо связь съ не существовавшимъ въ Сибири общимъ оледененіемъ; мнѣ кажется, что мельчайшаго детритуса, ежеминутно образующагося въ различныхъ мѣстахъ какъ химическимъ, такъ и механическимъ путемъ (безъ участія ледниковъ), можетъ быть вполнѣ достаточно для отложенія такихъ образованій и періодическаго ихъ увеличенія. Послѣдній процессъ довольно наглядно наблюдается напр. въ западно-сибирской низменности и въ настоящее время, когда степной штормъ, не имѣющій тамъ никакихъ препятствій, уноситъ съ собою цѣлыя облака пыли, почерпнутой изъ высыхающихъ солончаковыхъ озеръ, береговыхъ глинисто-песчаныхъ наносовъ рѣчныхъ долинъ и вообще съ обнаженныхъ частей поверхности степи.

Фауна млекопитающихъ послѣтретичныхъ отложеній окрестностей г. Иркутска, Балаганска, станціи Кимильтейской, г. Нижнеудинска и Омска описана мною въ нѣсколькихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества[1]). Въ настоящую мою поѣздку я имѣлъ случай

[1]) Томъ III, № 2—3; Т. V, № 2, 3, 4; Т. VI, № 1—2, 3, 4; Т. VII, № 2, 3, 4—5; Т. X, № 1—2; Т. XI, № 3—4, стр. 13; Т. XII, № 2—3 и Т. XVI, № 1—3. Послѣднія мои, необнародованныя еще изслѣдованія коллекціи шейныхъ позвонковъ жвачныхъ и толстокожихъ животныхъ убѣдили меня, между прочимъ, въ томъ, что *позвонки изъ Самарской губерніи*, описанные въ Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersb. T. XXIV, № 4 и отнесенные ак. Брандтомъ *предположительно* къ Rhinoceros Merckii Jaeg., принадлежатъ, за исключеніемъ

ознакомиться, во-первыхъ, съ громадною коллекціею костей этихъ животныхъ, добытыхъ И. Т. Савенко изъ упомянутаго выше лёсса около г. Красноярска. Между ними я нашелъ однако лишь небольшое количество видовъ, именно: *Cervus tarandus*, *Bos priscus*, *Bos primigenius*[1]), *Equus caballus*, *Rhinoceros tichorhinus* и *Elephas primigenius*, — послѣдніе два вида въ меньшемъ количествѣ экземпляровъ, что въ особенности относится къ останкамъ носорога, представленнаго только въ лицѣ одной голени, найденной именно въ мою бытность. Изъ окрестностей Красноярска хранится въ Минусинскомъ музеѣ и часть черепа антилопы сайги (*Antilope Saiga* Pall.), тождественная съ описанною мною еще въ 1876 г. подъ названіемъ Antilope (Saiga) borealis, по остаткамъ изъ Нижнеудинской пещеры и съ р. Вилюя (loco citato).

Въ верхнихъ частяхъ этого лёсса, И. Т. Савенко найдены отбивныя каменныя орудія, должно быть палеолитическаго періода, которыя будутъ имъ описаны вмѣстѣ съ красивою коллекціею неолитическихъ издѣлій, добытыхъ тѣмъ же неутомимымъ изслѣдователемъ изъ песчаныхъ холмовъ праваго берега долины Енисея. Во-вторыхъ, благодаря любезности Н. М. Мартьянова, я могъ осмотрѣть не малое число костей, хранящихся въ Минусинскомъ музеѣ. Коллекціи эти были добыты: во-первыхъ, около деревни Адрыхи, по р. Сыдъ (прав. прит. Енисея), гдѣ оказались остатки отъ *Ovis argali*[2]), *Bos primigenius*, и *Rhinoceros tichorhinus*, затѣмъ, съ р. Чулыма, около такъ называемаго Бѣлаго Яра: *Bos priscus* и *Rh. tichorhinus*, а наконецъ,

перваго шейнаго, *безспорно*, къ роду *Bos*; очертаніе ихъ переднихъ суставныхъ поверхностей на приложенныхъ къ монографіи рисункахъ изображено невѣрно, въ чемъ я могъ убѣдиться нынѣ сличеніемъ ихъ съ оригиналами; къ тому-же, на фиг. 6—8, Taf. XI монографіи изображенъ не «четвертый», а *пятый шейный позвонокъ этого быка*. Недостатокъ матеріала для сравненія не позволилъ только вырѣшить вопросъ: принадлежатъ-ли они къ виду Bos priscus или-же B. primigenius.

[1]) Весьма характеристическую часть черепа этого животнаго я видѣлъ также въ Музеѣ учительской семинаріи въ г. Красноярскѣ.

[2]) Часть черепа со стержнями для роговъ, шейные позвонки и т. п.

съ пріиска г. Барташева, по рч. Узунжулъ (или Изынжулъ), гдѣ «*въ одномъ и томъ же золотоносномъ пластѣ*» найдены кости слѣдующихъ животныхъ: 1) *Lepus variabilis*, 2) *Canis lupus*, 3) *Cervus tarandus*, 4) *Cerv. spec.*, 5) *C. capreolus*, 6) *Camelus bactrianus*[1]), 7) *Antilope Saiga*, какъ около Красноярска, 8) *Ovis argali*, 9) *Bos primigenius?* (*taurus?*), 10) *Equus caballus*, 11) *Rhinoceros tichorhinus* и 12) *Elephas primigenius*. Пріискъ этотъ интересенъ въ томъ отношеніи, что по крайней мѣрѣ нѣкоторую часть его золотоноснаго пласта слѣдуетъ относить къ новѣйшему періоду, такъ какъ въ немъ найдены также и бронзовые ножики курганнаго періода, вымытые очевидно изъ находящихся около рѣчки кургановъ; этому періоду принадлежатъ по всей вѣроятности и кости верблюда, а можетъ быть и быка. Вообще-же изъ перечисленной выше фауны восточно-сибирскаго постпліоцена нельзя не обратить особенное вниманіе на *остатки антилопы сайги*, пользующейся нынѣ, какъ извѣстно, столь ограниченнымъ мѣстопребываніемъ. Фаланги ея, найденныя мною около г. Омска[2]), части черепа изъ Минусинскаго округа и окрестностей г. Красноярска, далѣе, роговые стержни съ частью черепной крышки изъ Нижнеудинской пещеры Иркутской губерніи[3]), а наконецъ, часть черепа съ р. Вилюя Якутской области[4]), расширяютъ самымъ наглядымъ и постепеннымъ образомъ районъ бывшаго распространенія этого представителя степной фауны съ системы р. Оби, черезъ Енисей, въ область р. Лены, которой принадлежитъ Вилюй. Послѣ такихъ поразительныхъ, но непреложныхъ данныхъ, нахожденіе д-ромъ А. Бунге части рога антилопы на устьяхъ р. Лены не представляетъ уже такой загадки, какою фактъ этотъ можно было бы считать, нерасполагая

[1]) Найдены его характеристическая os metacarpi и фаланга.

[2]) Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Географич. Общества, Т. VII, № 4—5. О части черепа этого животнаго съ системы р. Туры см. ниже стр. 142.

[3]) Извѣстія loco cit. Т. X, № 1—2.

[4]) Извѣстія loco cit. Т. VII, № 3—5.

только что упомянутыми промежуточными станціями, такъ какъ, при настоящемъ уровнѣ нашихъ свѣдѣній, въ этомъ отношеніи насъ не удивило бы даже то, если бы остатки этого животнаго нашлись въ выжидаемыхъ нынѣ коллекціяхъ съ Ново-Сибирскихъ острововъ, свидѣтельствуя о бывшемъ, въ послѣледниковый періодъ, соотвѣтственномъ измѣненіи климатическихъ условій и объ общности всѣхъ этихъ явленій въ Сибири съ такими-же, давно уже признанными для Европы.

Песчаные холмы, преимущественно праваго берега Енисея, около Красноярска, напр. въ окрестностяхъ устья рч. Базаихи и т. п., какъ сказано выше, дали И. Т. Савенкѣ богатую коллекцію издѣлій *неолитическаго періода;* вмѣстѣ съ ними найдены и кости млекопитающихъ животныхъ, перечень которыхъ (по моему опредѣленію) будетъ помѣщенъ въ статьѣ И. Т. Савенки; какъ на болѣе интересные экземпляры, укажу здѣсь на остатки бобра (*Castor fiber*), найденные лишь во второй разъ въ Восточной Сибири (въ первый разъ они найдены Н. И. Витковскимъ на устьѣ р. Китоя), а затѣмъ, на черепъ и кости собаки, принадлежащіе повидимому къ типу *Canis familiaris*. Весьма интересный остатокъ этотъ я совѣтовалъ И. Т. Савенкѣ переслать въ Петербургъ или въ Москву для ближайшаго его изслѣдованія.

Въ дополненіе къ названнымъ восточно-сибирскимъ видамъ, я помѣщаю здѣсь нижеслѣдующій перечень млекопитающихъ животныхъ *изъ западно-сибирскихъ наносныхъ отложеній*, по коллекціи И. Я. Словцова, которую я опредѣлялъ по предложенію г. Директора Зоологическаго Музея И. Академіи Наукъ, А. А. Штрауха. Въ собраніи этомъ нашлись:

1) *Cervus elaphus*. Часть лѣваго рога громадной величины, найденная въ 1883 г. на берегу р. Туры, въ 20 верстахъ отъ г. Тюмени (№ 3375 по каталогу Музея Академіи).

2) *Antilope Saiga*. Часть черепной крышки съ обоими роговыми стержнями, найдена на берегу рч. Салаирки, лѣваго притока р. Туры, въ 50 верстахъ отъ г. Тюмени (№ 3383).

3) *Ovibos moschatus*. Часть черепа съ основаніями роговыхъ стержней; найдена на р. Пышмѣ, Тюменскаго округа, въ Кошъагальской волости (№ 3376).

4) *Bos priscus*. а) часть черепа молодаго индивидуума; найденная по р. Салаиркѣ въ 1884 г. (№ 3379); б) нижняя челюсть, найденная въ 1883 г. около Андреевскаго озера, въ 25 верстахъ отъ г. Тюмени, (№ 3378); в) спинной позвонокъ, найденный въ 1886 г. на берегу р. Туры (№ 3382); г) правая лопатка съ Андреевскаго озера (№ 3381); д) нижняя часть лѣвой плечевой кости съ р. Пышмы, въ 30 верстахъ отъ Тюмени (№ 3377) и е) лѣвое бедро оттуда-же (№ 3380).

5) *Equus caballus*. а) часть нижней челюсти съ молочными зубами, съ Андреевскаго озера (№ 3390); б) часть голени съ р. Туры (№ 9387; в) первая фаланга съ деревни Рѣшетниковой на р. Турѣ, въ 12 верстахъ отъ г. Тюмени (№ 3389) и г) копытная фаланга съ Андреевскаго озера (№ 3388).

6) *Rhinoceros tichorhinus*. а) лѣвая лучевая кость (№ 3384) и б) правая локтевая (№ 3385) съ р. Пышмы, въ 30 верстахъ отъ Тюмени, и в) os metacarpi med. лѣвой ноги (№ 3386) около деревни Рѣшетниковой на р. Турѣ (см. выше).

7) *Elephas primigenius*. а) часть лобной кости (№ 3392) изъ деревни Рѣшетниковой; б) нижняя челюсть молодаго индивидуума съ коренными зубами (№ 3394) Оренбургской губерніи Троицкаго уѣзда, Уйской станицы, съ рч. Кулакты; в) коренной зубъ (№ 3393) изъ деревни Рѣшетниковой (см. выше) и г) правая плечевая кость молодаго индивидуума (№ 3391) съ р. Пышмы, въ 30 верстахъ отъ Тюмени.

Въ коллекціи этой была и описанная выше (стр. 134) часть зуба мастодонта (№ 3395).

9) Нѣкоторыя изъ возможныхъ, дополнительныхъ подробностей *о изверженныхъ породахъ* я отлагаю до выхода въ свѣтъ результатовъ микроскопическаго анализа всѣхъ собранныхъ мною образцовъ, трудъ, который приняли на себя гг. Я. А. Макеровъ и К. К. Фохтъ въ геологическомъ кабинетѣ при здѣшнемъ Университетѣ. Въ настоящее время считаю не лиш-

нимъ указать только на то обстоятельство, что маршрутъ мой не представилъ возможности весьма желательнаго изученія трещинъ, давшихъ выходъ этимъ породамъ, не взирая на весь интересъ ихъ по отношенію къ вопросу о происхожденіи и возрастѣ сдвиговъ, принимавшихъ участіе въ образованіи терассъ плоской возвышенности. Тѣмъ не менѣе самое *распредѣленіе изверженныхъ породъ*, въ томъ видѣ, въ какомъ обнаружилъ ихъ мой маршрутъ по сибирскому тракту[1]), даетъ нѣкоторый матеріалъ, долженствующій служить по крайней мѣрѣ исходною точкою для будущихъ изслѣдователей интересующихъ насъ динамическихъ условій.

И дѣйствительно, въ параллель полосѣ изверженныхъ породъ (порфиры, порфириты, діабазы и т. п.) восточнаго склона Урала, лежащей западнѣе 80° восточной долготы, мы можемъ поставить теперь, быть можетъ меридіанальную, линію выходовъ діабаза (Томскъ-Варюхина), открытую мною между 102° и 103° в. долг., *по р. Томи* и ограничивающую западно-сибирскую низменность съ восточной стороны точно также, какъ Уральская щель ограничиваетъ её съ запада. Поднявшись затѣмъ на низшую терассу плоской возвышенности, проѣхавъ её и достигнувъ подножія средней терассы (г. Ачинскъ), внутри большой излучины р. Чулыма мы находимъ вторую (въ Сибири) линію изверженныхъ породъ (сіенитъ, долеритъ-базальтъ), *Ачинскую*, лежащую, слѣдовательно, между среднею и низшею терассами точно также, какъ Томская между низшею и низменностью. Далѣе къ востоку мы встрѣчаемъ уже выходы эруптивныхъ породъ въ двухъ мѣстахъ на протяженіи средней терассы, именно: въ окрестностяхъ Красноярска (порфиритъ, полевошпатовый амфиболитъ) и около г. Канска (оливиновый діабазъ), наконецъ, начиная съ подножія *высшей терассы* (р. Бирюса), вся сѣверо-западная часть ея по-

[1]) До меня породы эти по тракту извѣстны были только въ окрестностяхъ Красноярска, благодаря изслѣдованіямъ Эрмана, Гофмана и Златковскаго, а также на восточномъ склонѣ Урала. Выходы ихъ, лежащіе въ сторонѣ отъ тракта, означены на моей профили колечками краснаго цвѣта.

верхности довольно густо усѣяна уцѣлѣвшими отъ размыва частями прежде обширнаго діабазоваго покрова (оливиновый діабазъ), о мѣстахъ выхода котораго до сихъ поръ мы почти ничего не знаемъ и только приведенныя выше соображенія указываютъ на возможность предполагать одно изъ такихъ мѣстъ въ окрестностяхъ села Падунскаго на р. Ангарѣ.

И такъ, при настоящемъ уровнѣ нашихъ свѣдѣній, въ *происхожденіи терассовиднаго пониженія сибирской плоской возвышенности* мы видимъ, во-первыхъ, древнѣйшій сдвигъ, отдѣлившій возвышенность эту отъ лежащаго за нею высокаго плоскогорія (Забайкаліе) съ его окраинными горами[1]), затѣмъ, вообще палеозойскій сдвигъ (*до*-девонскій или девонскій) въ сѣверо-западной окраинѣ высшей терассы (повидимому западнѣе Нижнеудинска), а наконецъ, систему трещинъ, служившую мѣстомъ выхода упомянутыхъ выше изверженныхъ породъ, возрастъ которыхъ (т. е. породъ) не даетъ еще возможности судить о древности избранныхъ ими щелей.

Недостаточность собранныхъ мною данныхъ для объясненія подробностей генезиса такой геопластики какъ нельзя болѣе очевидна, тѣмъ не менѣе, насколько данныя эти могутъ служить исходными точками для будущихъ изслѣдователей этой обширной территоріи, настолько мнѣ остается лишь радоваться.

[1]) См. мой краткій текстъ къ Геологической картѣ Байкала (loco cit.).

И. Д. Черскій.

ЧЕТВЕРТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕРАТ. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1888.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.
И. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 60 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1888 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ОТЧЕТЪ

о

ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ

въ 1888 году

(Читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ.)

Въ нынѣшнемъ году, по сопсканію пушкинскихъ премій подлежали оцѣнкѣ: два труда въ прозѣ, два сборника стихотвореній и два стихотворные перевода поэтическихъ произведеній.

На основаніи правилъ о названныхъ преміяхъ, къ участію въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ изъ этихъ трудовъ приглашены были Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности три посторонних литератора, именно: профессоръ Казанскаго университета Н. Н. Буличъ, приватъ-доцентъ Московскаго университета Алексѣй Н. Веселовскій и извѣстный нашъ критикъ Н. Н. Страховъ.

По полученіи въ назначенный срокъ ожидавшихся рецензій образована была, согласно съ правилами, комиссія, состоявшая, сверхъ четырехъ членовъ Отдѣленія, изъ слѣдующихъ лицъ: К. Н. Бестужева, А. Д. Галахова, графа А. А. Голенищева-Кутузова и Д. В. Григоровича.

По прочтеніи доставленныхъ гг. рецензентами разборовъ и устномъ обсужденіи подлежавшихъ оцѣнкѣ трудовъ, произведена была закрытая баллотировка, давшая слѣдующіе результаты: трудъ Л. Н. Майкова по изданію сочиненій Батюшкова удостоенъ единогласно *полной преміи въ 1000 р.*; сотруднику г. Майкова по составленію примѣчаній въ этомъ изданіи В. И. Саитову присуждена *поощрительная премія въ 300 р.*; автору разсказовъ, изданныхъ подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ», А. П. Чехову *половинная премія въ 500 р.*, и наконецъ переводчикъ Мольерова Тартюфа В. С. Лихачевъ признанъ заслуживающимъ *почетнаго отзыва*.

Послужившіе основаніемъ для рѣшеній комиссіи рецензіи, читанныя въ извлеченіяхъ въ публичномъ засѣданіи 19-го октября, помѣщаются здѣсь въ полномъ видѣ.

I.

Сочиненія К. Н. Батюшкова, изданныя П. Н. Батюшковымъ. Со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Саитовымъ. Томы I—III. Спб. 1887. (Разборъ Н. Н. Булича).

Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго 1887 года, ко дню столѣтняго воспоминанія рожденія Батюшкова, этого симпатичнаго поэта—предшественника Пушкина, появилось такое изданіе его сочиненій, какое по всей справедливости можетъ быть названо лучшимъ памятникомъ его творческой дѣятельности. Три тома въ почтенныхъ и широкихъ размѣрахъ столь извѣстнаго академическаго изданія Державина, обставленные доступною только столицѣ типографскою роскошью, на прекрасной бумагѣ, украшенные портретами поэта и нѣкоторыми рисунками, имѣющими отношеніе къ его личности и къ его произведеніямъ (Спб. 1885—1887), даютъ читателю всѣ произведенія, какія только сохранились въ настоящее время отъ рано погибшаго поэта, все

что удалось собрать до сихъ поръ остававшагося неизвѣстнымъ изъ имъ написаннаго и наконецъ все, что только можетъ служить къ объясненію какъ мало извѣстной до сихъ поръ личности поэта, такъ и его произведеній. Если это монументальное изданіе есть «дань признательности къ дорогой памяти брата», по выраженію издателя, то нельзя не порадоваться, что такая высокая, благородная родственная pietas нашла выраженіе въ дѣлѣ столь близкомъ и дорогомъ для всякаго образованнаго русскаго человѣка, какъ исторія нашей родной словесности. Нельзя не порадоваться глубоко, что это родственное чувство умѣло воспользоваться, для сооруженія прекраснаго памятника признательности, такими достойными научными силами, которыя сумѣли выполнить дѣло изданія такъ, что едва ли можно сдѣлать имъ хотя самый незначительный упрекъ, если не раздѣлять мнѣнія, указывающія на чрезмѣрную роскошь комментарія и на сообщеніе въ печати *всѣхъ*, какія только возможно было собрать, *писемъ* Батюшкова. Мы не раздѣляемъ такихъ мнѣній, особенно по отношенію къ письмамъ: они даютъ возможность наблюдателю со стороны услѣдить совершенно неуловимыя прежде черты характера поэта и подмѣтить особенности его духовнаго міра, ускользавшія отъ вниманія. «Изданіе сочиненій Батюшкова содержитъ въ себѣ *по возможности полное собраніе его произведеній*» (предисловіе издателя), и слова эти надобно понимать такимъ образомъ, что въ него вошло все то, что только возможно было собрать изъ этихъ произведеній при внимательномъ и упорномъ трудѣ редакторовъ. Не попали въ собраніе сочиненій Батюшкова исключительно только такія, которыя никогда не были напечатаны (на нихъ существуютъ только указанія—I, XVIII—и можетъ быть со временемъ они будутъ найдены), или такія, которыя уже погибли вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій жизни поэта (I, XVII). По крайней мѣрѣ въ изданіи нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что остались еще въ рукописи такія произведенія Батюшкова, которыя не могутъ быть напечатаны по тѣмъ или инымъ соображеніямъ. Сравнивая это послѣднее изда-

ніе съ предшествовавшими (1834 и 1850 годовъ), мы находимъ въ немъ 25 стихотвореній, не помѣщенныхъ прежде; изъ нихъ 18 перепечатаны изъ разныхъ періодическихъ изданій и сборниковъ и были извѣстны только лицамъ, спеціально изучавшимъ Батюшкова; семь стихотвореній напечатаны въ первый разъ по вновь открытымъ рукописямъ. Изъ прозаическихъ статей помѣщены въ новомъ собраніи 10 произведеній, большею частью перепечатанныхъ и первоначальная редакція одного, печатаннаго и прежде. Самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для всесторонняго изученія Батюшкова, какъ человѣка и писателя, въ этомъ изданіи является собраніе въ одинъ очень большой томъ всѣхъ писемъ его; изъ нихъ цѣлая половина является въ первый разъ и даетъ, особенно письма къ сестрѣ поэта Александрѣ Николаевнѣ, совершенно новый матеріалъ для изученія Батюшкова. Множество тщательно собранныхъ варіантовъ къ первоначальному печатному тексту, представляютъ возможность изслѣдователю слѣдить за измѣняющимся вмѣстѣ съ временемъ настроеніемъ поэта, за развитіемъ его творчества въ малѣйшихъ подробностяхъ. Такова внѣшняя сторона этого замѣчательнаго изданія.

Если съ этой внѣшней стороны издатель и редакторъ сдѣлали все то, что только возможно было сдѣлать, то и для внутренней исторіи самаго поэта, для его характеристики, для полнаго изученія его творческой дѣятельности въ связи съ историческимъ содержаніемъ времени, для опредѣленія мѣста Батюшкова, какъ выдающагося поэта въ общемъ развитіи русской литературы, настоящее собраніе сочиненій Батюшкова не оставляетъ желать ничего лучшаго. Это изданіе смѣло можно поставить рядомъ съ академическимъ изданіемъ Державина, которое повидимому и послужило ему образцомъ. Нельзя не пожалѣть только, что между этими двумя изданіями легъ промежутокъ времени почти въ четверть вѣка и что въ русскомъ обществѣ такъ рѣдко встрѣчаются осязательныя доказательства той родственной сердечной памяти, которая была поводомъ и

причиною въ настоящее время важнаго явленія въ русской словесности.

Главный и самый существенный трудъ, употребленный на это изданіе, принадлежитъ редактору его Л. Н. Майкову. На этотъ трудъ, сколько мы можемъ судить по словамъ предисловія издателя и по означенію годовъ печатанія на заглавныхъ листахъ всѣхъ трехъ томовъ, посвящено было имъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многоуважаемый редакторъ изданія, столь извѣстный и столь опытный литераторъ, взявшійся, кромѣ того, за трудъ съ полнымъ увлеченіемъ и любовію, снабженный всевозможными пособіями и источниками, которыми такъ богатъ Петербургъ и Императорская Публичная библіотека, долженъ былъ выполнить его достойнымъ образомъ, и дѣйствительно мы получили отъ него полнаго Батюшкова, притомъ до такой степени уясненнаго богатыми комментаріями, что дѣятельность поэта, ея содержаніе и ея значеніе едва ли когда либо потребуютъ новыхъ дополненій. Самымъ главнымъ вкладомъ въ это изданіе является большая вводная статья г. Майкова (I, 1—316) «О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова». Въ ней, въ изящномъ изложеніи, разсказана весьма подробно несчастная судьба русскаго поэта, все его внутреннее развитіе, его отношенія къ событіямъ и людямъ эпохи и опредѣляется въ заключеніе мѣсто и значеніе Батюшкова въ исторіи нашего литературнаго развитія. Позволяемъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на этой капитальной статьѣ.

Сколько-нибудь замѣтный писатель, будь онъ прозаикъ или поэтъ, но если онъ только заслужилъ сочувствіе современниковъ и память въ потомствѣ, является, мы глубоко убѣждены въ томъ, ничѣмъ инымъ, какъ только памятникомъ времени. Неумолимо оставляетъ оно на немъ свой могучій слѣдъ, онъ неразрывно связанъ съ временемъ, какъ растеніе съ условіями почвы и климата; онъ въ состояніи дать читателю только то, что онъ самъ получилъ отъ времени. Конечно появленіе таланта и внутреннія условія творчества составляютъ необъяснимую тайну, но

мы не можемъ отказаться отъ убѣжденія, что даже интензивность и сила этого таланта зависятъ отъ времени и его обстоятельствъ, посреди которыхъ онъ развивается. Думаемъ, что этой мысли не станетъ противорѣчить и самъ уважаемый редакторъ сочиненій Батюшкова. «Нравственное значеніе этихъ войнъ (12-го г. и въ Европѣ) для русскаго общества, говоритъ онъ (1—4), смутное разумѣніе національныхъ задачъ, имъ предшествовавшее, и въ связи съ нимъ *неопредѣленный характеръ нашего просвѣщенія* въ первые годы текущаго столѣтія, а затѣмъ, послѣ торжества надъ Наполеономъ, *крупные успѣхи національнаго сознанія*, и вслѣдъ за ними *нарожденіе новыхъ существеннѣйшихъ вопросовъ въ нашей внутренней жизни*, — находятъ себѣ замѣтное отраженіе въ развитіи образа мыслей Батюшкова». Л. Н. Майковъ дѣлаетъ общее опредѣленіе дѣятельности Батюшкова. По его словамъ «это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и характерныхъ представителей своего времени въ нашемъ отечествѣ». Повидимому эти слова, опредѣляющія историко-литературное значеніе Батюшкова, должны относиться ко второй половинѣ его слишкомъ кратковременной сознательной жизни, къ годамъ послѣ европейскихъ походовъ, ко времени послѣ 1815 года, когда дѣйствительно поэтическій талантъ Батюшкова, на короткое время, лѣтъ на пять или шесть, значительно окрѣпъ. Но едва ли, какъ писатель, онъ можетъ служить типическимъ представителемъ духовныхъ стремленій и общественныхъ ожиданій этой замѣчательной эпохи русской жизни, начало которой совпадаетъ съ возвращеніемъ нашей побѣдоносной арміи изъ Европы въ 1815 году, а конецъ съ окончательнымъ развитіемъ психической болѣзни несчастнаго писателя. Г. Майковъ совершенно вѣрно говоритъ о Батюшковѣ, что онъ «всего болѣе любилъ созерцательную жизнь», что онъ не искалъ практическаго дѣла, но мы не можемъ согласиться съ нимъ, что эта созерцательная жизнь «по преимуществу питаетъ творчество». Послѣднее должно питаться жизнью и временемъ, сочувственнымъ, живымъ отношеніемъ къ нимъ, наблюденіемъ надъ ними, внутреннимъ развитіемъ самого писателя, его образованіемъ: чѣмъ шире послѣднее, тѣмъ шире горизонты его наблюденій, тѣмъ больше явленій захватываетъ онъ. Для Батюшкова выше всего былъ міръ мечты, а не дѣйствительности. Его поэтическая дѣятельность начинается стихотвореніемъ «Мечта» (I, 1—4), написаннымъ имъ, когда ему было шестнадцать лѣтъ. Онъ убѣжденъ, что мы «стократъ счастливы мечтаньемъ скоротечнымъ». Дары мечты для него дороже свѣта, дороже славы; поэтъ считаетъ свою хижину дворцомъ и счастливъ: «онъ мечтаетъ». Конечно это представленіе о мечтѣ выражаетъ юношу, но годы идутъ, а Батюшковъ остается неизмѣняемымъ:

«Что въ истинѣ пустой? Она лишь умъ сушитъ,
Мечта все въ мірѣ золотитъ,
И отъ печали злыя
Мечта намъ щитъ» (I, 26) — повторяетъ онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ. «А дни мечтой позолотимъ» говоритъ онъ Гнѣдичу въ 1809 году (I, 67). «Мечты» для Батюшкова — верхъ счастія; правда для него несносна: ея свѣтъ заставляетъ разстаться съ мечтой (I, 29); мечты устилаютъ ему цвѣтами мрачный путь жизни (I, 87). Замѣчательно, что въ годы наибольшей зрѣлости своего таланта, именно въ 1817 году, Батюшковъ снова передѣлываетъ и распространяетъ свое первоначальное стихотвореніе «Мечта». Этотъ «неба даръ благой», эта «волшебница», эта «посланница небесъ» составляетъ все его счастіе (I, 263—269).

Изучая внимательно обширную и прекрасную біографію Батюшкова, мы невольно приходимъ къ убѣжденію, что случайный даръ поэзіи, выпавшій ему на долю, не могъ пойти иною дорогою, что не откуда было ему взять содержанія для своего поэтическаго творчества, пробудившагося въ немъ рано подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ. Не думаемъ, чтобъ въ дворянской семьѣ Батюшковыхъ даже въ первой половинѣ прошедшаго вѣка существовали «книжные интересы», какъ это доказываетъ біографъ тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣды поэта

воспитывались въ шляхетномъ сухопутномъ корпусѣ (I, 6). Со временъ Петра В. необходимо было учиться дворянину — для службы. Если можетъ-быть отецъ и является «большимъ любителемъ французской литературы и почитателемъ философіи XVIII вѣка», то онъ, какъ это видно изъ изданія, не имѣлъ вовсе вліянія на внутреннее развитіе сына. Съ десятилѣтняго возраста Батюшковъ уже учился въ иностранномъ пансіонѣ въ Петербургѣ. Четырнадцати лѣтъ Батюшковъ уже видитъ напечатаннымъ свой первый переводный литературный опытъ и съ тѣхъ поръ не перестаетъ писать. О содержаніи свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ поэтомъ въ пансіонахъ, кромѣ знанія нѣкоторыхъ европейскихъ языковъ, біографъ не говоритъ. Свѣдѣнія эти были незначительны. Кругъ чтенія Батюшкова, по его словамъ, «былъ очень не великъ», а между тѣмъ все образованіе того времени давалось исключительно чтеніемъ. Поэтому вполнѣ вѣрно подробно развитое въ біографіи Батюшкова указаніе Л. Н. Майкова, что всѣмъ своимъ умственнымъ образованіемъ, содержаніемъ и направленіемъ поэтической дѣятельности, внутреннею работою надъ самимъ собою и «установленіемъ нравственнаго идеала» поэтъ обязанъ былъ родственнику его отца М. Н. Муравьеву, сочиненія котораго и были изданы имъ. Съ пятнадцатилѣтняго возраста въ теченіе пяти лѣтъ Батюшковъ пользуется благотворнымъ вліяніемъ Муравьева, человѣка, «котораго память будетъ мнѣ драгоцѣнна до позднихъ дней жизни и украситъ ихъ горестнымъ и вмѣстѣ сладкимъ воспоминаніемъ протекшаго» (II, 86), какъ онъ самъ говоритъ о немъ. Батюшковъ сознается въ другомъ мѣстѣ, что «онъ обязанъ ему всѣмъ» (III, 305). По прекрасному выраженію біографа Батюшкова — Муравьевъ, бывшій воспитанникъ Московскаго университета, «былъ для Батюшкова своего рода университетомъ» (I, 18). Черезъ Муравьева доходили до него широкія вѣянія университета, нѣкоторое знакомство съ классическою латинскою литературою, очень важное въ томъ отношеніи, что способствовало развитію формы стиха и красотѣ выраженія и наконецъ, любовь къ нѣкоторымъ

поэтамъ итальянскаго возрожденія, знакомство съ которыми составляетъ оригинальную черту поэтической дѣятельности Батюшкова. Муравьевъ былъ конечно дилеттантъ въ литературѣ; сочиненія его, состоятъ большею частію изъ мелкихъ статей чрезвычайно общаго содержанія; въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго, но они даютъ намъ достаточное представленіе о той общей гуманитарной школѣ идей, въ которой воспитывался молодой поэтъ. Въ этихъ статьяхъ не было ничего рѣзкаго, ничего опредѣленнаго; Муравьевъ не былъ послѣдователемъ ни Руссо, ни Вольтера; онъ воспитался почти въ той же литературной школѣ, что и Карамзинъ, хотя былъ старше его шестью годами. Намъ кажется, что сочиненія Батюшкова, особенно прозаическія, не принимая въ расчетъ силу таланта, являются какъ бы продолженіемъ литературной дѣятельности М. Муравьева.

Въ ту пору, когда началась поэтическая дѣятельность Батюшкова, общество, съ воцареніемъ Императора Александра I, нѣсколько оживилось; въ немъ стало замѣчаться нѣкоторое движеніе; появилось нѣсколько журналовъ, до издателей которыхъ доходили слухи о различныхъ реформахъ, предпринимаемыхъ правительствомъ, хотя реформы эти обсуждались гдѣ-то очень далеко, въ самомъ интимномъ кругу, посреди людей, близкихъ къ государю. Основывались университеты въ провинціальныхъ городахъ, но профессорами въ нихъ являлись почти исключительно иностранцы; свои ученые были крайне рѣдки, да и тѣ были весьма мало подготовлены для профессорской дѣятельности. Жизнь и отраженіе ея, литература — были вполнѣ ничтожны. Отношенія ихъ другъ къ другу почти неуловимы и особеннаго оживленія литературы мы не замѣчаемъ. Въ ней еще въ полной силѣ господствовали преданія XVIII вѣка. Новостью въ ея области была развѣ только та «легкая поэзія», о которой Батюшковъ написалъ въ послѣдствіи времени особенную статью. Въ біографіи поэта Л. Н. Майковъ прекрасно объяснилъ возможность появленія этого новаго поэтическаго рода, возникшаго подъ влія-

ніемъ развитія общественной жизни, участія женщинъ и того сентиментализма, который переходилъ къ намъ все же съ европейскаго Запада. Этому роду поэтической дѣятельности Батюшковъ оставался вѣренъ все время, пока писалъ стихи, но онъ выражалъ въ нихъ только самого себя, свое внутреннее настроеніе, а никакъ не общую жизнь. Современность отражается въ нихъ чрезвычайно рѣдко. При этомъ рецензентъ выставляетъ весьма характерное на его взглядъ явленіе, свидѣтельствующее съ своей стороны о ничтожности внутренняго содержанія поэзіи Батюшкова, о пустотѣ тогдашней жизни, что даже его интимныя стихотворенія, которыя должны бы были выражать собственный внутренній міръ поэта, почти всѣ написаны на чужія темы. Батюшковъ беретъ чужое стихотвореніе, изъ римскихъ классиковъ, напр. Горація или Тибулла, изъ французовъ Вольтера, Парни, Грессе или Мильвуа, изъ итальянцевъ—Петрарки, Касти, и передѣлываетъ ихъ по-своему, такъ что многія его стихотворенія суть не что иное, какъ только *вольные переводы* — терминъ весьма хорошо извѣстный въ нашей литературѣ. Надобно удивляться тому внимательному кропотливому труду, съ какимъ біографъ и редакторъ сочиненій Батюшкова слѣдилъ за такими подражательными стихотвореніями его. Укажемъ для примѣра его разборъ III Тибулловой элегіи, передѣланной Батюшковымъ и примѣненной имъ къ обстоятельствамъ собственной жизни (I, 324—325), сравненіе перевода пьесы LIII изъ антологіи съ переложеніемъ Вольтера и греческимъ подлинникомъ (I, 340), стихотвореній «Радость», «Счастливецъ», взятыхъ изъ Касти (I, 343, 344), или «Мои Пенаты», заимствованнаго изъ французскаго поэта Дюси (I, 351—352) и проч. Цѣлью изслѣдователя было показать какіе самостоятельные мотивы прибавилъ Батюшковъ къ чужимъ, заимствованнымъ темамъ.

Въ тѣ годы, когда очень еще молодой Батюшковъ, начавшій служебную дѣятельность подъ начальствомъ своего дяди М. Н. Муравьева, находился подъ его исключительнымъ умственнымъ вліяніемъ, онъ былъ и членомъ основаннаго въ 1801 году «Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ». Членами его были нѣсколько молодыхъ, начинающихъ петербургскихъ литераторовъ, не очень выдающихся по своимъ талантамъ литературнымъ, но безъ сомнѣнія дышавшихъ уже тѣмъ болѣе свободнымъ для груди воздухомъ, которымъ повѣяло въ русской жизни въ первые годы нашего вѣка, съ воцареніемъ Александра I. Л. Н. Майковъ дѣлаетъ обзоръ дѣятельности этого общества и представляетъ вѣрное о ней сужденіе (I, 37—43), находя по всей справедливости, что въ этомъ обществѣ воспиталась та любовь къ Карамзину, къ новому направленію литературы, имъ указанному, къ реформѣ слога и языка, которая вооружила почти всѣхъ членовъ Вольнаго общества, а вслѣдъ за ними и Батюшкова, на борьбу съ партіей «стараго слога» или «Бесѣдою» съ Шишковымъ во главѣ.

Вполнѣ вѣрно біографъ въ скромной дѣятельности Вольнаго общества, рядомъ съ оттѣнкомъ или струею собственно литературной, видитъ и струю, какъ онъ выражается, «соціально-политическую». Но струя эта была такъ ничтожна, что могла течь только капля по каплѣ: «Члены читали въ своихъ собраніяхъ, говоритъ онъ, переводы изъ Беккаріи, Филанджіери, Мабли, Рейналя, Вольнея и другихъ свободомыслящихъ историковъ и публицистовъ XVIII вѣка, а иногда и свои собственныя статьи на такія темы: о вліяніи просвѣщенія на законы и правленія, о феодальномъ правѣ, о раздѣленіи властей человѣческаго тѣла и т. п. Все это было конечно весьма невинно, да и не могло появляться въ печати, а если и появлялось, то очень скоро задерживалось цензурою, какъ это и было съ книгою самаго дѣятельнаго и самаго привлекательнаго члена общества Пнина, несмотря на всю скромность ея содержанія. Любопытно, что въ стихотвореніи Батюшкова, написанномъ на смерть этого Пнина (1, 31—32) мы не нашли ни малѣйшаго намека на безспорно существовавшія гражданскія убѣжденія его. Со смертью Пнина въ 1805 году дѣятельность общества падаетъ, «соціально-поли-

тическая струя» перестаетъ капать и связи Батюшкова съ обществомъ постепенно прерываются.

Извѣстно, что въ обществѣ этомъ, между молодыми его членами, было распространено глубокое уваженіе къ Радищеву, прощенному императоромъ Александромъ и не только возвращенному изъ деревенской ссылки (изъ Сибири онъ возвращенъ былъ при Павлѣ), но даже занявшему довольно видное служебное положеніе въ Комиссіи составленія законовъ, что служило какъ бы наглядным доказательствомъ нѣкотораго признанія со стороны власти тѣхъ идей его, за которыя онъ такъ жестоко пострадалъ при Екатеринѣ. Это отношеніе власти къ Радищеву и дало, кажется намъ, возможность членамъ общества, между которыми былъ и сынъ Радищева, выразить печатно свое сочувствіе этому писателю по поводу его трагической смерти и даже напечатать въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ главу изъ его знаменитаго «Путешествія» (надобно замѣтить, что глава эта принадлежитъ къ самымъ невиннымъ во всей книгѣ и не даетъ никакого понятія о томъ, что́ составляло главное содержаніе сочиненія Радищева). Мы не станемъ спорить съ біографомъ, что Батюшковъ «до послѣднихъ лѣтъ своей литературной дѣятельности сохранялъ особый интересъ къ этому писателю»; очень можетъ быть, что съ своими литературными сверстниками, для которыхъ Радищевъ былъ окруженъ ореоломъ страданія, онъ и «раздѣлялъ уваженіе къ этому смѣлому представителю освободительныхъ идей XVIII вѣка въ русской литературѣ» (I, 42—43), но нѣтъ никакихъ данныхъ для увѣренности, что Батюшковъ когда-либо раздѣлялъ убѣжденія и взгляды Радищева до желанія практическаго ихъ осуществленія. Ни въ сочиненіяхъ его, ни въ письмахъ мы не найдемъ на это ни малѣйшаго указанія. Правда, князь Вяземскій (Соч. VII, 418) говоритъ, что Батюшковъ, «мало занимавшійся политическими вопросами», написалъ въ 1814 году прекрасное четверостишіе, обращенное къ императору, въ которомъ говорилъ, что его призваніе «довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе

освобожденіемъ русскаго народа». Самъ Вяземскій называетъ это четверостишіе «летучимъ вдохновеніемъ» Батюшкова; очевидно, онъ не придавалъ этому стихотворенію никакого значенія, а потому оно утратилось и не сохранилось въ памяти современниковъ. Идея освобожденія крѣпостныхъ, если только о ней шла рѣчь въ утраченномъ стихотвореніи, была дѣйствительно плодомъ освободительныхъ идей XVIII вѣка, пробивавшихъ застарѣлую кору и проникавшихъ въ нашу затвердѣлую почву, но ни изъ чего не слѣдуетъ, чтобъ поэтъ нашъ былъ воспитанъ этими идеями и сочувствовалъ имъ. Напротивъ, мы находимъ доказательства совершенно противоположнаго. Онъ не вѣрилъ въ идеи, въ силу человѣческаго разума. «Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, говорилъ онъ, въ которомъ человѣческая мудрость недостаточна для обыкновеннаго круга дѣятельности самаго простаго гражданина» (II, 129). Разбирая въ письмѣ къ А. И. Тургеневу столь извѣстное посланіе Жуковскаго къ императору Александру, написанное въ 1814 г. (III, 302) Батюшковъ упрекаетъ Жуковскаго за то, что въ изображеніи историческихъ событій во Франціи со временъ революціи онъ не упомянулъ о главной причинѣ бѣдствій: «Какъ ни слова не сказать о *философахъ, которые приготовили зло!*» Къ этимъ философамъ глубокою ненавистью проникнуты были всѣ практическіе и теоретическіе дѣятели реакціи, начавшейся вслѣдъ за освободительными войнами. Насмѣшливо повторялъ ихъ крики нѣмецкій поэтъ Гейне: «An Allem ist Schuld Jean-Jacques Rousseau, Voltaire und die Guillotine». Нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобъ Батюшковъ думалъ или говорилъ иначе, но онъ вообще былъ далекъ отъ практической жизни и по неподготовленности къ ней и по никогда не покидавшему его эгоизму, и потому что ему дороже была мечта и поэзія, далекая отъ жизни. Наконецъ, сколько мы можемъ судить по подробнымъ объясненіямъ Л. Н. Майкова (I, 88—89), Батюшковъ былъ весьма поверхностно знакомъ даже съ главными по вліянію представителями освободительной философской мысли XVIII вѣка: Вольтеромъ и Руссо.

Такимъ образомъ мы не можемъ себѣ представить, чтобы поэтъ когда-либо думалъ серьезно объ освобожденіи крестьянъ, тѣмъ болѣе, что всѣ жизненные его рессурсы заключались именно въ крѣпостныхъ. Біографъ на деревенскихъ отношеніяхъ Батюшкова останавливается въ началѣ IV главы своего труда (I, 82—86). Изъ приведенныхъ имъ выписокъ изъ его словъ мы имѣемъ полное право вывести заключеніе о совершенно гуманныхъ отношеніяхъ поэта къ своимъ крестьянамъ. Ничего иного, при его мягкой, нѣжной натурѣ, воспитанной въ школѣ Муравьева, смотрѣвшаго на крѣпостныя отношенія какъ на несчастіе, и нельзя ожидать. Батюшковъ «не мудрилъ въ деревенскомъ хозяйствѣ, не отвлекалъ крестьянъ отъ тѣхъ занятій и промысловъ, на которые указывала имъ природа ихъ края, и напротивъ того, осуждалъ затѣи отца устраивать какой-то заводъ въ Даниловскомъ» — говоритъ Л. Н. Майковъ (1,83). Но самая сила вещей была такова, что поэту приходилось путаться въ этихъ отношеніяхъ, почти непонятныхъ намъ теперь, людямъ другой исторической эпохи. Письма поэта къ старшей сестрѣ его, Александрѣ Николаевнѣ, даютъ намъ множество указаній, какъ печальны были эти отношенія. Невольно проникается читатель жалостью къ несчастному поэту, которому приходилось почти непосредственно переходить отъ поэтическихъ идеаловъ къ грязи такой дѣйствительности, съ какою теперь было бы невозможно помириться.

Въ 1807 году, когда поэту было уже 20 лѣтъ, а двѣ сестры были значительно старше его, отецъ вступилъ во второй бракъ, что было весьма непріятно дѣтямъ отъ перваго. Двумъ сестрамъ и брату пришлось существовать съ доходовъ имѣнія, составлявшаго материнское приданое и переселиться въ него, разставшись съ отцомъ. Всѣ хозяйственныя распоряженія и хлопоты тяжелымъ бременемъ легли на старшую сестру и переписка съ нею полна исключительно требованіемъ денегъ. Крестьяне были давно на оброкѣ. Эта болѣе легкая форма крѣпостныхъ отношеній возникла не по доброй волѣ помѣщика, а чисто изъ экономическихъ

соображеній: въ Вологодской губерніи барщина была бы невыгодна помѣщику. Онъ завелъ оброкъ не такъ, какъ герой поэтическаго романа Пушкина:

«Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ»,

не изъ гуманности, а изъ выгоды. Имѣніе было давно заложено, какъ почти у всѣхъ помѣщиковъ и сроки уплаты процентовъ стояли всегда грознымъ призракомъ, и безъ сомнѣнія должны были смущать и эпикурейское наслажденіе жизнью и вдохновеніе творчества, когда оно посѣщало поэта, владѣющаго заложеннымъ въ ломбардъ и сохранную казну имѣніемъ. У Батюшкова былъ вѣчный недостатокъ денегъ. Съ самыхъ первыхъ, напечатанныхъ въ изданіи писемъ, мы читаемъ заботы его о деньгахъ. То Гнѣдичъ выкупаетъ на деньги, взятыя у сестры, заложенные часы поэта (III, 6), то проситъ онъ самъ у сестры триста рублей, несмотря на тутъ же высказываемое имъ убѣжденіе: «вамъ деньги нужнѣе моего» (III, 20); въ слѣдующемъ году уже 500 рублей (III, 28). Особенно настоятельны просьбы о деньгахъ въ 1810 году, когда Батюшковъ жилъ въ Москвѣ и, обращаясь въ высшемъ свѣтѣ столицы и между московскими писателями, долженъ былъ проживать много, хотя, по его словамъ, онъ только убивалъ время (III, 95). «Ты себѣ вообразить не можешь, сколько денегъ я здѣсь издерживаю — куда? Богъ знаетъ! А все безъ пользы, безъ удовольствія. Правда, онъ сознается, что все это «у меня истинно лежитъ на совѣсти», но требованій не прекращаетъ. Они повторяются изъ года въ годъ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, безъ оговорокъ выше приведенныхъ нами, только размѣръ просимой суммы увеличивается. Приходилось конечно, несмотря на гуманность, тревожить крестьянъ оброкомъ и не въ урочное время: «Крайне сожалѣю, пишетъ къ сестрѣ поэтъ, что мужиковъ долженъ я тревожить въ такое трудное время: весной и въ рекрутство! Напиши имъ приказъ поласковѣе» (III, 180). Сошлемся на многія другія

мѣста его писемъ, гдѣ мы читаемъ тѣ же просьбы о деньгахъ, которыя повторяются даже и на службѣ въ Италіи (III, 119, 175, 289, 375, 397, 398, 546). Даже князю Вяземскому Батюшковъ жалуется на безденежье; жалобы эти идутъ изъ деревни, куда онъ повидимому уѣзжалъ при безденежьи, чтобъ собрать деньги: «Чахотка въ карманѣ. Въ виду — ни гроша почти на весь годъ, если не удадутся мнѣ нѣкоторые обороты. А жить надобно, какъ говоритъ Шатобріанъ (III, 427). Обороты эти заключались въ предполагаемомъ изданіи сборника итальянскихъ переводовъ, съ котораго онъ разсчитывалъ выручить двѣ тысячи рублей. При такихъ условіяхъ полученія денегъ въ сроки крайне неопредѣленные, Батюшковъ необходимо долженъ былъ входить въ долги; на силу расплатился съ тѣмъ, который сдѣланъ былъ имъ въ Парижѣ, во время «освободительнаго» похода. Жаль очень, что у насъ нѣтъ ни одного отвѣтнаго письма сестры на всѣ эти безконечныя просьбы брата о деньгахъ. Батюшковъ писалъ къ ней только дѣловыя письма; весьма рѣдко проскользнетъ въ нихъ выраженіе нѣжнаго братскаго чувства. А какой безотвѣтной глубоко преданной натурой, должно быть, была она! Исполняя требованія брата, посылая деньги на его прихотливую жизнь въ столицахъ, на поддержаніе его великосвѣтскихъ связей и отношеній, повидимому она не обмолвилась ни разу укоромъ; иначе братъ отвѣтилъ бы ей въ этомъ смыслѣ или постарался бы оправдаться.

Доходовъ съ материнскаго имѣнія такимъ образомъ никакъ не доставало на жизнь. Женитьба отца и дѣти отъ новаго брака лишали возможности получать что-либо отъ него. «Богъ тому свидѣтель, пишетъ Батюшковъ къ сестрѣ, что я не хочу наслѣдовать послѣ батюшки вовсе не изъ великодушія, но потому, что у него есть дѣти. Я желаю отъ всего сердца, чтобъ они имѣли кусокъ хлѣба и для собственнаго моего спокойствія. Съ тѣмъ, что мы имѣемъ, благодаря Бога не умремъ съ голоду, а лишнее желаніе богатствъ отложимъ въ сторону» (III, 286). Да и дѣла отца были, по словамъ сына, «такъ плохи, такъ безобразны, что

я и сестра, мой вѣрный товарищъ въ горести, съ ума сходимъ. И есть отъ чего. А ты требуешь стиховъ, пишетъ онъ къ другу своему Гнѣдичу. Выть въ стихахъ не умѣю; а другіе писаться не будутъ» (III, 487).

Въ особенности много хлопотъ и огорченій приносило Батюшкову то обстоятельство, что имѣніе было заложено. Все хочется устроить какъ было бы выгоднѣе; то кажется хорошо разсчитаться съ приказомъ и заложить души въ Опекунскій совѣтъ (III, 79); то нужно употреблять много времени «для хожденія по закладной» (Ib. 197); то кажется выгодно «заложить имѣніе въ приказъ Вологодскій на годъ, на сумму въ 3000 рублей, для уплаты въ ломбардъ» (Ib. 363); то закладываются 50 душъ въ ломбардѣ московскомъ, чтобъ уплатить немедленно деньги въ ломбардъ петербургскій (Ib. 377 — 379); то приходится платить лишнія деньги за просрочку уплаты процентовъ (Ib. 441), то находитъ страхъ, что имѣніе опишутъ для продажи. «Дайте мнѣ рѣшительный, Бога ради рѣшительный отвѣтъ! — пишетъ Батюшковъ къ сестрѣ. Если есть еще души не въ закладѣ, то пришлите свидѣтельство, заплатите за него что угодно, но пришлите только немедленно» (Ib. 443). Сколько мучительныхъ помѣщичьихъ волненій долженъ былъ переживать нашъ поэтъ отъ безденежья, особенно въ сроки платежа процентовъ. Приходилось прибѣгать къ экстроардинарнымъ средствамъ для добыванія денегъ. Пустошь, на продажу которой разсчитывалъ поэтъ, не продается или по неимѣнію покупателей, или потому, что очень дешево даютъ за нее, а «деньги весьма нужны въ арміи» (III, 233). Абрамъ Ильичъ не платитъ за Платона и Батюшковъ безпокоится о томъ (Ib. 173). «Прошу немедленно собрать оброкъ и переслать ко мнѣ сюда: у меня ни гроша нѣтъ»—пишетъ онъ сестрѣ. «Другая просьба: проси и умоляй, чтобы продали Захарова; мнѣ этотъ негодяй тягость совершенная, и долги требуютъ безпрестанно» (Iв. 349). Выручаютъ порой и дѣвки. Такъ со старосты Мѣниковой деревни ожидаются за нихъ 150 руб. (Ib. 350). «Нельзя ли выпустить дѣвокъ на волю (конечно за деньги) безъ

разстройки имѣнія» — сообщаетъ онъ также сестрѣ (Ib. 476). Въ другой разъ Батюшковъ «согласенъ отдать Павлу Алексѣевичу столяра за тысячу рублей. Тысячу рублей цѣна настоящая» Ib. 507): это было необходимо, чтобъ уплатить по векселю, и продажу оправдываетъ поэтъ тѣмъ, что продаетъ родственнику. Справедливость требуетъ однако упомянуть, что Батюшковъ заботится о судьбѣ и прокормленіи своихъ крѣпостныхъ старпковъ (по всей вѣроятности дворовыхъ): «Инвалидовъ всѣхъ перевести на Углу, распоряжается онъ чрезъ сестру, къ родственникамъ ихъ, и вотчинѣ кормить по смерть, а я за нихъ ежегодно платить стану, о чемъ посовѣтуюсь со старостою» Люди, домашними услугами которыхъ пользовался Батюшковъ, были крѣпостные, и, какъ это всегда бывало въ то время, поведеніемъ ихъ онъ былъ недоволенъ. Такого рода сѣтованія мы часто встрѣчаемъ въ его письмахъ къ сестрѣ, особенно, когда одинъ слуга захвораетъ, а на его мѣсто нужно выписывать другого изъ деревни и долго пріучать къ его обязанностямъ (III, 30—31): «Митьку на третій день пріѣзда я отдалъ въ рабочій домъ за пьянство. Не медля выбери мнѣ мальчика 15 или 17 лѣтъ, не старѣе, въ кучера и возьми во дворъ, пока я не велю прислать его» (Iв. 285—286). Отправляя, вѣроятно послѣ не достигшаго цѣли исправленія въ рабочемъ домѣ, этого Митьку въ деревню, поэтъ пишетъ сестрѣ: «Заставь его быть при себѣ безотлучно; а если хоть разъ напьется, то, не говоря ни слова, пошли за ушицкимъ старостой и вели отвезти въ Вологду въ рекруты за ушицкую вотчину. Вотъ лучшій способъ избавиться отъ пьяницъ» (Ib. 290). Но и старый слуга его Яковъ, сопровождавшій его въ походахъ финляндскомъ и заграничномъ, оказался не лучше Митьки. «Яковъ сошелъ съ ума отъ пьянства, и я принужденъ былъ посадить его въ рабочій домъ. Съ мальчикомъ однимъ не справлюсь. И онъ поведенія не отличнаго. Приготовьте мнѣ другого мальчика для меня, но хорошаго поведенія и не глупаго» (Ib. 443). Безъ сомнѣнія, Батюшковъ не всегда же былъ недоволенъ своими крѣпостными слугами; иногда они

могли доставлять ему даже эстетическое удовольствіе. Такъ въ 1811 году онъ пишетъ кн. Вяземскому: «Сдѣлай одолженіе, любезный князь, пришли мнѣ музыку на мой романсъ; ты меня очень одолжишь: я ее велю сыграть *моему* музыканту на фаготѣ». (Ib. 155).

Дѣлая эти довольно многочисленныя выписки изъ писемъ нашего поэта, мы должны однако заявить, что не имѣли въ виду никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобъ уяснить себѣ положеніе Батюшкова въ условіяхъ окружавшей его современности. Послѣднее изданіе его сочиненій даетъ для того много матеріаловъ, и странно было бы не воспользоваться ими. Не знаемъ, съ какимъ чувствомъ мягко-сердечный, мечтательный, гуманный поэтъ, какъ онъ рисуется передъ нами въ своихъ правда немногочисленныхъ произведеніяхъ, поэтъ глубокаго и нѣжнаго самоотверженія, для котораго свобода должна была являться отраднымъ представленіемъ, писалъ свои деревенскія, помѣщичьи распоряженія. Намъ онъ представляется очень жалкимъ и нельзя не пожалѣть его въ этихъ затягивающихъ его путяхъ. Какая глубокая бездна между идеалами и дѣйствительностью! Какъ мало послѣдняя давала содержанія для поэтическаго вдохновенія, а между тѣмъ никакой поэтъ не въ состояніи отдѣлаться отъ дѣйствительности: вся сила его таланта только въ ней одной. И приходилось Батюшкову прислушиваться къ чужимъ, весьма отдаленнымъ пѣснямъ, ими вдохновляться, уходя въ созерцаніе образовъ и представленій столь далекихъ отъ насъ итальянскихъ поэтовъ XVI, XVII вѣковъ, которые ничего не говорятъ ни сердцу ни уму, и на чужія темы настроивать свой внутренній міръ, какъ это и дѣлалъ постоянно Батюшковъ. Мы не имѣемъ никакого права винить его за это: онъ только сынъ времени и жизни, его окружавшей. Пусть извинитъ насъ высокоуважаемый біографъ Батюшкова, который и не могъ касаться этого вопроса, но намъ кажется, что даже въ семейныхъ отношеніяхъ поэта сказываются печальныя стороны тѣхъ отношеній, которыя окружали его. Съ старшею сестрою, частью по зимамъ въ Вологдѣ, но больше

всего въ деревнѣ, жила младшая сестра, въ возрастѣ «на выданьи». Заботы о ней ближе всего лежали на обязанности старшаго брата. Безъ сомнѣнія, гуманный поэтъ, для котораго не чужды были освободительныя идеи XVIII вѣка, читавшій Новую Элоизу, былъ на сторонѣ свободы чувства, а между тѣмъ сколько хлопотъ о томъ, чтобъ поскорѣе выдать сестру замужъ, съ видимою цѣлью отъ нея отдѣлаться. «Постарайся *пристроить* ее всѣми силами, проситъ онъ сестру. Не упускай случая, Бога ради, если оный представится. Что разбирать чины и богатство? Былъ бы честный и не совсѣмъ убогій человѣкъ и ей нравился: вотъ главное. Вотъ моя молитва передъ Господомъ! Да будетъ на ней Его святое Провидѣніе и молитвы покойной незабвенной нашей матери» (III, 91—92). «Одна мысль меня безпокоитъ и огорчала даже на походахъ: участь Вареньки. Я назову тотъ день счастливымъ, когда она выйдетъ замужъ, и заклинаю васъ всѣхъ именемъ Неба не пропустить случая» (Ib. 287). Но случай не представляется и Батюшковъ начинаетъ безпокоиться, предполагая, что недостаточно употребляются мѣры для желанной цѣли. Онъ входитъ въ роль комической матери зрѣлой невѣсты: «Я удивляюсь, что никто за Вареньку не сватается. Нѣтъ ли въ томъ и вашей вины? Надобно ласкать людей, надобно со всѣми жить въ мирѣ. Il faut faire des avances. Такъ свѣтъ созданъ; мое замѣчаніе основано на опытности. Надобно внушить и сестрѣ, что ей надобно стараться нравиться. Il faut avoir des formes agréables, стараться угождать въ обществѣ каждому: гордость и хладнокровіе ни къ чему не ведутъ. Надобно болѣе: казаться веселою, снисходительною. Конечно, и у васъ есть женихи, есть хорошіе люди, ибо я не могу вѣрить, чтобъ ихъ не было и въ губернскомъ городѣ. Но мы ихъ или не знаемъ, или чуждаемся» (Ib. 297). Судьба сестры сильно безпокоитъ брата: «Со всѣхъ сторонъ огорченія, а болѣе всѣхъ забота о судьбѣ Вареньки. Боже мой, если бы я могъ быть ей полезенъ хоть чѣмъ-нибудь, если бы Господь услышалъ мою молитву о перемѣнѣ ея участи, но къ лучшему, разумѣется! Но время еще не ушло. Впрочемъ,

то, что у васъ судьбою называется, весьма неразсудительно. Вѣтеръ не заноситъ женіховъ; это извѣстно съ давняго времени: надобно самимъ сдѣлать половину дороги» (Ib. 358). Только въ 1818 году прекратились эти заботы поэта, хотя и тутъ, когда судьба сестры была рѣшена, на него находитъ сомнѣніе: «Радуюсь, что дѣло Вареньки будетъ имѣть какой-нибудь конецъ: ихъ дѣло быть счастливыми, наше — не допустить дурачиться и вредить себѣ. Если будутъ счастливы, то я первый порадуюсь отъ души: можетъ быть и будутъ» (Ib. 489).

Жизнь въ деревнѣ, куда Батюшковъ уѣзжалъ, вслѣдствіе безденежья, собирать оброкъ, никогда не приносила ему радости; она нагоняла на него только скуку. Любви къ ней у него не было и онъ не зналъ чѣмъ наполнить въ ней свое время. Во всѣхъ стихотвореніяхъ его мы не найдемъ ни одной картинки, списанной съ родной природы. Какая безконечная разница съ позднѣйшимъ Пушкинымъ, связаннымъ какъ бы органически съ природою русскою, на котораго деревня дѣйствовала и отрезвляющимъ и возбуждающимъ вліяніемъ. Никоимъ образомъ Батюшковъ не могъ бы сказать вмѣстѣ съ Пушкинымъ эти отъ сердца вылившіеся стихи:

«Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины;
Въ глуши звучнѣе голосъ лирный,
Свѣтлѣе творческіе сны».

Напротивъ, для Батюшкова деревня была «безмолвною, дикою пустынею, жилищемъ волковъ и поповъ» (III, 90). Скука одолѣвала его, и въ одномъ изъ писемъ его сохранилось подробное расписаніе ничего недѣланія деревенскаго въ теченіе всѣхъ 24 часовъ сутокъ (Ib. 102—103). Я умираю отъ скуки, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и говорю тихонько самъ себѣ: не приведи Богъ честному человѣку жить въ провинціи» (Ib. 109), а жить необходимо, «пока не соберу тысячи четыре денегъ, pour faire tête à la fortune» (Ib. 134). Время въ деревнѣ идетъ «и скучно

и глупо. Я живу въ лѣсахъ, засыпанъ снѣгомъ, окруженъ попами и раскольниками, заваленъ дѣлами» (Ib. 146). Дѣла эти заключались въ собираніи оброка. И въ деревнѣ онъ только и живетъ мечтою, которая переноситъ его въ Москву и Петербургъ, въ общество знакомыхъ литераторовъ. «Еслибъ зналъ, что́ здѣсь время за вещь, что крылья его свинцовыя, что убить нечѣмъ» — пишетъ онъ Гнѣдичу (Ib. 42). «Въ деревнѣ скучно, грустно и глупо» (Ib. 419). «Жить дома и садить капусту я умѣю, но у меня нѣтъ ни дома, ни капусты: я живу у сестеръ въ гостяхъ, и домашнія дѣла меня замучили, не только меня — и ихъ» (Ib. 438). Въ самомъ дѣлѣ, въ имѣніи, доставшемся ему съ сестрами отъ матери, не было порядочнаго дома, жили въ какомъ-то старомъ флигелѣ, и Батюшковъ, проживая оброкъ своей, конечно въ львиной сравнительно съ сестрами долѣ, самъ выстроить домъ не могъ, а заставлялъ сдѣлать это сестру. «Бога ради строй домъ! Что нужды, что у тебя будетъ долгъ? Ты можешь заложить имѣніе вмѣстѣ съ Варенькой, для уплаты. Какъ жить безъ дома, какъ не имѣть пристанища, какъ не стараться удвоить доходовъ посредствомъ экономіи, покупкою скота и проч. У тебя это было бы занятіемъ. Жить день за день безъ пользы осудительно. Стоитъ только рѣшиться. Ты же имѣешь довольно характера» (Ib. 296). Въ 1815 году, кажется, домъ былъ выстроенъ, съ залогомъ имѣнія или безъ залога — не знаемъ и Батюшковъ обѣщаетъ изъ Каменца-Подольскаго прислать сестрѣ диванъ въ этотъ новый домъ, «если будутъ лишнія деньги» (Ib. 354). Впрочемъ и братъ принималъ нѣкоторую долю участія въ устройствѣ общаго деревенскаго пристанища. «Я убралъ въ саду бесѣдку по моему вкусу, въ первый разъ въ жизни. Это меня такъ веселитъ, что я не отхожу отъ письменнаго столика, и вѣришь-ли? цѣлые часы, цѣлые сутки просиживаю, руки сложа на крестъ — сообщаетъ онъ Гнѣдичу (Ib. 441). Самъ Крыловъ позавидовалъ бы моему положенію, особливо когда я считаю мухъ, которыя садятся ко мнѣ на письменный столъ. Вѣришь ли, что очень трудно отличить одну отъ другой. Такимъ образомъ созерцаніе природы доставляетъ истинныя, прочныя и паче всего полезныя удовольствія и вящее вожделѣніе (зри Труды Озерецковскаго, ч. 3)». Если въ словахъ этихъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ Гнѣдичъ могъ находить остроумную иронію, то къ стыду нашему мы должны признаться, что теперь никакъ ее не понимаемъ.

Таковы были отношенія поэта къ деревнѣ. Должны были притти другія условія жизни общественной, воспитанія и образованія, чтобъ полюбить ее. Мы конечно не ставимъ этого въ вину Батюшкову: онъ развивался еще въ условіяхъ русскаго XVIII вѣка, хотя его поэтическое творчество значительно ушло отъ нихъ впередъ. Чувствуемъ, что мы увлеклись нѣсколько въ сторону отъ задачи, но желая уяснить себѣ Батюшкова, какъ поэта, мы естественно пожелали познакомиться съ нимъ, какъ съ человѣкомъ въ его житейскихъ отношеніяхъ, а для этого разбираемое нами изданіе представляетъ такъ много новаго, совершенно непзвѣстнаго до сихъ поръ матеріала. Подъ конецъ своей сознательной жизни онъ рѣшился продать свою часть имѣнія, и заботы о продажѣ занимали его до самаго отъѣзда въ Италію. Продажа казалась необходимою для устройства «ломбарднаго дѣла». Жить было не чѣмъ. «Четыреста руб. въ годъ не забавны» (III, 472). Продажа давала поэту и свободу и полагала «конецъ огорченіямъ» (Ib. 475). А какъ разъ въ это время должно было продаваться съ торговъ, за неплатежъ процентовъ, и отцовское имѣніе и естественно желалось помочь (478). Въ деревнѣ случился пожаръ. «Скажи старостѣ, пишетъ онъ сестрѣ, чтобы міромъ помогли погорѣлымъ въ Соболевѣ» (помѣщики, если крестьяне были на барщинѣ, а не на оброкѣ, обыкновенно обстраивали погорѣльцевъ на свой счетъ), «а потомъ я что-нибудь имъ дамъ: этой мой долгъ» (479). Смерть отца, дѣлами котораго занялись опекуны, пріостановившіе продажу, а затѣмъ назначеніе на службу въ миссію въ Неаполь, заставили поэта отказаться отъ намѣренія продать имѣніе, дававшее вѣрный доходъ. «Имѣнія теперь не продамъ: надѣюсь, что крестьяне ис-

правно будутъ платить оброкъ — шесть тысячъ въ годъ» — пишетъ онъ сестрѣ (Ib. 526).

Но какъ ни вѣренъ былъ этотъ доходъ съ оброчныхъ крестьянъ, однако, особенно съ годами, Батюшковъ долженъ былъ смотрѣть и на службу, какъ на доходную статью. Служба была необходимостью въ то время: она давала чины и отличія, слѣдовательно доставляла вѣсъ въ обществѣ; нашему поэту она должна была дать и занятія; литературные труды его были случайны; они не могли избавить его отъ скуки, на которую онъ постоянно жаловался въ своихъ письмахъ. Не даромъ Гнѣдичъ и другіе литературные друзья его упрекали Батюшкова въ праздности. Не станемъ однако останавливаться на служебной карьерѣ Батюшкова. Біографія поэта, написанная Л. Н. Майковымъ, такъ подробно говоритъ о жизни его, о тѣхъ родахъ службы, за которые онъ брался, такое полное представленіе даетъ объ этой сторонѣ его дѣятельности, что все, что мы могли бы сказать, явилось бы повтореніемъ. Но насъ интересуютъ теперь не историческіе факты (въ этомъ отношеніи біографу Батюшкова и книги въ руки), насъ интересуетъ человѣкъ, и для этого чрезвычайно важенъ тотъ же 3-й томъ его сочиненій, заключающій въ себѣ собраніе его писемъ, на который мы уже много разъ ссылались. Онъ и даетъ свѣдѣнія о томъ, какъ самъ Батюшковъ смотрѣлъ на службу. Первая — военная, въ теченіе только двухъ лѣтъ, начатая имъ, когда ему исполнилось только 20 лѣтъ, не удовлетворила его. «Служилъ всегда честно: это засвидѣтельствуетъ тебѣ совѣсть моя» — жалуется онъ Гнѣдичу (III, 50). Служилъ несчастливо: ты самъ знаешь; служилъ изъ креста, и того не получилъ, и упустилъ все, даже время, невозвратное время! Теперь, *съ совершенной пустотой душевной*, пагубной для меня, я рѣшился: если не пойду служить по этой части (это была служба въ иностранной коллегіи, доступная только аристократамъ, невозможная, какъ онъ самъ говоритъ, безъ сильной протекціи), то поѣду путешествовать, хотя бы это стоило десяти тысячъ, что́ меня разоритъ совершенно; но *гнить въ ничтоже-*

ствѣ не могу». Это было въ 1809 г. и тогда уже поэтъ сталъ мечтать о службѣ въ итальянской миссіи: «я бы согласился и безъ жалованья въ Италію» — говоритъ онъ. «И я что-нибудь да стою, то есть могу быть полезнымъ, ибо знаю языки». Узнавъ въ Москвѣ, что великая княгиня Екатерина Павловна (въ Твери) покровительствуетъ русскимъ писателямъ (Карамзинъ читалъ ей отрывки своей исторіи), онъ разсчитываетъ черезъ нее достигнуть своей цѣли. «Если бъ я съѣздилъ туда съ первою пѣснею Тасса? (переводъ ея впрочемъ не дошелъ до насъ) — пишетъ онъ къ Гнѣдичу. Еслибъ великая княгиня приняла ее милостиво? Еслибъ она дала мнѣ письмо къ министру иностранныхъ дѣлъ, съ тѣмъ чтобъ меня помѣстили на первое открывшееся мѣсто въ иностранной коллегіи? Какъ думаешь?» (72). Извѣстно, что Батюшковъ началъ свою служебную дѣятельность подъ крыломъ дяди Муравьева; служба эта не требовала вовсе труда и поэтъ самъ сознается, что онъ былъ избалованъ ею (67), но никакъ однако не можетъ представить этого труда для себя въ будущемъ. О службѣ онъ много мечтаетъ, надѣется на своихъ друзей, родныхъ, пишетъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, особенно къ тѣмъ, которые упрекаютъ его въ праздности, но большею частью ждетъ счастія, мечтая о немъ, что служебная дѣятельность спадетъ къ нему съ неба (103). По совѣту Гнѣдича Батюшковъ рѣшается наконецъ поступить на службу въ только что открывшуюся тогда Императорскую Публичную библіотеку, директоромъ которой былъ Оленинъ, всегда къ нему расположенный, но боится того, что «тамъ должно работать» (115). Въ то время однако тамъ не работали. Очевидно, служба представлялась Батюшкову какимъ-то лѣкарствомъ отъ пожирающей его скуки и ничего недѣланія, но онъ не могъ ясно представить, что могла дать ему эта служба и что онъ самъ принесетъ ей. Въ то же время онъ пишетъ: «Признаюсь я желалъ бы быть членомъ какого-либо (?) общества, затѣмъ что это пробудило бы мою лѣность, которою я и самъ начинаю гнушаться. Но ни московскіе, ни питерскіе собратія не могутъ имѣть сильнаго влія-

нія на мой духъ: «и тѣ, и другіе вялы, и тѣ, и другіе слѣпотствуютъ во мглѣ» (132—133). Требованія его лично для себя отъ службы не малы; свободу свою онъ не желаетъ продать дешево; тысяча рублей жалованья не соблазнительны, и впереди все мечтается «дипломатика». Ему все кажется, что именно на этой службѣ онъ можетъ быть полезенъ, но гдѣ служить: въ Америкѣ ли, въ Стокгольмѣ ли, въ Испаніи — ему все равно (148—149), только не служить «у министровъ или въ канцеляріяхъ, между челяди, хижей и подьячихъ». Ему нужно «мѣсто и выгодное и спокойное, гдѣ бы онъ могъ ничего не дѣлать и не кланяться подьячимъ, людямъ ничтожнымъ»; «а служить изъ тысячи рублей жалованья титулярнымъ совѣтникомъ, служить и готовиться къ экзамену» (въ силу указа 6 авг. 1809 г.), подобно Митрофану твердя: «Азъ же есмь червь, а не человѣкъ» и проч., повторять зады и набивать себѣ голову римскимъ кодексомъ, поэтическими подробностями изъ Зябловскаго, аксіомами изъ Эвклида, служить писцомъ, скрибомъ въ столицѣ, гдѣ можно пить, гдѣ я пилъ изъ чаши наслажденій и горестей, радость и печаль, — нѣтъ, нѣтъ, это все свыше меня» (157—158).

Отечественная война скоро заставила его оставить службу въ библіотекѣ, на которой онъ также скучалъ, какъ и въ деревнѣ. Уже въ августѣ 1812 г., когда Наполеонъ шелъ отъ Смоленска къ Москвѣ, Батюшковъ пишетъ изъ Петербурга къ Дашкову: «Я очень скучаю и надѣюсь только на войну: она разсѣетъ мою скуку, ибо шпага побѣдитъ тогу, и я надѣну мундиръ, и я поскачу маршировать, если... если это будетъ возможно» (200). Батюшковъ не разъ жаловался на «бѣдность въ живыхъ ощущеніяхъ»; онъ искалъ ихъ; его натура была такъ же мало глубока и мало содержательна, какъ и жизнь, его окружавшая. Но событія 12 года дали ему очень много этихъ «живыхъ ощущеній». Провожая вдову своего благодѣтеля Е. Ѳ. Муравьеву изъ Москвы въ Нижній, куда бѣжали московскіе изгнанники, Батюшковъ видѣлъ то «море зла», о которомъ онъ писалъ къ Дашкову (I, 151):

«Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары».

Въ эту эпоху онъ усомнился даже въ смыслѣ своихъ прежнихъ стихотвореній и на совѣты Дашкова разсѣять одолѣвающую его скуку бесѣдою съ столь благосклонными ему музами, онъ, какъ гражданинъ, отвѣчалъ:

«Мнѣ пѣть коварныя забавы,
Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ, талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!»

Это былъ дѣйствительно тотъ моментъ, когда талантъ поэта выражалъ общее чувство, когда стихи его звучали глубокоискренно. Тогда, бросая свою неопредѣленную службу въ Публичной библіотекѣ, Батюшковъ «рѣшился и твердо рѣшился отправиться въ армію, куда и долгъ призываетъ, и разсудокъ, и сердце, сердце, лишенное покоя ужасными происшествіями нашего времени» (205). Въ армію поэта «влечетъ физически», по его словамъ, тамъ онъ надѣется излѣчиться отъ грусти. Въ первый разъ кажется Батюшковъ сталъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью: «Не думай, любезный другъ, чтобъ я по старому *предался моему воображенію*, пишетъ онъ къ Гнѣдичу, нѣтъ, я вижу, разсуждаю и страдаю» (208). Пожаръ и грабежъ Москвы, которые современники приписывали французамъ, совершенно измѣнили взглядъ Батюшкова на этотъ народъ, съ литературою котораго онъ былъ знакомъ лучше чѣмъ съ какою-либо другою. «Мщенія, мщенія! Варвары! Вандалы! И этотъ народъ извергов осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи! И мы до того ослѣплены были, что подражали имъ, какъ

обезьяны!» (210). Батюшковъ говоритъ теперь въ своихъ письмахъ почти то же самое, что говорилъ около того же времени Шишковъ въ своихъ запискахъ. Онъ и употребляетъ тѣ же выраженія. «Сердце не лежитъ у меня къ этой сторонѣ, пишетъ онъ только что перейдя французскую границу: революція, всемірная война, пожаръ Москвы и опустошенія Россіи меня навсегда поссорили съ отчизной Генриха IV, великаго Расина и Монтаня» (247). Но это новое, зародившееся въ Батюшковѣ чувство ненависти къ французамъ и нелюбви къ ихъ литературѣ, было, какъ все въ немъ, мимолетнаго свойства, и не было глубоко и сознательно. Такъ на походѣ въ Германіи онъ начинаетъ любить нѣмцевъ, знакомится съ ихъ литературою, «примирился съ Шиллеромъ» (239), «сходитъ съ ума на Фоссовой Луизѣ» (240), читаетъ исключительно нѣмецкія книги. Но прошло четыре года, и вотъ какое мнѣніе высказываетъ онъ о нѣмецкой литературѣ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (1817 г.) по поводу переводовъ Жуковскаго: «Къ чему переводы нѣмецкіе? Добро—философовъ. Но ихъ-то у насъ читать и не будутъ. Что касается до литературы ихъ, собственно литературы, то *я начинаю презирать ее*. (Не сказывай этого). У нихъ все коряченье и судороги» (427). Такъ мѣнялся Батюшковъ, такъ непрочны были его мнѣнія и сужденія, такъ мало было въ немъ сколько-нибудь устойчиваго содержанія. Только что было имъ написано страстное посланіе къ Дашкову, подъ живыми впечатлѣніями московскаго разоренія и толпы бѣглецовъ, видѣнныхъ имъ по Владимиркѣ: онъ собирается въ походъ противъ ненавистнаго врага, сердце его дрожитъ отъ негодованія и однако, въ то же время онъ находитъ возможнымъ писать длинное стихотвореніе, совершенно далекое отъ современности и отъ того, что наполняло его сердце. Батюшковъ пародируетъ «Пѣвца въ станѣ» — Жуковскаго и пишетъ своего «Пѣвца въ Бесѣдѣ Славяноруссовъ, (I, LXXIV), нападая на Шишкова и его партію, состоявшую изъ почти никому неизвѣстныхъ стихотворцевъ. Какъ объяснить эту аномалію — мы не знаемъ, и невольно приходитъ въ голову, что

между стихами Батюшкова и тою жизнью, которая окружала его, — а какъ разъ въ это время жизнь-то именно и приковывала къ себѣ вниманіе: страна такъ тяжело дышала, — не было ничего общаго. Любопытно, что въ эту тяжелую пору, съ мая 1812 по февраль 1813 г., въ письмахъ Батюшкова къ разнымъ лицамъ мы не нашли почти вовсе упоминаній о войнѣ, за то насчитали девять мѣстъ, въ которыхъ довольно подробно говорится о томъ, что дѣлалось въ Бесѣдѣ. Какъ ни внимательно изучаешь этого поэта, предложеннаго намъ въ великолѣпномъ изданіи, — никакъ не можешь уяснить себѣ его натуру и ея содержаніе. Съ усиліемъ ищешь въ трехъ большихъ томахъ черты времени, выразителемъ котораго долженъ быть писатель, и — не находишь. Батюшковъ исключительно занятъ только собою, своими довольно однообразными заботами и огорченіями, и почти на всякомъ шагу противорѣчитъ себѣ. Не станемъ останавливаться на заграничномъ походѣ 1814—1815 годовъ, сдѣланномъ Батюшковымъ. Восьмая глава біографіи подробно говоритъ объ этомъ эпизодѣ жизни поэта. Перечитывая письма его, нельзя не видѣть, что Батюшковъ вполнѣ доволенъ этою заграничною жизнью, несмотря на потерю друга, убитаго подъ Лейпцигомъ. Его, какъ и всѣхъ его современниковъ, окружало множество могучихъ, совершенно неожиданныхъ впечатлѣній. Для него, какъ и для многихъ, казалось, что на знамени нашихъ войскъ ярко написано освобожденіе народовъ отъ самовластія французскаго властителя. Насъ встрѣчали восторженно, какъ освободителей. Съ нашей стороны въ сердцѣ присутствовало и удовлетворенное чувство праведной мести за народную обиду. Батюшковъ поитъ своего коня исторической волною Рейна. Его стихотвореніе «Переходъ черезъ Рейнъ» (I, LXXV) исполнено воспоминаній и образовъ изъ всемірной исторіи. Величавыя тѣни римлянъ, древнихъ германцевъ, рыцарей встаютъ передъ этими «сынами снѣговъ», пришедшихъ издалека «подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и громами». Всѣ эти всемірно-историческія воспоминанія и въ параллель съ ними сознаніе ве-

личія настоящаго «придаютъ душѣ и силу новую и крылья». Въ самомъ дѣлѣ этотъ «освободительный» походъ имѣлъ для тогдашняго, въ особенности для болѣе молодого поколѣнія, глубокое образовательное значеніе. Люди сражались и вмѣстѣ съ тѣмъ учились въ Европѣ. Ея политическія и образовательныя начала дѣйствовали на побѣдителей. Даже Батюшковъ, какъ мы видѣли, учится по-нѣмецки. Онъ забываетъ свою недавнюю ненависть къ французской литературѣ и набожнымъ пилигриммомъ отправляется въ замокъ въ Эльзасѣ, гдѣ ищетъ благоговѣйно слѣдовъ когда-то тамъ жившаго Вольтера. Входъ въ Парижъ— для него «славная минута». Несмотря на «шумъ въ головѣ», Батюшковъ въ длинныхъ письмахъ къ друзьямъ, полный довольства, описываетъ свое пребываніе въ Парижѣ и свои впечатлѣнія. Въ то время люди были въ самомъ дѣлѣ какъ бы въ чаду отъ событій, быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ, могучихъ и подавляющихъ.

Что же принесъ для Батюшкова этотъ эпическій походъ, какъ онъ представлялся ему въ торжественныя минуты? Доволенъ ли онъ своею службою? Каковы были результаты ея для него лично? Повидимому, послѣ восторговъ Парижемъ скоро появилось разочарованіе. Не станемъ останавливаться на любопытныхъ мѣстахъ писемъ его къ Гнѣдичу насчетъ ожидаемыхъ имъ или уже полученныхъ крестовъ (III, 234, 241, 248). Эти награды Батюшковъ считалъ выгодными для штатской службы, если онъ принужденъ будетъ перейти въ нее изъ военной, но ожидаемаго владимирскаго креста онъ не получилъ и въ отставку уволенъ былъ коллежскимъ ассесоромъ, что очень огорчило его (386). Трудно сказать, почему никакой родъ служебной дѣятельности не удавался Батюшкову, но кажется намъ, что главная причина заключалась въ томъ, что онъ ни въ какомъ родѣ службы не проявлялъ того, что составляетъ главное ея требованіе — дѣятельности. Такъ было и на томъ послѣднемъ мѣстѣ, о которомъ онъ такъ горячо мечталъ, въ миссіи въ Неаполѣ. Кажется, что его собственныя требованія лично для себя

отъ службы были велики. Противорѣчія въ желаніяхъ у него на каждомъ шагу. То онъ мечтаетъ о переходѣ изъ армейскаго полка въ гвардію для выгодъ служебныхъ, то, когда это желаніе исполнилось, онъ высказываетъ недовольство. То соблазняется высокимъ положеніемъ: «Я почелъ бы себя счастливымъ быть полезнымъ человѣкомъ *при братѣ нашего царя*, пишетъ онъ въ 1816 году къ Муравьевой, у которой были большія связи (Батюшковъ высказывалъ постоянно убѣжденіе, что безъ протекціи нельзя служить), но не имѣя протекціи, состоянія и дерзости, не осмѣлюсь приносить одно усердіе и объявлять мои требованія: одинъ отказъ и промахъ сдѣлали бы меня несчастнымъ на долго» (368). Между тѣмъ служить надобно, служба для Батюшкова — необходимость: «Мое положеніе безъ службы право не забавно; нельзя ли меня причислить куда-нибудь безъ жалованья по службѣ»? пишетъ онъ Гнѣдичу (419) и просится снова, «какъ блудный сынъ» въ библіотеку, которую онъ оставилъ въ 1813 г. (425). Уваровъ въ 1817 году предлагаетъ Батюшкову мѣсто съ окладомъ жалованья въ двѣ тысячи руб., и поэтъ отказывается: «Благодари Уварова за предложеніе. Умѣю чувствовать снисхожденіе и попечительность его о талантахъ въ землѣ клюквы и брусники. Но я не могу рѣшиться взять мѣсто, и что мнѣ въ двухъ тысячахъ? Корпѣть надъ экстрактами! Потерять послѣднія искры таланта и время, и малое здоровье! Человѣку, который три войны подставлялъ лобъ подъ пули, сидѣть надъ нумерами изъ-за двухъ тысячъ и пить по каплѣ всѣ непріятности канцелярской службы?.. Изъ-за двухъ тысячъ!!!. Но скажу рѣшительно: если обстоятельства занесутъ меня въ Петербургъ, то мѣсто, если можетъ быть такое, немного свойственное, приличное моимъ занятіямъ и охотѣ къ словесности, было бы пріятно» (438). Нерѣшительность, не ясное представленіе о себѣ, о своихъ силахъ и способностяхъ составляютъ все содержаніе безпрерывныхъ письменныхъ заявленій Батюшкова о возможной для него службѣ. Когда друзья его: А. Тургеневъ и Жуковскій убѣдили его написать прямо на имя государя импера-

тора прошеніе о поступленіи на службу въ одно изъ нашихъ посольствъ въ Италіи (самое прошеніе было составлено Жуковскимъ, и Батюшковъ только переписалъ), онъ, пославъ это прошеніе изъ Москвы, самъ уѣхалъ въ Одессу (I, 262), вполнѣ положившись на нихъ: «Вы устроите все къ лучшему: теперь и сердце обѣщаетъ успѣхъ — пишетъ онъ Тургеневу. Какъ хотите, опредѣляйте. Чинъ мнѣ по совѣсти слѣдуетъ (по его расчету онъ долженъ бы былъ быть полковникомъ). Но Богъ съ нимъ, съ чиномъ!.. Лучше для чужихъ краевъ званіе камеръ-юнкера, если можно... *Жалованье всего нужнѣе, и чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше.* Досугъ, свобода: вотъ еще важное дѣло!» (III, 501). Справедливость требуетъ замѣтить, что поэтъ спѣшитъ оговориться предъ своими друзьями относительно нѣкоторыхъ требованій своихъ. «Не потеряйте и вы ко мнѣ уваженія, пишетъ онъ, что я желаю быть названъ камеръ-юнкеромъ: не суетность это, а расчетъ, можетъ быть и вздорный. Это званіе при миссіи дастъ мнѣ нѣкоторое уваженіе, на которое въ маломъ чинѣ я не имѣю права. Въ Италіи это не будетъ для меня смѣшно: здѣсь смѣшно и глупо, ибо я не суетенъ, не знатенъ и не богатъ... я чины не уважаю для себя; я вовсе безъ честолюбія и твердо увѣренъ, что чинъ не украситъ ни прозы моей, ни стиховъ. Еще разъ повторяю: я всѣмъ буду доволенъ; имѣю въ виду одну Италію. Въ этомъ словѣ заключается для меня многое: независимость, здоровье, стихи и проза. Шесть тысячъ или около того жалованья и шесть тысячъ своего дохода дадутъ мнѣ способъ поддержать себя довольно пристойно» (III, 503—504). Условія его будущей службы въ Италіи, даже и въ матеріальномъ отношеніи, были вполнѣ удовлетворительны, не говоря уже о томъ, что Италія была любимою страною его поэтической мечты, хотя, можетъ быть онъ вовсе не имѣлъ яснаго представленія объ этой странѣ, особенно въ политическомъ отношеніи, о современномъ ея положеніи. Италію онъ зналъ по стихамъ Петрарки, Тассо и Аріосто и только передъ самымъ отъѣздомъ онъ проситъ Никиту Муравьева «снарядить его умомъ» и доставить ему сочиненія, касающіяся Италіи, которыхъ даже названія ему неизвѣстны. Но завѣтное желаніе его сердца, долго лелѣемое, наконецъ исполнилось, и тѣмъ не менѣе вмѣсто радости, совершенно понятной и объяснимой при исполненіи желанія, мы читаемъ грустное заявленіе его: «*Я знаю Италію* (?), не побывавъ въ ней, пишетъ онъ къ А. Тургеневу. *Тамъ не найду счастія:* его нигдѣ нѣтъ; увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоцѣнныхъ» (531). Такимъ образомъ Батюшковъ высказываетъ ту же мысль, какую высказалъ почти наканунѣ своей смерти Пушкинъ: «На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля» — но въ этихъ покоѣ и волѣ слышится бодрое сознаніе силы и увѣренность въ могучемъ творчествѣ. Въ чемъ же для Батюшкова состоялъ идеалъ счастія? Что искалъ онъ? Съ грустью должны мы признаться, что какъ внимательно ни перечитывали мы изданіе его сочиненій, но яснаго представленія объ этомъ идеалѣ дать не можемъ.

Мотивъ, до крайности однообразный, но до безконечности повторяемый во всѣхъ многочисленныхъ письмахъ Батюшкова —это—*жалобы на скуку.* Онъ скучаетъ въ Петербургѣ, какъ пишетъ о томъ сестрѣ (III 37): «еслибъ ты зналъ какъ мнѣ скучно» (въ деревнѣ, по письму къ Гнѣдичу (48); «право жить скучно; ничто не утѣшаетъ. Если я проживу еще лѣтъ десять, то сойду съ ума» (51). «Ты спросишь меня: весело ли мнѣ?—пишетъ онъ къ нему же изъ Москвы. Нѣтъ, увѣряю тебя... Да и гдѣ весело быть можетъ?» (71). «Я иногда такъ скучаю, что мѣста отъ грусти сыскать не могу» (оттуда же, 90). «Я живу въ Москвѣ. Живу... нѣтъ, дышу... нѣтъ, веществую, то есть ни то, ни сё. Умираю отъ скуки. Занимайся! Легко сказать!... Дѣло дѣлай!... Да какое?... И книга изъ рукъ выпадаетъ. При томъ же боленъ, чуть дышу. Словомъ, если это состояніе продолжится, то я сойду съ ума» (92—93). И это написано было въ то самое время, когда онъ въ первый разъ былъ въ Москвѣ, перезнакомился съ представителями въ ней литературной дѣятельности, начиная съ Карамзина, и въ длинномъ письмѣ къ Гнѣдичу нѣсколько иронически опи-

сывалъ Москву, ея жизнь и общество. Во время военной службы, во время походовъ мы не встрѣчаемъ однако этихъ вѣчныхъ жалобъ на скуку. Очевидно практическая дѣятельность, физическое передвиженіе и множество новыхъ явленій и впечатлѣній заглушали ихъ. Но какъ только Батюшковъ воротился изъ «освободительнаго» похода, какъ только исчезли живыя впечатлѣнія, снова скука, въ эпическомъ образѣ древней Немезиды, преслѣдуетъ его. «Мы теперь подобны Гомеровымъ воинамъ, разсѣяннымъ по лицу земному, пишетъ онъ къ Жуковскому. Каждаго изъ насъ гонитъ какой-нибудь мститель богъ: кого Марсъ, кого Аполлонъ, кого Венера, кого Фуріи, а меня скука» (III, 303 — 304). Откуда эта скука, это недовольство жизнью и всѣмъ окружающимъ? Біографъ видитъ въ этихъ чувствахъ отраженіе чужого литературнаго вліянія. Это «смутное состояніе души, порожденное разладомъ между идеаломъ и дѣйствительностью» Батюшковъ «испыталъ не одинъ и не первый изъ людей своего вѣка». Біографъ указываетъ, какъ на прототипъ этихъ безыменныхъ страданій Батюшкова на героя Шатобріанова романа — Рене. Безспорно есть что-то общее въ жалобахъ Рене и Батюшкова, тѣмъ болѣе, что послѣдній просто переводитъ на русскій языкъ излюбленныя фразы Рене о томъ, что въ жизни нѣтъ счастія, о скукѣ, преслѣдующей его вездѣ (un profond sentiment d'ennui) и проч. Но не было ли домашнихъ, внутреннихъ причинъ для того, чтобы Батюшковъ походилъ на Рене? Типъ Рене дѣйствительно носитъ на себѣ печать того Weltschmerz'a, которымъ страдало современное человѣчество, почему и книга Шатобріана сдѣлалась любимымъ чтеніемъ людей того времени. Въ чемъ однако заключался идеалъ Рене — неизвѣстно Онъ самъ говорилъ, что это для него «un bien inconnu, dont l'instinct me poursuit»; отъ этой неизвѣстности, неясности стремленій можетъ-быть и происходило то dégoût de la vie, отъ котораго онъ страдалъ. Но Рене такъ много пережилъ и испыталъ, позади его лежалъ въ развалинахъ цѣлый міръ и кровавая борьба; въ новомъ мірѣ Рене нѣтъ мѣста, а между тѣмъ его самолюбіе

развито до крайнихъ предѣловъ; его скука есть выраженіе самолюбія, не находящаго удовлетворенія. Онъ слишкомъ любитъ себя; онъ ставитъ себя выше окружающихъ; онъ желаетъ слишкомъ многаго, но самъ онъ ничего не приноситъ, ни къ чему себя не обязываетъ. Батюшковъ въ своихъ письмахъ не разъ вводитъ насъ въ свой внутренній міръ, и слова его тѣмъ болѣе интересны, что, являются случайно, записаны необдуманно. И онъ говоритъ о «бездѣйствіи душевномъ», о «какой-то ни къ чему непривязанности» (III, 78). Онъ «потерялъ даже способность наслаждаться», становится «скученъ и лѣнивъ, даже немного мизантропъ». «Есть ли у меня желанія? Есть ли надежда? Я часто себя спрашиваю, и отвѣчаю нѣтъ!» (Ib. 136—137). Правда, Батюшковъ додумывается иногда до убѣжденія, что есть еще утѣшеніе—«исполнять долгъ», но въ чемъ заключается этотъ долгъ—неизвѣстно, на счастіе же онъ «не имѣетъ права» (317—318).—То сознается, и совершенно вѣрно, въ большомъ преобладаніи въ немъ эгоизма (248); то высказываетъ чрезвычайно невысокое мнѣніе о своемъ дарованіи. «Самое маленькое дарованіе мое, которымъ подарила меня судьба, конечно — въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось моимъ мучителемъ. *Я вижу его безполезность для общества и для себя*... Скажи мнѣ, къ чему прибѣгнуть, обращается онъ къ Жуковскому, чѣмъ занять пустоту душевную; скажи мнѣ, какъ могу быть полезенъ обществу, себѣ, друзьямъ?... Писать стихи? Но для того нужна сила душевная, спокойствіе, тысячу надеждъ, тысячу очарованій и въ себѣ, и кругомъ себя, и твое дарованіе безцѣнное» (304). Иногда онъ доказываетъ, что посреди своей «бурной и непостоянной жизни» онъ и не въ состояніи написать что-либо совершенное, «не въ силахъ кончить продолжительнаго дѣла» (448 — 449). О частыхъ жалобахъ на нездоровье, даже изъ Италіи, мы уже не станемъ говорить; ихъ столько же, сколько и на скуку. Но не высоко оцѣнивая свой поэтическій талантъ, онъ ищетъ какъ бы помощи вокругъ себя, проситъ друзей не переставать любить его, дарить его «одобрительной улыбкой дружества», «полелѣять» его (453).

Слишкомъ мало было въ Батюшковѣ внутренняго содержанія и силы душевной, а самолюбіе, развитое пропорціонально размѣрамъ таланта, доставляло ему тѣ страданія, на которыя онъ жаловался. «Я теперь-то чувствую, что *дарованію нужно побужденіе и одобреніе*; бѣда, если самолюбіе заснетъ» (III, 48). Эту мысль поэтъ возводитъ и въ общій принципъ: «Правленіе должно лелѣять и баловать музъ: иначе онѣ будутъ безплодны» (Ib. 268). Видно, Батюшковъ недалеко ушелъ отъ представленій вѣка Людовика XIV.

Нельзя не пожалѣть, что современники Батюшкова, друзья его, а ихъ было у него довольно въ литературныхъ сферахъ, такъ мало оставили о немъ воспоминаній. Это общій недостатокъ времени, безъ сомнѣнія находящійся въ связи съ тѣмъ подчиненнымъ состояніемъ литературы нашей, въ какомъ она находилась въ то время. Даже біографію величайшаго русскаго поэта, Пушкина, нѣсколько позднѣйшаго, чѣмъ Батюшковъ, приходится составлять мозаически, при чемъ свидѣтельства современниковъ весьма недостаточны. Благодаря трудолюбивому біографу поэта, мы имѣемъ о немъ одно, довольно полное свидѣтельство, принадлежащее перу женщины, его современницы, Е. Г. Пушкиной, но оно слишкомъ общаго характера, хотя и изображаетъ поэта въ лучшую пору его жизни (I, 2—3). По этому изображенію Батюшковъ страдалъ «оскорбленнымъ честолюбіемъ», потому что былъ «обойденъ при производствѣ». Такой источникъ внутренняго непріятнаго чувства въ поэтѣ конечно рисуетъ время, но негодованіе Батюшкова могло относиться развѣ къ его батальонному и полковому командирамъ и никакъ не сдѣлаться общимъ характеромъ его міросозерцанія. «Я любила его бесѣду, говоритъ свидѣтельница, *и еще болѣе любила его молчаніе*». Это нѣсколько двусмысленно и конечно не много даетъ для характеристики поэта. Въ многочисленныхъ письмахъ своихъ онъ конечно не молчалъ, но при всѣхъ нашихъ усиліяхъ воспользоваться ими для опредѣленія личности Батюшкова, опасаясь можетъ-быть рѣзкаго и неправильнаго сужденія, мы не въ состояніи уяснить

себѣ противорѣчія его мыслей и сужденій. Невольно приходитъ на мысль, что съ первыхъ молодыхъ лѣтъ его жизни въ немъ уже были зародыши той страшной наслѣдственной болѣзни, которая окружила его мрачною ночью безумія. Но чтобъ услѣдить эти ранніе признаки приближающагося душевнаго недуга, надобно бы было, чтобъ между современниками были тонкіе и развитые психіатры, которые бы наблюдали за нимъ съ заранѣе составленнымъ намѣреніемъ изслѣдованія. Вполнѣ вѣрно почтенный біографъ поэта признаетъ причиною недуга наслѣдственность; всѣ остальныя причины, приводимыя современниками, а въ ихъ числѣ и «оскорбленное самолюбіе», были болѣе или менѣе только поводами, иногда можетъ-быть и вполнѣ ничтожными, которые могли способствовать или ускорить развитіе болѣзни.

Изъ жизни многихъ поэтовъ извѣстно, какое большое мѣсто занимаетъ въ ихъ поэтическомъ творчествѣ *чувство любви*; любовь и поэзія часто сливаются въ одно, и чѣмъ глубже, искреннѣе чувство, тѣмъ реальнѣе и роскошнѣе выраженіе его въ поэтическихъ образахъ. Два раза Батюшковъ переживалъ это чувство, но оба раза оно осталось неудовлетвореннымъ. Въ первый разъ, въ Ригѣ, гдѣ онъ лѣчился отъ раны, когда ему было 20 лѣтъ, можно еще замѣтить по стихамъ его нѣкоторое довольство чувствомъ. Таковы его стихотворенія: «Выздоровленіе» (I, 49), «Посланіе графу Велеурскому (I, 65—66), «Воспоминаніе» (I, 89), но уже въ послѣднемъ чувство отодвинуто въ прошедшее; только окрыленный воспоминаніями, онъ улетаетъ въ глубь этого прошедшаго; предметъ страсти является тѣнью, мечтою. Дальше, въ слѣдующіе годы, эта тѣнь уже не появляется. Біографъ говоритъ, что «самыя условія этой любви» дѣлали бракъ неосуществимымъ», но у насъ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, что онъ думалъ о бракѣ. Просто — то было мимолетное и неглубокое чувство, оставившее самый слабый слѣдъ въ стихахъ. Въ другой разъ мы видимъ нѣчто болѣе серьезное. Но за то и неудовлетворенность этого чувства оставила болѣе глубокій слѣдъ. Повидимому, въ рѣшительную минуту онъ не нашелъ

сочувствія, «ударъ былъ нанесенъ ему прямо въ сердце и тяжело отозвался на всемъ его существѣ» (Біографія, 193). Почему Батюшковъ не нашелъ сочувствія, изъ біографіи не ясно, но сердце любимой дѣвушки было свободно и она только черезъ восемь лѣтъ послѣ исканій поэта вышла замужъ за другого. Эта вторая любовь, повидимому отвергнутая, внушила поэту нѣсколько стихотвореній, полныхъ болѣе глубокаго чувства, и, что любопытно, именно въ это время его стихъ, выраженіе крѣпнутъ, присутствіе таланта становится ощутительнѣе. Таковы его стихотворенія: «Таврида» (I, 221), которую онъ не видалъ еще, но куда зоветъ свою возлюбленную, «Разлука» (223), «Воспоминанія» (226), въ особенности полное тоскою любви, «Мой геній» (230) и «Пѣснь Гаральда Смѣлаго» (238), сдѣлавшаяся впослѣдствіи весьма распространеннымъ и модньшъ романсомъ. Но за то — ни одного реальнаго образа, такъ что нельзя составить яснаго и опредѣленнаго понятія о чувствѣ поэта. Это нераздѣленное чувство легло послѣднею скорбною тѣнью на жизнь поэта. Весьма можетъ быть, что оно было источникомъ религіознаго чувства, которое до тѣхъ поръ не проявлялось въ его стихахъ, хотя и въ этомъ случаѣ онъ беретъ чужіе мотивы. Такова его «Надежда» (I, 233) — явное подражаніе Жуковскому. Съ этого времени въ стихахъ его чаще проявляется желаніе смерти, мечта о гробѣ,

«Когда жъ струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?»

Таково его посланіе «Къ другу» (I, 235), проникнутое тѣмъ же скорбнымъ чувствомъ, передъ которымъ исчезаетъ прахомъ вся радость жизни:

«Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ,
Всѣ дни утратами считаемъ,

На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ
И что жъ?... Ихъ урны обнимаемъ!»

Рядомъ съ этимъ чувствомъ, слышится и сожалѣніе объ утратѣ таланта (I, 273—274) и вмѣстѣ съ тѣмъ то самолюбіе, которое составляло главное свойство внутренняго человѣка въ Батюшковѣ:

«Не можешь, гражданинъ, какъ пальма, дать плода?
Такъ будь съ кипарисомъ сходенъ:
Какъ онъ уединенъ, осанистъ и свободенъ!» (I, 297).

Это отрывокъ одного изъ самыхъ послѣднихъ стихотвореній Батюшкова. Здѣсь любопытно употребленное имъ слово: *гражданинъ*. Въ тѣ годы оно начинало только входить въ употребленіе, особенно между болѣе молодымъ поколѣніемъ. Слово занесено было къ намъ изъ Франціи, и понятіе, соединенное съ нимъ, выражало новое направленіе мысли общественной. Понятіе было плодомъ нашей «освободительной» войны и пребыванія во Франціи. «Болѣе просвѣщенные (офицеры) или тѣ, въ которыхъ таилось особое дарованіе, *успѣвали вынести отсюда новые залоги для своего развитія и дальнѣйшей дѣятельности*. Въ такомъ положеніи оказался и Константинъ Николаевичъ» (слова біографіи, 177). Батюшковъ говорилъ о себѣ: «лучшимъ возвращаюсь»; по біографіи онъ не остался вполнѣ чуждымъ и соціальнымъ вопросамъ. Въ Парижѣ онъ встрѣтился съ Н. Тургеневымъ и «провелъ съ нимъ нѣсколько пріятныхъ дней», но у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ для сужденія о томъ, насколько Батюшковъ раздѣлялъ убѣжденія и мысли о будущемъ отечества, которыя соединяли тогда лучшихъ, болѣе образованныхъ и талантливыхъ представителей молодого поколѣнія. Связей и общенія у него съ ними или не было вовсе, или доказательства ихъ существованія истреблены. Если переводъ извѣстнаго стихотворенія Шиллера «Судьба Одиссея» (I, 193), какъ всѣ переводы и подражанія Батюшкова, имѣетъ, какъ

это вполнѣ вѣрно доказываетъ Л. Н. Майковъ, близкое отношеніе къ его собственному настроенію, то намъ непонятно, почему русскій Одиссей «не позналъ отчизны». Напротивъ, онъ былъ въ полномъ восторгѣ и на родинѣ ничего не измѣнилось, какъ и онъ самъ остался тѣмъ же чѣмъ былъ, нисколько не тронутый новымъ. Этого нельзя не видѣть изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его стихотвореній и изъ отношеній его къ Никитѣ Муравьеву, сыну его благодѣтеля, единственному представителю молодого поколѣнія, знакомому ему съ дѣтства. Л. Н. Майковъ справедливо, по хронологическимъ соображеніямъ, отвергаетъ свидѣтельство Греча, что Батюшковъ, воротясь изъ Неаполя въ 1821 г., «узналъ отъ Никиты Муравьева о существованіи *тайныхъ замысловъ*» (а ихъ и вовсе не существовало до 1825 года, сколько можно судить по историческимъ даннымъ); «можетъ-быть ему и предложено было вступить въ союзъ... Онъ ужаснулся и сошелъ съ ума» (Записки, 406). Батюшковъ очень любилъ Муравьева и очень высокаго былъ о немъ мнѣнія: «Молодой Муравьевъ будетъ украшеніемъ Россіи, писалъ онъ къ Гнѣдичу, если пойдетъ по стопамъ своего отца. Умъ дѣльный, большія способности и сердце своего родителя съ пламенною душою матери: рѣдкое сочетаніе! Дай Богъ ему здоровья и успѣха! (III, 319). «Онъ слишкомъ благородно чувствуетъ», пишетъ онъ къ матери (336, 341); «познакомься покороче съ Муравьевымъ, совѣтуетъ онъ Жуковскому, съ рѣдкимъ человѣкомъ: онъ живой портретъ отца своего во многихъ отношеніяхъ, по сердцу и уму. Жаль, если его страсть къ наукѣ погаснетъ на службѣ: мы еще потеряемъ человѣка» (360). Муравьевъ состоялъ при Жомини и работалъ для него; Батюшковъ не совсѣмъ доволенъ этою сухою наукою, часто безплодною, и совѣтуетъ ему «не все жить въ лагерѣ, танцовать болѣе, выѣзжать, веселиться и писать по-русски» (411). Уваженіе къ молодому Муравьеву, по словамъ поэта въ 1818 г., возрастаетъ у него день ото дня (496). Но говорили ли они о «соціальныхъ вопросахъ» — не знаемъ. Рѣзкое противорѣчіе воззрѣній того и другого выступаетъ въ тѣхъ замѣткахъ

карандашемъ, которыя сдѣланы были Никитою Муравьевымъ на экземплярѣ «Опытовъ» Батюшкова, подаренномъ ему поэтомъ въ 1817 году (II, 444—445, 451, 526—528). Изъ этихъ любопытныхъ примѣчаній нельзя не вывести заключенія, что Муравьевъ нисколько не уважалъ Батюшкова и конечно разошелся съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Трудно судить о политическихъ убѣжденіяхъ поэта: онъ ихъ не высказываетъ; повидимому ихъ и нѣтъ. Если и прежде, до общаго поднятія мысли въ людяхъ, задумывавшихся о положеніи отечества, мы не находимъ ни въ сочиненіяхъ, ни въ письмахъ Батюшкова никакого намека на это положеніе, то и теперь его нѣтъ. Между тѣмъ все невольно обращало умъ въ эту сторону, заставляло его работать: и цѣлый рядъ вполнѣ безцѣльныхъ войнъ въ Европѣ, растратившій наши силы и разрушившій надолго финансы, приведшій насъ къ страшнымъ испытаніямъ войны отечественной, и миръ безъ славы и пользы, и печальное положеніе неустроенной страны. Никита Муравьевъ принадлежалъ къ числу этихъ объ общемъ благѣ задумывающихся людей. Между тѣмъ въ томъ, что напримѣръ Батюшковъ говоритъ въ концѣ своей статьи «Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи» (II, 140—141), мы читаемъ тѣ же мысли, которыя проповѣдывалъ въ то время великій учитель людей, негодовавшій на современное просвѣщеніе и науку — Жозефъ-де-Местръ, мы слышимъ рѣчи приближающейся реакціи, недовольной умственнымъ пробужденіемъ страны.

Мало касались мы въ нашей статьѣ собственно поэтическихъ и вообще литературныхъ произведеній Батюшкова именно потому, что ихъ значеніе, ихъ смыслъ и содержаніе подробно разработаны въ превосходной вступительной статьѣ «О жизни и сочиненіяхъ Батюшкова», принадлежащей редактору. Съ ея положеніями и выводами мы должны вполнѣ согласиться. Рѣдко можно встрѣтить въ нашей наукѣ исторіи литературы такую полную, всестороннюю монографію, посвященную одному изъ главныхъ представителей словесности —

до-Пушкинскаго періода. Если изложеніе фактовъ жизни поэта отличается полнотою, какая только была возможна при существующихъ условіяхъ этой полноты, то и историко-литературное значеніе его произведеній опредѣлено вполнѣ справедливо. Укажемъ, напримѣръ, на преобладающій поэтическій родъ у Батюшкова, на *антологическую поэзію* (poésies fugitives). Содержаніе этого рода стихотвореній у поэта, образцы, которымъ онъ подражалъ и особенности, ему принадлежащія, все это указано и тонко и вѣрно (Біографіи глава VII, 91—100). То же самое слѣдуетъ повторить объ отношеніяхъ Батюшкова къ Арзамасу и касательно значенія этого литературнаго общества (Глава XI, 242—258). Заключительныя страницы біографіи поэта (313—316), представляющія выводы цѣлаго, богатаго фактами изслѣдованія, посвящены опредѣленію значенія Батюшкова въ исторіи нашей поэзіи. Въ нихъ указано отношеніе Батюшкова къ предшествовавшему развитію, какъ по содержанію, такъ и по формѣ поэзіи, и къ послѣдующему. Справедливо смотритъ біографъ на Батюшкова, какъ на предшественника Пушкина и доказываетъ ихъ духовное родство. Не можемъ, къ сожалѣнію, согласиться съ уважаемымъ біографомъ въ томъ слишкомъ теоретическомъ опредѣленіи, что Батюшковъ былъ чистымъ художникомъ въ творчествѣ и за искусствомъ не признавалъ практическихъ цѣлей. Не станемъ говорить о томъ — хорошо это или дурно, но какой же поэтъ, создавая свои образы, думаетъ о практическихъ цѣляхъ своего творчества? Это происходитъ независимо отъ его воли. Быть сознательно чистымъ художникомъ, представителемъ исключительно, такъ называемой, «художественной поэзіи» по нашему мнѣнію невозможно; творить образы внѣ времени и пространства — нельзя. Можетъ-быть мы и ошибаемся, но убѣждены, что главный факторъ въ поэтическомъ творчествѣ — страна, родина поэта и содержаніе ея жизни; художественность — это внѣшнее, хотя и безусловно необходимое условіе поэтическаго созданія. Нѣтъ въ жизни страны возбуждающаго содержанія — творчество поэта уходитъ въ далекую отъ

нея область или въ звуки, выражающіе міръ личныхъ ощущеній, но въ самой полнотѣ этихъ звуковъ слышится уже содержаніе общей жизни. Поэтъ безсознательно долженъ выражать только то, что дано ему жизнью.

Изданіе сочиненій Батюшкова, въ примѣчаніяхъ ко всѣмъ тремъ томамъ его, даетъ такой обширный комментарій къ нимъ, что нельзя не поздравить читателя этой книги. Передъ нами точно изданіе древняго классика, сдѣланное трудолюбивымъ и превосходно знакомымъ съ нимъ нѣмецкимъ профессоромъ XVIII вѣка. Это чрезвычайно важное дополненіе къ біографіи. Для современнаго читателя Батюшковъ уже старый писатель; читать и изучать его будутъ только по профессіи тѣ, которымъ важно знакомство съ исторіей русской поэзіи или съ исторіей страны, выражающейся въ ея литературѣ. Весьма немногія стихотворенія Батюшкова доставляютъ непосредственное эстетическое наслажденіе. Для читателя поэтому необходимы объясненія, а ихъ такъ много, такой любопытный историко-критическій матеріалъ даютъ они, что изучать Батюшкова съ ними теперь легко. Для того однако, чтобы дать такой превосходный комментарій къ сочиненіямъ Батюшкова, необходимы были со стороны составителя не только глубокое знакомство съ сочиненіями самого Батюшкова, но и со всею и современною и предшествовавшею ему литературою, какъ русскою, такъ и обще-европейскою и часто классическою, такъ какъ Батюшковъ заимствовалъ и изъ нея; наконецъ — съ цѣлою эпохою. Это знакомство и обширно и глубоко въ одно время. Со стороны комментатора требовалось глубокое увлеченіе авторомъ, полное углубленіе въ его мысли, желаніе непремѣнно объяснить то, что хотѣлъ онъ сказать. Иногда этотъ комментарій походитъ на тонкую работу ювелира. Приведемъ, между множествомъ такого рода объясненій, напр. одно, сдѣланное къ статьѣ Батюшкова «Путешествіе въ замокъ Сирей» (стр. 72, II, 407—408) по поводу имени Агнесы или другое — объ источникахъ статьи Батюшкова «Мысли», въ первый разъ перепечатанной въ разбираемомъ изданіи (II, 394),

но мы боимся дальнѣйшими указаніями еще болѣе расширить нашу рецензію, и безъ того длинную. Невольно представляется намъ въ лицѣ г. Майкова идеальный комментаторъ эпохи Возрожденія, какъ изображенъ онъ въ извѣстномъ портретѣ Эразма Роттердамскаго, сдѣланномъ кистью Гольбейна, съ тонко сжатыми губами, съ проницательнымъ взоромъ, устремленнымъ въ книгу, съ перомъ въ длинныхъ изящныхъ пальцахъ.

Не говоря о томъ, что каждый европейскій писатель, имя котораго почему-либо встрѣчается въ сочиненіяхъ Батюшкова, непремѣнно, въ краткихъ біографическихъ свѣдѣніяхъ и по отношенію къ нашему поэту, объясненъ въ комментаріяхъ, исторія русской литературы чрезвычайно выигрываетъ отъ сихъ послѣднихъ. Кому не извѣстенъ недостатокъ біографическихъ словарей, которыми она страдаетъ. Словарь митрополита Евгенія давно устарѣлъ; словарь Геннади остановился на буквѣ М; словарикъ г. Андреева — слишкомъ недостаточенъ; трудъ г. Венгерова — весь въ будущемъ. А между тѣмъ, какъ важны и необходимы такія пособія. Всѣ три тома сочиненій Батюшкова, въ примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ къ нимъ, даютъ намъ 75 біографій русскихъ писателей, имена которыхъ, какъ современниковъ Батюшкова, почему-либо упоминаются въ изданіи. Очень много въ свѣдѣніяхъ, вошедшихъ въ эти біографіи, новаго и неизвѣстнаго, добытаго усерднымъ и внимательнымъ разысканіемъ, а извѣстное соединено въ одно цѣлое и снабжено точными библіографическими указаніями. Изъ этихъ 75 біографій 35 принадлежатъ Л. Н. Майкову (изъ нихъ самыя обширныя: кн. Б. В. Голицына, кн. И. М. Долгорукова, Жихарева, И. М. Муравьева-Апостола, Нелединскаго-Мелецкаго, А. М. Пушкина, В. Л. Пушкина). Остальныя 40 біографій составлены г. Саитовымъ. Справедливость требуетъ сказать объ этомъ біографическомъ и библіографическомъ трудѣ г. Саитова, что онъ исполненъ съ большимъ тщаніемъ и доказываетъ въ авторѣ обширныя свѣдѣнія и большую начитанность въ произведеніяхъ писателей, современныхъ Батюшкову, и въ тогдашней журнальной литературѣ. Изъ біографій, составленныхъ г. Саитовымъ, особенною полнотою содержанія отличаются біографіи слѣдующихъ лицъ: Беницкаго, Боброва, Дашкова, Капниста, Лобанова, М. Н. Муравьева, Н. М. Муравьева, Озерова, Н. А. Радищева (сына), А. И. Тургенева, кн. Шаликова и кн. Шаховского. Это совершенно отдѣльный трудъ, годный самъ по себѣ, и мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые упрекаютъ г. Саитова за излишнія длинноты, за цитированные отрывки изъ писемъ Батюшкова, когда можно сослаться на страницы, гдѣ они напечатаны, на иностранные стихи и прозу и пр. (Русская Старина, т. LIV, стр. 545—546). Въ этихъ комментаріяхъ нѣтъ ничего общаго съ тѣми, какими снабдилъ Гарусовъ свое изданіе «Горе отъ Ума». Одно жаль, что для знакомства съ ними надобно покупать три тома сочиненій Батюшкова, а это не всякому по карману.

Соображая въ заключеніе все высказанное мною въ разныхъ частяхъ этой рецензіи съ тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ, которое я вынесъ изъ внимательнаго изученія изданія сочиненій Батюшкова, я пришелъ къ убѣжденію (позволяю себѣ надѣяться, что оно раздѣляется и членами Отдѣленія русскаго языка и словесности), что трудъ Л. Н. Майкова, какъ редактора изданія, долженъ быть признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ и награжденъ полною премією А. С. Пушкина, размѣръ которой указанъ въ § 4 Положенія объ этихъ преміяхъ.

Комиссія, соглашаясь съ мнѣніемъ рецензента, признала съ своей стороны, что вполнѣ справедливый отзывъ профессора Булича объ участіи г. Саитова въ этомъ трудѣ даетъ ему право на установленную въ правилахъ поощрительную премію.

II.

Въ Сумеркахъ. Разсказы и очерки Н. Чехова. Спб. 1887 г. (Разборъ А. Ѳ. Бычкова).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали появляться въ разныхъ ежедневныхъ газетахъ небольшіе разсказы г. Чехова, предметомъ для которыхъ служили явленія обыденной жизни. Эти разсказы, несмотря на то, что наскоро читались и быстро были позабываемы, тѣмъ не менѣе обнаруживали въ авторѣ и наблюдательность и умѣнье живо и естественно передавать подмѣченное, почти исключительно впрочемъ съ цѣлью вызвать улыбку въ читателѣ. Въ 1886 году вышли въ свѣтъ его «Пестрые разсказы». Книга подъ этимъ заглавіемъ содержала въ себѣ разсказы и очерки, частію уже напечатанные, частію новые, въ числѣ которыхъ было нѣсколько очень милыхъ, обратившихъ на себя общее вниманіе. Съ этого времени критики начали усматривать въ г. Чеховѣ большой талантъ. Въ слѣдующемъ 1887 г. явился новый сборникъ г. Чехова, носящій заглавіе: «Въ сумеркахъ. Разсказы и очерки». О достоинствѣ разсказовъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, мнѣ предстоитъ дать отчетъ. Всѣхъ разсказовъ помѣщено въ книгѣ 16-ть. Они, какъ и прежніе, небольшаго объема и въ нихъ точно такъ же виденъ несомнѣнный талантъ въ изображеніи картинъ природы и бытовыхъ сценъ, а иногда даже въ художественной выдержанности характеровъ дѣйствующихъ лицъ, замѣчается искусство нерѣдко одной чертою дополнить картину, сообщить читателю то, что происходило между дѣйствующими лицами ранѣе того момента, о которомъ идетъ рѣчь. Но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что дарованіе автора употреблено на такіе незначительныя вещицы, которыя болѣе

или менѣе носятъ слѣды случайности, въ которыхъ чувствуется, что онъ передаетъ то, что попалось ему на глаза, что остановило его вниманіе въ разсказѣ того или другого лица.

Лучшіе по достоинству изъ разсказовъ тѣ, которые имѣютъ сравнительно большій объемъ, именно: «Вѣрочка», «Несчастіе», «Агаѳья» и «Святою ночью».

Содержаніе разсказа «Вѣрочка» самое обыкновенное, весьма часто повторяющееся въ жизни. Молодая дѣвушка Вѣра Гавриловна Кузнецова, дочь предсѣдателя земской управы, человѣка пожилыхъ лѣтъ, полюбила Ивана Александровича Огнева, пріѣхавшаго въ одинъ изъ нашихъ глухихъ уѣздовъ для собиранія статистическихъ свѣдѣній. Огневъ во все время своей командировки и дневалъ и ночевалъ въ усадьбѣ Кузнецова, нерѣдко бесѣдовалъ и совершалъ прогулки съ Вѣрой Гавриловной, не оказывая ей особеннаго вниманія, а между тѣмъ чувство любви къ нему не только зародилось въ грудь дѣвушки, но и постепенно разросталось, хотя оно съ ея стороны не было ничѣмъ обнаруживаемо. Наконецъ наступило время Огневу разстаться съ гостепріимнымъ кровомъ, и вотъ въ послѣднія минуты его пребыванія въ усадьбѣ совершенно неожиданно для него разыгралась исторія. Онъ уже простился съ старикомъ и направился въ городъ, какъ у садовой калитки повстрѣчался съ Вѣрою Гавриловною. «Они пошли по дорогѣ. Деревья не заслоняли простора и можно было видѣть небо и даль. Точно прикрытая вуалью, вся природа пряталась за прозрачную матовую дымку, сквозь которую весело смотрѣла ея красота; туманъ, что погуще и побѣлѣе, неравномѣрно ложился около копенъ и кустовъ, или клочьями бродилъ черезъ дорогу, жался къ землѣ и какъ будто старался не заслонять собой простора. Сквозь дымку видна была вся дорога до лѣса съ темными канавами по бокамъ и съ мелкими кустами, которые росли въ канавахъ и мѣшали бродить туманнымъ клочьямъ. Въ полуверстѣ отъ калитки темнѣла полоса кузнецовскаго лѣса». Долго шли молодые люди молча, если не считать незначительныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, которыми они перебрасы-

вались. Наконецъ они дошли до небольшого узкаго мостика, который находился въ 20 шагахъ отъ лѣса.

«Ну, вотъ и мостикъ! сказалъ Огневъ. Тутъ вамъ поворачивать назадъ... Вѣра остановилась и перевела духъ.

— Давайте посидимъ, сказала она, садясь на одинъ изъ столбиковъ.— Передъ отъѣздомъ, когда прощаются, обыкновенно всѣ садятся.

Огневъ примостился возлѣ нея на своей вязкѣ книгъ и продолжалъ говорить. Своими участливыми вопросами о состояніи ея здоровья и о причинѣ грусти, видимой, на ея лицѣ, Огневъ вызвалъ въ дѣвушкѣ признаніе, что она его любитъ. «Я... я люблю васъ!» и полилась неудержимымъ потокомъ ея горячая рѣчь, такъ долго таившаяся въ умѣ и сердцѣ; а онъ, сдержанный и холодный, нисколько не ожидавшій признаній, полный страха, чтобы не увлечься дѣвушкой, въ отвѣтъ на ея слова забормоталъ: «Я, Вѣра Гавриловна, очень благодаренъ вамъ, хотя чувствую, что ничѣмъ не заслужилъ такого... съ вашей стороны... чувства. Во-вторыхъ, какъ честный человѣкъ, я долженъ сказать, что... счастье основано на равновѣсіи, то-есть когда обѣ стороны ...одинаково любятъ... «Я васъ настолько уважаю, что ...мнѣ больно!»

Этого было достаточно для дѣвушки; она сразу поняла, что въ избранникѣ ея сердца нѣтъ ни искры любви къ ней — и всѣ мечты ея мгновенно разлетѣлись. Вѣра стала вдругъ серьезной, поблѣднѣла, поникла головой, рѣзко повернулась и быстро пошла назадъ къ усадьбѣ.

Огневъ послѣдовалъ за нею; на всѣ его жалкія слова она отвѣчала молчаніемъ, и только у калитки она мелькомъ взглянула на него и, согнувшись, кутаясь въ платокъ, быстро пошла по аллеѣ.

А Огневъ постарался убѣдить себя, что нельзя же насильно полюбить, и только тогда, «когда скрылась Вѣра, ему стало казаться, что онъ потерялъ что-то очень дорогое, близкое, чего уже не найти ему. Онъ чувствовалъ, что съ Вѣрой ускользнула

отъ него часть его молодости и что минуты, которыя онъ такъ безплодно пережилъ, уже болѣе не повторятся».

Но этотъ проблескъ чувства у Огнева продолжался не долго; его быстро смѣнила себялюбивая разсудительность и, отыскивая причину своей холодности къ дѣвушкѣ, онъ незамѣтно дошелъ до города. «Войдя къ себѣ въ комнату, Иванъ Александровичъ опустился на постель и долго, долго глядѣлъ на огонь, потомъ встряхнулъ головой и сталъ укладываться». Вотъ сжатое содержаніе разсказа, изложеннаго авторомъ просто, тепло и психологически вѣрно: онъ сумѣлъ проникнуть въ тайникъ душевныхъ движеній двухъ выведенныхъ имъ дѣйствующихъ лицъ, и надо сказать съ большимъ искусствомъ и въ высшей степени правдоподобно — а въ этомъ заключается мастерство художника — изобразилъ борьбу, которая происходила въ душѣ дѣвушки, пока она не произнесла роковыхъ для нея словъ: «я васъ люблю».

Единственно въ чемъ можно упрекнуть автора, такъ это въ томъ, что онъ совершенно не коснулся отношеній Огнева къ Вѣрѣ Гавриловнѣ, предшествовавшихъ ея признанію, которое такимъ образомъ является совершенною неожиданностію. Вслѣдствіе этого и весь разсказъ представляется эпизодомъ, запмствованнымъ изъ цѣлой бытовой эпопеи, къ которому какъ-то искуственно приставлено вступленіе.

Къ числу удачныхъ психологическихъ этюдовъ можно также причислить «Несчастье». Главными дѣйствующими лицами въ немъ являются Софья Петровна Лубянцова, молодая красивая женщина, и присяжный повѣренный Ильинъ, старинный ея пріятель и сосѣдъ по дачѣ. Ильинъ упорно ухаживаетъ за Лубянцовою; она проситъ его оставить ее въ покоѣ, проситъ остаться друзьями; но всѣ ея доводы, всѣ ея просьбы ни къ чему не приводятъ. Мало по малу Лубянцова, незамѣтно для себя самой, увлекается Ильинымъ, но, желая остаться вѣрною и доброю матерью, ищетъ опоры у мужа, но ее не находитъ. Такимъ образомъ послѣдняя ея надежда рушилась, и она подъ вліяніемъ страсти вышла изъ дома. Непреодолимая сила гнала ее, она за-

дыхалась, сгорала отъ стыда, но то, что толкало ее впередъ, было сильнѣе и стыда ея, и разума, и страха. Ростъ страсти Лубянцовой къ Ильину, борьба между долгомъ и увлеченіемъ подмѣчены и переданы весьма вѣрно.

Нѣжная задушевность и особенная теплота чувства замѣчаются въ разсказѣ «Святою ночью». Содержаніе его не сложно, просто и состоитъ болѣе въ описаніи чѣмъ въ дѣйствіи. Авторъ пожелалъ переправиться черезъ рѣку Голтву въ монастырь, чтобы присутствовать при торжественномъ богослуженіи въ день Пасхи. При переѣздѣ на поромъ черезъ рѣку, авторъ вступилъ въ разговоръ съ послушникомъ Іеронимомъ, на котораго возложена обязанность перевозчика. Іеронимъ между прочимъ сообщилъ о смерти іеродіакона Николая и въ грустномъ настроеніи отъ этой потери вспоминаетъ съ особенною любовію объ его прекрасныхъ качествахъ и добромъ сердцѣ. Въ числѣ другихъ качествъ покойникъ имѣлъ даръ писать акаѳисты, и въ доказательство этого и трудности ихъ составленія Іеронимъ приводитъ нѣсколько примѣровъ. «Нужно, чтобъ все было стройно, кратко и обстоятельно, говорилъ Іеронимъ. Надо, чтобъ въ каждой строчечкѣ была мягкость, ласковость и нѣжность, чтобъ ни одного слова не было грубаго, жесткаго или несоотвѣтствующаго. Такъ надо писать, чтобъ молящійся сердцемъ радовался и плакалъ, а умомъ содрогался и въ трепетъ приходилъ. Въ Богородичномъ акаѳистѣ есть слова: «Радуйся, высото неудобовосходимая человѣческими помыслы; радуйся, глубино неудобозримая и ангельскима очима!» Въ другомъ мѣстѣ того же акаѳиста сказано: «Радуйся, древо свѣтло плодовитое, отъ него же питаются вѣрніи; радуйся, древо благосѣннолиственное, имъ же покрываются мнози! Древо свѣтлоплодовитое... древо благосѣннолиственное»... Найдетъ же такія слова! Дастъ же Господь такую способность! Для краткости много словъ и мыслей пригонитъ въ одно слово, и какъ это у него все выходитъ плавно и обстоятельно! «Свѣтоподательна свѣтильника сущимъ»... сказалъ въ акаѳистѣ къ Іисусу Сладчайшему. Свѣтоподательна! Слова такого нѣтъ ни въ разговорѣ, ни въ книгахъ, а вѣдь придумалъ же его, нашелъ въ умѣ своемъ!» Никто, надѣюсь, не станетъ отрицать, что такова и должна была быть рѣчь у послушника, проникнутаго благоговѣніемъ къ составителю акаѳистовъ. Изъ этого же разсказа приведу прекрасное описаніе Голтвы и ночи на Великій день: «Въ обыкновенное время Голтва представляетъ изъ себя рѣченку средней руки, молчаливую и задумчивую, кротко блистающую изъ-за густыхъ камышей, теперь же предо мной разстилалось цѣлое озеро. Разгулявшаяся вешняя вода перешагнула оба берега и далеко затопила оба побережья, захвативъ огороды, сѣнокосы и болота, такъ что на водной поверхности не рѣдкость было встрѣтить одиноко торчащіе тополи и кусты, похожіе въ потемкахъ на суровые утесы».

«Было темно... Міръ освѣщался звѣздами, которыя всплошную усыпали все небо. Не помню, когда въ другое время я видѣлъ столько звѣздъ. Ради праздничнаго наряда вышли онѣ на небо всѣ до одной, отъ мала до велика, умытыя, обновленныя, радостныя, и всѣ до одной тихо шевелили своими лучами. Небо отражалось въ водѣ, звѣзды купались въ темной глубинѣ и дрожали вмѣстѣ съ легкой зыбью. Въ воздухѣ было тепло и тихо».

Не дурны также слѣдующіе разсказы, находящіеся въ разсматриваемомъ сборникѣ: «Мечты», въ которомъ дѣйствующими лицами являются не помнящій родства бродяга и двое сотскихъ его сопровождающихъ; «На судѣ» — вѣрный списокъ съ дѣйствительности, къ сожалѣнію какъ-то круто обрывающійся; «Кошмаръ», въ которомъ весьма рельефно очерчена фигура отца Якова, занимающаго мѣсто въ бѣдномъ приходѣ, едва доставляющемъ ему средства, чтобы не умереть съ голода. Находясь въ постоянной борьбѣ съ нуждою, отецъ Яковъ равнодушно выслушиваетъ предложеніе Кунина, молодаго человѣка, вернувшагося изъ Петербурга въ свое Борисово, относительно заведенія церковно-приходской школы, является растеряннымъ отъ желанія скрыть свою бѣдность и вслѣдствіе этого едва не лишается мѣста и черстваго куска хлѣба.

Менѣе удачны разсказы: «Пустой случай», «Событіе» и «Вѣдьма». Въ этомъ послѣднемъ изображена неприглядная жизнь молодой дьячихи, которую мужъ считаетъ за вѣдьму, чѣмъ и объясняетъ поднявшуюся вьюгу и пріѣздъ на ночлегъ сбившейся съ дороги почты, сопровождаемой почталіономъ, радушно принятымъ дьячихой.

Подведу итогъ всему сказанному. Книга подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ» свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ талантѣ г. Чехова; въ разсказахъ, въ ней помѣщенныхъ, много наблюдательности и искренности; выведенныя въ нихъ лица отличаются жизненною правдою; встрѣчаются между разсказами художественно исполненные, но также дѣланные и придуманные («Вѣдьма»), растянутые («Простой случай») и безсодержательные («Событіе»); языкъ живой и правильный, хотя иногда попадаются неточныя и неправильныя выраженія, какъ напримѣръ: на травѣ висятъ тусклыя, недобрыя слезы (стр. 3), прекрасно симулировалъ влюбленнаго (стр. 23), гдѣ бы я могъ сгодиться (стр. 25), и утеряетъ для него навсегда свое реальное значеніе (стр. 83), внутри все сарайно (стр. 103), такова ужъ планида русскаго лица (стр. 134), когда я подъ столомъ пѣшкомъ ходилъ (стр. 146), большая шестиглавая церковь съ поржавленной крышей (стр. 163) и др.

Выше я привелъ нѣсколько прелестныхъ описаній природы; позволяю себѣ присоединить къ нимъ, въ доказательство умѣнья Чехова живописать природу и подмѣчать въ ней разнообразіе явленій, другое описаніе тумана изъ разсказа «Мечты».

«Путники давно уже идутъ, но никакъ не могутъ сойти съ небольшого клочка земли. Впереди ихъ саженъ пять грязной, чернобурой дороги, позади столько же, а дальше, куда ни взглянешь, непроглядная стѣна бѣлаго тумана. Они идутъ, идутъ, но земля все та же, стѣна не ближе, и клочокъ остается клочкомъ. Мелькнетъ бѣлый, угловатый булыжникъ, буракъ или охапка сѣна, оброненная проѣзжимъ, блеснетъ не надолго большая мутная лужа, а то вдругъ неожиданно впереди покажется тѣнь съ

неопредѣленными очертаніями; чѣмъ ближе къ ней, тѣмъ она меньше и темнѣе, еще ближе — и передъ путниками вырастаетъ погнувшійся верстовой столбъ съ потертой цифрой, или же жалкая березка, мокрая, голая, какъ придорожный нищій. Березка пролепечетъ что-то остатками своихъ желтыхъ листьевъ, одинъ листокъ сорвется и лѣниво полетитъ къ землѣ... А тамъ опять туманъ, грязь, бурая трава по краямъ дороги».

Принимая во вниманіе достоинства сборника разсказовъ г. Чехова, подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ», я, несмотря на нѣкоторые въ нихъ недостатки, мною указанные, считаю его заслуживающимъ почетнаго отзыва и даже поощрительной преміи, если этому не будетъ препятствовать пунктъ *б* § 9 Правилъ.

Комиссія, усматривая изъ этой рецензіи, что разсказы г. Чехова, хотя и не вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ высшей художественной критики, представляютъ однакоже выдающееся явленіе въ нашей современной беллетристической литературѣ, позволяющее надѣяться, что авторъ въ дальнѣйшемъ развитіи своего таланта сумѣетъ избѣжать отмѣченныхъ въ его трудѣ слабыхъ сторонъ, — нашла возможнымъ присудить ему половинную Пушкинскую премію.

III.

Тартюфъ. Комедія Мольера. Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачева. Спб. 1887. (Разборъ Алексѣя Н. Веселовскаго).

Изъ всей группы важнѣйшихъ произведеній Мольера «Тартюффу» особенно посчастливилось въ русской литературѣ; переводы, подражанія и переложенія безостановочно слѣдуютъ одни за другими съ той поры, какъ этой пьесѣ пришлось украсить собой въ прошломъ столѣтіи (въ переводѣ Ивана Кропотова) репертуаръ только что зарождавшагося постояннаго русскаго театра. Одна изъ задачъ переводной работы, — ознакомленіе отечествен-

ной публики хотя бы въ общихъ чертахъ съ лучшими созданіями творчества другихъ народовъ, — въ данномъ случаѣ давно выполнена, и типъ Тартюффа, усвоенный и нашею словесностью, еще болѣе утвердился въ своемъ общечеловѣческомъ значеніи. Но въ то время, какъ переводы мольеровской комедіи, и стихотворные и прозаическіе, осуществляли эту задачу и въ болѣе или менѣе удачной формѣ передавали духъ пьесы, довольно непринужденно относясь къ тому, что считали второстепенными подробностями, изученіе мольеровскаго текста, объясненіе художественныхъ достоинствъ комедіи, ея соціальнаго значенія, ея связей съ личною исторіею автора такъ сильно подвинулись впередъ на Западѣ, что несовершенство «приблизительныхъ» переводовъ и слишкомъ поверхностнаго отношенія къ дѣлу стало особенно ощутительнымъ. Теперь уже недостаточно умѣнья передать въ легкозвучныхъ и остроумныхъ стихахъ довольно схожій силуэтъ знаменитой комедіи. Критика въ правѣ предъявить ея перелагателю сложныя и вѣскія требованія.

Французскій языкъ 17-го вѣка во всей его своеобразности и въ частности языкъ Мольера (къ которому давно есть особые словари Женена, Ливе и др.) достаточно уже изслѣдованы, чтобъ можно было ожидать отъ переводчика вполнѣ точной передачи мольеровской мысли, юмора, оригинальныхъ слоговыхъ пріемовъ. Разнообразные и тонкіе оттѣнки въ діалогѣ, то притворно умиленномъ и смиренномъ въ рѣчахъ Тартюффа, то задорно бойкомъ въ устахъ Дорины, то полномъ достоинства у Эльмиры, то искренно возмущенномъ въ рѣчахъ Клеанта, проявляютъ великое мастерство Мольера въ обрисовкѣ характеровъ,—и критика не удовлетворится однообразнымъ, хотя бы живымъ и комическимъ колоритомъ всѣхъ безъ исключенія рѣчей. Она давно отгадала, въ какихъ мѣстахъ пьесы всего полнѣе выразился замыселъ сатирика, его завѣтныя убѣжденія; она помнитъ, что нѣкоторыя особенно мѣткія изреченія стали всесвѣтными поговорками, что у другихъ выраженій, искусно заимствованныхъ и переработанныхъ, есть цѣлая литературная исторія, дѣлающая ихъ столь же

неприкосновенными, — и потребуетъ точной передачи всѣхъ подобныхъ выдающихся мѣстъ. Она располагаетъ достаточными данными для опредѣленія отношеній пьесы къ современной ей жизни, указывающими, на какія ея стороны, частныя явленія, даже отдѣльныя лица направлена была сатира; точно такъ же раскрытая теперь исторія гоненій, воздвигнутыхъ на пьесу, обозначила въ ней сочтенныя нѣкогда наиболѣе опасными и потому особенно заслуживающія обстоятельной передачи заявленія автора. Для полнаго пониманія «Тартюффа» всѣ эти историческія и общественныя черты столь же важны, какъ и художественныя красоты.

Несомнѣнная трудность сочетанія такого точнаго воспроизведенія пьесы съ прихотливыми требованіями стихотворной формы, конечно, не можетъ быть упущена изъ виду, но и ради нея критика не въ правѣ понизить или ослабить своихъ требованій; она сознаетъ, что и по отношенію къ подобному труду въ правѣ вмѣстить лишь тотъ, кто дѣйствительно вмѣститъ, и что новое переложеніе классическаго произведенія ни для кого не обязательно. Или передъ нами пьеса, потрясшая до основанія современное ей общество и занимающая почетное мѣсто въ лѣтописи просвѣтительнаго движенія, или это — заурядное произведеніе, съ которымъ особыя предосторожности излишни. Что сказали бы мы о переводѣ *Горе отъ ума*, въ которомъ благородный тонъ негодующихъ рѣчей Чацкаго былъ бы низведенъ до водевильной развязности, а заключительный монологъ третьяго акта или протестъ противъ сужденія «временъ очаковскихъ» были выпущены или стушеваны до блѣднаго отпечатка? Между тѣмъ со многими изъ великихъ произведеній Мольера, въ которыя онъ также вложилъ всю свою душу, которыя (какъ именно «Тартюффа») онъ потомъ еще болѣзненнѣе выстрадалъ, обращаются часто нисколько не лучше. Наши переводчики Шекспира уже прониклись убѣжденіемъ въ необходимости постоянныхъ справокъ съ комментаторами и біографами, и ихъ работы значительно выше переложеній Мольера, въ которыхъ еще господствуетъ дилетантизмъ, недостойный богатой и уважающей себя литературы.

Задача, поставленная себѣ г. Лихачевымъ, была такимъ образомъ далеко не изъ легкихъ. Выступая послѣ многихъ предшественниковъ переводчикомъ «Тартюффа», онъ повидимому не имѣлъ въ виду умножить только число легко читающихся переложеній, но (судя по заботливой передачѣ многихъ мѣстъ) стремился облечь въ возможно болѣе безупречную русскую форму созданіе поэта, сохраняя духъ и сущность комедіи. Анализъ его работы покажетъ, въ какой степени онъ достигъ этой цѣли и выполнилъ выставленныя нами выше требованія исторической и художественной критики.

Очевидно, не послѣднюю заботу составляла выработка непринужденной разговорности слога; цѣль прекрасная, потому что въ подобныхъ случаяхъ у насъ часто встрѣчается какая-то чопорная размѣренность выраженій, какъ будто налагающая отпечатокъ псевдо-классической правильности на діалогъ Мольера, тогда какъ онъ на дѣлѣ гибокъ, свободенъ и рвется на встрѣчу живому народному говору. Въ общемъ эта цѣль достигнута: переводъ читается легко, діалогъ естественно и быстро развивается, что̀ особенно пригодно будетъ при сценическомъ исполненіи. Но у этой жизненности и простоты есть, однако, обратная сторона: они развились въ ущербъ отмѣченному уже нами разнообразію оттѣнковъ, и кромѣ того носятъ скорѣе національно-русскій отпечатокъ. Уже въ мольеровскихъ переводахъ г. Минаева замѣтно было такое же стремленіе какъ бы обрусить оригиналъ; средствомъ для этого было выбрано усвоеніе грибоѣдовскаго стиха. Г. Лихачевъ идетъ по тому же пути (вотъ, на выдержку, слова Дамиса: «Ахъ, батюшка! Лишь васъ недоставало! Пожалуйте поближе: есть у насъ новинка свѣжая для васъ»). Иногда, какъ напримѣръ въ рѣчахъ субретки Дорины, этой родной сестры грибоѣдовской Лизы, это и не нарушаетъ правдивости тона, въ другихъ же случаяхъ часто вызываетъ впечатлѣніе, противоположное намѣреніямъ автора. Такъ Клеантъ задуманъ Мольеромъ не только какъ представитель здраваго смысла, потѣшающійся надъ ограниченностью и довѣрчивостью Оргона, и по временамъ вста-

вляющій острое словцо; въ его защиту терпимости мнѣній, въ проводимое имъ тонкое разграниченіе истинной религіозности отъ ханжества, въ его негодованіе на козни лицемѣровъ авторъ намѣренно вложилъ глубокую серьезность убѣжденія, горячность возмущенной душевной порядочности; онъ сдѣлалъ его глашатаемъ новыхъ взглядовъ просвѣщеннаго меньшинства, и прежде всего выразителемъ мнѣній самого поэта. Не даромъ Оргонъ называетъ его строгимъ судьею, un oracle, un Caton dans le siècle où nous sommes» (слова, совсѣмъ не переведенныя г. Лихачевымъ). Въ переводѣ еще удержанъ болѣе достойный тонъ въ положительныхъ заявленіяхъ этого дѣйствующаго лица, хотя (какъ будетъ показано ниже) они почему-то значительно сокращены; въ остальныхъ же частяхъ своихъ роль эта сбивается скорѣе на типъ комическаго резонера, говорящаго колкости или издѣвающагося надъ чужою неумѣлостью:

Къ чему же крайности? И кто же виноватъ,
Что плуту въ руки ты попался?
Согласенъ я, жестоко ты нарвался...
Своей бѣдѣ никто не радъ...
Тартюффа и кляни! При чемъ же здѣсь другіе?

говоритъ Клеантъ. Дамиса онъ старается образумить слѣдующими словами:

Постой, постой! Ты молодъ и горячъ...
Одумайся, поохладись немного—
И кулаки подальше спрячь!
Не тѣ, братъ, времена: за драку взыщутъ строго.

Когда же послѣ такихъ совѣтовъ, какъ будто взятыхъ изъ какой-нибудь комедіи Островскаго, Клеантъ вспоминаетъ о назначеніи своемъ, какъ моралиста, онъ выражается иногда темно и непонятно:

Къ чему? Скажите, ужъ не вы ли
Къ намъ посланы *небеснымъ палачомъ?*

Въ нѣсколько меньшей степени тотъ же недостатокъ,—какое-то пониженіе тона роли, замѣтенъ и въ обрисовкѣ переводчикомъ Эльмиры. Мольеръ хотѣлъ показать въ ней гармонически уравновѣшенную, полную женственности натуру; Эльмира развита не по своей средѣ, вполнѣ подъ стать своему брату Клеанту; она поняла ничтожность мужа, но во имя долга сноситъ его капризы, недовольство свекрови и трудное положеніе молодой мачехи при взрослыхъ дѣтяхъ; на вынужденное кокетство съ Тартюффомъ она идетъ, едва осиливая чувство брезгливости. Ея оговорки передъ сценой послѣдняго объясненія съ лицемѣромъ (актъ IV, сц. 4) живо рисуютъ ея встревоженную стыдливость. Лишь приблизительно переданы въ переводѣ всѣ эти черты характера, и въ разговорѣ Оргона съ Эльмирой незамѣтно коренного различія между ихъ личностями и уровнемъ развитія. Въ складѣ рѣчей Оргона болѣе соотвѣтствія съ подлинникомъ, хотя можно бы пожелать, чтобъ и комизмъ этого упрямаго простака не доходилъ до слишкомъ потѣшной крайности. Съ одной стороны не нужно забывать, что Оргонъ вовсе не первый попавшійся зажиточный мѣщанинъ, замкнутый въ своемъ узкомъ міркѣ: повидимому онъ только что покинулъ службу и своимъ поведеніемъ во время междоусобій обратилъ на себя особое вниманіе короля. Долженъ же быть какой-нибудь оттѣнокъ между нимъ и комическимъ старикомъ итальянской commedia dell'arte! Съ другой стороны въ томъ же характерѣ, который своими проявленіями часто вызываетъ усмѣшку, необходимо оставить какой ни на есть уголокъ чувству набожности, на которое подѣйствовалъ Тартюффъ и тѣмъ плѣнилъ его; усиливая комическія краски, рискуешь сдѣлать непонятнымъ это увлеченіе, на которомъ собственно зиждется вся пьеса.

Въ передачѣ рѣчей самого Тартюффа, конечно, главное вниманіе должно быть обращено на усвоеніе особенностей клерикальнаго *жаргона* семнадцатаго вѣка. Мольеръ не вложилъ въ уста своего героя только вообще сообразныя съ его характеромъ выраженія, а надѣлилъ его всѣми пріемами современнаго піэтизма, цѣломудреннымъ жеманствомъ шайки святошъ, съ которой боролся, и любимыми словечками іезуитскихъ брошюръ, которыя осмѣивалъ. У Тартюффа не сходятъ съ устъ упоминанія о Небѣ (le Ciel), часто поставленныя въ совершенно неожиданныя и неподходящія сочетанія; онъ вѣчно въ борьбѣ съ грѣхомъ, «умерщвляетъ свою плоть», ссылается на высшія велѣнія, говоритъ о готовности на самозаклапіе;—когда же нужно «войти съ Небомъ въ сдѣлку» и оправдать грѣхъ, онъ опять почерпаетъ готовыя сентенціи изъ нравоучительныхъ книгъ отталкивающаго фарисейскаго направленія. Подобно Паскалю, Мольеръ старательно изучилъ ихъ и превосходно подражалъ ихъ слогу. Всѣ эти черты, важныя сами по себѣ, должны быть сохранены въ переводѣ уже потому, что отъ Тартюффа перешли и на его клевретовъ и на невинную его жертву и стали такимъ образомъ отличительнымъ признакомъ цѣлой группы лицъ. Слуга ипокрита говоритъ (по словамъ Дорины) въ томъ же духѣ; судебный приставъ Loyal, очевидно, одинъ изъ членовъ той же всюду развѣтвившейся *кабалы*, является съ медоточивыми извиненіями выгонять Оргона изъ дому; Дорину онъ величаетъ «своею сестрою», точно монахиню; уходя, онъ оставляетъ повѣстку, возглашая «le Ciel vous tienne tous en joie!» Оргонъ также не отстаетъ отъ Тартюффа въ этомъ отношеніи; въ отвѣтъ на отчаянное заявленіе дочери, что она скорѣе пойдетъ въ монастырь, чѣмъ замужъ за постылаго человѣка, онъ рѣшаетъ, что она должна «умертвить плоть свою (mortifier ses sens) этимъ бракомъ.

Переводчикъ далеко не всегда обращалъ вниманіе на этотъ тонкій умыселъ автора. Тамъ, гдѣ клерикальныя ужимки проявлялись у второстепенныхъ лицъ, онъ ихъ не подчеркивалъ; такъ Loyal уходитъ со сцены безъ всякаго ханжеского восклицанія, а появляется на ней съ развязностью опытнаго пристава: «Здорово, душенька! Я съ бариномъ твоимъ увидѣться бъ хотѣлъ», говоритъ онъ. Оргонъ вовсе не упоминаетъ о наказаніи плоти, да и самый глаголъ *mortifier*, пропущенный здѣсь, въ другомъ случаѣ (актъ III, сц. 6) понятъ былъ переводчикомъ въ

смыслѣ полнаго умерщвленія человѣка («паду я мертвый передъ вами»=le Ciel me veut mortifier en cette occasion). Языкъ самого Тартюффа гораздо тщательнѣе отдѣланъ (напримѣръ въ концѣ III акта, гдѣ сцена съ Оргономъ и Дамисомъ очень жива),—но именно тамъ, гдѣ всего выпуклѣе долженъ былъ бы выступить его клерикальный пошибъ, на смѣну его явилась нѣсколько напыщенная риторика или любовная горячность, безъ отличительныхъ чертъ, напоминающихъ о влюбленномъ святошѣ. Въ большинствѣ случаевъ упоминанія о Небѣ выпущены; врядъ ли при этомъ вліяли причины цензурнаго свойства, такъ какъ иногда они оставлены безъ измѣненія. Благодаря этому, когда Эльмира съ укоромъ замѣчаетъ Тартюффу въ отвѣтъ на признаніе въ любви: «А небеса вамъ не страшны? О нихъ *такъ часто* вы твердите», это поражаетъ своимъ противорѣчіемъ дѣйствительности. Съ упоминаніями о Небѣ, часто устраненными и изъ рѣчей другихъ дѣйствующихъ лицъ далеко не клерикальнаго направленія (напр. Доримы, актъ I, сц. 1), отпали и указанія на дорогіе для Тартюффа авторитеты, наприм. на книгу іезуита Рибаданейры «Les fleurs de la vie des saints et des fêtes de toute l'année», изъ которой слуга нашего ханжи, подражая господину, съ негодованіемъ выбросилъ женскій платочекъ (актъ I, сц. 2, стихи 207—210, совсѣмъ не переведенные); весьма скромный намекъ на необходимость пойти на молитву (certain devoir pieux me demande là-haut) замѣненъ неопредѣленнымъ указаніемъ на «священный долгъ», зовущій Тартюффа; Оргонъ не упоминаетъ вовсе о томъ, что при первыхъ своихъ встрѣчахъ съ нимъ въ церкви[1]), лицемѣръ всегда спѣшилъ послѣ обѣдни къ паперти, чтобъ предложить ему святой воды; въ

[1]) Осторожность переводчика, быть можетъ, вынужденная, побудила его устранить въ сц. 2-й второго акта даже упоминаніе о хожденіи въ церковь. Оргонъ считаетъ Валера un peu libertin»; je ne remarque pas qu'il hante les églises, говоритъ онъ. Въ переводѣ: онъ «*шрокъ* и вообще... не нашихъ убѣжденій». Замѣтимъ кстати, что слово *libertin* въ 17 вѣкѣ прежде всего означало вольнодумца, на что и указываетъ Оргонъ.

страстномъ признаніи Эльмирѣ (актъ III, сц. 3) Тартюффъ не увѣряетъ ея, что «любовь превозмогла все, и постъ, и молитвы, и слезы». Не говоримъ уже о томъ возгласѣ (O Ciel, pardonne lui la douleur qu'il me donne, или по первоначальной редакціи «pardonne lui comme je lui pardonne, актъ III, сц. 7), въ которомъ еще въ дни Мольера видѣли извращеніе одного изъ прошеній Молитвы Господней. Это мѣсто очень ослаблено въ переводѣ — «Да низпошлетъ ему Господь свое прощенье». Подобно этому и извѣстное вступленіе къ роли Тартюффа, — тѣ слова, которыя онъ произноситъ за сценой своему слугѣ и которыя сразу знакомятъ насъ съ его характеромъ:

Laurent, serrez ma haire avec ma discipline
Et priez que toujours le Ciel vous illumine,
Si l'on vient pour me voir, je vais aux prisonniers
Des aumônes que j'ai partager les deniers,

Это вступленіе передано какимъ-то дѣловымъ тономъ, въ которомъ вовсе не слышится смиренномудрія притворщика:

Я кончилъ, да... спрячь плеть и власяницу
И будь благословенъ! а если спроситъ кто,
Скажи, что я отправился въ темницу
Раздать несчастнымъ кое-что.

Исключеніе составили бы слова *и будь благословенъ*! Но текстъ вовсе не даетъ этого смысла. Тартюффъ совѣтуетъ самому слугѣ молиться о томъ, чтобъ Небо его вразумило, и вовсе не имѣетъ поводовъ призывать благословеніе свыше на его голову.

Изъ наиболѣе выдающихся выраженій, давно завоевавшихъ себѣ міровую славу и, казалось бы, «на вѣки нерушимыхъ», нѣкоторыя утратили при передачѣ часть своей силы и значенія, или же вовсе опущены.

Et c'est en nous qu'on trouve, acceptant notre coeur,
De l'amour sans scandale et du plaisir sans peur,

говоритъ Тартюффъ отъ лица монаховъ-сластолюбцевъ; и въ его словахъ отражается вліяніе извѣстной 13-й сатиры Матюрена Ренье (*Macette*), въ этомъ мѣстѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ частностяхъ обоихъ любовныхъ объясненій Тартюффа близко сходящейся въ выраженіяхъ съ мольеровскимъ текстомъ. Лишь отдаленный отголосокъ высказанной тутъ мысли слышится въ переводѣ:

Храня себя, мы охраняемъ васъ,
И потому любить безъ страха можно насъ.

То же можно сказать и объ измѣненіи другого столь же важнаго мѣста, — хитроумныхъ разъясненій лицемѣра относительно возможности, сдѣлокъ съ Небомъ». Мольеръ съ замѣчательною для своего времени смѣлостью бичевалъ тутъ со сцены іезуитскую изворотливость въ вопросахъ нравственности, видимо опирался на обширную эрудицію Паскаля, и пользовался его *Lettres à un provincial* (въ данномъ случаѣ именно седьмымъ письмомъ). Каждое слово имѣетъ важное значеніе и обязательно должно быть переведено:

Le ciel défend, de vrai, certains contentements,
Mais on trouve avec lui des accomodements;
Selon divers besoins il est une science
D'étendre les liens de notre conscience
Et de rectifier le mal de l'action
Par la pureté de notre intention.

De ces secrets, madame, on saura vous instruire, прибавляетъ Тартюффъ, прямо заявляя, что онъ одинъ изъ тѣхъ, что владѣютъ этою таинственною и необыкновенно удобною теоріею морали. Г. Лихачевъ перенесъ лукавые совѣты мольеровскаго героя изъ міра клерикальнаго въ сферу общечеловѣческихъ «грѣшковъ». Въ переводѣ говорится о «высшихъ законахъ, отъ которыхъ на жизненномъ пути мы встрѣчаемъ не малыя преповы», что ихъ нетрудно обойти и что

Для случаевъ такихъ особою сноровкой
Давнымъ-давно владѣетъ *родъ людской*
И грѣшныя дѣла *онъ* очень ловко
Миритъ съ душевной чистотой.

Если число ослабленныхъ переводомъ типическихъ и глубоко содержательныхъ выраженій вообще не велико, часто приходится жалѣть о совершенномъ пропускѣ подобныхъ мѣстъ. Такъ мы не находимъ извѣстнаго оборота, перешедшаго къ Мольеру отъ Ренье (хотя, быть можетъ, употреблявшагося и раньше) и давно ставшаго поговоркой: «elle est prude à son corps défendant»; не встрѣтимъ и взятаго у Паскаля мѣткаго замѣчанія (I актъ, 5 сцена): «leur passion dont on leur sait bon gré veut nous assassiner avec un fer sacré». Въ четвертой сценѣ I акта, когда Оргонъ разспрашиваетъ Дорину о томъ, что дѣлалъ безъ него его гость, и отвѣчаетъ на каждую новость извѣстнымъ восклицаніемъ *le pauvre homme*! Дорина незамѣтно набрасываетъ портретъ Тартюффа. Гёте удивлялся мастерству Мольера, сумѣвшаго познакомить зрителя съ героемъ пьесы, несмотря на то, что онъ появляется лишь съ третьяго акта; упомянутая сцена одна изъ важныхъ именно въ этомъ отношеніи.

Tartuffe? Il se porte à merveille
Gros et gras, le teint frais et la bouche vermeille,

говоритъ Дорина и этимъ даетъ кстати полезное указаніе исполнителямъ роли, вообще нѣсколько склоннымъ изображать Тартюффа изможденнымъ и отталкивающимъ.

Тартюффъ? И спрашивать напрасно...
Ему ли здѣсь живется не прекрасно!

читаемъ въ переводѣ; изображеніе внѣшности лицемѣра совсѣмъ пропало. А Дорина все продолжаетъ:

Il soupa, *lui tout seul*, *devant elle*
Et fort devotement il mangea deux perdrix.

Послѣднія слова безъ причины выпущены, и опять остался только одинъ незначительный фактъ. Но и дальше, по странной случайности все въ той же роли Дорины, вообще переданной весьма удачно, не мало пропусковъ. Такъ во 2-й сценѣ II акта пропущено вошедшее въ поговорку восклицаніе: «Ah! vous êtes dévot, et vous vous emportez!», а во 2-й сценѣ III акта ея выходка противъ Тартюффа, смутившагося при видѣ ея полуобнаженной шеи:

Et je vous verrois nu du haut jusques en bas,
Que toute votre peau ne me tenteroit pas.

Предшествовавшій переводчикъ мольеровской комедіи, г. Минаевъ, нашелъ возможнымъ удержать это мѣсто.

Переходя къ пропускамъ не отдѣльныхъ только выраженій, а болѣе обширныхъ и важныхъ для пониманія пьесы мѣстъ, укажемъ прежде всего на странное исчезновеніе одного лица, если не прямо дѣйствующаго передъ зрителемъ, то все время находящагося отъ него по близости и очень прикосновеннаго къ ходу интриги, — именно слуги Тартюффа, Лорана. Объ немъ идетъ рѣчь съ первой же сцены; по словамъ субретки, онъ тоже, подобно своему господину, проповѣдуетъ между челядью; изъ разсказа Оргона узнаемъ, что при посредствѣ Лорана онъ вошелъ въ сношенія съ Тартюффомъ и развѣдалъ у слуги все касающееся этого святого человѣка; черезъ него (актъ III, сц. 1) Дорина передаетъ Тартюффу приглашеніе Эльмиры и узнаетъ отъ лакея, что въ эту минуту притворщикъ молится; къ Лорану обращается наконецъ и Тартюффъ при первомъ своемъ появленіи на сценѣ, поручая запереть власяницу. Мольеръ, повидимому заимствовавшій характеръ этого слуги изъ новеллы Скаррона, которая считается однимъ изъ источниковъ комедіи, желалъ намекнуть на то, что и хозяинъ и слуга — члены одной и той же шайки, и что они лишь для виду играютъ свои роли повелителя и подчиненнаго. Переводчикъ совершенно пренебрегъ этою частностью плана комедіи; опустивъ даже самое имя Лорана, онъ

послѣдовательно выключалъ все, что связано было въ пьесѣ съ его личностью; остается, напримѣръ, совсѣмъ неизвѣстнымъ, кому даетъ Тартюффъ приказъ о власяницѣ и кого хочетъ благословить.

Рядомъ съ этимъ пропускомъ можетъ показаться маловажнымъ тотъ, который находимъ въ третьей сценѣ 2-го акта, въ разговорѣ опечаленной отцовскимъ упрямствомъ Маріаны съ Дориной, которая сначала подсмѣивается надъ безпомощностью своей барышни, потомъ смягчается и берется помогать влюбленнымъ. Мимоходомъ введена прелестная картинка заснувшей провинціальной глуши, куда, по словамъ Дорины, Тартюффъ непремѣнно увезетъ ея госпожу послѣ свадьбы; въ десяти стихахъ очерченъ этотъ дремлющій мірокъ съ его интересами, увеселеніями, визитами, множествомъ родственныхъ связей, уѣзднымъ «большимъ свѣтомъ». Это мѣсто требовало, конечно, очень осмотрительнаго перевода и справокъ съ подробностями быта того времени. Приведемъ примѣръ:

Vous irez visiter pour votre bienvenue
Madame la baillive et madame l'élue,
Qui d'un siège pliant vous feront honorer.
Là dans le carnaval vous pourrez espérer
Le bal et la grand'bande, à savoir deux musettes
Et parfois Fagotin, et les marionettes.

Всѣ эти подробности сжаты въ слѣдующихъ стихахъ:

Тамъ — имя знатное всѣ двери намъ отворитъ,
Всѣ кумушки радушно примутъ васъ
И сплетнями (?) опутаютъ тотчасъ —
И заживете вы...

Но, постепенно восходя отъ пропусковъ отдѣльныхъ выраженій къ устраненію болѣе значительныхъ частностей комедіи, мы остановимся теперь на вызывающемъ особое недоумѣніе

фактѣ обширныхъ пробѣловъ, выпавшихъ на долю весьма важныхъ сценъ. Пропуски этого рода распадаются на два отдѣла: одинъ изъ нихъ составляютъ болѣе или менѣе щекотливыя мѣста, касающіяся вопросовъ церкви и религіи, другой — такія же неудобныя мѣста, окрашенныя политическимъ содержаніемъ. И тѣхъ и другихъ пропусковъ такъ много и они такъ послѣдовательны, что наводятъ мысль на цензурныя затрудненія, которыя, какъ уже было показано выше, приходилось предполагать и относительно отдѣльныхъ словъ. Если это дѣйствительно вліяло въ данномъ случаѣ, входить въ сужденіе о вызванныхъ тѣмъ пробѣлахъ становится неумѣстно. Переводчикъ въ правѣ сослаться на обстоятельства, не отъ него зависѣвшія. Но, на нашъ взглядъ, изъ возможности такого неблагопріятнаго вліянія вытекаетъ практическое указаніе, которое мы позволяемъ себѣ предложить на усмотрѣніе Второго Отдѣленія Академіи. Въ представляемыхъ для соисканія преміи переводахъ классическихъ произведеній могутъ и впредь встрѣчаться подобные же цензурные пропуски, нарушая цѣльность впечатлѣнія и оцѣнки. Для избѣжанія этого неудобства можно бы требовать отъ переводчиковъ приложенія въ рукописи всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыя нашло нужнымъ выпустить то или другое цензурное вѣдомство (въ настоящемъ случаѣ кромѣ общей цензуры, быть можетъ, и цензура театральная).

Слѣдуетъ перевода г. Лихачева со стороны полноты съ предшествующимъ ему переводомъ г. Минаева показываетъ, однако, что три года назадъ (трудъ г. Минаева появился въ 1884 г. въ Собраніи сочиненій Мольера въ руск. пер., изд. Бакста, книга г. Лихачева помѣчена 1887 годомъ) многія изъ мѣстъ, нынѣ опущенныхъ, считались неопасными. Пришлось бы предположить большую измѣнчивость во взглядахъ цензуры на вопросы, которые въ данномъ случаѣ не имѣютъ никакого соотношенія съ русскою жизнью, не нарушаютъ уваженія къ существующему въ ней порядку, что было бы и странно въ пьесѣ, кончающейся апоѳеозомъ королевской власти. Если же устранить

это предположеніе, останется допустить личное усмотрѣніе переводчика, неумышленно повредившаго завѣтной сущности произведенія.

Въ такомъ неясномъ, двойственномъ свѣтѣ представляется намъ слѣдующій рядъ пропусковъ.

Опущены прежде всего многіе изъ разсужденій Клеанта объ истинной и ложной набожности (актъ I, сцена 6-я), особенно тщательно разработанныя Мольеромъ съ цѣлью сполна высказать его взглядъ на этотъ скользкій вопросъ, предотвратить обвиненія въ кощунствѣ и облегчить появленіе пьесы на сценѣ. Клеантъ горячо беретъ подъ свою защиту истинно набожныхъ людей (voilà mes gens, говоритъ онъ), называетъ даже нѣкоторыхъ по именамъ (подъ которыми въ свое время публика, вѣроятно, легко узнавала подлинныя лица): «regardez Ariston, regardez Périandre, Oronte, Alcidamas» и т. д. Въ противоположность этимъ *vrais dévots* рѣзко очерчены лицемѣры, торгующіе набожностью; здѣсь опять масса превосходныхъ чертъ, украшающихъ комедію (наприм. «brûlants et priants, ils demandent chaque jour, et prêchent la retraite au milieu de la cour») и относимыхъ къ личностямъ изъ придворнаго и церковнаго быта того времени, особенно къ отэнскому епископу Рокетту. Въ переводѣ еще уцѣлѣли нѣкоторыя сатирическія подробности (только что приведенная нами почему-то опущена), за то почти все положительное въ рѣчахъ Клеанта, этого моралиста пьесы, оставлено безъ передачи; благодаря этому въ упомянутой сценѣ перваго акта эти рѣчи сокращены почти на половину (45 стиховъ осталось изъ 85-ти). Въ семнадцатомъ вѣкѣ, правда, сильно возставали и противъ положительныхъ заявленій въ пользу религіи, если они дѣлаются въ театрѣ; древнее воззрѣніе на театръ, какъ на школу грѣха и порока, все еще держалось тогда въ умахъ, и самое смѣшеніе религіозности съ лживымъ духомъ сцены казалось уже оскорбленіемъ вѣры. Врядъ ли можно предположить въ настоящее время вліяніе такихъ соображеній. — Если же урѣзки сдѣланы въ интересахъ большей сценичности пьесы, то

переводчику можно сдѣлать упрекъ въ томъ, что онъ не прибѣгнулъ въ виду этого къ способу, давно уже употребляющемуся на Западѣ (наприм. въ Англіи, гдѣ онъ примѣненъ въ выходящемъ теперь изданіи «The Henry Irving Shakspeare»), — обозначенію чертами, скобками или другими знаками тѣхъ мѣстъ, которыя опускаются при представленіи на сценѣ. Теперь же безъ всякой видимой причины устранены прекрасные стихи, чуждые избитой, прѣсной морали, мысли и образы, имѣющіе положительныя художественныя и нравственныя достоинства.

Урѣзки этого рода идутъ далѣе. Въ 1-й сценѣ V акта, когда во время тревожнаго совѣщанія Клеанта съ Оргономъ опять возобновляется рѣчь объ истинной набожности и добродѣтели, встрѣчаемъ такіе же пропуски. Въ связи съ подробной характеристикой тѣхъ людей, которыхъ дѣйствительно можно назвать вѣрующими, находится и опредѣленіе нравственной порядочности, вытекающее изъ оживленныхъ пререканій между всѣми молодыми обитателями Оргонова дома съ одной стороны и ворчливой, недалекой Пернеллой, безусловно поклоняющеюся Тартюффу (актъ I, сц. 1). Хотя рѣчь идетъ здѣсь всего болѣе объ излишней требовательности свѣтскаго суда и лицемѣріи общества, сурово порицающаго явно то, что оно само съ увлеченіемъ творитъ втайнѣ,—несомнѣнно, что и въ этомъ случаѣ сатира направлена противъ одного изъ оттѣнковъ того же господствующаго порока, ханжества. Въ пылу спора набрасываются портреты цѣломудренныхъ судей и жрицъ свѣтской нравственности, которые смолоду грѣшили, а потомъ, утративъ способность къ тому, превратились въ неумолимыхъ обличителей, «руководимыхъ не благомъ людскимъ, а тайною завистью». Такова Оранта, ярко очерченная Дориной; это несомнѣнно первый эскизъ одного изъ лучшихъ женскихъ характеровъ у Мольера,—Арсиноя въ *Мизантропѣ*. Но въ переводѣ нѣтъ ни ея, ни даже такихъ совсѣмъ уже невинныхъ сплетниковъ, какъ «Daphné, notre voisine, et son petit mari», удостоенные не менѣе остроумной характеристики. Нѣтъ именъ, нѣтъ и сущности обличенія. Все сказано сокращенно, въ

двухъ словахъ. По крайней мѣрѣ тутъ уже не могло быть и рѣчи о цензурныхъ соображеніяхъ.

Если они были приняты въ расчетъ въ той группѣ пропущенныхъ мѣстъ, которыя имѣютъ отличительно политическое содержаніе, то объ этомъ столь же можно пожалѣть, какъ и объ устраненіи разсужденій религіознаго свойства. Заднимъ фономъ траги-комическаго происшествія, разыгравшагося въ домѣ Оргона, служитъ только что окончившаяся война Фронды. Оргонъ принималъ въ ней участіе, стоя за короля; другъ его Аргасъ принадлежалъ къ мятежной партіи, принужденъ былъ бѣжать и оставилъ Оргону шкатулку съ важными въ политическомъ отношеніи бумагами. Оргонъ неосторожно проговорился объ этомъ Тартюффу, еще неосторожнѣе отдалъ ему шкатулку на сбереженіе, и послѣ разрыва трепещетъ, ожидая доноса и уликъ въ государственномъ преступленіи. Но посланный отъ короля объявляетъ ему прощеніе, въ награду за «прежніе заслуги». Весь пятый актъ комедіи основанъ на этомъ придаточномъ отдѣлѣ сюжета, раскрывающемъ еще одну изъ главныхъ чертъ порочности Тартюффа, прикрывающагося на этотъ разъ рвеніемъ вѣрноподданнаго и не отступающаго передъ завѣдомо ложнымъ доносомъ. Тревога Оргона изъ-за этого обстоятельства чуть не равносильна горю объ утратѣ имущества, безразсудно подареннаго имъ Тартюффу.

Вся эта сторона пьесы стушевалась въ новомъ переводѣ. О междоусобіяхъ и роли Оргона въ нихъ нѣтъ ни слова; отношеніе къ политическимъ событіямъ устранено, и вслѣдствіе этого стала непонятна и сильная боязнь Оргона и внезапное его прощеніе королемъ:

> Вотъ видишь ли... Ее на сохраненье
> Оставилъ мнѣ одинъ бѣжавшій другъ,
> А въ ней бумаги... Ну? Мое-то положенье?
> Ты понимаешь? Если вдругъ...

говоритъ какими-то намеками Оргонъ Клеанту, и зритель такъ и

не узнаетъ, *какія* это бумаги (у Мольера—«ce sont des papiers, à ce qu'il m'a pu dire, où sa vie et ses biens se trouvaient engagés»), чѣмъ провинился другъ; исчезло даже его имя. То же измѣненіе произошло и съ сообщеніемъ Валера о томъ, что доносъ уже сдѣланъ (V актъ, 6 сцена). Здѣсь мы узнаемъ, что дѣло идетъ о «d'un criminel d'Etat l'importante cassette, dont, au mépris, dit-il, du devoir d'un sujet, vous avez conservé le coupable secret»; говорится *о данномъ уже* приказѣ арестовать Оргона и о томъ, что Тартюффу *для лучшаго исполненія приказа* поручено сопровождать посланнаго.

Въ русскомъ переводѣ Валеръ говоритъ:

Что сдѣлалъ онъ на васъ доносъ,
Представилъ тамъ *какія-то* бумаги—
И что приказъ уже готовъ
О томъ, чтобъ заключить подъ стражу васъ.

О бѣжавшемъ государственномъ преступникѣ ни слова. Значеніе бумагъ, способныхъ вызвать такую строгость, остается и тутъ неразъясненнымъ, а выпускъ послѣднихъ двухъ стиховъ сдѣлалъ непонятнымъ появленіе въ слѣдующей же сценѣ Тартюффа вмѣстѣ съ exempt de police.

Даже съ завершающею комедію рѣчью Тартюффа произошло не мало измѣненій въ переводѣ, хотя, казалось бы, она всего менѣе должна бы подвергнуться подобной опасности. Искусно ли придумалъ развязку Мольеръ, — объ этомъ мнѣнія могутъ расходиться. Но во всякомъ случаѣ ее слѣдовало передать сполна такою, какъ она была написана поэтомъ. На ней лежитъ живой отпечатокъ времени и условій, среди которыхъ приходилось развиваться литературѣ; она важна также и въ исторіи мытарствъ, вынесенныхъ пьесой. Г. Лихачевъ, однако, сократилъ ее на половину (20 стиховъ вмѣсто 41-го), причемъ отпало и косвенное напоминаніе Людовику XIV о необходимости заступничества за гонимыхъ честныхъ людей, и разсужденія, предвѣщающія теорію прошлаго вѣка о «просвѣщенномъ деспотизмѣ», и мотивы

королевскаго рѣшенія, и приказъ отнять у Тартюффа дарственную запись, и упоминаніе о прежнихъ заслугахъ Оргона. Даже слово *король* всюду заботливо замѣнено совсѣмъ непонятнымъ *принцъ*, составляющимъ буквальную передачу французскаго *prince*, столь же обозначающаго и князя, и государя вообще. Стушевывать здѣсь краски было излишне, и потому, что до сихъ поръ всѣ переводчики отваживались упоминать именно о Людовикѣ XIV, и еще болѣе потому, что исторія «Тартюффа» у всѣхъ передъ глазами, и нѣтъ никакого повода закрывать таинственною завѣсой то, что слишкомъ два вѣка составляетъ достояніе всего образованнаго свѣта.

Сводя къ общимъ выводамъ свои замѣчанія о переводѣ г. Лихачева, мы выразимъ сожалѣніе о томъ, что, несмотря на видимое желаніе переводчика возможно полнѣе и вѣрнѣе передать мольеровскій текстъ, онъ недостаточно изучилъ литературу предмета, не всегда принималъ въ расчетъ указанія надежнѣйшихъ комментаторовъ (особенно Поля Менара), и иногда, какъ было показано, неосторожно нарушалъ связи произведенія съ глубоко обдуманнымъ замысломъ поэта, съ его средой, съ предшествовавшей и современной ему литературой, — тѣ связи, которыя составляютъ живительный нервъ сатирическаго произведенія. Можно пожалѣть также объ указанномъ нами пониженіи тона діалога (не доходящемъ, однако, нигдѣ до вульгарности), и объ излишнемъ обрусеніи слоговыхъ оборотовъ. Вопросъ о пропускахъ былъ бы всего важнѣе при опредѣленіи достоинства перевода, но большая правдоподобность стороннаго вмѣшательства и независящихъ отъ писателя обстоятельствъ парализуетъ это невыгодное впечатлѣніе. Вообще же, сравнительно съ другими переводами «Тартюффа», это все-таки лучшій и вѣрнѣйшій;въ немъ есть довольно обширныя части,—напримѣръ почти весь второй актъ, — противъ которыхъ можно сдѣлать лишь незначительныя возраженія. Въ противоположность немногимъ неудачно выраженнымъ по-русски типическимъ, чисто-мольеровскимъ красотамъ можно бы привести рядъ счастливо и мѣтко

придуманныхъ оборотовъ [1]). При очевидномъ умѣніи г. Лихачева владѣть слогомъ, его переводъ, подвергнувшись нѣсколькимъ легкимъ измѣненіямъ, способенъ былъ бы удовлетворить строгимъ требованіямъ.

Находя, согласно съ этимъ отзывомъ, что трудъ г. Лихачева, несмотря на указанныя въ немъ недостатки, представляетъ и несомнѣнныя достоинства, комиссія опредѣлила удостоить его почетнаго отзыва.

IV.

Этимъ мы, по принятому нами правилу, могли бы и закончить нашъ отчетъ о нынѣшнемъ присужденіи пушкинскихъ премій; но по поводу представленныхъ на бывшій конкурсъ двухъ сборниковъ стихотвореній мы получили, по нашей просьбѣ, отъ Н. Н. Страхова статью, изъ которой, вовсе не касаясь разбора самыхъ этихъ сборниковъ, считаемъ полезнымъ сообщить здѣсь нѣсколько замѣчаній, съ которыми не можемъ не согласиться.

Почтенный авторъ статьи задаетъ себѣ вопросъ: въ какомъ положеніи находится наше стихотворство, тотъ родъ писаній, который называется поэзіею въ тѣсномъ смыслѣ?

Вспоминая послѣднія тридцать лѣтъ, нельзя не подивиться странной судьбѣ стиховъ въ нашей литературѣ. Николаевское время, именно конецъ сороковыхъ и начало пятидесятыхъ годовъ, дало намъ нѣсколько поэтовъ составляющихъ дѣйствительное украшеніе нашей литературы. Изъ нихъ особенно извѣстенъ знаменитый тріумвиратъ Майкова, Полонскаго и Фета, къ нашей

[1]) Напримѣръ «Большой соблазнъ — грѣшить въ глазахъ у всѣхъ, Но тайный грѣхъ — какой же это грѣхъ?» (Le scandale du monde est ce qui fait l'offense, Et ce n'est pas pécher que pécher en silence). — «Ну, да! я набоженъ — такъ что жъ? Вѣдь я — и человѣкъ» (Ah! pour être dévot, je n'en suis pas moins homme). — «Завистники умрутъ, но зависть — никогда!» (Les envieux mourront, mais non jamais l'envie). — «Вотъ человѣкъ!... ахъ, что за человѣкъ!... Такой ужъ человѣкъ, какого.... Ну, словомъ, — человѣкъ!» (C'est un homme... qui.... ha!.... un homme.... un homme enfin).

радости здравствующихъ и пишущихъ до сихъ поръ. Объ этихъ поэтахъ и о судьбахъ ихъ поэзіи мы говорить не будемъ; мы хотимъ говорить о новыхъ явленіяхъ въ области поэзіи за эти послѣднія тридцать лѣтъ. Съ 1856 года, когда литература вдругъ необыкновенно расширилась и оживилась, появились, конечно, и новые стихотворцы. Но они неожиданно и незаслуженно потерпѣли очень горькую участь во время этой такъ называемой *зари обновленія*. Тогда въ литературѣ получило силу и съ каждымъ годомъ разрасталось *гражданское направленіе*, то-есть стремленіе возбудить общественную дѣятельность въ Россіи. Внутренняя политика поставлена была главною задачею литературы, и передъ этой задачею должны были отступить на задній планъ всѣ другіе интересы. Явилась *обличительная* литература, и вообще проповѣдывалась теорія, что всякое искусство и писательство, всякая наука и умственная дѣятельность должны имѣть въ виду прямую пользу для общества, а не отвлеченный интересъ самого искусства и науки. Въ силу этого всѣ тогдашнія свѣтила литературы стали подвергаться нападеніямъ; журналистика старалась уронить ихъ авторитетъ въ глазахъ публики и показать ей, что есть заслуги гораздо важнѣе, чѣмъ писаніе художественныхъ произведеній, и что чтеніе такихъ произведеній есть только пустая забава. Стихотворная поэзія была въ особенномъ загонѣ. Стиховъ печаталось много, но это были или какія-нибудь обличенія и воззванія, такъ называемые *гражданскіе мотивы*, или же шутки, пародіи, сатирическія пѣсенки, которыя появлялись въ огромномъ количествѣ. Настоящая поэзія, можно сказать, едва влачила свое существованіе. Но всего хуже пришлось поэтамъ, которые только что выступали и явились въ печати съ первенцами своей музы. Нѣкоторыхъ изъ нихъ вывелъ передъ читателями самъ Н. А. Некрасовъ, человѣкъ съ большимъ вкусомъ и съ искреннею любовію къ литературѣ. Но и такое покровительство имъ не помогло. Вновь выступившіе поэты встрѣчены были цѣлою бурею насмѣшекъ и издѣвательствъ. Въ журналахъ поднялась на нихъ истинная травля, въ которой особенно выдавался В. С. Куроч-

кинъ, человѣкъ не вовсе безъ дарованія, хорошо владѣвшій стихомъ, но не имѣвшій настоящаго вкуса. Молодые люди, встрѣченные этимъ ужаснымъ гамомъ при выступленіи на поэтическое поприще, были сильно поражены. Дѣло дошло до того, что нѣкоторые изъ нихъ, чуть ли не самые даровитые, перестали вовсе писать и печатать, отдались другимъ занятіямъ, и только черезъ пятнадцать или двадцать лѣтъ рѣшились робко вновь явиться передъ читателями. Нужно вспомнить, что значатъ для юноши его стихи, какимъ напряженіемъ и волненіемъ сопровождается его восторгъ и творчество, и мы поймемъ, что для иныхъ тутъ произошло настоящее несчастіе, переворотъ цѣлой жизни.

Событіе, о которомъ мы разсказываемъ, совершилось около 1860. Съ тѣхъ поръ великая строгость относительно стиховъ была такъ сказать объявлена въ приказѣ по русской словесности. Новыхъ стихотворцевъ не появлялось, или же они не смѣли заявлять своихъ думъ и чувствъ, а должны были ограничиваться самыми казенными гражданскими темами, или же шуточными стишками, такъ что никто не замѣчалъ новыхъ именъ, стоявшихъ подъ стихами; да и вообще, читатели почти не обращали вниманія на стихотворенія, помѣщавшіяся по старой привычкѣ въ журналахъ. Въ такомъ положеніи дѣло было почти *двадцать лѣтъ*.

Можно бы думать, что такая строгость составляетъ шагъ къ лучшему. Вообще весь гамъ и шумъ той эпохи, когда отрицалась чистая эстетика и были гонимы писатели не служащіе извѣстному направленію, можно бы истолковать какъ настоятельное требованіе отъ литературы большей серіозности. Въ этомъ смыслѣ мы не можемъ считать безполезнымъ для литературы этотъ періодъ, который въ исторіи нашей словесности кажется придется назвать *нигилистическимъ*. Безъ сомнѣнія, нигилизмъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, имѣлъ большое вліяніе на писателей всевозможныхъ направленій; онъ ихъ возбуждалъ, заставлялъ углублять и расширять свои идеи и воплощать ихъ съ большею силой и строгостью. Но такое дѣйствіе производилось только на крѣпкихъ, а не на слабыхъ или еще неукрѣпившихся. Сильныхъ литературный нигилизмъ возбуждалъ, а слабыхъ онъ подавлялъ, сбивалъ совсѣмъ съ пути, такъ что онъ былъ вреденъ для большинства пишущихъ, а особенно для огромной массы читающихъ.

Вредныя послѣдствія теперь передъ нашими глазами, и ни въ чемъ другомъ они такъ не ясны, какъ въ нашей стихотворной поэзіи. Къ концу семидесятыхъ годовъ, въ эпоху турецкой войны, литературный терроръ уже совершенно затихъ, и стали чаще и свободнѣе появляться въ журналахъ стихотворенія подъ новыми именами, а потомъ показались и сборники этихъ стихотвореній, изданные особыми книгами. Это новое стихотворство стало расти чрезвычайно быстро. Лѣтъ пять тому назадъ оно все еще не бросалось сильно въ глаза; но теперь новые поэты считаются едва ли не сотнями, и мы имѣемъ до полусотни отдѣльныхъ сборниковъ, большею частію появившихся въ послѣдніе годы. Это даже не плеяда, а цѣлая туманность, состоящая изъ мелкихъ звѣздъ, не различимыхъ простымъ взглядомъ. Въ этомъ множествѣ нашлось нѣсколько книгъ имѣвшихъ успѣхъ, раскупленныхъ и вновь изданныхъ, даже иногда нѣсколько разъ. Новые поэты читаются, возбуждаютъ восторги; ихъ стихотворенія затверживаются читателями наизусть, а сами они ревниво слѣдятъ другъ за другомъ, обсуживаютъ и пересуживаютъ чужіе успѣхи. Словомъ, все идетъ обыкновеннымъ порядкомъ, и намъ, повидимому, слѣдовало бы поздравлять себя съ быстрымъ и неожиданнымъ процвѣтаніемъ стихотворства.

Между тѣмъ, если мы станемъ судить по существу, а не по одной видимости, то окажется, что передъ нами такое же плачевное явленіе, какъ и прежній двадцатилѣтній застой въ поэзіи. Оказывается, вообще говоря, что уровень новыхъ поэтовъ очень низокъ, и что они обязаны своимъ успѣхомъ только столь же низкому, или еще болѣе низкому уровню читающей публики, которая очень возросла въ числѣ, но очень упала въ своихъ требованіяхъ. Какъ будто порвалась нить преданія, какъ будто и

писатели и читатели уже забыли, что̀ такое хорошіе стихи, а потому довольствуются такими слабыми произведеніями, съ какими прежде авторъ не смѣлъ бы явиться въ печать, и какіе прежде читатель забраковалъ бы съ первыхъ же строкъ.

Правильно судить о словесномъ художествѣ есть дѣло трудное; многимъ и многимъ вовсе недостаетъ способностей, которыя для этого требуются. Но это не значитъ еще, что область поэзіи есть нѣчто неопредѣленное, что въ сужденіяхъ объ ней простительна всякая произвольность и разнорѣчивость. Существуетъ граница, отдѣляющая истинное творчество отъ всякихъ его подобій, отъ безчисленныхъ искаженій и поддѣлокъ; болѣе или менѣе ясное различеніе этой *границы* — вотъ чего можно желать и требовать отъ критиковъ и читателей художественныхъ произведеній. Приступая ко всякому произведенію, являющемуся подъ именемъ творческаго, мы обыкновенно прежде всего стараемся рѣшить, дѣйствительно ли оно принадлежитъ къ художественной области, и уже потомъ отдаемся его внимательному разсмотрѣнію.

Относительно стиховъ, граница, о которой мы говоримъ, имѣетъ большую опредѣленность и ясность. Стихотворецъ обладающій дѣйствительнымъ дарованіемъ всегда имѣетъ, во-первыхъ, совершенно ясную стихотворную *пѣвучесть* рѣчи, во-вторыхъ, въ самой этой пѣвучести болѣе или менѣе замѣтное своеобразіе, т. е. свой стихотворный *слогъ* и свой стихотворный *языкъ*. Для стиховъ вовсе не достаточно какихъ-нибудь поэтическихъ мыслей и образовъ, а непремѣнно нуженъ этотъ особый даръ рѣчи; иначе настоящихъ стиховъ никакъ не выйдетъ, и лучше тогда писать прозой. Вотъ почему и даровитаго и бездарнаго стихотворца можно узнать часто съ двухъ-трехъ стиховъ.

Это — неизмѣнное, первое условіе. Затѣмъ, для созданія хорошихъ стихотворныхъ произведеній конечно требуются еще и умъ, и чувство, и вкусъ; требуется и образованіе, и ширина взгляда, и даже заботы о точности и правильности самого языка.

Словомъ, особый даръ рѣчи долженъ быть тщательно воздѣланъ и въ эту форму облечено надлежащее содержаніе. Но все-таки даръ формы — conditio sine qua non.

Въ настоящее время, можно сказать, этого не понимаютъ ни стихотворцы, ни читатели. Охотники писать стихи обыкновенно думаютъ, что вся сила въ риѳмахъ, въ соблюденіи правилъ стихосложенія и въ гладкости рѣчи; между тѣмъ, при всемъ этомъ, стихи ихъ остаются *рубленою прозою*, то-есть лишены всякой пѣвучести. Если же авторъ и придаетъ имъ пѣвучесть, то она у него совершенно заемная. Для чуткаго уха она является мертвою, холодною формою, только наложенною на содержаніе, но не слившеюся съ нимъ воедино.

Академія Наукъ, разсматривая представляемыя ей на пушкинскую премію произведенія въ стихахъ, конечно не можетъ не принять въ соображеніе того, въ какомъ положеніи находится у насъ въ настоящее время стихотворство. Еслибы писаніе стиховъ было мало распространено и сборники стихотвореній не пользовались вниманіемъ публики, то можно было бы поощрять преміями людей, которые посвящаютъ себя стихотворству. Можно было бы награждать и слабыя сочиненія въ той надеждѣ, что со временемъ награда вызоветъ и произведенія вполнѣ ея достойныя. Но если стихи пишутся въ великомъ множествѣ и публика съ усердіемъ ихъ читаетъ и раскупаетъ, если притомъ всѣ эти писанія представляютъ только посредственность или стоятъ ниже посредственности, то премія, даваемая за одинъ изъ сборниковъ такихъ писаній, будетъ лишь прямымъ поощреніемъ посредственности. Если стихи плодятся безъ конца только потому, что понизился общій уровень и стихотворства и требованій читателей, то Академія своимъ одобреніемъ очевидно будетъ лишь мѣшать поднятію этого уровня; она узаконитъ его пониженіе, укрѣпитъ его своимъ авторитетомъ. Поэтому присужденіе премій можетъ обратиться во вредъ тому самому дѣлу, для поощренія котораго преміи назначены. Въ такихъ обстоятельствахъ гораздо лучше упорно не давать никому премій за стихи и терпѣливо ждать

пока явится что-нибудь значительно выходящее изъ общаго уровня.

Въ изъявленіе признательности Академіи постороннимъ гг. рецензентамъ, обязательно принявшимъ на себя разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ представленныхъ на конкурсъ трудовъ, Отдѣленіе, пользуясь дарованнымъ ему правомъ, присудило золотыя пушкинскія медали: Н. Н. Буличу, Алексѣю Н. Веселовскому и Н. Н. Страхову. Въ заключеніе вмѣняемъ себѣ въ особенное удовольствіе выразить нашу искреннюю благодарность гг. литераторамъ, съ полною готовностью оказавшимъ Отдѣленію содѣйствіе въ окончательномъ обсужденіи трудовъ, поступившихъ на соисканіе премій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Сочиненія К. Н. Батюшкова, изданныя П. Н. Батюшковымъ. Со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Саитовымъ. Томы I—III. Спб. 1887. (Разборъ Н. Н. Булича)	2
Въ Сумеркахъ. Разсказы и очерки Н. Чехова. Спб. 1887 г. (Разборъ А. Ѳ. Бычкова)	46
Тартюфъ. Комедія Мольера. Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачева. Спб. 1887. (Разборъ Алексѣя Н. Веселовскаго)	53

ГРОЗЫ ВЪ РОССІИ

ЗА 1885 ГОДЪ.

ОБРАБОТАЛЪ

А. Шенрокъ.

(Съ таблицею.)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LIX-МУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 4.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1888.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.

И. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 45 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1888 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящее мое изслѣдованіе грозъ въ Россіи за 1885 годъ составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ продолженіе перваго моего труда о грозахъ въ 1884 году.

Матеріалъ, принятый въ основаніе при предыдущемъ моемъ изслѣдованіи былъ на столько неполный, какъ я упомянулъ на своемъ мѣстѣ, что мнѣ пришлось совсѣмъ отказаться отъ болѣе подробныхъ изслѣдованій грозовыхъ явленій. При этомъ главная цѣль означеннаго труда состояла лишь въ распредѣленіи матеріала и въ составленіи, такъ сказать, типа для дальнѣйшихъ подобнаго рода изслѣдованій. По этому образцу будетъ обрабатываться грозовая дѣятельность на пространствѣ Россіи въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, чтобы такимъ образомъ возможно было, сравнивая отдѣльные годы между собою, отыскать общіе законы для грозовыхъ явленій и отступленія отъ этихъ законовъ въ извѣстные періоды времени. Само собою разумѣется, что при такихъ изслѣдованіяхъ будутъ приложены всѣ старанія къ тому, чтобы по возможности открыть причины подобнаго рода отступленій.

Уже въ предыдущемъ моемъ трудѣ я выразилъ надежду, что будущія наблюденія превзойдутъ во многомъ, какъ по качеству, такъ и по полнотѣ имѣвшійся матеріалъ за 1884 годъ и что такимъ образомъ представится возможность расширить программу дальнѣйшихъ изслѣдованій и можетъ быть даже принять въ соображеніе подробности хода явленій.

Въ дѣйствительности первое мое предположеніе вполнѣ оправдалось. Имѣющіяся подъ рукою грозовыя наблюденія за 1885 годъ во многомъ лучше предыдущихъ. Наблюденія же за 1886 годъ еще полнѣе, насколько объ этомъ возможно судить въ настоящее время.

Въ виду этого я попытался въ настоящемъ моемъ трудѣ привести въ исполненіе намѣченныя раньше дополненія программы изслѣдованій и не ограничился лишь обработкою грозовой дѣятельности въ Россіи, но старался болѣе подробно представить въ нѣкоторыхъ выдающихся случаяхъ образованіе и ходъ отдѣльныхъ грозъ и обстоятельства, сопровождающія ихъ. Такъ какъ наша сѣть грозовыхъ станцій и въ настоящее время еще не достаточно густа, то пришлось ограничиться подробнымъ изслѣдованіемъ лишь самыхъ характеристичныхъ грозъ, которыя при небольшей относительно распространимости наблюдались во многихъ пунктахъ. Такого рода качествами отличаются въ особенности двѣ грозы, наблюдаемыя 11-го апрѣля и 21-го мая. Вторая гроза наблюдалась въ 78 пунктахъ, изъ которыхъ 38 приходится на Прибалтійскую полосу. Первая гроза, происходившая въ южномъ и южномъ центральномъ поясѣ, наблюдалась въ 38 пунктахъ, а именно: на 23 станціяхъ южнаго центральнаго и 15 — южнаго пояса. Обѣ эти грозы я нанесъ на карты, причемъ у каждаго наблюдательнаго пункта отмѣчалъ время самаго близкаго разстоянія грозы и направленіе ея движенія. Послѣ изготовленія карты я совершенно разочаровался и пришелъ къ тому убѣжденію, что наша грозовая сѣть еще недостаточно густа для подобнаго рода подробныхъ изслѣдованій.

Изъ упомянутыхъ картъ мнѣ не удалось извлечь никакихъ данныхъ, ни относительно развитія, ни относительно поступательнаго движенія грозъ. Единственное, что можно было заключить по картамъ съ нѣкоторою вѣроятностью, это фактъ, что въ означенные дни нѣсколько грозъ прошло черезъ упомянутые поясы, частью одновременно, частью же слѣдуя непосредственно другъ за другомъ, и что грозы эти явились спутниками частныхъ

минимумовъ. Въ этомъ насъ убѣждаютъ вѣтры, дующіе одновременно съ появленіемъ грозъ, и постепенное измѣненіе направленія вѣтровъ на отдѣльныхъ станціяхъ во время грозы. Минимумы эти однако не замѣтны на соотвѣтствующихъ синоптическихъ картахъ.

Такимъ образомъ мы были вынуждены отказаться отъ болѣе подробныхъ изслѣдованій и придерживаться лишь раньше составленной программы.

Въ виду этого какъ распредѣленіе, такъ и обработка матеріала остались въ общемъ такія-же, какъ и въ предыдущемъ моемъ изслѣдованіи, поэтому, во избѣжаніе лишнихъ повтореній, я отошлю читателя къ упомянутому моему труду для ознакомленія съ принятою нами программою изслѣдованій.

Здѣсь придется только отмѣтить слѣдующія измѣненія и ихъ основанія.

При раздѣленіи всей Имперіи на поясы я старался болѣе ихъ округлить и сдѣлать возможно равными по пространству. Съ этою цѣлью Вятская губернія отошла отъ сѣвернаго пояса и присоединена къ восточному, губерніи-же Подольская и Кіевская вошли въ составъ южнаго пояса на мѣсто прежняго западнаго. Кромѣ того образованъ новый юго-восточный поясъ, состоящій изъ Астраханской губерніи, Области Войска Донскаго, Области Урала и низменной части къ сѣверу отъ Кавказа, а именно: Кубанской Области и Ставропольской губерніи. Наконецъ я счелъ возможнымъ включить въ настоящее изслѣдованіе и горную часть Кавказа, какъ отдѣльный поясъ. Сибирь и области центральной Азіи остались и въ настоящемъ году необработанными.

При обработкѣ матеріала, кромѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ измѣненій, о которыхъ будетъ упомянуто на соотвѣтствующихъ мѣстахъ, приняты слѣдующія дополненія.

Вмѣсто направленія, откуда появилась гроза, т. е. страны свѣта, гдѣ она впервые была замѣчена, мы приводимъ здѣсь направленіе прохожденія грозы, опредѣляемое каждый разъ черезъ

сопоставленіе страны свѣта, въ которой появилась гроза со страною, въ которой она исчезла, принимая во вниманіе ту часть горизонта, въ которой гроза находилась во время ближайшаго разстоянія отъ наблюдательнаго пункта. Это направленіе прохожденія грозы не сводилось, какъ раньше, лишь къ четыремъ главнымъ направленіямъ съ указаніемъ средняго направленія въ градусахъ, но кромѣ того вычислялись проценты повторяемости каждаго изъ 8 направленій.

При этомъ болѣе надежный и полный матеріалъ, въ сравненіи съ предыдущимъ, позволилъ намъ нынѣ болѣе подробно изслѣдовать суточный періодъ грозъ. Въ предыдушемъ моемъ трудѣ, я вынужденъ былъ довольствоваться указаніемъ повторяемости грозъ въ дополуденное, послѣполуденное и ночное время, раздѣливъ сутки на три части; въ настоящее же время я могъ прослѣдить суточный періодъ за каждый часъ, подраздѣляя сутки на 24 часовыхъ промежутка и вычисляя количество грозъ, приходящееся на каждый часъ. Часовымъ промежуткомъ я считаю всегда предшествующій часъ, такъ напримѣръ 2 ч. п. пд. обозначаютъ время, истекшее съ 1 ч. п. пд. до 2 ч. п. пд. Затѣмъ при вычисленіи количества грозъ, приходящихся на извѣстный часъ, я поступалъ иначе, чѣмъ это дѣлаютъ въ Германіи. Тамъ обыкновенно относятъ грозу къ тому часу, въ который наблюдалось ея начало, я же, по образцу Феррари, принялъ ближайшее разстояніе грозы отъ мѣста наблюденій за самую выдающуюся фазу явленія и согласно этому распредѣлялъ грозы по часамъ.

Оба метода не лишены недостатковъ. Въ такихъ сложныхъ явленіяхъ, какъ грозовыя, трудно въ дѣйствительности съ достаточною точностью опредѣлить моментъ ближайшаго разстоянія грозы отъ мѣста наблюденій, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюдатель не можетъ съ достовѣрностью сказать, была ли одна только гроза или нѣсколько, слѣдующихъ другъ за другомъ. Съ другой стороны начало грозы можетъ легко пройти незамѣченнымъ, особенно въ шумныхъ городахъ или же въ такихъ случаяхъ, когда наблюдатели, вслѣдствіе постороннихъ занятій, не могутъ постоянно слѣдить за всякими явленіями въ природѣ. Въ особенности же сомнительно указаніе начала грозы ночью, такъ какъ спящій наблюдатель слышитъ обыкновенно грозу лишь въ то время, когда она достигнетъ извѣстной степени развитія.

Такимъ образомъ при употребленіи обоихъ методовъ не возможно избѣгнуть ошибокъ въ опредѣленіи времени, но разница въ томъ, что моментъ ближайшаго разстоянія грозы отъ наблюдательнаго пункта опредѣляется разъ слишкомъ рано, другой разъ слишкомъ поздно, между тѣмъ какъ моментъ начала грозы почти всегда отмѣчается слишкомъ поздно, вслѣдствіе чего совершается при этомъ систематически одинаковая погрѣшность. Въ виду этого, представивъ суточный періодъ грозъ графически, погрѣшности по принятому нами методу взаимно почти уничтожаются, вызвавъ только незначительное сплощеніе кривой въ максимумѣ, между тѣмъ какъ погрѣшности втораго метода отодвигаютъ кривую на нѣкоторое разстояніе, вслѣдствіе чего максимумъ грозъ выходитъ позднѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

Принятый нами методъ не соотвѣтственъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюдатель отмѣтилъ лишь начало и конецъ грозы, не упоминая ничего о моментѣ ближайшаго ея разстоянія отъ станціи. Но такіе случаи сравнительно весьма рѣдки, такъ какъ Обсерваторія не разъ обращалась къ наблюдателямъ съ просьбою избѣгать по возможности подобнаго рода пропусковъ. Въ подобныхъ случаяхъ я принималъ за моментъ ближайшаго разстоянія грозы, среднее время между началомъ и концомъ ея.

Я счелъ себя въ полномъ правѣ сдѣлать это, такъ какъ невозможно допустить a priori, чтобы гроза при прохожденіи черезъ данный пунктъ мѣняла свою скорость. Но, принявъ въ соображеніе сдѣланное мною раньше замѣчаніе, что наблюдатели отмѣчаютъ обыкновенно начало грозы слишкомъ поздно, мы должны заключить, что моментъ ближайшаго разстоянія грозы большею частью будетъ ближе начала, чѣмъ конца явленія. Дабы

поэтому рѣшить вопросъ, на сколько мы въ правѣ считать среднее время между началомъ и концомъ грозы моментомъ ближайшаго ея растоянія отъ мѣста наблюденій въ тѣхъ случаяхъ, когда моментъ этотъ не былъ опредѣленъ наблюдателемъ, и какъ велика совершаемая при этомъ погрѣшность, я изслѣдовалъ около 900 правильно записанныхъ грозъ съ нужными указаніями времени и нашелъ, что въ 18% грозъ ближайшее ихъ разстояніе отъ мѣста наблюденій какъ разъ совпало съ серединою времени между началомъ и концомъ явленія; въ 46% оно было ближе начала, а въ 36% ближе конца грозы. Изъ этого видно, что случаи меньшаго промежутка времени между моментомъ ближайшаго разстоянія грозы и ея началомъ нежели между этимъ моментомъ и концомъ грозы имѣютъ въ дѣйствительности нѣкоторый, хотя и не большой, перевѣсъ. Но эта незначительная разница не можетъ имѣть большаго вліянія на наши вычисленія. Только весьма незначительное количество наблюденій не заключаетъ, какъ уже упомянуто выше, всѣхъ необходимыхъ данныхъ, касающихся времени. При этомъ бо́льшая часть означенныхъ наблюденій относится къ грозамъ, продолжавшимся не болѣе одного часа или даже меньше того, а въ подобныхъ случаяхъ эта погрѣшность не играетъ никакой роли. Въ остальномъ, небольшомъ количествѣ неопредѣленныхъ грозъ, продолжавшихся въ теченіе болѣе долгаго времени, составляющемъ излишекъ въ 10%, эта погрѣшность не произведетъ замѣтнаго вліянія на общій результатъ.

Остальныя незначительныя перемѣны въ способѣ обработки матеріала будутъ отмѣчены на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, какъ уже упомянуто выше. Въ общемъ мы будемъ придерживаться прежняго порядка и приведемъ сначала обзоръ грозовой дѣятельности въ каждомъ поясѣ отдѣльно и затѣмъ перейдемъ къ общему изслѣдованію грозовой дѣятельности на всемъ пространствѣ Имперіи.

Сѣверный поясъ.

Губерніи: *Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая.*

Станцій 38, грозъ 421, грозовыхъ дней 377.

Число грозъ въ сутки 1,22, число грозъ на каждый наблюдательный пунктъ 11,78 [1]).

	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сент.
Число наблюдательныхъ пунктовъ:	38	36	35	35	35
» грозъ:	92	79	224	24	2
» грозовыхъ дней:	81	69	202	23	2
» грозъ для каждаго пункта:	2,4	2,2	6,4	0,7	0,1
» абсолютн. грозовыхъ дней:	21	15	30	9	2

Направленіе движенія грозъ:

	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW
Май	2%	0%	3%	11%	20%	32%	25%	7%
Іюнь	5	0	3	8	15	27	31	11
Іюль	5	6	7	9	23	25	18	7
Августъ. . .	9	0	9	30	22	13	17	0
въ общемъ .	5	3	5	11	20	26	22	8

---

[1]) Это число найдено такимъ-же способомъ, какъ соотвѣтствующія данныя въ выводахъ изъ грозовыхъ наблюденій, а именно помощью суммированія данныхъ для каждаго мѣсяца, причемъ введены еще и нѣкоторыя грозы, разразившіяся въ теченіе зимы и не вошедшія въ составъ таблицъ выводовъ.

	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	въ общемъ.
N.	5	8	26	2	41
E.	8	5	30	5	49
S.	37	24	84	10	155
W	41	37	73	6	156
E—W	—33	—32	—43	— 1	—107
N—S.	—32	—16	—58	— 8	—114
Направленіе: . .	S 46° W	S 63° W	S 37° W	S 7° W	S 43° W
градовые случаи	12	8	18	2	40
1 гроза съ градомъ на:	8	10	12	12	11 грозъ.

24% было слабыхъ и 22% сильныхъ грозъ.

39% грозъ продолжалось меньше одного часа и 22% больше двухъ часовъ.

Самая ранняя гроза разразилась 3-го мая въ *Моднѣ* (Новгородской губерніи), самая поздняя—29-го сентября въ *Валдаѣ* (Новгородской губерніи).

Прибалтійскій поясъ.

Губерніи: *С.-Петербургская, Эстляндская, Лифляндская, Курляндская, Псковская, Ковенская, Витебская.*

Станцій 54, грозъ 819, грозовыхъ дней 628.

Число грозъ въ сутки 1,30, число грозъ на каждый пунктъ 16,51.

	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сент.
Число наблюдательныхъ пунктовъ:	51	51	52	49	49	49
Число грозъ:	16	157	126	410	96	11
Число грозовыхъ дней .	15	140	105	339	86	10
Число грозъ для каждаго пункта:	0,3	3,1	2,5	8,4	2,0	0,2
Число абсолютныхъ грозовыхъ дней:	5	20	17	29	18	5

Направленіе движенія грозъ:

	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW
Май	0%	2%	7%	23%	21%	30%	14%	3%
Іюнь	3	3	2	5	13	31	34	9
Іюль	3	3	6	16	20	34	13	5
Августъ. . .	1	12	21	26	5	18	6	11
въ общемъ .	2	4	7	17	18	31	16	5

	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	въ общемъ.
N.	3	11	25	9	47
E.	27	7	57	26	118
S.	67	36	169	18	290
W	43	64	121	13	241
E—W	—16	—57	— 64	13	—123
N—S.	—64	—25	—144	— 9	—243
Направленіе. . .	S 14° W	S 66° W	S 24° W	S 55° E	S 27° W
градовые случаи	22	6	22	2	52
1 гроза съ градомъ на	7	21	19	47	16 грозъ.

29% было слабыхъ и 16% сильныхъ грозъ.

37% грозъ продолжалось меньше одного часа и 28%—больше двухъ часовъ.

Самая ранняя гроза разразилась 12 апрѣля въ *Алытъ-Субботѣ* (Курляндской губерніи), самая поздняя — 22-го октября въ *Перновѣ* (Лифляндской губерніи).

Западный поясъ.

Губерніи: *Царство польское, Минская, Виленская, Черниговская, Могилевская, Волынская.*

Станцій 56, грозъ 982, грозовыхъ дней 888.

Число грозъ въ сутки 1,11, число грозъ на каждый наблюдательный пунктъ 19,47.

	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сент.	Окт.
Число наблюдательн. пункт.	47	48	52	52	49	49	49
Число грозъ: . .	60	148	214	376	122	45	15
Число гроз. дней	55	141	188	329	116	42	15
Число грозъ для кажд. пункта:	1,3	3,1	4,1	7,2	2,5	0,9	0,3
Число абсолютн. грозов. дней:	12	20	24	29	25	13	9

Направленіе движенія грозъ:

	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW
Апрѣль . . .	0%	0%	6%	9%	16%	32%	23%	14%
Май	1	3	6	17	13	37	17	6
Іюнь	2	7	6	9	6	31	21	18
Іюль	2	11	10	27	16	18	7	9
Августъ . . .	4	6	1	9	14	25	25	16
Сентябрь . .	0	0	0	6	4	40	38	12
въ общемъ .	2	7	6	17	12	27	17	12

	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сент.	въ общ.
N	4	7	26	41	16	3	96
E.	5	21	25	95	9	1	157
S.	21	51	47	124	33	14	290
W. . . .	26	50	82	68	50	32	308
E—W .	—21	—29	—57	27	—41	—31	—151
N—S. .	—17	—44	—21	—83	—17	—11	—194

Направленіе . . .	S51°W	S33°W	S70°W	S18°E	S67°W	S70°W	S38°W
Градов. случаи	9	7	14	30	7	4	71
1 гроза съ градомъ на	7	21	15	12	17	11	14 грозъ.

26% было слабыхъ и 22% сильныхъ грозъ.

38% грозъ продолжалось меньше одного часа и 23% больше двухъ часовъ.

Самая ранняя гроза разразилась 19-го марта въ *Сувалкахъ*, самая поздняя—29-го октября въ *Кобыжи* (Черниговской губ.).

Сѣверный центральный поясъ.

Губерніи: *Тверская, Ярославская, Костромская, Смоленская, Московская, Владимірская и Нижегородская.*

Станцій 54, грозъ 867, грозовыхъ дней 758.

Число грозъ въ сутки 1,18, число грозъ на каждый наблюдательный пунктъ 17,31.

	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сент.
Число наблюдательныхъ пунктовъ:	50	50	51	52	46	46
Число грозъ:	16	110	192	361	123	62
Число грозовыхъ дней:	16	102	156	322	109	50
Число грозъ для каждаго пункта:	0,3	2,2	3,8	6,9	2,7	1,4
Число абсолютныхъ грозовыхъ дней:	3	17	20	28	15	8

Направленіе движенія грозъ:

	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW
Май	2%	3%	2%	9%	18%	35%	17%	14%
Іюнь	2	6	3	2	6	23	31	27
Іюль	3	7	10	26	10	15	12	17
Августъ. . .	6	19	19	29	5	12	5	5
Сентябрь . .	2	8	6	25	2	22	19	16
въ общемъ .	3	8	8	19	9	20	16	17

	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сент.	въ общ.
N.	10	34	50	21	7	122
E.	8	11	88	48	11	167
S	40	32	101	30	13	216
W	42	99	94	15	20	269
E—W	—34	—88	— 6	33	— 9	—102
N—S.	—30	2	—51	— 9	— 6	— 94

	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сент.	въ общ.
Направленіе: . .	S49°W	N89°W	S7°W	S74°E	S56°W	S47°W
градовые случаи:	18	14	12	4	10	59 [1])
1 гроза съ градомъ на:	6	14	30	31	6	15 грозъ.

27% было слабыхъ и 18% сильныхъ грозъ.

35% грозъ продолжалось меньше одного часа и 21%—больше двухъ часовъ.

Самая ранняя гроза разразилась 25-го апрѣля въ 12 различныхъ пунктахъ, самая поздняя — 18-го октября въ *Новомъ* (Смоленской губерніи).

Южный центральный поясъ.

Губерніи: *Калужская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Курская, Воронежская, Саратовская.*

Станцій 88, грозъ 1255, грозовыхъ дней 1117.

Число грозъ въ сутки 1,12. Число грозъ на каждый наблюдательный пунктъ 15,25.

	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Авг.	Сент.	Окт.
Число наблюдательн. пункт.:	82	81	83	83	82	81	81
Число грозъ: . .	103	234	313	371	175	46	13
Число гроз. дней:	88	208	283	333	149	43	13
Число грозъ для кажд. пункта:	1,3	2,9	3,8	4,5	2,1	0,6	0,2
Число абсолютн. грозов. дней: .	13	24	28	27	19	9	4

[1]) Одинъ градовый случай приходится на Апрѣль мѣсяцъ.

Направленіе движенія грозъ:

	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW
Апрѣль . . .	2%	5%	2%	3%	9%	34%	23%	22%
Май	3	3	3	16	13	37	15	10
Іюнь	5	5	2	5	8	28	22	25
Іюль	5	11	13	24	14	16	6	11
Августъ. . .	3	12	5	10	17	26	16	11
Сентябрь . .	16	5	0	8	3	24	25	19
въ общемъ .	5	8	6	13	11	27	15	15

	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Авг.	Сент.	въ общ.
N	14	21	58	53	21	11	178
E	6	28	22	100	23	2	180
S	26	85	71	110	50	7	349
W	47	84	144	61	50	17	404
E—W.	—41	—56	—122	39	—27	—15	—224
N—S..	—12	—64	— 13	—57	—29	4	—171

Направленіе . . .	S74°W	S41°W	S84°W	S34°E	S43°W	N75°W	S53°W
Градов. случаи	14	20	18	15	9	—	47 [1])
1 гроза съ градомъ на	7	12	17	25	19	—	16 грозъ.

27% было слабыхъ и 17% сильныхъ грозъ.

43% грозъ продолжалось меньше одного часа и 17% — больше двухъ часовъ.

Самая ранняя гроза разразилась 3-го апрѣля въ *Льговѣ* (Курской губерніи), самая поздняя—28-го октября въ 8 различныхъ пунктахъ.

Восточный поясъ.

Губерніи: *Казанская, Вятская, Пермская, Симбирская, Самарская, Уфимская.*

Станцій 43, грозъ 626, грозовыхъ дней 538.

[1]) Одинъ случай града былъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ.

Число грозъ въ сутки 1,16, число грозъ на каждый наблюдательный пунктъ 15,46.

	Май	Іюнь	Іюль	Авг.	Сент.	Окт.
Число наблюдательныхъ пунктовъ:	40	41	40	41	41	41
Число грозъ:	116	186	180	110	26	5
Число грозовыхъ дней:	97	152	158	99	24	5
Число грозъ для каждаго пункта:	2,9	4,5	4,5	2,7	0,6	0,1
Число абсолютныхъ грозовыхъ дней:	19	24	25	21	8	2

Направленіе движенія грозъ:

	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW
Май.	5%	1%	1%	5%	3%	35%	29%	21%
Іюнь	6	2	0	8	2	32	24	26
Іюль	18	19	4	8	7	11	8	25
Августъ . . .	2	12	5	10	8	24	18	21
въ общемъ .	8	9	2	6	6	25	20	24

	Май	Іюнь	Іюль	Авг.	въ общемъ.
N.	17	34	63	17	131
E.	4	3	27	14	49
S.	24	42	25	22	112
W	61	90	42	36	229
E—W.	—57	—87	—15	—22	—180
N—S.	— 7	— 8	38	— 5	19
Направленіе: . .	S83°W	S85°W	N22°W	S77°W	N84°W
Градов. случаи:	11	15	6	1	35 [1]
1 гроза съ градомъ на:	11	12	30	—	18 грозъ.

[1] Градъ выпалъ одинъ разъ въ Сентябрѣ и одинъ разъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ.

28% было слабыхъ и 18% сильныхъ грозъ.

44% грозъ продолжалось меньше одного часа и 20% — больше двухъ часовъ.

Самая ранняя гроза разразилась 13-го апрѣля въ *Маломъ-Узенѣ* и въ *Николаевскѣ* (Самарской губерніи), самая поздняя — 28-го октября въ *Языковѣ* (Симбирской губерніи) и въ *Бѣляевѣ* (Казанской губерніи).

Южный поясъ.

Губерніи: *Полтавская, Харьковская, Херсонская, Бессарабская, Таврическая, Екатеринославская, Подольская, Кіевская.*

Станцій 89, грозъ 1483, грозовыхъ дней 1309.

Число грозъ въ сутки 1,13, число грозъ на каждый наблюдательный пунктъ 17,87.

	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Авг.	Сент.	Окт.
Число наблюдательн. пункт.:	83	85	82	83	82	82	82
Число грозъ: . .	104	277	410	447	168	49	20
Число гроз. дней:	96	232	354	401	153	45	20
Число грозъ для каждаго пункт.:	1,2	3,3	5,0	5,4	2,1	0,6	0,2
Число абсолютн. грозов. дней: .	15	23	27	29	24	11	8

Направленіе движенія грозъ:

	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW
Апрѣль. . . .	3%	1%	1%	5%	15%	34%	21%	20%
Май.	3	5	7	26	15	27	10	7
Іюнь	5	11	17	19	11	16	9	12
Іюль	4	17	17	29	12	12	2	7
Августъ . . .	6	5	3	10	10	23	20	23
въ общемъ .	4	10	12	22	13	19	9	11

	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Авг.	въ общ.
N.....	12	22	64	62	30	190
E.....	4	59	124	156	15	358
S.....	32	111	113	125	39	419
W.....	44	71	88	47	62	313
E—W....	—40	—12	36	109	—47	45
N—S.....	—20	—89	—49	— 63	— 9	—229

Направленіе	S63°W	S8°W	S36°E	S60°E	S79°W	S11°E
Град. случаи	17	39	38	29	4	128 [1]
1 гроза съ градомъ на	6	7	8	15	42	11 грозъ.

29% было слабыхъ и 14% сильныхъ грозъ.

36% грозъ продолжалось больше одного часа и 21% — больше двухъ часовъ.

Самая ранняя гроза разразилась 8-го января въ *Летичевѣ* (Подольской губерніи), самая поздняя — 30-го октября въ 9 различныхъ пунктахъ.

Юго-восточный поясъ.

Губерніи: *Астраханская, Уральская область, Кубанская область, Область Войска Донскаго.*

Станцій 25, грозъ 315, грозовыхъ дней 278.

Число грозъ въ сутки 1,13, число грозъ на каждый наблюдательный пунктъ 13,27.

	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Авг.	Сент.
Число наблюдательныхъ пунктовъ.....	25	25	25	23	22	23
Число грозъ.....	9	68	81	78	64	15
Число грозовыхъ дней..	9	59	73	68	56	13
Число грозъ для каждаго пункта.....	0,4	2,7	3,2	3,4	2,9	0,6

[1]) Градъ выпалъ одинъ разъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Авг.	Сент.
Число абсолютныхъ грозовыхъ дней:	4	17	22	17	20	6

Направленіе движенія грозъ:

	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW
Май.....	6%	2%	5%	12%	6%	29%	29%	11%
Іюнь.....	7	13	6	7	14	22	15	16
Іюль.....	9	15	10	26	13	22	1	4
Августъ..	5	13	0	13	0	24	27	18
въ общемъ.	7	10	5	15	9	24	18	12

	Май	Іюнь	Іюль	Авг.	въ общемъ.
N.....	8	15	13	11	47
E.....	8	11	21	7	47
S.....	17	20	25	10	73
W.....	32	23	10	27	91
E—W.....	—24	—12	11	—20	—44
N—S.....	— 9	— 5	—12	1	—26

Направленіе: ..	S69°W	S67°W	S43°E	N87°W	S59°W
Градов. случаи:	7	5	4	1	22 [1]
1 гроза съ градомъ на:.....	10	16	17	—	18 грозъ.

32% было слабыхъ и 20% сильныхъ грозъ.

35% грозъ продолжалось меньше одного часа и 29% — больше двухъ часовъ.

Самая ранняя гроза разразилась 12-го Апрѣля въ 3 пунктахъ *Области Войска Донскаго*, самая поздняя 23-го Сентября въ *Новочеркасскѣ* и *Усть-Гниловско-Качалинскомъ* (Область Войска Донскаго).

[1]) Градъ выпалъ 4 раза въ Апрѣлѣ и 1 разъ въ Сентябрѣ мѣсяцахъ.

Кавказъ.

Губерніи: *Дагестанская, Терская область, Бакинская, Кутаисская, Черноморская область, Тифлисская, Елисаветпольская.*

Станцій 21, грозъ 428, грозовыхъ дней 392.

Число грозъ въ сутки 1,09. Число грозъ на каждый наблюдательный пунктъ 22,18.

	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Авг.	Сент.	Окт.
Число наблюдательн. пункт.:	19	19	19	19	20	20	20
Число грозъ: . .	12	77	106	99	63	50	15
Число гроз. дней:	12	71	99	90	55	45	14
Число грозъ для кажд. пункта:	0,6	4,0	5,6	5,2	3,2	2,5	0,8
Число абсолютн. грозов. дней: .	5	24	24	27	20	14	6

Направленіе движенія грозъ:

	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW
Май	4%	6%	2%	19%	11%	9%	28%	21%
Іюнь	6	12	12	8	4	19	10	29
Іюль	4	15	11	25	5	7	18	15
Августъ. . .	5	10	0	10	5	20	28	22
Сентябрь . .	2	0	0	0	0	40	28	30
въ общемъ .	4	9	6	14	5	18	21	23

	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сент.	въ общ.
N.	8	14	10	9	7	47
E.	7	11	17	4	0	39
S.	12	9	12	8	8	49
W	20	17	16	19	25	98
E—W	—13	— 6	1	—15	—25	—59
N—S.	— 4	5	— 2	1	— 1	— 2

Направленіе: . .	S73°W	N50°W	S27°E	N86°W	S88°W	S88°W
градовые случаи:	11	8	3	2	4	33 [1])
1 гроза съ градомъ на:	7	13	33	31	12	13 грозъ.

33% было слабыхъ и 9% сильныхъ грозъ.

32% грозъ продолжалось меньше одного часа и 23%—больше двухъ часовъ.

Самая ранняя гроза разразилась 9-го Марта въ *Шушѣ* (Елисаветпольской губерніи), самая поздняя 31-го Декабря въ *Сухумѣ* (Кутаисской губерніи).

Общій обзоръ грозовой дѣятельности въ Европейской Россіи.

Всѣ приведенныя выше данныя для отдѣльныхъ поясовъ мы сопоставимъ въ общихъ таблицахъ и на основаніи ихъ постараемся дать общій обзоръ грозовой дѣятельности въ Европейской Россіи. Эти таблицы составлены по образцу таблицъ въ предыдущемъ моемъ трудѣ о грозахъ, гдѣ и помѣщены относящіяся къ нимъ объясненія. Слѣдуетъ только отмѣтить нижепоименованныя незначительныя отступленія.

Таблица I немного дополнена въ сравненіи съ соотвѣтствующею таблицею предыдущаго моего труда. Она заключаетъ во первыхъ данныя за періодъ времени съ Апрѣля до Октября мѣсяца и во вторыхъ въ нее включены свѣдѣнія относительно повторяемости града. Съ другой стороны въ ней не помѣщены данныя, относящіяся къ суточному періоду грозъ, такъ какъ онѣ въ настоящемъ трудѣ болѣе подробно обработаны и помѣщены отдѣльно въ другомъ мѣстѣ.

Наконецъ надобно замѣтить, что въ таблицѣ I вмѣсто процентнаго числа слабыхъ и очень сильныхъ грозъ помѣщено отношеніе первыхъ ко вторымъ.

---

[1]) Градъ выпалъ одинъ разъ въ Мартѣ, Октябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ.

Изъ таблицы II исключена измѣняемость повторяемости грозъ, такъ какъ о ней судить можно по таблицѣ I изъ абсолютнаго числа грозовыхъ дней. Абсолютная распространенность грозъ выражена въ % поверхности поясовъ, а не въ десятыхъ доляхъ ея, какъ въ предыдущемъ изслѣдованіи. Для удобнаго сравненія этихъ данныхъ въ обѣихъ таблицахъ придется лишь числа въ таблицѣ предыдущаго труда умножить на 10 или, вѣрнѣе сказать, отбросить запятую.

Въ таблицѣ III указано, какъ и раньше, число мѣстъ, въ которыхъ грозы наблюдались каждаго числа.

Въ таблицѣ V приведены тѣ числа, которыя изображены графически въ діаграммѣ, помѣщенной на концѣ настоящаго труда. Но эти числа на половину меньше соотвѣтствующихъ чиселъ въ предыдущемъ моемъ трудѣ. Тамъ именно числа таблицы III умножались на 100 и раздѣлялись на число станцій, дѣйствовавшихъ въ данномъ мѣсяцѣ, затѣмъ полученные такимъ образомъ результаты наносились въ половинномъ масштабѣ графически. На этотъ разъ данныя таблицы III умножены на 50, затѣмъ, раздѣленныя, какъ и раньше, на число дѣйствовавшихъ въ данномъ мѣсяцѣ станцій, прямо употреблены для составленія діаграммы. Такимъ образомъ, обѣ діаграммы можно непосредственно сравнивать между собою.

Наконецъ, надобно еще замѣтить, что такъ какъ въ настоящемъ трудѣ суточный періодъ грозъ изслѣдованъ для каждаго часа отдѣльно, вслѣдствіе чего раздѣленіе сутокъ на три части соотвѣтственно срокамъ, принятымъ для другихъ метеорологическихъ наблюденій, оказывается лишнимъ, то и сутки, принятыя въ настоящемъ трудѣ, соотвѣтствуютъ обыкновеннымъ гражданскимъ суткамъ, т. е. обнимаютъ время съ 12 ч. ночи до 12 ч. ночи. Раньше же я считалъ сутки съ 9 ч. вечера до 9 ч. вечера слѣдующаго дня, какъ это принято при обработкѣ другихъ метеорологическихъ элементовъ. Въ виду этого при сопоставленіи таблицъ III и V я тогда относилъ каждую грозу, разразившуюся послѣ 9 ч. вечера, къ слѣдующему дню. Въ настоящее время

ТАБЛИЦА I.

	Стерлянь ность.	Прибалтійскій поясъ.	Западный поясъ.	Средній центральный поясъ.	Южный центральный поясъ.	Восточный поясъ.	Южный поясъ.	Юго-восточный поясъ.	Кавказъ.
Число грозъ въ сутки	1,22	1,30	1,11	1,18	1,12	1,16	1,13	1,13	1,09
Число грозъ для каждаго пункта:									
въ общемъ	11,78	16,51	19,47	17,31	15,25	15,46	17,87	13,27	22,18
» Апрѣлѣ	—	0,3	1,3	0,3	1,3	—	1,2	0,4	0,6
» Маѣ	2,4	3,1	3,1	2,2	2,9	2,9	3,3	2,7	4,0
» Іюнѣ	2,2	2,5	4,1	3,8	3,8	4,5	5,0	3,2	5,6
» Іюлѣ	6,4	8,4	7,2	6,9	4,5	4,5	5,4	3,4	5,2
» Августѣ	0,7	2,0	2,5	2,7	2,1	2,7	2,0	2,9	3,2
» Сентябрѣ	0,1	0,2	0,9	1,4	0,6	0,6	0,6	0,6	2,5
» Октябрѣ	—	—	0,3	—	0,2	0,1	0,2	—	0,8
Страна свѣта:									
въ общемъ	S 43° W	S 27° W	S 38° W	S 47° W	S 53° W	N 84° W	S 11° E	S 50° W	S 88° W
» Апрѣлѣ	—	—	S 51 W	—	S 74 W	—	S 63 W	—	—
» Маѣ	S 46 W	S 14 W	S 33 W	S 49 W	S 41 W	S 83 W	S 8 W	S 69 W	S 73 W
» Іюнѣ	S 63 W	S 66 W	S 70 W	N 89 W	S 84 W	S 85 W	S 36 E	S 67 W	N 50 W
» Іюлѣ	S 37 W	S 24 W	S 18 E	S 7 W	S 34 E	N 22 W	S 60 E	S 43 E	S 27 E
» Августѣ	S 7 W	S 55 E	S 67 W	S 74 E	S 43 W	S 77 W	S 79 W	N 87 W	N 86 W
» Сентябрѣ	—	—	S 70 W	S 56 W	N 75 W	—	—	—	S 88 W
Градъ:									
Число градовыхъ случаевъ	40	52	71	59	77	35	128	22	33
На сколько грозъ приходится 1 съ градомъ	11	16	14	15	16	18	11	18	13
Сила:									
Отношеніе слабыхъ къ очень сильнымъ грозамъ	1,1	1,8	1,2	1,5	1,6	1,5	2,1	1,6	3,7
Абсолютное число грозовыхъ дней:									
въ Апрѣлѣ	—	5	12	3	13	2	15	4	5
» Маѣ	21	20	20	17	24	19	23	17	24
» Іюнѣ	15	17	24	20	28	24	27	22	24
» Іюлѣ	30	29	29	28	27	25	29	17	27
» Августѣ	9	18	25	15	19	21	24	20	20
» Сентябрѣ	2	5	13	8	9	8	11	6	14
» Октябрѣ	—	2	9	2	4	2	8	—	6
» общемъ	77	96	134	93	124	101	144	86	123

ТАБЛИЦА II.

	Сѣверный поясъ.	Прибалтій-скій поясъ.	Западный поясъ.	Сѣверный центральный поясъ.	Южный центральный поясъ.	Восточный поясъ.	Южный поясъ.	Юго-восточ-ный поясъ.	Кавказъ.
Измѣненіе распространенности.									
Апрѣль—Май	—	2,6	1,4	1,3	1,2	—	1,7	1,6	1,4
Май—Іюнь	1,3	0,9	1,1	1,5	1,1	1,2	1,3	0,9	1,4
Іюнь—Іюль	1,5	2,0	1,5	1,3	1,2	1,0	1,1	1,4	0,8
Іюль—Августъ	0,4	0,4	0,4	0,7	0,7	0,7	0,5	0,7	0,8
Августъ—Сентябрь	0,6	0,4	0,7	1,0	0,6	0,6	0,6	0,7	1,1
Сентябрь—Октябрь	—	—	0,5	—	0,7	0,7	0,5	—	0,7
Абсолютная распространенность въ %.									
Апрѣль	—	6	11	11	10	—	8	9	13
Май	11	15	15	13	12	13	14	16	17
Іюнь	15	15	17	19	13	19	18	15	23
Іюль	21	29	25	25	17	18	19	20	19
Августъ	8	11	10	18	11	13	9	15	16
Сентябрь	4	4	7	17	6	6	5	11	18
Октябрь	—	—	4	—	4	4	3	—	12

ТАБЛИЦА III.

Число.	Апрѣль.									Май.									
	Сѣверный поясъ.	Прибалтій-скій поясъ.	Западный поясъ.	Сѣверный центр. поясъ.	Южный центр. поясъ.	Восточный поясъ.	Юго-восточ-ный поясъ.	Кавказъ.	Сумма.	Сѣверный поясъ.	Прибалтій-скій поясъ.	Западный поясъ.	Сѣверный центр. поясъ.	Южный центр. поясъ.	Восточный поясъ.	Юго-восточ-ный поясъ.	Кавказъ.	Сумма.
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	4	—	5	—	12
2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	12
3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	8	1	17
4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	4
5	2	—	1	—	—	—	—	—	2	—	—	11	1	1	—	1	—	12
6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28
7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	34
8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	45
9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	51
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	55
11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	45
12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	6
13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	30
14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	10
15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	17
16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	58
17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	37
18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	25
19	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	35
20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	81
21	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	78
22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	24
23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	45
24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	59
25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32
26	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	25
27	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	67
28	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	65
29	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	50
30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	24
31	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	48

ТАБЛИЦА III.

Число.	Іюнь.										Іюль.									
	Сѣверный поясъ.	Прибалтійскій поясъ.	Западный поясъ.	Сѣверный центр. поясъ.	Южный центр. поясъ.	Восточный поясъ.	Южный поясъ.	Юго-восточный поясъ.	Кавказъ.	Сумма.	Сѣверный поясъ.	Прибалтійскій поясъ.	Западный поясъ.	Сѣверный центр. поясъ.	Южный центр. поясъ.	Восточный поясъ.	Южный поясъ.	Юго-восточный поясъ.	Кавказъ.	Сумма.
1	1	3	5	5	18	5	10	2	3	52	3	**31**	**15**	1	—				3	54
2	1	1		9	**22**	2	**26**	**13**	**5**	**79**	**13**	1	14	**20**	**7**	2	1		1	**55**
3	3			—	7	**13**	6	9	3	41	1	9	11	—	2	2	2		2	28
4		—	—	—	1	11	3	1	4	20	—	**16**	12	—	—	2	9	—	2	41
5	3	—	**8**	2	1	4	2	3	3	26	6	4	10	—	1	1	4	—	**5**	31
6	**11**	1	—	11	3	3	4	2	—	35	7	**14**	10	4	1	1	8	—	1	46
7	4	2	10	**38**	21	—	2	3	—	**80**	7	10	12	5	—	—	**12**	—	3	**49**
8	—	6	**19**	1	**25**	3	7	4	—	65	6	2	11	7	2	2	9	—	1	38
9	4	18	16	5	8	4	**17**	**6**	7	85	6	1	14	14	2	**7**	1	—	—	45
10	**17**	**25**	17	**26**	15	1	4	—	7	**112**	**13**	**11**	**16**	**18**	3	1	3	—	4	**69**
11	—	—	1	16	**24**	3	**20**	4	**10**	80	2	4	12	11	13	—	10	—	5	57
12	—	—	1	—	2	**10**	8	3	7	31	2	18	13	14	9	2	**22**	1	**8**	**89**
13	—	—	1	—	—	5	—	2	5	13	2	**21**	16	9	19	3	5	1	5	81
14	—	—	1	1	1	—	**9**	—	3	18	3	10	17	8	**35**	**9**	8	—	2	92
15	2	—	2	2	—	—	—	—	2	8	2	13	22	**17**	23	**9**	27	4	2	119
16	2	**5**	**10**	1	1	—	—	—	**37**		**13**	19	**24**	10	17	3	27	3	3	119
17	—	1	2	1	1	—	—	1	6		7	**25**	17	5	18	5	**37**	**6**	1	121
18	1	—	14	1	1	**6**	—	—	43		14	16	9	**20**	17	**9**	29	2	6	**122**
19	—	—	**19**	2	18	1	**23**	—	1	**64**	**16**	1	10	8	**24**	2	23	1	2	87
20	—	1	—	1	**26**	6	8	—	3	45	6	8	8	**26**	22	3	9	1	**7**	90
21	—	**5**	**7**	2	14	7	7	2	2	46	8	**28**	**23**	8	7	7	17	1	5	**104**
22	1	3	4	—	11	11	8	**4**	**7**	49	**14**	17	5	**20**	2	**10**	**27**	3	6	**104**
23	1	—	1	1	9	10	16	1	4	43	9	6	1	3	**14**	8	10	**9**	5	65
24	1	—	1	—	9	**12**	**32**	2	5	**63**	**20**	13	—	**31**	13	12	4	2	1	**96**
25	2	—	6	—	4	**12**	29	1	2	54	9	—	1	7	5	**20**	12	—	—	54
26	—	1	7	—	2	1	**37**	1	2	51	2	5	5	5	6	17	8	9	1	53
27	**16**	**25**	**12**	**17**	12	5	14	—	1	**102**	2	5	6	3	10	13	26	7	1	**73**
28	—	—	10	14	**21**	**15**	3	2	4	69	1	11	**11**	7	17	4	**35**	2	2	**90**
29	—	—	11	—	5	—	**15**	**6**	4	41	1	8	3	4	**19**	—	9	7	**6**	57
30	—	5	4	—	1	—	6	—	**5**	21	**6**	**13**	—	1	8	—	7	—	**9**	60
31											1	5		14	**23**	6	—		—	54

Число.	Августъ.										Сентябрь.									
	Сѣверный поясъ.	Прибалтійскій поясъ.	Западный поясъ.	Сѣверный центр. поясъ.	Южный центр. поясъ.	Восточный поясъ.	Южный поясъ.	Юго-восточный поясъ.	Кавказъ.	Сумма.	Сѣверный поясъ.	Прибалтійскій поясъ.	Западный поясъ.	Сѣверный центр. поясъ.	Южный центр. поясъ.	Восточный поясъ.	Южный поясъ.	Юго-восточный поясъ.	Кавказъ.	Сумма.
1	—	16	3	4	3	4	—	8	—	38	—	—	1	—	—	—	6	—	—	7
2	1	**19**	2	—	13	8	—	—	—	43	—	—	—	—	—	—	**12**	—	1	13
3	3	6	5	**29**	**14**	7	6	—	1	**71**	—	—	—	—	2	—	8	**6**	**4**	**20**
4	—	5	6	18	5	7	1	2	2	46	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3
5	1	7	5	16	16	8	9	3	1	**66**	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
6	—	3	9	12	**18**	5	6	2	1	56	—	—	—	—	1	—	7	—	—	8
7	—	—	6	2	9	4	**16**	4	3	44	—	—	—	—	—	2	—	1	—	3
8	—	—	**10**	—	4	1	4	**6**	7	32	—	—	1	1	—	1	—	1	1	5
9	1	—	8	—	—	—	**15**	2	1	27	—	—	1	—	1	1	—	—	—	3
10	—	—	—	—	—	1	12	—	1	14	—	—	3	—	—	—	—	—	—	3
11	—	—	—	—	—	—	7	**6**	**7**	20	—	—	—	2	1	—	—	—	2	5
12	—	—	1	—	—	—	1	2	6	10	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
13	—	2	2	—	—	3	—	—	1	8	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
14	—	4	4	—	—	8	—	1	2	**19**	—	2	2	—	—	—	1	—	—	5
15	—	—	—	1	1	1	—	—	—	3	—	—	—	1	—	—	1	2	3	7
16	8	—	1	**7**	2	7	4	—	1	30	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2
17	1	—	—	4	**6**	**17**	—	1	2	**31**	—	—	1	—	1	—	—	—	—	5
18	—	2	6	1	—	6	2	—	—	17	—	—	1	8	**21**	2	—	—	—	33
19	—	3	**8**	—	—	4	1	**3**	—	19	—	—	2	**29**	12	3	—	—	4	**53**
20	—	3	—	—	—	—	2	1	—	6	—	—	—	1	3	**11**	—	—	**8**	23
21	—	—	2	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	3	—	—	2	5
22	—	1	4	—	—	—	**22**	2	2	**39**	—	—	—	—	—	—	4	—	2	6
23	—	3	8	—	4	—	9	2	1	27	—	—	3	—	—	—	1	2	5	11
24	1	1	6	3	10	—	13	1		35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
25	3	2	8	**6**	**12**	—	5	**5**	3	44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
26	—	**5**	2	4	8	1	2	2	4	28	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
27	4	1	3	1	3	2	1	1	2	18	—	—	8	—	—	—	—	—	—	8
28	—	2	**4**	—	—	2	2	—	**7**	19	—	1	**16**	4	—	—	1	—	—	**22**
29	—	—	1	1	**11**	2	5	2	—	**22**	1	—	1	4	—	—	—	—	**5**	11
30	—	—	**2**	—	—	1	3	—	—	6	—	—	—	—	1	—	3	—	4	8
31	—	—	—	—	—	—	5	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

каждая гроза отнесена къ тому дню по гражданскому счисленію времени, въ который она дѣйствительно разразилась.

Переходя теперь къ обзору грозовой дѣятельности, мы раньше всего должны замѣтить, что намъ представилась возможность распространить въ настоящее время наши изслѣдованія на болѣе длинный періодъ времени, въ сравненіи съ предыдущимъ трудомъ, ибо вся наша грозовая сѣть дѣйствовала безпрерывно въ продолженіе цѣлаго года. Мы видимъ, что послѣ нѣсколькихъ спорадическихъ грозъ въ предшествующіе мѣсяцы, грозовая дѣятельность достигаетъ въ *Апрѣлѣ* полнаго своего развитія. Въ теченіе этого мѣсяца на всемъ пространствѣ Имперіи, за исключеніемъ сѣвернаго пояса, наблюдались грозы. Уже въ первой декадѣ Апрѣля было нѣсколько грозъ (см. выше, таблица III). Но только 10-го Апрѣля отмѣчены болѣе многочисленныя грозы въ южномъ поясѣ, которыя постепенно умножаются и распространяются, такъ что 11-го Апрѣля онѣ уже разразились въ 37 пунктахъ южнаго и южнаго центральнаго поясовъ. 12-го Апрѣля грозовая дѣятельность достигаетъ еще большей распространенности и обнимаетъ уже 6 поясовъ. Въ теченіе послѣдующихъ дней она значительно уменьшается и 16-го Апрѣля совершенно затихаетъ, чтобы потомъ возобновиться съ большею силою 24-го Апрѣля и достигаетъ другаго максимума 25-го того же мѣсяца. 29-го и 30-го Апрѣля весьма сильныя грозы наблюдались на юго-западѣ Россіи, и въ то время грозовая дѣятельность достигаетъ третьяго и самаго главнаго максимума въ теченіе этого мѣсяца. Въ общемъ грозовая дѣятельность въ Апрѣлѣ концентрировалась главнымъ образомъ на юго-западѣ Имперіи. Самое большое число грозъ на каждый наблюдательный пунктъ, а равно и абсолютное число грозовыхъ дней приходится на западный, южный и южный центральный поясы. Направленіе WSW доказываетъ, что грозы являлись къ намъ преимущественно изъ западной Европы.

Въ *Маѣ* мѣсяцѣ грозовая дѣятельность достигаетъ полнѣйшаго развитія на всемъ пространствѣ Россіи. Число грозъ для

каждаго пункта, ихъ распространенность и абсолютное число грозовыхъ дней вездѣ значительно увеличились и нѣтъ такого дня, въ который бы гроза не наблюдалась по крайней мѣрѣ на одной изъ станцій. За исключеніемъ Кавказа, самою большею грозовою дѣятельностью отличаются южный, западный и прибалтійскій поясы, въ которыхъ и отмѣчено самое большое количество грозъ для каждаго наблюдательнаго пункта. Распространенность болѣе всего возрасла въ прибалтійскомъ поясѣ. Грозовая дѣятельность достигаетъ въ этомъ мѣсяцѣ 6 максимумовъ (см. таблицу III), изъ которыхъ самые интересные два, а именно: 10-го Мая, когда грозовая дѣятельность концентрировалась главнымъ образомъ на южномъ центральномъ поясѣ, гдѣ и вызвала весьма многочисленныя грозы, и 27-го Мая; въ этотъ день грозы наблюдались во всей Россіи.

Сравнивая направленіе движенія грозъ въ отдѣльныхъ поясахъ, мы замѣтимъ два теченія. Одно, являясь по всей вѣроятности изъ западной Европы черезъ западный и прибалтійскій поясы, рождаетъ грозы въ сѣверной и центральной Россіи. Второе идетъ отъ Чернаго моря, откуда грозы распространяются лучеобразно на южный поясъ (направленіе S), на юго-восточный поясъ и на Кавказъ (въ обоихъ случаяхъ направленіе W). Восточный поясъ обязанъ своими грозами преимущественно западнымъ областямъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ западное направленіе движенія грозъ.

Іюнь представляетъ собою черезвычайно интересныя особенности. Въ большинствѣ поясовъ грозовая дѣятельность значительно возрастаетъ, особенно въ южномъ поясѣ, между тѣмъ какъ въ прибалтійскомъ и сѣверномъ поясахъ она ослабѣваетъ. Какъ число грозъ для каждаго пункта, такъ и абсолютное число грозовыхъ дней въ обоихъ поясахъ уменьшается, а въ балтійскомъ поясѣ даже распространенность явленій слабѣе. Разсматривая синоптическія карты и ниже приведенный обзоръ распредѣленія атмосфернаго давленія въ этомъ мѣсяцѣ, мы замѣчаемъ, что кромѣ первой декады, въ теченіе которой разразилось много

грозъ въ упомянутыхъ обоихъ поясахъ, весьма незначительное количество минимумовъ прошло въ этомъ мѣсяцѣ черезъ сѣверную Россію. Вообще этотъ мѣсяцъ отличался вездѣ тихою и ясною погодою. Въ теченіе почти всего Іюня, царствовало во Франціи высокое давленіе, полоса котораго доходила иногда и до Россіи. Атмосферное давленіе на всемъ пространствѣ Россіи было въ большинствѣ случаевъ ниже нормальнаго, температура постепенно увеличивалась отъ сѣвера къ югу, и вслѣдствіе высокой температуры на югѣ во второй половинѣ мѣсяца тамъ образовалась незначительная депрессія, породившая грозы. Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что направленіе движенія грозъ въ южномъ поясѣ было SE, въ юго-восточномъ — SW и на Кавказѣ—NW; это указываетъ на центръ грозъ у Чернаго моря.

Сѣверные же поясы находятся подъ вліяніемъ минимумовъ, являющихся отъ запада, вслѣдствіе чего направленіе движенія грозъ тамъ вездѣ западное. Грозы сѣвернаго центральнаго, южнаго центральнаго и южнаго поясовъ сходятся всѣ въ восточномъ поясѣ и значительно усиливаютъ въ немъ грозовую дѣятельность.

Упомянутый выше минимумъ на югѣ, образовавшійся вслѣдствіе высокой температуры на Черномъ морѣ, а въ особенности на Кавказѣ, достигъ еще бо́льшаго развитія въ *Іюлѣ* мѣсяцѣ и порожденныя имъ теченія грозъ оказываютъ по видимому свое вліяніе на все пространство Имперіи. Вслѣдствіе этого вездѣ преобладаетъ южное направленіе грозъ, а въ южныхъ областяхъ даже юго-восточное, а именно: въ западномъ, южномъ центральномъ, южномъ и юго-восточномъ поясахъ. Но сѣвернѣе замѣтно то же вліяніе сѣвернаго теченія грозъ, какъ видно по преобладающему SSW направленію въ прибалтійскомъ и SW направленію въ сѣверномъ поясѣ. Грозовая дѣятельность на всемъ пространствѣ Россіи достигаетъ самой большой напряженности, особенно же въ прибалтійскомъ, западномъ, сѣверномъ центральномъ и сѣверномъ поясахъ. На всемъ этомъ пространствѣ значительно возрасли какъ число грозъ для каждаго наблюдательнаго пункта, такъ и абсолютное число грозовыхъ

дней наравнѣ съ распространенностью грозъ. Громадное развитіе грозовой дѣятельности въ прибалтійскомъ поясѣ, гдѣ она достигаетъ въ этомъ мѣсяцѣ максимума за весь періодъ и для всего пространства Россіи доказываетъ, если принять еще въ соображеніе и направленіе движенія грозъ, что прибалтійскій поясъ находился подъ вліяніемъ обоихъ теченій грозъ.

Особенное исключеніе составляетъ восточный поясъ, гдѣ грозы по преимуществу являются съ NW. Это направленіе рѣзко отклоняется отъ общегосподствующаго въ Имперіи и даже прямо противоположно направленію, наблюдаемому въ сосѣднемъ юго-восточномъ поясѣ. Эту аномалію можно объяснить только предположеніемъ, что грозы идущія съ юга, весьма рѣдко переступаютъ Волгу и входятъ въ область восточнаго пояса, и что большинство грозъ этого пояса зарождается между верхними теченіями Двины и Волги. Дѣйствительно, въ теченіе дней, самыхъ богатыхъ грозами въ этомъ поясѣ, а именно: 9, 14, 15, 18, 22—27 господствуетъ почти вездѣ на сѣверѣ высокое давленіе, а въ упомянутомъ районѣ Двины и Волги максимумъ температуры, которому и обязаны по всей вѣроятности своимъ происхожденіемъ грозы, помимо относительно высокаго атмосфернаго давленія.

Въ *Августѣ* мѣсяцѣ грозовая дѣятельность вездѣ значительно ослабѣваетъ. Всѣ характеризующіе ее элементы какъ-то: число грозъ для каждаго наблюдательнаго пункта, абсолютное число грозовыхъ дней и распространенность грозъ, уменьшились особенно замѣтно въ сѣверномъ поясѣ. Этотъ мѣсяцъ однако богатъ еще грозами и нѣтъ дня, въ который гдѣ нибудь не наблюдалась бы гроза. Грозовая дѣятельность особенно развивается въ теченіи первой декады, затихаетъ къ серединѣ мѣсяца, чтобы къ концу его явиться вновь въ послѣдней декадѣ, но съ значительно меньшею энергіею, чѣмъ въ первой. Направленіе движенія грозъ отличается еще болѣе выдающимися особенностями, чѣмъ въ предшествующихъ мѣсяцахъ, и указываетъ безъ сомнѣнія на существованіе грозоваго центра въ области

средняго теченія Волги, не вдалекѣ отъ сліянія ея съ Камою. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдуя обильную грозами первую декаду, вліяніе которой во всякомъ случаѣ преобладаетъ, мы замѣтимъ по синоптическимъ картамъ, что въ это время господствовалъ въ упомянутой области минимумъ атмосфернаго давленія, между тѣмъ какъ на сѣверо-западѣ Европы наблюдалось высокое давленіе. Отъ этого минимума грозы распространяются лучеобразно къ NW на сѣверный центральный и прибалтійскій поясы, къ N на сѣверный и къ NE на восточный поясъ. Южные пояса находятся подъ вліяніемъ теченія грозъ отъ SW. При этомъ поражаетъ различіе направленія теченій въ сосѣднихъ областяхъ. Въ балтійскомъ поясѣ оно SE, въ сѣверномъ центральномъ ESE, въ западномъ WSW и въ южномъ центральномъ SW. Изъ этого видно, что оба теченія мало оказывали вліянія другъ на друга и сѣверное теченіе грозъ по видимому шло преимущественно противъ теченія Волги, южное же только въ рѣдкихъ случаяхъ переходило черезъ рѣку.

Въ теченіе *Сентября* мѣсяца грозовая дѣятельность приближается къ концу. Во всякомъ случаѣ энергія ея еще сильнѣе убываетъ, хотя она и проявляется по всему пространству Имперіи.

Наконецъ въ *Октябрѣ* мѣсяцѣ она мало по малу исчезаетъ совершенно и затѣмъ являются лишь отдѣльныя спорадическія грозы.

Бросивъ бѣглый взглядъ на весь грозовой періодъ, мы увидимъ, что этотъ годъ можно причислить къ самымъ обильнымъ грозами[1]). Во всей западной полосѣ, за исключеніемъ Кавказа, приходится по 19,5 грозъ на каждый наблюдательный пунктъ, а даже и въ сѣверномъ поясѣ наблюдалось по 11,8 грозъ на каждой станціи. Распространенность грозовой дѣятельности достигаетъ тоже значительныхъ размѣровъ, она напр. на протяженіи

1) Срав. соотвѣтствующія данныя въ «Климатѣ Россіи» Веселовскаго и «Грозы Россіи» Клоссовскаго.

Прибалтійскихъ губерній въ Іюлѣ мѣсяцѣ обнимаетъ въ среднемъ 29% всего пространства.

Самаго большаго развитія достигаетъ грозовая дѣятельность, опять таки за исключеніемъ Кавказа, въ юго-западной части Имперіи, оттуда она по всѣмъ направленіямъ уменьшается и, начиная съ этой части Россіи, число грозъ, приходящихся на каждый наблюдательный пунктъ, постепенно уменьшается, отношеніе же очень сильныхъ грозъ къ весьма слабымъ возрастаетъ. Замѣчательна однако совершенная противуположность этихъ отношеній, въ сѣверномъ поясѣ и на Кавказѣ. Въ сѣверномъ поясѣ, при самомъ маломъ количествѣ грозъ для каждаго наблюдательнаго пункта, отношеніе слабыхъ грозъ къ сильнымъ самое незначительное и наблюдалось почти одинаковое число какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ грозъ. Напротивъ того, на Кавказѣ видно самое большое количество грозъ для каждаго наблюдательнаго пункта и при этомъ слабыя грозы замѣтно преобладаютъ.

Разсматривая затѣмъ среднее направленіе движенія грозъ въ теченіе всего періода, мы замѣчаемъ вообще видимое преобладаніе направленія SW. Только въ юго-восточной части Имперіи замѣтно вліяніе много разъ упоминаемаго центра грозъ на Черномъ морѣ, и дѣйствительно, грозы направляются по радіусамъ отъ этого центра во всѣ стороны: въ южномъ поясѣ къ NNW, въ юго-восточномъ къ NE и на Кавказѣ къ E.

Я долженъ отказаться отъ сравненія результатовъ изъ наблюденій нынѣшняго года съ прошлогодними, такъ какъ съ одной стороны наблюденія за 1884 годъ слишкомъ не полны, съ другой-же стороны, что еще важнѣе, какія либо заключенія относительно столь разнообразныхъ явленій, какъ грозовыя, на основаніи двухлѣтнихъ наблюденій немыслимы.

Суточный періодъ грозъ.

Имѣющійся подъ рукою болѣе полный матеріалъ позволяетъ, какъ я упомянулъ уже во введеніи, ближе разсмотрѣть

суточный періодъ грозъ, чего не возможно было сдѣлать въ моемъ предшествующемъ трудѣ.

Само собою разумѣется, наблюденія за одинъ годъ не могутъ служить основаніемъ для открытія положительныхъ законовъ, но интересно указать на нѣкоторыя особенности суточнаго періода и такимъ образомъ отмѣтить пункты, на которые должно быть обращено особенное вниманіе при обработкѣ наблюденій за послѣдующіе годы.

Я привожу здѣсь таблицу IV (стр. 33), гдѣ помѣщенъ суточный ходъ для каждаго пояса отдѣльно. Числа въ первой части таблицы получились по способу объясненному во введеніи. Затѣмъ эти числа были графически изображены на координатной бумагѣ и полученныя такимъ образомъ кривыя по возможности однородно сглажены отъ руки. Изъ получившихся отъ этого новыхъ кривыхъ, выведены графически уравненныя числа второй части таблицы.

Если мы на основаніи верхнихъ, не уравненныхъ чиселъ начертимъ кривыя суточнаго періода для каждаго пояса отдѣльно, то замѣтимъ, не обращая вниманія на нѣкоторыя неправильности въ ходѣ кривыхъ (эти неправильности совершенно или по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ исчезнутъ при сопоставленіи наблюденій за нѣсколько лѣтъ) слѣдующее:

При первомъ взглядѣ замѣчается для всѣхъ поясовъ въ общихъ чертахъ слѣдующій простой суточный періодъ: кривыя въ раннія часы приближаются къ прямой линіи, затѣмъ въ 10 ч. или 11 ч. утра онѣ болѣе или менѣе быстро возвышаются и достигаютъ между 4 и 6 ч. пополудни различной величины максимумовъ въ различныхъ поясахъ, затѣмъ къ вечеру онѣ опять также постепенно понижаются, какъ раньше возвышались и переходятъ къ утреннему минимуму. Величина максимума въ различныхъ поясахъ весьма различна, что весьма понятно, такъ какъ большинство грозъ разражается вездѣ въ часы, на которые приходится максимумъ; грозы концентрируются, такъ сказать, въ это время дня, и вслѣдствіе этого ихъ наблюдается большее или

ТАБЛИЦА IV.

СУТОЧНЫЙ ПЕРІОДЪ ГРОЗЪ.

Поясъ.	1ч у.	2ч	3ч	4ч	5ч	6ч	7ч	8ч	9ч	10ч	11ч	12ч	1ч в.	2ч	3ч	4ч	5ч	6ч	7ч	8ч	9ч	10ч	11ч	12ч
Не уравненныя числа.																								
Сѣверный	8	3	5	3	2	3	2	6	10	4	9	20	21	30	35	35	36	39	36	27	24	24	20	14
Прибалтійскій	9	5	5	12	3	3	6	7	7	9	19	28	44	47	76	73	88	87	71	44	52	35	23	23
Западный	7	9	7	4	4	4	2	2	10	7	6	20	43	55	79	101	97	88	72	73	52	51	30	18
Сѣверный центр.	11	14	11	13	8	2	11	4	7	3	11	12	27	94	120	131	141	118	101	76	76	59	45	26
Южный центр.	15	13	5	13	8	5	11	7	15	12	19	24	68	94	131	106	141	118	101	76	76	59	45	26
Восточный	6	2	8	4	5	4	6	6	2	5	7	23	42	47	71	64	52	64	41	43	39	19	22	6
Южный	14	8	8	20	9	10	13	11	12	15	34	40	65	114	140	162	172	140	120	76	73	73	70	44	30
Юго-восточный	2	1	1	1	2	4	4	2	2	6	6	14	16	23	38	24	28	26	18	24	18	11	5	7
Кавказъ	1	7	6	6	3	2	2	2	2	3	6	7	20	21	31	35	31	32	21	14	20	11	12	10
Графически уравненныя числа.																								
Сѣверный	8	5	4	3	2	3	4	5	6	9	13	18	24	29	32	36	38	**39**	35	31	26	22	20	14
Прибалтійскій	12	9	7	6	5	3	4	6	9	13	19	28	40	55	69	81	**88**	87	74	57	44	34	27	21
Западный	10	8	6	5	4	3	2	3	6	9	17	28	43	68	87	101	**108**	**108**	100	80	58	42	30	18
Сѣверный центр.	15	12	11	9	7	6	5	4	4	6	9	20	35	55	79	**99**	98	90	79	68	56	43	32	20
Южный центр.	15	12	9	8	7	6	7	8	10	14	21	40	65	93	120	137	**138**	125	108	89	70	55	40	26
Восточный	6	5	5	5	4	4	3	3	2	7	14	23	37	52	65	**67**	63	56	48	40	31	23	16	11
Южный	20	16	14	13	12	11	12	13	16	21	30	48	83	114	140	161	**169**	150	120	94	73	61	51	30
Юго-восточный	4	2	1	1	2	2	2	3	3	3	4	7	18	26	**32**	31	26	24	21	19	16	12	9	5
Кавказъ	6	5	5	5	4	3	2	2	2	4	7	12	17	23	29	**34**	33	30	24	21	17	14	12	10

меньшее количество въ эти часы, смотря по числу грозъ, разразившихся вообще на пространствѣ даннаго пояса.

Время наступленія суточнаго максимума и минимума мѣняется съ каждымъ поясомъ. Для западнаго, сѣвернаго центральнаго и восточнаго пояса минимумъ приходится приблизительно въ 7 ч. утра и максимумъ въ 4 ч. пополудни. Въ прочихъ поясахъ промежутокъ между двумя крайними фазисами возрастаетъ, такъ что въ южномъ, южномъ центральномъ и прибалтійскомъ поясѣ минимумъ замѣтенъ въ 6 ч. утра и максимумъ 5 ч. пополудни, а въ сѣверномъ поясѣ они приходятся въ 5 ч. утра и 6 ч. пополудни. Самый короткій промежутокъ между минимумомъ и максимумомъ замѣчается въ юго-восточномъ поясѣ, гдѣ минимумъ по всей вѣроятности приходится въ 8 ч. утра, а максимумъ въ 3 ч. пополудни.

Есть ли въ суточномъ періодѣ другіе, второстепенные максимумы, можно будетъ съ достовѣрностью рѣшить лишь на основаніи болѣе обильнаго матеріала. Судя однако по кривымъ, и здѣсь, кажется, проявляется утренній максимумъ, констатированный неоднократно въ Германіи. Во всѣхъ поясахъ, за исключеніемъ южнаго, видно, хотя и незначительное, увеличеніе числа грозъ между 2 ч. и 4 ч. утра. Но то же самое замѣтно и вечеромъ, такъ какъ кривыя для всѣхъ поясовъ немного возвышаются или по крайней мѣрѣ замѣтно отступленіе отъ общаго ихъ хода (преимущественно въ сѣверномъ, южномъ и южномъ центральномъ поясахъ) въ поздніе вечерніе часы (7—11 ч. вечера).

Возраженіе К. Фритшъ [1]) противъ вечерняго максимума, который по его словамъ происходитъ отъ причисленія къ грозовымъ явленіямъ зарницъ, не можетъ быть въ данномъ случаѣ принято въ соображеніе, такъ какъ мы разсматривали и считали грозами лишь тѣ явленія, гдѣ кромѣ молніи былъ слышенъ громъ.

2) Oester. Met. Zeitschrift, T. III.

Объ атмосферномъ давленіи и температурѣ воздуха во время грозъ.

Чтобы изслѣдовать и въ настоящемъ году связь между грозовою дѣятельностью и минимумами, проходящими черезъ пространство Россіи, я поступалъ такимъ же образомъ, какъ и въ прошедшемъ году. Прежде всего, какъ уже упомянуто во введеніи, была составлена нижеслѣдующая таблица V, числа которой вычислены указаннымъ способомъ изъ данныхъ таблицы III. Эта таблица V даетъ намъ возможность прослѣдить перемѣщеніе максимума грозовой дѣятельности. Затѣмъ ниже приведенъ обзоръ давленія и температуры за весь грозовой періодъ, составленный на основаніи тѣхъ же источниковъ, какъ и раньше, а главнымъ образомъ по синоптическимъ картамъ и бюллетенямъ Главной Физической Обсерваторіи а равно и по мѣсячнымъ обозрѣніямъ погоды, издаваемымъ Гамбургскою Обсерваторіею (Deutsche Seewarte). И эту часть моихъ изслѣдованій я могъ теперь распространить по примѣру прочихъ на болѣе продолжительный періодъ, а именно отъ Августа по Сентябрь.

ТАБЛИЦА V.

Число.	Май. Северный пояс.	Предгорный пояс.	Равнинный пояс.	Северный центр. пояс.	Южный центр. пояс.	Восточный пояс.	Юго-восточный пояс.	Кавказъ.	Июнь. Северный пояс.	Предгорный пояс.	Равнинный пояс.	Северный центр. пояс.	Южный центр. пояс.	Восточный пояс.	Юго-восточный пояс.	Кавказъ.
1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	5	5	11	6	4	8
2	—	—	4	—	2	—	—	3	1	1	2	9	13	2	26	13
3	—	—	—	—	4	2	—	3	4	—	—	—	4	16	18	8
4	1	—	1	—	1	—	—	5	—	—	8	2	1	4	2	11
5	—	—	11	—	—	—	—	3	4	—	—	11	5	2	6	8
6	1	1	12	2	1	—	—	—	15	1	9	37	2	4	4	—
7	1	—	10	14	4	2	—	—	6	—	6	1	13	1	6	—
8	—	1	7	12	1	4	—	—	—	—	10	5	2	4	8	18
9	1	1	2	5	4	6	—	3	6	—	18	25	9	5	12	18
10	3	—	—	—	1	4	—	—	24	—	15	16	1	1	—	26
11	1	23	1	—	—	9	—	5	—	—	2	1	2	4	8	18
12	—	1	—	1	—	5	—	5	—	—	1	1	1	12	6	13
13	—	—	1	—	—	—	—	3	—	—	1	1	2	5	4	8
14	1	1	—	—	—	—	—	—	3	—	3	2	1	2	2	3
15	—	—	1	—	—	—	—	11	3	—	1	1	2	5	4	8
16	—	1	18	4	1	—	—	11	3	—	10	2	13	1	2	5
17	3	4	7	12	9	2	—	3	4	—	1	1	18	2	2	5
18	4	6	4	4	1	4	—	3	13	—	1	1	13	1	2	5
19	13	6	2	1	7	4	—	8	2	—	1	1	21	2	2	5
20	—	1	18	4	4	2	—	5	1	—	2	1	13	2	2	5
21	8	2	1	5	6	2	—	5	10	—	1	1	5	1	2	5
22	2	1	3	1	5	2	—	5	2	—	1	1	8	1	2	5
23	1	27	10	1	2	1	—	3	1	—	6	1	4	1	2	5
24	1	9	8	2	1	2	—	3	6	—	1	1	2	1	2	5
25	1	18	10	1	—	2	—	8	2	—	1	1	1	1	2	5
26	3	14	8	1	—	4	—	21	7	—	1	1	1	1	2	5
27	5	1	2	1	—	6	—	16	17	—	1	1	1	1	2	5
28	7	1	1	1	—	8	—	16	14	—	1	1	1	1	2	5
29	1	1	1	1	—	2	—	18	—	—	1	1	1	1	2	5
30	4	5	1	1	—	—	—	16	—	—	1	1	1	1	2	5
31	1	5	1	1	—	—	—	3	—	—	1	1	1	1	2	5

Число.	Июль. Северный пояс.	Предгорный пояс.	Равнинный пояс.	Северный центр. пояс.	Южный центр. пояс.	Восточный пояс.	Юго-восточный пояс.	Кавказъ.	Августъ. Северный пояс.	Предгорный пояс.	Равнинный пояс.	Северный центр. пояс.	Южный центр. пояс.	Восточный пояс.	Юго-восточный пояс.	Кавказъ.
1	4	32	14	1	—	1	—	8	—	16	3	4	2	5	17	—
2	19	1	13	19	—	—	—	—	1	19	2	—	8	—	—	—
3	1	9	11	—	—	—	—	3	4	6	5	1	4	2	2	2
4	—	16	12	—	1	2	—	5	—	5	6	—	9	1	5	5
5	9	4	10	—	—	1	—	13	—	7	5	—	20	1	2	2
6	10	14	10	4	1	1	—	3	—	—	9	1	11	6	4	8
7	10	10	12	5	—	—	—	8	—	—	6	—	2	5	10	2
8	9	2	11	7	—	2	—	3	—	—	10	—	—	1	9	18
9	9	1	13	13	1	9	—	—	—	—	8	—	—	—	9	2
10	19	11	15	17	2	1	—	11	—	—	—	—	—	1	4	2
11	3	3	12	11	8	—	—	13	—	—	1	—	11	—	13	18
12	3	4	12	13	5	2	—	13	—	—	2	—	1	—	4	15
13	3	18	15	9	11	4	—	21	—	—	4	—	3	—	1	2
14	4	21	16	8	21	11	—	13	—	—	2	—	6	—	4	5
15	3	10	21	16	14	11	—	5	—	—	4	—	8	—	2	5
16	19	13	22	10	10	4	7	8	11	1	1	—	1	2	—	2
17	19	19	16	5	11	6	13	3	—	—	—	—	—	—	2	5
18	20	26	9	19	10	11	4	16	6	2	8	—	4	2	—	—
19	23	16	10	8	14	2	2	5	—	3	8	—	1	1	—	—
20	9	1	8	26	13	4	2	18	—	3	6	—	1	1	—	—
21	11	29	22	8	4	9	2	13	—	—	1	—	—	1	2	5
22	20	17	5	19	1	12	7	16	—	—	1	—	—	5	2	5
23	13	6	1	3	8	10	20	13	—	—	3	—	—	5	2	5
24	29	13	—	30	8	15	4	3	—	—	6	—	—	8	—	5
25	13	—	1	7	3	25	—	—	—	—	7	—	—	3	8	5
26	3	—	5	5	4	21	20	3	—	—	5	—	—	13	—	—
27	3	5	5	3	6	16	15	3	—	—	1	—	—	5	4	4
28	1	11	6	7	10	5	5	5	—	—	2	—	—	2	2	4
29	1	8	3	4	11	—	4	16	—	—	1	—	—	2	1	2
30	9	13	1	13	5	—	15	5	—	—	2	—	—	3	2	3
31	1	5	—	22	11	8	20	—	—	—	—	—	—	3	—	8

Поясы, въ которыхъ наблюдалось много грозъ.	Давленіе и температура.
	Апрѣль.
Южный и южный центральный.	10 Апрѣля. Минимумъ въ сѣверной Германіи, высокое давленіе на Кавказѣ. Температура возрастаетъ съ сѣвера къ югу.
Южный и южный центральный.	11 Апрѣля. Минимумъ на Балтійскомъ морѣ, частичный минимумъ въ Австріи, высокое давленіе на Кавказѣ. Въ грозовой области сравнительно высокая температура.
Южный.	12 Апрѣля. Минимумъ на южной оконечности Италіи и частичный минимумъ въ югозападной Россіи, высокое давленіе на Каспійскомъ морѣ. Въ грозовой области высокая температура.
Прибалтійскій и западный.	24 Апрѣля. Минимумъ въ Финляндіи, максимумъ на Азовскомъ морѣ. Максимумы температуры въ прибалтійскихъ губерніяхъ и въ западной Россіи.
Западный, сѣверный центральный, южный центральный и южный.	25 Апрѣля. Минимумъ въ Финляндіи, максимумъ на Кавказѣ. Относительно высокая температура по теченію Днѣпра и верхнему теченію Волги.
Западный, южный центральный и южный.	29 Апрѣля. Минимумъ въ Ригѣ, частичный минимумъ по нижнему теченію Волги. Максимумы на сѣверѣ Россіи и на Кавказѣ. На западѣ и между Днѣпромъ и Дономъ высокая температура.
Западный, южный центральный и южный.	30 Апрѣля. Минимумъ въ Великихъ Лукахъ, максимумы на Кавказѣ и въ Лапландіи. По теченію Днѣпра высокая температура.
	Май.
Южный.	1 Мая. Минимумъ по среднему теченію Волги, максимумы на Кавказѣ и въ Финляндіи. Высокая температура на югѣ Россіи.
Юго-восточный и южный.	3 Мая. 2 минимума у устья Дуная и въ Нижнемъ-Новгородѣ, максимумы въ Финляндіи и въ центральной Азіи. Высокая температура на Черномъ морѣ и на Кавказѣ.
Западный.	5 Мая. Минимумъ въ Даніи, максимумъ по теченію Волги. Высокая температура въ юго-западной Россіи. Южный поясъ въ области максимума.
Западный и южный.	6 Мая. Такое же распредѣленіе давленія и температуры, какъ 5 мая, но южный поясъ находится въ области минимума.

Поясы, въ которыхъ наблюдалось много грозъ.	Давленіе и температура.
Западный, сѣверный центральный и южный центральный.	7 Мая. 2 минимума въ Свинемюнде и въ Москвѣ, оба подвигаются къ NE. Максимумы на Черномъ морѣ и на Уралѣ. Высокая температура въ западной, южной и центральной Россіи.
Западный, сѣверный центральный, южный центральный и восточный.	8 Мая. 2 минимума въ Эстляндской губерніи и въ Вяткѣ, максимумы на югѣ (Кавказъ) и въ Сибири. Вездѣ высокая температура, за исключеніемъ сѣверной Россіи и Прибалтійскихъ губерній.
Южный центральный и южный.	9 Мая. Минимумъ на Ботническомъ заливѣ, максимумы на Каспійскомъ морѣ и въ западной Европѣ. Узкая полоса низкаго давленія отъ Финскаго залива до Чернаго моря. Къ югу отъ 55° широты высокая температура.
Южный центральный, южный и восточный.	10 Мая. Слабое давленіе на сѣверѣ и минимумъ въ Одессѣ, высокое давленіе на Уралѣ и на западѣ. Максимумы температуры на югѣ и по теченію Волги.
Прибалтійскій.	11 Мая. Минимумъ на южной оконечности Норвегіи, максимумъ по теченію Днѣпра. Распредѣленіе температуры равномѣрное съ незначительнымъ возвышеніемъ на западѣ и въ прибалтійскомъ поясѣ.
Южный, южный центральный и юго-восточный.	13 Мая. Минимумы на Финскомъ заливѣ и на Черномъ морѣ. Максимумы на Уралѣ и въ Германіи. Высокая температура въ южной и центральной Россіи.
Западный и южный.	16 Мая. Минимумъ въ Варшавѣ, максимумъ въ Тотьмѣ. Высокая температура на югѣ и юго-западѣ Россіи.
Сѣверный центральный и южный центральный.	17 Мая. Минимумъ въ Ригѣ, максимумъ въ сѣверо-восточной Россіи. Высокая температура въ центральныхъ губерніяхъ и на югѣ.
Во всѣхъ, за исключеніемъ южнаго и восточнаго. Сѣверный.	18 Мая. Минимумъ въ Финляндіи, максимумы на югѣ (Одесса) и на Уралѣ. Высокая температура на Волгѣ, на югѣ и западѣ Россіи.
Западный и южный.	19 Мая. Минимумъ въ Финляндіи (вечеромъ на Бѣломъ морѣ), максимумъ въ центральной Россіи. Высокая температура къ югу отъ 60° широты.
Вездѣ, за исключеніемъ восточнаго пояса. Особенно много грозъ въ прибалт. поясѣ.	20 Мая. Минимумъ въ Венгріи, максимумъ на сѣверо-востокѣ Россіи. Высокая температура въ западной, южной и центральной областяхъ Россіи.
	21 Мая. Минимумъ въ западной Россіи, частичные минимумы въ Финляндіи и на Кавказѣ, высокое давленіе на сѣверо-востокѣ. Вездѣ высокая температура.

Поясы, въ которыхъ наблюдалось много грозъ.	Давленіе и температура.
Сѣверный и въ особенности южный.	23 Мая. Минимумы въ Даніи и на Черномъ морѣ, высокое давленіе на сѣверо-востокѣ. Вездѣ относительно высокая температура съ повышеніемъ къ сѣверо-востоку и къ юго-востоку.
Сѣверный, прибалтійскій и западный.	24 Мая. Минимумъ на берегахъ Норвегіи и частичный минимумъ въ западной Россіи, максимумъ по нижнему теченію Волги. Вездѣ высокая температура.
Сѣверный, прибалтійскій и западный. Во всей Россіи.	25 Мая. Оба минимума подвинулись немного къ сѣверу, максимумъ же къ югу.
	27 Мая. Слабое давленіе въ Лапландіи, высокое давленіе въ Швейцаріи, довольно равномѣрное распредѣленіе давленія и температуры во всей Россіи. Вѣтры указываютъ на существованіе многихъ частичныхъ минимумовъ, изъ которыхъ одинъ въ Тамбовѣ явно выступаетъ въ вечерней синоптической картѣ.
Восточный и юго-восточный.	28 Мая. Минимумъ на Бѣломъ морѣ, максимумъ въ Германіи и на Кавказѣ. Высокая температура по нижнему теченію Волги.
Западный и сѣверный центральный.	31 Мая. Минимумъ въ Архангельскѣ, Максимумъ на Днѣпрѣ. Высокая температура по Днѣпру и Дону.
	Іюнь.
Во всей Россіи.	1 Іюня. Минимумъ на Онежскомъ озерѣ, распространяющійся почти на всю Россію. Максимумы въ южной и юго-западной Европѣ. Высокая температура въ центральной Россіи и на Черномъ морѣ. Изобары неправильныя.
Южный центральный, южный и юго-восточный.	2 Іюня. Низкое давленіе по всей Россіи, частичные минимумы въ Финляндіи, Тамбовѣ и на Уралѣ, максимумъ во Франціи и слабый максимумъ на Кавказѣ. Высокая температура по нижнему теченію Волги.
Южный и восточный.	3 Іюня. Распредѣленіе давленія и температуры подобно 2 Іюня, только большой максимумъ подвинулся нѣсколько къ востоку.
Сѣверный и сѣверный центральный.	6 Іюня. Минимумъ въ Скандинавіи, слабое давленіе на Уралѣ, максимумъ въ центральной Европѣ (Австрія). Относительно высокая температура у береговъ Финскаго залива.
Сѣверный центральный, западный и южный центральный.	7 Іюня. Минимумъ въ Лапландіи, максимумъ на Днѣпрѣ. Высокая температура въ области Днѣпра.

Поясы, въ которыхъ наблюдалось много грозъ.	Давленіе и температура.
Южный центральный и западный.	8 Іюня. Минимумы на сѣверномъ прибрежіи Франціи и на сѣверо-востокѣ Россіи, между этими минимумами область высокаго давленія, максимумы въ Швеціи и на Черномъ морѣ. Высокая температура на юго-западѣ Россіи.
Во всей Россіи, особенно же въ прибалтійскомъ и западномъ поясѣ. Сѣверный, прибалтійскій, западный и сѣверный центральный.	9 Іюня. Высокое давленіе въ Финляндіи и по Днѣпру, между ними узкая полоса низкаго давленія. Минимумы на Каспійскомъ морѣ и въ Даніи. Высокая температура въ области Днѣпра.
	10 Іюня. Минимумъ на восточномъ берегу Скандинавіи, низкое давленіе на Уралѣ и на Черномъ морѣ. Максимумы въ сѣверной Франціи и на сѣверо-востокѣ Россіи, высокое давленіе въ центральной Россіи. Максимумъ температуры на юго-западѣ Россіи.
Сѣверный центральный, южный центральный, южный и Кавказъ.	11 Іюня. Минимумъ въ Финляндіи, максимумъ въ Ледовитомъ океанѣ, второй болѣе слабый максимумъ на Каспійскомъ морѣ. Высокая температура въ области Дона и на Черномъ морѣ. Малый частичный минимумъ замѣтенъ на Кавказѣ.
Западный и юго-западный.	16 Іюня. Минимумъ въ Ботническомъ заливѣ, максимумъ на Черномъ морѣ. Высокая температура на западѣ и юго-западѣ.
Западный и южный.	18 Іюня. Минимумъ на сѣверо-востокѣ Россіи, слабый минимумъ въ Германіи, незначительные максимумы въ Финляндіи и въ Рижскомъ заливѣ. Вообще не правильное распредѣленіе давленія. Къ вечеру южный максимумъ подвинулся нѣсколько къ сѣверо-востоку и образовался минимумъ въ западномъ поясѣ. Температура высока на югѣ и юго-западѣ.
Западный, южный центральный и южный.	19 Іюня. Минимумъ въ западной Россіи, одинъ максимумъ во Франціи, второй максимумъ по нижнему теченію Волги и Дона. Высокая температура къ югу отъ минимума.
Южный центральный.	20 Іюня. Минимумъ въ Дюпроспезъ и частичный минимумъ въ Москвѣ, высокое давленіе къ сѣверу отъ Каспійскаго моря. Высокая температура на югѣ.
Восточный и Кавказъ.	22 Іюня. Минимумы на Черномъ морѣ и на Кавказѣ, высокое давленіе на Уралѣ. Высокая температура на югѣ, по нижнему теченію Волги и на Кавказѣ.
Восточный и южный.	23 Іюня. Минимумъ на Каспійскомъ морѣ, максимумъ во Франціи, распространяющійся далеко до предѣловъ Россіи, второй максимумъ на Уралѣ. Высокая температура на югѣ и въ области Волги.

Поясы, въ которыхъ наблюдалось много грозъ.	Давленіе и температура.
Восточный и южный.	24 Іюня. Высокое давленіе на сѣверѣ съ максимумомъ въ Рижскомъ заливѣ, слабое давленіе на Черномъ морѣ и на Уралѣ. Высокая температура на югѣ и по Волгѣ.
Восточный и южный. Южный.	25 Іюня. Распредѣленіе давленія и температуры такое-же, какъ и вчера.
Во всей Россіи, за исключеніемъ восточнаго пояса.	26 Іюня. Максимумъ въ центральной Россіи, минимумъ на Черномъ морѣ. Особенно тепло на югѣ.
Западный, сѣверный центральный, южный центральный и восточный.	27 Іюня. Весьма неправильное распредѣленіе давленія. Минимумъ къ сѣверу отъ Скандинавіи, второй минимумъ на Черномъ морѣ, частичный минимумъ на Финскомъ заливѣ. Максимумъ въ центральной Россіи. Вездѣ высокая температура.
	28 Іюня. Минимумъ на сѣверѣ Скандинавскаго полуострова, на Черномъ морѣ и въ Сибири, послѣдній минимумъ доходитъ вплоть до Камы. Максимумы на сѣверѣ Россіи и въ Англіи. Высокая температура въ области рѣкъ Днѣпра, Дона и Волги.
	Іюль.
Прибалтійскій и западный.	1 Іюля. Минимумъ въ Финляндіи, максимумъ въ центральной Россіи. Высокая температура въ прибалтійскомъ и западномъ поясѣ.
Сѣверный, западный и сѣверный центральный. Прибалтійскій, западный и южный.	2 Іюля. Минимумъ въ Лапландіи, максимумы на югѣ и во Франціи. Высокая температура во всей южной Россіи, второй максимумъ температуры на сѣверѣ.
	4 Іюля. Максимумъ на Онежскомъ озерѣ. Максимумы въ Швеціи, на сѣверѣ Франціи и на Черномъ морѣ. Высокая температура на западѣ и югѣ Имперіи.
Сѣверный, прибалтійскій и западный.	6 Іюля. Въ центральной Россіи равномѣрно распредѣлено высокое давленіе, слабые частичные минимумы на Бѣломъ морѣ, въ Швеціи и въ Австріи. Высокая температура въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и на юго-западѣ Россіи.
Сѣверный, прибалтійскій, западный и южный.	7 Іюля. Высокое давленіе на сѣверѣ, болѣе слабое на западѣ и на Камѣ, видны многіе слабые частичные минимумы, какъ напр. на Рижскомъ заливѣ и на юго западѣ. Высокая температура на югѣ и у Финскаго залива.
Сѣверный центральный и западный.	9 Іюля. Высокое давленіе на сѣверѣ и во Франціи, минимумы на сѣверѣ Скандинавіи и на Черномъ морѣ. Высокая температура по верхнему теченію Волги и на юго-западѣ.

Поясы, въ которыхъ наблюдалось много грозъ.	Давленіе и температура.
Сѣверный, прибалтійскій, западный и сѣверный центральный.	10 Іюля. Высокое давленіе господствуетъ надъ низкимъ во всей Европѣ, за исключеніемъ Чернаго моря. Максимумы на сѣверо-востокѣ Россіи и въ Даніи, незначительное пониженіе давленія на Бѣломъ морѣ. Во всей Россіи высокая температура.
Прибалтійскій, западный, сѣверный центр., южный и южный центр	11—15 Іюля. Слабое давленіе на Черномъ морѣ, затѣмъ вездѣ высокое давленіе и высокая температура.
Во всей Россіи особенно же въ сѣверн., прибалтійскомъ, западн. и южномъ поясѣ.	16 Іюля. Минимумы на берегахъ Норвегіи и на Черномъ и Каспійскомъ морѣ, узкая полоса высокаго давленія отъ Урала до Ботническаго залива и максимумъ во Франціи. Вездѣ высокая температура.
Многочисленныя грозы во всей Россіи, особенно же въ сѣверномъ, западномъ и южномъ поясѣ.	17 Іюля. Минимумъ на южной оконечности Норвегіи, частичные минимумы въ западной Россіи и въ Финляндіи, пониженіе давленія на Черномъ морѣ, высокое давленіе на сѣверо-востокѣ Россіи и въ Бискайской бухтѣ. Вездѣ высокая температура.
Многочисленныя грозы во всей Россіи.	18 Іюля. Высокое давленіе на сѣверо-востокѣ Россіи и въ Германіи, между этимъ узкая полоса низкаго давленія отъ Чернаго моря до Финляндіи, минимумъ въ Норвегіи.
Во всей Россіи, особенно въ сѣверномъ, южномъ центральномъ и южномъ поясѣ.	19 Іюля. 2 минимума въ Норвегіи, слабое давленіе на Черномъ морѣ, максимумы на Уралѣ и во Франціи. Высокая температура на сѣверѣ и на югѣ.
Сѣверный центральный и южный центральный.	20 Іюля. Минимумъ въ Скандинавіи, слабое давленіе на Черномъ морѣ, высокое давленіе во Франціи и на сѣверо-востокѣ Россіи. Высокая температура во всей Имперіи, особенно на сѣверѣ и на югѣ.
Во всей Россіи, особенно же въ прибалтійскомъ и западномъ поясѣ.	21 Іюля. Минимумы въ Скандинавіи и на Черномъ морѣ, максимумы во Франціи и въ области Волги, въ центральномъ поясѣ пониженіе барометра. Вечеромъ сѣверный минимумъ перешелъ уже въ Финляндію, приволжскій же максимумъ подвинулся на юго-востокъ. Высокая температура во всей Россіи.
Во всей Россіи, за исключеніемъ южнаго центральнаго пояса.	22 Іюля. Узкая полоса низкаго давленія, простирающаяся отъ Чернаго моря до Лапландіи въ теченіе дня распространяется къ востоку. Высокая температура во всей Россіи.

Поясы, въ которыхъ наблюдалось много грозъ.	Давленіе и температура.
Во всей Россіи.	23 Іюля. Минимумъ въ центральной Россіи, высокое давленіе въ Англіи и на Уралѣ. Высокая температура на сѣверѣ.
Прибалтійскій и сѣверный центральный.	24 Іюля. Минимумъ въ прибалтійскомъ поясѣ, распространяющійся далеко на востокъ. Высокое давленіе въ Англіи и на сѣверо-востокѣ Россіи. Максимумъ температуры на Ладожскомъ и Онежскомъ озерѣ.
Западный.	25 Іюля. Минимумъ въ Царствѣ Польскомъ, слабое давленіе въ центральной Азіи, распространяющееся до южнаго Урала и по Кавказу, между этимъ высокое давленіе. Незначительный максимумъ давленія въ Екатеринбургѣ. Высокая температура по Волгѣ.
Западный.	26 Іюля. Область низкаго давленія простирается отъ западной Россіи черезъ Черное и Каспійское море далеко на востокъ. Максимумъ въ Англіи и на сѣверѣ Россіи. Высокая температура по Волгѣ.
Южный, юго-восточный и восточный.	27 Іюля. Низкое давленіе на югѣ Россіи. Высокая температура по Волгѣ, у Чернаго и Каспійскаго моря. Высокое давленіе въ Англіи и на сѣверѣ Россіи.
Южный, прибалтійскій и западный.	28 Іюля. Минимумъ на Черномъ морѣ, малый частичный минимумъ замѣтенъ въ Финляндіи, высокое давленіе въ Англіи и на сѣверѣ Россіи. Высокая температура на юго-востокѣ Имперіи и по берегамъ Финскаго залива.
Южный центр., юго-восточный и Кавказъ.	29 Іюля. Минимумъ въ Крыму, максимумъ въ Англіи и на сѣверо-востокѣ Россіи. Высокое давленіе въ области Дона и по нижнему теченію Волги.
Сѣверный, прибалтійскій, сѣверный центральный и юго-восточный.	30 Іюля. Минимумъ въ Елисаветградѣ, второй минимумъ въ Лапландіи. Максимумы на Уралѣ и въ Англіи. Высокая температура въ центральной и южной Россіи и у Онежскаго озера.
Сѣверный центральный.	31 Іюля. Минимумъ въ области Днѣпра, максимумы въ Англіи и на Уралѣ. Высокая температура въ центральной Россіи.

Августъ.

Прибалтійскій и юго-восточный.	1 Августа. Минимумъ въ центральной Россіи, частичный минимумъ въ Ботническомъ заливѣ, высокое давленіе на сѣверѣ и на Уралѣ. Высокая температура у Финскаго залива и по нижнему теченію Волги.
Прибалтійскій.	2 Августа. Минимумъ въ Прибалтійскихъ губер-

Поясы, въ которыхъ наблюдалось много грозъ.	Давленіе и температура.
	ніяхъ, высокое давленіе въ Англіи и на сѣверѣ Россіи. Высокая температура у Финскаго залива.
Сѣверный центральный.	3 Августа. Минимумъ на Балтійскомъ морѣ съ частичнымъ минимумомъ въ Тамбовѣ, высокое давленіе на сѣверѣ и югѣ Россіи. Высокая температура по теченіямъ Волги.
Сѣверный центральный.	4 Августа. Минимумъ по верхнему теченію Волги, высокое давленіе въ Норвегіи и на Уралѣ. Высокая температура по Волгѣ.
Сѣверный центральный, южный центральный и восточный.	5 Августа. Низкое давленіе во всей Россіи, особенно же по теченіямъ Волги, незначительный максимумъ на Уралѣ. Распредѣленіе температуры довольно равномѣрное съ небольшимъ повышеніемъ по Волгѣ.
Раньше въ сѣверномъ центральномъ, затѣмъ въ южномъ и наконецъ въ юго-восточномъ.	6—9 Августа. Вышеупомянутый минимумъ подвигается постепенно по теченію Волги къ юго-востоку.
Юго-восточный и Кавказъ.	11 Августа. Минимумъ на Кавказѣ, максимумъ на Ладожскомъ озерѣ. Высокая температура у Каспійскаго моря.
Сѣверный, сѣверный центральный и восточный. Восточный.	16 Августа. Минимумы въ Скандинавіи и на Уралѣ. Максимумъ въ западной Европѣ. Высокая температура по Волгѣ и у Онежскаго озера.
Южный.	17 Августа. Низкое давленіе на Уралѣ, минимумъ на прибрежіи Швеціи, максимумъ во Франціи. Высокая температура по Волгѣ.
Во всей Россіи за исключеніемъ восточнаго пояса.	22 Августа. Минимумъ на Балтійскомъ морѣ и Каспійскомъ морѣ, высокое давленіе въ центральной Россіи. Высокая температура у Чернаго моря.
Южный центральный.	25 Августа. Минимумъ въ С.-Петербургѣ съ частичнымъ минимумомъ по верхнему теченію Дона. Максимумы въ западной Европѣ и на Уралѣ. Распредѣленіе температуры довольно равномѣрное.
	29 Августа. Минимумъ въ прибалтійскомъ поясѣ, максимумъ на Черномъ морѣ. Высокая температура въ южной центральной и юго-западной области.

Сентябрь.

Южный.	2 Сентября. Минимумъ на Черномъ морѣ и на Рижскомъ заливѣ, максимумъ въ сѣверной и центральной Россіи. Максимумъ температуры на югѣ.

Поясы, въ которыхъ наблюдалось много грозъ.	Давленіе и температура.
Юго-восточный и Кавказъ.	3 Сентября. Минимумы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и на Черномъ морѣ, максимумъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи. Высокая температура у Чернаго и Каспійскаго моря.
Сѣверный центральный.	19 Сентября. Минимумъ въ прибалтійскомъ поясѣ, подвинувшійся въ теченіе дня къ Москвѣ, максимумъ на сѣверѣ и на Каспійскомъ морѣ. Высокая температура по Дону и Днѣпру.

Разсматривая вышеприведенную таблицу V въ связи съ распредѣленіемъ давленія и температуры, согласно помѣщенному здѣсь обзору, мы опять найдемъ, какъ и слѣдовало ожидать, подтвержденіе того положенія, что грозовая дѣятельность развивается всегда въ связи съ пониженіемъ давленія и движется вмѣстѣ съ нимъ впередъ.

Я укажу однако здѣсь на одну характеристическую особенность. Разсматривая подробно вышеприведенное распредѣленіе давленія, мы замѣтимъ, что грозы появляются преимущественно въ полосѣ между минимумомъ и максимумомъ атмосфернаго давленія, или на границѣ минимума, но всегда съ той стороны, съ которой находится максимумъ и при этомъ всегда въ области высокой температуры. Объяснить это явленіе не представляетъ особенныхъ затрудненій. Независимо отъ причинъ, которыми обыкновенно объясняютъ происхожденіе грозъ, вѣренъ безъ сомнѣнія тотъ фактъ, что грозы являются именно тамъ, гдѣ господствуетъ неправильное, перемѣнчивое атмосферное давленіе, т. е. такое, которое мѣняется какъ по отношенію пространства, такъ и времени. Такія неправильности всего вѣроятнѣе предположить въ упомянутой полосѣ, гдѣ во всякомъ случаѣ происходитъ быстрое передвиженіе воздуха въ обѣ стороны по всѣмъ воздушнымъ слоямъ.

На самомъ дѣлѣ изъ моего труда о малыхъ неправильныхъ

колебаніяхъ барометра[1]) можно съ достовѣрностью заключить, что такія возмущенія атмосфернаго давленія происходятъ именно въ этой области. Связь же между этими неправильными колебаніями барометра и грозами общеизвѣстна и не подлежитъ во всякомъ случаѣ никакому сомнѣнію. Я рѣшаюсь даже шагнуть дальше въ моихъ заключеніяхъ, утверждая, что грозы являются всегда въ сопровожденіи такихъ барометрическихъ колебаній. Я уже замѣтилъ въ вышеупомянутомъ моемъ трудѣ, что этотъ фактъ почти всегда подтверждался, за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ. Но эти немногочисленныя исключенія объясняются слѣдующими обстоятельствами. Въ моемъ трудѣ я сопоставилъ именно двѣ станціи, С.-Петербургъ и Павловскъ и приведу здѣсь еще разъ точнѣе результаты этого сопоставленія.

Мы можемъ различать слѣдующіе случаи:

1) Барометрическія колебанія и грозы наблюдались въ обоихъ пунктахъ.

2) Оба явленія наблюдались лишь въ одномъ пунктѣ.

3) Барометрическія колебанія замѣчались въ обоихъ пунктахъ, гроза же лишь въ одномъ и на оборотъ.

4) Барометрическія колебанія наблюдались въ одномъ, а гроза въ другомъ пунктѣ.

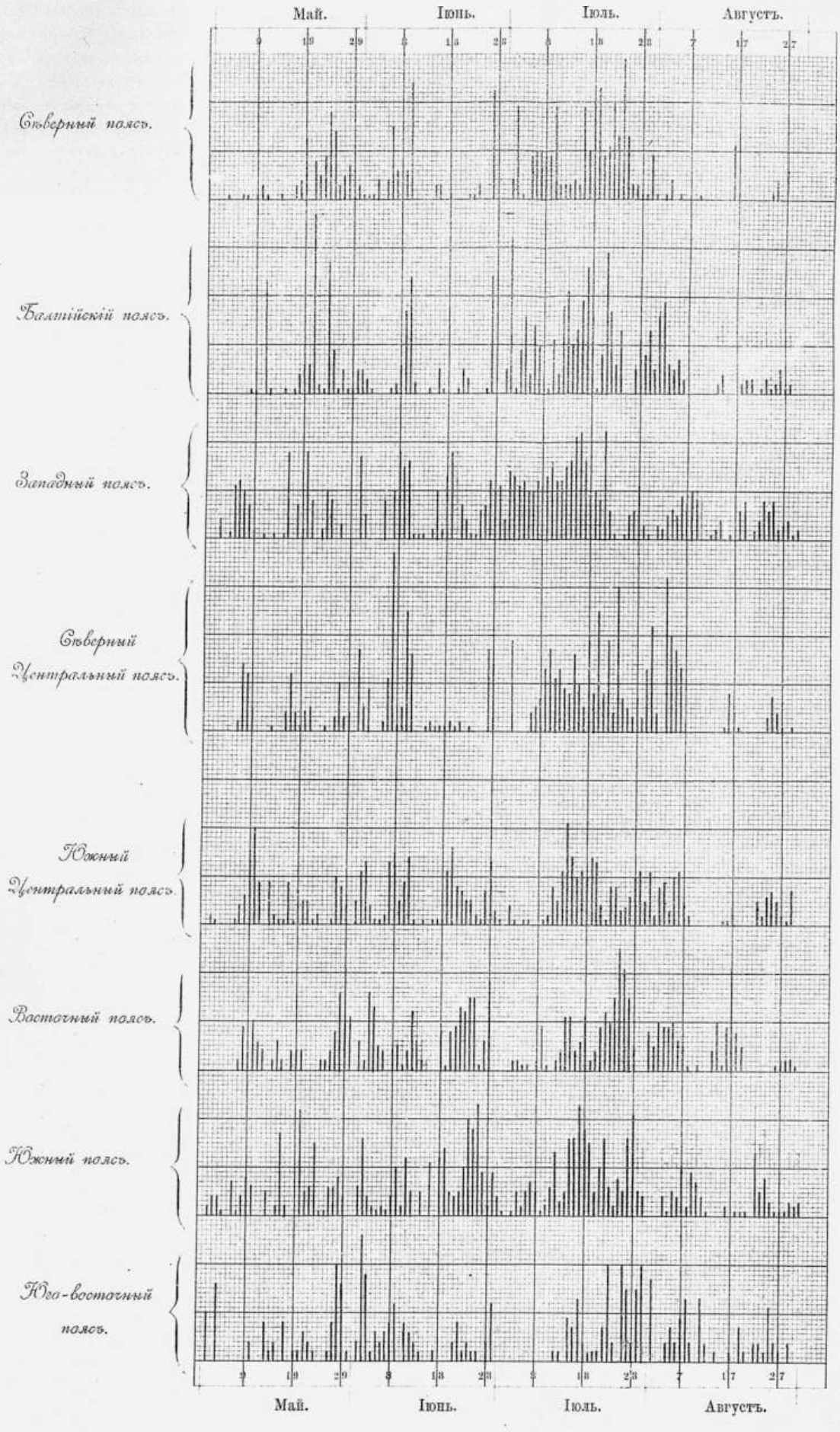
Изъ приведеннаго соотношенія обоихъ явленій видно, что они не всегда совпадаютъ другъ съ другомъ въ пространствѣ, но могутъ происходить и рядомъ, одно возлѣ другаго. Принимая при этомъ въ соображеніе, что упомянутыя барометрическія колебанія отличаются въ большинствѣ случаевъ весьма незначительными размѣрами и по всей вѣроятности въ распространенности большею частью уступаютъ грозамъ[2]), легко понять, что данный пунктъ можетъ находится въ области грозы, не будучи достигнутымъ сопровождающими ее барометрическими колебаніями. Если обстоятельства сложились благопріятно, то замѣтны

1) Г. Вильдъ, Метеор. Сборникъ, т. IX, № 8. 1885 г.
2) См. Ferrari, Meteorol. Zeitschr. 1885, стр. 353.

многіе такіе колебанія и грозовая дѣятельность широко распространяется въ пространствѣ, какъ въ обоихъ случаяхъ грозъ, разобранныхъ во введеніи, гдѣ отдѣльные центры малыхъ вихрей обозначены направленіями вѣтра Грозы являются и въ области максимума, если тамъ существуютъ благопріятствующія этому условія относительно температуры и влажности, вліяніе которыхъ на образованіе грозъ съ различныхъ точекъ зрѣнія уже разсмотрѣно (Феррари, Клоссовскій и друг.) и вполнѣ доказано. Но тогда грозы являются обыкновенно по той сторонѣ центра максимума, съ которой господствуетъ низкое атмосферное давленіе или же приближается минимумъ.

Все вышесказанное позволяетъ, по моему разумѣнію, привести въ связь общее мнѣніе, что грозы являются всегда въ сопровожденіи циклоновъ, съ мнѣніемъ Феррари, который пришелъ къ такому заключенію, на основаніи своихъ обширныхъ изслѣдованій грозъ въ Италіи, что онѣ всегда являются лишь въ сопровожденіи малыхъ вихрей. Болѣе общее объясненіе можетъ быть слѣдующее: грозы являются всегда спутниками незначительныхъ неправильностей въ атмосферномъ давленіи, которыя со своей стороны, какъ я доказалъ въ упомянутомъ выше моемъ трудѣ, замѣчаются главнымъ образомъ на краю большихъ циклоновъ.

Грозовые періоды, Май—Августъ.



Лит. Акобсона

КЪ ВОПРОСУ

О ПРЕДСКАЗАНІИ

НАИМЕНЬШЕЙ ТЕМПЕРАТУРЫ.

Б. КЕРСНОВСКАГО.

Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 18-го октября 1888 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕРАТ. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 5.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1888.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.
И. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 20 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1888 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12).

Въ «Archives des sciences physiques et naturelles» [1]) за 1885 годъ А. Каммерманомъ опубликованы его изслѣдованія по вопросу о предсказаніи наименьшей температуры и результаты ихъ примѣненія для Женевы. Настоящая работа представляетъ собою опытъ примѣненія тѣхъ же самыхъ основаній для предсказанія наименьшей температуры въ С.-Петербургѣ [2]) съ цѣлью опредѣлить ихъ пригодность для нашего гораздо болѣе измѣнчиваго климата, что, мнѣ кажется, не лишено и практическаго интереса, который представляется возможностью предвидѣть столь вредные для земледѣлія и садоводства весенніе и осенніе заморозки. Знаніе заблаговременно, хотя бы и приблизительное, предстоящаго пониженія температуры дастъ возможность принять предохранительныя мѣры отъ порчи растеній.

Основаніями для предсказаній наименьшей температуры въ слѣдующую ночь служатъ показанія смоченнаго термометра въ опредѣленный часъ а также и опредѣленіе температуры насыщенія или точки росы.

---

1) 1. Première étude sur le minimum de nuit. Juiliet 1885, tome XIV. 2. Le thermomètre à boule mouillée et son emploi pour la prévision du temps. Novembre 1885, tome XIV.

2) Въ 1887 году тамъ же опубликована новая статья того же автора: «Comparaison des indications du thermomètre à boule mouillée dans l'après-midi et le minimum de température pour différents lieux.» Статья эта вышла изъ печати послѣ окончанія мною настоящаго труда; я ее не принялъ въ соображеніе, такъ какъ тамъ приводятся другіе взгляды и кромѣ того не упоминается ни одна мѣстность Россіи.

Относительно смоченнаго термометра А. Каммерманъ даетъ намъ слѣдующее простое правило: «*Разница между показаніями термометра со смоченнымъ шарикомъ въ опредѣленный часъ и наименьшею температурою въ слѣдующую ночь почти постоянна впродолженіе цѣлаго года*».

Относительно точки росы практическая метеорологія даетъ не менѣе простое указаніе, которое А. Каммерманъ тоже провѣрилъ для Женевы, а именно: «*опредѣливъ точку росы, мы можемъ наперед знать, что температура въ слѣдующую ночь рѣдко понизится до этой величины и ниже*, потому что въ противномъ случаѣ образовалось бы сильное сгущеніе паровъ и освобожденіе скрытой теплоты, вслѣдствіе чего температура воздуха должна бы повыситься.

Настоящая работа, какъ нами сказано въ началѣ, представляетъ собою попытку провѣрить эти два положенія для С.-Петербурга; съ этою цѣлью взяты произведенныя при Главной Физической Обсерваторіи наблюденія надъ температурою въ три послѣдующіе годы 1884, 1885 и 1886 за мѣсяцы съ апрѣля по сентябрь включительно, т. е. за время вегетаціи въ Петербургѣ; въ остальное время года произрастаніе растеній на открытомъ воздухѣ у насъ или еще не начинается, или уже прекращается.

Для провѣрки перваго изъ выше приведенныхъ правилъ взяты мною показанія смоченнаго термометра въ 1 часъ пополудни (t_1) и въ 9 час. вечера (t_9) каждаго дня, также наименьшая температура воздуха въ слѣдующую ночь (m_I) и наконецъ наименьшая температура на поверхности земли (m_{II}), послѣдняя А. Каммерманомъ вовсе не принята во вниманіе, между тѣмъ какъ предсказаніе наименьшей температуры на поверхности земли представляетъ если не большій, то по крайней мѣрѣ не меньшій интересъ для практическихъ цѣлей, чѣмъ предсказаніе наименьшей температуры воздуха. По этимъ даннымъ составлены слѣдующія разности для каждаго дня:

$$t_1 - m_I \quad t_1 - m_{II}, \quad t_9 - m_I \text{ и } t_9 - m_{II}.$$

Среднія изъ этихъ величинъ за каждый мѣсяцъ съ апрѣля по сентябрь каждаго года и общія среднія представлены въ слѣдующей таблицѣ (*A*).

Таблица A.

Среднія разности между показаніями смоченнаго термометра и *наименьшею температурою воздуха* на высотѣ 3 метровъ надъ землею въ слѣдующую затѣмъ ночь.

	$t_1 - m_I$ 1ч дня.					$t_9 - m_I$ 9ч вечера.			
	1884.	1885.	1886.	Средн.		1884.	1885.	1886.	Средн.
Апрѣль	4,2	3,8	4,2	4,1	Апрѣль	2,1	1,9	1,9	2,0
Май	2,4	2,4	2,5	2,4	Май	1,1	1,1	1,1	1,1
Іюнь	2,4	2,4	1,9	2,2	Іюнь	1,1	0,9	0,8	0,9
Іюль	1,5	2,0	1,4	1,6	Іюль	0,7	1,0	0,6	0,8
Августъ	2,7	2,6	2,4	2,6	Августъ	1,5	1,5	1,3	1,4
Сентябрь	3,1	2,4	2,6	2,7	Сентябрь	1,7	1,1	1,6	1,5

Среднія разности между показаніями смоченнаго термометра и *наименьшею температурою на поверхности земли* въ слѣдующую ночь.

	$t_1 - m_{II}$ 1ч дня.					$t_9 - m_{II}$ 9ч вечера.			
	1884.	1885.	1886.	Средн.		1884.	1885.	1886.	Средн.
Апрѣль	4,3	4,3	6,1	4,9	Апрѣль	2,1	2,6	3,8	2,8
Май	3,6	4,7	4,2	4,2	Май	2,3	3,3	3,0	2,9
Іюнь	4,0	4,7	3,9	4,2	Іюнь	2,7	3,2	2,9	2,9
Іюль	2,9	3,6	2,8	3,1	Іюль	2,3	2,4	2,0	2,2
Августъ	4,1	3,6	4,1	3,9	Августъ	3,0	2,8	2,9	2,9
Сентябрь	4,7	4,3	4,9	4,6	Сентябрь	3,1	3,0	3,8	3,3

Изъ этихъ чиселъ мы видимъ, что впродолженіе 3-хъ лѣтъ среднія разности между показаніями смоченнаго термометра въ 1 ч. дня и наименьшей температурой воздуха колеблятся между $4^{\circ}2$ и $1^{\circ}4$ т. е. амплитуда колебанія достигаетъ $2^{\circ}8$, общія

же среднія за 3 года колеблятся между 4°,1 и 1°,6 т. е. амплитуда равна 2°,5. Для наименьшей температуры на поверхности земли частныя среднія для того же часа колеблятся между 6°,1 и 2°,8 (амплитуда = 3°,3), а общія среднія между 4°,9 и 3°,1 (амплитуда = 1°,8).

Если возьмемъ по очереди тѣ же величины для 9 часовъ вечера, то колебанія получаются еще меньшія, а именно: для наименьшей температуры воздуха частныя среднія колеблятся между 2°,1 и 0°,6 (амплитуда = 1°,5), общія среднія между 2°,0 и 0°,8 (амплит. = 1°,2); для наименьшей температуры на поверхности земли частныя среднія между 3°,8 и 2°,0 (амплит. = 1°,8) и общія среднія между 3°,3 и 2°,2 (амплитуда = 1°,1).

Такимъ образомъ мы видимъ, что способъ предсказыванія наименьшей температуры по показаніямъ смоченнаго термометра въ общемъ для Петербурга оправдывается, хотя и съ меньшимъ постоянствомъ, чѣмъ для Женевы.

Ближайшее разсмотрѣніе таблицы *A* приводитъ насъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1) Приведенныя въ этой таблицѣ частныя и общія среднія положительны, т. е. показанія смоченнаго термометра выше наименьшей температуры ночью. Таковы же въ громадномъ большинствѣ случаевъ и ежедневныя разности, по которымъ составлены эти среднія; число отрицательныхъ величинъ, вошедшихъ въ составъ этихъ среднихъ, представляется слѣдующимъ образомъ: изъ 72 частныхъ мѣсячныхъ среднихъ (см. табл. *A*) въ составъ 19 не входитъ ни одно отрицательное число, для остальныхъ 53 наибольшее число отрицательныхъ величинъ, вошедшихъ въ составъ мѣсячной средней, было 10 (іюль 1886 г., 9 ч. веч. наим. темп. возд.), въ среднемъ для каждаго изъ 53 случаевъ приходится по 3 отрицательныя величины; наибольшее абсолютное значеніе этихъ величинъ достигаетъ 3,8 (1 разъ), вообще же оно не превышаетъ 1,0. Однимъ словомъ, отрицательныя величины, вошедшія въ составъ частныхъ мѣсячныхъ среднихъ, какъ по числу случаевъ, такъ и по своей абсолютной величинѣ настолько незначительны, что вліяніе ихъ на частныя, а тѣмъ болѣе на общія среднія не можетъ быть чувствительно. Кромѣ того эти отрицательныя разности не представляютъ собою неблагопріятныхъ случаевъ въ смыслѣ предсказанія температуры, онѣ показываютъ, что наименьшая температура ночью была выше показанія смоченнаго термометра, слѣдовательно она не понизилась ниже предполагаемаго.

2) Разности уменьшаются съ приближеніемъ срока наблюденій къ моменту наступленія наименьшей температуры, т. е. къ ночи; поэтому наблюденія, произведенныя въ 1 ч. дня, даютъ возможность соображаться на счетъ принятія предохранительныхъ мѣръ, напр. на счетъ заблаговременной заготовки топлива въ соотвѣтственномъ мѣстѣ для полученія предохраняющаго дыма, вторичные же отсчеты въ 9 часовъ вечера, указывающіе съ большею точностью на наименьшую температуру, рѣшатъ относительно примѣненія этихъ мѣръ, такъ въ нашемъ примѣрѣ они укажутъ, слѣдуетъ ли зажечь топливо или нѣтъ.

Чтобы еще лучше выказать надежность полученныхъ нами вышеприведенныхъ разностей $t_1 - m_I$ $t_9 - m_I$ $t_1 - m_{II}$ и $t_9 - m_{II}$, чѣмъ это видно изъ большаго или меньшаго согласія ихъ между собою для трехъ смежныхъ лѣтъ, приводимъ ниже 2 таблицы (*B*) и (*C*), показывающія насколько числа приведенныя въ таблицѣ (*A*) уклоняются отъ составляющихъ оныя ежедневныхъ разностей; первый столбецъ, означенный знакомъ +, показываетъ сколько разъ средняя мѣсячная разность была больше составляющей ее ежедневной разности, числа встрѣчающіяся рядомъ въ скобкахъ показываютъ сколько разъ разность была 0; второй столбецъ, означенный знакомъ —, показываетъ сколько разъ средняя разность была меньше составляющей, третій столбецъ даетъ среднія, а четвертый наибольшія отклоненія для соотвѣтствующихъ знаковъ.

Таблица B.

Наименьшая температура воздуха.

	1ч дня.				9ч вечера.			
	+	—	Среднія отклоненія.	Наибольшія отклоненія.	+	—	Среднія отклоненія.	Наибольшія отклоненія.
Апрѣль								
1884	13	17	+2,0—1,4	+5,1—3,8	15	15	+1,1—1,1	+2,8—3,5
1885	16	14	+1,8—2,2	+4,3—4,7	20	10	+1,1—2,0	+2,8—6,9
1886	17(1)	13	+2,4—3,0	+4,7—5,6	21(1)	9	+1,1—2,3	+2,6—5,4
Май								
1884	14(1)	17	+1,9—1,5	+4,1—6,4	13	18	+1,3—0,9	+2,7—3,6
1885	14	17	+1,6—1,4	+4,0—3,1	18	13	+1,2—1,5	+3,7—5,6
1886	17(1)	14	+1,7—1,9	+3,5—6,4	18(2)	13	+1,2—1,4	+3,1—3,9
Іюнь								
1884	15	15	+1,2—1,2	+3,7—3,7	19(2)	11	+0,9—1,3	+2,6—3,4
1885	18(1)	12	+2,0—2,8	+4,5—7,6	16(1)	14	+2,3—2,4	+4,8—5,0
1886	16	14	+1,5—1,7	+3,3—6,0	16	14	+1,1—1,4	+3,3—4,7
Іюль								
1884	17(1)	14	+1,3—1,5	+4,3—5.9	18	13	+0,7—1,0	+1,6—2,6
1885	21	10	+1,3—2,6	+3,1—5,5	17	14	+1,4—1,6	+4,1—5,0
1886	16(1)	15	+1,1—1,2	+3,7—3,4	16	15	+1,0—1.1	+3,1—2,8
Августъ								
1884	18(3)	13	+1,7—2,0	+2,7—4,5	15	16	+1,2—1,2	+2,5—3,2
1885	18	13	+1,3—1,9	+4,2—4,1	18(2)	13	+0,9—1,0	+3,0—3,9
1886	17	14	+1,4—1,8	+3,1—7,2	15(1)	16	+1,3—1.1	+3,5—4,5
Сентябрь								
1884	15	15	+2,3—2,2	+5,2—5,4	14	16	+1,9—1,6	+3,6—3,6
1885	16	14	+1,4—1,6	+2;4—6,4	19(3)	11	+0,8—1,2	+1,9—3,3
1886	17(1)	13	+1,3—1,7	+3,3—5,4	22(3)	8	+0,9—2,0	+2,7—6,5

Таблица C.

Наименьшая температура на поверхности земли.

	1ч дня.				9ч вечера.			
	+	—	Среднія отклоненія.	Наибольшія отклоненія.	+	—	Среднія отклоненія.	Наименьшія отклоненія.
Апрѣль								
1884	14	16	+1,8—1,5	+4,6—3,6	14(1)	16	+1,4—1,1	+3,0—2,5
1885	13	17	+2,6—2,0	+4,3—5,3	16	14	+1,4—1,5	+3,1—6,4
1886	15	15	+2,6—2,6	+5,7—5,8	17(2)	13	+1,5 —1,8	+2,5 —4,9
Май								
1884	18(2)	13	+1,9—2,3	+5.6—6,3	18(2)	13	+1,4 —1,7	+3,5 —3,0
1885	15(1)	16	+ 2,2—2,0	+4,8—4,2	15(1)	16	+1,6 -1,5	+4,5 - 3,6
1886	13(1)	18	+2,4—1,6	+5,8 - 6,4	12	19	+2,1—1,4	+5,6—4,4
Іюнь								
1884	15(1)	15	+1,5 —1,4	+4,6 - 6,6	15(1)	15	+1,6 —1,5	+3,5 —8,1
1885	16(1)	14	+2,5—2,7	+5,1—10,6	13	17	+2,0 —1,5	+5,0 —4,1
1886	16(1)	14	+1,7—1,9	+3,8 - 5,8	16(2)	14	+1,5 - -1,6	+2,6 - 3,1
Іюль								
1884	16(1)	15	+1,7—1,7	+3,4—6,7	18(2)	13	+1,0 —1,5	+3,6—6,4
1885	18	13	+1,5—1,9	+3,0 - 4,5	17(2)	14	+1,2 —1,4	+2,7— 3,4
1886	14	17	+1,4—1,2	+3,8—2,4	15	16	+1,1—1,0	+3,1—3,5
Августъ								
1884	13	18	+2,1—1,5	+3,4—3,7	14(1)	17	+1,6 —1,2	+3,3—2,9
1885	18(1)	13	+1,4—1,9	+4,9—3,3	16(1)	15	+1,1—0,9	+3,5—2,5
1886	16	15	+1,7—1,8	+4,1—7,2	17(1)	14	+1,4—1,7	+2,7—3,8
Сентябрь								
1884	13	17	+2,4—1,8	+5,8—3,9	14(2)	16	+1,0—1,5	+4,9—3,4
1885	17	13	+1,8—2,4	+4,1—7,0	16	14	+1,5—1,8	+3,2—3,6
1886	18	12	+1,4—2,1	+3,7—5,7	19(1)	11	+1,1—1,8	+3,0—5,5

Числа эти показываютъ, что отклоненія отъ среднихъ въ обѣ стороны довольно согласны между собою и что надежность мѣсячныхъ среднихъ для каждаго года для разностей $t_1 - m_1$ и $t_1 - m_{II}$ можно считать въ предѣлахъ $\pm 2°,0$ и для разностей $t_9 - m_1$ и $t_9 - m_{II}$ въ предѣлахъ $\pm 1°,5$.

Сдѣлаемъ еще провѣрку пригодности полученныхъ нами результатовъ, т. е. сдѣлаемъ предсказанія для мѣсяцевъ самыхъ важныхъ въ дѣлѣ ухода за растительностью, а именно для апрѣля и мая трехъ разсмотрѣнныхъ нами лѣтъ и еще для тѣхъ же мѣси-

цевъ 1887 года; для этого изъ ежедневныхъ температуръ смоченнаго термометра слѣдуетъ вычесть общія среднія, показанныя въ послѣднихъ столбцахъ таблицы *A*. Полученные результаты представлены въ слѣдующей таблицѣ *D*, гдѣ столбцы обозначенные знаками + и — означаютъ, подобно предшествующимъ таблицамъ, сколько разъ истинная наименьшая температура была выше и ниже предсказанной; столбецъ обозначенный знакомъ 0,0 показываетъ сколько разъ онѣ были равны между собою.

Таблица D.

	1ч дня.					9ч вечера.				
	+	—	0,0	Среднія отклоненія.	Наибольшія отклоненія.	+	—	0,0	Среднія отклоненія.	Наибольшія отклоненія.
Апр.	**Наименьшая температура воздуха.**									
1884	13	17	—	+1,9	−1,5	+5,0	−3,9	14	14	2	+1,0	−1,1	+2,7	−3,6
1885	17	13	—	+2,0	−1,9	+4,6	−4,4	20	10	—	+1,2	−2,0	+2,9	−6,8
1886	15	14	1	+2,1	−2,6	+4,6	−5,7	18	10	2	+1,0	−2,3	+2,3	−5,5
Сред.	15	15	—	+2,1	−2,0	+5,0	−5,7	17	11	1	+1,1	−1,8	+2,9	−6,8
Май														
1884	13	17	1	+1,9	−1,5	+4,1	−6,4	13	18	—	+1,3	−0,9	+2,7	−3,6
1885	14	17	—	+1,6	−1,4	+4,0	−3,1	18	13	—	+1,2	−1,5	+3,7	−5,6
1886	16	15	—	+1,6	−2,0	+3,4	−6,5	16	13	2	+1,2	−1,4	+3,1	−3,9
Сред.	15	16	—	+1,7	−1,6	+4,1	−6,4	15	15	1	+1,2	−1,3	+3,7	−5,6
1887														
Апр.	23	7	—	+2,0	−1,9	+4,8	−5,0	26	4	—	+1,4	−1,0	+3,2	−2,5
Май	16	15	—	+2,0	−2,6	+3,6	−11,2 (−5,5)*	23	7	1	+1,3	−1,5	+2,3	−3,6
Апр.	**Наименьшая температура на поверхности земли.**													
1884	17	13	—	+2,1	−1,2	+5,2	−3,0	19	11	—	+1,5	−0,8	+3,7	−1,8
1885	15	15	—	+2,5	−2,0	+4,9	−4,7	17	13	—	+1,6	−1,4	+3,3	−6,2
1886	10	20	—	+2,5	−3,0	+4,5	−7,0	16	19	1	+0,9	−2,1	+1,5	−5,9
Сред.	14	16	—	+2,4	−2,1	+5,2	−7,0	16	14	—	+1,3	−1,4	+3,7	−6,2
Май														
1884	21	9	1	+2,0	−2,5	+6,2	−5,7	20	10	1	+1,7	−1,3	+4,1	−2,4
1885	15	16	—	+2,3	−1,8	+4,3	−4,7	12	19	—	+1,5	−1,6	+4,1	−4,0
1886	13	17	1	+2,4	−1,6	+5,8	−6,4	13	17	1	+1,9	−1,6	+5,5	−4,3
Сред.	16	14	1	+2,2	−2,0	+6,2	−6,4	15	15	1	+1,7	−1,5	+5,5	−4,3
1887														
Апр.	18	12	—	+1,9	−1,9	+5,5	−4,1	17	13	—	+1,4	−1,3	+3,9	−2,4
Май	20	11	—	+2,2	−2,9	+4,7	−9,2 (−5,2)*	26	4	1	+1,6	−1,2	+3,8	−2,3

*) Числа въ скобкахъ даютъ слѣдующее наибольшее отклоненіе.

Числа для 1884, 1885 и 1886 гг. какъ въ отдѣльности, такъ и въ среднемъ мало отличаются отъ соотвѣтствующихъ чиселъ таблицъ *B* и *C*. 1887 годъ даетъ большее число положительныхъ разностей, чѣмъ отрицательныхъ, т. е. что больше было случаевъ, когда истинная наименьшая температура была выше предсказанной; точно также и среднія отклоненія въ обѣ стороны даютъ въ общемъ болѣе чѣмъ удовлетворительные результаты. Наибольшія отрицательныя отклоненія въ 1ч въ маѣ 1887 г. (— 11,2 для воздуха и — 9,2 на поверх. земли) представляютъ собою наглядный примѣръ измѣнчивости нашего климата: онѣ относятся къ $^{15}/_{27}$ мая; въ этотъ день температура воздуха въ 1ч дня была + 26°,2 Ц. (смочен. терм. + 21°,1), въ 2 ч. дня она понизилась до + 21°,8 Ц. и въ 9ч веч. до + 14°,0 Ц. (смоч. тер. + 12°,0), наименьшая температура въ слѣдующую ночь была: для воздуха + 7°,5, на поверхности земли + 7°,7 Ц.

Случай этотъ показываетъ тоже, насколько увеличивается надежность предсказаній съ приближеніемъ срока ихъ производства къ моменту наступленія наименьшей температуры: такъ въ разсматриваемый день разность между истинною наименьшею температурою и предсказанною въ 1ч дня достигла для воздуха: — 11°,2, на поверхн. земли: — 9°,2, а въ 9ч вечера тѣже разности были — для воздуха: — 3°,4 и на поверхности земли: — 1°,4 т. е. истинная наименьшая температура на поверхности земли на неполна $1^1/_2°$ была ниже предсказанной. Въ виду особенности этого случая мы въ таблицѣ *D* при наибольшихъ отрицательныхъ отклоненіяхъ помѣстили еще въ скобкахъ слѣдующія послѣ нихъ наибольшія отклоненія (— 5,5 и — 5,2), которыя, какъ видно, вполнѣ подходятъ къ общей величинѣ этихъ отклоненій.

Наконецъ слѣдующая таблица *E* показываетъ въ иномъ видѣ результаты сдѣланныхъ предсказаній: столбцы послѣдовательно показываютъ, сколько разъ въ предсказаніяхъ ошибка въ обѣ стороны не превышала 1°, 2°, 3° и сколько разъ была выше 3°.

Таблица Е.

Наименьшая температура воздуха.

	1ч дня. Погрѣшность.				9ч вечера. Погрѣшность.			
	≤1°	>1≤2°	>2≤3°	>3°	≤1°	>1≤2°	>2≤3°	>3°
	Апрѣль							
1884	11	10	7	2	17	10	2	1
1885	7	11	6	6	10	16	3	1
1886	8	7	5	10	14	11	2	3
Средн.	9	9	6	6	14	12	2	2
%	30	30	20	20	47	40	7	7
1887	6	14	5	5	13	10	6	1
%	20	47	17	17	43	33	20	3
	Май							
1884	12	13	2	4	17	9	4	1
1885	13	8	6	4	15	11	2	3
1886	9	13	4	5	14	12	3	2
Средн.	11	12	4	4	15	11	3	2
%	35	39	13	13	48	36	10	6
1887	8	8	9	6	16	8	5	2
%	26	26	29	19	52	26	16	0,6

Наименьшая температура на поверхности земли.

	1ч дня. Погрѣшность.				9ч вечера. Погрѣшность.			
	≤1°	>1≤2°	>2≤3°	>3°	≤1°	>1≤2°	>2≤3°	>3°
	Апрѣль							
1884	12	8	6	4	17	7	5	1
1885	9	7	5	9	15	9	3	3
1886	6	5	7	12	13	12	3	2
Средн.	9	7	6	8	15	9	4	2
%	30	23	20	27	50	30	13	7
1887	12	5	7	6	11	13	5	1
%	40	17	23	20	37	43	17	3
	Май							
1884	10	8	8	5	10	11	6	4
1885	10	6	9	6	15	8	4	4
1886	9	8	7	7	12	10	5	4
Средн.	10	7	8	6	12	10	5	4
%	32	23	26	19	39	32	16	13
1887	6	10	7	8	11	9	9	2
%	19	32	23	26	36	29	29	6

Если въ послѣдней таблицѣ *E* примемъ за предѣлы погрѣшностей 2° и 3°, то получимъ слѣдующія процентныя числа удачныхъ предсказаній:

		1ч дня.		9ч веч.	
Погрѣшность ≤ 2	I	67%	возд.	$85\frac{1}{2}$%	возд.
		54	пов. зем.	$75\frac{1}{2}$	пов. зем.
Погрѣшность ≤ 3	II	84	возд.	94	возд.
		77	пов. зем.	90	пов. зем.

Числа эти показываютъ, что процентъ предсказаній точныхъ до 3° достаточно высокъ въ особенности для 9ч вечера, хотя для наименьшей температуры на поверхности земли онъ меньше, чѣмъ для минимума температуры воздуха, все таки намъ кажется достаточнымъ для того, чтобы подтвердить пригодность у насъ предсказаній по смоченному термометру.

Кромѣ того близкое сходство чиселъ II и III группъ наводитъ на предположеніе, что точность предсказаній сдѣланныхъ въ 1ч дня относится къ точности такихъ же предсказаній сдѣланныхъ въ 9ч вечера, какъ 2 къ 3 или иначе, если предсказанія въ 1ч дня дадутъ ошибку не больше 3°, то такія же предсказанія въ 9ч вечера дадутъ ошибку не больше 2°. Это подтверждается слѣдующимъ: въ 1ч дня, какъ выше показано, процентныя числа предсказаній точныхъ до 2° равны 67% (воздухъ) и 54% (пов. земли), слѣдовательно въ 9ч веч. должны быть такія же числа предсказаній точныхъ до $1\frac{1}{3}$° или до 1°,3. Число случаевъ, когда погрѣшность предсказаній въ 9ч веч. не превышаетъ 1°,3, представляется слѣдующимъ образомъ:

9ч веч.

	Воздухъ.		Пов. земли.	
	Апрѣль.	Май.	Апрѣль.	Май.
1884	20	23	20	16
1885	18	21	16	16
1886	20	19	18	16
Сред.	19	21	18	16

$$V \begin{cases} 66\% \text{ (воздухъ).} \\ 56\% \text{ (пов. земли).} \end{cases}$$

Оба процентныя числа только на 1 и 2 отличаются отъ предполагаемыхъ 67% и 54%.

Для 1887 года соотвѣтствующія выше приведеннымъ величины представляются слѣдующимъ образомъ (изъ табл. *E*):

	1ч дня.		9ч веч.	
Погрѣшность $\leqslant 2$	I	59% возд.	III	77% возд.
		54 пов. зем.		72 пов. зем.
Погрѣшность $\leqslant 3$	II	82 возд.	IV	95 возд.
		77 пов. зем.		95 пов. зем.

Число случаевъ, когда ошибка въ 9ч веч. была $\leqslant 1°3$:

	Возд.	Пов. земли.
Апрѣль	16	15
Май	19	15

т. е. $V \begin{cases} 57\% \text{ возд.} \\ 49 \text{ пов. земли.} \end{cases}$

Для 1887 года разности между II и III, а также между I и V не превышаютъ 5.

Перейдемъ къ способу предсказаній наименьшей температуры помощью *точки росы*. Для этого взяты тѣ-же годы, мѣсяцы и сроки наблюденій, что и выше, также точно приняты во вниманіе наименьшія температуры воздуха и на поверхности земли, и для каждаго наблюденія найдена точка росы (t'_1 и t'_9) по абсолютной влажности. Среднія величины разностей, полученныхъ нами точно такимъ же образомъ какъ и для перваго способа, представлены въ нижеслѣдующей таблицѣ *F*.

Таблица F.

Наименьшая температура воздуха.

	1ч дня. $t'_1 - m_I$				9ч вечера $t'_9 - m_I$			
	1884	1885	1886	Сред.	1884	1885	1886	Сред.
Апрѣль	−3,0	−2,3	−1,5	−2,3	−1,8	−1,3	−1,3	−1,5
Май	−2,8	−2,8	−2,7	−2,8	−2,7	−2,2	−2,1	−2,3
Іюнь	−2,7	−2,9	−4,3	−3,3	−1,9	−2,7	−3,1	−2,5
Іюль	−2,0	−3,0	−2,2	−2,4	−1,9	−1,6	−1,5	−1,7
Августъ	−1,2	−2,3	−1,1	−1,5	−0,4	−1,0	−0,7	−0,7
Сентябрь	−1,3	0,0	−0,7	−0,7	−0,6	0,0	−0,2	−0,3

Наименьшая температура на поверхности земли.

	1ч дня. $t'_1 - m_{II}$				9ч вечера. $t'_1 - m_{II}$			
	1884	1885	1886	Сред.	1884	1885	1886	Сред.
Апрѣль	−3,1	−1,5	0,2	−1,5	−1,9	−0,4	0,6	−0,6
Май	−1,9	0,7	−0,9	−0,7	−1,5	0,0	−0,3	−0,6
Іюнь	−1,1	−1,4	−2,4	−1,6	−0,5	−0,4	−1,2	−0,7
Іюль	−1,1	−1,7	−0,9	−1,2	−0,4	−0,3	−0,1	−0,3
Августъ	0,2	−1,0	0,5	−0,1	1,0	0,1	1,0	0,7
Сентябрь	0,5	2,1	1,5	1,4	1,0	2,0	2,0	1,7

Отсюда мы видимъ, что точка росы въ среднемъ ниже наименьшей температуры воздуха въ слѣдующую ночь, наименьшія же температуры на поверхности земли въ сентябрѣ вообще ниже точки росы, а въ августѣ общія среднія для 1ч дня и 9ч вечера даютъ величины, хотя и небольшія, но противуположныхъ знаковъ. Полученные результаты представятся гораздо нагляднѣе указаніемъ числа дней, въ которые точка росы была ниже наименьшей температуры воздуха и на поверхности земли, что представлено въ слѣдующей таблицѣ *G*.

Таблица G.

Число дней въ каждомъ мѣсяцѣ, когда *точка росы* была ниже или равна наименьшей температурѣ воздуха въ слѣдующую затѣмъ ночь.

	1ч дня.											
	Апр.		Май		Іюнь		Іюль		Авг.		Сент.	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
1884	20	67	19	61	22	73	22	71	19	61	18	60
1885	21	70	24	77	23	77	23	74	25	81	17	57
1886	18	60	20	65	26	87	23	74	21	68	23	77
Средн.	20	67	21	68	24	80	23	74	23	71	19	63
	9ч вечера.											
1884	21	70	23	74	25	83	24	77	19	61	15	50
1885	23	77	23	74	25	83	23	74	22	71	14	47
1886	22	73	23	74	23	77	22	71	19	61	20	57
Средн.	22	73	23	74	24	80	23	74	20	65	16	53

То же самое для наименьшей температуры на поверхности земли.

	1ч дня.											
	Апр.		Май		Іюнь		Апр.		Май		Іюнь	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
1884	19	63	16	52	20	67	18	58	13	42	11	37
1885	20	67	10	32	16	53	22	71	18	58	6	20
1886	14	47	16	52	22	73	17	54	12	39	9	30
Средн.	18	60	14	45	19	63	19	61	14	45	9	30
	9ч вечера.											
1884	20	67	21	68	18	60	16	52	11	35	6	20
1885	17	57	12	39	16	53	18	58	12	39	5	17
1886	12	40	15	48	21	70	12	39	9	29	3	10
Средн.	16	53	16	52	18	60	15	48	11	35	5	17

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что впродолженіе разсмотрѣнныхъ трехъ лѣтъ не было ни одного мѣсяца, въ которомъ бы точка росы была постоянно ниже наименьшей температуры въ слѣдующую ночь, а въ августѣ и сентябрѣ наименьшая температура на поверхности земли оставалась почти постоянно выше точки росы, такъ что приведенное нами въ началѣ этой статьи правило, что наименьшая температура не бываетъ ниже точки росы, не оправдывается.

Равнымъ образомъ и приведенныя въ таблицѣ *F* постоянныя (общія среднія) не могутъ считаться пригодными для предсказаній наименьшихъ температуръ, такъ какъ наибольшія отклоненія составляющихъ отъ среднихъ величинъ здѣсь гораздо значительнѣе, чѣмъ для смоченнаго термометра, а именно: для наименьшей температуры воздуха онѣ достигаютъ:

	Апр.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сент.
для 1ч дня ±	9°,8	11°,2	11°,0	10°,2	10°,4	8°,6
9ч веч. ±	8,0	8,3	9,7	5,4	5,4	7,7

и для наименьшей температуры на поверхности земли:

	Апр.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сент.
1ч дня ±	10,5	13,2	9,2	10,7	10,5	10,2
9ч веч. ±	9,0	7,9	9,9	7,2	4,9	8,8

Такимъ образомъ точка росы не представляетъ у насъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы ею можно было пользоваться для предсказаній наименьшей температуры.

Все выше изложенное вкратцѣ приводится къ слѣдующему: чтобы приблизительно предвидѣть наименьшую температуру ночи, слѣдуетъ сдѣлать отсчеты по смоченному термометру въ 1ч дня и въ 9ч вечера и изъ нихъ вычесть постоянную величину, различную для каждаго мѣсяца (табл. *A* среднія) и соотвѣтствующую сроку наблюденія, полученная разность будетъ близко подходить къ наименьшей температурѣ въ слѣдующую ночь, и предсказаніе

сдѣланное въ 9ч вечера будетъ приблизительно на 1/3 точнѣе предсказанія сдѣланнаго въ 1ч дня, такъ напр. 84% предсказаній наименьшей температуры воздуха и 76% наим. темп. на поверхности земли, сдѣланныхъ въ 1ч дня, будутъ имѣть погрѣшность не болѣе 3°, а сдѣланныхъ въ 9ч вечера—погрѣшность не больше 2°. Если принять для 9ч вечера предѣлъ погрѣшности 3°, то % удачныхъ предсказаній будетъ:

для наименьшей темпер. воздуха 94%
» » » на поверх. земли 90

Точка росы не представляетъ у насъ достаточныхъ указаній на наименьшую температуру, чтобъ по нимъ сдѣлать какіе либо выводы.

Въ заключеніе приводимъ 2 таблицы предсказаній наименьшихъ температуръ воздуха и на поверхности земли для апрѣля и мая 1887 года, сдѣланныхъ помощью смоченнаго термометра. Послѣдніе столбцы въ отдѣлахъ для 1ч и 9ч обозначаютъ разности между истинною и предсказанною наименьшею температурою.

1887.

Наименьшая температура воздуха.

Пост. = 4,1.			Апрѣль		Пост. = 2,0.			
1ч дня.					9ч вечера.			
Числа.	(*)t	M	$t-4{,}1=m$	Δ	t	M	$t-2{,}0=m$	Δ
1	0,5	—2,3	—3,6	1,3	—0,8	—2,3	—2,8	0,5
2	1,0	—0,5	—3,1	2,6	—0,6	—0,5	—2,6	2,1
3	2,0	—0,5	—2,1	1,6	0,9	—0,5	—1,1	0,6
4	2,2	—0,2	—1,9	1,7	0,0	—0,2	—2,0	1,8
5	0,6	0,2	—3,5	3,7	2,6	0,2	0,6	0,4
6	1,3	—1,1	—2,8	1,7	—1,1	—1,1	—3,1	2,0
7	0,8	—1,5	—3,3	1,8	—1,0	—1,5	—3,0	1,5
8	0,5	—3,7	—3,6	—0,1	—2,0	—3.7	—4,0	0,3
9	0,8	—7,0	—3,3	—3,7	—4,2	—7,0	—6,2	—0,8
10	—0,2	—2,3	—4,3	2,0	—2,5	—2,3	—4,5	2,2
11	2,9	0,2	—1,2	1,4	1,4	0,2	—0,6	0,8
12	2,8	0,0	—1,3	1,3	—0,8	0,0	—2,8	2,8
13	0,8	—2,0	—3,3	1,3	—0,4	—2,0	—2,4	0,4
14	—3,6	—2,9	—7,7	4,8	—4,1	—2,9	—6,1	**3,2**
15	—1,8	—3,2	—5,9	2,7	—2,3	—3,2	—4,3	1,1
16	—2,9	—5,0	—7,0	2,0	—3,5	—5,0	—5,5	0,5
17	0,3	—4,1	—3,8	—0,3	—4,6	—4,1	—6,6	2,5
18	2,6	1,1	—1,5	2,6	2,1	1,1	0,1	1,0
19	2,3	0,2	—1,8	2,0	1,0	0,2	—1,0	1,2
20	1,0	—2,3	—3,1	0,8	—0,1	—2,3	—2,1	—0,2
21	—3,1	—4,2	—7,2	3,0	—3,6	—4,2	—5,6	1,4
22	—0,2	—0,5	—4,3	3,8	—0,8	—0,5	—2,8	2,3
23	2,6	0,0	—1,5	1,5	0,7	0,0	—1,3	1,3
24	3,7	1,6	—0,4	2,0	2,0	1,6	0,0	1,6
25	6,4	3,3	2,3	1,0	3,9	3,3	1,9	1,4
26	8,9	5,0	4,8	0,2	6,3	5,0	4,3	0,7
27	10,7	6,3	6,6	—0,3	8,9	6,3	6,9	—0,6
28	13,0	7,0	8,9	—1,9	8,6	7,0	6,6	0,4
29	9,3	3,1	5,2	—2,1	3,7	3,1	1,7	1,4
30	13,6	4,5	9,5	**—5,0**	9,0	4,5	7,0	**—2,5**
31								

(*) t = смоченный термометръ. — M = истинныя наим. температуры. — m = предсказанныя наим. температуры. — $\Delta = M-m$.

1887.

Наименьшая температура воздуха.

Пост. = 2,4.	Май				Пост. = 1,1.			
	1ч дня.				9ч вечера.			
Числа.	t	M	$t-2,4=m$	Δ	t	M	$t-1,1=m$	Δ
1	6,7	3,1	4,3	−1,2	3,9	3,1	2,8	0,3
2	3,8	3,3	1,4	1,9	3,7	3,3	2,6	0,7
3	5,1	3,9	2,7	1,2	2,9	3,9	1,8	2,1
4	8,8	5,5	6,4	−0,9	10,2	5,5	9,1	**−3,6**
5	9,2	3,8	6,8	−3,0	4,1	3,8	3,0	0,8
6	4,4	2,5	2,0	0,5	2,0	2,5	0,9	1,6
7	3,8	3,9	1,4	2,5	3,1	3,9	2,3	1,6
8	3,4	3,3	1,0	2,3	3,4	3,3	2,3	1,0
9	3,5	3,6	1,1	2,5	4,5	3,6	3,4	0,2
10	3,8	2,9	1,4	1,5	3,2	2,9	2,1	0,8
11	6,8	5,7	4,4	1,3	5,6	5,7	4,5	1,2
12	10,5	6,9	8,1	−1,2	7,1	6,9	6,0	0,9
13	8,0	6,2	5,6	0,6	6,6	6,2	5,5	0,7
14	6,4	6,3	4,0	2,3	5,6	6,3	4,5	1,8
15	6,4	7,4	4,0	3,4	6,2	7,4	5,1	**2,3**
16	10,8	5,6	8,4	−2,8	7,6	5,6	6,5	−0,9
17	8,1	3,9	5,7	−1,8	3,7	3,9	2,6	1,3
18	10,7	11,9	8,3	**3,6**	10,9	11,9	9,8	2,1
19	16,4	13,1	14,0	−0,9	12,2	13,1	11,1	2,0
20	17,7	14,5	15,3	−0,8	13,6	14,5	12,5	2,0
21	13,9	14,9	11,5	3,4	13,8	14,9	12,7	2,2
22	17,2	11,9	14,8	−2,9	13,8	11,9	12,7	−0,8
23	18,1	10,2	15,7	**−5,5**	10,4	10,2	9,3	0,9
24	17,8	13,1	15,4	−2,3	14,8	13,1	13,7	−0,6
25	13,6	10,6	11,2	−0,6	10,7	10,6	9,6	1,0
26	18,3	13,0	15,9	−2,9	14,6	13,0	13,5	−0,5
27	21,1	7,5	18,7	**−11,2**	12,0	7,5	10,9	−3,4
28	8,2	5,5	5,8	0,3	6,6	5,5	5,5	**0,0**
29	6,8	5,0	4,4	0,6	6,8	5,0	5,7	−0,7
30	4,5	3,6	2,1	1,5	3,5	3,6	2,4	1,2
31	4,8	5,6	2,4	3,2	4,4	5,6	3,3	**2,3**

1887.

Наименьшая температура на поверхности земли.

Пост. = 4,9.	Апрѣль.				Пост. = 2,8.			
	1ч дня.				9ч вечера.			
Числа.	t	M	$t-4,9=m$	Δ	t	M	$t-2,8=m$	Δ
1	0,5	−5,2	−4,4	−0,8	−0,8	−5,2	−3,6	−1,6
2	1,0	−1,3	−3,9	2,6	−0,6	−1,3	−3,4	2,1
3	2,0	0,0	−2,9	2,9	0,9	0,0	−1,9	1,9
4	2,2	−1,2	−2,7	1,5	0,0	−1,2	−2,8	1,6
5	0,6	−2,3	−4,3	2,0	2,6	−2,3	−0,2	−2,1
6	1,3	−2,8	−3,6	0,8	−1,1	−2,8	−3,9	1,1
7	0,8	−4,2	−4,1	−0,1	−1,0	−4,2	−3,8	−0,4
8	0,5	−7,0	−4,4	−2,6	−2,0	−7,0	−4,8	−2,2
9	0,8	−8,1	−4,1	−4,0	−4,2	−8,1	−7,0	−1,1
10	−0,2	−5,0	−5,1	0,1	−2,5	−5,0	−5,3	0,3
11	2,9	−3,8	−2,0	−1,8	1,4	−3,8	−1,4	**−2,4**
12	2,8	−1,1	−2,1	1,0	−0,8	−1,1	−3,6	2,5
13	0,8	−3,0	−4,1	1,1	−0,4	−3,0	−3,2	0,2
14	−3,6	−3,0	−8,5	**5,5**	−4,1	−3,0	−6,9	**3,9**
15	−1,8	−3,2	−6,7	3,5	−2,3	−3,2	−5,1	1,9
16	−2,9	−7,2	−7,8	0,6	−3,5	−7,2	−6,3	−0,9
17	0,3	−5,5	−4,6	−0,9	−4,6	−5,5	−7,4	1,9
18	2,6	0,8	−2,3	3,1	2,1	0,8	−0,7	1,5
19	2,3	0,0	−2,6	2,6	1,0	0,0	−1,8	1,8
20	1,0	−4,0	−3,9	−0,1	−0,1	−4,0	−2,9	−1,1
21	−3,1	−5,7	−8,0	2,3	−3,6	−5,7	−6,4	0,7
22	−0,2	−2,5	−5,1	2,6	−0,8	−2,5	−3,6	1,1
23	2,6	−1,7	−2,3	0,6	0,7	−1,7	−2,1	0,4
24	3,7	−0,2	−1,2	1,0	2,0	−0,2	−0,8	0,6
25	6,4	1,7	1,5	0,2	3,9	1,7	1,1	0,6
26	8,9	3,2	4,0	−0,8	6,3	3,2	3,5	−0,3
27	10,7	4,1	5,8	−1,7	8,9	4,1	6,1	−2,0
28	13,0	5,5	8,1	−2,6	8,6	5,5	5,8	−0,3
29	9,3	0,6	4,4	−3,8	3,7	0,6	0,9	−0,3
30	13,6	4,6	8,7	**−4,1**	9,0	4,6	6,2	−1,6
31								

1887.

Наименьшая температура на поверхности земли.

Пост. = 4,2.			**Май**		Пост.= 2,9.			
	1ч дня.				9ч вечера.			
Числа.	t	M	$t-4{,}2 = m$	Δ	t	M	$t-2{,}9 = m$	Δ
1	6,7	1,0	2,5	−1,5	3,9	1,0	1,0	**0,0**
2	3,8	1,9	−0,4	2,3	3,7	1,9	0,8	1,1
3	5,1	2,7	0,9	1,8	2,9	2,7	0,0	2,7
4	8,8	5,0	4,6	0,4	10,2	5,0	7,3	**−2,3**
5	9,2	1,4	5,0	−3,6	4,1	1,4	1,2	0,2
6	4,4	−0,4	0,2	−0,6	2,0	−0,4	−0,9	0,5
7	3,8	1,6	−0,4	2,0	3,4	1,6	0,5	1,1
8	3,4	2,7	−0,8	3,5	3,4	2,7	0,5	2,2
9	3,5	2,0	−0,7	2,7	4,5	2,0	1,6	0,4
10	3,8	0,4	−0,4	0,8	3,2	0,4	0,3	0,1
11	6,8	5,5	2,6	2,9	5,6	5,5	2,7	2,8
12	10,5	6,5	6,3	0,2	7,1	6,5	4,2	2,3
13	8,0	5,0	3,8	1,2	6,6	5,0	3,7	1,3
14	6,4	5,8	2,2	3,6	5,6	5,8	2,7	3,1
15	6,4	5,0	2,2	2,8	6,2	5,0	3,3	1,7
16	10,8	4,0	6,6	−2,6	7,6	4,0	4,7	−0,7
17	8,1	2,4	3,9	−1,5	3,7	2,4	0,8	1,6
18	10,7	10,6	6,5	4,1	10,9	10,6	8,0	2,6
19	16,4	9,9	12,2	−2,3	12,2	9,9	9,3	0,6
20	17,7	13,6	13,5	0,1	13,6	13,6	10,7	2,9
21	13,9	13,7	9,7	4,0	13,8	13,7	10,9	2,8
22	17,2	11,7	13,0	−1,3	13,8	11,7	10,9	0,8
23	18,1	8,7	13,9	**−5,2**	10,4	8,7	7,5	1,2
24	17,8	11,6	13,6	−2,0	14,8	11,6	11,9	−0,3
25	13,6	9,8	9,4	0,4	10,7	9,8	7,8	2,0
26	18,3	12,1	14,1	−2,0	14,6	12,1	11,7	0,4
27	21,1	7,7	16,9	**−9,2**	12,0	7,7	9,1	−1,4
28	8,2	6,1	4,0	2,1	6,6	6,1	3,7	2,4
29	6,8	4,4	2,6	1,8	6,8	4,4	3,9	0,5
30	4,5	2,1	0,3	1,8	3,5	2,1	0,6	1,5
31	4,8	5,3	0,6	**4,7**	4,4	5,3	1,5	**3,8**

ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ

ЛИМФАТИЧЕСКИХЪ СЕРДЕЦЪ И СОСУДОВЪ

У НѢКОТОРЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АМФИБІЙ.

ВЛ. ВЕЛИКІЙ.

Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 20-го Сентября 1888 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 6.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1888.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.
И. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 35 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1888 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Весловскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Лимфатическая система со времени открытія млечныхъ сосудовъ Каспаромъ Азелли изъ Кремоны въ 1622 г. представляла и представляетъ до сихъ поръ много почти непочатаго матеріала для разработки ея, какъ въ анатомическомъ такъ и въ физіологическомъ отношеніи, а въ особенности по исторіи развитія.

Макроскопическая анатомія лимфатической системы, не смотря на значительные успѣхи техники, и, труды Фомана, Тейхмана, Саппея подвигается довольно медленно, такъ какъ изученіе ея требуетъ большаго навыка и умѣнья. Не болѣе, повидимому, былъ разработанъ одинъ важный отдѣлъ лимфатической системы въ анатомическомъ отношеніи — это лимфатическія сердца.

Открытіе этихъ сократительныхъ пузырьковъ лимфатической системы, физіологическая задача которыхъ состоитъ въ облегченіи перехода лимфы изъ лимфатической системы въ кровеносную, усилила приливъ рабочихъ силъ къ изслѣдованію этихъ органовъ у разныхъ другихъ животныхъ.

Мюллеръ нашелъ въ 1832 году два заднихъ сердца у лягушекъ, позади тазобедреннаго сочлененія, возлѣ задне-проходнаго отверзтія въ подвздошной области. Arteria и vena ischiadicae пробѣгаютъ непосредственно подъ лимфатическимъ сердцемъ и лимфа вливается изъ лимфатическаго сердца въ вѣтвь сѣда-

лищной вены[1]), переднія сердца (Pannizza) помѣщаются у большихъ поперечныхъ отростковъ третьяго позвонка между позвоночнымъ столбомъ и лопаткой.

Въ 1854 году Лейдигъ[2]) нашелъ еще добавочную пару заднихъ сердецъ у «Ceratophrys dorsata».

Что касается хвостатыхъ лягвъ саламандръ и тритоновъ, то Миллеромъ была указана только пара заднихъ лимфатическихъ сердецъ.

Іосифъ Мейеръ[3]) указалъ еще на существованіе двухъ паръ сердецъ въ подлопаточной области у саламандръ, такъ что общее количество извѣстныхъ лимфатическихъ сердецъ не превышало 6-ти.

У пресмыкающихся лимфатическія сердца были найдены въ хвостовой области въ числѣ двухъ, такъ у ящерицъ, у каймана, у желтопузика (Hyrtl)[4]) изъ змѣй у гадюки ужа и боа (Weber) у черепахъ также извѣстны два заднихъ сердца.

У представителей рыбъ въ концѣ хвоста мы находимъ или пульсирующій пузырекъ настоящее лимфатическое сердце, какъ у угря (Маршаль-Галь)[5]) (истинное значеніе его выяснилъ Мюллеръ[6]) или же непульсирующій резервуаръ, какъ напримѣръ у многихъ рыбъ (Гиртль), имѣющій всѣ анатомическіе признаки лимфатическихъ сердецъ (Гиртль). Далѣе Саппей указываетъ на множественность лимфатическихъ сердецъ у «Plagiostoma», но они заслуживаютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія, что мы сдѣлаемъ ниже. Надо замѣтить, что у рыбъ отъ хвостоваго сердца идетъ по боковому лимфати-

[1]) Phylosophical. transaction 1833. Pannizza. Müller's archiv 1833.

[2]) Leidig 1854. Anatomische histologische Untersuchungen über Fische und Reptilien.

[3]) Josephus Meyer 1845. Systema amphibiorum lymphaticum Müller l. c.

[4]) Hyrtl. Beiträge zur Vergleichenden Angiologie Denkschrifte der Wiener-Academie 1850.

[5]) Marchall Hall. A critical and experim essay on the circulation of the blood 1836.

[6]) Müller's archiv 1843.

ческому стволу вдоль «sulcus lateralis» и эти боковые стволы входятъ съ каждой стороны въ слабо и медленно сокращающіеся, только при внѣшнихъ раздраженіяхъ, синусы. Эти синусы на уровнѣ слуховыхъ нервовъ впадаютъ короткимъ протокомъ въ яремную вену.

У птицъ мы встрѣчаемъ также органы аналогичные лимфатическимъ сердцамъ (Pannizza) и они находятся въ области таза по сторонамъ хвостовыхъ позвонковъ подъ кожей или подъ мускулами, покрывающими хвостъ. У страуса, казуара и аистовъ они имѣютъ мышечныя стѣнки, но не имѣютъ самостоятельныхъ ритмическихъ сокращеній, а у другихъ птицъ, по наблюденіямъ Станніуса[1]) стѣнки ихъ перепончаты, такъ напримѣръ, у хищныхъ. Уже Станніусъ замѣтилъ, что мышечная система этихъ органовъ сильнѣе развита у зародышей нежели у взрослыхъ формъ.

Руководясь отчасти можетъ быть этимъ наблюденіемъ, Будге[2]) удалось доказать существованіе двухъ пульсирующихъ лимфатическихъ сердецъ въ хвостовой части куринаго зародыша восьми дней.

Ранвье[3]) довольно подробно изслѣдовалъ гистологическое строеніе лимфатическихъ сердецъ у нѣкоторыхъ представителей змѣй и лягушекъ, но мало прибавилъ къ макроскопической анатоміи этихъ органовъ.

Въ моей магистерской диссертаціи[4]) я указалъ на нѣсколько новыхъ анатомическихъ фактовъ, относящихся къ лимфатическимъ сердцамъ «amphibia caudata», именно на множественность лимфатическихъ сердецъ у саламандры и аксолотлей; но такъ какъ задача моя сводилась болѣе къ изученію физіологіи лимфатическихъ сердецъ и гистологіи ихъ, то дальнѣйшую разработку

[1]) Stanius. Müller's archiv 1843.

[2]) Budge Albrecht. Archiv für Anatomie und Physiologie 1882.

[3]) Ranvier, Leçons d'Anatomie generale 1880.

[4]) Нѣкоторыя дополненія къ гистологіи и анатоміи и физіологіи лимфатическихъ сердецъ Великій 1884.

открытыхъ мною анатомическихъ фактовъ я оставилъ на будущее время и теперь въ этой работѣ я представляю результаты по анатомическому изслѣдованію лимфатическихъ сердецъ у нѣкоторыхъ «Batrachia et Amphibia caudata», а также нѣсколько данныхъ къ исторіи развитія лимфатическихъ сердецъ у головастиковъ лягушекъ.

Изслѣдованіе исторіи развитія лимфатическихъ сердецъ, именно у головастиковъ лягушекъ представило для меня бо̀льшій еще интересъ съ того времени какъ мнѣ удалось доказать у нихъ множественность лимфатическихъ сердецъ и сообщеніе ихъ между собою посредствомъ общаго лимфатическаго сосуда.

О лимфатическихъ сердцахъ „Proteus anguinus“.

Описаніе лимфатическихъ сердецъ у амфибій я расположу не по порядку наблюденія по времени, а по порядку зоологической лѣстницы.

На живомъ «Proteus anguinus» при внимательномъ осмотрѣ его можно замѣтить подъ кожей вдоль по *sulcus lateralis* пульсирующія точки, приподымающія кожу и едва видимыя простымъ глазомъ.

На основаніи прежнихъ моихъ наблюденій на саламандрахъ и аксолотляхъ я могъ заключить, что и здѣсь я имѣю дѣло съ лимфатическими сердцами, что потомъ и подтвердилось дальнѣйшими анатомомикроскопическими изслѣдованіями: у протея пульсація сердецъ замѣчалась очень медленная, — maximum мнѣ удалось наблюдать до 15 въ минуту.

Для изслѣдованія анатомомикроскопическаго я употребилъ слѣдующіе два пріема: 1) обработывалъ протея концентрированнымъ растворомъ пикриновой кислоты въ продолженіи сутокъ, на вторыя сутки клалъ въ воду, послѣ чего посредствомъ слегка некривленнаго шпателя весьма легко можно было отдѣлить кожу отъ мышцъ и отъ боковой вены, въ которую открываются лим-

фатическія сердца а также и отъ нервнаго боковаго ствола. Такой кусокъ мышцъ съ элементами боковой линіи погружался въ 95° спиртъ и на слѣдующій день я могъ дѣлать срѣзы бритвою паралельно *sulcus lateralis*, окрашивая эти куски пикро-карминомъ, а также и подкисленнымъ везувиномъ. Второй способъ состоялъ въ обработкѣ протея флеммингговскою жидкостью.

На обработанныхъ глицериномъ препаратахъ я убѣдился, что въ промежуткахъ межреберныхъ мышцъ мы имѣемъ дѣйствительно лимфатическія сердца. Они состоятъ изъ поперечно полосатыхъ чрезвычайно тонкихъ мышечныхъ волоконъ, расположенныхъ въ разныхъ направленіяхъ. Каждое сердце сидитъ на боковой венѣ и открывается въ нее (рис. № 1); діаметръ ихъ колеблется для протея въ 35 ctm. длины отъ 150 до 200 μ.

Въ самыхъ поверхностныхъ частяхъ, ближайшихъ къ кожѣ впадаютъ лимфатическіе стволы, довольно толстыми вѣтвями. Около лимфатическихъ сердецъ встрѣчаемъ большое количество жировыхъ клѣтокъ. Сердца лежатъ на промежуточной соединительной ткани между межреберными мышцами. Отъ этой соединительной ткани къ поверхности сердца идутъ соединительно тканныя волоконца въ радіальномъ направленіи. Физіологическое значеніе такого расположенія соединительно тканныхъ волоконъ совершенно понятно. Діастола лимфатическихъ сердецъ явленіе совершенно пассивнаго характера, и какъ только прекращается систола, сердца приходятъ въ состояніе діастолы въ силу эластичности натягивающихъ ихъ волоконъ (соединительно-тканныхъ). Подобное же отношеніе соединительной ткани, окружающей лимфатическія сердца мы находимъ также и у другихъ амфибій.

У змѣй, гдѣ сердца заключены въ неполныя костно-перепончатыя коробки изъ отростковъ реберъ мы видимъ соединительно-тканныя перемычки между коробкою и сердцемъ (Веберъ)[1]).

Идя съ поверхности, мы на вышеуказанномъ препаратѣ видимъ развѣтвляющійся лимфатическій сосудъ, входящій въ лим-

---

[1]) Weber. Müller's archiv. 1835.

фатическое сердце. Въ мѣстѣ вхожденія сосуда особыхъ клапановъ не замѣчается, но строеніе мышцъ лимфатическаго сердца у мѣста входа лимфатическихъ сосудовъ напоминаетъ собою расположеніе мышцъ на легочныхъ венахъ сердца (кровеноснаго) и, если принять, что систола начинается именно съ этихъ мышцъ, то очевидно, что просвѣты вносящихъ лимфатическихъ сосудовъ, съуживаются и этимъ съуженіемъ объусловливается невозможность во время систолы лимфатическаго сердца обратнаго тока лимфы изъ сердца въ сосуды (лимфатическіе).

Лимфатическое сердце съ вливающимися въ него лимфатическими сосудами лежитъ прямо на боковой венѣ, которая и просвѣчиваетъ чрезъ сердце и часто бываетъ наполнена красными кровяными шариками. Эти отношенія видны на хорошо просвѣтленныхъ препаратахъ (гвоздичное масло и канадскій бальзамъ).

Теперь является весьма интересный для разрѣшенія вопросъ: существуютъ ли клапаны между лимфатическимъ сердцемъ и веной?

Существованіе такихъ клапановъ надо было предположить по анатомическимъ аналогіямъ, а во вторыхъ и потому что почти никогда лимфатическія сердца не бываютъ наполнены красными кровяными шариками. Здѣсь у протея мы встрѣчаемъ слѣдующее приспособленіе: лимфатическое сердце имѣетъ нѣсколько грушевидную форму и своей острой частью оно какъ бы впаяно въ стѣнку вены, образуя удлиненную трубочку, состоящую внутри изъ эндотелія лимфатическаго сердца, а со стороны вены покрытую эндотеліемъ вены.

Подобное же отношеніе мы нашли у лягушекъ и ихъ головастиковъ.

Механическая теорія образованія такихъ клапановъ совершенно понятна; тамъ гдѣ образующееся лимфатическое сердце спаивается съ веною, мышцъ нѣтъ, есть только слой эндотелія и при толчкахъ отъ сокращенія мало по малу эндотеліи сердца впячивается въ стѣнку вены, вдавливаетъ самую венную стѣнку

внутрь сосуда, образуя трубку сначала со слѣпымъ концемъ, который потомъ и открывается въ полость вены. Изъ вены кровь вовсе не можетъ попадать въ лимфатическое сердце, такъ какъ при діастолѣ сердца узкій конецъ трубочки прижатъ къ стѣнкѣ вены кровянымъ токомъ, а при систолѣ лимфатическаго сердца, хотя онъ и открытъ, но давленіе въ полости сердца значительно болѣе чѣмъ въ венѣ, что доказывается также прерываніемъ веннаго тока крови при систолѣ сердца.

На внутренней поверхности сердецъ, на окрашенныхъ препаратахъ въ особенности на мѣстѣ вхожденія лимфатическихъ сосудовъ, гдѣ черезъ прозрачныя стѣнки сосудовъ просвѣчиваютъ мышечныя перекладины сердца мы видимъ на внутренней поверхности мышечнаго слоя овальныя ядра, которыя принадлежатъ эндотеліальнымъ клѣткамъ, выстилающимъ однимъ слоемъ всю внутреннюю поверхность лимфатическихъ сердецъ.

Мышцы лимфатическихъ сердецъ Proteus раза въ 4 тоньше мышечныхъ волоконъ того же животнаго, отлично обнаруживаютъ рубчатость и образуютъ соприкосновеніемъ другъ съ другомъ довольно густую сѣть; нервныхъ узловъ или отдѣльныхъ клѣтокъ ни въ стѣнкахъ сердца ни около я не видалъ.

Изъ нервныхъ окончаній въ мышцахъ сердецъ Proteus мнѣ удалось наблюдать только одну форму, именно, окончаніе безмякотнаго нервнаго волокна одной или двумя пуговками, (рис. 2) золоченіе я производилъ на спиртовыхъ препаратахъ на разрѣзахъ по способу указанному «во «Врачѣ» за 1883 г.»: спиртовые срѣзы съ лимфатическими сердцами обработывались одно-процентнымъ растворомъ хлористаго золота въ продолженіи часа или двухъ, тщательно промывались дестилированной водой, далѣе впродолженіи 3 мин. растворомъ 20% ѣдкаго натра, опять споласкивались дестилированной водой и впродолженіи 5 мин. подвергались дѣйствію 10% раствора іодистаго калія, послѣ чего препараты окончательно промывались водой и расщипывались въ глицеринѣ подъ микроскопомъ. Стѣнки лимфатическихъ сер-

децъ Proteus питаются поверхностною сѣтью тонкихъ стволовъ, вливающихся въ боковую вену.

Лимфатическія сердца у аксолотлей.

Къ прежде добытымъ мною анатомическимъ фактамъ[1]) я могу прибавить слѣдующее: если у аксолотля перерѣзать продолговатый мозгъ какъ можно осторожнѣе, чтобы не вызвать излишняго кровотеченія и потомъ осторожно отпрепаровать кожу по боковымъ линіямъ, и смачивать боковую линію, чтобы она не подсыхала физіологическимъ растворомъ поваренной соли, то можно замѣтить съ каждой стороны въ sulcus lateralis до 20-ти энергично сокращающихся лимфатическихъ сердецъ, которыя начинаются на уровнѣ задняго края клоакальнаго отверстія и лежатъ въ межреберныхъ промежуткахъ боковой линіи вплоть до головы, при чемъ пара изъ этихъ сердецъ прикрыты лопаткой и ея мышцами.

При осторожномъ вскрытіи кожи боковая вена съ ея вѣтвями совсѣмъ не кровоточитъ и наполнена циркулирующей по ней кровью.

Если при помощи лупы осматривать боковую линію, то видно, какъ нѣкоторыя изъ лимфатическихъ сердецъ сидятъ на большомъ стволѣ боковой вены (рис. 3, 4), а нѣкоторыя на боковыхъ вѣточкахъ, но все таки очень близко въ мѣстѣ отхода отъ боковаго ствола. На этихъ то венахъ можно замѣтить, что при каждомъ сокращеніи сердца прерывается красная струя крови бѣлымъ пятнышкомъ, чѣмъ доказывается поступленіе лимфы въ кровеносную систему. Весьма хорошо видны сердца у молодыхъ аксолотлей, гдѣ наблюдается очень быстрое и энергичное сокращеніе. Ихъ величина различна; наибольшая кзади и кпереди отъ os ilei, къ серединѣ же тѣла они уменьшаются и затѣмъ два

[1]) Великій. Нѣкоторыя дополненія къ Анатоміи гистологіи и. т. д. 1884.

сердца, находящіеся подъ лопаткой увеличиваются въ объемѣ. На мѣстѣ вхожденія лимфатическаго сердца въ вену, венка образуетъ около сердца полукругъ, который является результатомъ постоянныхъ толчковъ сокращающагося сердца.

Форма этихъ сердецъ или овальная или грушевидная. Каждое изъ этихъ сердецъ нѣсколько вытянуто и можно замѣтить нѣсколько подходящихъ къ нимъ тонкихъ лимфатическихъ сосудовъ.

Для выясненія строенія эндотелія сердецъ и лимфатическихъ сосудовъ въ нихъ вливающихся надо прибѣгнуть къ импрегнаціи серебромъ, что можно дѣлать или прямо поливая растворомъ серебра въ 1 : 300, промывши предварительно дестилированной водой нѣсколько разъ, или же предварительно произвести подкожную инъекцію воды, чтобы можно было легче отдѣлить кожу и уже потомъ импрегнировать по обыкновенному способу. Полученый по такому способу эндотелій лимфатическихъ сердецъ оказался сходнымъ съ эндотеліемъ вообще лимфатической системы.

Для выясненія отношеній между лимфатическими сосудами и сердцами я прибѣгалъ къ методу разрѣзовъ, и убѣдился въ полнѣйшемъ сходствѣ этихъ отношеній съ таковыми же у лягушекъ и у головастиковъ которые будутъ описаны ниже. Для выясненія отношенія клапановъ сердецъ къ венамъ я впрыскивалъ въ периферическій конецъ боковой вены растворъ 1% осміевой кислоты и по надлежащимъ окрашиваніи и уплотненіи на разрѣзахъ, мнѣ удалось указать существованіе трубчатыхъ клапановъ сходныхъ съ клапанами у протея, а также лягушекъ и ихъ головастиковъ, описаніе которыхъ будетъ впереди.

Лимфатическія сердца Triton taeniatus.

Вначалѣ моихъ работъ надъ тритонами я имѣлъ въ своемъ распоряженіи только весьма небольшихъ тритоновъ и лишенныхъ уже брачнаго наряда. У нихъ первое время было весьма трудно подмѣтить пульсацію сердецъ въ особенности черезъ кожу.

На подобныхъ экземплярахъ необходимо во первыхъ произвести перерѣзку головнаго мозга на уровнѣ m. oblongata, и, осторожно отпрепаровать кожу, чтобы вскрыть *sulcus lateralis*, тогда по всей длинѣ ея можно замѣтить пульсирующія, впрочемъ не особенно энергично, сердца. На рис. № 6 у насъ представлено общее расположеніе сердецъ у тритона, обработаннаго пикриновой кислотой и спиртомъ, кожа вскрыта, видно 16 сердецъ. Совсѣмъ другое дѣло, если мы возьмемъ тритона въ брачномъ нарядѣ только что пойманнаго, на немъ даже безъ всякихъ предварительныхъ операцій мы замѣчаемъ по *sulcus lateralis* энергичныя приподыманія и опусканія кожи почти одновременныя по всей боковой линіи до 100 въ минуту. Если на такомъ тритонѣ отпрепаровать осторожно кожу и вырѣзать тонкую пластинку мышцъ съ боковой бороздой, то подъ микроскопомъ при 60—70 увеличеніяхъ отчетливо можно видѣть сокращающіеся, хотя не особенно правильно, пузырьки, которые представляются невооруженному глазу въ видѣ точекъ. Боковая вена, куда впадаютъ сердца обыкновенно изгибается полумѣсяцемъ около сердца, покрытаго кругомъ довольно рѣдкими и широкими кровеносными сосудами; вплотную на сердцѣ сбоку лежитъ нервъ (рис. 5). На препаратахъ, обработанныхъ осміевой кислотой или смѣсью хромовой съ уксусной въ тѣхъ случаяхъ когда тритоны были положены цѣликомъ въ эти жидкости, сердца въ большинствѣ случаевъ оказываются набитыми и переполненными массою бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ. Мы находили сердца уже у личинокъ тритоновъ еще не потерявшихъ своихъ жабръ.

Намъ удалось у тритоновъ наблюдать окончанія нервовъ сходныя съ окончаніями въ лимфатическихъ сердцахъ саламандры, описанными мною въ моей магистерской диссертаціи, т. е., безмякотными нервными волоконцами, прилегающими къ мышечнымъ волокнамъ небольшими пуговками.

Золоченіе сердецъ тритона для изслѣдованія окончанія нервовъ производилось по слѣдующему способу: съ живаго тритона осторожно отпрепаровывалась кожа, вырѣзывалась пластинка съ бьющимися сердцами, по возможности тщательно обрѣзывалась ткань около каждаго сердца и такіе кусочки поливались профильтрованнымъ лимоннымъ сокомъ. Черезъ 5 минутъ кусочки промывались дестилированной водой и на 20 минутъ погружались въ одно-процентный растворъ хлористаго золота, далѣе послѣ промывки дестилированной водой переносились въ 5% растворъ муравьиной кислоты съ половиннымъ объемомъ глицерина.

О лимфатическихъ сердцахъ головастиковъ лягушекъ Ranae temporariae, esculentae, и Pelobates fuscus.

Изслѣдуя года 3 тому назадъ на послѣдовательныхъ разрѣзахъ заднія лимфатическія сердца очень большихъ экземпляровъ взрослыхъ Rana esculenta изъ Астрахани я замѣтилъ, что съ каждой стороны хвостовой кости лежитъ не по одному лимфатическому сердцу, какъ было принимаемо до сихъ поръ, а по 2 и по 3, при чемъ эти добавочныя сердца имѣли хорошо выраженную мышечную ткань и отдѣлялись другъ отъ друга довольно рѣзкими и толстыми прослойками соединительной ткани, весьма демонстративны въ этомъ отношеніи препараты, окрашенные пикрокарминомъ, такъ какъ мышечная ткань окрашивалась въ желтый цвѣтъ пикриновой кислотой, а соединительная въ розовый цвѣтъ.

Предполагая, что подобное анатомическое отношеніе есть только у этихъ лягушекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣя свѣжаго и живаго матеріала подъ рукой для изслѣдованія физіологической функціи этихъ сердецъ и съ другой стороны, убѣжденный, что подобная множественность сердецъ является остаткомъ отъ личиночныхъ стадій я предположилъ, что у головастиковъ ranae temporariae мы должны непремѣнно встрѣтить множественность лимфатическихъ сердецъ. Какъ ни казалось не-

вѣроятнымъ, чтобы эти органы могли ускользнуть отъ наблюдательности множества гистологовъ и физіологовъ, для которыхъ хвостъ головастика служитъ постояннымъ почти ежечаснымъ, объектомъ изслѣдованія, какъ при научныхъ работахъ такъ и при лекціонныхъ демонстраціяхъ, но твердо убѣжденный въ моемъ теоретическомъ предположеніи я упорно занялся изслѣдованіемъ живыхъ головастиковъ въ разныхъ стадіяхъ ихъ развитія и получилъ фактическое подтвержденіе моего предположенія. Я дѣйствительно нашелъ у головастиковъ Ranae temporariae, а потомъ R. esculentae, а также и Pelobates fuscus смотря по стадіи развитія отъ 4 до 5 сердецъ съ каждой стороны у корня хвоста вдоль по sulcus lateralis.

Методъ наблюденія живыхъ сердецъ слѣдующій: головастики съ начинающими развиваться задними оконечностями уже имѣютъ эти ритмически сокращающіеся пузырьки. У подобнаго головастика, если онъ имѣетъ въ длину около 2-хъ и $2^1/_2$ ctm. можно легко наблюдать простымъ глазомъ пульсацію этихъ точекъ, у меньшихъ же по величинѣ экземпляровъ приходится прибѣгать къ помощи лупы или микроскопа. Небольшіе головастики обыкновенно укладывались или въ обыкновенную влажную камеру или на столикъ Максъ-Шульца, спеціально предназначенный для изслѣдованія хвостовъ головастиковъ. Весьма полезно для обездвиженія животнаго отрѣзывать ему голову на уровнѣ продолговатаго мозга. Другихъ способовъ обездвиженія, напримѣръ, кураризаціи, употреблять нельзя, такъ какъ сердца останавливаются раньше нежели еще пропадаетъ общее явленіе локомоціи, хотя этотъ фактъ съ curare былъ замѣченъ многими весьма компетентными физіологами, но въ послѣднее время явились работа Кабреля, который утверждаетъ, что будто при слабыхъ дозахъ curare подобной остановки, да и вообще остановки лимфатическихъ сердецъ на взрослыхъ лягушкахъ не замѣчается. Поэтому, я еще разъ настаиваю на этомъ фактѣ и утверждаю, что какія бы слабыя дозы чистаго curare мы ни употребляли, но разъ эти дозы дѣйствуютъ на общую локомоторную систему, онѣ способны

вызвать и дѣйствительно вызываютъ остановку ритмики лимфатическихъ сердецъ, какъ у взрослыхъ особей, такъ и у головастиковъ.

Обезглавленный головастикъ помѣщался во влажной камерѣ съ растворомъ поваренной соли 0,6%. Трубка микроскопа устанавливалась недалеко отъ мѣста перехода хвоста въ туловище въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣзко видна боковая сильно пигментированная вена. Приподнимая немного трубку микроскопа микрометрическимъ винтомъ, первое время мы только могли замѣтить въ нѣсколькихъ мѣстахъ вдоль по венѣ нѣсколько группъ пигментныхъ клѣтокъ, расположенныхъ въ видѣ кружковъ вдоль надъ веною. Эти группы пигментныхъ клѣтокъ, то стягивались другъ къ другу, то отходили другъ отъ друга правильными ритмическими сокращеніями. На первый взглядъ можно было бы подумать, что мы имѣемъ дѣло просто съ быстро-сокращающимися пигментными клѣтками, если бы тѣла пигментныхъ клѣтокъ не приближались другъ къ другу и не отдалялись. Передвигая трубку микроскопа, можно добиться такого положенія, что виденъ рѣзкій кружокъ довольно сильно преломляющій свѣтъ, который, то увеличиваетъ свой просвѣтъ, то уменьшаетъ его. Эти кружки и есть границы лимфатическихъ сердецъ. Кромѣ этого на этихъ же живыхъ препаратахъ, если опустить ниже трубку микроскопа можно замѣтить, какъ подъ каждымъ такимъ пузырькомъ просвѣчиваютъ кровяные шарики наполняющіе вену, съ каждой систолой сердца замѣтно просвѣтленіе въ полѣ зрѣнія препарата въ венѣ, такъ какъ усиленнымъ токомъ лимфы изъ лимфатическаго сердца въ венѣ кровяные шарики, какъ бы расталкиваются или кровь разжижается струей лимфы. Вотъ все существенное, что можно наблюдать на живыхъ объектахъ при увеличеніи въ 70 разъ. Впрочемъ, покрывши препаратъ стеклышкомъ при пятой системѣ Зейберта можно видѣть въ стѣнкахъ сердца мышечную сѣтку, состоящую изъ чрезвычайно тонкихъ поперечнополосатыхъ волоконецъ.

Для изслѣдованія на разрѣзахъ я обыкновенно обработывалъ

предварительно головастиковъ, цѣликомъ, смѣсью хромовой и уксусной кислоты, составленной по Флемингу иной разъ съ примѣсью осміевой. Обработка этимъ растворомъ продолжалась день или два, далѣе я переносилъ препараты въ воду на сутки до прекращенія окраски воды и потомъ клалъ препараты въ 95% спиртъ. Съ препарата, вынутаго изъ спирта осторожно снималась кожа, что не представляло особыхъ затрудненій и дѣлались бритвой паралельно поверхности хвоста, разрѣзы въ которыхъ бы захватывалось sulcus lateralis съ ея элементами.

Такіе срѣзы обработывались пикрокарминомъ, кислымъ везувиномъ, двойной окраской сафраниномъ и анилиновой синью или одной анилиновой синью. Лучшій результатъ по ясности изображеній дала анилиновая синь и везувинъ. Кромѣ того препараты in toto окрашивались гематоксилиномъ и эти препараты предназначались спеціально для разрѣзовъ на микротомѣ Тома, при чемъ для включенія препаратовъ употреблялся мною перегрѣтый парифинъ по способу графа Шпее (берутъ обыкновенный парафинъ, нагрѣваютъ на голомъ огнѣ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ пока онъ не пріобрѣтетъ вида меда). Этотъ парафинъ имѣетъ то преимущество что онъ гораздо пластичнѣе, не заключаетъ въ себѣ пузырьковъ воздуха и имѣетъ бо́льшую вязкость, что въ особенности важно для серіальныхъ разрѣзовъ. Препараты передъ включеніемъ въ парафинъ выдерживались въ гвоздичномъ маслѣ до полной прозрачности. Передерживать въ гвоздичномъ маслѣ препараты не слѣдуетъ, такъ какъ они становятся хрупкими. Вынутые изъ гвоздичнаго масла кусочки ткани провариваются въ тепломъ парафинѣ при температурѣ 55° въ химической банѣ съ регуляторомъ Рейхарта впродолженіи 3—4-хъ часовъ и уже потомъ заплавляются по обыкновенному способу.

На препаратахъ, обработанныхъ по первому способу и окрашенныхъ анилиновой синью, мы встрѣчаемся съ новымъ анатомическимъ фактомъ — съ связью лимфатическихъ сердецъ между собою лимфатическимъ сосудомъ, (PVII) лежащимъ паралельно

боковой венѣ. Въ лимфатическій сосудъ той и другой стороны впадаютъ на разныхъ мѣстахъ поперечные тонкіе стволики. Это соединеніе лимфатическихъ сердецъ тонкимъ боковымъ сосудомъ доказываетъ, что лимфатическія сердца есть ничто иное, какъ мѣстное расширеніе лимфатическихъ сосудовъ, а не представляютъ собою выростовъ венныхъ стѣнъ. У нѣкоторыхъ рыбъ мы встрѣчаемъ подобные же лимфатическіе стволы, идущіе отъ хвостоваго лимфатическаго сердца. Они тянутся до головы и оканчиваются подъ основаніемъ черепа въ синусы, расположенные кнутри, отъ яремной вены. Каждый синусъ открывается въ вены маленькимъ поперечнымъ каналомъ. Обыкновенно мы видимъ лимфатическія сердца у головастиковъ, расположенными на боковой венѣ приблизительно въ серединѣ между отходящими межреберными венками, но иной разъ они бываютъ помѣщены на углахъ отхожденія венныхъ вѣтвей, иной же разъ одно изъ сердецъ помѣщается на подобной отходящей венѣ.

На препаратахъ, окрашенныхъ везувиномъ весьма рѣзко выдѣляются границы сердецъ на мѣстѣ ихъ спайки съ венами, почти постоянно они имѣютъ округлую форму, но иной разъ бываетъ хорошо выражена форма яйцевидная P (VIII и IX).

Мышцы составляющія основу сердецъ по виду сходны съ скелетными мышцами, состоятъ изъ чрезвычайно тоненькихъ волоконецъ, образующихъ прикосновеніемъ сѣти и на сердцахъ ближе лежащихъ къ туловищу, имѣютъ неполныя перегородки. Обыкновенно ближе лежащія къ туловищу сердца больше нежели заднія, но смотря по степени развитія бываетъ, что среднія больше боковыхъ.

Для изслѣдованія эндотелія, выстилающаго лимфатическія сердца мы употребляли серебреніе. Импрегнація серебромъ сосудовъ головастиковъ вообще представляетъ довольно большія затрудненія, какъ по трудности проникновенія черезъ покровы серебра, такъ и по самому свойству сосудовъ кровеносныхъ и лимфатическихъ въ эмбріональной ткани, гдѣ границы эндотелія весьма трудно выясняются серебромъ.

Обездвиживъ животное посредствомъ небольшой дозы curare я вводилъ стеклянную пипетку съ тонкимъ концемъ, наполненную 1% растворомъ азотно-кислаго серебра въ 1:300 подъ кожу туловища. При нѣкоторой сноровкѣ впрыскиваніемъ жидкости удается нѣсколько приподнять кожу въ мѣстѣ залеганія заднихъ лимфатическихъ сердецъ и такимъ образомъ получить возможность непосредственно импрегнировать необходимую для нашихъ изслѣдованій ткань. Подобный препаратъ погружался послѣ импрегнаціи въ дестилированную воду, быстро отрѣзывался хвостъ съ лимфатическими сердцами и промывался сильной струей воды, выставлялся на солнечный свѣтъ и, когда онъ начиналъ бурѣть погружался въ 80% спиртъ. Черезъ часъ или два на такихъ препаратахъ, можно весьма легко отдѣлить кожицу. Послѣ этой послѣдней операціи препаратъ погружался въ абсолютный алкоголь и изъ него можно было дѣлать тангентальные разрѣзы. На такихъ разрѣзахъ просвѣтленныхъ въ глицеринѣ или гвоздичномъ маслѣ вся внутренность сердца оказывается выстланной эндотеліемъ лимфатическихъ полостей и сосудовъ, но только съ (менѣе) вырѣзанными краями. Для золоченія препаратовъ я употреблялъ одинъ изъ раньше указанныхъ методовъ, при чемъ могу еще прибавить, что мнѣ удавалось получать довольно хорошіе результаты золоченіемъ разрѣзовъ, изъ препаратовъ уплотненныхъ въ флеминговской жидкости, помощью ѣдкаго натра и іодистаго калія. На золоченныхъ препаратахъ виденъ отчетливо боковой нервъ и перпендикулярно отходящія отъ него вѣточки облекающія сердце. И здѣсь, не смотря на самое тщательное изслѣдованіе мнѣ не удалось подмѣтить присутствія нервныхъ клѣтокъ.

О множественности лимфатическихъ сердецъ у взрослыхъ лягушекъ.

Исходя изъ положительныхъ наблюденій множественности сердецъ у головастиковъ Ranae temporariae я началъ болѣе внимательно всматриваться въ пульсацію заднихъ сердецъ взрослыхъ лягушекъ обыкновенныхъ Rana temporaria. На многихъ экземплярахъ мнѣ ясно удавалось видѣть пульсацію какъ бы двухъ сердецъ съ каждой стороны, раздѣленныхъ то болѣе широкою, то болѣе узкою перетяжкой и расположенныхъ одно сзади другаго. Предположивъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ оставшимися отъ стадіи головастика сердцами, я отбиралъ подобныхъ лягушекъ и, поливалъ эти сердца осміевой кислотой одно-процентнымъ растворомъ. Далѣе, когда препаратъ закрѣплялся въ достаточной степени, для чего иной разъ я дѣлалъ непосредственное впрыскиваніе осміевой кислотой, тоненькой золотой канюлькой прямо въ полость сердца, я вырѣзалъ ткань съ сердцами, промывалъ дестилированной водой и клалъ на двое сутокъ въ пикрокарминъ.

На серіальныхъ разрѣзахъ, сдѣланныхъ по обычному способу микротомомъ параллельно положенію хвостовой кости, ясно и отчетливо можно видѣть два сердца (X), расположенныхъ недалеко одно отъ другаго въ видѣ замкнутыхъ кружковъ, раздѣленныхъ розовой отъ окраски карминомъ прослойкой соединительной ткани и часто съ неполными перегородками внутри. Кромѣ двухъ сердецъ близко лежащихъ другъ къ другу и во многихъ случаяхъ отлично функціонирующихъ, мы видимъ часто еще третье сердце, снабженное также мышечными волокнами, но сравнительно очень маленькаго объема и не имѣющее никакого сообщенія съ кровеносной системой; оно скорѣе представляетъ собою полый мышечный шарикъ съ бо́льшимъ относительно предъидущихъ сердецъ содержаніемъ соединительной ткани; впрочемъ третье сердце далеко не всегда встрѣчается у всѣхъ лягушекъ.

О клапанахъ между лимфатическими пространствами и сердцами.

Обыкновенно два сердца довольно большія открываются въ вены, наполненныя красными кровяными шариками. Съ боку

сердецъ на разрѣзахъ попадаются трехъ-угольныя свѣтлыя пространства (PXI) которыя какъ бы внѣдряются въ стѣнку лимфатическаго сердца и сообщаются съ его полостью, впячивая передъ собою мышечную ткань внутрь сердца и съуживаются постепенно между собой въ узкій просвѣтъ между мышечными стѣнками сердца, которымъ и сообщаются съ внутреннѣй полостью сердца. Это свѣтлое пространство есть ничто иное какъ каналъ съ узкимъ просвѣтомъ, представляющій собою приспособленіе, замѣняющее клапаны. Дѣйствіе подобныхъ клапановъ можно себѣ представить такъ: при діастолѣ лимфа совершенно свободно проходитъ въ сердце черезъ воронкообразное углубленіе, при систолѣ же въ сердцѣ на ряду съ сокращеніемъ стѣнокъ сердца происходятъ сокращенія и конца воронкообразнаго углубленія, причемъ просвѣтъ или совершенно закрывается или же значительно съуживается, чѣмъ очевидно ставится значительное препятствіе обратному току лимфы въ лимфатическую систему.

Тѣмъ интереснѣе подобное строеніе клапановъ между лимфатическими пространствами и сердцемъ, что повидимому ни одинъ изъ ученыхъ, изслѣдовавшихъ лимфатическія сердца у лягушекъ не указываетъ подробно на ихъ строеніе, а ограничивается общими фразами или же совсѣмъ умалчиваетъ о строеніи этихъ клапановъ. Такъ Мильнъ-Эдварсъ [1]), подводя итогъ всѣмъ сдѣланнымъ работамъ по заднимъ лимфатическимъ сердцамъ у лягушекъ говоритъ, «что отверстія лимфатическихъ каналовъ, открывающіяся въ эти сердца кажется снабжены клапанными складками, имѣющими цѣлью воспрепятствовать всякому оттоку лимфъ». Ранвье [2]) относительно механизма непозволяющаго обратному току лимфы изъ сердца въ лимфатическіе мѣшки говоритъ слѣдующее: «во время систолы мышечныя волокна, окружающія стѣнку сердца, сокращаясь съуживаются или совершенно запираютъ просвѣты лимфатическихъ поръ.

[1]) Milne Edwards. Leçons sur la physiologie 1859. P. 466.
[2]) Ranvier l. c. P. 247.

Ранвье говоритъ также о клапанахъ, находящихся между венами и лимфатическими сердцами, но повидимому и эти отношенія онъ изслѣдовалъ не довольно подробно, такъ онъ говоритъ: «когда инъецируютъ венную систему, то всѣ вены которыя я вамъ назвалъ, яремная вена, плечевыя вены и выносящія вены лимфатическихъ сердецъ наполняются, но инъекція останавливается на уровнѣ шейки пузырька, какъ будто бы здѣсь въ этомъ мѣстѣ находятся клапаны. Дѣйствительно если при проходящемъ свѣтѣ разсматривать начало выносящей вены на такомъ инъецированномъ животномъ, то виденъ на этомъ уровнѣ полулунный рельефъ, не оставляющій никакого сомнѣнія въ этомъ смыслѣ». Казалось эти слова, какъ результатъ прямаго наблюденія не требовали никакихъ дальнѣйшихъ поясненій, а между тѣмъ очевидно Ранвье, недостаточно увѣренный въ полнотѣ своего наблюденія сейчасъ же прибавляетъ: «это расположеніе сходно впрочемъ съ тѣмъ, которое уже Веберъ указалъ для лимфатическаго сердца питона». Я счелъ поэтому нужнымъ переизслѣдовать и этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые факты наблюденные мною на поперечныхъ разрѣзахъ, микротомомъ, лимфатическихъ сердецъ головастиковъ и лягушекъ говорили противъ фактовъ, найденныхъ Ранвье.

Объ отношеніи между лимфатическими сердцами и венами у личинокъ и взрослыхъ лягушекъ.

Теперь мы перейдемъ къ собственнымъ наблюденіямъ объ отношеніи клапановъ въ мѣстахъ соединенія лимфатическихъ сердецъ съ венами и начнемъ описаніе съ сердецъ головастиковъ лягушекъ. Эти отношенія выясняются отчасти или на тангентальныхъ срѣзахъ *sulcus lateralis* или же на поперечныхъ разрѣзахъ хвоста головастика. Разсматривая съ плоскости тангентальный срѣзъ на хорошо окрашенныхъ препаратахъ, въ особенности на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вена лишена пигментныхъ клѣтокъ

у мѣста входа лимфатическихъ сердецъ, мы замѣчаемъ не рѣдко въ полости вены коническое лежащее обыкновенно въ наклонномъ положеніи тѣло. Это коническое тѣло есть ничто иное, какъ продолженіе лимфатическаго сердца, служащаяся часть котораго лишенная мышцъ внѣдряется въ стѣнку вены. Эта пріостренная часть лимфатическаго сердца, по моему убѣжденію и играетъ роль клапана. При каждой діастолѣ сердца, придавливаемая токомъ крови къ стѣнкѣ вены тонкая полость ея замыкается и такимъ образомъ задерживается поступленіе венной крови въ расширяющееся сердце. Это коническое утолщеніе въ полости вены покрыто эндотеліемъ, такъ какъ на наружной его поверхности мы видимъ выступающія на краяхъ ядра, которыя очевидно должны принадлежать эндотелію, выкрывающему стѣнки венъ. Здѣсь мы видимъ въ построеніи клапановъ значительное сходство съ таковымъ же построеніемъ у Proteus anguinus. Окончаніе этого конуса не заключаетъ въ себѣ мышечныхъ волоконъ, а состоитъ только изъ пластинокъ эндотелія. На поперечныхъ разрѣзахъ головастиковъ, уплотненныхъ цѣликомъ и окрашенныхъ in toto гематоксулиномъ, сдѣланныхъ помощью микротома, мы видимъ боковую вену, наполненную кровяными шариками и лимфатическое сердце къ ней прилегающее и, смотря по стадіи развитія наблюдаемъ разныя стадіи внѣдренія лимфатическаго сердца въ вену. На препаратахъ изъ личинки pelobates fuscus видна (PXII и XIII) пріостренная часть внѣдряющаяся въ вену, полость и каналъ этого коническаго тѣла.

На разрѣзахъ лимфатическихъ сердецъ взрослыхъ лягушекъ, уплотненныхъ предварительно въ осміевой кислотѣ, причемъ лимфатическія сердца вырѣзывались съ большимъ количествомъ окружающей ткани, удавалось видѣть отношеніе этихъ сердецъ, какъ къ лимфатическимъ полостямъ, о чемъ уже было сказано раньше, такъ и къ венозной системѣ.

На одномъ изъ такихъ разрѣзовъ, рисунокъ (P 18) котораго представленъ здѣсь, мы видимъ, что разрѣзъ прошелъ черезъ лимфатическое сердце и черезъ мѣсто внѣдренія его въ вену.

Въ этомъ мѣстѣ мы видимъ, какъ мышечный слой утончается все больше и больше, конецъ лимфатическаго сердца пріостряется, преобладающимъ элементомъ его становится соединительная ткань и наконецъ тонкой трубкой входитъ въ поперечный разрѣзъ венки. Въ этой трубочкѣ мы замѣчаемъ присутствіе 2-хъ 3-хъ кровяныхъ шариковъ, которые попали въ нее изъ венъ. Эти явленія обратнаго проникновенія изъ вены въ лимфатическое сердце наступаютъ не рѣдко при застояхъ въ венахъ и въ нормальныхъ условіяхъ, такъ наприм. при сильномъ развитіи икры у лягушекъ, что отчасти указываетъ на несовершенство клапанной системы и на необходимость для ея полнаго дѣйствія нормальнаго тока венной крови.

Что касается наблюденій Ранвье съ инъекціей, въ которыхъ онъ утверждаетъ, какъ мы указали выше, что здѣсь существуютъ полулунныя заслонки какія существуютъ въ лимфатической общей системѣ высшихъ животныхъ, то по моему мнѣнію его наблюденія недоказательны, такъ какъ онъ не дѣлалъ разрѣзовъ, а только наблюдалъ при проходящемъ свѣтѣ полулунный выступъ, но такой полулунный выступъ могъ легко получиться и отъ впячиванія инъекціонной массой трубочки лимфатическаго сердца въ его полость.

Поперечные разрѣзы трубчатыхъ клапановъ представляются эллипсоидными.

Послѣдовательное развитіе лимфатическихъ сердецъ у головастика.

У 18-ти дневнаго головастика, сохраняемаго въ акваріумѣ при комнатной температурѣ, у котораго еще не начали развиваться заднія оконечности, еще не видно пульсаціи лимфатическихъ сердецъ, и не смотря на весьма старательную импрегнацію серебромъ мнѣ ни разу не удалось подмѣтить въ мѣстахъ, соотвѣтствующихъ положенію лимфатическихъ сердецъ присутствія расширеній.

Между 20-ью (P. XIV) и 27-ью дневными головастиками импрегнаціей мнѣ удалось получить во первыхъ, овально расширяющіеся мелкіе пузырьки сидящіе на венахъ, сплошь состоящіе только изъ одного эндотелія. Отъ нихъ отходили лимфатическіе стволики. На нѣкоторыхъ изъ этихъ пузырьковъ, ближе лежащихъ къ корню хвоста, уже встрѣчались тончайшія мышечныя волоконца, между тѣмъ какъ на заднихъ еще не было и слѣда ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ у этихъ же головастиковъ на живыхъ экземплярахъ можно ужъ было наблюдать пульсацію двухъ кпереди лежащихъ сердецъ. Боковая вена у нихъ является рѣзко пигментированной и стѣнки ея рѣзко обозначены только подъ этими двумя бьющимися сердцами.

Заднія конечности обозначены небольшими выпячиваніями. У насъ на рисункѣ (P. XV) изображенъ въ нормальную величину одинъ головастикъ а) и онъ же б) увеличенный подъ лупою. На живыхъ такихъ головастикахъ видна хорошо пульсація двухъ сердецъ каждой стороны. Остальныя сердца не пульсируютъ и потому на живыхъ объектахъ ихъ почти нельзя отличить отъ окружающей ткани. На рисункѣ поперечнаго разрѣза (P. 16 P. 17), гдѣ разрѣзъ пришелся какъ разъ на уровнѣ клоакальнаго отверзтія и перерѣзалъ сердце и вену мы видимъ въ свободномъ пространствѣ между кожей и мышцами мелкія клѣточки, прилегающія къ венѣ съ боку. Эти клѣточки съ хорошо выраженными и хорошо окрашенными ядрами и есть тѣ элементы изъ которыхъ составляется мышечная ткань для сердца. Все это время вена, къ которой прилегаетъ лимфатическое сердце имѣетъ лишь хорошо выраженныя ядра эндотеліальныхъ клѣтокъ. На одномъ и томъ же головастикѣ на серіальныхъ разрѣзахъ можно видѣть разныя стадія развитія на разныхъ сердцахъ.

Какъ мы уже раньше сказали въ періодѣ отъ 20 до 27 дней идетъ образованіе лимфатическихъ сердецъ. Сердца, лежащія кзади состоятъ только изъ слоя эндотелія, представляя собою мѣстныя расширенія боковыхъ лимфатическихъ сосудовъ, которые какъ извѣстно еще по изслѣдованіямъ Лангера[1]) тянутся вдоль по боковымъ линіямъ. Въ эти расширенія боковыхъ сосудовъ, также какъ и въ самые сосуды входятъ перпендикулярно или подъ косымъ угломъ тонкіе стволики лимфатическихъ сосудовъ. Эти расширенія и есть зачатки лимфатическихъ сердецъ. Ближе къ туловищу на этихъ расширеніяхъ становится уже замѣтенъ не только эндотелій, но и видны клѣточки, служащія для образованія поперечно полосатыхъ волоконъ сердецъ, клѣточки относящіяся къ типу саркопластовъ. Ядро этихъ клѣтокъ представляетъ каріокинетическія фигуры. Протоплазма зерниста, съ боку видна тонкая полоска рубчатаго мышечнаго вещества.

У взрослой лягушки мышцы лимфатическихъ сердецъ недалеко уходятъ отъ эмбріональнаго типа, такъ какъ мы видимъ по изслѣдованію Ранвье, что мышечныя волокна лимфатическихъ сердецъ представляютъ краевыя ядра, лежащія въ большомъ количествѣ зернистой протоплазмы и только съ краю ея мы видимъ хорошо сформированныя поперечно полосатыя мышечныя волокна.

Въ нѣсколько болѣе ранней стадіи развитія, когда еще мышечныя волокна не дифференцированы, мы можемъ замѣтить скопленія клѣтокъ со многими отростками, рѣзко окрашивающихся гематоксилиномъ съ ядрами, выполняющими почти все тѣло клѣтокъ; эти то клѣтки вѣроятно и есть родоначальники саркопластовъ, а нѣкоторыя изъ нихъ образуютъ незначительное количество соединительной ткани между мышечными элементами сердецъ. Съ началомъ дифференцированія мышечной системы лимфатическихъ сердецъ, т. е. съ началомъ образованія группъ саркопластовъ, сейчасъ же начинается и сокращеніе сердецъ, причемъ начинается впячиваніе внутрь вены эндотеліальной стѣнки лимфатическаго сердца, а вмѣстѣ съ тѣмъ впячиваніе стѣнки вены. Надо замѣтить, что на мѣстѣ прикосновенія лимфатическаго сердца къ венѣ мышцы отсутствуютъ. Эта впяченная и пробу-

[1]) Langer. Sitzungsberichte der Wiener Akademie 1868 r. III Abth.

равленная стѣнка вены выкрыта внутри эндотеліемъ лимфатическаго сердца, а снаружи эндотеліемъ вены и составитъ такимъ образомъ вышеупомянутый нами трубчатый клапанъ.

У головастика, у котораго уже развились обѣ пары конечностей, всѣ 4 сердца съ каждой стороны сформированы вполнѣ и энергично пульсируютъ. У всѣхъ 4-хъ мышечная ткань хорошо ужъ развита.

Я имѣлъ случай наблюдать живыхъ личинокъ Pelobates fuscus которыя, какъ извѣстно достигаютъ большой величины, у нихъ также наблюдается множественность сердецъ и величина этихъ сердецъ достигаетъ до 1 mill въ діаметрѣ.

Когда начинается всасываніе хвоста, обыкновенно всѣ сердца продолжаютъ функціонировать, покуда конецъ всосаннаго хвоста не дойдетъ до самаго задняго сердца. Тогда оно перестаетъ функціонировать, поперечная полосатость мышцъ переходитъ въ зернистость, и мало по малу сердце атрофируется, тоже происходитъ обыкновенно и со вторымъ сердцемъ. Два же переднія продолжаютъ увеличиваться въ объемѣ, близко подходятъ другъ къ другу своими мышечными сильно развитыми стѣнками, которыми почти соприкасаются и бываютъ только раздѣлены слабою прослойкой соединительной ткани. Они то продолжаютъ существовать и функціонировать и у взрослой лягушки. Выше мы указывали на существованіе у взрослой лягушки Ranae temporariae еще третьяго сердца, лежащаго выше и ближе къ хвостовой кости. Это сердце состоитъ изъ группы мышечныхъ волоконъ, способно къ самостоятельному сокращенію, но уже не связано съ веной, имѣетъ крайне маленькую полость и является рудиментарнымъ сердцемъ, происшедшимъ изъ пятаго сердца головастика лягушки, которое сравнительно рѣдко наблюдается у нихъ и, если есть, то сидитъ обыкновенно у самаго корня хвоста на маленькой венкѣ, вливающейся подъ угломъ въ боковую вену.

О лимфатическихъ сосудахъ хвоста головастика лягушки.

Послѣ извѣстнаго открытія Келликеромъ[1]) лимфатическихъ сосудовъ въ хвостѣ головастика у лягушки и изслѣдованія ихъ исторіи развитія прошло 42 года, и до послѣдняго времени почти всѣ были убѣждены, какъ въ точности наблюденныхъ фактовъ, такъ и въ вѣрности выводовъ извѣстнаго гистолога, и хотя раздавались отдѣльные голоса противъ значенія этихъ сосудовъ какъ лимфатическихъ, но они не обратили на себя особаго вниманія ученаго мира. Но теперь опять работы Майера[1]) стараются поколебать значеніе этихъ сосудовъ какъ лимфатическихъ.

Мы приведемъ здѣсь сначала нѣкоторыя самыя важныя литературныя указанія для уясненія себѣ полнаго хода развитія. Мы сейчасъ указали, что важнѣйшими работами по изслѣдованію въ этомъ направленіи мы обязаны Келликеру. Во первыхъ онъ открылъ въ хвостѣ головастика два большихъ лимфатическихъ ствола изъ которыхъ одинъ спинной, а другой брюшной. Отъ этихъ стволовъ отходятъ маленькія вѣточки почти перпендикулярно, къ периферіи плавника. Хотя онъ находитъ значительное сходство между этими сосудами и сосудами кровеносными въ существенныхъ чертахъ, но тѣмъ не менѣе онъ видитъ и большія разницы въ ихъ строеніи. Такъ стѣнки ихъ составляющія сравнительно тоньше чѣмъ стѣнки кровеносныхъ сосудовъ: они волнисты, обладаютъ большимъ количествомъ внѣшнихъ удлиненій, имѣютъ большое количество тонкихъ зернышекъ, которыя обыкновенно залегаютъ возлѣ ядеръ. Далѣе хотя онъ говоритъ, что чѣмъ дальше развивается головастикъ, тѣмъ эти сосуды становятся все болѣе и болѣе похожими на кровеносные, но до полнаго тождества никогда не доходятъ, такъ

---

[1]) Kölliker. Notes sur le développement des tissus chez les batraciens. Annales des sciences naturelles 1846.

[1]) Mayer. Sitzungsbericthe der Wiener Akademie 1885.

какъ ихъ оболочка всегда представляетъ неровности на своей поверхности и никогда не получаетъ той гладкой поверхности, которую имѣютъ кровеносные сосуды даже самые молодые. Кромѣ того какъ на существенное отличіе лимфатическихъ сосудовъ отъ кровеносныхъ онъ указываетъ на особое распредѣленіе вѣтвей втораго и третьяго порядка, которыя отходятъ почти всегда подъ прямымъ угломъ и имѣютъ почти прямолинейное направленіе. Далѣе онъ говоритъ, что ему не разъ удавалось замѣчать какъ изъ кровеносныхъ сосудовъ въ лимфатическіе попадали красные кровяные шарики. Онъ объясняетъ это явленіе патологическими анастамозами между кровеносными и лимфатическими сосудами. Онъ въ это время не предполагалъ возможности проникновенія per diapedesin. Далѣе онъ предполагаетъ возможность проникновенія красныхъ кровяныхъ шариковъ изъ большихъ венныхъ стволовъ въ главные стволы лимфатической системы. Естественную инъекцію кровью лимфатическихъ сосудовъ онъ производилъ на живыхъ головастикахъ перевязкой головы передъ сердцемъ. Онъ находитъ наконецъ, что движеніе лимфы гораздо медленнѣе чѣмъ движеніе крови. По его мнѣнію разъ въ 12 медленнѣе чѣмъ въ кровяныхъ капилярахъ.

Черезъ 10 лѣтъ Ремакъ [1]), не зная о работѣ Келликера приходитъ къ тѣмъ же выводамъ относительно значенія безкровныхъ сосудовъ въ хвостѣ головастиковъ лягушки, что и Келликеръ, съ той только разницей, что ему никогда не удавалось видѣть кровяныхъ красныхъ тѣлецъ въ этихъ сосудахъ и связи этихъ сосудовъ съ кровеносными. Онъ внѣ сомнѣнія признаетъ ихъ лимфатическими особыми сосудами.

Высоцкій [2]), разбирая работы предшественниковъ говоритъ: «никакихъ опредѣленныхъ признаковъ, по которымъ можно было бы съ увѣренностью отличить лимфатическіе капилляры въ хво-

[1]) Remak. Muller's Archiv 1850.

[2]) Высоцкій. Журналъ нормальной и патологической гистологіи 1875.

стѣ головастика отъ кровеносныхъ, доселѣ никѣмъ изъ авторовъ не указано» и онъ находитъ, что всѣ сосуды, которые находятся въ хвостѣ головастика только кровеносные, тѣже которые принимаются за лимфатическіе есть развивающіеся сосуды кровеносные. Далѣе онъ утверждаетъ, что какъ кровеносные сосуды такъ и молодые развивающіеся оканчиваются въ звѣздчатыя клѣтки и утверждаетъ, что для всѣхъ ихъ безъ исключенія можно было найти прямую связь съ сосудами болѣе старыми наполненными кровью.

Если бы заключенія Высоцкаго были вѣрны, то тогда для насъ остается совершенно непонятнымъ наблюденіе Ремака, какимъ образомъ эти лишенные крови сосуды или вѣрнѣе, сосуды лимфатическіе, какъ мы будемъ продолжать ихъ называть, появляются позже нежели настоящіе кровеносные сосуды. Только черезъ 14 дней, пишетъ Ремакъ, въ хвостѣ живыхъ головастиковъ Ranae temporariae, которыхъ наружныя жабры уже пропали, замѣтилъ онъ сѣть сосудовъ, лишенныхъ кровяныхъ шариковъ. Если бы это были кровеносные сосуды только что развивающіеся, то ихъ можно было бы видѣть одновременно съ началомъ развитія кровеносныхъ.

Ремакъ полагаетъ, что лимфатическіе сосуды головастика принимаютъ участіе въ образованіи молодыхъ безцвѣтныхъ тѣлецъ, и, послѣ того какъ эти сосуды отдали уже значительное количество бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ въ кровь, они остаются просто какъ всасывающіе и, можетъ быть къ сокращенію хвоста служащіе органы.

Далѣе въ пользу мнѣнія Келликера и Ремака за значеніе этихъ сосудовъ какъ лимфатическихъ, говорятъ еще изслѣдованія послѣдняго времени Лавдовскаго, который, изслѣдуя хвосты живыхъ личинокъ головастиковъ съ хорошими иммерзіонными системами пришелъ къ убѣжденію, что лимфатическіе сосуды развиваются совершенно по другому типу нежели кровеносные, противно мнѣніямъ прежнихъ авторовъ, такъ какъ они развиваются не изъ особыхъ звѣздчатыхъ клѣтокъ какъ кровеносные.

Слѣдовательно сама исторія ихъ развитія говоритъ за ихъ самостоятельную природу.

Одновременно съ изслѣдованіемъ Лавдовскаго появилось изслѣдованіе Мейера, который выражаетъ сомнѣніе въ значеніи этихъ сосудовъ, какъ лимфатическихъ и онъ считаетъ, что эта quasi лимфатическая система есть ничто иное какъ запустѣвающая и отщепившаяся часть кровеносной. Мейеръ на основаніи своихъ наблюденій надъ головастиками лягушекъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «мы убѣждаемся, что лишенные крови сосуды или лимфатическіе сосуды Келликера во всякомъ случаѣ представляютъ образованіе sui generis и никоимъ образомъ, какъ то предполагаетъ Высоцкій, не суть захваченныя во время стадіи развитія молодыя составныя части кровеносной системы. Но мы полагаемъ, что мы должны особенно упереть на то, что и мнѣніе Келликера почти вездѣ принятое о данныхъ сосудахъ, какъ лимфатическихъ не можетъ быть принято безъ значительныхъ «урѣзокъ». Цѣлый рядъ фактовъ и соображеній не говоритъ въ пользу того мнѣнія, чтобы эти сосудистыя трубки съ типическими лимфатическими сосудами взрослыхъ особей можно было бы поставить на одну линію. Во первыхъ, по его мнѣнію, нельзя доказать что мы имѣемъ въ этихъ сосудахъ центрипетально направленный токъ. Если же такой токъ опредѣляется движеніемъ форменныхъ элементовъ или тончайшихъ зеренъ, то часто бываетъ, что направленіе тока не таково какъ въ токѣ лимфы, т. е., не отъ периферіи къ центру, а наоборотъ. Далѣе во многихъ случаяхъ быстрота съ которой двигаются форменные элементы внутри лишенныхъ крови трубокъ, будетъ ли то движеніе центрипетальное или центрифугальное гораздо болѣе чѣмъ можно себѣ вообразить для лимфатическаго тока. Противъ значенія данныхъ сосудовъ, какъ лимфатическихъ трубокъ должно также говорить значительно большое количество ихъ въ плавникѣ. Когда мы подумаемъ, что въ послѣднемъ находится только одинъ эпителій, богатая клѣтками соединительная ткань и нервы, а въ такой ткани нельзя допустить сильнаго обмѣна веществъ,

то принятіе такой распространенной лимфатической сѣти по меньшей мѣрѣ излишне». Что автору не удавалось видѣть часто правильнаго тока лимфы въ центрипетальномъ направленіи, это объясняется тѣмъ, что онъ наблюдалъ въ большинствѣ случаевъ кураризованныхъ головастиковъ, при чемъ очевидно лимфатическія сердца останавливаются, а на это обстоятельство авторъ не могъ обратить вниманія, такъ какъ мое предварительное сообщеніе не появилось еще въ печати; съ остановкой же и движеніе лимфы становится чрезвычайно медленнымъ въ центрипетальномъ направленіи и можетъ сдѣлаться обратнымъ подъ вліяніемъ толчковъ крови въ лимфатическія сердца. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда ему удавалось наблюдать въ этихъ трубкахъ движенія болѣе быстрыя нежели по его мнѣнію можно было допустить въ лимфатическомъ токѣ, это объясняется тѣмъ, что эти наблюденія были сдѣланы на головастикахъ или на слабо кураризованныхъ или же, можетъ быть обездвиженныхъ, по его способу ударами индукціоннаго тока, при чемъ лимфатическія сердца продолжаютъ энергично работать. По нашимъ изслѣдованіямъ мы знаемъ, что лимфатическія сердца у головастиковъ лягушекъ сокращаются даже до 80 разъ въ минуту, слѣдовательно нагнетаютъ лимфу чрезвычайно быстро. Что касается наблюденій Майера, подтверждающихъ только прежнее наблюденіе Келликера, что часто въ эти лимфатическіе сосуды попадаютъ красные кровяные шарики, то въ своихъ наблюденіяхъ надъ головастиками не кураризованными мнѣ ни разу не удавалось видѣть кровяныхъ шариковъ въ лимфатическихъ стволахъ, изрѣдка только попадались бѣлыя, кров. тѣльца которыхъ вообще мало у молодыхъ головастиковъ. На кураризованныхъ же головастикахъ дѣйствительно можно видѣть чаще кровяныя тѣльца въ лимфатическихъ сосудахъ. Причина подобнаго избытка кровяныхъ тѣлецъ въ лимфатическихъ сосудахъ очень понятна, если вспомнить работы Тарханова[1]) съ вліяніемъ кураре на діапедезъ красныхъ

[1]) Тархановъ. Archives de physiologie normale et pathologique 1876.

и бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ изъ кровеносной системы въ лимфатическую у взрослыхъ лягушекъ.

Вообще на кураризованномъ животномъ довольно трудно говорить о правильности кровообращенія и часто происходятъ застои крови въ кровеносныхъ сосудахъ. Что касается опытовъ Келликера съ наложеніемъ лигатуры на головной конецъ головастика, и, съ наполненіемъ лимфатической системы красными кровяными шариками, какъ тогда еще предполагалъ Келликеръ, изъ большихъ венныхъ вѣтвей соединяющихся съ большими лимфатическими стволами, то мы можемъ указать теперь, что эти пути суть мѣста соединенія открытыхъ нами лимфатическихъ сердецъ съ боковыми венами; эти опыты удаются одинаково хорошо какъ съ головастиками у которыхъ начинаютъ развиваться заднія оконечности такъ и съ болѣе взрослыми. Во всякомъ случаѣ не всегда всѣ лимфатическія сердца наполняются кровяными шариками, а только нѣкоторыя. Это, вѣроятно находится въ прямой связи съ болѣе или менѣе совершеннымъ устройствомъ клапановъ. Второе предположеніе Мейера, что въ хвостѣ головастика нѣтъ основаній, въ виду малаго питанія ожидать встрѣтить сильно развитую лимфатическую систему, опровергается во первыхъ тѣмъ противоположнымъ предположеніемъ Ремака, что эта лимфатическая система принимаетъ участіе во всасываніи хвоста головастика при метаморфозѣ, и нашимъ мнѣніемъ что это производится съ помощью ускоряющаго токъ лимфы механизма лимфатическихъ сердецъ. Съ началомъ всасыванія хвоста замѣтно нѣкоторое увеличеніе бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, которые участвуютъ дѣятельно въ резорбціи хвоста, по мнѣнію, высказанному Мечниковымъ. Громадное накопленіе бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ мы замѣчали у тритоновъ въ лимфатическихъ сердцахъ въ періодъ резорбціи брачнаго наряда.

Изслѣдованія Лавдовскаго[1]) относительно исторіи развитія

[1]) Лавдовскій. Каріокинезъ и желточныя тѣла. Еще разъ о развитіи кровеносныхъ и лимфатическихъ сосудовъ 1885 г. Петербургъ.

лимфатическихъ сосудовъ исключаютъ всякую возможность допустить предположеніе Майера, что безкровные сосуды суть отщепившіеся отъ кровеносныхъ во время хода развитія и ставшіе потомъ независимыми болѣе или менѣе отъ кровеносныхъ.

«Прослѣдимъ теперь, говоритъ Лавдовскій, такіе сосуды, вглубь ткани, до тѣхъ мѣстъ, до которыхъ можетъ проникнуть нашъ глазъ. Оказывается, что, въ отличіе отъ кровеносныхъ капилляровъ, лимфатическіе, въ направленіи къ своимъ концамъ, быстро съуживаются и затѣмъ, повидимому, сразу расширяются въ широкія неправильныя полости — своего рода лакуны, которыми и кончаются въ ткани.

Если мы имѣемъ развивающійся сосудецъ, то онъ короче, тоньше, сидитъ въ формѣ придатка на старомъ сосудѣ и также, какъ послѣдній оканчивается, расширяясь въ одну изъ лакунъ. Никогда не удается видѣть, чтобы при концѣ (или началѣ) такого сосуда — *въ связи съ нимъ* находилась клѣточка: *лимфатическіе сосуды развиваются, повидимому только изъ готовыхъ трубочекъ, путемъ выпячиванія изъ послѣднихъ — въ видѣ разной формы отпрысковъ, выходящихъ изъ ихъ стѣнокъ*. Вотъ относительно этихъ то — *лимфатическихъ* — сосудовъ можно положительно сказать, что у нихъ нѣтъ сосудообразовательныхъ клѣточекъ. И этотъ фактъ подтверждается тѣмъ извѣстнымъ и теперь вполнѣ доказаннымъ обстоятельствомъ, что лимфатическіе сосуды оканчиваются въ соединительной и нѣкоторыхъ другихъ тканяхъ безстѣночными, лакунообразными расширеніями. Правда, внутри (широкихъ) лакунъ, или на внутренней поверхности такихъ расширеній могутъ быть (покровные) элементы; но эти элементы, какъ мнѣ кажется, не имѣютъ отношенія ни къ развитію, ни къ росту лимфатическихъ сосудовъ».

О всасываніи лимфатическими сердцами.

Со времени открытія лимфатическихъ сердецъ сразу имъ было придано значеніе органовъ, играющихъ большую роль въ

процессахъ всасыванія изъ лимфатической системы и проталкиванія всосанныхъ жидкостей въ кровеносную и этого значенія у нихъ никто не оспаривалъ до самаго послѣдняго времени. Въ особенности это значеніе они пріобрѣтаютъ, если приходится переносить изъ лимфатической системы въ кровеносную вещества не диффундирующія черезъ стѣнки кровеносныхъ сосудовъ или съ трудомъ непосредственно переходящія въ кровеносные сосуды, какъ напримѣръ, бѣлые кровяные шарики или мельчайшія частицы жира. Лимфатическія сердца играютъ поэтому какъ мнѣ кажется большую роль у животныхъ, подвергающихся метаморфозу, такъ какъ мелкія частицы перерождающагося хвоста головастика въ видѣ жировыхъ капель вносятся въ токъ кровеобращенія сокращеніемъ лимфатическихъ сердецъ; что это заключеніе вѣрно, видно изъ того, что они развиты у этихъ группъ животныхъ не только качественно но и количественно и кромѣ того у всѣхъ этихъ животныхъ доказана анатомическая связь между началами лимфатической системы и лимфатическими сердцами съ одной стороны и венами съ лимфатическими сердцами съ другой стороны и никто доселѣ не выражалъ сомнѣнія въ вѣрности этихъ анатомическихъ отношеній и вытекающихъ изъ этихъ отношеній физіологическихъ функцій. Что дѣйствительно лимфатическія сердца имѣютъ большое значеніе въ явленіяхъ метаморфоза у животныхъ, видно изъ факта наблюденнаго нами на тритонахъ, именно, что у тритоновъ въ брачномъ нарядѣ съ сильно развитымъ гребнемъ, сердца функціонируютъ энергичнѣе нежели у тритоновъ потерявшихъ гребень.

Въ 1887 году докторъ Архаровъ изъ лабораторіи профессора Ковалевскаго выпустилъ работу подъ заглавіемъ: «о всасываніи изъ подкожныхъ лимфатическихъ мѣшковъ у лягушекъ». Начинаетъ онъ работу словами: «главную роль при всасываніи различныхъ веществъ вводимыхъ въ подкожные лимфатическіе мѣшки у лягушекъ обыкновенно приписываютъ лимфатическимъ сердцамъ. Это положеніе не обосновано на точныхъ физіологическихъ данныхъ». И вотъ задавшись мыслью выяснить себѣ

физіологическими опытами, на сколько лимфатическія сердца участвуютъ въ дѣлѣ всасыванія, онъ впрыскиваетъ въ подкожные мѣшки индигокармингъ и рядомъ опытовъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: на страницѣ 12-ой онъ говоритъ: «всѣ эти данныя говорятъ противъ какого либо участія лимфатическихъ сердецъ въ процессѣ всасыванія изъ подкожныхъ лимфатическихъ мѣшковъ» и на страницѣ 15-ой говоритъ: «растворъ индигокармина проникаетъ изъ лимфатическихъ мѣшковъ въ кровеносные капиляры непосредственно на мѣстѣ впрыскиванія безъ всякаго участія лимфатическихъ сердецъ» и на страницѣ же 12-ой говоритъ «при вырѣзываніи заднихъ лимфатическихъ сердецъ, переходъ раствора индигокармина изъ голенчаго мѣшка въ кровеносную систему въ моихъ опытахъ даже ускорялся». Изъ этихъ словъ какъ будто видно, что авторъ видитъ даже препятствіе для всасыванія въ самомъ существованіи лимфатическихъ сердецъ.

Гольцъ[1]) вовсе не отрицаетъ возможности всасыванія и съ помощью лимфатическихъ сердецъ и кураризуя лягушекъ при своихъ опытахъ считалъ, что онъ только элиминируетъ этотъ важный факторъ въ дѣлѣ всасыванія, но по нашему мнѣнію одна кураризація еще недостаточна для этой цѣли, такъ какъ, если сердца и стоятъ, то все-таки остаются открытыми прямыя сообщенія между полостями лимфатическихъ мѣшковъ и кровеносной системой, что впрочемъ видно изъ опытовъ самого Гольца съ впрыскиваніемъ кураризованной лягушкѣ въ лимфатическій спинной мѣшокъ дефибринированной телячьей крови, при чемъ, хотя телячья кровь переходила въ кровеносные сосуды въ очень маломъ количествѣ но все таки ему удалось замѣтить въ крови, вытекавшей изъ аорты у лягушки съ неразрушеннымъ спиннымъ мозгомъ нѣкоторое количество телячьихъ кровяныхъ тѣлецъ. По мнѣ этотъ опытъ служитъ физіологическимъ доказательствомъ ана-

[1]) Goltz. Ueber den Einfluss der nervencentren auf die Aufsaugung. Pflüger's Archiv V Band 1871. 1. H.

томической связи полостей лимфатическихъ мѣшковъ посредствомъ лимфатическихъ сердецъ съ кровеносной системою. Что кровь телячья переходитъ съ трудомъ, это можно объяснить тѣмъ, что она, свертываясь въ лимфатическихъ сердцахъ закупориваетъ пути, (Архаровъ) такъ какъ извѣстно, что, если въ лимфатическое сердце попадетъ изъ венъ собственная лягушечья кровь, то она тамъ свертывается. Слѣдовательно отравленіе кураре недостаточно елиминируетъ возможность проникновенія въ кровеносную систему въ особенности растворовъ, чрезъ лимфатическія сердца.

Совсѣмъ другое утверждаетъ Архаровъ, который на основаніи своихъ опытовъ приходитъ къ заключенію, что лимфатическія сердца совсѣмъ не участвуютъ въ процесѣ всасыванія изъ лимфатической системы въ кровеносную и не только не помогаютъ переходу жидкости въ кровеносную систему, а пожалуй вредятъ.

Страннымъ образомъ опытъ съ прохожденіемъ хотя небольшаго числа кровяныхъ шариковъ телячьей крови въ кровеносную систему Гольцъ оставилъ безъ вниманія. Также повидимому Архаровъ относится невнимательно къ этой сторонѣ опытовъ Гольца, хотя эта часть опыта прямо противорѣчитъ заключенію Архарова о неучастіи лимфатическихъ сердецъ во всасываніи изъ лимфатическихъ мѣшковъ.

Архаровъ, какъ намъ кажется, отнесся нѣсколько односторонне къ рѣшенію вопроса, участвуютъ ли лимфатическія сердца въ дѣлѣ всасыванія исключительно или совмѣстно съ стѣнками кровеносныхъ сосудовъ, или же являются совершенно лишними органами, потерявшими всякое физіологическое значеніе въ экономіи организма лягушки.

По нашему мнѣнію эта односторонность выразилась въ томъ, что онъ для своихъ опытовъ употреблялъ только растворимыя въ водѣ вещества (индигокарминъ), который дѣйствительно въ его опытахъ и проникалъ чрезвычайно быстро и непосредственно въ кровеносную систему.

Одинъ изъ его опытовъ весьма наглядно доказываетъ непосредственное всасываніе индигокармина въ кровеносную систему. Опытъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ голенный мѣшокъ лягушки онъ впрыскиваетъ растворъ индигокармина, причемъ предварительно въ периферическій конецъ venaae femoralis вставлялъ трубочку. Черезъ нѣсколько времени послѣ впрыскиванія, вытекающая кровь окрашена въ синій цвѣтъ; отсюда видно, что дѣйствительно индигокарминъ попадаетъ прямо чрезъ кровеносные капилляры.

Но при этомъ, изслѣдуя кровь вытекающую изъ сердца, онъ убѣдился, что тамъ нѣтъ слѣдовъ индигокармина. Отсюда заключеніе, что лимфатическія сердца не всасываютъ. Но далѣе онъ самъ говоритъ, что всасываніе сильно замедляется, если перевязать vena femoralis и впрыснуть въ голенный мѣшокъ индигокарминъ, то проходитъ 3 часа до появленія его въ сердцѣ, а между тѣмъ не видно, чтобы онъ эти опыты съ трубочкой въ венѣ продолжалъ долѣе $\frac{1}{2}$ часа. Весьма вѣроятно, что всасываніе бы и произошло и индигокарминъ дошелъ бы до сердца, если бы былъ продолженъ опытъ. Во всякомъ случаѣ здѣсь способствуетъ медленности всасыванія чрезъ лимфатическія сердца рана, дѣлаемая для перевязки v. femoralis.

Такъ что если всѣми его опытами и доказано одно изъ его положеній, что всасываніе растворимыхъ веществъ, въ данномъ случаѣ индигокармина, можетъ совершаться непосредственно чрезъ кровеносную стѣнку, то вовсе остается недоказаннымъ участвуютъ или неучаствуютъ лимфатическія сердца въ дѣлѣ всасыванія. Для рѣшенія этого вопроса надо очевидно было употреблять вещества жидкія, въ которыхъ были бы взвѣшены мелкія форменные элементы. Такою жидкостью, ближе подходящею по своему значенію къ физіологическимъ жидкостямъ, является молоко. Опыты предпринятые мною въ этомъ направленіи велись слѣдующимъ образомъ: на пробковой дощечкѣ растягивалась лягушка спиною кверху, надрѣзывалась кожа на спинномъ мѣшкѣ и въ лодочкообразную ямку наливалось молоко, лимфатическія сердца продолжали энергично биться и мало по малу все молоко

всасывалось. Сдѣлавъ этотъ опытъ въ грубой формѣ, для того чтобы убѣдиться въ безвредности молока для дѣятельности лимфатическихъ сердецъ, я приступилъ ко второму ряду опытовъ. Взявши большую лягушку Rana esculenta вставилъ стекляшую канюлю въ одну изъ аортъ и, прикрѣпивши лягушку на пробковой дощечкѣ, впрыснулъ въ бедренной мѣшокъ около кубическаго сентиметра молока. Уже черезъ 3 или 4 минуты можно было замѣтить въ крови взятой изъ аорты молочные жировые шарики, а черезъ 12 или 15 минутъ вмѣстѣ съ кровью выливалось молоко. Въ виду абсолютной невозможности допустить проникновенія жировыхъ шариковъ молока чрезъ стѣнки кровеносныхъ сосудовъ, очевидно для нихъ остается только одинъ путь въ кровеносную систему черезъ лимфатическія сердца.

Для удачи опыта необходимо брать парное молоко и свѣжихъ лягушекъ. На кураризованныхъ лягушкахъ, при небольшихъ количествахъ молока очень мало наблюдается шариковъ въ крови аорты при впрыскиваніи молока въ спинной лимфатическій мѣшокъ, а если впрыснуть больше 7-ми или 8-ми кубич. сентметр., то количество молочныхъ шариковъ значительно увеличивается, такъ какъ здѣсь уже мы имѣемъ случай съ механической инъекціей чрезъ готовые пути. Такимъ образомъ изъ нашихъ опытовъ слѣдуетъ, что функція лимфатическихъ сердецъ, предполагаемая прежними авторами, подтверждаемая анатомическими изслѣдованіями Ранвье и нашими анатомогистологическими изслѣдованіями, а также вышеприведенными опытами съ молокомъ, остается неопровергнутой работами Архарова. Еще одинъ фактъ, говорящій въ нашу пользу, это переполненіе лимфатическихъ сердецъ у взрослыхъ лягушекъ бѣлыми кровяными шариками, въ этомъ можно убѣдиться прямымъ опытомъ, если тонкимъ стекляннымъ капиляромъ вытянуть прямо каплю лимфы изъ лимфатическаго сердца и изслѣдовать подъ микроскопомъ, въ препаратѣ мы находимъ массу бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ.

Лимфатическія сердца Pseudopus Pallasii.

Профессоръ Боннскаго университета Лейдигъ [1]) въ «Zoologischer Anzeiger», прочтя мои предварительныя сообщенія помѣстилъ замѣтку, въ которой онъ говоритъ, что «узнавъ объ открытыхъ мною лимфатическихъ сердцахъ у саламандры и аксолотлей, припомнилъ одно свое наблюденіе, сдѣланное надъ Pseudopus Pallasii, которое для него стало понятнымъ только по прочтеніи описанныхъ мною фактовъ». Наблюденіе его состояло въ слѣдующемъ: Pseudopus жилъ у него въ клѣткѣ и Лейдигу неоднократно приходилось наблюдать его боковую линію при сильномъ солнечномъ свѣтѣ, онъ говоритъ, что при этихъ условіяхъ онъ замѣчалъ вдоль по боковой линіи, какъ бы выдающіяся изъ подъ кожи сѣровато бѣлыя тѣльца, которыя какъ бы мерцали при солнечномъ освѣщеніи. Въ то время для него они остались загадочнымъ явленіемъ но теперь, на основаніи моей работы, смыслъ этихъ тѣлецъ для него становится яснымъ и по его мнѣнію эти тѣльца есть ничто иное, какъ рядъ лимфатическихъ сердецъ. Поэтому онъ предлагаетъ желающимъ заняться разработкой этого вопроса на желтопузикахъ.

Такъ какъ этотъ вопросъ касался ближе всего меня, то я имѣя возможность наблюдать живаго желтопузика при сильномъ освѣщеніи, очень внимательно разсматривалъ его боковую линію и могу съ увѣренностью сказать, что еслибы эти лимфатическія сердца и дѣйствительно существовали подъ кожей, то во всякомъ случаѣ пульсація ихъ не могла бы быть видима черезъ толстую съ чешуйками кожу, покрывающую боковую линію даже тогда, когда желтопузикъ раздуется и вся боковая линія выходитъ ясно наружу и никакихъ пульсирующихъ точекъ съ невскрытой кожей я не наблюдалъ. Имѣя только къ сожалѣнію нѣсколько спиртовыхъ

---

[1]) Leydig. Muthmässliche Lymherzen bei pseudopus. Zoologischer Anzeiger 1886, стр. 317.

желтопузиковъ для анатомическаго наблюденія я все таки съ увѣренностью могу утверждать, что у желтопузика никакихъ предполагаемыхъ профессоромъ Лейдигомъ лимфатическихъ сердецъ по боковой линіи нѣтъ, кромѣ пары давно извѣстныхъ описанныхъ еще въ 1850-мъ г. Гиртлемъ[1]) у желтопузика въ видѣ пары маленькихъ лимфатическихъ сердецъ, которыя расположены между спинными мышцами и поперечными отростками хвостоваго позвонка. Эти мѣшки заключены каждый въ фиброзномъ влагалищѣ и получаютъ только одинъ приносящій сосудъ, берущій свое начало изъ большаго абдоминальнаго синуса. Они открываются въ пупочныя вены.

Кромѣ прямаго анатомическаго наблюденія въ данномъ случаѣ едва ли было основаніе и теоретическаго предположенія о существованіи многихъ лимфатическихъ сердецъ у желтопузика, такъ какъ это животное принадлежитъ въ зоологической лѣстницѣ къ сравнительно высшей группѣ, чѣмъ тѣ животные у которыхъ нами наблюдалась множественность лимфатическихъ сердецъ; при чемъ даже въ изученной нами группѣ мы уже видимъ значительное уменьшеніе количества ихъ и вообще, идя вверхъ по зоологической лѣстницѣ, мы замѣчаемъ все бо́льшее и бо́льшее сокращеніе гомологовъ, а также въ данномъ случаѣ функція этихъ органовъ ослабляется мало по малу въ виду замѣщенія ея другими приспособленіями.

О лимфатическихъ сердцахъ Саппея у рыбъ.

Саппей[2]) описалъ въ 1880 и 1885 году у Plagiostomi оригинальныя образованія на лимфатическихъ сосудахъ, которыя, по его мнѣнію, суть ничто иное, какъ лимфатическія сердца.

[1]) Hyrtl. Beiträge zur vergleichenden Angiologie. Denkschriften d. Wiener Academie 1850.

[2]) Etudes sur l'appareil mucipare et sur le système lymphatique des poissons 1880. Sappey. Этотъ трудъ къ сожалѣнію я не могъ достать ни въ одной изъ петербургскихъ библіотекъ.

Descriptions et iconographie des vaisseaux. lymphatiques considerés chez l'homme et les vertebrés Ph. Sappey. 1885.

По его описанію эти сердца расположены во многихъ мѣстахъ лимфатической системы, въ особенности въ области желудка у группы Rajidae. Эти тѣла представляютъ по его описанію и рисункамъ лепешкообразныя, съ небольшимъ центральнымъ отверзтіемъ мышечныя кольца состоящія изъ гладкихъ мышцъ, которыя насажены на лимфатическихъ сосудахъ частыми рядами, какъ винныя ягоды на соломѣ.

Онъ считаетъ эти образованія физіологическими аналогами лимфатическихъ сердецъ другихъ животныхъ, такъ какъ, по его мнѣнію, эти тѣла своими сокращеніями могутъ преемственно перегонять лимфу съ мѣста на мѣсто. На этомъ, впрочемъ и кончается вся ихъ аналогія съ лимфатическими сердцами другихъ животныхъ.

Изъ работы Саппея не видно, чтобы онъ на живыхъ экземплярахъ наблюдалъ сокращеніе этихъ сердецъ.

Своеобразность положенія этихъ органовъ заставили меня подробнѣе ихъ изслѣдовать, чтобы убѣдиться: нѣтъ ли на этихъ органахъ аналогично всѣмъ до сихъ поръ намъ извѣстнымъ сердцамъ поперечно полосатыхъ мышцъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, перелистывая старую литературу, я нашелъ, что еще въ 1852 году Лейдигъ[1]) описываетъ подобныя образованія такимъ образомъ: «Что касается строенія лимфатическихъ сосудовъ, то я ихъ изучалъ на лимфатическихъ сосудахъ желудка и кишечнаго канала «Raja batis». Здѣсь видны кровеносные сосуды, которые проходятъ отъ большой и малой кривизны желудка къ печени, они окружены крѣпкою сѣроватобѣлою оболочкою и можно убѣдиться при изслѣдованіи, что эта оболочка представляетъ лимфатическій сосудъ среди котораго проходитъ кровеносный, внутри лимфатическаго сосуда мѣстами идутъ поперечныя нити отъ стѣнки лимфатическаго сосуда къ адвентиціи кровеноснаго включеннаго внутрь лимфатическаго. Внутри лимфатическаго сосуда мы замѣ-

[1]) Leydig. Beiträge zur mikrosk. Anat. u. Entw. der Rochen und Haie. 1852.

чаемъ еще нѣчто особенное — это тюрбано-подобные узлы, которые неправильно расположены на внутренней стѣнкѣ лимфатическихъ; они въ поперечникѣ равняются 0,0405‴ и лежатъ то отдѣльно, то группами по 3 и по 4, на пространствѣ въ $1^1/_2$ линіи можно насчитать около 120 подобныхъ тѣлецъ. Они оказываются на первый взглядъ весьма загадочными. При разсматриваніи сверху они оказываются круглыми, на нихъ видны ядра и линіи которыя перекручиваются какъ складки въ чалмѣ. При извѣстномъ положеніи можно замѣтить внутри идущія центральныя воронкообразныя пространства. Я нѣсколько выяснилъ себѣ значеніе этихъ тѣлъ, когда я узналъ, что эти тѣла принадлежатъ къ кровеноснымъ капиллярамъ и происходятъ черезъ особенный, но всегда весьма правильный заворотъ кровеноснаго сосуда, ядра и линіи выражаютъ гладкія мышцы сосуда. Кажется, что эти удивительныя тѣла распространены во всей лимфатической системѣ». Лейдигъ [1]) ихъ наблюдалъ въ черепной полости и лимфатическихъ сосудахъ глазныхъ полостей у «Sphyrna». Въ своемъ учебникѣ гистологіи 1857 г. онъ уже отводитъ мѣсто этимъ тѣламъ въ отдѣлѣ сомнительныхъ лимфатическихъ железъ. У «Plagiostoma», говоритъ онъ, гдѣ кровеносные сосуды часто проходятъ внутри лимфатическихъ, выдаются внутрь лимфатическаго сосуда простые сосудистые клубочки. Какъ въ первой своей работѣ, такъ и въ учебникѣ гистологіи онъ даетъ нѣсколько рисунковъ на которыхъ ясно видно, что дѣйствительно эти чалмообразныя тѣла сидятъ на кровеносныхъ сосудахъ, снаружи же одно изъ такихъ тѣлъ покрыто тонкой оболочкой, отстающей значительно отъ краевъ этого тѣла и представляющей, по моему мнѣнію ничто иное какъ лимфатическій сосудъ. На рисункахъ препаратовъ Саппея мы не видимъ этихъ оболочекъ на этихъ тѣльцахъ, они у него представляются голыми и какъ бы нанизаными на лимфатическіе сосуды. Я имѣлъ въ своемъ распоряженіи для

[1]) Leydig. Anatomisch-histologische Untersuchungen über Fische und Reptilien 1853.

Leydig. Lehrbuch des Histologie des Menschen und der Thiere. 1857.

изученія этихъ оригинальныхъ образованій главнымъ образомъ желудки «Raja clavata» которые я имѣлъ возможность получить благодаря любезности академика Штрауха изъ музея Императорской академіи наукъ. Куски желудка я окрашивалъ гематоксилиномъ, пикрокарминомъ и анилиновою синью, послойно отдѣлялъ слои, составляющіе стѣнки желудка одинъ отъ другаго и на этихъ отщепленныхъ слояхъ на границѣ между поперечно полосатыми волокнами и серозной оболочкой встрѣчались отлично окрашенныя тѣла Лейдига, покрытыя прозрачными нѣсколько отставшими оболочками, внутри этихъ тѣлъ просвѣчивалъ тонкій завороченный сосудъ, а съ краю видно было, какъ этотъ сосудъ составляетъ продолженіе кровеноснаго сосуда [1]) съ хорошо выраженными ядрами. Часто видно на препаратахъ, какъ два такихъ тѣла соединяются кромѣ кровеноснаго еще широкимъ безструктурнымъ почти сосудомъ другъ съ другомъ, ширина этой трубки равна діаметруэтихъ образованій. Очевидно, что этотъ соединяющій сосудъ есть ничто иное какъ сосудъ лимфатическій, внутри котораго и лежатъ данные органы, и лежатъ повидимому совершенно свободно, какъ то видно на препаратахъ при большихъ увеличеніяхъ, гдѣ просвѣтъ между даннымъ тѣломъ и лимфатическимъ сосудомъ его окрывающимъ совершенно ясно видѣнъ. Передъ входомъ въ середину этихъ pseudo лимфатическихъ сердецъ, на кровеносномъ сосудѣ сближаются ядра гладкихъ мышечныхъ волоконъ, сосудъ значительно и быстро съуживается и входитъ какъ-бы въ этотъ чалмообразный органъ. Это съуженіе сосуда кровеноснаго передъ входомъ объясняетъ лишь отчасти картины Саппейевскихъ рисунковъ гдѣ у него, на инъектированныхъ препаратахъ изображено такое же отношеніе лимфатическихъ сосудовъ къ его сердцамъ. Мнѣ кажется не есть ли сосуды инъектированные Саппеемъ и принимаемые имъ за лимфатическіе просто кровеносные. На основаніи этихъ наблюденій я склоняюсь больше къ мнѣнію Лейдига и считаю эти чалмообразныя образованія

[1]) Сосуды часто на препаратахъ набиты красными кровяными шариками.

принадлежащими не къ лимфатической а кровеносной системѣ, можетъ быть, дѣйствительно на эти образованія можно смотрѣть, какъ на зачатки лимфатическихъ железъ. Что касается ближайшаго болѣе тонкаго строенія этихъ клубковъ, то мы можемъ прибавить, что при обработкѣ препаратовъ изъ спирта 40% растворомъ ѣдкаго кали, намъ удалось довольно хорошо изолировать отдѣльные мышечные элементы, при чемъ оказалось, что они состоятъ изъ веретенообразныхъ клѣтокъ съ ядрами съ нѣсколькими отростками и на нѣкоторыхъ изъ этихъ клѣтокъ намъ удалось подмѣтить слабую поперечную волнистость, а также зазубринки по краямъ этихъ клѣтокъ, которыя очевидно служатъ для болѣе тѣснаго соединенія элементовъ между собой. Но основаніи этихъ изслѣдованій мы болѣе приходимъ къ тому убѣжденію, что приписывать значеніе этимъ органамъ значеніе лимфатическихъ сердецъ, какъ то дѣлаетъ Саппей, едвали правильно. Для полнаго рѣшенія этого вопроса, очевидно необходимо изслѣдованіе на живыхъ объектахъ. Эти образованія лежатъ на артеріяхъ и венахъ.

Настоящая работа была уже сдана въ печать, когда я получилъ томъ работъ неаполитанской станціи, изданный въ іюлѣ 1888 г.[1]) и въ этомъ томѣ встрѣтилъ весьма интересный трудъ «Поля Мейера» объ особенностяхъ кровеобращенія у «Selachia», содержаніе котораго имѣетъ близкое отношеніе къ моей работѣ. Онъ между прочимъ разбираетъ значенія лимфатическихъ сердецъ Саппея и приходитъ къ тѣмъ же выводамъ что и я. То есть, что эти тѣла тожественны съ Лейдиговскими тюрбанообразными тѣлами. Далѣе, что они лежатъ на кровеносныхъ сосудахъ артеріяхъ и венахъ, а не на лимфатическихъ и кромѣ того онъ

[1]) Mittheilungen aus der zoologischen Station zu Neapel. VIII B. 1888.

считаетъ, что описанные Саппеемъ лимфатическіе сосуды не существуютъ у «Selachia». Далѣе, по его наблюденіямъ выходитъ, что кровеносные сосуды, прободая эти мышечные сжиматели сильно съуживаются, такъ что инъекціонная масса въ мѣстѣ прободенія такого мышечнаго сфинктора является въ видѣ тончайшей синей нити. Я могу подтвердить, что хотя дѣйствительно на разрѣзахъ является подобное съуженіе сосудовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдается не рѣдко сосудистая петля внутри сфинкторовъ такъ какъ ее рисуетъ Лейдигъ. Хотя Мейеръ, какъ и Саппей не видѣлъ сокращенія этихъ сфинкторовъ на живыхъ сосудахъ, но онъ всетаки считаетъ возможнымъ приписать имъ способность сокращенія. По моему мнѣнію эти аппараты скорѣе затрудняютъ кровеобращеніе въ сосудахъ нежели его усиливаютъ и вызываютъ вѣроятно временныя остановки кровеобращенія въ сосудахъ, усливая этимъ просачиваніе жидкихъ частей крови въ периваскулярную лимфатическую систему Лейдига.

Далѣе, намъ кажется, что Мейеръ, отрицая лимфатическую систему у Selachia, какъ она описана Саппеемъ, сильно увлекается, отрицая также значеніе боковыхъ сосудовъ и хвостовыхъ синусовъ, какъ лимфатическихъ сосудовъ у костистыхъ рыбъ; такъ онъ говоритъ, что опыты Гиртля вовсе не доказательны, что дѣйствительно въ боковыхъ сосудахъ и, «sinus caudalis» течетъ лимфа, а не кровь. Гиртль, какъ извѣстно, перерѣзывалъ пополамъ щуку и когда поверхность разрѣза нѣсколько подсыхала, онъ проводилъ пальцемъ по боковымъ линіямъ отъ хвоста къ разрѣзу, при чемъ на мѣстѣ разрѣза бокового сосуда выступала прозрачная жидкость, имѣвшая подъ микроскопомъ всѣ свойства жидкости изъ хвостоваго синуса. Впрочемъ Мейеръ въ отрицаніи значенія хвостоваго синуса и боковыхъ сосудовъ у рыбъ какъ лимфатическаго сердца и лимфатическихъ сосудовъ доходитъ даже до отрицанія лимфатическаго сердца угря какъ таковаго. Онъ утверждаетъ, что въ лимфатическомъ сердцѣ угря онъ наблюдалъ всегда кровь. Мнѣ кажется, что подобное наблюденіе Мейера объясняется только ненормальными

условіями въ которомъ былъ помѣщенъ угорь при наблюденіи, тѣмъ болѣе онъ самъ говоритъ, что пульсація сердца хотя была очень быстрая 180 въ мин., но крайне неправильная. Очень можетъ быть, что въ его единственномъ наблюденіи надъ сокращеніями хвостоваго синуса у живаго угря, на которомъ онъ строитъ свой важный выводъ, даны были условія для стазовъ крови, при чемъ кровь легко можетъ попадать въ полость лимфатическаго сердца. Какъ наблюденія многихъ прежнихъ авторовъ надъ сокращеніями лимфатическаго сердца у угря, такъ и новѣйшихъ (Ранвье на молодыхъ живыхъ угряхъ) и мои наблюденія надъ большими угрями, гдѣ сокращеніе лимфатическаго сердца можно слѣдить отлично подъ лупой показываютъ ясно, что мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ лимфатическимъ сердцемъ, наполненнымъ вполнѣ прозрачной жидкостью, при чемъ при систолѣ получается каждый разъ перерывъ въ кровяной струѣ хвостовой вены. На основаніи этихъ наблюденій трудно согласиться съ Мейеромъ въ его выводѣ.

Что въ боковыхъ сосудахъ щукъ мы находимъ постоянно лимфу, а не кровь мнѣ удалось убѣдиться еще нынче лѣтомъ, когда я имѣлъ возможность получать живыхъ щукъ большихъ размѣровъ, на которыхъ мнѣ хотѣлось добиться возможности увидѣть сокращеніе «sinus caudalis» такъ какъ я еще въ моей магистерской диссертаціи доказалъ поперечно полосатыя мышцы въ стѣнкахъ «sinus'a». Такъ какъ покуда эти попытки не привели къ положительнымъ результатамъ, то я и не упоминалъ объ нихъ въ своей работѣ. Теперь же могу замѣтить, что надрѣзывая боковые сосуды на живыхъ экземплярахъ, при надрѣзываніи ихъ вытекала прозрачная лимфа, не содержавшая крови; по мнѣ эти наблюденія доказательны въ пользу мнѣнія Гиртля.

Въ работѣ Мейера мы находимъ еще одно крайне интересное мѣсто, гдѣ онъ описываетъ въ венахъ «Selachia» особаго рода трубчатые клапаны, которые являются сходными съ трубчатыми клапанами наблюдавшимися мною въ мѣстѣ перехода лимфатическихъ сердецъ въ вены у амфибій.

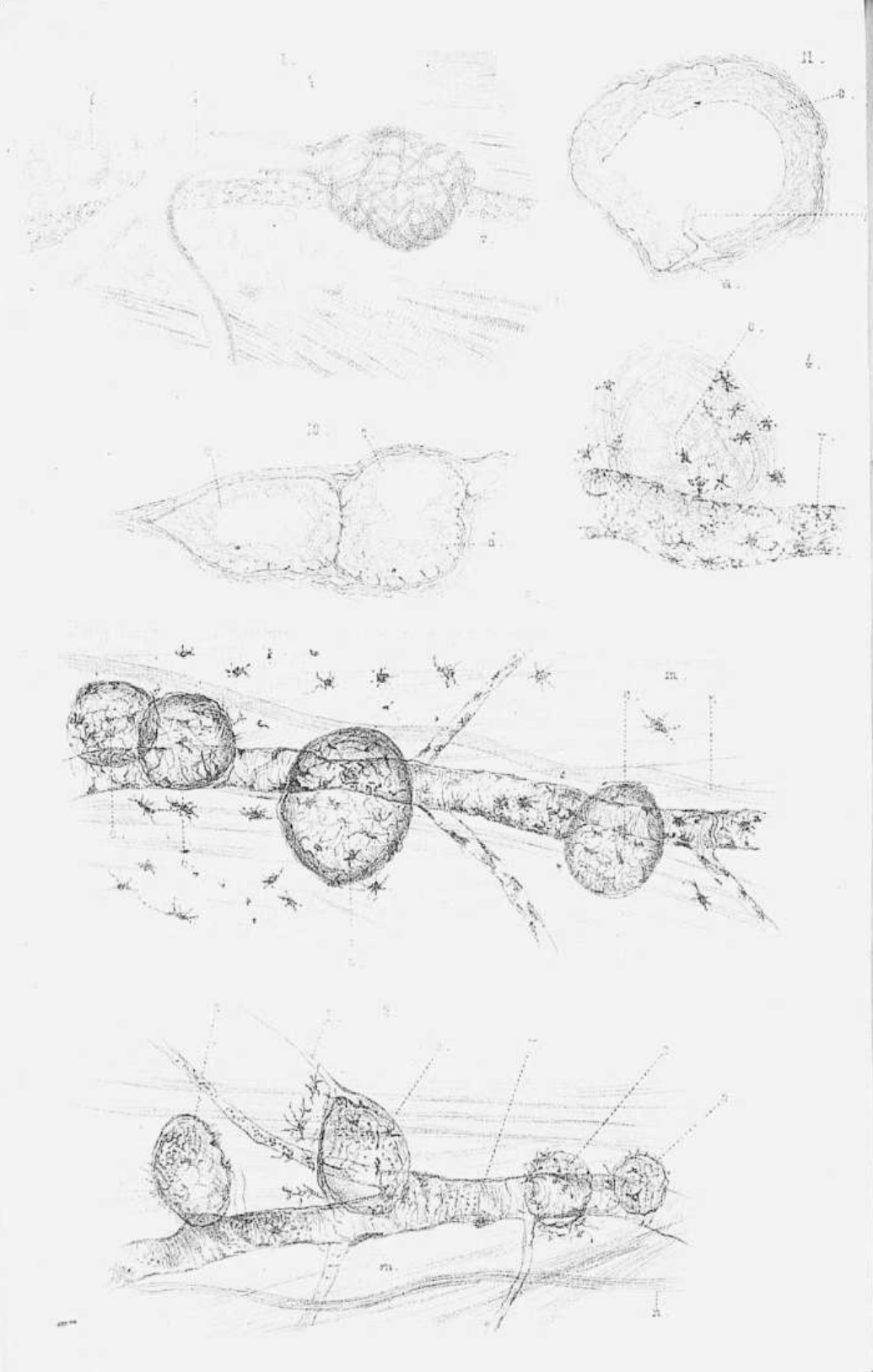
Изъ нашихъ изслѣдованій вытекаетъ, что какъ качественно такъ и количественно лимфатическія сердца развиты главнымъ образомъ у амфибій и тѣмъ сильнѣе чѣмъ ниже представители этой группы, такъ у хвостатыхъ сильнѣе чѣмъ у безхвостыхъ, у личинокъ сильнѣе нежели у взрослыхъ особей.

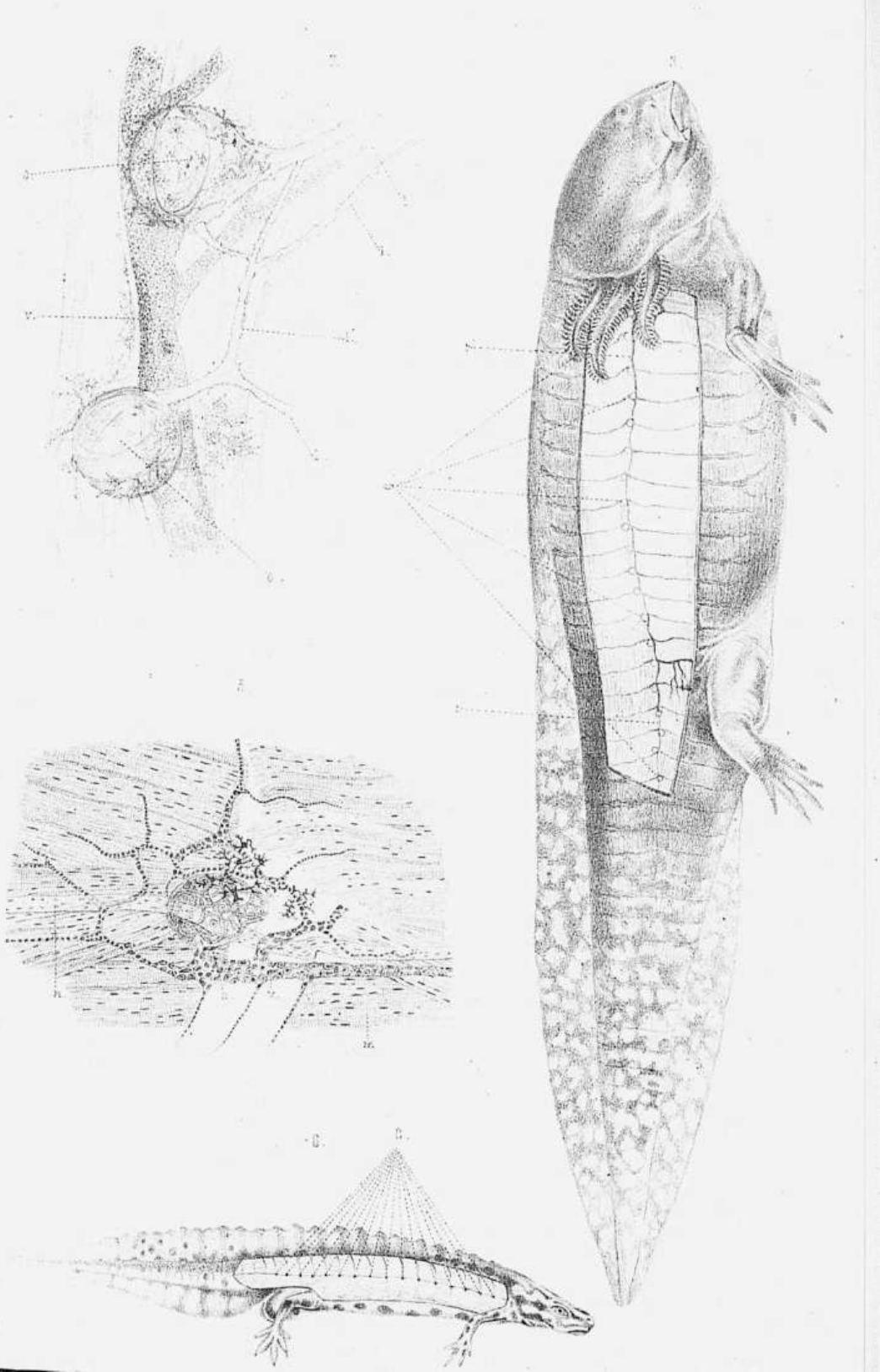
У другихъ классовъ животныхъ они сначала уменьшаются въ числѣ, потомъ остаются въ видѣ рудиментарныхъ органовъ сохранившихъ еще свои анатомическіе признаки, но уже лишенныхъ своихъ физіологическихъ функцій и, наконецъ, у высшей группы позвоночныхъ у млекопитающихъ, у которыхъ для движенія лимфы выработались другія приспособленія какъ то: присасывательное дѣйствіе грудной клѣтки, перистальтическія сокращенія кишечнаго канала, сокращенія въ ворсинкахъ кишечнаго канала, собственное ритмическое сокращеніе стѣнокъ лимфатическихъ сосудовъ, синхроничный пульсъ отъ прилежащихъ артерій и система клапановъ, мы совсѣмъ не находимъ лимфатическихъ сердецъ, и должны отказаться отъ надежды высказанной 56 лѣтъ тому назадъ Іоганесомъ Миллеромъ о возможности найти таковыя и у млекопитающихъ.

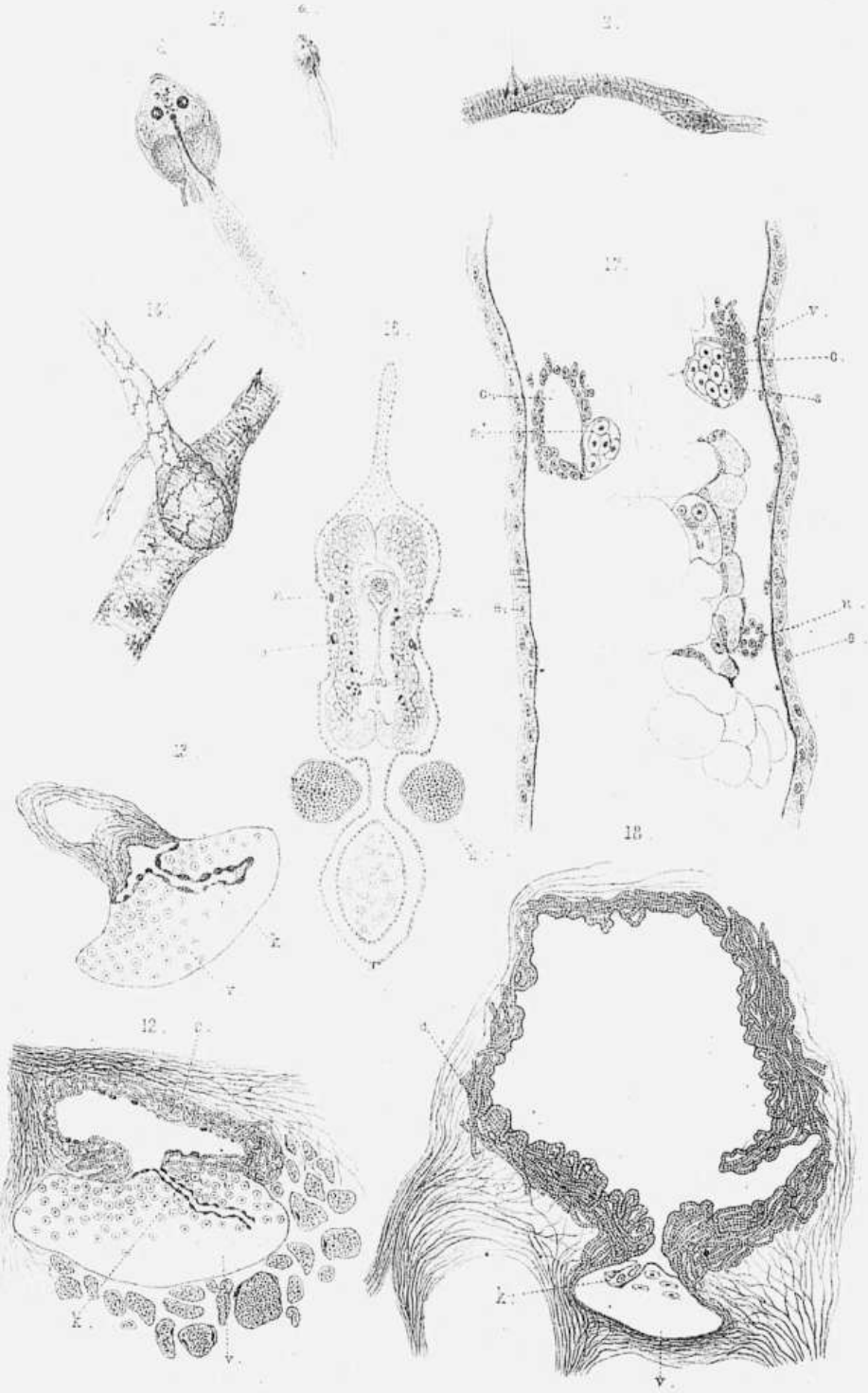
Заканчивая настоящій трудъ я считаю обязательнымъ для себя высказать мою искреннюю признательность и благодарность руководителю моему на всемъ моемъ научномъ пути Академику Филиппу Васильевичу Овсянникову за помощь совѣтомъ и контролемъ въ настоящей работѣ.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ.

I *c* — Лимфатическое сердце proteus anguinus.
l — Лимфатическіе сосуды, *f* — жиръ *v* — вены.
II Нервное окончаніе въ мышцахъ сердца протея.
III Общее расположеніе сердецъ у аксолотля.
c c c — сердца.
v — боковая вена, нат. велич.
IV *C* — Лимфатическое сердце аксолотля на венѣ 70 діам.
V *C* — Лимфатическое сердце Triton taeniatus.
v — вены, *m* — мышцы, *n* — нервъ.
VI Общее расположеніе сердецъ Тритона. *c* — сердца.
VII *c* — *2*. Лимфатическія сердца головастика лягушки связаны лимфатическимъ сосудомъ *l'*, *l* — вѣтви лимфатическихъ сосудовъ, *v* — вена боковая.
VIII *c* — Лимфатическія сосуды круглой формы, *n* — нервы, *m* — мышцы *v*—вена. Два сердца побольше, ближе къ туловищу.
IX *c* — Лимфатическія сердца продолговатыя, *l* — лимфатическій сосудъ, *n* — нервъ, *m* — мышцы; большія сердца ближе къ туловищу, *v* — вена.
X Разрѣзъ поперечный двухъ заднихъ сердецъ одной стороны у Rana temporaria, *c* — сердце, *b* — соединительная ткань.
XI Разрѣзъ лимфатическаго сердца Ranae esculentae *a* — входъ изъ лимфатической полости въ сердце.
XII *c* — Лимфатическое сердце личинки pelobates fuscus, *k* — разрѣзъ вдоль трубчатаго клапана, *v* — вена.
XIII Разрѣзъ клапана изъ того же препарата захватившій стѣнку.
XIV Расширеніе лимфатическаго сосуда сидящаго на боковой венѣ будущее сердце. Импрегнація серебромъ у 21 дневнаго головастика Rana temporaria.
XV *a*) Головастикъ, нормальная величина у которыхъ видны по два пульсирующіе сердца, *b*) онъ же увеличенъ подъ лупою.
XVI Поперечный разрѣзъ головастика 25 дней уп. 70, *n* — нервъ, *s* — конечности, *v* — вена, *l* — лимфатическіе сердца.
XVII Тотъ же разрѣзъ увеличеніе *e* — эпителій, *n* — нервъ *v* — вены, *c* — сердца лимфатическія, *s* — красные кровяные шарики.
XVIII Разрѣзъ лимфатическаго сердца лягушекъ Rana esculenta у мѣста входа въ вену, *k* — трубчатый клапанъ, *v* — вена.







РАЗВИТІЕ

ДВИГАТЕЛЬНЫХЪ НЕРВНЫХЪ ОКОНЧАНІЙ

ВЪ ПОПЕРЕЧНО-ПОЛОСАТЫХЪ МЫШЦАХЪ АМФИБІЙ.

Павла Митрофанова.

(съ одной таблицей.)

Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 24-го мая 1888 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1888.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.
И. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 40 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1888 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Введеніе и литературныя данныя** 1

Характеръ единства двигательныхъ нервныхъ окончаній. — Окончаніе нервовъ въ гладкихъ мышцахъ; иннерваціи сердечной мышцы; нервныя окончанія въ мышцахъ лимфатическихъ сердецъ; переходныя формы къ окончаніямъ нервовъ въ скелетныхъ мышцахъ. — Литературныя данныя о развитіи двигательныхъ нервныхъ окончаній. — Исходныя положенія при изученіи ихъ развитія.

II. **Развитіе двигательныхъ нервныхъ окончаній у тритона** 7

Мѣсто и методъ изученія иннерваціи мышцъ тритона. — Musculus submaxillaris и его нервы на 13-й день развитія; иннервація этого мускула на 25-й день развитія. — Первичная форма иннерваціи первичнаго мышечнаго пучка. — Характеръ осложненія двигательныхъ нервныхъ окончаній у тритона.

III. **Развитіе двигательныхъ нервныхъ окончаній у аксолотля** 17

Общая картина иннерваціи musculi submaxillaris аксолотля на 26-й день развитія. — Характеръ мускульныхъ волоконъ и нервовъ. — Различныя формы двигательныхъ нервныхъ окончаній. — Эмбріональныя двигательныя пластинки аксолотля въ профиль; онѣ же en face. — Характеръ осложненія двигательныхъ нервныхъ окончаній у аксолотля и результаты, достигаемые этимъ осложненіемъ. — Подробности иннерваціи при большихъ увеличеніяхъ. — Выводы, истекающіе изъ изученія развитія иннерваціи поперечно-полосатыхъ мышцъ у тритона и аксолотля.

IV. **Нервныя окончанія въ поперечно-полосатыхъ мышцахъ взрослаго тритона и факты изъ развитія ихъ у лягушки** 26

Факты Кюнэ. Собственныя наблюденія. — Сравненіе развитыхъ двигательныхъ нервныхъ окончаній съ эмбріональными. — Нервныя окончанія въ поперечно-полосатыхъ мышцахъ молодыхъ лягушекъ послѣ физіологической окраски водной синью.

V. **Заключеніе** 29

О характерѣ гистогенетической дифференцировки. — Возраженія на работу Тринкезе.

Литература 32

Объясненіе рисунковъ 33

I. Введеніе и литературныя данныя.

Какъ ни разнообразны двигательныя нервныя окончанія по формѣ, мы обладаемъ въ настоящее время достаточнымъ количествомъ фактовъ, чтобъ усмотрѣть въ нихъ характеръ единства и извѣстную послѣдовательность въ осложненіи ихъ. Идею этого единства, высказанную въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ, мы находимъ у М. Д. Лавдовскаго, въ сочиненіи, недавно обогатившемъ нашу отечественную научную литературу (**1**; стр. 366).

Изслѣдованія Тринкезе [1]) и обширный трудъ проф. Кюнэ (**2**), даютъ намъ богатый матеріалъ для иллюстраціи той же идеи, насколько это касается нервныхъ окончаній въ поперечно-полосатыхъ мышцахъ позвоночныхъ животныхъ.

Несомнѣнно, простѣйшую форму двигательныхъ окончаній мы встрѣчаемъ въ гладкихъ мышцахъ. Согласно послѣднимъ наблюденіямъ Ранвье (**3**; стр. 1007—1015) и Лавдовскаго (**4**; стр. 181—197), подтвержденіе которыхъ я нашелъ въ собственныхъ препаратахъ, окончанія эти представлены простымъ соприкосновеніемъ тонкаго нервнаго конца съ тѣломъ гладкой мышечной клѣтки.

Въ мышцахъ желудочныхъ мѣшковъ піявки конецъ нерва представляетъ небольшое утолщеніе — *двигательное пятно* (**3**;

---

[1]) S. Trinchese, Morfologia delle terminazioni nervose... Atti della R. Accademia dei Lincei. Vol. I, 1885. Работа эта мнѣ извѣстна только по отчетамъ.

стр. 1010; фиг. 290), а по наблюденію Лавдовскаго, онъ можетъ образовать или одиночный *бугорокъ*, или рядъ ихъ, или же ограниченную группу ихъ (**4**; стр. 185). Послѣдняя форма была представлена Ранвье (**3**; стр. 1009; фиг. 289) на мышцѣ, втягивающей тѣло ухитки (Helix), какъ характерная для гладкихъ мышцъ произвольнаго движенія. Уже въ этомъ краткомъ ряду нельзя не замѣтить того послѣдовательнаго осложненія, которое претерпѣваетъ нервный конецъ въ соприкосновеніи съ гладкой мышечной клѣткой.

Въ мышцахъ поперечно-полосатыхъ характеръ осложненія нервнаго конца еще рѣзче бросается въ глаза. Простѣйшія формы двигательныхъ нервныхъ окончаній мы находимъ въ клѣткахъ сердечной мышцы, а также въ мышцахъ лимфатическихъ сердецъ рыбъ и амфибій.

Иннервація сердечной мышцы представлена наиболѣе удовлетворительно Опенховскимъ (**5**). И здѣсь нервы оканчиваются *на* мышечныхъ клѣткахъ тонкими нитями съ маленькими утолщеніями (l. c. f. 5). Чаще эти окончанія наблюдаются около ядра, хотя послѣднее къ нимъ прямаго отношенія не имѣетъ. Каждая мускульная клѣтка получаетъ свой нервный конецъ, который иногда тянется вдоль ея и образуетъ рядъ утолщеній (l. c. f. 1).

Въ высшей степени интересные факты сообщены Вл. Великимъ относительно иннервацiи лимфатическихъ сердецъ (**6**). Здѣсь можно видѣть нѣсколько формъ нервныхъ окончаній, изъ которыхъ легко составить послѣдовательно осложняющійся рядъ.

У лягушки безмякотныя нервныя волокна, прилегая къ мышцѣ, заканчиваются остріемъ (l. c. стр. 6; f. 3); міэлиновые же нервы, вѣтвясь иногда предъ окончаніемъ, въ мѣстахъ соприкосновенія съ мышцей образуютъ расширенія въ видѣ пуговокъ (l. c. f. 4, 5). Сходную форму представляютъ окончанія міэлиновыхъ нервовъ въ лимфатическихъ сердцахъ саламандры (l. c. f. 10, 11) и черепахъ (f. 12, 13). Нѣсколько болѣе осложненными авторъ описываетъ эти окончанія у угря (l. c. f. 14 и 15). Осложненіе это выражается въ *бо́льшихъ*, чѣмъ у прежде названныхъ животныхъ, размѣрахъ, которые здѣсь пріобрѣтаетъ двигательное пятно. Наиболѣе же сложную форму нервныхъ окончаній авторъ наблюдалъ и изобразилъ у *Python tigris* (l. c. f. 6, 7). Здѣсь они представляютъ не только группы концевыхъ пуговокъ, но и обильныя развѣтвленія нервнаго конца на мышцѣ. Въ общемъ эти окончанія очень сходны съ тѣми, которыя описываются въ скелетныхъ мышцахъ змѣй, что отчасти объясняется и тѣмъ, что у названнаго животнаго мышцы лимфатическаго сердца мало отличаются отъ скелетныхъ.

Всѣ приведенныя изслѣдованія указываютъ, съ одной стороны, на сходство нервныхъ окончаній въ гладкихъ мышцахъ съ таковыми же въ сердечныхъ, что въ свою очередь находится въ согласіи съ фактомъ послѣдовательнаго перехода отъ мышцъ гладкихъ къ мышцамъ лимфатическихъ сердецъ (у саламандры и аксолотля, **6**; стр. 13), а отъ этихъ послѣднихъ къ мышцамъ кровянаго сердца. Съ другой стороны, они позволяютъ видѣть постепенность перехода отъ мышцъ лимфатическихъ сердецъ къ мышцамъ скелета, равно какъ и послѣдовательный ходъ осложненія иннервацiи ихъ, приводящій къ сходнымъ формамъ нервныхъ окончаній въ мышцахъ скелета (**3**; стр. 827 и **6**; стр. 8, 13).

Опираясь на означенные факты, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что осложненіе двигательнаго нервнаго конца, начиная отъ простѣйшей формы, наблюдаемой въ гладкихъ мышцахъ, и кончая развитой двигательной пластинкой въ поперечно-полосатыхъ мышцахъ позвоночныхъ животныхъ, находится въ извѣстной зависимости отъ характера физіологической дѣятельности мышцы.

Въ общемъ это обстоятельство вполнѣ достовѣрно, и еще недавно я отчасти формулировалъ его въ видѣ положенія, что простѣйшая форма двигательныхъ нервныхъ окончаній «наблюдается въ мышцахъ, морфологически менѣе дифференцированныхъ и

физіологически менѣе дѣятельныхъ» (7; стр. 7). Но едва ли возможно пока установить напрашивающійся на бумагу болѣе подробно и опредѣленно высказанный законъ относительно характера осложненія двигательнаго нервнаго конца. Для этого необходимо принять во вниманіе, помимо характера дѣятельности мышцы, и массу иннервируемой мышечной ткани, и интенсивность иннерваціи.

Тѣмъ не менѣе, если простѣйшая форма двигательнаго нервнаго конца присуща мышцѣ, мало дифференцированной и физіологически слабо дѣятельной, то естественно предположить, что и въ мышцахъ поперечно-полосатыхъ, когда онѣ еще не сформировались окончательно, и когда онѣ еще не въ силахъ проявлять свою нормальную дѣятельность, т. е. въ эмбріональномъ ихъ состояніи, двигательный нервный конецъ не достигаетъ того сложнаго развитія, которое характеризуетъ дефинитивную форму.

Предположеніе это находитъ подтвержденіе въ наблюденіяхъ М. Лавдовскаго надъ развитіемъ мышечныхъ нервныхъ окончаній у ящерицъ и змѣй (4; стр. 308—310). Сущность его наблюденій, довольно коротко публикованныхъ, заключается въ слѣдующемъ.

Короткія нервныя вѣтви, лишенныя мякоти, и не представляющія первоначально на концѣ никакихъ измѣненій, затѣмъ раздѣляются «покуда лишь на двѣ очень короткія вѣточки», которыя и представляютъ «первый зачатокъ будущей концевой пластинки».

«Означенные зачатки имѣютъ бо̀льшею частію форму вилки или клещей, при которыхъ у только-что родившихся животныхъ можно подмѣтить образованіе подошвы». Авторъ полагаетъ, что уже съ самаго начала такой зачатокъ помѣщается подъ саркоплеммой.

«Послѣ образованія зачатковой формы, формированіе настоящей кюневской пластинки совершается постепенно и очень медленно» путемъ образованія 2—5 и болѣе побочныхъ вѣточекъ, частью короткихъ, частію «настолько длинныхъ, что съ помощію ихъ главныя вѣтви (по мѣстамъ) вступили въ соединенія» (?).

Рисунокъ, отчасти иллюстрирующій только что изложенныя наблюденія, мы находимъ въ учебникѣ, выходящемъ подъ редакціей того же автора (1; стр. 375, рис. 240, А); для той же цѣли могутъ служить и изображенія, приведенныя Бремеромъ на ff. 11 и 14 (8; Tf. XII) [1]).

Приведенными данными, если оставить въ сторонѣ взглядъ на этотъ предметъ Тринкезе, ограничиваются наши свѣденія о развитіи двигательныхъ нервныхъ окончаній; но едва ли ихъ достаточно для того, чтобъ вполнѣ убѣдительно иллюстрировать ходъ развитія и осложненія двигательной пластинки.

Во-первыхъ, свѣденія эти касаются одного только класса позвоночныхъ; во-вторыхъ, они опредѣляютъ не первичныя, а уже впослѣдствіи наступающія отношенія между концомъ нерва и мускульнымъ волокномъ; въ-третьихъ, они касаются одной только чисто морфологической стороны вопроса, оставляя въ сторонѣ подробности гистологической дифференцировки, которыя однѣ только въ состояніи показать дѣйствительныя отношенія между нервомъ и мышцей. Прослѣдить эти отношенія въ генетическомъ осложненіи уже давно являлось настоятельной потребностью, и попытку въ этомъ направленіи недавно сдѣлалъ Тринкезе (9). Этотъ авторъ на мускулахъ заднихъ конечностей молодыхъ экземпляровъ (2—3 ctm. дл.) гекко *(Platydactylus mauritanicus)* получилъ препараты, которые, по его мнѣнію, даютъ рѣшеніе занимающаго насъ вопроса.

Онъ остановилъ свое вниманіе на такъ называемыхъ простыхъ «мускульныхъ веретенахъ» названнаго животнаго. Въ наиболѣе юномъ состояніи эти послѣднія представляютъ участокъ протоплазмы съ четырьмя или пятью стоящими рядомъ ядрами. Съ того края, гдѣ прилегаетъ нервъ, отъ этой массы отшнуровывается параллельно длинѣ веретена рядъ тѣлецъ, соединенныхъ взаимно очень тонкою нитью. Эти тѣльца тождественны съ описанными прежде авторомъ *нейрококами*, наблюдаемыми на кон-

[1]) Входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе произведенія этого автора, по существу разбираемой нами темы, я не считаю умѣстнымъ.

цахъ подсарколемныхъ осевыхъ цилиндровъ развитыхъ мышцъ. Принимая во вниманіе ихъ происхожденіе, авторъ полагаетъ, что ихъ умѣстнѣе было бы назвать *міококами (myocoques)*. Назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ установить связь мышечнаго пучка съ нервнымъ волокномъ.

Впослѣдствіи они удаляются мало по малу отъ мѣста своего происхожденія, такъ какъ между ними и протоплазматической массой веретена появляется однородная сократительная субстанція, которая образуетъ «свѣтлыя полосы». Отростки протоплазматической массы идутъ чрезъ эту субстанцію перпендикулярно или слегка наклонно къ оси веретена и соединяются съ нейрококами. Эти отростки образуютъ поперечныя «темныя полосы».

Вдоль каждаго веретена тянется нервъ, діаметръ котораго почти равенъ діаметру веретена.

Нейрококи направляются къ нерву очень острыми вершинами и соединяются съ осевымъ цилиндромъ въ мѣстахъ кольцеобразныхъ перехватовъ. Съ прекращеніемъ мякотной оболочки конецъ осеваго цилиндра соединяется съ нейрококомъ, сидящимъ на бугоркѣ сократительной субстанціи.

Изъ приведеннаго изложенія, если только я вѣрно понялъ краткое сообщеніе Тринкезе, мы узнаемъ прежде всего, что мышца и нервъ, самостоятельные первоначально, вступаютъ между собой въ тѣсную связь уже впослѣдствіи — обстоятельство, на которомъ такъ въ свое время настаивалъ Бремеръ (8). Что же касается того, что связь эта устанавливается чрезъ особыя образованія, происходящія отъ индифферентной протоплазмы эмбріональнаго мускульнаго пучка, то нельзя не согласиться, что взглядъ этотъ крайне оригиналенъ. Отсутствіе рисунковъ, къ сожалѣнію, не позволяетъ усвоить его со всей ясностью. Совершенно не ясно также, какъ первоначально простой конецъ нерва даетъ впослѣдствіи сложную двигательную пластинку и какъ эмбріональные нейрококи дадутъ подобныя же образованія въ вполнѣ развитой мышцѣ.

Мы оставимъ теперь это изслѣдованіе: оно мало подвинуло

впередъ рѣшеніе вопроса по существу, а вмѣстѣ съ тѣмъ внесло спорное толкованіе, къ которому мы еще вернемся.

Для яснаго представленія взаимныхъ отношеній между нервомъ и мышцей нужно знать ихъ исторію развитія. Несмотря на разногласіе во взглядахъ различныхъ авторовъ на происхожденіе нерва, мы рѣшительно присоединяемся къ мнѣнію, въ послѣднее время столь положительно формулированному Гисомъ (12; стр. 370). Согласно этому мнѣнію, основанному на заслуживающихъ довѣрія наблюденіяхъ, двигательные нервы суть отростки нервныхъ клѣтокъ. Слѣдовательно, они возникаютъ независимо отъ мускульныхъ волоконъ, и только впослѣдствіи соединяются съ ними, что идетъ прямо въ разрѣзъ съ гипотезой Гензена, за несостоятельность которой я недавно имѣлъ случай категорически высказаться (7; стр. 8). А разъ это-такъ, первоначальная форма иннерваціи поперечно-полосатой мышцы должна представлять большое сходство съ иннерваціей гладкихъ мышечныхъ клѣтокъ.

Желая убѣдиться въ такомъ заключеніи, я уже нѣсколько лѣтъ пытался получить препараты двигательныхъ нервныхъ окончаній у эмбріоновъ амфибій; но до весны прошлаго 1887 года это мнѣ вполнѣ не удавалось. На этотъ же разъ удачная комбинація хлористаго золота съ уксусной кислотой дала мнѣ вполнѣ удовлетворительные результаты, которые, будучи сопоставлены съ прежними отрывочными моими наблюденіями, дали мнѣ возможность опредѣленно представить картину иннерваціи поперечно-полосатыхъ мышцъ амфибій въ развитіи. Къ изложенію ея мы теперь и обратимся. Объектами изслѣдованія служили: тритонъ *(Triton taeniatus)*, аксолотль *(Siredon pisciformis)* и лягушка *(Rana esculenta)*. О каждомъ объектѣ скажемъ въ отдѣльности.

II. Развитіе двигательныхъ нервныхъ окончаній у тритона.

Я начинаю свое описаніе съ этого животнаго, потому что у него мнѣ удалось подмѣтить наипростѣйшія формы отношеній

между концомъ растущаго нерва и развивающимся нервичнымъ мышечнымъ пучкомъ, а также и потому, что на препаратахъ, полученныхъ мною отъ этого животнаго, нормальнѣе сохранились подробности строенія мышцъ, что при обработкѣ золотомъ не всегда удается. Онѣ, какъ извѣстно, чаще всего принимаютъ при этомъ видъ, очень мало имѣющій общаго съ картиной, представляемой свѣжей мышцей; нужно, однакожъ, замѣтить, что измѣненія и подробности, наблюдаемыя въ нихъ при этомъ, являются драгоцѣнными и крайне поучительными, въ смыслѣ познаванія тончайшихъ структуръ мышечнаго волокна, равно какъ и въ смыслѣ опредѣленія взаимныхъ отношеній между составными элементами этихъ образованій.

Лучшимъ мѣстомъ для изученія иннервацiи въ развитіи, какъ показала практика, у личинокъ хвостатыхъ амфибій является musculus submaxillaris (Ecker)[1]). Преимущества, представляемыя имъ, заключаются въ нижеслѣдующемъ:

Во-первыхъ, онъ очень легко и быстро можетъ быть отпрепарованъ. При этомъ я поступалъ такимъ образомъ: въ два пріема кривыми острыми ножницами вырѣзалъ оперкулярную складку вплоть до краевъ нижней челюсти и, быстро отдѣливши иголками мускулъ отъ кожи, подвергалъ его золоченію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ препараты удаются лучше, когда весь вырѣзанный кусокъ съ кожей обрабатывался $^1/_2\%$ хлористаго золота въ теченіи 20—30 минутъ. Послѣ возстановленія золота въ 1% растворѣ уксусной кислоты на другой или на третій день въ этомъ послѣднемъ случаѣ мускулъ, уже покрашенный, отдѣляется крайне легко.

Во-вторыхъ, въ ранній періодъ развитія мышечные пучки лежатъ въ немъ въ одинъ слой, на значительныхъ промежуткахъ другъ отъ друга. Обстоятельство это дѣлаетъ излишними усилія получить изолированные мышечные пучки, — усилія, которыя на эмбріональныхъ мышцахъ рѣдко удаются въ желаемой степени.

[1]) Musculus mylohyoideus — Cuvier; m. sous-maxillaire — Dugès.

Въ-третьихъ, какъ между мышечными пучками названнаго мускула, такъ и около нихъ находится крайне незначительное количество соединительной ткани. Это придаетъ препарату чистоту и позволяетъ безъ большихъ затрудненій слѣдить за ходомъ нервовъ.

Въ-четвертыхъ, указанныя особенности musculi submaxillaris дѣлаютъ его и нервы, къ нему относящіеся, крайне легко доступными дѣйствію реактивовъ, что по отношенію къ золоту имѣетъ большое значеніе.

Уже на тринадцатый день развитія у *Triton taeniatus* musculus submaxillaris представляетъ ясно указанныя особенности. Послѣ обработки смѣсью Флемминга онѣ выступаютъ еще яснѣе, а послѣдующая окраска водной синью прекрасно выдѣляетъ нервы, особенно же послѣ переведенія препарата въ канадскій бальзамъ. Подобный препаратъ, представленный частью на рис. 1 таблицы, однако не можетъ быть пригоденъ для окончательнаго рѣшенія занимающаго насъ вопроса. Но за то онъ вполнѣ удовлетворителенъ для общей картины, для опредѣленія топографическихъ отношеній.

Недостатки его заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что отъ реактива Флемминга мышца принимаетъ, въ ущербъ другимъ подробностямъ строенія, рѣзко выраженный фибриллярный характеръ; а во-вторыхъ въ томъ, что судьба нервныхъ окончаній на немъ бо́льшею частью сомнительна. Крайне тонкіе концы нервовъ дѣлаются отъ препаровки еще тоньше, такъ что и добавочная окраска не въ состояніи уже выдѣлить ихъ на мышечныхъ пучкахъ, поглощающихъ много свѣта и отчасти также покрашенныхъ.

Самъ musculus submaxillaris, состоящій изъ двухъ симметричныхъ половинъ, въ это время представляетъ рядъ почти параллельныхъ другъ другу и заднему краю оперкулярной складки мускульныхъ пучковъ, расходящихся отъ срединной линіи къ зад-

нимъ концамъ нижней челюсти. Отдѣльные пучки очень богаты ядрами и несутъ вполнѣ эмбріональный характеръ.

Рисунокъ 1-й представляетъ часть мускула съ относящимися сюда нервами такъ, какъ можно видѣть это на препаратѣ. Ядра на мускульныхъ пучкахъ (*d*) для простоты рисунка изображены въ меньшемъ числѣ, чѣмъ имѣются въ дѣйствительности.

Нервы, снабжающіе мускулъ конечными вѣтвями, залегаютъ съ нижней его стороны, слѣдовательно между нимъ и накожными покровами. Достойно замѣчанія, что, прежде чѣмъ дать конечныя вѣтви къ отдѣльнымъ мускульнымъ пучкамъ, они образуютъ между собой сплетеніе.

Характеръ этого послѣдняго совершенно такой же, какой описанъ и изображенъ мною въ хвостовомъ плавникѣ головастика для чувствительныхъ нервовъ (**10**; стр 9; рис. 7). Отдѣльныя волокна сходятся другъ съ другомъ, перекрещиваются между собой, расходятся вновь. Ядра только что образующейся шванновской оболочки довольно многочисленны и наблюдаются преимущественно на узлахъ сплетенія, которое вслѣдствіе этого кажется образованнымъ изъ клѣтокъ, соединенныхъ другъ съ другомъ отростками.

Отдѣльные двигательные нервы, лишенные еще міэлина, подобно чувствительнымъ нервамъ того-же возраста, отличаются отъ послѣднихъ болѣе значительной толщиной и другимъ характеромъ въ распредѣленіи ядеръ шванновскаго футляра.

На чувствительныхъ нервахъ ядра длиннѣе и тоньше, расположены рѣже и всегда болѣе или менѣе выдаются за контуры нервнаго волокна (**11**; табл. I, fig. 12 и 15), тогда какъ на двигательныхъ — они значительно чаще, какъ замѣчено выше, лежатъ преимущественно въ такъ называемыхъ узлахъ сплетенія и, несмотря на то, что въ нихъ не наблюдается такого преобладанія продольнаго діаметра надъ поперечнымъ, какъ на чувствительныхъ нервахъ, очертанія ихъ не выдаются за контуры волоконъ, къ которымъ они прилегаютъ. Послѣднее обстоятельство отчасти объясняется тѣмъ, что волокна сплетенія чаще всего, сходясь

въ одномъ углу, прилегаютъ другъ къ другу на значительномъ протяженіи, нерѣдко до слѣдующаго узла, и только затѣмъ уже расходятся вновь. Такой характеръ сплетенія обусловливаетъ значительную толщину его нитей въ крупныхъ петляхъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ волоконъ, одѣтыхъ общимъ футляромъ, контуры котораго захватываютъ обыкновенно и ядра.

По мѣрѣ приближенія къ периферіи отдѣльныя волокна дѣлаются тоньше; между крупными стволами замѣчаются болѣе тонкія апостомозирующія нити (рис. 1, *a*). Ядра шванновской оболочки (*b*) дѣлаются рѣже, но футляръ отъ нихъ разростается уже на значительное разстояніе, что можно видѣть по добавочному нѣжному контуру на дальнѣйшихъ развѣтвленіяхъ нервовъ (*c*).

Тонкіе и ограниченные ровными контурами двигательные нервные концы, берущіе начало обыкновенно изъ узловъ сплетенія, могутъ быть прослѣжены на описываемомъ препаратѣ до периферіи мышечныхъ пучковъ, гдѣ они или дѣлаются чрезмѣрно тонкими и дальше невидимыми (рис. 1, *e*), или же, слегка расширясь на концѣ (рис. 1, *f*), плотно прилегаютъ къ мышечной субстанціи.

Несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой конецъ виденъ вполнѣ ясно, я не считаю возможнымъ ограничиться подобными препаратами для точнаго опредѣленія характера нервнаго окончанія.

Только что описанный характеръ нервныхъ окончаній въ мышцахъ остается довольно продолжительное время, и на двадцать-пятый день развитія у *Triton taeniatus* можно наблюдать тѣ же первичныя отношенія между нервомъ и мышцей.

Въ этомъ возрастѣ musculus submaxillaris представленъ бо́льшимъ количествомъ мышечныхъ пучковъ, равно какъ и нервныя развѣтвленія являются въ немъ обильнѣе. Периферическія вѣтви ихъ значительно тоньше, рѣже вступаютъ въ сплетенія и на бо́льшемъ протяженіи свободны отъ шванновской обо-

лочки, ядра которой наблюдаются только на болѣе крупныхъ стволахъ и въ узлахъ образуемаго ими сплетенія. Эта особенность объясняется относительно болѣе значительнымъ ростомъ периферическихъ концовъ нервовъ.

Мышечные пучки, особенно ближайшіе къ краю оперкулярной складки, отличаются, при длинѣ своей, сравнительно меньшей толщиной; нерѣдко можно видѣть, что наиболѣе тонкіе изъ нихъ, пройдя нѣкоторое протяженіе съ однимъ изъ сосѣднихъ пучковъ, отдѣляются отъ него и косо направляются къ пучку, рядомъ идущему съ другой стороны. Это своего рода анастомозы между невполнѣ обособившимися мышечными пучками, существованіе которыхъ въ данномъ случаѣ объясняется все еще яснымъ эмбріональнымъ характеромъ мышцы.

Правда, что здѣсь этотъ характеръ опредѣляется нѣсколько иначе, чѣмъ мы видѣли это прежде. При своей незначительной толщинѣ пучки не богаты эмбріональной протоплазмой на всемъ своемъ протяженіи. Можно найти въ нихъ участки, всецѣло занятые сократительной субстанціей, какъ въ вполнѣ развитой мышцѣ; но за то они обладаютъ значительнымъ количествомъ ядеръ, весьма значительныхъ по своимъ размѣрамъ, вытянутыхъ по длинѣ пучка и выдающихся изъ его контуровъ, такъ какъ очень часто и меньшій діаметръ ядра больше діаметра поперечнаго сѣченія пучка. Вотъ около этихъ-то ядеръ и группируется протоплазма, образуя вмѣстѣ съ ними такъ называемыя мышечныя тѣльца.

Части пучковъ между ядрами, сидящими часто по два и болѣе въ одномъ мѣстѣ, заняты мышечной субстанціей, которая, при избранной нами обработкѣ ($Au\,Cl_3$; ac. acet.), въ данномъ случаѣ представляетъ ясную дифференцировку на окрашенныя и неокрашенныя полосы.

Периферическія нервныя вѣтви, пересѣкаясь съ мышечными пучками подъ острымъ угломъ, даютъ конечныя вѣточки различной длины. Эти послѣднія, достигнувъ до мышечнаго пучка, чаще всего образуютъ на периферіи его расширеніе, интенсивнѣе окра-

шенное золотомъ. На границѣ этого расширенія и мышцы наблюдается темная зернистость. Эти отношенія представлены на рис. 2, *a*.

Рисунокъ этотъ представляетъ два мышечныхъ пучка изъ средины мускула. Оба они уже значительно развиты, хотя еще очень тонки. Темныя и свѣтлыя полосы мышечной субстанціи узки; ядро (*b*) съ сферическими ядрышками нѣсколько выдается за контуры верхняго пучка. Нервъ (*n*), лишенный оболочекъ, рѣзко покрашенный, плотно прилегая къ мышцѣ, даетъ къ каждому изъ изображенныхъ пучковъ по конечной вѣточкѣ (a, a').

Первая изъ нихъ (*a*) въ мѣстѣ соприкосновенія съ мышцей образуетъ весьма замѣтное расширеніе съ упомянутой выше зернистостью по краямъ. Въ углу между нервомъ (*n*) и этой вѣточкой при *c* замѣчается немного зернистой субстанціи, подобной той, которая наблюдается на конечныхъ вѣточкахъ въ мѣстахъ соприкосновенія ихъ съ мышцей. Вторая (a') видна въ профиль; конечное расширеніе ея образуетъ небольшое возвышеніе, настоящій Дойеровъ бугорокъ. По длинѣ мышечнаго пучка каждое двигательное нервное окончаніе захватываетъ приблизительно три темныхъ полосы; границы ихъ, повидимому, приходятся безразлично какъ на темныхъ, такъ и на свѣтлыхъ полосахъ.

Рисунокъ 3-й, снятый съ подобнаго же препарата, но отъ другой особи того же возраста, представляетъ нѣкоторыя особенности. Мышечные пучки (*m*) здѣсь относительно толще, но въ выбранномъ нами мѣстѣ являютъ болѣе эмбріональный характеръ, чѣмъ это было описано выше. Характеръ этотъ выражается въ обиліи ядеръ (*b*) и въ присутствіи около нихъ зернистой протоплазмы (*c*, c'), которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ (c') содержитъ темно покрашенныя зерна, которыя вообще наблюдаются въ развивающихся мышцахъ около ядеръ послѣ окраски хлористымъ золотомъ.

Темныя и свѣтлыя полосы выступаютъ чрезвычайно рѣзко, что зависитъ отчасти отъ болѣе значительной ихъ ширины. За-

мѣчательно, что ширина ихъ находится, повидимому, въ эмбріональномъ состояніи — по крайней мѣрѣ, въ прямой зависимости отъ толщины пучка.

Нервы (*n*) на этомъ препаратѣ лежатъ подъ мускуломъ и образуютъ сплетеніе, изъ одного изъ узловъ котораго (*d*) и беретъ начало конечная вѣтвь *n′*. Она концомъ своимъ заходитъ на противоположную сторону ближайшаго мышечнаго пучка (*m′*), образуетъ въ мѣстѣ соприкосновенія съ нимъ зернистую подошву (*e*) съ неправильными очертаніями и тянется вдоль этого пучка на протяженіи, занятомъ четырнадцатью темными полосами. Въ точкѣ *f* она покидаетъ этотъ пучекъ и подъ острымъ угломъ въ обратномъ направленіи идетъ къ сосѣднему пучку (*m*), образуя такимъ образомъ вторую конечную вѣточку *n″*. Конецъ ея виденъ какъ разъ въ профиль и расширеніемъ своимъ образуетъ бугорокъ, захватывающій основаніемъ своимъ не болѣе трехъ темныхъ полосъ. Контуры бугорка незамѣтно переходятъ въ контуры эмбріональной сарколеммы иннервируемаго такимъ образомъ мышечнаго пучка, если въ данномъ случаѣ будетъ уже умѣстно говорить о сарколеммѣ.

Иннервація пучка *m′* довольно своеобразна, но, какъ увидимъ впослѣдствіи, она не представляетъ ничего исключительнаго. Отмѣчу здѣсь одну особенность, которая заключается въ томъ, что на всемъ протяженіи отъ *e* до *f*, что я считаю однимъ нервнымъ окончаніемъ, контуръ нервнаго окончанія съ одной стороны крайне рѣзокъ, — съ другой (съ верхней на рисункѣ) не имѣетъ этой опредѣленности въ силу присутствія той зернистости, которая особенно рѣзко наблюдается при *e*.

Описанныя формы двигательныхъ нервныхъ окончаній въ сравненіи съ вполнѣ развитыми крайне просты, но онѣ тѣмъ не менѣе не представляютъ первоначальныхъ отношеній между нервомъ и мышцей. Въ нихъ мы видимъ уже начало позже наступающей дифференцировки нервнаго конца, выражающееся здѣсь въ формѣ простѣйшей эмбріональной двигательной пластинки.

Болѣе простую, дѣйствительно первоначальную форму нервныхъ окончаній, мнѣ удавалось наблюдать на мышечныхъ пучкахъ, лежащихъ ближе къ краю оперкулярной складки. Здѣсь эти послѣдніе болѣе тонки, лежатъ болѣе изолированно и, повидимому, болѣе юны, чѣмъ пучки, лежащіе впереди отъ нихъ.

Рисунокъ 4-й представляетъ часть наружнаго края musculi submaxillaris; *m″* — пучекъ, ближайшій къ краю оперкулярной складки. Нервъ (*n*) тянется на нѣкоторомъ протяженіи почти вдоль мышечныхъ пучковъ — *m* и надъ ними; отъ него отдѣляется вѣточка *n′*, идетъ надъ пучками *m* и подъ угломъ направляется къ пучку *m′*, прилегаетъ къ нему и тянется вдоль его на протяженіи (*a*), захватываемомъ четырьмя темными полосами. Затѣмъ изъ точки, гдѣ эта вѣточка впервые встрѣтилась съ мышечнымъ пучкомъ, въ противоположную сторону, къ другому краю пучка замѣчается продолженіе вѣточки на пространствѣ, занятомъ десятью темными полосами; продолженіе это заканчивается при *a′* такъ же, какъ при *a*. На всемъ протяженіи нерва отъ *a* до *a′*, которое въ сущности представляетъ одно нервное окончаніе, подобное вышеописанному (рис. 3 *ef*), въ мѣстѣ прилеганія къ мышцѣ наблюдается слабо замѣтная зернистость. На нѣкоторомъ разстояніи отъ конца *a′* отдѣляется новая конечная вѣточка *n″*, которая, слегка изгибаясь, направляется къ крайнему пучку *m″*. Эту вѣточку, крайне тонкую, но совершенно ясно видимую, можно прослѣдить до контуровъ мышечнаго пучка, гдѣ она и оканчивается безъ всякаго расширенія. Пучекъ этотъ очень тонокъ и благодаря этому прозраченъ. Малѣйшая дифференцировка темно покрашеннаго нервнаго конца была бы на немъ легко замѣчена; однакожъ ея не наблюдается.

Вотъ эту форму нервнаго окончанія въ поперечно-полосатой мышцѣ я считаю простѣйшей и *первичной*. Здѣсь нервъ только достигъ мышцы своимъ концомъ, но въ тѣснѣйшую связь еще не вступилъ.

Крайне важно въ данномъ случаѣ рѣшить, съ темной или свѣтлой полосой мышечной субстанціи первоначально вступаетъ

нервъ. Обстоятельство это рѣшить однако не такъ просто, какъ это можетъ казаться. Дѣло въ томъ, что темныя и свѣтлыя полосы на пучкѣ m'' крайне узки. Тщательное изученіе препарата съ лучшими оптическими средствами[1]) привело меня къ заключенію, что конецъ нерва n'' вступаетъ въ связь съ мышцей m'' на уровнѣ темной полосы (a''). Рѣшеніе вопроса въ данномъ случаѣ затрудняется еще и тѣмъ, что на поверхности пучка наблюдается при большихъ увеличеніяхъ едва замѣтный протоплазматическій футляръ, — остатокъ эмбріональной протоплазмы. Съ полной увѣренностью, во всякомъ случаѣ, нервный конецъ можетъ быть прослѣженъ только до этого футляра. Болѣе детально положеніе его можетъ быть опредѣлено только тѣмъ, что на уровнѣ этого конца находится темная полоса мышцы.

И такъ, слѣдовательно, простѣйшая форма двигательнаго нервнаго конца не представляетъ никакой морфологической дифференцировки. Иннервація въ этомъ случаѣ выражается только соприкосновеніемъ нерва съ мышцей въ одной точкѣ. Поверхность соприкосновенія ничтожна, и это вполнѣ согласно съ эмбріональнымъ характеромъ изучаемыхъ тканей. Въ дальнѣйшемъ развитіи ближайшей задачею дифференцировки двигательнаго нервнаго окончанія будетъ увеличеніе поверхности соприкосновенія между нервомъ и мышцей. На описанныхъ нами препаратахъ, изображенныхъ на рис. 2 и 3, мы находимъ уже начало этой дифференцировки и видимъ, что задача ея достигается въ этотъ періодъ развитія двумя путями.

Съ одной стороны (рис. 2, a, a'; рис. 3, n'') нервный конецъ образуетъ на мышцѣ расширеніе, бугорокъ, иначе эмбріональную двигательную пластинку; съ другой — нервный конецъ прилегаетъ къ иннервируемому мышечному пучку на извѣстномъ протяженіи (рис. 3, ef; рис. 4, aa'), причемъ составныя части нерва на всемъ протяженіи этого прилеганія вступаютъ въ тѣсную связь съ составными частями мышечнаго пучка.

[1]) Апохроматъ Цейса. Homog. Imm., 1. 30; 2.

Расширеніе нервнаго конца на поверхности мышцы можетъ имѣть самыя разнообразныя очертанія. Чаще это, какъ представлено выше, — пятнышко округленныхъ очертаній, слегка приподнимающееся въ видѣ бугорка; иногда оно вытянуто по длинѣ мышцы; иногда же, какъ представлено на рис. 5, расширеніе это, рѣзко очерченное, обнимаетъ пучекъ на половину. Въ данномъ случаѣ эмбріональная двигательная пластинка занимаетъ на мышечномъ пучкѣ пространство между пятью темными полосами и представляетъ двѣ ясно обособленныхъ половины: одну (a), тупо и рѣзко ограниченную съ одной поверхности пучка, и другую (a'), болѣе длинную, заходящую на другую поверхность пучка, контуры которой незамѣтно переходятъ въ контуры пучка.

Подобное раздвоеніе на переднюю и заднюю половины можно подмѣтить у тритона на всѣхъ, болѣе или менѣе развитыхъ двигательныхъ пластинкахъ. Такъ напр., на рис. 6, это можно видѣть на двигательной пластинкѣ, видной въ профиль въ видѣ темно-покрашеннаго, слегка поднимающагося надъ поверхностью пучка, утолщенія, болѣе замѣтнаго въ передней части (a), которое невольно бросается въ глаза при сравненіи его съ чрезвычайной тонкостію нервнаго конца.

III. Развитіе двигательныхъ нервныхъ окончаній у аксолотля (Siredon pisciformis).

У этого животнаго мнѣ удалось впервые наблюдать эмбріональныя двигательныя пластинки; но формы ихъ, изученныя мною, въ сравненіи съ только что описанными у тритона, являются уже болѣе осложненными; вотъ почему къ описанію ихъ я обращаюсь только теперь.

Musculus submaxillaris здѣсь настолько похожъ на выше описанный у тритона, что нѣтъ надобности въ самостоятельномъ его описаніи; но условія наблюденія здѣсь нервныхъ окончаній уже другія и, на мой взглядъ, менѣе благопріятныя, чѣмъ у тритона.

У эмбріона аксолотля на двадцать шестой день развитія (около 1 ctm. длиною) мускулъ этотъ еще не представляетъ сплошной мышечной массы, а состоитъ изъ отдѣльныхъ пучковъ съ большимъ количествомъ близко другъ къ другу стоящихъ крупныхъ ядеръ. Между пучками, въ ясно замѣтныхъ промежуткахъ — значительное количество соединительно-тканныхъ клѣтокъ, которыя здѣсь отчасти затрудняютъ изученіе подробностей иннерваціи. Мѣстами попадаются и пигментныя клѣтки.

Несмотря на это, вышеописанный мною методъ далъ мнѣ возможность настолько рѣзко покрасить нервы, что изученіе распредѣленія ихъ на мышцѣ и окончаній ихъ въ ней во многихъ отношеніяхъ не оставило желать лучшаго.

Болѣе крупныя вѣтви нерва musculi submaxillaris лежатъ, какъ и у тритона, ближе къ кожѣ, а мелкія и на той и на другой его сторонѣ. Онѣ пересѣкаютъ мышечные пучки большею частію подъ острымъ угломъ въ различныхъ направленіяхъ. Интересно, что здѣсь не наблюдается почти, чтобъ онѣ соединялись другъ съ другомъ для образованія сплетенія, подобнаго описанному у тритона.

Вѣтви, отходящія отъ главныхъ стволовъ, дивергируютъ въ сторону подъ угломъ въ 30°—40°, повторяя дальнѣйшія вѣтвленія черезъ два-три мышечныхъ пучка, между которыми остаются пространства, шириною приблизительно вдвое превышающія поперечный діаметръ мускульнаго пучка. Такъ какъ діаметръ этотъ около 7—10 μ., то свободныя пространства достигаютъ 20 μ., что особенно облегчаетъ изученіе хода конечныхъ нервныхъ развѣтвленій.

Міэлиновой оболочки въ описываемую стадію еще не существуетъ и видны, слѣдовательно, только осевые цилиндры, покрашенные золотомъ въ ярко-фіолетовый цвѣтъ и обладающіе мѣстами на своемъ протяженіи мелкой, едва замѣтной зернистостью.

Достойно замѣчанія также и то обстоятельство, что ядра шванновской оболочки здѣсь крайне рѣдки и наблюдаются только на крупныхъ нервныхъ стволахъ.

На сколько мало количество этихъ ядеръ, видно изъ рис. 7, представляющаго точную копію съ одного мѣста препарата. На всѣхъ довольно обильныхъ развѣтвленіяхъ нерва, захватывающихъ большое число мышечныхъ пучковъ, изъ которыхъ на препаратѣ изображены только нѣкоторые, не замѣчено было ни одного ядра. Количество мышечныхъ ядеръ (*b*), напротивъ, въ дѣйствительности гораздо больше изображеннаго.

Чѣмъ тоньше дѣлаются нервныя развѣтвленія, тѣмъ въ меньшей мѣрѣ наблюдается на нихъ зернистость. Лучше же всего она видна въ мѣстахъ развѣтвленій и на конечныхъ вѣточкахъ (рис. 7, *a*, *c*).

Нервы, дающіе конечныя вѣточки (n_1 — n_3), достигаютъ въ діаметрѣ 2 — 3 μ., эти эти же послѣднія (n_4) около 0,5 μ. и менѣе (n_6), утончаясь мѣстами на столько, что слѣдить за ними дѣлается почти невозможнымъ (n_7).

Длина концевыхъ вѣточекъ крайне разнообразна; чаще она колеблется между 10 μ. и 40 μ. Приблизившись къ мышечному пучку подъ угломъ, вѣточка обыкновенно дѣлаетъ на поверхности его концевое расширеніе, представляющее эмбріональную двигательную пластинку подобно описанной для тритона. На описываемомъ препаратѣ расширеніе это представляетъ 2 — 3 μ. въ діаметрѣ. Но въ сущности это только одна форма наблюдаемыхъ здѣсь нервныхъ окончаній; она встрѣчается чаще на короткихъ концевыхъ нитяхъ (n_4, n_5), берущихъ начало прямо отъ значительныхъ нервныхъ стволовъ (n).

Другая форма наблюдается на болѣе тонкихъ нервныхъ вѣтвяхъ, тянущихся на значительномъ протяженіи (n_2) и къ концу постепенно все дѣлающихся тоньше (n_7). Иногда удается прослѣдить такія вѣтви почти черезъ весь препаратъ и видѣть при этомъ, какъ онѣ, прилегая къ мышцѣ, даютъ на пути своемъ для образованія двигательныхъ пластинокъ коротенькія концевыя вѣточки (n_8, n_9), или же вступаютъ въ связь съ мышечнымъ пучкомъ въ мѣстахъ соприкосновенія съ нимъ, образуя этимъ своеобразную форму эмбріональныхъ нервныхъ окончаній (n_{10}, n_{11}).

Происходитъ эта форма слѣдующимъ образомъ: нервъ, нѣсколько изгибаясь, прилегаетъ къ мышечному пучку и въ мѣстѣ соприкосновенія образуетъ на поверхности этого пучка небольшое зернистое пятнышко, которое въ сущности и представляетъ здѣсь двигательную пластинку на крайне укороченной ножкѣ. Въ справедливости такого взгляда убѣждаетъ между прочимъ то обстоятельство, что между такими нервными окончаніями, какъ n_{10} и n_{11} и такими, какъ n_8 и n_9, представляющими въ сущности короткія концевыя вѣтви, прилегающія къ мышечному пучку на всемъ своемъ протяженіи, можно безъ труда подобрать послѣдовательный переходъ.

Образовавъ одно такое пятнышко, нервъ дѣлается немного тоньше, идетъ далѣе и вновь прилегаетъ къ ближайшему мышечному по только что описанному способу, вновь образуетъ нервное окончаніе и т. д. до конца, передъ которымъ онъ дѣлается тонокъ до едва видимыхъ размѣровъ.

Какъ ни своеобразны эти формы нервныхъ окончаній, но если мы сравнимъ ихъ съ описанными выше у тритона и изображенными на рис. 3 *ef* и на рис. 4 *aa'*, то убѣдимся, что онѣ по существу не представляютъ ничего исключительнаго.

Отъ подобныхъ окончаній легко найти переходъ къ сидящимъ на болѣе длинныхъ концевыхъ вѣтвяхъ (n_{12}, n_4), т. е. въ сущности къ первой формѣ, описанной выше.

Что касается дальнѣйшихъ подробностей въ строеніи эмбріональныхъ двигательныхъ пластинокъ, которыя здѣсь болѣе разнообразны, чѣмъ у тритона, то онѣ могутъ быть изучены, во первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюдаются въ профиль, т. е. когда подходятъ къ мускульному пучку съ боку, и во вторыхъ en face, т. е. когда лежатъ на верхней поверхности изучаемаго мышечнаго пучка.

Эмбріональныя двигательныя пластинки аксолотля въ профиль представляютъ двѣ модификаціи:

Во первыхъ, когда пластинка представляетъ лишь небольшой

бугорокъ съ дисковидно расходящимися по мышечному пучку краями (рис. 7, *c*).

Во вторыхъ, когда нервъ, подойдя къ мышцѣ, тянется по ней концомъ своимъ на нѣкоторомъ протяженіи (рис. 7, n_8, n_9, n_{13}).

Первый случай болѣе элементарнаго характера. Концевыя вѣтви нерва, какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ случаѣ, являются чрезвычайно тонкими нитями, окрашенными золотомъ равномѣрно въ фіолетовый цвѣтъ. Лишь передъ самымъ концомъ замѣчается упомянутая выше зернистость, выдѣляющаяся вслѣдствіе болѣе интенсивной окраски и подобная той, которая наблюдается, напримѣръ, на конечныхъ развѣтвленіяхъ волоконъ въ роговицѣ. Самый конецъ, образующій элементарную двигательную пластинку, также характеризуется этой зернистостью, придающей пластинкѣ неправильныя очертанія. Края пластинки, дѣлаясь все тоньше и тоньше, сливаются наконецъ съ контурами мышечнаго пучка и могутъ быть указаны только по упоминаемой выше темнофіолетовой окраскѣ отъ хлористаго золота (рис. 7, *c*, n_{11}).

Во второмъ случаѣ (рис. 7, n_{13}) пластинка иногда на всемъ почти протяженіи обладаетъ той толщиной, которая можетъ быть въ первомъ случаѣ указана лишь въ мѣстѣ соприкосновенія нерва съ мышцей. По концамъ, однако, она также дѣлается тоньше и контуры ея незамѣтно переходятъ въ контуры мышечнаго пучка. Описанныя уже выше формы нервныхъ окончаній (n_8, n_9), представляющія концовыя нити, прилегающія къ мышечному пучку по всей своей длинѣ, чаще всего удается наблюдать въ профиль. Отличіе ихъ отъ только что описанной формы (n_{13}) заключается лишь въ томъ, что у нихъ, какъ это было уже сказано прежде, отсутствуетъ концевая нить, соединяющая n_{13} съ n_1: онѣ прямо берутъ начало отъ нерва (n_2) въ мѣстахъ соприкосновенія его съ мышцей.

Въ однихъ случахъ это крайне тонкая нить, почти незамѣтно концомъ своимъ сливающаяся съ мышцей (n_8); въ другихъ (n_9) нить эта на пути своемъ представляетъ небольшія утолщенія, является варикозной. Первый случай естественно является болѣе

простымъ, второй являетъ уже начало дифференцировки, ведущей впослѣдствіи къ законченной формѣ двигательной пластинки.

Эмбріональныя двигательныя пластинки аксолотля en face (рис. 7, n_{10}, n_{11}) являются небольшими неправильныхъ очертаній пятнышками, бо̀льшій діаметръ которыхъ (3 — 5 μ.) всегда лежитъ вдоль мышечнаго пучка. Краевыя очертанія ихъ въ высшей степени неправильны, особенно на концахъ продольнаго діаметра, нерѣдко заостренныхъ, а иногда продолжающихся въ тонкія первныя волоконца, тянущіяся къ сосѣднимъ пучкамъ и образующія на нихъ свои двигательныя пластинки (n_{14}, n_{15}). Подобный случай изображенъ и при n_{12} (рис. 7), двигательной пластинкѣ, описанной уже прежде. Иногда же, какъ при n_4 и n_{16}, первный конецъ образуетъ двигательную пластинку перваго типа, одинъ край которой продолжается въ нить, прилегающую къ тому же мышечному пучку. На подобный случай я смотрю опять, какъ на осложненіе эмбріональной двигательной пластинки, отчасти же, какъ на переходную форму къ n_{14}, n_{15}. Иногда, какъ при n_{11}, по срединѣ двигательной пластинки наблюдается свѣтлое непокрасившееся золотомъ пятнышко.

Кромѣ помянутыхъ уже случаевъ осложненія двигательной пластинки при n_4, n_9, n_{16}, n_{17}, на томъ же препаратѣ мы найдемъ и другіе. Указанные случаи указываютъ на осложненіе ея in loco, осложненіе, которымъ достигается до извѣстной степени конечная цѣль иннерваціи мышцы: увеличеніе поверхности соприкосновенія между первнымъ концомъ и мышечной субстанціей.

Другая форма осложненія, замѣчаемая здѣсь въ двигательныхъ пластинкахъ, находится, повидимому подъ вліяніемъ другаго фактора. Развитіе ея ведетъ къ образованію новыхъ двигательныхъ пластинокъ, т. е. къ увеличиванію интенсивности иннервація мышцы in toto и отдѣльныхъ мускульныхъ пучковъ въ частности.

Отчасти эта форма осложненія представлена вышеописанными примѣрами отхожденія конечныхъ вѣтвей отъ образовавшихся уже двигательныхъ пластинокъ (n_{12}, n_{14}); но лучше она видна въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ первный конецъ являетъ наклонность къ раздѣленію, какъ это замѣчается при n_5, гдѣ въ сущности уже имѣется двѣ двигательныхъ пластинки на самостоятельныхъ, правда, еще очень короткихъ вѣтвяхъ. Въ этомъ случаѣ, равно какъ и на рис. 8, обѣ пластинки сидятъ на одномъ мышечномъ пучкѣ; но онѣ въ подобныхъ случаяхъ раздѣленія могутъ быть и на двухъ, рядомъ и близко лежащихъ мышечныхъ пучкахъ, какъ это видно изъ рис. 9 (*a*, *b*). А разъ это такъ, стоитъ представить себѣ, что вслѣдствіе роста вѣточки каждой двигательной пластинки сдѣлались длиннѣе, и мы получимъ случай, представленный на рис. 7 двумя уже разошедшимися первными концами n_{13} и n_{14}, или n_{16} и *c*. Каждый изъ концовъ можетъ осложниться дальше, какъ напр. n_{14}, n_{16}, и изъ этого осложненія мы легко можемъ объяснить себѣ наблюдаемую нами запутанную, но первоначально простую картину иннервація m. submaxillaris.

Рисунки 8 — 10 сдѣланы съ препарата, подобнаго послужившему оригиналомъ для рис. 7, но съ значительно бо̀льшимъ увеличеніемъ.

Рис. 8, при соблюденіи относительныхъ размѣровъ, показываетъ между прочимъ, какъ тонки бываютъ первоначально конечныя первныя нити. На рисункѣ этомъ оба первныхъ кончика лежатъ надъ ядромъ, и при желаніи отыскать первныя окончанія внутри клѣтки легко могло бы показаться, что нервъ проникаетъ даже въ ядро мышцы. Внимательное изученіе подобнаго препарата однако показываетъ, что ядро въ данномъ случаѣ лежитъ не на поверхности пучка и что оно только просвѣчиваетъ чрезъ мышечную субстанцію, отдѣляющую её отъ первныхъ окончаній. Чтобъ показать это, контуры ядра на рисункѣ сдѣланы не рѣзко.

Подобный случай соприкосновенія эмбріональнаго первнаго конца съ мышцей въ области ядра или вблизи его, случай не

единичный; напротивъ, какъ это видно между прочимъ изъ рис. 7 (c, n_5, n_6, n_8, n_9, n_{11}, n_{12}, n_{15} — n_{17}), явленіе это настолько обычно, что невольно обращаетъ на себя вниманіе.

Рис. 9 показываетъ въ увеличенномъ видѣ элементарныя двигательныя пластинки и передаетъ характеръ той зернистости, которая наблюдается по периферіи пластинки и о которой было говорено выше. У пластинки a въ данномъ случаѣ нѣтъ самостоятельной конечной нити и, слѣдовательно, изображенныя здѣсь два мышечныхъ пучка иннервируются по способу, описанному раньше и изображенному на рис. 7 (n_2 — n_7).

Рис. 10 соединяетъ въ себѣ почти всѣ прежде описанные случаи иннервацiи эмбріональнаго характера.

Довольно толстый нервъ (n) отдѣляетъ отъ себя первоначально крупную вѣтвь (n_1) и почти вслѣдъ за этимъ проходитъ въ соприкосновеніе съ ближайшимъ мышечнымъ пучкомъ (m). Въ мѣстѣ соприкосновенія отъ него отходитъ небольшая конечная вѣточка (n_2), болѣе толстая при основаніи и постепенно дѣлающаяся тоньше къ концу, на которомъ имѣетъ едва замѣтное утолщеніе. Вѣточка эта на всемъ своемъ протяженіи прилегаетъ къ мышцѣ, представляетъ, слѣдовательно, случай иннервацiи, подобный изображенному на рис. 7 при n_8, n_9, n_{13}. При основаніи этой вѣточки опять мы видимъ зернистость (c), о которой упоминали уже не разъ и которая замѣтна также при основаніи первой вѣтви (n_1; a).

Измѣнивъ свое направленіе послѣ второй вѣточки, главный нервъ идетъ дальше и на небольшомъ разстояніи даетъ новую вѣточку (n_3) къ мышечному пучку, мимо котораго онъ уже прошелъ. Новая конечная вѣточка, очень тонкая, образуетъ на концѣ бугоркообразную двигательную пластинку съ тѣми подробностями, которыя указаны выше при наблюденіи пластинки en face, или въ данномъ случаѣ въ три четверти. Укажу также и на то обстоятельство, что конецъ нерва въ разбираемомъ примѣрѣ встрѣтилъ мышцу въ области ядра (b_1), которое здѣсь лежитъ настолько периферично, что двигательная пластинка дѣйствительно помѣщается на немъ, или лучше на тонкомъ слоѣ окружающей его протоплазмы.

Перейдя послѣ этой вѣтви (n_3) къ слѣдующему пучку, главный нервъ снова приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, и опять это соприкосновеніе имѣетъ мѣсто въ области мышечнаго ядра (b_2). Въ мѣстѣ соприкосновенія нервъ изгибается и около изгиба замѣчается темное зернистое пятнышко. Это пятнышко подобно вышеописаннымъ при такихъ же условіяхъ (рис. 7, n_{10}), и я смотрю на него, какъ первичную фазу образованія двигательной пластинки безъ предварительнаго обособленія конечной вѣточки.

Упомянутая выше первая болѣе крупная нервная вѣтвь (n_1) имѣетъ свои конечныя вѣточки. Изъ нихъ n_5 имѣетъ на концѣ бугоркообразную пластинку, видную здѣсь въ профиль со всѣми опять таки указанными выше для подобнаго случая подробностями; а n_6 представляетъ образованіе, тождественное съ только что описаннымъ на этомъ рисункѣ при n_4.

Таковы въ общихъ чертахъ результаты, полученные нами изъ изученія эмбріональныхъ двигательныхъ нервныхъ окончаній. Въ общемъ они сводятся къ слѣдующему: *для установленія первоначальной связи между нервомъ и мышцей достаточно между ними простаго соприкосновенія*. Послѣднее можетъ быть осуществлено свободнымъ концомъ растущаго нерва. Простѣйшій случай этого рода представленъ на рис. 4 при a''; осложненіе такой простой формы нервнаго окончанія совершается чрезъ образованіе двигательной пластинки въ видѣ холмика (рис. 2, a; 9, b), въ видѣ слабыхъ конечныхъ развѣтвленій (рис. 7, n_{17}).

Связь между нервомъ и мышцей можетъ быть осуществлена и чрезъ соприкосновеніе между ними въ любомъ мѣстѣ нервнаго периферическаго конца. Факты подобнаго рода представлены на рис.: 3, ef; 4, aa'; 7, n_2, n_7—n_{11}; 9, a; 10, n_4, n_6. Осложненіе первичной фазы развитія двигательнаго нервнаго окончанія этого рода заключается въ обособленіи конечной вѣтви отъ главнаго

нервнаго ствола; факты, иллюстрирующіе этотъ взглядъ, изображены на рис. 7, n_8, n_9; рис. 10, n_2; рис. 2, a, a' и т. д.

Бо̀льшая интенсивность иннерваціи достигается раздѣленіемъ еще эмбріональныхъ двигательныхъ нервныхъ окончаній (рис. 7, n_5; 8, n'), а бо̀льшая поверхность соприкосновенія между концомъ нерва и мышцей разрастаніемъ эмбріональной двигательной пластинки, многочисленные примѣры котораго мы видимъ на рис. 7, n_4, n_8, n_9, n_{12}, n_{13}, n_{16}, n_{17}), рис. 3 (*ef*), рис. 4 (*aa'*) и т. п.

Сказаннаго достаточно, чтобъ представить себѣ общій характеръ осложненія эмбріональнаго двигательнаго конца, осложненія, которое проводитъ его къ дефинитивной формѣ двигательной пластинки.

Придерживаясь строго педантическихъ требованій, слѣдовало бы прослѣдить это осложненіе послѣдовательно для каждой изъ изученныхъ нами формъ. Но осуществленіе подобной задачи потребовало бы гораздо больше времени и труда, чѣмъ я могъ посвятить этой работѣ, первоначальная цѣль которой заключалась въ томъ, чтобъ опредѣлить характеръ первичной формы эмбріональнаго двигательнаго конца и подмѣтить способъ его дальнѣйшаго осложненія. То и другое на избранныхъ нами объектахъ достигнуто, но чтобъ не быть голословнымъ въ опредѣленій характера развитія двигательныхъ нервныхъ окончаній, мы въ краткихъ словахъ напомнимъ строеніе двигательныхъ нервныхъ окончаній у взрослыхъ Urodela, чтобъ имѣть теперь же возможность сравнить ихъ съ только что описанными эмбріональными.

IV. Нервныя окончанія въ поперечно-полосатыхъ мышцахъ взрослыхъ Urodela и факты ихъ развитія у лягушки.

Не входя въ подробный разборъ всей относящейся сюда литературы, я ограничусь указаніемъ на послѣднее изслѣдованіе Кюнэ (2) и на собственныя наблюденія.

Кюнэ (2; стр. 127) имѣлъ дѣло съ тремя формами, *Salamandra maculosa*, *Triton cristatus* и *Proteus anguineus*. Напростѣйшая форма двигательныхъ нервныхъ окончаній наблюдается у предпослѣдняго и послѣдняго изъ названныхъ животныхъ. Скудныя развѣтвленія двигательнаго конца у протея въ лучшемъ случаѣ образуютъ фигуры въ видѣ H (l. c. Taf. F, fig. 88 — 92).

Почти такой же, если не бо̀льшей простотой характеризуются и двигательныя пластинки тритона (l. c. Taf. G, fig. 95 — 98).

Для саламандры, у которой развѣтвленія нѣсколько обильнѣе, характерными являются на концевыхъ нитяхъ узловатыя утолщенія, — повидимому въ болѣе рѣзкой формѣ та особенность, которая выше указана нами у аксолотля на рис. 7, n_9 (l. c. Taf. G, fig. 93, 94).

Что касается моихъ собственныхъ наблюденій, то они касаются иннерваціи musculi submaxillaris взрослаго гребенчатаго тритона *(Triton cristatus)*.

Я намѣренно избралъ тотъ же мускулъ, на которомъ были изучены эмбріональныя нервныя окончанія; остается только пожалѣть, что все-таки здѣсь приходится имѣть дѣло съ другимъ видомъ, чѣмъ при развитіи; но принимая во вниманіе, что у трехъ выше названныхъ формъ, по наблюденіямъ Кюнэ, нервныя окончанія крайне просты и въ сущности представляютъ одинъ типъ, безъ большаго ущерба для истины можно предположить, что ни у *Triton taeniatus*, ни у *Siredon pisciformis* мы не встрѣтимъ ничего исключительнаго.

На рис. 11 мы имѣемъ изображеніе нервнаго окончанія въ m. submaxillaris тритона *(Tr. crist.)* при такомъ же увеличеніи, какъ и рис. 8 — 10. Конецъ нерва на мышцѣ въ приведенномъ примѣрѣ является раздвоеннымъ и каждая вѣтвь является изогнутой. Такая форма иннерваціи отличается нѣсколько отъ описанныхъ Кюнэ, главнымъ образомъ отъ тѣхъ, которыя онъ считаетъ типичными. Но если мы отвлечемся отъ нѣкоторыхъ подробностей, то найдемъ, что между изображенной здѣсь нами и представленной имъ на fig. 98 имѣется не малое сходство. И та и другая представляютъ два нервныхъ конца, расходящихся въ противуположныя стороны. Правда, что онъ

считаетъ подобный случай исключеніемъ, но можетъ быть эти исключенія нерѣдки.

Если мы сравнимъ эту форму, простѣйшую, быть можетъ, у взрослаго животнаго, съ изображенными на рис. 5, 6, 7 (n_{17}) эмбріональными, то мы не можемъ не замѣтить, что въ послѣднихъ до извѣстной степени уже опредѣлился дивергентный типъ вполнѣ развитаго двигательнаго нервнаго окончанія. Неровности, утолщенія и побочныя развѣтвленія, наблюдаемыя на этомъ послѣднемъ (рис. 11, n; a, b на n_3), должны быть расматриваемы, какъ позднѣйшія осложненія первоначально простыхъ нервныхъ концовъ.

Сказаннаго достаточно, чтобъ убѣдиться, что развитая форма двигательной пластинки образуется въ данномъ случаѣ первоначально путемъ раздвоенія нервнаго конца, а затѣмъ путемъ образованія на вѣтвяхъ его утолщеній, неровностей, вторичныхъ побочныхъ развѣтвленій. Вышеприведенное наблюденіе М. Д. Лавдовскаго (**1**; **4**) надъ эмбріональными двигательными нервными окончаніями у ящерицъ и змѣй вполнѣ согласно съ только что описанными у Salamandrina. Это и послужило мнѣ между прочимъ поводомъ формулировать нижеслѣдующее положеніе (**7**; стр. 7):

«Сложная форма развитой двигательной пластинки является послѣдующимъ осложненіемъ нервнаго конца, представляющаго въ эмбріональномъ состояніи лишь едва замѣтное расширеніе осеваго цилиндра.»

Это положеніе я могу еще подкрѣпить наблюденіемъ надъ нервными окончаніями въ поперечно-полосатыхъ мышцахъ только что окончившихъ превращеніе лягушекъ. Здѣсь я пользовался между прочимъ методомъ Эрлиха для окраски нервовъ водной синью у живаго еще животнаго. Отрывочное это наблюденіе я считаю умѣстнымъ привести здѣсь особенно потому, что тотъ же методъ далъ мнѣ возможность наблюдать нервныя окончонія въ мышцахъ вполнѣ развитыхъ лягушекъ. Тамъ они оказываются дѣйствительно настолько сложными, какъ это не разъ описывалось, и при этомъ всѣ подробности являются представленными съ такимъ изяществомъ, какъ это можно наблюдать только въ живой ткани.

У молодыхъ лягушекъ двигательныя нервныя окончанія оказываются гораздо проще, какъ это видно изъ рис. 12. Здѣсь мы имѣемъ нѣсколько мышечныхъ пучковъ musculi submaxillaris Нервныя волокна, пересѣкая пучки почти подъ прямымъ угломъ, прилегаютъ къ нимъ своими концами, которые по немногу дѣлаются тоньше и на всемъ протяженіи соприкосновенія образуютъ небольшія расширенія (рис. 12 n_1, n_3). Другія же нервныя волокна, придя въ соприкосновеніе съ мышцей, раздвояются (n_4) и являются такимъ образомъ уже болѣе осложненными. Утолщеніе на этихъ концахъ представляютъ пункты, гдѣ будетъ имѣть мѣсто дальнѣйшая дифференцировка нервнаго окончанія, т. е. образованіе новыхъ побочныхъ развѣтвленій.

V. Заключеніе.

Во всемъ предшествовавшемъ изложеніи, обнимающемъ исключительно фактическія данныя, рѣчь шла главнымъ образомъ о морфологической сторонѣ развитія двигательныхъ нервныхъ окончаній.

Я полагаю, что нѣтъ надобности еще разъ повторять, какъ постепенно устанавливается связь между нервомъ и мышцей, какъ постепенно въ мѣстѣ соприкосновенія этихъ двухъ тканей на мышцѣ возникаетъ образованіе, остающееся въ органической связи съ нервомъ, и описанное въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ именемъ двигательной пластинки.

Считаю умѣстнымъ однако напомнить, что, стараясь иллюстрировать переходъ отъ простаго нитевиднаго нервнаго конца къ такъ или иначе осложненной формѣ развитаго двигательнаго окончанія, я старался, не ограничиваясь чисто морфологическими данными, указывать и подробности гистологической дифференцировки, какъ-то: существованіе зернистости въ мѣстахъ от-

хожденія конечныхъ вѣтвей и около эмбріональныхъ двигательныхъ пластинокъ, отношеніе послѣднихъ къ покрашеннымъ и непокрашеннымъ полосамъ мышечнаго пучка, окончаніе нервовъ вблизи мышечныхъ ядеръ и т. п.

Но, во-первыхъ, запасъ этихъ подробностей не великъ, а во-вторыхъ, достоинство ихъ не таково, чтобъ на основаніи ихъ можно было опредѣленно высказаться о характерѣ тѣхъ отношеній, которыя устанавливаются въ концѣ концовъ между составными частями нерва и мышцы въ мѣстѣ иннерваціи.

Все, что я могъ бы сказать по этому поводу, будетъ носить характеръ не естественно вытекающаго изъ наблюденій вывода, а лишь личнаго мнѣнія; и если я завелъ здѣсь объ этомъ рѣчь, то лишь только потому, что мое представленіе объ этомъ предметѣ всецѣло противорѣчитъ вышеупомянутому (**9**) изслѣдованію Тринкезе.

Не входя здѣсь въ подробности, я укажу только, что мое представленіе о характерѣ тончайшихъ отношеній между нервомъ и мышцей рождается изъ представленія о ростѣ и строеніи осеваго цилиндра, съ одной стороны, и мышечнаго пучка, съ другой. Кромѣ того, въ своихъ опытахъ физіологической окраски водной синью я нахожу не малое подтвержденіе взгляду Кюнэ на строеніе двигательныхъ нервныхъ окончаній у позвоночныхъ.

Тринкезе, какъ изложено выше, признаетъ связь нервныхъ развѣтвленій съ мышцей при посредствѣ такъ называемыхъ нейрококовъ, происходящихъ изъ зернистой массы эмбріональнаго мышечнаго пучка. На основаніи же вышесказаннаго я полагаю, что всѣ части двигательнаго окончанія, а слѣдовательно и нейрококи, образуются на счетъ нервнаго конца; если зернистая субстанція мышцы и принимаетъ въ чемъ участіе, такъ это въ образованіи такъ называемой подошвы.

И въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ у Salamandrina намъ не приходилось во время развитія видѣть ничего подобнаго нейрококамъ. Мышца и при первоначальной формѣ иннерваціи оказывалась

развитою настолько, что зернистая ея субстанція (саркоплазма) являлась сравнительно въ ничтожномъ количествѣ.

Съ другой стороны, при окраскѣ водной синью двигательныхъ нервныхъ окончаній у живаго животнаго, мнѣ ни разу не удалось видѣть, чтобъ краска эта окрасила въ мышцѣ что нибудь, кромѣ сферическихъ зернышекъ, о которыхъ мнѣ уже приходилось упоминать прежде (**10**; стр. 21), тогда какъ нервъ и его окончаніе были окрашены до подробностей, рѣдко наблюдаемыхъ при другихъ методахъ. На полупрозрачной живой мышцѣ картина поразительна по своей точности и изяществу.

Если бы нейрококи (я понимаю ихъ какъ части двигательныхъ нервныхъ окончаній, неразрывно съ ними связанныя) принадлежали по происхожденію зернистой протоплазматической субстанціи мышцы, то ничто бы не мѣшало при окраскѣ ихъ быть окрашенной и этой субстанціи, хотя бы мѣстами. Ничего подобнаго не наблюдается, и если окрашиваніе доведено до крайности, то мышца окрашивается уже во всей массѣ однородно.

На основаніи сказаннаго, вопросъ о гисто-генетической дифференцировкѣ двигательныхъ нервныхъ окончаній я считаю открытымъ.

Варшава, 17-го мая 1888 г.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Основанія къ изученію Микроскопической Анатоміи, подъ ред. *М. Д. Лавдовскаго* и *Ф. В. Овсянникова*. Отдѣлъ седьмой. Нервная ткань. Лавдовскаго.

2. *W. Kühne.* Neue Untersuchungen über motorische Nervenendigung. Zeitschr. für Biologie. XXIII. 1887.

3. *Л. Ранвье.* Техническій Учебникъ Гистологіи. Переводъ Тарханова, стр. 1007—1015.

4. *М. Лавдовскій.* О нервныхъ окончаніяхъ мышцъ и кожнаго снаряда. Военно-Медицинск. Журналъ 1885, т. 152, отд. II, стр. 181—197.

5. *Th. Openchowsky.* Beitrag zur Kenntniss der Nervenendigungen im Herzen. Archiv für mikr. Anatomie. XXII. S. 408—418. Taf. XVI.

6. *Вл. Великій.* Нѣкоторыя добавленія къ гистологіи, анатоміи и физіологіи лимфатическихъ сердецъ. Приложеніе № 1 къ L т. Записокъ Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1884.

7. *П. Митрофановъ.* О природѣ периферическихъ нервныхъ окончаній. Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1888, № 4.

8. *Bremer.* Ueber die Muskelspindeln nebst Bemerkungen über Structur, Neubildung und Innervation der quergestreiften Muskelfasern. Archiv. für mikr. Anatomie. Bd. XXII, 1883. S. 318—356; Taf. XII, XIII.

9. *S. Trinchese.* Comment les fibres musculaires en voie de développement s'unissent aux fibres nerveuses. Archives italiennes de Biologie 1886, t. VII, p. 376.

10. *П. Митрофановъ.* Къ вопросу о периферическихъ нервныхъ окончаніяхъ. Извѣстія Имп. Общ. Любит. Ест. въ Москвѣ, т. L, вып. 2.

11. *Онъ-же.* Объ органахъ шестаго чувства у амфибій. Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1888. №№ 1—3.

12. *His.* Die Entwickelung der ersten Nervenbahnen beim menschlichen Embryo. Archiv für Anat. u. Phys. Anat. Abth. 1887, VI Hf.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

Triton taeniatus (рис. 1—6).

Рис. 1. Личинка на 13-й день развитія. Смѣсь Флеммінга, водная синь; канад. бальз. Характеръ нервнаго сплетенія предъ иннерваціей musculi submaxillaris. *m* — мускульные пучки; *n* — нервныя волокна; *a* — анастомозирующія ихъ вѣтви; *b* — ядра оболочки Шванна; *d* — мускульныя ядра; *f* — нервныя окончанія.

Рис. 2—6. Различныя формы развивающихся двигательныхъ нервныхъ окончаній изъ m. submax. личинки на 25-й день развитія. $AuCl_3$, ac. ac., глицеринъ. Camera lucida; Zeiss, водная иммерзіонная система № 2. *m* — мускульные пучки; *n* — нервныя волокна; *b* — мускульныя ядра.

Siredon pisciformis (рис. 7—10), larva на 26-й день развитія. $AuCl_3$, ac. ac , глицеринъ. *m* — мышцы; *n* — нервы.

Рис. 7. Общая картина иннерваціи m. submax. Camera lucida, Hartn. объективъ № 7; подробности съ водными и гомогенными иммерзіями. Количество мышечныхъ ядеръ меньше, чѣмъ въ дѣйствительности.

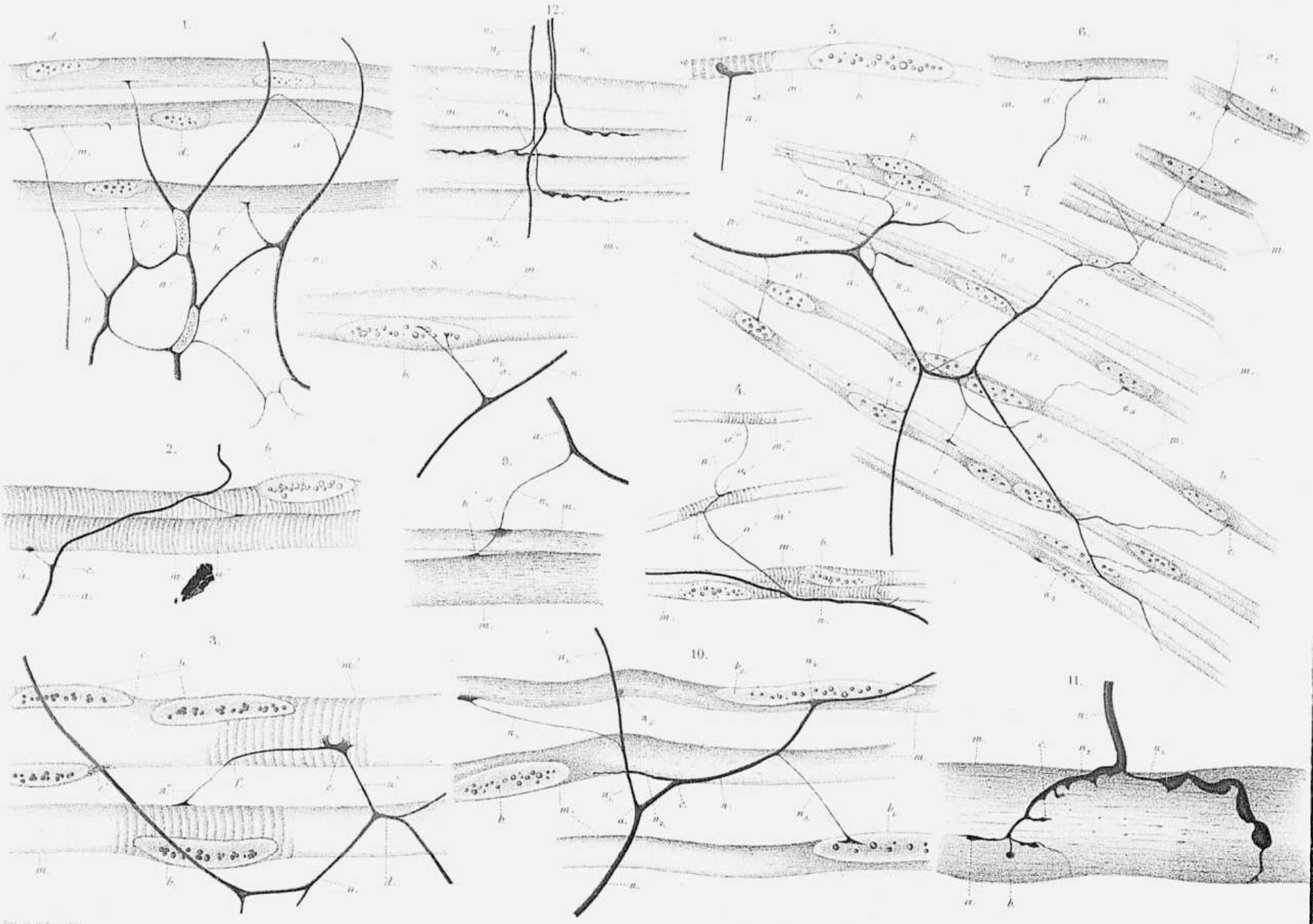
Рис. 8—10. Различныя формы развивающихся двигательныхъ нервныхъ окончаній. Cam. lucida; Zeiss, водная иммерзіонная система № 2.

Рис. 11. Нервное окончаніе изъ musculi submaxillaris взрослаго тритона (*Triton cristatus*). Cam. luc.; Zeiss, води. имм. № 2. *m* — мускульный пучекъ; *n* — нервъ; *b* — мускульное ядро;

n_1, n_2 — вѣтви раздвоеннаго нервнаго конца; a, c — позднѣйшія на нихъ осложненія.

Рис. 12. *Rana esculenta*, juv. (тотчасъ по превращеніи). Иннервація части musc. submaxillaris послѣ физіологической окраски водной синью. m — мускульные пучки; n, n_1—n_4 — нервныя волокна и ихъ окончанія.

Объясненіе неуказанныхъ обозначеній въ текстѣ.



Lith. W. Glowczewski Warszwa

Томъ XV	кн. 1. . 1 р. 50 к. » 2. . 1 » 10 »	2 р. 60 к.
» XVI	» 1. . 1 » 75 » » 2. . 2 » 30 »	4 » 5 »
» XVII	» 1. . 2 » 50 » » 2 . 2 » 40 »	4 » 90 »
» XVIII	» 1. . 2 » — » » 2. . — » 80 »	2 » 80 »
» XIX	» 1. . 1 » 30 » » 2. . 2 » 20 »	3 » 50 »
» XX	» 1. . 1 » 60 » » 2. . 1 » 70 »	3 » 30 »
» XXI	» 1. . 1 » 95 » » 2. . 1 » 5 »	3 » — »
» XXII	» 1. . 1 » 30 » » 2. . 1 » 45 »	2 » 75 »
» XXIII	» 1. . 1 » 35 » » 2. . 3 » 40 »	4 » 75 »
» XXIV	» 1. . 2 » 45 » » 2. . 1 » 35 »	3 » 80 »
» XXV	» 1. . — » 90 » » 2. . 1 » 95 »	2 » 85 »
» XXVI	» 1. . 3 » 65 » » 2. . — » 45 »	4 » 10 »
» XXVII	» 1. . 2 » 70 » » 2. . 1 » 30 »	4 » — »
» XXVIII	» 1 . 1 » 75 » » 2. . 1 » 50 »	3 » 25 »
» XXIX	» 1. . 1 » 70 » » 2. . 2 » — »	3 » 70 »
» XXX	» 1. . 1 » 75 » » 2. . 1 » 75 »	3 » 50 »
» XXXI	» 1. . 1 » 90 » » 2 . 1 » 90 »	3 » 80 »
» XXXII	» 1. . 2 » 20 » » 2. . — » 85 »	3 » 5 »
» XXXIII	»	3 » 35 »
» XXXIV	» 1. . — » 95 » » 2. . 1 » 15 »	2 » 10 »
» XXXV	» 1. . 3 » 20 » » 2. . — » 90 »	4 » 10 »
Томъ XXXVI	кн. 1. . 3 р. 25 к. » 2. . 1 » 70 »	4 р. 95 к.
» XXXVII	» 1. . 2 » 55 » » 2. . 1 » 95 »	4 » 50 »
» XXXVIII	» 1. . 2 » 75 » » 2. . — » 70 »	3 » 45 »
» XXXIX	» 1. . 1 » 70 » » 2. . 2 » — »	3 » 70 »
» XL	» 1. . 1 » 65 » » 2. . 2 » 10 »	3 » 75 »
» XLI	» 1. . 2 » 30 » » 2. . 2 » 5 »	4 » 35 »
» XLII	.....	2 » 75 »
» XLIII	.....	2 » 85 »
» XLIV	.....	3 » 10 »
» XLV	.....	3 » 25 »
» XLVI	.....	4 » 20 »
» XLVII	кн. 1. . 1 р. 60 к. » 2. . 1 » 35 »	2 » 95 »
» XLVIII	» 1. . 1 » 85 » » 2. . 1 » 45 »	3 » 30 »
» XLIX	.....	4 » 20 »
» L	кн. 1. . 1 р. 5 к. » 2. . 2 » 80 »	3 » 85 »
» LI	» 1. . 1 » 20 » » 2. . 2 » 10 »	3 » 30 »
» LII	» 1. . 1 » 25 » » 2. . 2 » 5 »	3 » 30 »
» LIII	» 1. . 2 » 5 » » 2. . 1 » 60 »	3 » 65 »
» LIV	.....	4 » 20 »
» LV	кн. 1. . 1 р. 55 к. » 2. . 1 » 70 »	3 » 25 »
» LVI	» 1. . 2 » 20 » » 2. . 2 » 10 »	4 » 30 »
» LVII	.....	4 » 40 »
» LVIII	.....	5 » 10 »
» LIX	кн. 1. . 3 р. — » » 2. . 4 » — »	7 » — »

Вышла и поступила въ продажу книга:

ЗАПИСКИ

ІОСИФА МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО

ИЗДАННЫЯ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ

ПО ЗАВѢЩАНІЮ АВТОРА.

Въ 3-хъ томахъ, въ 8^0 долю листа, съ приложеніемъ трехъ фототипическихъ портретовъ Митрополита Іосифа. Цѣна за три тома **12** рублей.

Продается въ Комитетѣ Правленія Академіи Наукъ (Васильевскій Островъ, противъ Университета) ежедневно отъ 11 до 3-хъ часовъ, кромѣ праздничныхъ и табельныхъ дней.

Книгопродавцы при покупкѣ на наличныя деньги пользуются 25% уступки.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1889 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9-я лин., № 12.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА

ЗЕМЛЕТВОРСТИ, ПРИЛЕГАЮЩЕЙ КЪ

СИБИРСКОМУ ПОЧТОВОМУ ТРАКТУ

ОТЪ ОЗЕРА БАЙКАЛА ДО Р. ОБИ,

А ТАКЖЕ НЪ ДОРОГАМЪ ВЪ Г. МИНУСИНСКЪ И ПАДУНСКОМУ ПОРОГУ НА АНГАРЪ.

Сост: И. ЧЕРСКІЙ.

GEOLOGISCHE KARTE

DER GROSSEN SIBIRISCHEN POSTSTRASSE

VOM BAIKAL BIS ZUM FL. OB, NEBST DEN WEGEN ZUR

PADUN-STROMSCHNELLE AN DEN ANGARA UND ZUR STADT MINUSSINSK.

von J. TSCHERSKY.

1886.

Фиг. 1

Фиг. 2

Фиг. 3

Фиг. 4

Фиг. 5

Фиг. 6

Фиг. 7

Фиг. 8

Фиг. 9

Фиг. 10

A

S

S

D

D

J

N

Q

СѢВЕРОЗАПАДНАЯ ПЛОСКАЯ ВОЗВЫШЕННОСТЬ ВОСТОЧНОЙ АЗІИ.

Nordwestliche Flache Erhebung von Ost Asien.